

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

А
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 2000 ГОД

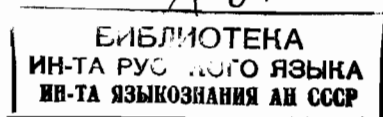
Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
«НАУКА»
2001

УДК 930
ББК 63.2
А 87

8(17)
А-87

90587
Ответственный редактор

академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, Б.Г. ЛИТВАК, Р.Г. ПИХОЯ,
Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ

Рецензент

доктор исторических наук В.А. МУРАВЬЕВ

Археографический ежегодник за 2000 год. – М.: Наука, 2001. – 508 с.
ISBN 5-02-008728-9

Ежегодник содержит материалы по археографии, архивоведению, источниковедению, историографии отечественной истории. Публикуются статьи об изучении исторических документов с XV–XVII вв. (о Лицевом летописном своде, монастырских описях и актах, о записях на старопечатных книгах и др.) и до наших дней; материалы о памятниках зарубежной истории в российских архивах, о развитии за рубежом генеалогии, создании электронных баз данных филигранных, о развитии археографии в Белоруссии, материал о декабристах, об изучении Великой Отечественной войны, обзор журнала “Исторический архив” за 40 лет и др. Комплекс статей посвящен выдающимся российским историкам М.М. Богословскому, А.Е. Преснякову, С.Н. Валку. Помещены также библиографические списки, рецензии и хроникальные заметки.

Для научных работников, сотрудников архивов и музеев, краеведов, преподавателей и студентов.

ТП-2001-1-№ 7
ISBN 5-02-008728-9

© Издательство “Наука”, 2001
© Российская академия наук
и издательство “Наука”,
серия “Археографический ежегодник”
(разработка, оформление),
1957 (год основания), 2001

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С.В. Мироненко

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К 175-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Восстание декабристов навсегда вошло в историю России. Изучению тайных обществ, самого феномена “декабризма”, восстания 14 декабря 1825 г. и выступления Черниговского пехотного полка посвящены тысячи исследований. Кажется бы, все уже изучено и определено.

Но полемика вокруг декабристов и их исторического наследия, начавшаяся сразу после суда и приговора, не затихает до сих пор. Кто они, эти люди, выведенные на Сенатскую площадь взбунтовавшиеся гвардейские части? “Рыцари, кованные из чистой стали”, как писал о них А.И. Герцен, или “преступники и мятежники”, как говорилось в донесении Следственной комиссии? Были ли декабристы “первенцами свободы”, как стали их называть в начале XX в. с легкой руки Д.С. Мережковского, или они предтечи большевизма, которые, как писал В.И. Ленин, впервые показали самодержавию, что в России существует революционное движение? Прав или не прав великий В.О. Ключевский, назвавший декабристов “исторической случайностью, обросшей литературой”? Эти и многие подобные вопросы продолжают волновать историков и сегодня, заставляя вновь и вновь возвращаться к давно минувшим временам и событиям.

Нынешний юбилей восстания декабристов не стал таким заметным событием в жизни страны, как, скажем, это было в 1925 г., не ознаменовался выходом фундаментальных исследований и возобновлением документальных изданий, как в 1950 г., не принес столь ощутимого всплеска научного и общественного интереса к декабристам, как это случилось в 1975 г. Но он ясно показал, что декабристская тема не умерла ни в общественном сознании, ни в отечественной историографии. Появился ряд интересных исследований молодых историков, смело заявивших о себе. В Санкт-Петербурге состоялась двухдневная международная научная конференция, посвященная судьбам российского либерализма, начавшего свой отчет от первых тайных обществ декабристов. Несколько юбилейных конференций прошло в Сибири. Журналисты откликнулись на юбилей острополюемическими статьями. По телевидению был показан трехсерийный документальный фильм о декабристах “Мятеж реформаторов” (режиссер Е.Л. Якович). Свой вклад в юбилейные мероприятия внес и Государственный архив Российской Федерации.

24 ноября 2000 г. в Выставочном зале федеральных архивов (Б. Пироговская ул., 17) была открыта выставка “Россия. Выбор пути (к 175-летию восстания декабристов)”, подготовленная сотрудниками архива совместно с крупнейшими архивами и музеями страны при поддержке Института “Открытое общество” (Фонд Сороса). Основу экспозиции составили коллекции Государственного архива РФ и Государственного Исторического музея. Впервые в экспозиции были широко представлены уникальные архивные материалы, составляющие основу сов-

ременных представлений о декабристах и их времени. Это прежде всего материалы следствия о событиях 14 декабря в Петербурге и выступлении Черниговского полка на Украине. Среди них программные документы движения – “Русская правда” П.И. Пестеля и “Конституция” Н.М. Муравьева, собственноручные показания декабристов, записи очных ставок. Здесь же представлены рукописи воспоминаний декабристов, их сочинения, написанные ими позднее в Сибири, “стране изгнания”, как они ее называли.

Авторы выставки стремились дать по возможности объективную картину событий и явлений, лишённую идеологических и политических пристрастий и предпочтений. Вот почему наряду с документами декабристов на выставке были представлены и документы, вышедшие из лагеря их противников, в частности, знаменитый конституционный проект переустройства России, который был подготовлен в Варшаве ближайшим сподвижником Александра I с юношеских лет Н.Н. Новосильцевым. На выставке зрители могли убедиться насколько широким было поле российской политической жизни первой четверти XIX в., реально представить себе, что вечные проблемы русской общественной жизни – как должна быть устроена верховная власть и каким должен быть экономический строй страны – одновременно занимали умы и декабристов, и правительства. Казалось, что они должны были бы идти вместе. Однако правительство боялось открыто заявить о своем намерении реформировать основы государства, а общество, ничего не зная о задуманных реформах, создавало тайные организации. В итоге это привело к открытому столкновению. Путем восстания декабристы попытались добиться конституционного ограничения самодержавной власти и ликвидации крепостного права. История засвидетельствовала их неудачу. Еще ранее, наглядно убедившись в отсутствии поддержки реформирования России среди тех, кто реально управлял страной, от своих планов отказался Александр I.

Представленные на выставке документы показывают, что некоторые из реформаторских идей декабристов, как ни странно, оказались востребованными почти сразу после поражения восстания. Свод показаний декабристов, критиковавших пороки современного им государственного устройства, по свидетельству современников, лежал на рабочем столе Николая I. Их предложения по реформированию отдельных отраслей управления были положены в основу ряда частных реформ. Наконец, как видно, например, из демонстрирующейся на выставке переписки декабриста Е.П. Оболенского и одного из главных деятелей крестьянской реформы 1861 г. Я.И. Ростовцева, они оказали самое непосредственное влияние на подготовку отмены крепостного права в России. И уж, конечно, нельзя отрицать их мощного воздействия на формирование мировоззрения последующих поколений борцов с самовластьем.

Государственный Исторический музей и Государственный Эрмитаж показали на выставке мундиры полков, принимавших участие в восстании на Сенатской площади и в его подавлении, а также мундир петербургского генерал-губернатора М.А. Милорадовича, в котором он был смертельно ранен 14 декабря 1825 г., огнестрельное и холодное оружие. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина представил замечательные акварели декабриста Н.А. Бестужева, создавшего в Сибири портретную галерею своих “союзников” (из коллекции И.С. Зильберштейна, переданной им в дар Музею личных коллекций), Научная библиотека МГУ – книги из библиотеки Н.М. Муравьева. В целом, сочетание архивных материалов, в том числе выставляемых впервые, с музейными экспонатами и книгами дало посетителям выставки прекрасную возможность познакомиться с одной из самых интересных страниц отечественной истории.

В день юбилея восстания декабристов, 26 декабря 2000 г., по инициативе ГАРФ и при содействии Российского общества историков-архивистов был проведен однодневный научный семинар “Декабристы. 175 лет спустя (итоги и перспективы изучения движения декабристов)”. Семинар прошел в помещении Выста-

вочного зала, среди посвященной декабристам экспозиции. Поскольку незадолго до того состоялась конференция в Петербурге, на которой декабризм обсуждался как отправная точка развития либеральных идей в России, то чтобы не повторяться, московский семинар было задумано провести в ином ключе. Предполагался сугубо профессиональный разговор о состоянии современных декабристских исследований. Это определило и состав приглашенных. Специалистов, занимающихся этой тематикой, немного, они работают в традиционных для декабристского ведения центрах – Петербурге, Москве, Иркутске, Чите, других сибирских городах, и сейчас ощущают недостаток в научных контактах. Так что на семинар было решено позвать коллег из Сибири и Петербурга, ограничиться небольшим числом участников и постараться создать условия для дискуссии и широкого обмена мнениями. Чтобы на обсуждение хватило времени, докладов запланировали немного, но на такие темы, которые были бы ключевыми для нынешних исследований и послужили отправной точкой для разговора. На семинар собралось более 30 человек. Заседание началось с доклада С.О. Шмидта. Директор Иркутского музея декабристов Е.А. Ячменев рассказал о работе музея, о роли, которую сибирские декабристские мемориальные музеи играют в культурной жизни региона. М.М. Сафонов в своем выступлении высказал оригинальный взгляд на подоплеку междоусобицы 1825 г. и сопровождавшую его дворцовую интригу. Доклад вызвал оживленную дискуссию среди собравшихся. Представители молодого поколения исследователей привнесли в круг обсуждаемых вопросов проблемы возможностей количественных методик исследования при работе с декабристскими материалами. О.В. Эдельман применяла эти методики к изучению истории следствия, а содокладчики Н.В. Самовер и К.Г. Боленко – суда над декабристами. Основное впечатление, которое осталось от семинара – декабристское ведение живо, развивается, привлекает новые имена.

Под грифом ГАРФ возобновилось издание томов документальной серии “Восстание декабристов”, прерванной в середине 1980-х годов. Вышел из печати т. XIX, продолжающий публикации следственных дел декабристов, которые не были преданы Верховному уголовному суду. Этот том в основном был подготовлен еще при жизни М.В. Нечкиной сотрудницей архива К.Г. Ляшенко и обсуждался Научным советом Института истории, но издан не был. Теперь работа К.Г. Ляшенко (при участии О.В. Эдельман и М.В. Тихоновой) над томом была возобновлена, и он наконец опубликован. В него включены 24 следственных дела членов Южного общества и Общества соединенных славян, в которых содержатся сведения о 32 участниках тайных обществ. Эти дела отложились в фонде Следственной комиссии и Верховного уголовного суда в ГАРФ (Ф. 48). Здесь же опубликованы дела тех, чья вина в ходе следствия не была полностью установлена, а об их участии в деятельности тайного общества было известно лишь декабристам, принявшим их в общество. В показаниях этих, на первый взгляд, второстепенных членов тайных обществ, содержится множество ценнейших сведений о программных, организационных и тактических сторонах деятельности обществ. Среди публикуемых дел членов Южного общества – дело командира Витебского полка И.Н. Хотяинцева, содержащее показание П.И. Пестеля, в котором особенно четко сформулирована идея о революционном характере Союза благоденствия: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и не переставало никогда быть таковым ... Содержание “Зеленой книги” Союза благоденствия было не что иное, как пустой отвод от настоящей цели на случай открытия общества и для первоначального показания вступающим членам».

В следственных делах П.М. Лемана, Е.Е. Лачинова и майора 36-го егерского полка А. Мартынова содержатся сведения о принятых членами Южного общества мерах по сохранению бумаг П.И. Пестеля. Выясняется, что зашитые в полотно с надписью “логарифмы” бумаги были оставлены у него под видом “собствен-

ных книг” Н.А. Крюковым 2-м, а затем взяты Н.Ф. Заикиным, посланным за ними Тульчинской управой после известия о смерти Александра I.

Отдельно следует выделить дела о лицах, которых руководители Южного общества собирались использовать в качестве командиров войсковых подразделений во время будущего открытого выступления: о штабс-ротмистре гусарского принца Оранского полка И.П. Жукове, ротмистров Ахтырского гусарского полка Е.Е. Франка и Н.Н. Семичева, подпоручика 17-го егерского полка А.Ф. Вадковского, подполковника конной артиллерии А.Н. Фролова 4-го.

В том включено также следственное дело французского эмигранта, отставного полковника на русской службе И.И. Полиньяка, характеризующее попытки установления Южным обществом связи с тайными обществами Франции.

Во втором разделе тома публикуются следственные дела членов Общества соединенных славян: поручика Полтавского полка Я.А. Драгоманова, юнкера Саратовского полка В.И. Шеколлы, поручика 9-й артиллерийской бригады Н.И. Тиханова, в делах содержатся разнообразные сведения о деятельности Общества. Почти во всех делах имеются показания лидеров движения П.И. Пестеля, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина, А.П. Бяргинского, А.И. Борисова и др.

Поскольку т. XIX завершает публикацию дел членов Южного общества и Общества соединенных славян в серии “Восстание декабристов”, он снабжен документальным приложением. В него вошли созданные в процессе следствия над декабристами дела о тайных обществах, которые могли быть связаны с Южным: о тайном обществе в войсках Кавказского корпуса и дело В.Л. Лукашевича, которого подозревали как члена Малороссийского тайного общества. Кроме того, при возобновлении работы над томом состав приложений было решено расширить и включить в них несколько дел, тесно связанных с уже опубликованными в “Восстании декабристов” делами членов Южного и Славянского обществ. Это следственные дела денщика П.И. Пестеля С.Ф. Савенко, купца-еврея Д.М. Лошака, которого подозревали в конспиративных связях с П.И. Пестелем, дело фейерверкеров 8-й артиллерийской бригады И.Л. Гончарова и И.С. Фадеева, которых пытались агитировать члены Общества соединенных славян, дело об изъятом почтой письме А.Ф. Бригена к С.П. Трубецкому, а также дело о том, что С.Г. Волконский рассказывал о болезни и смерти Александра I до получения официальных известий. Последнее дело особенно ценно тем, что содержит подлинники писем С.Г. Волконского к начальнику штаба 2-й армии П.Д. Киселеву периода междуцарствия. Письма помогают понять настроения Волконского в те дни, его позицию по отношению к планам восстания, обсуждавшимся его товарищами по тайному обществу.

Сейчас ведется работа над XXI томом “Восстания декабристов”. Он содержит ранее не публиковавшиеся документы Следственного комитета по делу декабристов, касающиеся восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Это показания участников и очевидцев событий, существенно дополняющие корпус известных источников, уточняющие ряд эпизодов восстания, обрисовывающие обстановку в городе и в гвардейских полках накануне и в день восстания. В том включены и документы о первых арестах декабристов и действиях властей непосредственно после восстания. Особенно интересны следственные дела, касающиеся обстоятельств арестов Н.А. Бестужева и М.А. Бестужева.

Следственные дела, входящие в XXI том, представляют немалый интерес тем, что позволяют увидеть периферию, фон восстания на Сенатской площади. Это обстановка в городе и в войсках гвардии, поведение малозамешанных в тайных обществах или случайно оказавшихся участниками восстания офицеров, их оценка происшедшего. Документы освещают не только события в восставших полках лейб-гвардии Московском, Гренадерском и Гвардейском экипаже, но и в других полках лейб-гвардии – Измайловском, Уланском. Многие публикуемые

дела содержат показания руководителей Северного общества – братьев Бестужевых, Е.П. Оболенского, С.П. Трубецкого, К.Ф. Рылеева и др.

Продолжая традицию, начатую публикацией материалов о выступлении Черниговского полка в серии “Восстание декабристов”, XXI том включает, помимо материалов Следственного комитета по делу декабристов, также и неопубликованные документы РГВИА о восстании на Сенатской площади. В первую очередь надо назвать показания рядовых солдат, записанные в полковых следственных комиссиях, дело об аресте Н.А. Бестужева.

В будущем Государственный архив РФ намерен продолжить подготовку томов серии “Восстание декабристов”. Запланировано издать еще несколько томов, которые должны наконец завершить эту уникальную многотомную пофондовую публикацию, начатую еще к 100-летию восстания декабристов. В следующие тома войдут следственные дела членов польских тайных обществ, документы об имущественном положении декабристов, бумаги П.И. Пестеля и другие материалы. Встает вопрос и о переиздании в рамках серии основных программных документов декабристских тайных обществ, а также материалов, связанных с доносами на декабристов, публиковавшимися не полностью, давно и рассеянными по множеству изданий, часть которых давно стала библиографической редкостью. Завершит серию справочный том. В него будут включены опись фонда 48, указатели ко всем томам “Восстания декабристов”.

С.О. Шмидт

ДЕКАБРИСТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЛЮДЕЙ РУБЕЖА XX И XXI СТОЛЕТИЙ

Юбилейное заседание подразумевает и обращение мыслью к прошлому, и оценку этого прошлого с наших современных позиций. Историческое значение явления прошлого, запечатленного в памяти (особенно в массовом сознании), определяется не только восприятием его современниками тех лет, степенью воздействия на них, но и влиянием на последующие поколения, последствиями его. Ученые, изучающие события по прошествии времени, учитывают оба эти обстоятельства. В отличие от современников, они могут оказаться иногда и более осведомленными о подробностях происходившего и взаимосвязи их: особенно если первичным основным историческим источником была официальная информация судебных органов, когда и обвиняемые, и обвинители не склонны были (да и не имели в отведенное для следствия и суда время возможности) к воссозданию действительно полной и объективной картины события и к публичному оповещению об этом.

Декабристы, их жизнь и деятельность и значение этого в отечественной истории и культуре – тема, привлекавшая внимание и ученых (историков, литературоведов) и публицистов, общественных деятелей. Образ поведения декабристов и лиц их круга побуждал к творчеству и в сферах художественной литературы, искусств. Библиографии изданной в России многообразной литературы (с включением данных о документальных публикациях) выходили отдельными книгами. Значителен объем и написанного эмигрантами после 1917 г. Вообще, историографическая традиция “декабристоведения” началась в большей степени в среде политэмигрантов еще времени Николая I. Тогда же отчетливо выявилось противостояние взглядов официозных, навязываемых в России на самой вершине власти, и публикуемого в эмиграции (сочинения Н.И. Тургенева, издания и сочинения А.И. Герцена). Пожалуй, с этой именно темы утверждается свойственное российской общественно-исторической мысли противостояние в характеристике явлений современной (а затем и прежней) истории в отечественных изданиях и за пределами России. Начало положено было еще “Историей о великом князе Московском” Курбского, написанной эмигрантом в Польско-Литовском государстве и распространенной в списках позднее и в Российском государстве; в годы сталинизма подобную же задачу поставил перед собой Троцкий.

“Декабристы” – уже полтора столетия заметная тема и российской археографии, начиная с зарубежных изданий Герцена (это – едва ли не главная часть его собственно археографического наследия), и журналов, основанных в Москве П.И. Бартеневым (“Русский архив”) и в Петербурге М.И. Семевским (“Русская старина”). Воспоминания декабристов – важная часть мемуарного наследия XIX в.; публикация и изучение их существенно способствовали разработке методики источниковедения мемуарной литературы. Основатель нашей Археографической комиссии М.Н. Тихомиров в первой же книге Археографического ежегодника (за 1957 год) счел нужным поместить статью И.А. Мироновой “Записки И.Д. Якушкина о движении декабристов”. В АЕ за 1975 год (год 150-летия восстания декабристов) в разделе “Тихомировские чтения” напечатан доклад Р.Г. Эймонтовой “Источники по истории декабристов в советских изданиях”. В той или

иной мере тема “Декабристы” отражена и в других материалах ежегодников, причем не только собственно исторической, но и историографической тематики (о деятельности М.В. Нечкиной в области археографии и источниковедения в АЕ за 1971 год, о творчестве ленинградского историка А.Н. Шебунина в АЕ за 1999 год и др.).

Первоначально к “декабристам” относили только участников восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге и осужденных в 1826 г. участников тайных обществ. Их считали “заговорщиками”, и показательно, что в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона при слове “Декабристы” (в томе 10) отсылка: см. “Заговор декабристов”. Статья под таким заголовком помещена в 23 томе, изданном в 1894 г. Затем “декабристами” стали называть лиц, привлеченных к следствию по делу о тайных обществах: появились выражения “декабристы без декабря”, “декабристки” (статья под таким заголовком о женах осужденных на каторгу декабристов, добровольно последовавших за мужьями в Сибирь, есть в Советской исторической энциклопедии), “декабризм”.

И осужденные в 1826 г., и “декабристы без декабря” постоянно фигурируют в многообразной литературе о Пушкине, ибо “декабризм” – это и “пушкинская эпоха”: и то, и другое определения уместны для обозначения умонастроений аристократической молодежи тех лет. И начинать эту “эпоху” следует, по крайней мере, с середины 1810-х годов. Потому, приурочив наше заседание именно к декабрю 2000 г., в названии отмечено, что это – годовщина “выступления” декабристов – публичного выступления в Петербурге с привлечением гвардейских воинских частей. Ибо история декабристов – это их жизнь и деятельность и до 1825–1826 гг. (даже до 1816 г. – времени образования “Союза спасения”), и в последующие годы после приговора 1826 г.

Декабристоведение зачиналось еще при жизни декабристов: стараниями и самих декабристов (в ходе следствия, как в развернутом мемуаре Никиты Муравьева, и особенно в их записках и воспоминаниях позднего времени) и высокопоставленных чиновников, близких к лицам, причастным к суду над “злоумышленниками”. Рано возникли и устные предания, облачаемые нередко в письменную форму – на них воспитывалась молодежь поколения Герцена.

В связи со столетием событий декабря 1825 г. были подготовлены книги по историографии декабристов. К обзору все возрастающей литературы о декабристах возвращались и в последующие годы. Об основных направлениях литературы недавних лет узнаем из статьи А.Н. Цамутали “Декабристы и освободительное движение в России: некоторые вопросы историографии” в альманахе “14 декабря 1825 г.: источники, исследования, историография, библиография” (СПб., 1997. Вып. 1) и из ряда других работ. В том же издании, где помещена статья Цамутали, имеется богатая информацией статья С.Е. Эрлиха “Публикация письменного наследия декабристов и лиц, привлеченных к следствию по делу о тайных обществах (1803–1892)”.

Однако в должной мере еще не охарактеризовано значение трудов по тематике “декабристоведение” для развития методики источниковедения и археографии, а также для изучения вопросов истории архивного дела, истории делопроизводства и государственных учреждений (в этом плане особенно интересна статья О.В. Эдельман об организации деятельности Следственного комитета по делу декабристов – во втором выпуске того же издания “14 декабря 1825 г.”). А ведь это существенно способствовало совершенствованию приемов выявления, описания, публикации, использования многих разновидностей исторических источников (переписки, мемуаров, публицистики, документов делопроизводства XIX в.) и сопоставительного их изучения. Все это становится особенно явственным при сравнении публикаций мемуаров в XIX в. и мемуаров и писем в недавних изданиях академического типа, или же в публикациях списков декабристов – прежних и подготовленного С.В. Мироненко биографического справочника “Декабристы” (М., 1988).

Сопоставительное рассмотрение документальных публикаций и многообразной литературы по декабристоведению могло бы стать общей темой работы нескольких кафедр Историко-архивного института РГГУ (и прежде всего – семинарских занятий), важной не только для обучения студентов, но и для расширения научных знаний.

Самостоятельное значение имеет и рассмотрение декабристоведения в плане историографии и истории общественно-политического сознания. Его воздействие (иногда может быть даже не осознаваемое полностью самими авторами) на историческую мысль неизменно прослеживается. Особенно заметно это в литературе к юбилейным датам, и прежде всего в научно-популярной и в журнально-газетной публицистике, отражающей сиюминутную политическую конъюнктуру и зависимость или идеологическую ангажированность изданий. В такой работе помогло бы использование методики А.И. Володина, изучившего под этим углом зрения написанное о Герцене к 100-летию со дня рождения (статья «Юбилей А.И. Герцена 1912 г. и статья В.И. Ленина “Памяти Герцена”» напечатана в томе 67 “Исторических записок”).

Не отмечено и то, что занятия декабристской тематикой, также как и изучение всего, что связано с Пушкиным и лицами его круга, позволило ученым основательно изучать историю российской аристократии, а также генеалогию дворянства второй половины александровского царствования, и потому история верхов дворянства этих лет (как и стиля “ампир” в искусстве) исследована по архивным и музейным памятникам и освещена в литературе гораздо более детально, чем за предыдущие и последующие десятилетия. Этот опыт важен не только для интересующихся генеалогией. Некоторые возможные подходы к занятиям подобной тематикой отмечены в моей статье “Пушкин и архивы” (см.: сборник докладов научно-практической конференции “Пушкинские материалы в архивах России”. М., 1999. С. 9–20). Подход к сделанному в области декабристоведения и под таким методико-историографическим углом зрения, хочется думать, найдет отражение в трудах историографов нового столетия. Тем более что это существенно облегчается информацией в статьях С.Е. Эрлиха и других авторов во втором и третьем выпусках альманаха “14 декабря 1825 года” (СПб.; Кишинев, 2000).

Осмеливаюсь поделиться соображениями в плане проблематики “Представление о декабристах и изучении этой темы на рубеже XX и XXI веков”, хотя и не являюсь специалистом в области декабристоведения. Это – соображения ученого, предметом занятий которого были и общие вопросы отечественной истории, и развития исторической мысли, и биографии великих современников декабристов – Карамзина, Жуковского, Пушкина. Если что-то может совпадать с суждениями, сформулированными другими авторами, заранее благодарю за указания такого рода и постараюсь сделать их гласными.

Декабристы (их образ мысли и поведение, события на Сенатской площади) уже к середине XIX в. воспринимались как знаковые явления, причем это обычно однозначные символы: преступники-бунтовщики против власти, “данной от Бога” (в книге Корфа) или прежде всего “первенцы свободы” – идеальные “революционеры” (как старались истолковать Герцена). Такой однозначности понимания способствовало и то, что источниковая база темы длительное время оставалась крайне бедной – ее можно было использовать для прямолинейных политологических рассуждений, но не собственно исторических. Более основательно стало возможным рассуждать о декабристах не ранее 1860-х годов, когда появились работы А.Н. Пыпина и других, характеризовавшиеся в советские годы как “либеральная легенда” (корни ее усматривают в сочинениях декабриста Н.И. Тургенева). Л.Н. Толстой уже с начала 1860-х годов работает над романом “Декабристы”, оставшимся незавершенным, но приблизившим автора к теме эпопеи “Война и мир”. Некрасов создает поэму “Дедушка” и цикл поэм “Русские женщины”. Публикация воспоминаний декабристов и о них позволила рассматри-

вать эти явления в контексте и художественной литературы их времени – прежде всего “Горя от ума” Грибоедова и пушкинского “Евгения Онегина”. “Декабристы” – из тех исторических явлений, на формирование представлений о которых в широкой общественной среде художественная литература оказала, пожалуй, большее воздействие, чем труды историков (то же наблюдаем и по отношению к “пугачевщине”). Тем более что для декабристов изначально историческими источниками были и литературные произведения – и самих декабристов, и их современников. При этом к “литературному творчеству” для первой половины XIX в. можно относить не только памятники художественной литературы (этим критерием руководствовались и составители биографического словаря “Русские писатели. 1800–1917”, первый том которого издан в 1989 г.).

В литературе о становлении декабристов, формировании их убеждений, справедливо указывают на влияние Отечественной войны 1812 г. и впечатлений времени заграничных походов, но недостаточно уделяют внимания взаимосвязям с явлениями отечественной истории последней четверти XVIII в. и начала XIX в. И вообще декабризм более рассматривается в связи с будущим России, чем с ее прошлым. Тогда как и в мыслях и в действиях декабристов отразилось восприятие не только Французской революции, победы над наполеоновской Францией и роли России в этом, но и изменений в общественном самосознании и мироощущении аристократической среды России недавних десятилетий.

Декабристы возрастали в обстановке реализации прав, дарованных Манифестом о вольности дворянства 1762 г. и закрепленных Жалованной грамотой дворянству 1785 г. (показательно, что именно в это время создаются в имениях усадебно-парковые ансамбли для длительного проживания главы семейства с домочадцами!), и победоносного утверждения России в ранге великой европейской державы. Это – и время литературно-философских мечтаний нравственной направленности и убеждения в том, что “история прошлого есть поучение будущему” (как формулировал Герцен, характеризуя Карамзина-историка). Старший современник Карамзина Гёте утверждал: “Лучшее, что дает нам история, это – возбуждаемый ею энтузиазм”. Декабристы воспитаны на чтении плутарховых биографий (о чем сведения в следственных делах не одного декабриста) и в размышлениях о зарубежной истории последних столетий и особенно десятилетий. Но для конца XVIII – начала XIX в. характерен и подъем историко-патриотического сознания, интереса к прошлому своего Отечества. Это нашло отражение и в организации (при участии самой Екатерины II) системы воспитания отечественной историей и в учебной литературе, и в нацеленных на восприятие широкой публики произведениях художественной литературы, искусства, в создании множества медалей исторической тематики (рассчитанных уже и на ознакомление иностранцев). Да и культ античных героев способствовал не только формированию представлений о чести, личном достоинстве, даже манере поведения (причем с самых юных лет – так Никита Муравьев в детстве не считал возможным танцевать, объясняя матери: “...разве Аристид и Катон танцевали?”), но и понятий о долге благородного россиянина – следовательно, и представлений о российском патриотизме.

После работ Ю.М. Лотмана очевидно, что образованные аристократы той поры старались в жизни походить на облюбованных ими литературных героев – (“москвич в гарольдовом плаще”, как пушкинский Онегин), или на исторические персонажи, и скорбели, если реальная действительность не допускала этого. Напомним опять пушкинское ощущение в стихотворении 1817–1820 гг. “К портрету Чаадаева”: “Рожден в оковах службы царской / Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес / А здесь он – офицер гусарский”.

Ознакомившись воочию с результатами исторического развития стран Западной Европы (прежде всего в заграничных походах), будущие декабристы склонны были приложить свои знания и наблюдения к российской действительности, искали корни современных обстоятельств и все более убеждались в том,

что помехой на пути к прогрессу являются крепостное право и форма правления. Тем самым стала осознаваться цель деятельности в мирные годы у привыкших к активным действиям офицеров. Самый старший и с наибольшим жизненным опытом декабрист князь С.Г. Волконский сформулировал ее позднее так: “Поставить Россию в гражданственность на уровень с Европой”.

Показательно, что возбужденный впечатлениями войны и восприятием ее в обществе молодой Никита Муравьев, человек уже тогда редко образованный и ученый-мыслитель по призванию, сразу же приступает к описанию жизни и воинских подвигов Суворова. Все более осознавалась справедливость мысли М.В. Ломоносова, сформулированной во Вступлении к книге “Древняя Российская история”, изданной еще в 1766 г.: “Всяк, кто увидит в Российских преданиях равные дела и Героев, Греческим и Римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым Греческие и Латинские писатели своих Героев в полной славе предали вечности”.

Этим объясняется и обостренный интерес к “Истории государства Российского” Карамзина – сначала к вышедшим одновременно восьми томам (где, казалось им по первоначалу, воспевается деспотизм), а затем особенно к девятому тому о последних десятилетиях царствования Ивана Грозного. Там разъясняется различие “самодержавия” и “самовластия” и в книге, цензором которой был сам император, допускается негативная оценка царя-тирана (тем более, как выразился декабрист В.И. Штейнгейль в мемуарах, “великого царя”, прославленного и освоением Поволжья и Сибири, и Судебником и реформами 1550-х годов). Девятый том “Истории” побудил Рылеева к сочинению исторических “Дум” – первая была о Курбском. Однако следует иметь в виду то, что декабристы не были знакомы с письменным изложением мыслей Историографа о российской истории в XVIII – начале XIX в., так как записка “О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях” оставалась тогда им неизвестной.

Молодые аристократы мыслили преимущественно литературными ассоциациями. Обучением в пансионах, а затем службой с юных лет они были оторваны от непосредственного общения с простым народом. И в человеческих достоинствах вышедших из этой среды солдат, могли убедиться лишь когда вместе пришлось ощущать тяготы военных походов. Потому-то сравнительное рассмотрение каждодневной жизни зарубежных поселян и российских крепостных оказалось столь сильнодействующим. Это – радищевское ощущение, искренностью своей так напугавшее Екатерину II, что она посчитала вольнодумца-писателя “бунтовщиком хуже Пугачева”. Искренность декабристов покажется в 1826 г. особенно опасной и вступившему на престол Николаю I.

Иногда упускают из виду, что юные декабристы (во всяком случае, старшие из них) воспитывались в той аристократической среде, которая отображена в первых частях “Войны и мира”. Не случайно и то, что большинство декабристов не петербуржцы по воспитанию, а москвичи и провинциалы. А литературный мир Москвы с ее журналами и более обширным кругом читателей, университетом и архивом, памятниками российской старины, в те годы отличался от петербургского, где преобладали преимущественно придворно-служебные интересы (в первой же главе романа Л. Толстого, не без сарказма представленного изображением салона фрейлины Шерер). В Москве сформировались Карамзин, Жуковский, Грибоедов, образованнейшие из “архивных юношей” (служащих Московского государственного архива Коллегии иностранных дел). Московское детство предопределило (ранее Лицея!) творчество Пушкина: влияние именно московских впечатлений (усиленное затем знакомством с “Историей” Карамзина) особенно выявилося в создании Пушкиным (еще до возвращения в Москву после 15-летнего перерыва) “Бориса Годунова”. Впоследствии элементы нестоличности помогали декабристам в сибирской ссылке включиться в обиход жизни местных

обывателей, и в то же время внести в нее светлое начало высокой нравственности и интеллектуальной культуры.

Корневая система декабризма многое объясняет в их взглядах и действиях – и “Век Екатерины”, и гнетущее аристократию правление Павла I (или, точнее сказать, такое его изображение, как и в набросках воспоминаний Пушкина), и “дней Александровых прекрасное начало”, – все это имело место до активного включения в историческое действие молодых героев Двенадцатого года. Вернемся к страницам “Войны и мира” – граф Лев Толстой не понаслышке знал, о чем думали и говорили его аристократические предки в 1805–1811 гг., и основательно штудировал все вышедшее к середине 1860-х годов о периоде кануна Отечественной войны. Герои Толстого – старшие братья большинства декабристов, которым в момент выступления в декабре 1825 г. было от 20 до 30 лет, или даже старшие из среды самих декабристов.

Из XVIII века пришло понятие о “благородной дворянской гордости”, которая “есть чувство собственного достоинства”, и “тот дворянин, кто за многих один” (формулировка Карамзина из автобиографической повести “Рыцарь нашего времени”), и презрительное противопоставление таких аристократов “беспородным” сановникам новейшего времени с их “спесью и высокомерием” и одновременно прислужничеством перед попавшими “в случай” у государя. Еще более жестко сформулировал это Карамзин в записке-трактате 1811 г. “О древней и новой России”, когда писал о правах и обязанностях наследственного дворянства, “столь же древнего как и Россия”; среди таких, по его убеждению, монарх и должен “искать деятельных слуг отечественной пользы”. Из подобных соображений исходил и Пушкин, размышляя о положении потомственного дворянства в России и его обязанностях “предстателя” за весь народ перед высшими властями. Уже тогда (или применительно к тому времени, но позднее – в начале XIX в.) формируется и ощущение “чести” – и личной, и корпоративной, предопределенной и общественным положением *haute noblesse* – это пушкинское определение можно перевести как “высшее дворянство”, “высшее общество” (подробнее об этом в моем докладе об общественном самосознании *noblesse russe* на Международной конференции по истории русского дворянства в Париже в 1991 г.)¹.

Люди этого возраста основательно знакомы были еще до 1812 г. и с литературой Века просвещения (Стендаля, побывавшего с армией Наполеона в Москве, поразило богатство иностранных книг в домах знати), с трудами философов, социологов, с художественной литературой, пропагандировавшей идею борьбы аристократов за освобождение народа от тирании (как драмы Альфьери, на которых воспитывалось поколение итальянских аристократов якобинского толка и позже карбонариев; достойным подражания героем казался шиллеровский маркиз По-за). В XVIII в. накопился и опыт составления “прожектов” государственных преобразований и тайных заседаний масонских лож. В годы правления Екатерины II в аристократической среде распространились не только общественные воззрения масонов, но и рассуждения об устранении крепостного права, а в популярнейшей художественной литературе (“Недоросль” Фонвизина, журналы Новикова) обличались язвы крепостничества. Однако Пушкин не раз возвращался к мысли и о том, что именно Екатерина II унизила “дух дворянства” и сетовал на “отсутствие чести и честности в высшем классе народа”; унижительное прислужничество ее придворных осмеивает и Грибоедов. Культивированию “понятия о чести” (“*point d'honneur*”) соответствовал и своеобразный культ дуэли: показательно, что дуэлянт и “аристократ-революционер” подчас совмещались в одном лице.

¹ Шмидт С. О. Общественное самосознание *noblesse russe* в XVI в. – первой трети XIX в. // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. P., 1993. Vol. XXXIV (1–2). Janvier-juin. P. 11–31.

Перепечатано с сокращениями в кн.: Дворянское собрание: Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1996, № 4. С. 113–125.

Старшее поколение (поколение Карамзина) довольствовалось после непредсказуемых действий Павла I (впрочем, как выяснил первым с серьезной основательностью еще М.В. Ключков в книге 1916 г., зачастую более прогрессивной направленности, чем политические акции последних лет правления его матери) провозглашением возврата к тенденциям “просвещенного абсолютизма” Екатерины Великой. Более молодое с надеждой ожидало реализации того, что было задумано Интимным комитетом молодого императора, – воспитанника швейцарского республиканца. И когда наступил период аракчеевщины и мистических настроений Александра I, победителям, низвергнувшим наполеоновскую империю и гордящимся тем, что они – “россияне”, надеявшимся на внесение прогрессивных начал в российскую жизнь, теперь это было особенно невыносимым. И они нетерпимы в оценках того, что казалось “самовластием” или обосновывало его неизбежность, тем более необходимость. Потому-то “молодые якобинцы негодовали” (как писал позднее Пушкин), ознакомившись в первых томах “Истории” Карамзина с “размышлениями в пользу самодержавия”, хотя они и были “красноречиво опровергнуты верным рассказом событий”. Ибо, как заметил именно в этой связи Никита Муравьев: “Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавия равно губительна для правительств и для общества. Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русский заслуживает то и другое”.

Остается слабоизученным вопрос об употребительной именно в те годы историко-политической терминологии, о разном смысле, вкладываемом в общераспространенные термины тогда и в последующее время. Не всегда учитывается и то, что это период вхождения в русский язык (точнее сказать, язык русской литературы) иностранных слов, калькирования некоторых из них; и российское “гражданство” обретали такие слова подчас в беседе с типичным для тех лет смешением русского и иностранного (обычно французского), языков. Выявляется исключительное богатство именно русского языка с многообразием оттенков в словах, не отмеченным подобным различием (иногда и существенным в основном понимании) в других языках. Так, во французском языке – языке и письма, и даже мысли для многих декабристов – не ощутима разница понятий “самодержавие” и “самовластие” (что отражено и в русско-французских словарях).

Большинство декабристов и Пушкин, как и Карамзин – или вслед за ним, – видели существенное различие в этих словах-терминах. Карамзин воспевал “самодержавие” (“палладиум России”) как единовластие, действующее в соответствии с установленными законами и само подчиняющееся силе этих законов. В его понимании это – общесословная, надклассовая сила (как мы выразились бы теперь), обеспечивающая и нормальную деятельность государственного организма, и облегчающая защиту от внешних врагов. “Мудрое”, “истинное самодержавие”, придерживающееся правил просвещения и нравственности, противопоставляется им “самовластию” – и отдельных правителей, и олигархии, и народа. Образцом самовластия государя, тягостного и для подданных, и для него самого, показано правление Ивана Грозного после 1560 г. в IX томе его “Истории”, где есть и предостерегающие слова: “История злопамятнее народа!” Различие между “самовластием” и “самодержавием” уловил Пушкин, хотя и не сходил с Историографом в оценке деятельности Александра I. Карамзин противопоставляет его “правление самодержавное” “самовластию” царя Ивана (тем самым, впрочем, и предостерегая: “Жизнь тирана есть бедствие для человечества”). Пушкин же в послании “К Чаадаеву” применительно к российской действительности употребляет определение “самовластие”. Как “самовластительный злодей” охарактеризован им и Наполеон в оде “Вольность”. Все декабристы были прежде всего противниками проявления всякого “самовластия” и почитали своим долгом противостояние ему.

Все эти образованные люди обращались к опыту истории, размышляя и о настоящем и о будущем. Душе их было глубоко созвучно убеждение Карамзина в

том, что “история питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества”. И в духе примитивной вульгарной социологии времен навязывания взглядов М.Н. Покровского повторение тезиса будто для отношения декабристов к “Истории государства Российского” особенно показательны негативной направленности замечания Никиты Муравьева при первом чтении только что вышедших восьми томов “Истории” и известная эпиграмма юного Пушкина «В его “Истории” изящность, простота // Доказывают нам без всякого пристрастия // Необходимость самовластия // И прелести кнута». Это некорректно в научно-методическом плане, ибо дошло немало суждений декабристов (и до декабря 1825 г., и более поздних) по прочтении IX и последующих томов с совершенно иной оценкой текста Карамзина. Это несправедливо, даже оскорбительно, и для памяти Пушкина, неоднократно совершенно в ином тоне писавшего о Карамзине (“человеке высококом”) и его “Истории”. “Драгоценной для россиян памяти” Карамзина посвятил Пушкин (“гением его вдохновленный”) своего “Бориса Годунова”. (Об этом подробнее в моей статье “Пушкин и Карамзин”².)

Уже поколение просвещенных “отцов”, с заинтересованным ожиданием встретившее Французскую революцию 1789 г., очень скоро, подобно Карамзину, стало испытывать страх перед “революционным” террором и народным “бунтом” (тем более что оставалось еще живым предание о “пугачевщине”). Это передалось и “детям”, воспитанным к тому же зачастую покинувшими Францию эмигрантами: “союз ума и фурий” в годы революции во Франции – определение Пушкина в стихотворении “К вельможе”. В цитированных уже Записках Волконского о целях декабристов подчеркивалось то, что, следуя “великим истинам, высказанным в начале Французской революции”, должно избегать “увлечений ввергнувших Францию в бездну безначалий”, и показательное заключение: “Честь и слава многим павшим жертвам за святое дело свободы. Но строгий приговор тем, которые исказили великие истины эпохи”. Народ – по их мнению – не дорос еще до уровня общественного сознания, соответствующего революционному мировоззрению, и способен был лишь к разрушительному “бунташному” порыву. Так думал и Пушкин, когда позднее сформулировал: “Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный”.

Важно подчеркнуть, что декабристы были далеки не только от народа, но и от воззрений основной массы душевладельцев-помещиков (изображенных в произведениях Гоголя 1830–1840-х годов, да и ранее в пушкинских “Повестях Белкина”, и в современной декабристам драме “Горе от ума”). И декабристы предпочли действовать не вместе с народом, а за народ и во имя народа. А потому использовать и опыт дворцовых переворотов XVIII в., последний из которых (и таинственнее других подготовленный) был уже в начале нового столетия – 1 марта 1801 г.

Выступление 14 декабря 1825 г. – действие немногих потомственных аристократов и близких им лиц (а также верных им тоже немногих низших военнослужащих). И со стороны такое событие могло восприниматься как попытка военно-дворцового переворота (это сходство “по наружности” отмечал В.О. Ключевский), а декабристы – как последние аристократов-заговорщиков прошлых лет. Тем более без осведомленности о том, что, в отличие от участников прежних дворцовых переворотов, целью которых были захват власти или ее удержание, декабристы думали не о достижении личной власти, пеклись не о своих личных интересах, а стремились освободить других от ига власти, улучшить их положение. Это – последнее в российской истории групповое выступление офицеров-аристократов, и по форме напоминает то, что происходило в XVIII в., особенно в

² В кн.: Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 г.: Сборник научных трудов. М., 1992 / Изд. Государственного музея А.С. Пушкина. С. 73–91. См. также: Шмидт С.О. Н.М. Карамзин-историк // Венок Карамзину. М., 1992. С. 23–33.

момент воцарения Екатерины I, а не приемы борьбы за власть в последующее время. (Хотя достаточно исторически образованные руководители октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде могли в какой-то мере опираться и на знание ситуации в столице 92 года назад.)

В советской литературе основное внимание акцентировалось на том, что декабристы были предтечами российских революционеров последующих эпох. В научных трудах, в учебных пособиях, в популярной публицистике декабристы, соответственно ленинской характеристике 1912 г., – прежде всего первое поколение, “действовавшее в русской революции”, разбудившее Герцена, тоже принадлежавшего к дворянским революционерам. Это восходит к герценовскому определению – “Молодые штурманы будущей бури”.

И здесь обнаруживается, что односторонне истолковывают написанное Герценом в тех же сочинениях (“О развитии революционных идей в России”, “Былое и думы”) и к тому же переносят понимание слова-термина “революция”, свойственное нашему сознанию, на XIX в. В языке советских людей это – “коренной переворот” (так сформулировано и в словаре русского языка, и в “Словаре иностранных слов”, изданных в недавние десятилетия. Тогда как в словаре В.И. Даля это и “переворот, внезапная перемена состоянья, порядка, отношений”, и “смута, тревога, беспокойство”, “возмущенье, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского быта”. “Революцией” в сочинениях на французском языке называли в XVIII в. и дворцовые перевороты (как 1762 г.) и другие перемены, и глобальные катаклизмы, с подчеркиванием глобальности как особенности данной “революции” (“*Revolution du globe*” Кювье, автора “теории катастроф”); и, соответственно “революционным” действием, поступком “революционера” считалась причастность к любой из таких “революций”. Декабристы и люди пушкинской поры, да и Герцен под “революцией” понимали отнюдь не обязательно коренной политической переворот, тем более социальный.

В кратком, рассчитанном на массового читателя однотомном “Большом энциклопедическом словаре” 1997 г. издания, находим особенно жесткое определение: “Декабристы – русские дворянские революционеры, поднявшие в декабре 1825 г. восстание против самодержавия и крепостничества”. При этом упомянуты и “первые организации в 1816–1821 гг.”, и образованный в 1818 г. “Союз благоденствия”, основной целью которого провозглашалось формирование “общественного мнения”. Краткое определение – перепечатка первой, основной дефиниции из статьи “Декабристы” в пятом томе “Советской исторической энциклопедии”, вышедшем в 1964 г.

Такое определение – и одностороннее, и модернизация в угоду общественному сознанию второй половины уже XX в. Сейчас, когда столь существенно расширилась источниковая база изучения жизни и деятельности декабристов (тем более “декабристов без декабря”), нетрудно убедиться в том, что декабристы не были едины в общественно-политических воззрениях. А у молодых офицеров, втянутых во внезапно образовавшийся водоворот неожиданно возникшей революционной ситуации, эти воззрения еще не успели сформироваться на достаточно продуманной основе – многое предопределялось понятием об обязанности совместной поддержки дела “чести”, даже случайностью местопребывания (напомним слова Пушкина – “и я бы мог” – у изображения виселицы с повешенными декабристами; и предание о зайце, перебежавшем дорогу уезжавшему из Михайловского поэту). Для молодых офицеров многое значила гордость дружбы со старшими, оказываемое им доверие, сам аффект причастности к героическим поступкам (опять как у Пушкина: “Есть упоение в бою, // У самой бездны на краю...”). Вспомним и восклицания участников событий декабря 1825 г., особенно декабристов-литераторов (о “славной смерти”, “дышим свободою...”).

Большинство декабристов принадлежало к аристократической элите общества – *haute noblesse*. С некоторыми из них были знакомы в царской семье. Зна-

комыми декабристов были и члены Следственного комитета. В заседаниях литературного кружка “Арзамас” в середине 1810-х годов участвовали и будущие декабристы, и будущие сановники нового царствования (Николая I). Думается, что “декабристские” умонастроения – осознание необходимости тех или иных реформ и долга личного участия в осуществлении таких перемен в той или иной мере было свойственно многим, тем более размышления о будущем России и своем достойном месте в желанном движении вперед. Это становилось темой разговоров и тех, кто был лишь косвенно причастен к деятельности наиболее активных из таких лиц. Болтовня грибоедовского Репетилова о регулярных кружковых заседаниях в Москве и обличительные речи Чацкого в таком, казалось бы, неподходящем для этого месте, как дом Фамусова – типологические явления определенных годов, совпадающие по времени с собраниями в Петербурге, “витийством резким знаменитых”, и где и Пушкин “читал свои ноэли” (что отобразено в дошедших фрагментах десятой главы “Евгения Онегина”). Все это не только не отделимо одно от другого, но и от более значительного пласта светского общества, чуждого всему, что не относится к придворно-правительственной сфере.

И правильно, что к юбилею восстания декабристов на организованной в Выставочном зале федеральных архивов выставке “Россия. Выбор пути” (как и на обложке Каталога) представлены материалы, отражающие не только деятельность самих декабристов. Показательно и то, что избавляясь от навязанного в годы сталинизма использования лишь двух красок в изображении прошлого (по принципу: “Кто не с нами, тот против нас”), стали в большей мере выявлять воздействие реформаторских предложений декабристов на некоторые стороны правительственной деятельности и влияние увлечений преддекабристской молодежи на практику администрирования сановников последующих десятилетий.

Собственно декабристы – это участники конспиративных обществ и организованных ими восстаний. Но к ним не следует подходить с такими критериями, как к партиям конца XIX–XX в. с их едиными (и даже обязательными) для всех уставными положениями (требованиями) и программой. У декабристов были разномыслия в вопросах тактики и различия в существенных элементах политических воззрений и футурологических построений. Общим для всех них был в большей мере образ личного поведения: храбрость и совесть, чувство долга и самоуважение, склонность и способность к самопожертвованию. Для декабристов главное, самое важное – не одинаковость, общность политической идеологии и тактики, а общность представлений о моральном кодексе, “заповедях чести”, которым они следовали всю жизнь, готовность во имя этого поступиться личным благополучием, материальным положением, служебной карьерой, даже жизнью.

Потому-то уже на начальном этапе ознакомления с историей декабристов их характеризовали (если пользоваться утвердившимися в современном сознании понятиями) и как “революционеров”, и как “либералов”, признавая их предтечами (даже родоначальниками) разных ветвей общественно-политического сознания, отражавших и выражавших его группировок. Подобный “расширительный” подход обнаруживается и в исследованиях недавних десятилетий (С.С. Ланды, В.В. Пугачева и др.). Особенно при характеристике взаимосвязей декабристов-литераторов с другими современными им литераторами. (То же проявилось по отношению к Герцену в литературе юбилейного для него 1912 г. – наследниками Герцена объявляли себя деятели, во многом не сходящиеся между собой в общественно-политических воззрениях.)

Видимо, самого Герцена и можно признать родоначальником подхода к декабристам как к именно революционному наследию. Герцен выбрал название своему альманаху “Полярная звезда” для того, чтобы “показать... преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство” своей деятельности с заветами декабристов. Социалисты рубежа XIX и XX вв. не имели “кровного родства” с революционно настроенными потомственными аристократами, но тоже избрали сло-

ва из ответа декабриста Пушкину эпиграфом своей газеты “Искра” и как бы утвердили в широком общественном сознании представление об истоках разгорающейся революции.

Обращение к памяти декабристов должно было облагородить движение в глазах общества. Хотя при сходстве целей (улучшение жизни людей) представление о путях достижения цели было принципиально различным. Для декабристов (во всяком случае из “Северного общества”) главное – нравственность в политике: подвизаясь “к поступку великому, не должно употребить низкие средства” (слова Рылеева). В начале XX в. для многих революционеров допустимым казался иезуитский подход: “цель оправдывает средства” и характерны компромиссы не только с другими партийными группировками, но и с собственной совестью, а зачастую и жесткий однолинейный фанатизм. И, если первоначально была “идеальная” цель без прямой связи с достижением (или закреплением) личной власти, то в годы государственного утверждения сталинизма это стало оправданием произвола “самовластия” и путем к самовозвеличению. Нуждаясь в опоре на широкие массы общества, они не склонны были предварительно воспитывать просвещением общественное сознание этих масс и провозгласили самый популистский, примитивный лозунг, восходящий к периоду рабовладельческой идеологии и воплощенный в доступных всем словам “Интернационала”: разрушить “старый мир до основания” для построения нового и заменить прежнюю власть своей новой властью “кто был ничем, тот станет всем”).

В советские годы проблемы истории декабризма рассматривались преимущественно в контексте политической истории, с акцентом на тактику декабристов и их политическую идеологию (что наблюдалась и при подходе к историческим воззрениям их). Даже, обратившись к многообразному и богатому материалу архива Н.М. Муравьева, автор едва ли не самой основательной по источниковой базе и исследовательской методике монографии о декабристе (“Декабрист Никита Муравьев”. М., 1933), Н.М. Дружинин, видел свою задачу в том, чтобы “на конкретной основе биографического материала проследить основные этапы эволюции декабристских организаций”. Это – формулировка из книги академика М.Н. Дружинина “Воспоминания и мысли историка” (М., 1979. С. 42). И выводы советских ученых во многом обуславливались ленинской характеристикой декабристов. Такова была направленность и мобилизация источников.

Для обогащения источниковой базы декабриствоведения сделано было за 70 лет – после 100-летнего юбилея восстания декабристов – очень много. Но зависимость работ о декабристах от историко-идеологических мифологем очевидна. И потому преобладали схематизм и социологизм (подчас вульгарный), а не личностный подход к личности же. Привлекательную для общественного сознания, а также для восприятия юных, линию, восходящую к Пушкину и Герцену, к поэмам Некрасова, продолжали не столько в собственно научных по форме трудах, сколько в сочинениях художественной формы – вначале более всего Ю.Н. Тынянов (в романах о Кюхельбекере, Грибоедове, Пушкине), с 1970-х годов – Н.Я. Эйдельман (в беллетризованных биографиях декабристов Лунина, С. Муравьева-Апостола, Пуцина). Но показательно и то, что авторы этих беллетристических произведений были высокого класса профессиональными учеными-гуманитариями; и одна из работ о творчестве Тынянова (Т. Хмельницкой) имеет характерный заголовок – “Исследовательский роман”.

Среди традиционных по форме исследовательских работ вехой в декабриствоведении стала статья Ю.М. Лотмана “Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-типологическая категория)” в сборнике “Литературное наследие декабристов” (Л., 1975). Лотман осмелился сформулировать положение о том, что декабристская традиция в русской культуре не может рассматриваться по-прежнему в чисто идеологическом плане, не менее важен и “человеческий аспект” – традиции определенного типа “поведения”. Напомнил Лотман и то, что

Л.Н. Толстого декабристы привлекали скорее личностью, чем идеями. “Именно в создании совершенно нового для России типа человека вклад их в русскую культуру оказался непреходящим, в своем приближении к норме, к идеалу напоминающий вклад Пушкина в русскую поэзию”, – писал исследователь.

В этой связи Ю.М. Лотман отметил и особые обстоятельства, многое объясняющие в поведении и даже идеологической устремленности декабристов. Выделяя наблюдение о том, что для декабристов “сама политическая организация облекается в форму непосредственно человеческой близости, дружбы, привязанности к человеку, а не только к его убеждениям” (включение декабристов “в прочные внеполитические связи”, прежде всего родственные). Хотя трудно согласиться с тем, что неотделимое от облика декабриста чувство собственного достоинства базировалось на вере каждого “в то, что он великий человек”. Думается, точнее было бы говорить о вере каждого в то, что он способен совершить великий подвиг, достойный войти в историю. Большинству декабристов (особенно из “Северного общества”) были чужды культ личности, самолюбование: Пестель – глава и наиболее серьезный теоретик экстремистского направления в декабризме, в этом отношении скорее – исключение, вызывавшее настороженность, даже неприязнь других декабристов; в отличие от них он рассчитывал, можно полагать, и на последующее руководящее участие в деятельности властных структур. В таких умонастроениях декабристов убеждают и их поведение на каторге, и тональность их мемуаров. Среди литературных героев им более всего близок маркиз Поза, и, пожалуй, Дон-Кихот. Это не означает, конечно, что сами декабристы были людьми, идеальными во всех отношениях: напротив, как у людей неравнодушных, у них были пристрастия и антипатии, и при том не всегда справедливые (что отражено и в следственных делах, и в мемуарах).

“Рыцарские” образ мысли и поведения, цельность “героической” личности особенно пленяли в декабристах схожего душевного настроения потомков, воспринимавших их жизненный подвиг “чутьем культурных преемников предшествующего исторического развития” (если использовать это определение Ю.М. Лотмана), – и сверстников Герцена и петрашевцев, и народовольцев, готовых на жертвы для “общего блага”. Это повлияло и на современницу революционных народников, писательницу Э. Войнич, жившую в России в 1880-е годы в имении Вневитиновых с традициями декабристских времен: именно в таком духе она изобразила итальянских карбоняров; и потому-то роман “Овод” нашел родину в России.

И думается, правильно поступают те, кто в работах 1990-х годов акцентирует внимание на “моральном аспекте” политического действия декабристов: это отражено в книге С.А. Экштута “В поиске исторической альтернативы, Александр I. Его сподвижники. Декабристы” (М., 1994), и в статье Л.Б. Нарусовой “Нравственные уроки декабризма” (СПб., 1996). И, изучая жизнь декабристов, нельзя ограничиваться временем их участия в тайных обществах. Свойства натуры декабристов еще в большей мере проявились и у декабристов, и у приехавших к ним жен в последующие годы.

Без рассмотрения жизни декабристов во всей ее протяженности трудно судить о человеческом характере декабристов, их нравственных устоях, основах мироощущения. Еще в 1978 г. С.В. Житомирская верно указала “на проблемы мировоззрения декабризма как процесса, захватившего более полувека жизни русского общества”³. Цельность и благородство облика декабристов особенно высвечиваются при ознакомлении с их перепиской после 1825 г., с их сочинениями той поры, с их отношением друг к другу в тех условиях, с тем, что они сделали для распространения просвещения в Сибири. Нравственный критерий, чувства истинного христианина обнаруживаются и в отношении декабристов к тем,

³ Житомирская С.В. Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 31.

кто уклонился от исполнения намеченной программы действий (как С.П. Трубецкой) или отошел от них накануне восстания, даже уведомил об их планах государства (отношение Е.П. Оболенского к Я.И. Ростовцеву). В отличие от большинства “декабристов без декабря” осужденные декабристы оказались верны “заповедям чести” своей молодости, “декабризм” оставался их мироощущением; даже при явном поправлении общественно-политических воззрений и усилившейся религиозности (удерживавшей от общественной активности).

“Декабризм” интересно было бы детально рассмотреть в плане сформировавшихся тогда представлений об “интеллигенции” и примечательных ее чертах. Теперь уже знаем, что это понятие, слово-термин появилось не в 1860-е годы, одновременно со словом “нигилизм” и как бы сопутствуя ему, как повторяли вслед за писателем П.Д. Боборыкиным (изобразившим себя его изобретателем) – в лучшем для писателя варианте, в 1860-е годы было второе рождение слова и явное закрепление его в русском языке. “Интеллигенция” – слово пушкинских времен, когда так называли европейски образованную аристократию. Именно в таком смысле слово “интеллигенция” употребил В.А. Жуковский, написав его по-русски в дневнике февраля 1836 г.: “лучшее петербургское дворянство ... которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию”. (Рассуждения об этом – в моих докладах и статьях.)⁴ Очень важно отметить, что для Жуковского понятие “интеллигенция” ассоциируется не только с принадлежностью к определенной социокультурной среде и с европейской образованностью, но и с нравственным поведением. Понятие “интеллигенция” для него изначально неотделимо от понятия “интеллигентность”. И в статьях книги “Русская интеллигенция. История и судьба” (М., 1999), некоторые авторы (ссылаясь именно на эту интерпретацию текста Жуковского), рассуждают об “интеллигенции” как о социокультурной среде, о моральном облике и типе поведения ее уже в пушкинское время. Напомним, что и Л.Н. Толстой в “Войне и мире” пишет о восприятии Пьером в салоне Шерер “всей интеллигенции Петербурга”. “Интеллигентность”, естественно совмещенная с европейской образованностью “интеллигенции” – характерная черта “декабризма”, свойство натуры декабристов.

Главное в “декабризме” – его общечеловеческое начало “высокой” духовности мысли (“дум высокой стремленье” – как емко определил Пушкин в послании декабристам начала 1827 г.), предопределяющее образ поведения, а не политико-идеологическое выражение мировоззрения декабристов, тем более в попытках практических политических мероприятий. Это-то и сближало декабристов и с современниками более консервативной политической ориентации, убежденными сторонниками эволюционного пути в общественном развитии, уповавшими преимущественно на воспитание человечества – в целом и тех, кто у руля правления – просвещением и нравственным примером. А позднее сближало и с людьми другого века.

Декабристы, как и Карамзин, советовались и с умом и с совестью (как сформулировано в “Записке о древней и новой России”, предназначенной воздействовать на императора Александра I). Это было жизненным кредо и друга Карамзина и Пушкина, Жуковского, наставника наследника царского престола (будущего Александра II), смелого и убежденного ходатая за осужденных декабристов перед Николаем I, ибо самым важным было для этого великого поэта и педагога – “сохранение собственного достоинства” (Интересна дневниковая запись 1828 г. после слов: “Надо быть или рабом владыки, или рабом долга...”). Декабрист А.Ф. Бригген и в Сибири преклонялся перед образом мысли и поведением Жуковского, и послал дочери адресованное ему туда письмо Жуковского как “сва-

⁴ Шмидт С.О. К истории слова “интеллигенция” // Россия, Запад, Восток: Встречные течения (К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева). СПб., 1996. С. 409–417; *Он же*. Этапы “биографии” слова “интеллигенция” // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии 23 мая 1996 г. СПб., 1996. С. 45–56 и др.

дебный подарок”, отметив, что “в нем полностью проявляются доброе сердце и прекрасная душа Жуковского”⁵. Такой настрой души писателей, формировавших общественное сознание россиян, обусловил и особое значение темы “совесть”, “совестливость” в великой российской классической литературе, во многом объясняющей ее влияние на души и умы за рубежами России. Это было линией и мысли, и поведения тех, кто представляется нам и в недавнее время воплощением лучшего в российской интеллигенции. Д.С. Лихачев полагал, что ценнее всего в жизни “доброта умная, целенаправленная”, и “счастья достигнет тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе. (Этим призывом “следовать путями доброты” заканчиваются его “Письма о добром”.) И А.Д. Сахаров велик прежде всего как личность, а не как политик или теоретик общественного развития. Велик более всего самоуважением и достоинством личного поведения.

Тенденция изобразить себя и своих единомышленников наследниками декабристов объясняется благородством этой исторической памяти, сакрализацией ее, а нечеткость общественно-политических позиций декабристов в целом (если мыслить политологическими – и особенно терминологическими – категориями более позднего времени) облегчает попытку сближения с ними разномыслящих потомков.

Герцен (возможно, опираясь и на авторитет Пушкина) обосновал представление о высокой моральной пробе понятия декабристской традиции. Герцен подчеркивает это даже в большей мере, чем их революционность. Он знакомит с декабристами в предназначенном для зарубежного читателя сочинении, прежде всего характеризую моральный пафос их мыслей и действий: “Вскоре после войны в общественном мнении обнаружилась большая перемена. Гвардейские и армейские офицеры, храбро подставлявшие грудь под неприятельские пули, были уже не так покорны, не так сговорчивы, как прежде. В обществе стали часто появляться рыцарские чувства чести и личного достоинства, неведомые до тех пор русской аристократии плебейского происхождения, вознесенной над народом милостью государей”⁶. Знаменательны уже наименования первых декабристских обществ – “Союз спасения”, “Союз благоденствия”. Декабристы ощущали себя “избранными”, обязанными сохранить и воплотить в практических делах миссию потомственной аристократии быть “предстателями” за других “на избранной чреде своей” (слова из пушкинского послания И.И. Пущину: “Мой первый друг, мой друг бесценный...”). Это становилось для них “новым служением Отечеству”. И такие личностные черты “декабризма” обнаружались, пожалуй, в еще большей мере не в моменты восстаний, коллективных решений, стремления ощутить аффект соучастия, а после осуждения – в их достойнейшем поведении на каторге и в ссылке, о чем особенно подробно узнаем лишь с изданием сочинений декабристов и их переписки.

Думается, что на грани тысячелетий, через 175 лет после публичного выступления декабристов, переосмысливая опыт стремлений к общественно-политическим преобразованиям и реализации таких замыслов, декабристы нам дороги прежде всего их душевной цельностью, нравственным подвигом, не “партийностью”, а “личностным” началом. А для ученых они особенно интересны не столько в плане проблематики политической истории и идеологии общественно-политической деятельности, сколько в плане истории ментальности. Вероятно, декабристоведение и дальше будет развиваться на стыке собственно исторической науки (с ее специальными подразделениями) и социальной психологии.

⁵ Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника царского престола // Русское подвижничество: Сб. статей к 90-летию академика Д.С. Лихачева. М., 1996. С. 187–221. Переиздано отдельной книгой: Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000.

⁶ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. VII. С. 130–131.

А.Д. Степанский

НОВЫЙ “ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ” И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНОЙ АРХЕОГРАФИИ

В 1999 г. исполнилось 80 лет со дня появления первого периодического издания под названием “Исторический архив”. В связи с этим юбилеем в качестве приложения к нынешнему “Историческому архиву” издан справочник “Исторический архив. 1919–1999 гг.: Указатель документальных публикаций” (сост. И.А. Кондакова, А.А. Чернобаев) (М., 1999). Указатель построен по периодам выхода в свет соответствующих изданий: 1919, 1921, 1936–1954; 1955–1962; 1992–1999. Таким образом, читатель получил ценное пособие для изучения истории журнальной археологии советского и постсоветского периода.

В данной связи уместно будет сказать, что история отечественной эдиционной археологии традиционно занимает видное место на страницах АЕ. Напомним цикл статей В.Ю. Афиани о журналах первой трети XIX в. (АЕ за 1975, 1987, 1989 годы), работы о “Русском архиве” А.Д. Зайцева (АЕ за 1976 год) и М.П. Мироненко (АЕ за 1975 год) и др. Кроме того, нельзя не сказать о монографиях Ф.М. Лурье «Хранители прошлого – журнал “Былое”: история, редакторы, издатели» (Л., 1990) и Ю.Н. Емельянова “С.П. Мельгунов: в России и эмиграции” (М., 1998), о кандидатских диссертациях В.В. Крылова «Журнал “Пролетарская революция” (1921–1941) и его роль в становлении и развитии советской археологии» (МГИАИ, 1989) и Е.В. Бронниковой «Журнал “Русская старина” как историографический источник (1870–1918)» (М., 1998). Думается, что историография истории журнальной археологии требует специального исследования.

Как показывают имеющиеся работы, журнальная археология в общем отличается от книжной (особенно академической) большей оперативностью и злободневностью, особым вниманием к новой и новейшей истории, к “открытию архивов”. Вряд ли можно считать случайностью отсутствие у нас специализированной археологической периодики в 1960–1980-е годы, что надо признать одной из существенных болевых точек отечественной исторической науки. Этот пробел лишь отчасти мог восполнить АЕ (см. обзор Б.Г. Литвака в АЕ за 1981 год).

Совершенно закономерным обстоятельством стал тот факт, что в ходе “археологической революции” 1990-х годов произошел взрыв именно журнальной археологии. В справочнике “Открытый архив” (2-е изд., М., 1999) составителем И.А. Кондаковой учтены полторы сотни российских журналов, публиковавших архивные документы в 1995–1996 гг. (примерно две трети этих журналов начали издаваться именно в 1990-е годы). Документы публиковали литературно-художественные, общественно-политические, научные, научно-популярные и просто развлекательные журналы.

На научной конференции “Проблемы публикации документов по истории России XX в.” (июнь 1999 г.) И.А. Кондакова выступила с интересным сообщением, где была дана классификация журналов по уровню публикаций, прослежены изменения в тематике публикаций, происходившие в “перестроечный” и постсоветский периоды (труды конференции в настоящее время находятся в печати).

С историографической точки зрения основное внимание должно быть уделено археологической деятельности журналов собственно исторического профиля, которые в свою очередь могут быть разделены на научно-исторические (“Во-

просы истории”, “Отечественная история”, “Новая и новейшая история”), научно-популярные (“Родина”, “Военно-исторический журнал”), архивоведческие (“Отечественные архивы”, “Вестник архивиста”) и, наконец, собственно археографические – “Исторический архив” и “Источник”.

Последние достаточно близки между собой по тематике публикаций, но здесь есть и существенные различия. “Исторический архив” – журнал “академического характера”, ориентированный прежде всего на исследователя, а “Источник” – явно популярное издание, рассчитанное на широкий круг читателя. Различие проявляется прежде всего в характере научного аппарата (состав и приемы издания публикаций “Источника” рассмотрены в дипломной работе О.П. Борисенко, защищенной в ИАИ РГГУ в 1999 г.).

В дальнейшем специально рассмотрим “Исторический архив”, опыт которого вполне репрезентативен по отношению к основным направлениям “археографической революции”. Вопрос о возрождении археографической периодики остро встал еще в конце “перестройки”, когда гласность стала распространяться и на архивные документы. Однако решить проблему удалось лишь после знаменитых событий 1991 г.

Уже в конце 1991 г. руководитель российской архивной службы Р.Г. Пихоя принял решение о создании нового “Исторического архива” и предложил пост главного редактора доктору исторических наук, профессору А.А. Чернобаеву (успешно работающему в этой должности по сей день). Первой проблемой, которую пришлось решать основателям, была, разумеется, финансовая. В духе времени обратились за поддержкой в частный сектор. Журнал был учрежден Комитетом по делам архивов при Правительстве Российской Федерации совместно с издательством “ЛИТ”. Владелец последнего, А.Г. Кричевский, вложил деньги, надеясь на большую прибыль, но это не оправдалось, и вскоре он прекратил финансирование (а потом уехал в США). Существенную помощь журналу оказал РГНФ, выделивший гранты на подготовку некоторых публикаций.

История “Исторического архива” 1990-х годов – это постоянная борьба за существование. В обращении к читателю “Наш пятилетний юбилей” А.А. Чернобаев писал: «Не являясь бюджетной организацией, редакция осуществляет свою деятельность за счет средств, поступающих от подписки, немногочисленных спонсоров, выполнения заказов по изготовлению оригинал-макетов и т.п. Объем этих поступлений не только непостоянен, но и недостаточен. Даже мизерная зарплата сотрудников нерегулярна. Редакция не в состоянии иметь штатного корректора и технического редактора. Все это не лучшим образом сказывается на качестве нашей работы. Нехватка средств на выплату гонораров лишает нас возможности проводить активную редакционную политику. По этой же причине мы выпускаем третий год подряд “сдвоенный” № 5/6 “Исторического архива” (правда, в порядке некоторой “компенсации” мы издали ряд номеров в увеличенном объеме)» (ИА. 1997. № 5/6. С. 3–4).

Через год главный редактор вновь обратился “К читателю” с необходимыми объяснениями: «Шестой год издания стал для “Исторического архива” особенно трудным. Если в первом полугодии мы своевременно выполнили все свои обязательства перед подписчиками (изданы три номера журнала, а также два номера “Архивно-информационного бюллетеня”), то после финансового кризиса середины августа 1998 г. редакция оказалась на грани краха. Наше “банкротство” связано в первую очередь с тем, что агентство “Книга–Сервис”, в течение нескольких лет осуществлявшее подписку на журнал и бюллетень, заявило, что не имеет возможности перевести на счет редакции средства, собранные по подписке. В сложившихся условиях мы смогли выжить лишь благодаря поддержке Росархива и отдельных спонсоров. Этими же обстоятельствами объясняется большая задержка с выходом в свет № 4 и 5/6 журнала и сокращение их тиража» (ИА. 1998. № 5/6. С. 3).

В 1999 г. “Исторический архив” был перерегистрирован. Его учредителями ныне являются Федеральная архивная служба России, издательство “Российская политическая энциклопедия” и ООО “История–Сервис” (бывшее “Архивно-информационное агентство”, которое юридически и было с основания журнала его учредителем), а издателем – РОССПЭН. Признаком стабилизации финансового положения стало то, что в 1999 г. вышли все шесть номеров. Можно считать, что в истории “Исторического архива” начался новый период.

Несмотря на все трудности, в “выживании” журнала большую роль сыграли сотрудники редакции, среди которых назовем Д.А. Аманжолову, В.Ю. Афиани (ныне зам. главного редактора), Г.Л. Бондареву, О.И. Горелова, Ю.В. Сигачева. В последнее время активно включились в работу Г.И. Науменко (отв. секретарь), М.И. Одинцов, А.Н. Свалов. Нельзя не вспомнить и покойного О.Ф. Козлова.

Что же удалось сделать “Историческому архиву” за семь лет его существования?

Первый (“пилотный”) номер нового “Исторического архива” увидел свет в конце 1992 г. В обращении “К читателю” редакция заявила, что “Исторический архив” – “научно-публикаторское издание, которое познакомит с документами по актуальным проблемам отечественной истории далекого и недавнего прошлого”. При этом подчеркивалось, что “представления о многих событиях минувшего искажены десятилетиями умолчаний, искусственными мифами и фальсификациями, знакомство с архивными материалами на страницах журнала поможет узнать, что было на самом деле” (С. 1).

Далее излагалась конкретная программа журнала. Особо отмечалось, что “редакция не намерена ограничиваться только рамками истории России и СССР. Будут публиковаться и наиболее интересные источники по истории и культуре других стран из российских и зарубежных архивов” (Там же).

Содержание первого номера журнала удачно конкретизировало обозначенную программу и сразу же привлекло широкое внимание. Тематические разделы номера легли в основу структуры “Исторического архива” на все последующие годы. Это разделы “Великая Отечественная”, “Внешняя политика”, “Русское зарубежье”, “Политические репрессии”, “Интеллигенция и власть”, “Россия на переломе”, “Из глубины веков”, “История и историки”, “Архивная россыпь”, “Критика и библиография” и др.

Характерно, что первый номер открывался разделом “Это было вчера”, где были помещены некоторые документы ЦК КПСС за 1990–1991 гг., т.е. “прошлый год” воспринимался уже как минувшая эпоха (ситуация, живо напомнившая читателю 1917 г.).

Самым сенсационным материалом номера стала публикация (в разделе “Архив вождей”) отчетного доклада и заключительного слова В.И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. В Полном собрании сочинений В.И. Ленина этот доклад передан по сильно урезанному газетному отчету, а заключительное слово вообще не публиковалось. Дело в том, что данные ленинские выступления, посвященные итогам неудачной советско-польской войны, содержали положения, резко расхоdivшиеся с канонической концепцией истории партии. Эта война рассматривалась Лениным как первая (и неудачная) попытка российских коммунистов вооруженным путем подтолкнуть развитие революционного процесса в других странах. Таким образом, публикация подлинного ленинского текста “торпедировала” миф о якобы существовавшей ленинской теории “строительства социализма в одной стране”. В качестве заголовка публикатора (А.Н. Артизов и Р.А. Усиков) весьма уместно использовали подлинную ленинскую фразу: “Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать”.

Проблема археографической ленинианы получила продолжение в разделе “Архивная россыпь”, где была помещена записка директора Института марксиз-

ма-ленинизма при ЦК КПСС академика Г.Л. Смирнова от 14 декабря 1990 г. “О неопубликованных документах В.И. Ленина”. Автор доводил до сведения заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко, что по данным на 1 октября 1990 г. в ЦПА ИМЛ находилось на хранении 30 820 оригинальных ленинских документов, из них было опубликовано 24 086. Из неопубликованных к собственнo ленинским (а не просто подписанным им) относилось 3724 документа. Эти последние, в свою очередь, делились на “материалы теоретического, идеологического характера” и “документы, связанные с конкретной политической деятельностью руководителя государства”.

В записке предлагалось “осуществить более энергичную публикацию” материалов первой группы “без каких-либо изъятий”. Что же касается документов второй группы, то “среди них имеются такие, публикация которых вызвала бы весьма неоднозначную реакцию в современной общественно-политической ситуации. Речь идет прежде всего о документах периода обостренных классовых противоречий, гражданской войны” (С. 217). Среди “неудобных” сюжетов назывались “поощрение насильственных действий против суверенных государств”, раскрытие некоторых тайных методов работы советских государственных организаций, представление Красной Армии в неблагоприятном свете, поощрение политики террора и репрессий и др. “Большой массив документов связан с острейшими дипломатическими проблемами того периода”. Итоговый вывод директора ИМЛ в записке: “Документы подобного рода публиковать в настоящее время представляется нецелесообразным”. Напомним, что записка была составлена за год до выхода первого номера “Исторического архива”. “Настоящее время” изменилось очень быстро.

Принципиальный характер имела помещенная в разделе “История и историки” подборка документов ЦК КПСС «Судьба журнала “Исторический архив” 1955–1962 гг.», где раскрываются обстоятельства открытия и закрытия журнала, механизм постоянного партийного контроля за публикацией архивных документов. Не случайно новый журнал создавался под старым названием.

Большой интерес у читателей первого номера вызвали и такие публикации, как “Л.Д. Троцкий: после высылки из СССР”, “Конец карьеры Ежова”, постановления Пленума ЦК ВКП(б) (январь 1944 г.), документы и материалы о передаче Крыма из РСФСР в состав УССР, документы партийных архивов о М.М. Зощенко и А.И. Солженицыне и др. Раздел “Из глубины веков” открывался публикацией “Иван Грозный – претендент на польскую корону”.

Периодом становления “Исторического архива” можно считать 1993–1994 гг., когда окончательно формируется структура журнала – появляется ряд новых разделов: “Экономика и финансы”, “Государство и церковь”, “Первая мировая война”, “Вторая мировая война”, “Эхо войны”, “Народы и судьбы”, “Россия и мир”, “Сопrotивление”, “Девятнадцатый век”, “Зарубежные коллекции в России” и др. В целом тематическая структура “Исторического архива” адекватно отражала основные направления отечественной археографии 1990-х годов с явным преобладанием публикаций по истории советского периода – преимущественно рассекреченных документов из ранее недоступных архивов.

С точки зрения “иерархии документов” первое место занимал раздел “Архив вождей”. Наряду с впервые публикуемыми документами самих вождей (Ленина, Сталина, Хрущева) здесь помещаются и документы высших партийных органов – пленумов ЦК, Политбюро, Секретариата. Центральное место в разделе заняла многолетняя (1994–1997) публикация уникального по ценности и объему источника из фондов Архива Президента РФ – журнала (тетрадей) записей посетителей Сталина за 1924–1953 гг. (в № 4 за 1999 г. опубликованы сводки приема Сталиным посетителей за 1925–1928 гг., выявленные тогда в РЦХИДНИ). Большой резонанс вызвали и публикации материалов знаменитых пленумов ЦК 1957 и 1964 гг. (стенограмма пленума 1957 г. позже была издана отдельной книгой).

В тематике “Исторического архива” основное место занимает отечественная история XX в. Публикации можно четко разделить на два комплекса: документы по истории советского общества и коммунистической партии и документы по “несоветской” истории (Российская империя, белое движение, русское зарубежье). В первом комплексе, наряду с упомянутым “Архивом вождей”, можно выделить несколько ведущих направлений.

Большое внимание редакция уделяет теме “Интеллигенция и власть”. Целый цикл посвящен Академии наук: “Академия наук СССР и ЦК ВКП(б) (1927–1930)” (1997. № 4), «Начало “Дела Академии наук”, стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР. 24 октября 1929 г.» (1993. № 1), “Выборы или выбор? К истории избрания президента Академии наук СССР” в 1945 г. (1996. № 2). Ряд документов посвящен судьбам крупнейших ученых – Н.И. Вавилова, В.И. Вернадского, П.Л. Капицы, Л.Д. Ландау и др. Уникальную в своем роде информацию содержат документы КГБ о настроениях учащихся и студенчества в 1968–1976 гг. (1994. № 1).

В разделе “Государство и церковь” помещена серия очень ценных источников: доклады эксперта Наркомюста М.В. Галкина о ходе отделения церкви от государства в 1918 г. (1993. № 6); материалы Комиссии ЦК ВКП(б) (1922) по вопросам отделения церкви от государства (1993. № 2), документы из следственного дела патриарха Тихона (1997. № 5/6), докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину за 1943–1946 гг. (1994. № 3, 4), доклад преемника Г.Г. Карпова Д.А. Куроедова (1960) “Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства!” (1999. № 2), статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1994 г. (1993. № 1, 2).

В разделе “Политические репрессии” центральное место занимает публикация “Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти” (1997. № 4), где находим постановления и другие материалы Политбюро ЦК за 1929–1930 гг., раскрывающие, по словам публикатора С.А. Красильникова, «механизм выработки и принятия тех решений 1929 г., которые дали “зеленый свет” ГУЛАГу» (Там же. С. 143). Принципиально важное значение для историков имеет комплекс постановлений Политбюро за 1930–1932 гг., вошедший в публикацию “Спецпереселенцы – жертвы сплошной коллективизации” (1994. № 1).

Сильное впечатление сегодня производит докладная записка чекиста Л.Г. Миронова от 23 апреля 1923 г., опубликованная в разделе “Народы и судьбы” под заголовком “Спокойствие всего Северного Кавказа зависит от спокойствия Чечни” (1999. № 4). По словам автора, “состояние Чечни на сегодняшний день можно характеризовать следующим: анархия, неудержимый рост шариатских тенденций, подготовка к началу активных действий и отсутствие соваппаратов на местах” (Там же. С. 74). Как указывают публикаторы О.И. Горелов и А.Д. Чернев, “власти Северного Кавказа ставили перед Москвой “вопрос проведения военной операции”. И “такая операция была проведена в августе 1925 г. силами Северо-Кавказского военного округа”. Противники советской власти... в начале сентября 1925 г. были арестованы и движение пошло на убыль” (С. 73).

Освещение истории Великой Отечественной войны началось уже в “пилотном” номере (директивное письмо Ставки Верховного командования от 15 июля 1941 г., где анализировался опыт первых трех недель войны). Далее (1993. № 1) появились документы Государственного Комитета Оборона и Ставки периода Смоленского сражения (июль–сентябрь 1941 г.). Документы Ставки продолжали публиковаться и в 1994 г. А второй номер за 1995 г. был посвящен 50-летию Победы. Он открывался подборкой “Неуслышанные сигналы войны”, содержащей докладные записки руководства НКВД, адресованные Сталину, Молотову и другим официальным лицам, с информацией о подготовке Германии к войне. Затем следовала одна из записей известного выступления Сталина 5 мая 1941 г. Текст

выступления Молотова по радио 22 июня дополнялся публикацией (и факсимильным воспроизведением) его первоначальной редакции. Подборка документов из фондов Центрального архива Министерства обороны за 1941–1945 гг. была объединена темой “Человек на фронте” и состояла в основном из двух типов документов: донесений политотделов и политуправлений и наградных листов. Впервые на русском языке было опубликовано большинство документов из подборки “Германия капитулирует безоговорочно”.

С разделом “Великая Отечественная” тесно перекликаются публикации раздела “Вторая мировая война” (например, документов ЦАМО об англо-советском сотрудничестве в 1942–1945 гг.). Несомненный интерес вызвал и доклад немецкого губернатора о Варшавском восстании 1944 г. (1994. № 4).

История советской внешней политики представлена в основном документами о взаимоотношениях внутри социалистического лагеря. Это материалы о переговорах руководящих деятелей СССР, Болгария и Югославии в 1948 г., рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС 1956 г., где обсуждалось положение в Венгрии и Польше (1996. № 2, 5/6). Венгерским событиям 1956 г. посвящены также информации Ю.В. Андропова, А.И. Микояна и М.А. Суслова из Будапешта (1993. № 4) и воспоминания М. Ракоши (1997–1999). Об отношении Советского Союза к Организации Объединенных Наций рассказывают директивы Политбюро советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе (1944), где была создана ООН (1995. № 4) и постановление Политбюро от 28 августа 1989 г. “О стратегической линии СССР применительно к ООН и связанным с ней международным организациям” (1996. № 2).

Исключительный интерес представляет одобренное Политбюро письмо Центральному комитету Французской компартии от 18 марта 1977 г. с возражениями французским коммунистам, критиковавшим положение с правами человека в СССР (1996. № 5/6).

Об известных драматических событиях советской истории повествуют публикации “Новочеркасская трагедия” (1999. № 1, 4) и “Тбилиси, апрель 1989-го” (1993. № 3).

В преддверии четвертьвекового юбилея Российского государственного архива научно-технической документации журнал открыл в № 5/6 за 1998 г. новую рубрику “Россия в космосе”. В публикацию “Они были первыми” вошли записи сеансов связи с Ю.А. Гагариным и В.В. Терешковой во время их космических полетов. В 1999 г. (№ 4–6) были помещены воспоминания нескольких творцов космической техники.

“Несоветская” история России XX в. представлена прежде всего разделом “Россия на переломе” (1905–1920 гг.), содержащим источники, освещающие дореволюционный период и белое движение. Большое место здесь занимают дневники и воспоминания В.С. Арсеньева, И.С. Беляева, А.А. Гирса, В.К. Дебогория-Мокриевича, Л.Н. Новосильцева, В.М. Пуришкевича, В.Б. Станкевича и др. По периоду до 1917 г. привлекают внимание документы правых организаций 1914–1917 гг. (1994. № 5) и всеподданнейшие записки Б.В. Штюрмера 1916 г. (Там же. № 6), по 1917 г. – сообщения военных атташе Франции (1996. № 2) и начальника бельгийской военной миссии в России (Там же. № 3, 4). Провал попыток возобновить деятельность Учредительного собрания во второй половине 1918 г. показан в публикациях “Судьба Учредительного собрания” (1993. № 3) и “Окончательная гибель Всероссийского Учредительного собрания” (1999. № 4). К ним, по существу, примыкает запись беседы князя Г.Е. Львова с президентом США В. Вильсоном 22 ноября 1918 г. (1994. № 1).

Для историков архивного дела подлинной сенсацией стала публикация (1997. № 3) документов колчаковского правительства о собирании и сохранении архивных материалов (среди этих документов – циркуляр МВД о приведении в порядок архивов местных учреждений и проект постановления Совета Министров “Об ох-

ране памятников истории, старины и искусства и архивов центральных и местных учреждений”).

Во втором номере за 1997 г. раздел “Россия на переломе” представлен циклом “К 80-летию революции 1917 г.”: доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы (декабрь 1916 г.), выступление А.В. Колчака в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе (апрель 1917 г.), Памятная записка комитета Украинской Национальной Рады в Петрограде Временному правительству (апрель 1917 г.), статья П.Г. Виноградова “В России желательна республика” (1918), выдержки из журналов общих собраний Всероссийского Национального центра (1918) и др.

Некоторые документы по истории России начала XX в. опубликованы в разделах “Внешняя политика”, “Первая мировая война”, “Экономика и финансы”.

В разделе “Русское зарубежье” центральное место занимают документы личного происхождения – дневник С.П. Мельгунова за 1933, 1939–1944 гг. (1999. № 5), письма Н.А. Бердяева, И.А. Бунина, А.А. Кизеветтера, П.А. Кропоткина (дореволюционные), Ю.О. Мартова, Н.В. Устрялова. Из других публикаций привлекают внимание документы казачьих объединений в третьем рейхе 1941–1943 гг. (1998. № 3), а также доклад Н.И. Астрова земско-городскому комитету (1922) о международной помощи русским беженцам за границей (1994. № 6).

В целом российский XX век отражен в журнале достаточно широко и разнообразно.

Содержание раздела “Век девятнадцатый” неизбежно носит выборочный характер. Непосредственно к XX в. примыкают документы Николая II – отметим здесь публикацию двух вариантов печально известной царской речи 17 января 1895 г. (1999. № 4). Александр III представлен письмами супруге Марии Федоровне (1994. № 3) и очерком о нем графа С.Д. Шереметева (1994. № 4). Финский историк П. Мустонен опубликовал “Положение о Собственной его императорского величества канцелярии”, составленное в 1818 г. (1997. № 1). Из документов видных государственных деятелей можно назвать “Мнение” графа Н.П. Румянцева (1802) о положении евреев в России (1994. № 5), записки А.В. Головнина (1848–1860) о необходимости освобождения крестьян (1995. № 4), воспоминания генерала А.Н. Куропаткина о событиях 1867–1882 гг. (1994. № 4). С интересом читаются документы о помощи американского народа во время голода в России 1891–1892 гг. (1993. № 1). Отметим также публикации писем Н.М. Карамзина, М.А. Бакунина, Г.В. Плеханова и др. В 1999 г. в журнале был отведен раздел “К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина”.

Еще более выборочный характер имеет, конечно, раздел “Из глубины веков”, охватывающий пять столетий. Древнейшими из опубликованных источников являются “Забытый документ XIV в. из находки 1843 г. в Московском Кремле” (1997. № 3) и жалованная грамота Ивана III от 1482 г. (1993. № 5). XVI век представлен такими интересными источниками, как Соборная грамота 1533 г. о ссылке вольнодумца Матвея Башкина (1993. № 2), английское описание Московского государства конца XVI в. (1995. № 3) и др. Наиболее широко показана эпоха Петра I – это британский источник XVIII в. об азовских походах (1997. № 3), записка В.Н. Татищева Петру (1724) о передаче казенных металлургических заводов частным владельцам (1993. № 1), письма А.Г. Головкина И.И. Шувалову и Вольтеру (1760), связанные с книгой Вольтера о Петре (Там же. № 4). К концу XVIII в. относятся документы о создании базы Черноморского флота в Севастополе в 1784–1793 гг. (1997. № 2).

Особое место в “Историческом архиве” занимает раздел “История и историки”, где помещены неизвестные исследования и письма Г.Ф. Миллера, А.Ф. Малиновского, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, П.Г. Виноградова, М.С. Грушевского, М.Н. Покровского, Н.И. Покровского, М.Н. Тихомирова, Е.А. Косминского, С.В. Бахрушина, М.В. Нечкиной, А.Г. Шляпникова, Е.Ф. Шмурло.

В некоторых номерах журнала в качестве разделов помещены тематические подборки в широких хронологических рамках.

В № 4 за 1996 г. под рубрикой “К 300-летию российского флота” даны пять публикаций – от статьи Е.Ф. Шмурло “О военном флоте Петра I” до проекта пятилетнего плана усиления Рабоче-Крестьянского Красного Флота 1925 г. В цикле “Из истории госслужбы в России” (1998. № 5/6) – документы РГАДА по истории госслужбы XVI–XVII вв. и органов разведки и контрразведки XVII–XVIII вв., дневниковые записи Ф.В. Дубасова о декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве, донесение чиновника особых поручений при председателе Совета министров 1913 г., а также “письма во власть” 1917–1920 гг. и документы ЦК РКП(б) 1921 г. о формировании в ВЧК личных дел ответственных работников (“номенклатуры”).

Пять номеров “Исторического архива” целиком посвящены определенным темам. Три из них однотипные: “Россия и Великобритания XVI–XX вв.” (1995. № 1), “Россия и Франция XVI–XX вв.” (1996. № 1), “Россия и Германия XVII–XX вв.” (1998. № 1). В этих номерах традиционные разделы журнала заполнены публикациями источников по соответствующей стране и ее связям с Россией (СССР). Так, в “Архиве вождей” мы находим документы “Особой папки” Политбюро о всеобщей забастовке в Англии в мае 1926 г., записи бесед И.В. Сталина и Мориса Тореза, Н.С. Хрущева и Шарля де Голля, К.У. Черненко и Э. Хонеккера; во “Второй мировой войне” – документы ЦАМО РФ о состоянии германских и советских ВВС в 1941 г., справку сотрудника советских спецслужб о Франции в годы оккупации; в “Государстве и церкви” – документы об обмене делегациями Англиканской и Русской православной церквей в 1943–1945 гг.; в “Народах и судьбах” – об отношении английской компартии к венгерскому кризису 1956 г.; в “Русском зарубежье” – о переговорах СССР и Франции по возвращению кораблей Черноморского флота в 1924–1925 гг.; в “Экономике и финансах” – о русско-французских межбанковских связях в 1907–1909 гг. и о том, как немцы передали русское золото Франции в 1918–1919 гг.; во “Внешней политике” – постановления Президиума ЦК КПСС 1961 г. об экономических связях с ГДР и записи бесед посла СССР во Франции В.А. Зорина с членами Политбюро ЦК КПФ в мае 1968 г.

“Век девятнадцатый” в тематических номерах представлен, в частности, письмами Николая II матери из Парижа (1896), королеве Виктории (1894–1900); “глубинный” XVIII век – документами о пребывании посланца Петра Великого А.А. Матвеева в Париже в 1705–1706 гг.; “Зарубежные коллекции в России” – письмами короля Франции Генриха II о завоевании Корсики (1553–1558). В разделе “История и историки” привлекает внимание отрывок из неопубликованной рукописи А.Ф. Малиновского “Повествование о древних сношениях России с Францией” (1825). Заметим, что источники по истории зарубежных стран можно найти и в других номерах “Исторического архива”.

Заслугой редакции можно считать выпуск второго номера за 1998 г., целиком посвященного 70-летию Дома Плеханова (сектор ОР РНБ). Наряду с материалами по истории самого Дома, здесь помещен цикл интересных источников о жизни и деятельности Плеханова и его окружения. Публикуются и документы, хранящиеся в других архивах.

Плодотворным оказался и эксперимент с созданием регионального тематического номера – “Нижегородский край в истории России” (1999. № 6). Здесь привлекает удачно найденное соотношение региональной и общей тематики. Многие “местные” события и лица объективно играли отнюдь не местную роль. Не только краеведы с интересом прочтут публикации “Как создавались гиганты индустрии” (письма секретаря Нижегородского крайкома А.А. Жданова партийному и советскому руководству 1930–1932 гг.), “О строительстве подводных лодок в г. Горьком. 1942 г.”, “Нижегородская ярмарка: попытка возрождения.

1923–1924 гг.», «Из истории создания музея-заповедника А.С. Пушкина “Болдино” 1928–1945 гг.», “Главный конструктор объекта КБ-11. К биографии Ю.Б. Харитона. 1956–1959 гг.”, письма академика С.Ф. Платонова, материалы к биографии патриарха Сергия (1901–1944) и др.

Наконец, в журнале имеется раздел “Фотолетопись”, где публикуются интересные архивные фотодокументы.

Всего в 40 книжках “Исторического архива” (включая № 1 за 2000 г.) помещено 426 публикаций разного объема и состава – из них свыше 350 по XX в. Согласно данным “Указателя”, в журнале опубликованы материалы 61 отечественного государственного архива и 29 зарубежных (11 стран), а также 22 отечественных и 3 зарубежных семейных архивов. Отечественные хранилища представлены всеми российскими федеральными архивами, Архивом Президента РФ, ведомственными архивами – МИД, МО, ФСБ, СВР, Военной коллегии Верховного суда СССР, Московской патриархии, РАН и ряда академических институтов, ведущих рукописных отделов библиотек и музеев, а также 11 региональных архивов и др. Отметим также Центр документации “Народный архив” и архив редакции самого журнала.

Указатель фамилий публикаторов включает свыше 300 имен (в том числе 14 иностранных). Среди них – и известные историки, и опытные архивисты (в том числе профессиональные публикаторы), и археографы-дебютанты, с которыми пришлось много работать сотрудникам редакции.

Аппарат публикаций (зачастую вынужденно ограниченный объемом) обычно складывается из вступительной статьи и комментариев (включающих и развернутые именные указатели). Во вступительных статьях зачастую совмещаются “историческое” и “археографическое” предисловие.

С точки зрения профессиональной археографии обращают на себя внимание заголовки публикаций. Как правило, они состоят из двух частей: собственно заголовка и подзаголовка. Приведем примеры из № 1 за 2000 г.: “Такой человек не может быть должником...” Письмо швейцарского социал-демократа Карла Моора В.И. Ленину 1918 г.; “Я не верю этому”. Отклики трудящихся на решения июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС; “Власть и крайние правые партии”. Запись беседы Дворцового коменданта В.А. Дедюлина (1908) и “Записка члена Совета министра внутренних дел Н.Ч. Зайончковского (1913)”. Как видим, первая часть делается по законам журналистики (часто в виде эффектной цитаты из документа), а вторая – по археографическим (и архивным) нормам. Видимо, подобное сочетание в современных условиях представляется целесообразным. Однако в целом (и это нужно подчеркнуть) публикации “Исторического архива” относятся к научному типу и ориентированы прежде всего на историка-профессионала, что, разумеется, не исключает стремления выйти и на более широкий круг читателей.

Помимо документальных публикаций, включенных в упомянутый “Указатель”, в “Историческом архиве” имеется раздел “Критика и библиография”, хотя и не слишком обширный – в 40 книгах помещено 30 материалов. 26 из них являются откликами на документальные публикации (остальные – на справочные издания и выпуски хроники “Рабочее движение в России”). В 1993 г. были напечатаны обзоры «Документальные публикации на страницах журнала “Отечественная история” за 1992 год» (№ 2) и рецензия на первые четыре выпуска альманаха “Российский архив”. После этого публиковались только рецензии на сборники документов. Из 24 таких рецензий одна относилась к документам XVIII в. (13-й том “Писем и бумаг императора Петра Великого”) и одна – XIX в. (“Деловая и частная переписка” Кришьяниса Валдемара, изданная в Риге). Все остальное посвящено XX в., причем половина – документам политических партий.

В № 3 и 4 за 1997 г. напечатан развернутый обзор Д.Б. Павлова “Отечественные и зарубежные публикации документов российских партий” (по данной теме

автор защитил докторскую диссертацию в форме научного доклада). Здесь находим достаточно полную и аналитическую картину истории ретроспективных публикаций документов “небольшевистских” партий, начиная с 1920-х годов. Отдельные рецензии посвящены каждому тому серии “Меньшевики в 1917 году”. Из известной серии “Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие” отрецензированы два тома по кадетам, один – по эсерам и один – по правым партиям. Высказанные рецензентами соображения дают много ценного для разработки темы “Археография истории политических партий России” (ср.: В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев). Документальное наследие российских партий (некоторые итоги серийной публикации) // АЕ за 1999 год. С. 3–18).

К историко-партийной проблематике близко примыкают отклики на такие сборники, как “Февральская революция 1917 года”, “Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.”, “Украинская Центральная Рада”. По советскому периоду отметим обзор Т.Ю. Просянкиной “Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны на страницах российских журналов (1990–1994 гг.)” (1995. № 5/6), рецензии на сборники “Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. 1919 г.”, “Сталинское Политбюро в 30-е годы”, “Голос народа”, “Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.”

Говоря о разделе “Критика и библиография”, нельзя не сказать, что вообще археографические издания рецензируются в нашей научной периодике совершенно недостаточно. Было бы логично предложить, чтобы именно “Исторический архив” взялся за это дело серьезно.

М.Ф. Шумейко

НОВОЕ СЕРИЙНОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ В БЕЛОРУССИИ

В истории белорусской археографии 1990-е годы отмечены рядом мероприятий организационного, научно-методического и практического характера. Важнейшее среди них – решение Госкомархива от 28 октября 1999 г. о создании в республике археографической комиссии¹. Несмотря на его паллиативность (комиссия имеет ведомственный характер), инициаторы создания белорусского научно-методического и координационного центра в сфере археографии и смежных с ней специальных исторических дисциплин рассматривают это как первый шаг на пути к появлению в республике Государственной археографической комиссии. С 2000 г. комиссия начинает издание “Белорусского археографического ежегодника”, на страницах которого планируется помещать статьи и сообщения по различным аспектам истории, теории и методики археографии, архивоведения, источниковедения, документоведения, обзоры и описания архивных фондов и коллекций, небольшие документальные публикации, рецензии, хроникальные материалы и т.п.²

Комиссия уже активно включилась в научную жизнь республики, приняв участие в подготовке и проведении двух научных конференций международного и регионального уровней – “Архивы на рубеже XXI века” (8–9 февраля 2000 г., Минск) и “90 лет Витебской ученой архивной комиссии” (24 ноября 1999 г., Витебск)³, разработке отечественных правил издания исторических документов и др. Ее гриф стоит на книге “Первая всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г.: Документы и материалы” (Минск, 1999).

Инициаторы создания комиссии возлагают на новообразованное учреждение большие надежды, не без оснований полагая, что ему удастся переломить сложившееся в Белоруссии индифферентное отношение к специальным историческим дисциплинам, наладить координацию публикационной деятельности, изжить археографический нигилизм в эдиционной сфере, заметно усилившийся в последнее время.

Что касается практической археографии 1990-х годов, то здесь следует отметить следующее: преобладание заказного характера стихийно появлявшихся документальных публикаций, отсутствие, как и раньше, единого научно-методического и координационного археографического центра и, наконец, сведение до минимума круга учреждений и организаций, занимавшихся камеральной и эдиционной деятельностью.

По-прежнему публикацию документов традиционно вели архивные учреждения, пополнившиеся в конце 1991 г. отраслевым НИИ документоведения и архивного дела с отделом археографии в своей структуре⁴. На их счету ряд докумен-

¹ См.: Архивы и делопроизводство: Науч.-практ. илл. журн. Минск, 2000. № 1. С. 31–32.

² См.: Літаратура і мастацтва (Литература и искусство). Минск, 2000. 3 марта. С. 16. (Далее: ЛіМ).

³ 90 лет Витебской ученой архивной комиссии: Материалы конференции. Витебск, 24 ноября 1999 г. Минск; Витебск, 2000.

⁴ См.: Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы: Бібліяграф. паказальнік. Мінск, 1997.

тальных изданий, а также описаний архивных материалов⁵. К сожалению, из числа учреждений, занимающихся практической археографией, почти совершенно выпал ранее игравший ведущую роль в публикации документов и материалов, а также в разработке методических вопросов археографии Институт истории Национальной академии наук Белоруссии⁶, уступив свое место академическому же Институту литературы им. Я. Купалы. Последний выступил инициатором новой документальной серии, которая и является объектом исследования настоящей статьи. В его активе – многие документальные издания, хотя и имеющие по преимуществу литературоведческий характер, но одинаково могущие быть отнесенными и к сфере археографии. Деятельность белорусского Института литературы, по нашему мнению, являет собой наглядное подтверждение предположения А.Д. Степанского о возможном и скором слиянии исторически сложившихся раздельно таких родственных дисциплин, как текстология и археография в одну, условно названную ученым “ретроэдиторикой”⁷.

И совсем не случайно, на наш взгляд, известный белорусский историк и археограф Н.Н. Улащик в неизданную при его жизни вторую часть книги “Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода”⁸ включил наряду с документальными публикациями академического Института истории (“Белоруссия в эпоху феодализма”. Минск, 1959–1979. Т. 1–4; “Инвентари магнатских владений XVII–XVIII вв.” Минск, 1977, 1982. Т. 1–2), Белорусского государственного университета (“Русско-белорусские связи”. Минск, 1963, 1972. Т. 1–2) и сборники документов, посвященные белорусским писателям XIX–XX вв.⁹, подготовленные научным сотрудником Института литературы им. Я. Купалы, выпускником Московского историко-архивного института Г.В. Киселевым. (До этого Киселев принимал самое активное участие в методическом обеспечении подготовки и в самой подготовке советско-польского серийного документального издания “Восстание 1863 года”; в 1964 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1994 г. он стал доктором филологических наук.) Более того, Улащик счел целесообразным особо выделить эти издания, отметив, что “из всех публикаций Белоруссии как в послевоенный период, так и вообще, сборники, выпущенные Г.В. Киселевым, являются самыми лучшими, они стоят на высоте тех требований, которые предъявляются к археографическим изданиям нашего времени”¹⁰.

Рассмотрение документальных изданий новой серии “Беларускі кнігазбор” белорусского Института литературы, полностью подтверждает высокую оценку научной деятельности Киселева как археографа и одновременно текстолога, которую ему дал Н.Н. Улащик: именно подготовленный Г.В. Киселевым сборник документов о К. Калиновском отличает наиболее высокий научный уровень сравнительно с предыдущими томами этой серии как в смысле передачи текста,

⁵ Архіўная справа на Беларусі ў дакументах і матэрыялах (1921–1995 гг.). Мінск, 1996; Белорусские оstarбайтеры: Угон населения Беларусі на принудительные работы в Германию. 1941–1944: Док. и материалы: В 2 кн. Минск, 1996. 1997; Архіў уніяцкіх мітрапалітаў: Дакументы па гісторыі царквы ў Беларусі XV–XIX стст. у фондзе “Канцылярыя мітрапаліта грэка-уніяцкіх царкваў у Расіі”: Даведнік. Мінск; Полацк, 1999; и др.

⁶ Правда, в начале 2000 г. в Минске издана 28-я книга Литовской метрики. Работу над ней в отделе специальных исторических дисциплин этого Института вел более 10 лет канд. филол. наук В.С. Менжинский.

⁷ См.: *Степанский А.Д.* Археография: термин, объект, предмет // ОА. 1996. № 3. С. 18.

⁸ См.: *Улашчык М.* Працы па археаграфіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі: 3 рукапіснай спадчыны. Мінск, 1999.

⁹ Пачынальнікі: 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. Мінск, 1977; Пуцывінамі Янкі Купалы: Дак. і матэрыялы. Мінск, 1981; 3 жыццяпісу Якуба Коласа: Дак. і матэрыялы. Мінск, 1982.

¹⁰ Улашчык М. Паказ. сач. С. 106.

так и археографического оформления документов, состава и объема научно-справочного аппарата и т.п.

Первый том серии, включивший избранные произведения известного белорусского поэта, этнографа, одного из пионеров в области собирания белорусского фольклора Яна Чечота (1796–1847), увидел свет в 1996 г. Инициаторы издания (среди них поэт Кастусь Цвирка, литературовед Я.Я. Янушкевич и др.) предусмотрели в нем две подсерии: “Художественная литература” и “Историко-литературные памятники”, к которым в 1999 г. добавилась третья – “Зарубежная литература”. Всего к началу 2000 г. было издано 10 томов. В первой подсерии, кроме вышеназванного сборника, аналогичные однотомники произведений и материалов поэтов Максима Богдановича (1891–1917) и Владимира Жилки (1900–1933), общественно-политического деятеля, историка, филолога, этнографа В.У. Ластовского (1883–1938), белорусского и польского писателя, одного из основоположников новой белорусской литературы Яна Борщевского (1794–1851), ныне здравствующего народного писателя Белоруссии Янки Брыля, а также избранные произведения, переписка, публицистика, дневники, воспоминания участников тайных обществ филоматов и филоретов, действовавших в 1817–1823 гг. в Виленском университете (среди них известные литературные и общественные деятели Адам Мицкевич, Ян Чечот, Томаш Зан и др.). Во второй подсерии – сборники “Беларускія летапісы і хронікі” (Минск, 1997), “Кастусь Каліноўскі. За нашу вольнасць: Творы, дакументы” (Минск, 1999); в третьей – избранные произведения И.-В. Гёте (Минск, 1999), 250-летие со дня рождения которого мировая общественность отмечала в 2000 г.

Составители хорошо продумали не только содержание подсерии, но и их внешнее унифицированное оформление: обложку первой отличает бордовый цвет, второй – зеленый, третьей – синий. Цели серии, в которую предполагается включить 200 томов (составители окрестили ее “золотой библиотекой Белоруссии”), следующие: “вернуть в родную литературу важнейшие произведения разноязычных писателей Белоруссии”, сделать доступными для “простого люда” памятники древней и средневековой белорусской письменности, оригинальные документы нового и новейшего времени, “познакомить белорусского читателя с творчеством самых знаменитых классиков мировой литературы”.

Очевиден популярный характер издания. На это (еще до анализа содержания составляющих его томов) указывает хотя бы следующее замечание К. Цвирки: “Кроме белорусскоязычных, в серию будут включены латиноязычные, польскоязычные и другие произведения уроженцев Белоруссии *в переводе на современный белорусский язык*” (выделено мной. – М.Ш.). Русскоязычные произведения будут подаваться в оригинале без перевода – как публикация¹¹.

Оставляя для текстологов и литературоведов книги первой и третьей подсерий¹², за исключением “ластовского тома”, остановимся на содержании “зеленого издания”, как сугубо археографической продукции. Первым (и по времени издания тома, и по происхождению включенных в него документов) является “летописный” сборник, составленный белорусским писателем В.А. Орловым (историком по образованию и пишущим преимущественно на исторические темы) как бы из двух частей. В первую, весьма небольшую по объему, включены фрагменты Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской, Киевской, Галицко-Волынской летописей – о полоцких княгине Рогнеде, князе Всеславе, прозванном “чародеем”, событиях полоцкой истории XII в., деятельности литовско-белорусских князей второй половины XIII в. Перевод летописей с древнерусского на современный белорусский язык и комментарии к ним подготовил В.А. Чемерицкий,

¹¹ ЛіМ. 2000. 7 янв. С. 2.

¹² На необходимость их критической оценки со стороны литературоведов указывали рецензенты. См., например: ЛіМ. 1998. 16 окт. С. 7.

известный в республике исследователь данного вида источников, автор монографии “Белорусские летописи как памятник литературы” (Минск, 1969. На белорус. яз.). Он же является научным редактором тома и автором предисловия к нему. В последнем Чемерицкий так объясняет необходимость включения в белорусский летописный сборник памятников древнерусского характера: “Поскольку вопрос о существовании оригинального местного летописания на белорусских землях в XI–XIII вв. остается открытым, тем большее значение имеют исторические известия, повести и рассказы древнерусских летописных сводов о событиях, касающихся нашей давней истории. Они не только неоценимый источник наших знаний о белорусском средневековом былом. В этих летописях – и один из истоков белорусской исторической прозы”¹³.

Один из разделов рассматриваемой части сборника назван В.А. Чемерицким “Страницы Полоцкой летописи”, хотя, как известно редактору, можно лишь гипотетически говорить о существовании последней¹⁴. В нем приведены летописные записи за 1116–1186 гг., взятые из Ипатьевской, Воскресенской и Лаврентьевской летописей и объединенные общей темой. Такая сознательная контаминация объясняется публикатором двумя причинами: “Во-первых, они посвящены преимущественно полоцкой истории. Во-вторых, как предполагают отдельные ученые, среди этих записей, возможно, сохранились следы пропавшей Полоцкой летописи. По крайней мере, несомненно, что так детально и небезразлично описать события 1158 г. в Полоцкой земле мог только их непосредственный участник, их живой свидетель”¹⁵.

Вторая часть сборника представляет собой перепечатку памятников местного, белорусско-литовского летописания, начиная с первого общегосударственного летописного свода, составленного в Великом княжестве Литовском около 1430 г. и до Могилевской хроники Т. Сурты и Ю. Трубницкого, которая велась с конца XVII до середины XIX в. В отличие от первой части здесь уже указаны источники, по которым публикуются летописи, в большинстве – “улащиковские”, 32 и 35-й тома Полного собрания русских летописей (1975 г. и 1980 г.). Они подаются также в переводе со старобелорусского (Летопись великих князей литовских, Хроника Быховца, Похвала... князю Константину Ивановичу Острожскому, Повесть про женитьбу короля польского и великого князя литовского, русского и жомойтского Жигимонта Августа с Барбарою Радзивил, Баркулабовская летопись) и польского (Витебская летопись, Могилевская хроника Т. Сурты и Ю. Трубницкого) на современный белорусский язык.

Рецензенты отмечали, что для того, чтобы анализировать уровень переводов, необходимо иметь под рукой оригиналы¹⁶. К сожалению, они отсутствуют в сборнике, за исключением Баркулабовской летописи и то поданной составителями в адаптированном виде. К стати, о последней следует сказать особо. Этот наиболее интересный памятник местного летописания (о чем свидетельствует и факт переиздания Баркулабовской летописи, по нашим подсчетам, 12 раз в разных формах, включая и публикацию А.Н. Мальцевым в АЕ за 1960 год (М., 1962)), почему-то оказался обойденным вниманием научного редактора: в предисловии он отвел летописи буквально четыре абзаца, в то время как Хронике Быховца посвятил едва ли не четыре страницы.

Очевидно, по аналогии с Баркулабовской летописью, разделенной ее автором на озаглавленные разделы, современный публикатор решил сделать то же самое и с Хроникой Быховца, “располосив” неполную сотню страниц хроники

¹³ Беларускія летапісы і хронікі. Мінск, 1997. С. 10.

¹⁴ См., например: *Чамярыцкі В.* Таямніцы Полацкага летапісу // Архивы и делопроизводство. 1999. № 1. С. 31–37.

¹⁵ Беларускія летапісы і хронікі. С. 394.

¹⁶ ЛіМ. 1998. 6 марта.

67 заголовками, заключив их, правда, в квадратные скобки. По этому поводу один из рецензентов совершенно справедливо заметил: «Не будет ничего странного, если следующие издатели наших летописей увеличат “Хронику Быховца”, оставив десяток-другой заголовков или совсем откажутся от свободного (так в тексте. – М.Ш.) обхождения с историческим первоисточником»¹⁷. Правда, этот же рецензент “отпускает” составителям все их грехи во имя главного, что они, по его мнению сделали, а именно, провели огромную работу по приближению летописных страниц к современнику, “вернули в широкое обращение большой пласт белорусского текста”.

Как уже отмечалось, “Избранные произведения” Вацлава Ластовского носят по преимуществу литературоведческий характер¹⁸. И тем не менее мы включили их в объект исследования настоящей статьи исходя из следующих обстоятельств. Во-первых, привлекла незаурядность личности автора, имя которого до недавнего времени было под гласным и негласным запретами, и, во-вторых, Ластовский все же помимо политической, общественной и литературной деятельности занимался и историческими изысканиями, а также камеральной и эдиционной археографией. Известно, что он был автором первой книги по истории Белоруссии, изданной в 1910 г. в Вильно на белорусском языке – “Кароткая гісторыя Беларусі”. Она удостоилась следующей оценки в учебнике 1970-х годов по историографии: “Старательно обходит вопросы классовых отношений буржуазный белорусский националист Власт (В. Ластовский). Искажая факты, он выискивает в прошлом белорусов наличие самостоятельной государственности, которой они не имели вплоть до Октябрьской революции”¹⁹.

В.У. Ластовский, отойдя весной 1923 г. от активной политической деятельности и проживая в Литве, обратился к научным занятиям, в том числе и к археографии. В 1925 г. в Каунасе был переиздан отдельной книгой подготовленный им Летописец Великого княжества Литовского и Жомойтского. И хотя данная работа не носила оригинального характера (Ластовский буквально “слово в слово” перепечатал текст источника по “Западнорусским летописям” из т. 17 ПСРЛ), в предисловии к ней составитель показал себя вдумчивым исследователем. (К вопросу о “табу” на имя Ластовского: данная его публикация, конечно же, известная Н.Н. Улащику, не была тем не менее упомянута ученым в монографии “Введение в изучение белорусско-литовского летописания”. М., 1985.) К сожалению, ее обошли вниманием и составители тома в серии “Беларускі кнігазбор”.

В 1926 г. в Каунасе была издана книга “Гісторыя беларускай (крыускай) кнігі: Спраба паясніцельнай кнігапісі ад канца X да пачатку XIX стагоддзя”, носившая характер археографически-палеографической хрестоматии и включившая в себя описание свыше 900 памятников письменности как белорусского, так и общеславянского происхождения. Огромный фолиант (почти 800 с.), оформленный известным русским художником М.В. Добужинским, произвел позитивное впечатление на читателей-современников, преимущественно белорусов, проживавших в Литве, и в то же время вызвал довольно критические отзывы со стороны белорусских советских ученых. Так, известный филолог, председатель отдела гуманитарных наук Института белорусской культуры, предшественника бе-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Составитель “Избранных произведений” В. Ластовского давно и успешно занимается работой по выявлению и изучению документов белорусского ученого и политического деятеля. Он является автором книги о Ластовском. См.: *Янушкевіч Я.* Неадменны сакратар Адраджэння: Вацлау Ластовскі. Мінск, 1995.

¹⁹ Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. Допущено в качестве учебника для студентов вузов специальностей “историко-архивоведение” и “история”. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971. С. 444.

лорусской Академии наук, С.М. Некрашевич обращал внимание на чрезмерное увлечение автором рассуждениями общеисторического характера – о “Кривии”, политических отношениях белорусско-литовского государства с соседями – в ущерб качеству описания памятников письменности. Критические замечания Некрашевича, сделанные им в 1920-е годы в адрес книги Ластовского, дополняют современные белорусские историки, филологи, археографы²⁰. И тем не менее, несмотря на наличие в данной работе многих ошибок фактического, методического, редакционного характера, в значительной мере объясняемых условиями, в которых ее готовил Ластовский, она может быть поставлена в один ряд с аналогичными описаниями П.А. Гильтебрандта, Ф.Н. Добрянского и др.²¹. Предисловие к этой фундаментальной работе Ластовского перепечатывается в “Беларуском кнігазборы”.

Из других работ исторического характера, ранее публиковавшихся Ластовским в белорусских газетах “Наша ніва” (Вильно, 1906–1915), “Гоман” (Вильно, 1916–1918), журнале “Крывіч” (Ковно, 1923–1927, вышло 12 номеров), а также отдельными изданиями, и перепечатываемых в “бордовом” томе, отметим следующие: предисловие к книге “Кароткая гісторыя Беларусі” (1910), статьи “Земские суды” (1912), “Копные суды” (1912), “350-летняя годовщина печати в Московии” (1914), “Белоруссия под Россией” (1919), “Сжигание книг в Белоруссии” (1924), “Виленская греко-латино-русская академия” (1924), “Смерды” (1924), «О названиях “Кривия” и “Беларусь”» (1925), рецензии на книги В.И. Пичеты “История Белоруссии” (1925), В.М. Игнатовского “История Белоруссии в XIX и начале XX века” (1925) и др. Самостоятельный научный интерес представляют 14 писем В. Ластовского за 1908–1936 гг., а также помещенные в дополнении к тому его автобиографические материалы (анкета, выписка из метрической книги, заявление арестованного В. Ластовского следователю и др.).

Сборник “Кастуць Калиновский. За нашу свободу. Произведения, документы” впечатляет прежде всего обстоятельностью научно-справочного аппарата: из 460 с. книги он занимает около 230 с. В его состав входят общеисторическое предисловие “Рыцарь свободы”, послесловие “Кастуць Калиновский, его время и наследие”, которое носит историографически-археографический характер (в нем составитель критически рассматривает предшествующие документальные публикации о К. Калиновском, акцентируя особое внимание на “Мужицкой правде”, “Письмах из-под виселицы” и других публицистических произведениях революционера²²), примечания по содержанию, словарь полонизмов и диалектизмов, встречающихся в белорусских текстах, хроника жизни и деятельности К. Калиновского, развернутый именной указатель, содержание. В сборнике немного оригинальных, ранее неиздававшихся документов и материалов. Данное издание претендует на своеобразную квинтэссенцию “калиновсковедения”, ибо в нем не обойдена вниманием ни одна мало-мальски заметная документальная публикация о выдающемся белорусском революционере-демократе, появившаяся за более чем 120 лет.

Не скованный сравнительно со своими предшественниками – археографами 20–80-х годов жесткими идеологически-цензурными оковами Г.В. Киселев объе-

²⁰ См., например: Русь–Литва–Беларусь: Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии: По материалам межд. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащик (г. Москва, 31 января 1996 г.). М., 1997. С. 195, 197; *Нікалаеу М. Палата кнігапісна: Рукапісная кніга на Беларусі X–XVIII стагоддзях*. Мінск, 1993. С. 46.

²¹ Перечневая опись рукописей Виленской публичной библиотеки / Сост. П.А. Гильтебрандт. Вильна, 1871. Вып. 1; Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских / Сост. Ф.Н. Добрянский. Вильна, 1882.

²² Фрагмент послесловия опубликован в форме статьи. См.: *Киселев Г.В.* К истории публикации творческого наследия К. Калиновского // Русь–Литва–Беларусь. С. 131–140.

ктивно и убедительно, на наш взгляд, прокомментировал наиболее противоречивые и неоднозначно воспринимаемые положения документов, созданных Калиновским, и отразивших его политические взгляды (в частности, крайне негативные, даже оскорбительные для чувств верующих оценки православия, завышенная оценка деятельности униатской церкви и др.). Выше всяких похвал текстологическая работа составителя, результаты которой нашли отражение в многочисленных текстуальных примечаниях, специальном разделе предисловия. Не будет преувеличением утверждение о том, что данный сборник являет собой образец археографической “калиновскианы”.

В заключение отметим, что появление в Белоруссии новой документальной серии, не носящей явно выраженного заказного, юбилейного характера, представляет собой отрядный факт. В совокупности с другими мероприятиями организационного характера, о которых речь шла в начале статьи, он не может не свидетельствовать об интересе, проявляемом историками, литературоведами, архивистами республики к развитию археографии (включая и ее практическую часть) – интегрирующей научной дисциплины и сфере деятельности, призванной содействовать углублению и расширению научных исследований во всех областях знаний²³.

²³ Об интегрирующем характере археографии см.: *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 560–561.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Памятники русской агиографии – собственно жития, а также сопутствующие им в сборниках другие сочинения (Сказания о чудесах, сказания об обретении мощей, похвальные слова и т.п.) – выявлены, изучены и тем более изданы лишь в небольшой своей части, хотя перед нами жанры, наиболее авторитетные и широко распространенные в древнерусской книжности¹. Существующие обзоры житий основаны на весьма ограниченном материале. Так, в знаменитой книге В.О. Ключевского² сообщается о 160 с лишним житиях, перечислено более 660 списков, извлеченных из 321 сборника³. Но рукописные фонды, известные и доступные в годы работы Ключевского, отражены далеко не полно. Ученый не смог привлечь, например, списки из богатейших петербургских архивов. Он упоминает всего 6 списков житий из собрания М.П. Погодина, с 1852 г. находящегося в ОР РНБ, тогда как только в одном выпуске Каталога этого собрания, включающем рукописи под № 637–805 отмечено 83 жития, представленных несколькими сотнями списков⁴. Совершенно не отразилось в названной книге основное собрание ГПБ, и, естественно, не могли быть учтены собрания, поступившие в библиотеку позднее: Кирилло-Белозерское, Общества любителей древней письменности, П.П. Вяземского и А.А. Титова и т.д. Фундаментальный труд Н.П. Барсукова, целью которого и был учет и регистрация списков житий и других произведений агиографического цикла⁵, также весьма далек от полноты. Так, Барсуков, подобно Ключевскому, совершенно не использовал богатейшее, но не описанное Погодинское собрание, а сведения о рукописях Соловецкого собрания, находившегося в то время в Казани, он извлек из описи Соловецкого монастыря 1676 г., опубликованной Игнатием⁶. Значительное место среди источников Барсукова занимают каталоги монастырских, церковных и частных собраний, а также данные, извлеченные из словаря П.М. Строева⁷. Все эти сведения требуют проверки и уточнения: выявления сохранившихся рукописей и установления их современного “адреса” и шифра.

Поэтому исследователи всякий раз вынуждены самостоятельно производить археографические разыскания. Об их объеме можно судить по такому примеру: в монографии Р.П. Дмитриевой⁸ учтено более 360 списков Повести о Петре и Февронии, выявленных ею в 108 собраниях, находящихся в библиотеках Москвы,

¹ В данной статье речь идет только об оригинальных русских житиях. Памятники переводные заслуживают особого рассмотрения.

² *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

³ См.: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития.... Репринтное издание, подготовленное А.И. Плигузовым и В.Л. Яниным (М., 1988). Послесловие А.И. Плигузова и В.Л. Янина. С. 10.

⁴ Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Вып. 3 (в печати).

⁵ *Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.

⁶ *Игнатий.* Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. СПб., 1847. Приложение.

⁷ *Строев П.М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведены в порядок и изданы под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1882. Вероятно, Барсуков пользовался рукописью, так как работу над “Источниками” он завершил в 1881 г.

⁸ *Повесть о Петре и Февронии* / Подгот. текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.

Петербурга, Твери, Ярославля, Новосибирска, Саратова, Муром, Загорска, Кива и других городов. По существу каждый исследователь жития, готовящий его критическое издание, должен произвести подобную же титаническую работу, связанную с поездками в другие города, просмотром рукописных описаний фондов, как правило, лишенных указателей и т.д. Не удивительно, что во второй половине минувшего века удалось осуществить лишь не более двух десятков критических изданий житий⁹. В целом же, картина с публикациями житий более чем удручающая.

Проиллюстрируем свою мысль таким примером. По данным “Словаря книжников и книжности Древней Руси”¹⁰, по крайней мере 25 из упомянутых там житий вообще не издано, а большинство опубликовано в XIX в. по отдельным, часто случайным и поздним спискам.

Из сказанного следует, что важнейшей задачей представляется создание свода русских житий: монографических исследований, сопровождаемых критическими изданиями текстов, отвечающими требованиям современной науки. Эту задачу, для реализации которой потребуются в конечном счете не одно десятилетие, и поставил перед собой Отдел древнерусской литературы ИРЛИ РАН, полагая при этом, что по единым принципам и программе могут работать исследователи из многих вузов и архивов России.

Первым этапом такой работы должно стать составление Каталога житий и сопутствующих им нарративных и гомилетических памятников. Поэтому основным объектом для составления Каталога явятся отдельные списки житий, а в основном – сборники как смешанного, так и устойчивого (Торжественники, Минеичетьи) состава. Однако если в сборниках, как это нередко бывает, встретятся также службы и фрагменты из них или проложные жития, они также будут регистрироваться. Дело в том, что на данном этапе работы не предполагается расписывать служебники, служебные минеи, прологи: во-первых, все они встречаются в огромном количестве списков, и это существенно затормозит составление Каталога, ориентированного на памятники нарративные и гомилетические, а во-вторых, и это главное – рукописи этих жанров требуют особых принципов росписи, учитывающие историю пролога, минеи и служебников как особого типа книги. Однако если кто-либо из составителей свода посчитает необходимым включить в свое издание службы или краткие жития, входящие в пролог, то он не должен будет вновь обращаться к сборникам и выбирать из них спорадически встречающиеся там тексты: эта выборка, как сказано выше, уже будет осуществлена при росписи сборников.

Для Каталога не предполагается вводить хронологические ограничения: рукописный материал будет учитываться вне зависимости от времени написания: известно немало случаев, когда списки XVIII, XIX и даже XX вв. донесли до нас тексты древних редакций.

Должны быть учтены все рукописи каждого собрания, вошедшие в печатные и машинописные (или рукописные) каталоги. Характер этих описаний и каталогов подскажет в каждом конкретном случае степень полноты описания памятника. Но совершенно обязательным явится указание научного наименования (если оно бесспорно определено), а в остальных случаях – самоназвания (“Сказания о явлении и чудесах”, “Чудеса от мощей”, “Слово о проявлении мощей”, “Обретение тела” и т.п.), указывается собрание, номер рукописи и лист, на котором начинается текст памятника. Что же касается проведения инципитов, то этот вопрос еще требует обсуждения и может быть решен лишь после предварительной, “по-

⁹ Конечно, идеологическая обстановка XX в. не очень способствовала изучению агиографического жанра, однако критические издания отсутствовали и в XIX – начале XX в. Причина – сложность учета и классификации многочисленных списков житий.

¹⁰ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. (СПб), 1987–1998. Вып. 1–3.

исковой” обработки нескольких петербургских собраний. Дело в том, что, во-первых, не во всех печатных и тем более рукописных описаниях инципиты приводятся, а во-вторых, и это самое главное – вариативность инципитов способна исказить характеристику памятника: известны случаи вариативности инципитов в списках одной разновидности памятника и совпадение инципитов разных редакций. Во всяком случае текстологическая характеристика включаемых в Каталог памятников может быть осуществлена лишь исследователем конкретного жития или житийного цикла, а поспешные выводы и необоснованные дефиниции могут только исказить действительную картину.

Работа по составлению Каталога, призванного вобрать в себя сведения о тысячах списков сотен памятников, рассеянных во многих десятках хранилищ (библиотек, архивов, музеев), потребует объединения усилий специалистов из разных городов. И было бы чрезвычайно ценно, если бы Археографическая комиссия РАН наряду с Отделом древнерусской литературы ИРЛИ приняла бы посильное участие в координации работы. Ее результаты будут не только необходимы для создания Свода житий, но и окажут немалую пользу практической археографии – описанию наших рукописных собраний.

В.В. Морозов

ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД XVI ВЕКА: УРОКИ ИСТОРИОГРАФИИ

(продолжение)*

К началу 1940-х годов “зерна” интересов, посеянные еще Д.П. Голохвастовым, похоже, дали всходы, только с несколько смещенными акцентами. Исследователей привлекла история царствования Ивана Грозного, занимающая два последних тома Лицевого летописного свода (далее – ЛС), в которых взаимоотношения отдельных частей так и не были установлены. В них важным казалось выявление тенденциозности правки и связанной с ней замены первой версии истории (в Синодальном томе; далее – С) на вторую (в Царственной книге; далее – Ц). В конечном счете, возникла обширная полемическая литература, где постепенно изучение ЛС свелось к интерпретации приписок. Так, С.В. Бахрушин видел смысл работы редактора в опорочивании деятельности бояр в годы малолетства Ивана Грозного и особенно членов того кружка, который известен в исторической науке как “Избранная рада”¹. Бахрушин обратил особое внимание на то, что большая часть вставок редактора “касается эпизодов, упоминаемых Грозным в переписке с князем Курбским”, а “самое фактическое содержание в посланиях Грозного близко к тексту вставок”². Источниками вставок ученый назвал следственные дела, разрядные записи, личные воспоминания (например, характеристика Сильвестра, вставленная редактором-автором приписок ЛС в Повесть о болезни Ивана Грозного³).

Почти в то же самое время над приписками работал С.Б. Веселовский, но статья, подготовленная им, вышла значительно позже⁴. С.Б. Веселовский относил приписки в Ц к 70-м годам (“лет 18–20 спустя после болезни царя 1553 г.”), считая их написанными “при непосредственном участии самого царя и с определенной тенденцией – оправдать самого царя в казни старицких князей”⁵, что привело к ненадежности и грубой тенденциозности приписки в Ц под 1553 г.⁶ В целом же, по мнению исследователя, приписки были одним из элементов памфлетной борьбы Ивана Грозного и Андрея Курбского.

Ряд работ, посвященных двум последним томам ЛС, вышел из-под пера Д.Н. Альшица. В первой из них сформулированы основные посылки исследователя: текст С за 1553–1560 гг. редактировал Иван Грозный в 1563 г.; между 1564 и 1568 гг. (в процессе переписки с Курбским) царь правил текст Ц, являющейся белой копией С; после раскрытия “заговора” Старицких и разгрома Новгоро-

* Начало см.: АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 52–65.

¹ Бахрушин С.В. Иван Грозный // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 327. (Впервые напечатана отдельным изданием: М., 1942); Он же. “Избранная рада” Ивана Грозного // Там же (Впервые напечатана: ИЗ. 1945. Т. 15. С. 29–56).

² Бахрушин С.В. Иван Грозный. С. 332.

³ Там же. С. 333.

⁴ Веселовский С.Б. Интерполяции так называемой Царственной книги о болезни царя Ивана 1553 г. // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

⁵ Веселовский С.Б. Последние уделы в северо-восточной Руси // ИЗ. 1947. Т. 22. С. 106.

⁶ Веселовский С.Б. Интерполяции... С. 269.

да выяснилось, что летопись следует заново переделывать, и работа была прекращена⁷. В последовавших за этой статьей работах⁸, автор, в основном, защищает и развивает ее важнейшие положения. Его точка зрения получила отражение в популярной литературе⁹. К сожалению, и четыре десятилетия спустя, несмотря на убедительные возражения оппонентов, автор остался тверд в своих убеждениях¹⁰, чему, возможно, способствовала сохранившаяся популярность: до сих пор его работы остаются в списках рекомендуемой литературы вузовских программ¹¹.

Исходная позиция Д.Н. Альшица – одновременность приписок в С и Ц, как следствие получения Иваном Грозным письма “отбежавшего” за рубеж А.М. Курбского – привела к отрицанию достоверности приписки в Ц о болезни царя в 1553 г. Исследователь полагал, что в приписке в С (под 1554 г.) речь шла о широком заговоре в пользу В.А. Старицкого, а в Ц – об открытом мятеже¹².

В этой концепции много слабых мест, а потому она легко разрушалась ее противниками. Д.Н. Альшиц считал, что “царь руководствовался отношением к героям своего рассказа, которое у него было в момент написания рассказа, т.е. в 1567–1568 гг.”, словно не замечая высокого положения Н.А. Фуникова вплоть до 1570 г., когда он был казнен вместе с другими “заговорщиками”, “постепенное разоблачение которых происходило с 1567 г.”¹³ Парадокс такой концепции в том, что разоблачение “происходило”, а царь наперед писал о Фуникове как о личном враге и терпел его возле себя, по крайней мере, еще два года. Если принять мнение Д.Н. Альшица, что приписки в Ц написаны в 1567–1568 гг., но в то время, когда И.П. Федоров был уже “покойником”¹⁴, то сделаны они в сентябре–декабре 1568 г. Если же вспомнить явно доброжелательную характеристику того же Федорова в приписке о болезни царя в 1553 г. (об этом Альшиц предпочел умолчать), то, по его логике, приписки появились до казни боярина-руководителя земщины. Но сам исследователь подчеркнул, что Федоров “был особо жестоко казнен буквально накануне составления приписки”¹⁵ (под 1547 г., курсив мой. – В.М.). Вступая в противоречие с источником, Альшиц делит всех героев приписки в Ц о болезни Ивана Грозного в 1553 г. “на две, и только на две группы: на тех, кто оставался верен царю, и на тех, кто оказался враждебным ему”, но тут же называет группу “колеблющихся”, которые у него соединены с “противящимися”¹⁶, хотя можно назвать и “колеблющихся”, более склонных к царю.

Вместе с тем Д.Н. Альшиц *отказался признать какой-либо из дошедших до нас списков Никоновской летописи* (далее – НЛ) *непосредственным источником С*, текст которого подвергся особой правке¹⁷. Отмечен им и иной характер

⁷ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Изв. 1947. Т. 24. С. 251–289.

⁸ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Изв. 1948. Т. 25. С. 266–292; *Он же*. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // ТГПБ. Л., 1957. Т. I (IV). С. 119–146; *Он же*. Крестцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // ИСССР. 1959. № 4. С. 147–155; *Он же*. Иван Грозный или Иван Висковатый? // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 617–625.

⁹ Пересветов Р.Т. Загадочные приписки // Новый мир. 1960. № 9. С. 205–212; *Он же*. По следам находок и утрат. М., 1961. С. 105–133; *Он же*. Тайны выцветших строк. М., 1961. С. 103–128.

¹⁰ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 207–229.

¹¹ Отечественная история: Сборник типовых программ для педагогических высших учебных заведений. М., 1999. Ч. 2. С. 45.

¹² Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников... С. 266–268.

¹³ Там же. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 285, примеч. 79.

¹⁵ Альшиц Д.Н. Источники и характер редакционной работы... С. 139.

¹⁶ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников... С. 278.

¹⁷ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки... С. 255.

изложения в С до 1560 г., продиктованный, вероятно, существованием источника, заканчивавшего известиями 1560 г.¹⁸ По мнению исследователя, С составлялся ранее 1559 г., и его видел А.М. Курбский до отъезда из Москвы¹⁹. Редактирование С, оканчивающегося известиями 1567 г., в 1563 г. сомнительно уже потому, что в таком случае летопись (отвергнутую редактором) продолжали вести одновременно с исправленной ее копией – Ц. Д.Н. Альшиц не объяснил причины ведения сразу двух лицевых официальных летописей, а отсюда вытекают его трудности с датированием приписок Ц. По его мнению, это происходило то “раньше 1568 г.”, то после казни И.П. Федорова (11 сентября 1568 г.), то в 1567 или 1568 гг., то в 1566–1567 гг., то наконец, между 1564–1570 гг.²⁰ Получается, что царь (а “строгости” его, как писал еще М.М. Щербатов, хорошо известны) постоянно, на протяжении семи лет редактировал летопись, подправляя ее под текущие события.

В конце 80-х годов концепцию Д.Н. Альшица признал неопровержимой А.Н. Гробовский, полагавший, что приписки в Ц “следует рассматривать в свете взаимоотношений царя Ивана с князем Владимиром Андреевичем Старицким в 1560-е годы в контексте опричнины”²¹ и считавший приписки в обеих лицевых летописях разновременными²².

С тех же методических позиций подошел к проблеме и Н.Е. Андреев, по мнению которого рассказ о болезни Ивана Грозного был написан по указанию царя И.М. Висковатым (однако не аргументировал непосредственность использования именно письменного источника при внесении приписки в текст Царственной книги) в связи с решением об устранении Старицких между началом 1569 и серединой 1570 г. Сюда же он внес пассаж о Сильвестре, в котором выразил неприязнь не только к священнику, но и к самому царю. Рассказ о болезни царя, по мнению Андреева, состоит из трех частей: *воспоминания очевидца-героя приписки* (Висковатого), *какие-то поздние записи* (доносы И.П. Федорова и Л.А. Салтыкова) и личное мнение того же Висковатого о его противнике (по соборам 1553–1554 гг.) – Сильвестре²³.

Н.Е. Андреев полагал, что работа по составлению С и Ц шла параллельно. Первую из названных летописей, доведенную до 1560 г., привезли к Ивану Грозному в 1558 г. (поскольку она была “в более законченном виде”) для “определения дальнейших тенденций летописания”. Вскоре после этого И.М. Висковатый начал (по указанию царя) редактировать ее, а затем (несколько позднее) – вторую (“корректуры будущего единого сводного текста лицевой летописи”)²⁴. Взаимоотношения двух частей в рамках “будущей” единой летописи остались необъясненными, но предполагаемое время их редактирования несколько расширилось: август–сентябрь 1568 – середина июля 1570 г.

¹⁸ Там же. С. 257–259.

¹⁹ Там же. С. 264. Д.Н. Альшиц ссылается на статью И.Н. Жданова: “Сочинения царя Ивана Васильевича” // *Жданов И.Н.* Сочинения. СПб., 1904. Т. I. С. 123–124, который, однако, ничего не писал о том, что А.М. Курбский мог видеть именно Синодальный том, но указывал на знакомство князя Курбского с “летописной книгой”, содержавшей историю взятия Казани и входившей во все летописи середины XVI в. Сам Курбский не сообщал, что виденная им “летописная книга” была лицевой. См.: РИБ. Т. XXXI. Стб. 195.

²⁰ Ср.: *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки... С. 583; *Он же.* Иван Грозный или Иван Висковатый? С. 619; *Он же.* Происхождение и особенности источников... С. 285, примеч. 79; С. 266, примеч. 1; С. 286, 288; *Он же.* Крестоцеловальные записи... С. 152.

²¹ *Гробовский А.Н.* Иван Грозный и Сильвестр: История одного мифа. Лондон, 1987. С. 69.

²² Там же. С. 68.

²³ *Andreyev N.* Interpolations in the 16-th century Muscovite Chronicles // *The Slavonic and East European review.* London. 1956. Т. XXXV. № 84. P. 95–115.

²⁴ Там же. P. 141–143.

В завязавшейся полемике принял участие и А.А. Зимин, считавший необходимым подчеркнуть упадок летописного дела в годы опричнины²⁵. По его мнению, Ц – это переписанный начисто текст С за 1533–1553 гг., приписки в котором сделаны на реальной основе “самим Иваном Грозным в годы кануна и первого периода опричнины” (в той же работе сделана оговорка, и они датированы уже 60–70-ми годами)²⁶. Царственную книгу, как полагал А.А. Зимин, редактор (им мог быть И.М. Висковатый) правил между началом 1569 и июлем 1570 г.²⁷, обращая особое внимание на текстуальную и идеологическую близость приписок в ней и Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому.

Полемизируя с Д.Н. Альшицем, А.А. Зимин упрекает его в том, что тот не нашел палеографического рубежа для первой части С, заканчивающейся 1560 г. Но Альшиц искал “рубеж 1560 г.” для обоснования возможности раннего датирования приписок. Зимин отрицал “рубеж 1560 г.” в самом С, но указал на *возможность стыка двух источников лицевой летописи* для обоснования невозможности раннего датирования редакционной правки²⁸.

После казни Висковатого, полагал А.А. Зимин, ЛС был оставлен, бумага, предназначенная для него, передана в Посольский приказ, где ее использовали при составлении книги дипломатических отношений с Польшей № 9 (1570–1571). Но филигрань ее отнюдь не те же самые, что на бумаге ЛС, как утверждал А.А. Зимин, ссылаясь на Н.П. Лихачева²⁹, а более ранние, предшествующие тем, что на бумаге ЛС (сам же Лихачев счел необходимым подчеркнуть данное обстоятельство именно для обоснования позднего датирования Ц)³⁰.

Р.Г. Скрынников в серии работ согласился с А.А. Зиминим в оценке судьбы летописания середины XVI в. и даже усугубил ее: в пору реформ оно “пережило подлинный расцвет”, но позже “насилственно пресечено” Иваном Грозным, принимавшим участие в составлении ЛС, что заставило смолкнуть голоса летописцев и, наконец в августе 1568 г. на летописи был наложен “арест”³¹. Редактирование Ц Скрынников относил к ноябрю 1563–маю 1564 гг., т.е. до того, как сам царь в пылу полемики с А.М. Курбским в 1564 г. объявил главными виновниками “мятежа” 1553 г. А.Ф. Адашева и Сильвестра. Примерно в это же время Иван Грозный редактировал и С, а когда его первые тетради (рукопись в лист отнюдь не была в тетрадях. – В.М.) с известиями 1535–1542 гг. были исправлены, он приказал переписать их, в результате чего и появилась Ц. Но так как новая летопись еще не была доведена до 1554 г., править стали снова С (исследователь ни словом не обмолвился об отличиях Ц от С и новых ее источниках, о том, что Ц не может быть названа копией С). Однако редактор не был удовлетворен второй частью Ц (известия 1542–1553 гг.) и исправил ее³². Непосредственно правкой летописи занимался И.М. Висковатый (позднее Скрынников отказался от этого предположения), царь же “не только давал летописцам руководящие указания, но, возможно, и сам непо-

²⁵ Зимин А.А. Русские летописи и хронографы XV–XVI вв. М., 1960. С. 24.

²⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 61, 231.

²⁷ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 72.

²⁸ Там же. С. 68.

²⁹ Зимин А.А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 190.

³⁰ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1: Исследование и описание филиграней. С. XXVII.

³¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 25–33; Он же. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 82–103; Он же. О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 154–161; Он же. Загадка древнего автографа // ВИ. 1977. № 9. С. 98–112.

³² Скрынников Р.Г. О времени работы Ивана Грозного... С. 154–159.

средственно участвовал в их работе”³³. В этом случае совершенно непонятно предположение о вероятном прекращении работы над Ц после смерти митрополита Макария в конце 1563 г.³⁴ В таком случае немотивировано продолжение составления С и оговорка о “других, более поздних слоях и напластованиях” Ц, датированных 1568–1570 гг.³⁵ Р.Г. Скрынников пришел, таким образом, к гипотезе Д.Н. Альшица о многолетней правке Ц, которую вели одновременно с продолжением С – летописи, весьма неудовлетворившей редактора.

Тупиковость ситуации, в которую попали сторонники раннего датирования ЛС и его приписок, очевидна: они вынуждены оговаривать “поздние слои и напластования”; интерпретация выделяемых ими фрагментов редакторской правки (отдельных приписок) неизбежно ведет к противоречиям с другими, о которых приходится умалчивать; необъясненными остаются причины одновременного составления двух официальных лицевых летописей, а версия о возможном формировании единого текста осталась лишь предположением, не получившим аргументации. Эта методика вызвала серьезные возражения С.Я. Лурье, рассмотревшего работы Д.Н. Альшица и А.А. Зимина и в весьма острой форме поставившего вопрос о необходимости со стороны исследователя (если тот изучает тенденциозный фрагмент источника – например, приписку в Царственной книге о боярском “мятеже” во время болезни Ивана Грозного в 1553 г.) делать выводы лишь “через общую характеристику источника”³⁶, но не идти по простейшему и зачастую ошибочному пути: тенденциозное известие – вывод. “Общая характеристика источника” лежит, прежде всего, в сфере внешней критики, призванной установить его происхождение, обстоятельства и цели составления³⁷. Пренебрежение этими принципами вело к подмене изучения крупнейшего в мировой культуре памятника средневековой письменности спекулятивными рассуждениями о мизерном (по сравнению с составом ЛС) тексте приписок. Редакционная правка летописи стала последним этапом работы над ней. До нее был проделан огромный труд: выработка общей концепции, отбор основных источников и выбор (а порой и изменение) их статей, привлечение дополнительных источников и составление на базе известий нескольких летописей новых редакций повествования о событиях далекого прошлого (в соответствии с трансформацией первоначальной концепции)³⁸.

Однако “судьба последнего тома Лицевого свода, посвященного времени самого Ивана Грозного” изложена удивительно некорректно. Приведем слова Я.С. Лурье: «В 60-х гг. XVI в. была создана последняя и наиболее официальная редакция Никоновской летописи со множеством цветных миниатюр... Лицевой свод... (далее следует краткая характеристика составных частей ЛС. – В.М.). Том (с историей Грозного, доведенный до 1567 г. – В.М.) существует в двух вариантах – один из них незавершенный и нераскрашенный получил название “Царственной книги”»³⁹. Таким образом, у студента (речь идет об учебном пособии)

³³ Там же. См. также: Скрынников Р.Г. Начало oprичнины. С. 30, примеч. 1; Он же. Загадка древнего автографа. С. 102, 111.

³⁴ Скрынников Р.Г. Начало oprичнины. С. 32.

³⁵ Там же. С. 33.

³⁶ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1: С. 97–98.

³⁷ Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 7.

³⁸ Об этом см.: Морозов В.В. Летопись или приписки? (К вопросу о методике изучения последних томов Лицевого летописного свода XVI в.) // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс / Моск. город. конф. молодых ученых, посвящ. 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977. С. 243–246; Он же. О парадигме, историографии и Алексее Адашеве // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. М., 1990. Ч. II. С. 181–182.

³⁹ Лурье Я.С. Литература XVI в. // История русской литературы X–XVII веков. М., 1980. С. 302.

должно складываться впечатление о реально существующих двух томах с повествованием о событиях 1533 (так как далее Я.С. Лурье рассмотрена Повесть о болезни и смерти Василия III в составе Ц) – 1567 гг. (один из которых незавершен, миниатюры его не раскрашены, дата последних событий не указана).

Еще более четко проявилась бесперспективность подхода, начало которому положил Д.Н. Альшиц, в последней статье Р.Г. Скрынникова⁴⁰, своеобразном методическом рецидиве. В ней, несмотря на появившуюся с середины 1970-х годов обширную литературу с новыми представлениями на процесс складывания С и Ц, а также на новые данные, подтверждающие вывод Н.П. Лихачева о времени составления ЛС (ссылки на соответствующие исследования Скрынников приводит), исследователь остается на своих прежних позициях и настаивает на двух положениях: ранняя датировка редактирования ЛС и одновременное составление С и Ц. Но уязвимость их настолько очевидна, что приходится бездоказательно игнорировать основные положения предшественников. Так, приводя мнение Лихачева, указывавшего на 1580-е годы как на время складывания “последних томов Лицевого свода”, Р.Г. Скрынников, тем не менее склоняется к датированию их “ранее 1570 г.”⁴¹ на том лишь основании, что бумага ЛС (заметьте, предыдущих томов) была использована в посольских книгах 1570–1571 и 1575–1579 гг.⁴² Затем следует обоснование еще более ранней датировки: «Приписка к Синодальному списку была сделана сразу после 20 июля 1563 г., приписка к “Царственной книге” – ранее июля 1564 г.»⁴³, со ссылкой на А.А. Амосова, якобы полагавшего, что “на переписку и иллюстрирование свода (без раскраски и миниатюр) понадобилось... не менее года”⁴⁴.

Действительно, “по самым осторожным подсчетам”, А.А. Амосов отводил такое время на составление С. Но когда? Чрезвычайно любопытный момент в историографии, так как именно в этой статье Амосов полемизирует со Скрынниковым, пытавшимся обосновать раннюю датировку ЛС на основе анализа филиграней Ц. Аргументы Амосова основаны на сопоставлении водяных знаков Ц и “Слободской псалтири” и их датировании в альбомах Ш.-М. Брике и Э. Хивуда. Вывод его весьма строг: “Итак, из трех отсылок Скрынникова две первые можно (с некоторой натяжкой) признать обоснованными, третью же – бездоказательной”⁴⁵. И далее: “Для всех трех сюжетов данного типа период максимальной вероятности их использования находится между 1573/74 и 1583/84 гг.”⁴⁶

Таким образом, Р.Г. Скрынников счел нужным опереться на выгодное для своей концепции предположение А.А. Амосова, но при этом умолчать об аргументированном выводе, ее опровергающую. Столь же избирательно Скрынников подошел и к взаимоотношению С и Ц. Похоже он согласен с мнением исследователей ЛС (Т.Н. Протасьева, А.А. Амосов, В.В. Морозов), видевших в С и Ц первоначально единый текст, отредактированный и частично перебеленный: “Последние исследования лицевых сводов позволили установить, что Синодальный список и Царственная книга являлись частями одной лицевой летописи...”, но затем Скрынников совершает неожиданный “кульбит”: “...и работа над ними велась разными артелями писцов и рисовальщиков почти одновременно”⁴⁷. В таком

⁴⁰ Скрынников Р.Г. На пороге опричнины // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. статей: К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 368–396.

⁴¹ Там же. С. 374.

⁴² Там же. С. 373.

⁴³ Там же. С. 381.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Амосов А.А. Датировка и кодикологическая структура “Истории Грозного” в Лицевом летописном своде (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 168.

⁴⁶ Там же. С. 170.

⁴⁷ Там же. С. 381.

случае встает вопрос: над чем же работали артели: над одной лицевой летописью, или же над двумя? Одна рукопись с описанием событий времени правления Ивана Грозного, текст которой правил властный редактор (а именно таковы результаты “последних исследований”), не оставляет места для версии о многократном ее редактировании, т.е. концепции Р.Г. Скрынникова. И не потому ли он, едва совершив ритуальный кивок в сторону “последних исследований”, тут же возвращается к давней и опровергнутой ими версии о двухэтапном редактировании двух самостоятельных рукописей?

С иных позиций рассматривал создание лицевой истории царствования Ивана Грозного С.О. Шмидт. Полемиическая тенденциозность приписок, по его мнению, определялась воинствующей идеологией “самодержавства”, а редактирование летописей можно рассматривать как составную часть полемики Ивана Грозного и Андрея Курбского. Составление и редактирование С отнесено им к середине 70-х годов в связи с необходимостью ответа на “Историю” А.М. Курбского. Позднее приступили к работе над вторым вариантом истории Грозного – Ц (здесь исследователь опирается на мнение Н.П. Лихачева), которую редактировали в последние годы жизни царя в ответ на “Историю” и “Отвешание” (1579) А.М. Курбского. Приписки, по мнению С.О. Шмидта, отразили взгляды царя, но это не автограф Ивана Грозного⁴⁸. Ученики С.О. Шмидта (см. анализ работ А.А. Амосова, В.В. Морозова и С.А. Морозова) опровергли бытовавшие тогда представления о двухэтапности складывания Ц, и сделано это было при его непосредственном участии. Однако, готовя новое издание монографии “Становление российского самодержавства”, существенно дополненное, исследователь отказался от изменения ее опубликованного текста⁴⁹. Причина, скорее всего, требования жанра.

Весьма плодотворными стали наблюдения С.О. Шмидта над миниатюрами Царственной книги, в которых им были отмечены не только стадии *эволюции миниатюр* в соответствии с изменениями текста при переработке его редактором, но и *роль художника-миниатюриста, привнесение им элементов своего понимания изображаемых событий*.

Рассматривая процесс составления Ц, С.О. Шмидт считал, что текст НЛ был расширен еще при подготовке С, но затем, после редактирования, при перебелении в состав Ц использованы *Летописец начала царства поздней редакции*⁵⁰ и *Постниковский летописец*⁵¹.

И.И. Смирнов, занимаясь событиями 1553 г., сопоставил текст приписки в Царственной книге и крестоцеловальные записи В.А. Старицкого и пришел к выводу о высокой степени достоверности рассказа. Вопрос о дате внесения приписок в текст летописи и их авторстве исследователь не ставил, но соглашался с признанием участия в этой работе Ивана Грозного⁵².

В это же время В.Ф. Покровской удалось установить непосредственный источник хронографической части ЛС. В процессе подготовки описания исторических сборников XV–XVII вв., хранящихся в БАН, исследовательница обнаружила

⁴⁸ Шмидт С.О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного // СА. 1966. № 2. С. 51; Он же. О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 305–310.

⁴⁹ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973; Он же. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 5.

⁵⁰ Шмидт С.О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 274.

⁵¹ Там же. С. 266–267.

⁵² Смирнов И.И. Иван Грозный и боярский “мятеж” 1553 г. // ИЗ. 1953. Т. 43. С. 150–181; Он же. Боярский “мятеж” 1553 г. // Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 264–286; Он же. Об источниках для изучения “мятежа” 1553 г. // Там же. С. 483–485.

восковые капли в списке русского перевода “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия (БАН. Сол. № 8) и, памятуя о предположении А.Е. Преснякова об использовании именно этого перевода в ЛС, сопоставила его с текстом Хронографического сборника БАН⁵³. Оказалось, что *восковые пометы определяли полистные границы текста, переписанного в ЛС*⁵⁴.

Вместе с тем авторы рассмотренных работ делали наблюдения, способствовавшие более глубокому изучению памятника: сопоставление текстов НЛ и С привело Д.Н. Альшица к отказу в признании *какого-либо из дошедших до нас списков НЛ непосредственным источником С* (столь разительны их отличия); С.О. Шмидт обнаружил в С *заимствования из Постниковского летописца* (памятник частного происхождения)⁵⁵ и установил, что известия *Летописца начала царства поздней редакции* вошли в состав ЛС лишь на этапе складывания Ц. Немаловажным представляется и мнение И.И. Смирнова о необходимости отказа от *искусственного противопоставления приписок в С и Ц*.

Специфика проблематики (миниатюры исторических рукописей) наложила некоторый отпечаток на работы О.И. Подобедовой, полагавшей, что острая полемическая направленность выделяет С и Ц из состава ЛС⁵⁶. Это единственный историк, подчеркнувший *“волю, мысль и литературное дарование”* создателей ЛС.

Основным содержанием работ О.И. Подобедовой стал анализ миниатюр ЛС. Ею были тщательно рассмотрены приемы и стилистические отличия мастеров-рисувальщиков (от шести до десяти человек, при четком выделении “манер” четырех исполнителей рисунков), вышедших, по ее мнению, из “макарьевской школы”. Она сложилась в годы архиепископства будущего митрополита Макария в Новгороде и с особым блеском проявилась во время реставрационных работ в Московском Кремле после пожара 1547 г. Это обстоятельство обусловило датирование ЛС, предложенное О.И. Подобедовой, полагавшей, что после 1570 г., когда “интерес к созданию Свода ослабел”, “все художественные силы мастерской были обращены на изготовление предметов царского обихода”⁵⁷.

Рассматривая изображения архитектуры, О.И. Подобедова пришла к выводу о несомненной достоверности отражения реальных форм сооружений там, где мастеру ЛС были “хорошо известны индивидуальные особенности” их⁵⁸. Что касается мотивов, подчерпнутых из западноевропейских гравюр, то они зачастую русифицированы. Переосмыслены и формы византийской и более древней русской миниатюры, куда прочно вошли эллинистические элементы⁵⁹. Особенно

⁵³ ОР БАН. 17.17.9. 1°. 1469 л. 2549 миниатюр. Переплет XVII в. Содержит изложение истории Древнего Востока и Рима с XI в. до н.э. до 70-х годов I в. н.э. Порядок листов нарушен. В середине XVII в. принадлежал патриарху Никону, был дан вкладом в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, в первой четверти XVIII в. оказался у Петра I, в 1724 г. подарен царевне Наталье Петровне, позднее перешел к А.И. Остерману, а в 1740-х годах поступил в Библиотеку Академии наук. Описан А.Е. Пресняковым. См.: *Пресняков А.Е.* Московская историческая энциклопедия XVI в. СПб., 1902. С. 5–15.

⁵⁴ *Покровская В.Ф.* Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР.* М.; Л., 1966. С. 5–19. См. также: *Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР.* М.; Л., 1959. Т. 3. Вып. 1: Хронографы, Летописи, Степенные, Родословные и Разрядные книги. С. 15–17.

⁵⁵ См. об этом: *Тихомиров М.Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и о боярском правлении 1533–1547 гг. // *ИЗ. М.*, 1954. Т. 46. С. 278–288.

⁵⁶ *Подобедова О.И.* К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // *Проблемы источниковедения.* М., 1961. Вып. IX. С. 280–332; *Она же.* Миниатюры русских исторических рукописей: Из истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 117–132; *Она же.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40–50-х годов XVI в. М., 1972. С. 73–88.

⁵⁷ *Подобедова О.И.* Миниатюры... С. 140.

⁵⁸ Там же. С. 166, 178.

⁵⁹ Там же. С. 182.

важное значение может иметь выявление “бесхитростных зарисовок”, “поражавших мастера вновь возведенных зданий”⁶⁰.

В сценах с изображениями явлений природы миниатюры отличаются более “передовыми” средствами художественного выражения, нежели лаконичный летописный текст, что продиктовано не только личными наблюдениями мастера, но и впечатлениями, обогащавшими его поэтический язык⁶¹.

Что касается батальных сцен, то композиционно они, по мнению О.И. Подобедовой, наиболее архаичны и условны. Попытки привнесения нового незначительны и обусловлены изменившимися приемами ведения войны. Устойчивость этих композиций объясняется их исконностью, древностью, “может быть даже превосходящей древность иконной традиции”⁶².

Миниатюры с жанровыми и историческими сюжетами разделены на две группы: *написанные “по образцу”* (непосредственно повторяющие иконные схемы, имеющие их в основе, восходящие к иконным клеймам циклы) *и композиции, разработанные миниатюристами ЛС*. Главным средством выражения в этих сюжетах стал язык жестов. И потому “миниатюрист рассматривает свою миниатюру не как книжное украшение, а как средство наглядного воплощения средствами изобразительного искусства всего сложного содержания летописного текста”⁶³.

Составление ЛС начато, по предположению О.И. Подобедовой, в конце 1540-х годов и связано с деятельностью митрополита Макария. Интенсивная работа была обеспечена завершением НЛ, Летописца начала царства и основной части Степенной книги, ставших источниками ЛС. На более позднее время (1563–1568) приходится составление истории царствования Ивана Грозного и редактирование С, Ц, а также Шумиловского тома, в чем “ощущается рука” И.М. Висковатого. Вместе с тем сделана оговорка о “большом круге составителей” и неоднократных попытках продолжения (после казни Висковатого) правки Ц⁶⁴.

О.И. Подобедова разделила ЛС на три части: хронографическую, летописание лет старых (события 1114–1533 гг.) и летописание “лет новых”, т.е. историю царствования Ивана Грозного. Начальная дата летописной части определена “венчанием” Владимира Мономаха “на царство русское” и описанием своего рода “чина” этого венчания, а изложение событий летописной части определено политической программой единой государственной власти как собирателя всех русских земель, борца за упрочение международного значения Русского государства, что особенно было важно в связи с принятием Иваном Грозным царского титула⁶⁵. В общей направленности ЛС исследовательница видела “единую руку редактора и составителя”⁶⁶.

Мотивы “Сказания о князьях владимирских” положены в основу самого начала ЛС (Подобедова усматривала их и в Летописце начала царства), в котором российская история разделена на три периода (их начальные листы выделены кинноварными заголовками вязью): княжение на киевском престоле Владимира Мономаха (л. 1 Голицынского тома), на киевском же – Всеволода Юрьевича (л. 333 Лаптевского тома) и Василия Васильевича (л. 1 Шумиловского тома) – на московском, что должно бы символизировать последовательный переход от Киевского великого княжения к Владимирскому, а затем – Московскому.

Датирование ЛС, предложенное О.И. Подобедовой, принял В.П. Гребенюк, посвятивший статью “Сказанию об иконе Владимирской Богоматери”.

⁶⁰ Там же. С. 192.

⁶¹ Там же. С. 218.

⁶² Там же. С. 248.

⁶³ Там же. С. 312.

⁶⁴ Там же. С. 128–130.

⁶⁵ Там же. С. 126.

⁶⁶ Там же. С. 130.

Поскольку оно “создавалось специально для Лицевого свода в кругах, близких к митрополиту Макарию, то его датировку прямо можно связать со временем работ над Древним летописцем (II Остермановский том. – *В.М.*)”, т.е. “не раньше 1553–1554 годов... не позже 1560 года” (с прямой ссылкой на Подобедову⁶⁷). Затем Гребенюк подробно рассмотрел переработку текста источников ЛС – “Сказания о чудесах Владимирской иконы Божией Матери” (памятник XII в.) и “Повести о Темир-Аксаке” (первая четверть XV в.) – в соответствии с новыми “идейно-художественными принципами”, идеями патроната Богоматери и богоизбранности Русской земли⁶⁸. Анализируя миниатюры, Гребенюк подчеркнул “тесное сотрудничество” создателя текста ЛС и миниатюристов, которые «часто *были знакомы с самими источниками*, использованными авторами при составлении “Сказания”»⁶⁹, и внесение ими “сверхтекстовой” информации, опущенной в “Сказании”, но имевшейся в тексте источника⁷⁰.

Позднее концепцию О.И. Подобедовой поддержал В.Д. Черный, полагавший, что собственно “Царственную” книгу должна начинать статья “О совете великого князя Ивана Василиевича всея Руси со отцем своим Макарием митрополитом, восхоте бо великий государь жениться, и о благословении еже сести на царстве на великом княжении” (л. 278 Ц), которая открывала бы новый, четвертый, период (Русское царство), о чем свидетельствует помета по нижнему полю рукописи: “4-ая часть”⁷¹. Но помета “4-ая часть” проставлена на л. 221, 232–277 Ц, а листы, начиная с 278, помечены иначе: “Царственная 1-я часть” (“Царствена 1-я часть”, “Царственная 1-я”), т.е. “4-я часть” предшествовала той, которую начинало венчание Ивана Грозного на царство. Это обстоятельство может стать основательным аргументом против концепции Подобедовой. Что же касается датирования ЛС, то Черный относит начало работы по его составлению к середине 1570-х годов⁷².

Вместе с тем, несомненно, плодотворным стало исследование миниатюр, проведенное Черным. Оно показало богатый фактический материал, заключенный в миниатюрах, и раскрыло возможности нашего понимания как архитектуры, так и историко-географической среды в целом⁷³. Обращение же уче-

⁶⁷ Гребенюк В.П. Лицевое “Сказание об иконе Владимирской Богоматери” // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 338–363.

⁶⁸ Там же. С. 355.

⁶⁹ Там же. С. 358.

⁷⁰ Там же. С. 347.

⁷¹ Черный В.Д. Искусство средневековой Руси. М., 1977. С. 290.

⁷² Там же. С. 289.

⁷³ Черный В.Д. Очевидцы древности (Об изображении архитектуры в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.) // Архитектура: Приложение к “Строительной газете”. 1977. № 19; *Он же*. Архитектурные сооружения Московского кремля в Лицевом летописном своде XVI в. // Государственные музеи Московского кремля: Материалы и исследования. М., 1980. Вып. III. С. 19–28; *Он же*. Изучение изображений архитектуры в произведениях древнерусского искусства // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период: Сб. статей. М., 1981. С. 26–36; *Он же*. Обозначение места событий в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века (география – топография – архитектура) // Молодые обществоведы – Ленинскому юбилею: Материалы 3-й Моск. город. конф. молодых ученых по обществ. наукам. М., 1982. С. 95–97; *Он же*. Карта в миниатюре // Памятники отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1984. № 1(9). С. 162–165; *Он же*. Великий Новгород в русской книжной миниатюре // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 134–146; *Он же*. К вопросу о времени появления на Руси шатровых каменных храмов // Науч. труды МПГУ. Сер. Гуманит. науки. М., 1995; *Он же*. Образ Твери в древнерусской книжной миниатюре // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. С. 8.

ного к воинской теме⁷⁴ позволило расширить выводы: оценивая в целом отражение действительности в миниатюрах XVI в., исследователь подчеркивал, что они раскрывают реальную среду и вполне конкретные ее объекты, реальные события и их участников⁷⁵.

Предположение О.И. Подобедовой о почерпнутых из западноевропейской миниатюры “мотивах” убедительно развил Ю.А. Неволин, показавший *непосредственное использование мастерами ЛС не только отдельных элементов, но и целых композиций* из иллюстрированной Хроники Гартмана Шеделя, гравюр Михаэля Вольгемута, Альбрехта Дюрера, Георга Пенца, Ганса Гольбейна младшего, Йорга Брея⁷⁶.

Неожиданным оказался результат обращения к ЛС Е.С. Сизова. Занимаясь изучением интерьерера Архангельского собора Московского Кремля, исследователь рассмотрел сказание о перезахоронении московских великих и удельных князей в октябре 1507 г.⁷⁷ В нем указано на погребение сына Владимира Андреевича Старицкого – Василия (скончался в 1574 г.), захороненного “со отцем”, казненным в 1569 г., останки которого, как полагал Сизов, перенесены в Архангельский собор уже после кончины сына. Коль скоро в статье не упомянуто следующее (хронологически) захоронение (Ивана Ивановича, сына царя), датированное 1581 г., то, соответственно, время работы над Шумиловским томом можно ограничить 1574–1581 гг.⁷⁸ Допуская контраргументы, ученый попытался также выявить возможность более позднего привнесения в текст ЛС статьи о перезахоронении, что, безусловно, показали бы филигранные бумаги, однако опровергнуть самого себя ему не удалось: филигранные “AF”, “RR”, “AC” характерны для Голицынского и Шумиловского томов⁷⁹.

В многостороннем творчестве Д.С. Лихачева ЛС не был предметом специального исследования, однако широкая эрудиция и терминологическая точность убеждали его от, казалось бы, общепринятых заблуждений. Уже в работе, опубликованной в 1947 г., *ЛС назван лицевой редакцией НЛ*⁸⁰. Вместе с тем, следуя за публикаторами, считавшими Голицынский том ЛС списком НЛ⁸¹, Лихачев дал развернутую картину редакторской работы его составителей: “Старая манера летописного рассказа уже не удовлетворяет. Не только новые *летописные статьи* пишутся согласно новым литературным требованиям, но *систематической*

⁷⁴ Черный В.Д. “Мамаево побоище” в древнерусских миниатюрах (Миниатюра как культурно-исторический феномен) // 600-летие Куликовской битвы: Тез. докл. и сообщ. юбил. конф. 8–10 сент. 1980 г. М., 1980; *Он же*. Пушки и тюфяки 1382 г. – какими они были? // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. 1985. Л., 1987. С. 87–94; *Он же*. “Слово о полку Игореве” и книжные миниатюры // “Слово о полку Игореве”: Комплексные исследования. М., 1988. С. 243–264.

⁷⁵ Черный В.Д. Этикет и действительность в древнерусской книжной миниатюре // Русская художественная культура XV–XVI веков: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. 14–16 мая 1990 г. М., 1990. С. 18–21.

⁷⁶ Неволин Ю.А. Три лицевые рукописи XVI в., оформленные кремлевскими мастерами – знатоками и интерпретаторами западноевропейской гравюры // Конференция по истории средневековой письменности и книги: К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 67–68; *Он же*. Новое о кремлевских художниках-миниатюристах XVI в. и составе библиотеки Ивана Грозного // СА. 1982. № 1. С. 68–71.

⁷⁷ Сизов Е.С. К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 126–140.

⁷⁸ Там же. С. 135–136.

⁷⁹ Там же. С. 137. См. также: Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998. С. 161–162.

⁸⁰ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 478; *Он же*. Куликовская битва в миниатюрах XVI в. // Повесть о Куликовской битве: Из Лицевого летописного свода XVI в. Л., [1980]. С. 173; То же // Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры лицевого свода XVI в. Л., 1984. С. 322.

⁸¹ ПСРЛ. Т. XII. Предисловие. С. V.

*переработке подвергаются и прежние*⁸². Затем показаны изменения, привнесенные составителями ЛС в текст летописи-источника: все названия, наименования получили полный, “официальный”, вид, к ним добавлены характеристики и эпитеты; распространеннее стали молитвословия, связанные с деятельностью государя, и описания его “радости”; рассказы об участии в битвах “благочестивых” князей обрамлены молитвами, противники же их получили соответствующие эпитеты, подчеркивавшие тщетность и пагубность их поступков («отсюда многочисленные “штампы”, общие места этих распространений... восходящие все к тому же Хронографу»); важное место в этих распространениях “занимает психология (курсив мой. – В.М.) действующих лиц”, когда “постоянные переживания героев повествования увеличивают экспрессивность действия”. И, наконец, ученый прямо *сопоставил основную редакцию НЛ и Толстовскую* (по названию лицевого тома – Толстовская VII или Голицынская летопись)⁸³. Впрочем, похоже, что эти мысли еще долго не могли найти внимательного читателя и продолжателя. Охотнее были приняты замечания о Ц и всего летописания второй половины XVI в. как о “служебном предприятии государственного архива”⁸⁴.

В характеристике миниатюр ЛС, рассчитанной на неподготовленного читателя, Д.С. Лихачев раскрыл приемы, позволяющие “читать” миниатюру, и вместе с тем, выявил новые (даже для специалистов) особенности: миниатюры ЛС, каждая из которых является составной частью длящегося во времени цикла, обрамлена снизу и с боков, но открыта сверху, что предполагает продолжение повествования, развитие действия. И в этой ситуации “менее всего подвижен князь, епископ, митрополит: им не пристало суетиться”. “Главную художественную суть миниатюр” Лихачев определил в церемониальном “обряжении” и изображении русской истории, своеобразном “параде истории”⁸⁵.

Оригинально подошла к трактовке взаимоотношений С и Ц Т.Н. Протасьева. Ее статьи оказали значительное влияние на исследование ЛС. А.А. Амосов выделил их в числе работ, выдвинувших совершенно новые гипотезы, отрицавшие сложившиеся парадигмы и предлагавшие альтернативные модели прочтения памятника. Эти попытки связаны с именами Н.П. Лихачева, В.Н. Щепкина и А.Е. Преснякова (1899/1900 г.), Д.Н. Альшица (1947/48 г.), Т.Н. Протасьевой (1974)⁸⁶. Т.Н. Протасьева предположила, что *С и Ц “представляют собой единый текст, разделенный впоследствии на два тома”*, а собственно “Царственной” можно назвать лишь текст 1535–1544 гг., понимаемый как исправленная копия С. Она полагала, что редактором летописи был И.М. Висковатый, а работа над ЛС прекращена в связи со смертью Ивана Грозного.

Впрочем, исследовательница не придала должного внимания терминологии, а посему возникла путаница, начатая в ее же работе. Во-первых, следовало бы разделить текст составителей ЛС и кодексы, собранные спустя многие годы. В таком случае, первоначальный беловой вариант мог бы получить некое условное название – “История Грозного” (единый, но с большими лакунами, повествующий о событиях 1535–1567 гг.). Именно этот текст правил редактор ЛС. Фрагмент нового варианта (недошедшее описание событий 1533–1535 гг., а также л. 7–93 нынешнего С) был перебелен, что позволяет интерпретировать его как второй вариант “Истории Грозного”. В XVIII в. трудами М.М. Щербатова собран и опубликован кодекс, получивший название “Царственная книга” (Син. 149). И лишь спустя столетия в поле зрения Н.М. Карамзина попала довольно ветхая рукопись, названная “Синодальным томом” (“Никоновской с рисунками”).

⁸² Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 351–352.

⁸³ Там же. С. 352–353. См. также: ПСРЛ. Т. XII. Предисловие. С. V.

⁸⁴ Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 373.

⁸⁵ Лихачев Д.С. Куликовская битва в миниатюрах XVI века. С. 175–176.

⁸⁶ Амосов А.А. Лицевой летописный свод... С. 25.

Именно такую версию, но в кратком изложении (“При Грозном последняя часть лицевой летописи, содержащая историю его царствования, не была закончена. Непереплетенные листы ее, требовавшие частично переделки, были сложены в общей кипе. Какая-то часть листов после редакторской правки была переписана набело и даже начата раскраской”⁸⁷) впервые выдвинула Т.Н. Протасьева. И, все-таки, она, следуя устойчивой традиции, назвала Ц “исправленной копией с Никоновской летописи с рисунками”⁸⁸.

Сама “Никоновская с рисунками”, по ее мнению, собрана в 1639 г., когда из Казенного приказа в Оружейную палату были переданы “пять книг царственных, знаменных в лицах, 1, 2, 4, 6 и 7 части”⁸⁹, получивших название “Царственные” по пометам на краю нижнего поля каждого листа (они сохранились в кодексе Син. 149, собранном М.М. Щербатовым). То есть, как она полагала, “Никоновскую и Царственную (sic – !) вместе и собирают из них в отдельный том нынешнюю Никоновскую летопись”⁹⁰. Затем рукопись, уже переплетенная, за 38 лет пребывания в руках царских детей пришла в полную негодность, и в 1677 г. из царских хором ее вновь доставили в Оружейную палату для реставрации (восстановили переплет, раскрасили миниатюры, но весьма небрежно). В XVIII в. рукопись вновь была подвергнута реставрации, возможно М.М. Щербатовым⁹¹, почему-то умолчавшим о знакомстве с книгой, поразительно близкой с собранной им Ц и хорошо известным ему Голицынским томом, которые он однозначно атрибутировал как составные части общего целого.

Дополнительный свет на судьбу ЛС в XVII в. удалось пролить А.П. Богданову и А.М. Пентковскому⁹². Они полагали, что передача “царственных” книг в Оружейный приказ (а не в палату, как ошибочно указал И.Е. Забелин, впервые публикуя документ 1639 г.) была вызвана намерением скопировать еще переплетенные листы ЛС, в результате чего и возникли Александро-Невская и Лебедевская летописи, первоначально составлявшие единый текст и лишь позднее произвольно разделенные на части и в таком виде переплетенные (текст первой – третьей частей Лебедевской аналогичен тексту Голицынского и Лаптевского томов, в четвертой части Лебедевской и Александро-Невской скопирован текст С и Ц). Авторы подчеркивали, что листы ЛС хранились в государственной казне, куда и должны бы вернуться. Рукопись хранилась у государя “в верху”, в особой “комнате-книгохранительнице”. В 1671 г. Алексей Михайлович распорядился изготовить для них кожаные футляры. Но к этому времени (в конце 1650-х годов) патриарх Никон уже присвоил часть листов, составивших по переплетению “Хронографический сборник” (БАН. 17.17.9) и вложил рукопись в Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь (1660/1661 г.)⁹³.

В 1677 г. Федор Алексеевич распорядился реставрировать и раскрасить уже обещавшую рукопись, составившую “часть” С⁹⁴. Остается непонятным, какую же именно, так как в настоящее время все его миниатюры иллюминированы. Но была еще одна “Книга Царственная в лицах, писменная, неполна, в тетратех, перемешана и драна, связана в трех местех”, хранившаяся на Печатном дворе (авто-

⁸⁷ Протасьева Т.Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. 962) // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973. М., 1974. С. 283.

⁸⁸ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невостровева) / Сост. Т.Н. Протасьева. М., 1970. Ч. I. С. 130.

⁸⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. М., 1915. Ч. II. С. 170.

⁹⁰ Протасьева Т.Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи. С. 283.

⁹¹ Там же. С. 285.

⁹² Пентковский А.М., Богданов А.П. Сведения о бытовании книги Царственной (“Лицевого свода”) в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1983. С. 61–95.

⁹³ Там же. С. 64–65, 67.

⁹⁴ Там же. С. 69.

ры отнесли ее к “отработанному”, т.е. уже скопированному материалу), ставшая позднее именно Ц (Син. 149). В 1695 г. эта рукопись оказалась в Патриаршей до-мовой казне. Там же отмечена в 1712 г. “Книга летописец, бытие российских го-сударей, писана на целых листах александрийских, без переплету”, в которой ав-торы статьи усмотрели (с некоторым сомнением) “№ 79. Летописец старинный о великих князях, писан на целых листах, с рисованными фигурами без перепле-ту” описи 1749 г., переданный вместе с другими книгами в Синодальную казен-ную палату⁹⁵. Действительно, при подготовке полистного описания Ц в верхней части л. 663 обнаружен бумажный ярлык с номером по описи (“79”) и крупная по-мета (“№ 17”) (М.М. Щербатов нашел рукопись под № 70).

“Летописец в лицах с красками...” (будущий Синодальный том), как убежден-но подчеркивали авторы, ссылаясь на опись “прибылых книг”, поступил в Сино-дальную библиотеку (под № 962) в 1822 г.⁹⁶ Однако рукопись до 1816 г. (время вы-хода долгожданного для тогдашнего читателя восьмого тома) видел Н.М. Карам-зин, он отмечал, что ее текст “идет далее всех известных мне летописцев време-ни Иоаннова”⁹⁷. Одновременно с рассмотрением вопроса о судьбе С Богданов и Пентковский выдвинули весьма смелое предположение об использовании Федо-ром Алексеевичем миниатюр ЛС для украшения “новых деревянных хором госу-дарынь царевен”. Затем они предложили свою версию расхищения (“усвоения”) ЛС после передачи еще непереплетенных листов ЛС из государевой книгохрани-тельницы в Мастерскую палату (1682) кн. М.В. Мещерским (“Музейский сбор-ник”), Карионом Истоминым (“Лицевой хронограф” и С), анонимом (Остерма-новские тома), подьячим Семеном Ивановым (Голицынский, Лаптевский и Шу-миловский тома).

Подводя итог работе, авторы отметили, что до второй половины 1560-х го-дов *полная рукопись ЛС*, “за исключением выделенных в конце 30 – начале 40-х годов дублетных и правленнѣх листов Ц”, *хранилась в царской казне в виде “стопы листов”*⁹⁸. Стопа была огромной – не менее 12 тыс. листов (если при-нять существование лицевой Повести временных дел и продолжение Истории Грозного после 1567 г.).

⁹⁵ Там же. С. 70.

⁹⁶ Там же. С. 72.

⁹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 8. С. 391, примеч. 564.

⁹⁸ Там же. С. 85.

Л.А. Быкова

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГЕНЕАЛОГИИ В США*

“Генеалогия стала одним из основных интеллектуальных занятий нашего века. Укоренившись в науке, она распространяется на каждую семью, на каждого человека в Соединенных Штатах. Изучение истории семьи стало явлением в культуре. Став большим, чем простое проведение досуга, генеалогия сейчас является гуманитарной наукой с тысячами практикующих”¹, – так определяет современную роль и значение генеалогии в США исполнительный директор Историко-родословного общества Новой Англии Ральф Дж. Крэндел.

Такая высокая оценка весьма справедлива: издано огромное количество источников на бумажных, микро- и электронных носителях, более 100 тыс. генеалогических исследований – родословных и историй семей, справочников, методических пособий и руководств, путеводителей и др. Огромен масштаб генеалогической периодики – выпускается 4 тыс. периодических изданий только по генеалогии, материалы публикуются также в исторических и других журналах, работают 13 тыс. историко-генеалогических обществ² и т.д.

Несмотря на масштабность генеалогических исследований, обобщающих работ по истории развития генеалогии в Соединенных Штатах не имеется. Существует лишь несколько небольших статей и очерков, изданных в 1920–1940-е годы, кратко освещающих основные периоды развития генеалогии в США³. Две недавно опубликованные обобщающие работы по генеалогическим источникам также дают весьма краткие экскурсы в историю генеалогии, освещая, в основном, труды последнего десятилетия⁴.

Национальное генеалогическое общество США осуществляет специальный проект под названием “Зал Славы”, посвященный истории развития генеалогии в США и генеалогам, которые внесли значительный вклад в генеалогические исследования, но публикация результатов этой работы еще не осуществлена. К 100- и 150-летию образования первого генеалогического общества в США – Историко-родословного общества Новой Англии, опубликованы две работы по его истории, оставаясь пока уникальными изданиями такого рода. Посвященные истории одной генеалогической организации, хотя и самой старейшей, книги освещают и некоторые общие вопросы развития генеалогии в США⁵.

* В основе статьи – материалы книги Л.А. Быковой “Генеалогические информационные системы США. Аннотированный справочник” (СПб., 2000).

¹ *Crandall Ralph J.* Foreword // *Printed Sources: A Guide to Published Genealogical Records* / Ed. by Kory L. Meyerink. Salt Lake City, 1998.

² См.: *Быкова Л.А.* Указ. соч.

³ *Virkus.* The Abridged Compendium of American Genealogy: First Families of America. A Genealogical Encyclopedia of the United States / Ed. by Frederick A. Virkus. Chicago, 1926. Vol. 1. Preface. P. 3–4; *Wall Alexander J.* American Genealogical Research its Beginning and Growth // *Bibliographical Society of America.* Papers. N.Y., 1942. Vol. 36, pt. 4. P. 305–314.

⁴ *The Source: A Guidebook of American Genealogy* / Ed. by Loretto D. Szucs. Sandra H. Luebking. Salt Lake City, 1997; *Printed Sources: A Guide to Published Genealogical Records.*

⁵ *Hill William C.* A Century of Genealogical Progress, Being a History of the New England Historic Genealogical Society, 1845–1945. Boston, 1945; *Schutz John A.* A Noble Pursuit: The Sesquicentennial History of the New England Historic Genealogical Society, 1845–1995. Boston, 1995.

Таким образом, если в США на довольно высоком уровне разработана теория и методика генеалогического исследования, введено в научный оборот огромное количество генеалогических источников, созданы общенациональные генеалогические справочники и электронные базы данных, издаются библиографические материалы по генеалогии, то явно недостаточно внимания уделяется истории развития генеалогии, как в целом по стране, так и по отдельным штатам, анализу причин массового интереса в американском обществе к изучению истории семьи, определению перспектив и последующих этапов развития этой науки.

Научная генеалогия в России в XVIII–XIX вв., как и в других европейских странах, развивалась на основе источников, созданных практической генеалогией, и вслед практическому дворянскому родословию, связанному с порядком определения принадлежности к сословию и прохождения службы русским боярством и дворянством. Причем практическое значение генеалогии для русского дворянства сохранялось до 1917 г. Для людей непривилегированных сословий глубокое знание своей родословной не являлось насущной необходимостью. При венчании священнослужители должны были установить лишь факт отсутствия близкого родства между вступающими в брак.

Причины развития американской генеалогии нельзя свести к какому-либо одному фактору. На создание всеобщего интереса к генеалогической информации в США оказали влияние как общие для всех стран тенденции в развитии генеалогической науки, так и особенности формирования американского общества.

Первое постоянное английское поселение на американской земле появляется в 1607 г. (г. Джеймстаун в Новой Англии). Первая родословная или первая из многих тысяч история семьи была опубликована в 1771 г. в г. Хартфорде (штат Коннектикут). Подготовленная Люком Стеббинсом “Генеалогия семьи мистера Сэмюэля Стеббинса и миссис Хэны Стеббинс, его жены, с 1707 по 1771 год ... для пользования потомками, ныне живущими”, состояла всего из 24 страниц и была издана в 40 экземплярах. Таким образом, можно сказать, что генеалогические исследования в США начинаются с изучения истории конкретной семьи, причем не принадлежащей к титулованным фамилиям.

С 1787 по 1830 г., судя по библиографии Уильяма Витмора (1862)⁶, в Северо-Восточных штатах появилось еще 15 генеалогических публикаций. В период после освобождения страны от колониальной зависимости излюбленной темой публикуемых родословных и историй семей становятся предки-иммигранты, первыми ступившие на американскую землю. Этот интерес к первым поселенцам ментально был принят по внимание американскими историками и генеалогами.

Американские переселенцы были, в основном, выходцами из непривилегированных слоев общества тех стран, которые они оставили. К тому же, социальный статус по рождению, сословные права и привилегии в США были отменены Конституцией 1787 г. В связи с чем появляется интерес к генеалогической информации в американском обществе и почему с течением времени генеалогические исследования в США приобретают такие объемы и масштабы?

Живущий из столетия в столетие в одном месте крестьянский род в любой европейской стране не нуждался в поисках своей родословной в силу отсутствия практической необходимости. Не все имена предков были известны, но корни рода, его происхождение, ближайшие по времени родственники не были загадкой. Эмигрировав на Американский континент, утратив связи со своей европейской семьей, переселенцы и здесь не оставались на одном месте, переезжали из штата в штат в поисках лучшей жизни. Таким образом, внутренняя миграция не способствовала закреплению генеалогических знаний. События семейной истории фиксировались в учреждениях различных территорий страны. Следовательно, пер-

⁶ *Witmore William H. A Handbook of American Genealogy, Being a Catalogue of Family Histories and Publications Containing Genealogical Information. Albany, 1862.*

вой причиной появления интереса к генеалогии в США можно назвать сохранение генеалогической памяти, нарушенной вследствие оторванности от рода в результате внешней и внутренней миграции. Причем авторами семейных генеалогий в этот период являются представители самих семей, которые стремились самостоятельно зафиксировать знания о своей родословной, полученные из рассказов и семейных записей о том, как их предки попали в США и кем они были. Частично этим интересом двигало простое любопытство, в какой-то степени желание установить или возобновить родственные связи. Любое стремление сохранить информацию всегда имеет и практическое значение. Не все американские семьи пытались записать для потомков свои знания по истории семьи. Исследователи отмечают, что это были или очень удачливые семьи или, наоборот, переживавшие нелегкие времена. В данном случае фиксирование генеалогических знаний могло быть вызвано желанием не затеряться, не чувствовать себя оторванными от семьи и рода, куда можно обратиться за помощью в случае неудачи, используя это как своего рода страхование. Получение страной самостоятельности также сыграло свою роль в возникновении желания у колонистов выяснить свои европейские корни.

Немаловажное значение имеет также и принципиальная роль семьи в США. Переселившись на Американский континент, люди оказывались в поселениях колонистов, подчиненных Британской империи. Большинство переселенцев уходило из этих официальных поселков, создавая свои поселения и общины. Многие семьи, получив землю, жили вне всяких общин. То есть, долгое время семья была единым, самоуправляющимся организмом и, зачастую, единственным “учреждением” на много миль вокруг, ведущим записи в семейной Библии о датах рождения, бракосочетания и смерти своих членов.

В 1791 г. в США основано первое историческое общество – Массачусетское историческое общество в Бостоне, членами которого состояли многие влиятельные люди Новой Англии и страны. Издаваемый Обществом журнал “Collections: Historical and Miscellaneous”, первый специализированный исторический журнал в США, помимо обзоров собранных исторических материалов и публикации документов, помещал биографии известных историков, юристов, искусствоведов и т.д. Именно по поводу публикации биографий выдающихся людей в критических отзывах на материалы, помещаемые в журнале Общества, и прозвучал вопрос, сразу и навсегда определивший содержание генеалогических исследований в США: “Разве только известные, влиятельные и образованные люди должны быть почитаемы? Разве память об обыкновенных гражданах не должна также сохраниться?”⁷

Известный генеалог, один из основателей Исторического общества Нью Хемпшира (1823), член Массачусетского исторического общества Джон Фамер (1789–1838) попытался ответить на этот вопрос, издав в 1829 г. “Генеалогический перечень первых поселенцев Новой Англии”⁸. Массив собранных им сведений по генеалогии семей Новой Англии XVII столетия в несколько тысяч имен является первой генеалогической базой данных в США. За этот первый обобщающий труд Фамера называют “отцом американской генеалогии”, “пионером генеалогической науки в США”.

Данный “перечень” был составлен как введение к биографическому и генеалогическому словарю Новой Англии 1620–1829 гг. Поэтому его содержание Фамер ограничил XVII столетием, поставив целью собрать информацию о тех, кто “первыми высадился на мрачные и негостеприимные берега Новой Англии”, предполагая, что только в этот штат с 1628 по 1643 г. прибыло 20 тыс. человек,

⁷ Schutz John.A. Op. cit. P. 6.

⁸ Farmer John. A Genealogical Register of the First Settlers of New England. Lancaster, 1829. Reprint: Baltimore, 1964, 1969, 1976, 1979.

т.е. около 4 тыс. семей. Фамер считал (и это оказалось весьма справедливо), что “прибытие пуританских отцов в Новую Англию станет более памятной эпохой в истории, чем завоевание Англии является для этой страны”. В предисловии к своей работе Фамер утверждал, что “потомки несколько веков спустя будут испытывать такое же удовольствие в отыскании своих предков от новоанглийских колонистов, какое чувствуют англичане, устанавливая свое происхождение от норманов”. В этом он оказался пророческим.

Собирая материалы для книги, Фамер подготовил группу ученых, которые работали вместе с ним в местах хранения документов⁹. Болезнь и смерть исследователя остановили эту работу, которая осталась, по словам одного из американских генеалогов, “замечательной, но незавершенной попыткой спасти основателей Новой Англии от забвения”¹⁰.

Работу Фамера называют “великим стимулом развития генеалогии в Соединенных Штатах”¹¹. Его идеи – установить имена всех пилигримов, пришедших с Европейского континента, собрать и сохранить их документы, избежавшие уничтожения войнами и пожарами, – легли в основу организации в 1845 г. первого, именно генеалогического общества в США – Историко-родословного общества Новой Англии в Бостоне (штат Массачусетс). До этого времени генеалоги состояли членами различных исторических обществ, а генеалогические материалы публиковались на страницах исторических журналов. Разделение произошло как из-за недостатка внимания к генеалогическим проблемам в ряде исторических обществ, так и вследствие различий между этими науками. Основателями Общества были всего 7 человек. Из этой маленькой группы за 150 лет Общество выросло в организацию, состоящую из 16 тыс. членов. Оно приобрело значение “главного управления по изучению истории американских семей”. Членами Общества являлись 11 президентов США, 12 губернаторов штата, государственные деятели, известные историки и писатели. Большую финансовую помощь в сборе и публикации источников оказывает администрация штата. Издаваемый Обществом с 1847 г. по настоящее время первый специализированный генеалогический журнал в США “Исторический и генеалогический журнал Новой Англии” (“The New England Historical and Genealogical Register”) сделал Общество национальным по своему влиянию и интересам.

Тем не менее первые генеалогические работы, объединенные научной целью изучения сообщества людей – первых поселенцев и их потомков, появились в двух первых исторических обществах.

Продолжил генеалогические занятия Фамера историк, президент Массачусетского исторического общества Джеймс Сэвидж (1784–1873). Он подготовил и издал в 1860–1862 гг. на основе работы Фамера “Генеалогический словарь первых поселенцев Новой Англии...”¹² (в 4-х томах), задавшись целью включить каждого поселенца, независимо от его ранга или значимости, прибывшего в Новую Англию до мая 1692 г., его детей и внуков. Сэвидж с юмором объясняет причины, заставившие его таким образом потратить 17 лет своей жизни: “Надежда выяснить что-нибудь о раннем периоде жизни Джона Харварда [основатель университета в Стэнфорде, штат Массачусетс] была одной из главных причин моего визита в Англию в 1842 г. Я был бы рад заплатить 500 долларов, чтобы получить 5 строчек о нем в любой области, частной или общественной. Но несмотря на содействие и помощь Его Превосходительства Е. Эверетта, впоследствии нашего

⁹ *Farmer John*. Op. cit. P. V; *Schutz John*. A. Op. cit. P. 7.

¹⁰ *Schutz John*. A. Op. cit. P. 6.

¹¹ *Williams Ethel*. Know Your Ancestors: A Guide to Genealogical Research. Rutland, 1960. P. 14.

¹² *Savage James*. A Genealogical Dictionary of the First Settlers of New England, Showing Three Generations of Those Who Came Before May, 1692, on the Basis of Farmer's Register. 4 vols. Boston, 1860–1862. Reprint: Baltimore, 1965, 1969.

посла в Лондоне, ничего не удалось найти, за исключением подписи Харварда на постановлениях о получении им степеней в Университете. Из неудачи такого исследования и возникло мое решение продолжить генеалогические занятия Джона Фамера”. В основе работы Сэвиджа – документы архивов колоний, округов и городов, изученные им самим и его помощниками весьма тщательно, с намерением, как отмечает сам автор, “выявить каждую ошибку в нашей генеалогии”.

Словарь Сэвиджа – это первое из многотомных изданий в американской генеалогии, которые, по мнению американских ученых, являются характерным признаком ее первого периода. В XIX в. было издано несколько подобных генеалогических словарей по другим регионам. Среди них следует отметить, забегая вперед, 12-томный труд Фрэнка Манселла и Томаса П. Хьюджеса “Предки американцев”, изданный в 1887–1899 гг.¹³ Этот справочник включает имена и родословные по мужской линии тех американцев, чьи предки поселились в Соединенных Штатах до принятия Декларации независимости в 1776 г., но исторички, к сожалению, не указываются, как и во многих других ранних генеалогических сочинениях. Работа охватывает в основном территорию штата Нью-Йорк и ряда округов в других штатах, являясь тем самым первой попыткой создать общенациональную базу генеалогических данных.

Таким образом, изучение родословных первых поселенцев сформировало два самых ранних вида генеалогической литературы в США – словари и многотомные компендиумы (справочники). Построенные обычно по географическому принципу, включая жителей города, штата или региона, эти работы иногда фокусируются на этнических или религиозных группах.

Интерес к пионерам, к установлению имен предков – иммигрантов из Англии, желание отыскать европейские корни переселенцев неизбежно привели американских генеалогов в английские архивы. Результаты этих исследований публиковались на страницах генеалогических журналов и выходили отдельными изданиями как в Англии, так и в США. Объемы собранного в английских архивах и опубликованного материала исчисляются десятками томов. Некоторые американские генеалоги, например, Горацио Г. Сомерби, Джозеф Л. Честер, Джеймс Г. Ли, Лотроп Визингтон и другие, посвятили всю свою жизнь исследовательской работе в архивах Англии.

Многие из генеалогов имели успех в своих поисках. Так, в 1882 г. Историкородословное общество Новой Англии отправило в Лондон на постоянное жительство и работу в архивах своего члена, Генри Уотерса (1823–1913). Его метод состоял в изучении всех документов первой половины XVII в. в британских архивах для выявления любой информации, имеющей отношение к известным ему американским фамилиям. Наибольшую часть времени он посвятил изучению заведений в “мрачном подвале” Сомерсет Хауса. Выявление материалов путем сплошного просмотра позволило ему сделать ряд важных находок, в том числе установить происхождение Джона Харварда, обнаружить информацию о семье Джорджа Вашингтона¹⁴ и т.п.

Таким образом, первый этап в истории американской генеалогии охватывает примерно столетие (1771–1865) и характеризуется изучением истории отдельных семей, выявлением первых европейских поселенцев на американской земле, а также их европейских корней и связей с европейской историей.

В тот же период публикация семейных историй и генеалогических трудов привлекает внимание издательств как весьма прибыльное дело. Первой издательской фирмой, которая решила специализироваться на выпуске генеалогиче-

¹³ *Munsell Frank, Hughes Thomas P. American Ancestry: Giving the Name and Descent, in the Mail Line, of Americans Whose Ancestors Settled in the United States Previous to the Declaration of Independence, A.D. 1776. 12 vols. Albany, 1887–1899.*

¹⁴ *Waters Henry Fitz-Gilbert. Genealogical gleanings in England. Boston, 1901. 2 vols. 1643 p.*

ческой литературы, стала фирма Джоэла Манселла, существовавшая с 1828 г. в г. Олбани (штат Нью-Йорк). В 1848 г. Манселл опубликовал работу Джерома Холгейта “Американская генеалогия”, посвященную истории ряда известных семей Нью-Йорка (*Holgate Jerome B. American Genealogy*); в 1862 г. – первый библиографический справочник по генеалогии, подготовленный членом Историко-родословного общества Новой Англии Уильямом Витмором (1836–1900), включавший 108 историй семей и 62 работы по генеалогии. Пятое, последнее издание Каталога Витмора, опубликованное уже фирмой “Сыновья Джоэла Манселла” в 1900 г., включает 2700 названий¹⁵. После 1900 г. в связи с огромным увеличением количества изданной генеалогической литературы общи библиографические справочники не создавались. Их заменили каталоги генеалогических собраний отдельных библиотек, в том числе Библиотеки Конгресса США, каталог “Книги по генеалогии и местной истории, вышедшие из печати” и пр.

В конце XIX в. фирма Манселла издала также ряд работ по истории семей, первый указатель опубликованных родословных¹⁶ (выдержавший пять изданий в 1868–1900 гг.), аннотированный перечень статей по генеалогии в американских журналах¹⁷, первое методическое пособие по американской генеалогии, уже упомянутый 12-томный справочник “Предки американцев” и др. В настоящее время несколько десятков издательств в США специализируются на выпуске только генеалогической литературы.

Второй период в истории американской генеалогии начинается после Гражданской войны 1861–1865 гг. и продолжается чуть более 60 лет.

Если на первом этапе американские генеалоги собирали сведения о первых поселенцах, прибывших на Американский континент, устанавливали связи с европейской историей, то после того, как страна просуществовала около трех столетий, пройдя через Революцию, войны за независимость и Гражданскую, американская генеалогия получила возможность выявлять связи уже с собственной национальной историей. Таким образом, второй период в развитии этой науки в США можно назвать периодом образования взаимосвязи генеалогии и национальной истории.

Это выразилось, во-первых, в создании огромного количества наследственных патриотических обществ, таких как “Сыновья Американской революции”, “Дочери Американской революции” (это общество имеет большое количество членов – 204 тыс.), “Орден основателей и патриотов Америки”, “Общество колониальных дам Америки”, «Общество потомков пассажиров корабля “Maufower”» (первый корабль с поселенцами, прибывший в порт Плимут в декабре 1620 г.), “Наследственный орден потомков колониальных губернаторов”, “Национальное общество сынов и дочерей пилигримов”, и т.д. Эти общества включают потомков по прямой линии (мужской или женской) солдат Революции, Гражданской войны, колониальных войн, потомков колонистов, конфедератов, участников местных исторических событий (например, в штате Техас существуют такие общества, как “Дочери Техасской Республики”, “Потомки героев битвы при Аламо”) и др. Всего таких обществ около полутора сотен, причем наследственные объединения по видам “исторической деятельности” предков отнюдь не ограничиваются их патриотической направленностью. Существует, например,

¹⁵ *The American Genealogist. Being a Catalogue of Family Histories and Publications Containing Genealogical Information Issued in the United States.* Albany, 1900. Reprint: Baltimore, 1971.

¹⁶ *Durrie Daniel S. Bibliographia Genealogica Americana: an Alphabetical Index to American Genealogies and Pedigrees Contained in State, County and Town Histories, Printed Genealogies and Kindred Works.* Albany, 1868.

¹⁷ *List of Titles of Genealogical Articles in American Periodicals and Kindred Works. Giving the Name, Residence, and Earliest Date of the First Settler of Each Family and Adding Deficiencies in Brackets.* Albany, 1899.

Ассоциация дочерей американских колдуний (знахарок), потомков владельцев постоянных дворов и таверн и множество других. “Орден короны Карла Великого” включает потомков европейских королевских фамилий. Имеется “Общество потомков внебрачных детей королей Великобритании” и “Общество детей Американской революции”, возраст членов от 1 дня до 18 лет.

Несмотря на некоторую курьезность, достаточно серьезным является то, что для вступления в такие общества необходимо доказать свое родство с участниками войн, Революции и других исторических событий. Таким образом, генеалогия в США получила достаточно мощный стимул для развития. Доказательства родства проверяются весьма тщательно, каждое общество издает свои родословные книги, они различны по формам и изложению; их число растет по мере увеличения состава обществ. Так, например, “Общество дочерей Американской революции” опубликовало уже 166 томов (в каждом тысяча родословий). Публикации ряда обществ представляют собой перечень членов с указанием службы их предков или документированные родословные росписи. Все общества имеют свои архивы, иногда довольно большие. Генеалогическая деятельность этих обществ дает основание американским ученым считать, что именно “чувство патриотизма является душой американской генеалогии”¹⁸.

Сословные права и привилегии в США были отменены Конституцией 1787 г. Но в основе организации наследственных патриотических обществ в США лежит тот же принцип, что и в формировании корпораций русского дворянства, английских пэров и других подобных сословных объединений – заслуги предков перед Отечеством и права потомков на определенный социальный статус – по рождению. Другими словами, образованы своеобразные почетные сословия (корпорации), вследствие чего американское общество, помимо экономических, национальных, профессиональных и территориальных структур получило дополнительную социальную структуру путем создания системы наследственных обществ и ассоциаций. Причем это более замкнутые корпорации, нежели сословные, так как их члены объединены только родством. Сословия, как известно, имели более размытые границы, допускался переход из сословия в сословие. Сами генеалоги признают, что “существование таких обществ представляет собой, в известном смысле, теснейшую американскую параллель с дворянством в Европе”¹⁹.

Также имеются “привилегии” у членов наследственных патриотических обществ (конечно, более современные, чем у дворян XVIII столетия) – от специального страхования членов обществ, льготной медицинской страховки, не зависящей от инфляции, до собственных фондов обществ с большими процентами по вкладам. Не все преимущества афишируются, но даже то, что можно найти в генеалогических справочниках и журналах, показывает, что многие общества – достаточно богатые и влиятельные.

Конечно, структура американского общества более сложная, но определенная роль генеалогической информации в формировании новых групп и слоев, на наш взгляд, все же прослеживается.

Массовое увлечение генеалогическими исследованиями показывает и сохранение четкого деления по этническим группам. Так, не существует этнически смешанных генеалогических обществ, генеалогические общества, например, афро-американцев всегда обособлены. Такое разделение генеалоги объясняют различием в типах и методах исследования. Имеется в виду то, что, например, до отмены рабства в 1863 г. не существует персональных документов о людях, попавших в рабство, плантаторские списки весьма редкое явление. Но после 1863 г. все виды источников для генеалогических исследований одинаковы, как для англо-, так и для афро-американцев, начиная с переписей населения. Возможно, что

¹⁸ The Abridged Compendium of American Genealogy... Vol. 1.

¹⁹ Beard Timothy F., Demong Denise. How to Trace Your Family Roots. N.Y., 1977. P. 196.

в большей степени все-таки это разделение объясняется различиями в проведении генеалогического исследования, но, тем не менее, на наш взгляд, можно говорить и о том, что генеалогия является определенным орудием в политике формирования и закрепления социальных и этнических структур.

Помимо доказательства родства вступающие в наследственные общества должны подтвердить факт участия своих предков в данных событиях или их принадлежность к определенному роду деятельности. В связи с этим, например, “Общество дочерей Американской революции” в 1960-е годы выпустило специальный указатель, включающий более 105 тыс. имен участников Революции, установленных по документам (DAR Patriot Index).

Желание найти в своей родословной известных предков, причем не только героев войн и Революции, приводит иногда к весьма неожиданным результатам. Так, путем сравнения фотографий при помощи методов компьютерного анализа одной исследовательнице удалось доказать, что ее прадедушка Джеймс Кортни, умерший 96 лет от роду в Техасе в 1943 г., был американским гангстером, грабившим банки Джесси Джеймсом, якобы застреленным в 1882 г. в штате Миссури²⁰.

К 1870–1899 гг. относится первый период массовой публикации исторических источников в США, связанный с решением Конгресса США о создании юбилейных очерков по местной истории к 100-летию национальной независимости и принятия Конституции²¹, что также послужило стимулом для изучения истории семей.

Возможно, это явилось причиной еще одного интересного явления – образования с 1880-х годов огромного количества семейных объединений, посвященных установлению и развитию контактов между членами рода, изучению и написанию семейной истории. При помощи таких семейных корпораций финансируются генеалогические исследования, издаются книги, содержатся и охраняются семейные кладбища и т.п. Каждое семейное объединение имеет свое периодическое издание – журналы, газеты, информационные листки, бюллетени. Многие объединения создают собственные электронные базы данных. В настоящее время только официально зарегистрированных семейных союзов, т.е. имеющих Устав, Положение, Совет директоров, счет в банке и пр. насчитывается свыше 6 тыс. Возможно, что первые семейные объединения появились после Гражданской войны как бы в противовес этим событиям, разделившим страну.

В возникновении в США огромного количества семейных объединений европейские генеалоги видят проявление особых причин интереса американского общества к своему прошлому.

Для вступления в наследственное общество требуются доказательства родства. Отсюда – огромный рост количества публикаций и, в первую очередь, источников, причем возросла потребность именно в метрических документах. Так, например, изданы в различных формах метрические записи почти по всем городам Новой Англии. Увеличивается количество опубликованных указателей, в том числе к материалам переписей населения, которые проводятся в США с 1790 г. каждые 10 лет. Первичные анкеты, заполненные гражданами, хранятся в Национальном архиве. В геометрической прогрессии растет количество опубликованных родословных, историй семей, переводов документов испанских и других архивов, издаются методические пособия. Первое практическое руководство для генеалогов, подготовленное историком и генеалогом Генри Стайлзом (1832–1909), появилось в США в 1899 г. До этого американские исследователи пользовались английскими методиками. Первое руководство невелико – всего 55 страниц, и освещает лишь некоторые вопросы в организации генеалогического исследования: понятие генеалогии,

²⁰ *Duke Betty D. Jesse James Lived and Died in Texas.* Austin, 1998.

²¹ *Neagles James C. The Library of Congress: A Guide to Genealogical and Historical Research.* Salt Lake City, 1990. P. 15.

источники и формы записи генеалогической информации, системы нумерации в родословных, техническая подготовка к работе²².

Увеличение количества желающих заниматься изучением своей родословной приводит к организации территориальных генеалогических обществ по всей стране. В 1869 г. основано Нью-Йоркское генеалогическое и биографическое общество, выпускающее до настоящего времени ежеквартальный журнал "Records", одно из наиболее важных периодических изданий по генеалогии в США. Существующее с 1894 г. Генеалогическое общество штата Юта с 1910 г. выпускает журнал "Utah Genealogical and Historical Magazine" (с 1972 г. – "Genealogical Journal"). Национальное генеалогическое общество, основанное в 1903 г., с 1912 г. издает ежеквартальный журнал "National Genealogical Quarterly", в котором публикуются материалы, касающиеся всех регионов страны и этнических групп. В 1976 г. основана Федерация генеалогических обществ с целью координации деятельности и выполнения совместных проектов генеалогическими обществами страны. Большое количество генеалогических обществ в городах и округах США выполняют значительную работу на местах.

Характерная особенность третьего периода (1925–1976) в истории генеалогической науки в США – осуществление длительных (по времени) проектов по изданию как источников, так и обобщающих генеалогических трудов. Этот период можно определить как период формирования научной национальной генеалогии с началом создания обобщающих трудов на национальном уровне на основе предыдущих региональных и местных исследований.

Первым таким справочником является 7-томная "Генеалогическая энциклопедия Соединенных Штатов" Фредерика Вёкуса о первых семьях Америки, изданная в 1926–1942 гг.²³ Справочник содержит более 54 тыс. родословных, включающих около 2 млн имен. Автор задумал составить книгу – генеалогическую библиотеку. По сути, это первая общенациональная база данных по генеалогии в книжном формате, доступная любому исследователю, источник для компьютерных баз данных последующего периода, а также первая стандартизация генеалогических записей. Само осуществление таких проектов, как подготовка генеалогических справочников всеобщего характера вовлекало в изучение своей родословной тысячи людей посредством переписки-запросов от составителей подобных работ.

Этот этап включает второй период массовой публикации источников, связанный с Великой депрессией 1930-х годов. Правительство Ф. Рузвельта разработало различные программы ликвидации безработицы. Одной из таких программ, имеющей целью централизованное использование рабочей силы, в 1933 г. стала специальная правительственная "Программа обследования исторических архивов" Комиссии исторических документов при временном Управлении рабочими проектами. Целью "Программы" было "отыскание, обеспечение сохранности и учет основных документальных материалов по истории Соединенных Штатов"²⁴. За весьма короткий период были приведены в порядок архивы местных судов, церквей, мест захоронения, по многим из последних были созданы некрополи. Публикация путеводителей, описей, указателей, генеалогических источников государственных и ведомственных хранилищ продолжалась и после завершения деятельности этой "Программы".

В 1936 г. восемь крупнейших библиотек США начали работу по составлению "Американского генеалогического указателя", с 1952 г. – "Американского генеалогическо-биографического указателя" (The American Genealogical-Biographical

²² Stiles Henry R. A Hand-Book of Practical Suggestions, for the Use of Students in Genealogy. Albany, 1899.

²³ The Abridged Compendium of American Genealogy: First Families of America. A Genealogical Encyclopedia of the United States / Ed. by. Frederick A. Virkus. Chicago, 1926–1942. 7 vols. Reprint: Baltimore, 1968, 1987.

²⁴ O'Toole James M. Understanding Archives and Manuscripts. Chicago, 1990. P. 35–36.

Index to American Genealogical, Biographical and Local History Materials. Middletown; Conn.: Godfrey Memorial Library). Это наиболее представительный именной указатель к опубликованным генеалогическим, биографическим и историко-краеведческим материалам. С 1942 г. издано 48 томов первой серии и 188 томов второй серии указателя. К 1999 г. он включал 6 млн 250 тыс. имен. Каждый год публикуется четыре-шесть новых томов этого справочника.

Увеличение опубликованных источников и справочников, их общедоступность расширили круг исследователей, к ним обращавшихся.

Одним из величайших факторов, который способствует американскому гражданину “рыться в семейных анналах”, являются войны. В “эпоху войн” XX столетия интерес к изучению семейной истории становится широко распространенным в Соединенных Штатах. Осуществляются новые долгосрочные генеалогические проекты по изучению генеалогии всех участников первой и второй мировых войн, локальных войн, которые вела страна и т.д.

В 1960-е годы в связи с подготовкой к 100-летию Гражданской войны и 200-летию принятия Конституции дальнейшим стимулом послужила Третья правительственная программа по изучению истории страны и публикации исторических источников.

Помимо всех упомянутых причин повышенного интереса американского общества к генеалогии существует еще одна – деятельность известной церковной организации мормонов – Церкви Иисуса Христа святых новейшего времени²⁵ и существующего в рамках Церкви Генеалогического общества штата Юта. Первое место не только в США, но и во всем мире по объему генеалогической информации принадлежит Библиотеке семейной истории этого Общества, которую называют “генеалогической Меккой”. К 1996 г. коллекция Библиотеки семейной истории Общества включала более 115 тыс. родословий и историй семей. Каждый месяц в каталог Библиотеки добавляется до 1 тыс. новых названий.

Суть огромнейшей работы мормонов по генеалогии состоит в том, что эта Церковь осуществляет так называемое заместительное крещение умерших. Те мормоны, у которых близкие люди умерли вне секты, после собственного крещения крестятся еще и во имя своих предков (за каждого в отдельности) и тем доставляют им возможность участия во всех благах, обещанных верным. Нужно сказать, что члены секты перекрещивают не только своих собственных предков, но и любых, реально существовавших лиц, упомянутых в том числе в генеалогических источниках разных стран. Существует специальная компьютерная программа по подготовке информации о данной процедуре для перекрещиваемых лиц. В результате одним из требований религиозного учения мормонов является необходимость знать свою родословную. Отсюда их всемирная работа по сбору генеалогической информации. Ежегодно Церковь тратит 10 млн долларов, чтобы содержать и пополнять свою неисчислимую коллекцию.

В 1930-е годы Церковь Иисуса Христа святых новейшего времени и Генеалогическое общество штата Юта начали свой всемирный проект по микрофильмированию документов в различных хранилищах США (государственных, муниципальных, судебных и других архивах) и в более 50 стран мира. В настоящее время их коллекция насчитывает почти 2 млн роликов микрофильмов (ежегодно производится приблизительно 50 тыс. роликов).

Для того чтобы пользоваться ресурсами Библиотеки, совсем не обязательно ехать в Солт Лейк Сити. В 1964 г. была создана система отделений Библиотеки – Центров истории семьи. В настоящее время 2650 таких центров действуют во

²⁵ Именно в этом значении употребляется в названии Церкви словосочетание “Latter-Days” – “нового времени”, а не “последних дней”, как зачастую переводится название данной Церкви. Суть этого религиозного учения состоит в том, что каждый человек, принявший эту веру, по их представлениям, становится святым, т.е. каждый мормон – новый “святой”.

всех городах США и 64 странах мира, получая ежегодно обновляемую версию каталога Библиотеки на микрофишах, CD-ROM с генеалогическими базами данных и микрофильмы с источниками по заявкам исследователей. Обычный Центр представляет собой две-три комнаты в здании местной церкви, оборудованные компьютерами, техникой для просмотра микрофильмов, микрофиш и печатания бумажных копий с микроносителей.

Церковь и Генеалогическое общество имеют свою мощную генеалогическую компьютерную систему (Family Search Center), свое издательство (Центр автоматизированных библиотечных ресурсов), выпускающее с 1991 г. CD-ROM с генеалогическими базами данных.

Через центры Библиотеки исследователям доступен Международный генеалогический указатель (International Genealogical Index) на CD-ROM и микрофишах, который составляет Библиотека с 1960-х годов к микрофильмируемыми материалами. В настоящее время указатель включает более 240 млн имен из таких источников, как переписи населения, метрические записи, судебные дела (особенно судов, занимающихся завещаниями), некрополи, материалы по иммиграции и натурализации, по военной службе, налоговые и земельные документы, документы церквей и государственного социального страхования, опубликованные работы генеалогов многих стран мира и т.п. Этот и ряд других указателей составляют волонтеры – члены Церкви, работающие добровольно, без оплаты.

В 1976 г. писатель Алекс Хейли опубликовал свою книгу “Корни: Сага американской семьи”, в которой описал историю нескольких поколений одной из семей – представителей афро-американского населения США. Книга стала генеалогическим бестселлером, принесшим автору Пулитцеровскую премию. Если быть точными, не столько сама книга, сколько серия телевизионных передач по ее материалам произвела, по словам Джона Шатца, “фантастическое впечатление на нацию”. Понятно, что такое “генеалогическое сумасшествие” значительно увеличило производство продукции “кухонного стола”, добавив к ней и продукцию “стола письменного”, т.е. более профессионального.

Несмотря на смешение факта и вымысла, книга Хейли показала широкому читателю возможность генеалогического поиска и открытия в своей собственной родословной. Произошел некий поворот в массовом сознании общества: появилась возможность определения своего места и места своих предков в истории страны, что привело ко всеобщему интересу к генеалогии и, как следствие, применению компьютерных технологий для генеалогических исследований.

Можно сказать, что с началом использования искусственного интеллекта для генеалогических исследований, в США начинается четвертый период в истории развития генеалогии, который можно назвать периодом всеобщего интереса.

Компьютерные технологии для генеалогических исследований стали использоваться сравнительно недавно, с 1980-х годов. Они применяются для создания самых различных баз данных (БД). *Во-первых*, это базы данных, содержащие родословные росписи или таблицы. Подобные БД существуют или только в сети (и доступны на определенных условиях), или на CD-ROM. Самая популярная программа и наиболее значительная генеалогическая БД 1990-х годов принадлежит Генеалогическому обществу штата Юта. Это широко известная БД “Родословная картотека” (Ancestral File), которая в настоящее время включает около 30 млн человек в системе родственных связей, и программа “Личная родословная картотека” (Personal Ancestral File), позволяющая любому генеалогу включить свою информацию в общую базу данных.

Во-вторых, это базы данных, содержащие именные указатели, которые распространяются также, в основном, на CD-ROM. Основой для создания баз данных этого вида являются опубликованные источники, указатели и родословные, которые репродуцируются на оптические диски, т.е. информация из книжного формата переводится в электронный. Поэтому компьютеризация отрасли движется

так быстро, что за два столетия непрерывной масштабной работы подготовлена основа, обработаны те данные, которые наиболее удобно использовать при помощи автоматизированных технологий.

В настоящее время существует большое количество национальных и международных компьютерных сетей. Одна из самых широких и доступных – Интернет, где представлены разнообразные генеалогические ресурсы: методические пособия, электронные каталоги библиотек, путеводители по архивным материалам, поисковые базы данных типа “Find Your Ancestors”, которые содержат более 600 млн имен (на 1 ноября 2000 г.); генеалогические проекты по созданию общих генеалогических страниц на уровне штата, страны и мира, куда любой гражданин может поместить свою информацию и т.д.

Полнотекстовые публикации генеалогических источников крайне редки. К переводу полного текста на микро- или электронные носители их владельцы подходят осторожно, понимая, что это приведет к обесцениванию архивов и хранящейся в них информации. В основном предлагается вторичная информация в виде указателей, абстрактов и экстрактов из источников – в книжном, микро- и электронном форматах.

Существует ряд профессиональных компьютерных фирм, создающих программное обеспечение для генеалогии и издающих генеалогическую информацию на CD-ROM. Самой значительной среди них является Brøderband Software. На основе популярной компьютерной программы “Составитель семейного древа” (Family Tree Maker) фирма осуществляет проект под названием “Мировое семейное древо” (World Family Tree), получая компьютерные файлы своих пользователей и используя опубликованные источники и материалы.

Количество генеалогических программ для персональных компьютеров постоянно увеличивается. В настоящее время их существует более 200. При помощи этих программ пользователи могут создать свои собственные базы данных и поделиться информацией с членами рода и другими исследователями. Большинство генеалогических программ в настоящее время используют специальный стандарт (GEDCOM – Genealogical Data Communication), который позволяет обмениваться информацией из баз данных, созданных в разных программах и различных типах компьютеров. Стандарт подготовлен в Генеалогическом обществе штата Юта и впервые представлен в июле 1984 г.

Всеми видами генеалогических источников (в том числе на микро- и электронных носителях) можно пользоваться в любой библиотеке страны, так как все они имеют специальные залы для просмотра микрофильмов и достаточно компьютеров для читателей. Таким образом, при огромном количестве опубликованных материалов центрами генеалогических исследований в США являются не архивы, а библиотеки, создающие зачастую специализированные генеалогические отделения. Существуют и специализированные генеалогические библиотеки. Помимо Библиотеки семейной истории в Солт Лейк Сити, например, есть Clayton Library Center for Genealogical Research, Houston, Texas; Ellen Payne Odom Genealogical Library, Moultrie, Georgia и другие, в том числе для незрячих людей, а также для людей с физическими недостатками (Genealogical Library for the Blind and Physically Handicapped, Doraville, Georgia), имеется генеалогическая библиотека, предоставляющая книги и материалы во временное пользование (American Genealogical Lending Library, Bountiful, Utah) и т.д.

Помимо библиотек и компьютерных фирм существуют специализированные издательства, которые выпускают генеалогическую литературу в традиционном книжном формате; коммерческие издательства генеалогической информации на CD-ROM, профессионально подготовленная армия генеалогов и т.д. При таком вовлечении генеалогии в доходный бизнес коммерческий интерес не позволяет угаснуть интересу генеалогическому. Отсюда – огромное количество генеалогической периодики, рекламы, телевизионных и радио-шоу по истории семьи.

Экскурс в историю развития генеалогии в США позволяет выявить различные причины интереса американского общества к генеалогии. Этот интерес поддерживается на определенном уровне, приносящем доход.

Достаточно серьезно разрабатывается методика генеалогического исследования – общие стандарты генеалогического описания, методы использования различных компьютерных генеалогических программ, правила и методики по сбору, изложению и публикации генеалогического материала, и в широких масштабах она предлагается самому исследователю – школьнику, студенту, генеалогу-любителю, генеалогу-профессионалу. Таких пособий для разных уровней подготовленности исследователей существует в настоящее время более 400. В американской генеалогической литературе они подразделяются на несколько видов: руководства для взрослых читателей и отдельно для молодежи (эти два вида пособий в большей степени посвящены генеалогическим источникам и методам работы с ними); руководства по исследовательскому мастерству и технологии освещают вопросы по организации работы, работе с компьютерными генеалогическими ресурсами, использованию методов устной истории, видеозаписи, подготовке книги по истории семьи к публикации и советы по ее изданию; материалы для учебных занятий в классе, дома, общественных и частных генеалогических институтах и семинарах – курсы и программы для обучения, самоучители, материалы для преподавателей и студентов; статьи в периодической печати и опубликованные материалы генеалогических конференций.

В США, как и в России, генеалогия прошла путь от пренебрежительного к ней отношения, когда занятие этой наукой считалось причудой, проявлением вопиющего тщеславия, до преподавания этой науки в университетах и колледжах и появления профессии генеалога.

Если суммировать вышеизложенное по вопросу о том, на чем основан интерес к прошлому, к истории своей семьи, чем и как он поддерживается в США, то мы обнаружим достаточно большой комплекс взаимосвязанных причин и следствий. Это и необходимость сохранения генеалогической памяти, нарушенной вследствие оторванности от рода в результате внешних и внутренних миграций, изменения в социальной структуре общества с образованием патриотических наследственных и семейных объединений, и правительственные программы по изучению истории страны, и публикации исторических источников, делающие доступной генеалогическую информацию любому члену общества, и деятельность Церкви Иисуса Христа святых новейшего времени, и 13 тыс. генеалогических обществ (влияние их периодических и иных генеалогических изданий), и активность коммерческих фирм и издательств через рекламу, теле- и радио-шоу.

Нельзя не учитывать также общие психологические факторы и их особенности применительно к американскому обществу – желание участвовать в деятельности какого-либо общества или объединения с целью достичь успеха и сделать карьеру, и стремление к реальному общению, и интерес пожилых людей и детей к истории своей семьи.

Одной из причин массового увлечения генеалогией является и желание заниматься исследовательской работой, чтобы реализовать себя или заполнить свободное время творческой деятельностью. Именно поэтому массовые генеалогические исследования в США поддерживаются правительством (как и занятия спортом), чтобы отвлечь людей от ряда других проблем и пристрастий. Возможно, что правительственные круги и американские ученые имеют особый интерес к огромным генеалогическим базам данных с точки зрения изучения демографии, социологии, социальной психологии, генетики, генетического клонирования, евгеники и прочих наук, с которыми генеалогия имеет тесную связь.

Сумма всех этих причин и создает тот феномен, каким является в настоящее время занятие генеалогическими исследованиями в США. Интерес к генеалогии создан самим американским обществом в силу ряда исторических причин, и в на-

стоящее время он поддерживается деятельностью генеалогических обществ, отдельных граждан, бизнеса и правительства, а также всем тем, что использует любая наука и производство – деньги, реклама и пр.

Что же в перспективе? Что будет являться основой следующего этапа развития генеалогии, и, может быть, не только в США?

Возможно – это объединение национальных генеалогий, генеалогических исследований разных стран и построение действительно Всемирного родословного древа – своеобразного генеалогического Интернета, Всемирной генеалогической паутины, в которой каждый человек, когда-либо живший на Земле, будет окружен вызволенными из забвения предками и потомками.

В человеческом сообществе все взаимосвязано. Так, например, среди потомков дочери Ярослава Мудрого, Анны, королевы Франции – есть четыре американских президента (по женской линии), в том числе Джордж Вашингтон и Абрахам Линкольн, а также Уинстон Черчилль и Джон Рокфеллер²⁶.

Объединение генеалогических исследований вполне возможно при помощи быстро развивающихся в данной области компьютерных технологий. И вполне вероятно, что именно масштабность и доступность генеалогических баз данных станут новым мощным стимулом для каждого отдельного человека (независимо от того, в какой стране он живет) отыскать свои родовые корни.

²⁶ Jordan David S., Kimball Sarah L. *Your Family Tree*. N.Y., 1929. P. 136, 145, 240, 246.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ БАЗ ДАННЫХ ФИЛИГРАНЕЙ¹

Проблема отсутствия единой системы терминов в филигранологии поднималась специалистами неоднократно². Особенно ошутим этот пробел при попытках внедрения компьютерной техники в соответствующей области исследований. Действительно, порой “отсутствие единого языка филигранологии как специальной исторической дисциплины является почти непреодолимым барьером для разработки соответствующих блоков программ для информационно-поисковых систем”³. Однако именно разработка соответствующих программ может стимулировать процесс унификации терминологии, создания того самого “единого языка”.

Рассмотрим в качестве примера “Международный стандарт для регистрации бумаги с филигранями и без них”, составленный специалистами Международной ассоциации историков бумаги (далее – IPH)⁴. На настоящий момент стандарт IPH является, пожалуй, самой детально разработанной схемой для описания филиграней. Он состоит из вводной мотивировочной части, собственно текста стандарта с описанием полей и третьей части – приложений.

В мотивировочной части фиксируются цели и основные положения, на которых основывается стандарт. Там оговаривается, что, исходя из необходимости идентификации бумаги – в целях экспертизы документов, в которых она используется – необходимо вести повсеместную регистрацию бумаги по одинаковым критериям. С этой целью и составлен публикуемый документ, являющийся “техническим стандартом для регистрации данных”. Он базируется на следующих главных положениях:

- под филигранью понимается любая маркировка бумаги, независимо от времени, места и способа ее получения;
- на основании мелких различий между изображениями филиграней предполагается построить хронологическую последовательность бумаги, которую можно в дальнейшем использовать при экспертизе;
- для этого необходимо как можно более полно фиксировать информацию о каждом листе;
- отправной точкой регистрации является единичный лист, который дает непосредственную информацию об основной единице производства – бумажной форме.

Собственно стандарт состоит из ряда полей, которые можно подразделить на следующие смысловые блоки.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 00-06-80460.

² См., например: Амосов А.А. Нерешенные проблемы филиграноведения // Филигранологические исследования: Теория. Методика. Практика. Л., 1990. С. 25–34; Дианова Т.В. Использование водяных знаков при описании рукописей // Там же. С. 35–45; и др.

³ Амосов А.А. Указ. соч. С. 26.

⁴ Текст Стандарта на английском языке опубликован в INTERNET на официальном сайте IPH: www.paperhistory.org. Последнее изменение Стандарта 31 января 1999 г. Автор Стандарта – проф. П. Чудин (г. Базель, Швейцария).

Первый смысловой блок – поля 3.0.0.–3.0.32. – содержит информацию о листе. Эта информация включает в себя следующее: данные о местонахождении листа (от наименования и адреса организации, где расположена описываемая коллекция, до номера листа в составе книги, рукописи и т.д.), классификацию бумаги в связи с ее итоговым использованием (в составе печатной книги, рукописи, рисунка и т.д.), указание на то, является ли лист целым, обрезанным или представляет собой фрагмент. Далее следует подробная информация о цвете и узоре на бумаге, использованном сырье и добавках, проклейке, приводятся физические характеристики (толщина листа, степень гладкости, указание на тип бумагоделательной машины – в случае, если бумага произведена машинным способом).

Следующий смысловой блок описывает непосредственно филигрань (поля 3.1.0.–3.1.13). Здесь фиксируется тип филигрании (сложная (составная), угловая, кайма и пр.), ее структура (тисненая, линейная, полученная комбинацией линий и рельефа и пр.), расположение филигрании на листе. Приводятся также цифровые параметры, характеризующие размеры филигрании (в мм) и ее расположение относительно краев листа и сетки. Очень важны поля 3.1.3.–3.1.5., где дается кодированное описание основного мотива филигрании, полное кодированное ее описание и полное словесное описание. Кодирование производится согласно особой системе кодов, разработанной специалистами ИРН; она приведена в приложении к стандарту.

Поля 3.2.1.–3.2.8. содержат описание бумажной формы по тем данным, которые можно извлечь непосредственно из описываемого листа. Здесь приводятся: “белая дата”, способ отлива бумаги, характеристики вержеров и понтюзо, особые характеристики и дефекты формы, делающие ее наиболее заметной и позволяющие однозначно идентифицировать. Предполагаются отсылки к специальной подбазе данных отливных форм и, внутри нее, не только к конкретной форме, но и, по возможности, к парному листу (в случае, если форма двойная или тройная).

Далее следует блок данных, названных “Библиографические/кодинологические данные” (поля 3.3.1.–3.3.11). Здесь фиксируется автор произведения, написанного на обследуемом листе, писец рукописи, заглавие, краткое изложение содержания, а также хронологические параметры: самая ранняя и самая поздняя возможная дата написания произведения, способ датировки. То есть, этот блок характеризует содержательную сторону произведения и дает информацию об использовании бумаги.

Данным о бумажной мельнице посвящены поля 3.4.1.–3.4.4. Здесь фиксируются страна и место расположения мельницы, ее наименование и дается отсылка на специализированную подбазу данных по бумажным мельницам. Поля 3.5.1.–3.5.4. относятся к производителю бумаги (его имя, положение на мельнице: хозяин, рабочий, арендатор и пр.), а также дается отсылка к специализированной подбазе данных.

Поля 3.6.1.–3.6.15. посвящены описанию специфических особенностей дальневосточной и арабской бумаги.

Отдельным блоком идут поля 4.1.–4.11., в которых описываются способы воспроизведения филиграней. Каждый из способов дан с небольшими комментариями и нередко со ссылками на литературу; на этом блоке остановимся более подробно.

Простейший способ – перерисовывание от руки рекомендуется лишь для тех случаев, когда другие способы невозможны, например, их применение слишком дорого или может повредить описываемый лист. В целом характеризуется как неточный способ.

Гораздо более точна контактная фотография, но полученные снимки не всегда можно использовать для работы, так как на них превосходно отображаются не только филигрании, но и, например, текст, написанный на листе.

IPN рекомендует следующие способы воспроизведения филиграней.

– Притирание. Метод основан на том, что на бумаге, произведенной ручным способом, имеется более или менее ярко выраженный рельеф (отпечаток дна бумажной формы). Обследуемый лист кладется на твердую поверхность, сверху помещается нелинованный лист бумаги, на который предполагается копировать. Берется карандаш с мягким грифелем и в направлении по диагонали на лист, где должна получиться копия, наносятся штрихи в непосредственной близости друг от друга. В результате на темном фоне получается изображение филигрانی в виде светлого контура. Способ привлекает своей простотой, действительно, никакое специальное оборудование не нужно. Точность воспроизведения достаточно высока. Однако очевидно, что не всякий лист можно подвергать подобной операции (уже хотя бы в силу ветхости).

– Ультрафиолетовая фотография. Метод сводится примерно к тому же, на чем строится контактная фотография. Исследуемый лист бумаги помещается на фоточувствительную бумагу, дается экспозиция в лучах видимого света (50–410 нм). Потом, через некоторое время, проводится засветка ультрафиолетовым излучением (200–400 нм).

– Фосфоресцентная техника. Предполагает получение изображения с применением фосфоресцентной пластины и облучение ее в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазоне.

– Наиболее перспективны, с точки зрения специалистов IPN, различные радиографические методики. Действительно, их существенным преимуществом является то, что текст или рисунок, имеющийся на бумаге, не воспроизводится, а филигрань видна отчетливо. Правда, если при письме или украшении использованы краски, имеющие в своей основе металлы (например, свинцовые белила) или применено листовое золото, на воспроизведении они получают как затененные области. IPN рекомендует, “чтобы каждое книгохранилище или архив изыскали возможности для получения методами радиографии воспроизведений филиграней с бумаги части или всех своих коллекций и сделал их доступными для исследователей”. Технически существует три типа радиографии: с применением мягкого рентгеновского излучения, β-радиография и электронная радиография.

– Описаны в стандарте IPN и методики воспроизведения филиграней, предполагающие использование современной вычислительной техники. Это цифровое бесконтактное измерение частоты и сканирование с применением специальной приставки к сканеру.

Завершающий смысловой блок стандарта посвящен классификации филиграней. Проводить классификацию рекомендуется в соответствии с кодировкой, разработанной IPN, причем основной знак записывается в главный класс, дополнительные знаки и варианты – в подкласс, а части целого, геральдические особенности и т.п. кодируются суффиксами и добавочными номерами. Выбор такого способа классификации обусловлен возможными разночтениями при переводе словесных описаний с одного языка на другой; с этим резонно трудно не согласиться. Разработанная кодировка опирается на принятую классификацию по мотивам – такую, как применял в своих работах еще Ш. Брике – но, в отличие от нее, не принимает во внимание форму и значение филигрانی, избегая терминов, которые не соотнесены с изображенным объектом.

Далее приводится список основных классов, обозначенных прописными буквами английского алфавита. Список открыт для обсуждения, составители предлагают направлять дополнения в IPN и обязуются периодически публиковать их. Надо добавить, что в 1997 г., когда была составлена базовая версия стандарта IPN (IPN Standard 2.0.1997), был опубликован (на бумажном носителе) типологический иллюстрированный указатель филиграней, в котором не только перечисле-

ны основные классы с наиболее часто встречающимися подклассами, но и приведены типичные изображения. Это может существенно облегчить работу по классификации и кодировке.

В Прибавлении I к стандарту приводятся подробности кодировки, а также все разработанные коды.

Особое значение имеет Приложение II к стандарту, так как там излагаются основания для структуры базы данных филиграней. Эта структура выглядит следующим образом: в составе базы имеются, как минимум, пять главных “мастер-файлов” (то, что мы выше называли смысловыми блоками) и два дополнительных. К обязательным относятся: файл параметров листа, файл параметров филигрانی, файл параметров бумажной формы (дата отлива, полученная из просмотра листа и т.д.), файл формы (данные об оригинальной форме), кодикологический, библиографический файл и, по возможности, факультативный, куда заносятся особенности декорированной бумаги. К дополнительным относятся: файл изготовителя бумаги, файл бумажной мельницы и другие (факультативные) файлы: художника, печатника, издателя и пр.

Такая структура связана с тем, что основной единицей описания считается лист. Результаты этого описания помещаются в файле параметров листа. Понятно, что в некоторой своей части они будут одинаковыми – для тех листов, которые отлиты в одной форме. Поэтому данные, относящиеся к форме, регистрируются только один раз – в файле параметров формы, который связывается с файлом параметров листа. Аналогично кодикологические данные будут одинаковы для всех листов, которые сосредоточены в одной книге или рукописи. Они также регистрируются всего один раз – в кодикологическом файле – и связываются с файлом параметров листа системой ссылок.

Единожды регистрируется каждая бумажная мельница – так как очевидно, что данные о мельнице будут одинаковы для всех листов, которые на ней произведены. Файл бумажной мельницы связан с файлами параметров форм, применявшихся на этой мельнице, а также с файлами персоналий, связанных с производством бумаги. Составители стандарта отмечают, что “только такая структура (базы данных. – В.Е.) предусматривает минимальное резервирование и (по крайней мере, для периода ручного производства бумаги) точное воспроизведение связей между бумажным мастером, бумажной мельницей, формой, листом и конечным пользовательским продуктом”.

К стандарту, кроме того, прилагаются примеры кодировки филиграней, примерные записи, алфавитный указатель полей и указатель автомобильных кодов (Приложение 2), при помощи которого предполагается кодировать названия стран, где хранятся описываемые листы, где они произведены и где использовались. Составители намерены также подготовить отдельный список аббревиатур всех организаций, заполняющих базу IPH.

Таким образом, как видно, при составлении базы данных IPH использовалась так называемая технология распределенных баз данных. Теперь рассмотрим отечественные аналоги.

В монографии А.П. Богданова имеется небольшой материал, посвященный ряду аспектов компьютерной программы “Филигрань”⁵. Даются схемы операционной системы, оборудования, диалоговой системы сбора и текущего использования данных. Схемы описания филигрانی не предлагается, но в “Схеме запроса в банк данных” приводится список рекомендованного набора данных, необходимого для диалога с программой. В схеме два раздела; в первом – о бумаге – предлагаются следующие параметры: тип филигрانی, ее положение на листе и размеры, количественная характеристика вержеров и понтюзо, формат листа, цвет и толщина бумаги. Во втором – данные об источнике: место хранения и шифр ис-

⁵ Богданов А.П. Основы филиграноведения: История, теория, практика. М., 1998. С. 184–186.

точника, вид источника, способ употребления бумаги (перечислены официальный или частный документ, кодекс, печатная книга, гравюра, эстамп, рисунок), название источника, место использования бумаги, создатель документа, издатель книги и т.п. Для воспроизведения филиграней предлагается использовать сканер со специальной приставкой.

Более подробно свою программу характеризуют специалисты лаборатории кодикологии при ОР РНБ. Их главная задача – описание рукописей, а описание бумаги и филиграней не является самостоятельной задачей, но входит в более общую как составная часть. В подробной статье Е.В. Крушельницкой⁶ в качестве примера приводится структура поля “Водяные знаки” в составе описываемой базы⁷. Поле заполняется на каждую филигрань, имеющуюся в рукописи и включает в себя следующие поля.

– Листы. Перечисляются все листы рукописи, на которых просматривается описываемая филигрань.

– Сюжет филигрانی. Для заполнения используется справочник сюжетов, который включает описание сюжета, контрамарки, белой даты, букв, надписей и цифр, их расположения на листе. Предполагается, что справочник будет заполняться по мере описания рукописей: “Чем больше состав справочника, тем легче работать над описанием рукописей, т.к. каталогизатору нужно будет выбрать уже сформированный в справочнике комплекс параметров и автоматически перенести его в соответствующее подполе рабочего листа ввода”⁸.

– Разновидность сюжета. Предполагается давать номер по графической схеме образцов.

– Альбом. Подполе подключено к соответствующему справочнику альбомов.

– Номер в альбоме с датой.

– Степень идентификации. Предполагается использовать классификацию, предложенную А.А. Амосовым по четырем степеням сравнения (тождество, близость, подобие, тип).

Кроме того, предусмотрены ссылки на графические файлы с изображением описываемой филигрانی, а также других филиграней, «степень сходства которых определена оптико-электронными методами как “тождество” или “близость”»⁹.

Представление об используемых оптико-электронных методах дано в статье Д.О. Цыпкина¹⁰. Здесь описывается созданное в лаборатории рабочее место кодиколога и специально разработанное программное обеспечение. Выявление степени сходства производится через измерение параметров филигрانی, расстояний от нее до края листа и элементов сетки; возможно сравнение посредством наложения изображений. При осуществлении операций с графическими файлами используется адаптированное стандартное программное обеспечение для работы с графикой (такое, как Photoshop или Corel Draw), находящееся в составе специализированного программного пакета “Manuscript”. В целом методика, разработанная коллегами из РНБ, наиболее близка инструкции, представленной в 1982 г. в

⁶ Крушельницкая Е.В. Проблемы отражения археографического, палеографического и кодикологического описания славянских рукописей в системе электронной базы данных // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология*. СПб., 1999. С. 223–239.

⁷ Там же. С. 233–236.

⁸ Там же. С. 235.

⁹ Там же. С. 236.

¹⁰ *Tsyplin D.O. Optical-Electronic Methods in the Study of Medieval Paper in the Manuscript Division of the National Library of Russia // Bibliologia 19. Le Papier au Moyen – age: histoire et techniques*. Turnhout (Belgium), 1999. P. 243–253.

СИБАЛ¹¹. Последнюю в свое время Т.В. Дианова охарактеризовала как “оптимальный вариант”¹².

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета совместно с Институтом оптики атмосферы СО РАН и при поддержке РФФИ ведет собственные разработки по оцифровке филиграней и созданию соответствующей базы данных. Основной единицей описания считается лист. Дается информация о месте хранения (страна, город, хранилище) и о документе, в составе которого находится описываемый лист (автор, название, инвентарный номер и т.д.). В специальное поле вносятся данные о филигранях (класс, ссылка на графический файл с изображением и пр.). Отдельно приводится информация о бумажной мельнице (место расположения, владелец, дата изготовления листа). Ссылка на альбом, где опубликована сходная филигрань, дается из справочника, в который по мере заполнения базы, вносятся новые издания. Оцифровка филиграней производится при помощи специальной установки, основной частью которой является цифровая видеокамера¹³.

Определение численных параметров изображения филиграней ведется при помощи специально разработанной программы распознавания. Предполагается, что со временем, учитывая классификацию А.А. Амосова, возможна будет разработка количественных критериев степеней сравнения филиграней¹⁴.

Анализируя ситуацию в целом, сложившуюся с электронной каталогизацией филиграней, следует отметить, что в России работы такого рода находятся пока в стадии единичных экспериментов; создание баз данных филиграней (в теории и на практике – как, например, в работах коллег из РНБ) связывается с электронной каталогизацией рукописей – самостоятельной большой и очень сложной задачей – являясь ее составной частью. Имело бы смысл координировать усилия различных коллективов, работающих в этой области, используя при этом разработки зарубежных коллег. Так, представлялось бы разумным при создании соответствующего программного обеспечения ориентироваться на признанный во всем мире стандарт IPN, что облегчило бы в дальнейшем обмен информацией и ведение совместных исследований, а также способствовало бы разработке единой терминологии и понятийного аппарата.

¹¹ Инструкция по составлению описания рукописей / Институт исследования и истории текстов. Париж, 1977 / Пер. с фр. Л.И. Киселевой. Под ред. проф. А.Д. Люблинской. София, 1982.

¹² Дианова Т.В. Указ. соч. С. 38.

¹³ Белов В.В., Борисов Б.Д., Гриднев Ю.В., Есипов В.А., Зиатов А.Р., Клайда В.Т., Клишкин В.М. Проблемы воспроизведения, компьютерной обработки и идентификации филиграней // Информационный бюллетень ассоциации “История и компьютер”. М., 2000. № 25. С. 118–131.

¹⁴ Belov V.V., Esipova V.A., Kalaida V.T., Klimkin V.M. Physical and Mathematical Methods for the Visualisation and Identification of Watermarks: The research described in this article is supported by the Russian Fund for Basic Research (project no. 98-06-80501) // Solanus. 1998. Vol. 13.

Международная ассоциация историков бумаги Международный стандарт для регистрации бумаги с филигранями и без них¹

Последнее изменение 31 января 1999 г.
Английская версия 2.0/1997

Настоящий стандарт включает все необходимые критерии для описания листа бумаги с филигранями и без них, независимо от его происхождения и возраста. Не все данные обязательны к регистрации; обязательные поля отмечены знаком*.

¹ Перевод В.А. Есиповой. Благодарю за консультации и помощь проф. П. Чудина (г. Базель, Швейцария) и д-ра Р. Тайгелера (г. Утрехт, Нидерланды).

1. Цель стандарта

Историки, историки искусства, кодикологи, криминалисты и ученые, специализирующиеся в других областях научных исследований, используют историю бумаги, особенно анализ филиграней, с целью идентификации и датировки бумаги, обнаруженной в документах, книгах, рукописях, печатных изданиях, рисунках, картах и т.д.

Однако, строго говоря, такая идентификация возможна только в том случае, если регистрация бумаги производится везде согласно одинаковым критериям и настолько полно, насколько это возможно.

Предполагается, что регистрация бумаги возможна на небольших вычислительных машинах, таких, как персональный компьютер, без сохранения изображения, в дополнение к традиционному карточному указателю и что хранение оцифрованных и воспроизведенных изображений филиграней не найдет широкого применения в обозримом будущем.

Настоящий стандарт есть технический стандарт для регистрации данных. Обмен данными и развитие соответствующего программного обеспечения должны базироваться на рекомендациях IPH (см. приложения II.1 и II.2). По сравнению с предшествующей предварительной версией (1.0/1992), версия 2.0/1997 предлагает более точный выбор возможностей и включает в разделе 3.6 критерии, необходимые для регистрации бумаги с Дальнего Востока и из арабских стран.

2. Основы стандарта

Настоящий стандарт основан на следующих положениях.

– Филигрань понимается как любая маркировка, появляющаяся на листе бумаги там, где есть разница в толщине листа, независимо от того, как он произведен, или от качества бумаги, или ее рельефа (проволока или другое возвышение формы для отлива бумаги, отпечаток на сухом или влажном бумажном листе, ручным или машинным способом он произведен).

– В особенности при ручном производстве бумаги филигрань дает информацию о хронологическом порядке производства листов бумаги, в первую очередь путем сравнения небольших различий между отдельными филигранями. В сочетании с известной датой использования или производства бумаги это позволяет получить датированную последовательность произведенных листов бумаги, что может быть использовано для дальнейших выводов.

– Чтобы подготовить такие датированные последовательности, необходимо фиксировать информацию о каждой филигранной настолько полно, насколько это возможно, включая технические данные и информацию об использовании бумаги.

– Единичный лист бумаги является отправной точкой каждой регистрации. Данные, извлеченные из него, приводят к выводам относительно основной единицы производства – формы для отлива бумаги. Все данные, извлеченные из неполного листа бумаги, описываются под пунктом 3.0.9. как “фрагмент”, даже в том случае, если лист бумаги (в том числе в составе книги) может быть реконструирован. Описания оригинальных форм для отлива бумаги должны быть сохранены в отдельном файле.

– При подготовке такой регистрации может существенно помочь определение позиции марки (филигранны) на парных формах для отлива бумаги, использовавшихся при ручном производстве, и изменений в сетке или ролле, или штемпелях для бумаги, произведенной машинным способом.

– Отчетливые различия между филигранями с единичных или парных форм для отлива бумаги связаны обычно с дефектами в рисунке, выгнутом из проволоки в составе отливной формы, или для машинной сетки, или ролла, в результате постепенного изнашивания в процессе производства.

– Краткое описание каждого объекта обязательно; библиографическое и кодикологическое описание объекта, настолько полное, насколько это возможно, должно быть помещено в отдельном файле.

– Источники должны быть даны под пунктом 3.0.6. для любой информации, взятой из существующей литературы; данные такого плана должны маркироваться знаком #.

– Чем более полной является регистрация информации о листе бумаги, тем более она ценна для сравнения со сходными листами.

Данные, подлежащие регистрации

Данные, отмеченные *, должны быть описаны как первоочередные для базовой регистрации

поле	код	подкод	описание
3.0.			Данные о листе.
3.0.0.*	IDEN		Номер записи (индекс).
3.0.1.*	DREV		Дата ввода данных или ревизии.
3.0.2.*	INST		Местоположение; организация, осуществляющая заполнение базы данных филиграней (в форме аббревиатуры, например: FPBN – Париж, Национальная библиотека). <i>IPN предполагает вести обязательный список подкодов (аббревиатур) всех организаций, осуществляющих заполнение базы данных филиграней.</i>
3.0.3.*	SIGN		Идентификация исходного листа: инвентарный или добавочный номер, например: Ms.Gr.0219.
3.0.4.*	SUBS		Номер/подъединица исходного листа, например: л. 96.
3.0.5.	BIBL		Ссылки на библиографию: аббревиатура библиографии + число цитируемых ссылок. <i>Если имеется ряд ссылок, они разделяются путем введения следующих кодов: BIBL1, BIBL2 и т.д.</i>
3.0.6.	REFE		Ссылки на литературу: включают автора (полное имя), заглавие, год, том, страницу. <i>Если имеется ряд ссылок, они разделяются путем введения следующих кодов: REFE1, REFE2 и т.д.</i>
3.0.7.	FUNC		Тип бумаги (общий) в связи с конечным ее использованием.
		art	Художественная бумага.
		dec	Декоративная бумага.
		dr	Бумага для рисования или живописи.
		graph	Бумага для печатания графики.
		min	Бракованная бумага.
		oth	Другие виды.
		pr	Бумага для печатания газет и журналов.
		sec	Ценные бумаги.
		spes	Бумага со специальными филигранями (портрет, юбилейная и т.д.).
		stwr	Официальная писчая бумага со штампом (грифом). <i>IPN планирует опубликовать сертификацию для регистрации декорированной бумаги в специализированной базе данных.</i>
3.0.8.	USEP		Итоговое использование бумаги.
		back	Подкладочная бумага для рисунка или печатного листа.
		book	Книга (печатная).
		doc	Документ.
		draw	Рисунок.
		end	Форзац.
		env	Обложка.
		map	Карта (географическая).
		ms	Рукопись (письмо, в переплете, тетрадь, несброшюрованные заметки, партитура).
		mus	Музыкальная книга (печатная).
		obj	Предмет из бумаги.
		oth	Другое.
		pa	Предмет искусства из бумаги.
		paint	Бумага для живописи.
		plain	Чистая бумага.

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
		print	Печатная (произведения графического искусства, гра- вюра).
		shif	Шифу (японская бумага для приготовления бумажной пряжи, используемой для текстильных изделий).
		spr	"Бумага духов" (китайская бумага для сожжения в честь умерших предков).
		subs tec	Бумага, имитирующая другой вид материала. Техническая бумага (например, бумага для покрытия золотом, листовое золото).
3.0.9.*	STAT	wrap	Оберточная бумага.
			Состояние листа.
		F	Фрагмент.
		T	Обрезанный лист.
		U	Необрезанный лист.
3.0.10.*	DIMH		Высота листа (в мм).
3.0.11.*	DIMW		Ширина листа (в мм).
3.0.12.	STAN		Указание на (исторические, местные, временные) стан- дарты измерений, со ссылкой на время и место стандарта и исходную высоту и ширину в мм (например: Голова шута фолио, Лондон, 1850, 203 × 330 (Labarre, Dictionary, p.259)).
3.0.13.*	COLO		Цвет листа.
		C	Раскрашен (поверхность окрашена или красочное покрытие).
		M	Мраморный/украшенный (все виды).
		N	Натуральный (неокрашенная масса).
		R	Раскрашен (из цветного тряпья).
		S	Раскрашен (раскрашена бумажная масса).
		V	Мелированная бумага.
3.0.14.	INTS		Интенсивность раскраски.
		D	Темная.
		F	Бледная.
		L	Светлая.
3.0.15.	TONE		Оттенок, описывается полностью.
3.0.16.	PATT		Узор, описывается полностью. <i>Специализированная отдельная база данных украшен- ной (декорированной) бумаги рекомендуется для коллек- ций, где такая бумага преобладает.</i>
3.0.17.*	SIDE		Расположение стороны, на которой отпечталось дно бу- мажной фирмы (проволока).
		SD	"Проволочная" сторона – оборотная.
		SU	"Проволочная" сторона – лицевая.
		SN	Не установлено. <i>Рекомендуется выбирать данные листов, для которых "проволочная" сторона – оборотная.</i>
3.0.18.	PULP		Следующая информация особенно важна для бумаги, произведенной машинным способом. Тип использованного сырья, описывается полностью, например: льняное тряпье, лен/линтер 50:50, целлюлоза из лиственной древесины/целлюлоза из хвойной древесины 50:50 и т.д.
3.0.19.	FILL		Наполнители, описывается полностью, например: крах- мал, каолин и т.д.
3.0.20.	SIZE		Тип проклейки, описывается полностью, например: крах- мальная проклейка, смоляная проклейка.

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
3.0.21.	SDEG		Степень проклейки.
		FS	Полная.
		HS	Наполовину.
		NS	Отсутствует.
3.0.22.	COAT		Тип покрытия, описывается полностью, например: пшеничный крахмал, латекс.
3.0.23.	CMOD		Способ покрытия.
		A	Отсутствует.
		D	С двух сторон.
		C	С одной стороны.
3.0.24.	DYES		Состав использованной краски, описывается полностью, по возможности, в соответствии с "Color Index".
3.0.25.	ASHC		Содержание золы (в % согласно DIN 54370).
3.0.26.	BEKK		Степень гладкости (указывать согласно BEKK.DIN 53107).
3.0.27.	WEIG		Базовый вес (вес листа, приведенный к размерности г/м ²).
3.0.28.	THIC		Толщина листа (в мм согласно DIN 53105).
3.0.29.	GRAD		Сорт (качество) бумаги, описывается полностью (согласно DIN 6730, восточная бумага – согласно местным определением).
3.0.30.	BRAN		Наименование фабричного клейма, приводится полностью в транскрипции оригинала.
3.0.31.	MACH		Тип бумагоделательной машины, использовавшейся в процессе производства.
		CY	Цилиндрическая (чан) машина.
		FO	Плоскосеточная бумагоделательная машина.
		OT	Другие типы.
3.0.32.	WMOD		Техника механического получения филиграни.
		CL	Проволока (цилиндрическая машина).
		DR	Ролл.
		EMB	Тиснение.
		IMP	Штемпель (вал).
		OTH	Другое.
3.1.			Данные о филиграни. <i>Данные в пунктах 3.1.1.–3.1.12. должны вноситься отдельно для каждой филиграни или части составной филиграни, находящейся на листе. Арабская нумерация должна в этом случае располагаться непосредственно после кодов 3.1.1.–3.1.12., например: STRU1, STRU2, и т.д.</i>
3.1.0.*	KIND		Тип филиграни на листе.
		BO	Поле.
		C	Дополнительная филигрань (на противоположной стороне листа).
		nCRN	Угловая филигрань (украшение на углах).
		DV	Раздельные линии.
		M	Основная филигрань.
		N	Без филиграни. <i>Описание различных филигрanei на одном листе включает подкоды, сопровождающиеся арабской нумерацией, например: KIND1 M, KIND2 C.</i>
3.1.1.*	STRU		Структура филиграни.
		EMB	Тисненная филигрань.
		LSW	Комбинация линий/тени.
		LW	Линейная филигрань.

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
		MOL	Выдавленная филигрань (полученная с применением маркировочного валика).
		SW	Теневая филигрань.
		TL	Филигрань, полученная посредством нитяных линий.
		UNT	Ложная филигрань (т.е., полученная путем печатания бесцветной жидкостью).
3.1.2.	POSP		Расположение филигрании на листе.
		C	Центр.
		D	Нижняя часть.
		L	Левая часть.
		M	Середина.
		R	Правая часть.
		U	Верхняя часть.
			<i>Возможно сочетание двух литер, например: "DL" для обозначения левой нижней части.</i>
3.1.3.*	MOTI		Основной мотив филигрании, в форме аббревиатуры, кодируется, как в поле 5.2., согласно приложению I; например: D5/2 (орел, двуглавый).
3.1.4	CLAS		Класс филигрании с подклассом, кодируется согласно полю 5, приложению I и, по возможности, прибавлению I. Если прибавление I не используется, элементы сложной (составной) филигрании должны быть упомянуты, как в пункте 3.1.3., отделенные знаком "-" ("и"), вслед за основной филигранью, согласно их расположению по отношению к нему, например: D5/2-R3/1-M14-R1/3-T3/1 "Heusler" – орел, двуглавый, с короной и шпагой, на постаменте; на противоположной стороне листа торговая марка семьи Heusler.
3.1.5.*	FULL		Словесное (пространное) описание филигрании (полностью).
3.1.6.*	MESH		Высота филигрании (в мм) (измеряется по прямой, параллельной вертикальной оси филигрании с использованием итангенциркуля).
3.1.7.*	MESW		Ширина филигрании (в мм) (измеряется согласно п. 3.1.6).
3.1.8.*	POSL		Наименьшее расстояние по горизонтали (в мм) между филигранью и ближайшим понтюзо слева.
3.1.9.	POSR		Наименьшее расстояние по горизонтали (в мм) между филигранью и ближайшим понтюзо справа.
3.1.10.	POSB		Наименьшее расстояние по горизонтали (в мм) между филигранью и низом листа.
3.1.11.	POSH		Наименьшее расстояние по горизонтали (в мм) между филигранью и верхом листа.
3.1.12.*	POSC		Число интервалов (считая слева направо), которые соприкасаются с крайней левой точкой филигрании.
3.1.13.	INFO		Дополнительная информация о данной филигрань, полностью, например: "фрагмент", "может быть описан только не полностью из-за специфики использования бумаги", "регистрация затруднена, так как бумага проколота для переплета", предположения о расположении филигрании на исходном листе и т.д.
3.2.			Данные об отливной форме.
3.2.1.*	FSBR		Тип бумажного производства.
		H	Ручное.
		M	Машинное.
3.2.2.*	TYPE		Тип бумаги, исходя из способа отлива.

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
		B	Бамбуковая сетка.
		L	Горизонтальные линии, вержеры (Европа).
		T	Сетка из текстиля.
		U	Не идентифицирован.
		W	Веленевая бумага (Европа).
3.2.3.*	LLIN		Вержеры на листе (число вержеров на расстоянии 20 мм, измеряется между понтюзо слева от филигрании; для бумаги без филигрании измеряется трижды, между двумя центральными понтюзо, сначала внизу листа, затем в середине и сверху; в том числе (даже) для обрез. листов).
3.2.4.*	CHFI		Порядок интервалов на листе (ширина расстояний между понтюзо в мм, слева направо, измеряется в середине листа, начиная с расстояния между левой границей листа и первым понтюзо; каждое измерение отделяется тире, в том числе и для обрез. листов). Например: 4–15–20–22–20–22–23–20–14–3.
3.2.5.	SHAD		Теневые зоны.
		BS	Зоны под понтюзо.
		IS	Нерегулярные зоны.
		MS	Зоны в середине интервалов между понтюзо.
		NS	Без теневых зон.
3.2.6.	WIRE		Специальные характеристики отливной формы, полностью. Например: дефекты формы, специальные отметки (следы).
3.2.7.	MOUL		Номер(а) доступа формы, на которой лист был отлит (в отдельной базе отливных форм).
3.2.8.	PAIR		Номер доступа (в отдельной базе отливных форм) второго (парного) листа, отлитого в той же форме.
3.3.			Библиографические/кодиковые данные.
3.3.1.	AUTH		Автор или редактор, если автор отсутствует (при необходимости со ссылкой на специальную базу данных).
3.3.2.	ARTS		Художник (при необходимости со ссылкой на специальную базу данных): живописец, художник, гравер.
3.3.3.	WRIT		Писец рукописи.
3.3.4.	TITL		Заглавие произведения искусства (предмет), рукописи или печатной книги.
3.3.5.*	CONT NATU		Краткое изложение содержания (полностью). Страна использования (полностью и аббревиатура). <i>Историческое название страны, где бумага была использована, сопровождается современным названием (аббревиатура согласно международному автомобильному коду). Например: Саксония (D).</i>
3.3.6.*	LOCU		Место использования (печатания или написания). <i>Наименование места, где бумага была использована, в местном произношении или в английском, сопровождается историческим наименованием, бытовавшим в то время (если оно отличается), в местном произношении или по-латыни. Например: Séléstat (Schlettstadt).</i>
3.3.7.	PUBL		Издатель или редактор полностью (при необходимости со ссылкой на специальную базу данных).
3.3.8.	PRNT		Печатник, полностью (при необходимости со ссылкой на специальную базу данных).
3.3.9.*	DATB		Самая ранняя возможная дата использования (печатания, написания и т.д.) (= начальная дата, post quem/a quo).

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
			<p><i>Предполагается, что дата использования, если она неизвестна, в итоге может быть приблизительно установлена. Заключения относительно дат использования могут быть выведены из различных данных листа и должны быть зарегистрированы в специальной базе данных отливных форм соответственно. Форматируется как "DATE" (DD.MM.YYYY.). Точная дата регистрируется в п. 3.3.9. так же, как и в 3.3.10. Для оценки 1 января фиксируется как начало года, 31 декабря как конец года.</i></p> <p>Например: DATB: 01.01.1776, DATE: 31/12/1799 – устанавливается для бумаги, использованной в четвертой четверти XVIII в.</p>
3.3.10.*	DATE		Позднейшая возможная дата использования (написания, печатания) (= конечная дата ante quem). Форматируется как 3.3.9.
3.3.11.	DATM		Вид датировки.
		idat	Дата сохраняется на листе (объекте) или современником.
		tdat	Традиционная дата.
		ndat	Без даты; дата оценочная или выведенная.
3.4.			Данные о бумажной мельнице. <i>Эти данные могут быть перемещены в п. 3.4.4. путем ссылки на соответствующие данные, находящиеся в подбазе данных по бумажным мельницам.</i>
3.4.1.	NATP		Страна расположения бумажной мельницы. <i>Форматируется как 3.3.5. (NATU).</i>
3.4.2.	LOCP		Место расположения бумажной мельницы. <i>Форматируется как 3.3.6. (LOCU).</i>
3.4.3.	MILL		Наименование бумажной мельницы. <i>Форматируется как 3.3.6. (LOCU).</i>
3.4.4.	IMIL		Номер доступа бумажной мельницы в подбазе бумажных мельниц.
3.5.			Данные об изготовителе бумаги (бумажном мастере). <i>Эти данные могут быть перемещены в 3.5.4. путем ссылки на соответствующие данные, находящиеся в подбазе данных по бумажным мастерам.</i>
3.5.1.	MAKE		Фамилия мастера-изготовителя бумаги, в современном произношении, сопровождается различными историческими транскрипциями. Например: Heusler (Hüsler, Heisler).
3.5.2.	FNAM		Имя (имена) мастера-производителя бумаги. <i>Форматируется как 3.5.1.</i>
3.5.3.	RANK		Должность производителя бумаги на выпускающей (производящей) бумажной мельнице.
		F	Подмастерье.
		M	Мастер, старший рабочий.
		O	Владелец.
		T	Арендатор.
3.5.4.	IMAK		Номер доступа производителя бумаги в подбазе данных производителей бумаги.
3.6.			Дополнительные критерии для регистрации дальневосточной и арабской бумаги без водяных знаков. <i>Критерии, описанные в 3.0.–3.5. не позволяют провести исчерпывающую регистрацию дальневосточной и арабской бумаги. Следующие пункты могут быть включены как дополнительные.</i>

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
3.6.1.	ASPR		Описание сторон поверхности листа, recto (полностью).
3.6.2.	ASPV		Описание сторон поверхности листа, verso (полностью).
3.6.3.	SPEC		Особенности листа (полностью).
3.6.4.	ZZZZ		Зигзагообразные маркировки (а) на листе.
		Y	Имеются.
		N	Отсутствуют.
3.6.5.	ZNUM		Количество зигзагообразных колонок.
3.6.6.	ZZNU		Количество зигзагообразных элементов, начиная сверху.
3.6.7.	ZHHH		Средняя высота зигзагообразного элемента (зигзага) в мм, измеряется в правом углу до верхней границы листа.
3.6.8.	ZWWW		Средняя ширина зигзагообразного элемента в мм, измеряется в правом углу до левой границы листа.
3.6.9.	ZAAA		Средний угол косой линии зигзагообразного элемента, в градусах; измеряется от нижней границы листа.
3.6.10.	ZDMN		Минимальная глубина зигзагообразной марки (в μ).
3.6.11.	ZDMX		Максимальная глубина зигзагообразной марки (в μ).
3.6.12.	ZPSD		Расстояние зигзагообразных колонок до нижней границы листа (в мм).
3.6.13.	ZPSU		Расстояние зигзагообразных колонок до верхней границы листа (в мм).
3.6.14.	ZPSL		Расстояние зигзагообразных колонок до левого края листа (в мм).
3.6.15.	ZPSR		Расстояние зигзагообразных колонок до правого края листа (в мм).
4.			Информация об исходной филигрань или о листе и его воспроизведении. <i>Как дополнительная информация об описываемом объекте, очень важно знать, получены ли данные с исходного (оригинального) листа или с его воспроизведения. Также должно быть отмечено наличие воспроизведенный оригинального листа, указан их тип и номер документа. Неправильная интерпретация может произойти даже от того, что филигрань уменьшена или увеличена; даже когда дана шкала, репродукцию надо приводить в размере оригинала.</i>
4.1.*	ORIG		Данные получены из оригинала или воспроизведения.
		Y	Из оригинала.
		N	Из воспроизведения.
4.2.	TRAC		Срисовано от руки. <i>Срисовывание от руки – наиболее неточный метод и затрудняет определение положения филигрань на листе. В тех случаях, когда притирание, ультрафиолетовую фотографию или радиографию невозможно применить, или когда их применение непрактично или опасно для материала, срисовывание с использованием проективной пленки, например, KODATRACE, может стать практическим методом воспроизведения, хотя и неточным.</i>
4.3.	PHOT		Контактная фотография. <i>Часто неудачна из-за написанного или напечатанного текста, так же, как и дефектов листа. По этой причине рекомендуются нижеследующие методы, дающие удовлетворительный результат.</i>

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
4.4.	RUBB		<p>Притирание.</p> <p><i>Этот метод, если его применение допускается владельцем или хранителем бумаги, может быть применен с минимальными усилиями и фактически без какого-либо технического оборудования, даже если лист ламинирован или содержит письменный/печатный текст.</i></p> <p><i>Материалы:</i> карандаш с мягким грифелем (№ 2), или плотничный карандаш, или плотный, разрезанный пополам и окрашенный чернилами шарик из текстиля; писчая бумага (нелинованная) или бумага для печати, 35–50 г/м².</p> <p><i>Метод:</i> лист бумаги, подлежащий регистрации, помещается на твердую поверхность, по возможности верхней стороны, с которой предполагается копировать, поместив сверху чистый лист. Затем движениями по диагонали, не сильно заостренным кончиком карандаша или шариком, в непосредственной близости друг от друга (штрих от штриха), начиная от верхнего левого до нижнего правого угла, покрывается вся поверхность слош, на которой предполагается или видна филигрань. Получится слегка затененная темная область (площадь), на которой точное воспроизведение филигранны в ее оригинальном размере станет видимым, как светлые линии. Для воспроизведения сетки, например, с дефектами проволоки, будет необходимо отдельное притирание.</p> <p><i>Ссылки:</i> W. Haupt. <i>Wasserzeichenwiedergabe in schwierigen Fallen, Maltechnik/Restauro, 1981, pp. 38–43.</i></p>
4.5.	UVPH		<p>Ультрафиолетовая фотография.</p> <p><i>Метод:</i> лист помещается на фоточувствительную бумагу (DYLUX) и дается засветка (экспозиция) лучами видимого света (410–50 нм). Потом (не сразу после экспозиции в дневном свете) фоточувствительная бумага облучается ультрафиолетовым излучением (200–400 нм). По практическим соображениям порядок операций может быть изменен. Источник ультрафиолета – стандартный (портативный).</p> <p><i>Ссылки:</i> T.L. Gravell. <i>A new method of reproducing of watermarks for study, Restaurator. 2(1975), pp. 95–104.</i></p>
4.6.	PHOS		<p>Фосфоресцентная техника.</p> <p><i>Метод:</i> фосфоресцентная пластина облучается ультрафиолетовыми и инфракрасными лучами. Пластина приводится в тесный контакт с черно-белой пленкой, которая после этого обрабатывается обычным способом.</p> <p><i>Ссылки:</i> J. Stener. <i>Ein neues Verfahren zur Abbildung von Wasserzeichen, Gutenberg-Jahrbuch, 1981, pp. 99–102.</i></p>
4.7.	RADI		<p>Радиография.</p> <p><i>Все радиографические методики имеют то преимущество, что напечатанный, написанный текст или рисунок не воспроизводятся, а филигрань и сетка видны отчетливо. Однако металлические краски, использованные для иллюстраций (свинцовые белила, золотая бронза или красный свинец) или лист золота дают темные тени. Мы предлагаем, чтобы каждое книгохранилище или архив изыскивали возможности для получения методами радиографии воспроизведений филигранны с бумаги части или всех своих коллекций и сделали их доступными для исследователей. Во всех радиографических методиках строго должны соблюдаться требования безопасности.</i></p>

(продолжение)

поле	код	подкод	описание
4.7.1.		SX	<i>Технически существует три типа радиографии, подходящих для воспроизведения филигранных.</i> Радиография с применением мягкого рентгеновского излучения.
4.7.2.		BETA	β -радиография.
4.7.3.		ELEC	Электронная радиография. <i>Ссылки.</i> E. Ash. Nancy. Watermark research: Rembrandt prints and the development of a watermark archive, <i>The Paper Conservator</i> , 10 (1986), pp. 64–69. – Lectures of the Symposium <i>Zerstörungsfreie Prüfung von Kunstwerken</i> , Berlin, 1987: – – D. Schnitger and E. Ziesche. Elektronenradio-graphie von Wasserzeichen, pp. 34–42. – – H. van Hugten. Weichstrahlradiographie z.B. bei Papier, pp. 43–49. – – P. Rose. Digitale Bildverarbeitung als Hilfe bei Durchstrahlungstechniken, pp. 50–60. – D. Schnitger and E. Ziesche. Elektronenstrahlradiographien – Beispiele zur Datierung mit Hilfe von Wasserzeichen, <i>IPH Yearbook 7</i> (1988), pp. 209–223.
4.8.	SURF		Цифровые бесконтактные измерения частоты. <i>Этот метод, проверяющий линия за линией весь лист, позволяет воспроизвести филигрань так же точно, как и притирание, но может быть применен только при наличии соответствующей компьютерной техники.</i>
4.9.	SCAN		Сканирование. <i>Цифровое сканирование листа на просвет на специальном сканере.</i>
4.10.	DIVE		• Другие техники воспроизведения.
4.11.	INDR		Номер доступа и/или место нахождения воспроизведения.
5.			Классификация типов филигранных. Основная. Регистрация типов классификации филигранных (см. 3.1.3. и 3.1.4.) должна производиться в соответствии с кодами, во избежание недопониманий и трудностей с переводом словесных описаний (см. 3.5.1.) следующим образом: – основной знак определяет положение главного класса; – дополнительные знаки и варианты записываются в подкласс; – части целого (т.е. "голова", "бюст", "фрукт") так же, как и особенности расположения и геральдики, должны кодироваться суффиксами и добавочными номерами (см. прил. I, приб. I). На практике разыскать 10 или 12 филигранных, похожих на имеющийся образец из собрания, можно буквально за несколько секунд, основываясь только на измерениях филигранных и на основном коде классификации типов филигранных. Определенное сравнение, почти не представляя трудностей, может быть в последующем сделано визуально. Код, данный в приложении, использует принятую классификацию согласно ключевым словам по мотивам; такую, как используется в работах Брике, Вайса, Пиккара и др. Однако в ней категории филигранных различаются согласно их представлению, а не согласно форме или значению; избегают всех терминов, которые не соотношены с объектом.

(окончание)

поле	код	подкод	описание
			Формальные различия внутри категорий фиксируются как подклассы (3.1.3.), при необходимости с последующим подразделением (3.4.1.). Дальнейшие различия описываются полностью (3.1.5.) или окончательно кодируются (см. прил. I, приб. I) и с воспроизведением (см. 4.2.ss) в каждом случае. Нижеследующий указатель открыт для обсуждения и может быть, таким образом, дополнен в любое время. Предложения по добавлениям направляются в ИРН, которая предполагает периодически публиковать дополненный указатель. Приб. I в прил. I представляет полный код, который делает возможным описывать филигранные любой композиции; приводятся примеры.
5.2.			Список основных классов.
	A		Человеческие фигуры; люди (мужчины), части человеческого тела.
	B		Женщина.
	C		Млекопитающие.
	D		Птицы.
	E		Рыбы, рептилии, насекомые, моллюски.
	F		Мифические фигуры.
	G		Растения (вообще); цветы, трава.
	H		Деревья, кусты, ползучие растения.
	J		Небо, земля, вода.
	K		Здания, части зданий.
	L		Транспортные средства.
	M		Средства защиты и оружие.
	N		Орудия, оборудование, одежда.
	O		Музыкальные инструменты.
	P		Контейнеры.
	Q		Смешанные объекты.
	R		Знаки различия, скипетр, драгоценности.
	S		Религиозные или мистические символы и знаки.
	T		Геральдические знаки, гербы, масонские знаки (каменотес), торговые марки.
	U		Геометрические фигуры.
	V		Номера, цифры.
	W		Индивидуальные литеры.
	X		Монограммы, аббревиатуры с буквами.
	Y		Имена (полностью).
	Z		Неклассифицируемые филигранные.

Указатель кодов базы данных

код	описание	подкод	поле
ARTS	Художник.	Art Engr	3.3.2.
ASHC	Содержание золы.		3.0.25.
ASPR	Описание сторон поверхности листа, recto, (полностью)		3.6.1.
ASPV	Описание сторон поверхности листа, verso, (полностью)		3.6.2.

(продолжение)

код	описание	подкод	поле
AUTH	Автор/редактор.		3.3.1.
BEKK	Степень гладкости.		3.0.26.
BIBL	Ссылка на библиографию.		3.0.5.
BRAN	Наименование фабричного клейма		3.0.30.
CHFI*	Порядок интервалов на листе.		3.2.4.
CLAS	Класс филиграни (закодированный).		3.1.4. секц. 5., прил. I
CMOD	Способ покрытия.	A D S	3.0.23.
COAT	Тип покрытия.		3.0.22.
COLO	Цвет листа.	C M N R S V	3.0.13.
CONT	Краткое содержание, полностью.		3.3.4.
DATB*	Самая ранняя возможная дата использования.		3.3.9.
DATE*	Самая поздняя возможная дата использования.		3.3.10.
DATM*	Вид датировки.	idat ndat tdat	3.3.11.
DIMH*	Высота листа.		3.0.10.
DIMW*	Ширина листа.		3.0.11.
DIVE	Другие техники воспроизведения.		4.10.
DREV*	Дата ввода данных или ревизии.		3.0.1.
DYES	Состав использованной краски.		3.0.24.
FABR*	Тип бумажного производства.	H M	3.2.1
FILL	Наполнители.		3.0.19.
FNAM	Имя (имена) бумажника.		3.5.2.
FULL*	Словесное описание филиграни, полностью.		3.1.5.
FUNC	Тип бумаги (общий) в связи с конечным ее использованием.	art dec dr graph min oth pr sec st wr	3.0.7.
GRAD	Сорт (качество) бумаги.		3.0.29.
IDEN*	Номер записи (индекс).		3.0.0.
IDNR*	Номер доступа/место расположения воспроизведения.		4.11.
IMAK	Номер доступа производителя бумаги в подбазе данных.		3.5.4.
IMIL	Номер доступа бумажной мельницы в подбазе данных.		3.4.4.
INFO	Дополнительная информация о филиграни.		3.1.13.
INST*	Местоположение оригинала.		3.0.2.

(продолжение)

код	описание	подкод	поле
INTS	Интенсивность раскраски.	D F L	3.0.14.
KIND*	Вид филиграни.	BO C пCRN DV M N	3.1.0.
LLIN*	Верхеры на листе		3.2.3.
LOCP	Место расположения бумажной мельницы.		3.4.2.
LOCU*	Место использования.		3.3.6.
MACH	Тип бумагоделательной машины.	CY FO OT	3.0.31.
MAKE	Фамилия изготовителя бумаги.		3.5.1.
MESH*	Высота филиграни.		3.1.6.
MESW*	Ширина филиграни.		3.1.7.
MILL	Наименование бумажной мельницы.		3.4.3.
MOTI*	Основной мотив филиграни (главный код)		3.1.3. прил. 1
MOUL	Номер доступа бумажной формы в специальной базе данных		3.2.7.
NATP	Страна расположения бумажной мельницы.		3.4.1.
NATU*	Страна использования бумаги.		3.3.5.
ORIG*	Данные получены с оригинала или с воспроизведения.	N Y	4.1.
PAIR	Номер доступа (в подбазе) листа, отлитого с парной формы.		3.2.8.
PATT	Узор, описывается полностью.		3.0.16.
PHOS	Фосфоресцентная техника.		4.6.
PHOT	Контактная фотография.		4.3.
POSB	Наименьшее расстояние по горизонтали между филигранью и низом листа.		3.1.10.
POSC*	Число интервалов, которые соприкасаются с крайней левой точкой филиграни.		3.1.12.
POSH	Расстояние между филигранью и верхом листа.		3.1.11.
POSL*	Расстояние между филигранью и ближайшим левым понтюзо.		3.1.8.
POSP	Расположение филиграни на листе.	C D L M R U	3.1.2.
POSR	Расстояние между филигранью и ближайшим правым понтюзо.		3.1.9.
PRNT	Печатник.		3.3.8.
PUBL	Издатель.		3.3.7.
PULP	Тип использованного сырья.		3.0.18.
RADI	Радиография.		4.7.
		BETA	4.7.2.
		ELEC	4.7.3.
		SX	4.7.1.

(продолжение)

код	описание	подкод	поле
RANK	Должность производителя бумаги.	F M O T	3.5.3.
REFE	Ссылки на литературу.		3.0.6.
RUBB	Притирание.		4.4.
SCAN	Сканирование.		4.9.
SDEG	Степень проклейки.	FS HS NS	3.0.21.
SHAD	Теневые зоны.	BS IS MS NS	3.5.2.
SIDE*	Расположение стороны, на которой отпечаталось дно бумажной формы.	SD SN SU	3.0.17.
SIGN*	Идентификация исходного листа.		3.0.3.
SIZE	Тип проклейки.		3.0.20.
SPEC	Особенности листа (полностью).		3.6.3.
STAN	Указание на стандарты.		3.0.12.
STAT*	Состояние листа.	F E Г	3.0.9.
STRU*	Структура филиграня.	EMB LW LSW MOL SW TL UNT	3.1.1.
SUBS*	Номер/подъединица (согласно SIGN).		3.0.4.
SURF	Цифровые бесконтактные измерения частоты.		4.8.
THIC	Толщина листа.		3.0.28.
TITL	Заглавие.		3.3.4.
TONE	Оттенок.		3.0.15.
TRAC	Срисовывание от руки.		4.2.
TYPE*	Тип бумаги.	B L T U W	3.2.2.
USEP	Итоговое использование бумаги.	back book doc draw end env map ms mus obj oth pa paint	3.0.8.

(окончание)

код	описание	подкод	поле
		plain print shif spir subs tec wrap	
UVPH	Ультрафиолетовая фотография.		4.5.
WEIG	Вес бумаги.		3.0.27.
WIRE	Специальные характеристики формы для отлива бумаги.		3.2.6.
WMOD	Техника механического получения филиграни.	CL DR EMB IMP OTH	3.0.32.
WRIT	Писец.		3.3.3.
ZAAA	Средний угол косой линии зигзагообразного элемента.		3.6.9.
ZDMN	Минимальная глубина зигзагообразной маркировки.		3.6.10.
ZDMX	Максимальная глубина зигзагообразной маркировки.		3.6.11.
ZHHH	Средняя высота зигзагообразного элемента.		3.6.7.
ZPSD	Расстояние зигзагообразных колонок до нижнего края листа.		3.6.12.
ZPSL	Расстояние зигзагообразных колонок до левого края листа.		3.6.14.
ZPSR	Расстояние зигзагообразных колонок до правого края листа.		3.6.15.
ZPSU	Расстояние зигзагообразных колонок до верхнего края листа.		3.6.13.
ZNUM	Количество зигзагообразных колонок.		3.6.5.
ZWWW	Средняя ширина зигзагообразного элемента.		3.6.8.
ZZNU	Количество зигзагов в колонке, считая сверху.		3.6.6.
ZZZZ	Наличие зигзагообразной маркировки.	Y N	3.6.4.

Прибавление I

Алфавитный цифровой код.

Алфавитный цифровой код включает в себя:

- I. Основной (главный) класс в форме заглавной буквы, затем непосредственно следует подкласс в форме арабских цифр и слэш (для разделения).
- II. Некоторые дальнейшие более дробные классификации (подклассификации) в форме арабских цифр и слэш (для разделения).
- III. Информация о дополнительных изображениях или сопутствующей маркировке и ее расположении относительно основной филиграни кодируется следующим образом:

Описательные коды (код, написание, значение, пример).

/subclass L4/1 = гребная лодка (лодка с веслами).

“ ” = начало и конец буквально цитируемых букв и цифр. “Crossen” = фамилия Crossen.

{ } подчинение (=с) D5/1 [R3/1] = орел с короной

– координация (сочетание) (=и) D5/1[R3/1 – R7] орел с короной и скипетром.

= равенство (синонимы): лапа вороны = лапа грифона
(n*) n раз (умножение (3*(U1))) = три круга
(x:) пересечение (2*(x: M14)) = две скрещенные шпаги
(i:) италик (шрифт)
(g:) готика (шрифт)
↑ вертикальный
→ горизонтальный

Соответствия, связи

{c:} overlaid D5/1 {c: "Janson"} = орел с фамилией Janson на нем
(перекрывается)
{t:} вверху, над
{b:} внизу, под
{r:} справа
{l:} слева
{p, q, s, u + число} см. под соответствующими аффиксами
{f} внутри каймы/картуша
{w} внутри гирианды
{t:} на основе/постаменте
{d:} с украшениями/каймой
{e:} с украшенными углами

Аффиксы

p-части тела (человек, животное), q-расположение, s-части геральдического щита
p01-нога, q0-боковой, s0-неделенный (целый)
p02-ступня, q01-боковой прямой, s01-герб без гербового щита
p03-рука, q02-боковой идущий, s02-овальный щит
p04-крыло, q03-боковой сидящий, s03-U-образный щит
p05-рука/лапа, q04-лежащий, s04-вогнутый щит
p06-коготь, q1-фронтальный, s1-горизонтальное деление
p07-туловище, q11-фронтальный прямой, s11-герб без гербового щита
p08-бюст, горизонтально разделенный щит
p09-сердце, s2-вертикальное деление
p10-голова, s22-овальный щит, разделенный по вертикали
p11-волосы, s3-диагонально разделенный
p12-оленьи рога, s33-U-образный щит, разделенный вертикально
p13-зубы, s4-разделенный на четыре части
p14-хвост, s5-другое деление

u-части растений

u01-корень
u02-ствол/прут
u03-стебель
u04-ветка
u05-лист
u06-цветок
u07-фрукт, плод

A. Пример описания простой филигранны.

Полное описание (согласно п. 3.1.5.)

Под короной заглавные литеры шрифтом италик CLK

Полное кодированное описание (согласно п. 3.4.1. и приб. I)

R3/1 – {b: X: "CLK"} }

Корона и под ней италик аббревиатура CLK

B. Пример описания комплексной филигранны

Полное описание (согласовано п. 3.1.5.)

Орел под короной; на нем надпись шрифтом италик, заглавные буквы FWR, держит скипетр или шпагу в левой лапе и сферу в правой лапе; вверху имя "GWLoeschge", внизу "in Ansbach"

Полное кодированное описание (согласно п. 3.1.4. и приб. I)
D 5/1 [R3/1 – {c: (i: [“FWR” –
Орел под короной и покрывающей его аббревиатурой шрифтом италик “FWR” и
C1: p06[R7 – M14 – {r:p06}
Левая лапа со скипетром или шпагой и правая лапа с
R4 – {t:→Y “GWLOESCHGE” – b:
Сферой и вверху горизонтально имя “GWLOESCHGE” и внизу
→ Y “INANSBACH”}]
горизонтально имя “INANSBACH”.

Приложение II

Рекомендации для структуры соглашения по базам данных филиграней для обмена данными.

II.1: Установка и структурирование базы данных филиграней.

Следующие критерии должны быть согласованы при установке новой базы данных филиграней и программного обеспечения для обмена:

1. Открытая структура базы данных с неограниченным числом файлов, открываемых одновременно.
2. Неограниченная длина файлов и базы данных.
3. Поля записи неограниченной длины.
4. Неограниченное копирование полей при обмене.
5. SQL-совместимый восстанавливаемый язык.
6. Интерфейс пользователя типа “меню”.
7. Возможность модернизации всех элементов базы данных (структура файлов и полей, “меню”, экраны, авторизации доступа, импорт и экспорт данных, формат и т.д.).
8. Возможности ввода для особых символов (особенно несортируемых знаков, описываемых знаков, джокер).
9. Вычисляемые поля для дат (все столетия).
10. Интерактивное удвоение и контроль ссылок при вводе.
11. Пороговый контроль вводимых данных.
12. Запрос по образцу.

База данных должна включать как минимум 5 главных мастер-файлов и 2 дополнительных.

Главные:

- файл параметров листа
- файл параметров филигрании
- файл параметров отливной формы (дата отлива, полученная посредством заключений из просмотра листа)
- файл формы (данные об оригинальной форме, сохраненной в коллекции)
- кодикологический/библиографический файл
- необязательный файл украшенной бумаги (факультативный)

Дополнительные:

- мастер-файл изготовителя бумаги
- мастер-файл бумажной мельницы
- другие мастер-файлы (например, печатника, издателя, художника) (факультативные)

Эта структура основана на том факте, что один лист представляет собой минимальную единицу для описания. Все данные, описывающие один индивидуальный лист, сосредоточиваются в файле параметров листа. Частично эти данные одинаковы для нескольких листов, т.е. для листов, изготовленных в одной и той же форме. Они регистрируются только один раз, в файле параметров формы, как и все вносимые данные, относящиеся к одной и той же форме. В файле параметров листа содержат одинаковую ссылку на одни и те же данные, внесенные в файл параметров формы. Листы могут иметь разное число филиграней, описание каждой из которых может представлять интерес. Эти описания содержатся в файле параметров филигрании. Ссылки в файле параметров листа связывают эти описания с внесенными данными о листе.

Библиографические и кодикологические данные идентичны для всех листов или частей листа, происходящих из одной тетради или книги. Поэтому данные для каждой книги будут вноситься только один раз в библиографический и кодикологический файл. Ссылки в файле параметров листа связаны с соответствующими внесенными данными о листе.

Данные о производящей бумажной мельнице одинаковы для большого количества листов, т.е. для всех листов, произведенных на одной мельнице. Каждая бумажная мельница регистрируется только один раз и ссылки в файле параметров формы связывают ее с формами, использовавшимися на этой мельнице. То же относится к индивидуальному изготовителю бумаги, данные о котором вносятся только один раз в файл изготовителя бумаги. Если один изготовитель бумаги работал более чем на одной мельнице, ссылки на мастер-файл изготовителя бумаги свяжут его с мастер-файлом бумажной мельницы.

Другие специальные мастер-файлы, т.е. для издателей, печатников, художников, связываются таким же образом.

Такая структура необходима для инсталляции базы данных с возможностями ссылок, как описано выше. Только такая структура предусматривает минимальное резервирование и (по крайней мере, для периода ручного производства бумаги) точное воспроизведение связей между бумажным мастером, бумажной мельницей, формой, листом и конечным пользовательским продуктом.

II.2: Соглашение об обмене данными.

Как основные правила, фиксируются следующие соглашения для обмена данными:

II.2.1: Машиночитаемые данные состоят только из записей, сформированных в расширенном ASCII заданном наборе.

II.2.2. Данные должны быть структурированы согласно технической структуре набора следующим образом.

Стартовая запись для набора данных I:

INST; разделитель; Ent; разделитель; название поля 1; разделитель; содержание поля 1; конец строки.

INST; разделитель; Ent; разделитель; название поля 2; разделитель; содержание поля 2; конец строки.

INST; разделитель; ENT; разделитель; название поля n; разделитель; содержание поля n; конец строки.

Стартовая запись для набора данных II:

INST; разделитель; ENT; разделитель; название поля 1; разделитель; содержание поля 1; конец строки.

INST; разделитель; ENT; разделитель; название поля 2; разделитель; содержание поля 2; конец строки.

...

INST; разделитель; ENT; разделитель; название поля n; разделитель; содержание поля n; конец строки.

И т.д.

Эта структура предполагает в первую очередь, что полный набор данных не будет меняться в каждом случае, только некоторые специальные (значимые) поля могут передаваться до окончания точной идентификации.

II.2.3. В качестве названий полей должны использоваться фиксированные кодовые аббревиатуры (см. п. 3)

II.2.4. В качестве содержания поля должны использоваться фиксированные субкодовые аббревиатуры (см. п. 3); свободный текст может вводиться на языке пользователя.

II.2.5. Все поля, отмеченные *, подлежат первоочередной регистрации в стандарте IРН.

II.2.6. Все данные, полученные не из описания листа, а путем цитирования имеющихся описаний или путем обмена с другими базами данных, должны отмечаться знаком # в конце поля.

НЕСОХРАНИВШИЕСЯ АКТЫ XV–XVI вв. ИЗ АРХИВА ТРОИЦКОГО МАКАРЬЕВА КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ

Один из крупнейших в России Троицкий Макарьев Калязин монастырь был основан, видимо, около 1434 г.¹ в Тверском великом княжестве. Большая часть документов Калязина монастыря хранится в РГАДА в его фонде (Ф. № 1193). В XVIII в. документы были сгруппированы в книги (Оп. 1. Д. I, IV, далее упоминаются как кн. I и IV). В описи документов монастыря, составленной в 1701 г. и скопированной в 1726 г.², записаны 24 несохранившихся акта из калязинского архива. Здесь и далее речь идет только об актах, в которых упомянут Калязин монастырь, но следует отметить, что в его архиве отложилась владельческая документация и частных лиц, что связано, очевидно, с участием их в земельных сделках монастыря (подтверждение этому не всегда находится в архиве). В настоящее время А.В. Антоновым опубликован список калязинских актов XV – начала XVII в., в который включены акты, вписанные в описи³. К сожалению, составитель списка не комментирует предлагаемую им датировку в случае отсутствия ее в описи. Монастырские документы на основании сохранившихся отрывков актов, их упоминаний, а также событий или сделок, которые должны были сопровождаться составлением соответствующей документации, позволяют говорить о существовании еще не менее 20 не дошедших до нашего времени актов. Это дает возможность дополнить материалы калязинского архива XV–XVI вв.

Ниже предлагается список 44 несохранившихся актов с необходимыми комментариями.

1. 1444–1457 г.⁴ Меновная грамота игумена Калязина монастыря Макария Ивану и Матвею Махониным на “землю” Доманоевскую в Жабенском стане Кашинского уезда за “землю” Митино там же⁵.
2. 1444–1457 гг. Меновная грамота игумена Калязина монастыря Макария Андрею Иванову сыну Гавреневу на “землю” Волногу в Жабенском стане Кашинского уезда за пустошь Тарасово в Нерехотском стане того же уезда⁶.

¹ О времени основания монастыря подробнее см.: Пономарева И.Г. Крупная феодальная вотчина Тверского края XV – начала XVII в. (по материалам Троицкого Макарьева Калязина монастыря): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

² РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Ч. 1. Д. 24. Л. 52–117. (Далее: Оп. 1701 г.); Ф. 1193. Кн. IV. Л. 409–463 об. (Далее: 1726 г.). Сохранились также описи документов Калязина монастыря: 1721 г. Ф. 248. Фонд Сената. Кн. 192. Л. 245–264) и 1743 г. Ф. 1193. Кн. IV. Л. 464–468 (Далее: Оп. 1743 г.).

³ Антонов А.В. Материалы к каталогу актов Русского государства. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 159–198. (Далее: Антонов А.В.).

⁴ О датировке калязинских актов XV в. (в статье это акты под № 1–4) см.: Пономарева И.Г. О хронологии ранних калязинских актов // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 243–245.

⁵ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 81 об., 116 об.; Оп. 1726 г. Л. 426 об. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 129 (1444–1483 гг.); Антонов А.В. № 12 (1444–1483 гг.).

⁶ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 103 об.; Оп. 1726 г. Л. 449 об. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 130 (1444–1483 гг.); Антонов А.В. № 13 (1444–1483 гг.).

3. 1444–1457 гг. Меновная грамота игумена Калязина монастыря Макария Анне Федоровой жене Афанасьева и ее детям на “землю” Павлоково в Нерехотском стане Кашинского уезда за “землю церковную” Никольское Сорокино там же (?)⁷.
4. 1444–1457 гг. Меновная грамота игуменьи Сретенского монастыря Феодосии игумену Калязина монастыря Макарию на “землю” Бачалдино в Жабенском стане Кашинского уезда за “земли” Горлово и Демидово в Нерехотском стане (?) того же уезда⁸.
5. 1485–1486 гг. Судная грамота суда Якова Захарьевича (Кошкина) по тяжбе о деревнях Павликово, Пестово и Боровитиново в Нерехотском стане Кашинского уезда⁹.

Датируется по упоминанию игумена Пафнутия¹⁰ и Я.З. Кошкина, участника похода на Тверь 1485 г.¹¹

6. Около 1498–1502 гг. Меновная грамота Захарии Карабузина игумену Калязина монастыря Пахомию на деревни Куракинское, Рязановскую и Мотьево в Чудском стане Кашинского уезда (?) за деревню Скнятиново и “другую половину Собакина” в Жабенском и Нерехотском станах Кашинского уезда¹².

Датируется по упоминанию игумена Пахомия¹³.

7. Конец XV– начало XVI в. Данная Парфенья Измайлова сына (Чаплина) Калязину монастырю на деревню Митино в Кашинском уезде¹⁴.

В описи дата не указана. А.В. Антонов записал фамилию *Чаплин* со знаком вопроса и датирует акт 1504(?)–1521 гг. В актах монастыря упоминаются братья Чаплины: Гаврила, Истома и Парфен Измайловы дети. Парфен около 1499–1505 гг. написал одну из купчих монастырского слуги, а в 1508/09 г. присутствовал при составлении одной из калязинских купчих. Гаврилу и Истому встречаем в актах 1522/23 г.¹⁵

8. 1500/01 г. Данная Ивана Афанасьева сына Баклановского Калязину монастырю на деревню Огарянцево в Завостинской слободке Кашинского уезда¹⁶.
9. Около 1504 г. Жалованная данная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича Калязину монастырю на пожни Даниловскую Астафьева сына, Колчеватик, Высокую и Бродовую на р. Дубне в Повельском стане Дмитровского уезда.

В жалованной правой грамоте от 4 июля 1551 г. представитель монастыря ссылается на жалованную грамоту Юрия Ивановича, выданную монастырю 50 лет назад¹⁷.

⁷ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 102 об.; Оп. 1726 г. Л. 448 об. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 143 (ок. 1450–1460-х годов); Антонов А.В. № 20 (1444–1483 гг.).

⁸ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 116 об.–117; Оп. 1726 г. Л. 463 об. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 147 (1460–1740 гг.); Антонов А.В. № 24 (1444–1483 гг.).

⁹ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 104; Оп. 1726 г. Л. 443; Антонов А.В. № 42 (1485–1497 гг.).

¹⁰ АСЭИ. Т. III. № 159–161.

¹¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1963. С. 154.

¹² Упом.: Оп. 1701 г. Л. 97 об.–98; Оп. 1726 г. Л. 440 об.–441. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 167; Антонов А.В. № 46 (1488–1505 гг.).

¹³ АСЭИ. Т. III. № 166, 168.

¹⁴ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 96–96 об.; Оп. 1726 г. Л. 439; Антонов А.В. № 55.

¹⁵ АСЭИ. Т. III. № 169; РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 52, 53, 63; Кн. IV. № 71а, б, 134. (В кн. IV нарушена нумерация актов, поэтому при отсылке к актам, до № 164, указывается номер документа, а на остальные документы, так же как и при отсылке к Оп. 1726 г. дается ссылка на листы.)

¹⁶ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 82 об.; Оп. 1726 г. Л. 427 об. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 170; Антонов А.В. № 52.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1193. Кн. IV. Л. 215–225 об., 469–483 об.; ОР РГБ. Ф. 28 (Собр. И.Д. Беляева). № 1/93; Ф. 1209 (Поместный приказ). Столбцы по Дмитрову. № 65/38834. Здесь и далее ссылка дается на все списки актов. Публ.: ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. Смесь. № 2; Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Ч. 2. № XI; Антонов А.В. № 177.

10. 1507/08 г. Меновая грамота Тимофея и Ивана Жуковых игумену Калязина монастыря Венедикту на деревню Терехово и треть пустоши Котельниково в Нерехотском стане Кашинского уезда за деревню Кривую Повертку в Жабенском стане того же уезда¹⁸.
11. 1509/10 г. Разъезжая Андрея Васильева сына Хвостова земле Троице-Сергиева монастыря села Прилуцкого починка Ондропова в Угличском уезде с землей Троицкого Калязина монастыря села Семендяева починков Симаникова и Олешкова в Кашинском уезде¹⁹.

В списке А.В. Антонова как и в описях в разъезжей записан Андрей *Иванов* сын Хвостова. В описях, очевидно, так же ошибочно, так как специально отмечено, что “та грамота ветха и многие места изотлели”, неверно записано, что разъезжали земли Троице-Сергиева монастыря села *Семаникова*.

12. 1515/16 г. Купчая грамота келаря Калязина монастыря Геласия Василию Степанову сыну Мерлину на починки Дехтерево и Телицын в Жабенском стане Кашинского уезда.

В архиве сохранилась купчая от 10 февраля 1516 г. на земли В.С. Мерлина. В отводной грамоте составленной в 1515/16 г. (скорее после 10 февраля 1516 г.) среди известных по купчей владений названы еще два купленных монастырем у В.С. Мерлина починка, очевидно приобретенные в то же время²⁰.

Датируется по упомянутой отводной грамоте.

13. 1518/19 г. Купчая грамота игумена Калязина монастыря Иоасафа Полуне и Гриде Федоровым детям Колокольниковым, Гавриле, Першице, Копасу, Василию и Давыду Федоровым, детям Курбатовым на деревню Завидово и починок Подмошецо в Жабенском стане Кашинского уезда²¹.
14. 1527/28 г. Указная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича о разводе земель Калязина монастыря Волнежских починков села Спасского в Жабенском стане Кашинского уезда и земель Андрея Бекетова (по челобитью игумена Калязина монастыря Евфимия)²².
15. 1527/28 г. Жалованная (указная?) грамота дмитровского князя Юрия Ивановича крестьянам Калязина монастыря Поговоренской волости и села Ушакова Нерехотского стана Кашинского уезда с разрешением сечь лес без явки и пошлины²³.
16. 1528 г., 15 декабря. Жалованная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича келарю Калязина монастыря Кириллу на сельцо Карабузино в Чудском стане Кашинского уезда²⁴.
17. 1529–1534 гг. Данная Григория Иванова сына Пантычина игумену Троицкого Калязина монастыря Пимину на пустошь Захарово в Суходольском стане Кашинского уезда²⁵.

Датируется по упоминанию игумена Пимина²⁶.

18. 1530/31 г. Меновая грамота игумена Калязина монастыря Пимена Григорию и Ивану Ивановым детям Филисовского на деревню Остолопово в Нерехотском стане Кашинского уезда за деревню Черный ручей там же²⁷.

¹⁸ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 78 об.; Оп. 1726 г. Л. 423 об.; Антонов А.В. № 61.

¹⁹ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 111 об.; Оп. 1726 г. Л. 458 об.–459. Противень Троице-Сергиева монастыря: АРГ. № 58; Антонов А.В. № 63.

²⁰ РГАДА. Ф. 1193. Кн. IV. № 4, 5; Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Столбцы по Кашину. № 9/6704.

²¹ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 96; Оп. 1726 г. Л. 439; Антонов А.В. № 82.

²² Упом.: Оп. 1701 г. Л. 82 об.; Оп. 1726 г. Л. 427 об.; Антонов А.В. № 105.

²³ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 83; Оп. 1726 г. Л. 428; Антонов А.В. № 106 (указная с прочетом, названа “Поговоренская” волость).

²⁴ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 89; Оп. 1726 г. Л. 433; Оп. 1743 г. № 75; Антонов А.В. № 109.

²⁵ РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 1076 (акт без конца); Антонов А.В. № 113.

²⁶ См., например: РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 99; Кн. IV. № 100, 148.

²⁷ Упом.: Оп. 1726 г. Л. 449–449 об.; Антонов А.В. № 122.

19. 1530/31 г. Данная Гриди и Ивана Ивановых детей Филисовского игумену Калязина монастыря Пимину на вымененную у монастыря деревню Черный ручей в Нерехотском стане Кашинского уезда²⁸.
20. Не позднее 1530/31 г. Данная грамота Ивана Воронцова Калязину монастырю на починок Истоминский Лушина в Нерехотском стане Кашинского уезда.

В одном из монастырских актов упомянут “починок монастырской Истоминской Лушина (?) што дал его... по своей душе Иван Воронцов”²⁹. Переход починка мог произойти и по духовной грамоте. Но, скорее всего, монастырь позаботился о составлении соответствующего документа еще при жизни самим вкладчиком или после его смерти наследником (наследниками) с указанием, что вклад дан “по душе” (см., например, здесь № 33).

21. Не позднее 1531 г., 14 июля. Купчая грамота Калязина монастыря на деревню Домалихово в Нерехотском стане Капинского уезда.

В одном из актов эта деревня упомянута как “купля” монастыря³⁰.

22. Не позднее 1532 г. 28 июня. Купчая грамота Калязина монастыря на починок Заночье в Кузьмодемьянском стане Дмитровского уезда.

В одном из актов этот починок упомянут как “купля” монастыря³¹.

23. Не позднее 1532 г. 28 июня. Данная грамота Лукьяна Пятого Григорьева сына Дмитриева Калязину монастырю на селище Лечищево в Кузьмодемьянском стане Дмитровского уезда.

В одном из актов это селище упомянуто как вклад³².

24. 1532/33 г., не позднее 28 июня 1533 г. Купчая грамота игумена Калязина монастыря Пимена и келаря Тихона у Василия Иванова сына Мижуева с детьми на деревню Задовскую (сельцо Задовское) в Нерехотском стане Кашинского уезда³³.
25. 1532 г., 2 января. Жалованная данная несудимая грамота дмитровского князя Юрия Ивановича Калязину монастырю на двор в Сущевской волости Московского уезда (?).

Сохранилась заключительная часть акта³⁴.

26. Около 1539 г., не позднее 21 марта. Докладной судный список суда дьяка Ивана Алексеева сына Шамского по тяжбе между Калязиным монастырем и Рябовым монастырем с черными крестьянами о 24-х починках в Жабенском стане Кашинского уезда.

В архиве сохранилась “память” (“выпись”), составленная по “судному списку з докладу” дмитровскому дворецкому князю Дмитрию Федоровичу Палицкому суда дьяка Ивана Алексеева сына Шамского³⁵.

²⁸ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 109; Л. 450 об. (запись без конца); Антонов А.В. № 123.

²⁹ РГАДА. Ф. 281. Столбцы по Кашину. № 23/6718.

³⁰ Там же. Ф. 1193. Кн. 1. № 86, 115; Ф. 281. Столбцы по Кашину. № 21/6716, 22/6717. Публ.: Русский вестн. 1841. Т. III. Кн. 9. С. 680.

³¹ РГАДА. Ф. 1193. Кн. IV. № 103; Ф. 281. Столбцы по Дмитрову. № 42/3754.

³² Там же.

³³ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 77 об.; Оп. 1726 г. Л. 422 об. Сделка упоминается также в одном из актов (РГАДА. Ф. 1193. Кн. 1. № 91); Антонов А.В. № 137 (1532/33 г.).

³⁴ РГАДА. Ф. 1193. Кн. 1. № 85а.

³⁵ Там же. № 104.

27. Не позднее 1553 г., 29 октября (возможно, в 1540/41–1548/49 гг.). Запись Ворошилы и Василия Поздяковых детей Пивова о передаче по закладной грамоте(?) Калязину монастырю деревни Буйносово и пустоши Коробово в Жабенском стане Кашинского уезда.

По документу от 29 октября 1553 г., вдова Василия четверть упомянутых земель отдала “по душе” мужа, а за остальные получила 12 руб. “по записи” мужа и деверя³⁶.

Можно попытаться уточнить датировку. Акт из монастырского архива 1540/41 г., возможно, упоминает мать, и еще одного из братьев Пивовых³⁷. Обычно женщины фигурируют в документах будучи вдовами, поэтому, можно предположить, что не позднее 1540/41 г. братья вступили в права наследства и могли распоряжаться земельной собственностью. Акт 1548/49 г., похоже, упоминает о смерти одного из братьев, Василия³⁸. Следует отметить, что род Пивовых был очень разветвлен, что затрудняет определение родства.

28. 1544 г. Данная грамота князя Александра Борисовича Горбатого игумену Калязина монастыря Ионе на село Городище с деревнями и пустошами в Нерехотском стане Кашинского уезда³⁹.

10 и 16 июня 1544 г. монастырь получил жалованные несудимые грамоты на село Городище с 28 деревнями (акты различаются только наличием перечня в одной из них деревень)⁴⁰. Текст их (“Се яз, князь великии... пожаловал есми игумена Иону с братьею дал есми... село Городище с деревнями и с постошми, что было за князем Александром Борисовичем Горбатым”) провоцирует вывод о передаче Иваном IV конфискованных у князя земель⁴¹. Но сомнений по поводу существования данной самого А.Б. Горбатого быть не может. В описях значится “1544/45 году даная на княжь Александровское Горбатова поместье на село Городища з деревнями игумену Ионе з братиею”. Это не может быть упоминание об одной из жалованных грамот Ивана IV. Запись заканчивается словами, отсутствующими в жалованных грамотах: “К тои данои Ларион Кашников руку приложил”. Ларион Кашников записан послухом еще одного вклада в монастырь в 1540/41 г.⁴²

29. Около 1544/45 г. Судный список суда по тяжбе между Калязиным монастырем и слугой Василия Петровича (Борисова–Бороздина)⁴³ Поветком Сытковым сыном Клобурниковым о калязинской земле деревень Володарево, Скородумка и Зверево и землей П.С. Клобурникова деревни Максимово в Жабенском стане Кашинского уезда.

В разъезжей грамоте 1544/45 г. говорится, что спорившие стороны размежевали земли, “став за списком”⁴⁴.

30. 1545/46 г. Жалованная (указная?) грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Калязина монастыря Ионе об освобождении монастырских крестьян от “стояния” на Белгородском яме Кашинского уезда⁴⁵.

31. 1546/47–1551/52 гг. Данная грамота Ивана и Федора Васильевых детей Баклановских игумену Калязина монастыря Иннокентию на деревню Луготино.

³⁶ Там же. № 144; Кн. IV. № 35.

³⁷ Там же. Кн. I. № 119а; Кн. IV. № 129.

³⁸ Там же. Ф. 281. Столбцы по Кашину. № 45/6740.

³⁹ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 89; Оп. 1726 г. Л. 433.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 127; Кн. IV. Л. 162 об. Публ.: Сборник П. Муханова. СПб. 1866. № 129.

⁴¹ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 151.

⁴² РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 119а; Кн. IV. № 129.

⁴³ Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 63.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 130, 131; Кн. IV. № 79.

⁴⁵ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 116; Оп. 1726 г. Л. 463; Антонов А.В. № 171 (указная с прочетом).

Этот акт упомянут в выкупной памяти 1561/62 г.⁴⁶ Датируется по упоминанию игумена Иннокентия⁴⁷.

32. 1548 г., 15 декабря. Жалованная подтвердительная грамота царя и великого князя Ивана Васильевича игумену Калязина монастыря Иннокентию на монастырские владения в Дмитровском и Кашинском уездах.

В правой грамоте от 4 июля 1551 г. написано, что Иван IV велел “переписати в свою новую жаловальную в одну грамоту с тех старых грамот слово в слово по тому ж, как были у них жаловальные грамоты преж сего княж Юрьевские Ивановича”. Там же приводится дата составления акта⁴⁸.

33. 1549/50–1555 гг., октябрь. Данная Десятого Степанова сына Карабузина на 3 выти деревни Рудлево.

В “записи” октября 1555 г. упоминаются три выти деревни Рудлево, переданные “по душе” монастырю Десятым Степановым сыном Карабузиным и возвращенные по судебному решению его брату⁴⁹. В этом же акте упоминается предъявленная в суде данная грамота Д.С. Карабузина на три выти деревни Рудлева. В архиве сохранилась его данная 1549/50 г. только на выть⁵⁰. Очевидно, что позднее Д.С. Карабузин увеличил вклад, и был составлен новый документ.

34. Около 1553 г. Правая грамота (?) суда окольного и оружничего Льва Андреевича Салтыкова по тяжбе между Калязиным монастырем и Устиньей Пешковой дочерью Пивова о деревне Буйносово и пустоши Коробово в Жабенском стане Кашинского уезда.

О суде и его решении узнаем из отступной грамоты от 29 октября 1553 г.⁵¹

35. Около 1555 г. Докладная правая грамота(?) суда окольного и дмитровского дворецкого Андрея Александровича Квашнина по тяжбе между Калязиным монастырем и Иваном Степановым сыном Карабузиным о трех вытях деревни Рудлево в Чудском стане Кашинского уезда.

О суде и его решении узнаем из отступной грамоты сентября 1555 г.⁵²

36. 1564/65 г. Полюбовная межевая запись келаря Симонова монастыря Александра и келаря Калязина монастыря Евфимия земле симоновского села Скнятино с пустошами с калязинской землей деревни Драчевской и починка Дымово с деревнями и пустошами в Жабенском стане Кашинского уезда⁵³.

37. 1566/67 г. Меновая грамота Никифора Иванова сына Фелисова игумену Калязина монастыря Вассиану на шестой жеребий деревни Павелково в Нерехотском стане Кашинского уезда за починок Замощье там же⁵⁴.

38. Не позднее 1566/67 г. (возможно, после 1558/59 г.). Данная грамота Василия Микифорова сына Богатырева Калязину монастырю на деревни Медведево и Семернино в Кошемском стане Кашинского уезда.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1193. Кн. IV. № 153.

⁴⁷ Там же. Кн. I. № 120, 132, 133; Кн. IV. № 24; Ф. 281. Столбцы по Кашину. № 44/6739.

⁴⁸ Там же. Ф. 1193. Кн. IV. Л. 215–225 об., 469–483 об.; Ф. 1209. Столбцы по Дмитрову. № 65/38834; ОР РГБ. Ф. 28. № 1/93. Публ.: ЧОИДР. 1894. Кн. III. Смесь. № 2; *Лихачев Н.П.* Указ. соч. № XI; *Антонов А.В.* № 177 (подтвердительная данная, с датой 16 декабря).

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 141, 146; Кн. IV. № 39.

⁵⁰ Там же. Кн. I. № 135, 136; Кн. IV. № 46.

⁵¹ Там же. Кн. I. № 144; Кн. IV. № 35.

⁵² Там же. Кн. I. № 141, 146; Кн. IV. № 39.

⁵³ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 111; Оп. 1726 г. Л. 458 об.; *Антонов А.В.* № 218.

⁵⁴ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 103; Оп. 1726 г. Л. 449; Упом.: Оп. 1701 г. Л. 103; Оп. 1726 г. Л. 449.

Духовная грамота В.М. Богатырева 1558/59 г., его же данная – купчая 1560/61 г. и “отпись” 1563–1565 гг. перечисляют земли, переданные им монастырю, но не упоминают д. Медведково и Семернино⁵⁵. Отступная “запись” 1566/67 г. вдовы В.М. Богатырева называет их в числе переданных мужем земель⁵⁶. В “отписи” 1563–1565 гг., В.М. Богатырев упоминает некие “крепости” на передаваемые монастырю владения.

Датируется по духовной В.М. Богатырева и “записи” его вдовы.

39. 1568/69 г. Данная Шестого Петра Григорьева сына Кренева Калязину монастырю на деревни Перхурово и Кубасово в Мерецком стане Кашинского уезда⁵⁷.
40. 1569/70 г. Данная старца Геннадия Игнатьева с детьми Калязина монастыря игумену Корнелию на деревни Леоново Мишиevo и Семеновское в Жабенском (?) стане Кашинского уезда⁵⁸.
41. 1571/72 г. Рядная запись Нагая Девятого сына Калитинского. Около 1574 г. заложена Романом Посниковым сыном Едигеева казначею Троицкого Калязина монастыря Варсонофию в 40 рублях⁵⁹.
42. 1573/74 г. Данная Посника Иванова сына Суворова Троицкому Калязину монастырю на вотчину Ярослава Колзакова село Никольское с деревнями и пустошами в Нерехотском стане Кашинского уезда⁶⁰.
43. Не позднее 1578/79 г. Купчая грамота Калязина монастырю у Коняши Максимова сына Мергасова на четверть деревни Морковцыно в Жабенском стане Кашинского уезда.

О заключении сделки говорится в выкупной 1578/79 г. Прохора Андреевича Мергасова на эту землю⁶¹.

44. Не позднее 1582/83 г. Заемная (закладная?) грамота Морги Матвеева сына Филимонова и его жены Евдокии Семеновы дочери (Карабузина) на “полтретья” рубля (с закладом четверти деревни Мышкино в Чудском стане Кашинского уезда?).

В данной 1582/83 г. М.М. Филимонова и его жены сказано, что они передают монастырю названные земли “за свои долг”⁶².

А.В. Антонов включил в перечень актов упомянутую описями запись (“данную”) Ульяны Кузьминой дочери, вдовы Василия Богатырева 1561/62 г. Калязину монастырю на сельцо Панкратово с деревнями в Кашинском уезде⁶³. В предлагаемый перечень этот акт не включен: дата отступной не верна. Муж Ульяны умер несколько лет спустя: он упоминается в калязинских актах 1563/64 г.⁶⁴, сама Ульяна составила отступную запись в 1566/67 г.⁶⁵

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 155, 156, 160, 161, 164; Кн. IV. № 44, 52, 54.

⁵⁶ Там же. Кн. IV. № 38. Л. 151–151 об.; Ф. 281. Столбцы по Кашину. № 71/6766.

⁵⁷ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 77; Оп. 1726 г. Л. 422; Антонов А.В. № 224.

⁵⁸ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 69об.–70; Оп. 1726 г. Л. 415. Антонов А.В. № 233.

⁵⁹ Упом.: РГАДА. Ф. 1193. Кн. IV. Л. 49 об.–50 об.; Оп. 1701 г. Л. 99; Оп. 1726 г. Л. 442; Антонов А.В. № 247.

⁶⁰ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 102; Оп. 1726 г. Л. 448; Антонов А.В. № 249.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 179.

⁶² Там же. Кн. IV. № 41; Ф. 281. Столбцы по Кашину. № 82/6777.

⁶³ Упом.: Оп. 1701 г. Л. 108; Оп. 1726 г. Л. 450. Антонов А.В. № 209.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1193. Кн. I. № 160, 161, 164; Кн. IV. № 44, 54.

⁶⁵ Там же. Кн. IV. № 38. Л. 151–151 об.; Ф. 281. Столбцы по Кашину. № 6766/71; А.В. Антонов поместил ее в перечень под № 221 с датой 12 декабря 1566 г.

Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОПИСЕЙ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ XVI ВЕКА И СОСТАВЕ МОНАСТЫРСКОГО ИКОНОСТАСА¹

Монастырские описи строений и имущества являются незаменимым документальным источником для изучения древнерусской истории и культуры. Как правило, такие описи составлялись по указной грамоте великих князей и царей при смене игуменов в монастыре. Являясь учетно-регистрационным передаточным документом, каждая монастырская опись представляет в хронологическом срезе уникальную картину имущественного, хозяйственного, экономического, культурного состояния того или иного монастыря в строго определенное время.

Практика составления переписи имущества при смене настоятелей прослеживается, начиная с XVI в. Однако от XVI в. до нас дошло всего не более двух десятков текстов монастырских описей², среди которых описи Соловецкого монастыря XVI в. выделяются, прежде всего, уникальной полнотой сохранившегося комплекса: мы располагаем текстами пяти из семи описей, составленных в XVI в. на Соловках. Сохранившиеся описи датируются 1514 г. (отводная от игумена Евфимия священнику Геласию³ и соборным старцам), 1549 г. (по поводу датировки и атрибуции описи имеются разные точки зрения, о чем речь пойдет дальше), 1570 г. (отводная игумену Варлааму и строителю Меркурию), 1582 г. (отводная игумену Иакову), 1597 г. (отводная игумену Исидору); не сохранились описи 1518 и 1534 гг.⁴

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант 98-01-00242).

² Помимо соловецких, известны лишь 11 описей XVI – начала XVII в. семи монастырей. Это *Иосифо-Волоколамский монастырь* – **Опись 1545 г.**: *Георгиевский В.Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Прил. С. 1–23; *Голубцов А.П.* Материалы для истории древнерусской иконописи // Сборник статей по литургии и церковной археологии. Сергиев Посад, 1911. С. 118–127; **Опись 1572 г.**: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 365. Л. 1–85; **Опись 1591 г.**: ИРЛИ. Древлехранилище. Отдельные поступления. Оп. 26. № 20; *Никола-Корельский монастырь* – **Опись 1551 г.**: АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 158. С. 283–287; **Опись 1601 г.**: *Макарий, еп.* Историко-статистическое описание Николаевского Корельского монастыря // ЧОИДР. М., 1879. Кн. 1. [№ 3.] С. 34–49; *Антониево-Сийский монастырь* – **Опись 1556 г.**: *Макарий, еп.* Исторические сведения об Антониево-Сийском монастыре // ЧОИДР. М., 1878. Кн. 3. [№ 2]. С. 7–14; **Опись 1597 г.**: ОР БАН. Архангельское собр. Д. 345. Л. 3–62; *Никола-Коряжемский монастырь* – **Опись 1567 г.** (датировка З.В. Дмитриевой): АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. № 218. Стб. 632–642; *Кирилло-Новозерский монастырь* – **Опись 1581 г.**: СПб. ФИРИ РАН. Кол. 115. № 663. Л. 2–12; *Ипатьевский Костромской монастырь* – **Опись 1595 г.**: *Соколов М.И.* Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 г. // ЧОИДР. М., 1890. Кн. 3. Отд. I. № 1. С. 1–60; *Кирилло-Белозерский монастырь* – **Опись 1601 г.**: *Дмитриева З.В., Шаромазов М.Н.* Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментар. изд.-е. СПб., 1998.

Библиография собрана З.В. Дмитриевой. См.: *Дмитриева З.В.* Монастырские описи строений и имущества XVI в. // Тез. докл. XI Всерос. конф. “Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв.: Проблемы изучения монастырей и монастырской культуры”. Тихвин, 1999. С. 20–22.

³ Геласий в качестве игумена упомянут в грамоте 1514–1522 гг. См.: Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1988. С. 27.

⁴ Эти два документа зафиксированы среди имевшихся в монастыре, в описи соловецкого архива, составленной в 1733 г. Геннадием Дроздовским (“Книги переписные Соловецкого монастыря, церквам

Несмотря на исключительную важность и уникальную сохранность комплекса соловецких описей, целенаправленная исследовательская работа по подготовке полного комментированного издания текстов⁵, выявлению всех списков описей и всестороннему их изучению была начата лишь недавно. В настоящей статье представлены итоги источниковедческой работы по выявлению всех сохранившихся списков соловецких описей XVI в., обосновывается время составления второй описи, дается подробно содержание первых двух описей, являющихся главным источником по истории еще деревянного Соловецкого монастыря.

Итак, до сих пор в распоряжении исследователей находились следующие источники: по одному списку описей 1570 г.⁶, 1582 г.⁷ и 1597 г.⁸ Старейшие же из соловецких описей – 1514 г. и 1549 (?) г. – были известны лишь по копиям, сделанным в начале XX в. И.А. Елизаровским в Соловецком монастыре⁹.

В начале XX в. подлинники описей 1514 г., 1549 (?) г. и 1570 г., хранившиеся в Соловецком монастыре, видели Н.К. Никольский и Б.Д. Греков. Никольский работал с документами в Соловецком монастыре в 1900 г. В его заметках содержится указание на то, что в монастырском архиве под одним номером (2/2/27) хранились три описи: опись 1514 г. на 6 сставах, опись 1570 г. на 32 сставах и еще одна, промежуточная между ними, опись, начала которой не сохранилось¹⁰. В 1917 г. Б.Д. Греков по поручению Археографической комиссии разбирал на Соловках монастырский архив, готовя его к эвакуации¹¹. Вывезенный с Соловков летом 1917 г. архив находился в Перми до 1926 г., где его изучением занимался А.А. Савич. Несомненно, он пользовался интересующими нас документами, поскольку они упомянуты в его труде о вотчинах Соловецкого монастыря¹². Это упоминание оказалось последним свидетельством о подлинниках древнейших соловецких описей. В 1926 г. вывезенные Б.Д. Грековым документы соловецкого архива были отправлены в Москву и с тех пор хранятся в РГАДА, однако подлинники описей 1514 г., 1549 (?) г. и 1570 г. в фонде Соловецкого монастыря (Ф. 1201) уже не числятся. И только совсем недавно эти документы удалось обнаружить в составе необработанного фонда А.А. Са-

и церковной утвари, денежной и ризной казны, и протчему всякому монастырскому строению, и лодьям переписи Фадея Дворянкина да Елизара Афонасьева 7026 [1518] году” и “Отходная Соловецкого монастыря всякому строению за игумена Алексея Юренева 7042 [1534] году”). См.: СПб. ФИРИ РАН. Кол. 2. № 149. Л. 520.

⁵ В настоящее время имеются следующие публикации соловецких описей: Белокуров С.А. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года) // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 1. Отд. V. С. 1–80 (издана часть описи 1676 г., касающаяся состава книжного собрания и крепостной казны монастыря); Кукушкина М.В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 368–372; АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 341–356 (изданы по копиям начала XX в. тексты двух описей первой половины XVI в. и фрагменты, касающиеся монастырского книжного собрания из трех описей второй половины XVI в.).

⁶ Архив СПб. ФИРИ РАН. Кол. 2. № 121. Рукопись в тетрадах (Q. 43 л.), без скрепы. Основной текст написан скорописью одной руки. По листам правка скорописью другим почерком.

⁷ Там же. № 124. Рукопись в тетрадах (Q. 63 л.), со скрепой (рукоприкладства игумена Иакова и старцев). Скоропись одной руки. Конец рукописи утрачен.

⁸ Там же. № 127. Рукопись в тетрадах (Q. 115 л.), со скрепой (рукоприкладства бывшего игумена Иакова и старцев). Скоропись одной руки.

⁹ ОР БАН. Собр. авторских материалов. Д. 46. Копии сделаны в тетрадах в линейку, по тексту правка красным, синим и простым карандашами. Приложены описания подлинников, написанные рукой Н.К. Никольского (по поручению которого, вероятно, и были сделаны эти копии) на отдельных белых листах. По этим копиям тексты описей 1514 и 1549 гг. изданы М.В. Кукушкиной (см. сн. 5).

¹⁰ ОР БАН. Собр. № 32 (Н.К. Никольский). К. 139. Л. 74.

¹¹ Греков Б.Д. Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря // ЛЗАК за 1923–1925 гг. Л., 1926. Вып. 33. С. 77–99. О роли Б.Д. Грекова в спасении и дальнейшей судьбе архива см.: Либерзон И.Э. Деятельность Археографической комиссии по спасению архива Соловецкого монастыря // ВИД. Л., 1987. Т. XVIII. С. 326–328.

¹² Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVIII вв. Пермь, 1927. С. 52.

вича, поступившего в РГАДА в 1980-е годы от Н.Г. Савич, вдовы историка¹³. Вновь выявлены¹⁴ опись 1514 г.¹⁵, опись 1570 г. (два списка, один из которых неполный)¹⁶ и “промежуточная” опись 1549 (?) г. (без начала)¹⁷. Кодикологические особенности обнаруженных документов не оставляют сомнений в том, что это те самые описи, которые хранились в Соловецком монастыре до 1917 г., были известны Н.К. Никольскому и Б.Д. Грекову.

Обнаружение считавшихся утраченными документов позволяет поставить и решить целый ряд научных проблем текстологического и структурно-типологического изучения монастырских описей, анализа эволюции структуры и принципов описания, выявления механизма составления описей и становления формуляра документа этого жанра¹⁸. Однако эта ценная источниковедческая находка оказалась важна, прежде всего, для решения спорного вопроса о датировке “промежуточной” описи 1549 (или 1566 г.), поскольку именно кодикологические особенности самой рукописи (о которых невозможно было составить представления по имевшейся позднейшей копии текста) во многом помогают прояснить сложную ситуацию.

Вторая опись, которую мы относим к 1549 г., представляет собой столбец (ширина 14,3–14,5 см) из 17 сставов, написанный скорописью одной руки. Филиграния: 1) кувшинчик двуручный – близок Лихачев № 2852 (ок. 1560 г.); 2) кувшинчик двуручный (ручки не просматриваются или же видна только одна ручка) – близок Лихачев № 2851 (ок. 1560 г.).

Рукопись не имеет начала¹⁹. Заключительная фраза – “А на конце Олыш Григорьев²⁰ руку приписал” при отсутствии самой приписи – свидетельствует о том, что документ является копией. По склейкам – скрепа, текст которой почти весь заклеен при вторичной позднейшей склейке столбца, фрагментарно читается имя “царева” дьяка Дмитрия Пивова. Имеется припись, сделанная почерком, отличающимся от основного текста и сходным с тем, которым сделана скрепа по склейкам, – “Дьяк Дмитрий Пивов”.

По кодикологическим признакам документ (но не текст!) датируется 60-ми годами XVI в. (данные филиграней, вид документа – копия). Кроме того,

¹³ За помощь в поисках описей, считавшихся утраченными, благодарим Т.А. Тутову.

¹⁴ Документы выявлены при содействии главного хранителя РГАДА И.А. Балакаевой, за что авторы ей весьма признательны. В настоящее время фонд А.А. Савича находится в обработке. Содержащиеся в нем документы Соловецкого архива составят опись 7 фонда 1201 (Соловецкий монастырь).

¹⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Д. 1. Столбец из шести сставов, написанный скорописью четырех почерков (при определении почерков использованы наблюдения И.А. Балакаевой). Конец столбца утрачен. Документ без скрепы, имеет надпись: “Паметь игумну” (Л. 6 об.). Здесь же читается позднейшее дополнение текста – запись о поступлении в монастырь после “отписки” 14 икон праздничного чина, иконы Одигитрии, книги сочинений Григория Богослова в полдесть и “якоря лодейного”.

¹⁶ 1) Там же. Д. 3. Столбец из 32 сставов, написанный скорописью одной руки. Без скрепы. Имеется позднейшее дополнение текста (скорописью почерком, отличающимся от почерка основного текста) – запись о том, что 12 и 17 августа 1573 г. из описанных коробей были вынуты несколько церковных сосудов и золотой и посланы в Новгород по распоряжению архиепископа Леонида; сосуды предназначались для отправки в Москву к митрополиту Антонию на сооружение соборной Богородицкой церкви (на об. Л. 29–30); 2) Там же. Д. 4. Рукопись в тетрадах (Q. 18 л.), без скрепы. Скоропись одной руки. Конец рукописи утрачен. На Л. 1 скорописью почерком, отличающимся от почерка основного текста: “Черные книги ненадобные”.

¹⁷ Там же. Д. 2.

¹⁸ Подробнее см.: Крушельницкая Е.В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI века: кодикологические и текстологические особенности, датировка, структура текста // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб. 2001.

¹⁹ Утрачено начало преамбулы, сохранившийся текст начинается лишь с ее заключительной части: “...да с ним старце ... листрату, да ст ...да старцу Савелию в церквах иконы и [ку]знь, и книги, и ризы, и сосуды, и свечи, и колоколы, и всякое строение церковное и монастырское, и в казне денги и кабалы, и суда серебряные и оловяные и медяные, и хлеб, и лошади, и волы, и всякой запас монастырской...” (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Д. 2. Л. 1).

²⁰ В работе С.Б. Веселовского “Дьяки и подьячие XV–XVII вв.” (М., 1975) имя отсутствует.

копия заверена дьяком Дмитрием Пивовым, который известен в должности дьяка с июля 1566 г.²¹ Сохранившийся список описи не имеет начала и не содержит поэтому ни даты, ни имени игумена, которому или от которого отписывали монастырь. Попытаемся решить вопрос о хронологическом определении описи.

По поводу датировки описи существует две точки зрения. Н.К. Никольский относил опись к 1549 г., считая ее отводной игумену Филиппу²². Этой датировки придерживается и М.В. Кукушкина, которая, не рассматривая специально этот вопрос, свела памятьти в научный оборот как опись 1549 г.²³ Б.Д. Греков датировал опись 1566 г., о чем свидетельствуют надписи на наклейке на столбце, сделанные при разборе документов архива. Н.Н. Зарубин, судя по его неопубликованным рабочим материалам об истории соловецкого книжного собрания²⁴, относил опись к 60-м годам XVI в. Сторонником отнесения описи к 1566 г. был и А.А. Савич²⁵, а в настоящее время таковым является авторитетный исследователь Соловецкого монастыря Г.А. Богуславский. Авторы благодарят Г.А. Богуславского за любезно предоставленные для ознакомления материалы его неопубликованной статьи под названием “1549 или 1566 г.?”

Тем не менее на 1549 г., как время составления рассматриваемой описи, несмотря на разные показания источников о начале игуменства Филиппа, прямо указывают все описи соловецкого архива XVII в. и уже упоминавшаяся архивная опись 1733 г., где среди прочих документов перечислена отводная Соловецкого монастыря игумену Филиппу Колычеву 7057 г.²⁶

Теперь необходимо объяснить тот факт, что сам документ, как показывает кодикологический анализ, датируется 60-ми годами XVI в.²⁷ Здесь мы, в свою очередь, должны обратиться к исторической ситуации конца 60-х годов XVI в., отразившейся на истории Соловецкого монастыря. Как известно, в 1566 г. Фи-

²¹ В 1562 г. Дмитрий Пивов еще не был дьяком. См.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 413.

²² ОР БАН. Собр. 32. (Н.К. Никольский). К. 139. Л. 74.

²³ *Кукушкина М.В.* Указ. соч. // АЕ за 1970 год. С. 358, 362 и др.; АЕ за 1971 год. С. 341.

²⁴ ОР БАН. Фонд Н.Н. Зарубина (не обработан). Благодарим О.В. Панченко, сообщившего об этих ценных материалах и указавшего место их хранения.

²⁵ *Савич А.А.* Соловецкая вотчина... С. 52.

²⁶ Архив СПб. ФИРИ РАН. Кол. 2. № 149 (1733 г.). Л. 520. Приведем сведения относительно отводных монастырских описей XVI в., содержащиеся в самой старшей сохранившейся книге крепостной службы Соловецкого монастыря 1639 г.: “Да отводных игуменских книг. Лета 7022-го [1514 г.] году отводная священника Геласеи. Переписная тетрадь 26-го [1518 г.] году Да 40-го [1532 г.] году отводная священнику Геласеи. Да 42-го [1534 г.] году священнику Иринарху. 57-го [1549 г.] году отводная игумена Филиппа. 79-го [1571 г.] году отводная игумену Варламу да строителю Меркурию. Да Варламовы ж трои книги переписные. Отводные книги игумена Исидора. Четверы книги переписных игумена Иакова. Двои книги переписные игумена Исидора 105-го [1597 г.] году” (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 37. Л. 15 об. – 16. Курсив наш. – *Е.К., М.М.*). Ту же запись читаем в отводных книгах крепостной казны 1644 г. (Там же. Д. 454. Л. 32–32 об.), 1646 г. (Там же. Д. 458. Л. 27 об. – 28), 1649 г. (Там же. Д. 249. Л. 23–23 об.). В отводной книге крепостной казны 1649 г. в эту запись внесена правка, которая касается описи 1534 г., – зачеркнуто указание о том, что это – отводная священнику Иринарху, но дописано: “Игумену Алексею” (Там же. Д. 253. Л. 29). В последующих отводных книгах крепостной казны форма записи меняется, но везде упоминается отводная игумену Филиппу 1549 г. См.: Там же. Д. 481. [1664 г.]. Л. 37 об. – 38; Д. 315 [1685 г.]. Л. 57 об. – 58. Заметим, что в отводной книге крепостной казны 1677 г. указывается лишь общее число описей и форма документов и, таким образом, не содержится упоминания описи 1549 г.: “Двадцать книг в тетрадах переписных да две книги переписные в столбцах” (Там же. Д. 557. Л. 50–50 об.; Д. 570. Л. 60 об. – 61). Отводная игумену Филиппу 1549 г. зарегистрирована и в монастырской описи 1676 г., составленной дьяком Алмазом Чистого после подавления Соловецкого восстания и не связанной в данном случае со сменой настоятеля монастыря. См.: Там же. Д. 555. Л. 461 об. – 462.

²⁷ Именно это обстоятельство, как нам кажется, стало основанием датировки для Б.Д. Грекова, который, вероятно, не вдаваясь в детали самого текста, определил по бумаге время документа, не имевшего “выходных данных”.

липп Колычев был взят на митрополию, а в 1567 г. соловецким игуменом поставлен Паисий, ученик Филиппа²⁸. Однако уже весной 1568 г. в Соловецкий монастырь прибыла следственная комиссия, в составе которой находились суздальский владыка Пафнутий, андрониковский архимандрит Феодосий, боярин князь Василий Темкин, “да с ними 10 сынов боярских”. Комиссия “про Филиппа обыскивала”, в результате розыска игумен Паисий и с ним 10 монастырских старцев были арестованы и взяты в Москву (впоследствии они были сосланы в разные монастыри). В 1569 г. монастырская братия подает челобитную о новом игумене. Под 1570 г. Соловецкий летописец, наряду с упоминаниями о репрессиях в Новгороде и казнях в Москве, сообщает о назначении царем на Соловки строителя Меркурия и игумена Варлаама.

Следующая опись, составленная в 1570 г. при отводе монастыря игумену Варлааму, содержит сведения, существенные для прояснения еще целого ряда вопросов.

При регистрации количества денег в казне опись 1570 г. прямо указывает на то, что казна находится “за печатями” епископа “Суздальского и Торусского Пафнутия”²⁹, андрониковского архимандрита Феодосия³⁰, боярина князя Василия Ивановича Темкина, “да дьяка Дмитрея Пивова”³¹. Значит, в составе следственной комиссии в 1568 г. в Соловецком монастыре, помимо указанных в Соловецком летописце лиц, находился и тот самый дьяк Дмитрий Пивов, припись которого читается на дошедшем до нас списке описи 1549 г. Очевидно комиссия интересовалась, прежде всего, монастырской казной, так как опись 1570 г. прямо ссылается на “отписку” казны членами комиссии: “Да денег в казне прибыло после отписки архиепископа Пафнотия, да архимандрита Феодосья, да боярина князя Василия Темкина, да дьяка Дмитрея Пивова...” (Л. 30). Именно в процессе “розыска” и понадобился текст предшествующей игуменству Филиппа описи монастырского имущества, копия с которого (а подлинник тогда еще хранился в монастыре) была изготовлена (естественно, на бумаге 60-х годов XVI в.) и заверена находившемся в составе комиссии дьяком Дмитрием Пивовым. Таким образом, дошедший до наших дней документ является копией 1568 г. текста описи монастырского имущества 1549 г.

Помимо этого важного вывода, данные описи 1570 г. позволяют сделать и еще одно заключение. В тексте описи 1570 г. трижды встречаются отсылки к “отписке подьячего Олеша Григорьева”, т.е. к описи 1549 г.: “А у образов оклад и вставки, яхонты и жемчуг, и гривны, и пелены прибыли после отписки подьячего Олеша Григорьева. Да у Спаса на полатех прибыли четыре придела и образы прибыли после писма же” (Л. 17); “Да прибыло же книг после отписки подьячего Олеша Григорьева” (Л. 22); “А убыло ржи после отписки подьячего Олеша Григорьева...” (Л. 31). Таким образом, опись 1570 г. при регистрации имущества (за исключением казны, описанной, как следует из сопоставления данных источников, в 1568 г. следственной комиссией) ссылается на опись 1549 г. как на предшествующую. Это обстоятельство неоспоримо свидетельствует о том, что никакой описи 1566 г., как отводной от Филиппа, не существовало вообще³², и, может быть, вполне объяснено чрезвычайной исторической ситуацией того времени.

²⁸ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 236–237.

²⁹ Пафнутий – епископ Суздальский и Тарусский с 1567 г., умер 26 ноября 1569 г. См.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 655.

³⁰ Феодосий Вятка – архим. Спасо-Андроникова монастыря в 1567–1570 гг. См.: Строев П. Списки... Стб. 169.

³¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Д. 3. Л. 29.

³² Заметим, что ни в одной из описей архива Соловецкого монастыря XVII и XVIII вв. (см. сн. 27) не указано на наличие какой-нибудь описи 1566 г.

Кроме того, обращаем внимание на самый очевидный показатель, безошибочно дающий хронологическое определение текста: при игумене Филиппе, вместо деревянных, были построены каменные монастырские храмы – Преображенский и Успенский, причем оба с приделами³³, отраженными всеми последующими описями. Если бы рассматриваемый текст относился к 1566 г., т.е. ко времени завершения игуменства Филиппа, то он непременно содержал бы указание на то, что два монастырских храма каменные (ведь это была бы первая опись, которая фиксировала столь радикальные изменения в монастыре!). Сказанное особенно очевидно при сравнении с текстом описи 1570 г., где упомянутые храмы означены каменными и перечислены все их приделы: “Церковь каменная Преображение Спасово...”; “Да у Спаса же в приделе Собор Михаила Архангел...”; “Да у Спаса же в приделе у чудотворцов у Изосимы и у Саватя...”; “Да у Спаса же на полатех придел Собор двенадцать апостол...”; “...на полатех придел Федор Стратилат...”; “...на полатех церковь Ивана Лествичника...”; “...на полатех в приделе Семьдесят апостол...”; “Да церковь каменная Успение Пречистые...”; “Да Успенья Пречистые на полатех престол Ивана Предтечи...”³⁴

В первых же двух описях не упомянут ни один придел или какая-либо иная часть Преображенского храма, кроме алтаря. То же самое можно сказать и о церкви Успения, где речь идет лишь о самом храме, об алтаре и о трапезной. Кстати, только в них церковь названа “теплой” – обычное определение для деревянных трапезных храмов, существовавшее вплоть до XIX в.³⁵ Иными словами, с точки зрения структуры обе церкви в этих описях не претерпевают никаких изменений. В текстах ничто не указывает на наличие в монастыре каменных построек. Даже если предположить, что верхние приделы вновь построенного собора были освящены после 1566 г., то нижние, равно как и придел трапезной церкви, бесспорно, должны были уже существовать к моменту составления описи. Учитывая то, что каменное строительство в монастыре было одним из главных итогов игуменства Филиппа, можно полностью исключить датировку второй описи 1566 г. и определение ее в качестве отводной от Филиппа. Суммируя все сказанное, ее следует отнести только к 1549 г., т.е. ко времени начала игуменства Филиппа.

Сравним теперь состав иконостасов монастырских храмов, зафиксированный первыми двумя описями, что явится еще одним подтверждением только что сделанного вывода. Сравнение составов иконостасов в трех монастырских храмах позволяет утверждать, что за 35 лет, разделяющих описи 1514 и 1549 гг., и через 11 лет, прошедших после пожара, произошли следующие изменения:

1. Местный ряд собора существенно изменился по составу икон, в количественном же отношении число их увеличилось всего на 4, причем в основном за счет левой (северной) его стороны; деисус, состоявший изначально из 11 очень больших – шестнадцатипядных (высотой более 3 м) икон, увеличился на две; пророческий чин оказался дополненным лишь одной иконой Богоматери и появился отсутствовавший ранее праздничный чин, состоявший из 14 семипядных икон. Над северной дверью от старого (“другого”) деисуса, состоявшего также из 11 икон, осталось толь-

³³ Строительство Успенской церкви было начато в 1552 г., храм освящен 15 августа 1557 г.; строительство Преображенского собора – 27 мая 1558 г., его освящение с приделом Архистратига Михаила состоялось в 1566 г., “на Преображение”. В том же 1566 г., но отдельно, был освящен придел Зосимы и Саватя. См.: *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец... С. 235–236.

³⁴ Архив СПб. ФИРИ РАН. Кол. 2. Д. 121. Л. 1, 6 об., 12 об., 15, 15 об. – 16, 16 об., 17, 18.

³⁵ *Уткин Н.Н.* О формировании структуры деревянных приходских храмов и храмовых комплексов на Русском Севере // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1999. С. 93–96.

ко 6³⁶. Кроме того, если в 1514 г. в молитвенном помещении храма иконы, за исключением иконостасных и выносных, отсутствовали, то в 1549 г. их стало предположительно около 50, правда, большинство (?) это ядницы, причем среди них было две иконы соловецких чудотворцев (в 1514 г. их еще не было).

2. В Успенской церкви местный ряд увеличился на три иконы, сохранив старые; без изменений остался деисусный чин, но исчез праздничный; в трапезной к сохранившимся старым иконам прибавилось пять новых, и среди них отметим ядничную икону преп. Зосимы и Савватия и Богоматерь Одигитрию, на полях которой изображены соловецкие “начальники”.

3. В Никольской церкви местный ряд увеличился на две иконы, сохранив старые; деисусный и праздничный чины остались без изменений³⁷.

Таким образом, сообщение Соловецкого летописца о том, что в начале мая 1538 г. “погори монастырь Соловецкой весь до основания”³⁸, является явным преувеличением. Сравнение данных монастырских описей того времени, оказывающихся более объективным источником, убедительно показывает, что пожар для монастыря был далеко не катастрофичным.

После монастырских храмов описи переходят к гробнице преп. Зосимы. Первая описывает ее так: “Да у Изосимова гробу стоит икон: Деисус писан на золоте ядница, икон в нем одинацать. Да икона образ на золоте Пречистыи Одегитрей ядница, да у ней приложоны четыре гривны серебряны, две позолочоны. Да икона образ Пречисты писана [на] золоте ядница. Да икона образ писан на красках, венец золот на его [г]робу. Изосимове осми пядей. А нагробница оболочена камочью. А покров на нем отлас полосат. Да Деисус с празники резан рыбей зубь ядница. Да икона писа[ны] празники яд[н]ица. Да образ Спасов писан на красках пяти пядей”³⁹.

Исходя из логики топографического принципа описания⁴⁰, которому следовали составители описи 1514 г., можно заключить, что гробница Зосимы находится не в каком-то из храмов, а на территории монастыря. Если основываться на Житии Зосимы и Савватия, то его гробница располагалась за алтарем храма Преображения (позднее – под алтарем Зосимо-Савватиевского придела каменного со-

³⁶ Икона Богоматерь Одигитрия в левой стороне местного ряда и весь праздничный чин из 14 семипядных икон, “прибыли” вскоре после окончания составления описи 1514 г., т.е. задолго до пожара, о чем имеется особая приписка в конце первой описи (см. сн. 15). Здесь обращает на себя внимание весьма необычное явление – наличие в одном иконостасе трех деисусных чиннов: один, по-видимому, находился в левой стороне местного ряда и состоял из восьмипядных икон (около 1,6 м), на которых также помещались изображения праздников и пророков; предположительно над ними или, точнее, над северными дверями располагался “другой деисус”, состоявший из 11 семипядных икон (после пожара от него осталось “шесть икон сторонних”). Можно предположить, что в допожарном храме часть иконостаса с северными дверями была каким-то образом обособлена от основного, как это было, к примеру, в иконостасе Рождественского собора Ферапонтова монастыря, где вход в жертвенник, т.е. северная дверь, находилась в глубине за иконостасом, который таким образом имел не плоскостный, а пространственный характер. См.: *Филатов С.В.* Иконостас и интерьер собора Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. М., 1985. Вып. 1. С. 57, 60. На эту мысль наводит то обстоятельство, что описание ведется справа налево и снизу вверх. Так, дойдя до пророческого чина основного иконостаса, писец переходит налево, к верхнему чину северной части иконостаса, “спускаясь” затем к “дверям северским” и далее переходя к алтарю.

³⁷ Различие размеров одноименных икон на одну пядь в иконостасах Успенской и Никольской церквей по первой и второй описям, скорее всего, можно объяснить неточностью определения “на глаз”, без обмеров.

³⁸ *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец... С. 235. См. также: ОР РГБ. Ф. 178. № 9019. Л. 1; *Савич А.А.* Соловецкая вотчина... С. 48.

³⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Д. 1. Л. 3–4.

⁴⁰ Под топографическим принципом описания мы имеем в виду стабильно прослеживающийся по тексту принцип регистрации имущества в соответствии с местом нахождения или хранения предметов в монастыре без предметной систематизации объектов описания.

бора)⁴¹. Действительно, описание предметов в гробнице следует после того, как завершено перечисление вещей в последнем из трех храмов (описание каждого из них завершается регистрацией церковных сосудов), а после гробницы опись сразу же переходит к монастырским воротам и другим предметам, находившимся уже на монастырской территории.

Обращает на себя внимание отсутствие в тексте 1514 г. упоминания о гробнице преп. Савватия, хотя в Житии сказано, что Зосима перенес мощи Савватия в монастырь “и ископавше гроб за олтарем церкви Пречистые Богородицы честнаго ея Успения”, а позднее “възгради гробницу над мощьми блаженаго Савватия и в ней постави иконы...”⁴² Вероятно, в начале XVI в. почитание Савватия еще не было так развито, как культ основателя монастыря Зосимы. Однако икона “Савватей да Василей писаны на золоте трех пядей”, которая упомянута описью 1514 г. непосредственно перед перечислением икон “у Изосимова гробу”, а в описи 1549 г. фиксируется у раки Савватия, и в начале века находилась у неупомянутой особо гробницы Савватия⁴³, располагавшейся, как указывает цитированное Житие, за алтарем Успенской церкви (ныне это место у северной стены часовни преп. Германа)⁴⁴.

Опись же 1549 г. фиксирует каждую гробницу преподобных уже отдельно. Очевидно это были напоминавшие часовни деревянные склепы, в которых находились раки. Причем гробницы были достаточно большими постройками, ибо имели еще сени, а около рак располагалось значительное число больших икон (например, 21 деисусная икона, “икона в киоте болшая чудотворцы в деянии осми пядей”, т.е. высотой 160–170 см, и т.д.) с прикладами (Л. 9). Не случайно в одном из списков Соловецкого летописца в статье под 1566 г. об освящении каменного Спасо-Преображенского собора говорится, что мощи Зосимы и Савватия “пренесены от предел во свою им церковь”⁴⁵.

В Описи, кроме трех храмов с имуществом (Успенская вместе с трапезной и келарской составляет единый комплекс), описаны казна, монастырские солеварни, мельницы, скот и запас хлеба. Анализ текста показывает, что Опись составлена по топографическому принципу: имущество и отдельные предметы регистрируются в соответствии с местом их нахождения на момент обхода. Таким образом, текст дает как бы горизонтальный срез монастырской жизни в определенное время.

Итак, Опись 1514 г. дает нам картину совсем еще небольшого деревянного северного монастыря, при описании имущества которого оказываются упомянутыми

⁴¹ Житие Зосимы и Савватия указывает, что над могилой Зосимы, умершего в 1478 г., спустя три года соорудили гробницу “и поставиша образ Господа нашего Иисуса Христа и пречистыа Богородица...” (ВМЧ. Апрель. 8–12. М., 1912. Стб. 545–546). См. также: *Дмитриева Р.П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси: XI–XVI вв. СПб., 1991. С. 256. В ряде чудес, повествующих о явлениях преп. Зосимы, визионеры видят Зосиму, “идуца от гробницы своая и пришедша в паперть” храма (см., например: ВМЧ. Апрель. 8–12. Стб. 592), или приходят к нему “в гробницу... помолитися” (*Дмитриева Р.П.* Житие Зосимы и Савватия... С. 257). См. также: *Мельник А.Г.* История “деревянного” периода формирования ансамбля Соловецкого монастыря как подоснова для создания музейной экспозиции по его архитектуре // Актуальные проблемы развития историко-архитектурных и природных музеев-заповедников. Архангельск, 1983. С. 77.

⁴² *Дмитриева Р.П.* Житие Зосимы и Савватия... С. 249. См. также: ВМЧ. Апрель. 8–12. Стб. 535. Преп. Савватий, умерший еще до основания Соловецкого монастыря, первоначально был погребен у часовни в местечке Сорока на р. Выг. См.: ВМЧ. Апрель. 8–12. Стб. 514.

⁴³ Образ “Савватей да Василей” (видимо, Василий Великий) упоминается и в последующих Соловецких описях, однако обнаружить икону с таким изображением в современных хранилищах не удалось.

⁴⁴ *Мельник А.Г.* История “деревянного” периода формирования ансамбля... С. 77.

⁴⁵ ОР РНБ. Соловецкое собр. № 245/245. Л. 329 об. Термин “предел” в данном случае означает место на территории монастыря.

даже самые простые бытовые предметы (как, например, медный горшок, находящийся у коровницы на Муксолме). Лишь немногие храмовые иконы, перечисленные в Описи, имеют какой-то приклад (венцы, цаты, вставки драгоценных камней и т.п.). В последующих Соловецких описях уже не будут в такой степени учитываться простейшие орудия труда и бытовые предметы, а в описании икон основное внимание начнет уделяться как раз регистрации драгоценного убранства.

За описанием гробниц следует раздел, позволяющий говорить о важном структурном отличии Описи 1549 г. от Описи 1514 г.: если в последней последовательно проводился “топографический” принцип и при описании храмов указывались все предметы, находящиеся в них, то в Описи 1549 г. при описании храмов не учтены книги и ризы, перечень которых дан в специальном разделе. Последнее обстоятельство указывает на появление признаков некоторой предметной систематизации.

После раздела, посвященного книгам и ризам, Опись 1549 г., так же как и предыдущая, переходит к описанию объектов на территории монастыря: названы 8 колоколов (с указанием веса), клепало, двое часов – большие и малые, “да получасье”, однако при этом опущено наличие колокольной, на которой они должны были располагаться; впервые упомянуты поварни, котлы и ведра, находящиеся в них. Далее перечислен запас в житницах (более полно и дифференцировано, чем в Описи 1514 г.). Затем зафиксирован скот (30 лошадей, 25 волов) и водные транспортные средства (4 лодьи со всей снастью и 15 карбасов). После этого описана недвижимость – мельницы, солеварни, рыбные ловли. Последний раздел Описи 1549 г. в структурном и содержательном отношении отличает ее от всех остальных соловецких описей XVI в. Он посвящен описанию монастырских вотчин с указанием количества земли, мельниц, солеварен, числа жителей, величины монастырского obroka, а также величины той дани, которую жители платили в казну великого князя с солеварен.

Итак, Опись 1549 г. является самой “богатой” по составу описательных статей. Она представляет важный этап формирования структуры документа рассматриваемого типа, поскольку “топографический” принцип составления текста сочетается здесь с определенной систематизацией объектов описания.

Опись 1570 г. дает картину совершенно иного, по сравнению с описью 1549 г., имущественного положения монастыря, того, которое достигнуто усилиями игумена Филиппа за время его управления. Прежде всего, как уже говорилось, соответствующие рубрики текста говорят о том, что Спасо-Преображенский и Успенский храмы стали каменными и получили приделы. Деревянными остались Никольская церковь (в правке основного списка уточнено: “храм деревянной...”)46 и все остальные монастырские постройки, включая и не названную колокольню, но на ее наличие указывают перечисленные восемь старых колоколов, из которых “в большом восемьдесят два пуда”, и три новых, которые были “деланы при игумене Филиппе”. На колокольне находились и “часы болшие с перечасием”47.

В Описи зарегистрированы иконы, кресты, паникадила, находившиеся в каменных Спасо-Преображенском соборе и его основных приделах – Михаила архангела, чудотворцев Зосимы и Савватия (здесь их “раки резаны на левкаसेве позолочены”48), а также в четырех верхних приделах “на полатех”, в церкви Успе-

46 О Никольской церкви и ее первоначальном облике см.: *Мильчик М.И.* Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи // *Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов.* М., 1980. С. 244; *Он же.* У истоков древнерусской иконографии Соловецкого монастыря // *Литература и искусство в системе культуры.* М., 1988. С. 324.

47 РГАДА. Ф. 1021. Оп. 7. Д. 3. Л. 28–29. О предположительном облике деревянной колокольни см.: *Мильчик М.И.* У истоков древнерусской иконографии... С. 324.

48 РГАДА. Ф. 1021. Оп. 7. Д. 3. Л. 11. В этот придел в 1566 г. были перенесены мощи Зосимы и Савватия.

ния и ее единственном до 1605 г. приделе Иоанна Предтечи “на полатех”, трапезной и келарской, наконец, в деревянной церкви Николая чудотворца. Почти все описанные иконы имеют дорогое убранство, а само число икон, крестов, церковной утвари, риз, книг резко возросло. Кроме того, эта Опись, как и последующие, дает ценные сведения для реконструкции монастырских иконостасов, которые, кстати сказать, существенным образом отличаются от тех, что были в первой половине столетия (еще одно доказательство того, что Опись 1549 г. фиксирует иконостасы еще деревянных церквей). Однако эти реконструкции требуют специального рассмотрения.

В едином перечне указаны книги (всего зарегистрировано 295 книг, в том числе 20 Евангелий, поступивших после последней описи имущества) и ризы (тоже с выделением в отдельный список риз, “прибывших” при Филиппе⁴⁹). После этого, как и в Описи 1549 г., указаны колокола (8 старых колоколов и 3 колокола “деланы при игумене при Филиппе”⁵⁰) и часы.

При описании казны основное внимание в Описи 1570 г. уделено регистрации денег, что связано с уже упоминавшимися при рассмотрении вопроса о датировке Описи 1549 г. событиями монастырской жизни. Приведем фрагменты текста из этого раздела Описи, замечательные рядом деталей, воссоздающих сам процесс составления “отчетного документа”: “А денег было в казне за печати епископа Суздальского и Торуского Пафнотья, да андрониковского архимандрита Феодосья, да боярина князя Василья Ивановичя Темкина, да дьяка Дмитрея Пивова в дву коробьях за их печатми денег 2460 рублей. Да по выписи архиепископа Пафнотья же, да архимандрита Феодосья, да боярина князя Василья Ивановичя Темкина, да дьяка Дмитрея Пивова, по их выписи в дву коробьях в розходных, а по выписи денег по их в коробьях было пятьсот семнатцать рублей. И нынече тех денег розходных сорок шесть рублей. А четырехсот семидесяти тритцати алтын нет. А сказали Мисаила келарь да казначей Роман и все соборные старцы, что у них те денги в розходе, да и росход тем денгам сказали, где которые денги в росходе: сто рублей на оклад образом, двесте рублей на рожь; да игумен, де, Паисея взял шестьдесят четыре рубли; да на монастырской на мелкой росход тритцать семь рублей; да было денег Панфиловых сорок девять рублей, а имали мы у него те денги на соблюденье, и мы те денги Панфилу сорок девять рублей отдали; да двенатцать рублей Патруша шваля, да тритцать алтын Безручковых, да Якуша Попова десять рублей, – а сказывали, что те денги имали на соблюденье да и отдали им же... Да денег в казне прибыло после отписки архиепископа Пафнотья, да архимандрита Феодосья, да боярина князя Василья Темкина, да дьяка Дмитрея Пивова, денег в казне двесте дватцать семь рублей и дватцать алтын и девять московок, да десять золотых, да восемь гривен серебряны золочены, да три гривны серебряны золочены плоские, да две денги золотых, да кусок золота. Да в казне же кабал на пятьдесят на пять рублей”⁵¹.

Из описания остального содержимого казны можно заключить, что имущество, в основном, хранится в коробьях, одна из которых сохраняла имя владельца – коробья игумена Филиппа: “Да Филиповской коробьи одиннадцать лисиць красных, да куниць сто тритцать три, да песец”⁵². В казне перечислены: сосуды, жемчуг, ткани (бархат, камка, атлас, изуфрь), сукна, полотна, меха, кожи, железо, одежда (мантии, колпаки, рясы).

В келарской указаны: посуда, скатерти, котлы, сковороды. В житницах: мука ржаная, пшеница, овес, крупы, горох, конопляное семя. В заключение описа-

⁴⁹ Там же. Л. 26.

⁵⁰ Там же. Л. 28–29.

⁵¹ Там же. Л. 29–30.

⁵² Там же. Л. 30.

ния 1570 г. указан скот (71 лошадь, 60 волов), морской транспорт (7 лодей, 15 карбасов), 3 мельницы, толчея, 3 варницы, 27 неводо́в.

Описи второй половины XVI в. фиксируют появление новых строений в монастыре. Так, в Описи 1582 г. впервые упомянуты переходы, в то время еще деревянные, соединявшие трапезную и собор⁵³. Имеющаяся в тексте Описи 1597 г. рубрика “Да на городе наряду” подтверждает наличие каменных стен⁵⁴.

Таким образом, представленный в настоящей статье материал позволяет проследить развитие крупнейшего северорусского монастыря на протяжении целого столетия, а также открывает возможности типологического сопоставления с описями строений и имущества других русских монастырей. Последовательное же сравнение соловецких описей XVI в. друг с другом показывает, что основное направление развития структуры описания заключается в переходе от преобладавшего поначалу “топографического” принципа ко все большему сочетанию его с предметной систематизацией объектов учета.

⁵³ О предполагаемом виде деревянных переходов см.: *Миљчик М.И.* Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря... С. 246.

⁵⁴ Сооружение каменных монастырских стен было завершено в 1594 г. См.: ОР РНБ. ОСПК. Ф. XVII. 12. Л. 236. См. также: *Летописец Соловецкого монастыря.* М., 1790. С. 33–34, 37. Об уточнении времени начала строительства каменных стен см.: *Косточкин В.В.* Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря // *Архитектурное наследство.* М., 1972. Т. 20. С. 33–35.

К ИСТОРИИ ТРАВНИКА ЛЮБЧАНИНА 1533/34 г.

В истории медицины и естественнонаучных знаний Древней Руси особое место принадлежит так называемому Травнику Любчанина – первому переводу на русский язык фундаментального западноевропейского научного трактата – изданного в Любеке в 1492 г. обширного иллюстрированного свода описаний лекарственных растений с указанием на медицинское их употребление¹. Перевод этот, сделанный как указано в его послесловии в 1533/34 г. “полоняником литовским родом немчином Любчянином”, получил большую популярность и под названием “Благопрохладный вертоград” известен в значительном количестве списков XVII–XIX вв.² Переводчик Травника был уже полвека назад отождествлен историками древнерусской литературы и общественной мысли с Николаем Булевым – врачом и астрологом Василия III, сыгравшим значительную роль в борьбе русских церковных публицистов XVI столетия³. Однако большое значение данного памятника для изучения книжных собраний русских царей стало ясно совсем недавно.

Важным этапом в деле изучения состава и содержания книг и текстов, связанных с деятельностью Ивана IV, было издание труда Н.Н. Зарубина “Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание”, подготовленное и дополненное А.А. Амосовым под редакцией С.О. Шмидта (Л., 1982). Это издание до настоящего времени остается наиболее полным сводом сведений о книгах, которые когда-либо могли принадлежать царю (большая часть из них – вклады в монастыри) и о сочинениях, с которыми он должен был быть знаком. Под № 107 и 108 в составленном Н.Н. Зарубиным “Алфавитном перечне книг, связанных с именем Ивана Грозного”, указаны Травники. Имеются в виду две книги, включенные в так называемую “Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов”⁴. В ней упомянуты: “Третьей Трав-

¹ См.: Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков: Очерки по истории до научных и естественно-научных воззрений на природу. М.: Л., 1940. Ч. I–III. С. 268; Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в XI–XVII вв. М., 1976. С. 295–296; Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 246.

² См.: Змеев Л.Ф. Русские врачевники: Исследование из области нашей древней врачебной письменности (Памятники древней письменности. Т. 112). СПб., 1895; Книга, глаголемая “Прохладный вертоград”. Лечебник патриаршего келейника Филагрия / Сост., предисл., вступ. ст., переводы, комментарий. Т.А. Исаченко. М., 1997.

³ См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.: Л., 1947. С. 140; Зимин А.А. Доктор Николай Булев – публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 78–88; Булачин Д.М. Булев (Бюлов) Николай // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1. А–К. С. 101–103.

⁴ “Опись” опубликована в 1850 г. во “Временнике МОИДР” (кн. 7. Смесь. С. 1–46), к сожалению, как это было принято в то время анонимно и совершенно без всяких комментариев, даже без указания места хранения. Исследователи, пользуясь текстом публикации, следовали в датировке памятника издательскому заголовку, т.е. датировали его обычно 1582–1583 гг. (Н.Н. Зарубин) или 1581–1583 гг. (С.О. Шмидт). Однако уже из опубликованного текста видно, что учет имущества продолжался и после смерти Грозного, при царе Федоре, а при обращении к рукописи описи (РГАДА. Ф. 201. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 1037) стало ясно, что речь идет о выписке более позднего времени, вероятно, конца XVI в. Безусловно, памятник нуждается в специальном палеографическом и источниковедческом исследовании, к чему и призывал С.О. Шмидт. См.: Шмидт С.О.

ник в Аптекарской избе, Ивановской Михайлова” и “Книга немецкая на бумаге, знаменье Травник... к той же книге пришито Протасьевское Юрьево”. Возле обеих книг в описи стоят пометы “нет”. Неполнота сохранившегося текста данного источника и точное указание на порядковый номер Травника, взятого в Аптекарский приказ, ясно свидетельствуют, что в Постельной казне Ивана Грозного могли храниться и другие Травники.

Комментируя сообщения данной описи С.О. Шмидт подчеркивал, что «“Врачебники” вызывали немалый интерес в окружении Ивана IV», и в качестве примера приводил сообщение Штадена о переводе для боярина И.П. Челяднина немецкого Травника (“Herbarium”)⁵. Очевидно, Травники – Лечебники – одни из немногих светских книг, которые всегда были в непосредственном распоряжении Грозного царя, страдающего, особенно в последние годы жизни, многими недугами.

Однако списки наиболее раннего из известных Травников – Травника Любчанина, сохранившие прямые указания на наличие его в составе царских библиотек, не были привлечены для их реконструкции.

В проведенном нами исследовании текста послесловия к наиболее известному списку “Благопрохладного вертограда” 1616 г. было показано, что он создавался на основе рукописи, сохранившейся в составе Кремлевской библиотеки, последовательно сменявшей своих владельцев – Иван Грозный, Федор Иванович, Борис Годунов, Василий Шуйский, Лжедмитрий I, и наконец, Михаил Романов⁶). Но настораживал факт отсутствия других следов этой рукописи XVI в., пережившей московское лихолетие. Уже после написания данной статьи нам стал известен более ранний список Травника Любчанина 1533/34 г., близкий по времени к его переводу и заслуживающий самого пристального внимания как уникальный памятник светской книжности первой половины XVI столетия. Рукопись хранится в Центральной научной библиотеке Харьковского университета, уже упоминалась в литературе⁷, но рассматривалась как памятник украинской книжности⁸ и не привлекала внимание историков древнерусской медицины и письменности в целом.

Наконец, исследователь украинского прикладного искусства Я.П. Запаско опубликовал в альбоме “Пам’ятки книжкового мистецтва. Українська рукописна книга” (Львів, 1995. С. 322–324) воспроизведения трех листов рукописи харьковского Травника и теперь очевидно, что перед нами памятник московского происхождения. Рукопись написана характерной деловой русской скорописью первой половины XVI в. Подобными почерками писались грамоты, выходящие из великокняжеской канцелярии. Водяные знаки бумаги подтверждают датировку списка второй четвертью XVI в. (естественно, после 1533/34 г.). Мало того, в самой рукописи имеется запись почерком основного текста, датирующая окончание ее написания – 4 мая 7042 г. В альбоме Я.П. Запаско она и числится с этой (1534) датой. Во всех других списках “Благопрохладного вертограда” 7042 г. датируется перевод Травника немчином Любчанином. Таким образом, перед нами список, наиболее близкий к протографу, возможно, отразивший запись подлинника перевода. Он, так же как и роскошный, очевидно, подносной список 1616 г., содержит

Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 131, примеч. 11*. Это исследование начал Г.В. Жаринов. См.: Архив русской истории. М., 1992. С. 179–184.

⁵ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. С. 131, примеч. 12*.

⁶ Морозов Б.Н. Послесловие 1616 г. к Травнику Любчанина – забытый источник по истории книжных собраний русских царей XVI – начала XVII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000.

⁷ Жинкин Н.П. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского университета им. А.М. Горького // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 468.

⁸ Запаско Я.П. Орнаментовані рукописи XI–XVI ст. в книгозшивищах Української РСР // Матеріали з етнографії та художнього промислу. К., 1957. Вип. 3. С. 157.

рисунки трав. Сделаны они более упрощенно, но можно предположить, что в их воспроизведении участвовал мастер, знакомый, как и автор рисунков Травника 1616 г., с западной живописью. Кроме растений в рукописи XVI в. есть рисунки людей и строений, которых нет в списке 1616 г.

Конечно, окончательные выводы о происхождении данного списка (до его специального кодикологического исследования) делать рано. Но его связь с московской придворной книжностью очевидна. Возможность тиражировать рукопись перевода, созданного великокняжеским медиком, в то время была достаточно ограничена. Отмеченный выше почерк харьковского списка позволяет предположить, что он мог быть создан непосредственно в правительственной канцелярии, не разделенной в то время на различные приказы. Еще один факт может свидетельствовать о происхождении харьковского Травника из царской библиотеки – на его листах около рисунков трав имеются пометы с иными названиями растений, сделанные почерком XVII – начала XVIII в., схожим с почерком аналогичных помет на списке Травника 1616 г. Это может свидетельствовать о том, что рукописи в то время хранились вместе (в Аптекарском приказе?).

Так или иначе вновь вводимый в научный оборот редчайший памятник московской книжности XVI в. позволяет еще раз поставить вопрос о необходимости комплексного изучения рукописей, возможно, связанных своим происхождением с книжными интересами кремлевских правителей⁹.

⁹ Преемственность в создании рукописей, связанных с книжными интересами русских царей можно отметить и при сравнении рукописи роскошного списка 1616 г. Травника Любчанина с одним из наиболее ранних образцов подобного “цветного” старопечатного орнамента – со знаменитым Евангелием 1571 г. – вкладом Ивана Грозного в Благовещенский собор. Несмотря на хрестоматийность в плане изучения золотого оклада, орнамента и письмо хранящегося в Оружейной палате Евангелия 1571 г., практически неизвестны исследователям книжности.

Л.Н. Пушкарев

**ЗАПИСИ НА КНИГАХ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
(На материалах книг Симеона Полоцкого)**

Исследователи давно уже обратили внимание на древнерусскую книгу как источник по истории культуры¹. Еще в XIX в. вышли специальные труды, посвященные записям на книгах². В советской историографии М.Н. Тихомиров³ подчеркивал, что запись на книге является не отображением реальной действительности в письменном историческом источнике, а ее воплощением⁴, подлинная запись имеет неоспоримое датирующее значение. М.Н. Тихомиров дал и первичную систематизацию записей, сгруппировав их в два вида: записи о времени или причинах написания книги и владельческие и запродажные записи. После опубликования статьи М.Н. Тихомирова появился ряд публикаций-записей на книгах из различных собраний⁵.

Однако эти публикации давали лишь количественный прирост сведений. Они состояли из простого перечня записей, расположенных в хронологическом порядке, представляя на долю исследователя осмысление этого богатого источниковедческого материала. Исключением из общего правила являются две статьи Н.А. Баклановой, впервые поставившей вопрос о значении записей на книгах как

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. СПб., 1816. Т. I. С. XXXVI; Головацкий Я. Исторический очерк основания Галицко-русской матицы. Львов, 1850. С. XXV; Срезневский И.И. Древние русские книги: Палеографический очерк. СПб., 1864; и др.

² Петрушевич А.С. Рассуждение о важности исторических записок и надписей яко источнице для нашей истории // Научовый сборник, издаваемый литературным обществом Галицко-русской матицы. Львов, 1865. Вып. 1. С. 1–8; Лебедев А.И. Надписи на старинных книгах // Книговедение, 1896, № 12, прил. С. 3–34 и отд. отт.; Фомин П. Древние церкви в поселке Гродно по надписям на старопечатных книгах богослужбных // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1893. № 19. С. 321–323; Адрианова-Перетц В.П. Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI–XVIII вв. СПб., 1912.

³ Тихомиров М.Н. Записи XIV–XVII веков на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 11–36. См. также: Поздеева И.В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. М., 1978. С. 39–54.

⁴ Подробнее об этом см.: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 88–106.

⁵ Костюхина Л.М. Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 273–290; Асафов К.М., Протасьева Т.М. Записи на книгах старой печати XVI–XVII веков // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 276–344; Сметанина С.И. Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е.Е. Егорова // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 358–396; Гузнер И.А. Записи XV–XVIII вв. на книгах и рукописях собрания ГПНТБ СО АН СССР // Научные библиотеки Сибири и Дальнего востока. Новосибирск, 1973. Вып. 14. С. 84–94; Из более ранних публикаций см.: Риженко Я. Вкладні записи (Матеріяли) // Науковий збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії української культури. Харків, 1927. Ч. VII. Етнологічно-краєзнавча секція. Вып. 1. С. 125–129; Яворский Ю.А. Исторические, личные, вкладные и другие записи в карпаторусских рукописных и печатных книгах XVI–XIX вв. // Науковий збірник товариства “Просвіта” в Ужгороді. Ужгород, 1931. Ч. VII–VIII. Панькевич І. Покрайні записи на підкарпатських книгах // Там же. 1929; Ч. VI. 1939. Ч. XII; Он же. Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах. Прага, 1947; и др.

источника по истории культуры⁶. Среди записей она выделила (помимо владельческих и запродажных) вкладные, закладные, мемориальные, деловые и т.д. Несомненной заслугой автора является попытка установить по записям на книгах социальный состав русского читателя XVII в.

Записи на книгах важны не только для выяснения социального состава русских читателей, уровня развития просвещения, истории библиотек и книжного дела вообще. Они могут дать новые, интересные сведения о судьбе литературного наследия того или иного писателя Древней Руси, или о литературной истории любого произведения древнерусской книжности. Надо сказать, что историки и филологи-медиевисты постоянно используют записи в качестве источника по литературной истории древнерусских повестей и сказаний⁷.

В настоящей статье собраны записи на печатных книгах Симеона Полоцкого. Судьба этого видного поэта второй половины XVII в. давно вызывала интерес у историков и филологов. Одни изображали его родоначальником русской силлабической поэзии и русского национального театра. Другие же видели в нем придворного виршеплета, панегириста царской семьи, писавшего только для дворца, “писателя без читателя”. А он был и тем, и другим одновременно. Да, он – придворный поэт, воспитатель царских детей, штатный панегирист, откликавшийся на мельчайшие события в жизни царской семьи, неустанно и безмерно прославлявший русских царей, которым он верно служил и много сделал для формирования просвещенного абсолютизма. Но вместе с тем Полоцкий – родоначальник силлабического стихосложения, первый известный нам русский автор-драматург, видный проповедник, составитель слов и поучений, книгоиздатель и т.д. И мы вправе говорить о нем как об одном из первых людей Нового времени, жившем еще в условиях допетровской домостроевской Руси. Энциклопедист по образованию, поэт и писатель по призванию, учитель и воспитатель по службе, проповедник и церковно-политический деятель – вот кем был Симеон Полоцкий.

Все важнейшие труды Полоцкого – пьесы, панегирики – создавались для царя, и царское семейство было первым читателем, потребителем и ценителем его творчества. Лишь в самом конце своей жизни, когда на престол вступил его ученик и воспитанник Федор Алексеевич, Полоцкий приобрел, наконец, независимость, получил в свое распоряжение “Верхнюю” типографию и посвятил себя изданию книг. Он умер, держа в руках последнее свое издание – “Псалтирь рифмовторную”. Уже после его смерти были изданы составленные им сборники проповедей – “Обед душевный” и “Вечеря душевная”. Полоцкий был одновременно и видным общественно-политическим деятелем. Он участвовал в работе собора, осудившего раскольников, и составил основной документ – “Жезл правления”. Полоцкий был выдающимся проповедником, мастером ораторской прозы. Он встречался с крупнейшими культурными деятелями – протопопом Аввакумом, Епифанием Славинецким, Паисием Лигаридом, Николаем Спафарием⁸. Он жил в гуще общественно-политических и культурных событий того времени⁹.

⁶ Бакланова Н.А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 197–205; Она же. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 156–193. Представляют значительный интерес следующие статьи: Апанович Е.М. Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 70–86; Она же. Исторические записи на старопечатных и рукописных древних книгах // ИСССР. 1979. № 2. С. 151–161.

⁷ Орлов А.С. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906; Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958; Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964; и др.

⁸ Голубев И.Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 294–302.

⁹ См. об этом: Пушкирев Л.Н. Государство и власть в общественно-политической мысли конца XVII в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 189–197.

Жизнь и труды С. Полоцкого изучены довольно подробно. До нас дошло большое количество документов, связанных с его деятельностью при царском дворе, а свои собственные сочинения он тщательно переписал, готовя их к изданию. Что же дают историку дополнительно записи на его книгах? Эти записи могут быть сгруппированы в два рода: 1) записи самого Полоцкого на принадлежавших ему книгах (а он владел значительной по тому времени личной библиотекой, перешедшей к С. Медведеву, почему это книжное собрание и именуется собранием Полоцкого-Медведева¹⁰); 2) записи на книгах, изданных Полоцким и ставших достоянием читательской публики.

Библиотека С. Полоцкого давно уже стала предметом пристального изучения. Исследователи отметили, что “многие из сохранившихся до нашего времени книг библиотеки Симеона носят следы внимательного чтения: испещрены разного рода заметками и отметками, сделанными его рукой”¹¹. Среди его записей есть и такие, которые могут дать новые сведения для характеристики Полоцкого. Так, в 1960 г. Н.П. Киселев опубликовал две владельческие записи Полоцкого на титульных листах, принадлежавших ему V и IX томов собрания сочинений Иеронима Стридонского 1553 г. Иероним Стридонский (330–419) – один из западноевропейских богословов, канонизированный католической церковью в святые. Его сочинения неоднократно переиздавались, особенно перевод Библии, книги “О знаменитых мужах” и “Жизнеописания отцов церкви”.

На принадлежавших ему книгах Полоцкий оставил запись: “Ex Libris Simeonis Piotrowski Sitnianowicz Jeromonachi Polovensis Or[dinis] S[ancti] Basilii Mag[ni]. A[nn]o D[omi]ni 1670 Aug[usti] 26, Moskovie” (“Из книг Симеона Пиотровского-Ситниановича, иеромонаха Полоцкого, ордена святого Василия Великого. 1670 г., августа 26. Москва”). Публикатор добавляет от себя: “Публикуемые собственноручные записи являются непрерываемым свидетельством того, что в 1670 г. Симеон Полоцкий был и признавал себя базилианцем, – следовательно, униатом, а не православным”¹². А.Н. Робинсон также склонялся к точке зрения Н.П. Киселева, оправдывая униатство Полоцкого тем, что оно представлялось ему “Единственно приемлемой формой сближения западноевропейских и восточноевропейских традиций и культур”. Правда, автор добавлял, что униатство Полоцкого представляется ему “удивительным обстоятельством”: “выдавая себя в Москве за православного, в душе он оставался униатом”¹³.

Полагаю, что оба автора ошибочно истолковывали владельческую запись Полоцкого как непрерываемое доказательство его униатства. Ведь необходимо иметь в виду, что сам прием монахов в этот орден был сложным. Они обязаны были иметь на голове *тонзуру* (выбритый, по обычаю латинского клира, кружок на макушке). Удаление из ордена было сопряжено с еще большими трудностями, юридически невозможно: “Поступивший в орден должен был знать, же вечным в законе невольником мает зостати... Кто кольвек хочет выйти з закону и просити о вызволене з него, – сказано в конституциях ордена, – пущати его не маем”¹⁴. У нас нет ни одного свидетельства, подтверждающего униатские взгляды Полоцкого. Правда, современники иногда сомневались в искренности его взглядов.

¹⁰ Луптов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 123–126. Описание этого собрания опубликовано И.Е. Забелиным. См.: Временник МОИДР. М., 1853. Кн. 16. С. 53–67. См. также: Слуховский М.И. Библиотечное дело в России до XVII века. Из истории книжного просвещения. М., 1968. С. 108–109.

¹¹ Еремин И.П. Симеон Полоцкий // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. Литература 1590–1690 гг. С. 343.

¹² Киселев Н.П. О московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 11. С. 166.

¹³ Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 49.

¹⁴ Коялович М.О. История базилианского ордена // Христианское чтение. 1864. № 1. С. 39.

Евфимий Чудовский прямо называл Полоцкого “униатом суца римского костела”¹⁵. Но ведь это был обычный полемический прием, широко употреблявшийся в церковно-дискуссионных спорах того времени, когда любое уклонение – действительное или мнимое – квалифицировалось как латинство или униатство. Нам известно, что Полоцкий после окончания Киево-Могилянской академии с 1651 по 1653 г. учился в Виленской иезуитской коллегии, затем преподавал в Полоцкой братской школе, а 8 июня 1656 г. принял иноческий чин под именем Симеона¹⁶ в Полоцком Богоявленском монастыре. Этот монастырь, действительно, одно время числился среди униатских. Однако уже во время воссоединения Украины с Россией и начавшейся после этого войны с Польшей Полоцкий монастырь был отторгнут от униатов. Полоцкий был пострижен в монахи по православному обряду. Игуменом монастыря был известный киевский преподаватель богословия Игнатий Иевлевич, бывший ставленником Никона. До нас дошли документы, описывающие пострижение Полоцкого и приветственное слово Иевлевича, сказанное в монастырской трапезной. Итак, нет никаких оснований сомневаться в православном пострижении Полоцкого.

Правда, Богоявленский монастырь позднее вновь отпал от православия и стал униатским¹⁷. Вот как раз этот факт и отразился во владельческой записи Полоцкого, отметившего, что он является монахом Богоявленского ордена св. Василия монастыря. В то время было принято добавлять, монахом какого именно монастыря является то или иное лицо. Владельческая запись Полоцкого, на мой взгляд, не может служить неопровержимым доказательством униатства Полоцкого. Да и трудно допустить, чтобы униату доверили редактировать и издавать труды церковного собора 1666 г. и воспитывать царских детей!

Это вовсе не означает, что Полоцкий был православным ортодоксом. Наоборот, он всегда отличался гибкостью, особенно в вопросах веры, терпимости, умением понять чужие взгляды и мнения. Мог ли Полоцкий поддерживать какие-то отношения с униатами? Конечно, мог. Вполне вероятно, что и книги Стридонского он получил от униатов, высоко ценивших работы видного богослова. Возможно, что и владельческую запись на подаренных ему книгах он сделал по-латыни в присутствии дарителя этих книг, чтобы подчеркнуть свою веротерпимость.

Обратимся теперь к записям на старопечатных книгах, изданных Полоцким. Записи могут быть разбиты на три группы. Первая – произведения, написанные задолго до Полоцкого и только им переизданные. Это – “Тестамент Василия царя греческого” и “Повесть о Варлааме и Иоасафе”. Вторая группа – сочинения, составленные либо отредактированные самим Полоцким: “Жезл правления” и “Букварь языка словенска”. Наконец, третья – собственные авторские труды Полоцкого, изданные им или в патриаршей типографии (“Поучения” 1668 г., без имени автора), или в “Верхней” типографии (“Псалтирь рифмотворная”, “Обед душевный” и “Вечеря душевная”).

Большая часть его трудов издана в “Верхней” типографии, независимо от духовной цензуры. Полоцкий сумел привлечь для работы в ней лучшие силы того времени.

Обращаясь к записям на книгах первой группы, прежде всего отметим назидательный характер переизданных Полоцким книг. Это не было случайностью.

¹⁵ Цит. по: *Татарский И.* Симеон Полоцкий (Его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886. С. 33. См. также: Остен. Казань, 1865. С. 75, 108.

¹⁶ *Пушкарёв Л.Н.* Симеон Полоцкий // *Жуков Дм., Пушкирæв Л.* Русские писатели XVII в. М., 1972. С. 213.

¹⁷ *Петров В.* Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1870. Т. 2. С. 493–494; Т. 3. С. 404, 435.

Вся деятельность Полоцкого была связана с просвещением и воспитанием. В одном из своих стихотворений он прямо говорит, что не тот мудр, кто много читал, видел и знал, а тот, кто ведаёт, как это употребить к добру, а не ко злу¹⁸. Не случайно свои печатные издания Полоцкий предназначал как раз для нравственного воспитания читателей, в первую очередь учащихся. Таков “Тестамент”, приписываемый императору Василию Македонянину и изданный Полоцким в 1680 г., как сказано в предисловии, “повелением царя Феодора Алексеевича и с благословения патриарха Иоакима”. Оригиналом для издания послужил рукописный перевод под названием “Главы показательны царский Василиа царя греческаго к сыну его и царю Льву”. Это – назидание, нечто вроде очерка общественной и частной морали, свойственной верхам византийского общества IX в. Русский перевод с греческого был выполнен не ранее XV в. “Тестамент” в том виде, в каком он дошел до нас, – это нравоучительные наставления для сына царя Василия – Льва Философа, воспитанника патриарха Фотия. Славянский перевод “Тестамент” был широко известен на Руси. Достаточно сказать, что в первой половине XVII в. он дважды был опубликован в Киеве (1638 и 1646 гг.). Но Полоцкий взял для своего издания не первопечатный текст, а рукописный перевод, слегка подправил его и издал, снабдив стихотворным предисловием (“Увещание к читателю”). В нем Полоцкий прежде всего утверждает, что добронравие – это не природное свойство, а следствие воспитания и обучения:

Аще не родом, но весьма с науки
Добронравие идет от рук в руки¹⁹

Полоцкий убеждает родителей в необходимости воспитывать детей собственным примером. Как плод падает вблизи дерева, так и ребенок от отца получает нравственное начало. Поэтому и мать, и отец должны тщательно оберегать ребенка от зла, от дурного примера. Нельзя при этом не обратить внимания на то, что Полоцкий призывает участвовать в воспитании не только отца, но и мать. Это – новая для того времени идея: предшествовавшая русская педагогическая мысль отдавала предпочтение в воспитании детей только отцу. Полоцкий же пишет:

Ты убо родший и честная мати
Тщитесь чада ваши соблюдатьи²⁰

Автор подчеркивает необходимость личного примера в воспитании, а в заключение убеждает: детей необходимо учить не только богатых, но и бедных. Интересен и тот факт, что, спустя два месяца после выхода в свет, “Тестамент” был перепечатан в Киево-Печерской лавре. При этом к тексту было написано новое предисловие и добавлен “Стоглав” Геннадия. То, что издание “Тестамент” Полоцкого пользовалось популярностью, можно подтвердить не только переизданием его на Украине, но и владельческими записями на экземплярах этой книги.

Назидательной является и вторая из книг этой группы – “Повесть о Варлааме и Иоасафе”. Она издавна пользовалась известностью еще в рукописной традиции и, как и “Тестамент”, была издана печатным способом в Киеве. Полоцкий использовал это издание, снабдив повесть стихотворными предисловиями, а А. Трухменский по рисунку С. Ушакова выполнил выходную гравюру. На ней изображен старец Варлаам, пришедший под видом купца к царевичу Иоасафу и рассказывающий ему о христианской вере. Силлабические вирши Полоцкого из предисловия к этому изданию с течением времени фольклоризировались и вошли

¹⁸ ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 283. Л. 302.

¹⁹ Тестамент Василия царя греческого. М., 1680. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Л. 3. См. об этой книге: *Сетин Ф. И.* “Тестамент” в издании Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 105–115.

в число так называемых духовных стихов. Среди них наибольшей популярностью стал пользоваться стих “О прекрасной матери-пустыне”. Он построен в виде диалога царевича Иоасафа с “мати-пустыней” как носительницей аскетического идеала. Особенно широко этот стих был распространен в старообрядческой среде, а также между сектантами: для них уход в “пустыню” был одной из форм протеста против строя новой жизни²¹.

Среди книг, которые Полоцкий сам составлял или редактировал, выделяется “Жезл правления” – труды собора 1666 г. В начале книги имеется посвящение царю Алексею Михайловичу от патриарха Иоасафа²². Полоцкий, как известно, отредактировал документы собора и составил своеобразный богословско-полемиический трактат, посвященный разбору “челобитной” попа Никиты и “рукописания” другого расколоучителя – попа Лазаря. Вторая книга из числа составленных Полоцким – “Букварь языка словенска”. Он был издан им в 1679 г. и предназначался, по-видимому, для Петра I. В букваре много собственных стихов Полоцкого, в которых он убеждает детей прилежно учиться и слушаться старших и учителей. До нас дошло небольшое количество экземпляров “Букваря” – обычная судьба всей учебной литературы. По этим книгам учились грамоте, а выучившись, выбрасывали за ненадобностью. Но все же на некоторых сохранившихся экземплярах имеются записи²³.

В группе печатных книг, в которых Полоцкий выступает и автором, и издателем, отметим прежде всего его первые проповеди, изданные анонимно в 1668 г. Полоцкий был одним из первых, кто выступил с устными проповедями во второй половине XVII в. Они дошли до нас в небольшом количестве экземпляров, что вполне объяснимо: это были пособия для священников, которые активно пользовались ими и часто зачитывали. Записей на сохранившихся экземплярах мало.

Совсем другое дело – “Обед душевный” – солидная книга слов и поучений, украшенная выходной гравюрой А. Трухменского. Она начинается стихами Полоцкого, обращенными к читателю. Фундаментальное издание издавна пользовалось почетом и уважением среди духовенства. Эту книгу часто завещали в монастыри, а если и продавали, то делали в ней соответствующую запись. Среди таких записей есть и весьма подробные, дающие представление о той среде, в которой бытовала эта книга. Имеются сведения о ее продажной цене. Есть и вкладные жалованные записи царя Федора Алексеевича и царевичей Петра и Иоанна. Сходную судьбу имела и книга Полоцкого “Вечеря душевная”, начатая им еще при жизни, но вышедшая в свет уже после его смерти. Книга пользовалась большой и заслуженной популярностью, дошла до нас в значительном количестве экземпляров²⁴.

Последней книгой Полоцкого, изданной при его жизни, была “Псалтирь рифмотворная”, на которую выдающийся русский композитор XVII в., государев певчий дьяк В.П. Титов, сочинил музыку. Псалтирь пользовалась прочной популярностью вплоть до XIX в. Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, а позднее Федор Глинка и Тарас Шевченко обращались в своем творчестве к псалтири Полоцкого, а для Ломоносова она была, как известно, “воротами учености”. Судя

²¹ См. об этой повести: *Сидорова Л.П.* “Повесть о Варлааме и Иоасафе” в издании Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. С. 134–147.

²² На основании этого посвящения, А.С. Зернова уточняет датировку “Жезла правления”: не ранее 10 февраля и не позднее 10 июля 1667 г. См.: Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. V. С. 109; *Макарий (Булгаков)*. История Русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 681. См. также: *Демин А.С.* “Жезл правления” и афористика Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. С. 60–92.

²³ См. об этой книге: *Сетин Ф.И.* “Буквари” Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI–XVII вв. // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. С. 93–104.

²⁴ См. об этой книге: “*Елеонская Е.С.* Работа Симеона Полоцкого над подготовкой к печати книг “Обед душевный” и “Вечеря душевная” // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. С. 152–202.

по записям на дошедших до нас экземплярах книг, они считались ценным имуществом, хранились в библиотеках духовных академий, после смерти владельца переходили по наследству²⁵.

К каким же выводам можно прийти в результате рассмотрения записей на книгах, изданных Полоцким? Прежде всего следует решительно отвергнуть высказывавшуюся ранее мысль, что Полоцкий был “писателем без читателя”. Нет, его книги пользовались популярностью, читались в самых разнообразных слоях общества. Среди этих читателей были лица царской фамилии, видные общественно-политические деятели (например, Стефан Яворский), бояре, стольники, князья, военные, приказные, канцеляристы, купцы, мещане, крестьяне. Вплоть до XIX в. книги Полоцкого читались, покупались, продавались, завещались по наследству, вкладывались в монастыри. Есть записи, в которых передано отношение читателей к творчеству Полоцкого, его оценка как проповедника (см. **Приложение**).

Записи на книгах Полоцкого дают право утверждать, что осуждение Полоцкого как еретика и запрещение патриарха Иоакима пользоваться его книгами не оказало никакого влияния на судьбу литературного наследия писателя. Книги Полоцкого вкладывались в монастыри и церкви членами царского семейства, они служили материалом для назидательного чтения, бережно хранились в ризницах и библиотеках духовных академий. Нам не встретилось ни одной записи, говорящей о сомнениях читателей в истинности и правоте этих книг. И это еще одно доказательство того, что Полоцкий не был униатом. Изучение записей на книгах Полоцкого полнее раскрывает облик одного из образованнейших людей второй половины XVII в., стремившегося “приобщить читателя ко всемирной культуре, к ее литературным традициям”²⁶.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Записи на книгах, изданных С. Полоцким

“Тестамент Василия царя греческого” (М., 1680)

В ОР РГБ “Тестамент” имеется в трех экземплярах, на двух есть записи. Экземпляр Московского публичного и Румянцевского музея № 415 (инв. № 1517). Записи скорописью XVII в.: 1) на л. 103 об. “Сия книга глаголемая Тестамент государственной вотчинной... канцеляриста Семена Жилева”, 2) на обороте нижней крышки переплета: “7201-го году в месяце сентябре было пришествие на Алатырь преосвященнейшего митрополита нижегородского и алатырского Павла”. На экземпляре Московского публичного и Румянцевского музея № 2618 (инв. № 5580) запись по листам 8–22 скорописью XVIII в.: “Сия книга глаголемая Тестамент сиречь или завет Василия царствующего града Москвы Ингермоланской дворцовой канцелярии подьячего Михаила Андреева сына Коврова”. Запись на л. 1. скорописью начала XVIII в.: “Михайло Васильев”.

В ОР РНБ это издание имеется в шести экземплярах, записи обнаружены на двух из них. Экземпляр из библиотеки И.П. Коротаяева (инв. № 1687). На л. 91 запись скорописью XVIII в.: “Михаил Дружинин”. В конце приплетено “Слово Геннадия о вере” из букваря 1679 г. (л. 1–36). На экземпляре инв. № 1689 записи скорописью XVII в.: на л. 1 “Харитошко”; на об. последнего чистого листа скорописью XIX в.: “1835 года месяца иануария в 28 день представилась раба божия Пелагия девица в 7 часов вечера. Месяца февраля в 8 день представилась раба божия Татиана”.

²⁵ См. об этом: *Державина О.А.* Симеон Полоцкий в работе над “Псалтырью рифмотворной” // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. С. 116–133.

²⁶ *Лихачев Д.С.* Писатели и книжники Древней Руси // *Жуков Дм., Пушкин Л.* Русские писатели XVII века. С. 7.

В ОР БАН это издание имеется в двух экземплярах, на экз. инв. № 1440 СП запись на л. 1 скорописью XVIII в.: “Книжна лавка 1762 декабря”.

“Повесть о Варлааме и Иоасафе” (М., 1681)

В ОРК РГБ “Повесть о Варлааме и Иоасафе” имеется в пяти экземплярах, записи обнаружены на двух из них. Экземпляр ОИДР, отд. 22, № 63 (инв. № 1742), пометы на л. 1 скорописью XIX в.: “1.32. П.П. Бекетов. 9 февр. 1815 г.” “Апр[еля] 19 1847 года, отд. II. № 63. Строев”. На последнем чистом листе при переплете скорописью XVIII в.: “Григорей Осипов”. На экземпляре инв. № 7749 запись по л. 19–138 скорописью XVIII в.: “Лета 7189 марта в день сию книгу преподобного Иоасафа царевича индийского дал вкладом в дом святого Богоявления господя Бога нашего Иисуса Христа и пресвятыя владычицы наша Богородицы и присно девы Марии честнаго и славнаго ея Благовещения и святаго и славнаго пророка Илии и иже во святых отца нашего великаго святителя Николая архиепископа Мирликийскаго чудотворца, и преподобнаго отца нашего Никодима чудотворца, и преподобнаго старца монаха Серапиона, начальника святыя его обители, и в его преподобнаго отца труды и строение, в Кожеозерский монастырь того ж монастыря постриженник монах Никифор ради поминания и будущаго ради покоя во веки неотъемлемо. И сей книги и святой божии церкви и из монастыря не продать, ни за дол[г] отдать, ни заложить, ни сродником отдать, ни по душе поминником. А будет кто сию книгу продаст, или за долг отдаст, или заложит, или сродником отдаст, или по душе поминником кому отдаст, тако же и кто сию книгу купит, или в закладе, или в долг возьмет, или за поминанье по душе, или насилием, или украдом возьмет, то не будет им милости божию получитьи ни в сем веце, ни в будущем. Да будет на них клятвы святых отец, яко на разорителей церковных, созидателем святых божиих церквей и монастырей, от Бога милость и воздаяние, и в будущем веце и грехов отпущение, а от человека вечное поминовение, а разорителем святых божиих церквей и монастырей от человек вечная клятва, а в будущем веце безконечное мучение”.

В ОР РНБ это издание имеется в семи экземплярах, записи обнаружены на четырех из них. Экземпляр из библиотеки гр. Ф.А. Толстого (инв. № 1407). Запись по л. 1–20 второго счета скорописью конца XVII в.: “200-го году июля в 20 день сия книга гостиной сотни Стефана Иванова сына Носова, Стефана Иванова сына Носова, а куплено в книжном ряду у Федора Хоритонова”. Экземпляр инв. № 1409, записи: 1) на чистом листе при верхней крышке переплета скорописью XIX в.: “Сия книга игуменьи Рафаилы, 1855-го куплена”; 2) на л. 1–13 скорописью конца XVII в.: “[Сия книга] глаголемая История, или Повесть о преподобном отце Варлааме и о царевиче Индийском Иоасафе Феодора Ивановича Нелизова, а подписал своею рукою лета 7191-го мая в 18 день”. Выходная гравюра раскрыта от руки. Экземпляр из имп. Эрмитажной библиотеки, инв. № 1411. Запись на л. 1–II скорописью конца XVII – начала XVIII в.: “Сия книга История царя Иоасафа окольничего князь Юрья Федоровича Щербатова”. Экземпляр из библиотеки ОЛДП (инв. № 1412). Записи: 1) на титульном листе скорописью конца XVII в.: “Из книг Александра Дирина”; 2) на л. 5–48 скорописью конца XVII в.: “Лета 7197 июня в 12 день сия книга о преподобном отце Варлааме Пустыннотителе и о Иоасафе царе индийском... [далее не разобрано] иеромонаха Димитрия Вол[о]димирца иво келейная святыя... мне, иеромонаху Димитрию... [далее стерто, не разобрано]”.

В ОР БАН эта повесть имеется в 11 экземплярах, записи обнаружены на 9 из них. Экземпляр инв. № 6611 СП, без начала. Записи: 1) на обороте верхней крышки переплета скорописью XVIII в.: “Сия книга казенная Красногорского монастыря казенная образ[а] богоматери Грузинской и Владимирской. Положил сию книгу...” 2) по л. 10–13 скорописью XIX в.: “Принадлежит Красногорскому монастырю 1874 г.” (запись повторена на л. 6–8 второго счета); 3) по л. 8–142 скорописью конца XVII в.: “Лета 7190 года февраля в 24 день дал сию книгу в дом пресвятыя Богородицы в Черногорской монастырь государев царевен... [одно слово не разобрано] крестовой дяк Иоан Корнильев сын Шушерин по себе и по своих родителей в вечное поминовение. А кто сию книгу каким злым умыслом своим похитит сию книгу, от святей обители сия, да воздаст ему Господь Бог, яко же и древнем святотатцам Ахару сыну Хармиеву и Анани, и Сапфире в сий век и в будущем”. Экземпляр инв. № 472 СП. Записи: 1) по л. 5–20 скорописью XVIII в. “Сия книга глаголемая История о Иоасафе царевиче индийском обители пречистые богоматери Тихфинския казенная, подписана 1749 г.”; 2) по л. 2–11 скорописью XVII в., стерта, можно разобрать: “Сия книга... Ивашка... подписал сам своею рукою”; 3) на л. 215 об. скорописью начала

XVIII в.: “Продал я, Иван Петров”. Экземпляр инв. № 474 СП. Записи: 1) на л. I об. скорописью XVIII в.: “Александровского монастыря”; 2) по л. 1–21 скорописью конца XVII в.: “Книга Александровского монастыря Свирского чудотворца”. Экземпляр инв. № 471 СП. Запись по л. 1–164 второго счета латинской скорописью начала XVIII в.: “Sija kniga hlagolemajaja Warlaama Josafa carewicja indiskago sobornogo starca Iony Daszkowa” Экземпляр инв. № 469 СП. Записи: 1) на обороте верхней крышки переплета скорописью XIX в.: “Из книг Варвары Евгеньевны Кашкиной”; 2) по л. 1–2 скорописью конца XVII в., обрезана при переплете. Экземпляр имп. Эрмитажной библиотеки (инв. № 475) Запись по л. 5–67 скорописью XVIII в.: “Сия история Аристарха Васильева сына Малаховцова, а потъписал сын ево Василей Аристархов”. Экземпляр инв. № 576 СП. Запись по л. 1–6 скорописью конца XVIII в.: “Книга житие Иоасафа царевича старца Иосифа Казанца”. Экземпляр инв. № 6654 СП. Запись на л. 1 об. скорописью XIX в.: “От И.Г. Калашникова”. Экземпляр инв. № 576 СП. Запись на л. 1 об. скорописью начала XVIII в.: “1708-го марта в день куплена на Москве, дана два рубли”.

“Жезл правления” (М., 1667)

В ОРК РГБ книга “Жезл правления” имеется в пяти экземплярах, запись обнаружена на одном: экземпляр библиотеки Московской духовной академии (инв. № 5229). Записи: на л. 1 предисловия скорописью конца XVII в.: “...наследная... отная” [утрачено 5–6 букв]. На л. 30 помета читателя Московской духовной академии, сделанная в середине XIX в., там, где обличается ересь Никиты: “Катай его!”, а на л. 68 об., где Никита назван “Раскольник проклятый, уд согнивший, ветвь засохшая” и т.д. – “Брань”.

В ОР РНБ “Жезл правления” имеется в семи экземплярах, записи обнаружены на шести из них. Экземпляр из библиотеки Соловецкого монастыря, позднее принадлежал библиотеке Казанской духовной академии (инв. № 5180). Записи: 1) на л. I скорописью конца XVII в.: “197-го году октября в 21 день подписал Понайской волости житель воскресенской крестьянин Ивашко Григорьев сын Русин, а дал сию книгу Варзежаной волости патриархов крестьянин Павел Литов сын Москвитин, а дал в прошлых во сто девять первом году августа в 16 день”. На этом же листе две записи тайнописью от 7195 (1687) г.; 2) на л. II скорописью конца XVII в.: “190-го августу в 18 день сия книга понойца, нареченная Жезл”. На л. III скорописью конца XVII в.: “На Макаре брате 4 денги за то, что на караул, дано”. “На Иване брате 2 денги”. Экземпляр инв. № 4347. Записи: 1) на обороте верхней крышки переплета скорописью XIX в.: “Сия книга Антона Климова, читал и подписал своеручно 1843 года октября 10 числа”; 2) на л. III об. скорописью конца XVII в.: “Книга Казанского Успенского девича монастыря протопресвитера Андрея Сатлинеева келейная”. Экземпляр инв. № 1285. Запись на л. II скорописью конца XVII в.: “Сия книга Жезл стольника Василья Микитича Панина”. Экземпляр из библиотеки гр. Ф.А. Толстого (инв. № 1286). Записи: 1) на обороте верхней крышки переплета скорописью XIX в.: “Сия книга купца Евфатирия Ламско [далее оборвано]; 2) на л. 2–20 скорописью конца XVII в.: “Сия книга сибирского... [одно слово не разобрано] человека Михая Ивановича Шахрил, уступил сию книгу отцу своему духовному попу Василью Силову не в продажу. А ежели хто в сию книгу хто вступитца, и то ей буду ответствам”. Экземпляр инв. № 1287. Записи: 1) на обороте последнего листа скорописью конца XVII в.: “Сия книга костромитина Алексея Годуна”; 2) там же скорописью начала XVIII в.: “Сию книгу продал я, поп Дидов, 1704 году марта 27 дня”. Экземпляр из древлехранилища Погодина (инв. № 1288). Записи: 1) на л. 1–96 скорописью начала XVIII в.: “Сия книга Жезл умершаго архидиакона Евфимия, а по исходе души своєю отказал Геронтию, того же монастыря постриженнику, по своей души в вечное поминовение. А он отказал, Геронтий, по исходе души своєю в вечное поминовение того же монастыря Воскресенского бельцу Ивану Никифорову сыну Осокину. А кто в сию книгу в Жезл вклепитца, и тот буди проклят. 1714-го году февраля 5 дня. А потписал я, Иван Асокин, при нем, иеромонахе Геронтие, по ево, Геронтиеву, веленью, я, Иван Асокин, своєю рукою, нынешнего 716-го году марта в 23 день в обители святого живоноснаго Христова Воскресения в руки ево, Геронтиево”; 2) на л. 18 об. скорописью начала XVIII в.: “Сия книга глаголемая Жезл правления Ивана Павлова сына Рылова, подпсал своєю рукою”; 3) на л. 47–53 скорописью начала XVIII в.: “Сия книга Жезл Никифор Асокин Воскресенского монастыря монаху Павлу поступилса за долговые денги, кои я, Никифор, у него, Павла, занел, четыре гривны, и подпсал я, Никифор Асокин, своєю рукою 1721-го году мая 3-го дня”.

В ОР БАН “Жезл правления” имеется в девяти экземплярах, записи обнаружены на шести из них. Экземпляр инв. № 6717 СП. Записи: 1) на л. 1 скорописью XVIII в.: “Из библиотеки архиепископской Холмогорской”; 2) на л. 1–6 скорописью XVIII в.: “1759 году в ноябре месяце преосвященнейший архангелогородский и холмогорский положил сию книгу в помяновение души своея в Холмогорскую архиепископскую библиотеку”. Экземпляр из собрания Михайловского (инв. № 369 СП). Запись на л. 1–65 скорописью XVIII в.: “1770 году апреля 27 числа сия книга пожалована Правительствующего сената типографии от капи[и]ста Тимофея Арефьева племяннику по жене родному государевы и великой вотчинной коллегии канцеляриста Ивана Васильева сына Леонтьева сына его Василья, коему вручив для памяти моей жизни, а по смерти для поминовения”. Экземпляр инв. № 395 СП. Запись на л. 3 об. скорописью XVIII в.: “Сия книга Тихфина болшаго монастыря церковной ризницы, подписана лета 7275”.

Экземпляр инв. № 391 СП. Запись на л. 19–65 скорописью XVIII в.: “Сия книга тульскаго мещанина Ивана Карпова сына Сиднева”. Экземпляр из библиотеки Н.К. Никольского (инв. № 723 СП). Записи: 1) на л. 1–9 – обрезана; 2) на л. 88–235 скорописью конца XVII в.: “Ивашка Иванов сын по благословению отца своего священноинока Иосифа и дяди своего священноиерея Мартинияна Иванова по назову Окоемовых, а по новья призови Шатрикова адал за сию книгу в тетратех двадцать алтын, а переплетал сию книгу вдовой поп Мартиниян сам про себя. А держать нам, братиям, сия книга сами про себя, а без ведома друг друга нам сию книгу не продать, ни заложить. А хто в сию книгу каким вымыслом ложно вступитца и утаит у себя или потпишет, и на нем буди клятвая господня и казнь, яко же на Аниани и жене его Сапфири, утаивших цену своего и пред ногами апостол восприяша себе от Бога казнь и смерть своего ради утаения. А сия книга Жезл правления не продана, не заложена никому по 190 год. А во сто 90-м году по указу преосвященного Корнелия, митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго по грамоте борошенмой чернца Михаила Шатрикова переписали и в казну взяли. А что борошну есть, и той роспись в крепостные казны у старца Максима роспись в борошне осталася, и сия книга Жезл. А меня, чер[н]ца Михаила, повезли в крестной монастырь под начало до его, великого архиеерея, указу, до разрешения и прощения, взят на сбережение в казну”; 3) на обороте чистого листа при нижней крышке переплета скорописью конца XVII – начала XVIII в.: “Сия книга Сийского монастыря”.

В Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике есть экземпляр “Жезл правления” с записями: 1) на л. 1 скорописью конца XVII в.: “Отдана в дом пресвятые Троицы в Островоезерский монастырь что в селе Восме в домин души Анны Магдебургской лета 7199 июля в 26 день погребения тела ея”; 2) на л. 151 почерком XVIII в.: “Борис Петров”; 3) на внутренней стороне нижней крышки переплета скорописью XVIII в. “Кто желает хранить церковное право, тот старайся сию книгу иметь в уме здраво. И естли сохранит писанное в ней сердечно, не может погрешить против веры и церкви вечно”; 4) на л. 1–10 скорописью XIX в. “Принадлежит Троицкому Островоезерскому монастырю”.

“Букварь языка словенска” (М., 1679)

В ОРК РГБ “Букварь” имеется в трех экземплярах, записи обнаружены на двух из них. Экземпляр инв. № 6578. Запись на л. 1 скорописью конца XVII в.: “Семен Минин”. Экземпляр из библиотеки Ниловой пустыни (инв. № 2798). Запись на л. 4–67 скорописью конца XVII в.: “Лета 7188 марта в 1 день куплена сия книга в Нилову пустынь в Столбенский монастырь на монастырские казенные деньги. Подписал строитель старец Андрейян”.

В ОР РНБ “Букварь” имеется в четырех экземплярах. Записи обнаружены на двух из них. Это экземпляр из библиотеки гр. Ф.А. Толстого, (инв. № 1678). Записи: 1) на л. 2–5 скорописью конца XVII в.: “Сия книга глаголемая”; 2) на л. 12–25 скорописью XVIII в.: “Сий букварь паимар Ивана Львова ево дамовая”; 3) на л. 102 об. скорописью XVIII в.: “Сей букварь града Кошири посадского человека Козме Еремеев сына Митрофанов, потписал своею рукою 1762 году”. Экземпляр, инв. № 1679. Запись на л. 3–9 скорописью конца XVII в.: “...Данилова и сына ево, по каторая училися у Алексия божественному писанию”.

В ОР БАН “Букварь” имеется в двух экземплярах, оба с записями. Экземпляр инв. № 1417. Записи: 1) на л. I скорописью XVIII в.: “Свешникова. 1756 апреля 8”; 2) на обороте последнего листа скорописью XVIII в.: “714 апреля”. Экземпляр инв. № 6478 СП. Запись на л. 1–17 скорописью конца XVII в.: “Иеромонаха Никодима келейная наября в 25 день сию книгу архимандрит Никодим отдал в дом живоначальные Троицы Антония чудотворца во свое обещание в Киевский монастырь по себе и по родным”.

В ОР РГБ “Поучение о благоговейном стоянии” имеется в двух экземплярах, оба без записей. Кроме того, там же два поучения Полоцкого в четырех экземплярах, записи обнаружены на двух из них. Экземпляр инв. № 2851. Запись на л. 24 об. скорописью конца XVII в.: “Лета 7187 генваря в 11 день дано сие поучение от великого архиерея в дом пресвятые богородицы Гребневские для пользы всем православным христианом”. Экземпляр инв. № 5584. Запись на листе при нижней крышке переплета скорописью конца XVII в.: “Сию книгу дал вкладу чудотворцу Сергию книг печатного двора подъячей Иван Феофанов сын Протопопов”.

В ОР РНБ имеются два поучения Полоцкого в четырех экземплярах, все без записей.

В ОР БАН есть два поучения Полоцкого в трех экземплярах, все без записей.

“Обед душевный” (М., 1682)

В ОР РГБ “Обед душевный” хранится в пяти экземплярах. Все с записями. Экземпляр Московского публичного и Румянцевского музея (инв. № 1635). Запись на л. 23–32 скорописью конца XVII – начала XVIII вв.: “Сия книга Кириллова монастыря архимандрита Иринарха, подписал своею многогрешною рукою”. Экземпляр инв. № 1636. Запись на обороте верхней крышки переплета уставом XVIII в.: “Книга Обед душевный по душе своей дала княгиня Феодосия Ивановна Милославских старцам Кутейнским Новодевичьим”²⁷. Экземпляр Заиконоспасского монастыря, где жил Полоцкий (инв. № 1637). Записи: 1) на л. 1 скорописью конца XVII в.: “Книга Спасского монастыря, что за Иконным рядом”; 2) на л. 3 об. скорописью XIX в.: “Редка”; 3) на л. 3–13 скорописью XVII в.: “Сия книга Спасского монастыря, что за Иконным рядом, дана в тот монастырь тоя книги по творце по честном отце Симеоне Полоцком в его вечное поминование в лето 7190-го месяца ноябрья”. Экземпляр библиотеки Ниловой пустыни (инв. № 5378). Запись на л. 13–113 скорописью конца XVII в.: “Лета 7190-го февраля в 11 день великий государь царь и великий князь Федор всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец пожаловал сию книгу в Нилу пустынь в Столбенский монастырь. Подписал строитель старец Андреян”.

В ОР РНБ “Обед душевный” имеется в двух экземплярах, запись обнаружена на одном из них (инв. № 1422). Записи: 1) на л. 1–5 скорописью конца XVII в.: “Сия книга священника Лва Нечуева”; 2) на л. 6–20 скорописью XVIII в.: “Сия книга куплена у господина Лва Нечуева, дано денег пять рублей пятьдесят копеек, подписал... [замазано] своею рукою”.

В ОР БАН “Обед душевный” хранится в девяти экземплярах. Записи обнаружены на восьми из них. Экземпляр инв. № 6623 СП. Запись на л. 1–22 скорописью конца XVII в.: “Лета 7191-го июля в день благочестивыя государи цари и великия князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцы, пожаловали для своего государева блаженныя памяти великого государя святейшаго Филарета Никитича патриарха московского и всеа Росии в Антониев Сийский монастырь сию книгу Обед душевный”. Экземпляр инв. № 6629 СП. Запись на л. 1 скорописью XVIII в.: “Ex libris M. Vierniakow”. Экземпляр инв. № 483 СП. Запись на л. 1–5 скорописью начала XVIII в.: “Книга живоначальныя Троицы Александра монастыря Свирскаго чудотворца казенная”. Экземпляр инв. № 479 СП. Записи: 1) на обороте верхней крышки переплета скорописью конца XVIII в.: “Книга Ивана Петрова сына Миткова”; 2) на л. 1–12 скорописью XVIII в.: “Сия книга глаголемая Духовной обед Алатырского уезду села Троецкого, Дубрава тож, попа Матфея Деонисава”; 3) на л. 683 скорописью конца XVIII в.: “Сыя книга церкви святаго апостола Андрея Первозванного, аще ево хто хочет украсти, той будет свеней пасти”.

Экземпляр из Эрмитажной библиотеки (инв. № 478 СП). Записи: 1) на л. 1–15 скорописью начала XVIII в.: “Сия книга глаголемая Хотмышского богородичного Знаменского

²⁷ К переплету приклеен листок с карандашным автографом Н.П. Киселева: “Имеретинская княгиня Феодосия Ивановна, дочь боярина Ивана Михайловича Милославского (род. ок. 1629, ум. 1685). Между 1694 и 1696 вышла замуж за царевича Александра Аргульевича Имеретинского (род. 1674 в Тифлисе, ум. 1711 г. в шведском плену), друга детства Петра Великого и первого русского генерал-фельдцейхмейстера. Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 384; Русский биографический словарь. С. 104. Нота bene. 1. Милославские не были князьями. 2. Книга пожертвована после брака. 3. Зворинский, I. № 272. Кутейнский Успенский 1-го класса, основан 1631”.

монастыря иеромонаха игумена Товия Александровича, подписал 1730-го году”; 2) на обороте нижней крышки переплета скорописью начала XVIII в.: “Сия книга глаголемая Обед игумена Товия Александровича Хо[т]мышского Знаменского богородицкого монастыря. Towiia Alexandrowiisz. Тимофей Александрович”. Экземпляр из собрания Н.М. Михайловского (инв. № 480 СП). Запись на л. 1–27 скорописью конца XVII в.: “[стерто, можно разобрать]: сию книгу глаголемую Обед душевный... Иван Семенов сын Негоморской по своих родителей в вечное поминовение”. Экземпляр инв. № 579 СП. Записи: 1) на л. 2–9 скорописью начала XIX в.: “Книга сия козьмодемьянского попа Иоанна Максимова что в Кадашеве келейная, а не церковная”; 2) на л. 15–20 скорописью XVIII в.: “Сия книга глаголемая священника Александра, ево...” Далее обрезано при переплете.

Экземпляр инв. № 578 СП. Записи: 1) на л. I скорописью конца XVIII в.: “Сия книга Тихфинского большаго монастыря из ризницы. Сия книга Тихфинского монастыря”; 2) на л. II скорописью начала XIX в.: “Самуил архимандрит прибыл в Тихфин на архимандрию из Никандрой пустыни 1800 года мая 11 дня в день Преполовения”; 3) на л. II об. скорописью начала XIX в.: “С начала до конца за сим Обедом я сидел, для тела и души приятну пищу ел. Тихфинского большаго монастыря белой священник Иоанн Семенов Троицкий. 1812 года марта 22 дня”; 4) на л. II об. скорописью конца XIX в.: “Хвалу достойную сего отца творенью едва ли из смертных кто удобен воспитать. Все им говорено по силе вдохновенья, Бог дух святыи ес один лишь может знать. Израиль”; 5) на обороте нижней крышки переплета скорописью конца XVII в.: “194 году февруария в 21 день продал сию книгу пречистые богородицы Тихфина монастыря монах Макарей Крылов тоя же святыя обители иеромонаху Тарасию. И буде кто в сию книгу учнет вступаться, и мне ево во всем очищать, убытка и волокиты не учинить. А подписал аз, монах Макарей Крылов, своею рукою, а цены взято 3 рубли 23 алтына”.

В ОРК ГПБ Украины хранятся 12 экземпляров “Обеда душевного”, из них 5 – полные, на двух есть записи: 1) “Лета 7191-го ноября дня 1-е великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожаловал богомольца своего собора живоносного Христова Воскресенья, что у него, великого государя... диакона... Никифорова сына Фролова сею книгою Обед душевный”; 2) “В лето от Рождества Христова тысяча шестьсот девяностое месяца августа. Сия книга глаголемая Обед душевный по премногой и всецдрой [милости] благочестивейших великих государей наших царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, за старания и челобитным прошением превелебного Богу господина отца Иоасафа Кроковского игумена монастыря святаго Николая Пустынно-киевского, дана есть тое обители святаго Николая Пустынно-киевского во вечную памятку ради вечнаго богомолства за их, великих государей, и их царскаго пресветлаго величества наследников. Которую кто бы смел и важился от тое святыя обители отдалити, таковой каждый да будет отделенный царства небеснаго”.

“Вечеря душевная” (М., 1683)

В ОРК РГБ “Вечеря душевная” имеется в четырех экземплярах, записи обнаружены на двух из них. Экземпляр Ниловой пустыни (инв. № 1632). Записи: 1) на обороте верхней крышки переплета скорописью XIX в.: “Spectat ad libros bibliotecia Makarij Zeltowocsty” (“Относится к книгам библиотеки Макария Желтоводского”); 2) на л. 5–18 запись скорописью XVIII в.: “Сия книга Ниловой пустыни казенная хранится в ризнице во веки” (запись повторена дважды). Экземпляр инв. № 1634. Запись на л. I скорописью XIX в.: “Редка”.

В ОР РНБ “Вечеря душевная” – в трех экземплярах, все с записями. Экземпляр инв. № 1428. Записи: 1) на л. I скорописью конца XVII – начала XVIII в.; запись обрезана при переплете, можно разобрать: “Сия книга Вечеря душевная Ивана Лариона Простихутчашина” (?) Чтение предположительное; 2) на л. 1–24 второго счета скорописью конца XVII в., запись обрезана при переплете, можно разобрать: “Сия книга Вечеря душевная калуского Знаменского”. На обороте нижней крышки переплета скорописью XVIII в.: “1786 июня 2 день взял Алексей Иванович Каранов книгу Феотрон на подержанье”. Экземпляр инв. № 1429. Запись на л. 2 об. – 11 скорописью конца XVII в.: “Сия книга села Каменца Николаевского попа Симеона, я, поп Симеон... своими денгами”. Экземпляр инв. № 1430. Л. 1–2 первого счета и л. 1–24 второго счета заменены в XVIII в. рукописными текстами при переплете. Записи: 1) на л. I скорописью XIX в.: “Из книг собрания Петра Фролова”; 2) на л. 1–7 скорописью XVIII в.: “Сия книга Вечеря душевная церкви (далее стерто); 3) на л. 23–25 скорописью XVIII в.: “Сия... сына Ивановича” (далее стерто).

В ОР БАН “Вечеря душевная” хранится в семи экземплярах, записи обнаружены на четырех из них. Экземпляр инв. № 498 СП. Записи: 1) на л. I об. скорописью конца XVII в.: “Аще кто хочет много знати, тому подобает... Ивашко Лаврентьев”; 2) на л. 1–4 скорописью начала XVIII в.: “Книга живоначальные Троицы Александрова монастыря Свирскаго чудотворца, казенная”. Экземпляр инв. № 499 СП. Запись на л. 1–8 скорописью конца XVII в.: “Сия книга глаголемая Вечеря душевная Троицкого монастыря 1683 г. № 108”. Экземпляр инв. № 6628 СП. Запись на л. 1–153 скорописью и уставом начала XVIII в.: “Лета 7230-го сентября в 20 день дому великаго господина всесвятейшаго кир Адриана архиепископа Московского и всеа России и всех северных стран патриарха казначей старец Паисий Сийской сию святую и божественную книгу Вечерю душевную с прилежным молением предложих в дом пресвятых и живоначальных Троицы и пресвятых владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещения, иде же трудолюбие вознаградил преподобный и благоносный отец наш Антоний, иже нарицаемый Сийский. Усердне прошу желательных работник сего святаго дому со слезами сея святаго обители отцем и прочим прочитающим и послушающим сея богодухновенныя книги, да сотворят со мною, многогрешным, милость, помолят Господа Бога о оставлении согрешений моих и прочих моих родителей, да и сами от Бога милость обрящут. Дерзнет кто сей без благословения настоятелей из святаго обители взять и тайнокрадением восхитити, аще же кто дерзнет сию книгу из святаго обители взять, или кто каким неправедным умышлением и тайно восхитити, и за обесчестие сея святаго обители да воздаст ему Господь Бог яко же Анании и жене его Сапфире, иже от своего имени утаиша при святых апостолах. Тако же от святаго обители не свое похитившему, да судит ему Господь Бог на праведном суде в оном веце”. Экземпляр инв. № 201 П I без начала. Запись на л. 1–8 скорописью начала XVIII в.: “Сия книга глаголемая думного дворянина Василья Борисовича Бухвостова”.

В ОРК ГПБ Украины “Вечеря душевная” обнаружена в четырех экземплярах, из них два полные. Записей нет.

“Псалтирь рифмотворная” (М., 1680)

В ОР РГБ “Псалтирь рифмотворная” имеется в шести экземплярах, записи на трех из них. Экземпляр Московского публичного и Румянцевского музея № 414 (инв. № 1750). Запись на л. 1–43 скорописью конца XVII – начала XVIII в.: “Лета 1711 марта в 1 день сия книга подписана, а досталась сия книга глаголемая Псалтирь певчая в 1707 году августа в 15 день после отца моего Андрея Денисовича Владыки, чия ис[с]тари прародинами его и отца слыли Чертовых. И по разделу с братьями моими с Алексеем, Григорьем, Стефаном Андреевичами, а подписал я сам, капитан Гавриил, своею рукою”. Экземпляр Московского публичного и Румянцевского музея № 416, переплетен вместе с “Повестью о Варлааме и Иоасафе”, поступил в 1874 г. из библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии (инв. № 1752). Запись на л. 1 скорописью конца XVII в.: “Псалтирь Симеона Полоцкого”. Экземпляр В.А. Десницкого, куплен у антиквара В.И. Клочкова 10 марта 1909 г. (инв. № 7736). Запись на л. 1–18 скорописью XVIII в.: “Сия книга псалтирь виршевоная горада Болхова купецкого человека Федора Афанасьева сына Мокарова по разделу з братом Алексеем мне дасталась”.

В ОР РНБ “Псалтирь рифмотворная” хранится в пяти экземплярах, записи – на трех из них. Экземпляр из библиотеки гр. Ф.А. Толстого (инв. № 1397). Записи: 1) на чистом листе при верхней крышке переплета скорописью XVIII в.: “Сию книгу отдать в село Борисавско Михайлу Дырину, дающую часовник, отдать ему же”; 2) на обороте того же листа скорописью XVIII в.: “Сия книга куплена за [стерто] рублей у диакона Алексея Васильева Посуовского монастыря игуменом Венедиктом в 1769-м году”, 3) на л. 2–4 скорописью конца XVII – начала XVIII в. “Книга Дмитрея Галицына”; 4) на л. 4–7 скорописью начала XVIII в. “В 1707 году июня в... книге глаголемая Псалтир пророка...” Экземпляр из Эрмитажной библиотеки (инв. № 1398). Запись на л. 2–18 скорописью конца XVII – начала XVIII в.: “Сия псалтирь с виршами окольничего князь Юрья Федоровича Щербатова. Сия книга глаголемая псалтирь акольничего князь Юрья Федоровича Щербатова”. Экземпляр инв. № 1399. Запись на л. 18 об. скорописью конца XVII – начала XVIII в.: “Сия книга дьяка Дмитрия Якимова”.

В ОР БАН “Псалтирь рифмотворная” сохранилась в десяти экземплярах, записи обнаружены на семи из них. Экземпляр инв. № 2879 СП. Запись на л. I скорописью XVIII в.: “1 декабря куплена по указу у купца Ивана Копина. 1760”. По нижнему полю листа – но-

ты. Экземпляр инв. № 6619 СП. Запись на л. 1–17 уставом XVIII в.: “Двести пятого года сию книгу рекомую Псалтир архимандрит Никодим положал в дом живона чальныя Троицы и чудотворца Антония”. Экземпляр инв. № 457 СП. Записи: 1) на л. 1 скорописью конца XVII в.: “Сия книга глаголемая Псалтир толковая игумена Гермогена келейная”; 2) на л. 1 об. скорописью XVIII в.: “Сия книга Александра монастыря казенная, а дал сию книгу архимандрит Ермоген, бывый поп тоя же обители”; 3) на л. 9–10 скорописью XVIII в.: “Книга Псалтир рифмоположенная Александра монастыря Свирскаго чудотворца казенная. Дал того же монастыря бывшей архимандрит Ермоген 1700 году декабря в 12 день”. Экземпляр инв. № 6609 СП. Записи: 1) на л. 3 об. скорописью XVIII в.: “Сия книга Псалтир преосвященного Афанасия архиепископа Колмогорского и Важенского келейная”; 2) на л. 1–17 скорописью конца XVII – начала XVIII в.: “Сия книга Архангельского города рождественского дьячка Максима Яковлева Попова”. Экземпляр инв. № 460 СП. Запись на л. 47 об. – 57 скорописью XVIII в.: “Сия книга Родиона Кусякина, подписал своею рукою”. Экземпляр инв. № 459. Запись на л. 9. скорописью XVIII в.: “Сия книга Настасья Федоровны Качевайной Паливанавай глаголемая Псалтырь, а подписал Иван”. На переплете – листы из рукописного букваря. Экземпляр инв. № 6591 СП. Записи: 1) на л. 1 об.: “Читал сею книгу в 1903 г. Михаил Федорушков”; 2) на л. 9 скорописью XIX в. “В библиотеку добротнейшаго архангелогородскаго купца и градскаго главы Афанасья Ивановича Плотникова взносит одаренный добродушием его семейства Н.Б. Александр. 18.ІІІ.1839. Подтверждаю в вечное достояние с душевным пожеланием душевнаго назидания. Апреля 17 д. 1839 К. П...рей А. Томанов”.

На экземпляре “Псалтири рифмотворной”, хранящейся в ГИМ (МНШ, № 1217), записи: 1) на л. 1–25 второго счета: “Сия книга глаголемая Псалтир рифмоположенная устюжанина посадцкого человека Афонки Петрова по назвиску Соколова, а подписал сию книгу Афонко Петров своею рукою лета 7189 году месяца сентября в 8 день”; 2) на л. 9: “197 году марта в 11 день на пятой недели великого поста *stradal s pochmelia welmi, edwa ne wperl, i stal s tech mest ne pit po howeniam ni wina, ni piwa, da i wpred ukrepi Boge, wo wse howenia*”; 3) на л. 27–32 второго счета: “1706 году месяца майа 30 день продал сию книгу Афонасиев сын Соколова Василей Устюга Великого приказному подъячму Стефану Дмитриеву Друзинскому, подписал своею рукою”; 4) на л. 12: “Писал устюжанин посадцкой человек Стефан Афонасиев сын Протодьяконов”; 5) на л. 12: “Сия книга толковая Псалтырь устюжанина Афонасья Андреева сына Протодьяконова”; 6) на л. 12 об.: “Сия книга толковая Псалтырь устюжанина посадцкого человека Афонасья Андреева сына, а подписал сын ево Стефан Протодьяконов”; 7) на листе при задней крышке переплета: “1808-го года марта 20-го отдавана в переплет новой сия книга устюжанским купцом Степаном Лупиным Выдриным, дарственная по смерти устюжского мещанина Федора Иванова Кузнецова, подписал Стефан Выдрин своеручно”²⁸.

На экземпляре “Псалтири рифмованной” из собрания Нижегородского историко-архитектурного музея-заповедника есть записи: 1) на л. 3 скорописью начала XVIII в.: “Актебря 19-го дня радилась Настасья Михайловна 1701-го году”; 2) на первом форзаце скорописью XVII в.: “Из книг библиотеки лейб-гвардии конного полку вахмистра князя Сергея Хованского. Куплена в селе Пеле, дана 4 рубля. 1764 году июня 19 дня”²⁹.

На экземпляре “Псалтири рифмотворной”, хранящейся в ГПБ Украины, есть запись: “Смиранный Стефан Яворский, митрополит Рязанский и Муромский, сию книгу дал на святую чудотворную Лавру Печерскую Киевскую 17... августа”³⁰.

²⁸ Асафов К.М., Протасьева Т.Н., Тихомиров М.Н. Записи на книгах старой печати XVI–XVII веков. С. 317.

²⁹ Как сказано в предисловии к описанию книг, Настасья Михайловна, – по-видимому, сестра князя Сергея Михайловича Хованского, а сама книга входила в фамильную библиотеку Хованских. См.: Шайдакова М.Я. Описание коллекции книг кириллической печати XVI–XX веков Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника / Под ред. В.А. Кучкина. Горький, 1975. С. 93. № 52. См. также с. 26.

³⁰ Славянские книги кирилловской печати XV–XVIII вв.: Описание книг, хранящихся в ГПБ УССР / Отв. ред. П.Н. Попов. Киев, 1958. С. 77.

ИСТОЧНИКИ АНЕКДОТОВ ОБ А.В. СУВОРОВЕ И ВОПРОСЫ ИХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ*

Русский литературный анекдот или русский исторический анекдот – своеобразный, слабо исследованный, оригинальный комплекс источников с интересной судьбой. Образовавшись на грани соприкосновения литературного и исторического знаний, он, в полной мере, впитал в себя лучшие черты этих двух областей человеческого творчества и на их основе выработал собственные закономерности, благодаря которым до сих пор остается живым и самобытным источником “дней минувших”. Но эти черты сыграли с анекдотом плохую шутку. Русская народная пословица гласит: “Всякая палка о двух концах”. Пресловутым “вторым концом” для анекдота, с точки зрения источниковедения, стала его литературность. Благодаря ей анекдот воспринимался и воспринимается до наших дней многими историками как плод воображения или таланта авторов – литераторов. Историческая же ценность лежащих в основе фактов зачастую игнорируется.

В своем первоначальном значении, в переводе с греческого языка, анекдот (анекдота) означал “неизданные”, а потому бывшие неизвестными произведения. Возникнув в античной культуре Греции, анекдоты вместе с легендами, апофегматами-изречениями и сказками этимологически относятся к разновидности устной прозы исторического и житейского содержания. Возможно в этом одна из важнейших причин живучести анекдотов, многие из которых дошли до наших дней.

Не был оставлен без внимания этим жанром и Александр Васильевич Суворов, благо его поведение и манеры (по выражению современников “чудачества”) не вписывались в общепринятые рамки и более чем располагали к появлению различных анекдотов.

Всю совокупность опубликованных анекдотов, посвященных личности А.В. Суворова, можно подразделить на две большие группы: первая – публикации в виде отдельных изданий; вторая – публикации в периодических изданиях. Источники суворовских анекдотов, вошедших в опубликованные сборники, и архивные документы, можно разделить на *четыре* группы.

1. Воспоминания современников Суворова.
2. Записи устных воспоминаний людей, знавших генералиссимуса.
3. Выдержки из более ранних публикаций.
4. Документы, авторство которых принадлежит лично Александру Васильевичу (служебная и личная переписка, а также “Наука побеждать”).

Остановимся на этих четырех группах более подробно.

К *первой* группе, бесспорно, относится работа Е.Б. Фукса “Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского”. Автор так описывает источники своего сборника: “Вот вам, любезнейший и почтеннейший друг, анекдоты мои о Суворове. Многие писал я еще при жизни его; многие растерял в походах; многи-ми, о которых вспомнил, пополнил недостающие”¹. Егор Борисович Фукс (1762–1829), действительный статский советник, служивший по дипломатической

* Статью подготовили к печати А.А. Петров, А.Д. Яновский.

¹ Фукс Е.Б. Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского. СПб., 1827. С. 1. (Далее: Фукс Е.Б. Анекдоты.)

части при князе А.А. Безбородко, в 1799 г. находился при главной квартире Суворова. К великому полководцу Фукс попал при следующих обстоятельствах: когда генерал Ф.И. Линденер донес Павлу I, что в корпусе генерала А.Г. Розенберга “завелись вольнодумцы”, Е.Б. Фукс под видом чиновника Иностранной коллегии был послан в этот корпус для осуществления тайного надзора за офицерами с целью проверки их политической благонадежности. Познакомившись с Фуксом, Суворов взял его в апреле 1799 г. заведующим походной канцелярией (вел почти всю официальную переписку, являлся автором ряда донесений Суворова о ходе военных действий). По-видимому, отношения между ними до конца кампании оставались самыми наилучшими. Фукс так характеризовал материал, вошедший в сборник: “Исполнив обет, данный моему великому благодетелю, кончив историю Российско-австрийской кампании², я теперь отдыхаю и пишу, что вспомню”³. А.Ф. Петрушевский в отзыве на данный сборник так характеризовал его: “Набор анекдотических подробностей о Суворове, без всякой системы и порядка, причем часто не новых, а взятых из прежних изданий самого Фукса и из других авторов...”⁴

Создавая данного рода компиляцию, Фукс стремился “ознаменовать душу и ум” Суворова и раскрыть черты, “составляющие полный и похожий его портрет”⁵. Для этого автор использовал отрывки своих предыдущих работ и трудов современников, решающих эти задачи.

Примером *второй* группы источников, используемых составителями при работе над сборниками, может служить издание В.Ф. Потапова “Новые анекдоты батюшки Суворова, или Некоторые черты из жизни знаменитого генералиссимуса”. Анекдоты, изложенные составителем, “большей частью слышаны от разных лиц, заслуживающих доверия и уважения, и два, три – есть такие, которые рассказаны особою лично знавшей Суворова, и лично известной Суворову”⁶. Потапов не был знаком с Суворовым, поэтому для решения поставленной перед собой цели (публикации новых суворовских анекдотов) привлекал устные воспоминания современников великого полководца, к сожалению, не называя их имен.

Третий вариант привлечения источников использован В.Е. Рудаковым при создании сборника “Генералиссимус, князь А.В. Суворов в анекдотах и рассказах современников”. Говоря о причинах, побудивших его, как составителя, взяться за работу над книгой, Рудаков писал: «Так называемые “собрания” анекдотов закончились печатанием в 1846 г., с появлением небольшой книжки Потапова. Между тем, печатавшиеся впоследствии “воспоминания”, “мемуары”, “записки” и т.п. современников Суворова или ближайших его потомков (на основании воспоминаний очевидцев) вносили новый материал, который после труда А. Петрушевского почти никем не был эксплуатирован»⁷. Таким образом, новые сведения для своего издания Рудаков черпал в изданной мемуаристике.

Четвертый источник анекдотов – личные и служебные документы генералиссимуса, а также известное тактическое и строевое учение войск, написанное, как считается, великим полководцем и больше известное нам под названием “Наука побеждать”. Все эти источники активно использовал В.Е. Рудаков в своем из-

² Имеется в виду книга Е.Б. Фукса “История Российско-австрийской кампании 1799 года, под предводительством генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого в трех частях”. СПб., 1825–1826.

³ Фукс Е.Б. Анекдоты. С. 1.

⁴ Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1902. Т. 3. С. 441.

⁵ Фукс Е.Б. Анекдоты. С. 1.

⁶ Потапов В.Ф. Новые анекдоты батюшки великого Суворова, или Некоторые черты из жизни знаменитого генералиссимуса. М., 1846. С. 4.

⁷ Рудаков В.Е. Генералиссимус, князь А.В. Суворов в анекдотах и рассказах современников. СПб., 1900. С. IV–V.

дании. Но он не был первым. Во многих более ранних сборниках анекдотов (например, «Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского, графа Суворова-Рымнического, в коих изображается истинный дух и характер сего ироя, с присовокуплением “Вахт-парада”, или “Науки побеждать”, сочиненной сим непобедимым полководцем»⁸) названные источники не только включались в текст анекдотов, но и составляли отдельные главы сборников.

Итак, можно сделать вывод, что главными источниками для сборников анекдотов служили воспоминания современников Суворова, переписка (личная и служебная) и его “Наука побеждать”. Это обеспечивало (по мнению авторов и составителей) достоверность анекдотов.

Поэтому, прежде чем приступить к анализу достоверности информации, изложенной в анекдотах, нам стоит оговорить на каком материале будет проводиться сравнение. По нашему мнению, привлечение для этой цели мемуаров современников является мало эффективным. Использование мемуаристики создает своего рода заколдованный круг. Анекдот как самостоятельная единица, зачастую черпался из воспоминаний, дабы в яркой форме проиллюстрировать личность полководца. Причем, порой неизвестно, какие и чьи это были воспоминания. Таким образом, мы рискуем сравнивать информацию анекдота с информацией его источника (что безусловно принесет пользу – выявит влияние закономерностей анекдота как жанра на информативную ценность излагаемых в нем фактов). Но это, в свою очередь, приводит к необходимости изучения источниковедческой достоверности всех мемуаров, привлеченных составителями сборников для своих изданий, что должно являться предметом отдельного и весьма обширного исследования. А потому для установления подлинности описываемых в анекдоте событий, нами будут использоваться лишь документы, принадлежащие самому А.В. Суворову: его официальная и личная переписка, а также “Наука побеждать”.

Все анекдоты, на базе которых будет производиться выяснение источниковедческой достоверности, приводятся по изданию В.Е. Рудакова, как наиболее полному и выверенному. По степени и методике использования в них документальных материалов, с нашей точки зрения, их можно разделить на три группы.

1. Использование в анекдоте документа полностью.
2. Использование в анекдоте выдержек из документа.
3. Создание компиляции из нескольких документов при составлении анекдота.

Примером *первой* группы может служить анекдот о штурме Измаила, отражающий деятельность Александра Васильевича в период второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. «Много стоила крови, много жертв и сверхъестественной энергии, атака неприступной крепости, но к 8-ми часам утра 11 декабря она была в руках русских и через шесть часов совершенно очищена от турок... “Нет крепче крепости, отчаяннее обороны, как Измаил, падший пред высочайшим тронном ее императорского величества кровопролитным штурмом. Нижайше поздравляю вашу светлость”, – доносил он [Суворов] Потемкину»⁹.

Нами установлено, что анекдот составлен на основе рапорта А.В. Суворова Г.А. Потемкину от 11 декабря 1790 г. о взятии Измаила. “Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, падшей пред высочайшим тронном ее императорского величества кровопролитным штурмом! Нижайше поздрав-

⁸ Левшин В.А. Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского, графа Суворова-Рымнического, в коих изображается истинный дух и характер сего ироя, с присовокуплением “Вахт-парада” или “Науки побеждать”, сочиненной сим непобедимым полководцем. М., 1809.

⁹ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 24–25.

ляю вашу светлость! Генерал граф Александр Суворов-Рымникский”¹⁰. Как видим, текст самого рапорта приведен в анекдоте полностью, без изъятий за исключением подписи полководца, ссылка на которую дана в тексте анекдота.

Примером *второй* группы может служить анекдот того же хронологического периода. «25 ноября 1790 г. Потемкин послал приказ Суворову: “Взять Измаил. “Получа повеление вашего сиятельства, отправился я к Измаилу. Боже, дай помощь свою!” – отвечал на этот приказ Суворов»¹¹.

Включенный в анекдот текст, по нашему мнению – часть письма Суворова Потемкину от 30 ноября 1790 г. об отъезде к Измаилу. “Светлейший князь, милостивый государь! Получа повеления вашей светлости, отправился я к стороне Измаила. Боже, даруй вам свою помощь! Пребуду с глубочайшим почтением, светлейший князь, милостивый государь! вашей светлости нижайший слуга граф Александр Суворов-Рымникский”¹².

В данном случае, от текста самого письма осталось всего два предложения из пяти. Рудаков не включает в анекдот ни официальное обращение Суворова к Потемкину, ни изъяснение глубочайшего почтения в конце документа: по всей вероятности, считая их не столь важными по сравнению с основным текстом, вошедшим в анекдот.

Кроме того, имеются разночтения даже во включенной в анекдот части письма, но в данный момент не будем заострять на этом внимание.

Примером *третьей* группы может служить анекдот, освещающий период опалы А.В. Суворова (1797–1798), явившейся следствием неприятия полководцем новых павловских порядков в армии. «После получения Высочайшего повеления от 2-го января 1797 г., с резким выражением неудовольствия, и за ним нескольких последующих, еще более категорических и грозных, Суворов в свою очередь, сильнее прежнего обрушивается на немецкие нововведения в армии. – “Нет вшивее пруссаков, – пишет он, – лаузер или вшивень назывался их плащ; в шильдгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головною их вонью вам подарят обморок. Мы от этой гадины были чисты, и первая докуча ныне солдат – штиблеты: гной ногам, за артельные телеги идут на половинное жалованье (т.е. перечисляются в нестроевые). Карейные казармы, где ночью запираются будут, – тюрьма, а прежде солдаты делили провиант с обывателями, их питомцами... Опыт военного искусства (т.е. новый устав) найден в углу развалин древнего замка, на пергаменте, изъеденном мышами, свидетельствован Штенвером и Линденером и переведен на немороссийский язык... Милосердие покрывает строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость – тиранство. Я строг в удержании в войсках здоровья, истинного искусства благонравия; милая солдатская строгость, а затем – общее братство... Всемогущий Боже, даруй, чтобы зло для России не открылось прежде ста лет...”

Через несколько дней он продолжает опять на ту же тему: “Государь лучше Штенвера не видал; я лучше прусского покойного короля. Я генерал генералов, только не в общем генералитете. Я пожалован в фельдмаршалы не при пароле (на разводе)... Мою тактику прусские войска принимают, а старую протухшую оставляют: от сего французы их били... Сколь же строго, государь, ты меня наказал за мою 55-летнюю прислугу! Казнен я тобою, штабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при приличном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, государь, только власть

¹⁰ А.В. Суворов. Документы. М., 1951. Т. II. С. 539.

¹¹ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 22.

¹² А.В. Суворов. Документы. Т. II. С. 525.

высочайшего указа 1762 года” (о вольности дворянства – служить или не служить)»¹³.

Приведенный выше анекдот по итогам текстологического сравнения, проведенного нами, составлен на основе как минимум пяти документов Александра Васильевича, написанных им с 10 по 13 января 1797 г. Причем хронологическая последовательность писем при их использовании в анекдоте нарушена и сами письма значительно сокращены.

Остановимся на источниках более подробно.

Первая часть цитаты со слов “Нет вшивее пруссаков...” и до “...прежде солдаты делили провиант с обывателями, их питомцами...” взята из записки А.В. Суворова Д.И. Хвостову от 11 января с выражением недовольства военными порядками, вводимыми Павлом I. Это последний абзац записки, и всего лишь ее треть¹⁴.

Вторая часть цитаты со слов “Опыт военного искусства...” и до “...на неморосийский язык...” изъята из записки Суворова от 13 января о новом воинском уставе Павла I, и также является лишь половиной текста сохранившейся записки¹⁵.

Третья часть цитаты со слов “Милосердие покрывает строгость...” и до “...общее братство...” взята из записки Суворова от 12 января об его отношении к новым порядкам и о твердом решении уйти из армии (треть от общего объема записки)¹⁶.

Четвертая часть слов Александра Васильевича – “Всемогущий Боже, даруй, чтобы зло для России не открылось прежде ста лет...” – из записки Суворова Хвостову от 12 января о преимуществах русской армии перед прусской (две последние строчки из 14 имеющихся в документе)¹⁷.

Пятая часть цитаты – “Государь лучше Штенвера не видал; я лучше прусского покойного короля” – взята из той же записки, но из ее начала¹⁸.

Шестая часть цитаты со слов “Я генерал генералов...” и до “...от сего французы их били...” – из записки Суворова Хвостову от 10 января о преимуществах его тактики перед прусской (половина текста записки)¹⁹.

И последняя, седьмая часть, со слов “Сколь же строго, государь, ты меня наказал...” и до “...указа 1762 года” изъята из упоминаемой ранее записки Суворова Хвостову от 11 января²⁰.

Таким образом, выяснение источниковой базы анекдотов в ряде случаев процесс довольно сложный. Он существенно упрощается при условии датировки событий, описываемых в анекдоте, но и в этом случае при компилятивном способе создания анекдота текстологический анализ требует кропотливой работы. Кроме того, при всей достоверности приводимых текстов автор анекдота грешит против правды, преподнося читателю пять документов как два. Остановимся более подробно на вопросах текстологической достоверности документов, приводимых в анекдотах. При этом выделяются три группы и ряд подгрупп.

1. Полное совпадение текста документа в анекдоте с текстом документа-источника.
2. Частичное несовпадение текста документа в анекдоте с текстом документа-источника (здесь не учитываются описываемые выше компилятивный и избирательный способы включения документа в анекдот):
 - а) текстовое несовпадение (присутствие в анекдоте лишних словосочетаний или предложений, изменение слов и т.д.);

¹³ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 50–52.

¹⁴ А.В. Суворов. Документы. М., 1952. Т. III. С. 572.

¹⁵ Там же. С. 576.

¹⁶ Там же. С. 575.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 574.

¹⁹ Там же. С. 572.

²⁰ Там же.

- б) несовпадение в датировке документа.
- 3. Отсутствие упомянутого в анекдоте документа:
 - а) не опубликован, но, возможно, существовал или существует до сих пор;
 - б) невозможность установления документа-источника, так как в анекдоте он не ограничен никакими хронологическими рамками.

Приведем примеры вышеуказанных групп и рассмотрим их более подробно.

Пример первой группы был цитирован ранее. Это анекдот, основанный на рапорте А.В. Суворова Г.А. Потемкину от 11 декабря 1790 г. о взятии Измаила. Основной текст документа совпадает полностью.

Пример частичного совпадения текста можно проиллюстрировать анекдотом, затрагивающим Кинбурнскую победу Суворова во второй русско-турецкой войне 1787–1791 гг.

«В письмах же к своей дочери-Суворочке, воспитывавшейся в Смольном, он так описывал Кинбурнское сражение: “У нас была драка посильнее той, когда вы друг друга за уши дерете. И как мы танцевали; в боку картеча, на руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало. То-то была комедия, – насилу через восемь часов с театра отпустили”...»²¹

Прежде всего анекдот передает правдивую информацию о ранах Александра Васильевича. Он, действительно, дважды был ранен и под ним была убита лошадь. Спасти Суворову удалось только благодаря солдатам. Кроме того, правдива информация о продолжительности сражения – восемь часов. Так что сведения, предоставленные анекдотом, верны. Более того, анекдот, по нашему мнению, составлен на основе письма А.В. Суворова своей дочери Н.А. Суворовой от 20 декабря 1787 г. из Кинбурна. В источнике данный отрывок звучит следующим образом: “У нас все были драки сильнее, нежели вы деретесь за волосы; а как вправду потанцевали, то я с балету вышел – в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов через восемь отпустили с театру в камеру”²². Сравнивая два отрывка из письма, сразу видим некоторые разночтения в тексте. Они не играют существенной роли, так как не искажают смысла самого анекдота. Но следует признать их присутствие.

Другой пример из периода первой русско-турецкой войны 1773–1774 гг. Речь пойдет о взятии Туртукая 10 мая 1773 г. «...На другой день [после взятия Туртукая] он [Суворов] писал графу И.П. Салтыкову: “Все так здорово миновалось... Подлинно мы были вчера *veni, vade, vice*, а мне так первоучинка. Вашему сиятельству и впредь послужу, я человек бесхитростный. Лишь только, батюшка, давайте поскорее второй класс (подразумевается св. Георгия)... Не забывайте, ваше сиятельство, моих сотоварищей, да и меня, Бога ради, не забудьте”...»²³

А вот как тот же отрывок звучит в подлиннике: “...все так здорово миновалось... Подлинно мы были вчера *veni, vedi, vince*, а мне так первоучинка. Вашему сиятельству и впредь послужу, я человек бесхитростной. Лишь только, батюшка, давайте поскорей второй класс”²⁴.

В тексте анекдота присутствует одно дополнительное предложение: “Не забывайте, ваше сиятельство, моих сотоварищей, да и меня, Бога ради, не забудьте”. Александр Васильевич в своей записке И.П. Салтыкову от 11 мая 1773 г. о победе над турками под Туртукаем ничего подобного не писал. Вышеуказанное предложение взято из письма А.В. Суворова И.П. Салтыкову от 13 мая 1773 г. о награждении участников туртукайской экспедиции, предоставлении ему отпуска и укреплении Негоешти²⁵. Общеизвестна справедливость и забота полководца в

²¹ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 16.

²² А.В. Суворов. Письма / Подгот. В.С. Лопатин. М., 1986. С. 122.

²³ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 10.

²⁴ А.В. Суворов. Письма. С. 27.

²⁵ А.В. Суворов. Документы. М., 1949. Т. I. С. 621.

отношении к подчиненным. Но в упомянутом выше анекдоте она лишний раз подчеркивается путем объединения двух разных документов, и, что важно, данная компиляция не оговаривается в тексте, а наоборот, Рудаков датирует свое письмо 11 мая. Хотя, следует признать, что тексты в анекдоте и источниках совпадают практически полностью.

Второй вариант несопадений связан с ошибками в датировке приводимых в анекдоте источников. Так, Рудаков, говоря о сложных взаимоотношениях Павла I и А.В. Суворова (периода опалы и ссылки в Кончанское), пишет: «В конце 1798 г. Суворов, которому было в то время 68 лет, под влиянием разных невзгод и особого душевного настроения написал императору следующее прошение: “Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердный государь...”»²⁶

Нами было установлено, что данный документ действительно существует. “Всепресветлейший Державнейший Великий монарх! Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердный государь. Повергаю себя к освященнейшим стопам Вашего Императорского Величества. Всеподданнейший богомолец, божий раб, граф Александр Суворов-Рымникский”²⁷. Как мы видим, основная часть приведенного Рудаковым текста соответствует оригиналу, но не соответствует датировка источника. В.С. Лопатин, по изданию которого проводилась сверка, относит данное прошение к началу 1798 г., а не к его концу, как это делает В.Е. Рудаков.

Теперь перейдем к случаям, когда не удалось подтвердить приводимый в анекдоте текст сохранившимся источником. Как мы уже говорили, может быть три причины подобного положения дел. Первая – отсутствие документа среди опубликованных источников. Хотя велика вероятность того, что источник первоначально существовал или существует и в наши дни. В качестве примера приведем широко известный анекдот о донесении А.В. Суворова П.А. Румянцеву по поводу взятия Туртукая. В.В. Рудаков приводит его в следующем варианте:

«В 1773 году Суворов был отправлен под команду Румянцева для участия в турецкой войне. В первых числах мая он прибыл в Яссы, а 10 числа того же месяца доносил своему командиру о взятии Туртукая в следующем двустиишии:

“Слава Богу, слава вам,
Туртукай взят, и я там”»²⁸

Среди опубликованных документов это донесение не приводится. Существует очень похожая записка А.В. Суворова И.П. Салтыкову от 10 мая 1773 г. о победе над турками под Туртукаем: “Ваше сиятельство! мы победили. Слава Богу, слава вам. А. Суворов”²⁹. Однако В.С. Лопатин в книге “А.В. Суворов. Письма” указывает: “В литературе широко известен рассказ о донесении С[уворова] Румянцеву в стихах... Возможно, что такое донесение действительно было послано”³⁰. Остается только предполагать, что Александр Васильевич все же “доносил своему командиру”, и крылатое двустиишие не потеряно безвозвратно для потомков.

²⁶ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 62–63.

²⁷ А.В. Суворов. Письма С. 324.

²⁸ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 10.

²⁹ А.В. Суворов. Документы. Т. I. С. 614.

³⁰ А.В. Суворов. Письма. С. 492.

Приведем еще один пример, связанный с периодом войны против польских конфедератов 1769–1772 гг. «Когда Суворов представил о необходимости идти в Литву на Огинского, имевшего в пять раз сильнейшее войско, Веймарн строго запретил ему этот поход.

“Скажите генералу, что, когда выпалили из пушки, Суворову не сидится на месте!” – отвечал он и немедленно велел выступать... Результатом этого движения и была Столовичская победа, завершившаяся почти полным уничтожением армии Огинского.

Донося об этом Веймарну, Суворов писал: “Как солдат я заслуживаю наказание и отдаю вам свою шпагу. Как русский я исполнил свой долг, уничтожил силы конфедератов, которых мы не могли бы одолеть, когда бы дали им время соединиться”»³¹.

Генерал Веймарн действительно обвинял Суворова в самовольном выступлении против Огинского из Люблина. Подтверждением тому может служить рапорт Суворова Веймарну от 18 октября 1771 г. с объяснением причин своих действий³². В нем полководцу пришлось доказывать их необходимость в сложившейся ситуации. Но приведенный в анекдоте текст нами не обнаружен среди опубликованных источников. Кроме упомянутого выше рапорта, существует реляция Суворова Веймарну от 12 сентября 1771 г. о победе при Столовичах³³ и донесение Суворова Веймарну от 13 сентября 1771 г. о победе над М.-К. Огинским³⁴, где так же нет текста, использованного Рудаковым в своем сборнике. Но все же источник мог существовать. В обычаях Александра Васильевича было отправление записки о той или иной победе своему начальнику, которая предвляла приход рапорта и реляции по данному же вопросу. Это прослеживается по документам Туртукайской операции и других сражений, в которых участвовал Суворов. В случае с победой при Столовичах такой записки среди опубликованных источников нет, а именно в ней мог содержаться упомянутый в анекдоте текст.

Теперь рассмотрим случай, когда невозможно установить источник по причине отсутствия в тексте анекдота ссылки на хронологические рамки описываемого события или, когда не обозначен адресат.

Пример отсутствия датировки цитируемого документа: «При Екатерине между военнoслужащими вошло в обычай ходить с палками. Суворову это не нравилось, и он отдал приказ, чтобы “младший к старшему не смел являться с палкою, а старший никогда не имел бы оной в руках”. В силу такого распоряжения ношение палок, конечно, прекратилось³⁵». В данном случае хронологические рамки слишком широки – “при Екатерине”. В этот период (28.VI.1762–6.XI.1796) Суворовым было издано огромное количество распоряжений. Только опубликованные документы этого отрезка времени занимают почти три тома из четырехтомного издания, привлеченного автором данной работы. Кроме того, просмотр приказов, включенных в упомянутое издание, также ничего не дал.

Примером отсутствия адресата служит следующий анекдот, приведенный Рудаковым в главе своего сборника “Некоторые черты для характеристики Суворова”: «По окончании дел в Варшаве, Суворов в начале 1795 г. отправился в Петербург и во время приема у императрицы, был между прочим, спрошен ею:

– Все ли, Александр Васильевич, по заслугам награждены? Не остался ли кто из достойных?

– Виноват, матушка-государыня! Прости меня! Виноват! Просмотрел! Позабыл одного молодого храброго майора. Виноват; прости мне, всемиловитейшая

³¹ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 8–9.

³² А.В. Суворов. Документы. Т. I. С. 458–461.

³³ Там же. С. 452–455.

³⁴ Там же. С. 455–456.

³⁵ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 213.

государыня!.. Да он, матушка, и сам-то не прав, – прибавил при этом Суворов, – самохвал! – Тут он рассказал о его самохвальстве и еще раз похвалил за храбрость.

– Вина ваша, Александр Васильевич, не велика, – с улыбкою сказала Екатерина; – он наказан за дело, надобно же и наградить его за дело. Садитесь же и напишите ему достойную награду.

Суворов тут же сел и написал письмо, которое вполне одобрила императрица и велела немедленно отправить, к великому удовольствию графа, искренне благодарившего ее за милость к майору.

Живя среди лишений и невзгод, последний вдруг, совершенно неожиданно для себя, получает большой пакет, распечатывает его и находит два орденских креста, патент на его имя, рескрипт, подписанный императрицею Екатериною II, и следующее письмо Суворова:

“Господин бригадир! Ее Императорское Величество из представлений моих, усматривая оказанные вами подвиги, Всемилостевейше соизволила вам пожаловать:

За Кобылку и Брест
Владимирский и Георгиевский крест;
За Прагу
Золотую шпагу;
За Тульчин
Бригадирский чин;
За вашу храбрость и терпение
Четыреста душ в вознаграждение.

А. Суворов”

Обрадованный до крайней степени новый бригадир снова вступил в военную службу и совершенно оставил привычку самохвальства»³⁶.

Как мы видим, в анекдоте не названо ни имени, ни фамилии “счастливого” бригадира. Не указано даже место его проживания. Кроме того, сам документ, вероятно, отложился в архиве “счастливчика”, и если и дожил до наших дней, то до сих пор не опубликован. Таким образом, проверка достоверности анекдота невозможна.

Следует привести пример составления анекдота на основе упоминавшейся нами “Науки побеждать”. В той же главе, в которой содержится приведенный выше анекдот, Рудаков пишет: «Суворов, как гений, рожденный для войны, был прежде всего солдат. Выше войны и военного дела для него не было ничего.

Как понимал он последнее и чему учил, видно из следующих его присловий и поговорок, которые твердо помнили все солдаты.

1. “Береги пулю на три дня, береги на целую неделю; если негде взять, стреляй редко, да метко, а штыком коли крепко; пуля дура, а штык молодец, – пуля обмишуются, а штык не обмишуются”.

3. “Береги пулю в дуле – трое наскочат: первого закололи, второго застрели, третьему штыком карачун”.

3. “Обывателя не обижай – он нас поит и кормит”.

4. “Солдат не разбойник. Святая добыча: возьми лагерь – тут все ваше. Возьми крепость – все ваше. Помнишь Измаил – там золото и серебро пригоршнями делили”.

5. “Три искусства: глазомер, как в лагерь стать, как идти, как атаковать, гнать, бить; а второе? Второе – быстрота; а третье – натиск”.

6. “Бойся больницы: немецкие лекарственницы издалека тухлы, вблизи вредны и бесильны. Русский к ним не привык. У нас в артелях есть свои корешки, травушки, муравушки – здоровому воздух, еда, больному воздух, питье. Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решительно, справедливу, благочестиву”.

7. “Молись Богу: от него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит – он нам генерал”.

³⁶ Там же. С. 153–155.

8. “Ученье – свет, неученье – тьма. Дело мастера боится; за ученого трех неученых дают – мало трех, давай шесть, десять”.

9. “Военный шаг – аршин”.

10. “Солдат стоит стрелкой”.

11. “Ты русский? Ну так ты знаешь трех сестер. Каких сестер? Веру, Надежду, Любовь”.

12. “Вали на месте, – кричал он иногда в след идущим атаковать, – гони, коли! остальным давай пощаду! Грех напрасно убивать: они такие же люди. Умирай за дом Богородицы, за магушку (Екатерину II), за пресветлейший дом. Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава”.

13. “Сикурс, опасность и прочие воображительные в мнениях, – писал он ротмистру Вагнеру в 1771 г., – служат бабам, кои бояться с печи слезть, чтобы ноги не переломить, а ленивым, роскошным и тупоумным – для подобной обороны, которая по конце – худа ли, добрая ли, рассказчиками такими храброу называется”³⁷.

Практически все эти высказывания являются выдержками из “Науки побеждать”³⁸, за исключением последней цитаты из существующего письма к ротмистру И. Вагнеру, написанному 25 февраля 1771 г. из Красника³⁹. Кроме того, в известном нам источнике из собрания ОПИ ГИМ – “Анонимной статье о А.В. Суворове” – “Наука побеждать” приводится полностью наряду с анекдотами о гене-ралиссимусе⁴⁰.

Подведем краткие итоги. В общей сложности в сборнике Рудакова приводится 48 цитат из официальной и личной переписки Суворова (причем только его собственноручных) и “Науки побеждать”⁴¹. Из них, в результате текстологической сверки с опубликованными источниками выявлено: 33 случая полного или частичного совпадения⁴²;

15 случаев, отсутствия опубликованных документов, послуживших, возможно, источниками для анекдотов, собранных Рудаковым⁴³.

Таким образом, информация, содержащаяся в анекдотах, подтверждается в 69,7% случаев. Причем в случае с оставшимися 30,3% мы не можем безапелляционно утверждать, что они – явная фальсификация. Как уже говорилось, невозможность обнаружения первоисточников зачастую объясняется их утратой, неизвестностью местонахождения, неопубликованностью и т.п.

Проведенный нами источниковедческий анализ коснулся лишь трети существующих анекдотов об А.В. Суворове, только тех из них, которые появились на основе источников (или их фрагментов), вышедших из-под пера полководца. Расчеты показывают, что почти 70% из них находят самое убедительное подтверждение своей достоверности в дошедших до наших дней опубликованных и архивных материалах. А имеющиеся различия между текстами в анекдотах и источниках (изменение слов, словосочетаний, компиляция ряда документов в один анекдот, неточная датировка) только лишь подтверждают, сколь сложны и драматичны бывают порой пути и способы истолкования и интерпретации исторических источников.

³⁷ Там же. С. 119–121.

³⁸ А.В. Суворов. Письма. С. 397–400.

³⁹ Там же. С. 18.

⁴⁰ Анонимная статья о А.В. Суворове (ОПИ ГИМ. Ф. 367. Ед. хр. 9. Л. 1–10).

⁴¹ Цит. по: Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 7–10, 16, 21–22, 25, 33–34, 38, 41, 48–52, 62–63, 87–88, 99, 108–109, 119–122, 154–155, 160, 213.

⁴² Анекдоты (из сборника В.Е. Рудакова), помещенные на страницах 10, 16, 21–22, 25, 38, 48–52, 62–63, 87–88, 99, 119–122, совпадают с документами, расположенными на страницах сборника “А.В. Суворов. Документы” (Т. I. С. 614–615; Т. II. С. 614, 629; Т. III. С. 408, 422, 570, 572–576) и сборника “А.В. Суворов. Письма” (С. 18, 122, 189–190, 324, 350, 397–400).

⁴³ Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 7, 8–9, 10, 33–34, 38, 41, 48, 108–109, 121, 154–155, 160, 213.

Послесловие

В мае 2000 г. исполнилось 200 лет со дня смерти величайшего русского полководца Александра Васильевича Суворова, графа Рымникского, светлейшего князя Италийского, одного из пяти генералиссимусов за всю трехвековую историю российской регулярной армии. Жизнь и деятельность этой прославленной, признанной всем миром исторической личности неоднократно становились объектом изучения многочисленных специалистов разных стран и эпох. Поэтому, когда молодой сотрудник ОПИ ГИМ и студент кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ М.Ю. Матвеев избрал темой своей дипломной работы “Анекдоты о Александре Васильевиче Суворове. Опыт источниковедческого исследования”, никто из его коллег, однокурсников и друзей не удивился. Тема была бесспорно интересной, хорошо обеспеченной источниками и литературой, которые давали самый широкий простор для серьезного научного поиска. Единственное, что никто тогда, пять лет назад, не мог предугадать, что эта работа станет первым и последним трудом молодого, подающего самые радужные надежды, способного исследователя.

Максим Юрьевич Матвеев пришел в ОПИ ГИМ 17-летним юношей в 1987 г. Спустя несколько месяцев он был призван на два года в армию, но после службы вновь вернулся в ставшие для него уже родными музейные стены. Поступив вскоре на вечернее отделение Историко-архивного института РГГУ, Максим Юрьевич учился так же добросовестно и старательно, как и работал, заслуженно пользуясь уважением и искренней симпатией своих многочисленных друзей, однокурсников и коллег.

Страшный недуг (с 1992 г. М.Ю. Матвеев был болен неизлечимым онкологическим заболеванием крови) сильно мешал молодому человеку, но не сломил его воли, не лишил жизнелюбия, оптимизма и поражавших многих трудоспособности и ответственности.

Весной 1997 г. Максим Юрьевич Матвеев успешно защитил свою дипломную работу (научный руководитель – доцент А.Е. Чекунова). Перейдя с должности лаборанта в научные сотрудники ОПИ ГИМ, молодой специалист с присущей ему энергией начал готовить научные описания архивных фондов, работать над составлением справочных картотек и указателей, участвовать в выставочной деятельности ГИМ. Максим Матвеев, к сожалению, не успел издать ни одной своей исследовательской работы. В мае 2000 г., в те самые дни, когда 200 лет назад скончался великий герой его диплома, Максима, только-то отметившего свой 30-летний юбилей, не стало.

Ответственным редактором “Археографического ежегодника” было предложено М.Ю. Матвееву подготовить на основании его студенческой работы статью. Но он не успел этого сделать. И потому вниманию читателей предложен лишь небольшой фрагмент интересного и яркого исследования начинающего историка-источниковеда, которому, как это ни грустно признать, не суждено уже стать зрелым и маститым специалистом.

А.Д. Яновский

Б.Н. Казанцев

КОНЦЕССИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ (ПО ФОНДАМ ГАРФ И РГАСПИ)

Перевод экономики Советской республики на мирное строительство после гражданской войны и разгрома интервентов, переход к новой экономической политике (1921), сопровождавшийся восстановлением товарно-денежных отношений, внесли существенные коррективы в хозяйственно-юридическую и внешне-политическую деятельность Советского государства. Серьезное влияние на всю торговую и промышленную политику новой власти внутри страны оказывали сложные и противоречивые процессы, связанные с формированием элементов смешанной экономики в условиях развития рыночных начал в период восстановления народного хозяйства в первой половине 1920-х годов. В частности, появление новых организационных форм и методов хозяйствования в производственной сфере были обусловлены переводом многих промышленных предприятий с государственного снабжения на так называемый хозяйственный, или коммерческий, расчет с целью извлечения прибыли. Эта переориентация происходила одновременно с процессом создания в государственной промышленности крупных производственных структур (трестов).

Новые проблемы по сравнению с военным периодом и проводившейся тогда политикой “военного коммунизма” возникли перед государственными органами и на международной арене. Они решались по мере восстановления и расширения торговых, промышленных, кредитных и иных отношений с капиталистическими странами. Одной из первоочередных и актуальных задач во внешнеполитической деятельности государства стала задача привлечения иностранного капитала в жизненно важные отрасли экономики. Ее реализации служили основные принципы концессионной политики и конкретные предложения, изложенные советской делегацией на международных конференциях в Генуе (Италия) и Гааге (Нидерланды) в 1922 г. Значение проблемы капиталистических инвестиций возрастало и потому, что Советская власть не располагала достаточными средствами для проведения широких восстановительных работ.

В исторической и экономической литературе по проблемам восстановительного периода можно выделить лишь несколько работ, в которых прослежены или затронуты вопросы концессионной политики и концессионной практики Советского государства в 1920-е годы¹.

Некоторые сведения (цифровые данные о предложениях иностранных соискателей на концессии и количестве заключенных договоров в 1922 и 1923 гг., перечень концессионных предприятий, санкционированный СНК и опубликованный в печати в 1923 г., правительственные проекты основных принципов концессионных договоров и проекты на открытие отдельных концессий в начале

¹ См., например: *Бутковский Вл.* Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928; *История социалистической экономики СССР: В 7 т. М., 1976. Т. 2. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921–1925 гг.*; *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990; *Люттов Л.Н.* Частная промышленность в годы нэпа (1921–1929). Изд-во Саратов. ун-та, 1994; и др.

1921 г.) о концессионной политике Советского правительства содержатся в справочнике “Промышленная Россия”, документальной серии “Декреты Советской власти” (ДСВ) и в отдельных томах биографической хроники “Владимир Ильич Ленин”². Однако в научных исследованиях и в документальных публикациях еще не предпринималось серьезных попыток анализа групп архивных источников, содержащих сведения о методах и формах проведения указанной политики центральными органами власти и их структурными подразделениями в восстановительный период. В данной статье анализируются в основном материалы о деятельности Главного комитета по делам о концессиях и акционерных обществах при Совете Труда и Обороне РСФСР и Главного концессионного комитета при Совнарком, хранящиеся (соответственно) в фондах ЦК РКП(б) в РГАСПИ, СНК РСФСР и СНК СССР в ГАРФ, а также некоторые другие документы по теме из фондов В.М. Молотова и Ф.Э. Дзержинского (РГАСПИ), которые были засекречены.

Основы концессионной политики Советского государства были определены постановлениями СНК РСФСР об общих экономических и юридических условиях концессий от 23 ноября 1920 г. и декретом “Основные принципы концессионных договоров” от 29 марта 1921 г., подписанными председателем СНК В. Ульяновым (Лениным)³. В них были сформулированы стратегические цели инвестиционной политики и ближайшие задачи по привлечению “иностранных государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ” и других организаций капиталистических государств “к делу добывания и переработки природных богатств России”⁴. Их осуществление могло бы ускорить процесс восстановления производительных сил страны.

В декрете СНК “О порядке подписания договоров на концессии” от 28 апреля 1921 г. давалось разъяснение по этому вопросу⁵.

Ноябрьский (1920) декрет был одобрен X съездом РКП(б) (1921), провозгласившим введение нэпа. В резолюции съезда “Советская республика в капиталистическом окружении” была дана также трактовка понятия “концессия”. Она понималась как одна из “форм участия иностранного капитала в разработке естественных богатств Советской республики” и как форма “экономического соглашения между социалистической республикой и более ее развитыми в промышленном отношении капиталистическими странами”⁶.

В начале 1920-х годов предпринимается попытка дать более развернутую формулировку понятия “концессия”. Необходимость в ней, видимо, возникла в процессе написания раздела “Концессии” для готовящегося справочного издания “Промышленная Россия. 1923–1924 г.” Констатируя отсутствие в российских законах исчерпывающего определения этого термина, неизвестный автор (авторы?) раздела, исходя из опыта подготовки концессионных договоров и теории права, сделал “попытку о п р е д е л и т ь концессию как договор Правительства СССР (или местных властей, но с окончательным утверждением союзного правительства) с иностранным предпринимателем (концерн, консорциум, синдикат, акционерное общество, единоличный организатор) о предоставлении предпринимателю комплекса прав, – выходящих за пределы обычной аренды, подря-

² См.: Промышленная Россия. 1923–1924 г.: Справ. книга / Изд.-во газ. “Экономическая жизнь”. Б. г.; ДСВ. М., 1989. Т. XIII; М., 1997. Т. XIV; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1979. Т. 10; М., 1982. Т. 12. (Далее: В.И. Ленин: Биохроника).

³ См.: ДСВ. М., 1983. Т. XI. С. 251–253; 1989. Т. XIII. С. 497–498.

⁴ Там же. Т. XI. С. 252.

⁵ Там же. 1997. Т. XIV. С. 155.

⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е, доп. и испр. изд. М., 1983. Т. 2. С. 374.

да, скупки или массовой продажи, – строительства и эксплуатации сооружений, разработки недр, агрикультуры, банковских операций и т.п.»⁷

Первоначально этими делами занимались Концессионная комиссия (вскоре была преобразована в комитет) при Государственной общеплановой комиссии (Госплан) при Совете Труда и Обороне РСФСР (СТО РСФСР), Особая комиссия по делам о смешанных обществах при СТО и Концессионный комитет Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), созданный постановлением СТО РСФСР от 30 июня 1921 г. Последний руководил работами по концессионным вопросам органов, подведомственных ВСНХ, и представлял проекты на утверждение СНК⁸. К сожалению, о деятельности первых концессионных учреждений в изученных архивных фондах практически ничего не обнаружено. Исключение составляет документ «Заключение начальника “Грознефти” И.В. Коссиора (так в тексте. – Б.К.) о нефтяной концессии, предлагаемой к выдаче французскому обществу “ОМНИМУМ”» от 19 мая 1923 г. В нем приведен пример об одном из первых заседаний Госплана, состоявшегося 31 декабря 1921 г., на котором он присутствовал, и постановление: “а) произведя тщательный анализ положения нефтяной промышленности, Концессионная комиссия при Госплане постановила считать, что государство в силах самостоятельно вести нефтяное хозяйство в пределах, утвержденных производственных программ при условии регулярного снабжения промыслов достаточным количеством денежных знаков и продовольствия, а также отпуска соответствующего золотого кредита на заграничные покупки”⁹.

В обозреваемых фондах не удалось найти также исходных материалов, связанных с упразднением первых концессионных органов (комиссий и комитета) и подготовкой декрета СНК “Об учреждении Главного комитета по делам о концессиях и акционерных обществах” при СТО (декрет был принят 4 апреля 1922 г.). Новый управленческий орган должен был устранить параллелизм и несогласованность в процедуре выдачи документов на получение концессии и при утверждении устава акционерного общества¹⁰.

Создание объединенного концессионного органа потребовало разработки соответствующего документа о его правовом статусе. 21 ноября 1922 г. на заседании СНК при активном участии В.И. Ленина состоялось обсуждение проекта Положения о Главном концессионном комитете¹¹. Новое положение готовилось при участии председателя Главконцесскома при СТО Г.Л. Пятакова. Косвенно это подтверждается его письмом в Политбюро ЦК РКП(б) от 29 декабря 1922 г. Письмо напечатано на ведомственном бланке с обозначениями: “РСФСР. Главный комитет при Совете Труда и Обороне по делам о концессиях и акционерных обществах. Москва, Воронцово поле, 6. Телефон] № ... Декабря 29 дня 1922 г., № 2052”. Подпись под документом “Г. Пятаков” сделана синим карандашом¹².

Из письма видно, что Пятаков при внесении конкретных предложений в Политбюро использовал “старые дела” Концесскома. Приведем эту часть письма: “Из ознакомления со старыми делами Концессионного комитета я прежде всего сделал тот практический вывод, что руководство концессионным делом, в частности концессионными переговорами, должно быть значительно более централизованно, чем это имело место до сих пор. Я не думаю, что нужно было бы уп-

⁷ Промышленная Россия. 1923–1924 г.: Справ. книга. С. 30.

⁸ Там же. С. 31; *Бутковский Вл.* Указ. соч. С. 31.

⁹ РГАСПИ. Ф. 82 (В.М. Молотов). Оп. 2. Д. 453. Л. 26.

¹⁰ См. о нем: *Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов, 1917–1959.* М., 1961. С. 102 (со ссылкой на: *Собрание узаконений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ).* 1922. № 28. Ст. 320).

¹¹ См.: В.И. Ленин: Биохроника. Т. 12. С. 493.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5446 (Совет Народных Комиссаров СССР). Оп. 55 (Секретариат зам. председателя СНК СССР т. Рыкова А.И.). Д. 325. Л. 2–3.

разднить всякие иные концессионные органы, кроме Главконцесскома, но эти органы должны безусловно действовать под руководством Главного концессионного комитета, причем это руководство должно быть не только общедирективного характера, но и конкретно направляющего.

В старых делах, например, сплошь и рядом попадаются такие случаи, когда по одному и тому же вопросу посылаются иностранной фирме письма от Главного концессионного комитета, от Концессионного комитета ВСНХ, от соответствующего торгпреда и т.п., и фирма, выбирая между этими письмами, официально подтверждает получение наиболее удобного для нее письма. Такой порядок совершенно нетерпим¹³. По мнению автора письма, ГКК в своей практической деятельности должен стоять на позиции “активного вмешательства в ведении переговоров” и проявлять инициативу в этих делах.

Для повышения роли ГКК Пятаков считал необходимым: воспретить любому ведомству вести переговоры с иностранными капиталистами без разрешения ГКК; учредить в Берлине (Германия) при полномочном представительстве РСФСР концессионный комитет, подчиненный ГКК¹⁴; при начале переговоров по концессионным делам за границей немедленно информировать об этом Берлинский концессионный комитет.

Краткая информация о подготовке вышеназванного положения о ГКК содержится также в протоколе № 546 заседания СНК от 6 февраля 1923 г. В нем записано: “Слушали:... 7 [пункт] 1. Проект положения о Главном концессионном комитете – во исполнение постановления СНК от 21/XI–22 г. (пр[отокол] СНК [№] 533, п[ункт] 2в, № 336, п[ункт] 1). Внесено Пятаковым. Постановили: 7. Предложить СТО с приглашением представителя НКВД рассмотреть представленный т. Пятаковым проект и внести его со всеми замечаниями на утверждение СНК в следующий вторник. 13/II–23 г.”¹⁵

Упоминание в протоколе СНК о представителе Наркоминдела наводит на мысль о том, что на заседании правительства замечания высказали руководители этого наркомата Г.В. Чичерин или М.М. Литвинов – о необходимости более четкого отражения в “Положении” участия НКВД в зарубежных переговорах ГКК.

В “Кратком отчете о деятельности Главного концессионного комитета за декабрь 1922 г.”, направленном 12 января 1923 г. секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину, и в “Краткой справке о деятельности Главного концессионного комитета за январь 1923 г.” от 2 февраля 1923 г., адресованной также Сталину, имеются ценные сведения об организационном становлении ГКК при СТО и о первых шагах его практической работы. Оба документа подписаны Г. Пятаковым¹⁶. В “Кратком отчете...” указано, что в соответствии с постановлением СНК от 21 ноября 1922 г. к ведению Комиссии по внутренней торговле при СТО были отнесены дела по рассмотрению проектов уставов акционерных обществ на всей территории РСФСР. “12 декабря 1922 г., – написано в отчете, – совершена была предварительная передача дел Ак[ционерной] секции Главконцесскома, за исключением дел смешанных обществ с участием иностранного капитала, в Комвноторг. Передача эта оформлена особым актом 25 декабря за подписью председателя Главконцесскома тов. Пятакова и пред[седателя] Комвноторга тов. Лежавы”¹⁷.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Это положение Пятакова было реализовано. 9 февраля 1923 г. зам. председателя СТО РСФСР А.И. Рыковым и секретарем СТО Л.А. Фотиевой было подписано “Положение о концессионной комиссии при Берлинском торговом представительстве”. В пункте 1 записано: “При торговом представительстве РСФСР в Германии учреждается Концессионная комиссия, действующая по указаниям Главного комитета по делам о концессиях и акционерных обществах” (СУ. 1923. № 12. Ст. 154).

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р.-130 (Совет Народных Комиссаров РСФСР). Оп. 7 Д. 1а. Л. 58, 60.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный Комитет РКП(б)). Оп. 84. Д. 573. Л. 5–7, 9–11.

¹⁷ Там же. Л. 5.

После разграничения функций между указанными учреждениями со 2 декабря 1922 г. ГКК начал работать “по новым заданиям при новом составе членов, утвержденном СНК 12 ноября (прот[окол] № 537, п[ункт] 16) (т.т. Пятаков, Ганецкий, Биткер, Гойхбарг и Догодаев)”. 2 декабря “в присутствии старого состава ГКК был рассмотрен проект положения о Главном концессионном комитете”. Однако по решению СНК обсуждение этого вопроса было отложено на месяц, чтобы можно было “учесть практический опыт работы в новом составе”¹⁸.

В “Кратком отчете” содержатся также данные о структурных подразделениях ГКК и о распределении обязанностей между членами комитета. Так, в 20-х числах декабря было намечено создать ряд отделений. Основным назначением отделений являлась предварительная подготовка дел для их последующего рассмотрения на заседаниях ГКК. В первую группу, которую курировал Я.С. Ганецкий, входили следующие отделения: торговое, транспорта и связи, сельского хозяйства. Во вторую, “под наблюдением” Г.С. Биткера¹⁹, – промышленное, горное отделения.

В названной выше “Краткой справке...” отмечалось, что в январе 1923 г. ГКК продолжал “слаживать” свою работу. 4 января было рассмотрено Положение о концессионной комиссии при Берлинском торгпредстве (в окончательном виде принято 27 января), а 13 января – о концессионной комиссии при Дальревкоме. На последнем заседании (27 января) окончательно было принято также новое Положение о Главном концессионном комитете при Совнаркоме. Все положения переданы на утверждение СНК²⁰.

В обоих источниках назван и ряд концессионных предложений, поступивших от немецких, французских, английских, американских и других фирм. Так, в “Справке” указано, что на заседании 11 января 1923 г. рассмотрен вопрос о группе нефтяных концессий, 13 января – о концессиях на Дальнем Востоке, а 25 января – вопрос о лесных концессиях²¹. Отмечено также, что представитель “Стандарт Ойл” впервые обратился к Л.Б. Красину с официальной просьбой за разрешением приехать в Советскую Россию для ведения переговоров о нефтяной концессии и что соответствующее разрешение ему дано²². В “Краткой справке” перечислены названия еще пяти договоров, утвержденных СНК по представлению ГКК. Среди них и санкционированный правительством 21 января договор с калифорнийской компанией Синклера на разведку и эксплуатацию нефти на Северном Сахалине²³.

Вопросы создания правительственного учреждения, призванного заниматься разработкой основных условий и конкретных форм привлечения заграничного капитала в условиях развития рыночных отношений в стране были определены в трех декретах Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и СНК 1923 г. Это следующие постановления: “Об учреждении Главного концессионного комитета при Совете Народных Комиссаров” от 8 марта, “Об образовании при Совете Народных Комиссаров Союза ССР Главного концессионного комитета” от 17 июля и “Об учреждении Главного концессионного комитета при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик” от 21 августа²⁴. Новый управленческий орган при СНК обязан был осуществлять “общее руководство всем делом привлечения и допущения иностран-

¹⁸ Там же. Л. 5 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 9 об.

²² Там же. Л. 10.

²³ Там же.

²⁴ См.: СУ. 1923. № 20. Ст. 246; № 83. Ст. 810; № 96. Ст. 952.

ного капитала и промышленности^{1*} к торговой и иной хозяйственной деятельности на территории СССР”²⁵. На ГКК при СНК возлагались также задачи подготовки проектов концессионных договоров и их представления на утверждение правительства. Состав ГКК при СНК первоначально был определен в пять человек – председатель и четыре члена.

Среди изученных архивных дел информацию о персональном составе содержит “Секретная сводка № 1” Информационного отдела ГКК при СНК от 1 декабря 1923 г. Это – председатель Г.Л. Пятаков, его заместитель М.М. Литвинов, члены Г.С. Биткер, П.А. Богданов, Гойхбарг, А.И. Догадов, Л.Б. Красин, П.Г. (?)Мдивани и А.Е. (?)Минкин²⁶. Таким образом, спустя восемь месяцев после принятия декрета о ГКК при СНК его состав увеличился с пяти до девяти человек, а в последующие годы еще более.

В отдельных делах фонда СНК СССР (ГАРФ) встречаются отрывочные данные, помогающие реконструировать структурные подразделения ГКК периода 1923–1925 гг. В них названы информационный, юридический и экономический отделы. Они готовили для руководства ГКК служебные записки и отчетные материалы, специальные информационные бюллетени и секретные сводки.

В состав Главконцесскома входили также Управление делами и канцелярия. В числе первых управляющих делами были М.М. Оскольский и Н.А. (?)Орлов²⁷. Фамилия и подпись управляющего делами встречается в переписке о порядке опубликования в открытой печати сведений о концессионных делах. По этому вопросу немалый интерес представляют два письма. В письме ГКК при СНК на имя управляющего делами СНК Н.П. Горбунова от 24 марта 1923 г. написано: «Газеты и “РОСТА” получают от Вас информацию по вопросам о концессиях. Главный концессионный комитет просит Вас не отказать сделать соответствующее распоряжение подведомственным Вам органам – впредь никаких сведений по концессионным делам ни прессе, ни “РОСТА” не давать, ввиду желательности, чтобы вся информация о концессиях исходила от нас в соответствующем освещении.

Управделами ГКК
Зав. отд.[елом] экон[омической] информации –

Водовозов
Нейгольдберг»²⁸

В ответном письме Управления делами СНК и СТО от 17 апреля 1923 г., адресованном Пятакову, была изложена правительственная позиция по затронутому вопросу. В частности, разъяснялось: “По существующим законам редакции газет получают информацию о работах Правительства только лишь с визой управляющего делами СНК и СТО. Обычно публикуются только те постановления, по поводу которых есть специальные указания Правительства о том, что они публикации подлежат [...] Разумеется о тех концессионных делах, по которым имеются постановления Правительства, информация будет даваться на тех же основаниях, на коих дается информация о работах Правительства вообще. Однако в отношении дел концессионных, где публикация дел [должна] быть сугубо осторожной. Управление делами СНК и СТО считают совершенно необходимым установить постоянное и прочное соглашение с Главным концессионным комитетом дабы избежать возможной ошибки”.

В связи с уходом Водовозова из аппарата ГКК в этом письме содержалась просьба к Пятакову сообщить фамилию нового лица, через которое можно было бы получить “в каждом отдельном случае его согласие на публикацию постановлений Правительства, касающихся утверждения или отклонения той

^{1*} Так в документе.

²⁵ СУ. 1923. № 96. Ст. 952.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 331. Л. 57.

²⁷ Там же; Промышленная Россия. 1923–1924 г.: Справ. книга. С. 121.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 7. Д. 169. Л. 6. Заверенная копия.

или иной концессии. Совершенно очевидно, – указывалось в конце письма, – что это лицо должно целиком отвечать перед ГKK и опубликованные сведения о той или иной концессии будут считаться целиком согласованными с ГKK.

Зам. управделами СНК и СТО

(Смолянинов)²⁹.

Этот ответ Управления делами СНК помогает установить начало (позднее 17 апреля 1923 г.) дозировки предоставлявшейся прессе информации относительно правительственных решений о концессиях.

В архивных материалах Главконцесскома имеется информация о переговорах с зарубежными фирмами относительно создания так называемых “чистых” и смешанных торговых и промышленных концессий. Ряд ценных такого рода предложений содержит “Докладная записка” торгового уполномоченного РСФСР в Берлине Б.Б. Стомонякова от 30 марта 1923 г.³⁰ В этой записке на имя председателя ГKK при СНК Г.Л. Пятакова (копии адресованы Л.Б. Красину, И.Т. Смилге, М.М. Литвинову, Н.Н. Крестинскому, А.И. Рыкову и И.В. Сталину) он изложил свою позицию на ведение переговоров и заключение договоров с крупными иностранными компаниями на концессии.

В ней приведены любопытные факты о начальной фазе создания смешанных российско-германских обществ. «Два года тому назад, – писал Стомоняков, – еще парии на капиталистическом рынке, с которыми громадное большинство крупных мировых фирм избегали прямых соглашений, мы основали в Берлине первое российско-иностранное смешанное общество с мировой фирмой “Гамбург–Америка–линия” не только на паритетных началах, но и с нашим решающим голосом в высшем органе общества, в случае разделения голосов поровну»³¹. В документе подчеркнута, что при переговорах с немецкой стороной мы “боролись за паритетность как за основной принцип образования нами смешанных обществ с заграничным капиталом”³².

В нем критикуется также договор об основании смешанного общества для продажи российских нефтепродуктов Англии, предварительно подписанный представителями Экспертного управления нефтяного синдиката Кудишем и Тер-Оганесовым в Лондоне. По договору английской фирме должно было принадлежать 51% акций, тогда как российской стороне – только 49%. Такое условие, считал Стомоняков, для нас неприемлемо “не только с точки зрения интересов будущей организации продажи наших нефтепродуктов за границей, но главным образом с точки зрения интересов нашей концессионной политики в целом”³³.

“Записка” может служить одним из источников для изучения имевшихся тогда разных подходов к проблеме образования торговых концессий. В ней указывается на наличие двух точек зрения по этому вопросу, между выразителями которых шла явная или скрытая борьба. При этом представители альтернативной точки зрения доказывали “целесообразность уступки капиталистам большинства акций”, мотивируя это тем, что в противном случае “мы сможем основывать лишь небольшие смешанные общества, где капиталистический контрагент не несет никакого риска”³⁴.

²⁹ Там же. Л. 5–5 об. Подпись В.А. Смолянинова под машинописным текстом письма (на типографском бланке Управления делами СНК) отсутствует.

³⁰ Записка была зарегистрирована в секретариате зам. председателя СНК и СТО А.И. Рыкова 12 апреля 1923 г. См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 324. Л. 3.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 4.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 4.

Аргумент против паритетного начала долгое время преобладал при переговорах о создании крупных торговых концессий, пока не был заключен договор с крупным германским капиталистом Отто Вольфом³⁵.

После подписания этого соглашения об учреждении смешанного общества для ввоза в Советскую Россию металлургических изделий³⁶, сторонники образования смешанных торговых обществ на более выгодных для иностранных инвесторов условиях оказались в меньшинстве, а вскоре они потерпели и полное фиаско³⁷. Стомоныков просил Главконцеском подготовить директиву о том, что «смешанные общества основываются Российским правительством и его органами в принципе только на паритетных началах»³⁸.

Материалы о переговорах с капиталистическими компаниями о предоставлении им промышленных и иных концессий отложились в ряде дел фондов ЦК РКП(б) (Ф. 17) и В.М. Молотова (Ф. 82), хранящихся в РГАСПИ. Это – предложения иностранных инвесторов, справки, обзоры, письма и записки Главконцескома и переписка с ним центральных партийных и государственных органов в 1921–1923 гг.

Среди имеющихся в этой группе документов обращает на себя особое внимание совершенно секретная телеграмма Л.Б. Красина из Лондона, расшифрованная в Москве 5 декабря 1921 г. Она начинается так: «Москва, Чичерину. Ленину. Богданову. Лежаве. Меня посетил директор Фондейшиен компани, приехавший из Америки специально для переговоров по поводу изысканий нефтепровода Грозный–Новороссийск»³⁹.

Далее сообщались условия сотрудничества этой компании. «Она обязуется доставить технический руководящий штат около 12 человек для руководства работой» и передать в распоряжение Советского правительства по результатам изысканий будущей трассы проект нефтепровода. Все основные изыскательские работы, включая доставку «необходимых инженеров» и «необходимую для работы рабочую силу», должно обеспечить Советское правительство⁴⁰. Красин в основном высказался за заключение контракта с компанией и просил руководство срочно сообщить свое мнение⁴¹. К сожалению, в материалах по рассматриваемому вопросу ничего не сказано об ответе Красину.

В фонде В.М. Молотова имеются письма Г.Л. Пятакова и другие документы, относящиеся к созданию нефтяной концессии на юге. В своем письме в Политбюро ЦК партии (секретарю ЦК Сталину) от 4 мая 1923 г. председатель ГКК высказался за подписание соглашения с крупной французской фирмой «ОМНИМУМ» и подверг критике позицию начальника треста «Грознефть» И.В. Косиора, возражавшего против предоставления фирме концессии. Пятаков информировал Сталина о том, что «в общих чертах условия концессии определены» и просил его «поставить вопрос на обсуждение Политбюро»⁴².

В приложенном к письму «Заключении начальника «Грознефти» И.В. Косиора о нефтяной концессии, предполагаемой к выдаче французско-

³⁵ Точную дату заключения этого договора установить не удалось. Известно лишь, что вопрос о торговой концессии О. Вольфу обсуждался на заседании СТО 13 октября 1922 г. А 19 октября 1922 г. В.И. Ленин выступил на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с докладом «О договоре с представителем одного из крупнейших в Германии концернов в тяжелой промышленности О. Вольфом» (В.И. Ленин: Биохроника. Т. 12. С. 413, 422).

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 331. Л. 35.

³⁷ Там же. Д. 324. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 7.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 196. Л. 36.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 453. Л. 21–23. Копия.

му о[бщест]ву “ОМНИМУМ”» и в кратком обзоре «О нефтяной концессии французской фирме “ОМНИМУМ”» (составленных по данным Косиора) изложены конкретные данные о будущем объекте концессии (нефтеносном участке земли близ г. Грозного), а также мотивы отрицательного отношения Косиора к указанной фирме. В конце обзора приведен текст правительственного постановления, пункт 1: “Признать возможным утверждение договора на предложенных Главным концессионным комитетом основаниях...”⁴³

Некоторые данные об утверждении предварительно подписанных концессионных договоров содержатся также в отдельных протокольных записях СТО за 1922–1923 гг. В частности, в них зафиксированы: утвержденный СТО 21 апреля 1922 г. договор о смешанном обществе “Руссанглелес-Лимитед” по эксплуатации лесов Русского Севера и санкционированный им 22 сентября 1922 г. договор между государственным объединением (трестом) лесной промышленности района Западной Двины “Двинолес” и голландским акционерным обществом “Альтиус и К^о” (заключен 7 июля 1922 г.) об учреждении смешанного общества “Двинолес–Экспорт–Лимитед”⁴⁴.

В протоколах заседаний за 1923 г. имеется постановление СТО за подписями заместителя председателя СТО А.И. Рыкова и секретаря Л.А. Фотиевой о предоставлении концессии компании Синклер. В нем записано: “1. Поручить председателю ВСНХ т. Богданову и зам. наркоминдела т. Литвинову подписать утвержденный постановлением СНК от 23 января 1923 г. договор с разведывательной компанией Синклер на концессию по эксплуатации земель на территории о[стро]ва Сахалин; 2) подведомственность и наблюдение за выполнением [...] договора возложить на ВСНХ по ГУТ-у”⁴⁵.

В протоколах СНК за первые месяцы 1923 г. сохранились также записи о решениях по отдельным концессиям, которые конкретизируют и дополняют соответствующие данные других источников. Так, на заседании 16 января 1923 г. (протокол № 543), проходившем под председательством зам. председателя СНК Л.Б. Каменева, слушали вопрос “О концессии Круппа – внесено т. Пятаковым, доклад[чик] т. Каменев” и постановили утвердить договор⁴⁶. 6 февраля 1923 г. было заслушано “Сообщение об утверждении зам. пред[седателя] СНК пост[ановления] о предоставлении тт. Крестинскому, Стомонякову и Фридрихсону полномочий на подписание в Берлине от имени Русского Правительства договора с фирмой Крупп”⁴⁷.

Несколько ранее, на заседании правительства 30 января, слушалось «Сообщение о подписании 29/I–23 г. пост[ановления] от 12/XII–22 г. [...] об утверждении проектов договоров с представителем акц[ионерного] о[бщест]ва “Юнкерс”»⁴⁸. К этой протокольной записи с пометкой “В[есть]ма с[рочно]” приложен текст самого постановления.

«Совет Народных Комиссаров постановил: 1. Утвердить подписанное представителем акционерного общества по самолетостроению “Юнкерс” в Дессау и одобренные Главным концессионным комитетом проекты договоров:

- а) о производстве самолетов и моторов (№ 1),
- б) о воздушной линии Швеция–Персия (№ 2),
- в) об аэросъемке (№ 3).

⁴³ Там же. Л. 13.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 1855. Л. 152.

⁴⁵ ГУТ – Главное управление по топливу ВСНХ. См.: Управление народным хозяйством СССР, 1917–1940 гг.: Сб. док. М., 1968. С. 63.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 7. Д. 1а. Л. 22.

⁴⁷ Там же. Л. 64.

⁴⁸ Там же. Л. 55.

2. Поручить председателю ВСНХ т. П. Богданову и замнаркоминдел т. М. Литвинову подписать указанные договоры.

Зам. председателя Совета народных Комиссаров Л. Каменев^{2*}
Управделами Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов^{2*}
Секретарь Совета Народных Комиссаров^{3*}
Москва, Кремль.
29–1–23 г.»⁴⁹

В делах секретариата СНК СССР хранятся копии сводок, списков и черновики “перечней” с цифровыми сведениями об утвержденных концессионных предприятых. Одним из первых служебных документов такого рода можно считать названную ранее “Секретную сводку № 1” от 1 декабря 1923 г., подготовленную Информационным отделом ГКК⁵⁰. В преамбуле отмечалось, что даже “сухие” цифровые данные “о двухлетней работе Главконцесскома” дают возможность “констатировать непрерывное увеличение нашей концессионной деятельности, как в смысле общего итога заключенных договоров и поступивших концессионных предложений со стороны иностранного капитала, так и в отношении актуальности новых предложений”⁵¹.

В “Секретной сводке” перечислены концессии, утвержденные правительством на протяжении первых двух лет нэпа – до 1 октября 1923 г. включительно. Данные сгруппированы по пяти отраслям: “Добывающая и обрабатывающая промышленность”, “Транспорт и связь”, “Лесные концессии”, “Сельскохозяйственные концессии” и “Торговые концессии”⁵².

Результаты практической деятельности отделов ГКК отражены также в машинописном “Списке концессионных договоров, заключенных до 1-го января 1924 года” (датирован 31 декабря 1923 г.), включающем 53 концессии⁵³. Указаны названия обществ, род их деятельности, даты подписания каждого соглашения и сроки функционирования компаний. Первым в “Списке” значится Большое Северное телеграфное общество (Дания), договор с которым был заключен на 25 лет (с 21 июля 1921 г. по 31 декабря 1946 г.). Последним – договор с германской компанией “Бергер и Вирт” на концессионную фабрику красок в Петрограде, заключенный 11 декабря 1923 г. сроком на 24 года⁵⁴. Однако в этом источнике нет дифференцированных сведений о количестве объектов, сданных в концессии в 1921, 1922 и 1923 гг.

В изученных материалах почти отсутствуют данные о поступивших в Главконцесском в начале 1924 г. предложениях из разных государств (так называемых предложений по национальности соискателя) на организацию концессий в СССР. Лишь отношение ГКК в ОГПУ (Ф.Э. Дзержинскому) от 18 января 1924 г. содержит краткую информацию о начавшихся “в настоящее время” переговорах советского полпреда в Англии Х.Г. Раковского с английскими и французскими фирмами о создании смешанного общества по продаже уральской платины и о ставших известными фактах утечки платины за рубеж⁵⁵. Обеспокоенный этим известием, Дзержинский уже 19 января послал записку в Политбюро ЦК РКП(б), в которой

^{2*} Автограф.

^{3*} Подпись отсутствует.

⁴⁹ Там же. Л. 57. Машинописный подлинник.

⁵⁰ Судя по сделанной сверху первого листа Сводки надписи карандашом – “Пятакову”, – она предназначалась для него. См.: ГАРФ. Ф. Р.-5446. Оп. 55. Д. 331. Л. 34.

⁵¹ Там же. Л. 34.

⁵² Там же. Л. 34–35.

⁵³ Там же. Л. 1–4.

⁵⁴ Там же. Л. 4.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 76 (Ф.Э. Дзержинский). Оп. 3. Д. 320. Л. 2.

Сравнительная таблица заключенных ГKK договоров до 1-го июня 1924 года по объектам концессий*

№	Объекты концессий	1 января [19]23 г.		1 июня 1924 г.		Всего	
		В абс. цифр.	В %	В абс. цифр.	В %	В абс. цифр.	В %
1	Торговые	3	27,28	20	56,62	23	37,56
2	Промышленные	4	36,36	9	19,61	13	23,63
3	Сельскохоз[яйственные]	—	—	10	21,79	10	17,07
4	Лесные	1	9,08	3	6,52	4	8,86
5	Прочие	3	27,28	4	8,70	7	12,28
	Всего	11	100%	46	100%	57	100%

* ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 607. Л. 4.

обратил внимание адресата на колоссальную контрабанду платины за границу и на необходимость принятия энергичных мер по пресечению незаконного ее вывоза с Урала⁵⁶.

Среди справочных материалов к докладам председателя (с 1924 г.) СНК СССР А.И. Рыкова по концессионным вопросам определенную ценность имеют две сравнительные таблицы о договорах, отражающие итоги практической деятельности Главконцесскома на 1 января 1923 г. и на 1 июня 1924 г. В одной из них концессионные объекты сгруппированы по пяти отраслям народного хозяйства (табл. 1).

Из таблицы видно, что на 1 января 1923 г. в стране насчитывалось 11 концессионных объектов (в том числе четыре промышленных и три торговых). Спустя 1 год и 5 месяцев общее число договоров составило 46, из них 20 приходилось на торговые, 10 – на сельскохозяйственные и 9 – на промышленные объекты.

Судя по данным приведенного выше “Списка” от 31 декабря 1923 г. и итоговой графе табл. 1, можно полагать, что за первые 5 месяцев 1924 г. было заключено только 4 договора (57–53), что свидетельствует о некотором снижении концессионной активности инвесторов.

В табл. 2 перечислены страны (так называемые соискатели), подписавшие договоры на концессии в СССР.

В табл. 2 зафиксирована степень участия Соединенных Штатов Северной Америки (ныне США), Англии, Франции и Германии в учреждении концессий в СССР с начала 1923 и до лета 1924 г. На их долю соответственно приходилось 7 (63,64%) из 11 и 27 (58,70%) из 46 концессионных договоров. Больше всего договоров с ГKK заключили Германия (16) и США (10). Заметно выросло и участие Англии в концессионных делах.

Значительную ценность представляет и отношение Главконцесскома от 14 июня 1924 г. за подписью управляющего делами М. Оскольского, адресованное управляющему делами СНК СССР Н. Горбунову⁵⁷. (С ним были препровождены рассмотренные выше таблицы.) Здесь изложены предварительные расчеты инвестированного в экономику страны иностранного капитала со следующим разъяснением: “Точно учесть размер влагаемого иностранцами капитала в концессионные предприятия представляется затруднительным, так как договор фиксиру-

⁵⁶ Там же. Л. 1.⁵⁷ Там же. Д. 607. Л. 1, 6.

Сравнительная таблица заключенных ГKK договоров до 1-го июня 1924 г.
по национальностям соискателей*

№	Националь[ость]	1 января [19]23 г.		1 июня 1924 г.		Всего	
		В абс. цифр.	В %	В абс. цифр.	В %	В абс. цифр.	В %
1	США	4	36,36	6	13,04	10	17,67
2	Англия	–	–	7	15,22	7	12,28
3	Франция	–	–	1	2,18	1	1,77
4	Германия	3	27,28	13	28,26	16	31,72
5	Прочие	4	36,37	19	41,30	23	37,56
	Всего	11	100%	46	100%	57	100%

* ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 607. Л. 2.

ет размер основного капитала, а в торговых договорах и смешанных обществах, кроме того, размер обязательного иностранного кредита, в производственных же концессиях размер оборотного капитала определяется обязательной производственной программой⁵⁸. Поэтому приводимые цифры инвестированного капитала ГKK считал заниженными⁵⁹. Вот эти “Примерные цифры инвестированного иностранного капитала, фиксированные в договорах:

Основной капитал – свыше 25 000 000 руб.,

Кредит – около 37 000 000 руб.

(Цифра кредита с 54 мил. руб. снизилась до 37 м[ил] р[уб] в связи с прекращением кредитования Отто Вольфом)⁶⁰.

В документах фонда СНК отражена также роль Политбюро ЦК РКП(б) в разработке и осуществлении концессионной политики. К таким источникам относятся протоколы заседаний Политбюро, выписки из них и материалы заседаний комиссии, созданной по решению Политбюро. Так, в изученных делах секретариата Предсовнаркома А. Рыкова сохранилась выписка из протокола № 38 заседания Политбюро ЦК от 27 ноября 1924 г. за подписью И. Сталина, посвященная концессионным вопросам, и протокол № 1 заседания комиссии Политбюро о концессиях от 20 декабря 1924 г., подписанный Рыковым.

В первом документе указано, что на заседании Политбюро был заслушан доклад Рыкова “О концессиях” и постановлено: “Для рассмотрения в целом вопроса о положении с существующими концессиями и о концессионной политике создать комиссию в составе тт. Рыкова, Пятакова, Дзержинского (с заменой Манцевым), Чичерина (с заменой Литвиновым), Сокольников, Уншлихта, Фрумкина, Томского (с заменой Догадовым) и Янсона (с заменой Стецким). Предложить комиссии обсудить также вопрос о целесообразности образования вневедомственного органа по наблюдению за существующими концессиями. Созыв комиссии за т. Рыковым⁶¹.”

Во втором документе отмечено, что на заседании созданной комиссии был заслушан план работы (докладчик Рыков). Вынесено постановление: “Считать необходимым для полного выяснения вопроса заслушать в комиссии следующие доклады:

⁵⁸ Там же. Л. 5.

⁵⁹ Там же. Л. 6.

⁶⁰ Там же. Л. 5.

⁶¹ Там же. Д. 777. Л. 74. Подлинник.

а) тов. Пятакова: общий доклад ГКК (с полным выявлением вопросов, которые по мнению ГКК мешают работе),

б) тов. Догадова: доклад о взаимоотношениях концессионеров с профсоюзными органами,

в) тов. Фрумкина: информация о работе торговых концессий и смешанных обществ,

г) тов. Янсона: общий доклад РКИ о произведенных обследованиях по постановке дела на концессионных и смешанных предприятиях⁶². По второму вопросу – “О специальном наблюдательном органе” – было решено: «2.1. Обсудить вопрос о целесообразности и возможности общего контроля над концессиями со стороны ГКК; [2]. 2. К этому заседанию пригласить тов. Середу (ВСНХ) как наблюдающего за концессией “Молога” и от Главвоздухофлота, наблюдающего за концессией “Юнкерса”»⁶³.

Из препроводительного письма к протоколу № 1 комиссии Политбюро и служебных извещений (например, почтограммы) видно, что 22 декабря 1924 г. секретарь Предсовнаркома по поручению А. Рыкова отослал этот протокол И. Сталину “для ознакомления”. Затем 17 экземпляров протокола были отправлены Ф.Э. Дзержинскому, Г.Л. Пятакову, Г.В. Чичерину, Г.Я. Сокольникову и другим ответственным работникам⁶⁴. В разосланном в последующие дни извещении сообщалось, что 29 декабря 1924 г. в кремлевском кабинете Рыкова назначено заседание комиссии, созданной по решению Политбюро⁶⁵.

Вопросы, рассмотренные на первом (предполагавшееся мероприятие, возможно, было перенесено на более поздний срок) или на следующем за ним заседании, отражены в стенограмме заседания комиссии Политбюро от 10 января 1925 г. Из зафиксированных выступлений большой интерес представляют доклады Г.Л. Пятакова, П.А. Баранова и С.П. Середы. Секретные тексты печатались на машинке (только в двух экземплярах) и носят следы отдельных редакционных (авторских) правок карандашом.

В докладе Пятакова дано краткое “обозрение всех действующих концессий”, разбитых им на две группы – концессии по транспорту и связи, концессии “чисто” производственные. Характеризуя концессии в области горного дела, Пятаков, в частности, отмечал: “Первая концессия – Американская объединенная компания. Это договор с Гаммером^{4*}, который заключен по настоянию Владимира Ильича [Ленина] 2 ноября 1922 г. на разработку асбестовых месторождений на Урале, в Алапаевском районе, на 20 лет с правом досрочного выкупа через пять лет”⁶⁶.

В докладе содержатся сведения еще о девяти концессиях, в том числе с торговым домом “Бриннер”. Как отмечал Пятаков, договор с последним о концессии был заключен 8 июля 1924 г. на разведку, разработку и переработку серебряно-цинковых, свинцовых, медных и других рудных месторождений “Тетюхе” Приморской губернии. Срок действия договора – 36 лет, с правом выкупа месторождения через 25 лет⁶⁷.

В докладе П.А. Баранова приведены факты о ходе выполнения германской фирмой “Юнкерс” договора о производстве на Русско-Балтийском заводе 300 самолетов с моторами, ввозе в Советский Союз алюминия и дюралюминия для строительства 1700 самолетов и сооружений в течение двух лет (к январю 1926 г.)

⁶² Там же. Л. 83.

⁶³ Там же. Л. 82.

⁶⁴ Там же. Л. 84, 85.

⁶⁵ Там же. Л. 74.

^{4*} Он же А.Ю. Хаммер, представитель объединенной американской компании “Асбест” (В.И. Ленин: Биохроника. Т. 12. С. 568, 697).

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 777. Л. 143.

⁶⁷ Там же. Л. 140.

моторного цеха на заводе в Филях (Москва) или на другом предприятии. Кратко сказано о невыполнении концессионером отдельных договоренностей, в том числе увеличенного заказа советской стороны на строительство самолетов⁶⁸.

Подробная информация о деятельности фирмы «Юнкерс» в СССР содержится в материалах ОГПУ и в переписке Ф.Э. Дзержинского с ОГПУ. Так, в «Справке» Контрразведывательного отдела ОГПУ (КРО ОГПУ) от 14 июля 1925 г. отмечалось, что учредителем «Общества самолетостроения «Юнкерса»» в СССР является близкая к немецкому генералу Секту группа, состоящая из «выдающихся личностей германского военного ведомства, прибывшая в Россию в конце 1921 г.» Среди группы германских генштабистов был Нейман (настоящая фамилия Нидермейер), адъютант и доверенный генерала Секта, спецразведчик и активный участник контрреволюции в Германии, видный член фашистской организации⁶⁹. В этом документе содержится ряд данных, изобличающих нечистоплотные производственные и другие действия авиаконцессии. Так, в разделе справки «Самолетостроение» констатируется, что «необходимое по договору количество самолетов» не построено. Сданные же Управлению ВВС 60 самолетов оказались неисправными, так как строились «отчасти из старого негодного материала или из материала явно и сознательно негодного качества». Крупные дефекты имели и авиационные пулеметы («после производства 60–100 выстрелов пулемет выходит из строя»)⁷⁰.

В стенограмме доклада С.П. Середы и в «Справке» на имя начальника КРО ОГПУ А.Х. Артузова (июль 1925 г.) содержится дополняющий друг друга фактический материал о германском концессионном обществе «Мологолес». Это сведения о двух заключенных концессионных договорах – основном – на лесную концессию «Мологолес» (подписан 13 сентября 1923 г.) и дополнительном – на постройку концессионером железнодорожной линии Мга–Рыбинск в Череповецкой, Новгородской и Тверской губерниях. В источниках пояснено, что основной договор предусматривал эксплуатацию лесосек в 21 лесничестве общей площадью свыше 1 млн дес. леса в обширной зоне строившейся железной дороги⁷¹.

В обозреваемых источниках ГАРФ фрагментарно представлены документы ГKK и концессионной комиссии при ВСНХ СССР за первую половину 1925 г. Среди них не удалось обнаружить самих постановлений Главконцесскома и распоряжений руководящих работников этого ведомства. На издание таких директив указывают сопроводительные письма и отношения ГKK, направившиеся в высшие инстанции, и черновики положений по концессионным делам. Так, в сопроводительном письме, адресованном А.И. Рыкову, Л.Б. Каменеву и А.Д. Цюрупе от 29 мая 1925 г. (подписано управделами ГKK М. Оскольским) сообщается, что согласно распоряжения члена ГKK Минкина, «при сем препровождается директива ГKK по вопросу о привлечении иностранного капитала в дело строительства нефтепроводов»⁷².

Ссылка на одно из постановлений ГKK имеется и в подготовленном для руководства документе – «Основные положения по вопросу о привлечении иностранного капитала для сооружения нефтепроводов для Бакинской и Грозненской нефти с изменениями Главного концессионного комитета». В нем отмечено, что «во исполнение постановления Главконцесскома от 7/V-25 г. Концессионная

⁶⁸ Там же. Л. 146–148.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 317. Л. 21. Эти агентурные данные о фирме «Юнкерс» и о разведывательной деятельности части сотрудников указанной концессии частично опубликованы в сборнике документов «Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы» (М., 1999. Ч. 2. С. 204–205).

⁷⁰ Там же. Л. 21.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 777. Л. 100; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 317. Л. 38–41.

⁷² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 777. Л. 4.

комиссия ВСНХ СССР” созвала 11 мая специальное совещание по вопросу разработки “исходных положений” на переговорах с иностранными соискателями относительно возможного кредитования последними концессионного проекта постройки трубопроводов “Баку–Батум” и “Грозный–Туапсе” для перекачки сырой и парафиновой нефти⁷³.

В изученных документах крайне слабо отражены финансовые результаты практической концессионной деятельности инвесторов на середину 1920-х годов. Предварительные данные на этот счет содержит лишь подготовленный по заданию ГКК профессором Я. Букшпаном черновик отчета “О размерах вложенных концессионерами капиталов на I/VII–26 г.” В нем приведены суммарные цифры вложений заграничных концессионеров (капитальные затраты и оборотные средства по неполному кругу концессионных предприятий) в разные отрасли народного хозяйства за 1924/25 г. – 1926/27 г. (за продолжавшийся еще хозяйственный год суммы инвестиций указаны предварительные). В частности, за 1924/25 операционный год эти вложения составили (округленно) 10,8 млн руб., в том числе в промышленные концессии – 6,8 млн, торговые – около 4 млн и сельскохозяйственные концессии – 25,6 тыс. руб.⁷⁴

Таким образом, рассмотренные источники из засекреченных ранее фондов ГАРФ и РГАСПИ серьезно расширяют научную базу для изучения концессионной проблемы. Их дальнейший источниковедческий анализ будет способствовать более глубокому и всестороннему исследованию инвестиционной политики Советского государства в начальный и последующий периоды нэпа.

⁷³ Там же. Л. 4–7.

⁷⁴ Там же. Д. 1085. Л. 256.

К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ИМЕН И СУДЕБ ПАВШИХ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

В статье отражен опыт работы, которой занимается автор в составе Историко-архивного поискового центра “Судьба” (далее – ИАПЦ “Судьба”), созданного в 1988 г. группой студентов МГИАИ. Основная задача поискового движения – сохранение исторической памяти народа через поиск мест былых боев, обнаружение захороненных останков советских воинов, установление их имен и судеб с последующим увековечением их памяти (розыск родственников, внесение имен в Книгу Памяти, переучет в документах военных архивов и т.д.). Возвращение имен пропавших без вести защитников Отечества является, как правило, результатом целого комплекса мероприятий. Это – выявление личных документов, медальонов, наград, именных вещей, предметов экипировки и униформы (либо их фрагментов); экспертиза обнаруженных документов и медальонов; работа со списками безвозвратных потерь и другие архивные изыскания; анатомическая экспертиза останков; медико-криминалистическое исследование с целью идентификации личности погибшего; анализ и обобщение свидетельских показаний участников и очевидцев событий; уточнение хронологических и других данных.

Для идентификации личности и установления судеб погибших советских воинов автором статьи используются разнообразные источники, обнаруживаемые с останками военнослужащих на местах былых боев. Мы обозначаем их понятием “носитель информации”. Среди них: документы, личные вещи и части снаряжения погибшего – т.е. все то, что может нести сведения о владельце (ф.и.о., г.р., адрес, в/часть и т.д.).

Важно проследить историю введения и использования в РККА документов, удостоверяющих личность военнослужащих: солдатских медальонов, красноармейских книжек, удостоверений личности офицеров. В этих документах нашла отражение целая историческая эпоха.

Солдатские медальоны (личные опознавательные знаки) применялись и продолжают применяться в большинстве армий мира для идентификации павших военнослужащих. Первое упоминание об их применении в русской армии, выявленное сотрудниками ИАПЦ “Судьба”, относится к периоду первой мировой войны. В соответствии с приказом по Военному ведомству № 47 от 24 января 1917 г. устанавливался особый шейный знак для опознания раненых и убитых¹.

В СССР солдатский медальон был введен приказом Реввоенсовета № 856 от 14 августа 1925 г. «О введении в действие “Инструкции по использованию медальонов с личными сведениями о военнослужащих РККА и Флота”»². По нему устанавливали личности военнослужащих, погибших в ходе боевых действий. В вышеуказанной инструкции, подписанной заместителем начальника штаба РККА Пугачевым, записано (текст целиком приводится впервые):

¹ РГВИА. Приказы по Военному ведомству за 1917 год. Пг., 1917.

² Российский Государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 12. Д. 48. Л. 34. (Далее: РГВА). Мартынов В.Е., Меженко А.В., Садовников С.И., Соколов Д.К., Толочко В.В. Руководство по поисковым и эксгумационным работам. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 29.

“1. Медальон с личными сведениями о военнослужащих назначается для облегчения личного учета при выдаче справок населению о всех военнослужащих РККА, находящихся на театре военных действий.

2. Медальон состоит из самого медальона (металлического), пергаментного листка в нем с краткими сведениями о военнослужащем и конца тесьмы для ношения медальона на груди.

3. Медальоны выдаются всем военнослужащим воинских частей, кораблей, штабов, управлений, учреждений и заведений военного и морского ведомства бесплатно – по приеме их на службу и по прибытии в свою часть одновременно с выдачей служебных книжек (обмундирования начальствующему составу).

4. Сведения в медальоне заполняются в роте (эскадроне, батарее) ротным пе-реписчиком под наблюдением комиссара роты, и в штабах, управлениях, учреж-дениях, заведениях военного ведомства – лицами, заполняющими служебные удо-стоверения военнослужащих.

5. Медальон хранится, как и служебная книжка, на руках у военнослужаще-го, а на смотрах военнослужащие должны иметь медальоны при себе на груди.

6. В походе медальон носится всегда на груди.

7. При переводе военнослужащего из одной части (учреждения) в другую, во-еннослужащий сохраняет медальон при себе и в новой части меняет только пер-гаментный листок.

8. В случае утери медальона военнослужащему, по его заявлению, немедлен-но выдается новый.

9. Медальон относится к табельным вещам, предметам снаряжения, и являет-ся вещью бессрочной.

10. Начальствующие и инспектирующие лица обязаны проверять наличие медальонов у военнослужащих при посещении ими частей и учреждений”.

Отметим, что медальон был сделан из жести в виде плоской коробочки размером 50 × 33 × 4 мм с тесьмой для ношения на груди. В него вкладывался специальный бланк (вкладыш), изготовленный типографским способом на пергаментной бумаге. При использовании такого типа медальона в ходе бое-вых действий выяснилось, что он негерметичен, и листок быстро приходит в негодность.

Приказом Наркомата обороны СССР № 180 от 25 августа 1937 г. было отме-нено свыше 500 приказов, как “подписанных врагами народа”³. Среди них оказал-ся и приказ РВС № 856 от 14 августа 1925 г. за подписью И.С. Уншлихта. Таким образом применение солдатских медальонов было прекращено.

Опыт советско-финляндской войны заставил вновь вернуться к использо-ванию солдатских медальонов. Приказом НКО СССР № 138 от 15 марта 1941 г.⁴ было объявлено в действие “Положение о персональном учете потерь и погребен-нии погибшего личного состава Красной Армии в военное время”, которым вво-дились новые медальоны в виде пластмассового пенала с вкладышем на перга-ментной бумаге в двух экземплярах. В “Инструкции о порядке пользования ме-дальонами с краткими сведениями о военнослужащих Красной Армии”⁵, в част-ности, сказано:

“1. Для облегчения учета потерь личного состава Красной Армии каждый во-еннослужащий в военное время снабжается медальоном с вкладным пергамент-ным листком, содержащим в себе сведения о военнослужащем.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 82. Л. 182–185.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920 266. Д. 2. Л. 441–446; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263. Оpubл. в кн.: Рус-ский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. М., 1994. Т. 13. С. 258–261.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 23. Л. 719–720; Буслаев А.А., Мазур К.А., Шумейко Ю.И. Неоплаченный долг // ВИЖ. 1992. № 9. С. 28.

3. Во вкладной листок заносят следующие сведения: фамилия, имя, отчество; воинское звание; год рождения; уроженец (место рождения) республика, край, город, район, сельсовет, деревня; адрес семьи; каким РВК мобилизован; группа крови.

4. Заполнение вкладного листка и внесение в него изменений возлагается на командира подразделения.

5. Медальоны носятся в специальном кармане пояса брюк с правой стороны. Примечание: указывать во вкладных листках название воинской части и должности военнослужащего категорически запрещалось”.

После гибели военнослужащего на поле боя или смерти от ран один экземпляр вкладыша медальона вынимался и хранился в штабе части или лечебном учреждении, а второй – оставался в медальоне при погибшем.

Похоронные команды должны были вынимать один экземпляр вкладыша медальона с убитого и передавать в штаб той части, распоряжением которой производили эту работу. О смерти военнослужащего сообщала та часть, в которую был передан командами вкладыш медальона, снятый с убитого, независимо от того, к какой части принадлежал военнослужащий. Вкладыши, изъятые из медальонов убитых военнослужащих, командирам частей надлежало хранить в штабе части. На их основании составлялись списки, пересылаемые затем в штаб дивизии.

В отношении пропавших без вести предписывалось следующее: учитывать в течение 15 дней как временно выбывших, а командиры части и подразделения обязаны принять все меры к выяснению их судеб. После этого срока без вести пропавшие заносятся в список безвозвратных потерь, исключаются из списков части с донесением по команде. По истечении 45 дней о без вести пропавших извещаются родственники. Если впоследствии судьба военнослужащего выяснялась, то о нем немедленно сообщаются дополнительные сведения – как по команде, так и в райвоенкомат или родственникам. Выполнение всех указанных мер должно было способствовать более точному учету личного состава в боевых условиях.

К сожалению, медальоны вновь были отменены приказом народного комиссара обороны № 376 от 17 ноября 1942 г. “О снятии медальонов со снабжения Красной Армии”⁶. В нем давалась и мотивировка: “С введением по приказу НКО СССР № 330 от 7 октября 1941 г. красноармейской книжки, содержащей все необходимые данные о бойце, надобность в дублировании этих сведений в медальоне отпадает”.

В приказе “О введении красноармейской книжки в военное время в тылу и на фронте”⁷ охарактеризована сложная ситуация, которая создалась в действующей армии в результате безответственных реорганизаций системы учета личного состава:

“Введенная приказом НКО № 171 в 1940 г. красноармейская книжка пунктом 7 этого же приказа отменена для действующей армии. Ввиду этого красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов, удостоверяющих их личность, а наша дивизия, которая должна являться замкнутой крепостью, недоступной для проникновения посторонних лиц, превратилась на деле в проходной двор. Противник воспользовался этим беспорядком и в некоторые части Красной Армии заслал своих людей, одетых в наше обмундирование. Не может быть сомнения, что немало болтающихся людей в тылах дивизий и армий, одетых в красноармейскую форму, являются агентами противника, передающими сведения о наших частях. Борьба с этими агентами невозможна по причине отсутст-

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920 266. Д. 5. Л. 495. См. о нем: *Конасов В.Б., Судаков В.В.* К истории вопроса о персональных потерях личного состава Красной Армии в годы Великой Отечественной войны и увековечении памяти защитников Отечества // *Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н.* Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы. Вологда; Москва, 1997. С. 4.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920 266. Д. 2. Л. 840–842.

вия документов у бойцов Красной Армии, чтобы можно было отличить своих людей от агентов противника.

И, наконец, отсутствие на руках документов у отправляющегося на фронт пополнения и убывающих с фронта по эвакуации больных и раненых бойцов и младших командиров лишило возможности органы снабжения проверять их обеспеченность обмундированием, оружием, снаряжением и другими видами довольствия.

В целях исправления допущенной ошибки, обеспечения частей от проникновения вражеских элементов и упорядочения учета личного состава Красной Армии приказываю:

1. Немедленно ввести во всех частях и учреждениях Красной Армии как в тылу, так и на фронте, красноармейскую книжку с фотографической карточкой владельца, согласно объявляемому образцу. Приказ НКО № 171 от 20.6.1940 г. отменить.

2. Красноармейскую книжку считать единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира. В красноармейскую книжку заносить прохождение военным служащим военной службы и получаемые им от военного ведомства предметы довольствия (оружия, снаряжение и обмундирование).

3. Красноармейские книжки выдавать красноармейцам и младшим командирам с момента зачисления их в часть. Книжки вести командирам или заместителям командиров рот, эскадронов, батарей и команд. Начальникам штабов войсковых частей по проверке записанных сведений прикладывать к книжкам гербовую печать части...

12. Главному интенданту Красной Армии в 15-ти дневный срок изготовить и обеспечить действующую армию и внутренние округа красноармейскими книжками утвержденного мною образца, а также дать указания войскам о порядке изготовления фотографических карточек.

13. Инспекторам родов войск и служб, а также всем прямым начальникам при посещении подчиненных частей проверять наличие у красноармейцев и младших командиров красноармейских книжек и правильность их ведения.

Народный Комиссар Обороны И. Сталин".

Таким образом, по данному приказу красноармейская книжка считалась единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира. Красноармейские книжки (удостоверения личности) изымались у погибших и умерших от ран и передавались в штаб части или лечебного учреждения, где на их основании составлялись списки потерь личного состава. Однако красноармейские книжки не обеспечивали должную сохранность имеющихся в них записей и для опознания погибших могли быть использованы далеко не всегда. Поэтому отмена медальонов привела к увеличению числа пропавших без вести из-за невозможности установления личности павших военнослужащих.

Печальные последствия отмены медальонов сказываются и до настоящего времени. С обнаруженными останками погибших советских воинов довольно редко находятся и медальоны. Согласно собранному автором статистическим данным, медальоны и другие документы (носители информации) встречаются в среднем у каждого 10-го погибшего воина. Из 10 найденных документов удается прочитать только 4–5. Таким образом, из 100 павших военнослужащих идентификация в настоящее время возможна в пределах 4–5 человек (или 4–5%). Этому есть несколько объяснений.

Во-первых, из-за неразберихи и нераспорядительности приказ наркома обороны СССР № 138 от 15 марта 1941 г. до некоторых частей и даже фронтов доводился уже в разгар Великой Отечественной войны, вплоть до декабря 1941 г.⁸

Во-вторых, к началу Великой Отечественной войны, к сожалению, не удалось полностью обеспечить медальонами личный состав действующей армии. А изготовление их в ходе войны было связано с большими трудностями. Это подтверждает выдержка из документа от 17 декабря 1941 г., адресованного начальником отдела по укомплектованию штаба Ленинградского фронта бригадным интендантом Васильевым и военным комиссаром Соколовым члену Военного со-

⁸ Буслаев А.А., Мазур К.А., Шумейко Ю.И. Указ. соч. С. 29.

вета Ленинградского фронта, секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) дивизионному комиссару В.А. Кузнецову: «Представляю справку о состоянии обеспечения войск фронта медальонами и докладываю, что дальнейшее изготовление медальонов и снабжение войсковых частей прекращено из-за отсутствия электроэнергии. Для выполнения заказов на медальоны прошу Вашего распоряжения об отпуске электроэнергии для “Фабрики пластмасс” 250 киловатт и артели “Культпром” – 250 киловатт-часов»⁹.

В-третьих, советские медальоны были недостаточно надежны и герметичны. Поэтому на их сохранность сильно влияло длительное пребывание (на воздухе, в воде, в почве и т.д.), вследствие чего происходит значительное, а порой и полное разрушение текста бумажного вкладыша.

Для сравнения охарактеризуем личные опознавательные знаки (медальоны) – (die Erkennungsmarke) военнослужащих вермахта, представлявшие собой металлическую пластинку овальной формы с прорезьями, разделяющими ее на две половины. На каждой из них выбивался шифр войсковой части и индивидуальный номер. Такой медальон выдавался каждому военнослужащему в обязательном порядке и носился на шее¹⁰. В случае гибели военнослужащего медальон разламывался пополам: одна половина оставалась у погибшего для захоронения, а вторая (с идентичной информацией) отправлялась в службу учета потерь в Берлине.

В-четвертых, сказывалось и безответственное отношение к медальонам их владельцев: кто-то неплотно закрыл крышку, кто-то поместил внутрь иголку или металлические перья для перьевой ручки, и записка окислилась, а кое-кто, будучи суеверным, выбросил записку сразу после выдачи или просто не заполнил бланк и т.д. К сожалению, все перечисленные факторы затрудняют или делают вообще невозможным в настоящее время розыск и установление судеб погибших и захороненных защитников Отечества. Например, хорошо сохранился бланк медальона, но в нем только запись: “Иванов”. В данной ситуации установить имя и отчество практически невозможно, не говоря уже об архивном розыске в ЦАМО, где по картотеке безвозвратных потерь числятся десятки тысяч Ивановых.

Случались на фронте и ситуации, когда невозможно было опознать погибших после боя. Так, в докладной записке помощника начальника штаба 17-й стрелковой дивизии (далее – сд) техника-интенданта 1-го ранга Перельмана за июль 1942 г. сообщается: “При анализе работы команды погребения нашего полка обращает внимание на себя тот факт, что подавляющее количество трупов военнослужащих оканчивается без документов. Вследствие этого установить личность погибших и указать в списках убитых точное место похорон не представляется возможным. Так, например, из числа 149 трупов военнослужащих, похороненных в период с 12 по 24 июля с.г., 111 трупов военнослужащих без документов... У погибших военнослужащих отсутствовали всякие предметы обихода – письма, деньги, часы, бумажники и т.д. По-видимому, имеют место факты мародерства...”¹¹.

Об этом же свидетельствует и докладная записка прокурору начальника штаба 17-й сд капитана Трача: “Ставлю в известность о следующем: после боев с немецкими оккупантами 12–13.07 г. похоронной командой 1314 с[трелкового] п[олка] похоронено без документов за рекой Угрой в количестве 73 человек. Кем были изъяты документы не установлено. Установить личность погибших невозможно”¹².

Таким образом, существует множество вариантов “пропажи без вести” в боевых условиях. Поэтому очевидно, насколько важны сведения даже одного сол-

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Заметка об осмотре различных вещей и документов, находимых на германских солдатах. Разведывательное отделение Штаба Западного фронта. 1917. С. 12 (пер. с фр.); Шванебах Э.Б. Руководство по немецкому военному переводу. М., 1944. С. 44.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 17(сд.) Оп. 2. Д. 58. Л. 68.

¹² Там же. Л. 69.

датского медальона, обнаруженного на десятках погибших. Нередко благодаря одному установленному имени из правильно заполненного медальона или другого документа удается узнать фамилии остальных погибших в этом бою воинов. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения – вот тот минимум сведений, по которым уже можно начинать архивный розыск с целью установления судеб павших, дальнейшего переучета их в документах военных архивов и увековечения их имен.

Рассмотрим примеры из практики ИАПЦ “Судьба”, позволяющие проследить методику установления сведений о военнослужащих и их судьбах на основе найденных носителей информации.

Установление имен и судеб по солдатским медальонам

В августе 1989 г. при проведении поисковой экспедиции на правом берегу р. Угра членами ИАПЦ “Судьба” были обнаружены останки и медальон на имя Алексея Филипповича Микрюкова, 1913 г. р., уроженца д. Багуй Бельского (ныне Фаленского) района Кировской области, призванного Тимирязевским РВК г. Москвы 13 сентября 1941 г. Бланк медальона заполнен простым карандашом, сохранность удовлетворительная. Ни в одной из картотек ЦАМО РФ А.Ф. Микрюков не числился. Он также не значился в документах ЦГАСА (ныне РГВА), Центрального архива пограничных войск (ныне Центральный архив Федеральной пограничной службы – ЦА ФПС), Фаленского РВК¹³. В Тимирязевском РВК г. Москвы он числился призванным (причем, 16 октября 1941 г.), данные о его дальнейшей судьбе отсутствовали¹⁴. И только благодаря подготовленному нами специальному выпуску радиопередачи «Полевая почта “Юности”», откликнулись земляки А.Ф. Микрюкова, а чуть позже и брат погибшего – С.Ф. Микрюков, участник войны, который прислал нам фото брата и свои подробные воспоминания о нем. До этого момента С.Ф. Микрюков о судьбе и месте захоронения своего погибшего старшего брата ничего не знал (в дальнейшем сведения о А.Ф. Микрюкове нами были сообщены для увековечения в “Книгу Памяти” г. Москвы¹⁵, а в ЦАМО РФ взяты на учет¹⁶. Вот строки из письма С.Ф. Микрюкова от 26 октября 1989 г.: «Знал бы кто, что значит любимый брат, который мне в детстве вернул жизнь, который нашелся благодаря Вашему упорному труду, не как без вести пропавший, а как погибший смертью храбрых. Ведь у нас были смутные представления о нем при получении извещения – “ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ”, которое нам представлялось очень неопределенным, а сейчас я имею право написать, сообщить своим сестрам и братьям правдивые и точные сведения».

Летом 1991 г. в 100 м от разбитого танка были найдены останки и солдатский медальон М.М. Богарчиева. Приведем текст его записки: “Богарчиев Мустафа Мамедович, 1919 г.р., уроженец Азербайджанской ССР, г. Евлах, р-н Закатальский, с. Чардахлар”. В графе “Родственники” указан отец: Богарчиев Магомед. По картотеке ЦАМО М.М. Богарчиев, 1919 г.р., в/звание – младший сержант, в/должность – радист танка Т-34, числился пропавшим без вести 3 апреля 1942 г. Военная часть – 18 танковая бригада (далее – тбр)¹⁷.

В процессе работы с документами 18-й тбр нами были выявлены и остальные члены экипажа танка Т-34, также числившиеся пропавшими без вести, установ-

¹³ Архив ИАПЦ “Судьба”. Дело Микрюкова А.Ф., ответ из Фаленского РВК. № 265 от 7 июля 1990 г.

¹⁴ Там же. Дело Микрюкова А.Ф., ответ из Тимирязевского РВК. № 4/751 от 3 июня 1993 г.

¹⁵ Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. М., 1995. Т. 9. С. 38.

¹⁶ ЦАМО РФ. Картотека безвозвратных потерь рядового и сержантского состава СА. Д. 51/27. Т. 2. 1992. (Далее: к-ка б/потерь).

¹⁷ ЦАМО РФ. К-ка б/потерь. Входящее донесение № 14667с-42 г.

лены подробности последнего боя и действия 18-й тбр на плацдарме “Красная Горка”. По нашему запросу в Закатальский РВК были найдены родственники погибшего воина¹⁸.

Установление имен и судеб по номерам боевых наград

По номерам боевых наград, орденов и медалей, обнаруженных у погибших, также возможно идентифицировать их личности.

Так, при проведении поисковых работ в Юхновском районе Калужской области в августе 1992 г. нами были найдены останки военнослужащих. У одного из погибших была обнаружена медаль “За боевые заслуги” № 24435. По наградным документам было установлено, что медаль за этим номером была вручена Анастасии Дмитриевне Пичугиной, 1920 г.р., в/звание – красноармеец, радиотелеграфист, в/часть – 104-й полк связи, обслуживавший западную группу штаба 33-й Армии. Медаль вручена 30 марта 1942 г.¹⁹

По картотеке безвозвратных потерь А.Д. Пичугина числилась пропавшей без вести с 30 апреля 1942 г. Ее сестра, Пичугина Елена Дмитриевна, проживала по адресу: Московская обл., Ивантеевка, д. 15, кв. 6, комн. 2²⁰. На наш запрос Пушкинский городской военкомат ответил: «... Пичугина А.Д. в нашей картотеке не значилась, но на основании Ваших данных составлена новая карточка с данными на нее, и Пичугина А.Д. занесена в “Книгу Памяти” Пушкинского района»²¹.

В конце 1995 г. нам удалось разыскать ее младшую сестру и других родственников. Имя А.Д. Пичугиной будет увековечено в 21 т. “Книги Памяти” Московской области.

В марте 1996 г. на территории Смоленской области в лесисто-болотистой местности были проведены раскопки на месте падения в 1942 г. советского самолета. В ходе работ удалось извлечь детали самолета Як-1: стойки шасси, куски плоскостей, фрагменты фюзеляжа с перкалевой обшивкой, винт, вооружение самолета. Но самое главное – на глубине свыше четырех метров были найдены останки пилота, обрывки гимнастерки с двумя орденами “Красного знамени” и знаками различия капитана ВВС, планшет с документами и авиационными картами, парашют.

По номерам обнаруженных наград в ЦАМО РФ членами ИАПЦ “Судьба” был начат розыск сведений по установлению имени пилота и его судьбы. Им оказался капитан Иван Порфирьевич Немяты, 1913 г.р., уроженец Днепропетровской области, кадровый штурман 519-го истребительного авиаполка 201-й истребительной авиадивизии²². Он числился не вернувшимся с боевого задания 7 августа 1942 г.²³

Сохранившиеся скупые архивные документы сообщают нам о фронтовой биографии капитана И.П. Немятого: “В РККА с 1934 г. Боевые задания выполняет с 8.10.1941 г. До этого времени переучивался на новой материальной части. С 8 октября по 23 октября имеет боевых вылетов 32, из них штурмовал колонны танков и автомашин 12 раз. Задания выполняет отлично. Уничтожил лично 8 танков, 15–18 автомашин и несколько фашистов. В воздушном бою 18 октября 1941 г. таранил самолет противника МЕ-110, место падения противника подтверждено. С поврежденным своим самолетом сел вынужденно на своей территории. Смел, решителен, отлично ведет разведку. Ориентировка

¹⁸ Архив ИАПЦ “Судьба”. Дело Богарчиева М.М., ответ из Закатальского РВК № 3/1133 от 26 сентября 1991 г.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 71511. Д. 551. Л. 12.

²⁰ Там же. К-ка б/потерь. Входящее донесение № 18232с-42 г.

²¹ Архив ИАПЦ “Судьба”. Дело Пичугиной А.Д., ответ из Пушкинского ГВК. № 4/1944 от 3 ноября 1992 г.

²² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 715 111. Д. 546. Л. 66.

²³ Там же. Картотека учета безвозвратных потерь офицерского состава.

отличная. Из воздушного боя вернулся с пробитыми бензобаками, поломок и аварий не имеет...”²⁴.

Первым орденом “Красного знамени” лейтенант И.П. Немятый был награжден 13 ноября 1941 г. за успешные боевые действия и воздушный таран. Вторым орденом “Красного знамени” капитан И.П. Немятый был награжден 29 июля 1942 г., уже после госпиталя²⁵.

В наградном листе к приказу записано: “Сам капитан Немятый И.П. сделал 131 боевой вылет (на 29 июля 1941 г. – *Примеч. автора*), из них штурмовок – 23, сопровождений – 33, разведка – 21, прикрытие своих войск – 54. 30-го ноября 1941 г. при встрече с 7-ю Мессершмиттами-109 один вступил в бой, сбил одного из них (по другим документам двух) был ранен, имел ожоги лица, рук и ранение ног. Горящий свой самолет посадил нормально на аэродроме”²⁶. В оперативной сводке № 80 от 7 августа 1942 г. штаба 201-й истребительной авиадивизии сообщалось: “С боевого задания не возвратился капитан Немятый И.П., самолет Як-1...”²⁷ В его записной книжке сохранилась запись: “Из боя не выходить даже при отказе оружия...”²⁸

В ходе поисковых работ могут быть также обнаружены партийные и комсомольские билеты, печати и штампы воинских частей и соединений, а также другие носители информации, по которым возможно установить личность владельца, а в процессе дальнейшей архивной работы и выяснить его судьбу. Перечислим эти документы: удостоверения к награде, командировочные предписания, расчетные книжки, денежные аттестаты, справки из госпиталя, о сдаче паспорта, квитанции почтовых переводов и о сдаче государству сельхозпродукции, справки НКВД об освобождении, удостоверения об окончании училища, водителя, свидетельства о рождении, об окончании школы санинструкторов, различные пропуска, а также письма и многие другие документы. Необходимо упомянуть, что свои особенности имеет установление имен и судеб погибших военных летчиков по номерам авиационных двигателей и заводским номерам боевых самолетов.

В заключение отметим, что за период 1988–1998 гг. членами ИАПЦ “Судьба” было обнаружено около 300 солдатских медальонов, из которых более 100 удалось прочитать полностью. В 70 случаях разысканы родные и близкие погибших воинов. Возникнув и развиваясь как общенародная инициатива, поисковое движение, получившее государственное признание чуть больше 10 лет назад, стало одной из важных составляющих нравственного оздоровления современного общества. Оставаясь актуальной до сегодняшнего дня, проблема розыска пропавших без вести и установления их фронтовых судеб заслуживает дальнейшего освящения и научного осмысления²⁹.

²⁴ Там же. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 228. Л. 73.

²⁵ Там же. Оп. 715 111. Д. 555. Л. 59.

²⁶ Там же. Оп. 682 524. Д. 343. Л. 22.

²⁷ Там же. Ф. 20 049. Оп. 1. Д. 6. Кор. 22 391.

²⁸ Архив ИАПЦ “Судьба”. Дело Немятого И.П., записная книжка.

²⁹ См. об этом: *Садовников С.И.* Источники и методы поиска, установления имен и судеб воинов, оставшихся на полях сражений Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / РГГУ. ИАИ. М., 1999.

**СОБИРАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРХИВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ АРХИВИСТОВ В 1992–2000 гг.**

Федеральные, республиканские, областные государственные архивы в последние годы активизировали работу по собиранию биографических, творческих, изобразительных материалов, переписки архивистов. На страницах журнала «Отечественные архивы» публикуются заметки о поступлении таких документов на постоянное хранение в государственные хранилища. Значительные по составу и содержанию личные фонды приняли: РГАЭ (В.В. Цаплин), РГВА (В.В. Душенькин), Архив РАН (В.В. Максаков, Т.П. Коржихина, А.В. Чернов), Центральный архив документальных коллекций г. Москвы (М.С. Селезнев, Д.М. Эпштейн), Центр документации «Народный архив» (И.И. Белоносов, А.А. Кузин), ГАРФ – фонды руководящих работников, ведущих специалистов Главархива СССР, ВНИИДАД, ЦГАОР СССР, преподавателей МГИАИ (ныне ИАИ РГГУ).

Собирание документов историков-архивистов начал еще Архив Октябрьской революции как отделение Госархива РСФСР, образованного в 1920 г. Уже в 1922 г. биографические документы, рукописи передали руководители Центрархива В.В. Адоратский (ныне в ГАРФ. Ф. Р-332. 22 ед. хр.) и М.Н. Покровский (Там же. Ф. Р-333. 23 ед. хр.). В 1955 г. в ЦГАОР СССР поступил из ЦГАЛИ СССР крупный фонд А.С. Николаева (Там же. Ф. Р-7798), воспитавшего плеяду талантливых архивистов, знаменитых историков, литературоведов, начинавших трудовую деятельность в архивах Петрограда.

Но до создания 24 декабря 1974 г. в ЦГАОР СССР (с 1992 г. ГАРФ) отдела (ныне архивохранилище личных фондов) целенаправленная работа по собиранию личных документов историков-архивистов не проводилась. Среди первых поступлений весной 1975 г. – биографические, творческие, служебные материалы Н.Р. Прокопенко (1910–1975), который более четверти века возглавлял ЦГАОР СССР. Проявив организаторские способности при эвакуации и реэвакуации фондов крупнейшего архива в годы Великой Отечественной войны, он внес большой вклад в собирание, использование документов¹. В конце 1970 – начале 1980-х годов ЦГАОР СССР принимает на хранение творческие рукописи историка-архивиста Д.Т. Субботина, одного из инициаторов собирания архивом документов профсоюзных деятелей². Тогда же поступили биографические материалы директора АОР в 1930-е годы А.М. Рахлин, воспоминания Л.Н. Коновой о работе сотрудников архива в годы Великой Отечественной войны; письмо историка М.Н. Гернета заместителю директора ЦГИАМ СССР В.И. Истомину; групповые снимки участников совещаний архивистов Сибири и Дальнего Востока (1947–1948); фотографии М.Е. Вашман, Г.Д. Костомарова, В.В. Максакова, О.Л. Никитенко, М.И. Рыбинского, других известных историков, архивистов. Рукописи воспоминаний, фотографии включили в Коллекцию документов личного происхождения (Ф. Р-9577). В нее же вошли и рукописи лекций А.А. Кобяко,

¹ *Зелов Н.С.* Советский историк-архивист Н.Р. Прокопенко // СА. 1979. № 2. С. 22–25.

² *Он же.* Из истории комплектования ЦГАОР СССР документами личного происхождения // СА. 1981. № 3. С. 30–31.

Л.Н. Кривошеина, А.А. Новиковой, Л.Л. Смоктуновича, преподававших на курсах руководящих работников архивных учреждений в Москве. Рукописи передал в архив В.М. Романов, участвовавший в организации курсов.

С начала 1990-х годов ГАРФ активизировал работу по собиранию документов руководителей государственной архивной службы, ведущих специалистов ВНИИДАД, профессорско-преподавательского состава ИАИ РГГУ, ветеранов-архивистов. Поступают творческие материалы, фотографии, переписка теоретиков архивного дела В.Н. Автократова (1922–1992), К.И. Рудельсон (1919–2000), видного археографа В.А. Кондратьева (1928–1992), известного историка-архивиста С.Т. Плешакова (1914–1986), возглавлявшего отделы Главархива СССР; директора ЦГА КФФД, ЦГАОР СССР; заместителя начальника Главархива СССР в 1986–1991 гг. А.В. Елпатьевского. Их материалы составили отдельные личные фонды³. На хранение поступили также биографические документы, творческие рукописи, фотографии профессора, доктора исторических наук, начальника Главархива СССР в 1983–1991 гг. Ф.М. Ваганова (1921–1993), в 2000 г. – материалы из личного архива руководителя Федеральной архивной службы России, члена-корреспондента РАН В.П. Козлова.

В 1990-е годы приняты документы О.Е. Карноуховой, В.Р. Копылова, Ф.К. Лимонова, Б.И. Каптелова, Ю.П. Дзагуровой, Л.М. Шалагиновой, трудовая деятельность которых многие годы была связана с ЦГАОР СССР. Эти документы включили в состав Объединенного фонда историков-архивистов (Ф.Р-8370), как и материалы известного историка-архивиста И.С. Назина, главного редактора журнала “Советские архивы” С.И. Кузьмина, преподавателей ИАИ РГГУ, сотрудников ВНИИДАД Н.В. Бржостовской, Л.Г. Сырченко, старейшего сотрудника отдела рукописей ГБЛ (ныне РГБ) В.М. Федоровой, заведующего ЦА ВЦСПС И.И. Белоносова, руководителя московских архивов в 1930–1940-е годы В.Е. Дербиной, старейшего архивиста ЦГАСА Е.М. Сахаровой. На документы каждого из них составлена отдельная опись с предисловием. В тот же фонд включены биографические материалы выпускника МГИАИ, поэта и журналиста Б.И. Жаворонкова, его воспоминания об учебе, о К.Г. Митяеве, других преподавателях института, фотоснимки, в том числе с С.О. Шмидтом у дома-музея С.А. Есенина в с. Константиново. Одна опись объединенного фонда содержит единичные (от одного до пяти дел) поступления документов: рукописи воспоминаний М.С. Селезнева, В.М. Хевролиной, списки трудов С.Р. Долговой, И.И. Кудрявцева, групповые снимки 1940–1950-х годов московских архивистов. На снимках – М.И. Артамонова, К.В. Крестовская, М.Ф. Шагаева и др.

Дела в личных фондах расположены по разделам: “Биографические документы”, “Творческие материалы”, “Документы служебной, педагогической деятельности”, “Переписка”, “Изобразительные материалы”, “Документы о фондообразователе”. Биографические материалы представлены автобиографиями, анкетами, почетными грамотами, приветственными адресами, документами об образовании, ученых степенях и званиях. В фондах В.Н. Автократова, Ф.М. Ваганова, В.А. Кондратьева хранятся их подлинные докторские, профессорские дипломы. В фонде С.Т. Плешакова имеется удостоверение об избрании его депутатом Красногорского городского совета депутатов трудящихся. Каждый фонд, как правило, содержит приглашения на научные конференции архивных учреждений, заседания Ученого совета МГИАИ, научных советов государственных архивов, торжественные собрания по случаю памятных дат, исторических событий.

Творческие материалы представлены рукописями статей, научных докладов и сообщений по вопросам теории, практики, истории архивного дела. Например, в фонде В.Н. Автократова – рукописи опубликованных статей “Архивоведение и

³ См.: Путеводитель. М., 1998. Т. 6. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива.

теория информации”, “Архивоведение как область научного знания”, “Из истории советского архивоведения конца 1920-х годов”, рукопись незаконченной статьи “Централизация архивного дела в России: история и новые задачи (1918–1922)”. Привлекают внимание рукопись, опубликованная в сокращенном варианте, “Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877–1956)”, (ОА. 1990. № 1, 2), материалы, собранные фондообразователем об этом архивном деятеле. В фондах других архивистов хранятся рукописи докладов, статей, выступлений о научной, педагогической деятельности в МГИАИ И.Л. Маяковского, В.В. Максакова, Н.А. Павловой, об археографической деятельности П.Г. Софинова.

Малоизвестные факты по собиранию и использованию документов сотрудниками архивных учреждений содержатся в воспоминаниях архивистов. Более 40 лет посвятила любимой работе В.Е. Дербина (1904–1999). Трудовую деятельность на архивной ниве она начала в Иркутске, продолжила в московских архивах, была начальником Архивного управления при УМВД Москвы и Московской области, несколько лет до ухода на пенсию (1961) возглавляла отдел комплектования Главархива РСФСР. В рукописи воспоминаний (1966) Веры Евгеньевны десятки имен и фамилий московских архивистов, подвижников и патриотов своей профессии. Интересные факты о работе сотрудников ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны содержит рукопись воспоминаний О.Е. Карноуховой, Н.Р. Прокопенко, К.И. Рудельсон, Л.Т. Коновой. Ю.П. Дзагурова (30 лет ее трудовой деятельности связано с работой ЦГАЛИ СССР, ЦГАОР СССР, Главархива СССР) передала в ГАРФ воспоминания о Н.Р. Прокопенко, М.И. Рыбинском, Н.В. Михайловой, А.А. Новиковой, других своих коллегах, о работе в Главархиве СССР Д.Т. Шепилова. Профессор М.С. Селезнев незадолго до кончины, последовавшей 11 ноября 1998 г., передал краткие воспоминания о работе в ЦГАОР СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов, а также педагогической деятельности в МГИАИ. Сведения об институте, его преподавателях имеются также в воспоминаниях О.Е. Карноуховой, И.И. Белоносова, В.Е. Дербиной, Л.Г. Сырченко, В.М. Хевролиной.

Материалы служебной деятельности в основном представлены рукописями докладов, выступлений фондообразователей на научно-практических конференциях, заседаниях коллегии ГАУ при СМ СССР, научных советах ВНИИДАД, центральных государственных архивов, московских музеев, на республиканских, зональных совещаниях работников архивных учреждений. В фондах имеются доклады руководителей ЦГАОР СССР Н.Р. Прокопенко, С.Т. Плешакова, Б.И. Каптелова на конференциях, собраниях трудового коллектива по случаю юбилейных дат Советского государства, 50-летия, 60-летия архива. Служебную деятельность архивистов отражает также переписка фондообразователей с учреждениями, организациями, коллегами по работе. Так, в числе материалов О.Е. Карноуховой (Ф.Р-8370. Оп. 3) привлекают внимание письма военных лет Н.Р. Прокопенко со сведениями о напряженной работе коллектива архива по сохранению, использованию архивных фондов, созданию путеводителя, а также письма В.А. Исаевой, Ю.П. Дзагуровой, А.А. Новиковой, многих других коллег. Среди корреспондентов Ольги Евгеньевны Карноуховой – В.В. Максаков, О.М. Медушевская, К.Г. Митяев, К.И. Рудельсон, Н.А. Павлова, З.В. Крайская, другие профессора, преподаватели МГИАИ.

Письма историков А.И. Андреева, А.А. Зимина, Б.Г. Литвака, В.И. Мальшева, многих других видных ученых находятся в фонде В.Н. Автократова. В нем хранятся также письма С.Л. Тихвинского, Н.Н. Ковальского, других историков к М.И. Автократовой, возглавлявшей многие годы ЦГАДА. Среди корреспондентов археографа В.А. Кондратьева – историки А.И. Андреев, С.Н. Валк, И.И. Минц. В Объединенном фонде историков-архивистов имеются письма академика И.М. Майского, писателей С.В. Сартакова, А.Б. Чаковского, киноопера-

тора и режиссера Е.Н. Андриканиса, историков Д.А. Волкогорова, Е.А. Луцкого, писателя и историка Н.Я. Эйдельмана, других деятелей науки, культуры.

Каждый личный фонд историка-архивиста содержит изобразительные материалы. В одних случаях это снимки с коллегами по работе, участниками научных конференций, преподавателями Историко-архивного института, в других (их значительно меньше) – с друзьями студенческих лет; фронтовиками-однополчанами, с видными деятелями науки, литературы, искусства. Так, в фонде С.Т. Плешакова привлекают внимание фотоснимки с маршалом Советского Союза С.М. Буденным, скульптором С.Т. Коненковым. Они сделаны в ЦГА КФФД СССР (1957), директором которого был С.Т. Плешаков. В фонде В.А. Кондратьева – фотографии с космонавтом П.Р. Поповичем.

В фондах имеется много групповых снимков – участников совещаний работников архивных учреждений в разных городах России, столицах союзных республик бывшего СССР. Особенно много их в фондах С.Т. Плешакова, Ф.М. Ваганова. В фонде Ф.М. Ваганова содержатся фотоснимки встреч работников Главархива СССР в Москве с архивистами 21 зарубежной страны (1982–1988); снимки участников совещаний (1983, 1986) редакторов архивных журналов социалистических стран. Сохранились и снимки встреч советских архивистов с делегацией архивистов Финляндии и участниками представления в Москве совместного документального сборника, посвященного 35-летию Договора о дружбе между СССР и Финляндией (1983), вручения этого сборника президенту Финляндии М. Койвисто; снимки приемов послов социалистических стран в ГАУ при СМ СССР (1987). Несколько дел содержат фотографии о пребывании Ф.М. Ваганова в Алжире, Болгарии, Финляндии, других зарубежных странах, о встречах с зарубежными коллегами-архивистами. Имеются фотоснимки руководителя Главархива СССР среди участников совещаний архивистов Армении (1983), Украины (1984, 1987), Белоруссии (1984). Свыше 20 фотоснимков отражают пребывание в Грузинской ССР Ф.М. Ваганова и президента Международного совета архивов Г. Боомса (1985). Имеются также фотоснимки Федора Михайловича с сотрудниками ВНИИДАД (1981, 1985), Лаборатории микрофильмирования и реставрации документов центральных государственных архивов (1983), Государственного архива г. Севастополя (1986), ЦГА РСФСР (1987), архивистами Ленинграда (1984) и др.

Среди изобразительных материалов фонда – снимки открытия на ВДНХ СССР выставки “Роль ГАФ СССР в развитии советской культуры” (1984), закрытия выставки “Великая Отечественная война советского народа в документах ГАФ СССР и документальных изданиях”, выставки в помещении ЦГАСА – “Обеспечение сохранности документов Государственного архивного фонда СССР” (1985). На снимках – С.В. Беленко, Л.П. Волков, Н.Б. Волкова, В.А. Ильичева, Б.И. Каптелов, К.В. Крестовская, К.С. Кузнецова, О.А. Михайлов, А.М. Пегов, Н.М. Рассыпнова, Н.Е. Терещенко, Ю.Г. Турищев, В.А. Тюнеев, В.В. Цаплин, другие руководящие сотрудники Главархива СССР, центральных государственных архивов. Сохранились фотоснимки участников заседаний Научно-методического совета по изданию документальных сборников при Главархиве (1982), встречи архивистов с московскими писателями в Доме культуры ВДНХ СССР (1984).

Групповые фотоснимки работников ЦГВИА СССР, ВНИИДАД, других учреждений имеются в фонде В.Н. Автократова. Привлекают внимание фотографии Владимира Николаевича военных лет с однополчанами. Фотографии преподавателей, групповые снимки студентов МГИАИ 1970–1980-х годов хранятся в фонде В.А. Кондратьева. Индивидуальные фотоснимки А.И. Андреева, И.Ф. Колесникова, И.Л. Маяковского – в фонде К.И. Рудельсон. В этих и других крупных личных фондах архивистов имеются фотографии Б.И. Анфилова, Г.С. Габаева, Л.Н. Кривошеина, П.П. Смирнова, Н.В. Устюгова, И.Н. Фирсова, А.В. Головкина, групповые снимки сотрудников ЦГАОР, ЦГВИА, ЦГИАМ СССР.

Фонды, к сожалению, не содержат документов архивистов, пострадавших в годы репрессий 1930–1940-х годов. Отсутствуют (за исключением фонда Ф.М. Ваганова) личные документы руководителей архивной службы 1950–1980-х годов. Работники архива обращались с просьбой передать такие документы к В.Д. Стырову, К.С. Кузнецовой, Т.Г. Коленкиной; родственникам Л.Н. Кривошеина, А.С. Рословой, А.М. Пегова и других руководителей Главархива СССР, МГИАИ. К сожалению, положительного результата такие обращения не имели.

На сегодня в архивохранилище 15 личных фондов архивистов, в основном руководящих работников и преподавателей ИАИ РГГУ (2437 ед. хр.; не прошли научного описания 3410 документов). Объединенный фонд историков-архивистов включает 655 ед. хр.

Биографические, творческие материалы, документы служебной, педагогической работы, фотоснимки архивистов привлекают внимание преподавателей, студентов ИАИ РГГУ, специалистов ВНИИДАД, журналистов. Они используются при проведении в ГАРФ вечеров, чтений памяти, посвященных жизни, деятельности видных историков-архивистов; при подготовке сотрудниками архивохранилища сообщений на научно-практических конференциях, семинарах ВНИИДАД, РГВА, РГАДА, ИАИ РГГУ (1992–2000). В ГАРФ состоялись конференции, вечера памяти Н.Р. Прокопенко (1995), В.Н. Автократова (1997). Ведущие специалисты федеральных архивов, РЦХИДНИ, Центра документации “Народный архив”, Архива РАН, участвовавшие в конференции, посвященной памяти Н.Р. Прокопенко, выступили с воспоминаниями о Николае Романовиче, сделали сообщения о поступлении в архивы личных документов С.А. Айнберг, Н.В. Бржостовской, В.В. Душенькина, А.А. Кузина, М.Ф. Петровской, В.В. Цаплина, других архивистов. На вечере памяти В.Н. Автократова поделились воспоминаниями Б.С. Илизаров, В.А. Сидорова, А.Д. Степанский, Ю.Б. Живцов, Н.И. Химины и другие соратники и коллеги ученого. Документы фондов были использованы при подготовке сообщения на конференции “Старое и новое в профессии архивиста: проблема архивных кадров”, состоявшейся в ИАИ РГГУ (1996), а также на 3-й Всероссийской конференции “Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе” (1999).

Биографические документы, рукописи, фотоснимки В.Н. Автократова, письма к нему А.И. Андреева, А.А. Зимины экспонировались на выставке по поводу 75-летия со дня рождения Владимира Николаевича (ИАИ РГГУ, 1997). Материалы О.Е. Карноуховой использовались при подготовке архивом вечера “Вспомним архивиста” (1998). На нем с воспоминаниями о своих коллегах выступили Н.Б. Волкова, Н.П. Шмулевич, другие руководители, ведущие специалисты всех (кроме Российского государственного архива звукозаписей) федеральных архивов, находящихся в Москве, а также объединения “Мосгорархив”. Участвовала в вечере и ветеран отдела рукописей РГБ В.Г. Зимины. Тексты выступлений о Ю.А. Красовском, Н.В. Михайловой, В.Ф. Рунге, И.А. Рубине, других архивистах включены в Объединенный фонд; выступления многих участников вечера опубликованы в бюллетене Российского общества историков-архивистов “Вестник архивиста” (1998. № 4). Документы архивистов использовались и при проведении в ГАРФ вечеров, посвященных 850-летию Москвы, 80-летию Государственной архивной службы России.

Выпускниками ИАИ РГГУ Е.В. Третьяковой, Л.Ю. Евдокимовой, Е.Д. Кондрашовой написаны дипломные работы – обзоры личных фондов С.Т. Плешакова, К.И. Рудельсон, Объединенного фонда историков-архивистов. В.В. Крылов, Т.И. Хорхордина, другие преподаватели ИАИ РГГУ постоянно изучают в читальном зале ГАРФ документы, хранящиеся в личных фондах В.Н. Автократова, А.С. Николаева и др.

Документы фондов архивистов, несомненно, привлекут внимание составителей, авторов энциклопедических, биобиблиографических словарей, справочни-

ков. Кстати, рукопись биобиблиографического словаря архивистов XIX – начала XX в., подготовленного студентами МГИАИ в 1950–1960-е годы, хранится в личном фонде К.И. Рудельсон. На основе личных фондов сотрудниками ГАРФ подготовлены биобиблиографические справки о В.Н. Автократове, Ф.М. Ваганове, В.А. Кондратьеве, В.Р. Копылове, Н.Р. Прокопенко, К.И. Рудельсон для первого и второго изданий биобиблиографического словаря “Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории” (Автор-составитель А.А. Чернобаев. Саратов, 1998, 2000).

Искусствовед, литературовед, коллекционер И.С. Зильберштейн, внесший значительный вклад в собирание и возвращение на родину личных архивов соотечественников, не раз в своих выступлениях называл архивистов “последними святыми на Руси”, подчеркивал их преданность профессии. Подвижничество архивистов отмечали в своих статьях, выступлениях на конференциях, встречах с общественностью К.М. Симонов, И.Л. Андронников. ГАРФ, наряду с другими хранителями, принимая личные фонды архивистов, стремится сохранить память о них. Копии документальных реликвий, хранящихся в этих фондах, займут достойное место в будущем музее истории архивного дела. Такой музей, несомненно, должен быть в Москве. Он, наряду с выполнением основной функции, будет способствовать дальнейшей собирательской работе личных документов архивистов. Общими усилиями мы должны сохранить дела и труды архивистов, хранителей документальной памяти народа.

**ЛЕТОПИСНЫЙ “СПИСОК РУССКИХ ГОРОДОВ
ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ”
В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА:
Н.М. КАРАМЗИН И З.Я. ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКИЙ**

М.Н. Тихомиров в новейшее время был первым, кто подверг детальному исследованию особую летописную статью “А се имена градом всем русским далним и ближним” и закрепил в исторической науке название этой статьи “Список русских городов дальних и ближних” (далее – Список) в одноименной работе 1952 г.¹ К сожалению, в архиве М.Н. Тихомирова не сохранилась рукопись этого исследования, и позднее оно было переиздано с комментариями В.А. Кучкина в сборнике трудов ученого по оттиску первой публикации, где имелась правка и рукописные вставки М.Н. Тихомирова². С тех пор Списку посвящена не одна работа, в той или иной степени уточнявшая, пересматривавшая выводы М.Н. Тихомирова или дававшая более широкий историко-географический и историко-политический контекст сведениям Списка³. Последним по времени обращением к Списку, видимо, является работа В.Л. Янина, в которой названы известные в настоящее время летописные своды, содержащие в своем составе Список, и предложена иная его датировка⁴. Несмотря на разницу в годах, исследователи в целом относят его появление в хронологическом интервале от 70–80-х годов XIV в. до 30–40 годов XV в. Это особенно важно, если учесть, что такая датировка в общем не расходится с мнением историописателей, работавших в первой четверти XIX в. и обращавшихся к Списку.

В статье М.Н. Тихомиров писал, что «с легкой руки Карамзина почти все историки относились к известиям “Списка” с недоверием, полагая, что в нем смешаны самые различные эпохи». А ниже подробно охарактеризовал отношение к Списку и точку зрения З.Я. Доленги-Ходаковского, указывая в некоторых спорных случаях локализации городов его мнение⁵. М.Н. Тихомиров не дал ссылки на страницы “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина, чтобы подтвердить слова о его “легкой руке”, но думается, что исследование Списка как части корпуса источников, на которые опирался Н.М. Карамзин, а также приемов его изучения в первой четверти XIX в., в первую очередь в трудах Н.М. Карамзина, может стать самостоятельной исследовательской проблемой тем более, что вводимые в оборот документы, характеризующие отношения между Н.М. Карамзи-

¹ Тихомиров М.Н. “Список русских городов дальних и ближних” // Изв. М., 1952. Т. 40. С. 214–259.

² Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Науч. описание / Сост. И.П. Староверова. М., 1974; Тихомиров М.Н. “Список русских городов дальних и ближних” // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 83–137, 357–361.

³ Наиболее подробно литература охарактеризована в статье: Наумов Е.П. К истории летописного “Списка русских городов дальних и ближних” // Летописи и хроники, 1973: Сб. ст. М., 1974. С. 150–163.

⁴ Янин В.Л. К вопросу о дате составления обзора “А се имена градом всем русским, далним и ближним” // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исслед., 1992–1993 годы. М., 1995. С. 125–134. Статья вошла в книгу: Янин В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 61–70.

⁵ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 84–86; и др.

ным и З.Я. Доленгой-Ходаковским, позволяют реконструировать историко-научный контекст проблемы. Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что М.Н. Тихомиров был одним из первых, кто в отечественной исторической науке заговорил о необходимости изучения источников, которыми располагал Н.М. Карамзин, посвятив этой проблеме специальную работу⁶.

Список становится известным благодаря А.Л. Шлецеру, который опубликовал и проанализировал его в начале XIX в. в своем знаменитом труде “Нестор. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache”, вышедшем в Геттингене. Работа получила признание ученой публики и почти сразу же, в 1809–1819 гг., была переведена на русский язык⁷; российские читатели могли узнать о Списке из текста во втором томе “Нестора”. В переводе Д. Языкова, впрочем содержащем ошибки и неточности, слова А.Л. Шлецера переданы так: «Следующий отрывок из Пол. [рукописный сборник, по словам Шлецера, “очень древней скорописью. Доставлен надворным советником Полетикой”] относится к Русской и смежных земель *географии* среднего века; следственно составляет именно ту часть Русских древностей, в которой все еще мрачно: а кто при истории может обойтись без *землеописания*? – Хотя здесь есть многие описки в именах ... но я уверен, что с прилежанием можно из сего отрывка что-нибудь сделать ... Уже за 20 лет до сего припечатал я этот географический отрывок в моей *Литовской истории* стр. 17–19, в том намерении, что кто-нибудь возьмется *объяснить* оный; но насколько мне известно, никто еще не принимался за него”⁸.

“Принялись” за Список очень скоро, а вот попытки “объяснить оный” были сделаны только в XX столетии. Свои рассуждения о времени создания Списка оставил в “Истории государства Российского” Н.М. Карамзин. Он использовал Список в Примечаниях к “Истории”. Среди критиков – и наиболее яростных – карамзинского труда был З.Я. Доленга-Ходаковский, который также исследовал Список. Однако для того, чтобы показать, какое место занимал Список в исторических трудах первой четверти XIX в., необходимо попытаться более широко реконструировать реалии того времени, включив в них историко-научную и повседневную, даже бытовую составляющие.

Карамзина и Ходаковского связывали непростые отношения⁹, которые остаются недостаточно проясненными. Так, и биография З.Я. Ходаковского (реконструированная А.Н. Пыпиным), полная неожиданных поворотов и лишений, реальные эпизоды которой Ходаковский тщательно скрывал, и его опубликованные и неопубликованные работы, позволяют видеть в нем человека одаренного, с энтузиазмом взявшегося за археологические и исторические разыскания, но, видимо, лишенного сколько-нибудь систематического образования и специальных знаний. К этому следует добавить и характерное для Ходаковского чувство ущемления национального достоинства, толкавшее его на поступки, которые не приходится оценивать однозначно. Все эти обстоятельства необходимо учитывать при изучении документов Ходаковского, среди которых сохранились фрагменты его исследования Списка.

⁶ Тихомиров М.Н. Синодальное собрание рукописей в “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина // Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. Прил. 2. С. 174–182; Казаков Р.Б. Н.М. Карамзин и советское карамзиноведение // Россия в новое время: Историческая традиция и проблемы самоидентификации: Материалы межвуз. науч. конф. М., 1996. С. 161–164.

⁷ Нестор. Русские летописи на древне-славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлецером. СПб., 1809–1819. Ч. 1–3; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 166.

⁸ Нестор. СПб., 1816. Ч. 2. С. 777–778. Курсив А.Л. Шлецера.

⁹ Казаков Р.Б. З. Доленга-Ходаковский и Н.М. Карамзин: Эпизоды из истории исторической географии // Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1997. С. 270–273.

Вклад З.Я. Доленги-Ходаковского в развитие археологии, этнографии подробно охарактеризован в литературе¹⁰, однако приходится признать, что, несмотря на весьма фундированные работы современных исследователей, эта фигура до сих пор остается малопонятной, “непрочитанной” и поэтому не занявшей своего места в истории российской науки.

В России Ходаковский стал широко известен с 1819 г., первоначально своей критикой на “Историю государства Российского” и карту славянских племен, опубликованную Карамзиным, а также своим проектом изучения древних славянских городищ, этнонимов и гидронимов.

Печатная критика Ходаковским “Истории” Карамзина началась с публикации в “Вестнике Европы” под названием “Разыскания касательно Русской истории”, которая в значительной части посвящена основанной на собственных исследованиях Ходаковского критике карты расселения славян, помещенной в “Истории”¹¹. При публикации в журнале были сделаны некоторые исправления орфографии и стиля Ходаковского; об этом можно судить при сравнении печатного текста и черновика письма, сохранившегося среди документов Ходаковского¹². Так, в черновике Карамзин назван “Русской Плютарх” и “Невский Плютарх”; в журнале буква “ю” исправлена – “Плутарх”. Работа содержала некоторые весьма резкие отзывы о Карамзине и как историописателе, и как человеке. Традиционно этот текст рассматривался как статья Ходаковского, его критический отзыв (рецензия) на труд историографа. Однако следует учитывать, что в “Вестнике Европы” был помещен текст письма Ходаковского от 19 июля 1819 г. князю А.Н. Голицыну, где обосновывалась необходимость проведения археологического исследования российских древностей, а не специально написанная для журнала работа. Ходаковский пытался убедить министра профинансировать его проект: этим можно объяснить настойчивое и даже навязчивое подчеркивание всеславянского единства, общности истории, дохристианской культуры славян и забот Ходаковского в изучении “нашей земли”. В черновике император Александр назван “королем Александром II”, а “пресловутый Историограф” критиковался, в частности, и за то, что, приписав варягам основание некоторых городов, даром увеличил “чужую деятельность в нашей земле”¹³. Фразы о “нашей земле”, под которой явно подразумевались Россия и Царство Польское, для Ходаковского неслучайны, а весьма значимы: он скрывал обстоятельства своей биографии, когда в молодости еще под своей настоящей фамилией (А. Чарноцкий) служил в польских войсках у Наполеона.

Вероятно, Ходаковский не предполагал публиковать письмо, во всяком случае, в таком виде. История публикации письма недостаточно ясна. Номер “Вестника Европы” появился уже после того, как Ходаковский представился Карамзину и был хорошо им принят, поэтому ему пришлось оправдываться перед историографом в письме 21 ноября 1819 г., говоря, что не предполагал предавать гласности этот документ. Черновик письма сохранился; в нем отсутствуют зачеркивания и исправления принципиального характера. Возможно, текст его сложился у Ходаковского сразу, что, вероятно, говорит об искренности его слов. Ходаковский объяснял появление письма тем, что “желал обратить внимание сего знаменитого покровителя наук [А.Н. Голицына] на за-

¹⁰ *Пытин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III. С. 38–87; *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX ст. Прага Чешская, 1906; *Ровнякова Л.И.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М., 1963. С. 58–94; *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986; *Козлов В.П.* “История государства Российского” Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

¹¹ Вестник Европы. М., 1819. № 20. С. 277–302.

¹² ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 44. Л. 3–8 об.

¹³ Там же. Л. 3, 4 об.

нения мои по части Славянской и Русской истории, и не имел никакой другой цели, отправляя к нему помянутое письмо мое”. Ходаковский объяснял свой приезд в Петербург советом Голицына получить консультации историографа: “...я прибыл в СПбург, и предстал пред Лице Ваше с тою надеждою, что найду в Особе Вашей и безпристрастного Судию и Милостивого покровителя моим занятиям. Уже надежда сия начинала обращаться в событие по мере благосклонного приема двукратно сделанного мне Вашим Пр[евосходительством]. Я даже столько был счастлив, что удостоился получить от Вас на первой случай весьма лестное для меня поручение, доставить Вам объяснение исторического происшествия, относящегося до Викторина, или, по Польской Геральдике, Викторинского и писал о том в Царство Польское от 8. сего Ноября”. Ходаковский уверял, что публикация письма была для него неприятной неожиданностью, что “оно, по некоторым обстоятельствам, не во всей полноте и исправности писано, и совсем не для издания в публику. Если В[аше] Пр[евосходительство] найдете в оном письме некоторые места несообразные с теми моими видами, какие я имел честь объяснить Вам лично: то покорнейше прошу не приписать того какому-нибудь скрытому моему умыслу. Я не тайл перед вами моих замечаний, но никогда бы не решился, без Вашей воли, делать их всем известными. – Зависть есть неотлучная спутница Великих Писателей; и напечатание письма моего в Вестнике Европы есть без сомнения ее, а не мое дело. Вот мое оправдание. Теперь зависит от воли Вашего пр[евосходительства] и в личном деле произнести такой суд, какой изрекли Вы о века и народах”¹⁴. Как следует из текста, при двух встречах Ходаковский высказывал Карамзину свои замечания на “Историю”.

Как можно понять из текста “Истории”, Ходаковский доставил Карамзину необходимые сведения для объяснения “исторического происшествия, относящегося до Викторина”. В тексте IX тома “Истории” Карамзин привел речь Ивана Грозного о желании занять польско-литовский престол, обращенную к приехавшему к нему в октябре 1572 г. гонцу от сената Речи Посполитой Федору Ворыпаю. В речи упоминался “злодей Викторин”, а в 410 примечании Карамзин сослался на книгу современного ему польского историка Л. Горницкого, вышедшую в Варшаве в 1805 г., и дал необходимые дополнительные сведения о Викторине. Видимо, Карамзину книга не была известна и он сослался на нее с цитированием и точным указанием страницы, однако не упомянул, что сведения были получены с помощью Ходаковского¹⁵.

Публикация письма с нелестными характеристиками Карамзина не повлияла на мнение историографа о плане научного путешествия Ходаковского для изучения российских древностей и составления карты славянских городищ и урочищ, разрешения на которое с финансированием от казны добивался Ходаковский у Голицына. Карамзин дал положительную оценку плану Ходаковского и даже помог ему деньгами¹⁶. В письме Голицыну 23 февраля 1820 г. Карамзин писал: “Не говоря о его догадках и заключениях, опровергающих Нестора и меня смиренного, я думаю, что он окажет не малую услугу любителям нашей истории, если, осмотрев на месте ее памятники, в особенности городища, издаст их верное описание, вместе с Лексиконом славянских урочищ, вместе с собранием народных преданий, старинных песен, сказок, относящихся к обычаям или к мифологии славян, к их понятиям о природе, к их сведениям в астрономии, в ботанике и проч. Г. Ходаковский показывал мне тетради сочиняемого им Географического Словаря разных земель Славянских: что может

¹⁴ Там же. Д. 46. Л. 1–2. Частично опубл.: Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 73–74.

¹⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. воспроизвед. 5-го изд. М., 1989. Кн. III, т. IX. С. 127; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 300.

¹⁶ Францев В.А. Указ. соч. С. 356–357.

быть книгою любопытною и нужною для некоторых исторических соображений”¹⁷.

Очевидно, что Карамзин хорошо представлял важность добываемых Ходаковским материалов и оценивал их много шире, нежели только в контексте политической истории России. Важно подчеркнуть и то, что, характеризуя занятия историей в официальном письме министру в ответ на его просьбу об отзыве по поводу проекта Ходаковского, Карамзин сформулировал необходимость обращения не только к письменным источникам, но и к памятникам вещественным, источникам этнографическим, фольклорным, изучения народных представлений об окружающем мире (менталитета, в соответствии с современной терминологией). Отмечу это как характерную составляющую представлений Карамзина о корпусе источников для изучения прошлого России, выявившуюся уже в начале сочинения “Истории”¹⁸.

Ходаковский пытался искать разные источники финансирования экспедиции, однако не смог вызвать доверия к своему проекту. В одном из писем митрополит Евгений (Болховитинов), неодобрительно отзывавшийся о Ходаковском, упомянул, что канцлер Н.П. Румянцев отказал в денежной помощи Ходаковскому¹⁹. Голицын же обосновал возможность финансирования плана Ходаковского на докладе у императора, практически дословно повторив выводы Карамзина из его письма, и Ходаковский получил одобрение и 3 тыс. руб. на путешествие²⁰.

Как известно, отчет Ходаковского о путешествии, поданный им после многих напоминаний из министерства, встретил более холодный отзыв специалистов, в том числе и Карамзина. Думается, что причина была в основном в том, что собранный материал так и не был обработан и систематизирован, а наблюдения оставались наблюдениями. Следствием стало прекращение в 1823 г. финансирования проекта Ходаковского. А вскоре, в 1825 г., Зориан Доленга-Ходаковский умер.

О ходе своих разысканий Ходаковский подробно доносил князю Голицыну. Часть писем была опубликована В.А. Францевым, черновики этих и некоторых других писем сохранились в погодинском Древлехранилище (после смерти Ходаковского его документы приобрел М.П. Погодин; в его фонде в Отделе рукописей РНБ они хранятся и сейчас)²¹. В своих финансовых затруднениях и в отказе от дальнейшей денежной помощи Ходаковский необоснованно винил Карамзина, “который ради своей Истории не желает моих успехов”. В письме Голицыну 11 января 1823 г. Ходаковский резко и вместе с тем образно писал о Карамзине: “Он должен пережить свою мнимую славу или вторичный принять труд и все переделать. Да не думает мой отчим [Карамзин], что я лентяй и бесполезной. Я скоро докажу, что напрасно он лишает старую Русь трех великих областей к востоку и что он худой археолог! Сего Гаскона попрошу я на Гуляй-городок под Серпуховым, и с недвижимого места Славян пойдем обозрывать все достойные, ибо его История весьма слаба, воздушная по части географии и ногами не достает земли. Да пособим все вместе этому недостатку – честь Государства и наша того требует!”²²

Примерно в тех же выражениях Ходаковский характеризовал “Историю” в письме к И.Н. Лобойко, которое частично воспроизвел В.П. Козлов: “Это прекрасный шар воздушный, который высоко парит, не касаясь ногами земли и всех

¹⁷ Цит. по: Францев В.А. Указ. соч. С. СХVIII.

¹⁸ Шмидт С.О. “История государства Российского” в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. воспроизвед. 5-го изд. М., 1988. Кн. IV. С. 35; Он же. Н.М. Карамзин и его “История государства Российского” // Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. М., 1990; Казаков Р.Б. Заметки о формировании метода источниковедения в XVIII – первой четверти XIX в. // Точное гуманитарное знание: Традиции, проблемы, методы, результаты: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1999. С. 40–48.

¹⁹ См.: Францев В.А. Указ. соч. С. 356.

²⁰ Там же. С. СХХIII.

²¹ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 44.

²² Цит. по: Францев В.А. Указ. соч. С. CLII.

мест, достопамятных происшествиями”. Ходаковский сообщал о своих затруднениях и И.Н. Лобойко, который осторожно пытался “убедить Ходаковского в том, что Карамзин непричастен к прекращению экспедиции”²³. Лобойко отвечал Ходаковскому 20 февраля 1823 г.: “Вы замечаете, что противу вас встает буря; я не думаю, чтобы Кр-н был тому один причиною; по крайней мере это не от злости и зависти, а от пристрастия к своим мнениям, кои нередко защищаются с такой же яростию, как осажденные места [...] На кого обращены глаза всей огромной публики, тот никогда не оставался без преследования. Сам Крн весьма часто им подвергался и подвергается; но он тверд, как скала среди волн. Рассмотрите подробнее пути его и не пренебрегайте теми уроками, кои подают вам сей пример”²⁴.

Следующее письмо Ходаковского Голицыну 30 января 1823 г. складывалось нелегко, об этом говорят зачеркнутые косыми штрихами начатые и недописанные фразы в строках черновика: “Карамзин при трудных Буря скопилась надо мною Г. Карамзин хочет воспользоваться стечением неприятных для меня обстоятельств, чтобы и хочет сбывться моей рецензии на его Историю”²⁵. Следующие строки вошли в чистовик: “Г. Карамзин, забывши собственноручной хиерограф и пользу своей Истории от поверки оной во всех местах России, ныне хочет увеличить сомнительное само собою положение мое”²⁶. 22 февраля 1823 г. Ходаковский снова писал Голицыну, жалуясь на Карамзина: “Он должен бы ожидать пользы и для истории своего сочинения, которая, поверяясь мною во всех местах действий, тем тверже будет прикована к Земле Русской. – Ибо история без географии недостаточна равным образом, как без хронологии была б одним красивым повествованием обитателей достославных, но позабытых мест”²⁷.

Современным критикам “Истории” Карамзина были известны отзывы Ходаковского на нее. В декабре 1822 г. И.Н. Лобойко просил прислать их для И. Лелевеля: “Он употребит их на пользу публике и предмета, к чести вашего имени, и со всею скромностию [нрзб.] к рассматриваемому сочинению”²⁸. Черновик отзыва Ходаковского на “Историю” сохранился, он содержит многочисленные уточнения древнерусских топонимов, этимологические рассуждения. Ходаковский со свойственными ему ошибками в правописании указывал, в частности: “Едва ли не общее мнение утверждается, что Ист[ория] Госуд[арства] Росс[ийского] не взирая на знам[енитый] труд Н.М. Карам[зина] еще представляет во многих местах темная, сомнительная. Причина естественная тому, ибо не все вспомогательные источники открыты и надлежащую критикою очищены”. Примечательно то, что основное замечание Ходаковского к труду Карамзина касалось недостаточной критической обработки письменных источников. Он формулировал необходимость обязательно дополнять их данными вещественных памятников, в частности, потому, что исследователь отделен от описываемых времен столетиями и огромными расстояниями. Кроме того, по словам Ходаковского, используя летописи, мы, “часто их самих не понимая, судим об них по понятиям, идеям своего настоящего времени”. Материалы Ходаковского были затем использованы Лелевелем²⁹.

Известны специалистам и первые четыре тома “Истории” с пометами Ходаковского, по словам К.А. Полевого, “иногда самыми циническими”³⁰. Однако эти пометы требуют более тщательного рассмотрения и интерпретации. Даже самый

²³ Козлов В.П. “История государства Российского” Н.М. Карамзина в оценках современников. С. 89, 59.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 78. Л. 9–9 об.

²⁵ Там же. Д. 44. Л. 15.

²⁶ Цит. по: Францев В.А. Указ. соч. С. CLIV.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 44. Л. 9.

²⁸ Там же. Д. 78. Л. 8.

²⁹ Там же. Д. 11. Л. 1; Козлов В.П. “История государства Российского” Н.М. Карамзина в оценках современников. С. 40.

³⁰ Цит. по: Козлов В.П. “История государства Российского”... С. 45.

поверхностный взгляд на приписки Ходаковского на полях свидетельствует, что он не давал какого-либо развернутого критического текста. Пометы довольно краткие, часто в одно слово. Значительная их часть представляет собой перевод на польский язык слов, употребленных Карамзиным. Иногда это указание на летописный памятник или вынесенное на поля какое-либо слово, чтобы отметить представляющее для Ходаковского интерес место “Истории”. Такого рода пометы похожи на “фонарики” карамзинской “Истории”. Первый и второй тома “Истории” содержат пометы в тексте и Примечаниях, третий и четвертый – почти всегда в Примечаниях³¹.

К тексту Карамзина Ходаковский часто давал ссылки на Софийскую летопись, иногда сопоставлял разные фрагменты “Истории”. Характерно, что какие-либо пометы к карамзинскому Предисловию отсутствуют, подчеркнуты лишь слова “не главное” во фразе Карамзина “С охотою и ревностно посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться оуждения; но смею сказать, что это для меня не главное” из предпоследнего абзаца Предисловия. Ходаковский приписал на полях: “а деньги!”³² Ничего нет и к тексту карамзинского раздела “Об источниках Российской Истории до XVIII века”. К 238 примечанию во втором томе “Истории”, где Карамзин цитировал летописи о строительстве каменной крепости Ладога, Ходаковский написал на полях по-польски “о 4-х бастионах в треугольник с церк. Св. Георгия” и нарисовал план крепости³³. Вообще, помет Ходаковского больше всего в тех местах, где Карамзин обозначал положение того или иного географического пункта. Обращал он внимание на те части текста Карамзина, которые могли бы свидетельствовать в пользу его теории расположения славянских городищ; в тексте о происхождении латышских народов Ходаковский подчеркнул слово “Венеды” и приписал на полях по-польски “это должны быть городки”, против упомянутого “Каганова городища, близ Харькова” по-польски стоит “Городища в правление хазар!”³⁴ Видимо, Ходаковский внимательно читал тома “Истории”, однако его пометы на полях не являются критикой в собственном смысле: они не составляют системы и не предлагают аргументированных возражений тому или иному мнению Карамзина.

Значительное внимание публики привлекали напечатанные критические материалы Ходаковского. За его публикациями следили. В письме Полевого Ходаковскому есть такие слова: “Статья Ваша о князе [Северный архив. 1824. Ч. X. С. 219–241] напечатана и принята с уважением. Заметили слова ваши о множестве географических ошибок у Карамзина”³⁵. Однако за десятилетия трудов на ниве исторической науки Ходаковский так и не создал целостного исторического труда. Собранный им материал, по большей части, остался в рукописи и не был систематизирован, а его объяснения расположению славянских городищ не были приняты исследователями. Причина, думается, в том, что Ходаковский, несмотря на обширные знания по древней истории славян, оставался в истории непрофессионалом. В том самом письме Голицыну 1819 г., опубликованном в “Вестнике Европы”, Ходаковский признавал: “Знаю, что труднее, сочинить или критиковать”³⁶.

С пометами Ходаковского на экземпляре “Истории” Карамзина связан еще один документ, вероятно, 1822–1825 гг., представляющий собой текст Списка с

³¹ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 2022/1–2022/4.

³² Карамзин Н.М. История государства Российского / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1989. Т. 1. С. 21 (далее ссылки на это издание); ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 2022/1.

³³ Карамзин Н.М. История... М., 1991. Т. 2. 3. С. 284; ОР РНБ. Ф. Оп. 2. Д. 2022/2.

³⁴ Карамзин Н.М. История... Т. 1. С. 52 (между цифрами примечаний 80 и 81), 54 (у цифры примечания 90); ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 2022/1.

³⁵ Цит. по: Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 81.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 44. Л. 8 об.

вариантами, подведенными Ходаковским³⁷. Два двойных листа серой бумаги с водяным знаком 1818 г. вложены каждый в двойной лист бумаги голубого цвета с водяным знаком 1822 г. Текст расположен на листах серого цвета и на листе голубой бумаги. Ходаковский писал строку Списка по Воскресенской летописи, давал под ней строку слово в слово из шлецеровской публикации Списка в “Несторе”, а на полях приводил различия по опубликованной Софийской летописи³⁸. На полях рукописи Ходаковский иногда ссылался на места из “Истории” Карамзина, где упоминался тот или иной город из Списка. Ходаковский отмечал и некоторые особенности памятника: в списке Софийской летописи он не нашел упоминаний о Св. Софии в Киеве, обратил внимание на то, что Воскресенская летопись и Шлецер ничего не сообщали о церкви в Киево-Печерском монастыре, “которая 1460-х г. восстановлена Олельковичем” (М.Н. Тихомиров не использовал Софийской летописи при публикации Списка и никак не отметил отсутствие упоминаний о достопримечательностях Печерского монастыря), что в доступных ему списках есть пропуски (эта приписка по-польски): “В этих описаниях пропущены... Тверь и Кашин, с другими местами”. М.Н. Тихомиров указал, что тверские города перечислены только в Списке, помещенном в сборнике Новгородского Софийского собора 1602 г.³⁹

К некоторым упомянутым в Списке городам Ходаковский дал свои примечания. Среди болгарских и волошских городов перечислен Аколякра (Аколятра в Воскресенской летописи). М.Н. Тихомиров сопоставил “с Калиакра в районе Варны и Каварны”. Ходаковский добавил в своей рукописи: “Калякра мыс приморской гор Балканских 1791 года тут был с флотом Росс. Адм. Федор Федорович Ушаков”⁴⁰. Упомянутую среди волынских городов Колывань, по сообщению М.Н. Тихомирова, не удается локализовать. Ходаковский приписал в этом месте: “Клеван на Стубле с Монаст. Св. Николы 1458 г.”⁴¹ Напротив залесского города Ярополча (нынешние Вязники, по М.Н. Тихомирову) Ходаковский приписал по-польски “около Вязников”⁴². Фразу Списка “Яма камен на Луге” Ходаковский записал так: “Макамен на Лоуге”, но тут же отметил по-польски: “может Яма”⁴³.

В наиболее концентрированном виде суждения о Списке изложены Ходаковским в опубликованной после его смерти работе “Историческая система Ходаковского”, посвященной в основном критике трудов К.Ф. Калайдовича. Именно эту публикацию цитировал М.Н. Тихомиров, когда говорил, что “общее направление рассуждений Ходаковского можно считать правильным, так как в основу их положено представление о “Списке русских городов” как об историко-географическом сочинении XV в., отражающем географию именно этого времени”⁴⁴.

Упоминания и характеристика Списка встречаются во втором, третьем и четвертом томах “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина. Текст второго тома (по первоначальному замыслу Карамзина этот материал составлял третий том труда), где встречается ссылка на Список, писался между мартом и августом 1806 г., если судить по письмам историографа к М.Н. Муравьеву (Н.Я. Эйдельман считал, что в начале 1806 г.)⁴⁵. Это было почти одновременно с немец-

³⁷ Там же. Д. 18.

³⁸ Русская летопись с Воскресенского списка. СПб., 1793. Ч. 1; 1794. Ч. 2; Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г. / Изд. П.М. Строев. М., 1820. Ч. 1; 1821. Ч. 2.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 18. Л. 1 об., 5; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 90–91, 104.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 18. Л. 1; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 98.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 18. Л. 3; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 110.

⁴² ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 18. Л. 4; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 124.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 4. Д. 18. Л. 5.

⁴⁴ Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 1, кн. 3. С. 3–109; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 85.

⁴⁵ Краткая летопись жизни и творчества Н.М. Карамзина // Н.М. Карамзин: Биобиблиогр. указ. / Сост. Н.И. Никитина, В.А. Сукайло. Ульяновск, 1990. С. 131; Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 50.

ким изданием “Нестора” и намного раньше русского перевода труда А.Л. Шлецера. Можно сказать, что Карамзин был вполне оригинален в своих суждениях о Списке. Он ссылался на страницы изданной Воскресенской летописи, но, вероятно, не обратил внимания на публикацию Новгородской первой летописи младшего извода, также содержавшей Список⁴⁶.

Характеристика Списка в 117 примечании второго тома краткая: “Сей географический отрывок достоин примечания, хотя он писан уже в то время, когда в Москве были каменные стены: следственно не ранее XIV века”. Здесь же Карамзин говорит об “описании городов Русских, включенном в разные списки Нестора”. Это можно посчитать указанием на то, что историографу Список был известен по нескольким летописным памятникам. Нескольким ниже, в 125 примечании, говорится о “географическом отрыве XIV или XV века”⁴⁷. Хотя Список сохранился не как самостоятельное произведение, Карамзин выделял его из состава летописи и анализировал отдельно. По принятой им практике суждения о происхождении и содержании того или иного памятника выносились в примечания, в текст “Истории” это попадало только в случае особой важности памятника. Так, вся третья глава текста второго тома посвящена Русской Правде. И в данном случае источниковедческие наблюдения Карамзина расположены в примечаниях, однако в четвертом томе, говоря об истории Молдавии и Валахии, Карамзин называет в тексте Список “Российской Географией XIV века”, а в примечании к тексту выделяет и автора – “сей Географ”: это говорит о том большом значении, которое он придавал Списку как источнику географических сведений. В примечании 387 к этому фрагменту текста Карамзин поместил начало Списка с болгарскими и волюшскими городами. Текст Списка передан неточно по сравнению с рукописным оригиналом: есть ошибки в прочтении некоторых названий, погрешности в передаче текста. Карамзин расставил знаки препинания по-своему. Так, “Карна, Каварна” (по М.Н. Тихомирову) Карамзин передал как “Курнака, Варна”, “Черн, Аскый торг” (однозначно локализованные М.Н. Тихомировым) превратились у Карамзина в “Чернавский Торг”, “Корочюнов камен” (с каменной крепостью) стал у Карамзина “Корочюнов Камень”⁴⁸. Но такие особенности передачи текста не выходили за рамки археографической практики рубежа XVIII–XIX вв.⁴⁹

Академическое издание “Истории государства Российского” позволяет попытаться проследить последовательность работы Карамзина с опубликованным текстом “Истории”. Во второе издание он вносил иногда весьма существенные добавления и исправления, некоторые прибавления он помещал в последующие тома, отдельные уточнения внесены историографом в собственный экземпляр второго издания “Истории”⁵⁰. Нужно отметить, что фрагменты текста и примечаний, где упоминался Список, не подверглись какой-либо правке, это означало, что Карамзина вполне удовлетворяла его аргументация, и он не получил ко второму изданию дополнительную информацию о Списке. Во втором издании Карамзин отмечал те сведения, которые сообщил ему Ходаковский, указывая на его авторство, но ничего подобного нет при упоминании Списка. Даже если в разговорах во время встреч Ходаковского и Карамзина о Списке и говорили, историо-

⁴⁶ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 94; Янин В.Л. Новгород и Литва... С. 61; Клосс Б.М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 245–247.

⁴⁷ Карамзин Н.М. История... Т. 2/3. С. 234–235, 237.

⁴⁸ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 94; Карамзин Н.М. История... М., 1992. Т. 4. С. 331.

⁴⁹ Козлов В.П. “Примечания” Н.М. Карамзина к “Истории государства Российского” // Карамзин Н.М. История... Т. 1. С. 568. О принципах передачи текста Н.М. Карамзиным см.: Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. С. 131–165.

⁵⁰ См. об этом: Афиани В.Ю., Живов В.М., Козлов В.П. Научные принципы издания // Карамзин Н.М. История... Т. 1. С. 400–414.

граф не отметил ничего, достойного помещения в “Историю”. Надо обратить внимание и на то, что в своих работах о Списке Ходаковский опирался прежде всего на “Историю” Карамзина и примечания к ней, здесь же и критикуя ее. Эта особенность была свойственна не только ему: В.П. Козлов указывал, что в своих замечаниях на “Историю” Н.С. Арцыбашев, еще один непримиримый критик Карамзина, широко опирался на примечания к “Истории”⁵¹.

Список прочно занял свое место в корпусе источников по истории Древней Руси благодаря историописателям XVIII – первой четверти XIX в. В последующее время ссылки на него становятся обыкновенными в историко-географических трудах. Пользуясь выражением М.Н. Тихомирова, можно сказать, что это произошло также и “с легкой руки Карамзина”⁵². Работы А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина, З.Я. Доленги-Ходаковского не только ввели Список в научный оборот, но обосновали в целом верную его датировку и охарактеризовали обстоятельства его возникновения, а также продемонстрировали возможности применения комплекса источниковедческих приемов изучения этого памятника.

⁵¹ Козлов В.П. “Примечания” Н.М. Карамзина к “Истории государства Российского”... С. 552.

⁵² Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 84.

Н.Г. УСТРЯЛОВ КАК ПУБЛИКАТОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVIII ВЕКОВ*

На воплощение поначалу весьма сомнительного замысла издать “всего Курбского” Н.Г. Устрялову потребовался баснословно короткий срок: “Сказания князя Курбского” появились в продаже уже в начале 1833 г. Им была уготовлена долгая жизнь. Дважды переизданные (1842, 1868) “Сказания” заняли место в переднем ряду классических образцов археографической и источниковедческой культуры второй четверти XIX в. Они сделались непременным атрибутом библиотек знатоков и любителей нашей старины, всех исследований эпохи Ивана Грозного вплоть до второго десятилетия XX в.

Итак, продолжение “Сказаний” иностранцев откладывалось на неопределенное будущее: Устрялов делал выбор в пользу наиболее эффектных документов русской истории XVI в. Собираясь печатать Курбского, он понимал, какую ответственность берет на себя, что без поддержки “сильных мира сего” ему не обойтись. В мемуарах свой новый амбициозный план коммерчески выгодного научно-просветительского предприятия Устрялов представил таким образом, как будто бы осуществлял его на собственный страх и риск¹. Между тем ход подготовки издания (по крайней мере, с конца мая 1832 г.) напоминает скорее экстренное выполнение важного социального заказа, нежели дерзкую импровизацию с туманными перспективами “оказать услугу и ученым изыскателям, и любителям истории”. Если “стечение разных обстоятельств доселе затрудняло издание Курбского, – писал Устрялов, – для меня преград сих не было: везде, куда не обращался, я встречал самое лестное участие”². Наступали иные времена. К выходу в свет “Сказаний” в разной степени оказались причастными попечитель Санкт-Петербургского учебного округа К.М. Бороздин и президент Академии художеств, директор Императорской Публичной библиотеки А.Н. Оленин, управляющий Московским архивом Министерства иностранных дел А.Ф. Малиновский и обер-прокурор Синода С.Д. Нечаев, товарищ министра внутренних дел Д.Н. Блудов и митрополит Евгений (Болховитинов), археограф П.М. Строев и историк М.П. Погодин. Куратором подготовки издания в конечном счете выступил прези-

* Продолжение. Начало см.: АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 113–125.

¹ “Курбский имел такую славу, что говорили об нем осторожно, с оглядкой, а издать в то время считалось делом слишком отважным. Я однако ж решился...” (*Устрялов Н.Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 621. Далее: *Устрялов Н.Г.* Воспоминания). Ср.: “Недавно еще со страхом было произносимо его имя. Выговорить слово о печатании считалось преступлением у некоторых наших анахронизмов” (*М. Погодин*). [Рец.] // Телескоп. 1833. Ч. 16. № 13. С. 115. Рец. на кн.: Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. I; “Кто посмел бы приняться за Курбского, если бы не царствовал Николай? Какое-то странное честолюбие народное заставляло донныне стыдиться за пороки и преступления наших праотцов, и при этом странном честолюбии Курбскому нельзя было освободиться из мрака книгохранилищ...” (*П[олево]й Н.* [О трудах г. Устрялова для русской истории] // Моск. телеграф. 1833. Ч. 49. № III. С. 456). Предполагая реакцию духовной цензуры, Евгений (Болховитинов) высказывал убеждение об “Истории” Курбского (1815 г.): “печатной ей быть нельзя” (Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1868. Т. V, вып. 1. С. 53).

² Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. Предисловие. С. XX. (Далее: Сказания).

дент Академии наук, товарищ министра просвещения С.С. Уваров³. Обстоятельства для частного издателя, каким был Устрялов, складывались самые благоприятные и он воспользовался ими мастерски.

Демидовская (поощрительная) премия за трехтомник “Сказаний” (11 мая 1832)⁴ оказалась для 26-летнего историка полным сюрпризом. Н.Г. Устрялов отправился к С.С. Уварову благодарить за оказанную протекцию. Состоялось знакомство, во время которого Уваров проявил острый интерес к плану издания Курбского, чем и предрешил благополучный со всех сторон исход дела⁵. То был подарок судьбы. Дальнейшие события выяснили значение этой встречи и для Уварова.

Но и до приближения к Уварову Устрялов не сидел сложа руки. Уже в феврале 1832 г. он сообщал М.П. Погодину о работе с тремя “весьма хорошими списками” (“верной копией” Академического, Эрмитажным и собственным) сочинений Курбского. “Я свел сии списки, не упустив из вида и Румянцевского, показал все варианты и почти подготовил текст в печать (Д.Н. Блудов дал слово исходатайствовать дозволение). Хотя, по моему мнению, находящиеся у меня списки довольно достаточны, но мне хотелось бы издать Курбского так, как он заслуживает. Ваша страсть к отеч[ественной] истории, – продолжает Устрялов, – дозволяет мне надеяться: 1) что вы укажете мне где можно приобрести хотя на самое короткое время еще несколько хороших списков, даже один или два; 2) примите на себя труд доставить из мос[ковского] архива копию с письма Иоаннова, о коем упоминает Карамзин в 472 примечании к IX тому: этого письма в моих списках нет; 3) не откажите содействовать мне добрым советом, как лучше издать Курбского: от кого могу надеяться подобной услуги, если не от Вас? Дело же общее, всероссийское! Я думаю принять за основание один лучший список и важнейшие варианты (или всякие?) показывать под текстом по примеру Тимковского, изда-

³ Кроме помощи в доставке “Патриаршего” списка из Синодальной библиотеки (см. далее), Уваров “открыл доступ к рукописям Академии наук и Академии духовной; поощрял к труду, помогал советами” (Там же. С. 200. Примеч. 5. В последующих изданиях данное примечание было снято вместе с вышеупомянутыми ссылками на благоприятные условия работы).

⁴ См.: 1-й отчет Имп. С.-Петербур. Академии наук о присуждении премий, учрежденных камергером Демидовым, за 1832 г. СПб., 1832. С. 37–38. В отчете читаем: серия книг Устрялова “не только не содержит никаких собственных изысканий издателя, но и в рассуждении перевода не вполне удовлетворяет требованиям строгой критики, и что посему предприятие сие для ученого изыскателя российской истории не имеет особенного достоинства; но поелику, во-первых, предмет оного занимателен для всякого образованного человека, и изданием сих источников на русском языке они становятся более известными читающей публике, между тем как самый подлинник по своей редкости, так и по обветшалому и неудобовразумительному языку был прежде почти вовсе недоступен для любителей науки; во-вторых, сочинения сего рода содействуют к возбуждению и распространению склонности к отечественной истории; в-третьих, книга сия... издана русским на отечественном языке собственным иждивением и, наконец, в-четвертых, Академия при первой раздаче наград вменила себе в обязанность оказать более снисхождения, нежели в последующие годы, то она считает не противным целям учредителя поощрить... половиною премии, состоящею из 2500 рублей”.

Трудно себе представить, что такое “вменение обязанности” обошлось без внушений Уварова, выдвинувшего “Сказания” на конкурс. “Умы, необыкновенные в космополитическом их направлении... – рассуждал он, – кажется, бесплодны; им подражать нельзя и не следует”. Но в трудах “применительно к отечеству может и посредственный ум принести ему дань, достойную уважения”. Потому-то Академия “не почитала себя вправе оставлять без внимания и такие опыты, которые обещают впредь новые совершеннейшие труды” (Уваров С.С. Речь, произнесенная г-ном товарищем министра народного просвещения и президентом Императорской Академии наук при открытии собрания оной по случаю первой раздачи Демидовских премий. Прил. к: С.-Петербур. ведомости. 1832. 13 мая). 16 мая императорская чета пожаловала “9 класса Николаю Устрялову” по драгоценному бриллиантовому перстню (Северная пчела. 1832. 17 мая).

⁵ Из разговора с Уваровым Устрялов узнал, между прочим, и об отклонении им протестов митрополита Филарета, возмущенного изданием “летописи Бера” (Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 620).

вавшего Лаврентьевский список. В примечаниях поместить исследования критические, пояснения польских слов (или в Указателе?) и биографии лиц, упоминаемых автором. Сверх того же в приложениях напечатать один синодик и в рус[ском] переводе письмо Таубе и Крузе к Кетлеру (оно уже переведено мною). Наконец, приложить карту России времен Грозного с планом Казани и портрет царя (если только достану верный). Если доберусь, что Курбский перевел и Гваньини (который находится при всех списках его), напечатать и сей перевод. Не смею просить Вас сообщить ваше мнение о Курбском-бытописателе несколько замечаний практических и известий о его жизни: это было бы слишком нескромно, особенно при нашем, столь лестном для меня, знакомстве: но чего нельзя и ожидать от Вас, когда дело идет о старине русской!”⁶

Ответ Погодина, занятого всяческими литературными, университетскими и хозяйственными хлопотами, нам неизвестен. Судя по всему, ему удалось отделаться общими советами. Менее чем через полтора месяца, поздравляя Погодина с Пасхой, Устрялов вновь обращается к московскому историку: “...убедительная просьба о портрете Грозного для Курбского. В Оружейной палате, сколько знаю, довольно дурной, архивский же неизвестен. Примите на себя труд поручить хорошему рисовальщику скопировать оный и уведомить меня, что будет стоить работа: я тотчас доставлю деньги. А.Н. Оленин обещал мне достать портрет из Ревельской ратуши, но, кажется, это будет нескоро; я люблю, чтобы дело кипело живо. О Курбском я, разумеется, собираю все возможные сведения и не упускаю из вида Арцыбашева, но мысли его мне не нравятся, по крайней мере, чем более читаю Курбского, тем более уважаю его. Беседую с ним ежедневно часов по 8. Главное дело в списках. По трем, у меня находящимся, текст довольно понятен, но нужно непременно взглянуть еще списка на два или три. Чем более, тем лучше”⁷.

Буквально через три дня следует новое письмо в Москву: “Теперь узнал я, что в архиве портрет не весьма удачен, а есть весьма хороший в Кускове у гр. Шереметева. Не откажите мне в убедительнейшей просьбе: поручите срисовать шереметьевский портрет как можно вернее тушью в величину Самозванца, приложенного к Беровой летописи. Необходим также и список почерка Иоаннова: его, вероятно, нетрудно будет для вас достать в архиве: лучше всего были бы слова великий князь Иоанн или подобные, можно, пожалуй, и другие, если таких нельзя найти. Но главное дело в портрете, за ценою, если она не будет превышать 100 руб., я не постою, пришлю с первою почтою. Вы, без сомнения, смеетесь над моим ребячеством и скажете: дело не в портрете, а в издании, в вариантах [и] примечаниях... Так! Но мне хочется, не упуская из виду существенного не оставить без внимания и того, что может заманить публику – нашу публику. Для сего, кроме портрета Иоаннова, я постараюсь найти: вид Александровского дворца или монастыря, вид Кирилловского и еще кое-что; следы уже есть. Ручаюсь, что после Курбского у нас примутся читать и летописи. Я решился пожертвовать на издание до 10 тыс. руб. Вы видите, как горячо я принялся за Курбского и не можете вообразить, как обрадуете меня исполнением моих просьб, хотя половиною их”⁸.

В последнем письме, относящемся к работе над Курбским, Устрялов извещал Погодина: “Смирдин доставил мне портрет Грозного: благодарю Вас от всего сердца. Признаюсь, сколько ни был я уверен в Вашей доброте и расположении,

⁶ ОР РГБ. Ф. 231/Л. К. 50. Ед.хр. 73. Л. 1 об.–2об. Письмо от 21 февраля 1832 г. Ср.: *Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина*. СПб., 1891. Кн. 4. С. 105.

⁷ Там же. Л. 5 об.–6 об. Письмо от 6 апреля 1832 г. Ср.: *Барсуков Н.П. Указ. соч.* С. 105. Упоминание об Арцыбашеве стоит в связи со статьями последнего. См.: *Арцыбашев Н.С. О стелени доверия к истории, сочиненной князем Курбским // Вестн. Европы*. 1821. Ч. 18. № 12. С. 238–317; *Он же. О свойствах царя Ивана Васильевича // Там же. Ч. 120. № 18. С. 126–141; № 19. С. 184–200.*

⁸ ОР РГБ. Ф. 231/Л. К. 50. Ед. хр. 73. Л. 7–8. Письмо от 9 апреля 1832 г. Ср.: *Барсуков Н.П. Указ. соч.* С. 105–106.

но такого порядка я не ожидал: портрет прекрасный. Он уже в руках Уткина. Сергей Семенович очень хвалил его; Алексей Николаевич Оленин тоже. Никогда не забуду я Вашего одолжения. Нужно было бы знать, откуда он списан, чтобы сказать в предисловии о достоинстве оригинала. Еще необходима надпись Грозного – я буду вдвое благодарен. Работа моя подвигается: я достал верную, засвидетельствованную Арцыбашевым, копию с Казанского списка сочинений Курбского. На днях жду от Строева также хорошего, едва ли не лучшего списка *всех сочинений Курбского*. В Духовной академии нашел первое послание Иоанна Васильевича, весьма исправное; достал также и второе его послание, коего нет ни в одном списке Курбского: подлинник хранится в моск[овском] архиве. Теперь хлопочу с примечаниями. Митрополит Евгений доставил важные статьи для биографии Курбского. Сказать правду, такого содействия я не ожидал! Карта окрестностей Казани будет прелестная: я достал ее в Корпусе путей сообщения. Досадно, что не смогу отыскать вида Алекс[андровской] слободы. Еще прибавлю, что и герб Курбского, данный ему в Польше, также у меня есть. Работаю усердно, но не тороплюсь, чтобы не ударить лицом в грязь”⁹.

Из всей этой переписки с Погодиным видно, что “золотое время своей жизни” Устрялов проводил в целеустремленных и настойчивых занятиях новым издательским проектом. Опыт и чутье должны были толкать его на поиски квалифицированных консультантов, чтобы через них выйти на искомый список “Истории”: “Я искал древнейшего, лучшего”¹⁰.

Ему сказочно повезло, когда удалось завязать оживленную переписку с П.М. Строевым. Это решило все. 20 мая Устрялов передает археографу “покорнейшую просьбу” Уварова доставить “хороший” список Курбского с материалами, поясняющими его биографию и сочинения. Посвятив Строева в замысел издать Курбского “наилучшим образом”, для чего необходим список “старый и верный, который служил бы основанием”, Устрялов без обиняков информирует археографа об “особенном участии” в этом Уварова, поторапливающего с подготовкой текста¹¹.

Согласие Строева указать на “почти современный, прекрасный список всех сочинений Курбского” и сообщить необходимые сведения тотчас по возвращении их археографической экспедиции в Новгород¹², окрылило Устрялова. “Вечная вам благодарность!”, – писал он в ответ. “Вы верно никогда и не любовались столько археологическими находками, сколько я вашим письмом. Ради нашей бедной истории не откажите помощь мне в издании Курбского... Главное дело в списке; боюсь только, не разумеете ли Вы список покойного Суллакидзия: тут ничего не возьмешь. Я был у вдовы его с К.М. Борздиным и предлагал ей значительную сумму – но не успел уговорить, хочет, чтобы купили все его книги и притом за 25 т.р.! Одним словом, сладить с ней нет никакой надежды... Будьте уверены, что со своей стороны я употреблю все средства, чтобы оправдать Ваше

⁹ Там же. Л. 9–10. Письмо от 23 июня 1832 г. Ср.: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 106. Как следует из приписки на полях последнего листа за “портрет” Грозного Погодин уплатил 80 руб.

¹⁰ *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 620.

¹¹ См.: об этом: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 236.

¹² “Намерение издать сочинения князя Курбского достойно нынешнего времени, – писал Устрялову Строев, – и, без сомнения, наитие цензуры будет самое малое. Вы не дурно сделали, что отнеслись ко мне...” Строев настаивал на соблюдении формальностей, т.е. на “спрошении официального позволения”, поскольку предписаниями академического начальства настрого запрещалось разглашать о приобретениях и материалах Археографической экспедиции посторонним лицам. В заключении Строев сообщал, что недавно “выменял” у книгопродавца Ширяева “Сказания” о Самозванцах, прочел “почти целого Бера”, собираясь “захватить его в Новгород, а также просил об экземпляре Боплана” (Там же. С. 237).

доброе ко мне расположение. Требуйте от меня чего угодно: все, что могу, исполню немедленно...”¹³

Получив вскоре “рецензию” списка “сборника Курбского”¹⁴, а вслед за ними и сам этот список, вытребованный из Синодальной библиотеки С.Д. Нечаевым при содействии Уварова, Устрялов приступил к составлению сводного текста. В основу публикации, как и следовало ожидать, лег присланный Строевым “Патриарший” список (ГИМ. Синод. собр. № 136; им пользовался еще Н.М. Карамзин)¹⁵. “Три месяца каждый Божий день я работал по шесть часов... не спал целыми ночами и никогда не проводил такого лета”, – сообщал он московскому коллеге¹⁶. Торопил историка не только Уваров; торопила, кажется, и острая денежная нужда: весной 1832 г. семья Устряловых (мать и четыре брата) приобрела за 40 тыс. “ветхий домик” на Малой Мещанской¹⁷.

Так или иначе, к сентябрю рукопись “Истории Иоанна Грозного” (первая часть “Сказаний”) была подготовлена к печати, невероятно быстро и беспрепятственно прошла цензуру¹⁸. В последние дни сентября “Северная пчела” поместила объемную рекламную аннотацию “Сказаний”, предлагая читателям взамен известных “только по слуху или по редким безобразным спискам” произведений князя роскошное собрание его сочинений, с картой, “портретом” Ивана Грозно-

¹³ Братья Устряловы отправляли ему в подарок “луковичную гусятину” и Болпана – “для рассеяния... в монастырских библиотеках” (Там же).

¹⁴ “Предприятие ваше столь важно, – писал Устрялову изменившимся тоном Строев, – что невозможно быть к нему равнодушным. Дай Бог, чтобы удалось совершить его как следует...” Обещая в скором времени достать неизвестный список послания Курбского в Псковско-Печерский монастырь, археограф переходит к наставлениям: бросить напрасные хлопоты “около госпожи Сулакидзи”; прочитать “дельные замечания” Арцыбашева (см. выше, сноска 7), одного “из первых археологов нашего времени”; Курбский не переводил, “а только перелагал, выправленное другими с греческого и латинского; сам же не знал сих языков, да и других, кроме польского”; не торопиться с изданием, стараясь “сколько возможно о верности текста и вариантах. Это важнее самих примечаний”, последние должны быть “пояснительные и критические”; вот самое любопытное: не увлекаться Курбским (“грех Карамзина!”), поверяя “его ангелов и пришлецов тьмы кромешной” летописями и актами, поражается намерению приобщить факсимиле почерков царя и Курбского – свидетельство “малой опытности... в нашей старинной письменности. Эти вещи возможны только Сулакидзию и Свиныну”; возражает против мысли поместить изображение Ивана Грозного “с какого-нибудь живописного портрета, который выдают за современный... Разве для газетного объявления”. Письмо завершается пожеланием “от чистого сердца и славы и денежных выгод” (Там же. С. 238–240).

¹⁵ Благодаря Строева за присланный список, Устрялов отвечал: “Не опасайтесь моей опрометчивости. Я знаю, сколь должно быть осторожным в тексте. Это главное... Вы меня журите за портрет, и поделом. Только я не могу с ним расстаться; для публики нашей нужен. При том же А.Н. Оленин сообщил мне превосходный, не живописный, а из рукописи...” (Там же. С. 240). На этом переписка двух археографов прервалась до конца года (Н.П. Барсуков ошибается, когда пишет, что Строев опоздал со списком послания Курбского Вассиану, выслав его в декабре 1832 г.). Равноценный “Патриаршему” “Сборник Курбского” (РНБ, собрание М.П. Погодина, № 1494) некогда принадлежал Строеву. См.: *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. Послания Курбского // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. М., 1993. С. 283–284. (Далее: *Переписка*).

¹⁶ *Барсуков Н.Н.* Жизнь и труды П.М. Строева. С. 241. О степени работоспособности Устрялова можно судить по его учебной нагрузке: 22 часа в неделю в гимназии (до марта 1832 г.), “часов по 16” – в университете, где с августа 1831 г. кроме русского языка читал русскую историю с историей средних веков, 12 часов – в Морском кадетском корпусе в офицерских и гардемаринских классах. Годами работая на износ, Устрялов начал “харкать кровью” (См.: *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 620).

¹⁷ *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 620.

¹⁸ Предисловие подписано 4 сентября, цензорское разрешение (О.И. Сенковский) – уже 13 сентября 1832 г. “23 сентября 1832 г., – сообщает Устрялов, – захожу в Ценсурный комитет и, к величайшей радости моей, мне отдадут рукопись, одобренную к печатанию, без малейших перемен. Не знаю, что именно придало Сенковскому смелости пропустить мою книгу; впрочем, он уже и тогда считался человеком смелым и либералом...” (*Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 621).

го и т.д.¹⁹ Приравнивая Курбского едва ли не к Ксенофону, живописуя “высшие достоинства” его Истории, Устрялов явным образом бил на чувства читателя. Обычное извещение о выходе книги в свет не дало бы необходимого эффекта. Зная о том или нет, наш историк реализует один из самых действенных средств рекламного искусства: принцип контраста (бессознательно заимствуя его у самого Курбского). Главное здесь – демонстрация двух “картин противоположных”. В первой “видим блеск и славу, видим ряд героев” и пр. В другой – “иное зрелище: тут являются уже скоморохи и человекоугодники, а храбрые *синклиты* выходят только на смерть позорную. Страшное слово *убиен...* беспрестанно повторяемое, наводит ужас на читателя...”²⁰

“Сказания” печатались в Экспедиции заготовления государственных бумаг – лучшей типографии России того времени. Перед выходом книги в свет Устрялов писал Строеву: “Думаю, что вам понравится моя работа: я со своей стороны не могу ею налюбоваться. Добро, зело добро, реку с Курбским”²¹. Переданные для “подношения” императорской чете экземпляры книги не встретили у министра просвещения князя К.А. Ливена никакого энтузиазма: “Охота тебе тратить деньги на книги!”²² – будто бы проворчал он.

В то время как “История Иоанна Грозного” разошлась уже к лету 1833 г., “Переписка” Курбского²³ долгое время лежала в магазине Смирдина “без движения”. Пуще того, к изумлению издателя книгопродавец не раз сталкивался с возмущением подписчиков выкупленных экземпляров. Внезапное падение читательского спроса повергло историка в смятение... “Так не созрела еще публика для серьезных сочинений”²⁴, – заключал Устрялов. Впрочем, тираж в конце концов разошелся, необходимость повторного издания назрела уже к 1835 г.²⁵ Через семь лет, к моменту переиздания “Сказаний”, обе их части почитались уже библиографической редкостью.

При поднесении Николаю I второй части сочинений Курбского Устрялов по ходатайству С.С. Уварова, вступившего в должность управляющего министерством просвещения, был награжден орденом Анны 3-й степени. В 1834 г. “Сказания” удостоились Демидовской (половинной) премии²⁶.

¹⁹ Устрялов сообщал об открытии подписки на “Сказания” (15 руб. за две части, более 50 п.л.) в книжном магазине А.Ф. Смирдина на Невском проспекте и в собственной квартире. “Господа подписавшиеся получат экземпляры на веленовой бумаге, с портретами первых оттисков на китайской бумаге, если они пожелают. 1 января 1833 г. подписка прекратится и цена возвысится” (Сочинения и переводы князя Курбского // Северная пчела. 1833. 28 сент.) Смирдин согласился выкупить весь тираж “Сказаний” (1500 экз.) за 15 тыс. руб. ассигнациями. Затраты на издание Курбского составили 7 тыс. руб., коммерческая прибыль – 8 тыс. руб. См.: *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 621.

²⁰ Северная пчела. 1832. 28 сент.

²¹ Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. С. 241.

²² *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 621.

²³ 24 января 1833 г. купец Заикин поместил объявление о поступлении в продажу первой части “Сказаний”. Устрялов его дезавуировал, сообщив подписчикам о том, что “по случаю замедления за болезнью гравера в отпечатании карты Казанской осады”, книга появится в магазине А.Ф. Смирдина 31 января. См.: С.-Петербург. ведомости. 1833. 24 янв.; Северная пчела. 30 янв. С. 93–94. Вторая часть “Сказаний” (цензурное разрешение 13 января 1833 г.) появилась на прилавках к середине июля. См.: Северная пчела. 1833. 4 февраля; 14 июля. Задержку с выходом второй части Устрялов объяснял поломкой литографского камня с изображением плана осады Казани. См.: *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 621–622. Последний был помещен в приложении ко второй части (см. о нем далее). Герб Курбского гравирован 28 марта.

²⁴ *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 621.

²⁵ Сказания. 3-е изд. От издателя. С. V.

²⁶ См.: *Шегрен А., Круг Ф.* Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. I–II // Отчет Имп. С.-Петербург. Академии наук о 3-м присуждении, учрежденных камергером П.Н. Демидовым, премий за 1833 г. СПб., 1834. С. 7–10. Решение академического жюри облекалось в занимательную литературно-

Первая часть книги содержала “Историю князя великого Московского о делех, яже слышахом из достоверных мужей и яже видехом очима нашими”²⁷ с пространственным предисловием и жизнеописанием князя Курбского. За текстом памятника следовали примечания, “Словарь иностранных и старинных речений”, оглавление. На развороте титульного листа обещанный публике великолепно гравированный профессором Н.И. Уткиным “портрет” Ивана Грозного²⁸. В Приложении: факсимиле листа “Патриаршего” списка, которое, должно быть, не без удивления, рассматривали первые читатели; родословие князей Курбских и его потомков до конца XVII в. (из него следовало, что князь-беглец являлся потомком Рюрика в 22 колене). Во вторую часть вошли переписка Курбского с Иваном Грозным, письма князя к разным лицам в Польше, его послание к псковопечерскому старцу Вассиану, “История Флорентийского собора” (“Об истории о осьмом соборе...”). Том заключали примечания, словарь, оглавление, обширный смешанный (именной и этно-географический) указатель к двум книгам. (Расположение оглавления и указателя, отчасти характер последнего, отражают поспешность со сдачей в печать второй части.) На развороте титула – литография герба Курбского (автор академик Н. Ческий), в приложении – план осады Казани в 1552 г. и, наконец, факсимиле листа кирилловского синодика.

В одном из примечаний к “Истории” (о жизни и сочинениях С. Герберштейна) Устрялов сослался на составленное им “обозрение источников русской истории”. Деталь существенная. Рано или поздно такое “обозрение” должно было возникнуть из потребностей университетского преподавания. При чтении рассуждений об истории, ее памятниках и “бытописателях”, которыми начинается предисловие, возникает ощущение, что автор использовал заготовки к лекционному курсу. Без сомнения, предисловие сохранило следы упомянутого “обозрения”²⁹.

Оставляя до времени этот важный в перспективе сюжет, задержим внимание на другом интереснейшем месте. Устрялов – первый из наших историков решает

идеологическую форму: соискатель представил “достопримечательные и важные материалы к истории России в царствование одного из величайших тиранов, какие когда-либо существовали в мире... Гг. рецензенты отдадут справедливость прилежанию и ревности, с каковыми исполнен сей труд; но в то же время замечают, что именно сия работа была самая легкая и что текст без сомнения выиграл бы много, если б был обогащен пояснительными критическими примечаниями. Ибо немало встречается таких мест, которые дают или превратный смысл, или вовсе не представляют оного, между тем как издатель, приложив немного более старания и постоянства, легко успел бы устранить сей недостаток. Замечание сие в пространном донесении подтверждено многими доводами, и мы желали только, чтобы трудолюбивый автор, исполненный доброй воли и способностей, вняв благонамеренным намекам гг. академиков, впредь не довольствовался половиною славы там, где она доступна ему полная. Академия с удовлетворением усматривает в г. Устрялове первый очевидный пример благодетельности влияния Демидовских премий. Предмет его занятий есть чисто национальный и уже поэтому сам собою заслуживает одобрения” (Там же. С. 9).

²⁷ Публикации памятника предшествует многообещающий заголовок зловеще-красными с черным контуром буквами, вынесенный по обыкновению издателем на целый разворот листа: “История князя Андрея Курбского Ярославского о казанском взятии, о лифляндском разорении и о московских настоящих, древних бедах. У кого окаменелое сердце б было, и тот бы, вздохнув, прослезился. Писана при державе царя и великого князя Ивана Васильевича Московского и всея России самодержца”. Это – правленный заголовок “Патриаршего” списка. Ср.: Сказания. С. XXXIII. Предваряющее текст заглавие “Истории” заимствовано из Академического списка.

²⁸ К нему относится лукавая оговорка: копия выполнена под руководством А.Н. Оленина “без малейшей перемены в очертании лица” с рукописи из коллекции А.И. Мусина-Пушкина, хранящейся в Академии художеств, – “Титулярника”, 1672.

²⁹ См.: Сказания. Ч. I. С. 224. Примеч. 8. Симптоматична в этом отношении анонимная публикация летом 1832 г. обзора Россики, куда вошли сочинения 25 авторов от И. Фабри до Т. Смита, несомненно, принадлежащая Устрялову. См.: Иностранцы, писавшие о России в XVI и XVII ст. // Сын отечества и Северный архив. 1832. Т. 28. Ч. 150. № 23. С. 158–178; № 25. С. 296–305; Т. 29. Ч. 151. № 27. С. 35–53; Т. 30. Ч. 152. № 28. С. 167–174.

ся объяснить, почему образованную публику, равнодушную к “сказаниям своих праотцов”³⁰, должно знакомить с древними памятниками отечественной истории: “тогда образуется мнение общественное, которое, как глас народа, будет руководить бытописателя”³¹. Открытая апелляция к “мнению общественному” в Николаевской России – поразительна. Такое вряд ли могло придти в голову автору. Тут чувствуется рука Уварова. В переизданиях книги это место было снято.

Характеризуя археографические особенности “Сказаний”, следует отметить внятную, корректную артикуляцию методики и принципов издания, свободное владение публикатором еще только формирующимся, профессиональным языком. Важнейшая установка издателя – “забота об исправности текста”, т.е. об его аутентичности. Именно в этом смысле следует понимать декларацию о передаче текста памятника “слово в слово”. Устрялов дал краткое описание семи списков с указанием особенностей каждого из них, обосновал принятие в “основание текста” “Патриаршего” списка, как “лучшего, древнейшего, по всем признакам современного” (вспомним здесь Строева). “Очевидные ошибки” или “выражения”, которые “по смыслу, по общему свойству слога”, казались описками, заменялись словами из других рукописей с указанием в подстрочнике “откуда именно взято то или другое слово” и какое стояло в основном списке. В подстрочнике же буквами латинского алфавита представлены “варианты, или разнослова”. Издатель называет устрашающее число их: “до 20000”. В угоду “недоверчивому антикварию”, который в сомнительных случаях отнес бы описки переписчика к недосмотру издателя, здесь указаны также все “отмены прочих списков”. В правописании Устрялов “строго держался” текста “главного списка” за исключением “явных несообразностей” с современной грамматикой. Сохранение их “только бы утомляло читателя”. При этом “все неправильные формы языка, выражающие характер слога, оставлены без поправок”. Помимо того, “в слоге автора... оставлены все неправильные обороты, все полонизмы, все слова иностранные. Поправлять или поновлять его... было бы дерзко, непростительно. Перелagать же его на новый лад так же не принесло бы пользы; да едва ли кто успел бы в том... в самом щегольском наряде нового покроя, Курбский не будет столь пленителен, как в своем старинном боярском кафтане”.

К “очищенному” таким образом тексту составлены примечания “двух родов: пояснительные и критические” с указанием целей каждого из них. В первом случае это объяснение “не всякому” понятных слов и сюжетов повествования, информация об упоминаемых в нем лицах. Толкование слов “более или менее неразумительных” (иностраных и устаревших) Устрялов распределил между теми же подстрочными примечаниями и отдельным словарем – “для удобства читателя”. Заметим, издатель не придерживался заявленного принципа деления примечаний: среди пояснительно-критических встречаются указания на глоссы и интерполяции фрагментов текста в тех или иных списках³². Цель критических примечаний – “указать, в какой степени автор достоверен”. Оправдание их сравнительно небольшого числа издатель находит в том, что подобный труд превышал его силы: “Сказания” подлежат разбору “знатоков, более... опытных и проницательных”. Сам же Устрялов “с чистою любовью к истине, с хладнокровным беспристрастием, с пособием всех известных... источников... поверял Курбского как

³⁰ “Напрасно, говорим мы ей, – пишет Устрялов, – и дым отечества нам сладок и приятен” (Сказания. С. XVIII). Ср. аналогичную цитату из Гомера в речи С.С. Уварова. См.: С.-Петербург. вед. 1832. 13 мая.

³¹ Сказания. С. XIX.

³² Один из примеров: “После слова [...] в списке П. в тексте, а в К. и Р. на поле находится следующее известие, которого нет ни в Б., ни в Э. [...]” Поскольку текст размещается на полях, “притом в тоне и слоге разнится от прочих мест сочинения Курбского, то я полагаю, что сия ссылка... и подобные ей другие, кои нередко разрывают связь повествования, суть замечания какого-нибудь любителя, внесенные в текст П. списка переписчика” (Сказания. С. 289. С. 184).

мог и как умел”³³. Посреди такой груды сырого материала, наш издатель совсем не выглядит беспомощным дилетантом, работает, “не упуская из виду никакого памятника”³⁴. “И мог ли я действовать иначе, – пишет он, – когда Судьба доставила мне случай быть издателем Курбского?”

Масштаб и скрупулезность затраченного труда характеризует уже одно количество примечаний: только к “Истории” их более 200 (до одной трети объема книги); вторая часть “Сказаний” содержит более 150 примечаний, из них к переписке Грозного с Курбским относятся первые 112 – более четверти объема книги. В “Словарь иностранных и старинных речений, встречающихся в Истории Иоанна Грозного” вошло около 250 слов. Подобный “Словарь” содержится и во второй части³⁵.

Публикация синодика сопровождается известием об источнике текста, описанием палеографических примет рукописи³⁶. Тетради синодика напечатаны “буква в букву” (за исключением неупотребляемых в гражданской печати); слова, написанные киншварью и пояснения между строк³⁷ выделены курсивом “без малейших поправок в расстановке букв”. Устрялов составляет более 150 (подстрочных) примечаний преимущественно с пояснительными сведениями из разрядных книг об упомянутых в нем лицах, фиксируются все совпадения с показаниями “невинно убиенных” Курбского. Здесь же в подстрочнике помещены и предполагаемые правильные чтения, высказанные в предельно осторожной форме: “полагаю”, “вероятно”, “по всей вероятности”, “кажется”, “должно быть”, “думаю” и т.д. (см. С. 331. Примеч. 113; С. 334. Примеч. 126, 127; С. 337. Примеч. 143 и др.); указаны различия со списком синодика из Публичной Библиотеки (см. С. 313. Примеч.

³³ Там же. С. XXXIV. Выше Устрялов пишет: “Не более двух или трех известий Курбского остаются недоказанными” (Там же. С. XXXI).

³⁴ Устрялов использует сведения из “Вивлиофики” и “Идрографии” Н.И. Новикова, “Родословной книги” 1767 г., “Царственной книги” 1767 г., Никоновской летописи (Т. VII), “Летописца, служащего продолжением Нестора”, “Летописца Русского”, “Собрания государственных грамот и договоров”, “Софийского временника”, “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина и “Истории государства Польского” Г. Бандтке, привлекает материалы иностранных изданий – “Historia rerum Polonicarum” Нейгебауэра (Hannoviae, 1618), “Sarmatiae bellatores” Старовольского (Wratislavie, 1734), “Korona Polska” Несецкого (Warszawa, 1738), “Orbis Poloni” С. Окольского (Crakowiae, 1641), “Хронику” М. Бельского (из “Zbior dziejow Polskih”. Warszawa, 1767), донесение Таубе и Крузе (из сборника И.-Ф.Г. Эверса “Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung”. Dorpat, 1818). К числу архивных (рукописных) материалов относятся Разрядные книги времен царя Ивана Васильевича (из Библиотеки Академии наук), выписки из разрядов, известие о Василии Шибанове (из МГА МИД; кирилловский “Обиходник келарский старый” конца XVI в. с “книгами кормовыми”, неизвестными Карамзину; кирилловский синодик Ивана IV 1583 г., “Moscoviae descriptio” А. Гваньини из “Сборника Курбского”). Во втором издании Устрялов впервые вводит в оборот материалы и сами акты Литовской метрики из Сенатского архива.

³⁵ Курбский часто употреблял “слова иностранные и старинные славянские, кои без пояснения некоторым читателям были бы не совсем вразумительны”, поэтому издатель “старался указать из какого именно языка автор оные зимствовал”. Среди таковых оказываются “аероплавательный, плавающий по воздуху”, “всенародство, народ, чернь”, “вещь общая, Respublica”, “маньяк, безумец; льстец, угодник”, “матерь, сквернословие” и пр.

³⁶ Синодик был обнаружен во время экспедиции на Север А.И. Ермолаева и К.М. Бороздина в 1809 г. Последний разыскал его среди ветхих книг и бумаг, предназначенных к уничтожению в Кирилло-Белозерском монастыре. Именно этот синодик послужил Н.М. Карамзину “несомнительным” доказательством “свирепости Иоаннова” (Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III, т. IX. С. 3, примеч. 3. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.: В 3 кн. с прил.). Устрялов провел сверку кирилловского синодика с чудовским, хранящимся в Публичной Библиотеке и нашел, что они “совершенно сходятся... как наружным видом, так и содержанием”, за исключением того, что в последнем все имена написаны в родительном падеже. См.: Сказания. Ч. II. С. 305.

³⁷ Царь, “вероятно, угрызаемый совестью при воспоминании многочисленных жертв своих... думал, что одни имена их недостаточны к умилостивию Судии Всевышнего” (Сказания. Ч. II. С. 305).

33; С. 319. Примеч. 72; С. 320. Примеч. 80). С его помощью восстановлено чтение стертой в кирилловском синодике фамилии (см.: С. 323. Примеч. 93). Принципиально важны замечания о числе жертв новгородского погрома (1570 г., 1505 человек) в сравнении с показаниями Курбского и др. (см.: С. 313. Примеч. 29), о расхождении числа поименованных “душ” в обоих частях синодика с итоговым числом (3248 и 3470. См.: С. 338. Примеч. 153) и пр. Единственный неуместный комментарий относится к с. Иваново Большое Переяславль-Залесского уезда, “известного по множеству птиц в дачах оного” (см.: С. 314. Примеч. 37).

Установка на широкого читателя по-прежнему вынуждает издателя наступать “на горло” собственной песне. Текст “Истории” без каких-либо оговорок разбивается им на главы, а в оглавление внесены сопровождающие их заглавия с расписанным под ними содержанием глав. Все это стилизовано “под Карамзина” и как бы имитирует слог Курбского³⁸. Еще одна любопытная деталь, касающаяся передачи текста. Предчувствуя трудности чтения переписки Курбского с царем, каждому Посланию и затем всем письмам Курбского Устрялов предпослал выделенное курсивом Содержание – краткое изложение документа³⁹.

Конечно, о многих принципиально важных вещах Устрялов говорит только мимоходом, вскользь, ошибаясь (датировка “Истории”, суждение о пригодности к изданию списков исключительно с позиции “древности” и грамотности их переписчиков). Но он уже задумывается если не о целях, то о мотивах, побудивших автора к созданию текста⁴⁰. Стоит указать и на явную ошибку: Третье послание Устрялов разбил на два самостоятельных письма, приняв *post scriptum* за отдельное письмо. Вышло, что Курбский писал царю *четыре* Послания. Замечание П.М. Строева (1848) о неправомерности такого деления Устрялов и в третьем издании “Сказаний” оставил без внимания⁴¹. Не стоит далее углубляться в эту тему. Достаточно будет указать на исследования Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова (1983), где определена принадлежность многочисленных “сборников Курбского” (в число

³⁸ Текст “Истории” разбит на IX глав: “Глава I. Юность Иоанна. 1534–1552 [...] Глава II. Покорение Казани. 1552 [...] Глава V. Начало злу [...] Глава VI. О побегии княжеских родов [...] Глава IX. Заключение [...]” (Сказания. Ч. I. С. 312–315). На недопустимость подобной модернизации указал М.П. Погодин. Содержание глав позвоительно напечатать в газетном объявлении для ознакомления публики с книгой, “но отнюдь не должно подавать повода к заблуждению читателей такою смесью старины с новизною (курсив авт. – А.Б.) Даже из газетного объявления иное сторого должно бы выключить, например, очень странно под заглавием опричнина прочитатъ только несколько слов Курбского, сказанных мимоходом” (*Погодин*) М. Указ. соч. С. 115). В переизданиях “Сказаний” названия глав сохранены, а рубрики изъяты. Любопытно, что в начале XX в. опыт Устрялова отчасти нашел себе применение в публикации Г.З. Кунцевича. То же “Начало злу” и т.п. мы можем прочесть и у него. См.: [Кунцевич Г.З.] Содержание Истории // Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913 (оттиск).

³⁹ Например, к “Эпистолии первой”: “Курбский укоряет Иоанна в побегии бояр и воевод, в оклеветании верных подданных; спрашивает, чем провинились они; говорит о своем собственном гонении; о необходимости покинуть отечество; упоминает о своих победах и ранах; грозит никогда не возвращаться в Россию; намекает на распутную жизнь царских любимцев и советует удалить главиого наушника” (Сказания. Ч. II. С. 2. См. также: С. 10–12; 102, 108, 118, 146).

⁴⁰ В первом издании: Курбский, “убежденный неотступными просьбами друзей, написал для них и для потомства” (Сказания. Ч. I. С. LVI). Ср.: “Курбский не мог не чувствовать угрызений совести, среди богатств и почестей тосковал о России, о любимом отечестве своем... раны сердца сокрушили его. Чтобы облегчить растерзанную душу и хотя несколько оправдать себя в глазах современников и пред строгим судом потомства, он взялся за перо и написал Историю...” (Сказания. 2-е изд. С. XXVII).

⁴¹ См.: Сказания. Ч. II. С. 117–144; 145–152; Строев П.М. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848. С. 191; Ясинский А.Н. Сочинения князя Андрея Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 104. Обоснование ошибочности такого деления подробнее см.: Рыков Ю.Д. Указ. соч. С. 298–299.

которых входит и “Патриархии”) к виду, отражающему более поздний вариант текстов его сочинений, в силу чего он “не может рассматриваться как текст, наиболее близкий к авторскому”. То же самое относится и к другим источникам текста “Сказаний” – со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴².

Было бы неверным представлять существо работы Устрялова с рукописями механическим копированием и подведением вариантов. С трудностями установления текста или его толкования Устрялов сталкивался чуть ли не на каждой строке. Приведем некоторые примеры. Место из Второго послания Грозного “матьер ваша ни во что же бысть” он расценил как “сквернословие” (С. 113, d); правильное же чтение “мудрость ваша...” (Переписка. С. 365). При исправлении “Сидору вдовицу” на “сиру вдовицу”, предполагает метафорическое толкование: Сильвестр называл Лифляндию “сирою вдовицею” (С. 74, 275. Примеч. 65), в то время как правильное чтение не нуждается в толковании (Переписка. С. 47, 403. Примеч. 124). Темное место “убо от ваского” пытается объяснить либо из польского “waski” (Грозный – Курбскому: “ты приходишь из рода, ознаменованного постоянными изменами”), либо опиской “вместо Ваалского... Слово Ваалский, по крайней мере, в тоне Иоаннова слога” (С. 74, 275. Примеч. 66). В современном чтении текст исправлен на “убо от властительского”, в вариантах же значится “власского (?), влаского (?), властелинского (Переписка. С. 365, х-ц; С. 370 б). “Кроновы жертвы” объясняются: [жертвы] убийств, казней (С. 112, а; во 2-м издании – [жертвы] блуда, с. 224.); в исправном тексте стоит “Кроновых жерцов” (Переписка. С. 8).

Серьезные проблемы с объяснением вызывали места, где царь использовал тексты Дионисия Ареопагита. “Без сличения с подлинником трудно и едва ли возможно понять слова” царя, – замечает Устрялов, предполагая, что виной тому “неудачный перевод”, которым руководствовался царь, а не искажения переписчиков. Для пояснений издатель решает привести в подстрочных примечаниях слова и выражения латинского перевода сочинений Дионисия по антверпенскому изданию 1634 г. (С. 275. Примеч. 67; С. 76 и далее). Везде, где только это представлялось возможным, он указывает на источник заимствования (библейские пророки, евангелие, тот же Дионисий), для чего привлекается Виленское евангелие 1575 г. из Публичной Библиотеки и Библия. Для “связки” текста иногда с оговоркой следуют вставки слов из Библии (С. 37), иногда – собственные (С. 67, б).

Несмотря на кое-какие опасения Устрялова⁴³, “Сказания” получили соответствующие обстоятельства комплиментарные отзывы. Авторы разных литературных “приходов” сходились во мнении, что перед ними капитальный труд, значение которого выходит далеко за рамки его содержания.

С одним из первых откликов на издание Устрялова, сплошь усеянным восклицаниями, выступил М.П. Погодин. Профессор не верил глазам своим; словно ребенок, перевозбудившийся от радости нежданым гостинцем, он не мог сдерживать чувств: “И вот Курбский напечатан! И журналисты торжественно повещают об издании! И историк с радостью принимает его в число своих материалов! И критик хладнокровно судит об его пристрастии и беспристрастии! И исследователь доверчиво ссылается на его свидетельства! И публика спокойно читает его сказания!...” По случаю такого выдающегося события он затрагивает болез-

⁴² См.: Переписка. С. 312.

⁴³ Объясняя удачный дебют Устрялова не в последнюю очередь его “выгодными отношениями к журналистам, между которыми не за что быть у него врагам, и к товарищам по ремеслу, с которыми еще не было точек соприкосновения, между которыми не успели еще возникнуть завистники”, некоторые знающие критики предсказывали гораздо более сдержанный прием будущих трудов “бесприходного” издателя, поскольку “закон Солонов гласит: в деле общественном приступай к той или иной стороне” ((П). [Рец.] // Телескоп. 1832. Ч. X. № 16. С. 524. 525. Рец. на кн.: Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1832. Ч. II–III).

ненную тему открытия архивов для обнаружения материалов нашей “средней истории” вплоть до кончины Петра I, иначе – тут весь Погодин с его просветительским пафосом – “мы потеряем самые важные документы, если будем беречь их слишком усердно”⁴⁴.

Главным критерием оценки “Сказаний” московский историк считает “верное” воспроизведение текста. Тщательность, с которой Устрялов просеял варианты (труд “неблагодарный еще в глазах публики, но тем более почтенный!”), вызывает у него благоговение, едва ли не зависть: “Сам Шлецер поблагодарил бы издателя...”⁴⁵ Погодинская похвала бесспорно означала признание европейского уровня “Сказаний”. (В опыте издания сводного текста по семи спискам⁴⁶ Устрялов не имел предшественников.) Особое впечатление на профессора произвела безупречная внешняя отделка, богатство и изящество издания; наконец, важная деталь: “не опущено ничего к облегчению и удовлетворению читателя”.

Погодин позволил себе лишь снисходительные замечания и упреки (чрезмерное, как ему показалось, увлечение “Историей” Курбского; вновь “непростительно забыть” Н.С. Арцыбашев; “портрет” царя помещен “напрасно – ибо может ли быть сходство?”) Решительное возражение профессора вызывает только переоценка достоинств слога, языка Курбского, возведение его в перл создания: “Уменьше владеть языком является поздно: у Курбского не было и не могло быть никакого ученого искусства в собственном смысле этого слова; было только желание пощеголять, кстати и некстати, своими прикрасами и распространениями, желание, которое повредило сочинению... отсюда то его напыщенность, очень часто несносная”⁴⁷. Надо заметить, Погодин не ограничился одной рецензией “Сказаний”. Через несколько месяцев он публикует статью, в которой кардинальным образом меняет свою оценку Ивана Грозного⁴⁸.

В “Телеграфе” была помещена обширная рецензия Н.А. Полевого. По своему тону и содержанию она значительно отличалась от погодинской. И это понятно. Полевой находился в предчувствии надвигающегося краха своей “Истории русского народа”. Хотя главное внимание он уделил разбору устряловского предисловия, в сущности, он писал о себе, о своих проблемах.

Полевой также приветствует издателя сочинений Курбского: “Сознаемся, что переводчик Маржерета обманул надежды наши – но даруй Бог таких обманов! В последние два года г-н Устрялов превзошел трудами своими наши ожидания и заставил нас удивляться своему трудолюбию, неутомимой ревности к оте-

⁴⁴ П[огодин] М. Указ. соч. С. 115.

⁴⁵ Там же. С. 119.

⁴⁶ Фактически все же по шести, поскольку собственный список Устрялова фигурирует в вариантах лишь дважды.

⁴⁷ Там же. С. 118. В гораздо более экспрессивной манере характеризовал стиль Курбского О.И. Сенковский: “В его писаниях даже слова нет русского языка: это – непрерывная и самая странная смесь славянизмов, полонизмов, латинизмов с исковерканными русскими формами или выражениями, ради вымышления. Такою элоквенцией Курбский надеялся произвесть огромный эффект в читателе. Он создал себе язык, не похожий ни на один из существующих и непонятный для современников, дикий для слуха ближайшего потомства... Потомство обязано вывести этого умного писателя из заблуждения: оно должно перевести его творения на настоящий язык его соотечественников” ([Сенковский О.И.] [Рец.] // Библиотека для чтения. 1842. Т. LIV. С. 17. Рец. на кн.: Сказания князя Курбского. 2-е изд.). Ср.: История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. Примеч. на с. 606.

⁴⁸ Погодин М.П. Иоанн Грозный // Библиотека для чтения. 1834. № 2. С. 113–140. В это время А.В. Никитенко внес характерную запись в дневник: “Мы ныне ломаем головы над Иоанном IV. Карамзин представляет его каким-то романтическим героем; Полевой видит в нем великого человека: “могучее орудие” в руках Провидения (см. далее. – А.Б.); Погодин же считает его просто человеком ограниченным. Полевой впрочем знает, почему оправдывает Иоанна: это гроза аристократов” (Никитенко А.В. Дневник. М., 1955. Т. I. С. 54).

чественной истории и древностям и ученому достоинству трудов своих”⁴⁹. Почему именно последний труд Устрялова представлялся ему важнее всех предшествующих вместе взятых? С выходом в свет IX тома “Истории” Н.М. Карамзина тема Ивана IV из частной, морально-этической, психологической проблемы перерастает в проблему отношения народа к власти, государству, т.е. перестает принадлежать исключительно историографии как таковой, иначе говоря, приобретает историософский дискурс. Историографический факт превращается в факт историософский, царь – в фигуру знаковую, архетипическую, фокусирующую в себе основы русского мирозерцания. Апологету “высших взглядов” на историю, противнику Карамзина, Полевому выпал случай лишний раз высказать свои мысли на этот счет. Вдобавок ко всему все громче заявляла о себе “новая историческая школа” с ее гиперкритицизмом, и Полевой чутко прислушивался к веяниям времени.

В заслугу Устрялову ставился сам факт появления “Сказаний князя Курбского”, ибо ранее было просто невозможно “поверить хорошенько ни грубого, ошибочного повествования Щербатова, ни красноречивого изображения Карамзина”. Необходимость полагаться на историков, ссылающихся на Курбского, после устряловского труда отпадала. Затрагивая археографическую сторону дела, Полевой упомянул забытый труд о Курбском В.Ф. Тимковского⁵⁰ – предшественника Устрялова и выразил полное согласие с принципами эмэндации, реализованными Устряловым при исправлении “грубых ошибок правописания”. Резюме Полевого: “Имея теперь под рукою... Историю Курбского вполне, можно приступить к... проверке и исследованиям критическо-историческим”⁵¹.

Для разрешения вопроса об Иване IV, точно ли он был “уродом человечества”, каким его представляет Карамзин, следует определить “самую степень достоверности повествования” Курбского. Полевому не нравится, что Устрялов перекладывает такой труд на других, всячески уклоняется от “критических вопросов” к “Истории”, “как будто не смеет договаривать того, на что намекает” в прежних и нынешнем предисловиях к “Сказаниям”. Историографическую позицию Устрялова он характеризует как промежуточную – не в бровь, а в глаз: “что-то среднее между Карамзиным и противниками Карамзина”. Робость Устрялова – обычное проявление житейского благоразумия, он не принадлежит к плеяде “смельчаков избранных”. К последним, очевидно, рецензент относил и себя⁵². Не имея охоты казаться ментором или оппонентом молодого историка, Полевой уточняет: “Сохрани нас Бог обвинять почтенного г-на Устрялова в потачке заблуждениям, украшенным громкими авторитетами, и в скромности, не допускающей его сказать то, в чем он, кажется, совершенно уверен, как из всего это видно. Нет! Мы желаем только, чтобы и то, что говорит он от себя, сообщая драгоценные памятники старины, соответствовало внутренним достоинствам прекрасного труда его”.

⁴⁹ П[олевой] Н. Указ. соч. С. 429.

⁵⁰ Подробнее об этом см.: Ерусалимский К.Ю. Книга Василия Тимковского о князе Курбском // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 380–383.

⁵¹ “Давно казалось нам, что при издании древних рукописей нет никакой надобности печатать *Фараону, Моисеею, земля Еюпейца, мужю, Словенску*, если явно видно, что должно стоять *фараоно, Моисею, земля Египетска, мужу, Словенску*. Не позволим издателям изменять тех слов, где встречается малейшее сомнение, но поблагодарим г-на Устрялова, что он везде ставил *куда, в предобрый* и проч., вместо *куды, впродобрый*. Другие поступали иначе и через то бесполезно затрудняли себя и читателей” (П[олевой] Н. Указ. соч. С. 436, 437). Напомним, что, помимо публикаций исторических источников в “Телеграфе”, Н.А. Полевой располагал опытом подготовки издания собрания древних документов. См.: Полевой Н. Русская вивлиофика, или собрание материалов для отечественной истории, географии и статистики и древней русской литературы... М., 1833. Т. I.

⁵² “Не похвально ли даже и пасть в битве против громкого авторитета, бывши уверенным, что мы пади за истину?” – спрашивает Полевой (П[олевой] Н. Указ. соч. С. 439).

Симптоматичны предостережения Полевого от переоценки расположения власти и внимания общества к частным изданиям памятников старины. “Патриотическое” стремление Устрялова вовлечь в чтение исторических материалов не только ученых, но и всю образованную публику вызывает у Полевого горький скепсис, спускающий издателя с неба на землю: “Мысль похвальная, но верна ли она?.. никогда не привлечь публики собственно, даже самой образованной, к чтению исторических материалов. Да этого и требовать от нее нельзя: чтение для нее отдых, приятное занятие... Наши хроники... никогда не дождутся читателей, кроме тех, которые посвятили уже себя истории как науке, или должны заниматься ими по охоте, или особенным потребностям”. На оптимистические рассуждения Устрялова о постепенном проникновении в умы благодатного действия просвещения Полевой уныло возражает: “Эгоизм, жадная скупость, мнимое сохранение тайн, беспечное невежество долго еще будут полагать преграды усердию и ревности тружеников. Долго еще будут смотреть на занятия историческими памятниками и хранение их как на производство дел в гражданской или уголовной палате, требующее канцелярской тайны, и обязывающее ихставлять препятствия бескорыстному желанию труда...”⁵³

Когда вышло в свет второе издание “Сказаний”, О.И. Сенковский писал: «Дейтельности и усердию г. Устрялова принадлежит честь первого распространения между нами ученых изданий исторических источников. Его “Сказания современников о Димитрии Самозванце” составляют эпоху на полезном поприще обделки и приготовления материалов для отечественной истории. Если сообразить, с какими средствами и среди каких трудностей предпринял он столь важный и обширный труд, и какое движение сообщил этой части своим примером и своим успехом, то заслуга его перед русской литературой незабвенна. Он действительно заставил нас полюбить чтение источников, и если бы его искусство не возбудило в нас этого нового вкуса, то можно сомневаться, решились бы на чтение такой неприступной книги, как сочинения князя Андрея Курбского. Несмотря на их важность для нашей истории, дикий язык этих писаний мог устрашить самого храброго читателя. Господин Устрялов однако ж заставил нас прочесть их...»⁵⁴

На самом деле судьба второго издания “Сказаний” сложилась незавидно. Оно “расходилось так тихо”, что за два года удалось продать менее 150 экземпляров; Устрялов был рад сбыть оптом 1 тыс. экземпляров книгопродавцу Масленникову на Щукин двор. Там они пролежали почти 20 лет, до тех пор, пока их не уничтожил знаменитый петербургский пожар 1863 г.⁵⁵

Заявление Устрялова о “значительном исправлении текста” по сравнению с первым изданием выглядит до некоторой степени преувеличением⁵⁶ и относится скорее к сюжетам биографии Курбского. Введение в оборот актовых материалов Литовской метрики 1566–1777 г. (частично в регестах) действительно пролиvalo новый свет на перипетии жизни и дела князя после бегства из России, сделало возможным представить судьбу его потомства на протяжении целого столетия⁵⁷.

⁵³ Там же. С. 453–454, 455–456.

⁵⁴ [Сенковский О.И.]. Указ. соч. С. 1.

⁵⁵ Расходы на второе издание “Сказаний” (1200 экз.) составили 4430 руб., выручка от продажи книг – 3765 руб. “Если б государь не пожаловал мне перстня за это издание в 800 руб. ассигнациями, я отдался бы в убытке” (Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 622–623).

⁵⁶ См.: Там же. С. XLII–XLIII.

⁵⁷ Устрялов опубликовал 35 актов, из них 14 – в виде кратких регестов (главным образом королевские листы 1639–1666 гг.), четыре регеста с заголовками; один акт (№ 3) без заголовка. Все акты, включая заголовки, напечатаны на языке оригинала (старобелорусском “наречии”. Лист короля Станислава-Августа – на польском языке). Если, к примеру, легко догадаться, о чем идет речь в документе под заголовком “Справа Мари Голшанское с князем Андреем Курбским о разводе малженства” (С. 456. № 14), то, что такое “о личбу” или “с облигом” и т.д. понять не так просто. Устрялов вынужден в подстрочнике (под литерами) давать объяснения или перевод.

Здесь отчетливо проявляется известная склонность издателя к архаическому прагматизированию в стиле М.М. Щербатова. “Не думаем, – рассуждает Устрялов, комментируя вступление в брак и последующий развод Курбского и М. Голшанской, – чтобы она пленила его цветущою красотою: невеста была уже в летах, дважды выходила замуж, пережила обоих мужей...” Очевидно, стареющий князь “искал подруги... умной и доброй, которая могла бы усладить жизнь его, отравленную горестями, – и жестоко обманулся!” Оправданием его отношения к жене “могло быть только легкомысленное поведение ее, извинительное в глазах поляков, нетерпимое для русских... По всей вероятности, пользоваться правом мужа и, следуя обычаям родной старины, он запирает ее... для того, чтобы укрыть ее от нежных воздыхателей”. Ну а поскольку Курбскому все же разрешили вступить во второй брак – значит “едва ли он не был прав”⁵⁸.

Торопясь ввести в оборот новый архивный материал, Устрялов не успевал следить за текущими публикациями, что сказывалось на качестве примечаний. В комментарии о происхождении “Истории Флорентийского собора”, Устрялов заметил, что при ее составлении Курбский явно пользовался неизвестным сочинением. В 1841 г. С.П. Шевырев идентифицировал это сочинение с рукописью острожского клирика, найденной им в Ватиканской библиотеке. После публикации Шевыревым выдержек из рукописи (“Отпис...”) Ф.В. Булгарин указал на книжный экземпляр “Отписа...” (1598), который задолго до сообщения Шевырева обнаружил в МГА МИД И.П. Сахаров, но не вполне оценил значение собственной находки. По всей видимости, ценная статья Шевырева осталась неизвестной Устрялову⁵⁹.

Изменился формат издания. Вместо двух книг Устрялов напечатал однотомник “в большую осьмушку”. “Портрет” Грозного, факсимиле “Патриаршего” списка и синодика, рассуждение об истории, ее источниках – все это он счел целесообразным исключить из него. В качестве вариантов дополнительно привлечены два ранее неизвестных списка, на его взгляд, лучше других, пояснявших “темные места” основного списка. Один из них в 1835 г. прислал из Москвы А.Ф. Малиновский, другой попал в руки Устрялова из портфелей Археографической экспедиции⁶⁰.

Итак, напомним, задержка с выходом второй части “Сказаний” произошла во время гравирования плана казанской осады. В первом издании он был “составлен по чертежу” архитектора Ю. фон Каница, обнаруженному в Депо карт Главного Штаба. Устрялов нашел в нем ошибку (западная часть города перенесена на левый берег Булака, вопреки свидетельству Курбского и Степенной книги). Подправив чертеж, он совместил его с планом расположения окрестностей Казани из “официальной новейшей карты” (С. 310). В 1842 г. тот же чертеж воспроизведен “в уменьшенном размере” уже без всяких поправок. Хотя чертежу предпослан заголовок “Изъяснение плана осады казанской”, выходные данные издатель сопроводил соответствующей ремаркой: “изъяснения же нет” (С. 472). Через год это “Изъяснение” опубликовал Л. Кавелин. Курьез в том, что оно вышло отдельным изданием еще в 1827 г.⁶¹, затем А.Ф. Воейков перепечатал его в “Славянине”. К числу курьезов можно отнести и публикацию актов о выезде князей Курбских в

⁵⁸ Сказания. 2-е изд. С. XX–XXI, XXIII.

⁵⁹ См.: Сказания. С. 298. Примеч. 152; Сказания. 2-е изд. С. 403. Примеч. 363; *Шевырев С.П.* Новые известия о Флорентийском соборе, извлеченные из Ватиканской рукописи // ЖМНП. 1841. Кн. I. Отд. II. С. 60–78; *Он же.* Дополнительные сведения к статье моей “Новые известия...” (ответ г. Булгарину) // Москвитянин. 1841. Ч. III. № 6. С. 498–509.

⁶⁰ См.: Сказания. 2-е изд. Предисловие. С. XL.

⁶¹ См.: *Кавелин Л.* Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и взятия оно-го в 1552 г. // Маяк. 1843. Т. VIII. Кн. 16. Гл. III. С. 49–58; Описание осады и взятия Казани в 1552 г. с кратким изъяснением приложенного здесь плана древнего сего города. СПб., 1827.

Россию в конце XVII в., присланных Малиновским: содержание этих актов передал К.Ф. Калайдович в 1821 г.⁶²

Трудно сказать, что побудило неизлечимо больного Устрялова, занятого работой над пятым томом “Истории царствования Петра Великого”, перепечатать “Сказания” за два года до смерти⁶³. Серьезная критика обошла их стороной. Не будучи восприняты ученолитературным сообществом в качестве сколько-нибудь актуального события, они затерялись в лавинообразном потоке публикаций исторических документов конца 1860-х годов. Только спустя пять лет с пространным критико-библиографическим разбором последнего издания “Сказаний” выступил М. Петровский. Отдавая должное прежним заслугам покойного академика⁶⁴, рецензент нашел в “Сказаниях” столько изъянов, что в итоге выходил один сплошной минус: работа не выдерживала критики ни с концептуальных (историографических) позиций, ни с точки зрения полноты представленных в книге хотя бы оригинальных сочинений Курбского, ни со стороны освоения издателем накопленного за четверть века исторического материала. Всевозможные экспликации несостоятельности Устрялова относительно современных требований учености завели М. Петровского настолько далеко, что превратили “Сказания” в вещь едва ли не бесполезную⁶⁵.

Как бы то ни было “Сказания” в виде корпуса основных сочинений Курбского продолжали служить свою службу науке⁶⁶ и образованию. Кто знает, сколько блестящих историков последующих поколений обязаны выбором профессиональных интересов устряловскому томику “Сказаний”?

(Продолжение следует)

⁶² См.: Калайдович К. Записка о выезде в Россию правнуков князя Андрея Михайловича Курбского // Северный архив. 1824. Ч. II. С. 1–6; О выезде Курбских в Россию в конце XVII ст. С. 209–211. Примеч. 43. В последующих изданиях эти статьи напечатаны отдельно. Их значение не исчерпывается генеалогическим сюжетом. В свое время они послужили материалом для версии о времени и пути проникновения сочинений Курбского в Московское царство. См.: Рыков Ю.Д. Указ. соч. С. 309–310.

⁶³ Исправив некоторые биографические сведения о Курбском на основании материалов труда Н. Иванничева “Жизнь Курбского в Литве и на Волыни” (Киев, 1849), Устрялов обновил состав своего издания лишь заимствованным из того же труда предисловием Курбского к переводу “Нового Маргарита” (СПб., 1868).

⁶⁴ «Не будь этих “Сказаний” и переписки с Иваном IV, – писал М. Петровский, – многочисленные scriptores exteri saeculi XVI в., и летописные сказания не познакомили бы так не только читающую публику, но и ученых, с историею Руси в правление Ивана IV» (*Петровский М.* Сказания князя Курбского. 3-е изд. // Уч. зап. Имп. Казанск. ун-та. 1873. № 4. Критика и библиография. С. 714).

⁶⁵ См.: *Петровский М.* Указ. соч. С. 711–760.

⁶⁶ Ни один из издателей сочинений Курбского в XX в. не счел возможным уклониться от тщательного изучения “Сказаний” хотя бы в справочных целях. См. index в кн.: *Stählin K.* Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij. Leipzig, 1921; *The Correspondence between Prince A.M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia. 1564–1579 / Ed. J.L.I. Fennel.* Cambridge, 1955; *Prince A.M. Kurbsky's history of Ivan IV / Ed. J.L.I. Fennel.* Cambridge, 1965; Переписка. С. 427 (указатель). Сличив текст “Патриаршего” списка с изданным, Г.З. Кунцевич выявил орфографические и другие подправки текста без оговорок, пропуски, неправильные чтения, “неизбежные опечатки”. Конкретных примеров и общее количество ошибок и случаев вмешательства в текст Г.З. Кунцевич не сообщил. Единственная ссылка на “некоторые неточности”, допущенные Устряловым, касается указателя, в котором значится “империя святорусская” вместо “земля святорусская” на поверку не является корректной. Общий вывод Кунцевича также не оригинален: “Хотя издания Устрялова не удовлетворяют научным требованиям, но они (особенно 3-е издание) имели и имеют значение: без них изучение Курбского было бы затруднено” (Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXVI. Отчеты о заседании Имп. Общества любителей древней письменности в 1907–1910 году. Отчеты за 1909–1910 годы. СПб., 1911. С. 31).

ОСНОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Среди научных обществ дореволюционной России Исторические общества при Петербургском и Московском университетах занимают особое место. Их основателями являлись выдающиеся представители “русской исторической школы” всеобщей истории профессора Н.И. Кареев, В.И. Герье, П.Г. Виноградов. В фактах устойчивого влияния этой “школы” на развитие исторической науки за пределами России усматриваются существенные показатели ее успешного функционирования и научной состоятельности¹. Для полноты оценки представляется важным учесть и то, в какой мере деятельность “русской исторической школы” способствовала единению отечественных историков на почве научных и профессиональных интересов.

В сборниках “Историческое обозрение”, издававшихся Историческим обществом при Петербургском университете, публиковались протоколы заседаний Общества, тексты прочитанных на них рефератов. В Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН хранится архив Общества, истории его создания посвящена статья А.Г. Слонимского². Иначе обстоит дело в отношении Исторического общества при Московском университете (1894–1923). Опубликованы лишь некоторые из рефератов, прочитанных на его заседаниях³, о местонахождении его архива ничего не известно. Об Обществе упоминается в воспоминаниях М.М. Богословского⁴ и А.А. Кизеветтера⁵. Ни тот, ни другой, однако, не были среди его учредителей (хотя впоследствии Богословский был инициатором его возрождения) и поначалу не принимали участия в его деятельности, которую Кизеветтер, тем не менее, характеризует довольно скептически. Историческое общество, пишет он, являло собой “тихий затончик, куда не долетало отголосков жизненного шума”⁶, было “скромное и чинное” и находилось “в строжайшей субординации у своего патриархального председателя” В.И. Герье, “патриархально-самовластные повадки” которого были причиной того, что Историческое общество “быстро впало в летаргию” и его деятельность “оживилась” лишь после ухода Герье с поста председателя⁷. Однако надо иметь в виду, что и Кизеветтер, и Богословский являлись участниками Виноградовского кружка, а отношение кружковцев к Историческому обществу изначально определялось их конфликтом с Герье, о чем речь пойдет ниже.

Честь создания в России научного общества, объединившего специалистов по всеобщей истории, принадлежит профессору Петербургского университета Ни-

¹ *Мяков Г.П.* “Русская историческая школа”: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 175.

² *Слонимский А.Г.* Основание Исторического общества при Петербургском университете // Учен. зап. инст. ф-та Тадж. гос. ун-та. Душанбе, 1973. Вып. 1. С. 22–41.

³ См.: Издания Исторического общества при Имп. Московском университете. М., 1896–1898. Т. I–II.

⁴ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 87.

⁵ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. М., 1997. С. 58, 158.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Там же. С. 58.

колаю Ивановичу Карееву (1850–1931). Во время своих заграничных поездок он ознакомился с организацией исторической науки в европейских странах.

Пребывание в Париже позволило Н.И. Карееву навестить тамошнее Историческое общество, о котором он писал своему другу М.С. Корелину⁸ 8 октября 1882 г.: “Оно основалось недавно и имеет уже около 300 членов, но встретил я там не более 20–25 человек. Туда собираются поболтать, выпить что-нибудь, поиграть в шахматы или домино: настоящий клуб. Скука, однако, там изрядная: либо самые пустые разговоры, либо разговоры об архивах, а когда касается предметов поинтереснее и поживее, то слышишь такие суждения, такие суждения, что лучше уж и не говорить”⁹. В Петербургском университете, куда Кареев перешел в 1885 г. из Варшавского, у него сложились хорошие отношения с профессорами В.Г. Васильевским¹⁰, Е.Е. Замысловским¹¹, О.Ф. Миллером¹². Васильевский, по свидетельству Кареева, хлопотал о поступлении его в Петербургский университет, “устроил” Карееву лекции на Высших женских курсах, вопреки “предубеждению” против него Бестужева-Рюмина¹³. “Васильевский вообще человек очень доброжелательный”¹⁴, – отмечал Кареев.

Я.Г. Гуревич, читавший в Петербургском университете новую историю, познакомил Н.И. Кареева с некоторым из “русских историков”¹⁵ – магистрантов Е.Ф. Шмурло, И.А. Козеко, Н.М. Бубновым, А.С. Лаппо-Данилевским, Н.Д. Чечулиным¹⁶. О лидере “кружка русских историков” С.Ф. Платонове упоминается в письмах Кареева. Преподавая в Александровском лицее, Кареев временно (вместо В.И. Семевского) должен был читать курс русской истории. “Думал я, – писал он 6 февраля 1886 г. Корелину, – что можно было бы перетащить сюда Якушкина¹⁷ (“курсовые” историки, т.е. Козеко, Шмурло и даже Платонов репутации хорошей себе не создали) и писал ему о месте в Лицее, но он ответил отказом”¹⁸. В итоге все же Платонов оказался сослуживцем Кареева по Александровскому лицее: “Чаще, чем с другими, выдаюсь с историком (младших классов) Беловым¹⁹, очень почтенным старцем, а рус[ский] историк высших классов Платонов (известный и Вам) меня к себе особенно не привлекает”²⁰, – писал Кареев Корелину 25 июня 1887 г. Настороженное отношение к Платонову все же не помешало Карееву прибегнуть к его помощи, когда речь зашла о деле. “Завербуйте побольше членов, которых можно было бы предложить в первом же заседании”, –

⁸ Корелин Михаил Сергеевич (1855–1899) – историк, приват-доцент (с 1890 г. – профессор) Московского университета в 1888–1899 гг.

⁹ ЦИАМ. Ф. 2202 (М.С. Корелин). Оп. 3. Д. 3. Т. 2. Л. 154об.

¹⁰ Васильевский Василий Григорьевич (1839–1899) – историк-византист, профессор Петербургского университета (с 1871 г.), академик Петербургской Академии наук (с 1890 г.), редактор “Журнала Министерства народного просвещения” (с 1890 г.).

¹¹ Замысловский Егор Егорович (1841–1896) – историк, профессор Петербургского университета (1884–1890), член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1888 г.).

¹² Миллер Орест Федорович (1833–1889) – литературовед, фольклорист и общественный деятель, профессор Петербургского университета (1870–1887).

¹³ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 7об.

¹⁵ См.: Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и “кружок русских историков” // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 126–143.

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 15. Л. 8об.

¹⁷ Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912) – историк, литературовед, приват-доцент Московского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1906 г.).

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 14. Л. 3об.

¹⁹ Белов Евгений Александрович (1826–1895) – историк, преподаватель Александровского лицея (1867–1892).

²⁰ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.

писал ему Кареев 22 ноября 1889 г.²¹, накануне открытия Исторического общества при Петербургском университете.

В.И. Ламанский²² и А.Н. Веселовский²³, констатировал Кареев, отнеслись к нему “крайне враждебно”²⁴. «Вообще здесь, – сообщал он Корелину, – не исключая и Университета, нетерпимость страшная: у каждого есть догматы, отступление от которых – ересь. Догмат Ламанского – гниение Запада и воплощение истины в греко-слав[янском] мире; догмат Веселовского – “странствующие сказания”, кочевание которых и составляет *всю* историю литературы. Ор[ест] Миллер рассказывал мне, что новое общество романо-герм[анской] филологии все помешалось на этой теме, ища “источники” Шекспира в слав[янских] сказаниях, а “источники” были в франц[узском] рыцарском романе: довольно, что герой романа называется Садок, и вот вам “источник” былины о Садке»²⁵.

Большой интерес к инициативе Кареева проявили москвичи. Членами Исторического общества при Петербургском университете стали В.И. Герье, П.Г. Виноградов²⁶, М.С. Корелин, П.Н. Милуков, В.Ф. Миллер, В.М. Михайловский, В.Е. Якушкин, Р.Ю. Виппер, Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, А.А. Кизеветтер, Е.Н. Щепкин. Большинство из них мы встречаем среди учредителей Исторического общества при Московском университете, инициатива создания которого в значительной степени принадлежала П.Г. Виноградову. Еще 3 мая 1889 г. Корелин спрашивал в письме Кареева, в каком положении находится дело с учреждением Исторического общества при Петербургском университете, и добавлял: “У нас этим очень заинтересован Виноградов и просил меня достать у Вас подробные сведения: он думает последовать Вашему примеру, но боится, что не разрешат. Я боюсь другого – ничего не выйдет, если и разрешат, п[отому] ч[то] у нас сил мало, а, если и есть, то до крайности истощенные”²⁷.

Между тем, сам Виноградовский кружок, в который входили М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, представлял “как бы небольшое, частное историческое общество”²⁸. Тем не менее при определенно выраженном желании Герье стать основателем Исторического общества при Московском университете, Виноградов не мог не уступить инициативу ему. Не только он, но и Кареев признавали Герье своим учителем. В 1883 г. Герье был оппонентом на защите (в Московском университете) докторской диссертации Кареева “Основные вопросы философии истории”. Спустя 30 лет Кареев писал ему: “Конечно, я не забыл того, что историком из филолога я сделался благодаря Вашему преподаванию, и что магистровался по истории (а не по философии, как тоже мог бы) благодаря тому, что Вы предложили оставить меня при университете”²⁹.

Фактором, сближающим историков разных университетов и способствующим их единению в составе Исторических обществ, была общая обеспокоенность за судьбу преподавания всеобщей истории. 8 февраля 1890 г. Кареев подал министру народного просвещения графу И.Д. Делянову записку, которую кроме него подписали В.И. Герье, П.Г. Виноградов, Ф.И. Успенский, Ф.Я. Фортицкий,

²¹ ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 3083. Л. 4.

²² Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – историк, профессор Петербургского университета (с 1871 г.), академик Петербургской Академии наук (с 1900 г.).

²³ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – литературовед, профессор Петербургского университета, академик Петербургской Академии наук (с 1880 г.).

²⁴ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 2. Письмо от 1 января 1886 г.

²⁶ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк-медиевист, профессор Московского университета (1884–1902; 1908–1910).

²⁷ ОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). К. 16. Д. 35–44. Л. 9об.

²⁸ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 85.

²⁹ ОР РГБ. Ф. 70 (В.И. Герье). К. 46. Д. 9. Л. 26. Письмо от 1 ноября 1913 г.

И.В. Лучицкий³⁰. Профессора настаивали на необходимости сохранения общих курсов по всеобщей (“европейской”) истории в учебном плане историко-филологических факультетов. “Чем шире и основательнее почва, на которой развивается национальное образование, тем высшего оно достоинства, тем более оно имеет право на внимание со стороны других наций”, именно всеобщая история, “простирая свое влияние на всю сферу знания в области историко-филологического факультета, становится на нем одним из главных общеобразовательных предметов”³¹. Обращение профессоров осталось без последствий. Кареев пришел к выводу, о чем и сообщал Герье, что в российских университетах “положительно делается все, чтобы всеобщую историю затереть”³². Неприятие такого хода дел выразилось в отношении к личности историка-византиста П.В. Безобразова³³. Вскоре после защиты им магистерской диссертации о Михаиле Пселле³⁴ П.Н. Милюков писал С.Ф. Платонову: “От Безобразова ничего путного и нельзя было ожидать: хорош ученый, который пишет книгу, чтобы решить, был Пселл мерзавцем или порядочным человеком!”³⁵ Дело, однако, заключалось не в личных качествах Безобразова. По поводу слухов о его назначении на кафедру всеобщей истории Московского университета Кареев писал Герье 20 февраля 1890 г.: «Византищина в лице одного Безобразова – частное злое, но есть еще зло более общее, это – принципиальное безобразие, которое одними поддерживается, а со стороны других не находит отпора: тенденция положительно та, чтобы вытравить “Европу” и мытьем, и катаньем, а за это все: и греко-латины новейшей формации, и славянолюбцы, и российские самобытники»³⁶.

Намерение Виноградова основать в Москве Историческое общество, вероятно, вскоре стало известно Платонову, поддерживавшему отношения с Милюковым, с которым он познакомился благодаря Шмурло. В журнале “Русская мысль” в 1888–1892 гг. появлялись рецензии Милюкова на исследования друзей Платонова – “русских историков” (Шмурло, Чечулина, Лаппо-Данилевского, Шляпкина, Середонина). О близости отношений с Милюковым свидетельствует тот откровенный тон, с которым Платонов рассказывал ему о своем участии в качестве официального оппонента в состоявшемся 9 мая 1890 г. магистерском диспуте Лаппо-Данилевского. “Диспут Л[аппо]-Дан[илевского] начался поздно, тянулся долго. Кареев возражал ему совсем прилично. Свое возражение я считаю совершенно неудавшимся, благодаря усталости и случайному раздражению, к[ото]рое было вызвано председателем Ламанским и отразилось не на тоне моей речи, а на ее логике. Затем вмешался в диспут политико-эконом Яроцкий³⁷ и похвалил диссертацию финансист Лебедев³⁸. Диспут был скучным и монотонным, и устали все до крайности. Сам Лаппо защищался остроумно, но речь сказал малоудачную: слишком растянул в ней свое предисловие. Долго писать о его книге, а поговорить бы хотелось: книга мне очень нравится, но в ней много такого, что граничит с крайней молодостью, с очень юным бессильем в языке отразить все оттенки мыс-

³⁰ Там же. Д. 7. Л. 11–12.

³¹ Там же. Ф. 119. К. 9. Д. 78. Л. 2.

³² Там же. Ф. 70. К. 46. Д. 7. Л. 14.

³³ Безобразов Павел Владимирович (1859–1918) – историк-византист, приват-доцент Московского университета (1888–1895), Петроградского университета (1914–1917), архивариус Государственной Думы (1909–1913).

³⁴ Пселл Михаил (1018–1076) – византийский писатель.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 10об. Письмо от 13 апреля 1890 г.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Д. 7. Л. 15об.–16.

³⁷ Яроцкий Василий Гаврилович (1854–1917) – приват-доцент Петербургского университета.

³⁸ Лебедев Василий Александрович (1833–1909) – экономист, финансист, профессор Петербургского университета (1884–1908).

ли. При большем умении справляться с формой можно было бы сократить книгу страниц на 200 и этим выиграть и в достоинстве труда”³⁹.

Заявляя себя “поклонником” Московского университета, Платонов, тем не менее, признавался Милюкову, что “привык к некоторому высокомерию со стороны москвичей” к той университетской среде Санкт-Петербурга, которая его воспитала⁴⁰. Участие в защите магистерской диссертации Милюкова в Московском университете окончательно убедило его в необходимости искать для защиты своей докторской диссертации иное место. Не Московский университет как таковой, а скорее Виноградовский кружок был истинным притяжением для Платонова и других “русских историков”. Намерение Платонова покинуть Александровский лицей, где он преподавал русскую историю, поставило вопрос о его преемнике. Рассматривались кандидатуры П.Н. Милюкова и В.Е. Якушкина, последняя казалась менее предпочтительной из-за не вполне благоприятного впечатления от магистерского диспута. В мае 1890 г. Лаппо-Данилевский писал Милюкову: «У Вас, говорят, Якушкинский диспут прошел не особенно удачно. Мне говорил Майков⁴¹, который на нем присутствовал. Вы ведь тоже на нем подвизались и анатомировали несчастного автора? Книжку я его не читал, но уже одно то, что она написана чуть ли не исключительно по одному “Полному собранию зак[онов]”, довольно характерно и для книги и для автора»⁴². Сам Платонов, впрочем, без особой охоты (так как делал это под влиянием К.Н. Бестужева-Рюмина), предлагал на свое место кандидатуру его ученика Шмурло. 28 августа 1890 г. Платонов сообщил Милюкову: “Зато мне не удалось устроить Шмурло в лицей, где меня вынудили остаться на год самого”⁴³.

Через год ситуация изменилась. Милюков, у которого обострились отношения с В.О. Ключевским, намеревался переехать в Санкт-Петербург. Платонов отговаривал его, советуя остаться в Москве, если к тому есть хоть малейшая возможность, ибо на него смотрят как на “заместителя” Ключевского⁴⁴. 1 марта 1891 г. он писал Милюкову: “Здесь же в университете мудрено будет Вам устроить экстраординатуру раньше Форстена⁴⁵ и даже идиота Шукарева⁴⁶. А сладко ли будет Вам (и мне, поклоннику Москов[ского] ун[иверсите]та), если после Ключевского посадят, например, Лихачева⁴⁷ или иного чужака в силу того, что Вы *сами* уехали из Москвы?”⁴⁸

От преподавания в Александровском лицее Милюков отказался. Платонов же, ссылаясь на мнение В.Г. Васильевского, убеждал Милюкова, что Петербургский университет ему “не светит”⁴⁹ и вновь, как в конфликте с Кареевым по поводу председательства в Историческом обществе при Петербургском университете, вызвал на себя подозрения в происках. 9 июля 1891 г. Виноградов писал Ми-

³⁹ ГАРФ. Ф. 579. (П.Н. Милюков). Оп. 1. Д. 5388. Л. 15–16. Письмо от 10 мая 1890 г.

⁴⁰ Там же. Л. 5об. Письмо от 1 марта 1890 г.

⁴¹ Возможно, Майков Леонид Николаевич (1839–1900) – историк русской литературы, редактор журнала “Министерство народного просвещения” (1882–1890), вице-президент Петербургской Академии наук (с 1893 г.), председатель Археографической комиссии (1899–1900).

⁴² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 19–19об.

⁴³ Там же. Д. 5388. Л. 20.

⁴⁴ Там же. Л. 48.

⁴⁵ Форстен Георгий Васильевич (1857–1910) – историк, приват-доцент (с 1896 г. – профессор) Петербургского университета.

⁴⁶ Шукарев Александр Николаевич (1861–1900) – историк, приват-доцент Петербургского университета (с 1891 г.).

⁴⁷ Лихачев Николай Петрович (1862–1936) – историк, профессор Петербургского археологического института (с 1892 г.), член Археографической комиссии (с 1894 г.), помощник директора Императорской Публичной библиотеки (1902–1914), академик Российской Академии наук (с 1925 г.).

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 46об.

⁴⁹ Там же. Л. 81–82.

люкову: “В Петербурге же во всей фантазмагории наверное повинен Платонов, кот[орый] зараз явился и в роли бескорыстного друга, и в качестве внушителя Васильевского, издавшего оракул о том, что Вам там не будет “смысла”⁵⁰. После Милюкова от преподавания в Александровском лицее отказались Лаппо-Данилевский и Шмурло⁵¹, и Карееву удалось провести кандидатуру своего ученика В.А. Мякотина⁵². Платонов такому исходу явно не сочувствовал, его отношения с Кареевым к этому времени были испорчены, по-видимому, окончательно. 7 июня 1891 г. он писал Милюкову: “Кареев к этой весне стал (извините) совсем дураком”⁵³.

19 января 1892 г. на квартире Герье проходило чествование 30-летия его научной деятельности. Виноградов, от имени более чем 130 учеников юбиляра, поднес ему адрес. В ответной речи Герье выразил надежду, что освобождение его от некоторых срочных обязанностей, возможно, “дало бы толчок к более организованной совместной деятельности московских преподавателей истории”⁵⁴. Эти слова были истолкованы как желание Герье учредить при Московском университете Историческое общество⁵⁵. Московские новости обычно вызывали живой отклик в кругу друзей Платонова. “Не знаю, в каком почете у павликиан платоники, – писал Кареев 13 ноября 1892 г. Корелину, – но у платоников павликанство в великом почете, как и Милюков, с которым носятя, как с писанной торбой, и каждый раз его имя сочетается с Вашим”⁵⁶. Кареев намекал на то, что в среде петербургских историков присвоение Корелину степени доктора “производит сенсацию ввиду недокторства Милюкова”⁵⁷.

Корелин, в свою очередь, разделял предубеждения в отношении Платонова. Познакомившись с ним на IX Археологическом съезде в Вильно в августе 1893 г., он записал в своем дневнике: “Платонов – чистенькая ничтожность, университетский чиновник, но обладает уже свитой: Середонин, Пресняков”⁵⁸. Впрочем, на том же съезде он скорректировал свое мнение в отношении Платонова и его ближайшего окружения (“академии”): “Беседы с Платоновым, – писал Корелин, – поучительны: академия ко мне не так враждебна, как я думал”⁵⁹. Кареев был настроен более непримиримо и платил “русским историкам” открыто выраженной неприязнью. Характерен эпизод, рассказанный им самим в письме Корелину 8 октября 1893 г. Историк А.М. Ловягин – автор рецензии на книгу Корелина “Ранний итальянский гуманизм и его историография”⁶⁰ – в разговоре с Кареевым признался, что писал ее “под влиянием говора”, сравнивающего книгу Корелина с книгой Н.М. Бубнова – друга Платонова: «Я так рассердился, – писал Кареев, – что сказал: “Сравнивать нельзя. Корелин работал головой, а Бубнов – вот чем”. При этом я привстал, чтобы показать, чем работал Б[убнов]»⁶¹.

К первоначальному, узкому составу основателей Исторического общества (наряду с Герье и Виноградовым) следует отнести также Ключевского и Корелина.

В собрании именно этих четырех профессоров 20 января 1893 г. обсуждался вопрос об уставе Исторического общества. И уже тогда Герье пожелал видеть

⁵⁰ Там же. Д. 3949. Л. 10об.

⁵¹ Там же. Д. 5388. Л. 53.

⁵² Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, публицист и политический деятель.

⁵³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 53об.

⁵⁴ 30-летие ученой деятельности профессора В.И. Герье // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 298.

⁵⁵ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 87.

⁵⁶ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 16. Л. 7об.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 18.

⁵⁹ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.

⁶⁰ См.: ИВ. 1893. Т. LIII. С. 229–231.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 107. Л. 2об.

среди учредителей Исторического общества многих из тех, кто подписал ему год назад приветственный адрес. Виноградов же усмотрел в предложении расширить состав учредителей “обиду для своего кружка”, и Герье вынужден был согласиться “ограничить учредительство университетскими”⁶². Состав учредителей окончательно определился 14 апреля 1893 г., когда появилось заявление преподавателей историко-филологического факультета. О своем намерении основать Историческое общество объявили следующие профессора: В.И. Герье, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, И.В. Цветаев, В.Ф. Миллер, А.М. Иванцов-Платонов, М.И. Соколов, А.Н. Шварц, М.М. Троицкий; а также приват-доценты: Р.Ю. Виппер, И.А. Линниченко, В.М. Михайловский, П.В. Безобразов, Е.Н. Щепкин, П.Н. Милюков, С.Ф. Фортунатов⁶³.

27 сентября 1893 г. министр народного просвещения граф И.Д. Делянов утвердил Устав Общества, целью которого признавалось “исследование специальных вопросов в области истории и соприкасающихся с нею наук”, а также разработка “общих вопросов по философии истории и истории культуры и права, в особенности тех, в которых проявляется связь русской истории с историей всеобщей”, и, кроме того, “обсуждение вопросов, относящихся к преподаванию истории в среднеучебных заведениях и университетах”. Обществу предстояло объединить “молодых людей, готовящихся к ученым степеням”, а также “преподавателей истории в Москве и в провинции”⁶⁴.

Весть о создании Исторического общества при Московском университете вызвала самый живой интерес у петербургских историков. 18 ноября 1893 г. Кареев писал Корелину: “Сюда долетели смутные вести о каких-то discordia'х!”, бывших или еще только имеющих возникнуть при открытии моск[овского] Истор[ического] общества. Ко мне уже обращались с вопросом, не знаю ли я, в чем дело, но я ничего не мог сказать по этому делу. Любопытно!”⁶⁵ До Кареева дошли слухи, что Виноградов и Милюков “держали вече” по вопросу об отношении к Историческому обществу, и оба при этом склонились к отказу от участия в нем⁶⁶.

Карееву приходилось лишь констатировать, что Платонов очевидно знает больше, чем он о московских новостях. Кареев писал Корелину 4 декабря 1893 г.: «Наша “Платонов”-ская академия благодаря московским корреспондентам, по-видимому, находится *ou sougant*^{2*} всех московских вестей из ученого мира, и мне нередко, слыша то или другое, приходится жалеть о том, что, с своей стороны, я не могу делать поправок к этим вестям, не имея фактических данных»⁶⁷.

Датой рождения Исторического общества при Московском университете стало 9 марта 1894 г., когда был избран его председатель (Герье) и часть членов Комитета (Ключевский, Виноградов, Корелин, Милюков, Виппер, Михайловский). На следующем заседании (18 марта 1894 г.) при обсуждении вопроса о членстве в Обществе “разыгрался скандал”. Милюков предложил принять за основу список кандидатов в члены, представленный Виноградовым (35 фамилий), а из аналогичного списка Герье (80 фамилий) отобрать некоторых. Предложение вызвало гневный протест Герье, а в ответ Милюков вышел из состава Комитета и Общества⁶⁸. Некото-

⁶² Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 2об.–3.

⁶³ Там же. Ф. 418 (Московский университет). Оп. 62. Д. 470. Л. 2–2об. 8 июня 1893 г. последовало соответствующее обращение Совета Университета к попечителю Московского учебного округа. См.: Там же. Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. Д. 4524. Л. 1.

⁶⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4524. Л. 5–9.

^{1*} раздорах (*лат.*).

⁶⁵ Там же. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Д. 112. Л. 1. Письмо к М.С. Корелину 30 ноября 1893 г.

^{2*} в курсе (*фр.*).

⁶⁷ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

⁶⁸ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 32об.–33.

рые из участников кружка Виноградова, собравшись на частное заседание, решили не вступать в Общество до возвращения в него Милюкова⁶⁹ (см. приложение).

Свою версию происшедшего 18 марта 1894 г. Милюков изложил в письме к Платонову⁷⁰. Виноградовский кружок, по свидетельству Милюкова, был раздражен тем, “как таинственно велись подготовительные действия” к учреждению Исторического общества, в которое кружок “решил войти *in coequis*”^{3*}, или не входить вовсе”. В отношении же Герье сложилось мнение, что он собирается сделать членами Общества всех, подписавших ему юбилейный адрес, “без различия их ученого ценза”. Неудивительно, что, когда Герье, вопреки будто бы ранее достигнутой договоренности провести сначала выборы новых членов Общества, предложил сразу довыбрать четырех членов Комитета способом, который Виноградов тут же окрестил именем “кооптации”, его не поддержал никто из членов Комитета (кроме Корелина).

Герье “совершенно растерялся и наделал невозможных глупостей; стал говорить, что ему с самого начала делают неприятности и т.д.” Положение попытался поправить Виппер и “вызвал новый трагикомический инцидент”. Виноградов, (во всяком случае сам он так считал), договорился с Герье выбрать в секретари Общества Виппера, который «так приготовился к этой мысли, что предложил упростить дело, выбрав секретаря из присутствующих. Герье совершенно смуглился и стал спрашивать: “Кто же пойдет? Ведь Вы (т.е. Виппер) не пойдете?” Виппер ответил, что он занят теперь диссертацией, – но пойдет. “Ну вот видите, – заявил Г[ерье], – Вы сами говорите, что Вам некогда... Да Вы и в Одессу уедете!» После этого Герье “на некоторое время совсем потерял нить разговора”. Милюков, который свидетельствует, что во время заседания говорил “резче других – но, как признали присутствующие, в вполне приличных случаях выражениях”, лишь обострил конфликт. На его очередную реплику «Герье вдруг раздраженным тоном заговорил: “Ведь это наивность, – это невероятная наивность!” «Я, – пишет Милюков, – ответил ему: “К чему личные характеристики; пусть я наивен, оставим это и перейдем к делу”. Герье тогда произнес: “Вы забываете, с кем Вы говорите и к кому обращаетесь”. Тут уже я инстинктивно вскочил со стула, сказал, что, кажется, я действительно забыл, с кем имею дело, – и ушел из квартиры Герье, заявив, что выхожу из Комитета и Общества. Наступила 10-минутная пауза, которую, наконец, прервал Корелин: “Надо же нам как-нибудь решить дело”. Герье, обращаясь к Михайловскому, сказал тогда: “Не хотите ли чаю?»».

Наконец, решили все же сначала выбрать новых членов Общества по обоим спискам (Герье и Виноградова), последний пытался сгладить конфликт, настаивая, чтобы “истории придать чисто личный характер”. От Герье ожидали извинений, но их не последовало, тогда Виноградовский кружок собрался без своего учителя и принял решение вступить в Общество только в том случае, если в него вступит и Милюков. Узнав об этом, Виноградов, “опротестовавши решение” своего кружка и не доводя его до сведения Герье, просто забрал у него список членов кружка, при этом Виноградов “внушительно уговаривал” своих учеников вступить в Общество⁷¹. 28 октября 1894 г. у Герье состоялось “предварительное” собрание Исторического общества, о котором Корелин записал: “Рефератов не предполагается, работать охотников нет и ауспicii [предзнаменования. – В.Б.] вообще неблагоприятны”⁷².

Историческое общество зарождалось на фоне событий, мало сочетавшихся с любой научной инициативой. В конце 1894–начале 1895 г. Московский универси-

⁶⁹ Там же. Л. 34.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 24об.–26. Письмо от 2 апреля 1894 г.

^{3*} в полном составе (лат.).

⁷¹ Богословский М.М. Указ. соч. С. 87.

⁷² ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 42об.

тет охватили волнения, поводом к которым стала жесткая реакция попечителя Московского учебного округа графа П.А. Капниста на обструкцию, устроенную студентами 30 ноября 1894 г. Ключевскому за его речь в память скончавшегося императора Александра III. Наряду со студентами ответные репрессии коснулись приват-доцентов П.Н. Милюкова и П.В. Безобразова. 10 января 1895 г. Безобразов, о котором ходили слухи, что он, переводится в Новороссийский университет⁷³, выступил в одной из аудиторий Исторического музея с публичной лекцией “О женщинах в истории”, названной министром Деляновым “возмутительной”⁷⁴. Безобразов, по свидетельству Корелина, заявил, что “бацилла подлости перелилась из Молчалиных в профессоров, и убеждал студентов не слушаться отцов и матерей и объединяться, уверяя их, что так можно произвести сильный взрыв и что волны русской жизни смоят Петропавловскую крепость”⁷⁵.

31 января Делянов распорядился об удалении из Университета Безобразова⁷⁶, а 6 февраля и Милюкова, ввиду его “крайней политической неблагонадежности”⁷⁷, формальным поводом послужило содержание публичных лекций, прочитанных Милюковым в Нижнем Новгороде (в конце 1894 г.)⁷⁸. И Безобразову, и Милюкову, была запрещена всякая преподавательская деятельность, чтение каких бы то ни было публичных лекций. Решение было объявлено Милюкову 14 февраля, а 21 февраля на педагогических курсах Общества воспитательниц и учительниц он прочитал лекцию о кружке петрашевцев, вызвавшую “неистовые аплодисменты среди слушательниц”⁷⁹. Делянов, до которого донесли сведения, что Милюков будто бы читал не о петрашевцах, а о Пугачеве, решил, что “если бы содержание лекции было не тенденциозно, чтение не сопровождалось бы френетическими аплодисментами”⁸⁰. 24 февраля Милюков намеревался выступить там же с новой лекцией “Об общественном движении при Александре I”⁸¹, но в тот же день ему было объявлено распоряжение министра внутренних дел о его высылке с запрещением проживания в столицах и столичных губерниях, университетских городах, а также Твери и Нижнем Новгороде. Аналогичная мера была применена и к Безобразову, высланному 22 февраля в Тулу, Милюков же 26 февраля отправился в Рязань. Виноградов, по свидетельству Корелина, “проектировал письмо” в поддержку Милюкова, “но провалился”⁸².

Конфликт, возникший в Историческом обществе при его основании, следовавшие затем события разделили даты его основания (9 марта 1894 г.) и официального открытия – 29 января 1895 г. На состоявшемся в этот день заседании Герье выступил с рефератом “О значении исторической науки”⁸³, были доизбраны шесть членов Комитета Общества (А.Н. Шварц, М.К. Любавский, С.Н. Трубецкой, В.Н. Беркут, М.С. Соловьев, В.Е. Якушкин) дополнительно к избранным в предыдущем году⁸⁴. В тот же день проходило заседание Комитета, на котором были избраны два товарища председателя (Виноградов и Ключевский), казначей

⁷³ Виппер писал Герье 22 декабря 1894 г.: “Вы знаете, что сюда выписывают Безобразова: это – желанье попечителя, который думает, что в Одессе, по ее близости к Царьграду, должен сидеть непременно византилист” (ОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 118. Л. 13–13об.)

⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4683. Л. 4–4об.

⁷⁵ Там же. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 47–47об.

⁷⁶ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4683. Л. 4–4об.

⁷⁷ Там же. Д. 4685. Л. 1–1об.

⁷⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 117–118.

⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4685. Л. 9–9об.

⁸⁰ Там же. Л. 14об.

⁸¹ Там же. Л. 9об.

⁸² Там же. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 48об.

⁸³ См.: Герье В.И. Новое общество истории при Московском университете // Вестн. Европы. 1895. № 4. С. 433–446.

⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 70. К. 69. Д. 8. Л. 27.

(Трубецкой), секретарь (Якушкин) и библиотекарь (Соловьев)⁸⁵. Герье не допустил участия в Историческом обществе В.А. Гольцева⁸⁶ и С.А. Муромцева⁸⁷, известных своими либеральными взглядами. Корелин объяснял это желанием Герье реабилитироваться в глазах начальства за участие в событиях 1894–1895 гг.⁸⁸

Основной формой деятельности Исторического общества с самого ее начала стали закрытые и публичные заседания. О некоторых выступлениях сохранились записи Корелина. Сам он выступал на заседании, посвященном памяти А.М. Иванцова-Платонова (5 марта 1895 г.), с рефератом “Отношение А.М. Иванцова-Платонова к науке”⁸⁹, другой реферат “А.М. Иванцов-Платонов как ученый” подготовил С.Н. Трубецкой. 4 октября 1895 г. Ключевский читал “превосходные воспоминания о Соловьеве, а Якушкин – довольно бестактный реферат о Грановском по чужим воспоминаниям”⁹⁰. 5 ноября того же года заслушивался реферат К.Н. Успенского “Афинские навкрары и навкрарии” – “довольно дельный, более по приемам, чем по результатам”⁹¹, в январе 1896 г. – “посредственный реферат Виппера”⁹², называвшийся “Политические идеи французских публицистов в эпоху религиозных войн”, 11 февраля того же года – “скучный” реферат С.С. Слуцкого⁹³ «Об “Афинской политике” и о тексте 30-ой главы ее»⁹⁴. Примечательным событием стало выступление 23 февраля 1896 г. Кареева с рефератом, составленным по его книге “Старые и новые этюды об экономическом материализме” (СПб., 1896 г.). Вопреки обыкновению было устроено не закрытое, а публичное заседание. На нем произошла схватка легальных марксистов и народников⁹⁵. По свидетельству Корелина, выступавший “был освистан многочисленной толпой”, собравшейся на его реферат “против экономического материализма”. “Это направление, – писал Корелин, – наплодили у нас с одной стороны Чупров⁹⁶ и земские статистики, с другой – Виноградов, Милюков и, отчасти, Ключевский”⁹⁷. Поглощенность делами “не дает чувствовать кислятины нашего общественного бытия”, – признавался Кареев в одном из писем. «Неужели надвигающееся XX столетие будет веком “экономического материализма”, под которым я здесь разумею не одну историческую теорию, а целую формулу жизни, одинаково приятную и скотам, и людям»⁹⁸. 7 апреля 1896 г. был прочитан “скучный и бездарный” реферат И.К. Линдемана⁹⁹ “Отношение Рубино и Моммзена к гипотезе Нибура о происхождении патрициев и плебеев”.

⁸⁵ Там же. Л. 29.

⁸⁶ Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – публицист и общественный деятель, участник земского движения, приват-доцент Московского университета (с 1906 г.).

⁸⁷ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, публицист, профессор Московского университета (1877–1884).

⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 57.

⁸⁹ Там же. Л. 49.

⁹⁰ Там же. Л. 56об. Имеются в виду рефераты Ключевского “С.М. Соловьев как преподаватель” и Якушкина “Памяти Т.Н. Грановского”.

⁹¹ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 57.

⁹² Там же. Л. 60об.

⁹³ Слуцкий Сергей Сергеевич (1861–1903) – историк, делопроизводитель МГАМИД (1895–1903), секретарь Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества (1898–1900).

⁹⁴ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 62.

⁹⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 195–196.

⁹⁶ Чупров Александр Иванович (1842–1908) – экономист, общественный деятель, профессор политической экономии Московского университета (1878–1899), член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1887 г.).

⁹⁷ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 62.

⁹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 109. Л. 1. Письмо к Корелину от 15 ноября 1893 г.

⁹⁹ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 64об.

Среди главных учредителей Исторического общества при Московском университете был упомянут Ключевский. Приняв, на первых порах, участие в его деятельности, затем он, по-видимому, самоустранился. Одной из возможных причин этого были трения, возникшие между ним, с одной стороны, Виноградовым и Герье – с другой. Упоминание о них встречаем в дневниковых записях Корелина. Совет Университета предложил Ключевскому организовать “Комиссию для составления программы собирания материалов по истории Московского университета” за последние 50 лет (запись от 12 октября 1896 г.), «и эта честь страшно возмутила Виноградова, который не сумел сдержаться себя и заявил, что это дело редакции. “Ему, – писал Корелин, – удалось втереть очки и Герье; но Ключевский поступил очень благородно: он представил дело так, что он только посредник между Советом и профессорами, и пригласил в Комиссию всех историков, причем, Герье и Виноградов согласились. Таким образом, Комиссия организовалась. Между тем, на Ключевского идет травля по всей линии “милюковцев”»¹⁰⁰.

К традиционному различию московской и петербургской школ историков добавлялись противоречия внутри каждого из этих научных сообществ, во многом влияющие на судьбу разного рода начинаний. Историческое общество при Московском университете, рождение которого сопровождалось скандалом, тем не менее просуществовало (хотя и с длительным перерывом в своей деятельности) до декабря 1923 г.¹⁰¹

ПРИЛОЖЕНИЕ

М.С. Корелин–Н.И. Карееву

21 марта [1894 г.]

Давно собираюсь писать Вам, дорогой Николай Иванович, да все разные срочные и спешные дела, а нужного или интересного материала для письма не было. Но на днях мы открывали Историческое общество и с большими шероховатостями, о которых скоро заговорят, если уже не заговорили в Петербурге. Расскажу по порядку. Устав нашего Общества требует Комитета из 10 человек, кроме председателя, и этот Комитет вначале должен быть избран учредителями, так как новые члены сначала принимаются Комитетом. Но так как все учредители – университетские преподаватели, а Герье, почти единогласно выбранный в председатели, желал ввести в Комитет нескольких учителей, то сначала было выбрано только 6 (Ключевский, Виноградов, Виппер, Михайловский, Милюков и я), чтобы остальных избрать по принятии новых членов. Тогда Виноградов представил список своего кружка (35 человек), а Герье – почти всех подписавшихся под его юбилейным адресом. На первом же заседании Комитета и произошел крах. Герье предложил наметить будущих членов Комитета и настаивал, чтобы в его состав вошли непременно Шварц¹⁰² и Якушкин, а для этого выбрать на первом заседании только намеченных в Комитет кандидатов. Я поддерживал это предложение, потому что, приняв сразу более 100 новых членов, мы не можем поручиться, какой будет состав Комитета. Против были Павлы, так как они, по-видимому, обязались провести свой кружок целиком и в первом же заседании. Виноградов это и предложил. Герье, сделав свое предложение в форме просьбы, сразу же обиделся при возражениях, а когда Милюков сказал, что их список следует принять целиком, а из герьевского взять нескольких, то обратился к нему со словами: “Вы забываете, где Вы и с

¹⁰⁰ Там же. Л. 73–73об.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. А-2307 (Глазнаука). Оп. 8. Д. 271. Л. 7–7об.

¹⁰² Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог, директор Константиновского межевого института (1897–1900), попечитель Рижского, Варшавского и Московского учебных округов (1900–1905), министр народного просвещения (1908–1910).

кем Вы говорите”. Милюков встал и тотчас ушел, не простившись, а из передней крикнул, что слагает с себя звание члена Общества. Возникла сцена высокого комизма. После нескольких минут молчания, Герье спросил Виппера, не хочет ли он еще чаю? Виноградов страшно перетрусил и продолжает трусить. Действительно, его положение преотвратительное. Если Общество не состоится – скандал; если Герье уйдет – скандал; если Милюков взбунтует кружок и его члены не пожелают войти в Общество – опять скандал. Кара достойная. По удалении Милюкова, решили пустить на баллотировку в ближайшем заседании оба списка. Что выйдет, сообщу.

Об Италии писать не буду; оттиск из “Мира Божия” вышлю.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Корелин

ОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). К. 16. Д. 35–44. Л. 7–8.

А.В. Макушин, П.А. Трибунский

**ИЗДАНИЕ П.Н. МИЛЮКОВЫМ
“ДРЕВНЕЙШЕЙ РАЗРЯДНОЙ КНИГИ ОФИЦИАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ”
И “ТЕТРАДИ ДВОРОВОЙ”**

Археографическая деятельность Павла Николаевича Милюкова (1859–1943) пока не становилась предметом специального изучения. Между тем в начале XX в. им были подготовлены к печати и изданы два ценных источника по русской истории XV–XVI вв. – “Древнейшая разрядная книга официальной редакции”¹ и “Тетрадь дворовая”². В данной статье рассматривается история публикации этих памятников Милюковым.

В годы обучения в Московском университете у П.Н. Милюкова под влиянием В.О. Ключевского сформировался устойчивый интерес к изучению социальной истории. По окончании университета Милюков представил сочинение о видах землевладения в Московском государстве XVI в. для получения кандидатской степени³. Темой его магистерской диссертации должна была стать история служилого сословия, изучение которой предполагалось построить преимущественно на неопубликованных материалах. Работу над диссертацией он начал с изучения писцовых и разрядных книг, но сразу же почувствовал пробел в критике этих источников в имеющейся исторической литературе⁴.

Результаты своих архивных разысканий о разрядных книгах Милюков положил в основу пробной лекции, которую необходимо было прочесть для получения права преподавать в Московском университете в качестве приват-доцента. Чтение было признано “весьма удовлетворительным”⁵.

В мемуарах Милюков утверждает, что в лекции он постарался осветить происхождение и степень достоверности “Древнейшей разрядной книги”. В МГАМИД ему удалось найти “правительственный текст”, и он смог “доказать его официальное происхождение”. Милюков указывает, что лекция о разрядной книге тогда же была опубликована⁶.

Крайне сомнительно, чтобы за три неполных недели архивной работы Милюкову удалось доказать официальный характер указанного им текста. Скорее всего, в лекции он изложил лишь самые предварительные результаты своих архивных изысканий по вопросу о происхождении и степени достоверности разрядных книг. Зато в ходе дальнейшей работы Милюков собрал достаточно данных в

¹ Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) / Изданная под наблюдением д. чл. П.Н. Милюкова // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 1. Отд. I. С. I–VIII, 1–268; Кн. 2. Отд. I. С. 269–314; Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) / Изд-е имп. О-ва истории и древностей российских при Московском ун-те; Печатано под наблюдением д. чл. П.Н. Милюкова. М., 1901. VIII, 314 с.

² Тетрадь дворовая // Записки РАО. Новая серия. СПб., 1901 / Тр. отд. слав. и рус. археологии. Кн. 5; Т. XII, вып. 1, 2. С. [1], 1–54; Тетрадь дворовая / Печатано по распоряжению имп. Русского археологического о-ва. СПб., 1902 [1], 54 с.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 680. Л. 22об., 23; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 52. Д. 144. Л. 2, 3; Оп. 291. Д. 239. Л. 19; Оп. 296. Д. 1. Л. 118, 137–138; Оп. 476. Д. 9. Л. 45.

⁴ АРАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 474. Л. 2; РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3743. Л. 3, 4.

⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 13. Л. 4; Д. 201. Л. 1, 2.

⁶ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 148.

пользу официального происхождения ранее выявленных списков разрядной книги. Таким образом статья “Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги” (1887)⁷, в которой обобщались результаты его исследований, не была печатным аналогом лекции.

Милюков разделил редакции разрядных книг по происхождению на три вида: официальные, частные и компилятивные. Исходя из выработанной схемы, он выступил против издания сводного текста разрядов за первую половину XVI в., настаивал на первоочередности издания официального текста, за которым должна была последовать публикация независимых частных редакций. В качестве дополнения к официальному тексту необходимо было привлечь компилятивные редакции, “которые ни в каком случае не должны быть вводимы в самый официальный текст, если мы не хотим повторить ошибки компиляторов конца XVI и XVII века”⁸.

Перу П.Н. Милюкова принадлежит ряд работ, посвященных разрядным книгам⁹. Помимо этого, разрядные книги разбирались Милюковым в 1890/91 академическом году, в университетском курсе “Обзор источников русской истории XVI и XVII вв.” и, по сообщению “Исторического обозрения”, “желающим были предложены работы по летописям московского периода и по разрядной книге XVI в.”¹⁰

Став действительным членом ОИДР (19 октября 1887 г.), Милюков в 1888 (1889?) г. увлек руководство Общества идеей издать официальную редакцию разрядной книги. Работа началась в 1889 г. под наблюдением Милюкова. За год было напечатано 5 полулистов, в следующем году – 19 полулистов. Как писал Милюков в марте 1890 г. С.Ф. Платонову, он “спешил допечатывать” памятник, но не успел – отвлекла работа над текстом диссертации. В результате этого в 1891–1892 гг. не было набрано ни одного полулиста. В 1893 г. работа возобновилась и был напечатан 1 полулист, в 1894 г. – еще 3. К 1895 г. в типографии имелось 9 ненабранных писарских листов разрядной, заканчивавшихся 7072 г.¹¹

Печатание затянулось до увольнения Милюкова из университета, в феврале 1895 г. он был выслан из Москвы в Рязань. Лишь благодаря этому событию его имя вновь появилось в протоколах Общества. На заседании 18 марта 1895 г. было зачитано письмо Милюкова к члену Общества В.А. Ульяницкому (Уляницкому) с просьбой исходатайствовать у ОИДР разрешение переслать ему в Рязань две рукописи разрядных книг, принадлежащие Академии наук. В свое время они были выписаны Обществом для издания “Древнейшей разрядной книги официальной редакции” и находились на квартире Милюкова. Высланный историк, имея свободное время, мог закончить издание.

Но Общество не нашло возможным послать рукописи и поручило Ульяницкому уведомить об этом Милюкова, а также узнать у историка, “Какими средствами могло бы быть доведено до конца издание Разрядной книги”. На следующем заседании, 24 апреля, Ульяницкий сообщил, что Милюков согласен на то, чтобы

⁷ Милюков П.Н. Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 2. Отд. IV. С. 1–20. Публикация статьи Милюкова в “Чтениях” ОИДР состоялась, вероятно, благодаря секретарю Общества Е.В. Барсову, с которым первый познакомился в ходе своих исследований разрядных книг.

⁸ Милюков П.Н. Официальные и частные редакции... С. 19–20.

⁹ Милюков П.Н. К вопросу о составлении разрядных книг // ЖМНП. 1889. № 5. С. 165–194; *Он же*. Источники русской истории и русская историография // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1899. Т. XXVIII, полумтом 55. С. 433.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3395. Л. 2, 3а, 17; Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете имп. Московского университета на академический 1890–91 год. [М., 1890]. С. 11; Историческая наука в Московском университете в 1890 г. // Историческое обозрение. 1891. Т. 3. С. 193.

¹¹ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 912–916. Л. 1 об.; ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 30. Л. 118; ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3549. Л. 3.

сверка набора разрядной книги с рукописными оригиналами была произведена кем-либо из членов Общества. Взять на себя этот труд согласился Ульяницкий¹².

В апреле 1895 г. Милюкову были отправлены гранки, а в июне – копия одного листа разрядной книги “для подведения вариантов”. Но в течение года Милюков ничего не прислал ни в типографию, ни в ОИДР. Такое положение не устраивало Общество, и в январе 1896 г. секретарь ОИДР С.А. Белокуров попросил П.Н. Милюкова сообщить, когда тот сможет закончить правку гранок и выслать их. Белокуров прямо спрашивал Милюкова – собирается ли он продолжать печатание разрядной книги, дабы в случае его отказа ОИДР могло предпринять необходимые меры к окончанию работ. Допечатывать, видимо, оставалось немного, так как в апреле 1896 г. С.Ф. Платонов указывал в обзоре трудов П.Н. Милюкова, что “Древнейшая разрядная книга” уже отпечатана, но еще не издана¹³.

Вероятно, после своего январского письма Белокуров предложил Милюкову помочь с корректурой, но последний в ноябре 1896 г. отказался от этой помощи, сославшись на сложность работ. В свою очередь, Милюков предостерегал ОИДР от высылки гранок маленькими партиями, ибо в таком случае он не мог поручиться “за скорое окончание печатания”¹⁴.

Работу над корректурой Милюков продолжил в Софии, куда был приглашен на кафедру всеобщей истории Высшего училища (1897–1898), но продвигалось оно медленно вследствие занятости в училище. В январе 1898 г., после того, как Милюков получил отпуск в училище, он оптимистически сообщил в ОИДР о своем намерении в скором времени закончить печатание разрядной. (Правда, работа на некоторое время остановилась из-за потери Милюковым нескольких гранок.) Ученый планировал не просто издать текст памятника, но составить предисловие, описание использованных рукописей и указатели. Последние Милюков начал составлять еще в России, но закончить не успел. Из письма Милюкова Белокурову (весна 1897 г.) видно, что ОИДР вначале было против составления любых указателей, но, в конце концов, на заседании 24 января 1898 г. было решено поручить работы по окончанию указателей С.К. Богоявленскому, которому за это Общество решило заплатить 100 руб.¹⁵

Видимо, к декабрю 1899 г. текст разрядной книги был отпечатан. Тогда же Белокуров попросил вернувшегося в Россию из Болгарии Милюкова срочно составить предисловие и выслать в ОИДР. В ответном письме Милюков поставил написание предисловия в прямую зависимость от составления указателей. Возможно, он еще надеялся разобрать в предисловии памятник и указать его значение и место среди источников по истории России XV–XVI вв.

В письме от 17 декабря 1899 г. Белокуров сообщил, что Богоявленский еще не приступил к работе, так как не получил начала милюковского указателя, “которым он должен руководствоваться”. Белокуров писал, что ОИДР хочет немедленно издать разрядную книгу, а указатель будет напечатан позже. В ответном письме от 19 декабря 1899 г. на имя председателя Общества В.О. Ключевского П.Н. Милюков сообщил, что в предисловии он собирался дать “некоторую обработку материала”, чего нельзя сделать до того, как будет напечатан указатель. Милюков считал недопустимым издание разрядной книги без указателей, почему и отказывался писать предисловие. Он просил ускорить составление именного и

¹² ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 30. Л. 119–120, 126, 247 об.–248; Протоколы заседаний имп. Общества истории и древностей российских // ЧОИДР. М., 1896. Кн. 4. Отд. IV. С. 19, 23.

¹³ ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 31. Л. 26–26 об.; РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 229. Л. 18. Исследователи, нуждавшиеся в милюковской “разрядной”, могли получить оттиски задолго до ее выхода в свет. См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 28; *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве в XVI веке. СПб., 1897. С. 317.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 31. Л. 514.

¹⁵ Там же. Кн. 32. Л. 28–28а, 35об.–36; РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 669. Л. 1.

географического указателей по упрощенной, по сравнению с его первоначальными замыслами, схеме¹⁶. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют ответить на вопрос, в каком виде сам Милюков планировал подготовить вспомогательные указатели.

В конце концов, предисловие было написано С.А. Белокуровым, который указал принципы издания памятника, а также рукописи, привлекавшиеся для этого. Описание одного из списков разрядной книги, находившегося в Публичной библиотеке в Петербурге, предоставил А.Е. Пресняков. С.К. Богоявленский составил вспомогательный комбинированный указатель имен и географических названий. Сам Милюков дал лишь небольшое предисловие, в котором постарался объяснить причины задержки. Как писал Милюков, он собирался “присоединить к издаваемому тексту исследование самого содержания Древнейшей разрядной книги, а также ее отношения к летописным текстам московской эпохи”. Милюков долго не решался выпустить памятник без такого исследования, тогда как в силу обстоятельств у него на это просто не было времени. Именно поэтому историк “задержал издание в свет давно уже напечатанного текста далее, чем позволяло научное значение самого текста”¹⁷.

Ярким свидетельством того, что общественная деятельность все дальше уводила Милюкова от научной, служит предисловие к публикуемому памятнику. Оно датировано 6 июня 1901 г., а местом написания указан Санкт-Петербург. И то, и другое показывает, что Милюков писал предисловие в доме предварительного заключения, куда попал за участие в одном из нелегальных собраний в конце 1900 г.¹⁸

Памятник был опубликован в двух первых выпусках “Чтений” ОИДР за 1902 г. Отдельное издание “Древнейшей разрядной книги официальной редакции”, помещенное 1901 г., появилось в начале января 1902 г. тиражом 300 экземпляров¹⁹.

В основу публикации был положен Головинский список разрядной книги. Варианты к основному тексту давались Милюковым по шести спискам разрядных официальной редакции (Евреиневский, Кольчезский, Академические I–II, Орловский и Библиотечный II) из архивов и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга. (Современные названия списков указываются по классификации В.И. Буганова.) Те из вариантов, что, по мнению Милюкова, представляли бесспорно лучшее чтение, вносились в текст курсивом. Остальные варианты отмечались в подстрочных примечаниях, где иногда приводились доводы Милюкова в пользу того или иного чтения, а также данные летописей, разрядной книги, опубликованной Н.И. Новиковым в “Древней Российской Вивлиофике”, и других источников для сравнения. В некоторых подстрочных примечаниях Милюков давал значение слов по словарю В.И. Даля и полемизировал с Н.П. Лихачевым о разрядных книгах.

В дальнейшем исследование Милюковым разрядных книг получило признание специалистов. Публикация им “Древнейшей разрядной книги официальной редакции” имеет ряд таких достоинств, как введение в оборот наиболее ранних текстов, использование для издания семи списков, указание различий в примечаниях. Вместе с тем, исследователи отмечают относительную узость источниковой базы Милюкова, ошибки в передаче текста и различий, хаотичный характер отсылочного аппарата и т.д.²⁰ Справедливы также упреки, что из-за постепенной переориентации с науки на политику Милюков затянул публикацию па-

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 32. Л. 813об.–814об.; Кн. 33. Л. 41–42.

¹⁷ Милюков П.Н. [Предисловие] // Древнейшая разрядная книга... С. VIII.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 93. Л. 178, 300.

¹⁹ Список изданий, вышедших в России в 1902 году. СПб., 1903. С. 4.

²⁰ Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVI в. М., 1962. С. 15–17, 81–82, 133. Примеч. 119; Он же. Введение // Разрядная книга 1475–1598 г. / Подг. текста, ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 3.

мятника на 12 лет, и не смог подготовить добротное издание, сопроводив его необходимым исследованием.

Другую публикацию Милюкова ожидала не менее драматичная судьба. Летом 1892 г. Милюков обнаружил среди рукописного собрания Александровского женского монастыря “Список служивых людей Московского государства по городам средине XVI века (в списке конца XVII в.)” и “Тысячную книгу в списке конца XVII в.” Первый документ известен в литературе как “Тетрадь дворовая”. Описание списков “Тетради” и “Тысячной книги” из Александровского монастыря уже было опубликовано в 1885 г. архимандритом Леонидом (Л.А. Кавелиным)²¹, таким образом Милюков не был первооткрывателем. Скорее всего, Милюков не знал об этом описании памятников.

Тогда же, летом 1892 г., Милюков написал о своих находках Платонову, который высказал свою заинтересованность в публикации “Тетради дворовой”. К осени, по уверениям Милюкова, “Тетрадь” была подготовлена к печати.

Первоначально Милюков предложил опубликовать “Тетрадь дворовую” и “Тысячную книгу” ОИДР. Произошло это на заседании 24 апреля 1893 г., но публикации не вышли в свет в “Чтениях” Общества, несмотря на постановление собрания напечатать их²². Вероятно, причиной тому стал отход Милюкова от дел ОИДР.

Неудача с изданием памятников в ОИДР не разочаровала Милюкова. Выше упоминалось о заинтересованности Платонова в публикации “Тетради дворовой”. Видимо, во второй половине 1893 г. между историками была достигнута некая договоренность относительно издания этого источника в Санкт-Петербурге. От председателя Отделения славянской и русской археологии РАО Платонова во многом зависело, труды каких членов Общества будут помещены в “Записках” РАО. Милюков состоял членом-сотрудником РАО с 30 декабря 1892 г.

В ходе работ Милюков к уже имевшемуся списку “Тетради” из Александровского монастыря добавил список из собрания графа А.С. Уварова. Милюков предполагал завершить работу над подготовкой памятника к изданию к весне 1894 г. Той же весной он планировал приехать в Петербург, и если заседание отделения совпало бы с его пребыванием, он намеревался сделать доклад. Зная о приезде Милюкова, Платонов, видимо, назначил очередное заседание к его прибытию.

На заседании Отделения славянской и русской археологии РАО 26 апреля 1894 г. Милюков сделал сообщение “К вопросу о составе служилого класса в Московском государстве XVI в.”, основанное на “Тетради дворовой”. От доклада ожидали много интересного, поэтому С.Ф. Платонов специально пригласил на заседание А.Е. Преснякова²³.

Вероятно, в свой весенний приезд в Санкт-Петербург П.Н. Милюков привез рукопись “Тетради дворовой” и рассчитывал выправить корректуру весной или летом 1894 г., но редактор “Записок” РАО В.Г. Дружинин задержал доставку, и историк получил ее лишь осенью 1894 г. Занятый срочными делами (в особенно-

²¹ А.Л. [Архимандрит Леонид (Л.А. Кавелин)]. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губ.). Статья 2-я // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1885. Вып. II. С. 48.

²² АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 76; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 72об.; ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 28. Л. 235, 276–276об.; ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 11; Протоколы заседаний имп. Общества истории и древностей российских // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 1. Отд. IV. С. 45.

²³ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 100, 106а об.; СПб. ФИРИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 38. Л. 230; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4278. Л. 1; РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 348. Л. 1–1об.; Д. 737. Л. 1; Протоколы заседаний имп. Русского археологического общества. 1894 г. // Записки РАО. Новая серия. СПб., 1896. Т. VIII, вып. 1–2. С. XXXV, XXXVI; Русское археологическое общество в 1894 г. // ЖМНП. 1895. № 7. С. 3.

сти, в Комиссии по организации домашнего чтения) Милюков откладывал правку корректуры, пока терпение редакции “Записок” не истощилось. Когда Платонов стал торопить москвича, последний письмом от 9 февраля 1895 г. ответил, что правку корректуры почти закончил, но если очередной выпуск “Записок” немедленно выйдет в свет, то он не успевает подготовить к публикации другой памятник – “Тысячную книгу”, которая должна быть издана вместе с “Тетрадью”. Милюков предполагал окончить подготовку “Тысячной книги” для печати “не раньше Пасхи” (2 апреля); указатель имен к обоим памятникам на тот момент уже был им составлен. Помимо этого, Милюков надеялся опубликовать исправления и сличение списков, а также вводную статью. Если задержка с высылкой корректур делала невозможным выход “Записок”, Милюков предлагал ссыпать набор за его счет. Московский историк считал, что издание сможет состояться в одном из следующих выпусков²⁴.

Вскоре последовала высылка Милюкова из Москвы в Рязань, прервавшая подготовку публикации. Накануне отъезда он попросил графиню П.С. Уварову, благоволившую к историку, выслать на его имя или на адрес какой-нибудь организации рукопись № 812 из собрания графа А.С. Уварова для подготовки к печати “Тысячной книги”. В начале июня 1895 г. на адрес Рязанской ученой архивной комиссии была отправлена указанная рукопись. Неизвестно, получил ли он ее сразу на руки или после того, как на заседании 6 сентября 1895 г. было объявлено о присылке рукописи²⁵. Подготовку “Тысячной книги” к печати Милюков продолжил в Рязани, но крайне медленным темпом.

6 февраля 1897 г., накануне отъезда в Софию, Милюков выслал корректуру “Тетради” Платонову. Первый не сомневался, что набор уже ссыпан, и предлагал Платонову “риснуть еще раз”, отдав ее в набор вместе с прилагавшейся “Тысячной книгой” и параллельным указателем имен. К этому времени текст “Тысячной книги” был сверен Милюковым по четырем спискам. В основу был положен список “Тысячной книги” из собрания Александровского монастыря. Сейчас (под названием Епархиальный) он находится в ОР ГИМ. Варианты к тексту “книги” давались по трем спискам. Два в свое время были напечатаны – Академический (“Древняя Российская Вивлиофика”) и Академический по копии В.А. Преображенского (“Временник МОИДР”), один – Уваровский – опубликован не был. Современные названия списков даются по классификации А.А. Зимина, приведенной в археографическом предисловии к публикации “Тысячной книги” (М.; Л., 1950).

Написать предисловие Милюков собирался к готовому изданию. Он предполагал держать корректуру, будучи в Софии. Первую порцию он просил выслать летом, когда закончится семестр, – “раньше мне дохнуть будет некогда”. Письмо к Платонову Милюков завершил следующим образом: “Если все это не подойдет, без церемоний отошлите рукопись назад”²⁶. Платонов не терял надежды издать оба памятника, почему и отдал распоряжение о новом наборе.

В конце сентября 1897 г. Милюкову в Софию была выслана корректура “Тетради дворовой”. Но он не решился править корректуру без оригинала, полагаясь на корректора. При этом Милюков попросил выслать указатель с оригиналом, так как данная часть рукописи набиралась в первый раз. Работа над публикацией продолжалась и в Софии, хотя ее темп явно не удовлетворял редакцию “Записок”. Но Платонов все же надеялся, что Милюков сможет довести публикацию до конца. Надежда Платонова окрепла после увольнения Милюкова из Высшего

²⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 28, 33; РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 348. Л. 2.

²⁵ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 29. Л. 194; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 558. Л. 843об., 846, 849; Протоколы заседаний архивной комиссии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1895. Рязань, 1896. Т. X, вып. 3. С. XXI. В феврале 1897 г. комиссия вернула рукопись П.С. Уваровой. См.: ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 42. Л. 26.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 37–37об.

училища в июле 1898 г., когда последний стал собираться в Россию. Но, видимо, получив сообщение, что Милюков в 1898 г. не приедет в Россию, Платонов 15 октября приказал ссыпать набор “Тетради”²⁷. После переезда в Петербург в 1899 г. Милюков начал правку корректуры “Тетради” заново.

Вскоре была готова и корректура “Тысячной книги”. Работа шла медленно. Трудно сказать, насколько была виновата в этом редакция “Записок”, со стороны же Милюкова задержки продолжались. 11 декабря 1899 г. он извещал Платонова о том, что корректура придет позже на несколько дней в связи с редакторской работой в “Мире Божьем”; 11 марта 1900 г. – о задержке дней на десять в связи с необходимостью “разделаться” с очередной порцией “Очерков по истории русской культуры” для журнальной публикации²⁸. Платонов терпеливо ждал. Но после ареста Милюкова в начале 1901 г. для него стало совершенно ясно, что дальнейшее затягивание публикации бессмысленно. Несмотря на то, что Милюков послал последнюю корректуру из дома предварительного заключения прямо в типографию, Платонов приказал 12 марта 1901 г. ссыпать набор “Тысячной книги” и указателя имен. Корректурные листы памятника сохранились в личном фонде С.Ф. Платонова²⁹.

В конце лета–начале осени 1901 г. Платонов, вероятно, предложил Милюкову издать “Тетрадь дворовую” в ближайшем выпуске “Записок” отдельно, отложив публикацию “Тысячной книги” до следующего выпуска. При этом о судьбе набора “Тысячной книги” он ничего не сообщил Милюкову. Последний в сентябре 1901 г. из Удельной, где тогда находился после запрета проживать в столице, послал Платонову три письма, которые повествуют о финале этой истории. В первом из них, написанном в начале сентября, очевидно, что в ответ на запрос Платонова, Милюков настаивал на одновременной публикации двух памятников, для чего был готов отложить их печатание до следующего выпуска. Милюков мотивировал это тем, что “значительная часть интереса моей публикации заключается в сопоставлении обоих памятников и в сопровождающем их указателе как результате такого сопоставления”. Сообщив о том, что последняя корректура была отослана им из дома предварительного заключения прямо в типографию еще ранней весной 1901 г., Милюков снимал с себя часть вины за задержку издания. При этом он предлагал в ближайшее время просмотреть и отослать для набора оставшуюся часть текста, так как у него было теперь много свободного времени.

Во втором письме от 19 сентября Милюков настаивал на том, чтобы “печатание было немедленно доведено до конца”. В ответ на второе письмо Платонов сообщил о некоторых не известных Милюкову деталях. В последнем письме Платонову от 24 сентября Милюков написал, что о фактической приостановке издания он узнал только из послания Платонова, который лично отложил публикацию до следующего тома. “При этом положении дела мне остается примириться с совершившимся фактом”³⁰, – заключил Милюков.

Вместе с последним письмом Платонову было выслано предисловие к “Тетради дворовой”, где Милюков обещал, что в следующем томе “Записок” будут помещены текст “Тысячной книги”, параллельный указатель имен для обоих памятников, отмечены использованные для издания рукописи и значение издаваемых источников. Фактически, Милюков этим предисловием как бы устранялся от ответственности за продолжение публикации и возлагал ее на редакцию. Он подчеркивал, что передал текст “Тысячной книги” и указатель в распоряжение РАО. Платонов самым фактом публикации этого предисловия как бы принимал на себя обязательство завершить публикацию. Но уже в тот момент он внес в текст

²⁷ Там же. Л. 41; Д. 7041. Л. 1; СПб. ФА РАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 96. Л. 59.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 42–43.

²⁹ Там же. Д. 7043. Л. 1–36.

³⁰ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 996. Л. 1, 4–7.

милюковского предисловия важное изменение. Милюков писал о продолжении публикации в “следующем томе” “Записок” РАО; Платонов исправил – “в одном из следующих томов”³¹. В основу публикации “Тетради дворовой” был положен ныне не сохранившийся список из собрания Александровского женского монастыря. Варианты к основному тексту давались по Уваровскому и Толстовскому спискам. (Современные названия списков даются по классификации А.А. Зимина.)

Обещанной публикации “Тысячной книги” так и не последовало, о чем не раз высказывали сожаление историки³².

В 1901 г. “Тетрадь” была опубликована в “Записках” РАО, а в конце января 1902 г. вышла отдельным изданием (тираж 100 экземпляров)³³.

Три последних письма Милюкова Платонову проливают свет на причины того, почему публикация задержалась и не была окончена, и являются ответом на недоумение со стороны С.Б. Веселовского, отмечавшего, что «“Тетрадь дворовая” в том виде, в каком ее издал Милюков, была совершенно не доступна историкам. Без введения, в котором были бы освещены происхождение и значение памятника, без указателя и без восстановления правильной последовательности листов, перепутанных в уваровском списке, “Тетрадь дворовая” осталась не замеченной и не использованной историками»³⁴.

Результатом археографической деятельности П.Н. Милюкова в конце XIX – начале XX в. стала публикация двух ценных источников по истории средневековой России – “Древнейшей разрядной книги официальной редакции” и “Тетради дворовой”. Планам Милюкова, собиравшегося подготовить добротные издания с приложением исследований самих памятников, не суждено было сбыться. Его постепенное отдаление от науки в пользу политической деятельности привело к тому, что обе публикации затянулись, а их качество сильно пострадало.

³¹ Там же. Л. 5; Милюков П.Н. [Предисловие] // Тетрадь дворовая. [С. 1].

³² См., например: Лихачев Н.П., Мятлев Н.В. Тысячная книга 7059–1550 года. Орел, 1911. С. VII; Мятлев Н.В. Тысячники и Московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С. 3–4.

³³ Список изданий, вышедших в России в 1902 году. СПб., 1903. С. 40–41.

³⁴ Веселовский С.Б. Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // ИЗ. 1945. Т. 15. С. 63. См. также: Зимин А.А. Предисловие // Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 11–12.

В.А. Захаров

**В.А. РОМАНОВСКИЙ – АРХИВОВЕД И ИСТОРИК
(1890–1971)**

Виктор Александрович Романовский родился в 1890 г. в старинном украинском г. Глухове. Он происходил из старого шляхетского рода Романовских. Его далекий предок получил потомственное дворянство от польского короля Владислава II Ягайло после Грюнвальдской битвы и крошечное село, в котором было несколько крепостных. Тогда же был утвержден и герб рода Романовских. Однако уже в XVI в. Романовские потеряли село и крепостных, а ко времени рождения Виктора его отец был мелким служащим земской управы.

В 1909 г. В.А. Романовский закончил в Глухове гимназию и записался в Киевский университет св. Владимира, на медицинский факультет. Но посещение лекций по русской истории профессора М.В. Довнар-Запольского, которые, как и многие другие, были тогда свободно открыты для всех студентов университета, настолько поразили и увлекли его, что он вскоре перешел на исторический факультет.

Увлечение историей Левобережной Украины, регулярные занятия под руководством М.В. Довнар-Запольского, привели молодого историка в архив, где он изо дня в день занимался изучением так называемой Румянцевской описи Малороссии. Проведенная в 1765–1769 гг. перепись населения на части Левобережной Украины по приказу президента Малороссийской коллегии и генерал-губернатора Малороссии П.А. Румянцева-Задунайского, позволила правительству Екатерины II значительно увеличить поступление податей в государственную казну. Румянцевская опись содержала чрезвычайно ценный материал по 3,5 тыс. населенных пунктов Украины. Эти переписные листы послужили источником для изучения социально-экономических отношений на Украине во второй половине XVII – начале XVIII в.

Романовский был первым, кто после Д.И. Багалая занялся этой малоразработанной темой. Его первая публикация – рецензия на статью “Козаки Полтавского полка по материалам Румянцевской описи” из “Сборника Статистического бюро Полтавского губернского земства” – увидела свет в журнале “Україна” в 1914 г. Рецензия показала основательность знаний молодого ученого, его способность критически подходить к публикации не только документов, но и обобщающих исследований.

В.А. всегда говорил своим ученикам о том, что надо начинать не с научной статьи, а с рецензии, вспоминая, что его учитель М.В. Довнар-Запольский также учил своих учеников, да и сам Романовский никогда не стеснялся писать рецензии. Их появление ученый считал обязательным начальным этапом научной работы, поскольку в рецензии сразу же проявляется способность молодого исследователя к анализу, это, одновременно, и возможность показать свою эрудицию в данной области.

В 1914 г. в сборнике историко-этнографического кружка выходит первая статья Романовского “Хозяйство монастырских крестьян Любецкой сотни в 1767 году” – результат изучения “Румянцевской описи”.

С первых лет обучения в Киевском университете Романовский сближается с Н.К. Зеровым и С.И. Масловым. Три студенческих года вместе с ними Романовский снимал небольшую квартиру в саманной хатке на Подоле. Весной,

как рассказывал потом Романовский, они открывали утром маленькие оконца и занимались физкультурой. Это было новым веянием. Прохожие останавливались и с удивлением наблюдали за молодыми людьми. Однажды они услышали такой разговор между “зрителями”. Один крестьянин спрашивал у своего товарища: “А шо вони робят?” На что другой отвечал: “Та це вони так моляться. Віра у ніх така!”

Однако серьезные занятия в архиве заставили Романовского разъехаться с друзьями, хотя добрые отношения оставались на долгие годы. Была и еще одна причина. Романовский всерьез стал ухаживать за слушательницей Высших женских курсов Леночкой Карпинской, которая вскоре стала его женой. И все же занятия в архиве были на первом месте. Юношеские увлечения друзей, студенческая жизнь, подготовка к экзаменам – все это нашло отражение в стихах Зерова. В одном из них он так шутливо-поэтически изобразил работу своего друга над Румянцевской описью Малороссии:

Из-за Елены пала Троя, погибли Гектор и Ахилл,
И Одиссей, гоним судьбою, лет десять по морю бродил.
И ты, недаром ты – Елена! Жизнь за тебя я положу,
Но за Румянцевской смиренно, увы, лет десять просижу...

В 1914 г. Романовский пишет университетское сочинение по истории Черниговщины XVII–XVIII вв., за которое ему была присуждена золотая медаль. В том же году он закончил обучение и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории (в то время так называлась аспирантура).

Уже в те годы Романовский проявил себя большим специалистом по истории Украины, в ноябре 1914 г. его назначают помощником директора Центрального архива древних актов в Киеве (далее – ЦАДАК). Работа над документами XVI–XVII вв. позволила расширить круг знаний молодого ученого. Он становится знатоком источников по истории Украины, Литвы и Польши. Вместе с Н.П. Василенко В.А. Романовский готовит сборник магдебургских грамот левобережным городам Украины. Для этих целей была использована литовская метрика, документы других архивов, разысканы целый ряд новых, неизвестных грамот, данных городам Переяславу, Стародубу, Мглину, Почепу, Пирятину, Кролевицу, Глухову и др. Десять печатных листов из 35 были уже набраны, а один даже напечатан, однако в 1915 г. работу пришлось прервать в связи с событиями первой мировой войны и эвакуацией Киевского университета в Саратов.

Вернувшись в Киев в 1916 г., Романовский оставляет работу над этим изданием в связи с подготовкой к магистерским экзаменам. Программа экзаменов, утвержденная историко-филологическим факультетом университета, включала необходимость серьезнейших знаний вопросов социально-экономической истории Древней Руси, Русского государства XVI–XVII вв., истории Великого княжества Литовского.

Подготовка к экзаменам была закончена лишь к началу 1917 г. Но еще раньше, в 1916 г., Романовский Советом профессоров Высших женских курсов в Киеве был приглашен на преподавательскую работу. До 1919 г. он читал лекции по историографии, вел практические (семинарские) занятия по летописям, “Русской Правде”, Литовскому статуту, уставным грамотам Великого княжества Литовского, а с 1917 г. преподавал историю Украины.

С открытием в 1918 г. Археографического института в Киеве, Романовский избирается доцентом, а затем профессором и ведет в институте курс древнего периода русской истории, истории Великого княжества Литовского, истории Польши, русских древностей. Читает лекции по архивоведению, археографии и источниковедению.

В 1919 г. Романовский избирается в Академию наук Украины на должность редактора историко-биографического словаря, а в январе 1921 г. назначается на должность директора ЦАДАК. В этой должности он пребывает 10 лет, ведя огромную археографическую работу, по сути, создавая советскую археографию.

В 1927 г. в Харькове выходит книга Романовского “Нариси з архівознавства” (“Очерки архивоведения”) – первое на Украине учебное пособие по архивоведению. В нем были изложены теоретические сведения об архивоведении как науке, об архивном деле в России и в странах Западной Европы. Романовский подробно остановился на истории развития архивного дела на Украине. В заключительной части книги были рассмотрены принципы архивоведения как науки.

Книга Романовского представляла собой один из первых в Советском Союзе опытов систематического изложения истории организации архивного дела и архивной техники. Долгое время она служила учебником для молодых советских архивистов. За нее автор был удостоен премии Всеукраинского комитета содействия ученым.

К этой же тематике следует отнести и его работы по архивоведению, помещенные в сборнике “Центральний архів стародавніх актів у Києві” (1929): “Архів стародавніх актів та його фонди”, “Колекція, що належала Археографічній комісії”, “Збірка монастирських документів”, “Збірка автографів та палеографічних зразків”, “Нова серія”. В них дается очерк истории и обзор фондов архива. Ценность этих статей возрастает, поскольку описанные в них документы погибли в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда архив был сожжен фашистами.

Истории архивов Украины посвящено немало исследований Романовского. Это статьи в журнале “Архівна справа”. В одной из них освещена история собирания и хранения в ЦАДАК актовых книг польских судов на Волыни, Подолье и в Киевщине в XVI–XVIII вв. (1925. Кн. 1); в другой – история архивных фондов на Украине и о пожаре в архиве г. Глухова (1927. Кн. 2/3).

В 1925 г. Романовский публикует обширную статью “Друкарь Іван Федорович, життя його та діяльність”. В этом исследовании, прекрасно изданном и украшенном снимками с рукописей и заставками к тексту, автор на основании найденных им в Киевском архиве древних актов документов, рассказывает о жизни и деятельности знаменитого московского первопечатника Ивана Федорова, особенно после его переезда на Волынь, а затем на Украину. Романовский нашел ряд новых сведений, которые позволили ему полнее осветить некоторые стороны пребывания этого деятеля, основателя книгопечатания на Украине в XVI столетии.

Ученый присоединился к мнению, что в Москве и до 1564 г. печатались книги. Он исключает из биографии Ивана Федорова путешествия в славянские земли Турции, доказывая, что после издания Апостола в 1574 г. Иван Федоров сразу переехал из Львова к князю Константину Острожскому, около 1575 г. справцей Дерманского монастыря, а в конце 1575 г. стал печатником в Остроге.

На основании найденных документов и актов автор раскрыл картину финансовых затруднений Ивана Федорова в период его острожской деятельности, имена его кредиторов, суммы долгов и источники покрытия задолженности, в числе которых были экземпляры непечатанных и дефектных изданий Библии 1580 г., которые вышли потом с новыми датами (1581 г.) и листами, набранными новым шрифтом. По сведениям Романовского, Иван Федоров отнюдь не был бедняком-эмигрантом во Львове и Остроге. Из Москвы он привез с собой значительные средства, довольно много заработал у Ходкевича и легко находил кредит во Львове. Иван Федоров, по мнению Романовского, был энергичным организатором и энтузиастом своего великого дела. Романовский впервые в своей книге осветил бытовые условия его жизни и добавил новые интересные черты к его биографии.

Немалый интерес представляет исследование Романовского “Война 1735–1738 гг. и ее последствия для Украины” (Киев, 1927. На укр. яз.), в кото-

рой автор на основании документов, обнаруженных им в Сенатском архиве по Малороссийской экспедиции, в ОР РГБ, ЦАДАК и Харьковском центральном историческом архиве, впервые привел сведения об экономических издержках турецкой войны Анны Иоановны, которые легли на полки (административные единицы) Левобережной Украины. Автор показал, что эти издержки были настолько велики, что привели не только к разорению государственного хозяйства, но и к обнищанию крестьян и казаков. В результате на Украине активно пошел процесс закрепощения, усиливавшийся еще и тем, что правительство Анны Иоановны честно выплатило украинской старшине крупные суммы за реквизиции и поставки для армии. От этого старшина крепла экономически и обращалась в шляхетство, а селянство и свободные казаки закрепощались. Таков был неутешительный для Левобережной Украины итог войны Миниха с турками.

Среди ранних работ Романовского следует отметить историографический очерк «П.О. Кулиш і його "Історія возсоединення Руси"» («Наше минуле». 1920. № 1). В нем Романовский оправдал Кулиша и его труд, который в свое время вызвал недовольство части украинских деятелей поворотом Кулиша от националистических устремлений Н.И. Костомарова. Разбирая историю развития украинской историографии, Романовский пришел к выводу, что до Кулиша и его книги (1874–1877) украинская историография и особенно история украинского казачества, включая и знаменитые труды Костомарова, еще не знала критического отношения к источникам. Заслуга Кулиша в том, что он первый выступил с критическим пересмотром источников, которыми пользовался Костомаров, и хотя его труд не лишен многих недостатков, за ним должна остаться слава первого научного критика украинской старины.

Изучение истории Украины середины XVII – начала XVIII в. немыслимо без привлечения такого основополагающего источника, как «Летопись Самовидца». Споры об авторе летописи шли довольно долго. Всех исследователей интересовал аноним, скрывшийся под именем «Самовидец». Дело в том, что в этой казацкой летописи дана полная и наиболее достоверная картина освободительной войны украинского народа в 1648–1649 гг., в ней также содержится положительная оценка воссоединения Украины с Россией. В «Летописи Самовидца» показана роль реестрового казачества – главной движущей силы войны. «Самовидец» не только осуждает пропольскую и протурецкую ориентацию части казацкой старшины, но и прекрасно осведомлен о даже незначительных деталях борьбы старшинских группировок. «Летопись Самовидца» – один из выдающихся историографических памятников Украины и наиболее достоверный исторический источник XVII в., он является и оригинальным памятником украинского языка и литературы.

Раскрыть имя анонима Романовский смог благодаря обнаруженному им в архиве МОИДР чрезвычайно интересному письму П.А. Кулиша к О.М. Бодянскому, который еще в 1846 г. сообщил, что его гимназический товарищ П. Сердюков пришел к выводу, что автором летописи был генеральный подскарбий, брацлавский протопоп и стародубский священник Роман Ракушка-Романовский (около 1622–1703 гг.). Однако этот вывод не был тогда опубликован и сохранился только в бумагах Бодянского.

Конечно же, не только письмо Кулиша помогло Романовскому. Занимаясь хозяйством Гетманщины XVII в., он хорошо изучил все документы эпохи, позволившие ему самостоятельно прийти к правильному выводу об авторстве «Летописи Самовидца». Появившиеся позже статьи Н.Н. Петровского и Н.А. Оглоблина¹ лишь подтвердили правильность точки зрения Романовского, которому принадлежат честь открытия и публикация разгадки анонима, о чем сейчас не очень любят вспоминать.

¹ Полную историографию вопроса см.: Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 9–21.

В 1929 г. по конкурсу Романовский был избран старшим научным сотрудником АН Украинской ССР и занимал должность секретаря Археографической комиссии, а с 1930 г. (вновь по конкурсу) АН Украинской ССР избирает его уже председателем Археографической комиссии. Романовский возглавляет работу по изданию источников. Внимание исследователя привлекли почти неизученные документы, среди них один из важнейших памятников по истории Украины XVII в. – “Переписные книги 1666 года”.

Составленные по предписанию Московского правительства и гетмана Ивана Брюховецкого в 1666 г., переписные книги дают довольно полную и яркую картину состояния городов и селений Левобережной Украины того времени. К 1933 г. переписные книги были подготовлены к изданию. Публикации (около 30 п.л.) предшествовал очерк о гетмане Брюховецком и его времени. Романовский установил, что Брюховецкий не был выходцем из казацких низов, как считалось ранее, а являлся представителем старшины, хотя и выдвигался силами бедняцкой части казачества и городского мещанства. Он согласился осуществить составление переписных книг и сбор по ним податей только после борьбы, хотя и дал на это письменное согласие перед своим избранием в гетманы. Таким образом, восстание 1668 г. было дело рук старшинских кругов, как и все остальные попытки нарушить решения Переяславской Рады 1654 г. о присоединении Украины к России.

К большому сожалению, это издание не вышло. В 1932–1934 гг. в связи с реорганизацией Академии наук, сокращается издательская деятельность, вскоре ликвидируется и историко-социальный отдел Академии.

Романовский переходит на работу в Киевский областной плановый комитет, где недолго заведует планированием научно-исследовательской работы. Последовавший затем необоснованный арест ученого вообще прекратил работу над книгой, набор был сыпан. Единственный экземпляр книги, вернее гранки, чудом сохранились в личном собрании Романовского, которое находится в библиотеке Ставропольского государственного университета (позже гранки были переплетены). Вероятно, настала пора издать “Переписные книги 1666 года” по этому экземпляру, с авторской правкой, в репринтном варианте. Историческая наука от этого только выиграет, получив в оборот столь ценный исторический источник.

В 1935 г. Романовский был арестован в третий раз и “как проводник буржуазной концепции” согласно обвинительному заключению, постановлением Особого совещания НКВД осужден по статье 58 п. 10 и выслан на 5 лет в Карагандинский ИТЛ. Выжить в лагере ему помогло некоторое знание медицины, полученное на первом курсе Киевского университета, а также большая эрудиция: знание латыни, польского, немецкого языков, истории и литературы. Как вспоминал позже Виктор Александрович, начальник лагеря сделал его репетитором для своей дочери, которая заканчивала школу и готовилась к поступлению в вуз.

Отработав в пересыльном лагере фельдшером, Романовский позже много рассказывал о встречах с интересными людьми, которые, почти не задерживаясь, следовали этапом дальше. Так, однажды к нему пришел мужчина и попросил зеркало и щипцы; хотел удалить зуб. Вернув их через некоторое время, он разговорился с Романовским. “Разрешите представиться – Андроников, если хотите бывший князь Андроников” (Андроникошвили). Во время такой кратковременной встречи с интересным человеком, каким для него оказался Романовский, Андроников хотел рассказать о многом, в особенности, о разных дворцовых сплетнях.

“Вы знаете, у нас при дворе в 1904 г. много говорили об интимной близости императрицы и графа Орлова – командира Преображенского полка. Больше того, именно его считали отцом царевича Алексея! Вы знаете, ведь он вскоре так таинственно скончался на пограничной станции Вержолово, так и не успев выехать за границу”, – поведал Андроников.

В 1965 г. В.А. рассказал мне о том, что ему пришлось по долгу службы встретиться с Г. Войковым, участвовавшим в убийстве царской семьи. В то время Вой-

ков был посланником России в Польше, а Романовский, работавший директором ЦАДАК, вошел в государственную комиссию по возвращению архивов, захваченных поляками и увезенных ими в годы гражданской войны в Варшаву. При одной из встреч Романовский задал Войкову вопрос о том, что же произошло в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. Войков, как рассказал Романовский, махнул рукой:

“Знаете, мы такого страха натерпелись, даже вспоминать не хочется. Когда все спустились в нижнюю комнату, женщины несли подушки, свечи, мы им сказали, что это может быть надолго. А когда мы начали стрелять, и свечи и подушки у них из рук выпали. Темно, пух из подушек летает, и вдруг мы чувствуем, что пули рекошетят. Ну прямо какая-то чертовщина. И только потом, когда мы их сожгли, разгребая кострище, обнаружили куски спекшегося золота и драгоценных камней. Оказывается, у женщин в корсеты были зашиты драгоценности, в них-то пули, попав, отскакивали. А мы сразу и не поняли в чем дело”. Пересказав мне это свидетельство Войкова, В.А. предупредил, чтобы я никогда и никому об этом не рассказывал.

Отбыв срок заключения, Романовский с августа 1940 г. в течение года работал заведующим учебной частью педагогических курсов подготовки учителей средней школы и читал лекции по истории СССР. Одновременно он вел курс истории на заочном секторе Карагандинского учительского института (КУИ). Его жене, Елене Павловне, разрешили переехать с сыном в Караганду. Захватив немного вещей, она взяла в основном книги и архивные выписки из большой и чрезвычайно ценной личной библиотеки мужа. Это-то и помогло возобновить работу по написанию докторской диссертации. К сожалению, оставшаяся часть библиотеки погибла во время оккупации Киева немцами.

С июля 1941 г. Романовский становится доцентом КУИ, читает курс истории СССР и историографии. Выезд из Караганды был ему запрещен. 26 февраля 1944 г. Высшей аттестационной комиссией ВКВШ был утвержден в звании доцента, а с июня 1944 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории этого института.

В 1947 г. Романовский защитил докторскую диссертацию на тему “Очерки по истории государственного хозяйства Украины XVII в.” Этот серьезный труд явился плодом долголетней исследовательской работы Романовского, в которой автор подвел итог всему сделанному и опубликованному в области финансовой истории Украины XVII в. и дал стройную и глубокую концепцию финансового устройства Украины того времени. Основной темой диссертации было изучение и анализ событий второй половины XVII в. Диссертация состояла из пяти глав: 1. Организация гетманского скарба в первые годы после восстания 1648 г.; 2. Вопрос о сборе доходов в царскую казну до 1665 г.; 3. Организация переписи податного населения гетманщины; 4. Результаты переписи 1666 г.; 5. Гетманский скарб во второй половине XVII в.

Устанавливая в предисловии к диссертации свою тему, автор определил круг источников, метод исследования и литературу вопроса. Анализируя так называемое “национальное” восстание украинского народа 1648 г., Романовский осветил никем еще не затронутые вопросы о снабжении армий Богдана Хмельницкого и о зарождении скарба, т.е. финансового ведомства нарождавшегося украинского государства. Он писал о “шкатуле войсковой”, доменах, откупах и о системе налогов.

В своей работе Романовский доказал, что социальная структура украинского общества XVII столетия дает возможность определить политические отношения того времени. Он справедливо выдвинул на первое место в политике присоединения к России интересы украинских городов, на которые сознательно опирался Богдан Хмельницкий, противопоставляя их позиции своего старшинского окружения. Романовский считал, что единственным объективным источником уста-

новления социальной структуры украинского общества XVII в. является перепись 1666 г.

В этой огромной и чрезвычайно интересной работе Романовский дает блестящую характеристику исторических событий 1654–1663 гг., связанных с избранием гетмана Ивана Брюховецкого, а затем переходит к истории переписи 1666 г. и ее результатам. Впервые Левобережная Украина освещается в цифровых показателях, что для того времени было большим новшеством. Романовский пишет о числе податного населения Левобережной Украины и его размещении, о городах как экономических центрах страны, характеризует различные группы городского и пашенного населения, практику сбора с него налогов московским правительством по книгам 1666 г. Подробно остановившись на восстании 1668 г., Романовский переходит к финансовой политике гетмана Даниила Многогрешного и впервые приводит сведения о бюджете Левобережной Украины 1678 г., останавливаясь в общих чертах на дальнейшем развитии гетманского скарба в XVII в.

Труд Романовского был, и можно с уверенностью сказать, до сих пор является, в полном смысле слова ценнейшим приобретением русской и украинской историографии. В нем все было проделано впервые. Так, были даны обстоятельная и объективная характеристика и истолкование столь важного политического события, каким являлось присоединение Украины к России. Романовский впервые дал научный анализ социального состава украинского общества, объясняющий все события того времени и, в частности, он раскрыл систему финансового хозяйства гетманщины в XVII в.

К большому сожалению, диссертация Романовского не была опубликована полностью. Только в 1967 г. в Ставрополе ему удалось на собственные средства выпустить отдельной книжкой ее четвертую главу. Под грифом Ставропольского государственного педагогического института (СПИ) тиражом в 600 экземпляров она была напечатана под заглавием: “Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка”.

В 1947 г. Романовскому с семьей разрешили поселиться в Ставрополе и с осени того же года Виктор Александрович стал профессором и заведующим кафедрой истории СССР в СПИ, где он проработал почти 25 лет. За эти годы Романовский воспитал большую группу ученых, которые затем преподавали в вузах Ставрополя, Краснодара, Грозного, Ростова-на-Дону и др. Под его руководством было подготовлено и защищено свыше 20 кандидатских и несколько докторских диссертаций.

Не переставал заниматься Романовский и историей Украины. Его статьи об украинском крестьянстве, о развитии городов Левобережной Украины появляются в сборниках и исторических журналах. Так, к 250-летию Полтавской битвы Институт истории АН СССР подготовил сборник статей разных авторов – “Полтава” (М., 1959). В нем была опубликована статья Романовского “Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба на Левобережной Украине в конце XVII – начале XVIII в.” В статье не только были освещены общественные отношения на Украине в конце XVII – начале XVIII в., но и выявлена расстановка сил на Украине, определена политика господствующего класса. Романовский раскрыл также причины враждебных народу выступлений части верхушки украинской старшины, ее отрыва от народных масс. Он убедительно доказал отсутствие социальной базы у гетмана Мазепы и неизбежность провала расчетов шведского короля Карла IX на сепаратистские устремления украинской старшины.

Уже отмечалось, какое большое значение придавал Романовский написанию рецензии. Часто рецензия превращалась не только в обобщающую работу, но, по сути, создавалась небольшая проблемная статья. Примером может служить рецензия Романовского на вышедшую на украинском языке (Киев, 1959) книгу В.А. Дядиченко “Очерки общественно-политического строя Левобережной Ук-

раины конца XVII – начала XVIII в.” (ИСССР. 1960. № 6). Ученый не только отметил определенные заслуги автора, указал на его ошибки, но и поставил перед будущими историками истории Украины XVII–XVIII вв. задачи, которые необходимо решать при дальнейшем изучении этой темы. Необходимо отметить, что замечания Романовского о неиспользованных архивных фондах, пропущенных исследованиях дореволюционных историков актуальны до сих пор.

В 60–70-е годы XX в. Романовский систематически и активно участвует в симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы. В круг его научных интересов входят вопросы истории Северного Кавказа и Ставрополя. Помнится, с каким вниманием Виктор Александрович прочитывал присылаемые ему для редактирования рукописи, а они подчас были довольно объемистые. Немало ценных замечаний, уточнений и даже дополнений были сделаны им.

До сих пор необычайно интересной и не потерявшей своей актуальности остается статья “Солдаты – декабристы на Кавказе”². Это единственная большая работа, рассказывающая о судьбе рядовых участников восстания Черниговского полка.

Несколько статей Романовского посвящены восстанию крестьян в с. Маслов-Кут в январе 1853 г. на Ставрополе. Виктор Александрович редактировал книги по истории Дона, Ставрополя, Калмыкии. Под его редакцией и с его участием было выпущено первое в Советском Союзе школьное учебное пособие по краеведению – “Ставропольский край в истории СССР” (Ставрополь, 1964).

В течение нескольких лет Романовский занимался еще одной огромной работой. Он редактировал чрезвычайно интересный труд профессора Е.Д. Сташевского “История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII – первой половине XIX века”. Удивительна история этой рукописи. Е.Д. Сташевский едва успел закончить свой труд, как был арестован, а затем вскоре расстрелян. Его вдова, Татьяна Николаевна, чудом сохранила рукописи. Она спасла их во время Великой Отечественной войны. Когда рукопись Сташевского попала к Романовскому, он по достоинству оценил ее уникальность. Дело в том, что Евгений Дмитриевич пользовался в основном архивными источниками на польском языке, он также делал выписки из многих других архивов. Уникальность рукописи состояла в том, что практически все архивные источники, которые привел Сташевский в своем труде, через несколько лет погибли в годы Великой Отечественной войны.

К большому сожалению, Издательство Академии наук, где готовилась книга, вынуждено было сократить ее объем (из почти 80 п.л. вышло только 35). Но полная рукопись книги Е.Д. Сташевского в единственном экземпляре сохранилась в архиве В.А. Романовского³. Так что для будущих исследователей Правобережной Украины эта уникальная рукопись имеется, до сих пор полностью не известная историкам.

До последних дней Романовский руководил кафедрой истории СССР, аспирантурой и научным студенческим кружком. Каждый год на заседаниях научного студенческого исторического кружка, зачитывалось и обсуждалось до 20 научных докладов. Их готовили студенты разных курсов исторического факультета. Анализ докладов, в котором принимал участие не только профессор Романовский, но и все участники заседания (а туда приглашались и преподаватели) был прекрасной школой для каждого молодого исследователя. Студенты учились не только опыту занятия в архивах, но и анализу документов, критическому разбору исторических исследований, вышедших на ту или иную тему. Немало бывших

² См.: Сборник трудов историко-филологического факультета СГПИ. Ставрополь, 1958. Вып. 13. С. 15–37.

³ См.: Митрофаненко В.В., Сулова Е.С. Фонд В.А. Романовского в Государственном архиве Ставропольского края // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 227–236.

студентов стало потом учеными-историками, кандидатами и докторами исторических наук. Назовем лишь некоторых: И.Я. Фроянов, А.А. Анিকেев, А.Л. Нечитайло и др.

В день 75-летия свое ответное слово, произнесенное на заседании Ученого совета СГПУ, Виктор Александрович закончил словами украинского поэта:

Невеличке я поле зорав,
Та за плугом ніколи не спав...

Они как нельзя лучше характеризуют всю полноту кипучей деятельности, жизнь Романовского.

Виктор Александрович скоропостижно скончался 16 февраля 1971 г.⁴

29 марта 2000 г. Ставропольского государственного университета (СГУ) провел региональную конференцию “Историк и время”, посвященную 110-летию со дня рождения В.А. Романовского⁵. Была открыта выставка книг из личной библиотеки ученого. По результатам конференции будет выпущен сборник докладов и выступлений. В СГУ существует именная стипендия. В 2000 г. вышла брошюра Г. Казьмирчука “Віктор Олександрович Романовський: Життя та праця вченого” (Київ, 39 с.), основанная на неизвестных документах из архива киевского НКВД.

Список печатных трудов В.А. Романовского*

1914

Рец. на ст.: Казаки Полтавского полка по материалам Румянцевской описи (Сборник Статистического бюро Полтавского губернского земства. Полтава, 1913. Ч. 1) // Украина. Київ. Кн. 1. С. 95–97. Хозяйство монастырских крестьян Любецкой сотни в 1767 г. // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при ун-те Св. Владимира. Киев. С. 81–98.

1915

Любечь и его округ в XVII–XVIII вв. // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца при Киевском университете. Киев. Кн. 25. 17 с. (отд. отд.)

1916

Чиншевое право на Правобережной Украине // Киев. земская газ. № 47.

1917

Очерки по истории землевладения в Юго-Западном крае // Киев. земская газ. № 1 [под псевдонимом – П(ан) Малиновский].

1919

Рец. на кн.: Різниченко Вас[илий]. Пилип Орлик (гетьман – емігрант), його життя й діяльність. Київ, 1918 // Книгарь. № 22. Стб. 1457–1460.

Рец.: Новий дислід по історії України XVII в. [Максимович Г.А. Выборы и наказания в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. Ч. 1. Выборы и составление наказов. Нежин, 1917] // Наше ми- нуле. Київ. № 2. С. 160–167.

Кулішійого праці по історії України // Книгарь. № 27. Стб. 1801–1808. Од Київа до Канева. Історичні місцевости. Київ. 32 с.

Рец.: Ткаченко Мик. // Книгарь. 1920. № 1–3. Стб. 62–64.

* Автор настоящей статьи выражает признательность С.Г. Галкиной, зав. отделом Библиотеки СГУ, разыскавшей несколько статей В.А. Романовского среди книг, переданных после смерти ученого Библиотеке СГПИ вместе с отдельными биографическими документами.

⁴ См.: Виктор Александрович Романовский: Некролог // Ставропольская правда. 1971. 20 февр.; [Захаров В.О.]. Виктор Олександрович Романовський: Некролог // УІЖ. 1971. № 4. С. 154.

⁵ О ней см.: Ставроп. губ. ведомости. 2000. 30 марта.

1920

- П.О. Кулишійого “История воссоединения Руси” // Наше минуле. № 1. С. 66–83.
Рец. на журнал: Україна / Науковий трьохмісячник українознавства, видає українське наукове товариство в Києві. 1917 рік. Кн. 1–3 // Книгарь. № 1–3. Стб. 31–35.

1925

- Хто був “Самовидець”? (Присвячується Б.Л. Модзалевському) // Україна. Кн. 4. С. 60–73.
Друкарь Іван Федорович, життя його та діяльність // Праці Українського наукового інституту книгознавства. Київ. Т. 1. С. 1–55, с илл.
Київський Центральний архів давних актів // Архівна справа. Харків. Кн. 1. С. 86–100.

1926

- Причини невдачі в 1825 році // Зб. праць Комісії для дослідів громадських течій на Україні / Зб. Іст.-філол. відділу Української академії наук. Київ. № 37. С. 11–17.
Іван Федоров на Волині // Бібліологічні вісті. Київ. № 1.
До історії архіва “Малоросійської колегії” // Україна. Кн. 5. С. 3–6.
До історії бумажних фабрик на Україні // Бібліологічні вісті. № 2.

1927

- Нариси з архівознавства: Історія архівної справи на Україні та принципи порядкування в архівах. Харків. 170 с.
Рец.: Архивное дело. 1927. № 12, 15; Багалеї Д.И. // Библиографический сб. науч.-исслед. кафедр истории украинской культуры. Харьков, 1927; *Лось Ф.С.* Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади // Розвиток науки в Українській РСР за 40 років. Київ, 1957. С. 35.
Боротьба з архівними шкідниками // Архівна справа. Кн. 4. С. 35–38.
Війна 1735–1738 років та її наслідки на Україні // Нариси з соціально-економічної історії України. Київ. Т. 1, 16 с. (отд. отт.).
До історії бюджетного права Гетьманщини за К. Розумовського // Ювілейний збірник на пошану Д. Багалія. Київ. Т. 1. С. 21–38.
До історії архівних фондів старої Гетьманщини // Архівна справа. Кн. 2/3. С. 55–56.
Программ курсу “Історія архівної справи в Росії та на Україні” // Там же. С. 78.
Подгот. публ., комент.: Новий документ з історії “Смутного времени” // Там же. С. 1–5 [второй пагинации].

1928

- Документ до історії державного скарбу давньої Гетьманщини // Український археографічний збірник. Київ. Т. III. С. 1–16.
Рец. на кн.: Український археографічний збірник. Київ, 1926. Т. I–II // Архівна справа. Кн. 5/6. С. 106–114.
Рец. на кн.: Siemeński Józ[ef]. Symbolika wydawnicza, projekt ujednostajenia. Warszawa, 1927 // Там же. Кн. 7. С. 86–87.
Archejon, czasopismo naukowe, poświęcone sprawom archiwalnym. Warszawa, 1927. Т. I, II // Там же. С. 84–86.
То же. 1928. Т. III // Там же. К. 8. С. 80–82.

1929

- Ред.:* Центральний архів стародавніх актів у Києві. Зб. статтів / Центральне архівне управління УСРР, Археографічна комісія, архівознавча секція. Київ. Сер. III, вип. 1. 225 с.
Архів стародавніх актів та його фонди // Там же. С. 1–32.
Колекція, що надлежала Археографічній комісії // Там же. С. 146–151.
Збірка манастирських документів // Там же. С. 151–152.
Збірка автографів та палеографічних зразків // Там же. С. 152–154.
“Нова серія” // Там же. С. 156–161.

1930

- Консервація пошкоджених грамот // Архівна справа. Кн. 2(13). С. 65–71.
Рец. на кн.: Бельчиков Н. Теория археографии. М.; Л., 1929 // Там же. Кн. 3(14). С. 134–138.

1931

Собрание магдебургских грамот Украинским Левобережным городам. Киев, 1931. 160 с.

1933

Перепісние книги 1666 року. Київ. 448 с.

1944

Киевский архив древних актов // ИЖ. № 3. С. 92–93.

1945

Две великие победы // Соц. Караганда. 15 июля.

Декабристы: К 120-летию со дня восстания // Там же. 27 дек.

Славная дата: К 185-летию со дня взятия русскими войсками Берлина // Там же. 10 окт.

Устин Кармелюк – крестьянский вождь // Там же. 13 окт.

1946

Пионер марксизма в России: К 90-летию со дня рождения Г.В. Плеханова // Соц. Караганда. 11 дек.

1947*

Исторические корни дружбы народов СССР // Соц. Караганда. 18 янв.

* Кавказоведческие и другие работы автора за 1949–1975 гг. и статьи о нем см.: *Захаров В.А.* Романовский Виктор Александрович (1890–1971): Биобиблиогр. очерк / Под ред. В.Б. Виноградова. М.: Армавир, 2000. 11 с. (Российские исследователи Кавказа: История, археология, этнография. Вып. 21).

С.М. Каишанов

К 80-ЛЕТИЮ А.А. ЗИМИНА

22 февраля 2000 г. исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося русского историка Александра Александровича Зимина. Научное наследие А.А. Зимина столь обширно, а его деятельность была столь целеустремленной, что вся жизнь этого человека может быть охарактеризована как единый порыв, наполненный самозабвенным творчеством. Кажется, достаточно перечислить основные направления исследований А.А. Зимина и лишь назвать написанные им монографии, указать число его учеников, чтобы составить вполне емкое представление об итогах его замечательной деятельности. Автором настоящей статьи уже был довольно подробно прослежен творческий путь А.А. Зимина по основным этапам его развития¹.

В своих взглядах на политическую историю России XV–XVI вв. Зимин постоянно эволюционировал в сторону все большего отказа от той концепции, господство которой было характерно не только для периода “культы личности”, но и для последующего времени, и которая сводилась к признанию роста Москвы и образования централизованного государства абсолютным благом. С годами у Зимина выработывалось неприятие столь прямолинейного понимания “блага” России. Деспотизм и великодержавность никогда не были его идеалами.

По-видимому, монография “Витязь на распутье” (М., 1991) послужила главным толчком для возникновения у некоторых новейших авторов глубоких размышлений о “методологии” А.А. Зимина. Пытаются выяснить, когда и как Зимин перестал быть традиционным марксистским историком и обрел свободу мысли. Оказывается, именно в “Витязе” он преодолел марксизм. Самое интересное, что под “марксизмом” понимается при этом не приверженность каким-нибудь философским, экономическим или социологическим концепциям, а отношение к государственности, централизации власти. Если историк – государственный и москвоцентрист, значит он “марксист”, если же он сомневается в пользе централизации и в прогрессивной роли Москвы, его можно считать покинувшим марксистское поле.

Подобное отождествление казенного патриотизма с марксизмом является зеркальным отражением позднекультуровского мышления, согласно которому советский историк-марксист обязан быть патриотом и государственным.

Как воспитанник советской школы и советского вуза, как профессиональный историк, пишущий и печатающийся в СССР, Зимин, конечно, знал основные дог-

¹ *Каишанов С.М.* Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Александр Александрович Зимин: Библиогр. указатель. М., 2000. С. 7–53; *Он же.* Александр Александрович Зимин // Портреты историков. Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. С. 368–392. К сожалению, в последнем издании оказались некоторые досадные опечатки. Я писал, что “Зимин 50-х годов особенно дорог мне как учитель...”, но в опубликованном тексте вместо “50-х” читаем “60-х” (С. 369). Эта была ошибка машинистки, которую я не смог выправить, поскольку не получал корректуру. Вместо “общетеоретических вопросов” напечатано “общетворческих вопросов” (С. 371) и т.п.

Впервые список печатных трудов А.А. Зимина был подготовлен А.Л. Хорошкевич для “Археологического ежегодника” к 60-летию ученого еще при его жизни. Он был опубликован в “АЕ за 1980 год” (М., 1981) уже после кончины А.А. Зимина. В той же книге напечатан и наш некролог о нем. В АЕ за 1993 год (М., 1995) помещена статья Р.А. Киреевой “Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг. Первое вето в научной жизни А.А. Зимина”.

мы марксизма и умел к месту применить ту или иную цитату из “классиков”, хотя и не слишком грешил этим. В отличие от С.Б. Веселовского, А.А. Зимин публично не оспаривал положения Маркса, но и, в отличие от Л.В. Черепнина, не пробовал “творчески развивать” марксизм. К моим упражнениям по поводу теории иммунитета он отнесся в 1953–1954 гг. с интересом, а затем – весьма прохладно и советовал опубликовать лучше статью об удельных князьях, что я и сделал в “Трудах МГИАИ” (М., 1957. Т. 10).

Экономическое учение Маркса и даже материализм как философская система были ему чужды и не владели его умом. Он придерживался, скорее, позитивистского отношения к истории, в целом в духе дореволюционной науки, преодолев, впрочем, такие ее недостатки, как иллюстративность в подборе источников и юридический подход в трактовке экономических и политических явлений. Он всю жизнь находился в состоянии внутренней (до некоторых пор тщательно скрываемой) оппозиции к тоталитаризму и, как и многие, отождествлял с ним марксизм.

Из материалов, опубликованных в сборнике памяти Я.С. Лурье “In memoriam” (СПб., 1997), явствует, что Лурье считал себя марксистом каутскианского направления. Думаю, что при всей дружбе с Лурье Зимину “рenegат Каутский” был не более близок, чем Маркс. Ему импонировали совсем другие кумиры – Шпенглер, Бердяев, “Вехи”². Быть может, лишь теория “классовой борьбы” оказала определенное влияние на молодого А.А. Зими́на. Во всяком случае, в статье 1950 г. он предлагал положить историю классовой борьбы в основу общей периодизации русской истории эпохи феодализма³.

Главное, что по существу роднило “методологию Зими́на” с марксизмом, был диалектический метод исследования, учет всех фактов во взаимосвязи и взаимообусловленности. И в этом плане его нельзя считать просто продолжателем традиций старой, “буржуазной” историографии. К моим попыткам связать выдачу жалованных грамот с политическими обстоятельствами, в чем я шел за Л.В. Черепниным, А.А. Зимин относился сочувственно и даже называл меня полуиронически-полуодобрительно “зачинателем каузально-хронологического метода”. Кроме того, несмотря на внутренне скептическое отношение к материализму как философии, Зимин никогда в своих работах “не отрывался от земли” и учитывал в полной мере земные причины и земные цели появления тех или иных изучаемых им идеологий, а тем более – политических концепций.

Конечно, в 50-е годы XX в. у Зими́на на душе был гораздо больший, чем позже, груз “государственности” (но это не имеет отношения к теории марксизма!), и от этого груза он освобождался чем дальше, тем решительнее. Считать, что до “Витязя” (или до какого-нибудь другого, более раннего произведения) Зимин был марксистом, а после него перестал им быть, значит очень односторонне понимать как Зими́на, так и марксизм.

² На эти наши наблюдения уже ссылался В.А. Муравьев (см.: *Муравьев В.А. А.А. Зимин: историк в контексте эпохи // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции.* М., 2000. С. 92–93). К сожалению, наш текст не был в то время опубликован. Он сохранился во второй корректуре статьи, предназначенной для библиографического указателя “Александр Александрович Зимин” (см. выше, примеч. 1). Однако редколлегия справочника не учла текст второй корректуры, работая только с первой, где этой вставки не было. Статья была опубликована по первой корректуре. Поэтому читателю было, вероятно, непонятно, на что именно, т.е. на какой текст, ссылается В.А. Муравьев.

³ *Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // ВИ. 1950. № 3. С. 69–76.*

С.О. Шмидт

**СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е.С. СИЗОВА**

Евгений Степанович Сизов – из первых и самых близких мне учеников по Московскому государственному историко-архивному институту. Его чарующее обаяние, чистота души и ума пленяли и товарищей по научному студенческому кружку источниковедения отечественной истории МГИАИ (где его выбрали старостой), и людей моего домашнего круга. В статье “Историк и источниковед Евгений Степанович Сизов” его друг С.М. Каштанов (ныне член-корреспондент РАН, всемирно известный специалист по актовому источниковедению и истории допетровской Руси) писал: “Бесконечно грустно и обидно, что так рано ушел из жизни редкий по своим душевным качествам человек, доброжелательный по натуре, талантливый, блестяще ведший исследования в новом направлении источниковедения, любимый всеми окружающими – семьей, друзьями, коллегами, учителями и учениками”¹. Когда в 2000 г. отмечалось 50-летие Кружка источниковедения, перепечатали образчики Жениного юмора и сочиненное о Сизове в 1950-е годы, и “старики” Кружка вспоминали о нем с особой сердечностью². Женя Сизов – тепло моей памяти. Его фотография институтских времен (в неизменной – и, вероятно, единственной тогда – синей спортивной куртке) у письменного стола воспроизведена в последнем сборнике, изданном к моему юбилею. Перед глазами или как бы на слуху и некоторые эпизоды нашего общения (быть может, и потому, что именно Женя первым из учеников еще в студенческие годы стал своим в нашем доме). И даже, будучи уже многоопытным историком и историографом, не могу отделить восприятие научного творчества Сизова (очень близкого моим научным интересам и по тематике, и по методике) от восприятия его личности.

Женя родился 13 марта 1930 г. В семье его все были музыкальны, но не обнаруживался интерес к гуманитарным знаниям, однако сама старейшая и красивейшая из московских больниц (Первая градская, бывшая Голицынская, где он жил в школьные годы) и ее местоположение внушали представления об устойчивости корневых традиций – и этических и эстетических. В этом уголке Москвы многое могло побудить пытливого и приметливого юношу задуматься над вопросами о взаимодействии общества и природы, о взаимосвязи исторических эпох, и разных стилей в искусстве и градостроительстве, о путях выявления следов прежней жизни. Здесь, пожалуй, особенно заметно для Москвы тех лет, совмещались красота уцелевших памятников классической архитектуры и парка Нескучного сада близ Москвы-реки и ускоренное строительство новых зданий, патриархальный мещанский уклад жизни в домах с палисадниками и в бывших трактирах для извозчиков и помпезная основательность многоквартирного Дома академиков, новации созданного еще в 1920-е годы “комбината” массовой советской культу-

¹ Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М., 1980. С. 189.

² Кружку источниковедения – пятьдесят лет. М., 2000. С. 45, 50, 62, 92–95, 96, 101, 104; *Каштанов С.М.* Пятьдесят лет в строю // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 493.

ры – Центрального парка культуры и отдыха и начало прокладки большой транспортной магистрали международного стиля – Ленинского проспекта. Исторические размышления изначально казались привлекательными; однако был большой интерес и к химии, и любитель гимнастики горнист пионерского отряда Женя Сизов задумал поступать в военное училище, но медкомиссия не пропустила его по здоровью. Избранный им, в конце концов, Историко-архивный институт, как скоро выяснилось, отвечал его призванию, тем более, что тяга к гуманитарным знаниям отличала Женю уже в школьные годы (как вспоминал в разговоре со мной одноклассник Сизова видный литературовед и публицист Вадим Валерианович Кожинов). В администрации института он встретил позднее и юную Розу, только начинавшую служебную карьеру, что предопределило его счастливую семейную жизнь.

Обратил я внимание на первокурсника Сизова уже весной 1949 г., в первую мою экзаменационную сессию в вузе (с которым связал с тех пор свою преподавательскую судьбу). Он попросил разрешения досрочно сдать экзамен по отечественной истории, так как торопился уехать работать вожатым в пионерлагере. Таких “досрочников” было несколько человек, симпатичный и стеснительный юноша в белой рубашке с закатанными рукавами явно выделялся среди них самостоятельностью своего ответа и знанием дополнительной литературы. Видимо, и я ему приглянулся чем-то, так как с началом работы под моим руководством зимой 1949/50 учебного года научного студенческого Кружка источниковедения Женя стал участвовать в его заседаниях, правда, нерегулярно (на фотографии 13 апреля 1950 г., признаваемой датой отсчета при праздновании кружковых юбилеев, его, как, впрочем, и С.М. Каштанова, нет). Вскоре он сблизился с младшекурсниками тех лет (Вандой Белецкой, Львом Дьяконовичным, Сергеем Каштановым, Галиной Тарле, Игорем Фесуненко, Владимиром Кабузаном, Алексеем Курносовым, Андреем Пшеничным и другими), составившими ядро Кружка – так зарождались кружковая дружба и кружковый юмор. В цитированной уже статье сборника, подготовленного к 30-летию Кружка, С.М. Каштанов отмечал: «Исключительна роль Жени в истории Кружка. Он был душой многих наших начинаний тех времен, когда в Кружке еще не было “стариков”. Женя являлся вторым (после С.А. Левиной) старостой кружка. Сколько вдохновения внес он в жизнь нашего коллектива еще не “зрелых” тогда источниковедов! Вспоминаются его стихи, баллады, импровизации, которые он исполнял, аккомпанируя себе на гитаре. Как сочетались в них лиризм, юмор, теплота, такт! В сплочении кружковцев, сохранившиеся затем на многие годы. Женя сыграл первенствующую роль...»³ Показателен ответ самого Е. Сизова на вопрос анкеты к 25-летию Кружка “Годы работы в Кружке. Впечатления об этом?»: “С 1950 года. Впечатления бывают от чего-то привнесенного извне, а то, что совместно вынашивалось, рождалось, создавалось коллективно и было тем, без чего нельзя, – навсегда остается любимым детищем”⁴. Е.С. Сизов был объединяющим началом для “стариков”–кружковцев и по окончании МГИАИ. Не раз выступал и на кружке с сообщениями о своих работах по истории Кремля, организовывал посещения музеев Кремля. Когда отмечали присуждение мне докторской степени в июне 1965 г. и в Дом архитектора пригласили около ста человек (из них треть кружковцев), именно Женя оформил “эмблемами” столы для гостей. На столе, предназначенном для молодежи, была расшифровка аббревиатуры НСО (т.е. Научное студенческое общество) – “Наш Сигурд Оттович”⁵. А когда наступило время танцев, как хороши они были с Ро-

³ Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины. С. 189.

⁴ Кружку источниковедения – пятьдесят лет. С. 50, 62. См. также: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 421 (статья 1980 г. “Наш кружок”).

⁵ Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 365.

зой, и как великолепно и в то же время артистично он разрешал Розе, сразу же признанной первой красавицей среди собравшихся, танцевать с другими кавалерами, преимущественно уже старшего возраста.

Е.С. Сизов всегда был занят тем, что называют общественной работой; но, трудолюбивый и скромный, не тянулся к видным должностям, публичным выступлениям, красованию в президиумах собраний. Он стал казначеем студенческого профкома, первым помощником тоже любимого всеми председателем профкома В.И. Кострикина (Василий Иванович был позднее проректором МГИАИ, а затем ученым секретарем Института истории СССР Академии наук). Он – и увлеченный участник драмкружка, которым руководила в ту пору Ксения Маринина (известная ныне многим и по телепередачам). В драмкружке была и Татьяна Петровна Коржихина (увы, покойная), ставшая затем профессором МГИАИ и автором важнейших учебных пособий и исследований по истории государственных учреждений советского периода. Роль Бальзаминова он сыграл самозабвенно на уровне хорошего профессионального актера.

Одновременно он способен был с полной отдачей заниматься сбором материалов для дипломного сочинения. Тема работы была подсказана зав. кафедрой истории СССР профессором А.А. Новосельским и в русле проблематики, интересовавшей его и Н.В. Устюгова: “Заемные кабалы Керетской волости Соловецкой вотчины как источник по истории крестьян этой вотчины на рубеже XVII–XVIII вв.” Дипломное сочинение рекомендовали к печати, а статьи такой же тематики напечатали в Трудах МГИАИ⁶. Помнится, что перед заседанием кафедры, Женя зашел за мной, и, когда начали обедать, от волнения отказался что-либо есть. Няня моя – Франциска Александровна, относившаяся к нему с любовной симпатией, вдруг, повысив голос, решительно сказала: “Это что еще такое? Сейчас же есть, а то не будет сил защищаться!”, и Женя вынужден был давиться котлетой. Позже он – один или с Розой – регулярно демонстрировали у нас дома и на даче Франциске Александровне “этапы” роста их сына Андрея. Занятый больше с ней, чем со мной, мальчик, естественно, не запомнил моего имени. И памятен такой эпизод, когда Андрюша уже научился снимать телефонную трубку. Я как-то позвонил Сизовым, он, взяв трубку, произнес: “Кто спрашивает?” Услышав, труднопроизносимое и непонятное ему сочетание слов “Сигурд Оттович”, чистым громким голосом провозгласил: “Папа, тебя какой-то глупый дядя просит”. Смущенный Женя подошел к телефону, и я сразу же услышал басовитый рев, показывающий, что мама начала воспитывать сына наиболее запоминающимся способом...

Дипломное сочинение показало, что у Е.С. Сизова есть и склонности, и незаурядные способности к самостоятельной научно-исследовательской работе. Но поступлению его сразу же в аспирантуру воспрепятствовали тогда в партбюро МГИАИ. И, как убеждался не раз, незаслуженные пакости и в этом случае дали возможность проявиться затем благотворным последствиям: уже в 1956 г. Е.С. Сизов начал работать в Государственных музеях Московского Кремля, а с 1975 г. стал уже главным хранителем. Его разносторонняя, почти четвертьвековая деятельность заметно способствовала расширению и распространению знаний и о памятниках Кремля, и о научной работе Музеев Кремля.

Е.С. Сизов оказался как бы предназначен для работы такого вида. При его редкостном трудолюбии, организованности, аккуратности, памяти на детали, он быстро овладел опытом технологии хранения памятников культуры и все в большей мере становился всесторонним их знатоком. Исследовательская жилка и на-

⁶ Сизов Е.С. Заемные кабалы Керетской волости Соловецкой вотчины как источник по истории крестьян на рубеже XVII–XVIII вв. // ТМГИАИ. М., 1957. Т. 10. С. 391–394; *Он же*. Организация труда на северных слюдяных копях на рубеже XVII и XVIII вв. (По материалам Керетской волости Соловецкого монастыря) // Там же. 1961. Т. 16. С. 389–395.

выки культуры архивиста обеспечивали высокий уровень описания им памятников, а подход к исследованию исторических источников методами комплексного источниковедения, вероятно, в определенной мере предопределялся и проблематикой Кружка источниковедения. Научно-исследовательская работа в московских музеях, причем многопрофильная, восходит еще к традициям могикан музейного дела середины XIX в., которые были одновременно и замечательными собирателями, хранителями, знатоками памятников истории и культуры, и разносторонними их исследователями. Но Е.С. Сизов, при его общественном темпераменте и доброжелательстве, был еще и прирожденным просветителем и пропагандистом научных знаний. Ему свойственна была скрупулезная добросовестность во всем – и во взаимоотношениях с людьми, и в научных исследованиях. Не позволял себе он и примитивизации, обращаясь к “широкой публике”. К сказанному и написанному Е.С. Сизовым знавшие его относились с неизменным доверием. В своих научных трудах он стремился опереться на наивозможно прочную источниковую базу, тщательно выясняя все, что сделано его предшественниками, уделял особое внимание полноте научного аппарата. При этом он обладал и даром художественно-эмоционального восприятия прошлого. Источником познания этого прошлого для Е.С. Сизова не в меньшей мере, чем памятники письменности, становились и произведения изобразительного искусства, старинные предметы, природное наследие. И он умел такое ощущение передать и читателям, и слушателям лекций и объяснениям экскурсовода.

Именно в Музеях Кремля определилась тематика и его научно-популярной (просветительско-описательной) и его научно-исследовательской деятельности⁷. Совместно с И.С. Ненароковой Е.С. Сизов подготовил книгу “Художественные сокровища Государственных музеев Московского Кремля” (два издания – 1975 и 1978 гг.), богато иллюстрированную, с емкими и информационно насыщенными описаниями. Е.С. Сизов – автор статей и аннотаций к разделам «Музей “Успенский собор”», «Музей “Церковь Ризположения”», «Музей “Благовещенский собор”», «Музей “Архангельский собор”» и аннотации к разделу “Музей искусства и быта XVII века”. Основная тематика его публичных выступлений в Москве, в других городах России, за рубежом – в беседах с разновозрастной аудиторией, по телевидению, в печати – история Московского Кремля и его памятники, Кремль в истории и культуре России. Е.С. Сизова признавали авторитетным историком-краеведом Москвы⁸.

Е.С. Сизов был секретарем комиссии ученых, возглавляемой академиком М.Н. Тихомировым, исследовавших придел Архангельского собора с захоронением царя Ивана IV и его сыновей, писал об этом (иногда и под псевдонимом), выступал с докладами, консультировал М.М. Герасимова, восстанавливавшего по костным останкам внешний облик Ивана Грозного. История Архангельского собора в источниковедческом аспекте определилась и как тема диссертации, разделами которой становились статьи исследовательского типа для изданий Академии наук, Московского Кремля и др.⁹

⁷ Памяти Е.С. Сизова (1930–1979) // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1984. Вып. IV. Произведения русского и зарубежного искусства XV – нач. XVIII в. С. 247–248.

⁸ Иванова Л.В. Сизов Евгений Степанович // Историки и краеведы Москвы: Некрополь. М., 1996. С. 139.

⁹ Сизов Е.С. Новые материалы по Архангельскому собору Московского Кремля. Когда был построен Архангельский собор? // Архитектурное наследство. М., 1963. Вып. 15. С. 176–177; *Он же*. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство: XVII век. М., 1964. С. 160–174; *Он же*. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 265–276; *Он же*. О происхождении Покровского придела Архангельского собора в Москве // Сов. археология. 1969. № 1. С. 243–250; *Он же*. Граффити в усыпальнице Архангельского собора //

Е.С. Сизов не имел склонности к общетеоретическим построениям при подходе к проблемам собственно историческим и источниковедческим, но изучаемое им рассматривал как часть целого; всегда имел в виду соотношение общего и особенного. И потому-то его конкретные, казалось бы, частного характера, наблюдения воспринимались как важные, даже определяющие при изучении более масштабных и в то же время спорных вопросов. Такое значение имели соображения Е.С. Сизова о политическом содержании стеной росписи Архангельского собора (особенно в приделе, предназначенном для захоронения первого российского царя) и обоснование ее датировки 1564–1565 гг. Это существенно важно при изучении устроения Ивана IV в период начала его переписки с Курбским и в канун организации опричнины¹⁰. Роспись придела аллегорически напоминает биографию Ивана Грозного с упором на “обида” от бояр, что помогает понять как манеру использования царем-писателем текстов Священного писания и отцов церкви в тенденциозно-политических целях, так и его представление о соотношении письменного текста и иллюстраций к нему, и о восприятии этого “зрительного ряда” (что необходимо учитывать при исследовании редакционной правки на листах Лицевого свода о времени правления Ивана IV). Не говоря уже о том, что это обогащает наши знания об образованности и начитанности царя Ивана, о рукописях его библиотеки (или лиц его окружения – митрополитов Макария и Афанасия, Сильвестра, А. Адашева, Висковатого и др.).

Установление того, что о захоронении в Архангельском соборе Василия – сына князя Владимира Андреевича Старицкого не могло быть написано прежде 1574 г. – важнейшее датирующее свидетельство: рукопись этой части Лицевого свода не могла быть окончательно оформлена ранее этого года. Е.С. Сизов произвел и палеографический анализ интересовавших его листов Шумиловского тома Лицевого свода и датирует эти листы – и по филиграммам, и по содержанию – временем от 1574 до 1581 г., когда в соборе был погребен царевич Иван Иванович (о нем в летописном сказании “О положении мощей великих князей и уделных в Архангеле” нет упоминания).

Это подтверждает датировку Лицевого свода, обоснованную еще более ста лет назад по филиграммам Н.П. Лихачевым и характеризуемую как образец палеографического исследования в учебных пособиях академиков М.Н. Тихомирова (по источниковедению) и Л.В. Черепнина (по палеографии). Распространившиеся с середины

АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 119–126; *Он же*. К реконструкции интерьера Архангельского собора XVI века // Московский Кремль – древнейшая сокровищница памятников истории и искусства: Тез. науч. конф., посвящ. 425-летию Оружейной палаты (22–24 ноября 1972 г.). М., 1972. с. 35–38; *Он же*. Еще раз о трех “неизвестных” гробницах Архангельского собора // Материалы и исследования: Государственные музеи Московского Кремля. М., 1973. Вып. 1. С. 86–94; *Он же*. К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 126–140; *Он же*. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Материалы и исследования: Государственные музеи Московского Кремля. М., 1976. Вып. 2. С. 62–97. Прил. 1. Расположение надгробных “портретов” князей в росписях Архангельского собора XVII в. С. 85; 2. Сводная таблица гробниц и надгробных изображений в росписях Архангельского собора XVII в. С. 87–97.

См. также по именованному указателю в кн.: Московский Кремль: Указатель литературы (1723–1987). М., 1998. Ч. II. Московский Кремль – уникальное собрание памятников истории и культуры. См. список работ Е.С. Сизова в кн.: Архангельский собор Московского Кремля. М., 2000.

¹⁰ См.: *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 240; *Он же*. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 263; *Он же*. Россия Ивана Грозного: [Сб. статей]. М., 1999. С. 153. Лекция в Париже 1965 г. “Издание и изучение советскими учеными источников по истории России XVI века (в послевоенные годы)” // Там же. С. 199; статья 1969 г. “Таинственный XVI век” // Там же. С. 266; статья 1976 г. “Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому” // Там же. С. 417; статья 1978 г. «Исследование Н.Н. Зарубина “Библиотека Ивана Грозного и его книги”» // Там же; *Он же*. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 133.

XX в. суждения о составлении дошедших до нас рукописей Лицевого свода, посвященных времени правления Ивана IV, уже в 1560-е годы (о которых упоминает в своей статье и Е.С. Сизов) – основаны не на соображениях палеографического порядка, а на тенденциозной направленности редакционной правки, характерной для сочинений царя, якобы, лишь в 1560-х годах. Тщательное полстное изучение всех рукописей Лицевого летописного свода А.А. Амосовым¹¹ убедительно показало, что завершающий этап работы над Лицевым сводом был не ранее конца 1570-х годов, и ошибочным является утверждение Б.С. Клосса, полагавшего (без учета наблюдений Е.С. Сизова над почерком писца и стилем миниатюриста Шумиловского тома, терминологии той поры, практики переписки и издания книг), что работу над Сводом завершили к 1576 г. (хотя, к сожалению, мнению Б.М. Клосса как единственно достоверное навязано редактором такому солидному изданию, как “Словарь книжников и книжности Древней Руси”)¹².

После обобщающего характера статьи 1964 г. “Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов” и особенно книги “Воображены подобию князей” (Стенопись Архангельского собора Московского Кремля) (М., 1969) в серии “Публикация одного памятника” Е.С. Сизов задумал подготовить монографическое исследование об Архангельском соборе. В дарственной надписи мне сборника “Древнерусское искусство. XVII век” (М., 1964), где напечатали его статью, есть и такие слова: “...Мое маленькое участие в сборнике зарождает во мне большую надежду на будущее...”

Изначально мыслилось – подход к этой теме должен быть в тесной взаимосвязи проблематики исследований и методики собственно исторического, искусствоведческого и историографического и даже литературоведческого планов, причем автор не ограничивался XVI и XVII столетиями. Ему хотелось показать, как “в лицах раскрывается история России” и в живописных образах воплощаются идеи и о преемственности в историческом развитии государственности (Киевская Русь – Владимиро-Суздальская Русь – Московская Русь; позднее – Московское государство времени Ивана Грозного и Российское государство при Алексее Михайловиче), и о значении “утверждения централизованной власти”. Формирование идеологии живописного замысла исследовалось во взаимосвязи с другими историко-культурными начинаниями середины XVI в. в сфере и государственной, и церковной деятельности, с созданием памятников письменности (и нарративных, и делопроизводственных), изобразительного искусства, градостроительства, возрождению Кремля после страшного пожара 1547 г. Ученый стремился освоить обильным и многообразную литературу столь широкой тематики, устанавливая и элементы преемственности в современных ему трудах от сочинений современников Карамзина, Буслаева и Забелина, и то, что сближало в советские годы специалистов разного профиля (историков, филологов, искусствоведов) в изучении истории и культуры допетровской Руси, особенно XVI в.

Однако широкие историко-культурологические обобщения выдающихся старших его современников интересны были ему не только своими выводами и наблюдениями (общего – особенно компаративистского – и частного характера), и исследовательской методикой, но и приемами литературно-художественного воплощения этих взглядов. Ибо постепенно Е.С. Сизов утвердился в мысли: попытаться написать книгу, исследовательскую в своей основе (где все подтверждается ссылками на архивные материалы, литературу или визуальные наблюдения) и популярную по форме, обязательную для ученого-специалиста, и привлекательную для широкой публики.

¹¹ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

¹² Словарь книжников и книжности Древней Руси, Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. Л-Я. Статьи Б.М. Клосса: “Летописный свод Лицевой” и “Царственная книга”.

По существу Е.С. Сизов следовал демократическим традициям наших гуманитарных наук, восходящим еще к “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина. Но во второй половине XX в. верными этой традиции остались немногие. К тому же, надо было обладать и литературным мастерством, и знанием психологии интеллигентного читателя века науки о науке, когда интересно знать не только об историческом явлении, но и о том, как это узвано, и насколько достоверны приводимые соображения. Е.С. Сизов специально изучал стилистику ученых-гуманитариев, умеющих и склонных обращаться в своих сочинениях не только к специалистам. (Таких, как историки России феодального периода М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков в советские годы, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, некоторые из учеников В.О. Ключевского в первой четверти XX в.) Особенно важным казалось обучение на трудах Н.Н. Воронина и Д.С. Лихачева, обладавших даром вдохновенно писать о памятниках истории и культуры (словесных и изобразительных).

В творчестве Сизова совмещались образность и точность мышления, изящество и богатство литературного языка, четкость научных формулировок, доступная всем однозначность определений. Он как бы ощущал возможность восприятия написанного им и строгим на критику, оснащенным специальными знаниями исследователем, и популяризатором-просветителем, ожидающим методической помощи, и теми, кто склонен к самостоятельному обобщению, знакомясь со следами прошлого.

Е.С. Сизов увлеченно, самозабвенно (хотя и со свойственной ему неторопливостью и основательностью в проверке всех фактологических данных) готовил книгу об Архангельском соборе, продумывая архитектуру ее, подбирая запоминающиеся эпитафии, но не успел завершить к тому времени, когда к нему пришла безжалостная и мучительная болезнь (опухоль мозга). Сейчас этот труд публикуется посмертно в издании “Архангельский собор Московского Кремля”, и уже не отдельной книгой, а с добавлениями работ тех, кто совместно с Е.С. Сизовым и вслед за ним изучали историю Архангельского собора. Сочинение Е.С. Сизова окончательно подготовлено к изданию благодаря самоотверженности Натальи Андреевны Маясовой, замечательного знатока не только древнерусского шитья и памятников материальной культуры Древней Руси, но и художественных сокровищ Московского Кремля, многолетнего научного сотрудника его музеев, в годы работы Сизова – заместителя директора Музеев по науке.

Впервые издающийся труд Е.С. Сизова “Храм Архангела Михаила на Соборной площади в Кремле”, можно полагать, будет оценен как высокий образец исторического сочинения, одновременно и исследовательского, и научно-популярного. К этой книге, обобщившей и знания литературы об истории и культуре Руси XVI–XVII в., и данные об основных научных открытиях самого автора, будут обращаться не только все, кто интересуется прошлым Московского Кремля и его памятниками истории и культуры, но и те, кто захочет узнать о развитии исторической мысли и общественного сознания россиян 1970-х годов. В то время именно труды Е.С. Сизова побудили во многом к дальнейшему всестороннему изучению темы “Архангельский собор”.

Уже будучи больным, Евгений Степанович задумал воплотить в научную статью и свои соображения о “возрасте” Оружейной палаты Московского Кремля, советовался со мною; я поддержал его намерения – и потому, что эти соображения были оригинальны и основательны, и чтобы отвлечь его от мыслей об ухудшающемся самочувствии. В 1972 г. отмечали 425-летие Оружейной палаты конференцией в Музеях Кремля, насыщенной интересными научными докладами. Среди выступавших были Е.С. Сизов и я. Мы все исходили из представления о том, что Оружейная палата впервые упомянута в летописном описании пожара 1547 г., т.е. руководствовались тем же принципом, что и при установлении даты для юбилея Москвы (впервые упомянутой ровно за 400 лет до того), хотя, конеч-

но, понимали, что так же как угостить обедом можно только в построенном уже “граде”, пожар охватывает лишь уже существующее здание.

И только Е.С. Сизов в дальнейшей работе при его особой способности к медленному пристальному чтению летописного текста заметил то, на что ранее не обращали внимания. В летописчике, опубликованном М.Н. Тихомировым в 1940 г., текст которого затем был переиздан в томе избранных трудов ученого “Русское летописание”, Оружейная палата упоминается под 1537 г. как “набережная оружейная палата”¹³. И, так как в летописях нет упоминания о возведении каменных дворцовых помещений в 1510–1530 гг., то очевидно, что палата эта была частью нового дворцового ансамбля, строительство которого завершили в 1508 г.

Евгению Степановичу оказалось уже не по силам готовить статью для печати. В переданных мне его супругой заготовках статьи были не свойственные ему обрывы и повторы. И я решил, опираясь на эти материалы и, конечно, на текст напечатанного М.Н. Тихомировым летописчика, подготовить заметку для рубрики “Неизвестное об известном” газеты “Известия”. 6 мая 1978 г. на последней странице газеты появилась небольшая статья “Сколько лет Оружейной палате?”, где рассказывалось о том, как Е.С. Сизов установил дату первого упоминания Оружейной палаты и построения ее первого здания. В это время Евгений Степанович вышел из больницы после операции, оставившей большой шрам на голове, и находился дома. Он мог тогда еще ходить. Обрадовавшись, купил много экземпляров газеты и попросил зайти к нему. Оставшись один дома и двигаясь уже замедленно, пытался проявить и присущее ему кулинарное мастерство, и, хотя грустное выражение не покидало его лицо, казался обретшим какую-то надежду. Это было наше последнее свидание в домашней обстановке.

Через недолгое время он опять оказался в Кунцевской больнице, и, когда я посещал его, то убеждался как он все менее становился похож на себя. Держался Евгений Степанович мужественно и благородно – он никогда не навязывал себя людям, не навязывал он другим и свою болезнь. Улыбка была той же чарующей, даже когда голова была обвязана бинтами, но бесконечно грустной и всепонимающей и всепрощающей. Несмотря на то что Роза Васильевна и врачи предпринимали все возможное и невозможное, в ночь на 1 мая 1979 г. Евгения Степановича не стало. Редко какие похороны и поминки были выражением столь искреннего и всеобщего горя. Ощущалась всеми большая невосполнимая человеческая утрата. Этого светлого человека и сейчас нам так не достает!

¹³ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 227.

СТЕФАН КОЖУХАРОВ: ЗАМЕТКИ К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО

Рубеж XX и XXI вв. ознаменовался для мировой славистики, к сожалению, невозвратными потерями среди исследователей, как будто уходящие столетие и тысячелетие не желают делить их заслуги и достижения с наступающими. Одним из таких ученых, значение которого сейчас мы, пожалуй, в полной мере еще не осознаем, был скончавшийся 25 января 2000 г. в Софии болгарский филолог-палеославист, историк литературы и археограф, блестящий знаток славянских литургических рукописей Стефан Эммануилов Кожухаров, чьи работы определили и еще определяют в будущем направление исследований узлового вопроса славистики – кирилло-мефодиевской проблематики.

Стефан Кожухаров родился 13 ноября 1934 г. в с. Петырч Софийского округа в семье священника. Происхождение и семейная традиция определили на первых порах и его образование – среднее в Софийской духовной семинарии (закончил в 1953 г.), первое высшее – в Духовной академии, тоже в Софии (1953–1957). Здесь необходимо воздать по заслугам болгарским духовным школам XX в., давшим целую плеяду ученых-гуманитариев, определивших лицо болгарской историко-филологической науки в последней четверти нашего столетия (Кожухаров занимает среди них, несомненно, одно из первых мест). Феномен болгарских семинаристов, выбравших светскую ученую стезю (картина, поразительно напоминающая путь многих выпускников русских духовных училищ XIX – начала XX в.), как самостоятельное явление еще ждет своего исследователя. Но причины их успеха на новом поприще (разумеется, чисто научного, а отнюдь не житейского) видятся достаточно определено. В социалистической Болгарии система церковного образования, несмотря на ощутимые потери, не понесла сокрушительного разгрома, сопоставимого по масштабам с Россией. Здесь сохранялась ощутимая преемственность преподавательской и научной традиции. Но дело, разумеется, не только в этом. Полученные в раннем возрасте и прочно усвоенные школьные познания в области Священного писания, литургики, церковного устава и церковной музыки составили прочный фундамент и инструментарий, необходимый (как мы сейчас это отчетливо понимаем) для успешных научных занятий филолога-медиевиста, специализирующегося по православной славянской тематике; этой важной основы лишены были выпускники светских учебных заведений, вынужденные в зрелом возрасте с разной степенью успеха восполнять этот пробел чтением специальной литературы.

Светское высшее образование (по специальности “болгарская филология”) Кожухаров получил на филологическом факультете Софийского университета (закончил в 1965 г.), затем недолгое время (1966–1967) работал учителем в Софии. В 1968 г. поступил на работу в библиографический отдел Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия, а в конце того же года перешел в Отдел истории болгарского языка Института болгарского языка Болгарской АН. В 1968–1971 гг. он аспирант-заочник Института болгарской литературы, а с 1972 г. и до конца жизни – сотрудник этого института: с 1989 г. – заведующий сектором древнеболгарской литературы, в 1992–1996 гг. – директор. В 1978–1979 гг. (с перерывами) – стажер Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, в 1981 г. (6 месяцев) – гость-профессор в университете г. Колумбус (США, штат Огайо). С 1976 г. С. Кожухаров преподавал в стенах своей первой alma mater – Софийской духовной академии, где вел курс

“Церковнославянский язык в связи со староболгарским”. В 1978 и 1979 гг. он участвовал (совместно с Б. Райковым и патриархом болгарской археографии Х. Кодовым) в археографических экспедициях на Афон. Колоритными воспоминаниями об этих поездках поделился в сборнике к 60-летию Кожухарова его спутник Божидар Райков¹. Целью экспедиций была каталогизация и научное описание славянских рукописей библиотеки болгарского монастыря Зограф – второго по численности (после сербского Хиландаря) собрания кириллических манускриптов Афона. К сожалению, по независящим от археографов обстоятельствам, эта работа в полном объеме так и не была завершена, но ее результатами явились подробное описание 59 рукописей библейского содержания с богатым палеографическим альбомом и краткий каталог всего собрания, включающий 286 номеров, снабженных черно-белыми снимками². Все собрание было микрофильмировано и тем самым к нему получили доступ исследователи, не имеющие возможности работать с зографскими рукописями *de visu* (в первую очередь – женщины).

Помимо зографской коллекции и болгарских собраний С. Кожухаров работал с рукописями многих зарубежных хранилищ – Югославии, афонского монастыря Хиландарь (по микрофильмам – “Хиландарской комнаты” в Колумбусе). Особое место в его занятиях занимали рукописи собраний Москвы и Ленинграда, с которыми он работал при каждом удобном случае во время поездок в СССР.

Исследовательские интересы ученого отличались предельно широкой хронологией – от времени возникновения славянской письменности во второй половине IX в. до эпохи болгарского национального Возрождения в XVIII в.³ Но в центре их весьма рано проявляется комплексная тема, которую в Болгарии долгое время по сути только он и мог разрабатывать – литургическая поэзия, певческие богослужебные книги и системы церковных распевов в древнейший период, до распространения в XIV в. поздневизантийской невменной нотации. Южнославянская рукописная традиция того времени, в отличие от древнерусской, крайне бедна нотированными памятниками.

Кожухаров, по существу, открыл новую страницу в изучении этой проблемы. До его разысканий были известны три южнославянские рукописи XI–XIII вв. с фитными пометами – значками, фиксирующими начало распевов, а их результатом явилось введение в научный оборот еще 12(!) памятников XII – раннего XIV в.⁴

При этом надо помнить, что речь идет о действительно напряженных поисках в десятках кодексов (поисках, в большинстве случаев не давших положительного результата), поскольку употребление фитных значков (в отличие от настоящей невменной нотации), как правило, весьма несистематично, при беглом просмотре они вовсе не бросаются в глаза.

Гимнография в трудах С. Кожухарова предстает (в развитие лучших традиций славянской филологии XIX – начала XX в.) неотъемлемой и весьма важной составляющей частью общего литературного корпуса. Это постоянно подчеркивается и в его общих работах, начиная со статей 1970-х годов⁵. Столь же настой-

¹ Райков Б. Със Стефан Кожухаров на Света гора // Старобългарска литература. София, 1994. Кн. 28–29. С. 3–9.

² Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир на Света гора. София, 1985. Т. 1; Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х. Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.

³ Практически исчерпывающую библиографию его работ см. при биографической статье: Кирилло-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 365–366.

⁴ См.: Кожухаров С. Палеографски проблеми на ѳ-нотацията в среднобългарските ръкописи от 12–13 в. // Славянска палеография и дипломатика. София, 1980. С. 228–246.

⁵ Кожухаров С. Търновска книжовна школа и развитието на химническата поезия в старата българска литература // Търновска книжовна школа. София, 1971. Кн. 1. С. 277–309; *Он же*. Към въпроса за обема на понятието “старобългарска поезия” // Литературна мисъл. 1976. № 7. С. 35–54; *Он же*. Българска литература през XIII в. // Българската литература и книжнина през XIII в. София, 1987. С. 25–37.

чиво он проводит в своих исследованиях мысль о необходимости изучения болгарской гимнографии в контексте византийской и о влиянии особенностей церковного устава на структуру гимнографических текстов.

До конца 1970-х годов в центре внимания исследователя находилась гимнография XIII–XVI вв. – эпохи Второго Болгарского царства (1187–1396) и начала турецкого владычества – периода, принадлежащего к числу наиболее продуктивных в истории средневековой болгарской литературы. Изучение проблемы ознаменовалось помимо общих работ целым рядом первоклассных открытий – не известных до той поры памятников XIII–XVI вв. и даже неизвестных гимнографов – например, тах Андрея, автора службы мученику XVI в. Николе Софийскому⁶. Попутно, словно в назидание коллегам, пренебрегающим литургическими рукописями, в Праздничной минее XIV в. (ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 162) Кожухаровым был найден и опубликован неизвестный исторический текст XIII в. – особая повесть о перенесении в Тырново мощей преподобной Параскевы-Петки в 1230 г.⁷

Пожалуй, сказанного было бы уже достаточно, чтобы говорить о Стефане Кожухарове как о весьма заметной фигуре в новейшей истории средневековой болгарской (и вообще славянской) филологии. Но в конце 1970-х и первой половине 1980-х годов он и (несколько позднее) его младший коллега Георгий Попов буквально потрясли славистический мир эпохальными (без преувеличения) открытиями памятников древнейшей славянской гимнографии конца IX – начала X в., связанных с творчеством учеников Константина-Кирилла и Мефодия.

К тому времени круг древнейших славянских литературных памятников, созданных первоучителями в Великой Моравии и их ближайшим окружением (Климентом Охридским и Константином Преславским) в Болгарии считался вполне определенным и устоявшимся. Последние находки в этой области были опубликованы еще в начале века: житие Наума Охридского – в 1909 г., служба на успение Климента, написанная его учеником – в 1912 г. Казалось несомненным, что в дальнейшем речь может идти лишь о новых списках (в лучшем случае – редакциях) уже известных сочинений. И вдруг в 1979 г. Кожухаров выступает с докладом, посвященным неизвестным гимнографическим сочинениям Константина Преславского и Наума Охридского (о литературном творчестве последнего до тех пор вообще не было известно). Константину атрибутировался С. Кожухаровым канон архангелу Михаилу, обнаруженный им в болгарской Скопской минее XIII в., а Науму – канон апостолу Андрею Первозванному, найденный в зографской сербской минее того же столетия. Доказательство авторства в обоих случаях было просто и бесспорно – славянский текстовый акростих по тропарям канона, завершающийся именем песнописца⁸. Со временем круг этих памятников расширился за счет не менее сенсационных открытий Г. Попова, установившего факт существования славянского песенного цикла в составе Постной Троицы, написанного Константином Преславским⁹, и ряда канонов с именами того же Константина и Климента Охридского в акростихах¹⁰. В дополнение к этому Кожухаров выявил каноны на Введение и на перенесение мощей Иоанна Златоуста с анонимными акростихами¹¹.

⁶ Кожухаров С. Тах Андрей – един неотбелязан химнописец от XVI в. // Старобългарска литература. София, 1985. Кн. 18. С. 150–160.

⁷ Кожухаров С. Неизвестен летописен расказ от времето на Иван Асен II // Литературна мисъл. 1974. № 2. С. 123–135.

⁸ Кожухаров С. Пъти достойт архистратига (Новооткрито произведение на Константин Преславски) // Литературознание и фолклористика. София, 1983. С. 59–62; Он же. Песенното творчество на Наум Охридски // Литературна история. София 1984. Кн. 12. С. 3–19.

⁹ Попов Г. Троици произведения на Константин Преславски. София, 1985.

¹⁰ Станчев К., Попов Г. Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988. С. 112–145.

¹¹ Кожухаров С. Преславски канон за Въведение Богородично // Palaeobulgarica. 1991. № 4. С. 28–38.

Эти находки и атрибуции коренным образом изменили представления исследователей о древнейшей славянской гимнографии и ее месте в системе древнейшей славянской литературы. До этого само понятие славянской гимнографии сводилось к службам национальным святым, т.е. для кирилло-мефодиевской эпохи к трем канонам – Константину-Кириллу, Мефодию Константина Преславского и общему – обоим первоучителям. Все остальные песнопения априорно мыслились как переводные. В славянском каноне Димитрию Солунскому, выявленном еще в XIX в., и убедительно атрибутированном архиепископу Мефодию, выделялся некий экзотизм, продиктованный ностальгией первоучителей по родным Салоникам, небесным патроном которых почитался этот мученик. С открытием Кожухаровым (и позднее Г. Поповым) славянских служб на двенадцатые праздники и особо чтимым святым стало ясно, что уже для рубежа IX–X вв. речь должна идти о славянском поэтико-литургическом комплексе, существовавшем параллельно с греческим, непереводаемого характера, созданном учениками Кирилла и Мефодия в Болгарии вполне сознательно и целенаправленно. Уже сейчас можно говорить о славянской Триоди, Минее праздничной и общей, к которым в самое последнее время параллельными разысканиями М. Йовчевой в Болгарии и О.А. Крашенинниковой в России прибавился Октоих. Это заставляет посмотреть по-новому и на раннюю историю переводов богослужебных книг в Болгарии и на Руси в конце IX–XI вв. Осмысление масштабов и значения гимнографического творчества учеников Кирилла и Мефодия в полном объеме – дело будущего, однако нет сомнений, что основание этой огромной историко-культурной темы положено неутомимыми разысканиями и открытиями Стефана Кожухарова.

Т.А. Долгодрова

75-ЛЕТИЕ Е.Л. НЕМИРОВСКОГО

Евгений Львович Немировский в представлении не нуждается – один из столпов отечественного книговедения, историк книги, как отечественной, так и зарубежной, автор десятков капитальных монографий, ряда книг, адресованных как специалистам, так и широкому читателю, наконец, обозреватель новых изданий по истории книги в “Книжном обозрении” – его имя известно всем, кто хоть в какой-то степени интересуется книгой¹.

Е.Л. Немировский родился 21 апреля 1925 г. в г. Зиновьевске (ныне Кировоград) на Украине. Но с детских лет вся его жизнь была связана с Москвой: здесь он учился, и уже в школе проявил большой интерес к истории – сначала это было увлечение историей Древнего Египта. Занимаясь в историческом кружке Дома пионеров, изучая древнеегипетскую иероглифику под руководством профессоров Московского университета Е.Л. сделал свои первые научные шаги, получив на общемосковских конкурсах юных историков в 1940 и 1941 гг. первую и вторую премии за египтологические сочинения.

По окончании Московского заочного полиграфического института в 1950 г. работал во Всесоюзном НИИ Полиграфического машиностроения, где в разное время был научным секретарем, заведующим отделом, вел активную научную работу в области истории отечественной полиграфии. В 1972 г. он был приглашен в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина сначала в качестве заведующего сектором истории книги, который фактически и создал, потом стал заведующим Отделом редких книг, где успешно и плодотворно трудился до 1982 г. Затем Е.Л. продолжил свою исследовательскую работу во Всесоюзной книжной палате, а с 1993 г. вернулся в Российскую государственную библиотеку в качестве главного научного сотрудника.

Еще будучи во ВНИИ Полиграфмаше, Е.Л. Немировский публикует ряд статей, в частности, касающиеся электрофотографии, а также свою первую книгу “Новые способы печати” (М., 1956). В середине 50-х годов им была подготовлена монография о знаменитом русском литейщике второй половины XVI – начала XVII в. – Андрее Чохове, в дополненном и переработанном виде она увидела свет лишь в 1982 г. в Москве.

Но не только техническая сторона книгопечатания занимает Немировского, в равной мере его интересы лежат и в области истории книжного дела, что подтверждает монография, “Рождение книги” (М., 1957), написанная совместно с Б.С. Горбачевским.

Одним из наиболее важных направлений в книговедческой деятельности Е.Л. Немировского стало изучение жизни и деятельности русского первопечатника Ивана Федорова. Учитывая весь материал, накопленный как в трудах дореволюционных исследователей, так и ученых нашего времени, в том числе зарубежных, он предложил собственные подходы к этой теме. В его работах об Иване Федорове можно выделить три принципиально важных момента: во-первых, он выступил против устоявшегося после публикации С.Л. Пташицкого и других авторов прошлого мнения, что все архивные источники об Иване Федорове из-

¹ Евгений Львович Немировский: Биобиблиография. М., 1991. 104 с.

вестны, и дальнейший их поиск ни к чему не приведет. Ученый обнаружил и ввел в научный обиход неизвестные материалы о первопечатнике; его опыту последовали другие ученые, обогащая новыми источниковедческими открытиями науку по изучению раннего славянского книгопечатания. Во-вторых, существенно новым в работах Немировского стала обоснованная методика поэкземплярного учета и описания старопечатных изданий. Он провел идентификацию сохранившихся экземпляров с существующими в литературе научными описаниями книг, дополнил их изучением маргиналий, владельческих записей. Этот аспект научных поисков затем будет развит Немировским и получит свое продолжение в “Сводном каталоге книг кирилловского шрифта” (М., 1979). Третье, очень важное открытие, было сделано Евгением Львовичем при изучении техники русского, украинского и белорусского книгопечатания. Он реконструировал технологию книгопроизводства Ивана Федорова и Швайпольта Фиоля, обнаружил свидетельства того, что русские мастера были знакомы с углубленной гравюрой на меди уже в XV – XVI вв., а не в середине XVII в., как считалось до этого, начав ее применение в виде инициалов и заставок уже в рукописной книге.

Все эти важные выводы, археографические, историографические и источниковедческие находки нашли отражение в монографиях Е.Л. Немировского “Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров” (М., 1964), “Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров” (М., 1974), “Иван Федоров в Белоруссии” (М., 1979), “Острожская азбука Ивана Федорова” (М., 1983), “Иван Федоров” (М., 1985) и др.

Широкое историко-культурное изучение становления и развития русского книгопечатания не могло не привести Е.Л. Немировского к исследованию появления книгопечатания у славян. Итогом этой работы стала монография “Начало славянского книгопечатания” (М., 1971), защищенная им как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. В этой книге он анализирует возникновение кирилловского книгопечатания в Кракове в конце XV в., а впоследствии выдвигает гипотезу о том, что Иван Федоров был студентом Краковского университета.

Закономерным результатом исследований раннего славянского книгопечатания явился предложенный Е.Л. Немировским проект “Сводного каталога славянских старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов”, работа по созданию которого началась в 1970-х годах под его руководством в Отделе редких книг ГБЛ и ряде научных отечественных и зарубежных учреждений. В связи со Сводным каталогом нельзя не упомянуть и библиографические работы Е.Л. Немировского, в частности, указатели литературы “Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова” (М., 1975), “Начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Жизнь и деятельность Франциска Скорины” (М., 1978) и “Сводный каталог и описание изданий Ивана Федорова” (Львов, 1983).

Невозможно подробно остановиться и даже перечислить все наиболее важные работы Е.Л. Немировского, но вместе они составляют золотой фонд отечественной историографии книговедения и истории книги, где книга рассмотрена в широком аспекте всех факторов эпохи – от социально-экономических, культурно-исторических до духовных, печатная книга показана и в контексте существования книги рукописной.

Занимаясь столь плодотворно исследовательской работой, Е.Л. Немировский вел большую научно-организационную деятельность, является членом Бюро Комиссии комплексного изучения книги Научного совета по истории мировой культуры РАН, членом Археографической комиссии РАН, организатором научных конференций “Федоровские чтения”, заместителем редактора серии “История книги в СССР”, членом ряда научных советов, он член-корреспондент РАЕН, академик Академии наук Республики Черногория, главный редактор

“Сводного каталога славянских старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов”.

На этом каталоге стоит остановиться особо. Еще в прошлом столетии была начата регистрация и библиографическое описание книг на кириллице (В.С. Сопиков, П.М. Строев, И.П. Каратаев; В.М. Ундольский), в Богемии (П.И. Шафарик), в Сербии (Л. Мушицкий) и др. Несколько десятилетий назад над проблемами ретроспективной библиографии активно работали в России (А.С. Зернова) и в Югославии (И. Бадалич). К концу XX в. стало ясно, что эти методики устарели – были найдены сотни новых незафиксированных кирилловских изданий, требовали коррекции и используемые методики.

25 лет назад Е.Л. Немировский выдвинул проект создания нового Сводного каталога славянских старопечатных изданий кирилловского шрифта. Еще в своей кандидатской диссертации “Источниковедение и историография русского первопечатания” (1964) он обратил внимание на важность поэкземплярного описания старопечатных книг, где было предложено, в частности, и создание “Сводного каталога славянских старопечатных книг XV – XVII вв.”, ценз (перепись) сохранившихся экземпляров первопечатных изданий XV – XVI вв. Результаты этой работы вылились в публикацию Е.Л. Немировским в 1972 и 1976 гг. значительно расширенных перечней, в которых были указаны все известные ему на то время экземпляры старопечатных изданий, находящиеся в разных странах мира.

Будучи заведующим Отделом редких книг ГБЛ в 1973 г., он сделал создание Сводного каталога плановой работой отдела. Вместе со своим учеником Ю.А. Лабынцевым издал 6 выпусков методических указаний “В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов” (М., 1976). После вынужденного ухода из библиотеки в 1982 г. Е.Л. Немировского, а в 1986 г. Ю.А. Лабынцева работа над созданием каталога значительно замедлилась.

Несмотря на это, Е.Л. Немировский продолжил работы по подготовке Сводного каталога. В 1988 г. им были опубликованы в Минске Сводный каталог и описание изданий белорусского просветителя Франциска Скорины (Выданні Францыска Скарыны. Зводны каталог і апісанне // Францыск Скарына: Зборник дакументаў і матэрыялаў. Мінск, 1988). В 1989–1993 гг. в Югославии в рамках многотомного издания “Черногорская библиография” были опубликованы подготовленные им сводные каталоги и описания изданий первой южнославянской кирилловской типографии, работавшей в 1493–1496 гг. в столице Черногории Цетинье, а также венецианских кирилловских типографий XVI–XVII вв. (Изданья Джурча Црнојевича. 1494–1496. Цетинье: Централна народна библиотека Црне Горе, 1989 / Црногорска библиографија. Т. 1, кн. 1; Изданья Божидара и Виценца Вуковича, Стефана Мариновича, Јакова од Камене Реке, Јеролима Загуровича, Јакова Крајкова, Джованиа Антониа Рампацета, Марка и Бартоломеа Джинамиа. 1519–1638. Цетинье: Централна народна библиотека Црне Горе, 1993 / Црногорска библиографија. Т. 1, кн. 2).

До сих пор в России нет возможности издавать регулярно выпуски Сводного каталога славянских старопечатных изданий кирилловского шрифта. Поэтому Е.Л. Немировский был очень признателен за помощь, предложенную из Германии. Немецкий издатель Валентин Кернер, осознав важность работы, в 1996–2000 г. в знаменитом Баден–Бадене публикует первые пять томов работы Немировского – “Сводный каталог старопечатных изданий кирилловского шрифта” (Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift).

Этот каталог вышел в рамках самой последней и получившей большую известность немецкой серии “Bibliotheca bibliographica Aureliana”. Отрадно сознавать, что работы российского ученого включены в библиографический свод мирового уровня. Первый том каталога Немировского посвящен описанию изданий типографии Швайпольта Фиоля (Краков, 1491–1493) и Джурджа Црноевича (Цетинье,

1493–1496). Во втором томе даны издания типографии Макария (Валахия, 1508–1521) и Джордже Рускони (Венеция, 1512). В третьем – описаны книги типографии Франциска Скорины (Прага, 1517–1519). Четвертый том посвящен продукции первой типографии Божидара Вуковича (Венеция, 1519–1521) и типографии Божидара Горажданина (Венеция–Горажде, 1519–1523), пятый – с описанием изданий второй типографии Франциска Скорины (Вильна, 1522–1525). Сданы в печать: шестой том, в котором описываются издания второй типографии Божидара Вуковича (Венеция, 1536–1540); седьмой том с описанием книг сербских монастырских типографий (1537–1546); восьмой, посвященный изданиям первой типографии Виченцо Вуковича (Венеция, 1546–1547) и типографий, действовавших в Валахии в 1545–1547 гг. В девятом томе даны исправления, дополнения и указатели ко всем восьми томам. Девятый том завершит первую серию Сводного каталога. Всего в ней будет описано 77 изданий 16 славянских типографий, представленных более чем в 800 известных автору экземплярах.

Планируемая автором вторая серия Сводного каталога будет включать в себя около 20 томов с описанием старопечатных книг кирилловского шрифта второй половины XVII в.

Такой огромный объем работы требует к тому же знакомства *de visu* со всеми описанными изданиями. Над созданием этого каталога Е.Л. Немировский работал в книгохранилищах Белграда, Берлина, Бухареста, Варшавы, Киева, Кракова, Лондона, Львова, Минска, Москвы, Нови Сада, Новосибирска, Оксфорда, Пловдива, Подгорицы, Праги, Приволье, Санкт-Петербурга, Саратова, Софии, Херцег – Нови, Цетинье, а также в монастырских библиотеках Болгарии, Сербии и Черногории: Врдник, Милешева, Морача, Николац, Пива, Плевлье, Рила, Савина.

Отметим отличия Сводного каталога от всех ранее изданных описаний славянских старопечатных книг кирилловского шрифта. Главная особенность – подробное раскрытие состава и содержания этих изданий. Например, такие книги, как Евангелие и Апостол описаны на уровне зачал, Октоих и Триодь – на уровне песнопений, Псалтирь – соответственно псалмов. Полностью воспроизведены в Каталоге все тексты, внесенные в издания типографами и издателями – предисловия, послесловия, аннотации и названия разделов. Тексты публикуются в оригинальной кирилловской транскрипции с сохранением всех особенностей правописания, указывается деление текстов на строки.

Необходимость такого детального воспроизведения состава изданий объясняется тем, что состав богослужебных книг, – а прежде всего именно эти книги печатались в то время, – различен в разных изданиях. Варьировались не только тексты, но и их расположение в книге, поэтому подробная роспись состава книги поможет исследователям лучше понять и проследить их историю. К тому же нельзя забывать, что некоторые издания кирилловской печати очень редки – известны в 1–2 экземплярах. Как пример, можно привести “Азбуку” Ивана Федорова” 1574 г., находящуюся только в Британской библиотеке в Лондоне и в библиотеке Кембриджского университета (США).

Подробное раскрытие состава изданий имеет и сугубо практические цели. В большинстве старопечатных изданий XV – первой половины XVII в. нет ни пагинации, ни фолиации, наличествуют только сигнатуры – нумерация тетрадей. Большинство экземпляров старопечатных кирилловских книг дошли до нас некомплектными, с утратами и дефектами. Если обнаруживается новый экземпляр, а другие экземпляры недоступны, то определить комплектность вновь обнаруженной книги не просто сложно, но в большинстве случаев невозможно. Тут и поможет постраничная роспись содержания, которая также важна для причисления книги к какому-либо изданию, давая возможность правильно атрибутировать книги и установить их полноту.

Важной особенностью Сводного каталога явилось подробное описание всех сохранившихся и известных автору экземпляров. До этого подробные описания

содержались только в каталогах небольших собраний. Понятие “дублет” не существует для старопечатных изданий – всякий экземпляр по-своему уникален. Отличаются они вариантами типографского набора, разными переплетами, маргиналиями, владельческими и читательскими записями, позволяющими реконструировать историю экземпляра. Поэкземплярное изучение большого объема старопечатных изданий приводит иногда к важным открытиям, и наоборот. Часто из многих сохранившихся изданий только один способен дать исключительно важные сведения о месте выхода книги и о печатнике. Очевидны важность и необходимость поэкземплярного описания старопечатных книг.

Е.Л. Немировский, описывая экземпляр в Сводном каталоге, приводит его библиотечный шифр или инвентарный номер, указывает порядковые номера сохранившихся в книге листов, приводит сведения о переплете, о рукописных добавлениях, экслибрисах, полностью воспроизводит в оригинальной транскрипции читательские записи, сообщает об экземплярах, современное местонахождение которых неизвестно, но они упоминаются в литературе. В библиографической справке, завершающей описание, автор дает отсылку на все известные ему упоминания об этом экземпляре в печатных и архивных источниках.

Поэкземплярное описание важно и в своих охранных функциях, так как не секрет, что даже в самых крупных хранилищах книги иногда исчезают или “худеют”. С помощью Сводного каталога с поэкземплярным описанием легко определить принадлежность пропавшего экземпляра, если он где-либо обнаружится. Поэкземплярное описание позволяет зафиксировать первоначальную его комплектность, которую уже не будет так легко нарушить, как это возможно ныне.

Еще одной важной особенностью Сводного каталога Е.Л. Немировского является подробное раскрытие художественного оформления изданий. Абсолютно все иллюстрации, заставки, виньетки, концовки и инициалы старопечатных изданий воспроизведены в Сводном каталоге с указанием их полистного размещения. Все указатели восьми томов, включающие именные указатели и книгохранилищ, в которых находятся все зафиксированные экземпляры, хронологические указатели читательских записей, а также библиография вопроса собраны в отдельном девятом томе.

Следует отметить, что каждому тому предпослана вступительная статья на русском и немецком языках, где рассказывается о типографиях, издания которых описаны в данном томе, а также об истории открытия и введения в научный оборот отдельных экземпляров этих изданий, анализируются шрифты, иллюстрации и орнаментика книг.

Е.Л. Немировский подарил вышедшие тома “Сводного каталога старопечатных книг кирилловского шрифта” (*Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift*) отделам редких книг РГБ и РНБ и Отделу рукописей ГИМ, где они доступны читателям.

Нельзя не поразиться широте и универсальности научных интересов Е.Л. Немировского: он не только один из основоположников фундаментального изучения становления отечественного и славянского книгопечатания, но и является автором капитальной монографии об изобретателе европейского книгопечатания “Иоганн Гутенберг около 1399–1468” (М., 1989). Сейчас автор работает над новым переработанным и дополненным вариантом монографии о Гутенберге, подводящей итог всех мировых и отечественных изысканий в этой области. Хочется пожелать Е.Л. Немировскому скорейшего выхода в свет этой книги, и чтобы она получила такое же мировое признание, как и его издание в Германии “*Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift*”.

В заключение назовем монографии Е.Л. Немировского о крупнейших русских археографах – В.М. Ундольском – “Вукол Михайлович Ундольский (1816–1864)” (М., 1996), А.Е. Викторове и В.И. Григоровиче (последние две еще не изданы). Все они написаны на большом архивном материале, главным образом ОР РГБ.

Е.К. Ромодановская

**АКАДЕМИК Н.Н. ПОКРОВСКИЙ – ОРГАНИЗАТОР
И РУКОВОДИТЕЛЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ В СИБИРИ:
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Каждый юбилей побуждает к размышлениям о человеке, которого хорошо знаешь много лет, с которым вместе работаешь – и в то же время за текучкой дел зачастую не замечаешь истинного масштаба его личности.

О Николае Николаевиче Покровском так сказать нельзя. Его талант и незаурядность оценили сразу, как только он появился в Новосибирске, в Сибирском отделении Академии наук. Полный энергии, планов, желаний как можно больше сделать на новом для него археографическом поприще. Итог этой работы лучше всего определяет предложенный Д.С. Лихачевым термин “археографическое открытие Сибири”. С 1966 г., когда Н.Н. Покровский стал руководителем и организатором археографических исследований, охвативших всю Сибирь, Дальний Восток, часть Урала и Средней Азии, были спасены и стали достоянием науки сотни рукописей XV–XX вв. и старопечатных книг. Одного этого, вероятно, хватило бы, чтобы имя Н.Н. осталось в анналах сибирской науки.

Впрочем, археография в том виде, в каком она известна широкой аудитории – организация экспедиций, поездки за рукописями¹, великолепные выставки разысканных рукописных и старопечатных книг – всегда была лишь малой частью деятельности Н.Н. Покровского. Главным являлось исследование всего привезенного разновременного рукописного богатства, среди которого находились вещи феноменальные. Так, уже в первые поездки на Алтай ученому удалось получить уникальный сборник XVI в., содержащий наиболее ранний (и полный!) список судного дела Максима Грека, позволивший по-новому представить судьбу великого просветителя. Открытие этого текста явилось сенсацией в кругах специалистов, и, отложив на какое-то время ранее запланированные исследования, Н.Н. подготовил публикацию и статью о новых материалах². В целом же материалы экспедиций, дополненные архивными разысканиями, в работах Н.Н. Покровского представили широкую картину крестьянской письменности и литературы³, позволили услышать не известный до того голос основного сословия русского народа. Теперь эти вопросы активно разрабатываются как учениками Н.Н. Покровского, так и другими учеными не только в Новосибирске, где это направление зарождалось, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде.

Исследование текстов у Н.Н. Покровского всегда сопровождалось изучением самого русского старообрядчества, благодаря феномену которого крестьянские семьи до сих пор хранят уникальные древние книги. Его монография об истории

¹ О своих поездках Н.Н. Покровский рассказал в работе “Путешествие за редкими книгами” (М., 1984; 2-е изд., доп. М., 1988).

² См.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1970. К этой теме Н.Н. возвращался и позднее, см.: *Покровский Н.Н.* Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 80–102.

³ *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

урало-сибирского старообрядчества в XVIII в. в корне изменила господствовавшие тогда в науке представления, открыв новое направление в исследовании системы взглядов, представлений, убеждений огромной массы русского крестьянства⁴. Одной из первостепенных здесь оказалась проблема взаимоотношения власти и общества, разработанная исследователем на сибирских материалах XVII столетия⁵.

В изучении старообрядчества Н.Н. никогда не ограничивался только историческим аспектом. Именно ему принадлежит идея комплексного исследования старообрядческих общин во время экспедиционных поездок, когда собирались сведения о современных демографических процессах, о музыкальной и художественной культуре, о современном творчестве⁶. Недаром в последние годы появилась целая серия работ юбиляра о старообрядческих общинах и их письменном наследии в первой половине XX в.⁷

Интерес к новейшей истории всегда был характерен для Н.Н. Покровского. И здесь он остается прежде всего исследователем-источниковедом. Будучи глубочайшим знатоком русского рукописного наследия XII–XIX вв., он вслед за своим учителем М.Н. Тихомировым широко использует выработанные в этом материале методы критики источника при публикации секретных документов ЦК КПСС по истории Русской церкви 1920-х годов⁸. Вопросы атрибуции, датировки, выявления канонического текста, пути прохождения документов “по инстанциям” получают всестороннее освещение, а работа в целом, несомненно, имеет методологическое значение для научного изучения исторических процессов XX в.

Верность учителям и память о предшественниках – важнейшая черта большого ученого. В последнее время Николай Николаевич, наряду с собственными исследованиями, прилагает величайшие усилия для восстановления рукописи и публикации книги своего отца, Николая Ильича Покровского, видного востоковеда, ученика И.Ю. Крачковского, первого декана исторического факультета Ростовского (на Дону) университета. Написанная в конце 1930-х – начале 1940-х годов, монография Н.И. Покровского об истории войн Шамиля в течение почти 70 лет была на гребне современной политики и потому не могла выйти в свет ранее. Злободневная и в настоящее время, усилиями сына она, наконец, издана⁹.

Николай Николаевич Покровский человек колоритный, не стандартный по сути своей, страстный исследователь, для которого научная истина всегда превыше всего, человек, работающий непрестанно – не только в кабинете, но и в больничной палате, и на южном пляже. Сделанное им в исторической науке разнообразно и значимо. И всем нам, его друзьям, ученикам и коллегам, хочется пожелать юбиляру новых трудов, новых открытий, новых свершений*.

⁴ См., например, подготовленный Н.Н. Покровским с учениками итоговый труд “Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.” Новосибирск, 1999.

⁵ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

⁶ См.: Покровский Н.Н. Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 435–436.

⁷ См.: Покровский Н.Н. За страницами “Архипелага ГУЛАГ” // Новый мир. 1991. № 9; Он же. Рукопись сибирских старообрядцев на бересте // Живая старина. 1995. № 1; Он же. Соборные уложения часовенных XVIII–XX вв.: система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000.

⁸ См.: Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. В 2 кн. / Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997–1998. Кн. 1–2.

⁹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имагат Шамиля. М., 2000.

* К 70-летию академика Н.Н. Покровского издан сборник статей “Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания” (Новосибирск, 2000), содержание которого см. в наст. изд. (С. 478–479).

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУЧНОМУ НАСЛЕДИЮ М.М. БОГОСЛОВСКОГО И А.Е. ПРЕСНЯКОВА

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Заседание посвящено 70-летию со времени кончины выдающихся историков Михаила Михайловича Богословского, умершего в Москве 20 апреля 1929 г., и Александра Евгеньевича Преснякова, скончавшегося в Ленинграде 30 сентября 1929 г. Конечно, можно было бы жизни и творчеству каждого из этих историков посвятить особое заседание, тем более, что значение сотворенного учеными для современной им культуры и для дальнейшего развития науки становится с годами все очевиднее. Но мы привыкли приурочивать поминания наших предшественников (на заседаниях и в сборниках печатных материалов) обычно к юбилейным датам, а год памятной даты на исходе. И в Археографической комиссии уже имеется опыт проведения научных заседаний типа конференции, посвященных сразу двум классикам нашей сферы научных знаний: так, в конце 1995 г., было юбилейное заседание к 175-летию со дня рождения С.М. Соловьева и И.Е. Забелина (см. АЕ за 1995 год). И это, оказывается, дает возможность, при сравнительно-историческом подходе, увидеть наше научное наследие в несколько необычном ракурсе и отметить дополнительные к прежде выявленным взаимосвязи с явлениями и современной им эпохи, и нашей.

Ныне все в большей мере закрепляются в сознании и исследователей, и учащихся, и учащихся вузов, и широкой аудитории историков-краеведов понятия о предмете и задачах историографии, об источниковедении историографии, о круге историографических источников, пропагандировавшиеся в моих статьях и докладах с 1960-х годов¹, и многими авторами в изданиях Археографической комиссии и особенно на страницах “Археографического ежегодника”.

К исторической мысли перестали подходить преимущественно в политико-идеологическом плане (да еще с примитивно однозначным толкованием знаков “+” и “-”). Утверждается и представление о том, что предмет историографии, это – не только исторические концепции или истолкование исторического процесса и оценка исторических событий и лиц, но и сама методика исторического исследования, приемы выявления исторической информации, и вся сфера творчества археографов, историков-архивистов, музейных работников. А историографическими источниками (иногда даже и первостепенного значения) следует признавать и напечатанные, и известные лишь по архивным материалам, а

¹ Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // ТМГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 3–49; *Он же*. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997 – особенно статьи 1976 г. “Некоторые вопросы источниковедения историографии” (С. 119–129) и 1994 г. “Архивный документ как историографический источник” (С. 177–205).

также и завершённые труды и то, что относится к лаборатории исследователя, его творческой биографии, или помогает понять, как воспринималось научное творчество историков.

Соответственно отказываются от навязываемой прежде всего трактовки развития отечественной исторической науки в предреволюционный период как “кризиса” в разговорном толковании термина: “затруднительное, тяжелое положение” (как в Словаре русского языка С.И. Ожегова). И историческую мысль тех десятилетий стали рассматривать в контексте с более широким спектром явлений современной общественной жизни и культуры, и не только в области философии, социологии, а также литературы “серебряного века”, но и формирующийся науки о науке; причем и в России и за рубежом – потому-то обрело устойчивость представление о том, что методология А.С. Лаппо-Данилевского опережала мировую науку. Совсем иначе, в отличие от обобщающего или учебно-методического типа историографических сочинений советских лет, стали оценивать и труды историков, в 1920-е годы остававшихся на немарксистских позициях.

Творчество Богословского и Преснякова, безусловно, можно отнести к вершинным достижениям отечественной исторической науки первой трети XX столетия. Их обоих отличали широта исследовательских интересов (хронологический диапазон – от Древней Руси до близкого им времени), эрудиция европейской образованности, фундаментальность источниковой базы исследований, взаимопроникновение в их трудах методик собственно исторического подхода (в традиционном понимании, восходящем еще к С.М. Соловьеву) и источниковедческого (показательно, что оба начинали путь в науку с источниковедческих работ – Богословский о писцовых книгах XVI в., Пресняков – о летописях XVI в.), совмещение исследовательского труда с деятельностью преподавательской (оба очень внимательны к начинающим исследователям, создатели научных школ), организационной и просветительской. Оба имели при жизни высокий авторитет и в научной среде, и в более широких кругах интеллигенции. Оба ощущали вкус и к историографической тематике – применительно к недавним десятилетиям, даже с социопсихологическим уклоном. Не безынтересно, что и тот и другой сочли нужным выступить публично в десятую годовщину кончины В.О. Ключевского – Богословский с докладом (текст которого пока не обнаружен), Пресняков – со статьей; писали и статьи-воспоминания о других историках.

Случилось так, что с изданием именно их трудов начала закрепляться традиция публикации неизданного научного наследия историков, скончавшихся сравнительно недавно: в канун Великой Отечественной войны издали лекции по русской истории (до XV в.) Преснякова и первые тома незавершенной биографии Петра Великого, написанием которой Богословский был занят до конца своих дней. А на рубеже 1940–1950-х годов, когда ужесточились нападки на то, что в трудах ученых-гуманитариев не совпадало с однолинейными определениями марксизма-ленинизма и было близко к взглядам зарубежных мыслителей (и еще не было ясно, что это – прикрытые становящегося партийно-государственным лозунгом антисемитизма), Богословского и Преснякова отличали за идеалистические воззрения, чуждые публично декларируемым общественно-политическим установкам. И лишь примерно через 20 лет оказалось допустимым возвратиться уже с иных позиций к изучению жизни и творчества обоих историков. В наши дни труды Богословского и Преснякова снова востребованы, переиздаются.

Уже видные историки их поколения допускали возможность писать сразу и о Богословском и о Преснякове, как это сделал А.А. Кизеветтер в статье, подготовленной для парижских эмигрантских “Современных записок” (1930. Т. 41), – “Две утраты: М.М. Богословский и А.Е. Пресняков”. В том же жур-

нале позже появилась статья П.Н. Милюкова памяти двух других выдающихся историков того же поколения², из которых один скончался за рубежом, а другой – в СССР, или, как принято было выражаться в эмиграции, в “Советороссии”³.

Это позволяет и в наши дни подойти к творчеству и жизненной судьбе Богословского и Преснякова в историко-сравнительном плане на фоне их эпохи, и в контексте явлений, высвечивающих общее и особенное в биографиях историков именно той эпохи, а также и воздействие на историков следующих поколений уже на уровне знаний и понятий нашего времени.

В этом плане допустимы наблюдения и о “школах” историков – московской (Богословский – ученик В.О. Ключевского, занявший после кончины знаменитого московского профессора его кафедры в Московском университете и Московской духовной академии) и петербургской (Пресняков, окончивший университет, считал себя учеником С.Ф. Платонова, под руководством которого написано сразу же изданное студенческое сочинение о Царственной книге, и А.С. Лаппо-Данилевского), их приметных чертах и взаимосвязях, об исследовательских пристрастиях и общественно-политических воззрениях дореволюционной профессуры, ее положении в советские годы (использование властными структурами, общественный статус, возможная тематика научной и иной работы, общественные настроения), о микроклимате мира ученых-гуманитариев. Выявляются и обстоятельства, объясняющие характерное для этого микроклимата, – повседневности научной жизни тех лет, не всегда нашедшее доступное нам отражение в научных трудах, ознакомлением с которыми подчас ограничиваются историографы.

Обнаруживается и общее, существенно показательное для определенной социокультурной среды, и заметные отличительные особенности в личностном плане. Богословский консервативен и по образу мысли, и по образу поведения. Серьезный, с медлительной речью ясных формулировок, трудолюбивый и обстоятельный с юных лет (из тех, кого в мои юные годы называли прирожденным отличником). Проникнутый укоренившимися в сознании московскими традициями – традициями интеллигенции более разночинской, чем дворянской, с преобладанием священнослужителей, медиков, юристов, с соблюдением старозаветных ритуальных обычаев и в празднествах. Да и учился он в Пятой гимназии, особенно тесно связанной с университетом, куда поступали обычно дети профессоров. Приметлив на бытовые детали, которые в его сознании подчас обретали и знак социологического наблюдения (близость подхода к явлениям в монографических исследованиях о России в конце XVII–XVIII в. и в воспоминаниях о Москве последней четверти XIX в. бросается в глаза). Поэтому-то Богословский оказался столь уместен как руководитель-консультант Комиссии по истории быта Московской секции Государственной академии истории материальной культуры и в Историческом музее, с его многообразием памятников истории и культуры и приемов их использования для исследовательских и просветительских целей. При реорганизации Исторического музея и планировании новой экспозиции основывались на его докладе 1921 г. о термине “история быта”, опиравшемся еще на работы И.Е. Забелина.

Потому-то профессора Богословского признавали и лучшим руководителем именно семинарских занятий, подлинным наследником закрепившего такую практику П.Г. Виноградова. М.Н Тихомиров в статье 1955 г. рассчитывая на определенный круг читателей многотиражной газеты “Московский университет”, счел необходимым особо подчеркнуть: “Замечательные просеминарские занятия по

² Милюков П.Н. Два русских историка (С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер) // Современные записки. 1933. Т. 51. Статья вышла и на французском языке: *Miljukov P. Deux historiens russes S.F. Platonov et A.A. Kizevetter // Le Monde Slave (N.S.). P., 1933. T. 1. № 3. P. 454–464.*

³ Такое определение употребляется, в частности, в статье: Маковский Сергей. Московский художественный театр за границей // *Жар-птица*, Берлин. 1921. № 1. С. 20.

изучению Псковской Судной грамоты вел профессор М.М. Богословский. Вероятно, тогда-то и зародился у меня тот повышенный интерес к источниковедению, который я проявлял всю жизнь"⁴. В то же время Богословского не выделяли как лектора: ему, видимо, были несвойственны и привлекательный для аудитории импровизационный стиль с неожиданной образностью мыслительных построений, и система постановки вопросов и поиска ответов на них вместе со слушателями, и характерные для Ключевского художественность и намеренная – не без ядовитости – публицистичность.

Богословский до конца жизни оставался полон интереса к многообразной тематике – исторической и источниковедческой – и согласился в конце 1920-х годов возвратиться к занятиям молодых лет и возглавить подготовку академического издания Русской Правды по спискам московских хранилищ. Но упорно он не отклонялся от основной для себя тематики исследовательских занятий и способен был ставить перед собою задачу подготовки многотомного монографического труда.

Опыт подготовки этого труда – материалов для биографии Петра Великого уникален для той эпохи, и, пожалуй, даже нарочито в традициях главных великих классиков отечественной исторической науки Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева с их грандиозными и в то же время четко определенными намерениями. И то, что Богословский и после революционных событий сосредотачивался на том же и даже, пожалуй, в еще большей мере, чем прежде (когда профессорская деятельность требовала внимания ко многим темам) – показатель самоуважения и, быть может, даже демонстративного следования принятым прежде системе научной работы и остающейся дорогой проблематике, а также и веры в то, что это важно для потомков и будет когда-нибудь ими оценено.

Подобно Платонову, Богословский убежденно и последовательно придерживался и восходящих к "Истории" Карамзина нравственных критериев в характеристике и оценке исторических событий, деятелей, что не только игнорировалось, но и отрицалось Покровским и сторонниками его взглядов. Это казалось чуждым и в последующие годы. И потому труд Богословского о Петре Великом издали с отступлениями от авторского текста. Это выявил А.В. Мельников, готовящий академическое издание исследования Богословского согласно плану Археографической комиссии и издательской программы по московскому издательству "Наука". Об этом (со ссылкой на наблюдения Мельникова) была информация в моем докладе «Труд академика М.М. Богословского "Петр Великий": Материалы для биографии» на конференции в ноябре 1998 г. «Петр Великий – реформатор России» и доклад на научной конференции в Екатеринбурге А.В. Мельникова, а также его статья⁵.

Богословский убежденно придерживался методики и методологии дореволюционной исторической науки (а это были общемировые стандарты, ибо именно в России запланирован был на 1918 год Всемирный конгресс исторических наук). Он старался удержать эти методы в Институте истории РАНИОН, в научной работе сотрудников Исторического музея (а в первые годы советской власти и в архивном ведомстве). Богословский оставался лично близок к тем московским историкам с дореволюционным стажем, которым казались чуждыми "социалистические" преобразования (что отражено и в дневниковых записях некоторых из них – С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье), а из петербуржцев – с С.Ф. Платоновым. Сейчас, исходя из критериев современных историографических оценок, можно констатировать, что главным образом благодаря авторитетному положению в

⁴ Цит. по: Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.

⁵ См.: Мельников А.В. К истории публикации труда академика М.М. Богословского "Петр Великий: Материалы для биографии" // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 444–447.

Москве М.М. Богословского и Д.М. Петрушевского, молодое поколение специализирующихся в 1920-е годы по средневековой истории России и Западной Европы получало по-настоящему серьезную подготовку в сферах и источниковедения (с археографией) и историографии, позволившую им уже с середины 1930-х годов, после устранения “школы Покровского”, – несмотря на тяготы тоталитарного режима сталинизма, – создавать труды высокого исследовательского уровня и формировать научные школы с упором и на овладение традиционными основами “ремесла историка”.

Пресняков по складу своего характера, потребности живо откликаться на общественные запросы, склонности к философско-социологической проблематике был ближе к другим ученикам Ключевского того же поколения, к Н.А. Рожкову и А.А. Кизеветтеру (так же, как и Пресняков, увлекавшимся театром и писавшим об этом), лицам дружеского круга Богословского в 1890-е годы, когда они – все трое – готовились к сдаче магистерских экзаменов и писали диссертации⁶. И Кизеветтер и Рожков (как и Пресняков) окончили гимназии в провинции и не имели, в отличие от Богословского, столь устойчивых корневых связей с обычаями именно московской культурной традиции. По общественно-политическим воззрениям кадет Кизеветтер, а тем более социал-демократ Рожков, были значительно левее Богословского, не склонного к тому же вообще проявлять политическую активность – ни в организационном плане (а Кизеветтер и Рожков были членами ЦК своих партий!), ни в публицистике.

После 1917 г. Пресняков активно стал участвовать в самом процессе преобразований, в отличие от Богословского и Платонова, главной заботой которых стало сбережение культурного наследия – памятников истории и культуры, и дорогих, им выверенных опытом, приемов их выявления и изучения. Сохранением культурной традиции был и привычный стиль их личных научных трудов (приемы исследования, формы выражения мысли и даже “старомодность” терминологии). Платонов, утративший возможность придерживаться таких правил в учебной работе и отошедший от преподавания, сосредоточился на организационной и научно-редакторской деятельности в учреждениях Академии наук. Пресняков же интенсивно вел преподавательскую работу – в Ленинграде и в Москве, причем и в тех учреждениях, где профессора из “лагеря” Покровского, вслед за ним “клеями” Платонова как консерватора, продолжателя “реакционной” линии Карамзина в историографии. Покровский даже публично заявлял, что марксистская наука может числить Преснякова “на своем балансе”.

Пресняков заинтересованно знакомился с социологическими и философскими воззрениями мыслителей-марксистов и близких к ним, старался осмыслить влияние классиков исторической науки XIX в. на последующее “развитие российской историографии”, вплоть до современности. Увлеченно занялся открывшейся после революции новой для него в исследовательском плане проблематикой политической истории России XIX в. Отказался от подготовки солидного объема исследований: сочинения его, это – сравнительно небольшие книги (впрочем, как и у Платонова тех лет, и тоже блистательные по стилистике), но во многом новаторские по выводам, или статьи характера кратких обобщений, даже в форме постановки вопроса. И при этом с использованием словаря историков молодого поколения.

Теперь становится заметно, что Пресняков в большей мере, чем другие его сверстники, оказался предтечей тех университетских профессоров 1930–1940-х годов (а также и ученых Академии наук), которые, используя или даже декларируя марксистскую методологию, воспитывали интерес к источниковедческой ме-

⁶ Об этих дружеских отношениях см. в воспоминаниях Богословского о Рожкове (Ученые записки Института истории РАН ИОН. М., 1928. Т. 5. С. 132 и след.) и в воспоминаниях Кизеветтера (Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 198–201).

тодике и историографическому знанию, к рассмотрению явлений отечественной истории в контексте мировой истории (и с применением научных приемов зарубежных медиевистов), т.е., как и Богословский в Москве, способствовал формированию навыков подлинного “ремесла историка”. (Небезлюбопытно, что первым, кто направил мое внимание на обязанность ознакомления с монографиями и лекциями Преснякова, был в годы эвакуации гуманитарных институтов Академии наук в Ташкенте И.И. Смирнов, считавшийся тогда среди ленинградских историков самым “правоверным” марксистским методологом, но затем проявивший себя и как источниковед в исследованиях России XV–XVIII вв.)

Сопоставительное рассмотрение биографических данных Богословского и Преснякова оказывается небезынтересным при изучении роли С.Ф. Платонова в научной и общественной жизни 1920-х годов. Платонов, член-корреспондент Академии наук с 1909 г., воспринимавшийся после кончины Ключевского как глава науки отечественной истории, действительным членом академии наук стал лишь 3 апреля 1920 г. Хотя Платонов был близок с президентом Академии наук, великим князем Константином Константиновичем (знаменитым поэтом “КР”), академики, группировавшиеся возле неперменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга, не склонны были допустить Платонова в академическую среду. О взаимной неприязни (иногда принимавшей даже публичные формы) обоих Сергеев Федоровичей было широко известно; это отражено в переписке современников, в дневниковых записях супруги Ольденбурга. Ситуация изменилась лишь к 1920-му году, когда скончались близкие к Ольденбургу академики М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, заболел А.А. Шахматов, оказались вдали от Петрограда другие лица из окружения неперменного секретаря (фактически по традиции, восходящей к прошлому Академии наук, дела по ее руководству вершили неперменные секретари).

И С.Ф. Платонов, прирожденный организатор и властный администратор, сумел очень скоро утвердиться в Академии наук – наркомпрос А.В. Луначарский⁷ в записке В.И. Ленину в мае 1921 г. замечает: “Академик Платонов – ума палата. Сейчас, кажется, избран в президенты Академии...” Такое предположение, конечно, опиралось на какие-то слухи. Действительно, уже через восемь месяцев Платонов сумел укрепить Отделение исторических наук и филологии “своими людьми”. 4 декабря избрали членами-корреспондентами ближайшего друга Платонова со студенческих лет археографа В.Г. Дружинина и непосредственных учеников Платонова по Петербургскому университету (где он заведовал ранее кафедрой) А.Е. Преснякова и по-домашнему близкого С.В. Рождественского, а из москвичей М.М. Богословского, с которым у Платонова все более закреплялись дружественные связи. Через четыре месяца, 2 апреля 1921 г., Богословского избирают уже действительным членом Академии наук. И на протяжении 1920-х годов Платонов и Богословский действовали в научно-организационном плане единодушно, и все более сближались: прибывая в Москву, Платонов останавливался в квартире Богословского, а Богословский в Петрограде-Ленинграде в квартире Платонова. Платонов получал за Богословского его академическое жалованье. Их большая переписка, насыщенная интересными сообщениями научного характера, многообразными подробностями академического обихода и современной общественной жизни – важный памятник не только историографический, но и социокультурной истории. Сейчас в Археографической комиссии (по гранту РГНФ) их переписка подготовлена А.В. Мельниковым к печати. В то же в издание войдут письма Платонова разным лицам за 60 лет (с 1888 г.), подготовленные к публикации другим моим учеником, сотрудником РГАДА В.Г. Бухертом.

С Пресняковым же отношения у Платонова складывались непросто. Первый помощник Платонова по петроградским архивам при проведении архивной ре-

⁷ ЛН. М., 1971. Т. 80 (В.И. Ленин и А.В. Луначарский). С. 258.

формы и один из теоретиков этих архивных преобразований, он покинул вместе с Платоновым архивное ведомство, когда оно перешло от Д.Б. Рязанова, целенаправленно и настойчиво привлекавшего в такой работе дореволюционных “спецов”, под начало М.Н. Покровского и его “комиссаров”. Но Пресняков был долго близок с Лаппо-Данилевским и более молодыми участниками его знаменитого “Кружка” (в частности, с С.Н. Валком), продемонстрировал свои преклонение и преданность его памяти в удивительной по глубине мысли, психологическому настрою и сердечной теплоте книжечке “Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский” (1922 г., “Биографическая библиотека” издательства “Колос” в Петрограде). А главное – как отмечалось выше – Пресняков открыто отходил и от общественно-исторических взглядов Платонова и от позиций, занятых им в практической научно-организационной деятельности. И это сказалось на результатах выборов в действительные члены Академии наук в начале 1929 г.

О жизни и творчестве Богословского и Преснякова имеется уже немалая литература. Она указана в “Списке печатных трудов академика М.М. Богословского”, составленном А.В. Мельниковым (АЕ за 1999 год. С. 320–335), и в статье С.В. Чиркова “Александр Евгеньевич Пресняков”⁸. Еще в АЕ за 1970 год к 100-летию со дня рождения историка Чирков опубликовал “Обзор архивного фонда А.Е. Преснякова” и “Список трудов А.Е. Преснякова”. Помню, как радовался С.Н. Валк, знакомясь с кандидатской диссертацией Чиркова “А.Е. Пресняков как источниковед и археограф”, и говорил мне об этом во время нашего последнего телефонного разговора. А сегодняшнее сообщение Чиркова – часть уже докторской диссертации “Археография в исторической науке России рубежа XIX–XX вв. (По материалам изучения древнерусских письменных источников)”.

Обращение к архивному наследию историков, а также к дневниковым записям, эпистолярному материалу, существенно расширяют поле зрения историографа. И на нынешнем заседании преобладает внимание именно к таким историографическим источникам. Это и в традициях Археографической комиссии, и нашего “Археографического ежегодника”.

⁸ Портреты историков: Время и судьбы / Сер. Summa culturologiae: В 2 т. Т. 1. Отечественная история. Иерусалим; М., 2000. С. 136–152.

С.В. Чирков

А.Е. ПРЕСНЯКОВ И АРХИВНАЯ РЕФОРМА

В статье “Обзоры пережитого”, вышедшей в 1920 г., А.Е. Пресняков писал: “Предмет исторического познания не стоит перед исследователем как законченное целое. История изучает ход той самой жизни, какой живет и современность, какой будет жить грядущее. Годами, десятилетиями, веками нарастает и меняется историческая перспектива, а ее углубление – углубляет и понимание пережитого прошлого, выявляя подлинную значительность и истинное значение явлений, в прошлом зародившихся, в дальнейшем развитии развернувших свой смысл, свое живое влияние на общий ход исторического процесса”¹. Сказанное об истории общества относится и к истории науки, общество познающей. Политический и социальный переворот 1917 г. был не только “опытной лабораторией исторического сознания”, но и предопределил многие перестановки, передвижки и переоборудования в лаборатории самой исторической науки и ее специальных дисциплин.

¹ Пресняков А.Е. Обзоры пережитого // Дела и дни: Исторический журнал. Пг., 1920. Кн. I. С. 346.

плин. Непосредственно затронули эти изменения и творческую судьбу А.Е. Преснякова: подобно многим своим коллегам он принял деятельное участие в реформировании отечественного архивного дела², обратился к изучению нового периода русской истории, начал пересмотр своих теоретических взглядов и исследовательской методологии. Изучению эволюции некоторых представлений историка, относящихся к археографической и архивной сфере, произошедшей в послереволюционные годы, посвящена настоящая работа.

Ко времени архивной реформы Пресняков был признанным специалистом в изучении московского летописания. В защищенной в 1918 г. докторской диссертации “Образование Великоорусского государства” дан замечательный образец комплексного исследования летописных и актовых источников XIV–XV вв. В ходе написания монографии по истории Сената в царствование Елизаветы Петровны он познакомился с архивными материалами XVIII в. Его представления об исторических источниках и приемах их изучения сформировались на “классическом” материале летописей и актов. В изучении этих источников Пресняков выступил последователем А.А. Шахматова, с которым сотрудничал в деле издания московских летописных памятников, и А.С. Лаппо-Данилевского, у которого слушал курс методологии истории.

В ходе осуществления архивной реформы Пресняков, как и все ученые, участвовавшие в архивном строительстве, столкнулся с огромной массой документов не только нового, но и новейшего времени, оставшихся в отмененных революцией учреждениях старого режима. Методы подхода к этим документам еще не были разработаны. В 1913 г. Пресняков так характеризовал дореформенную, сравнительно спокойную ситуацию с разработкой этих источников: «Материал “новой истории” громаден, подготовительных работ выполнено крайне мало, работать приходится над неизданными архивными фондами, разыскивая в них нужные данные нередко почти наугад, так как даже распределение материалов по разным архивам далеко от какой-либо рациональной системы»³. В результате революционных преобразований “громада” материала многократно увеличилась, а задачи науки по отношению к нему необычайно расширились. “Выбитые ходом бурных событий из рутинного бытия своего, поставленные на краю гибели – архивы должны были быть не только спасены, но и преобразованы, перестроены заново, чтобы вывести их на свет живого и сознательного, планомерного изучения русской исторической жизни не только в ее давнем прошлом, но, прежде всего, в мало осознанном, еле известном новом и новейшем времени”⁴.

После решения первоначальной организационной задачи – спасения архивов, на первый план выходила задача их перестройки в интересах науки, задача также организационная, но при этом и научная. Ведь создание Государственного архивного фонда вело к необходимости “овладения” огромной массой материала, внесения в него “рациональной системы”. В реальности это выглядело как задача внутреннего разделения ГАФ и организации его составных частей. Эта задача не могла решаться произвольно, а только исходя из представления о внутренних свойствах и особенностях самого материала. Не случайно в избранный 8 июня 1918 г. комиссию “для составления проекта распределения ГАФ” по секциям вошли такие видные специалисты в области изучения источников, как С.Ф. Платонов (председатель), Я.Л. Барсков, В.Г. Дружинин, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков⁵.

Осознание научных аспектов реформирования архивов потребовало преобразования ученого инструментария, используемого реформаторами. К началу

² См.: Чирков С.В. А.Е. Пресняков – археограф и архивист // АЕ за 1995 год. М., 1997.

³ Пресняков А.Е. Издания Сенатского архива // Вестн. Европы. 1913. № 6. С. 347.

⁴ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела // РИЖ. 1918. № 5. С. 212.

⁵ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.

XX в. сложилось представление о том, что “подготовительными работами” с историческими материалами, их собиранием, описанием, изданием занимается археография⁶. Развивалось в России и архивоведение, но тот кружок петербургских историков, который участвовал в издании “Русской энциклопедии” издательства “Деятель”, где исторический отдел редактировал Пресняков, считал (ссылаясь, впрочем, на учебное пособие А.П. Воронова, преподававшего в Петербургском археологическом институте) архивоведение “системой практических сведений, разработка которых имеет целью установить наилучшие способы устройства и ведения архивов”. В деле же “выяснения содержания содержания архивных фондов и введения их в научный оборот” архивоведение “соприкасается с археографией”⁷.

Однако объектом археографии со времени ее возникновения в первой четверти XIX в. как самостоятельной научной дисциплины были отдельные, индивидуальны письменные памятники. Как писал в 1923 г. С.В. Рождественский, “археограф имеет дело преимущественно с отдельными, цельными памятниками или однородными группами памятников, например, юридических актов, типы которых устанавливает дипломатика соответствующего рода источников”⁸. Ограничен, значит, не только объект, но и предмет археографии: изучение внутренних свойств памятника, делающего его источником исторических сведений, ей не принадлежит, а отдается в “удел” другим дисциплинам. В той же “Русской энциклопедии” утверждалось, что дипломатика – “наука о форме документов, актология” и в качестве таковой “является основой научной археографии актового материала”⁹.

Когда в результате архивной реформы перед учеными оказалась огромная и по существу неизученная масса архивных материалов, встал вопрос о применимости археографии к ее изучению и упорядочению. Появились попытки коренного изменения самой научной дисциплины в связи с новыми задачами. Известна подобная попытка крайнего толка. В вышедшей в 1929 г. работе “Теория археографии” Н.Ф. Бельчиков выводил “существенные изменения в основных предпосылках археографической практики и теории” из крутых перемен в организации архивного дела в результате реформы 1918 г. и предлагал считать, что объект археографии “составляют архивные организмы – архивы государственных, общественных учреждений, кооперативных, фабрично-заводских предприятий и т.п.”, а задачи – “прием архивных материалов, разборка, систематизация, хранение и описание материалов”¹⁰. С.В. Рождественский, учитывая положение исторической науки перед лицом архивного материала, “какой сейчас, после революции, стоит перед нею в виде колоссального единого государственного архивного фонда”, призывал разграничивать задачи архивоведения и “археографической обработки” документов, относя к последней установление их подлинности, определение того или иного рода или вида исторических источников, транскрипцию и подготовку текста к изданию¹¹. В 1918 г. А.Е. Пресняков несколько иначе наметил проблему соотношения научных дисциплин, занимающихся предварительным изучением исторических источников.

В статье “Реформа архивного дела” Пресняков выделял из общей совокупности задач архивного дела “разработку и публикацию богатств Государственного архивного фонда”. Это – дело архивистов, “труд которых должен стать основой успешного развития исторической науки”. Для этого необходима “методически

⁶ См.: Чирков С.В. О применении термина “археография” в начале XX в. // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 21.

⁷ Русская энциклопедия. СПб., [1911]. Т. 2. С. 47.

⁸ Рождественский С.В. Историк–археограф–архивист // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 9.

⁹ Русская энциклопедия. СПб., [1914]. Т. 7. С. 185.

¹⁰ Бельчиков Н.Ф. Теория археографии. М.; Л., 1929. С. 5, 27, 58.

¹¹ Рождественский С.В. Указ. соч. С. 5.

поставленная и систематически проведенная работа над постоянным изучением состава, происхождения и судеб архивных фондов, служащих материалом для исторического изучения прошлой жизни”. Очевидно, такая работа составляет существенную сторону архивоведения. Результат ее – создание “твердого архивного кругозора”, который “необходим для отчетливой исторической методологии”. На основе изучения архивных фондов осуществляется собственно археографическая работа – “выработка и публикация архивных описей и описаний”. Эта работа “одна только обеспечивает источниковедению... необходимую базу и научно-ясный кругозор”. В свою очередь, источниковедение является “основой исторической критики и методологии”¹².

Таким образом, в схему последовательно выступающих в работе с архивными документами дисциплин “архивоведение–археография–история” Пресняковым вводится еще и источниковедение. В начале XX в. в русской исторической науке еще не сложилось четкого представления об источниковедении как научной дисциплине. Этим термином чаще всего обозначали обзор источников по определенному разделу истории. Сам термин не вошел в обращение: в словнике большинства дореволюционных энциклопедий он отсутствует. Не проводилось отличия “исторического источника” от “исторического памятника”. Но в 1910-е годы в отношении к источниковедению происходит перелом. Представляется, что в значительной мере он был связан с реформой архивного дела, с проявившейся необходимостью организовать и классифицировать массу документов нового и новейшего времени. Можно полагать, что Пресняков увидел в источниковедении средство изучения, более отвечающее указанной необходимости, чем те возможности, какие давала археография. Выделение источниковедения означало более пристальное внимание к изучению внутренних свойств письменных памятников, а только эти свойства и могли создать основу “опознания” и классификации памятников как источников исторического познания.

Переосмысление значения источниковедения велось Пресняковым и в историографическом плане. Высказываясь о научных заслугах А.А. Шахматова и А.С. Лаппо-Данилевского, он сопоставлял “изучение письменных памятников старины именно как памятников” и “как источников только, и сырого материала, из которого надо черпать сведения об изучаемом прошлом”. Оказывается, что современные требования науки состоят в том, чтобы “анализ источника, необходимый для оценки его значения и надежности” строился на “изучении памятников самих по себе, как продуктов людской деятельности и особых приемов творчества, отразивших в себе строй отношений и воззрений, а также уровень технического умения в постановке и достижении определенных целей”¹³. Термин “источниковедение” по отношению к специальному изучению памятников письменной старины Пресняков не употребляет; он пишет о палеографии, дипломатике, “изучении летописей А.А. Шахматовым”. Но обобщение скоро последовало. В программе курса источниковедения С.Н. Валка написано об “основных отделах древнерусского источниковедения”, уже прочитанных в Археологическом отделении Петроградского университета А.Е. Пресняковым (летописи) и А.И. Андреевым (акты)¹⁴. Конечно, в своих лекциях Пресняков говорил о летописях гораздо шире, чем “как об источниках только и сыром материале”. Таким образом, высказывания Преснякова в 1918 г. были симптомом того, что источниковедение решительно двинулось от своего положения описательной (преимущественно учебной) дисциплины к тому статусу методологической основы исторического зна-

¹² Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 220–221.

¹³ Пресняков А.Е. Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Дела и дни... Кн. I. С. 450.

¹⁴ Программа лекций С.Н. Валка по источниковедению отечественной истории XVIII–XIX вв. (1923) // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 342.

ния, какой оно приобрело во второй половине XX в. Соответственно уменьшались и прерогативы археографии.

В то же время архивоведение, получая самостоятельный предмет в изучении состава, происхождения и судеб архивных фондов, оказывалось уже не “системой практических сведений”, а самостоятельной научной дисциплиной. Архивоведение имело сходные с археографией задачи, но иной объект – не индивидуальные памятники, а архивные фонды. Впрочем, проблематику архивоведения Пресняков не считал, видимо, близкой себе. В окружении С.Ф. Платонова оспаривалась даже сама возможность отнесения архивного дела к разряду научных дисциплин, имеющих “не только свои методы, но и свою определенную область и свои задачи”¹⁵. Столь крайние мнения Пресняковым не разделялись. Ученик Платонова и его заместитель по Петроградскому управлению архивным делом, Пресняков ведь принадлежал и к числу учеников Лаппо-Данилевского, последователя которого (А.И. Андреев, И.А. Блинов, С.Н. Валк, И.Л. Маяковский, В.Н. Нечаев и др.) занялись активным пересмотром традиционных постулатов архивной науки. Эта деятельность велась ими и в Научно-технической комиссии Петроглавархива, возглавляемой Пресняковым. Сам он на архивных конференциях и съездах неизменно выбирал темы о научной деятельности архивов и подготовке архивных кадров.

Говоря в послереволюционные годы о задачах археографии, Пресняков связывал их с введением в научный оборот материалов архивных фондов. В этой области им были сформулированы важные теоретические проблемы. Он писал о том, что любое издание лишь относительно способно передать все особенности памятника и что поэтому “если между исследователем и той исторической действительностью, которую он изучает, неизбежно стоит исторический источник, то издание сплошь и рядом становится между ним и его источником как среда, преломляющая по-своему непосредственное восприятие источника”. Он констатировал парадоксальность всякого научного издания: “Для выработки плана и установления приемов издания необходимо предварительное научное знание самого издаваемого материала, т.е., в сущности, то знание, средством и источником для которого должно служить само издание”. Он писал и об “общем археографическом идеале” издания архивных фондов во всем их составе, и о недостижимости такого идеала, делающей частичную публикацию материалов неизбежным явлением. Научный характер частичного издания может быть обеспечен только “содержательным представлением о том целом архивного фонда, часть которого вошла в издание”¹⁶. Не все из этих соображений могли быть реализованы в печати в те годы, когда публикаторы источников зачастую слишком хорошо знали план и состав издания без всякого научного представления о целом соответствующего фонда. Однако по прошествии десятилетий многие мысли А.Е. Преснякова, порожденные участием ученого в становлении обновленного архивного дела, могут привлечь внимание и археографов, и историков науки.

¹⁵ Цит. по: Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М., 1994. С. 115.

¹⁶ Пресняков А.Е. Исторические источники и подлинные документы в научной работе // Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 г. Пг., 1920. Ч. I. С. 12–16.

А.Е. ПРЕСНЯКОВ И И.М. ГРЕВС

(Из разысканий по теме: А.Е. Пресняков и его современники)

Александр Евгеньевич Пресняков, как известно, учился в Петербургском университете с 1889 по 1893 г. и был прямым учеником С.Ф. Платонова, у которого он специализировался по русской истории и по представлению которого был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Прослушав весь курс историко-филологического факультета, он в той или иной степени познакомился с большинством его преподавателей, и отношения с некоторыми из них имели для него существенное значение. К числу последних, несомненно, относился известный русский медиевист Иван Михайлович Гревс (1860–1941), ученик В.Г. Васильевского, рекомендованный им для занятия кафедры средневековой истории в Петербургском университете, автор работ по позднему Риму, генезису феодализма и Флоренции времен Данте¹.

К чтению лекций в Петербургском университете И.М. Гревс приступил в 1890 г. “Вступительную лекцию я прочитал в начале 2-го семестра 1889–1890 учебного года, в конце января, – вспоминал он позднее. – Курс посвящался поздней Римской империи, и в ней, в этой лекции, выяснялась задача курса [...] Лекция моя имела успех – на ней, по обычаю, присутствовали профессора и преподаватели разных факультетов и много студентов. Между ними я особенно заметил живые глаза внимательно и с участием слушавшего юноши, который потом оказался А.Е. Пресняковым (я его потом называл своим первым слушателем)”². Студент Пресняков с интересом слушал лекции приват-доцента Гревса и почувствовал симпатию к нему, хотя ощутил и отличие его натуры, и устремлений от своих.

Ценнейший материал для понимания личности А.Е. Преснякова (особенно в период его становления как историка) и его отношений с современниками содержится в письмах Преснякова к матери и жене, представляющих собой подлинную хронику петербургской исторической среды 1890-х и начала 1900-х годов³. На них в значительной мере и основано наше дальнейшее изложение.

20 сентября 1893 г. 23-летний А.Е. Пресняков писал матери: “Уж Гревса слушать не буду. С этим хотелось бы познакомиться – зайду как-нибудь к нему, не утерплю. Да у Лаппо он может встретиться. Они родные⁴ и приятели, хотя совсем разные люди и разные умы. Гревс шире и живее, а Лаппо солиднее и выдержки у него больше. Гревс талантливее и производит больше впечатления на большую аудиторию, настоящий профессор в стиле Грановского, художественный и увлекательный” (Д. 38. Л. 160–161). Этот отзыв следует связать с более ранними письмами Преснякова к матери, для которой, в соответствии с преданиями русской интеллигенции, идеалом профессора был Грановский. Отвечая на какое-то ее

¹ См. о нем: *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс: Биогр. очерк // *Гревс И.М.* Тацит. М.; Л., 1946. С. 223–248; *Анциферов Н.П.* Иван Михайлович Гревс / Публ. Б.С. Кагановича // *Памятники культуры: Новые открытия.* 1985. М., 1987. С. 59–69; То же в кн.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Под ред. и с коммент. А.И. Добкина. М., 1992. С. 165–178; *Каганович Б.С.* Вокруг “Очерков из истории римского землевладения” И.М. Гревса // *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе.* Л., 1990. С. 198–216; *Рутенбург В.И.* Встречи Гревса с Италией // *Россия и Италия.* М., 1993. С. 306–315.

² *Гревс И.М.* Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX в. // СПб ФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 193. Л. 7 об.

³ Они хранятся в составе фонда А.Е. Преснякова в Архиве СПб. ФИРИ РАН (Ф. 193. Оп. 2. Д. 1–10, автографы; Д. 38–40, машинописные копии части писем). (Далее ссылки на дела фонда даны в тексте.)

⁴ А.С. Лаппо-Данилевский был женат на двоюродной сестре И.М. Гревса.

высказывание в этом роде, сын писал ей 6 февраля 1893 г.: «Мой идеал не тот: не личное влияние, а научное, если Бог даст. Грановский в обществе большой след оставил, а в науке почти ничего. Во мне анализа, скепсиса очень много, одной верой и “убеждением” – я сыт не буду» (Там же. Л. 79). Тема эта развивается в письме от 24 февраля 1893 г.: “Наш идеал профессора далек от эффектной фигуры Грановского, из лекций которого слушатели уносили много хороших чувств, подъем духа и мало твердых убеждений” (Там же. Л. 91). Очевидно, что на такой позиции Преснякова сказалось влияние установок С.Ф. Платонова и петербургской исторической школы вообще.

Напомним, что в 1890-е годы на историко-филологическом факультете Петербургского университета консервативной группе С.Ф. Платонова и возглавлявшегося им “кружка русских историков” (С.М. Середонин, Н.Д. Чечулин, И.А. Шляпкин, П.Г. Васенко) противостояли либералы Н.И. Кареев, И.М. Гревс, А.С. Лаппо-Данилевский. Промежуточное положение занимала “центристская” группа Г.В. Форстена (М.А. Полиевктов, С.А. Адрианов, Э.Д. Гримм)⁵. Характерно, что все три группы высоко чтили В.Г. Васильевского и ссылались на него. Пресняков был связан со всеми тремя группами, постепенно эмансипируясь от Платонова, он был наиболее близок к “форстеневцам”.

Весьма интересно и колоритно письмо А.Е. Преснякова к матери от 22 марта 1894 г.: «В воскресенье был диспут Форстена⁶. Общее впечатление – что не запомнят такого хорошего, содержательного и приличного диспута [...]. Вечером после диспута собрались мы – человек 25 – у Форстена. Были Кареев, Платонов, Васильевский, Ламанский, Лаппо-Данилевский, Чечулин, Середонин, Дьяконов (из Дерпта), Гревс и пр. [...]. До смешного делились на партии. В зале сидел Кареев с двумя-тремя не университетскими, в кабинете в одном углу Платонов с кружком “русских историков”, а в другом Гревс со стариками. Лаппо-Данилевский держался больше студентов [...]. Мне это глаза кололо и я завел с Платоновым разговор по душе о причинах такого деления. Он был необыкновенно искренен и вообще был такой задушевный, что совсем меня тронул. Он разъяснил мне, что кружки его и Лаппо-Данилевского различаются двумя признаками: те – дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными денежными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т.е. платоновцы – разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только личной дружбой, а не каким-нибудь общим сгедо связанные между собой. По характеру ума они скептики, недовольные ныне господствующими порядками не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их, по внешности – равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собой и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их”. (Там же. Л. 201–205). Очень любопытно в устах Платонова это социологическое, так сказать, объяснение своей проправительственной позиции. Пресняков, как явствует из его письма, желал примирения различных группировок на факультете и не слишком одобрял принципиальность либералов, но лично к Гревсу он относился очень тепло, с симпатией и уважением, в то время как Кареева скорее недолюбливал.

12 марта 1896 г. Пресняков писал матери: “Собрались-таки наконец к Гревсу. То были Форстен, Адрианов и три курсистки. Это первый раз, что мы попа-

⁵ См. об этом: Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 82–83.

⁶ Защита докторской диссертации Г.В. Форстена “Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях” состоялась 20 марта 1894 г. в Петербургском университете.

ли к Гревсу запросто. Для нашего факультетского мирка начинающееся сближение Форстена с Гревсом – событие существенной важности. Если наша компания привьется у Гревса – то помимо общения с таким драгоценным человеком – выгода может быть и для смягчения противоположности университетских кружков. Жаль, что как раз теперь Платонов начинает замыкаться. Надеюсь, что это только временно. Вечер у Гревса был очень милый, хотя и не без шероховатостей, потому что он и “наши” говорят немного на разных языках. Приподнятый тон всей природы у Гревса очень симпатичен, но мы для него слишком прозаичны и недостаточно носим внешнюю печать либерализма, которая во вкусе его кружка. Со временем споемся, потому что по существу мы с ним одним и тем же богам молимся. Человек он очень привлекательный, искренняя, добрая душа” (Д. 39. Л. 230–231).

Объединяло Преснякова и Гревса, в частности, отношение к В.Г. Васильевскому. В 1896 г. группа учеников Васильевского решила издать по своим запискам его лекции по истории средних веков. Во главе редакционной комиссии встал Гревс. Пресняков был в числе предполагаемых участников этого издания, которое, однако, не осуществилось (Там же. Л. 240, 313).

Важным связующим звеном с Гревсом был для Преснякова Лаппо-Данилевский, к которому он тянулся в послестуденческие годы, надеясь найти у него то, чего не мог дать Платонов, и рискуя испортить этим свои отношения с последним. В 1894–1895 гг., по свидетельству А.Е. Преснякова, А.С. Лаппо-Данилевский “вел (по почину И.М. Гревса) в течение нескольких месяцев беседы на темы по основным принципам обществоведения в небольшом кружке сверстников и младших товарищей по факультету (И.М. Гревс, А.А. Кауфман, И.И. Лапшин, М.А. Полиевктов, А.Е. Пресняков и др.)”⁷. Занятия эти продолжались и в последующие годы. 14 марта 1897 г. Пресняков сообщал матери: “Завтра вечером у нас предполагается совещание с Лаппо-Данилевским о том, как мы станем заниматься вопросами теории исторической науки (будут, вероятно, у Лаппо-Данилевского Гревс, Ольденбург, Лапшин, Полиевктов и я). Затея грандиозная, а что выйдет – не знаю” (Там же. Л. 322). 9 октября 1897 г. он писал ей: “Из любопытных новинок моих стоит помянуть о начавшихся собраниях у Лаппо-Данилевского. Он затеял составить небольшой кружок из историков для занятий теорией и методологией социальных наук. Участвуют Гревс, экономист Кауфман, ориенталист Ольденбург, Лапшин, Полиевктов, я, еще 2–3 человека. Поучительно” (Д. 40. Л. 7).

Увольнение И.М. Гревса и Н.И. Кареева из университета за либеральное направление после студенческих волнений 1899 г. глубоко возмутило А.Е. Преснякова. 22 августа 1899 г. он писал жене Юлии Петровне: “Господи, что тут творится! Кареев, Гревс, два юриста, приват-доцент русской литературы Венгеров, один естественник – уволены из университета без всякого повода [...]. Оба, Гревс и Кареев, уволены и с курсов” (Д. 7. Л. 130). Через несколько дней, 28 августа 1899 г., он сообщал ей: “Прочел хорошую, умную и симпатичную статью Гревса о Васильевском⁸. Это чтение лишней раз заставило меня огорчиться, что Гревса увольняют из университета [...]. Жаль, что так подло оборвут дорогую нам традицию Васильевского, которую поддержать и продолжить [может] один Гревс” (Там же. Л. 143). В письме от 5 сентября 1899 г. Пресняков уточнил: “Гревс уволен по требованию Министерства внутренних дел и Министерство народного просвещения по обыкновению не сумело отстоять свою самостоятельность” (Там же. Л. 156).

Негодование Преснякова вызвала и позиция С.Ф. Платонова и его группы в то время. 11 октября 1899 г. он писал матери: “Его взгляды университетские и общественные отливаются отчетливо в систему – а это не наши взгляды; его симпа-

⁷ Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 30.

⁸ Имеется в виду статья: Гревс И.М. В.Г. Васильевский как учитель науки: Набросок воспоминаний и материалы для характеристики // ЖМНП. 1899. № 8. С. 27–74.

тии – не наши. Недавно я был в их кружке – и скучновато и душно от их решительных и жестких суждений по адресу людей, заслуживающих во всяком случае иного отношения. И Гревс и даже Кареев теперь не должны вызывать иронию, да еще недобрую, как у них. Все это трудно пересказать, но атмосфера этого кружка – не по мне. И учиться у них нечему. Они ученые, но их интеллигентность не очень высокого полета. Платонов лучше других, но он с ними сжился, дышит этой атмосферой – и доволен. А мне она чужая” (Там же. Л. 122–123).

Как видим, взгляды А.Е. Преснякова за пять лет значительно изменились в направлении “либерализма” и оппозиционности.

В период, когда И.М. Гревс был отстранен от высшей школы (1899–1902), А.Е. Пресняков регулярно бывал у него дома и до известной степени сблизился с ним и его семьей (Д. 7. Л. 168; Д. 8. Л. 7, 81–82, 143). Гревс оставался для Преснякова и научным авторитетом, как явствует из его совета Н.П. Павлову-Сильванскому после выхода известной статьи последнего “Феодальные отношения в удельной Руси” (ЖМНП. 1901. № 7; 1902. № 1): “Не пошлешь ли экземпляр Алексею Александровичу Шахматову [...], который очень заинтересован вопросом? А Форстену? И Гревсу? Все они толкуют сочувственно?” (письмо от 7 февраля 1902 г.)⁹.

В 1901–1902 гг., когда несколько изменилась ситуация в Министерстве народного просвещения, были предприняты шаги для восстановления Гревса в университете. Следует сказать, что С.Ф. Платонов, являвшийся в то время деканом историко-филологического факультета, содействовал его возвращению¹⁰. 22 сентября 1902 г. Пресняков сообщает жене: «В четверг – как я долго не писал тебе! – был я у Гревса. Его выбрали в университете в профессора, но не единодушно. Введенский что-то нелепое возражал, а Соболевский, по выражению Георгия Васильевича¹¹, “визжал, как поросенок”. Это все противно. Но хорошо, что выбрали, авось утвердят» (Д. 7. Л. 128–129).

С начала XX в. Пресняков и Гревс – если и не близкие друзья, то во всяком случае ценящие и уважающие друг друга коллеги, солидарные по многим вопросам (в 1907 г. А.Е. Пресняков стал, наконец, преподавателем Петербургского университета в качестве приват-доцента). Зрелый Пресняков трезво и критически относился к людям. Но к Гревсу он неизменно сохранял теплое и ласково-любовное отношение. Контакты их носили теперь больше человеческий, чем научный характер.

24 мая 1908 г. Пресняков писал жене: “Вчера утром я отправился в университет в библиотеку. Встретил там Гревса. Представь себе, что у них обе дочери почти одновременно заболели базедовой болезнью [...]. Едут Гревсы на лето в Чехию” (Д. 9. Л. 148).

В письме от 14 сентября 1908 г. содержится интересное описание 25-летнего юбилея научной и педагогической деятельности И.М. Гревса: «Вчера, дорогой Юлек, был юбилей Гревса. Собралась в сущности небольшая и довольно пестрая компания. Это был еще не официальный, дружеский, так сказать, вечер. Собрались на Серпуховской, в училище Гринвальд, где председателем педагогического совета Шаскольский. Назначено было к 9. Собрались к 10. Ив[ан] Мих[айлович] приехал в 11-м часу. В зале был накрыт стол, на стене висел портрет Васильевского, увеличенный (на редкость хорошо) с карточки, которая и у меня есть. Были из профессоров Кареев, Зелинский, Ростовцев, а Браун прислал письмо, т[ак] к[ак] не мог быть, из юристов – Пергамент, Покровский. Конечно, был Лаппо-Данилевский с женой. Был Нестор Котляревский с женой. Была г-жа Ростовцева. Были курсовые дамы,

⁹ Цит. по: Переписка Н.П. Павлова-Сильванского и А.Е. Преснякова о проблемах феодализма в России / Подг. С.В. Чирков // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 333.

¹⁰ См. письма И.М. Гревса С.Ф. Платонову 1901–1902 гг. // РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2714. Л. 12–15, 22, 28–29.

¹¹ А.И. Введенский (1856–1925) – профессор философии; А.И. Соболевский (1856–1929) – филолог-русист, академик с 1900 г.; Георгий Васильевич – Г.В. Форстен.

несколько учениц Ив[ана] Мих[айловича] (Лихарева, Константинова, Брюллова) и его ученики Шаскольский, Карсавин, Оттокар и еще 2–3, младшие. Были Александр Добиаш (его сестра за границей), Зак, Соколов, Знаменский. Был Герман. Из наших – Лапшин и Полиевктов. Был Вячеслав Иванов, как личный друг Гревса. Вот, кажется, все. Это должно было изображать кружок “друзей” Ив[ана] Мих[айловича], хотя сошлись люди, мало, а то и вовсе незнакомые, чуждые друг другу и весьма в разных отношениях стоящие к самому Ив[ану] Мих[айловичу]. Уютно не было. Но вышло недурно. Говорили речи, все характеризуя Ив[ана] Мих[айловича] с разных сторон. Всего лучше удалось, по-моему, очертить Ив[ана] Мих[айловича] Вяч[еславу] Иванову. Говорил и Ив[ан] Мих[айлович], очень просто и искренне. Я, конечно, молчал, хотя меня заставляли говорить от имени созоновского кружка или помянуть Васильевского. Мне не хотелось, т.к. это значило бы говорить перед совсем чужими, для которых и созоновский кружок и имя Васильевского ничего не говорят. А поэтому и у меня, конечно бы, не вышло, как не вышло у пытавшихся это сделать Добиаша и Миши. Была и семья Ив[ана] Мих[айловича]. Мария Сергеевна замето постарела. Барышни грустно выглядят [...]. В общем, у меня осталось какое-то грустное впечатление. И семейное горе и какая-то беспомощность Ив[ана] Мих[айловича] среди “друзей”, не составляющих ничего цельного, – все это навело какую-то жалость» (Там же. Л. 327–328)¹².

Летом 1911 г. А.Е. Пресняков оказался в Париже одновременно с И.М. Гревсом и Е.В. Тарле. Он регулярно встречался с ними в Национальной библиотеке и после занятий. Выяснилось, что отношения между Гревсом и Тарле были непростые, что создавало порой маленькие затруднения. 6 июля 1911 г. Пресняков писал жене: “Вчера позабавил меня Гревс. Он сам 3-го дня сказал, что де сегодня договоримся, как вместе время провести, а сам уклонился от завтрака вместе, а потом, когда закончились занятия, улизнул, даже не попрощавшись. Секрет, видимо, в том, что я с Тарле рядом сижу, а он ведь его недолюбливает” (Д. 10. Л. 36). 8 июля 1911 г. он сообщил ей же: “Вчера Иван Мих[айлович] предложил мне пойти из библиотеки к Пикару, одному из больших парижских libraire¹³, чтобы меня с ним познакомиться [...]. Ив[ан] Мих[айлович] жил тут, вблизи Bois. Каждый шаг связан с воспоминаниями об умершей дочери¹⁴. Он говорил о ней. Вот, говорит, не могли мы дать никакого религиозного воспитания, а вышла очень религиозная натура, сильно любившая жизнь, но не боявшаяся смерти. Я в первый раз решился спросить, а как у них дела. Про 2-ю дочь сказал, что совсем хорошо теперь, что теперь слава Богу, но вот Мария Сергеевна никак поправиться не может. Говорил и о Лаппо-Данилевском, что вот человек, у которого все условия для самого счастливого существования и большой работы, а он, в сущности, очень несчастная натура и болезненно беспощаден в доведении до конца готовой большой работы. Огромное самолюбие, говорит Ив[ан] Мих[айлович], составляет главную беду Лаппо” (Там же. Л. 40)¹⁵.

¹² В письме упоминаются профессора Петербургского университета: филолог-классик Ф.Ф. Зелинский (1859–1944), историк античности М.И. Ростовцев (1870–1952), филолог-германист Ф.А. Браун (1862–1942), литературовед Н.А. Котляревский (1863–1925), юристы М.Я. Пергамент (1866–1932) и И.А. Покровский (1868–1920), тогдашние приват-доценты университета философ и психолог И.И. Лапшин (1870–1952) и русский историк М.А. Полиевктов (1872–1942) (“Миша”), ученики Гревса – медиевисты П.Б. Шаскольский (1882–1918), Л.П. Карсавин (1882–1952), Н.П. Оттокар (1884–1957), педагог А.Я. Закс (1878–1938), выпускницы Бестужевских курсов Н.И. Лихарева, А.А. Константинова (1871–1944), Н.В. Брюллова-Шаскольская (1886–1937), брат О.А. Добиаш-Рождественской – физик А.А. Добиаш (1875–1933), поэт В.И. Иванов (1866–1949). Идентифицировать других упомянутых в письме лиц не удалось.

¹³ книготорговцев. – *фр.*

¹⁴ Младшая дочь И.М. Гревса, Александра, умерла в 1910 г. в возрасте 16 лет.

¹⁵ И жена и дочь пережили И.М. Гревса, скончавшегося 16 мая 1941 г. Обе умерли зимой 1941/42 г. во время блокады Ленинграда.

В 1911 г. вышел сборник статей, посвященный И.М. Гревсу¹⁶, и по этому поводу, по-видимому, состоялось какое-то собрание. 14 сентября 1911 г. А.Е. Пресняков сообщал жене: “Я писал тебе о Гревсе-юбиляре. Гибельная болезнь детей его, безумно-трагическое, в сущности, дело, и какое-то спокойное удивительное смирение, какое читается на их лицах, в их тоне, и Мар[ии] Серг[еевны] и Ив[ана] Мих[айловича] – не тогда, когда они об этом говорят, нет, с ней я ни слова не сказал, а всегда, на всем их тоне. И помимо этого, сам он насквозь такой и слабый, и милый, точно еще юноша с сильной сединой и 25-летним юбилеем, для многих странный, непонятный, противоречивый, точно он еще не определился, как о нем сказал Платонов” (Там же. Л. 69).

Глубже, чем большинство современников и позднейших исследователей, понял А.Е. Пресняков, которого можно назвать одним из умнейших русских историков, личность и натуру И.М. Гревса. Приведенные материалы представляются нам важными не только для биографии и характеристики названных в заголовке статьи выдающихся историков, но и для более благоприятного изучения истории исторической науки в Петербурге конца XIX – начала XX в.

¹⁶ К 25-летию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса (1844–1909): Сборник статей его учеников. СПб., 1911.

ПИСЬМА А.Е. ПРЕСНЯКОВА К В.В. ЛУЖСКОМУ, ХРАНЯЩИЕСЯ В МУЗЕЕ МХАТ

Искренность, интеллигентность, изображение или, скорее, поиск “правды жизни”, в которой так нуждалось в начале XX в. общество, создали чрезвычайную популярность Московскому Художественному театру (МХТ). Круг его почитателей был необычайно широк – простые люди и знаменитые художники, ученые, предприниматели, военные. Поэтому в фондах Музея МХАТ (а некоторые из них очень обширны) можно найти письма известных деятелей того времени. Многие из этих писем представляют несомненный интерес и сейчас. И не только хроникой и детальным анализом художественной и организационной стороны спектаклей, но и наличием в них порой неожиданных наблюдений над той эпохой и ее общественными настроениями.

Таковыми являются письма известного историка Александра Евгеньевича Преснякова к актеру и режиссеру театра Василию Васильевичу Лужскому¹. Один из основателей Художественного театра, заслуженный деятель искусств В.В. Лужский (Калужский) (31.12.1869–2.07.1931), происходил из купеческой семьи. Театральному мастерству учился в школе при Обществе искусства и литературы. Начал играть с 1890 г. Среди известных ролей в МХТ, характерных для его амплуа, следует отметить: Иван Петрович Шуйский (“Царь Федор Иоаннович”), Сорин (“Чайка”), Креон (“Антигона”), Серебряков (“Дядя Ваня”) – была признана лучшей его ролью, Андрей (“Три сестры”), Бессеменов (“Мещане”), Бубнов (“На дне”), Федор Павлович Карамазов (“Братья Карамазовы”).

В ролях В.В. Лужский любил сценическую яркость и определенность, был склонен к гротеску, импровизации и экспромту, а тонкая наблюдательность обеспечивала его работам “типичность житейских подробностей” (Вл. И. Немирович-Данченко). По словам П.А. Маркова, он “принадлежал к восторжен-

¹ Музей МХАТ. Ф. 47 (В.В. Лужский). Кроме них в фонде сохранились письма жены и сына А.Е. Преснякова. Ниже в шифре этого фонда указываются только номера ед.хр. и листов.

ным апологетам сценической характерности. Разрабатывал роль до мельчайших деталей...” В.В. Лужский был необычайно общителен, “любил и умел смешить и сам был необыкновенно и неудержимо смешлив”, хорошо владея пером, многие годы вел подробные, интересные дневники. Архив его, хранящийся в Музее МХАТ, большой и многообразный – обширная переписка, материалы о работе над спектаклями и ролями, документы административной деятельности.

А.Е. Пресняков, по свидетельству его жены, познакомился с В.В. Лужским в 1911 г. во время празднования 10-летия гастролей МХТ в Петербурге, когда небольшая группа историков пригласила мхатовцев для их чествования, состоявшегося на квартире Пресняковых².

Сохранилось 15 писем А.Е. Преснякова к В.В. Лужскому 1914–1919 гг. Прежде всего необходимо отметить теплую, дружескую интонацию этих писем. Кроме того, доставляет большое удовольствие их язык – простой, точный, образный, истинно русский.

Вначале упоминания о первой мировой войне носят оттенок почти отстраненности: хотя в Вильно пришлось штурмом брать полвагона (!) великого князя, а в Питере “ворчим, что война разбила нам лето”. Но “инстинкт историка” в 1914 г. позволил точно определить текущий момент “крупной эпохой исторического перелома”. И, конечно же, лейтмотив всех писем – тема революции. Особенно интересно, когда этой теме касается известный историк, свидетельствуя о широко распространенных в то время настроениях в обществе, ожиданиях и разочарованиях. Вначале предполагается, что драма будет “как никак великолепная”, захватывающая. Прежняя жизнь после событий 1905 г. казалась “серой и чужой”. Но уже после Февральской революции пророческое предсказание, что “впереди еще столько большого, значительного: ведь революция русская только началась и не завтра она кончится”. И вместе с тем на лето, по инерции быта, ищется “не дача, а что-нибудь вроде имения, усадьбы”. Но уже через год с небольшим – разочарование: Петроград – “Богом проклятый”. И профессорская среда тревожится “по поводу ломки высших учебных заведений”.

Отслеживаются, переживаются театральные постановки. А.Е. Пресняков был знатоком и ценителем театрального искусства. Он, как многие поклонники Художественного театра, хорошо осведомлен о его творческой жизни, о лучших постановках и исполнителях. Но предположение, что Пресняков писал рецензии на спектакли МХТ, не находят подтверждения в данном фонде. В письмах довольно частые просьбы о билетах для себя и своих друзей на спектакли МХТ во время его гастролей в Петербурге.

Ниже публикуется 11 писем А.Е. Преснякова. Все письма – автографы, написаны на бумаге или на художественных и почтовых открытках. Бумага в четвертку, в линейку с водяными знаками. Чернила черные, выгоревшие, почерк мелкий, трудно читаемый, особенно на открытках.

Конверты не сохранились. Большинство писем датировано автором. Остальные – датируются нами по почтовым штемпелям или по содержанию, даты заключены в квадратные скобки. Все письма посланы из Петрограда в Москву. Это ясно из их содержания.

Малозначительные фрагменты писем, например, повторяющиеся просьбы о билетах, не публикуются и обозначены квадратными скобками. Письма переданы по правилам новой орфографии с сохранением авторских особенностей.

Е.А. Шингарёва

² См.: Музей МХАТ. Ф. 3 (К.С. Станиславский). Ед. хр. 9912. Л. 1.

2 августа [1914 г.]

Многоуважаемый и дорогой Василий Васильевич,

Лапшин (Иван Иванович)¹ [Подчеркнуто А.Е. Пресняковым. – *Е.Ш.*] – номинально должен бы обитать в СПб., на Кирочной улице, в доме № 7. Однако, на самом деле, он пока увяз в Париже, телеграфировал в университет о высылке ему денег, но Лионский кредит отказался принять перевод. Там же с ним должны быть и Полиевктовы² (Миша с женой и маленькой). Когда и как проберутся на родину – не знаю. По появлении Лапшина – сообщу Вам, его ли книга, а пока пусть лучше полежит у Вас.

Сегодня в газете прочли мы, что Адрианов³ выехал из Рима на Биарриц в Одессу.

Мы же сидели дома у себя под Ковно, но шум войны заставил нас отступить на петербургские позиции. Вместо 13 часов ехали 3-е суток; на станции отправления пол-дня добивались возможности попасть в поезд и, наконец, штурмом взяли пол-вагона III класса, в котором ехал с семьей в.кн. Константин Константинович: ему пришлось отступить и запереться в другой половине. Так доехали до Вильна, где почти сутки добивались дальнейшей отправки, но доехали благополучно, даже с удобством спали на диване 2 класса, что было важно ввиду дедушки и мальчуганов.

Теперь уже неделю сидим в Питере, ворчим, что война разбила нам лето, пробуем следить за той мировой заварухой, размах которой будит во мне инстинкты историка, ибо пахнет нынешний момент – крупной эпохой исторического перелома европейских отношений. Драма мировой истории – жуткая и напряженная – как никак великолепная и дух захватывающая драма.

Головань⁴, у нас обитающий, Юля и дети⁵ шлют привет Перете Александровне⁶ и Вам.
Готовый к услугам

А. Пресняков

Ед.хр. 18977. Л. 1–3.

10 янв[аря] [1915 г.]^{1*}

Многоуважаемый и дорогой Василий Васильевич, я только что вернулся из Варшавы и нашел у себя милое письмо Ваше.

Неисправимая отвычка петербуржца – по нынешнему петроградца – снова подвела меня и оконфузила: отвыкли мы блюсти поздравительные обычаи, и я могу только задним числом, но столь же от души пожелать Вам всяких благополучий на грядущий год.

Грозный будет и великий год. Год какого-то исторического перелома. Много Русь переживает, больше еще переживет. А в грядущее никак не заглянешь...

В Варшаве, где я несколько дней провел, настроение на редкость бодрое, крепкое. Популярность Верховного Главнокомандующего – чрезвычайная. Ведь для поляков нынешний момент – совсем: быть или не быть...^{2*} Больше, чем здесь, чувствуется близость войны; масса войска, множество тяжело раненых, почти столько же больных. А все-таки жизнь идет бодрая, спокойная, полная серьезнейшей и преданной работы на помощь им, без нервничанья и малодушия.

Жаль, что не удалось мне в Москве побывать, на вас, москвичей, посмотреть, поглядеть какие у Вас там ветры дуют.

А под всероссийскую бурю – идет и Ваша художественная работа. Ждем с нетерпением новых трудов Ваших⁷. До чрезвычайности интересно, какого Вы нам Пушкина дадите. Великолепная это мысль, за него приняться.

А посему бьем челом об абонеентах⁸:

3 места в “местах за креслами” – первого ряда на 2-й абонемент для Пресняковых (Головань в том числе).

^{1*} У А.Е. Преснякова “10 янв. 1914”, очевидно, описка, так как говорится о событиях первой мировой войны.

^{2*} Здесь, как и в некоторых других случаях, Пресняков вместо трех точек ставит две.

1 место возможно подешевле для моего сына, в том же абонементе.

2 места в креслах 4-го и 5-го ряда [...] для г[оспо]жи Щегловой⁹,

2 места [...] для Алехновичей¹⁰.

3 места [...] для г[осподина] Ярошевского¹¹.

Будьте добреньки, запишите все это, куда надлежит.

А затем будем ждать Вас – с приветом дорогим гостям и наливочкой, которая у нас изготавливается не так, как новомодная московская водка, а по старому доброму обычаю – с алкоголем. Низкий поклон и сердечный привет Перете Александровне.

Бью челом

Надеждинская, д. 11, кв. 25

А. Пресняков

Ед. хр. 4518. Л. 1–3.

3

14 дек[абря] [1915 г.]

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Нашего авиатора Г.В. Алехновича отпустили “с фронта” недели на две. Дня на четыре (19–22 дек.) он с женой, Ю[лией] Петр[овной], едет в Москву. Эта милая парочка мечтает побывать в Художественном театре, а я – мечтаю о том, что Вы окажете им высокое покровительство для осуществления столь благородной мечты.

Алехнович в непрерывной боевой обстановке оголодал по духовным наслаждениям – и, побывав в Московском Художественном театре, вернется к своей, поистине героической работе – с освеженным духом и удвоенной энергией.

Мы были бы признательны Вам и Перете Александровне за содействие Алехновичам еще больше и сердечнее, чем за себя самих, столь избалованных Вашим добрым вниманием [...]. В тяжелую годину, какую переживаем, душой отдыхаешь, слушая яркие и образные рассказы Алехновича о работе “Ильев Муромцев” или нашего морского флота в Рижском заливе. Да и все дело “воздушной войны” полно само по себе такого особого, почти сказочного интереса... Помимо того, что люди то эти, Алехновичи, – совсем исключительной симпатичности и ценности.

Я позволяю себе сообщить им Ваш адрес – и благословить их обратиться к Вам с челобитьем. Надеюсь, что не прогневаются... Поклон и привет Перете Александровне и Вам и всем Вашим от моей Юлии Петровны и от преданного Вам

А. Преснякова

[...]

Ед.хр. 18974. Л. 1–2.

4

15 дек[абря] 1915 [г.]

Многоуважаемый Василий Васильевич,

В “Русских ведомостях” – Ваш репертуар. Алехновичи очень хотели бы попасть на “Мудреца”¹² и на “Синюю птицу”¹³. Будьте добры, помогите им в этом. Очень обяжете.

На “Синюю птицу” Алехновича, вероятно, влечет слово “птица”, а может быть и “синяя”? Ведь он сам в поднебесьи летает. А птицу летящую – не может видеть равнодушно; станет – и следит за ее движениями, приглядываясь: “в чем состоит полет”?.. тщетно жена его, белокурая Юл[ия] Петр[овна] тянет идти дальше; пока птица не исчезнет из глаз – не двинется. Вчера он показывал нам, как выглядит наш земной шар с высоты “аэропланного” полета: фотографии, какие авиаторы с высоты снимают. Весьма любопытно.

Очень бы нам хотелось, чтобы Вы с ними повидались и познакомились. Люблю с хорошими людьми делиться всем, что мне самому доставляет большое удовольствие. А тут в двойне: и Алехновичам хотелось бы показать, что за славный народ вся семья Калужских, и Вам их показать поближе. Простите за бесцеремонность, и авиаторам нашим насчет театра помогите по великодушию своему.

Привет Перете Александровне и всем Вашим.

А. Пресняков

Ед.хр. 18975. Л. 1–2.

31 декабря 1915 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Шлем Вам и всем Вашим душевный привет и лучшие пожелания всякого благополучия на Новый год. Краев не видать морю бед, да и несурянице российской! Что то новый год принесет? Жутковато в грядущее глядеть даже такому закоренелому оптимисту, как я, например. Но и на этом жутком общем фоне возможны светлые пятна отдельных судеб, и даст Бог таким светлым пятном останутся судьбы Вашей семьи.

Алехновичи писали нам из Москвы о Вашем радушии, о том, как их Калужские “совсем очаровали”. И радостно было читать это. Уверен я, что и наши маленькие авиаторы впрямь по душе Вам пришлись, и что Вы не посетуете, зачем я Вам их сосватал. Хороший они народ – и интересный. Пока что, под громы “мировой” войны жизнь идет себе, хоть спотыкаясь. Любопытно, как сложится весна. Не сомневаюсь, что оправдается наша надежда увидеть Вас и Художественный театр в Петрограде¹⁴. Рассчитываем, конечно, что Вы, по-старому доброму обычаю, запишите нас на абонемент, и что мы насладимся игрой “художников”. Что-то Вы нам привезете?

Ваш А. Пресняков

Ед.хр. 18976. Л. 1–2.

[2 января 1916 г.]

Дорогой Василий Васильевич, спасибо за письмо; авось и мое дошло до Вас. Что до Вашего приезда – Петроград мечтает о привозе “Горя от ума” – не раз слышал я такие разговоры, и сам почел бы сие великой радостью. Что значит “перегретья кушанья”¹⁵? Нынче пришлось отказаться от новых постановок? В таком случае нужен же “гвоздь”, а таким в первую голову может стать “Горе от ума”. Не правда ли? Но судя по газетам, Вы ведь что-то новое репетируете? А “Горе от ума”, ей-ей везите. Всего лучшего.

Привет Вашим. Адрианову поручение передал.

Ваш А. Пресняков

Ед.хр. 4519. Л. 1.

19 марта [1916 г.]

Многоуважаемый Василий Васильевич,

[...].

Судя по сегодняшним газетам Ваши спектакли начнутся только 12 мая! Поздно очень; если так, то и весьма будет сокращено количество спектаклей? А что везут еще не было сообщено. Мечтаем о “Горе от ума”... и будем очень огорчены, если мечта эта не исполнится. Еще сообщает “Биржевик”, что Вы взяли на себя постановку “Розы и Креста”¹⁶. Весьма красивая вещь и много из нее можно сделать!

Итак “Село Степанчиково”¹⁷, “Роза и Крест”... А хорошо бы “Чайку”¹⁸ возродить, как предполагалось. Неужто перевелись “чайки” на свете? Идут бои, идет и мирная жизнь. Работает театр, хоть и с трудом, живет и наше университетское дело. Никогда не было столько диспутов у нас, как в этом году: одна диссертация за другой. Малодушные находят, что это чуть ли не “стыдно”, обывательщина-де какая, во время кровавой борьбы тянуть обычную работу. Да вздор это. Гроза минует, а сохраненные традиции культурной работы понадобятся больше, чем когда-либо. И мне лето придется проработать в Московских архивах: надо и мне, наконец, диссертацию писать. Семью стараюсь поэтому устроить где-нибудь (удь) не слишком далеко от Москвы, чтобы было 2–4 часа езды. Ищем не дачу, а что-нибудь вроде имения, усадьбы. Но кое-что наклеивается, но еще неопределенно. Не знаете ли Вы чего? За всякое указание был бы весьма признателен [...]

Готовый к услугам А. Пресняков

Надеждинская, д. 11, кв. 25.

Ед.хр. 18972. Л. 1–3.

1 дек[абря] 1916 г.

Дорогой Василий Васильевич,

К сожалению, известия о Василисе Мелентьевой¹⁹ крайне скудны. Безотрадное упоминание их можно найти в “Истории России” С.М. Соловьева, т. VI, гл. 7 (по изданию “Общественной Пользы” – книга II, стр. 323). О самом Грозном в это время дает представление “История о великом князе Московском” князя Курбского и “Переписка князя Курбского с царем Иваном Грозным” (издание Археографической комиссии – склад на Воздвиженке в доме гр. Шереметева). Остальное собрано у Соловьева: отдел о Грозном – лучшая часть его труда.

Юля в субботу 3-го возвращается домой, ей много лучше. Гутик в феврале будет прапорщиком артиллерии [...]

Всего лучшего, искренний привет Перете Александровне и всем Вашим. Не взывайте за скудные сведения.

Ваш А. Пресняков

Ед.хр. 18973. Л. 1.

[8 марта 1917 г.]

Сердце сердцу весть подает, дорогой Василий Васильевич! Собрался я Вам привет послать, а Юлия Вашу открытку мне приносит со словами: В.В. уже написал тебе, а ты только собрался! Спасибо за добрую память.

Да, свершилось! По выражению Амфитеатрова²⁰ “сердце рычит от радости”. Какой чужой и серой казалась прежняя жизнь – после 1905–6 года, такой и дальнейшие годы – до великой войны и великой революции покажутся теперь. Счастлив, кто дожил до наших дней. А впереди еще сколько большого, значительного: ведь революция русская только началась и не завтра она кончится. У нас жарче вашего было, жарче и будет. Жизнь кипит кругом, настороженная, возбужденная, радостная, но тревожная. Значение Великой Русской Революции будет не такое, как вспышек в 1830 или 1848 года, и подобно Французской 1789-го. Она должна в своих последствиях получить значение новой исторической эпохи, хотя, б[ыть] м[ожет], и не в тех смыслах, как Вам мечтается. Однако переход на новые рельсы потребует много организационной работы, которая не легка будет. Не обойдется и без борьбы, которой дай Бог оказаться такой же скоротечной, как первая (на что я, впрочем, не очень-то надеюсь). Главное, существенное сделано; но целиком дело – только начато и много, много еще впереди. С нами Бог и Свобода. Привет Вам и всем Вашим от Ю[лии] П[етровны] и мой. Аля просит передать Вам особенный поклон.

Ваш А. Пресняков

Ед.хр. 4520. Л. 1.

[1918 г.]

[...]^{3*} Привет Вам, Василию Васильевичу и всем Вашим из Богом проклятого Петрограда. Впрочем, как и Юлия Вам пишет, мы, вообще говоря, не унываем по малой нашей способности к такому занятию. Я на днях заканчиваю, наконец, печатание большой книги, “Образование Великорусского государства²¹, которая – надеюсь! – послужит мне докторской диссертацией, а пишу другую (по заказу одной издательской фирмы) – “Московское Царство²²” – как-то это странно в подобной общей обстановке, но зато отвлекает от “текущих” интересов, да и сулит некоторую поддержку скудеющим финансам. Живем, как на волоске висим – вот, вот остатки “быта” рухнут по милости большевистской “политики”, все разлагающей и развращающей. Но человек вынослив – и в такой позиции живет, пока не сорвется.

Паки и паки сердечный всем привет

А. Пресняков

Ед.хр. 4521. Л. 3–4.

^{3*} А.Е. Пресняков продолжает письмо, которое пишет его жена, Юлия Петровна, П.А. Калужской.

Многоуважаемые и дорогие Перета Александровна и Василий Васильевич! Во-первых: привет и лучшие Вам пожелания от нас с Ю[лией] П[етровной]. А, во-вторых, нечто вроде дела. Едет в Москву на днях “гептахор”²³, а в его составе – наш Аля. По моему мнению, они, т.е. не только Аля, но и “гептахор” имеют заявиться к Вам. А “гептахор” – это седмиричная группа, посвятившая себя “пластическим танцам” а la Дункан²⁴. Вышла эта группа, в ядре своем, из семинария проф[ессора] Фаддея Зелинского²⁵ по изучению античной культуры, с которой для них, как и для Дункан, связана пластика человеческого тела и пластичной музыкальной ритмики выразительного танца. Аля, примкнувший к этой группе, очень увлекся. Инсценировали они в мимическом танце сцены из Гомера (песнь о Навзикае), а теперь везут в Москву ряд сцен – плясовых пантомим: “Персей и Андромеда” (Аля – “дракон”), Геракл в саду Гесперид, “Нарцисс и Эхо” и еще что-то... Кроме своих занятий “античной” пляской, они и преподают ее. Аля, например, с одним товарищем (слово – не в кавычках, в старом, не нынешнем смысле) преподают в одном “детском клубе” и, кажется, с немалым успехом. А по обстоятельству “переживаемого момента”, преподавание ценно не только как занятие и заработок, но и как подкармливание – в буквальном смысле, так как в школах и детских колониях или клубах преподаватели лишний кусок хлеба и лишний обед получают. У нас же в продовольственном отношении дело обстоит значительно хуже, чем у Вас в Москве. Однако, пока – держимся. Не знаю, как дальше будет. С наступлением осени и приближением зимы – жуткие предвидения, особенно по части топлива.

Живем в суете, работе, хлопотах. Обходимся без прислуги, стало быть Юлия чрезвычайно много работает – соединяя весь труд по дому, который ухитряется так содержать в порядке и чистоте, с экскурсиями по добыванию провизии и дров, и с преподаванием, которое почти все лето не прерывалось. С редкой выносливостью выдерживает она это, хотя и устает, конечно, сильно. Аля “пластикует”, а Слава – записался учеником в речной яхт-клуб, пропадает там по целым дням (иногда и с ночевкой), обучается судовому делу: сегодня и завтра у них “эскадренное плавание” в Петергоф... Ведь это давняя его тяга к воде; он издавна просился даже в морской корпус...

О Гутике²⁶ ни слуху, ни духу. А профессорская наша среда живет тревогами по поводу ломки высших учебных заведений, вроде соединения трех петроградских университетов в один, слияния трех факультетов – ист[орико]-филологического, юридического и восточного, в один факультет “общественных наук” и т.д., а в сущности живет изо дня в день, потеряв определенную линию работы (что всего тяжелее).

С.А. Андрианов, приехав из Москвы (куда он в конце будущей недели опять поедет), рассказывал о Вас, порадовал нас весточкой о милых людях... Поговаривают в “Главархиве”, что и меня надо бы послать... Я в Москву к Вам всегда охотно езжу, но еще не знаю, состоится ли эта командировка и когда. А знаете ли Вы, что Конст[антина] Фед[оровича] Крахта²⁷ – не стало? Как-то он вдруг помер. Это мне сестра (московская) сообщила, а потом Игорь Грабарь²⁸ подтвердил... Очень мне его жаль. Много людей кругом не выдерживает и умирает. Очень уж жизнь для многих напряженна при общей ослабленности организмов. Игра идет на выносливость...

Так, цель моя – доложить о “гептахоре”. Во главе его – Стефанида Дм[итриевна] Руднева²⁹, сестра нашего проф[ессора] Руднева (монголиста)³⁰. Сердечный привет всем Вашим. Всего лучшего.

16/VIII, 1919.

Ваш А. Пресняков

Ед.хр. 4522. Л. 1–4.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ, занимался проблемами искусства, эстетикой, музыкой. Скончался в эмиграции.
- 2 Полиевктов Михаил Александрович (1872–1940) – историк. Труды по истории внешней политики России, русско-грузинских отношений.
- 3 Адрианов Сергей Александрович (1871–?) – историк, педагог.
- 4 Головань В. – личность установить не удалось.

- ⁵ Юлия Петровна – жена А.Е. Преснякова; сыновья – Ярослав и Евгений.
- ⁶ Калужская Перета Александровна – жена В.В. Лужского.
- ⁷ В это время МХТ готовил к постановке спектакли: “Маленькие трагедии” А.С. Пушкина и “Осенние скрипки” И.Д. Сургучева.
- ⁸ Абонементы МХТ объявил впервые в истории драматического театра в 1904 г. Абонемент шел по повышенным ценам и обставлялся особенно комфортабельно. Репертуар гастролей объявлялся заранее. Заказы от театральных лиц принимались в январе.
- В 1915 году Художественный театр привез в Петроград спектакли: “Смерть Пазухина” М.Е. Салтыкова-Щедрина; “Пир во время чумы”, “Каменный гость”, “Моцарт и Сальери” А.С. Пушкина; “Хозяйка гостиницы” К. Гольдони; “Три сестры” А.П. Чехова; “Осенние скрипки” И.Д. Сургучева.
- ⁹ Щеглова – личность установить не удалось.
- ¹⁰ Алехнович Г.В. (1886–1918) – русский летчик, штабс-капитан. Окончил авиационную школу при Севастопольском аэроклубе (1910). С 1912 г. работал летчиком-испытателем на Русско-Балтийском вагонном заводе (Петербург). Одним из первых летал на самолете “Илья Муромец”. Установил ряд рекордов на самолетах разных типов. Во время первой мировой войны – командир самолета “Илья Муромец”. После Октябрьской революции перешел на сторону советской власти. Погиб в авиационной катастрофе во время полета на “Муромец” в неблагоприятных погодных условиях.
- ¹¹ Ярошевский А.Г. – историк, педагог.
- ¹² “На всякого мудреца довольно простоты” А.Н. Островского, премьера 1910 г.
- ¹³ Спектакль МХТ “Синяя птица” М. Метерлинка, премьера 1908 г.
- ¹⁴ Предполагались гастроли МХТ в Петрограде, как всегда в Михайловском театре; в январе был объявлен репертуар: “Три сестры” и “Вишневый сад” А.П. Чехова, “Не дне” М. Горького и “Будет радость” Д.С. Мережковского.
- ¹⁵ Окончательно от гастролей в Петрограде МХТ отказался в апреле 1916 г., и до 1927 г. МХАТ не выезжал ни в Петроград, ни в Ленинград.
- ¹⁶ “Роза и Крест” А.А. Блока. Репетиции начались 21 марта 1916 г. и продолжались до декабря 1918 г., режиссеры – Вл.И. Немирович-Данченко и В.В. Лужский.
- ¹⁷ “Село Степанчиково” – инсценировка рассказов Ф.М. Достоевского, репетировали с 11 января 1916 г., премьера состоялась 26 сентября 1917 г.
- ¹⁸ “Чайка” А.П. Чехова; прошло 5 репетиций с 10 по 19 сентября 1917 г.
- ¹⁹ Очевидно, имеется в виду героиня пьес А.Н. Островского, но пьеса не репетировалась.
- ²⁰ Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1933) – русский писатель, фильетонист, драматург, критик. После 1920 г. эмигрировал, жил главным образом в Италии.
- ²¹ “Образование Великоорусского государства” (Пг., 1918) – докторская диссертация А.Е. Преснякова.
- ²² “Московское царство” (Пг., 1918).
- ²³ “Гептахор” – Студия музыкально-пластического движения.
- ²⁴ Дункан Айседора (1878–1928), американская танцовщица, одна из основоположниц школы танца модерн.
- ²⁵ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) – филолог-классик, профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент РАН с 1893 г., почетный член с 1916 г. После революции жил в Варшаве. Член Краковской Академии наук.
- ²⁶ Гутик – сын [Евгений?] А.Е. Преснякова.
- ²⁷ Крахт Константин Федорович – личность установить не удалось.
- ²⁸ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – живописец и искусствовед, академик с 1943 г.
- ²⁹ Руднева Стефанида Дмитриевна (1890–1989) – танцовщица, педагог.
- ³⁰ Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958) – монголовед, умер в эмиграции. См. о нем: *Poppe N. Andrej Rudnev // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1959. Vol. IV. N 2. P. 85–89.*

ДНЕВНИК М.М. БОГОСЛОВСКОГО

В составе документальной коллекции ОПИ ГИМ хранится часть личного архива академика Михаила Михайловича Богословского (1867–1929). Фонд 442, насчитывающий 100 ед. хр. за 1893–1928 гг., поступил в ГИМ в 1928 г. от самого фондообразователя. Это только часть материалов М.М. Богословского, другая – отложилась в АРАН (Ф. 636, 195 ед. хр. за 1895–1973 гг.).

Материалы Богословского, хранящиеся в ОПИ ГИМ, имеют личный характер: документы М.М. Богословского, литографированные учебные пособия за время учебы в Московском университете, в том числе лекции профессоров П.Г. Виноградова, Н.Я. Грота, В.О. Ключевского, П.Н. Мрочек-Дроздовского, А.Н. Шварца и др.; студенческие работы и конспекты Богословского по истории Греции и Рима, его дипломная работа “Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду источников истории Московского государства XV, XVI, XVII веков” с оценкой В.О. Ключевского” “Весьма удовлетворительно” (тетради 1–5, 1889 г.).

Большой раздел составляют рукописи и подготовительные материалы к научным трудам Богословского. Среди них – “Дворянские наказания в Екатерининскую комиссию 1767”, рукописи лекционных курсов Богословского “Реформа Петра В[еликого] в русской исторической литературе” (1898–1899 гг.), курса древнерусской истории, материалы к лекциям о Павле I, И.Т. Посошкове, А.Н. Радищеве, Николае I и др., рукопись речи на торжественном заседании Академии наук в честь ее 200-летия “Русское общество и наука при Петре Великом”, конспекты, выписки и замечания на прочитанную литературу.

В материалах фонда также нашла отражение научная и педагогическая деятельность М.М. Богословского как дореволюционного, так и послереволюционного периода в Академии наук, Московском и Казанском университетах, на Московских Высших женских курсах, в Московской Духовной академии, в РАНИОН, а также документы, связанные с участием Богословского в работе различных научных обществ, в том числе ОИДР, РИО, МАО и материалы о его членстве от Академии наук в Экспертной комиссии при ЦЕКУБУ.

Значительную часть фонда составляет переписка М.М. Богословского. Среди корреспондентов С.В. Бахрушин, В.П. Бузескул, П.Г. Васенко, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, Ю.В. Готье, В.С. Иконников, В.О. Ключевский, А.А. Кизеветтер, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, П.Н. Милуков, Б.Л. Модзалевский, М.В. Нечкина, С.Ф. Ольденбург, А.В. Орешников, Н.П. Павлов-Сильванский, В.И. Пичета, М.Н. Покровский, И.И. Полосин, А.Е. Пресняков, М.Д. Приселков, С.Ф. Платонов, Н.А. Рожков, П.Н. Сакулин, П.К. Симони, Е.В. Тарле, Н.Н. Фирсов, А.В. Флоровский и др.

Кроме того, в фонде отложились документы родственников фондообразователя: отца (также Михаила Михайловича), управляющего у графа Д.А. Олсуфьева, дяди, Андрея Михайловича Богословского и др.

Несомненный интерес вызывает дневник М.М. Богословского (он составляет две ед.хр.)¹. Дневник представляет собой отдельные листы блокнотов (размером в 8-ую долю листа), исписанные с двух сторон чернилами, иногда карандашом, практически без редакторской правки. Ежедневные записи охватывают период с июля 1915 по ноябрь 1917 г. Богословский вел записи регулярно. 16 июля 1916 г. он пишет в дневнике: “Сегодня исполнился ровно год, как я стал вести эти записи, не пропуская ни одного дня” (Ед. хр. 4. Л. 110 об.). В тех редчайших случаях, когда по той или иной причине (трехдневная поездка в Петроград, болезнь)

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед.хр. 3–4. (Далее номера ед.хр. и листов указываются в тексте статьи.)

дни выпадали, Богословский скрупулезно отмечал в дневнике: “Не записывал ничего с 30 июля по 3 августа включительно, потому что до такой степени устали глаза, что решил дать им отдых на 4 дня и в эти дни ничего не читал и не писал. Теперь (записываю это 4 авг[уста] утром) восстанавливаю события за дни отдыха” (Ед. хр. 4. Л. 114). Кроме того, имеются отрывочные дневниковые записи за 1913 и два месяца 1919 г. (с 4 октября по 2 декабря).

Ценность любого дневника – непосредственное воспроизведение действительности. Своеобразие дневника Богословского в том, что историк стремился по горячим следам вычленить значимые события и процессы. Он вел дневник в период первой мировой войны и двух революций 1917 г. Бурные события этих лет, в той или иной степени, нашли отражение на страницах дневника. Иногда историк просто сухо перечисляет факты, но, как правило, записи представляют собой попытку осмысления и оценку происходящего. Богословский неизменно пытается вписать дневные наблюдения в общий контекст русской истории.

Спектр проблем, волновавших Богословского, чрезвычайно широк. Наиболее полный материал дают дневниковые записи для изучения таких тем, как наука и научные интересы автора; его преподавательская деятельность; политические взгляды. Интерес представляют, кроме того, взгляды и суждения Богословского по вопросам воспитания детей, в том числе в средней школе; образования (в частности, Богословский положительно оценивает деятельность Московского университета и Высших женских курсов, противопоставляя ее учебному процессу в Нижегородском народном университете, университете Шанявского, его высказывания по женскому вопросу; сведения по истории научных обществ, членом которых он состоял (РИО, ОИДР, МАО); отношение Богословского к нравам в Московской Духовной академии (Л. 1, 51 об. – 52, 77, 84–84 об, 108–108 об.).

Присутствующие в дневнике философские рассуждения Богословского о вопросах бытия помогают понять его как личность. “Раскрывается” он на страницах дневника и как любящий заботливый отец; много теплых строк посвящены любимому сыну Михаилу – Мине, “Каплюшечке”.

Богословский выступает и как художник-бытописатель: в дневнике имеются интересные описания, например, типов мелкого торгового люда, “словно вышедшего из 17 века”, и даже пейзажные и жанровые наброски. Эстетические взгляды Богословского в некоторой степени выявляются по записям о его впечатлениях от посещений художественных выставок, театров и концертов.

Но, прежде всего М.М. Богословский предстает на страницах своего дневника как истинный ученый, для которого наука и научные интересы, работа – главное в жизни.

В 1915–1917 гг. Богословский преподавал в трех учебных заведениях: Московском университете, Духовной академии и на Высших женских курсах, а с 1916 г. начал, кроме того, читать лекции на женских богословских курсах.

Безусловно, приоритетный характер для Богословского имело преподавание в Московском университете. Университет был его “alma mater”, в нем он сформировался и вырос в крупного ученого. Присущая ему атмосфера “храма науки” наиболее полно отвечала научным и духовным запросам Богословского.

Атмосфера же, царящая в Духовной академии, угнетала и раздражала историка своим формализмом и отсутствием чисто научного подхода к оценкам трудов как преподавателей, так и учащихся. Это ярко проявляется в следующих записях: “15 марта [1916]. Весь день ушел на семестровые; от своей работы все дальше и дальше. Только вечером я вышел на воздух с сознанием напрасно потраченной работы. Плохо еще то, что эти сочинения, – как они поставлены в Академии – пустой формализм. Мне не придется уже побеседовать о них с авторами, а я должен только отправить список отметок за них ректору. Все в Академии [проникнуто] бумажным формализмом” (Л. 51 об. – 52). В этом отношении

показательны также записи, сделанные 7 и 8 марта 1916 г. по поводу обсуждения в Академии книги А.И. Богословского “Соборы древней церкви эпохи первых трех веков” (Сергиев Посад, 1914), представленной в качестве докторской диссертации. Книга вызвала острые споры, и в результате голосования соискатель получил 9 “за” и 8 “против”. В числе голосовавших “против” был П.А. Флоренский, который так объяснил Богословскому свою позицию: “Книгу его он считает не лучше, и не хуже других книг, но самого автора считает человеком ничтожным и вредным для церкви и поэтому, чтобы не вооружать этого церковно-вредного человека степенью доктора канонического права, он и подал голос против”. На возражение, что надо судить книгу, а не человека, Флоренский ответил, что “академия не есть богословский факультет” (Л. 48 об.).

Размышляя об этом случае, Богословский отмечал: “Нельзя не назвать такой прием иезуитским [...] При таком критерии к чему же ученые степени и ученые диссертации; тогда надо изобрести какие-либо иные титулы и иные основания для них”. И далее: “Если одни смотрят на Академию как на высшее учено-учебное заведение, где разрабатываются и преподаются церковные науки, а другие как на иезуитскую коллегию для особой духовной дрессировки, где должны преподаваться значительно фальсифицированные предметы – можно ли совместно действовать? Можно ли даже столкнуться?” (Л. 48 об. – 49). Раздумья о происходящем в Академии “неотвязно преследовали” и угнетали его настолько, что перед ним вставал вопрос о целесообразности продолжения занятий, даже несмотря на материальные затруднения. 12 мая 1916 г. в дневнике появилась следующая запись: “Становится, наконец, тяжело от царящей там атмосферы, и начинает мелькать мысль об исходе оттуда” (Л. 84 об.).

Различное отношение Богословского к учреждениям, в которых он преподавал, никак не сказывалось на его отношении к студентам. Описывая один из “совершенно потерянных дней”, когда он “пробыл в пути почти 8 часов для того, чтобы заняться с студентами 1 1/2 часа!”, Богословский, тем не менее, заключает: “Но занятиями я остался очень доволен. Реферат свящ[енника] Соколова о Котошихине был написан очень живо, хорошо прочтен и вызвал интересный разговор” (Л. 336).

К своей преподавательской деятельности ученый подходил с большой ответственностью. Записи дневника пестрят его заметками о подготовке к занятиям, чтении студенческих рефератов, описаниями их обсуждения. Богословский искренне радовался успехам своих учеников и довольно часто в его дневнике встречаются записи такого плана: “Все утро был занят чтением выдающейся работы студента [А.Н.] Штрауха о стрелецком бунте 1682” (Ед. хр. 3. Л. 81); на диспуте С.К. Шамбинаго “блеснул молодой оставленный при университете Б.М. Соколов, возражавший [...] горячо, но дельно, и даже с изяществом” (Л. 90); “Был на ВЖК, производил зачет своим семинаристам. Отлично занимались девицы в истекающем году, надо им отдать справедливость” (Ед. хр. 4. Л. 256); масса других лестных отзывов об И.А. и С.А. Голубцовых (Ед. хр. 3. Л. 61), С.Н. Каптереве (Ед. хр. 4. Л. 53), Фоминой (Л. 18), В.К. Яцунском (Л. 17 об.), И.И. Проталинском (Л. 266 об.) и др.

Высокую оценку Богословского заслужить было нелегко, так как историк довольно строго подходил к научным трудам, и в его дневнике есть множество примеров критических отзывов о работах известных в то время ученых, таких, как А.М. Гневушев (Л. 156), Б.И. Сыромятников (Л. 23 об. – 24), А.И. Яковлев (Л. 248–248 об.), С.Б. Веселовский (Л. 113 об.), Н.В. Рождественский (Л. 34 об. – 35) и, в том числе, Ю.В. Готье (Ед. хр. 3. Л. 53 об.), с которым М.М. Богословский был дружен.

Студенты со своей стороны уважали Богословского как педагога, с удовольствием посещали его лекции. О популярности Богословского в студенческой среде свидетельствует и дневник историка, в частности, запись о кратковременной

вынужденной отставке Богословского из университета после Февральской революции 1917 г., когда была произведена формальная чистка преподавательского состава. Богословский, в числе других профессоров, занимавших свои кафедры без выборов с 1911 г.², также был уволен³. Консерватизм общественно-политических взглядов Богословского, который, несомненно, должен был претить тогдашним студентам, не мешал им, однако, ценить его как профессионала. 18 марта 1917 г., через несколько дней после ухода Богословского, к нему домой явились депутаты от студентов (И.А. Витвер, Счастнев, Абрамов, А.Н. Штраух, Камерницкий) с адресом, составленным “в самых теплых выражениях”. Одновременно студенты обратились “с просьбой принять все меры к сохранению Богословского среди профессоров университета”. Сочувствие студентов тронуло Богословского, который с некоторым удивлением отмечал в своем дневнике: “Я и не подозревал студенческих симпатий ко мне” (Ед. хр. 4. Л. 238–238 об.).

Во многом заботой о научном росте молодых историков было проникнуто и желание Богословского воссоздать Историческое общество⁴ при Московском университете в 1916 г., когда он выступил инициатором этой идеи, объясняя тем, что “накопилось немало молодых историков: приват-доцентов, оставленных при университете, молодых преподавателей истории, окончивших В.Ж.К. девиц – и нет места, где бы они могли развивать научную деятельность, и им приходится искать приюта в Исторической комиссии, в каком-то отделении Чупровского общества, и т.п.” (Ед. хр. 3. Л. 69–69 об.). 10 января 1916 г. состоялось открытие Общества, подробно описанное в дневнике. Заседаниям Исторического общества и, особенно, издаваемому обществом критико-библиографическому журналу “Исторические известия”, посвящены многие записи Богословского.

Вообще научные обсуждения, носившие характер настоящей дискуссии и способствовавшие выяснению истины, приносили Богословскому большое удовлетворение. В этом отношении показательно описание диспута профессора Харьковского университета Е.Г. Кагарова на тему “Культура фетишей в Древней Греции” (6 октября 1913 г.): “Кажется, с 1906 г. не было диспута по классической филологии, и наши классики с накопленными свежими силами набросились на бедного магистранта, как голодные на желанную и давножданную добычу. Диспут доставил мне большое удовольствие и я отдыхал на нем душой” (Л. 1).

Богословский, несмотря на погруженность в науку, не терял чувства юмора и всегда был готов отметить забавные казусы. Вот описание заседания в память Н.М. Карамзина по поводу 150-летия со дня его рождения (29 января 1917 г.): “Читали [Ю.В.] Готье, [С.К.] Шамбинаго и [Р.Ф.] Брандт. Готье составил прекрасную речь, стройную, ясную с очень интересными выдержками. Шамбинаго был бледнее и читал много хуже. Брандт указал на значение Карамзина для русского языка, причем критиковал некоторые нововведения Карамзина. Особенно эффектно была критика слова “трогательный” (touchant), которое Брандт находил

² В 1911 г. ряд профессоров, приват-доцентов и ассистентов (всего около 130 человек) в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо по пресечению студенческих беспорядков подали в отставку. С 1911 г. распространилась практика назначения на должность профессора (вместо выборов). Таким образом, оставшийся в университете Богословский занял “пустую за уходом [А.А.] Кизеветтера кафедру”. Объясняя свою позицию в дневнике, Богословский пишет: “Если бы я ее [кафедру] не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-нибудь еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться” (ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед. хр. 4. Л. 231).

³ Отставка Богословского продолжалась два с половиной месяца – с 12 марта по 26 мая 1917 г.

⁴ Оно действовало с 1898 по 1904 г. В 1904 г. Историческое общество фактически прекратило свою деятельность, что было связано с разногласиями между членами общества и уходом основателя и руководителя общества В.И. Герье из Московского университета после обструкции, устроенной ему студентами.

недостаточно сильным, предлагая заменить его словами “прохватный” или “задевший”, что вызвало фурор в зале. Долго мы не могли успокоиться от смеха. Зала (Богословская) была наполнена далеко не вся; а жаль. Прекрасное заседание. Недолгое, ясное и содержательное” (Ед. хр. 4. Л. 199).

Впрочем, даже в частных собраниях, когда профессора и преподаватели беседовали за дружеским столом, Богословский отдавал предпочтение научным спорам. Так, описывая вечер 28 декабря 1915 г., он отмечал: “П.И. Беляев любит специальные разговоры по вопросам русской истории и русского права, его занимающим. Мне тоже интересно поговорить с ним о Русской Правде и о крестьянском праве. Но нашу ученую публику трудно занять чем-нибудь кроме сплетен, пустых и глупых, и у нас с П.И. долгое время был только диалог, на который прочие не обращали внимания. Только за чаем одно время разговор о новейших работах по феодализму сделался общим. Жалею, что не мог быть по болезни С.Б. Веселовский. У него научные интересы живее” (Ед. хр. 3. Л. 97 об.).

М.М. Богословский умел ценить чужой талант, даже просто хорошо сформулированную мысль. Поэтому в его дневнике нередки такие записи: «... читал с наслаждением, забывая о болезни, книгу Герье “Лейбниц и его век”» (Ед. хр. 4. Л. 174 об.); “[...] [Б.К.] Млодзиевский [...] по моей просьбе с большим воодушевлением изложил мне замечательно просто, ясно и красиво одну из теорий высшей математики: о трансфинитных числах. Вот признак таланта – умение изложить самую сложную вещь в самой простой и ясной форме” (Ед. хр. 3. Л. 91–91 об.). А описывая 12 января 1917 г. празднование Татьянина дня в Университете, он так оценил выступление Л.М. Лопатина: “Речь Лопатина была на редкость интересна. О таких старых, вечных вопросах, как бытие Бога, бессмертие души, он говорил с необыкновенной тонкостью, остроумием и ясностью. Я с наслаждением следил за его речью, что редко бывает на актах” (Ед. хр. 4. Л. 190–190 об.).

Подходя вполне ответственно к своей педагогической деятельности, Богословский в то же время с горечью сознавал, что зачастую не может дать своим слушателям всеобъемлющего освещения изучаемых вопросов, и весьма сурово и самокритично оценивал качество своих лекций. Так, 27 февраля 1916 г. он записал: “После лекции чувство неудовлетворенности или вернее недовольства собою за прочтение не так как следовало бы” (Л. 34 об.). По его словам, “следовало бы на каждой лекции сообщать что-либо новое и составлять ее заново” (Ед. хр. 3. Л. 63 об.), “каждый год изготавливать что-нибудь совершенно новое для чтения, а прочитанное, печатать. Это было бы идеально. Увы – если бы можно было преподавать только в одном университете” (Л. 70 об.). Богословский же читал два разных курса и вел четыре разных семинара, а мысль его была, как он сам признавался, “всецело направлена на Биографию” (Л. 72 об.).

Именно составление биографии Петра I, или “Петриады”, как называл Богословский свою работу (Л. 8), стало в те годы для него главным делом жизни. Впервые историк обратился к исследованию петровской эпохи еще весной 1898 г., когда он, будучи магистрантом Московского университета, подготовил и прочел пробную лекцию “Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства”. Областная реформа Петра I стала темой его магистерской диссертации (1902). И позже Богословский неоднократно обращался к различным проблемам петровской эпохи⁵.

Таким образом, составление подробной биографии Петра явилось как бы закономерным продолжением его исследований. Эта работа его увлекала, и день, когда историку не удавалось хотя бы немного заняться биографией, “дорваться” до главного своего дела (Ед. хр. 4. Л. 29), был для него потерян: “[...] досадно отрываться от Петра. На каждом шагу препятствия для работы! Хорошо бы

⁵ См.: Список печатных трудов академика М.М. Богословского / Подг. А.В. Мельников // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 320–335.

уйти в какую-нибудь келью и работать над биографией в иноческом затворе” (Л. 165 об.).

Богословский предполагал подготовить два варианта биографии Петра I – краткую и пространную. Краткий вариант РИО хотело опубликовать в РБС, а пространный – Богословский собирался издать за свой счет. К сожалению, ни один из этих проектов не был осуществлен. Биография Петра, доведенная Богословским до 1700 г., была издана ученицей историка, Н.А. Баклановой, но после его смерти⁶.

Работа над биографией Петра всецело захватила Богословского. Дневник пестрит его заметками: “Утром я жил в 1693 г., который и кончил” (Ед. хр. 3. Л. 4). Он с удовольствием погружался в петровскую эпоху: “Вообще до обеда живу более в 1696 г., чем в 1916 г.” (Ед. хр. 4. Л. 106); “Я до такой степени живу в этом году, что когда пишу какое-нибудь письмо и ставлю число и год, то рука невольно изображает 1696 и приходится ее удерживать и исправлять” (Л. 109); “Пользуясь уединением и тишиной, я усерднейшим образом изучал пребывание Петра в Англии” (Л. 318).

А когда грозные события 1917 г. захлестнули Россию, работа над биографией Петра приобрела для Богословского особое значение. Она давала ему опору в жизни, служила надежным якорем посреди неустроенности, неразберихи и неизвестности будущего. 28 июля 1917 г. он записал в дневнике: «Для меня большая отрада, что я, работая, живу в 1697 г. в Голландии и таким образом хоть на несколько часов в день могу покидать русскую действительность XX века с ее “товарищами”, “эсерами”, “линиями поведения” и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором» (Л. 306 об.). 2 ноября 1917 г. он записал: “Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 г. Когда работу прекращаешь, смысл бытия теряется” (Л. 366).

Был и еще один аспект в работе Богословского над биографией Петра I, который историк подчеркнул в записи от 25 октября 1917 г.: “Биография Петра получает для меня теперь новый смысл, когда мы так позорно отдаем все то, что при нем приобреталось с таким упорным трудом и с такими потерями, отрядно остановиться на этих славных страницах нашего прошлого, когда Россия проявляла в Петре свою бодрость, энергию и мощь. Это была не та дряблая, гнилая, пораженная неврастением и разваливающаяся Россия, которую видим теперь. Может быть, если моя работа когда-либо увидит свет, она будет бесполезна в годину унижения и бед, показывая нашу славу в прошлом. Может быть она поспособствует нашему возрождению, внеся в него крупицу здорового национального чувства! Но это, конечно, мечты” (Л. 361).

Следует отметить, что непосредственному описанию военных действий на фронтах первой мировой войны посвящено не так уж много страниц дневника. Записи, однако, позволяют сделать вывод о том, что историк пристально следил за ходом военных действий, от них во многом зависело его состояние духа. Победы русских войск переполняли его радостью и гордостью, вселяли надежды на близкое окончание войны. “Вечером газеты с радостными известиями об успехах армии [А.А.] Брусилова. Все более крепнет во мне уверенность, что к осени война кончится”, – запись Богословского 4 июня 1916 г. (Л. 100 об.).

Но даже в период успешных действий война представлялась ему как “кошмар, который давит на всех” (Л. 118 об.). Поэтому неудачи на фронте Богословский воспринимал остро, тяжело переживая их. Ярko передает это настроение Богословского запись, появившаяся ранее, 24 июля 1915 г. после известия о сдаче немцам Ивангорода и Варшавы: “Горько и тяжело, но что же делать, раз это было неизбежно. Есть что-то похожее на то, когда в доме тяжелый, безнадежно больной, приговоренный к смерти. Смерти его ждут и все же она является ударом” (Ед. хр. 3. Л. 4).

⁶ Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940–1948. Т. I–V.

Будучи государственным, Богословский горячо протестует против всего, что ведет к ослаблению России как великой державы. Поэтому, как бы ни велики были тяготы войны, мир на невыгодных условиях представляется Богословскому абсолютно неприемлемым. 12 декабря 1916 г. в его дневнике появляется запись: “Буюсь как бы мирные предложения Германии, а затем Соединенных Штатов не сделали бы своего дела, т.е. не вызвали бы поворота к миру. Для нас мир столь унижительный [...] был бы несчастьем. Если бы в скором времени после него и не возникло войны, то все же несколькими поколениям пришлось бы жить с подавленным состоянием духа, все равно как французам после 1871 г. Мы на каждом шагу будем встречать тогда препятствующую сильную лапу Германии и будем испытывать чувство бессильной злобы. Что это будет за жизнь!” (Ед. хр. 4. Л. 175–175 об.).

Историк полагает, что победа может быть достигнута только общим напряжением всех сил, когда каждый, по мере своих возможностей, делает вклад в общее дело. В тылу, несмотря на нехватку продовольствия и промышленных товаров, высокие цены, по его мнению, можно было бы и потерпеть – “только бы армия была крепка” (Л. 123 об.). Следует отметить, что Богословский, обладавший обостренным чувством долга, большинство своих сбережений вложил в военные займы: в декабре 1916 г. – 33 тыс. руб., а позже сделал подписку на “заем свободы” Временного правительства (Л. 182 об., 351). Таким единственно доступным ему способом он пытался содействовать победе.

Подобной позиции Богословский ждал и от окружающих. Поэтому факты прямого воровства или стремления нажиться на военных поставках наполняли его неподдельной болью, и все это выливалось в дневниковые записи: “У нас на фронте воюют, а в тылу воруют [...] Кто только может, наживает и грабит” (Л. 128 об.). Особенно бурное негодование Богословского прорывалось, когда в такой неблагоприятной роли выступали “отцы города”, «которые благородно негодуя и подписываясь под политическими резолюциями, тою же рукой, которою делают подпись, “придерживают” разные товары, чтобы повысить цены, скупают их, укрывают запасы в качестве членов правлений и советов разных банков и вообще под шумок ловко обдывают свои темные и корыстные делишки» (Ед. хр. 3. Л. 55).

Но наибольшую опасность для страны, ведущей тяжелейшую войну, Богословский видел во внутренней нестабильности: “Всю ночь и во сне даже думал об опасности происходящего, чтобы ни происходило, для наших военных успехов. Неужели из-за внутренних событий кампания нами будет проиграна? Ужасно подумать” (Ед. хр. 4. Л. 220). Именно поэтому на него “особенно тревожно действуют эти бесконечные раздоры и препирательства партий в то время, когда надо объединиться для единственного теперь важного дела. Целый день я был сам не свой при мысли о совершающихся событиях. Гроза во много раз величественнее и страшнее 1812-го года” (Ед. хр. 3. Л. 24–25 об.). “В такие моменты речи некоторых думских ораторов о необходимости сейчас же проводить реформы [...] нашей внутренней жизни похожи на разговоры и соображения о перестройках и переделках в горящем доме, когда прежде всего надо заняться тушением пожара” (Л. 5).

В 1916 и особенно в 1917 гг. военные неудачи России все больше начинают напрямую зависеть от политического кризиса в стране. Поэтому борьба со властью, подрыв ее авторитета представляются Богословскому прямым преступлением. В марте 1916 г. в его дневнике появилась такая запись: “Существующая власть оплевывается, называется не иначе как преступной, смешивается с грязью. И это во время войны, когда нужно поддерживать ту власть какая есть, лишь бы она была сильна и деятельна. Грустно за политический смысл наших представителей” (Ед. хр. 4. Л. 41 об.– 42).

«Власть существует для того, чтобы ей повиноваться, а не для борьбы с нею, – читаем дневник за 14 декабря 1916 г., – если этого не признавать, если смотреть на “власть”, как на мишень для нанесения ей ударов, то далеки ли мы до анархии?» (Л. 177).

Однако скептические и трезвые оценки Богословского революционной ситуации в стране находили немногих сторонников, даже в его ближайшем окружении. Он вынужден был признать, что революционные настроения – “теперь общий психоз. Происходит нечто подобное тому, что Англия переживала во второй четверти XVII в., когда все общество было охвачено религиозной манией. С тою разницей, что у нас мания политическая. Там говорили тексты из Библии и пели гнусавыми голосами псалмы. У нас вместо текстов и псалмов – политические резолюции об ответственном министерстве и политические клеветы, высказываемые гнусными голосами и надежды на переворот, с близорукими взорами в будущее” (Л. 186–186 об.). “Наше общество, охваченное порывом, слишком увлечено революцией и верит, что с марта месяца 1917 г. наступит в России земной рай”, – так характеризовал Богословский общественное настроение в стране (Л. 252).

Идеальной формой правления в России Богословскому представляется сильная монархическая власть, самым ценным свойством которой является “то, что она может беспристрастно выситься над партиями и взирать только на государство, как единое общее [...] Даже президент республики – все же член той или иной партии, и невольно клонит в партийную сторону” (Л. 66, 302). Историк вполне разделяет мнение М.К. Любавского, что “монархия много все же сделала для Руси: собрала громадные земли, дисциплинировала общество, содействовала накоплению в нем большого запаса духовных ценностей” (Л. 225–225 об.) Развивая это положение, Богословский приходит к выводу, что, во-первых, “монархия [...] не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое. Части эти только и держались монархом, а когда его не стало – они начали разваливаться” и, во-вторых, «русский народ не приобрел еще такого характера, выдержки и развития, чтобы те партии, на какие он теперь распадается во взаимной своей борьбе, могли обойтись без “верховного арбитра”» (Л. 305 об. – 306). “Да, – отмечал историк, – революция хороша, когда она сменяет старый порядок новым, лучшим; но хороша ли она, когда сменяет старый порядок полным беспорядком, полнейшим хаосом и развалом?” (Л. 267 об.).

Консерватор по убеждениям, Богословский не мог принять не только Октябрьскую, но и Февральскую революции. Записи его дневника наполнены критикой деятельности и Государственной Думы, и Временного правительства, и большевиков. Но наибольшее раздражение Богословского вызывала даже не смена государственной формы правления, а полнейшая неспособность Временного правительства распорядиться полученной властью, в результате чего Россия переставала существовать как государство. 25 сентября 1917 г. историк написал: «Что Россия теперь не государство, это для меня ясно, ибо государство есть человеческое общество, объединенное верховной властью, а где же у нас верховная власть. Ею не обладает Временное правительство – потому что оно” подотчетно” какому-то демократическому совету, образовавшемуся из демократического совещания. Ею не обладает и этот самозванный демократический совет. Итак не будучи государством, Россия теперь – первобытное, естественное состояние людей» (Л. 340).

Временами Богословскому казалось, “что Россия обратилась в грандиозный сумасшедший дом, в необъятных размеров Бедлам”, что “никогда Русская земля не терзалась так, как сейчас терзается, на границе бездны и позора” (Л. 225, 271). В августе 1917 г. Богословский подвел неутешительный итог: “Итак, денежное обращение – хуже, продовольственное дело – хуже, о военном деле – и говорить нечего, суда и полиции совсем нет. Что же стало лучше после переворота? Свобода? Но министры получают право закрывать газеты, запрещать съезды и собрания [...] Где же эти свободы, что от них остается и чем все это отличается от старого порядка?” (Л. 310 об. – 311). А между тем на многочисленных совещаниях и заседаниях правительства звучали “речи, речи и речи, а в речах слова, слова и слова” (Л. 313 об.).

Неумение вести государственные дела, увлечение “отвлеченным принципом свободы слова”, повлекшим за собой разложение и гниение, “которое сгубило нашу армию”, Богословский в первую очередь ставил в вину А.Ф. Керенскому, которого он считал больше всех виноватым в случившемся, признавая его, впрочем, “честным лично человеком”, который “вреден только как крайний доктринер и идеолог” (Л. 292 об.).

Наблюдая агонию “социалистического правительства, совершенно бессильного и разваливающегося” (Л. 301 об.), Богословский вновь и вновь связывал надежды на спасение страны только с монархией, а главную причину всех бед видел в подрыве власти. Это подтверждала, в частности последняя дневниковая запись за 1917 г.: «Два последние перед революцией года “власть” поносились и проклинаясь, и при том не именно Н[иколай] II, а “власть” вообще. Только и слышалось в думских речах: “позор власти”, “безумие власти”, [А.И.] Шингарев вопил: “во имя борьбы с властью”. Вот она и рухнула, эта ненавистная власть – а пойдй найди ее теперь. Будут не только руки, а сапоги целовать у Михаила или другого кого-либо, чтобы только взял ее» (Л. 369 об.).

Подводя итог далеко неполному обзору интереснейшего дневника М.М. Богословского, отметим, что оценки его, безусловно, субъективны, зачастую надежды его иллюзорны, но иногда просто нельзя не поразиться его провидческому дару. В этом отношении характерна запись, сделанная историком 8 марта 1917 г.: “В газетах продолжается вакханалия, напоминающая мне сцены из реформации XVI в., когда ломали алтари, бросали мощи, чаши, иконы и топтали ногами все те святыни, которым вчера поклонялись. Прочтешь газету – и равновесие духа нарушается. Мысль идет к текущим, или вернее, к мчащимся событиям, и бурно мчащимся. Переворот наш – не политический только, не революция июльская или февральская. Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию. В частности, наша русская история испытает толчок особенно сильно: новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особенным напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие. Разумеется, со временем все войдет в свое спокойное русло, но вопрос, как долго ждать этого. Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука – одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря” (Л. 228).

К сожалению, обстоятельный и даже уникальный для понимания университетской среды и вообще интеллигенции в эпоху кризиса империи дневник Богословского использован историками слабо. Материалы дневника частично привлекались в очерке о нем Л.В. Черепнина и во вступительной статье Л.А. Черной к подготовленному ей изданию ранее неопубликованных статей и писем М.М. Богословского⁷. Авторами настоящей статьи готовится публикация дневника М.М. Богословского в полном объеме.

⁷ Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 132–144; Черная Л.А. Введение // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 3–12.

М.М. БОГОСЛОВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

В выступлении автора настоящей статьи на конференции, посвященной памяти М.М. Богословского и А.Е. Преснякова, речь шла, главным образом, об архивных материалах, раскрывающих историю замысла, создания и посмертной публикации незавершенного труда академика М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии”, а также отчасти о переписке историка и мемориальных материалах о нем. Учитывая то, что существенная часть этой проблематики уже нашла отражение в работах, опубликованных позже¹, в настоящем обзоре целесообразнее остановиться на том, что оказалось менее освещенным в выступлении на заседании Археографической комиссии, а именно, на мемориальных источниках о Богословском.

Представляется небезынтересным и в какой-то мере поучительным посмотреть, как отмечали память выдающегося историка 70 лет назад; что нашло тогда отражение в выступлениях как предназначенных для печати, так и ставших достоянием лишь тесного круга близких людей; что удалось сделать в роковой для исторической науки 1929 г. и что было уже невозможно воплотить в жизнь; насколько различны оказались проводы историка в СССР и в кругах русской научной эмиграции; какую память сохранили о человеке спустя годы. И когда охватываешь взором определенную совокупность источников (печатных и архивных), понимаешь и разделяешь мысль С.В. Бахрушина, сформулированную под первым впечатлением от ухода близкого человека: “У него были две отличительные черты: честная прямота в суждениях и кристальная чистота сердца”².

Биография ученого – не только воплощенные труды и нереализованные замыслы, но и восприятие его в среде коллег. И важным представляются оценка как содеянного на научном поприще, преданности делу, так и манеры поведения, способности отстаивать личную точку зрения и не идти на компромисс с собственной совестью. Биография академика М.М. Богословского в этом смысле является поучительный пример. Существенным представляется то, что в большинстве выступлений, некрологов и воспоминаний авторы акцентируют внимание не только (а иногда и не столько) на научных заслугах Богословского, представляющихся им самоочевидными, но стремятся передать образ человека высокой научной и жизненной морали и большой силы духа.

М.М. Богословский, надо полагать, не имел такой всероссийской славы, как С.Ф. Платонов, после смерти В.О. Ключевского однозначно воспринимавшийся первым историком России. Но, важно, что еще до революции в среде московских историков имя его устойчиво ассоциировалось с сохранением и приумножением в высшей школе научно-педагогического наследия В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. Думается, можно говорить, что Богословский к 1917 г. воспринимался (хотя бы и формально) как глава московских историков. Не случайно поэтому, что, став академиком, Платонов способствовал скорому избранию Богословского сначала в члены-корреспонденты (1920), а на ближайших выборах и в действительные члены Академии наук (1921). И в 1920-е годы научно-педагогическая

¹ Мельников А.В. К истории замысла труда академика М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии” // Историческая наука на рубеже веков: Статьи и материалы науч. конф., посвященной 60-летию исторического факультета Уральского гос. ун-та. Екатеринбург, 2000. С. 383–387; Он же. К истории публикации труда академика М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии” // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 444–447.

² АРАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 1. Д. 552а. Л. 15.

деятельность Богословского объективно противостояла насаждению вульгаризаторских подходов и социологизирования в изучении отечественной истории, практиковавшихся официальной властью в лице М.Н. Покровского и его последователей. В будущем это дало фальсификаторам “Академического дела” повод говорить о Богословском (причем уже после смерти) как о главном руководителе московской группы заговора так называемого “Союза борьбы за возрождение свободной России”.

В настоящей работе предпринята попытка предварительного выявления и обобщения различных мемориальных материалов о Богословском. Часть их (в том числе архивных) стала впервые известна благодаря обстоятельной статье (1974 г.) академика Л.В. Черепнина³. К настоящему времени удалось значительно пополнить корпус печатных источников (особенно зарубежных), привлечь ряд архивных материалов, которые, возможно, не были знакомы Л.В. Черепнину (выступления С.В. Бахрушина, воспоминания Б.Б. Кафенгауза, О.И. Поповой, С.М. и А.С. Богословских).

Богословский скончался 20 апреля 1929 г. В тот же день Академия наук была информирована об этом телеграммами⁴. В ближайшие дни в газете “Известия” появились траурные сообщения от научных обществ и учреждений⁵.

23 апреля по православному обряду на Новодевичьем кладбище⁶ состоялись похороны. Об этом дне сохранилась трогательная детская запись с цветными рисунками, “Смерть дяди Миши”, сделанная Наталией Новиковой, племянницей Е.П. Богословской⁷. По покойному служили панихиды: на квартире дома № 15 по Зубовскому бульвару вечером 20 апреля, где “было очень много народу, так что маме и тете Лизе пришлось стоять за шкафом”, днем 21-го, на которой “народу было еще больше”, а “вечером неожиданно пришел священник, ученик дяди Миши, с знакомым его; и они вдвоем вполголоса отслужили еще панихиду. На этой панихиде посторонних не было, кроме двух дам”. 22-го в шесть часов вечера панихиду отслужили священники с дьяконом, после чего ко всеобщей выносу тела в ближайшую церковь⁸. Гроб несли на руках в сопровождении молебного пения и при столь большом стечении народа, “что в церковь было трудно пройти”. Утром в десять часов началось отпевание. В чине участвовали архиерей, семь священников, стоявших по обе стороны гроба, и три дьякона. Архиерей произнес надгробное слово – “немножко нескладное, но очень простое”, после чего началось прощание. Гроб закрыли и, украсив цветами, поставили на “колесницу”. Народу было еще больше, чем накануне, когда гроб вносили в церковь. Один из священников участвовал в процессии. Напротив здания бывшего архива Министерства юстиции была отслужена лития. Около входа на кладбище процессию встретил еще один священник с дьяконом. Священник прочел молитву, и под пение монахинь гроб опустили в землю⁹.

³ Черепнин Л.В. Академик М.М. Богословский // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 92–131.

⁴ С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому / Публ. А.В. Мельникова // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 389.

⁵ От Президиума РАНИОН и Коллегии Института истории, ОИДР при 1-МГУ и Экспертной комиссии ЦЕКУБУ. См.: Известия. 1929. 21 апр. С. 5 и 23 апр. С. 4. На Общем собрании Академии наук память ученого почтили вставанием. См.: Известия. 1929. 25 апр. С. 1. (Вырезки из этих газет см.: АРАН. Ф. 636 (М.М. Богословский). Оп. 2. Д. 12.)

⁶ Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал: некрополь монастыря и кладбища. 2-е изд. испр. и доп. М., 1998. С. 149.

⁷ Л.В. Черепнин (Указ. соч. С. 130), кратко изложивший содержание тетради, дает неточное название – “Похороны дяди Миши” и замечает, что Н. Новикова – племянница самого Богословского. По-видимому, она все же племянница его супруги, Елизаветы Петровны. См.: АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 26. Л. 1 об.

⁸ Вероятно, святителя Николая Чудотворца в Хамовниках.

⁹ АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–3 об.

Кончина Богословского стала заметным событием в жизни не только ученой Москвы, это нашло отражение и в переписке того времени в среде историков (особенно корреспондентов академика С.Ф. Платонова). С.Ф. Платонов получил телеграммы от С.К. Богоявленского¹⁰ и М.К. Любавского¹¹, письмо от Д.Н. Егорова, подробно рассказавшего буквально о последних часах жизни М.М. Богословского¹².

25 апреля 1929 г. ленинградский историк А.И. Андреев писал в Москву историку А.Н. Сперанскому: “О Ваших московских делах кое-что слышал от приезжих академиков. Все же смерть М.М. Б[огословско]го заслоняет все другие дела. Известие о ней пришло сюда в момент подготовки очередной сессии и связанной с ней суетой и волнениями”¹³. В дни академической сессии Платонову было поручено подготовить некролог о Богословском¹⁴, оставшийся тогда ненапечатанным¹⁵.

Характерной особенностью этой статьи Платонова является личностное и даже, если можно так выразиться, интимное ее звучание. Представляется существенным для понимания взаимоотношений двух ученых то, что в статье, подготовленной для официального издания – “Известий Академии наук СССР”, С.Ф. Платонов не только дал емкую характеристику многообразной научно-педагогической деятельности М.М. Богословского, высоко оценив его вклад в историческую науку, но и счел важным отметить те характерные черты образа Богословского как человека, которые он мог наблюдать в частной обстановке:

“Люди, мало знавшие внутреннюю жизнь М. М-ча, могли наблюдать в нем только постоянную сдержанность, даже некоторую замкнутость. Спокойный и медлительный, он не любил многословия и суеты. Но в кругу своих близких это был очаровательный человек, общительный, ласковый, бесконечно добрый и до последней своей болезни жизнерадостный. Он любил детей, и дети его любили, и в его общении с детьми можно было наблюдать те свойства простоты и безыскусственности, которые так талантливо сказывались в его ученых произведениях – всегда изящных, простых по форме, скрывающих за своей безыскусственностью сложнейший исследовательский труд”¹⁶.

Для семьянина Платонова была понятна и дорога эта “любовь к детям”, присущая Богословскому. Думается, что в этих строках отразилось воспоминание не только о том, как глубоко Михаил Михайлович переживал потерю единственного сына, но и как, бывая у Платонова, он много времени проводил с его внучкой Татьяной (дочерью филолога Н.В. Измайлова), которой привозил из Москвы подарки. Уже после гибели сына он писал Платонову: “В детской Танечки я как-то отдохнул душой”¹⁷.

Работая над некрологом, Платонов советовался с близкими друзьями и родственниками Богословского. По-видимому, уже в мае¹⁸ готовил свои воспоминания (вошедшие в некролог Платонова) член-корреспондент АН Сергей Константинович Богоявленский, один из самых близких Богословскому людей, муж его сестры Марии Михайловны. Поэтому мнение С.К. Богоявленского особенно ценно, а характеристика Богословского представляется настолько яркой и цельной, что ее желательно привести почти полностью:

¹⁰ С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому... С. 389.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 3435. Л. 1. Подпись на телеграмме Любарский – безупречно, описка.

¹² Там же. Д. 2869. Л. 30–31 об.

¹³ АРАН. Ф. 1935 (А.Н. Сперанский). Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 316. Оп. 45. Д. 22. Л. 55.

¹⁵ С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому. С. 388–394. После того, как статья была опубликована, выяснился любопытный факт: в день ареста, 12 января 1930 г., С.Ф. Платонов думал о М.М. Богословском и о своем некрологе, ему посвященном. См. примеч. 21.

¹⁶ С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому... С. 393.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2327. Л. 4.

¹⁸ С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому... С. 390.

“Редкий день мы не видались и не обменивались мыслями о виденном и прочитанном. Новые книги обязательно подвергались совместному обсуждению, и мне не раз приходилось изумляться ясности и четкости мысли М.М. Он постоянно сообщал о ходе своих научных занятий, и тут нельзя было не подметить некоторых черт его ученой психологии. Прежде всего – его способность, не разбрасываясь по сторонам, сосредоточиваться на одной определенной работе... Такая непрерывная умственная работа в одном направлении протекала естественно, без внутренних понуждений, и была для М.М. насущной потребностью, а не работой, после которой требовался отдых. И действительно, М.М. прерывал работу только по принуждению, а не по собственному желанию... Постоянная, сосредоточенная в одном фокусе умственная работа М.М., необходимая ему для удовлетворения его же собственного интереса, наложила определенную печать на его труды. Я думаю, никому и в голову не приходило усомниться в ученой добросовестности М.М. Он не искал ученой славы, не стремился поражать парадоксами и не выдумывал их, не старался притянуть факты к идее, а пытливо анализировал источники и не успокаивался, пока не определял всей совокупности обследуемых фактов со всеми относящимися к ним деталями. Изобилие деталей характерно для работ М.М. Ему было бы просто неприятно оставить что-нибудь в исследуемом вопросе неясным и недоговоренным. Но детали не загромождали исследований М.М., а являлись частью одной целой картины. Он обладал высокоразвитым художественным воображением и мыслил не туманными расплывчатыми абрисами и очертаниями, а образами во всей полноте и со всеми деталями. М.М. и в других очень ценил такие детальные исследования”¹⁹.

В письмах корреспондентов С.Ф. Платонова имеется информация и о заседаниях в память Богословского весной и осенью 1929 г. В письме Е.П. Богословской от 9 мая читаем: “Сегодня 20-й день. Была на могиле панихида, на которой присутствовали друзья и родные. 40-й день будет, следовательно, 29-го; 1-ым днем считают день смерти. Могила пока прикрита венками и без креста²⁰, нужно подождать еще недели полторы, чтобы оттаяла вся земля и осела. К 40-му дню надеюсь все устроить... Осенью предполагаются заседания в память М.М. со многими докладами. И теперь каждое заседание историков начинается краткой речью, посвященной его памяти. А.И. Яковлев говорил мне, что Вы говорили чрезвычайно тепло и ярко в заседании Отделения”²¹. В ответном письме от 26 октября Е.П. Богословская благодарит Платонова за “выражение сочувствия в полугодовой день кончины Михаила Михайловича” и пишет:

“20 октября поминали Михаила Михайловича не только днем на кладбище. Вечером собрались у меня друзья-историки и поделились воспоминаниями о покойном. М.К. Любавский говорил о вступлении М[ихаила] М[ихайловича] в число профессоров Московского университета и о дальнейших революционных перипетиях, связанных с отправлением этой обязанности. Ю[рий] Вл[адимирович] Готье – о первом знакомстве, об общении лич-

¹⁹ Там же. С. 393–394.

²⁰ Сохранились фотоснимки: могила еще без креста, усталая цветами и венками от ОИДР, учеников, родственников. См.: АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 13.

²¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2319. Л. 7 об. Заседание ОГН с выступлением С.Ф. Платонова состоялось 23 апреля. См.: СПб ФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1929. Д. 253. Л. 27. Вероятно, о нем С.Ф. Платонов вспоминал 12 января 1930 г., отвечая на письмо и.о. неперменного секретаря Академии наук В.Л. Комарова, просившего его “написать несколько строк” о покойном Богословском для годового отчета о деятельности Академии наук: “Много[уважаемый] Вл[адимир] Леонтьевич! Позвольте ответить на письмо Ваше от 11.1. за № 135. Я дважды писал и передавал в Секретариат А[кадемии] Н[аук] об ак[адемике] М.М. Богословском. Кратко в конце апреля 1929 г., тотчас после его кончины, и вторично в октябре 1929 г. в виде обстоятельного некролога с характеристикой М[ихаила] М[ихайловича] для заседания ОГН. Этот некролог был доставлен мною вместе с некрологом чл[ена]-корр[еспондента] А.Е. Пр[есняк]ова, причем последний некролог, как я знаю, направлен в Издательство: о судьбе же некролога М.М. Б[огословского] я не осведомлен. Я полагаю, что составитель текста отчетной речи мог бы с удобством воспользоваться материалами моего второго некролога и взять из него то, что найдет для себя подходящим. Ув[ажаящий] Вас [С. Платонов]. 12. I. 1930.” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3184. Л. 2; Там же. Д. 1803. Л. 1).

ного характера, полных взаимной симпатии; характеризовал М[ихаила] М[ихайлови]ча как человека. Оценку М[ихаила] М[ихайлови]ча как ученого он подготовил еще летом в докладе, предполагавшемся в О[бщест]ве И[стории] и Др[евностей] Р[оссийских], но отложил чтение до более благоприятного времени, когда можно будет сказать об М[ихаиле] М[ихайловиче] публично²². Дружинин Ник[олай] Мих[айлович] и Ив[ан] Ал[ексан]дрович Голубцов характеризовали М[ихаила] М[ихайловича] как преподавателя, а С.А. Голубцов, как деятельного члена и секретаря О[бщества] И[стории] и Др[евностей]. Все вышло просто и симпатично²³.

Несколько иное ощущение вызвал этот вечер у С.К. Богоявленского. 31 октября он пишет Платонову:

“Очень благодарю Вас за Ваше неизменно сочувственное отношение к нашему горю, с которым мы никак не можем помириться. До сих пор ловишь себя на мысли, что о том-то надо поговорить с Мих[аилом] Мих[айловичем]. Как Елизавета Петровна отметила полугодовщину, Вам, вероятно, сообщил Матвей Кузьмич [Любавский], по своему постоянному доброжелательству значительно смягчив то тяжелое впечатление, какое мы все испытали в обстановке шаблонно задуманной программы чествования памяти выдающихся людей и программной задушевности. Я не осмелился сесть на диван, на котором скончался М[ихаил] М[ихайлович] и перед моими глазами проходили последние дни его жизни. Выставка работ М[ихаила] М[ихайлови]ча, расположенных по столам и за стеклами шкафа, мне показалась неуместной и наивной, если принять во внимание, что собрались только те из близких людей, которые с этими трудами очень хорошо знакомы, и не было аудитории людей, не издавших книг М[ихаила] М[ихайлови]ча. Я пишу Вам это, потому что знаю, что Вы с Вашей тонкостью чувств и понимания посочувствуете мне.

Я и Марья Мих[айловна] очень жалели, что не удалось повидаться с Вами: после кончины Мих[аила] М[ихайлови]ча Вы стали нам еще более дороги, т.к. Вы с душевной сердечностью относились к нему и всегда ценили его не только как ученого, но и как такого бесконечно милого человека, как он раскрывался перед нами при наших почти ежедневных свиданиях.

Марья Мих[айловна] шлет Вам сердечный привет и благодарит за сочувствие²⁴.

Множество указаний на подготовку коллегами Богословского выступлений, некрологов, воспоминаний о нем, наводят на мысль, что, возможно, предполагалось подготовить и сборник статей, посвященных памяти историка, подобный сборникам трудов Института истории РАНИОН об А.Н. Савине и Н.А. Рожкове. Но в 1929 и в последующие годы такой замысел осуществить оказалось невозможным.

К сожалению, просмотр личных архивных фондов вышеупомянутых историков, на предмет выявления мемориальных материалов о Богословском, не принес значительного результата. Поэтому особенную ценность приобретают те немногие документы, что сохранили архивы. Среди них черновики двух недатированных выступлений С.В. Бахрушина, состоявшихся, по всей видимости, в Комиссии по истории быта Московской секции ГАИМК и в ГИМ²⁵.

Первое выступление, по содержанию и научной хронике тех дней, с достаточной долей вероятности можно отнести к 24 мая 1929 г. В тот день под председа-

²² Состоялось ли заседание ОИДР, посвященное памяти М.М. Богословского, пока установить не удалось.

²³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2319. Л. 18 об.

²⁴ Там же. Д. 2284. Л. [2–3]. Письмо С.К. Богоявленского является ответом на необнаруженное письмо С.Ф. Платонова от 20 октября 1929 г., в котором он (как и в письме к Е.П. Богословской) выражал сочувствие в связи с полугодовщиной со дня кончины М.М. Богословского.

²⁵ См.: АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 552а. Л. 1–16. Ср.: Дубровский А.М. Неопубликованные историографические работы С.В. Бахрушина в Архиве АН СССР // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 287. Текст выступлений цитируется в исследованиях: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1994. С. 157–158; Халина Т.И. “В науке приятно быть и простым чернорабочим”: Михаил Михайлович Богословский // Историки России: XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 658, 670, 673, 677.

тельством С.В. Бахрушина (и с его докладом “по истории торговли”) состоялось заседание Комиссии по истории быта Московской секции ГАИМК при участии Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии. Доклад предворяли выступления членов Комиссии, посвященные памяти М.М. Богословского²⁶.

Во вступительном слове С.В. Бахрушин нашел очень искренние и проникновенные слова, воскрешающие образ М.М. Богословского как ученого и человека. Он, между прочим, отметил, что это “первое заседание после смерти нашего дорогого председателя, нашего милого Мих[аила] Мих[айловича]”, а предыдущее состоялось “месяц тому назад, 19 апреля, накануне смерти Мих[аила] Михайловича. Несмотря на тревожное настроение, никто из нас тогда не мог себе представить, что мы так скоро его потеряем, через несколько часов. И до сих пор, хотя протек месяц (я думаю, что я говорю то, что ощущают все) – трудно освоиться с мыслью, что он ушел от нас навсегда”²⁷.

Богословский был избран председателем Комиссии 17 декабря 1925 г.²⁸ и оставался в этой должности до последних дней жизни²⁹. Комиссия объединила в совместной деятельности ученых старших поколений (С.В. Бахрушин – заместитель председателя, С.К. Богоявленский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров и др.) и молодых историков (Н.А. Бакланова – секретарь, Б.Б. Кафенгауз, А.Н. Сперанский и др.). Она, по мнению С.В. Бахрушина, – “всецело создание М.М. Ее задачи, предмет занятий, были чрезвычайно близки его интересам”³⁰.

Как историк М.М. Богословский для С.В. Бахрушина “был прежде всего художником”. “Этот талант художника проявлялся не только в образности языка, в умении облекать глубокую мысль в изящную форму, в искусстве сочетать красоту речи с простотой и отсутствием аффектации, во всей его манере говорить, которая делала каждое его выступление, каждое его замечание таким метким и ярким. Художественность его натуры проявлялась в самом направлении его научных вкусов и интересов. Он мыслил яркими художественными образами”.

В этом, по словам С.В. Бахрушина, основа взгляда М.М. Богословского на исторический процесс и отношения его к историческому факту, личности в истории. “Для него история не была мертвая схема. Это была – сама жизнь с ее извилинами и противоречиями. Когда он читал документ, то он не просто воспринимал мысли, выраженные буквами. Перед его умственным взором вставала живая картина, действовали живые люди. Поэтому-то, так чуждо было ему безусловное отрицание личности в истории, не т[о], чтобы он придавал ей какое-либо самодовлеющее значение, но, п[отому] ч[то] без живых людей он не мыслил жизнь, а след[овательно], и историю. От того-то он так дорожил фактом”³¹. Прошлое для Богословского было “не отвлеченными представлениями об ходе исторического процесса, а цепью реальных фактов, которые он не только изучал, но и воспринимал во всей их цельности. Как художник М.М. не понимал, не мог понять, исторический факт, вне живой обстановки, вне того быта, которым он

²⁶ Мордвинова В. В Культурно-исторической секции Об[щест]ва [изучения Московской губернии] // Московский краевед. М., 1929. Вып. 4 (12). С. 68.

²⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 552а. Л. 1. Здесь и далее подчеркнуто С.В. Бахрушиным.

²⁸ ОПИ ГИМ Ф. 540 (Московская секция ГАИМК). Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 16.

²⁹ О деятельности Комиссии см.: Бакланова Н.А. Обзор деятельности Комиссии по истории быта // Сборник Московской секции Государственной Академии истории материальной культуры. М., 1928. Сб. 1. К десятилетию Октября. С. 14–18. Обзор фонда Московской секции ГАИМК, хранящегося в ОПИ ГИМ (Ф. 540), см.: Катагощина М.В. Документы Московской секции ГАИМК (1922–1930) // Письменные источники в собрании ГИМ: Материалы по истории культуры и науки в России. М., 1993 (ТГИМ. Вып. 84). С. 88–95. Некоторое количество протоколов заседаний Комиссии по истории быта сохранилось в личном фонде Н.А. Баклановой (Ф. 50) в НА ИРИ РАН.

³⁰ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 552а. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 2–4.

был окружен в действительности”. В подтверждение своей мысли С.В. Бахрушин указывал на исследования М.М. Богословского о земском самоуправлении на Русском Севере, биографии Петра Великого, насыщенных массой бытовых подробностей: “Для него *статейный список Украинцева* в К[онстантино]поле с его бытовыми подробностями был не менее интересен, чем важнейшие юридические памятники (делопроизводство Петровской комиссии об *Уложениях*, дело об образовании *Ратуши*). Мы помним, с каким оживлением он рассказывал о приеме Украинцева *визирем*³². *Рысий кафтан*, в котором Петр принимал иностранных послов, привлекал его внимание и *находил место в его изложении* среди перипетий русско-датских переговоров 1699 г., которые он так тонко и изящно умел распутать. Быт эпохи был для него неотделимой частью исторического целого”³³.

С.В. Бахрушин отмечал, что “художественная *разнородность* Мих[аила] Мих[айловича], часто удивляла лиц, которые по узости своих взглядов, с трудом примиряли представление об *ученом академике*, строящем *грандиозные схемы мировых процессов*, с образом *художника*, с *любовью реконструирующего быт давно ушедшей эпохи*”³⁴. Для Богословского, “как и для его героя³⁵, ничто не казалось ничтожным и в жизни и в ученых трудах” – в этом заключалось его “обаяние и как человека и как ученого”. Человек и ученый в лице Богословского для Бахрушина – “неразрывны”. “Как ученый он любил прошлое во всех его реальных подробностях, художественно, интуитивно, воспринимая его как целую картину. Как человек он любил жизнь во всех ее проявлениях, и, мне кажется, одинаково относился и к живым людям и к историческим деятелям: всегда благожелательно, всегда сердечно и всегда серьезно и требовательно. В лице М.М. наука понесла неизгладимую потерю. Но для нас, которые знали его, которые собирались вместе с ним вокруг этого стола, которые привыкли *выслушивать* здесь его неизменно добрые, всегда веские и обоснованные замечания, для нас сейчас еще *сильнее* чувствительна потеря человека, утрата того *душевного юта*, умиротворяющее действие которого мы испытывали в общении с ним”³⁶.

В другом выступлении, характеризуя деятельность Богословского в Историческом музее, Бахрушин вспоминал, что годы этой работы были временем, “когда большинство из нас особенно близко с ним сошлись и научились не только уважать, но и любить его”. Для Богословского Исторический музей был “последней предсмертной любовью; ему отдавал он свои силы, с чисто юношеским увлечением”. Богословский “вошел в работу, заинтересовался музейным сотрудничеством, мечтал об организации дела на новых началах. Мы с Юрием Влад[имировичем] [Готье] были свидетелями, как он постепенно *вживался*, увлекался. Устав, к[отор]ый действ[ует] в течение последних 8 л[ет], и лег в основание всех новейших проектов – создан не только при его участии, но и по его инициативе”. В “Записке” Богословский изложил «своим красочным языком те основные принципы организации музея, к[отор]ые сейчас общепризнанны: начиная с XVII в. он предлагал располагать памятники по их “сословно-классовому происхождению”, мысль, кот[орая] теперь повторяется всюду»³⁷.

Возможно, здесь С.В. Бахрушин имел в виду события 1921 г., когда в апреле по специальному постановлению Главмузея была образована Комиссия по реорганизации ГИМ. В Комиссию вошли музейные работники, сотрудники ГАИМК, профессора Московского университета – специалисты в области изучения исто-

³² Ср. воспоминание С.К. Богоявленского об изучении М.М. Богословским посольства дьяка Е.И. Украинцева в Константинополь (С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому... С. 393).

³³ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 552а. Л. 4–5.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Надо полагать, речь идет о Петре Великом.

³⁶ Там же. Л. 7, 9–10.

³⁷ Там же. Л. 12.

рии быта – Д.Н. Анучин, С.В. Бахрушин, В.В. Богданов, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, М.М. Богословский и др. По результатам работы Комиссии была определена функциональная принадлежность ГИМ как музея “историко-культурного порядка” – “центрального Музея истории русского быта”. Основой такого определения послужил доклад Богословского, «посвященный раскрытию термина “истории быта” в широком понимании и выяснению тех отраслей и элементов быта, которые могут и должны быть представлены в этом Музее»³⁸. (Вероятно, “Записка”, упомянутая С.В. Бахрушиным, и есть этот доклад.)

Согласно складу Богословского, понятие “быта”, применительно к задачам музея, было определено как «образ жизни народа в связи с создаваемой им материальной вещественной обстановкой (так наз. “материальный быт”) и в связи с совокупностью наиболее распространенных в нем явлений духовного порядка (так наз. “духовный быт”), поскольку то и другое выявляется в вещественных (в широком смысле) памятниках; понятие же “истории быта” – как воссоздание в памятниках последовательного развития этого быта в прошлом (в противоположность современности как таковой)»³⁹. Богословский считал возможным выявление в исторических памятниках и элементов “общественно-государственного быта”. Этот тезис доклада был отклонен, как не совсем соответствующий деятельности музея, который «должен иметь в виду главным образом быт “домашний” или “частно-семейный”»⁴⁰. Положения доклада определили основу структуры музея и направления экспозиционной работы.

Доклад (текст которого, к сожалению, пока не обнаружен) – не только свидетельство заметной роли Богословского в сохранении, организации и развитии научно-культурных традиций Исторического музея в 1920-е годы, но и важное явление в плане собственно характеристики представлений Богословского и об историческом источнике, и о вещественном памятнике.

Бессменно возглавляя в музее в 1921–1929 гг. разряд общих исторический и секцию истории Московской Руси, Богословский осуществлял задачу “проведения в жизнь новых начал”. С.В. Бахрушин подметил характерные черты М.М. Богословского – администратора, свойственные в первую очередь настоящему ученому и интеллигентному человеку: “М.М. пришел [в музей] не только учить, а учиться. Он радовался своим собственным успехам... В этом отсутствию ученого самомнения, в этой скромности и простоте – [был]... залог успеха”. Богословский имел “необыкновенную способность организовывать дело незаметно, тихо, без шума. Мы не только не видели, мы даже не чувствовали, как он ведет организационную работу, мы видели только результат. Он тихонько вынимал свою записную книжку, что-то в ней записывал, клал ее в карман, и когда было нужно вынимал ее снова и вычитывал то, что было нужно: такого-то числа, такой-то доклад, все было подготовлено, обдуманно, взвешено и все шло легко и просто, как просто и легко было общение с ним самим. Таковым мы его знали в О[щест]ве Ист[ории] и Древн[остей] Росс[ийских], таким же знали его в Историч[еском] Музее”.

С.В. Бахрушин подчеркивал, что “по всему складу своего ума, по живости и образности воображения М.М. был особенно приспособлен именно к музейской работе. Он мыслил конкретно и обладал в большой мере способностью создавать в воображении целые яркие картины на основании какой-нибудь одной детали или мелочи. Эту способность, необходимую для настоящего историка, мы в нем наблюдали на каждом шагу. Одно слово в памятнике позволяло ему предста-

³⁸ Малицкий Г.Л. Сводка материалов Комиссии по реорганизации Российского Исторического музея // Отчет о деятельности Государственного Исторического музея за 1916–1925 гг. М., 1926. Прил. 1. С. 1–2.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

вить себе ряд сложных и художественно-воспринимаемых образов. Тем более вещь, предмет. *Вещи* говорили М.М. очень много, говорили тем священным языком старины, который понимают только посвященные и без понимания которого историк никогда не будет историком. *Это свойство оживлять мертвый музейный хлам М.М. невольно внушал своим сотрудникам, и работа шла скоро*". В то же время, в работе Богословский был "требователен", "со свойственным ему прямодушием он умел высказать властное суждение, отметить ошибку, иногда сделать строгое замечание. Но все это делалось так благожелательно, так внимательно, с таким уважением к чужому труду, он был так снисходителен к чужим недочетам, как настоящий ученый, который никогда не позволит себе подавлять своим авторитетом начинания молодых товарищей. Среди нас он не был ни академиком, ни даже профессором. Это был добрый, умный и снисходительный учитель".

С.В. Бахрушин вспомнил и об одной из, вероятно, последних встреч в музее с М.М. Богословским. Будучи уже серьезно болен, Богословский говорил Бахрушину: "Значит, я в последний раз выхожу из Музея, больше мне здесь не бывать"⁴¹. Быть может, это был и тот день, о котором 3 апреля 1929 г. М.М. Богословский написал С.Ф. Платонову: "...вчера едва дошел до Исторического Музея, а оттуда был привезен на извозчике и теперь сижу дома в качестве инвалида, размышляя о бренности всего сущего. К счастью, когда находишься без движения, болей не бывает, так что можно работать"⁴².

Богословский, по словам Бахрушина, "умер на посту" и в его лице "мы теряем не только умного, яркого, умелого руководителя, объединявшего нас в одну семью. Мы теряем друга, товарища, редкого человека, в котором находили твердую моральную поддержку. У него были две отличительные черты: честная прямота в суждениях и кристальная чистота сердца... Вот почему даже те, кто, м[ожет] б[ыть], расхотел с ним как с ученым, всегда ценили и уважали в нем человека исключительного морального духа"⁴³.

Схожие характеристики Богословского находим и в некрологе, написанном академиком М.К. Любавским в Москве, вероятнее всего, в 1929 г., но напечатанном значительно позже, в 1931 г., в Германии, в первом номере вновь возобновленного журнала "Zeitschrift für osteuropäische Geschichte"⁴⁴.

Статья М.К. Любавского – важный историографический источник, по крайней мере, в трех аспектах. Во-первых, это характеристика личности и научно-педагогической деятельности Богословского, данная одним из наиболее значительных его современников и многолетним соратником по работе в высших учебных заведениях Москвы. При этом, написанная с глубоким чувством, раскованно, без идеологических характеристик и ярлыков, статья, по стилю и даже фразеологии, думается, не совсем типична для публикаций такой тематики в те годы в СССР (последние слова некролога – Friede seine Asche – Мир его праху). Во-вторых, сам по себе факт публикации в одном из известнейших европейских научных изданий статьи о Богословском – свидетельство не только интереса за рубежом к научному процессу в России, но и признания отечественной науки как органической части мировой культуры. В-третьих, особый смысл статья приобретает и в контексте фальсифицированного "Академического дела", следствие по которому уже близилось к концу. Такой документ мог быть использован как еще одно "очевидное доказательство" контактов с "германским империализмом".

⁴¹ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 552а. Л. 15.

⁴² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2329. Л. 16.

⁴³ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 552а. Л. 15.

⁴⁴ *Ljubavskij M.K.* Michail Michajlovič Bogoslovskij † // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1931. Bd. V (Neue Folge, Bd. 1). Hf. 1. S. 161–164. Пользуюсь случаем выразить признательность Борису Соломоновичу Кагановичу, указавшему мне на эту малоизвестную статью М.К. Любавского, и Ирине Константиновне Эльдаровой, любезно взявшей на себя перевод текста.

Текст некролога – перевод с русского на немецкий. В архивных фондах М.К. Любавского подлинника не имеется⁴⁵. Но судя по прямым текстуальным совпадениям, можно предположительно говорить, что во многом основой некролога послужил документ, относящийся еще к апрелю 1917 г., – представление о Богословском в Совет Московского университета, за подписью М.К. Любавского, А.А. Кизеветтера и Ю.В. Готье, в котором обосновывалась необходимость его переизбрания в число ординарных профессоров по кафедре русской истории⁴⁶. Это, между прочим, та “московская факультетская записка о трудах М.М. Богословского”, которую цитировал в некрологе С.Ф. Платонов⁴⁷.

Учителями М.М. Богословского М.К. Любавский называет В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. “Годы пребывания Богословского в Московском университете счастливо совпали со временем расцвета” их научной и преподавательской деятельности. От них Богословский “получил свое научное вдохновение, творческий импульс и начала исследовательского метода. Под их обоюдным влиянием и, благодаря природным способностям, развилась оригинальная индивидуальность Богословского как ученого, которая объединила в себе воображение, граничащее с искусством, с точностью и глубиной научного анализа фактов и причинных связей, добросовестностью работы мысли, ясностью формулировок и изяществом литературного стиля”.

Магистерская и докторская диссертации “сразу же поставили Богословского в первые ряды русских историков”. Обе книги “заняли место среди той классической научной литературы по русской истории, которая образует цикл необходимого изучения в области этого предмета наряду с трудами Соловьева, Чичерина, Дмитриева, Градовского, Сергеевича, Ключевского, Платонова и других”⁴⁸.

Говоря о том, что одновременно с преподавательской деятельностью в университете Богословский “развернул неутомимую научно-литературную работу”, Любавский подчеркивает, что он “публиковал преимущественно лишь то новое, что получало обработку на лекциях в университете и на занятиях в семинариях по русской истории”. (Это соотносится с мнением С.Ф. Платонова, также считавшего, что Богословский “не стремился печататься и не легко брался за перо”⁴⁹.)

Богословского как педагога отличали “обстоятельность и добросовестность научной работы мысли”, а в совокупности с талантом воспроизведения исторической действительности “эти качества являлись причиной его большой популярности как среди профессорской корпорации, так и среди студенческой молодежи”. Богословский, по мнению Любавского, принадлежал к числу тех профессоров, которые “не отделяют педагогическую деятельность от научно-исследовательской”. В научно-педагогической деятельности для него важным являлось сохранение научных традиций и передача их будущим поколениям ученых. “Со славой и чрезвычайным успехом продолжил он работу своих учителей Ключевского и Виноградова”. На лекциях Богословского и в его семинариях “обучилась целая стая (Schar) высокоодаренных русских историков, которые в последующее время трудились в Научно-исследовательском институте истории, в архивах, музеях и других научных учреждениях.

Особенно плодотворными были его семинары по русской истории, в которых, занимаясь критикой источников – древнейших памятников русской истории – летописей, Русской Правды, Псковской Судной грамоты, Судебников и др., студенты имели возможность осваивать метод и технику научного исследования. Они изучали язык и терминологию древних памятников и таким образом попутно вводились в круг основных проблем исторических исследований. Эти семинарии бы-

⁴⁵ См.: АРАН. Ф. 1551 (М.К. Любавский); ОР РГБ. Ф. 364 (М.К. Любавский).

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 418 (Московский университет). Оп. 67. Д. 164. Л. 48–49. Машинопись. Подписи-автографы.

⁴⁷ С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому... С. 392–393.

⁴⁸ Ср.: С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому... С. 392–393.

⁴⁹ Там же. С. 393.

ли замечательными лабораториями по подготовке первых самостоятельных исследований в области русской истории”. М.К. Любавский отмечает далее, что деятельность “по руководству научными работами подрастающего поколения русских историков” Богословский продолжил и по окончании преподавания в Университете – в Секции русской истории Института истории РАНИОН, ГИМ, ГАИМК. “Его живое участие в обсуждении докладов, которые готовились в этих учреждениях, его обстоятельные резюме, критические замечания и выводы, как правило, производили сильное впечатление на всех участников заседания и имели высокое дидактическое значение. Как секретарь Московского Общества истории и древностей российских, Богословский продолжал традиции этого общества, к членам которого опять-таки принадлежало не мало его учеников”.

Вспоминая об исследовании Богословским биографии Петра Великого, Любавский пишет: “Он работал, как правило, ежедневно, планомерно и тщательно, в будни и праздники, дома и в санатории”. И сомнения в том, что ему удастся увидеть труд, “который он рассматривал как свой долг”, законченным, “не ослабляли его энергии и не отвлекали от начатой работы”. Напротив, “ему нравилось сравнивать себя с древнерусским летописцем, который описывал свою часть летописи деяний и событий на Руси в надежде на продолжателей. Также не смущало его и то обстоятельство, что в настоящее время труд этот сложно было бы довести до печати”⁵⁰.

М.К. Любавский от всего сердца выражал пожелание, “чтобы дело М.М. Богословского нашло продолжателя и его научное наследие не осталось лежать невозделанным, но вошло в круг научных исследований и было соответствующим образом использовано и приумножено. Монументальный труд о Петре Великом – достойный памятник, который воздвиг себе покойный автор – это свидетельство не только его обширной эрудиции, но также и великой силы его духа и красоты его морального образа”.

Приблизительно в те годы (не позднее 1933 г.) оставил воспоминания о своем детстве⁵¹ и младший брат Богословского, Сергей Михайлович, известный земский деятель, специалист в области статистики профессиональных заболеваний⁵². Из воспоминаний узнаем о жизни М.М. Богословского до поступления в университет, ряд малоизвестных биографических данных: оба брата и сестра были усыновлены своим отцом Михаилом Михайловичем Богословским, так как мать, Мария Серафимовна, не могла получить развода от первого мужа⁵³. С.М. Богословский повествует о тяжелых бытовых условиях в доме у Патриарших прудов⁵⁴, где они жили отдельно от родителей у знакомых, вспоминает о детских развлечениях и играх, отчасти и о том, как проходило их воспитание и обучение. В семье чтились православные традиции, а отец после выхода на пенсию долгое время был старостой церкви Св. Живоначальной Троицы на Арбате. У детей были кормилицы и няня – малограмотная, но добрая женщина, позволявшая детям вести себя расковано и свободно, не ограничивающая их в играх. Лето обычно семья проводила в подмосковном имении друзей отца. С.М. Богословский отмечает свойства характера своего старшего брата: целеустремленность, аккуратность, умение сосредоточиться на одном предмете. Михаила все время ставили ему в пример, говоря, что он лучше учится, всего может добиться сам⁵⁵.

⁵⁰ Формулировка, близкая к тексту предисловия книги Богословского о Петре, не свидетельствует ли о знакомстве М.К. Любавского с ней в рукописи? Ср.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 11.

⁵¹ АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 9 б. Л. 1–17. Машинопись.

⁵² См. о нем: *Ноткин Е.Л.* Сергей Михайлович Богословский. М., 1972.

⁵³ Документ об усыновлении М.М. Богословского см.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 67. Д. 164. Л. 3об.

⁵⁴ Метрическая запись о рождении и крещении М.М. Богословского была сделана в церкви Спиридона епископа Тримифунтского на Козьем болоте. См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 67. Д. 164. Л. 3.

⁵⁵ АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 9б. Л. 8.

Явились ли воспоминания С.М. Богословского реакцией на смерть брата или возникли вне этого события, предстоит еще выяснить.

На родине же, по справедливому замечанию Л.В. Черепнина, некрологов, действительно, “было мало”⁵⁶. В СССР единственный журнальный некролог был напечатан не в столичном издании, а в Казани⁵⁷.

Автор некролога – Б.И. Сыромятников – подчеркивал, что М.М. Богословский «был подлинным и одним из наиболее выдающихся представителей московской исторической “школы” В.О. Ключевского, являясь непосредственным “учеником” последнего, как обычно называл себя покойный академик, с величайшим пиететом всегда хранивший память о своем “учителе”». Эта связь определяет “то место, которое занял М.М. Богословский среди русских историков XIX и первой четверти XX ст.” Рассматривая основные труды М.М. Богословского, тематику и направления его ученой деятельности, методические и методологические подходы в исторических исследованиях, Б.И. Сыромятников подчеркивает, что Богословский “всю жизнь оставался верен академической традиции и научной идеологии своего учителя”. В его трудах проявлялся «блестящий талант исследования “исторических фактов” и исторического их комбинирования, талант, который особенно ярко проявлял он в руководимых им семинарских занятиях» и, вместе с тем, «явное нерасположение к теоретическим философско-историческим проблемам, что – само собой разумеется – не могло не отозваться на его общеисторических построениях ... Близкий товарищ по университету Н.А. Рожкова М.М. обошел ту самую “отвлеченную теорию”, которая уже стучалась в двери университета и русской исторической науки, и остановился вместе с своим учителем в преддверии новой исторической теории».

На фоне чистки в 1929–1930 гг. академических учреждений, Исторического музея, упразднения Института истории РАНИОН, в столицах уже невозможно было говорить о Богословском в полный голос. Осенью наступили тяжелые времена для сотрудников Исторического музея, близких к Богословскому. 20 сентября 1929 г. С.В. Бахрушин сообщал С.Ф. Платонову об увольнении 34 человек: «Это форменный погром и расправа со всеми, кто смел “свои суждения иметь”. В частности, устранены все, кто был близок к Мих[аилу] Мих[айловичу] (это не моя догадка, а об этом мне говорили люди осведомленные)»⁵⁸. В опубликованной на страницах “Комсомольской правды” от 12 октября 1929 г. статье, являвшейся по сути откровенным доносом и преследовавшей цель скомпрометировать научную работу сотрудников и ускорить чистку музея от “бывших” людей, утверждалось, что «отдельными отраслями работы руководят идеалисты, считающие диалектиков-марксистов вульгаризаторами. Тут же уцелели антропософы, теософы, спириты. Зато марксистов здесь меньшинство.

– В стенах музея не может быть никаких марксизмов, есть только чистая наука, – таково мнение покойного М.М. Богословского.

Поборник “чистой” науки оставил после себя учеников: Бахрушина (потомственный почетный гражданин), Базилевича (бывший подполковник) и др. Сейчас эти ученики ведут ответственную работу. Вполне понятно, что бывший подполковник или дворянин не хочет знать “никаких марксизмов”. Но трудно понять, почему до сих пор они находят себе работу в советском учреждении»⁵⁹.

⁵⁶ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 130.

⁵⁷ Сыромятников Б.И. Памяти М.М. Богословского. 1867–20/IV – 1929 г. // Учен. зап. Казанского ун-та. Казань, 1929. Кн. 2. Отд. 5. С. 394–396.

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2212. Л. 12.

⁵⁹ Фрадкин Н., Пановко Я. “Никаких марксизмов”. Исторический музей – цитадель идеализма. Мы требуем досрочной чистки // Коренной России град по страницам газет и журналов: В 3 т. / Сост. М. Шейнкер, С. Шкунаев. М., 1997. Т. 3. XX век. С. 38–39.

В такой ситуации, тем более важным представляется то, что, по-видимому, готовились отметить кончину Богословского и в каком-то из марксистских изданий. Можно предположить, что такая инициатива исходила из кругов, близких М.Н. Покровскому, или даже могла последовать по его рекомендации. Именно в его личном фонде сохранился неопубликованный некролог, написанный В.З. Зельцером⁶⁰. Автор – молодой историк (1905 г. рождения) в 1925/26 учебном году аспирант подсекции (впоследствии секции) новой русской истории Института истории РАНИОН, вероятно, ученик Н.А. Рожкова. Предметом его исследований в институте были источники по истории Прохоровской мануфактуры, он выступал в печати с докладами на эту тему. В производственном плане на 1928/1929 г. отмечено, что В.З. Зельцер изучает проблемы истории народничества, рабочего движения 60–80-х годов XIX в.⁶¹ Он являлся также аспирантом Института истории Комакадемии и состоял членом-корреспондентом Общества историков-марксистов, интересовался вопросами методологии истории и историографии⁶².

В некрологе Зельцер представил основательную подборку трудов Богословского, перечислив не только монографии, но и статьи и популярные работы. При написании некролога он использовал мемуары М.М. Богословского о Н.А. Рожкове с элементами автобиографии. Ему известно и о результатах работы Богословского над биографией Петра – “осталось не менее 5 больших рукописных томов”. При этом, автор не всегда бывает точен в названиях книг (дважды – “Местное самоуправление на Русском Севере в XVII в.” вместо “Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.”), учреждений (“Общество любителей истории и древностей” – вместо “Общество истории и древностей российских”). Причиной смерти называет “припадок астмы” (Богословский скончался от приступа *angina pectoris* – “грудной жабы”).

По сути, поставив целью подвергнуть в лице Богословского критике “буржуазную историческую науку”, Зельцер, совершенно в духе времени “борьбы на историческом фронте”, констатирует: “Скончался академик Михаил Михайлович Богословский, известный русский историк – идеологически нам враждебной школы – старого поколения”. Характерна и терминология статьи: Богословский – председатель Секции русской истории РАНИОН “в революционное время”. Своего рода эпиграфом к статье автор избрал цитату: «...Мы – не сторонники слащавых некрологов, не нужных ни мертвым, ни живым, мы должны сказать всю правду без утайки, хотя – во внимание к латинской поговорке – и в спокойных “объективных” тонах...» В первую очередь дается определение социальной и партийной принадлежности историка в науке и жизни: «М.М. Богословский был учеником П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского и умеренным, “лояльным”, буржуазным конституционалистом (октябристом) – читателем “Русских ведомостей” (по своим политическим симпатиям), – это определило направление и характер его работ»⁶³. В подтверждение такого определения автор приводит цитату из книги “Конституционное движение 1730 г.” о требовании дворянством обеспечения личной и имущественной неприкосновенности и обуздания произвола политической полиции (“проект” В.Н. Татищева), отмечая, что это “во многом характеризует взгляды самого автора в 1906 г.”, с чем, отчасти, можно согласиться; но прими-

⁶⁰ АРАН. Ф. 1759 (М.Н. Покровский). Оп. 5. Д. 29. Л. 1–3. Машинопись.

⁶¹ Зельцер В.З. Прохоровы и “Прохоровка” в 30–40-е гг. XIX века (Из фабричной и купеческой жизни дореформенной России) // Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1928. Т. 5. Памяти Н.А. Рожкова. С. 373–429; *Калистратова Т.И.* Институт истории ФОН–МГУ–РАНИОН. Нижний Новгород, 1992. С. 197, 214.

⁶² Наука и научные работники СССР. Л., 1930. Ч. IV. Научные работники Москвы. С приложением перечня научных учреждений Москвы. С. 105–106.

⁶³ АРАН. Ф. 1759. Оп. 5. Д. 29. Л. 1.

тивное обращение к приему некорректной ассоциации видно из следующего примера: в “верноподданнической” (по терминологии Зельцера) статье “Три века царствования Дома Романовых” (где, разумеется, речь идет и о Земском соборе, избравшем на царство Михаила Федоровича Романова) Богословский «не замедлил отметить, что “государство” призвало “землю” (т.е. цензовую Государственную Думу?)»⁶⁴.

Автор пытается проследить истоки интереса Богословского к реформам Петра Великого: “Буржуазия желала реформ, – но только реформ. Как во времена 50–60–70 гг., в годы реформ Александра II, внимание крупнейшего историка эпохи – С.М. Соловьева – привлекли петровские реформы, так привлекли они внимание П.Н. Милюкова, М.М. Богословского (эпоха Петра – центр работ М.М. Богословского) и др. перед революцией 1905 г.” Характеристику концепции петровских реформ автор обосновывает на отдельных выхваченных из контекста книги цитатах. «“Жизнь” (термин более чем неопределенный) должна была корректировать государственные “реформы”. Идеи реформ, – их взаимодействие было излюбленной основой работ М.М. Богословского (концепция идеологическая⁶⁵)».

В 1920-е годы Богословский намерено следовал прочно усвоенному исследовательскому методу, что в особенности проявилось в работе по составлению биографии Петра Великого⁶⁶. Богословский разделял и точку зрения Платонова на современное состояние изучения петровских реформ, выраженную в его книге “Петр Великий: жизнь и деятельность” 1925 г. (опубликована в 1926 г., Богословский помогал Платонову в снятии цензурного запрета на книгу), фактически направленной против Покровского⁶⁷. Поэтому для историков-марксистов работы Богословского о Петре, написанные после революции, не только не новый уровень, а “скорее наоборот”. И Зельцер, называя книгу “Петр Великий и его реформа” и статью “Петр Великий в Англии в 1698 г.”, с большой долей пренебрежения пишет, что Богословский «продолжает по “традиции” ставить в центре личность Петра, и собирает о нем все анекдоты и “предания” со тщательностью, достойной Крекшина (дворянский “историк” XVIII в.)»⁶⁸.

В исследованиях Богословского по истории северо-русского крестьянства, дворянских политических проектов 1730 г., для Зельцера важно отметить лишь «примитивное и спутанное (sic!), конечно, – представление об “экономике” и “классах” и потому нет ничего удивительного, что аналогичные “теоретические” заявления сделаны в 1928 г.⁶⁹ – они ничего общего с марксизмом не имеют, само собою разумеется, хотя по своему знаменательны»⁷⁰. М.М. Богословский как ученый, по мнению автора, собственно, – один из многих “эпигонов” В.О. Ключевского, последователь его “эkleктической схемы” русской истории, которая “оставалась и поныне остается главным оплотом антимарксистской историографии”. Справедливо указав на то, что Богословский в некоторых работах (главным образом, по истории быта русского дворянства) “выступает почти художником-бытописателем”, Зельцер при этом делает, по меньшей мере, спорный вывод, что “акварельные картинки ему ближе широкого исторического полотна”⁷¹.

⁶⁴ Там же. Л. 2.

⁶⁵ Так в тексте. Должно быть, идеалистическая (?).

⁶⁶ Шмидт С.О. Труд академика М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии”. Доклад в сборнике материалов международной научной конференции “Петр Великий – преобразователь России”, 18–20 ноября 1998 г. (в печати).

⁶⁷ Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противостояние историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 58 и сл.

⁶⁸ АРАН. Ф. 1759. Оп. 5. Д. 29. Л. 2.

⁶⁹ Имеется в виду предисловие Богословского к кн.: Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928 (ТГИМ. Вып. 4. Отд. ист. общий).

⁷⁰ АРАН. Ф. 1759. Оп. 5. Д. 29. Л. 2 об.

⁷¹ Там же.

В оценке педагогической деятельности Богословского автор вполне солидарен с точкой зрения М.Н. Покровского в вопросе о подготовке научных кадров историков в РАНИОН, предельно ясно сформулированной им в известной статье в “Правде” (где в качестве примера указывалась работа Н.М. Дружинина о “Журнале землевладельцев”, выполнявшаяся под руководством М.М. Богословского)⁷², ряде других выступлений 1928–1929 гг.

«При всей своей “лояльности”, при всех педагогических способностях М.М. Богословский, буржуазные взгляды и научные интересы которого сложились в дооктябрьской России, *не мог бы*, конечно, воспитать – как и другие историки-немарксисты, которые *не прочь* воспитать своих людей, – нужных нам кадров. Но борьба за кадры не кончена; борьба с антимарксистами за овладение марксизмом малоизученных им областей русской истории – эта классовая борьба идет. Мы учимся у предшественников, и монографии М.М. Богословского, например, будут нам полезны по фактическому материалу, критике источников и т.д.; но его “курсы”, скажем, уже безнадежно устарели, ибо не в силах немарксистская историография противопоставить что-либо цельное и сильное марксизму – она обречена...», – и в завершение автор безапелляционно заявляет: “Разве не символично, что М.М. Богословского хоронили (23/IV – 29 г.) после продолжительной церковной службы, со священником во главе... Умер М.М. Богословский. Уходит в небытие буржуазная историческая наука...”⁷³ Такие речевые обороты и формулировки – по существу, неприемлемые для некролога как жанра – близки к определениям М.Н. Покровского, писавшего о “научном кладбище” из профессоров “старой” школы, о «запахе тлена, идущем от остатков “школы Ключевского”»⁷⁴. Статья В.З. Зельцера еще одно свидетельство атмосферы ожесточенности противостояния в исторической науке накануне фальсификации “Академического дела”.

Тяжесть утраты ощутили и в среде российской научной эмиграции. Некрологи о Богословском (в гораздо большем количестве, чем в СССР) поместили ряд крупных русскоязычных газет, журнал “Современные записки”⁷⁵.

Не один раз выступил в печати и на ученых собраниях о М.М. Богословском близкий его соратник по университету профессор А.А. Кизеветтер. Грустью о почившем товарище дышат строки газетного некролога: “Очень было мне горько узнать из газетной телеграммы, что в Москве скончался известный русский историк Михаил Михайлович Богословский. Мы с ним, можно сказать, рука об руку прошли значительнейшую часть нашего ученого поприща ... Оплакивая кончину своего друга, оплакивая тяжкую утрату, понесенную в его лице русской исторической наукой, знаю твердо, что его имя не умрет в летописях русской историографии, но будет занимать в них одно из почетных мест”.

«При окончании курса, – писал Кизеветтер, – он [Богословский] представил Ключевскому кандидатскую работу о писцовых книгах Московского государства. Ключевский высоко оценил исследовательский талант молодого историка.

“Это так хорошо, – сказал Ключевский, – что я посоветовал бы ему напечатать его работу, если бы я не был вообще противником раннего печатания”»⁷⁶.

⁷² Покровский М.Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. 17 марта.

⁷³ АРАН. Ф. 1759. Оп. 5. Д. 29. Л. 2 об. – 3.

⁷⁴ Цит. по: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине... С. 67.

⁷⁵ Кончина М.М. Богословского // Последние новости. Париж, 1929. 26 апр. С. 2; Кончина историка Богословского // Возрождение. Париж, 1929. 27 апр. С. 1; М.М. Богословский // Новое время. Белград, 1929. 30 апр. С. 1 (со ссылкой на информацию из Берлина); Кнорринг Н. Памяти проф. М.М. Богословского // Последние новости. Париж, 1929. 3 мая С. 2; Кизеветтер А.А. Памяти М.М. Богословского // Руль. Берлин, 1929. 7 мая С. 4; Он же. Две утраты: М.М. Богословский и А.Е. Пресняков // Современные записки. Париж, 1930. Т. 41. С. 511–519.

⁷⁶ Подробно об этом см.: Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М., 1987. С. 42–47.

Кизеветтеру было памятно и то, как они с Богословским “в постоянном дружеском взаимном общении готовились к магистерскому экзамену и затем почти одновременно и с одинаковым воодушевлением погрузились с головой в безбрежный бумажный океан московских архивов”⁷⁷. В результате архивных разысканий появились две диссертации Богословского – “прекрасные работы”, которые “навсегда сохраняют свое крупное научное значение. В них в полной мере отпечатлелся и исследовательский и литературный талант Богословского. Громадная масса архивного материала приведена здесь в стройную систему, в основу которой положена ясная, цепкая и острая научная мысль”.

Магистерская диссертация М.М. Богословского “обнаружила в молодом историке яркий и сильный исследовательский талант”, а “его научно-литературный вклад в специальную литературу по изучению петровской административной реформы”. Наиболее ценным в этом исследовании Богословского Кизеветтер признавал «идеологическое» содержание изученной им административной реформы» и разработку обширного пласта документов делопроизводства областных учреждений.

Для воплощения замысла докторской диссертации о земском самоуправлении на Русском Севере М.М. Богословскому необходимо “было обладать большим опытом в архивной работе и сильными комбинационными способностями, чтобы разобраться во всей этой груде и слепить из бесчисленного множества кусочков законченную мозаичную картину внутренней жизни Поморского края”.

Третьим исследованием Богословского, на котором останавливает свое внимание автор, является незавершенный труд “Петр Великий: Материалы для биографии”, об авторском замысле которого Кизеветтер был в достаточной мере осведомлен. Он пишет, что Богословский “задумал составить научно-критическую биографию Петра В[еликого] и мечтал восстановить всю жизнь Преобразователя по возможности изо дня в день, если не из часа в час”. Опубликованные части этой работы показывают, “в какие детальные исследования по новым архивным данным вдавался Богословский, освещая различные спорные, либо еще совсем не затронутые вопросы из истории Петра В[еликого]”.

Как и в книге воспоминаний, так и в обоих некрологах А.А. Кизеветтер пишет и о политических пристрастиях М.М. Богословского, отмечая, что он примыкал к октябристам⁷⁸. “Но это нисколько не мешало нашей дружбе. Талантливость, как бы сказать, сочилась из всех пор его духовного существа, и близкое общение с ним было привлекательно и отрадно”⁷⁹. “Не только яркий научно-литературный талант Богословского всегда привлекал меня к этому товарищу моих научных работ, но

⁷⁷ Кизеветтер А.А. Памяти М.М. Богословского. Это подтверждается и воспоминаниями Богословского. См.: *Богословский М.М.* Из воспоминаний о Н.А. Рожкове // Учен. зап. Ин-та истории РАН ИОН. М., 1928. Т. 5: Памяти Н.А. Рожкова. С. 137–138.

⁷⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 200 (1-е изд. Прага, 1929). Е.П. Богословская С.Ф. Платонову в письме от 11 июля 1929 г. сообщала: “Видела книгу Александра Александровича К[изеветтера], кончившего Университет на год раньше М[ихайла] М[ихайловича]; там очень верная характеристика некоторых лиц. М[ихаил] М[ихайлович] схвачен очень верно, начиная со внешности” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2319. Л. 15). Укажем на некоторые косвенные свидетельства о причастности М.М. Богословского к партии “Союз 17-го октября”. В 1905 г. Жена Кизеветтера в письме просит Богословского помочь приобрести для нее несколько билетов на “собеседование” по церковному вопросу от “Союза 17-го октября”. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 442 (М.М. Богословский). Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 51. Богословский исполнил ее просьбу. См.: Там же. Л. 50 об. Анна Рабинович, знакомая Богословского, просила оказать протекцию некоему юристу, прежде работавшему в “Русских ведомостях”, и устроить на работу в “газету Вашей партии” (Там же. Ед. хр. 57. Л. 7). Но, скорее всего, “партийная” деятельность Богословского не была долгой. По крайней мере, не такой целенаправленной, как у Кизеветтера или Рожкова.

⁷⁹ Кизеветтер А.А. Две утраты: М.М. Богословский и А.Е. Пресняков... С. 516.

также и его личность ... Благородной поступью шел он по своей жизненной дороге, и благородство его души сказалось и в том, что за время большевицкого господства, попав в подневольное положение раба советской власти, Богословский сумел ничем не испортить своего некролога и его имя ни разу не было присоединено к проявлениям лицемерного рабьего низкопоклонничества, от которых порою не воздерживаются иные старые и заслуженные ученые в СССР⁸⁰.

Богословский (что отмечается большинством мемуаристов) намеренно сторонился той сферы общественно-политической жизни, где властвует партийная публицистика. Не склонен он был к подобным приемам в науке и в преподавании.

Об этой черте характера Богословского вспоминал и историк Н.Н. Кнорринг, выпускник Московского университета, когда писал, что Богословский сторонился общественно-политической жизни и “ всю свою деятельность всецело посвятил науке”. Своего рода научное кредо Богословский изложил в речи перед магистерским диспутом (1902), которая запечатлелась в памяти современника: “ Упомянув о продолжительных архивных разысканиях, М.М. Богословский сказал, что о потраченных годах на это не жалеет, потому что тысячи лиц прошли перед его глазами, и слушать их, жить их интересами, было истинным наслаждением”⁸¹.

В эмиграции состоялись и заседания, посвященные памяти Богословского. 16 мая 1929 г. в Русском историческом обществе в Праге с речью о Богословском выступил А.А. Кизеветтер⁸², 2 июня 1929 г. Русским научным институтом в Белграде в здании Русской Публичной библиотеки было устроено торжественное заседание с запланированными докладами А.А. Кизеветтера, Ф.В. Тарановского, А.В. Флоровского и П.Б. Струве. На заседании выступил и профессор А.П. Доброклонский, охарактеризовавший работы Богословского в области изучения истории Русской православной церкви⁸³. Показательно, что, кроме Кизеветтера, все выступавшие формально не принадлежали к московской научно-педагогической традиции. Струве – петербуржец, Тарановский окончил Варшавский университет, Флоровский – Новороссийский. Вероятно, не были они связаны с Богословским до эмиграции и тесным личным общением. Поэтому, здесь в какой-то мере можно видеть общероссийское признание научных заслуг Богословского.

К сожалению, не удалось установить, были ли напечатаны отклики о Богословском А.В. Флоровского и А.П. Доброклонского. Доклад П.Б. Струве, вероятно, не был опубликован и не стал основой статьи, иначе это было бы отмечено в его библиографии⁸⁴. Однако не случайным представляется, что именно в газете, выходявшей под редакцией и при ближайшем участии П.Б. Струве, была напечатана глава из тогда еще неопубликованных воспоминаний А.А. Кизеветтера о М.М. Богословском, Н.А. Рожкове и М.Н. Покровском⁸⁵.

В июльско-августовском номере журнала факультета права Белградского университета “Архив правовых и общественных наук” некролог о М.М. Бого-

⁸⁰ Кизеветтер А.А. Памяти М.М. Богословского...

⁸¹ Кнорринг Н. Указ. соч.

⁸² Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская, 1930. Кн. 2. С. 190.

⁸³ См.: В Русском научном институте // Новое время. Белград, 1929. 3 мая; Россия и Славянство. Париж, 1929. 1 июня; Новое время. Белград, 1929. 2 июня; Е.В. Заседание, посвященное памяти проф. М.М. Богословского // Новое время. 1929. 5 июня; Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности / Сост. Ф.В. Тарановский // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1935. Вып. 11. С. 219–223.

⁸⁴ Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952.

⁸⁵ Кизеветтер А.А. В Московском университете: М.М. Богословский, Н.А. Рожков, М.Н. Покровский // Россия и Славянство. Париж, 1929. 18 мая.

словском поместил Ф.В. Тарановский⁸⁶. В научном плане автор отмечал связь Богословского с “русской школой русской историографии”, ведущими представителями которой являлись С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. В отличие от таких учеников Ключевского, как П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский «стоял несколько в стороне от активной политики. Эта внешняя аполитичность дала ему возможность остаться в Москве возле домашних архивов, где и нашла его смерть. До конца дней он оставался верен своим внутренним убеждениям. Он не стал “красным историографом” (как его коллега Михаил Покровский), он сошел в гроб как национальный русский историк, каким он и был всю свою жизнь. В своем завещании он распорядился, чтобы его похоронили по религиозным обрядам Русской православной церкви. Эта последняя его воля была исполнена». Вкратце, охарактеризовав две главных монографии Богословского, предметом изучения которых была “местная жизнь русской провинции”, Тарановский “в заключение обращал внимание читателя еще на один значительный труд Богословского, которым покойный занимался целый ряд лет и который не опубликован. Это труд Богословского по истории Петра Великого”.

Изучая историю петровских реформ, Богословский “погрузился в эту историю и решил критически исследовать ее в целом, и прежде всего особенно тщательно изучить историю жизни и деятельности самого Петра. Он поставил себе целью дать наивозможно точную картину жизни и деятельности Петра не только по годам и месяцам, но даже и по дням. Для этой цели Богословский собрал и обработал очень большой материал. До настоящего времени он не напечатан. Какая судьба его ждет – мы не знаем. Официальная марксистская историография в советской России интересуется только общественными классами, а не отдельными личностями. Исключение представляет только Ильич (Ленин). Будет ли такое исключение сделано и для Петра Великого – это открытый вопрос. Смерть Богословского – огромная утрата. Его имя следует записать большими буквами в анналы исторической науки русской и славянской. Слава ему”.

Ученики продолжили дело М.М. Богословского. Они хранили благодарную память о нем и годы спустя. Показательно, что некоторые, по своей инициативе, в год 20-летия со времени смерти М.М. Богословского, сочли нужным оставить воспоминания об учителе и, думается, допустимо полагать, что в кругу единомышленников могло быть проведено заседание.

Апрелем 1949 г. датировано письмо-воспоминание Н.М. Дружинина к Е.П. Богословской⁸⁷, в котором М.М. Богословский предстает человеком, превыше всего ставящим интересы науки. “Студенты ценили его знания, научный талант и педагогическое дарование”. Лекции его отличались простотой. “Его основной задачей было передать аудитории определенную строго продуманную сумму фактов, которые связывались в единое, внутренне целое. Курс был очень фактическим, но он никогда не был перегружен излишними деталями”. Как настоящий педагог, Богословский “взвешивал реакцию аудитории”⁸⁸.

Мнения о Богословском как лекторе высказывались различные. Академик М.Н. Тихомиров, например, отмечал, что он читал “размеренно и без всяких украшений, но не собирал в достаточной мере большую аудиторию”⁸⁹. Н.Н. Кнор-

⁸⁶ Тарановски Т. Михаило Богословски // Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1929. Кн. 19. № 1/2. С. 152–154. Перевод Татьяны Протогеновны Поповой.

⁸⁷ Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания. Мысли. Опыт историка. М., 1990. С. 186–193. Источником публикации послужил отпуск письма из личного фонда Н.М. Дружинина. Письмо сохранилось и в архиве М.М. Богословского (АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 8, авторизованная машинопись), копия имела и у племянника М.М. Богословского – Александра Сергеевича Богословского, сына С.М. Богословского (Ф. 636. Оп. 2. Д. 9а. Л. 8–9).

⁸⁸ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 186.

⁸⁹ АРАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 2. Д. 40. Л. 136. См. также: Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. С. 15.

ринг писал, что на лекциях М.М. Богословского, которые он “читал так просто, своим характерным баском, слышался, когда он говорил о каких-нибудь персонажах XVIII века, не только ученый – интерпретатор исторического материала, но именно историк, интуитивно постигающий эпоху”⁹⁰. Человеком “не только большого таланта, но и большой культуры... который учил мыслить и показывал своими лекциями как надо работать”, назвал М.М. Богословского в письме 1946 г. к Е.П. Богословской В.И. Пичета⁹¹. С.А. Волков, слушавший Богословского в последние годы преподавания его в Московской духовной академии, впоследствии вспоминал, что он “читал хорошо, просто, несколько хрипловатым голосом, часто сравнивал события и людей той поры с нашим временем. Делая умные, а подчас, весьма остроумные замечания. В его интонациях и жестах иногда проявлялся пафос гражданственности, но мне этот пафос всегда казался несколько театральным, а блеск речи – поверхностным”⁹².

Но, пожалуй, все мемуаристы единодушны в оценке педагогических способностей Богословского, проявлявшихся в руководстве семинариями. Занятия в просеминарии по Русской Правде, по словам Н.М. Дружинина, “были уроками научного анализа древнего трудного текста”, итогом которых “было восприятие метода самостоятельного критического анализа юридического памятника”, эти занятия “учили мыслить над памятником, извлекать из него основное и важнейшее, применять к нему приемы толкования, выработанные столетиями научной мысли”⁹³.

М.Н. Тихомиров также высоко оценивал семинарские занятия у М.М. Богословского. Уже будучи академиком, в статье “Дорога в историческую науку”, предназначенной в первую очередь для студенческой молодежи, М.Н. Тихомиров, вспоминая свои студенческие годы, среди профессоров Московского университета выделял и М.М. Богословского. “Замечательные просеминарские занятия по Псковской Судной грамоте”, которые вел Богословский, стали своеобразным этапом научного взросления М.Н. Тихомирова. Именно на этих занятиях, предполагал М.Н. Тихомиров, у него “зародился... тот повышенный интерес к источниковедению”, который он “проявлял всю жизнь”⁹⁴.

В 1946 г. Б.Б. Кафенгауз написал о семинариях своего учителя, что, “несмотря на прошедшие с того времени 30 с лишним лет, у меня живо до сих пор то чувство перенесения в прошлое, оживания истории, которое М.М. Богословский умел достигать немногими словами, подчеркивающими то или иное место памятника, заставляя сухой юридический источник заговорить полным голосом”⁹⁵.

О встречах с М.М. Богословским и о совместной деятельности в ГИМ в 1920-е годы поделилась воспоминаниями, датированными 25 мая 1949 г., музейный работник и литературовед О.И. Попова⁹⁶. Она “узнала” М.М. Богословского “не по Высшим женским курсам (быв. Герье), где он преподавал, а много позднее”. “И все же, не будучи его ученицей, в том смысле слова, в котором оно обычно понимается”, О.И. Попова полагала, что и она “в какой-то степени прошла его

⁹⁰ Кнорринг Н. Указ. соч.

⁹¹ АРАН. Ф. 636. Оп. 5. Д. 3. Л. 1.

⁹² Волков С.А. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). М.; СПб., 1995. С. 79.

⁹³ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 187.

⁹⁴ Тихомиров М.Н. Дорога в историческую науку // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7. Первоначально статья была напечатана в многоотиражке “Московский университет” от 7 мая 1955 г.

⁹⁵ АРАН. Ф. 1580 (Б.Б. Кафенгауз). Оп. 1. Д. 33. Л. 15 об.

⁹⁶ Там же. Ф. 636. Оп. 2. Д. 9. Об О.И. Поповой см.: Наука и научные работники СССР. Л., 1930. Ч. IV. Научные работники Москвы. С приложением перечня научных учреждений Москвы. С. 228; Издания Государственного Исторического музея 1873–1998: Библиогр. указ. М., 1999 (ТГИМ. Вып. 101). С. 189.

научную школу”. В ее воспоминаниях (как и у С.В. Бахрушина) подчеркнута особенность научной жизни Исторического музея тех лет – тесное сотрудничество музейных работников и историков-исследователей, выражавшееся в комплексном изучении и письменных источников, и вещественных памятников (“меморативных”, по терминологии тех лет)⁹⁷. О.И. Попова могла часто наблюдать М.М. Богословского в такой повседневной работе. При этом она отмечает естественность и простоту его поведения. Когда на заседаниях проходила атрибуция вещественного памятника, сверка его с сохранившимся описанием, «Михаил Михайлович, ученый огромной эрудиции, с покоряющей нас простотой говорил: “Так вон он какой... вот он как выглядит”»⁹⁸.

Такие черты научного мировоззрения Богословского, как осторожное отношение к широким обобщениям и гипотезам, определяли строгость методики познания исторических явлений.

О.И. Попова пишет: “Ответа на широкие исторические вопросы он искал в первоисточниках, в архивных материалах. С редкой неутомимостью изучал он наши архивные богатства”. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Богословский, “войдя в жизнь музея, положил основание делу изучения и вещественных памятников русской культуры, с такой же настойчивостью и широтой, с какой им изучались и письменные источники”⁹⁹.

Научные заседания в музее под руководством Богословского проходили “просто и спокойно”. Председатель требовал от докладчика ясности и четкости изложения проблемы, «попытки ... уклониться без достаточных оснований в сторону, пресекались М.М. решительным призывом вернуться к теме ... Ничего лишнего, никакой “отсебятины”, никаких словесных ухищрений и украшений М.М. не переносил. Он просто, а порой и сурово, охранял чистоту исторических фактов и непреложность из них научных выводов»¹⁰⁰. Эти заседания становились “отличной школой, вторым университетом для научных сотрудников музея, начинающих вступать на самостоятельный научный путь”¹⁰¹.

О.И. Попова вспоминала и о встречах с Богословским в неформальной обстановке, во время отдыха в санатории ЦЕКУБУ “Узкое”. “Люди при ближайшем их рассмотрении часто проигрывают... Этого не случилось с М.М. В жизни, в быту он был так же обаятелен и прост, как и за председательским столом. Мне кажется, что Михаил Михайлович никогда не говорил того, что не думал и не делал того, чего не хотел... Был он какой-то весь цельный, монолитный, несгибающийся ни перед кем, ни перед чем... Ясный какой-то...”

Непрямота, неискренность в людях его удивляла – так это не свойственно было ему самому...”¹⁰²

Наиболее поздние (1973) воспоминания о М.М. Богословском принадлежат его племяннику, Александру Сергеевичу Богословскому. У них своеобразный заголовок – «Моим сынам. Кто на фотографии за столом в квартире П.А. Воздвиженского на Тверской в доме Олсуфьева, где висел аншлаг – “11 веч. Вон!” и отдельные моменты из моих воспоминаний о дяде Мише (Мих. Мих. Богословском)»¹⁰³. По форме – это биографический комментарий к фотографии¹⁰⁴, на которой изображены празднующие Татьянин день М.М. Богословский, С.М. Богословский их друзья и друзья их отца.

⁹⁷ АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

⁹⁸ Там же. Л. 2.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. Л. 2–3.

¹⁰¹ Там же. Л. 4.

¹⁰² Там же. Л. 5–6.

¹⁰³ Там же. Д. 9а. Л. 1.

¹⁰⁴ Там же. Д. 21.

А.С. Богословский вспоминает впечатления разных лет (1908–1928) от встреч с Михаилом Михайловичем, о совместном отдыхе на дачах и курортах, о трогательном отношении его к детям и т.п. Интерес представляет рассказ о том, как проходила работа Богословского над докторской диссертацией. «В 1908 году лето проводили опять вместе три семейства (Богоявленские, семьи С.М. Богословского и М.М. Богословского. – А.М.) на Оке недалеко от Алексина, у Петровского стеклянного завода... Дядя Миша усиленно работал над докторской диссертацией и строго соблюдал режим. Утром у него была “утренняя прогулка”, в которой и мы (дети. – А.М.) принимали участие, с условием, что не будем шалить и кричать, потом завтрак и до обеда “письменные занятия”. Дядя Миша уединялся в свою комнату на 2-м этаже, запирался и творил, но мы часто не выдерживали запрета и влезали к нему через окно с крыши. Сначала он добродушно относился к нашим визитам, но когда это стало повторяться часто – начинал сердиться и прогонял нас. Вообще в это лето дядя Миша мало бывал с нами, т.к. его работа целиком поглощала его»¹⁰⁵. А.С. Богословский приводит и малоизвестный факт из биографии дяди. “В 1928 году д[ядя] Миша был арестован ОГПУ и отправлен на Лубянку”. Богословского приняли за совершившего на Кавказе побег “белогвардейского генерала”, оказавшегося однофамильцем. “Всех Богословских проверяли и академика постигла участь этой проверки. На д[ядю] Мишу арест и пребывание на Лубянке подействовало угнетающе и окончательно подорвало здоровье”¹⁰⁶.

Мемориальные источники о М.М. Богословском разнообразны по своему происхождению, тематике отраженных в них фактов, тональности содержания. Можно убедиться, что они не только обогащают наши представления о Богословском как ученом и человеке, об отношении к нему в научной среде, о том, какой след оставил человек в душе своих благодарных последователей по науке, но и важны для понимания общественного климата в среде историков той поры. Они отражают различные взгляды на судьбы отечественной науки в среде профессоров “старой школы”, тех ученых, кто оказался за рубежом, но продолжал ощущать себя нераздельной частью российской науки, и участников того противостояния, которое организовал М.Н. Покровский, а потому могут оказаться небезынтересны и для комментария к материалам фальсифицированного “Академического дела”.

¹⁰⁵ Там же. Д. 9а. Л. 5.

¹⁰⁶ Там же. Л. 8.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2000 ГОДА

(К 25-летию кончины С.Н. Валка)

Эти Тихомировские чтения организованы совместно с Санкт-Петербургским отделением Археографической комиссии и Санкт-Петербургским филиалом Института истории РАН. Чтения состоялись 1 июня в зале заседаний СПб. ФИРИ РАН. Открыл заседание директор Института В.Н. Плесков. Далее публикуется авторизованная стенограмма выступлений, затем тексты, представленные редакции АЕ после заседания.

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Традиционные для Археографической комиссии Тихомировские чтения в 2000 г. посвящены памяти Сигизмунда Натановича Валка, скончавшегося 25 лет назад, 5 февраля 1975 г., на 88 году жизни. Тематика ежегодных (с 1968 г.) Тихомировских чтений, приуроченных ко времени, близкому к дню рождения академика М.Н. Тихомирова, возродившего в 1956 г. Археографическую комиссию, – актуальные проблемы развития археографии, архивоведения и специальных исторических дисциплин и важнейшее в историографическом наследии в этих сферах научного знания.

Посвящение нынешних Тихомировских чтений памяти С.Н. Валка – не только показатель уважения и любви к нему тех, кто был знаком с ученым, учился у него в университете, работал вместе или даже под его руководством в академических учреждениях, вузах, хранилищах памятников истории и культуры. Причем, наблюдаем едва ли не уникальное явление, побуждающее вспомнить о примере академика Д.С. Лихачева, когда ученый, живущий в Петербурге, любящий прежде всего Петербург, воспитавший школу ученых-петербуржцев, воспринимается как свой, как дорогой и уважаемый учитель и коллега не только в Петербурге, и не только историками: в сборнике, подготовленном к его 75-летию – “Исследования по отечественному источниковедению” (СПб., 1964), много статей и московских историков разных поколений, почти труд историка полагали своей приятной обязанностью и виднейшие филологи В.П. Адрианова-Петерц, М.П. Алексеев, П.Н. Берков, Д.С. Лихачев, В.И. Малышев.

Внимание к содеянному С.В. Валком тех, кто по возрасту не мог быть лично знаком с Сигизмундом Натановичем, объясняется прежде всего тем, что современный уровень археографии, архивоведения и специальных исторических дисциплин (а координация работы в этих областях знаний – одна из главных задач Археографической комиссии как научного проблемного совета РАН) во многом предопределен деятельностью именно С.Н. Валка, и в то же время его научное наследие остается еще недостаточно изученным.

17 февраля 1976 г. в Москве состоялось посвященное памяти С.Н. Валка заседание Археографической комиссии, совместное с Центральным партийным архивом ИМЛ при ЦК КПСС (тексты части выступлений и подробную информа-

С.Н. Валк. Автолитография Г.Д. Гликмана

ние деятельности Валка для развития научных знаний в изучении прошлого нашей страны от периода Древней Руси до середины XX в., в выявлении источниковой базы таких исследований и определении приемов работы с письменными источниками; в развитии историографии, археографической культуры, архивной практики, в выработке и совершенствовании системы овладения приемами специальных исторических дисциплин в процессе вузовского обучения; отмечена роль С.Н. Валка как выдающегося организатора науки. Особенно, когда он в 1965 г. возглавил Ленинградское отделение Археографической комиссии и стал инициатором издания редактируемого им ежегодника “Вспомогательные исторические дисциплины”. С инициативой С.Н. Валка связано и начало историографического изучения на академическом уровне истории развития этих научных дисциплин, особенно в советские годы, что было предопределено и названием первого раздела первого же сборника ВИД (1968) – “Вспомогательные исторические дисциплины в советской исторической литературе”.

С.Н. Валк был ученым и поразительной по многосторонности эрудиции, и одновременно новатором в методике исторического исследования и использовании научных достижений в практике архивного дела и археографии. В написанном о С.Н. Валке, в публичных выступлениях, во время занятий со студентами Историко-архивного института я старался объяснить, почему его признавали высшим авторитетом в археографии, архивоведении, источниковедении и смежных вспомогательных (специальных) исторических научных дисциплинах. Именно к нему применимо определение “классик исторической науки”. Пытался, конечно, охарактеризовать С.Н. Валка и как мыслителя широкого профиля и человека разносторонних культурных запросов, глубокой душевности, опираясь при этом и на его сочинения (прежде всего “историографические портреты”) и на личные воспоминания (а я был очастливлен с середины 1960-х годов близостью с Сигизмундом Натановичем).

За последние четверть века еще в большей мере утвердилось представление о выдающемся вкладе свершенного С.Н. Валком в развитии исторических зна-

цию о нем см.: АЕ за 1976 год. М., 1977). Участвовали и москвичи, и ленинградцы. На этом же заседании ожидаются выступления преимущественно петербуржцев (сейчас подготовить совместное заседание сложнее). Организации нынешнего помогло то, что оно почти совпало по времени с вручением анциферовских премий за работы по петербурговедению (и я – председатель жюри Анциферовского комитета).

О С.Н. Валке доводилось мне писать и говорить не раз, начиная с 1968 г. Моим вступительным словом открывалось и заседание 1976 г. В изданном в 2000 г. библиографическом указателе моих трудов (в серии “Ученые РГУ”) приложен именной указатель лиц, жизни и деятельности которых посвящены печатные и даже некоторые устные выступления, где уже предпринята попытка охарактеризовать значе-

ний. Это обусловлено, конечно, и изданием первой книги его научного наследия “Избранные труды по археографии” (М., 1991), и работ о нем. К книге 1991 г. приложен “Перечень печатных работ, посвященных жизни и научной деятельности С.Н. Валка” (к сожалению, в нем глухо передана информация о том, что напечатано в АЕ за 1976 год, без указания авторов статей и хроникального сообщения). Подготовлена к печати и вторая книга научного наследия с трудами преимущественно по проблематике источниковедения и историографии. В последние годы напечатаны еще материалы о С.Н. Валке и написанное самим С.Н. Валком. Целесообразно было бы и в новой книге сочинений ученого поместить библиографическую информацию такого же типа, как в книге 1991 г.

После издания второй книги трудов С.Н. Валка¹ и материалов нашего заседания (которые намерены напечатать в АЕ за 2000 год), следовало бы обеспечить возможность подготовки книги “Сигизмунд Натанович Валк: Биобиблиографический указатель”, подобно изданной о М.Н. Тихомирове в 1996 г. Но так как последнему справочному изданию предшествовала публикация описания рукописного наследия М.Н. Тихомирова (Труды Архива Академии наук СССР. М., 1974. Вып. 25), то стоило бы использовать опыт издания “Материалов для биографии академика А.С. Лаппо-Данилевского” (1929), где сосредоточены сведения и об архиве ученого. Составление собственно биобиблиографического указателя могла бы взять на себя Археографическая комиссия, поскольку у ее научного сотрудника А.В. Мельникова имеются уже навыки подготовки биобиблиографий историков; председатель Археографической комиссии готов написать статью о жизни и творчестве С.Н. Валка. Но обзор архивных материалов могут сделать только лица, причастные к Архиву Санкт-Петербургского филиала Института истории РАН, куда передан личный архив ученого. В Москве постараемся выявить сохраняющиеся в наших хранилищах – деловую документацию и эпистолярную.

Понятно, что для большинства присутствующих здесь лиц пенсионных лет заседание наше – возвращение мыслью к дорогому в прошлом, и сама возможность обращения на “ты”, как десятилетия назад, вызывает теплотворный ностальгический настрой. С.Н. Валк был долгожителем и в многостороннем своем творчестве. Научно-педагогическая школа С.Н. Валка действовала более 50 лет. Воздействие ее ощутимо и поныне; ибо, хотя мы все познакомились с С.Н. Валком в высшей школе или даже по окончании ее, дело не ограничивалось обучением – образ жизни Сигизмунда Натановича оказывал на взрослых уже людей и воспитательное действие. Приобщение к этому опыту сближало поколения и в размышлении о том, кто и почему остается надолго учителем и наставником.

Воспоминания о С.Н. Валке, конечно, добавляют в копилку знаний об исторической науке, организации преподавания, охране и изучении памятников письменности в первые три четверти уходящего столетия. Но ученый был и замечательным методистом исследовательской работы с документальными памятниками. И не менее существенно осознание того, в какой мере использованы в нашей научной практике его выводы и наблюдения.

Творчество С.Н. Валка и его жизненное поведение – высший показатель достоинства “ремесла историка”, в том смысле этого понятия, который заложен в названии знаменитого сочинения Марка Блока “Апология истории”. В научных трудах С.Н. Валка не замечаем ни пресмыкательства, ни приспособленчества, ни политической конъюнктуры, тем более очернительства – нет ни общепринятых тогда идеологических ярлыков, даже дежурных цитат из классиков марксизма-ленинизма. Редчайшее явление в советской гуманитарной науке, еще выше поднимающее С.Н. Валка в глазах младших современников и потомков!

С.Н. Валк убежденно стремился поддерживать высокий уровень мастерства исторического исследования, не отступая от тех правил изучения, истолкования,

¹ Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000.

публикации исторических источников, которые сам воспринял от А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Шахматова, А.Е. Преснякова. Более того, старался распространить представление о таких критериях при подходе и к историческим памятникам новейшего времени, в том числе и откровенно политически-революционной направленности. С.Н. Валк особенно дорожил уважительной преемственностью в развитии научной мысли, в душевном настрое, в поступках. Счастливейшим в его памяти навсегда сохранялось доверие, оказанное ему еще в университетские годы теми, чье творчество он почитал вершинным достижением исследовательской мысли и учительского искусства. И потому С.Н. Валка особенно коробило то, что один из организаторов посмертной травли его учителей на рубеже 1940–1950-х годов и автор постыдной статьи о А.А. Шахматове был тоже выпускником родного ему университета.

Возрастная дальнорзоркость С.Н. Валка выражалась и во всевозрастающем пространстве наблюдений над прошлым и настоящим, и в овладении все большим комплексом методических приемов видения и воспроизведения прошлого. Для его натуры было характерно совмещение неиссякаемой любознательности, глубокого и острого ума и сердечной доброты. Привлекала его способность, даже потребность доброжелательного отношения к научной молодежи, желание и умение поддержать тех, кто казался ему научно-перспективным – он щедро одаривал не только книгами из своей богатейшей библиотеки, но и научными наблюдениями, указаниями на архивные материалы. И болезненно переживал, когда разочаровывался в порядочности или в научных возможностях тех, на кого надеялся (как было с написанием диссертации о Петербургской Археографической комиссии), когда обнаруживал, что научное дарование совмещается с карьеризмом, отступлением от безусловных для него нравственных нормативов. И потому само обращение памяти к образу С.Н. Валка очищает.

Но, помимо этих обстоятельств субъективного порядка, выявляется и то существенное, что характерно именно для развития исторического мышления наших дней. Сейчас наблюдается утверждение иных, чем прежде, более широких – и, на мой взгляд, более объективных представлений о предмете “историографии” и об ее источниковой основе. Перестают сводить развитие исторической мысли преимущественно к построению историко-социологических концепций и оценивать историографическое явление, прежде всего в идеолого-политическом контексте. Все больше значения придают обогащению источниковой базы исторических трудов и совершенствованию эвристических методов, формам распространения исторических знаний. Стали осознавать и то, что не только методология предопределяет методiku работы историка, но и сама методика во многом воздействует на методологию, а технология исследовательского труда – даже исторической тематики – политически нейтральна.

К важным историографическим источникам относят теперь не только монографии, но и статьи, доклады, лекции, документальные публикации, а также и архивные материалы (включая и переписку историков, воспоминания их самих и о них). Именно в этом направлении заметна целенаправленная деятельность Археографической комиссии, нашедшая отражение и в подготовке “Каталога личных архивных фондов отечественных историков” (Вып. 1. XVIII в. М., 2001), в публикации в обоих ежегодниках (“Археографический ежегодник” и “Вспомогательные исторические дисциплины”) и других изданиях материалов такой тематики, и в организации научных конференций, посвященных отдельным историкам и изучению их научного наследия (и прежде всего, оставшегося неопубликованным).

Изучение жизни и творчества С.Н. Валка, его воздействия на науку, и современную ему и последующего времени, выявление материалов об этом и организация новой документации (воспоминаний) интересны не только в плане историографической проблематики, но и исследования ментальности XX столетия. Ибо

С.Н. Валк был – по определению Д.С. Лихачева – “типичным петербургским интеллигентом”, “истым петербургским интеллигентом” и казался нам воплощением преемственности и российских научных традиций, и нравственно-культурных традиций российской интеллигенции.

М.П. ИРОШНИКОВ

Мне предложено председательствовать на нашем заседании. Это заседание важно не только для непосредственных учеников С.Н., для тех, кто лично был знаком с ним. Теперь все более очевидно, какое место занимает творчество С.Н. в развитии нашей исторической науки, археографии и архивоведения. Мы благодарны руководству Археографической комиссии за инициативу в организации такого заседания, за то, что традиционные ежегодные Тихомировские чтения посвящены памяти С.Н. Валка.

В.Г. ЧЕРНУХА

Здесь собрались люди, которые знали С.Н. У каждого есть общие воспоминания, например, С.Н. как учитель, С.Н. – университетский профессор, С.Н. – сотрудник ЛОИИ, и еще какие-то особенные, только личные. Так вот такой особенной частью моих воспоминаний о С.Н., которые, может быть, не перекликаются с другими, являются воспоминания о последних восьми годах его жизни, когда мы вместе работали в издании “Вспомогательные исторические дисциплины”, т.е. работал – конечно, он, а я ходила с большущей папкой, в которую складывала те рукописи, о которых С.Н. договаривался, потом их раздавала читать членам редколлегии, рецензентам и т.д. Поскольку мне пришлось заниматься немножко его биографией, то сначала о предыстории этого сборника и о том, как С.Н. шел к изданию ВИД.

Судьба историков поколения С.Н. необычайно трагична по определению, потому что это был выпуск университета кануна первой мировой войны. Уже в сентябре 1914 г. под Августовом погиб В.А. Тищенко, человек очень близкий С.Н. Это была первая потеря историков из круга С.Н., и потом его жизнь была, собственно говоря, полосой вот таких потерь – потерь его однокашников, близких людей следующего поколения, с которыми он работал, и постоянных тревог за дело, которым он занимался. Он оказался долгожителем и круг людей, с которыми он работал, тем более, с которыми он был знаком по университету, все время редел, и он становился все более одиноким. Тем не менее это счастье, что он оказался долгожителем, потому что именно последние годы принесли ему много радостных профессиональных событий, которые, как мне кажется, сняли горечь, частично, конечно, с его души и подали ему надежду на то, что наука, в его понимании, все-таки имеет шанс к существованию и возрождению. Во-первых, он дождался до того времени, когда перестали произносить всуе имена его учителей, цену которым он хорошо знал, правда, еще не начали заниматься этими людьми, этими историками, как следует, но во всяком случае их уже стали ставить в историографическую цепочку. Другим таким, очень важным для него событием было, конечно, возрождение Археографической комиссии 13 апреля 1956 г., вскоре после XX съезда КПСС.

Ленинградское отделение Института истории было восстановлено позже, и наконец, “Вспомогательные исторические дисциплины”, издание, о котором он давно мечтал. Дело в том, что С.Н. начал заниматься, как известно, русским средневековьем и русским средневековым документом. А для того чтобы такой документ читать, нужно владеть инструментарием, который дают только вспомога-

тельные исторические дисциплины. И он хорошо понимал всю их важность. С.Н. неоднократно в жизни, очевидно, подходил к тому, чтобы помочь их возрождению, способствовать этому. Один из таких случаев был, представьте себе, в страшном своими репрессиями 1937 г. Так вот, в 1937 г. вдруг, совершенно неожиданно, выходит сборник “Вспомогательные исторические дисциплины”. С.Н. очень его ценил. Дело в том, что в 1935 г. наш многострадальный институт, который назывался Институт книги, документа и письма, был преобразован в сектор вспомогательных исторических дисциплин. И для того, чтобы доказать его дееспособность, в короткое время собрали и сделали сборник “Вспомогательные исторические дисциплины” (отсюда, я думаю, и название сборника, который начал выходить в 1967 г.). Это был удивительный сборник, где печатались В.В. Струве, Н.В. Пигулевская, О.А. Добиаш-Рождественская, С.Я. Лурье, там были работы по древнему Востоку, о классическом периоде, в частности, о греческих материалах. Была и знаменитая статья С.Н. “Начальная история древнерусского частного акта”, и статья Б.М. Кочакова о русском законодательном документе XIX в., что было совершенно неожиданно, потому что показывало готовность заниматься вспомогательными историческими дисциплинами в классическом, или, как говорил С.Н., “обиходном” их варианте, и одновременно открывало перспективу изучения документа нового и новейшего времени. Повторяю, С.Н. чрезвычайно ценил этот сборник. Когда наши старшие коллеги составляли этот сборник, то представьте, они даже позволили себе некоторое озорство – в конце каждой статьи было резюме на английском, или немецком, или французском языках, что, я думаю, для “организаторов” науки в то время было чрезвычайно обидно. Очевидно, подразумевалось, что такие сборники будут выходить в дальнейшем, но он остался единственным.

Другой такой, как бы более прочный подход С.Н. к изданию “Вспомогательных исторических дисциплин”, имел место в 1944 г. Наш академический институт и университет, как известно, были эвакуированы, и ученые страшно тосковали по своей работе, по библиотекам, архивам, рвались вернуться к своим привычным занятиям. В 1944 г. было принято решение Президиума Академии наук СССР о создании в Институте истории материальной культуры почему-то сектора вспомогательных исторических дисциплин, который должен был заниматься ими и применительно к Востоку, и к древности. В ответ на это в Институте истории АН СССР было принято решение о создании, во-первых, сектора военной истории, и это понятно; во-вторых – сектора вспомогательных исторических дисциплин. Тогда Б.Д. Греков предлагал С.Н. возглавить этот сектор. В их переписке шла речь о том, как будет С.Н. руководить сектором, который находится в Москве. С.Н. ведь не был по рождению петербуржцем, он приехал сюда 20-летним и как-то сразу им стал. Уже до войны было совершенно очевидно, что он никогда город не оставит. Б.Д. Греков, зная это, писал ему: “Вы не уедете из Ленинграда, у Вас будет здесь какое-нибудь жилье, Вы будете приезжать, но только, чтобы сектор вспомогательных исторических дисциплин возглавляли Вы”. Наверное, С.Н. согласился (по его документам учета кадров это не проходит), потому что в 1944 г. выходит “Исторический журнал” – в то самое время, когда было как бы не до него, и С.Н. помещает крошечную заметку в “Хронике” под названием “Сектор вспомогательных исторических дисциплин в Институте истории”.

Но С.Н. прекрасно знал историю вспомогательных исторических дисциплин, историю вообще, ему был присущ широкий взгляд на вещи, и он умел всякую конкретную работу поставить в исторический контекст, в данном случае общего развития вспомогательных исторических дисциплин. В этой статье была изложена вся история развития вспомогательных дисциплин, оценка их тогдашнего состояния как дисциплин, находящихся в загоны, и требующих, чтобы к ним отнеслись заботливо, чтобы их восстановили, одновременно была намечена перспектива их развития. Он указывал, что не следует держаться за их традиционный

круг, который возник на основании изучения западноевропейского средневекового документа (и, кстати, тоже как будто не 1944 г. на дворе). “Основополагающими трудами” он называет труды средневековых ученых по хронологии, дипломатике, других ученых, печатавших, между прочим, свои работы на латыни. С.Н. заканчивал статью словами о том, что надо составить подробный план деятельности сектора вспомогательных исторических дисциплин. Я не знаю, что случилось с этим сектором, но никакого сборника тогда не вышло.

И надежда возродилась только с 1956 г., когда была восстановлена Археографическая комиссия, начал выходить “Археографический ежегодник” и стали “прокладывать тропинку” к изучению вспомогательных исторических дисциплин. В 1965 г. было создано Ленинградское отделение Археографической комиссии во главе с С.Н. Валком. Это было еще при М.Н. Тихомирове. Но, очевидно, самим выпуском “Вспомогательные исторические дисциплины” обязаны С.О. Шмидту, потому что при его председательстве в Археографической комиссии удалось добиться того, что ЛО Археографической комиссии получило свое издание. Это стоило, наверно, Сигурду Оттовичу колоссальных усилий и связано было, между прочим, еще и с тем, что шел бесконечный дележ бумаги, опубликовать что-нибудь было очень трудно. С.О., как я понимаю, из каких-то своих запасов выделил в 1967 г. 20 п. л. для того, чтобы стал возможен выход ВИД.

С.Н., которому в то время было 80 лет, воспринимал каждую новую и тяжелую работу (а он все время ощущал себя человеком, на которого все его ушедшие коллеги как бы перекладывают то, что они сами не сделали) как радостное событие. С.Н. горячо взялся за издание этого сборника. Много, повторяю, становится понятным, когда читаешь сборник 1937 г. и его заметку 1944 г. По-видимому, у С.Н. уже тогда сложилось представление о том, каким должен быть этот сборник, во всяком случае, с чего нужно начинать: он хорошо знал, что издание всегда концентрирует вокруг себя людей, которые этим занимаются. И он решил начать с проведения ревизии в сфере традиционных и нетрадиционных, новых, нарождающихся исторических дисциплин и стал заказывать авторам обзорные статьи. Я не думаю, чтобы те, к кому он обращался, с готовностью откликнулись. Таких готовых работ обзорного оценочного характера не было, и, конечно, Валку пришлось довольно много с этими авторами работать. Он очень волновался, как будет востребовано издание читателями. Издание вышло довольно быстро (в начале 1968 г.), потому что связано было с 50-летием Октябрьской революции, и по форме это был как отчет о том, что произошло за прошедший период в советской исторической науке. Так вот, С.Н. (уж я не знаю, сколько он купил этих томов сборника и сколько раздарил) страшно радовался, когда встретил понимание, благоприятные рецензии.

В то время решался вопрос и о структуре издания. В составе первой редколлегии был В.И. Рутенбург, это означало, что “Вспомогательные исторические дисциплины” будут заниматься не только российским материалом, но и западноевропейским, что и произошло. Еще одно обстоятельство. В сборнике того времени публиковалось много статей по ленинским работам. В частности, нашими авторами были О.Н. Знаменский, Г.Л. Соболев, В.И. Старцев и др. Дело в том, что С.Н., по моим представлениям, относился к ленинским материалам, как к историческому документу и считал, что их нужно исследовать серьезно, критически и высказать на основании всего исторического инструментария их историю, судьбу, редакции и все прочие стороны. Взгляды С.Н. в этом издании проявились достаточно полно. Издание через три года встало на такой научно-исторический конвейер: один том – на выходе, второй – на стадии работы с редактором и третий – на этапе сбора материала. С.Н. бережно обращался с этим сборником, дорожил тем, чтобы издание ни в коем случае не прервалось, он был человеком строгих научных правил, но одновременно и прагматиком. Если кто-то собирался защищаться и ему не хватало публикаций, С.Н. всегда предоставлял страницы

этого сборника, для него поддержка молодых было дело святое. Редактировал он ВИД с I по VII т. буквально до последних дней жизни, как бы нисколько этим не тяготясь и, как мне кажется, считал это счастливым моментом в своей жизни. И, по-моему, важным обстоятельством для его памяти (на своем жизненном пути он видел много начинаний, которые тут же или вскоре угасали) является то, что “Вспомогательные исторические дисциплины” выдержали испытание временем и выходят до сих пор, в чем и его заслуга.

Д.Н. АЛЬШИЦ

Прежде всего я хочу поблагодарить всех, кто организовал это совещание и кто меня пригласил. Я горжусь тем, что учился у этого, не боюсь высокого слова, великого человека. Великого потому (хотя в данной аудитории это доказывать совершенно излишне), что те научные принципы, которые создавал, защищал и отстаивал С.Н. Валк, определили в значительной степени уровень целого ряда многих направлений исторической науки.

Это мне хотелось бы увязать с такой мыслью: древнерусское источниковедение, то, чему нас учили наши учителя М.Д. Приселков, С.Н. Валк сформировало определенное направление исторической науки, охватывавшее ученых, изучавших и более поздние периоды. На методах изучения древнерусских источников формировались те принципы, по которым работала археография, касающаяся всех периодов истории. Вот почему о таких людях, как С.Н. Валк, без всякого сомнения можно сказать: это основоположники целого направления в исторической науке, которое я бы и назвал единственным подлинно научным направлением. Любая историческая работа, не опирающаяся на те принципы, которые создавал и проповедовал С.Н., не может считаться достаточно научной. Вот почему я позволяю себе сказать: Валк определил для всех нас, присутствующих здесь и для многих других, для целых поколений историков планку, ниже которой историческая наука, историческая работа не могут опускаться.

Вот, что хотелось бы еще отметить. В одной из своих работ я употребил такое выражение: “бесстрашные рыцари науки”, указав среди других и С.Н. Валка. Я вовсе не хочу сказать, что С.Н. ничего не боялся, он очень даже боялся, он жил, может быть, в большем страхе, чем другие. Напомню такой биографический момент, раньше он был деятелем меньшевистской партии, вы представляете себе, как это было опасно в то время, о котором идет речь. Да, он, вероятно, боялся, но никогда не уступал этому страху, никогда не сделал ни одного шага в угоду политической конъюнктуры, который противоречил бы истинному научному познанию, и вот за это мы можем смело относить его к числу “бесстрашных рыцарей науки”.

Но, кроме того, и самое, может быть, главное, что хотелось бы сегодня вспомнить, С.Н., конечно, был при всех этих своих достоинствах совершенно замечательным человеком, исключительно добрым. Я вспоминаю эпизод, который произошел на нашем первом курсе ЛГУ. Был далекий 1937 год. Мы записывались на семинар к С.Н., потому что нам рассказывали, какой это замечательный ученый и человек. И вот сидим и слушаем, он говорит, а мы не понимаем, что-то где-то все застрекает в усах, ничего не слышно. И разумеется мы, первокурсники, разговорились, расшумелись, он это заметил, остановился, оглядел всех и вдруг, указав на одного из нас, воскликнул: “Вы не историк!”. Мы молчим, он повторил, обращаясь и к другим: “Вы не историк! Вы все не историк!” и выбежал вон. Между тем, в этой аудитории сидели В.Т. Пашуто, будущий член-корреспондент, М.И. Белов, будущий доктор наук и автор пятитомного исследования по освоению Арктики, Я.С. Лурье, всем нам хорошо известный, ваш покорный слуга и многие другие, ставшие известными историками. Конечно, мы на него по-

началу обиделись, но сам факт, что нас хоть как-то оценил С.Н., для нас, как потом выяснилось, величайший комплимент. Я знаю и из личного общения его доброту. Как-то раз, я навестил его дома, на ул. Галерной (С.Н. был тогда научным руководителем моей кандидатской диссертации), он вдруг спросил: “Вам нужны деньги?” Он сам своим ученикам то и дело предлагал деньги в долг. При этом вернуть ему долг было порой непросто. “Напрасно Вы так торопитесь, дорогой, – говорил он, в частности мне. – Мне сейчас деньги не нужны. Пусть еще побудут у Вас ...Нет, нет, мне пока не отдавайте. Я же вижу, что Вам надо купить ботинки. Вот и отправляйтесь в магазин, милостивый государь, и не спорьте! Что это за привычка возвращать по каждому пустяку!” Я никогда не видел ни одного человека даже среди тех, кто не учился у него непосредственно, который не говорил бы о С.Н. с величайшим уважением и величайшим пиететом. Я очень рад, что сегодня имею возможность сказать несколько добрых слов об этом замечательном человеке.

В.Н. ГИНЕВ

Сигурд Оттович предварительно просил меня, чтобы в своем выступлении я проинформировал собравшихся здесь о содержании готовящегося к выпуску второго тома избранных сочинений Сигизмунда Натановича. Но выступавшие коллеги побудили и во мне личные воспоминания о С.Н., и я позволю себе начать именно с них.

Впервые я увидел С.Н. осенью 1949 г., когда пришел на первый курс истфака Ленинградского университета. С.Н. вел в нашей группе практические занятия по истории СССР, и начались они с разбора статей Русской Правды. С.Н. внешне соответствовал нашему представлению об облике “настоящего профессора” дореволюционного типа: пенсне, борода, некоторый налет старомодности. Странным образом этому не противоречила присущая С.Н. порывистость в движениях, быстрая речь и маловнятная дикция, которая, надо сказать, нас очень напрягала – Сигизмунд Натанович не любил, когда его не сразу понимали. А не понимать было обидно, так как мы сразу инстинктивно почувствовали глубину его знаний и уникальную эрудицию.

С.Н. раздражался, когда никто из группы не мог сообщить, как объяснить то или иное место из Русской Правды, наверное, он не представлял себе, как это можно не понимать – ведь все оказывалось таким логичным, когда он сам отвечал за нас на свои же вопросы. И я, как и все остальные в нашей семинарской группе, дрожал в ожидании его иронического обращения: “Ну, а как Вы думаете, уважаемый Владимир Николаевич?”

Тем не менее (сейчас не могу объяснить почему) тему своей первой курсовой работы я выбрал именно по Русской Правде. Полистав толстый том вышедшего незадолго до войны академического издания Русской Правды и подивившись многочисленным, подчас взаимоисключающим трактовкам одной и той же статьи разными исследователями, я поначалу добросовестно попытался разобраться в истории изучения древнего памятника. Но затем решил, что гораздо легче и, главное, оригинальней придумать свои трактовки статей, о чем и объявил письменно на первой странице своегоopus. В таком духе и была написана моя первая курсовая работа. Я получил за нее пятерку, но сколько ни пытался выспросить у С.Н. его мнение о своих изысканиях, так ничего и не добился. С.Н. как-то умело уклонялся от конкретного ответа, переводя разговор на другую тему. Повзрослев, я понял почему. Впоследствии мне рассказывали, что в течение нескольких лет С.Н. на занятиях с первокурсниками по Русской Правде вспоминал о моей курьезной курсовой. Я живо представляю, как при этом он слегка посмеивался.

Впрочем, на четвертом курсе он принял меня в свой спецсеминар, затем руководил подготовкой дипломной работы и кандидатской диссертацией. Жизненные обстоятельства сложились так, что после первого знакомства в 1949 г. –

тогда С.Н. было 62 года, и он казался нам очень пожилым – после первой встречи еще целых 25 лет я имел честь быть его учеником, пусть и не самым близким и способным, а затем учеником и коллегой по работе в ЛОИИ. Поэтому сейчас, через 25 лет после кончины С.Н., я счел своим долгом участвовать в подготовке тома его избранных трудов.

Летом мы ожидаем первую корректуру книги*. Это будет солидный сборник в 50 п.л. избранных трудов С.Н. Валка по историографии и источниковедению. Он состоит из 14 очерков и статей, разных по объему. Открывается том большим очерком о развитии исторической науки в Ленинградском университете за 125 лет – с 1819 по 1944 г. – тогда считалось, что Петербургский университет основан в 1819 г., а сейчас утверждается, что он значительно старше, старейший в России. Очерк С.Н. – это не простой юбилейный обзор трудов тех ученых, которые занимались исторической наукой, одновременно преподавая в Петербургском, затем в Ленинградском университете в указанный период, это по-настоящему аналитическое исследование развития исторической науки в Петербурге–Ленинграде, возникновения и развития петербургской исторической школы. Очерк был напечатан в Ученых записках ЛГУ более 50 лет тому назад, является библиографической редкостью, но он практически востребован до сих пор, так как служит отправной базой для дальнейших исследований по историографии петербургской исторической школы.

Далее помещены две биографические статьи С.Н. о его коллегах – Борисе Александровиче Романове и Иване Ивановиче Смирнове. Это не обычные историографические работы о научном наследии двух историков, – они являют собой мастерски написанные портреты ученых в контексте времени, классический образ творческих биографий двух очень разных людей.

Помещенные в сборник историографические работы С.Н. об истории изучения Русской Правды и “Истории Российской” В.Н. Татищева, хотя и не являются библиографической редкостью, но это этапные исследования, определенные вехи в историографии и Русской Правды, и “Истории Российской”. Дополнительным аргументом для решения их переиздания послужило наличие в архиве С.Н. двух рукописей (примерно 10 а.л.), которые можно рассматривать как продолжение уже вышедших на эту тему статей, хотя по некоторым признакам они писались раньше, чем то, что было опубликовано С.Н. Валком о Русской Правде и В.Н. Татищеве. Рукописи имеют вид отдельных небольших очерков, характеризующих вклад целого ряда историков в изучение Русской Правды и “Истории Российской”. По Русской Правде этот ряд продолжен до 1950-х годов, по “Истории Российской”, напротив, он идет вглубь от советского периода. Неизвестно, вернулся бы С.Н. к своим ранним рукописям, но поскольку они оказались, несмотря на незавершенность, вполне пригодными для печати, большинство редколлегии сборника решило, что опубликованные и неопубликованные части историографических работ С.Н. о Русской Правде и “Истории Российской” Татищева можно считать единым комплексом и их совместная публикация представляет научный интерес.

В источниковедческой части сборника переиздаются несколько статей о частных актах, в том числе знаменитая статья 1937 г. о начальной истории изучения русских частных актов (о ней упоминала В.Г. Чернуха). Источниковедческие работы С.Н. о мемуарах народоволки Ольги Любатович и о двух документах 25 октября 1917 г. показывают широту исследовательского диапазона С.Н. и мастерское применение им источниковедческих приемов анализа документов, принадлежащих различным историческим эпохам. Примечательно, что статью о документах 1917 г. С.Н. начинает с сожаления о том, что историки советского периода часто используют документы, предварительно не изучая их источниковедчески, и

* Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб., 2000. 663 с. Содержание см. наст. изд. С. 475.

порой это приводит к неверным выводам. На примере двух документов октября 1917 г. С.Н. показал, как надо анализировать источники новейшего времени и для чего это необходимо.

К сожалению, культура работы над историческими документами сейчас не везде находится на должном уровне. У меня есть аспиранты в одном провинциальном университете, и когда я говорю им: “Вот, Вы используете документ, но не задаетесь вопросом о его происхождении и степени его достоверности”, – это звучит для них откровением, об этом они даже не задумываются.

В архиве С.Н. сохранился целый ряд оттисков его работ с пометами, вставками или зачеркиваниями, очевидно, он предполагал сам когда-нибудь их переиздать, такие намерения у руководства ЛОИИ в свое время были, но они почему-то не реализовались. Авторская правка С.Н. учтена нами при работе над сборником, сделаны необходимые подстрочные текстологические примечания.

Наш сборник не имеет вступительной статьи, в которой анализировался бы вклад С.Н. в разработку историографических и исторических проблем. Мы столкнулись с теми же трудностями, которые, очевидно, имели и составители сборника избранных трудов С.Н. по археографии, вышедшего в 1991 г. Там была биографическая статья, написанная уважаемым М.П. Ирошниковым, но она представляла собой в большей степени общий обзор творческого пути С.Н., а не аналитическую характеристику его как археографа. Среди нас тоже не нашлось специалиста, который смог бы написать статью о С.Н. как историографе и источниковеве, проанализировав его творчество в этом аспекте от Русской Правды до советского периода. Поэтому коллектив составителей пошел по иному пути: перед реальными комментариями к отдельным статьям или тематической группе статей помещено довольно обширное аналитическое вступление, раскрывающее значение данной работы С.Н. как в то время, когда она была издана, так и в свете современной историографии. В итоге получилась серия мини-очерков о С.Н. как об историографе и источниковеве, и в целом, как мне кажется, это в какой-то степени заменило общую вступительную статью. Готовящийся к изданию сборник трудов С.Н. снабжен, таким образом, расширенными примечаниями (в общей сложности они занимают примерно 6 п.л.) – в таком виде труды С.Н. Валка издаются впервые.

В свое время труды С.Н. нередко подвергались несправедливой идеологизированной критике, в частности, очерк о развитии исторической науки в Ленинградском университете, его статьи о частных актах. В некоторых статьях чувствуется авторская самоцензура. Об этом говорится в примечаниях. К статье о Б.А. Романове добавлены варианты из сохранившегося в архиве С.Н. первоначального машинописного текста этой статьи, где кое о чем написано более свободно.

Книга С.Н. Валка “Советская археография” также подвергалась публичной критике, в частности, на Ученом совете ЛОИИ в апреле 1949 г., посвященном борьбе с космополитизмом. В библиотеке нашего института есть экземпляр с характерными цензурными зачеркиваниями черной тушью некоторых мест в этой книге – 12 страниц несут следы этого цензурского вмешательства. К сожалению, нынешние работники библиотеки не знают, по распоряжению кого это делалось и кто это конкретно выполнял. При сравнении зачеркнутых мест с моим личным экземпляром “Советской археографии” выяснилось, что цензурские зачеркивания коснулись неугодных в свое время имен или упоминаний о целых сборниках документов. Но любопытно, что этих цензурских зачеркиваний нет в экземпляре, выданном мне в БАН. В Публичной библиотеке своя загадка: судя по библиотечному шифру, мне дали экземпляр, зарегистрированный в 1970 г. Может быть, им заменили замаранный цензором экземпляр, поступивший в Библиотеку, как и полагалось, в год издания книги, т.е. в 1948 г.

Сейчас труды С.Н. Валка будут изданы без каких-либо цензурных вмешательств. Хотелось бы в заключение обратить внимание присутствующих на то, что, хотя сборник трудов С.Н. выйдет в год 25-летия со времени его кончины и мы собрались здесь и вспоминаем о С.Н. в связи с этой датой, замысел издания сборника заранее не приурочивался к ней. Это не более чем совпадение. Никакого юбилея не было и в 1991 г., когда вышел упоминавшийся выше сборник трудов по археографии. Это, на мой взгляд, свидетельствует о значимости трудов С.Н. Валка. Они переиздаются не в связи с юбилеями, а потому что необходимы новому поколению историков, не потеряли своего значения. Такое может быть только с выдающимися трудами выдающихся исследователей.

М.В. КУКУШКИНА

В феврале 1976 г., выступая на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и ЦПА ИМЛ, посвященном памяти С.Н. Валка, я уже имела возможность справедливо оценить то глубокое и очень значимое влияние моего учителя, как педагога, на всю мою дальнейшую трудовую жизнь. “Мой путь в науку, – говорила я, – был полностью определен Сигизмундом Натановичем, и именно он подготовил меня как исследователя-источниковеда”², а судя по диплому ВАК, и историографа.

С С.Н. Валком я познакомилась в конце войны, осенью 1944 г., когда поступила в Ленинградский университет. По количеству баллов я имела возможность выбора из двух факультетов: филфака и истфака, но именно знакомство с С.Н. на подготовительных курсах решило для меня вопрос о конкретной специализации в дальнейшем: источниковедение и историко-археография. С.Н. был также тем человеком, который после окончания вуза помог мне поступить в аспирантуру при ЛОИИ АН СССР, где под его руководством я написала и защитила в 1952 г. диссертацию по крестьянскому движению в Великолукской в 1856–1860 гг. Он же способствовал моему поступлению на службу в Рукописный отдел БАН, где я работаю почти полвека. В 1970–1986 гг. я заведовала отделом, который состоял из трех секторов. И в эти же годы другая ученица С.Н., так же как и я – доктор исторических наук – И.Н. Курбатова заведовала Отделом рукописей ГПБ.

Прошло 25 лет после кончины С.Н., и, просматривая свой список научных трудов, я с прежней благодарностью вспоминаю его неизменно терпимое и уважительное отношение ко всем своим ученикам, которых со студенческих лет он называл только по имени и отчеству, заглядывая иногда, чтобы не ошибиться, в свою записную книжку. С.Н. не был выдающимся лектором, но он был исключительно интересным, живым и остроумным руководителем семинаров, которых у него на каждом курсе было несколько. Вспоминаю, как искусно он заставлял всех нас активно работать, задавая без всякой иронии вопрос по теме семинара конкретному лицу в такой форме: “Как Ваше ученое мнение?” и чтобы не краснеть – мы все должны были быть начеку.

В моем экземпляре книги М.М. Сперанского “Проекты и записки”³ сохранился маленький клочок уже пожелтевшей бумаги, на котором мелким почерком С.Н. написан план работы над материалами М.М. Сперанского. Так как для С.Н. эта тема была одной из главных в его научной жизни, процитирую этот текст, который он мог написать и для меня, еще малоопытной ученицы: “1) составить перечень записок Сперанского за 1802–1812 гг. с указанием напечатанных и неизданных (последних – где они хранятся), по Семевскому, Середонину, Щеглову, Истор. Прав. Сената, Коркунову; 2) подобрать из мемуарной литературы (дипломатической переписки, писем и др.) данные об обстановке, в которой действовал

² АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 284.

³ *Сперанский М.М. Проекты и записки* / Подгот. к печ. А.И. Копанев и М.В. Кукушкина. Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961. 244 с.

в 1807–1812 гг. Сперанский, о настроениях, которые господствовали в обществе, о правительственной политике, в ее различных проявлениях, наконец, о деятельности самого Сперанского. Написать: взгляды Сперанского на государственный и общественный строй России в начале XIX в. К началу II семестра (по всем запискам 1807–1911 гг.), а также по пермск[ому] письму”.

Все упомянутые авторы были привлечены самим С.Н. при написании им статьи (очень лаконичной, но как всегда глубокой и четко продуманной) в “Исторических записках” и в предисловии к изданию⁴.

С.Н. обратил мое внимание на тот факт, что Сперанский в черновом экземпляре “Введения” осторожно писал о необходимости отмены крепостного права в России. В белой экземпляр, который предназначался для Александра I, эти сюжеты не попали. В издании (с. 179) они приведены в качестве вариантов под строкой: «Нет никакого основания предполагать, – писал Сперанский, – чтобы в России не могло оно (рабство. – М.К.) уничтожиться, если приняты* будут к тому действительные меры». Сперанский правильно рассуждал, что крестьяне помещичьи не имеют “ни политической, ни гражданской свободы” (с. 178), и для получения ими только гражданских прав необходимо иметь собственность и образование.

После назначения меня заведующей Отделом рукописной и редкой книги БАН С.Н. стал приходить ко мне по разным вопросам. В частности, он, как ответственный редактор ВИД, просил меня написать статью “Советская палеография” для I тома. Затем я писала еще две статьи для III и IV томов. Обе они были напечатаны, а затем вошли в мою докторскую монографию “Монастырские библиотеки...” Обращался он ко мне и как к специалисту по филиграням XVIII в., когда в ЛОИИ готовили к печати “Российскую историю” В.Н. Татищева. Он также интересовался новыми поступлениями рукописных книг, которые сотрудники ОРРК привозили из археографических экспедиций. Его радовало и удивляло, что простые крестьяне веками хранили рукописные и старопечатные книги в своих домах. Иногда мы просили С.Н. написать отзыв, и он это безотказно делал.

На заседании 1976 г., я уже говорила, что С.Н. интересовался Радзивилловской летописью, но, увы, он не дожил, к сожалению, до того момента, когда Отдел начал борьбу за ее издание, которая окончилась успешно, но длилась 20 лет.

В быту С.Н. был очень скромным, добрым и демократичным человеком. Как-то в разговоре у него дома он мне сказал: “Разве это справедливо, что я получаю 400 руб. зарплату, а уборщица в Университете 40?”

Сколько я его помню, он ходил осенью и зимой в одном пальто и без перчаток, а когда наша группа решила ему подарить перчатки на день рождения, он, по своей привычке, носить их не стал. Насколько мне известно, С.Н. постоянно принимал дома многих своих учеников и коллег, но сам бывал только у Надежды Григорьевны Симиной, а к другим ходить отказывался. Все мы его любили, постоянно навещали и были страшно обижены, когда на лекции профессор Карнатовский назвал его “космополитом”. Наша группа из 5 человек, возмущенная этим, немедленно навестила его дома.

Я благодарна Археографической комиссии за проведение этого заседания, посвященного памяти незабвенного Сигизмунда Натановича Валка.

В заключение хотелось бы ознакомиться со стилизованным под старину поздравительным адресом нашего отдела БАН, составленным Ольгой Петровной Лихачевой в 1972 г.

⁴ Валк С.Н. Законодательные проекты М.М. Сперанского в печати и в рукописях // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 464–472. См. также Предисловие С.Н. Валка в кн.: Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 3–15.

* Слово зачеркнуто и над ним написано “сохранены”.

**“Грамота Государя Царя и Великого Князя всея великия и малыя
и бѣлыя России и царства Польскаго**

(имярѣкъ)

Сигизмунду Натанову сыну г-ну Валкѹ

Вѣдомо намѣ Есть, что ты, нашае державы ученый служилой человекѣкъ намѣ Госѹдарю твоему великомѹ лукавству повиненъ еси – како намѣ въ челобитѣи извѣстила боярыня Маргарита со чады. Сказываетѣ, что де ты многия заслѣги своя предѣ наукою нашею и Государствомѣ оутаилъ еси скромности твоея ради, и чиновѣ не помниши, и всяку просту человекѣку и холопу помочь хочещи. А себя де содержиши въ вѣλικой скромности и нужде, не како званию твоему подобаеъ и не въ златѣ каретѣ ѣздиши, но пешкомѣ яко смѣрдъ ходиши, и что де ты не хочещи нижняя чины распекати и пороти нещадно, как имѣ подобаеъ, а насупротив многая благодѣяния учиняещи и милость всяческую имѣ оказываеши и множицѣю ученыя младыя твоею заботою возрастоша. И кавтанѣ боярской не носиши ниже куньи шѣбы, ниже сапожки сафьяновы. Не аки левѣ смотриши, но аки заекѣ. И то естъ соблазнѣ народомѣ – не познавають бо по неразѹмью своему имѣни та и презнатна служителя государева, но мнятѣ яко простѣ человекѣкъ еси, и ѹ того производитѣ прелещение и смута. А тебе довлеетѣ по заслуге своей ѹ людей поклонение пряти и честь велию – ты же бѣгаеши с его аки серна ѹ лютаго звѣря. И ещѣ сказываетѣ та боярыня, яко ты многи книги издаеши и в трудахъ многихъ сущѣ ся не бережещи ни мало, и в филармонію гудцы и скоморохи слѹшати непрѣмѣнно ѣздиши, и въ книжнѹю лавицю, и заботою своею не оставиши ни же библиѣтики ни же хранилицы музейския.

Сказано бо естъ яко нѣсть тя старѣй ни славнейшаго во ученыхъ мужехъ и нѣсть могущаго во столь пространныя области труды своя приложити. Знаеши бо зѣло много и Киевскую Русь, и Еллинское царство, и страны немѣцкия, ѹ древле до сего времени, паче же инѣуѣ народническия смуты и иныя подобныя; и сего кромѣ ѡнаго Василья Татищева трудами своими прославилъ еси. Лѣтъ семьдесятѣ оуж прошло естъ како ты в древлехранилищахъ и библиѣтекахъ обретаеши знаеши еси, а все еси таково же разумомѣ любопытенъ яко и въ первыя времена бысть. И та боярыня со чады зѣло скорбитѣ и безмѣрно тужитѣ видяще многия твои заботы и просит моего Государева повелѣния яко дати повелю дома сидѣти внеге и холе а не скакати, силы свои берегчи, чадѣ своихъ ради и ѡтечскава пользы.

И всѣмѣ тѣмѣ бывшимѣ повелѣваю в сѣй день егда многолѣтняя достигаетѣ ступени – в лѣто ѹ рождства твоего осмьдесятѣ пятое – быти ти здравѹ, и благодушну, и многосчастливу, и благополучну и бодру... и быти ти ѹ народовъ прославленѹ и подобающую честь воспряти... и ѹ ученикѣ твоихъ примати любовь же и благодарность и многая пожелания благиа.

В лѣто 74П-е декабрь в ѣ днѣ

Сие писалѣ академической
рукописной хранилицы
что боярынею Маргаритою
управляема
дьякъ Олешка Лихачевѣ”

А.Н. ЦАМУТАЛИ

Очень трудно выступать после такого глубокого доклада С.О. Шмидта и выступлений настоящих учеников С.Н. Я не смею называть себя учеником С.Н., хотя очень многим ему обязан и как ученому, и как очень доброму человеку. Поэтому я позволю себе сделать несколько дополнений к тому, что было сказано. Есть области, где С.Н. не успел полностью раскрыть свой талант, отчасти об этом сказала М.В. Кукушкина, по поводу издания бумаг М.М. Сперанского. Я думаю, что здесь было сильное влияние В.И. Семевского. С.Н. всегда воспринимался нами как человек, прежде всего изучающий документ и очень осторожный в выводах до тщательного изучения документа. В этой связи хотел бы упомянуть о статье в Энциклопедическом словаре Гранат, которая называется “Поселения военные”. Она, с моей точки зрения, интересна тем, что С.Н. позволил себе целый

ряд общих соображений, которые, по состоянию разработанности документов того времени, были именно общими построениями и выходили за рамки существовавших представлений об этих поселениях. Речь шла о том, что военные поселения были попыткой сократить расходы на армию, высказывалось предположение, что это была своеобразная попытка силами государства приступить к решению проблемы крепостного права в стране. В последнее время на склоне лет мне пришлось быть оппонентом на защите нескольких больших диссертаций, где эта мысль С.Н. получает свое подтверждение.

И тут я бы сопоставил эту работу С.Н. с мнением С.Ф. Платонова. Я хотел бы напомнить слова С.Ф. Платонова (который, может быть, и не был учителем С.Н., но все-таки, я думаю, оказал на него влияние) о том, что из Петербургского университета С.Ф. вынес интерес не только к изучению источников, но и к обобщениям и выводам: “Из нашего университета вместе с навыками научной критики я вынес и стремление к отвлеченным историческим построениям и веру в то, что плодотворна только та историческая работа, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к такой же идее”⁵. Это касается начала XIX в.

Теперь о С.Н. как о человеке. В.Г. Чернуха говорила о тех потерях, которые были в жизни С.Н., когда погибали люди на войне, но были и другие потери, когда люди, близкие С.Н., оказывались в эмиграции. Я не был близок к С.Н., но я хорошо помню, как в начале 60-х годов С.Н., идя по коридору БАН, где тогда помещалось ЛОИИ, встретил меня (я был просто первый попавшийся ему человек) и с каким-то особенным чувством сказал: “Н.О. Лосский умер”. С.Н. накануне слышал это по Би-би-си или по “Голосу Америки”, а может быть (он знал хорошо языки) по другой иностранной радиостанции. В другой раз С.Н. с особым чувством упоминал об Э.Д. Гримме, А.Х. Беме и А.А. Кизеветтере. Я не могу точно воспроизвести этих слов, но я хорошо помню интонации С.Н. и его боль по поводу того, что он был разлучен с этими людьми.

В начале 60-х годов XX в. в ЛОИИ появились первые иностранцы. Многие из них очень хотели встретиться с профессором Валком, которого хорошо знали за границей. Вспоминаю, как мы стояли с С.Н. в коридоре, и он барабанил пальцами по книжному шкафу. Неожиданно подошел кто-то из сотрудников и сказал, что профессор такой-то (по-моему, американский) хочет поговорить с С.Н. “Безжим”, – сказал С.Н. И мы побежали по лестницам, и бегали до тех пор, пока иностранец не уехал. На меня произвело впечатление и то, что я прочел в воспоминаниях И.Н. Ульянова. И.Н. Ульянов, переживший лагеря, оказавшийся в эмиграции в годы второй мировой войны, уже после смерти С.Н. опубликовал воспоминания, где написал о том, что С.Н. туда ухитрился посылать ему свой привет. Вот видите, он здесь боялся, даже не знаю, за кого он боялся, думаю, может быть, не за себя, а за ЛОИИ. М.В. Кукушкина вспомнила, что Корнатовский называл С.Н. космополитом. К сожалению, не только он. Я знаю несколько случаев, когда С.Н. своими поступками давал повод сказать, что он несмелый человек, но почему-то, мне кажется, что С.Н. не о себе думал, а считал, что тем самым он отводит беду от ЛОИИ.

С.О. Шмидт говорил, что современен С.Н. и сейчас. В чем же причина? Где-то в 1971 г. я дважды лежал в больнице. Соседом моим по палате был С.Н., третьим был крановщик из “Академстроя”, который души не чаял в С.Н., всегда учил его, как выжить в этой больнице, говорил: как только принесли лекарство – в раковину, и сожалел о том, что “всему деда научил, одному не научил – выпивать и закусывать”. Крановщику жена регулярно приносила и водку, и закуску. Так вот С.Н. (повторяю, я не был близким ему человеком) говорил о том, как трудно пережить представителю старой школы то, что пришлось испытать ему после

⁵ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века. 2-е изд. СПб., 1913. С. XIV.

1917 г. Он сказал: “Мы, старые историки, имели очень много недостатков, мы могли ошибаться, но у нас была одна возможность – мы могли писать то, что думали”. И я считаю, именно то, что С.Н. в трудных условиях писал то, что он думал, делает его работы современными. В этой связи я еще раз размышляю о трагедии людей того поколения, таких, как С.Н. Валк, как Б.А. Романов, о людях, причастных, как С.Н., к революционным кружкам и даже подвергавшихся репрессиям. Я не знал того, о чем сказал Д.Н. Альшиц, что С.Н. когда-то принадлежал к социал-демократам, меньшевикам. Б.А. Романов тоже относился к самодержавию по меньшей мере оппозиционно, но, к сожалению, молох революции оказался таковым, что и такие люди попали в страшную мясорубку. Единственное, что можно сказать, слава Богу, что хотя бы единицы, вроде С.Н. и Б.А., смогли выжить и сохранить ту традицию, которая существовала, лучшую традицию старой русской науки.

Р.Ш. ГАНЕЛИН

Я хочу продолжить выступление А.Н. Цамутали и рассказать о том, что я главным образом слышал от С.Н. У меня всегда было представление о нем, как о человеке не только необыкновенной одаренности и необыкновенной учености, но и как об очень умном и скептически мыслящем человеке. Как-то он мне рассказал, что когда он пришел в Центрархив и получил в свое распоряжение материалы Департамента полиции, то первым его побуждением было посмотреть, а что же там значится про него самого. Я говорю: “Ну, и что же?” – “Всякие кружки, в которых я участвовал, там не были записаны, а те, в которых я никакого участия не принимал, были за мной”, – ответил он, давая понять, что между действительностью и ее отражением в документе может быть значительная разница. И это была его жизненная и ученая установка применительно к тому историческому материалу, которым он занимался, он никогда не был рабом бумажного текста.

Он всегда был житейски, казалось бы, совершенно неопытным, беспомощным человеком, но на самом деле он был житейским мудрецом. Вот А.Н. Цамутали сказал о том, как относился к С.Н. крановщик в палате. Надежда Григорьевна в последние годы, в последние месяцы его жизни просила меня ездить с ним в трамвае в ЛОИИ. Такси он не признавал, хотя несколько поездок, когда он был болен, по ее требованию, мы с ним совершили в такси. А вот в трамвае с ним было ездить невозможно, потому что у трамвайной публики было к нему такое же отношение, как у крановщика. Ему уступали место, он ведь даже не был настоящим сед, и никаких пенсне уже больше не было, были заурядные для тех времен очки, тем не менее, пассажиры ему уступали место, видя в нем человека иного, чем все окружающие, достоинства. Его это приводило в такое смущение, что он убегал в другой конец вагона, я – за ним, и там происходило то же самое. Один раз он выпрыгнул, я вышел на следующей остановке.

Как-то мы ездили в Псков на экскурсию, и там в соборе один из наших коллег стал давать вместо экскурсовода пояснения, по-видимому, показавшиеся С.Н. слишком назидательными. С.Н., бормоча “Боже, какой ужас”, отошел в сторону, а очень пожилой интеллигентный шофер, считавший, что это старичок-пенсионер, взятый за профсоюзный счет, и видя, что он отошел от экскурсии, решил давать ему пояснения от себя. Обняв его, сказал: “Вот, гражданин хороший, 700 лет этой окраске, но стоит. А почему? – Качество материала”. – “Большое спасибо, большое спасибо”, – скороговоркой говорил С.Н., вот вам его неразрывная связь с народом. Когда мы с Ириной Алексеевной Баклановой привезли его на консультацию в Военно-медицинскую академию, она с ним вошла к профессору, я оставался с полковниками, сотрудниками его кафедры. Они спросили, что за ста-

ричок, насколько он подвижен. Я говорю: он каждый день с Гражданки ездит на метро до улицы Бродского (там на углу, возле “Европейской гостиницы” был киоск, где продавались газеты коммунистических и рабочих партий всех стран. И он покупал себе газеты примерно на 14 языках). Один из полковников сказал: ну, что ж, для него это хорошая гимнастика. А дело в том, что в самой “Европейской” продавались в киоске буржуазные газеты. И я сделал попытку С.Н. туда направить, потому что мне сказали, что там необыкновенной интеллигентности продавщица, которая, если ей возвращали стоившую рубль или 80 копеек газету за предыдущий день, давала охотно несколько газет за наличный расчет. С.Н. не пошел и дал мне понять, что он не верит в то, что эта дама там одна. И действительно, оказалось, что у нее был “обкомовский список”, а за ней присматривал какой-то абсолютно бескорыстный человек, которого за 80 коп. купить было невозможно, и С.Н. это понимал. Затем он мне как-то рассказал, что ни разу в жизни не был в спецхране, с момента его организации.

У С.Н. была своего рода административная почтительность. Я одно время заведовал нашей группой истории СССР периода капитализма, и он принимал меня и мое заведование как бы всерьез, может быть, чтобы не обидеть. И вот он мне объяснил, что никогда в сущности не подвергался серьезным научным оскорблениям, а в конце жизни статья А.Л. Никитина, любителя-историка, задела его за живое. И когда (Надежда Григорьевна это помнит) доктор С.Р. Пинес призвал И.П. Шаскольского и меня, чтобы скрасить момент отъезда в больницу, потому что С.Н. прекрасно понимал, что дело чревато плохим концом, С.Н. указал мне место, где лежала его ответная статья, а в коридорчике, среди книг, перед выходам из дома сказал: “Смотрите, смотрите, чтобы не разрушили институт”. И с этим он ушел в больницу. Я потом его проведал, но он был уже в тяжелом состоянии.

Вот это, как мне представляется, простонародное отношение к нему как, если хотите, к праведнику, что ли, оно было присуще и некоторым лицам из начальства. Он мне рассказывал, что начальник Главного архивного управления военных и послевоенных лет генерал-майор И.И. Никитинский, человек, как теперь выясняется, совершенно определенной репутации, деятель НКВД 1930-х годов, в 1944 г. хотел, чтобы С.Н. переехал в Москву, гарантировал ему комнату в коммунальной квартире. Вероятно, это было вызвано тем, что С.Н. являлся одним из участников первых попыток издания ленинских сочинений.

Мне кажется, что он и к разбору бумаг В.И. Ленина был причастен, потому что однажды (мы с Б.В. Ананьичем сейчас это вспомнили) меня остановила вахтерша БАН Мария Михайловна и сообщила, что в ЛОИИ пришел слепой посетитель. Я провел этого человека, он просил представить его Валку. Мы с Б.В. были в буфете, прибегает С.Н. и говорит, что посетитель очень странный, назвался профессором математики, требует, чтобы я ему сказал, были у Ленина дети или нет. Но нам почему-то показалось, что и слепой математик знал, кого спрашивать, и С.Н. знал ответ на этот вопрос. Мне кажется, что он ведал о многом и пережил гораздо больше, чем мы об этом знаем. Человек этот прожил, конечно, самую драматическую жизнь и в науке, и во всем том, что касалось судьбы его семьи. Он ведь потерял мать и сестер, убитых немцами в Польше. Долго болевшую Беллу Семеновну он нянчил, как ребенка. Это был очень и очень внимательный к окружающим человек. Его пренебрежение к житейскому, к быту не было демонстративным. На самом деле он вел такой интеллектуальный образ существования, что все остальное ему было неинтересно и, я бы сказал, чуждо.

Он пользовался безграничным уважением у крупных зарубежных историков, специалистов по России, несмотря на всю свою сдержанность в общении с иностранцами. И от самого С.Н., и от М. Раева мне известно, что Раев однажды, презрев все запреты, явился к С.Н. домой. Мне довелось присутствовать при том, как С.Н., которого удалось уговорить, пришел на встречу с Дж. Биллингтоном и тот, вскочив, взволнованно произнес: “Это для меня слишком большая честь”.

Во всех своих выступлениях и особенно в разговорах С.Н. был очень ироничен. Однажды заведующий ЛОИИ М.П. Вяткин пригласил группу сотрудников к себе в кабинет для переговоров о написании “Краткой истории СССР”. Среди них были С.Н. и я. Я робел, С.Н., впоследствии уклонившийся от этой работы, буквально гнал меня в кабинет, демонстрировал свой энтузиазм, приговаривая: “Вы должны знать, что если привлекают к участию в коллективном труде, то пока не собираются выгонять”. Было бы хорошо, если бы какой-нибудь настоящий писатель об этом написал, но не так, как написано о В.И. Малышеве и о других. Вообще это был человек, каких очень мало. И наше счастье, что мы его часто и много видели и были рядом.

Б.В. АНАНЬИЧ

Чем дальше уходит в прошлое то время, когда мы имели возможность общаться с нашими учителями – Б.А. Романовым и С.Н. Валком, тем яснее мы знаем, что это был подарок судьбы, большое счастье работать вместе с ними в Институте и учиться у них. Оба они принадлежали к блестящей плеяде выпускников Петербургского университета кануна первой мировой войны, когда наша историческая наука заслуженно пользовалась международным признанием, а ее представителей отличала высокая профессиональная культура. Она проявлялась, в частности, в отношениях между наставниками и учениками, о чем я и хотел бы сказать. Это были отношения не между мастерами и подмастерьями, а между коллегами, заинтересованными в развитии науки. Пока был жив мой университетский учитель Б.А., я регулярно бывал у него дома. После смерти Б.А. меня стал приглашать к себе С.Н., и я пользовался его гостеприимством и гостеприимством Н.Г. Симиной, ближайшей ученицы С.Н. Эти домашние встречи и беседы имели едва ли не большее значение, нежели строго деловое общение в Университете или Институте истории.

Много раз С.Н. оказывал мне совершенно бескорыстную помощь. Вскоре после смерти Б.А. я читал в Институте доклад по теме своей будущей кандидатской диссертации. С.Н. подошел ко мне после доклада и предложил издать его в “Исторических записках”. Очень скоро из Москвы пришло не формальное извещение о получении статьи, а любезное письмо И.У. Будовница, который вел тогда журнал. Он благодарил меня за присылку статьи и поздравлял с тем, что она принята к печати. Я был смущен таким вниманием и сказал об этом С.Н. Тот рассмеялся и ответил, что я доставил И.У. Будовницу большую радость, ибо для него чрезвычайно важно опубликовать автора, который никогда еще не печатался. Хотя статья моя так и не была напечатана (МИД СССР без видимых оснований наложил запрет на ее публикацию), для меня этот эпизод стал уроком профессиональной культуры в отношениях между учеником и учителем.

В начале 1970-х годов я преподавал в Ленинградском университете. С.Б. Окунь поручил мне подготовить спецкурс о мемуарах как историческом источнике. Узнав об этом, С.Н. пригласил меня к себе домой, снабдил необходимой литературой и рассказал о том, как он сам читал подобный спецкурс, уделял в нем много внимания психологии авторов воспоминаний и использовал при подготовке лекций сочинения З. Фрейда. Тогда же я впервые познакомился с замечательной статьей С.Н. об изданиях Историко-революционной библиотеки, напечатанной в 1922 г. в журнале “Дела и дни” (Кн. 3). Эта статья-рецензия позднее вошла в сборник “Избранных трудов по археографии” (СПб., 1991), и я имел возможность написать к ней краткий комментарий. В статье С.Н. развил выдвинутую А.С. Лаппо-Данилевским идею об использовании при критике мемуаров как источника правоведческого принципа критики свидетельских показаний. С.Н. провел блистательный анализ текста воспоминаний Л.Г. Дейча “Русская револю-

ционная эмиграция 70-х годов” (Пг., 1920). Наблюдения С.Н. над памятью мемуариста позволили ему прийти к заключению, что Л.Г. Дейч не был теоретиком, а был только практиком революционного движения. Статья С.Н. содержала ряд важных, с точки зрения источниковедения, теоретических положений, разработанных еще в 1920-е годы, но не получивших развития в нашей литературе и попросту забытых. Уверен, что к этой статье С.Н. Валка историки еще вернуться, так же как они вернулись к его статье, посвященной петербургской исторической школе.

Многие статьи С.Н., несмотря на их скромный объем, это классические сочинения, и будущие историки, несомненно, будут опираться на них в своих трудах. С.Н. был человеком энциклопедических знаний, до последних дней внимательно следил за тем, что происходило в науке и политике, сохранял живость ума. Както, когда С.Н. было уже за 80, он рассказывал о своей студенческой жизни и вдруг с чувством произнес: “Страшно жалею, что не ходил на лекции Бориса Тураева, а проводил эти часы в библиотеке” (он всегда говорил “библиотика”). Едва ли С.Н. в преклонном возрасте был озабочен пробелами в своих познаниях по истории Древнего Египта. Он, конечно, сожалел об утраченной возможности общения со столь значительным и интересным ученым, каким был Б.А. Тураев. С возрастом все больше начинаешь думать о том, как важен и ценен эффект общения с коллегами, с такими людьми, как С.Н.

Л.Е. ШЕПЕЛЕВ

Я немного прибавлю к воспоминаниям Р.Ш. Ганелина об автобусной экскурсии в Новгород. По дороге был устроен обед, и С.Н. почему-то оказался один за столиком. К С.Н. подсел пьяный мужик и затеял с ним разговор то ли о маршруте экскурсии, то ли относительно блюд. Меня поразил вид беспомощности С.Н. в общении с этим пьяным доброжелательно настроенным, неагрессивным человеком. Это была довольно угнетающая картина, и поскольку я тогда еще не был сотрудником ЛОИИ, я удивился, что никто из группы не пытался С.Н. как-то выручить, и пересел за его стол.

Впервые я услышал имя С.Н. в 1948 г. Я заканчивал МГИАИ и был послан в Ленинград для обмена опытом, вроде научной командировки. В Институте мне объяснили, что надо увидеться с одним опытным архивистом – это Г.М. Князев, который все знает так, как нужно; потом там есть еще такой Валк, вот с ним можно не общаться и даже, пожалуй, не нужно, он только запутает вас. Почему-то С.Н. и МГИАИ в течение длительного времени находились в довольно нервных, даже враждебных отношениях. С.Н. обращался ко мне с просьбой, нельзя ли как-нибудь достать материалы, которые печатали в Институте, потому что он возмущен тем, что тамошние дамы делают и пишут. Особенно острой была дискуссия относительно публикации документов целиком или частично. С.Н. говорил, что о регестах напечатал статью, на нее появились устные, по крайней мере, отзывы, что это безобразие в наши дни петербургский ученый отстаивает возможность публикации документов по частям. С.Н. объяснял, что это не публикация, а справочный аппарат, в таком случае все претензии относительно полноты или неполноты снимаются.

Я общался с С.Н. как архивист и немножко как чиновный человек. И тут очень правильно говорили – у него к чиновникам было несколько отстраненное и настороженное отношение. В ЦГИАЛ С.Н. считался наиболее авторитетной исторической фигурой в Петербурге, он стал редактором вышедшего в 1956 г. Путеводителя по ЦГИАЛ. Его имя служило для московского и здешнего архивного начальства неким свидетельством того, что Путеводитель должен быть издан. Помню конфликтный случай с этим Путеводителем:

цензурный комитет настаивал, чтобы о предприятиях Ленинграда, которые занимаются военным производством, в Путеводителе не упоминалось, а С.Н. объяснял его представителю, что если об этих предприятиях не будет упоминаться, то “шпион” немедленно узнает, какие предприятия выпускают военную продукцию, а какие – нет. На Ученом совете в Архивном отделе Ленинграда обсуждался сборник документов под таким типичным названием “Соцсоревнования на предприятиях Ленинграда в такой-то период”, и я в первый раз услышал от С.Н. политическое, категорическое суждение. Он сказал, что все знают, как пишутся эти обязательства и какова им цена, поэтому печатайте их так или этак, достоверными они не будут. Твердо знаю, что больше его на Ученом совете не было.

В.Г. Чернуха рассказывала здесь об обстоятельствах появления первого тома ВИД. Я тоже помню эту ситуацию. У меня создалось тогда впечатление, что С.Н. как бы организовывал будущее исторической науки, по крайней мере, исследования в этой области. Он договаривался с авторами об обобщающих работах для тома и мне, в частности, объяснял, что это не одноразовая работа, а важное обновление, и он обещает поддержку, речь шла о продолжении исследований Б.М. Кочакова о делопроизводственных документах XIX – начала XX в. Одно из важных свидетельств научной честности С.Н. было издание декретов Советской власти. Вскоре после его появления он сам направил мою критику на один из сюжетов, который там был неверно исполнен.

Наконец, хочется упомянуть еще относительно работы С.Н. с архивистами. Эта область его деятельности не освещалась здесь. С.Н. находился в дружеских отношениях с руководством ЦГИАЛ, был постоянным членом Ученого совета Архива, редактором Путеводителя. Я признателен ему за помощь мне в работе над книжкой по архивной эвристике. Но его человеческие отношения в Архиве, ради правды скажу, были не вполне контактными. Его несколько необычное поведение, не совсем обычный облик, у тамошних дам вызывали иронически отчужденное отношение к нему. И тем не менее, постоянно бывая в Архиве и проводя громадную консультационную работу, он чрезвычайно много сделал для поворота архивов, которые находились тогда в ведении НКВД, к интересам исследователей, работавших в читальном зале.

Хочу выразить признательность организаторам этой встречи, потому что память о С.Н. непрерывно присутствует и в моем сознании, и в моей работе, и я часто возвращаюсь к тому, что было сделано им.

В.Ф. АНДРЕЕВ

Уважаемые коллеги, так быстро бежит время, что самым молодым ученикам Валка уже 50 лет и более. Мне посчастливилось быть знакомым и работать под руководством С.Н. семь последних лет его жизни, до кончины. С первого курса университета я под его руководством писал все курсовые, потом дипломную работу, затем стал его аспирантом. Но, к сожалению, та замечательная тема диссертации, которую дал мне С.Н. (я был чрезвычайно горд, что именно мне она досталась), – о трудах А.С. Лаппо-Данилевского, не была реализована в связи с кончиной С.Н. Пришлось менять тему, но я выбрал такую, которой в известной степени руководил С.Н. Когда я ехал сюда, перебрал в голове множество эпизодов, связанных с моими встречами с С.Н., которые его характеризуют, в том числе и достаточно ироничные вещи, но решил акцентировать внимание на одном из них.

На пятом курсе у С.Н. я писал диплом по историографии; он дал тему о новгородских актах, это как бы в дополнение, чтобы я написал статью. Здесь дважды упоминалось о том, что С.Н. вступил в полемику с М.Н. Тихомировым, и в сборни-

ке 1937 г. “Вспомогательные исторические дисциплины” опубликована его статья “Начальная история древнерусского акта”. Основной вывод в этой статье, как известно, о том, что значительная часть самых древних новгородских актов подложна. И вот он дал мне материал и сказал, что здесь у нас, в архиве ЛОИИ, лежат документы XVI–XVII вв. Хутынского новгородского монастыря, и, мне кажется, сказал С.Н., что это “на мою мельницу льет воду”, т.е. документы показывают, что Хутынская грамота подложная. Этим исследованием я занялся параллельно с основной темой, но пришел к диаметрально противоположному выводу, мне показалось, что весь комплекс источников, который связан с Хутынской грамотой, показывает, что она, с моей точки зрения, подлинная. Но я про это Валку ни слова не говорил.

Через год (я уже учился в аспирантуре) он вспомнил и говорит: “Ну, как там?” Я стал сбивчиво объяснять, что написал статью, и здесь, в ЛОИИ, вручил свою рукопись, а он сказал, что дня через два мне нужно к нему приехать на проспект Науки и мы пообщаемся. Я пришел, он посмотрел. Выводы диаметрально противоположные, но и не по Тихомирову, у меня же другие аргументы были. Он говорит: “Знаете, мне это нравится, мне кажется, Вы правы, давайте публиковать”, и сам предложил ее издать в аспирантском сборнике. Я думаю, не нужно комментировать отношение С.Н. к науке, его отношение к своим ученикам и т.д.

Два месяца тому назад я по долгу службы вынужден был прослушать лекцию одной нашей преподавательницы, которой я поручил курс по археографии (мы сейчас открыли историко-археологическую специальность в Новгородском университете), и надо такому случиться, что я попал на лекцию, которая называлась “С.Н. Валк как археограф”. Я тут же потребовал ее учебный план, оказывается, предыдущая лекция была на тему: “А.С. Лаппо-Данилевский как археограф”. Теперь у меня появилась еще большая возможность подсказать ей кое-что по поводу творчества С.Н.

Уважаемые коллеги, мне кажется, что вот здесь шел разговор о том, что, действительно, жаль, что С.Н. не дожил до того, что наконец стали издаваться его труды, объемом более 50 а.л. Конечно, труды С.Н. непреходящи в нашей историографии, это очевидно. И В.Н. Гинев говорил, что этот том не последний. Вот хотелось бы, чтобы в третьем томе были не только статьи С.Н., хорошо бы и мемуары о С.Н. поместить, пусть в небольшом объеме или отдельной книжкой, столько сегодня прозвучало интересных сведений, не хотелось бы, чтобы они втуне пропали.

Д.П. ЭРАСТОВ

Это было в начале 60-х годов, когда Лаборатория консервации и реставрации документов и ЛО Института истории находились в стенах Библиотеки Академии наук. Естественно, Лаборатория, которая занимается вопросами консервации и реставрации деструктированных документов и оптическим выявлением угасших текстов, поддерживала живые рабочие контакты с исследователями, помогая им объективными методами фотоанализа обнаруживать и выявлять выцветшие, стертые и зачеркнутые записи. Этому содействовало и то, что мы находились под одной крышей и, следовательно, можно было легко и оперативно доставить рукопись для фотоанализа, а также, и может быть, это было главным, руководителем Лаборатории был историк, известный исследователь книги Владимир Сергеевич Люблинский. И вот однажды молодой сотрудник ЛОИИ – Михаил Павлович Ирошников пришел в нашу Лабораторию на консультацию к Владимиру Сергеевичу с маститым ученым. Я был подключен к проблеме прочтения слабого текста. Этим ученым был Сигизмунд Натанович Валк, а документы, которые он принес, – рукописи В.Н. Татищева, связанные с его трудом “История Российская”. Такие деловые контакты осуществлялись и дальше. Мне было приятно делать доброе и полезное дело искателю истины – Сигизмунду Натановичу, а он ис-

кренне радовался, когда удавалось что-либо подтвердить или опровергнуть, опираясь на объективный фотоанализ.

У меня запечатлелся образ Сигизмунда Натановича Валка как человека, увлеченного своими изысканиями, удивительно тактичного в спорах и доброжелательного.

Е.К. ПИОТРОВСКАЯ

Сегодняшний день обязывает к тому, чтобы выступить с несколькими словами отчета: что же сделано редколлекцией “Вспомогательных исторических дисциплин” за годы, которые издание существует без С.Н. Валка. Во-первых, вышло 26 выпусков ВИД. XXVII том прошел все корректуры (СПб., 2000), и мы работаем над XXVIII. Авторами издания были более сотни ученых, 130–140 человек – это наши постоянные авторы. Географические точки самые разнообразные, конечно, во времена С.Н. это был весь Советский Союз, а начиная с середины 1980-х годов у нас изредка, как далекие гости, но все-таки и первые ласточки, публикуются и зарубежные коллеги из Германии, США, из Прибалтики (ближнего зарубежья), Чехии, Болгарии. Мы сохраняем и структуру издания в традициях С.Н., как это было определено раньше. По-видимому, существовала устная договоренность между С.Н. Валком и С.О. Шмидтом о распределении материалов между “Археографическим ежегодником” и “Вспомогательными историческими дисциплинами”. Но два наших тома несколько выделились из общей линии издания. Думаю, однако, что и они были сделаны в традициях, которые С.Н. одобрил бы. Один том – посвящен XVIII конгрессу византинистов (Москва, 1991 г.). Хочу заметить, что в свои молодые годы С.Н. участвовал в издании и переводе трудов Карла Крумбахаера для очерков по истории Византии, куда его привлек В.Н. Бенешевич. И всегда в своем издании С.Н. отводил должное место исследованиям и тех византинистов, которые много лет работали вместе с ним в ЛОИИ (Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев), и тех, которые пришли позже, и после его смерти продолжают эту школу. Другой том был посвящен памяти Н.П. Лихачева. Но это тоже, конечно, в определенном смысле завет С.Н., потому что, как вы помните, в IX т. ВИД опубликована большая статья С.Н., посвященная Н.П. Лихачеву.

За эти годы, конечно, произошли изменения в редколлекции, ушли от нас Н.Е. Носов, А.И. Копанев, В.И. Рутенбург, и вот года не прошло, как нет Д.С. Лихачева. На этом заседании присутствуют все члены ныне действующей редколлекции ВИД, кроме двух академиков – В.Л. Янина, который является и постоянным автором издания, и Н.Н. Покровского, который многие годы покровительствует нашему изданию, присылает свои работы и рекомендует работы своих коллег. Может быть, мы могли бы выпускать и чаще наши тома, но работать в таком темпе и с такими силами, как С.Н., пока что у нас не получается.

К сожалению, в последние годы темп был нарушен. Это связано, прежде всего, с так называемыми сложностями, которые происходили в издательстве “Наука”, где по несколько лет задерживалось наше издание. Но мир не без добрых людей. Когда начались эти сложности, издательство “Дмитрий Буланин” в лице Дмитрия Михайловича Буланина обратилось в нашу редколлекцию с предложением взять издание “под свое крыло”. Первые два тома ВИД вышли без каких-либо государственных или спонсорских затрат. И только XXVII т. прошел через грант РГНФ.

Что мне, как секретарю этого издания, хотелось бы пожелать? Во-первых, беречь своих авторов, как это делал С.Н. Писать всем, к сожалению, в условиях нашей жизни мы не можем, но многие могут подтвердить, что мы довольно часто ведем телефонные переговоры или каким-либо другим способом общаемся с авторами. Хотелось бы, чтобы круг их расширился. Поскольку здесь присутствует много молодых коллег, обращаюсь к ним. Вероятно, те из них, кто имеет пер-

сональный компьютер, знают, что в X т. ВИД есть полная роспись всех предшествующих томов издания, а в XX т. – алфавитный список авторов с указанием их статей. Чаще обращайтесь к ним. И, во-вторых, если в будущем мы сможем собраться в нашем Институте с тем, чтобы снова вспомнить С.Н., то можно будет отчитаться и о том, что будет сделано в области вспомогательных исторических дисциплин. Свеча эта не должна погаснуть.

В.М. ПАНЕЯХ

О С.Н. можно было бы говорить очень много. Я не был его учеником, один раз только слушал курс лекций по источниковедению на 4-м курсе ЛГУ. Правда, если сидеть за первым столом – это прекрасно, а если за третьим, то уже трудно было слушать, но это другой вопрос. Вообще, С.Н. был человеком страстным, о чем здесь не говорили. Как-то я ему дал почитать одну из своих работ. Он остановил меня в коридоре и стал на меня кричать: “Вы когда-нибудь акты читали?” (моя работа была посвящена актам). “Вы акты вообще когда-нибудь читаете?” Конечно, его вспышка была мимолетной. Но была еще страсть, выражающаяся в почтении к учителям своим и такое непощение тем, кто учителей дискредитирует. Я очень хорошо помню, как он сказал мне: “Этот прохвост Пашуто написал, что Шахматов помогал жандармерии, полиции в преследовании студентов, которые (в том числе, очевидно, и он. – В.П.) протестовали в 1911 г.” Вероятно, за это он и был исключен из университета. “Шахматов подходил к решеткам, – продолжал он, – за которыми они сидели, и помогал им, и приносил еду и еще чего-то”. Я никогда такого взрыва негодования не забуду. Хочу сказать о том, о чем здесь также не было речи.

Творчество С.Н. вообще плохо изучено. Если посмотреть его работы, можно обнаружить, например, что статья, о которой говорил С.О. Шмидт (о времени происхождения частного акта), восходит к его докладу, сделанному в семинарии у А.С. Лаппо-Данилевского. Опубликовал же он в 1937 г., конечно, доработанный и переработанный текст. Или, скажем, его статья о грамотах полных. Доклад на эту тему был прочитан в семинарии или кружке А.С. Лаппо-Данилевского. Об этом никто не писал. Есть целый ряд проблем, которые, с моей точки зрения, необходимо исследовать. Например, С.Н. писал несколько книг, но ни одна из них не вышла. Он написал, в частности, книгу о “Народной воле”, она не вышла, готовил книгу об истории частного акта, но не дописал ее. Впрочем, по целому ряду замечаний в ряде статей о частном акте, видно, что у него она была в чернильнице. С.Н. писал книгу об историографии Русской Правды, но тоже не завершил. В чем же дело? Этот вопрос надо изучить.

А вот еще одна проблема: С.Н., наверное, лет 15 готовил переиздание своей “Советской археологии” и очень много над этим работал. В его архиве сохранилось большое количество полемических заметок, по поводу дискуссии с археологической школой Историко-архивного института. И.А. Бакланова, между прочим, когда у нас работала, все это переписала. Переписанные ею заметки сохранились, но никто ими не занимается. И это упрек прежде всего ученикам, потому что вопросы чрезвычайно важные, чрезвычайно интересные. Вспоминать можно очень много, а надо сесть и исследовать творческий путь С.Н. Валка.

М.Б. СВЕРДЛОВ

Прежде всего мне хотелось бы сказать, что все присутствующие – люди старшего поколения, к которым я и себя отношу, очень заметно сбросили здесь несколько десятков лет. Почему? Потому что для всех нас С.Н. – это наша молодость. Это первый курс, когда, кому повезло, занимались в семинаре С.Н. Русской Правдой или встречались с С.Н. в коридорах университета и, конечно, спрашивали его про все на

свете. Это и четверокурсники, слушавшие предмет о вспомогательных исторических дисциплинах. Вот тут Даниил Натанович вспоминал, как С.Н. сердился, когда студенты шумели на лекции. Надо было знать, как бороться с трудностями. Я боролся так: сидел перед кафедрой и смотрел С.Н. в рот в прямом и переносном смысле, потому что узнавал от него то, что от других наших профессоров мы не слышали. С.Н., как говорил Кант, был своего рода вещью в себе. Ему, может быть, не надо было писать монографий, он творил шедевры, как Шопен, который не написал ни одной симфонии, но создал сотни шедевров в миниатюре. У каждого из нас, наверное, есть свое любимое произведение С.Н., и у меня тоже есть – это его историографические статьи о Русской Правде, опубликованные в АЕ за 1958 год и АЕ за 1959 год. Они тогда произвели на меня сильное впечатление на фоне унылых статей по историографии, где обязательно надо было бороться с идеями, бороться друг с другом, бороться партиям, а у С.Н. – историографический процесс, и этому я научился у С.Н., был процесс накопления знаний. У него подход был толстовский к изучению исследователя: не цепляться друг другу в горло, но каждый по-своему прав, и у каждого “отрицательного” персонажа есть положительные стороны, тем более положительный персонаж многозначен. Это подход раскрывался в методологии С.Н., и здесь, как мне представляется, он сказал свое слово, создал свой метод историографии, который оказался у нас в определенной мере невостребованным. Вот к нему, к такой историографии мы должны идти.

В.Н. Гинев говорил о том, что в Орле не понимают, как это можно критически подходить к источнику, раз написано – значит написано. Тот же подход был и у А.Л. Никитина в источниковедении Русской Правды: раз И.Н. Болтин так издал Русскую Правду, значит есть такая редакция. Какая же ситуация сложилась вокруг этого вопроса? Я помню прекрасно, как остро переживал С.Н. подобный подход к археографии и источниковедению. Но его возражения журнал “Вопросы истории” не напечатал. Д.С. Лихачев в ТОДРЛ статью С.Н. опубликовал как ответ Никитину.

Кто-то очень хорошо сказал о высокой планке, ниже которой нельзя опускаться после работ С.Н. Я имел возможность убедиться в справедливости этого мнения. Шесть лет назад меня пригласили оппонировать в Швецию, в Упсальский университет по докторской диссертации об историографии Русской Правды. Сам диссертант назвал свой метод энциклопедическим. Он собрал много новых материалов. Были у него и находки. Но он потерял то, что нашел С.Н.: мысль историка – это производная нескольких векторов: внутреннего развития исторической науки, общественно-политической ситуации, философских концепций, которые существуют в это время, и того, что историк вносит – свое новое в изучение проблемы. Эту многомерность историографического анализа диссертант не сохранил. Он потерял философскую составляющую исторических трудов, так что мне не стоило большого труда вслед за С.Н. обратить внимание на ее отсутствие в историографическом анализе. Присутствующие члены Ученого совета старшего поколения, которые знают, кто такой Кант, Гегель и др., отнеслись к таким замечаниям положительно, тогда как младшее поколение – прагматики, и их эти вопросы не интересуют. Таким образом, С.Н. остается руководителем и для нас, и для последующих поколений.

Н.Г. СИМИНА

После таких блестящих выступлений, может быть, и не совсем уместно говорить о той счастливой эпохе, которой была моя жизнь, потому что я действительно отмечена божьим перстом: 30 лет я прожила рядом с С.Н. Причем, после смерти его жены (1954), долго болевшей склерозом (а он стоически, нежно и терпеливо это переносил), в 1955 г. он переехал в дом, где я жила. Это произошло после того, как молодая девушка из семьи, которая его обслуживала (он их щедро со-

держал) вышла замуж за пьяницу, и этот пьяница ночью вваливался в кабинет С.Н. и укладывался рядом с ним на диван. С.Н. прожил в районе Технологического института счастливые годы жизни, потому что это был центр, а затем, к сожалению, его выселили из Петербурга, как он говорил, в деревню Русская Гражданка, потому что тот дом забрали. Тогда, несмотря на хлопоты Института, чтобы ему предоставили 3-х комнатную квартиру для размещения библиотеки, правительство категорически отказало – где это видано: одному человеку – 3-х комнатную квартиру, хотя ему было почти 80 лет, и ясно было, что эта квартира останется государству. Ему дали только 2-х комнатную, и тогда уполовинилась его библиотека, целый грузовик книг уехал в университетскую библиотеку, потому что разместить их было невозможно.

Я очень виновата перед его памятью, потому что по молодости и даже больше по дурацости я не записывала всего того, что он мне говорил почти ежевечерне, когда я, уложив детей спать, приходила к нему на вечерний чай, обычно в 12 часов. Я хотела спать, и утром мне нужно в школу, а он еще полон энергии (потому что он был ночной человек), с приготовленными статьями из иностранных газет с новостями, которые он хотел мне сообщить. Но главное, что он мне рассказывал массу сведений о своих встречах с необыкновенными людьми. О Ленине он воздерживался говорить, но очень ярко описывал, какое на него впечатление производил Троцкий своими выступлениями, много и с большим уважением говорил о Каменеве, и, конечно, о профессорах и других людях, с которыми он сталкивался.

Здесь я должна объяснить скудость его архива. Дело в том, что, зная его необыкновенную порядочность, доброту и умение сочувствовать и помогать, ему откровенно писали письма о всех закулисных интригах, которые происходили в исторической науке. Когда он просматривал письма, он так боялся, что после его смерти останется упоминание какой-нибудь фамилии, и все это сжигал. И мой сын, который последнее время ночевал в его библиотеке, на раскладушке, утром выносил ведро пепла в мусоропровод – сожженные письма. Я просила оставить их на сохранение моему сыну с обязательством много лет никому не показывать, но он не соглашался: нет, это опасно, это может людям повредить. Я должна сказать, что, несмотря на кажущиеся его наивность и беспомощность, он был человеком редкой проницательности, мужественности и очень хорошо знал цену людям.

М.П. ИРОШНИКОВ

Штрихи к облику С.Н. Валка

Жизнь распорядилась так, что на протяжении многих лет мне посчастливилось общаться с Сигизмундом Натановичем Валком, учиться у него, работать под его руководством. Многое памятно, многое не забудется никогда. Но я позволю себе остановиться лишь на нескольких эпизодах общения с С.Н. и чертах его личности, особенно характерных для него и потому запомнившихся.

Прежде всего хочется вспомнить об издании “Истории Российской” В.Н. Татищева. Мое постоянное и в дальнейшем близкое знакомство и общение с С.Н. (хотя его подпись как председателя государственной экзаменационной комиссии стоит еще на моем истфаковском университетском дипломе) началось где-то осенью 1959 г. Незадолго до этого, в июле того же года умер Александр Игнатьевич Андреев, который ранее, в начале октября 1958 г. привлек меня, только что окончившего Ленинградский университет, сотрудника Архива ЛОИИ, к участию в работе по подготовке к изданию первого тома знаменитой “Истории Российской”. После кончины А.И. Андреева, С.Н. стал главным и фактически единственным научным руководителем весьма ответственного и чрезвычайно трудоемкого дела издания татищевского труда. Не случайно академик М.Н. Тихомиров,

сыгравший важную роль во включении этого многотомного издания в издательский план Академии наук и оказывавший неизменную поддержку в его печатании, в одном из писем С.Н. Валку в феврале 1962 г. писал: “За первым томом Татищева последует второй. Пусть мы с Вами не увидим окончания издания Татищева, увидят другие и помянут добрым словом Ваши труды, а может быть и мою заботу...”

С.Н., разумеется, прекрасно понимал исключительное значение предпринятого академического издания этого ценнейшего памятника историографии и культуры XVIII в., первого научного обобщающего труда по отечественной истории, написанного на основе многочисленных русских и иностранных источников, в том числе утерянных. Однажды он сказал (я уже говорил об этом высказывании, но позволю себе его напомнить), что публикации такого фундаментального обобщающего характера являются своего рода долгосрочными вкладами в науку, которые долгие годы будут приносить плоды, помогать успешному развитию различных ее отраслей. Причем, по его словам, заранее нельзя даже предугадать, где особенно важным окажется влияние фундаментального издания того или иного комплекса источников. Можно быть уверенным только в одном – в положительном и многократном эффекте такого рода публикации.

Справедливость высказанных С.Н. Валком слов, думается, не нуждается в каких-либо доказательствах. Подтверждением этого стало и осуществленное в 1994–1996 гг. Московским научно-издательским центром “Ладомир” новое печатное воспроизведение всего семитомного издания “Истории Российской” В.Н. Татищева и других его работ разных лет, подготовленных и опубликованных под руководством С.Н. Валка в 1962–1968, а также в 1979 гг.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что, выступая в роли ответственного редактора, С.Н. выполнил не только общее руководство, как это бывает, но действительно являлся “головой и сердцем” всего дела, осуществлял научное руководство изданием в полном объеме и на всех его этапах. Для Валка как исследователя и археографа была характерна исключительная добросовестность. Он определял состав каждого из томов издания, изо дня в день практически руководил и лично участвовал в поисковой работе, в выборе, изучении и описании источников текста и других материалов в собраниях ленинградских и московских архивных и рукописных хранилищ. При его непосредственном участии готовился не только основной текст “Истории Российской” Татищева, но и все варианты к рукописи, а также примечания и довольно сложные указатели.

По поручению С.Н. в эти годы мне приходилось неоднократно выезжать в Москву для работы, связанной с изданием труда Татищева, и прежде всего в ЦГАДА, которым тогда руководил В.Н. Шумилов, весьма строго “охранявший” вверенные ему архивные сокровища. Определив главные цели поездки, сделав необходимые указания и рекомендации, С.Н. и в дальнейшем внимательно следил за ходом работы, иногда даже присылал лаконичные, но важные для меня письма. “Время так бежит, что уже половина Вашей командировки истекает, – писал он в одном из таких писем, сохранившихся у меня. – Как Ваши дела? Все ли получили, что надо для работы?” А завершали это письмо ко многому обязывающие строки: “Уверен, что Ваша работа в Москве продвигается успешно. Вы обладаете замечательным умением в поиске материалов и в их доставании. А это ведь основной залог успешности всех дальнейших шагов работы. Всего-всего Вам лучшего. Ваш сердечно С. Валк”.

В годы работы по подготовке и изданию “Истории Российской” В.Н. Татищева С.Н. Валк стал одновременно и моим научным руководителем в заочной аспирантуре ЛОИИ по специальности “Вспомогательные исторические дисциплины”. Первоначально мы с С.Н. полагали, что я, естественно, буду заниматься изучением деятельности В.Н. Татищева и его наследия. Как говорил мне С.Н., по этому поводу он даже написал докладную записку руководству ЛОИИ. Но начальство

(директором был М.П. Вяткин, а ученым секретарем – Н.Е. Носов) рассудило иначе: так как, кроме исторического, я окончил юридический факультет ЛГУ, а имя С.Н. Валка было неразрывно связано с развернувшимся тогда фундаментальным изданием декретов Советской власти, то было признано целесообразным определить областью моих занятий в аспирантуре – источниковедение и археографию советского периода. Так, параллельно с изданием Татищева я стал заниматься изучением истории первых декретов Октябрьской революции, а затем начальной историей ленинского Совнаркома и народных комиссариатов – темой кандидатской диссертации, выполненной под руководством С.Н. и опубликованной позднее двумя изданиями под его редакцией.

Вспоминая общение с С.Н. в связи с исследованием отечественной истории начала XX в., нельзя также не отметить не только глубочайшие знания и поразительную, поистине энциклопедическую эрудицию ученого, но и органически присущие Валку честность, объективность и принципиальность в решении любых научных вопросов. При этом С.Н., несмотря на свой высочайший и общепризнанный научный авторитет (а скорее всего именно поэтому), был неизменно корректен в научных публикациях и дискуссиях, никогда не упорствовал, не настаивал на своей позиции, всегда был открыт для понимания аргументов и доводов оппонентов. Именно так было, например, когда я сообщил С.Н. о своей находке в материалах одного из фондов Центрального партархива воспоминаний делегата II Всероссийского съезда Советов И.Х. Бодякшина, где говорилось о внесении им нескольких поправок в текст проекта ленинского декрета “О земле” и о принятии В.И. Лениным некоторых из них. Очень осторожно и даже скептически выслушав сначала мою информацию, С.Н. позднее, после более обстоятельного ознакомления с представленными ему документами и материалами, согласился с моими наблюдениями и выводами. И для меня стало большой честью появление статьи «О тексте ленинского декрета “О земле”» в сборнике “Исследования по отечественному источниковедению” (М.; Л., 1964), посвященном 75-летию С.Н. Валка.

Известно, что С.Н. щедро делился со своими учениками и коллегами знаниями, опытом и не только этим. Многие историки знают об уникальной библиотеке С.Н., которая сейчас в качестве мемориального фонда находится в составе Библиотеки СПб. ФИРИ РАН. Можно с уверенностью сказать, что и в дальнейшем она будет служить не одному поколению отечественных историков – так же, как и при жизни С.Н. она фактически не являлась только его личной библиотекой. Приведу пример. Однажды, работая в бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ), я обнаружил записку-автограф И.А. Залкинда, датированную 6 ноября 1917 г. и адресованную наркому по иностранным делам Л.Д. Троцкому вместе с направленными тогда же в Смольный первыми текстами выявленных в архивах бывшего российского МИД и переведенных тайных дипломатических документов. Выясняя интереснейшую личность И.А. Залкинда (профессиональный революционер с 1907 г., доктор Сорбонны, знавший восемь иностранных языков, один из руководителей большевиков Васильевского острова в дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и первый уполномоченный Наркоминдела) и его жизненный путь, трагически оборвавшийся в 1928 г., я рассказал о своей находке С.Н. И вскоре получил от него поистине бесценный подарок – переплетенные в один сборник 7 небольших книжечек в простой бумажной обложке голубовато-серого цвета. Это были знаменитые сборники секретных документов из архива бывшего МИД, которые были опубликованы Наркоминделом в революционном Петрограде в конце 1917 – начале 1918 г. Во многом именно благодаря этому щедрому дару С.Н. мне и удалось написать и опубликовать в соавторстве с А.О. Чубарьяном научно-популярную книжку “Тайное становится явным. Об издании секретных договоров царского и Временного правительств” (М., 1970).

И последнее, С.Н. Валк всегда проявлял неизменный интерес к новому в науке, и, в частности, к применению новых методов в изучении источников, в том числе массовых, поддающихся математико-статистической обработке. И я не могу не вспомнить с глубочайшей благодарностью вдохновляющую поддержку, которую оказал С.Н., когда мне посчастливилось обнаружить в ЦГАОР (ныне ГАРФ) неизвестные подлинные анкеты и материалы первой переписи советских служащих, проведенной в Москве в конце лета – осенью 1918 г., и осуществить на этой основе историко-статистическое исследование численности и состава центрального аппарата управления Советской России периода его становления. Результаты этого исследования вошли важнейшей составной частью в мою монографию о государственной деятельности Председателя Совнаркома В.И. Ульянова (Ленина), которая была опубликована в 1974 г. и защищена в качестве докторской диссертации. Ответственным редактором этой книги в последний раз, незадолго до своей кончины, выступил незабвенный Сигизмунд Натанович Валк.

И.П. МЕДВЕДЕВ

Подлинным подарком судьбы считаю тот факт, что мое “вхождение в науку” совершалось в атмосфере общения с поистине выдающимися отечественными учеными – живыми носителями традиций русской и мировой науки. Отнюдь не последнее место среди них принадлежит именно С.Н. Не имело особого значения, что он не был византинистом, его уникальная по широте эрудиции позволяла нам, молодым ученым, “допекать” его по самым разным поводам. Пожалуй, наиболее ценным был сам метод исторического исследования, которого он придерживался и старался донести до нас: “метод скорее аналитико-критический, чем синтетико-догматический”, – говорил он, ссылаясь при этом на И.М. Гревса (именно от С.Н. узнал я о существовании рукописи неопубликованной монографии И.М. Гревса о В.Г. Васильевском, и именно из нее С.Н. процитировал в одной своей статье указанное выше определение, давая характеристику исследовательскому методу В.Г. Васильевского, но я это слышал от него и в устном изложении). “Неважно, – говаривал С.Н. мне (как, наверное, и другим тоже), – о чем вы пишете, хоть об истории подметки; важно, **как** вы это делаете”.

Меня удивляло, с какой дотошностью С.Н. выпытывал у меня, что я, сирый и убогий, думаю о многотомном корпусе регестов грамот византийских императоров в издании знаменитого немецкого ученого Франца Дэлгера. И только когда С.Н. подарил мне оттиск своей статьи “Регесты в их прошлом и настоящем” (АЕ за 1968 год. М., 1970) с дорогой для меня надписью, я понял, что его интерес к византийскому материалу отнюдь не был праздным. Кстати, тогда же С.Н. спросил меня, нет ли в моих планах намерения заняться изучением греко-византийских (императорских и патриарших) документов, отправленных на Русь, и их публикацией в виде регест. На это я ответил, что вряд ли мне такая работа “по зубам”, но саму идею высказал в одной из статей (каюсь, без ссылки на совет С.Н.).

Знаком заинтересованности С.Н. в византиноведческой проблематике было также его настойчивое желание публиковать в руководимом им периодическом издании “Вспомогательные исторические дисциплины” статьи по византийскому источниковедению, и то, что почти во всех “валковских” томах ВИД присутствуют статьи вашего покорного слуги – заслуга в основном С.Н., не оставившего меня в покое.

С годами все острее начинаешь чувствовать, кого мы в науке имели и кого потеряли; как много осталось не заданных нами вопросов и как много не получено нами ответов. Вот пример. Занимаясь в последние годы трагической судьбой и архивом нашего выдающегося историка-византиниста В.Н. Бенешевича, я “на-

тыкаюсь” в его бумагах и на имя С.Н. (“Отдайте материалы Валку, он принесет их мне”, – пишет Бенешевич одному из своих корреспондентов). Значит, С.Н. общался с В.Н. Бенешевичем и мог, наверное, многое о нем поведать. Но уже не поведает! Увы!

Наконец, о чистоте нравственного облика С.Н., о его порядочности. Р.Ш. Ганелин уже рассказал о трогательных ситуациях в общественном транспорте: старенький С.Н. никогда не позволял себе присесть, если кто-то рядом стоял, тем более женщина. Поскольку часть нашего пути “со службы” совпадала, я частенько оказывался в трамвае рядом с С.Н. и почти всегда становился свидетелем подобных сцен: его упрашивали (было и такое!) сесть, а он, сердясь, отказывался и старался уйти в другое место. Памятен мне и уход С.Н. Смертельно больной, зная о том, что жить ему остается даже не дни, а часы, он вырывается из рук врачей и приезжает в институт, и всем нам стало ясно: это было прощание.

Э.Ю. ГАЛЬПЕРИН

Осень 1946 г. Начало учебного года на втором курсе истфака ЛГУ. Объявлены специальные курсы и спецсеминары. Названы руководители. Для меня не было проблем с выбором спецсеминара. Еще в довоенные времена от жены брата – Нины Васильевны Соколовой, которая в 1941 г. закончила истфак, я слышал о крупном специалисте в области отечественной истории, чудесном человеке – Сигизмунде Натановиче Валке.

О нем очень тепло отзывались и старшекурсники. Среди них был мой друг Степан Степанович Волк. А так как меня интересовали проблемы отечественной истории второй половины XIX в., то принятие решения о посещении валковского семинара было естественным и закономерным. И вот первый семинар. Перед студентами предстал невысокого роста человек, в пенсне, с улыбкой на лице, который начал с нами знакомиться. Каждого студента он просил представиться, назвать свое имя и отчество (чем очень удивил нас). Все данные он занес в свою записную книжку, которую больше никогда не открывал. В дальнейшем на занятиях и после окончания университета он всех называл по имени и отчеству. Постепенно мы к этому привыкли. На первом семинаре все выбрали темы для курсовых работ. Я взял тему “Конституция Лорис-Меликова”, Ф. Цитрина (Суслова) – “Петрашевы”, Л. Емелях (Шахнович) – “Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.” Среди студентов семинара были фронтовики – Ф. Цитрина, Л. Емелях, В. Борисова (Александрова), а также автор этих строк. Из выпускников школ 1945 г. – Л. Шмулевич.

Семинар С.Н. Валка был межкурсовым. Его посещали студенты старших курсов Т. Вольфсон, Н. Поллак, М. Кукушкина, Л. Ершова, С. Бойкова, фронтовик С.С. Волк. Бывали на занятиях аспиранты и преподаватели. Среди них С.З. Мандель. Атмосфера на семинаре царил творческая и демократическая. Профессор всячески стимулировал активность студентов – предлагал задавать вопросы, высказывать свое мнение. Подчас это сделать было нелегко, так как доклады носили узкий, специальный характер и далеко не просто было схватить их суть. Но постепенно, шаг за шагом активность возрастала, студенты все чаще высказывали свои критические замечания, ставили острые вопросы. Сам руководитель почти никогда не хвалил студентов, у него было много критики, претензий, казалось, подчас, необоснованных. Весь учебный год я работал над своей темой. Сидел в публичке до закрытия. Изучил массу литературы, среди которой был текст конституции Лорис-Меликова, дневники Валуева, Перетца, других государственных деятелей. И вот в конце года на двух семинарах я прочитал основной текст доклада. Было много вопросов, критики, активное обсуждение. Особенно досталось от Валка. Я очень расстроился, думал, что доклад неудачный. А

на последнем занятии при подведении итогов Сигизмунд Натанович, говоря о моей работе, совершенно неожиданно для меня, сказал: “А у Эммануила Юрьевича – это диссертация”.

Работа в семинаре сплотила нас. Мы постоянно общались и в университетские годы, и после окончания ЛГУ. Школа С.Н. Валка позволила многим стать видными учеными – профессорами, докторами наук: Л.И. Емелях (Шахнович) – старшему научному сотруднику Музея истории религии; Ф.М. Сусловой (Цитриной) – профессору Гуманитарного университета профсоюзов, В.И. Александровой (Борисовой) – зав. сектором Военно-Морского архива и заведующей Архивом Академии наук. С.С. Волк в течение года пребывания в аспирантуре защитил кандидатскую диссертацию, в дальнейшем – докторскую, стал профессором. Он автор монографий “Исторические взгляды декабристов” (М.; Л., 1958) и “Народная воля” (М.; Л., 1966). Работал старшим научным сотрудником ЛОИИ и профессором ЛГУ. Об эрудиции С.С. Волка свидетельствует знание им немецкого, английского и французского языков, чтение лекций в университетах Германии на немецком языке.

Студенты семинара проводили много времени в архивах, особенно в ЦГИАЛ. Здесь мы встречали С.Н. Валка и получали на месте консультации по использованию в работах конкретных фондов. Мы видели, с каким уважением и любовью относились к Валку сотрудники архива. К нему постоянно обращались с вопросами, консультировались. Архив для него был вторым домом.

Хочется отметить человеческие качества Валка. Многим студентам он помогал, давал взаймы деньги, отказываясь принимать возвращаемый долг. Дом профессора всегда был открыт для посетителей. Нам были хорошо известны все адреса, где в разное время жил С.Н. Валк. Это Галерная, Красноармейская улицы и проспект Науки. Сюда мы приезжали 13 декабря, в день его рождения. Предварительно согласовывали дату и часы встречи, так как было много студентов с других курсов, желающих поздравить профессора. Эти посещения, домашние встречи были очень интересными. На них Валк предстал как эрудит и энциклопедист во многих областях науки, культуры и искусства. У него были пачки газет, особенно польских, он делился с нами зарубежными новостями. Его библиотека была редчайшей. Она занимала много стеллажей и шкафов. Среди книг были уникальные издания. Поражало, как легко он ориентировался в книжном кабинете. Любую нужную книгу он мог моментально найти. Многие студенты брали у него книги, часто забывая их вернуть. У Сигизмунда Натановича была великолепная коллекция картин. Среди них работы Петрова-Водкина, Остроумовой. При каждом посещении профессора мы осматривали картины, знакомились с книжными новинками. Посещая книжные развалы и букинистические магазины, я часто встречал там С.Н. Валка. Особо хочется вспомнить о любви С.Н. Валка к музыке. У него было постоянное место на хорах (слева от сцены). Он покупал несколько абонементов. Его хорошо знали распространители билетов, которые бывали на истфаке и в главном корпусе ЛГУ. Многих студентов С.Н. Валк приобщил к музыке.

После смерти жены С.Н. Валка заботу о нем взяла студентка Надежда Поллак (Сими́на). Она с семьей поселилась в соседней квартире на Красноармейской улице, а затем и на проспекте Науки, постоянно бывала у С.Н. Валка, заботилась о его быте, здоровье, питании. Во время наших визитов к профессору мы часто видели ее и радовались, что она скрашивает его одиночество. Организацию встреч с Валком студентов нашего курса приходилось осуществлять мне. Дело было довольно сложным. Надо было согласовать день и час с Валком и с каждым участником. У всех семьи, дети, внуки, учебные занятия, в том числе с заочниками. На эти встречи приходили Ф.М. Сулова и ее муж В.А. Сулов (заместитель директора Эрмитажа); В.И. Александрова и ее

муж Р.М. Александров – профессор, генерал-майор Военно-медицинской академии; Л.И. Шахнович; наша однокурсница А.В. Красникова; доцент истфака, старший научный сотрудник, профессор Т.П. Бондаревская; иногда Ю.Н. Яблочкин, наш сокурсник, старший научный сотрудник. Эти встречи были удивительными. С.Н. Валк к ним готовился. На столе – торт, конфеты, фрукты. Мы тоже приносили сладости... Беседы шли на разнообразные темы – исторические проблемы, новые книги, культурная жизнь, искусство, международные новости. Профессор интересовался работой и личной жизнью каждого. Делалось это в тактичной форме, индивидуально. Кстати, ответственные решения в жизни, связанные с вступлением в брак, работой, ученики Валка принимали, советуясь с учителем. А в конце встреч – подарки (первые годы детям, а потом внукам). При прощании С.Н. Валк подавал каждому пальто, несмотря на наши активные протесты.

Он посылал нам поздравления с праздниками и днями рождения. Часто сам звонил по телефону.

25 лет назад Сигизмунда Натановича не стало. В “валковские” дни – 13 декабря и 5 февраля мы посещаем его могилу, перезваниваемся, встречаемся, вспоминаем нашего любимого профессора. Ведь с ним связана вся наша жизнь, научные интересы. Именно темы, избранные на студенческой скамье, явились вехами в научной жизни каждого из нас. Ф.М. Сулова по совету С.Н. Валка многие годы занималась “Петербуржским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”, защитила на эту тему кандидатскую диссертацию, опубликовала книгу и много статей, а докторскую диссертацию и серию работ посвятила сложной и противоречивой исторической личности – Н.К. Михайловскому.

Дипломную работу я писал на тему “Крестьянское движение в годы 2-й революционной ситуации в России (1879–1880 гг.)”. Ее С.Н. Валк направил в Москву для использования в макете многотомной истории СССР. А кандидатскую диссертацию защитил по “Петербуржскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса”. Основным источником в работе были “Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, изданные С.Н. Валком в 1934 г.

Под руководством С.Н. Валка кандидатскую и докторскую диссертации защитила М.В. Кукушкина, работавшая заведующей рукописным отделом БАН, кандидатскую диссертацию – Л.И. Шахнович (в основу были положены материалы, собранные в студенческие времена). Л.И. Шахнович консультировалась с С.Н. Валком и по докторской диссертации.

Я счастлив, что к 75-летию С.Н. Валка вышел юбилейный сборник “Исследования по отечественному источниковедению”, в котором опубликована и моя статья “Крестьянские жалобы как источник по изучению 2-й революционной ситуации в России 1879–1880 гг.”

Около 50 лет я проработал на кафедре российской истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Все преподаватели кафедры являются выпускниками ЛГУ, и хотя многие из них не занимались в спецсеминаре С.Н. Валка, а слушали его лекции, читали его книги и статьи, учились у его учеников – все они считают себя “валковцами”. Все годы работы в университете я руководил студенческим и научным обществом на кафедре. С.Н. Валк живо интересовался работой СНО, тематикой рефератов, характером занятий, подсказывал направление работы. Особенно его интересовала краеведческая тематика, методы работы с сельской молодежью. По совету С.Н. я проводил олимпиады по различным периодам отечественной истории.

Последние годы С.Н. Валк часто болел. Мы его посещали в больнице и дома. Он был счастлив, что его помнят и любят.

Память об Учителе сохранится в сердцах его учеников на всю жизнь.

Удивительным человеком был Сигизмунд Натанович Валк. Его врожденная интеллигентность и глубокий интеллект сочетались с простотой и доступностью общения. Для нас, выпускников Ленинградского государственного университета 1960-х годов, уже знавших профессора Валка по годам обучения, а затем попавших со студенческой скамьи в стены храма исторической науки – Ленинградского отделения Института истории АН СССР “под его начало”, С.Н. оставался символом порядочности и доброжелательности.

Мне вспоминаются далекие 1960–1970-е годы, когда в течение более десятилетия в качестве секретаря сектора истории капитализма довелось близко общаться с С.Н. – руководителем этого сектора. Многие события, связанные с С.Н., сохранились в памяти и возникают, как живые картины уже далекого прошлого, как штрихи к портрету ушедшего от нас выдающегося ученого.

Припоминаю, как спокойно и непринужденно С.Н. проводил секторальные обсуждения исследовательских работ, как умело и нелицеприятно направлял дискуссию в рациональное русло. Но порою, несмотря на мягкость и терпимость, С.Н. казался мне не только крайне требовательным, но и придирчивым. Лишь годы спустя признаю себе в том, что его излишняя, как тогда представлялось, придирчивость была по сути дела формой обучения молодого специалиста – довольно резкой, но необходимой.

Первые переживания на моем “секретарском” посту были вызваны категорическим отказом С.Н. подписать составленный мною протокол заседания сектора с обсуждением плановой работы одного из сотрудников. Недовольно ворча в усы, он долго и терпеливо разъяснял необходимость объективного изложения выступлений рецензентов и особенно критических замечаний. Ему показалось, и не без оснований, что в силу (по его словам) женского начала (точнее – неумения) в протоколе оказался смягчен требовательный тон выступлений сотрудников и сглажена острота дискуссии. Помню, что злощастный документ я переписывала не единожды, дойдя до отчаяния. Это был урок на всю жизнь. Видимо, признав, что урок прочно усвоен, С.Н. в дальнейшем, за малым исключением, почти не обращался к проверке подобного рода бумаг.

С.Н. редко делился своими мыслями. Но иногда, когда к этому располагали обстоятельства (прогулки после филармонического концерта по трепетно любимому им Невскому проспекту), он становился разговорчив и откровенен.

На меня произвел впечатление распорядок его рабочего дня, о котором он неоднократно напоминал (С.Н. не любил беспокойств в отведенное для работы время): с 9 час. утра до 13 и с 21 до 1 часа ночи с неизменным посещением в послеобеденный промежуток Невского проспекта.

В последние годы жизни С.Н., как мне казалось, стал мягче, лиричнее и откровеннее. Не раз я слышала от него грустную и многозначительную фразу, врезавшуюся в память, – “сколь тягостно оставаться одному, терять друзей и сверстников – свидетелей многотрудной, но в чем-то и счастливой жизни”. Полагаю, память об ушедших была для него свята.

**С.Н. ВАЛК В ИЗДАНИЯХ ПУШКИНСКОГО ДОМА
1950–1970-х ГОДОВ
ЕГО АВТОГРАФЫ В ИРЛИ**

Если обратиться к списку работ С.Н. Валка и справочнику по библиографии трудов Пушкинского Дома, мы обнаружим, что целый ряд статей ученого был написан для сборников к юбилейным датам ведущих сотрудников ИРЛИ: В.П. Адриановой-Перетц, П.Н. Беркова, Д.С. Лихачева¹. За 1958–1976 гг. статьи С.Н. Валка были опубликованы в трех томах “Трудов Отдела древнерусской литературы” (т. XIV, XXIV и XXX), в двух выпусках сборника “XVIII век” (вып. 7 и 10), в юбилейном сборнике “Культурное наследие Древней Руси” (1976); одна из статей представляет собой журнальную рецензию на книгу В.И. Малышева “Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов)” 1965 г. Благодаря публикации 1991 г. «Отзыва о рукописи Д.С. Лихачева “Текстология”» введена в научный оборот еще одна рецензия С.Н. Валка². С сожалением отметим, что из восьми работ, связанных с Пушкинским Домом, автору довелось увидеть опубликованными только пять, остальные три вышли в свет после его смерти, последовавшей 5 февраля 1975 г.

О контактах С.Н. Валка с учеными Пушкинского Дома позволяют судить и его автографы, оставленные на книгах и оттисках, подаренных им коллегам. Самый ранний из автографов читается на “Проекте правил издания трудов В.И. Ленина” (М.; Л., 1926): “Многоуважаемому Борису Львовичу Модзалевскому в знак искреннего уважения. С. Валк” (Библиотека ИРЛИ. Бр. 420/11).

В 1948 г. С.Н. Валк вручил оттиски своей статьи “Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет” В.П. Адриановой-Перетц и Д.С. Лихачеву, с краткими дарственными надписями (Подсобная библиотека Сектора древнерусской литературы. АП-3233 и ДЛ-427/12). В 1956 г. С.Н. Валк подарил “Дорогому Дмитрию Сергеевичу в знак дружеской признательности” статью “Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в.” (Там же. ДЛ-102/3). В 1957–1958 гг. тому же адресату были подарены оттиски статей “Татищевские списки Русской Правды” (из сборника “Материалы по истории СССР”. Вып. V; ДЛ-29/14) и “Документы 25 октября 1917 года” (Проблемы источниковедения: Сб. VI; ДЛ-47/18). А в 1962 г. В.И. Малышев получил первый том “Истории Российской” В.Н. Татищева с подписью: “Дорогому Владимиру Ивановичу Малышеву сей археографический труд преподносят в знак искреннего уважения к его самостоятельной и неутомимой археографической деятельности археографы ЛОИИ: С. Валк. Савельева. М. Ирошников. 26.III.1962” (находится в Древлекранилище ИРЛИ).

Сохранились единичные письма С.Н. Валка, адресованные М.К. Лемке (1923), В.И. Малышеву (1951 и 1972 гг.), Ф.Г. Шилову (1959), а также некоторые материалы в фонде А.Г. Фомина (установлено по картотеке Архива ИРЛИ).

Следует припомнить также, что С.Н. Валк выступал оппонентом на докторском диспуте Д.С. Лихачева (1947), а затем и В.И. Малышева (1967)³.

¹ Список научных трудов С.Н. Валка (за 1963–1972 гг.) / Сост. И.А. Бакланова // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 291–292; Пушкинский Дом: Библиография трудов / Сост. А.К. Михайлова. Л., 1981. № 295, 434, 447, 551, 596, 627, 639.

² См.: Валк С.Н. Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991. С. 263–265. В этом сборнике (С. 313–322) переиздана статья С.Н. Валка из XXX тома ТОДРЛ.

³ Эти факты отмечены в некрологе С.Н. Валка, написанном Я.С. Лурье (ТОДРЛ. Т. XXX. С. 367–368). Здесь же отмечено участие С.Н. Валка в заседаниях конференции, посвященной А.А. Шахматову (1970).

В 1976 г. Д.С. Лихачеву был прислан из США некролог, посвященный С.Н. Валку (он составлен Джоан Афферикой для *Slavic Review*, декабрь 1975 г.; ДЛ-387).

Что касается тематики статей С.Н. Валка, опубликованных в изданиях ИРЛИ, она отражает широту изучавшихся им источников, от Русской Правды к XVIII в. – к И.Н. Болтину, А. Шлёцеру, В.Н. Татищеву – вплоть до советской археографии⁴. Все эти работы кратки, доказательны, изящны. Представляется оправданным включение в ТОДРЛ (т. XIV и XXX) двух одновременных работ С.Н. Валка о Болтинском издании Правды Русской. Вторая статья – ответ С.Н. Валка на несправедливую и некорректную по форме критику в статье А.Л. Никитина “Болтинское издание Правды Русской” (ВИ. 1973. № 11) – первоначально была направлена автором в журнал “Вопросы истории”. Редколлегия журнала отказалась его публиковать. И тогда он был напечатан в XXX томе ТОДРЛ, правда, уже после смерти автора. К сожалению, достойный ответ С.Н. Валка был полностью проигнорирован А.Л. Никитиным и в дальнейшем, в повестях «Испытание “Словом”» (“Новый мир”. 1984. № 5–7) и в переиздании книги “Точка зрения” (М., 1985). Д.С. Лихачев в своем отклике на журнальную редакцию повестей Никитина с возмущением отмечал историю “с нападками... на крупного советского источниковеда С.Н. Валка” и в том числе упорное игнорирование его ответа⁵. Представляется весьма ценным переиздание этой принципиально важной статьи С.Н. Валка в “Избранных трудах” (СПб., 1991. С. 313–322) с подробными комментариями публикаторов.

Высокий авторитет С.Н. Валка в Пушкинском Доме складывался годами. Он определялся его трудами, а также участием в заседаниях, научных конференциях, наконец, в изданиях ИРЛИ⁶. Поддерживался он и благодарной памятью сотрудников ИРЛИ, бывших студентов исторического факультета ЛГУ: Я.С. Лурье, Н.А. Казаковой, Р.П. Дмитриевой, М.А. Салминой, Г.М. Прохорова. Недаром среди фотографий ученых старшего поколения в одной из комнат Отдела древнерусской литературы уже более 20 лет находится портрет Сигизмунда Натановича – автолитография работы Г.Д. Гликмана (63×43 см) с датой “13/ХІІ-67 г.”, подписью “С. Валк” и инициалами автора “ГДГ”⁷. Достойным дополнением к этому портрету представляется словесный образ ученого в заметке Д.С. Лихачева “Штрихи из облика С.Н. Валка”⁸.

⁴ Имеются в виду статьи: 1) И.Н. Болтин и его работа над Русской Правдой // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV (В честь 70-летия В.П. Адриановой-Перетц). С. 650–656; 2) Рецензия на кн.: *Мальшев В.И.* Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). М.; Л., 1965 // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 105–106; 3) В.Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // XVIII век: Сборник 7 (К 70-летию П.Н. Беркова). М.; Л., 1966. С. 66–73; 4) “Вельможи” в “Истории Российской” В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV (К 80-летию В.П. Адриановой-Перетц). С. 349–352; 5) Август Людвиг Шлёцер и Василий Никитич Татищев // XVIII век: Сборник 10 (Памяти П.Н. Беркова). Л., 1975. С. 190–199; 6) Еще раз о Болтинском издании Правды Русской // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX. С. 324–331; 7) Страничка из истории советской археографии // Культурное наследие Древней Руси (Сборник к 70-летию Д.С. Лихачева). Л., 1976. С. 428–431; 8) Отзыв о рукописи Д.С. Лихачева “Текстология” // *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. С. 263–265.

⁵ См.: *Лихачев Д.С.* В защиту “Слова о полку Игореве” // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 80–99.

⁶ Напомним, что в сборнике, посвященном 75-летию С.Н. Валка, опубликованы статьи сотрудников Пушкинского Дома (В.П. Адриановой-Перетц, М.П. Алексеева, П.Н. Беркова, Я.С. Лурье, Д.С. Лихачева, В.И. Мальшева) // Исследования по отечественному источниковедению / Труды ЛОИИ. М.; Л., 1964. Вып. 7.

⁷ По сообщению Л.Е. Анкудиновой, скульптурный портрет (голова) С.Н. Валка работы Г.Д. Гликмана был передан на истфак ЛГУ. Высокую оценку этой скульптуры находим в статье: *Прибульская Г.* В мастерской скульптора // Художники Ленинграда. Л., 1960. С. 56–57. Стало быть, скульптура была выполнена до 1960 г., а автолитография позднее, через 17 лет, а именно к 80-летию С.Н. Валка.

⁸ *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. С. 334–335. Автор настоящей заметки, как оказалось, владеет автографом С.Н. Валка: его подпись в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии поставлена в дипломе Б № 015985 от 30 июня 1948 г. об окончании О.А. Белобровой исторического факультета ЛГУ (выдан 13 ноября того же года).

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 175-ЛЕТИЮ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Заседание открыл председатель Археографической комиссии *С.О. Шмидт*¹. Поднятую им проблему публикации наследия декабристов развил *С.В. Мироненко* (ГАРФ) в своем докладе “Государственный архив Российской Федерации к 175-летию юбилею восстания декабристов”².

На вопрос *С.О. Шмидта* о самых последних исследованиях, выходящих в этом ряду, *С.В. Мироненко* упомянул возродившуюся серию “Полярная звезда”, альманах молодых историков Санкт-Петербурга, исследования о декабристах на Кавказе, проводимые в Русском историческом обществе. Особо были упомянуты выходящие спорные работы, дающие неожиданные, радикальные трактовки истории восстания, в частности, диссертация, написанная под руководством *А.Н. Цамутали*, представляющая следствие по делу декабристов, сфабрикованным наподобие “дела врачей” и других подобных следствий сталинской эпохи. И хотя сам *С.В. Мироненко* эту идею категорически не поддерживает, в спорах, идущих вокруг декабристов, ему видится залог будущего развития темы.

С.О. Шмидт обратил внимание собравшихся на тот отрадный факт, что в исследованиях, касающихся декабристов, именно архивы, и в данном случае ГАРФ, становятся средоточием плодотворной научно-исследовательской работы, объединяющей и вузы, и научные учреждения.

Э.А. Павлюченко (Москва), в продолжение темы новых проектов ГАРФ, высоко оценила последнюю выставку, посвященную юбилею восстания. В своем докладе она рассказала об опыте работы над историей жизни и литературным наследием *Николая Михайловича Муравьева* – одной из самых трагических, по ее мнению, фигур среди декабристов: *Муравьев*, осужденный как “враг дворянского сословия”, после смерти был порицаем за отсутствие на Сенатской площади в часы восстания; начавший с экстремизма и радикализма, ратовавший за царевубийство, затем изменил взгляды в пользу либерально-конституционного направления. Интеллектуал, воспитанный на идеях просвещения, религиозный и честный человек, *Муравьев* является одной из самых закрытых личностей – до конца не понятой и не познанной современниками. Это определяет особенную важность публикации его писем (258 “досибирских” писем за 1813–1826 гг.” составляют издание “*Никита Муравьев: Письма декабриста: 1813–1826 гг.* (М., 2001). Никто из декабристов не оставил потомкам такого огромного комплекса сохранившихся эпистолярных писем, подготовленные к изданию, характеризуют становление личности *Муравьева*, его интересы, занятия, людей, его окружавших, отражают впечатления зарубежных походов 1813–1815 гг. и воспроизводят хронику жизни в имени накануне ареста 20 декабря 1825 г.

¹ Текст вступительного слова *С.О. Шмидта* см. наст. изд. С. 8–21.

² Текст доклада см. наст. изд. С. 3–7.

Одно из ярких впечатлений Э.А. Павлюченко – поездка в г. Бор Нижегородской области, бывшую деревню, принадлежавшую Муравьевым (последнее место, где Н.М. Муравьев жил на свободе). Как и другие выступавшие, она тепло отзывалась о провинциальных краеведах, историках-энтузиастах, сохраняющих и изучающих места, связанные с жизнью декабристов.

С.О. Шмидт добавил несколько слов к докладу Э.А. Павлюченко, отметив, что высокопрофессиональные публикации материалов, осуществляемые исследователями-декабристоведом, способствуют изучению истории повседневности, приоритетной сейчас во всем мире.

Выступавший затем В.А. Федоров (МГУ) еще раз обратил внимание собравшихся на тревожные, по его мнению, симптомы в историографии восстания декабристов, выражающиеся в выходящих, наряду с объективными исследованиями, спекулятивных “походах против декабристов”. Главным “возражением” подобным исследованиям он считает новые высококачественные публикации документальных материалов – в настоящее время опубликованы лишь треть следственных дел лиц, преданных суду, и фрагменты наследия декабристов; подготовлены тома по отдельным обществам и “Союзу благоденствия”. Была подчеркнута важность публикации эпистолярных материалов, раскрывающих мир декабристов как явление культуры, в непосредственной связи с предшествующим и последующим поколениями.

В.А. Федоров рассказал о подготовке документального издания о декабристе П.Н. Свистунове (1803–1889). В 1823 г. он вступил в петербургскую “управу” Южного общества, вскоре стал ее руководителем и членом Северного общества, принимал деятельное участие в привлечении новых членов и в разработке планов царевубийства. Верховный уголовный суд приговорил его к “вечной каторге”, замененной по конфирмации царя 20-летней, которую Свистунов отбывал в Читинском остроге и на Петровском заводе. С 1835 г. он жил на поселении в с. Каменка Иркутской губернии, затем в г. Курган и в Тобольске, а в 1863 г., через 7 лет после амнистии, поселился в Москве. П.Н. Свистунов часто виделся с товарищами по тайному обществу – М.А. Бестужевым и М.И. Муравьевым-Апостолом; в 1878 г. он встретился с Л.Н. Толстым, собиравшим материалы для романа “Декабристы”, передал ему ценные сведения о декабристах и их женах. Завязав дружеские отношения с издателями исторических журналов, Свистунов опубликовал мемуары в “Русском архиве” и предполагал продолжить их в “Русской старине”. Человек разнообразных дарований, П.Н. Свистунов был прекрасным виолончелистом и пианистом, хорошим литератором и публицистом (широко известна его работа “О кредите”, 1862 г.).

В Иркутске, в Восточно-Сибирском издательстве, в серии “Полярная звезда” готовится двухтомное издание сочинений и писем П.И. Свистунова (некоторые сочинения и огромное эпистолярное наследие публикуются впервые). В.А. Федоров является составителем, автором вводной статьи и комментариев к изданию. В 2001 г. предполагается выход первого тома.

По мнению В.А. Федорова, в последнее время видна тенденция принижать и даже представлять в негативном свете гражданский и нравственный подвиг декабристов, и приведенные им слова П.Н. Свистунова являются своеобразным ответом на эти построения: “Не подлежит сомнению тот факт, что люди, замышлявшие переворот в России, подвергались неминуемой потере всех преимуществ, какими пользовались вследствие положения своего в обществе, поэтому ни в корысти, ни в честолюбии заподозрены быть не могут. Лишь пламенная любовь к отечеству и желание возвеличить его, доставив ему все блага свободы, могут объяснить готовность пожертвовать собою и своей будущностью. При несоразмерности способов с предназначаемою целью люди практически вправе назвать такое предприятие безрассудной мечтой, но чистоту намерений не имеют права оспаривать”³.

³ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2. С. 255.

М.П. Мироненко (АК) рассказала о подготовке ею в соавторстве с С.В. Мироненко двухтомного издания сочинений и писем И.И. Пущина (издание осуществляется по гранту РГНФ). В нем впервые представлен полный текст выявленного к настоящему времени эпистолярного наследия декабриста (612 писем). Во всех предшествующих изданиях преобладающая часть писем приводилась со значительными сокращениями или в отрывках. Первый том (“Наука”, 1999) включает “Записки о Пушкине” и письма за 1816–1849 гг. Из них 66 писем публикуются впервые, а еще 77 писем также впервые приводятся полностью. Внесенные дополнения во много раз по объему превосходят ранее опубликованные тексты. Второй том, который вышел в свет в 2001 г., включает письма 1850–1859 гг. И “Записки о Пушкине”, и все письма (за исключением хранящихся в Красноярском краеведческом музее) заново сверены с подлинниками. Тексты лишь трех писем, автографы которых не удалось обнаружить, воспроизводятся по первым публикациям. М.П. Мироненко отметила, что эпистолярное наследие Пущина занимает совершенно особое место в истории русской общественной жизни. Пущин играл уникальную роль в декабристской ссылке. В течение многих лет он упорно переписывался со множеством товарищей по изгнанию, разбросанных по Сибири, и был для них объединяющим информационным, да и материальным центром (будучи распределителем средств декабристской артели). Благодаря Пущину декабристы узнавали о судьбе своих товарищей, поддерживали связь друг с другом, продолжали осознавать себя частью общего круга. Его переписка – поистине энциклопедия сибирской жизни декабристов.

Письма Пущина дошли до нас далеко не в полной мере. В сохранившейся части писем к нему – 133 автора, адресатов его писем немногим больше 50. Отсутствуют письма более 20 декабристов, с которыми он поддерживал регулярное письменное общение. В “Журналах регистрации писем” за 1832–1835 гг. в архиве Волконских отмечено, что М.Н. Волконская написала под диктовку Пущина более 110 писем, из которых не известно ни одно. Поиск писем Пущина, несомненно, будет продолжен, и, возможно, на этом пути ждут новые важные находки.

С.В. Мироненко в продолжение доклада рассказал о своих впечатлениях от посещения музея в доме декабриста В.П. Ивашева в Туринске, где бывал и Пущин – музея, ставшего ярким центром культурной жизни.

В выступлении *К.Ю. Ерусалимского* (ИРИ) было рассказано о судьбе В.Ф. Тимковского, чиновника и исследователя жизни князя Курбского. На основе автобиографических записок и семейной переписки Максимовичей была показана степень его причастности к кругам заговорщиков и “Кавказскому обществу”, анализировались сведения о жизни Тимковского в конце 1825 и начале 1826 г.⁴

Доклад *П.М. Шульгина* (Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева) “Декабристы в современном Ялуторовске” познакомил собравшихся с памятными местами современного Ялуторовска, районного центра Тюменской области. Историки чаще всего вспоминают этот город в связи с ссыльными декабристами. Действительно, в Ялуторовске проживали такие выдающиеся фигуры, связанные с декабрьским восстанием 1825 г., как М.И. Муравьев-Апостол, И.Д. Якушкин, И.И. Пущин, В.К. Тизенгаузен. В городе в разное время также находились Н.В. Басаргин, В.И. Враницкий, А.В. Ентальцев, Е.П. Оболенский, А.И. Черкасов. Враницкий и Ентальцев похоронены на старом городском кладбище.

Декабристы оставили яркий след в истории Ялуторовска. Именно в этом небольшом сибирском городке по инициативе И.Д. Якушкина в 1846 г. была открыта первая в Сибири (!) школа для девочек. Еще раньше, в 1842 г., начала работать школа для мальчиков, также организованная при прямом участии сосланных декабристов. Интересно отметить, что для этих школ Якушкин сам

⁴ Статья по материалам этого доклада будет опубликована в АЕ за 2001 год.

написал учебники географии, истории, биологии. Преподавание в школах велось по системе Белля-Ланкастера, что позволяло взаимно обучать детей различного возраста, а ботаника и зоология изучались путем экскурсий и непосредственных наблюдений.

Декабристы помогали местному населению в лечении, часто выступали в роли ходатаев по их просьбам. Впервые в этом краю ими велись научные исследования – наблюдения за природой, бытом различных групп местного населения, научные описания сельского хозяйства.

В домах где жили М.И. Муравьев-Апостол и И.Д. Якушкин был организован Музей памяти декабристов (который в настоящее время входит в состав городского музейного комплекса). На привокзальной площади Ялуторовска в 1997 г. установлен памятник декабристам, в композиции которого бюсты всех девяти декабристов, проживавших в городе. На старом кладбище находится надгробный памятник на могиле А.В. Ентальцева, а в 1992 г. установлен памятник Вацлаву Враницкому (работа местного скульптора В.Н. Шарапова). Идет реставрация деревянного здания школы Якушкина, которая является памятником истории и культуры федерального значения. В восстановленном здании предполагается разместить музейную экспозицию по истории этой школы (ланкастерский класс уже воссоздан в другом здании, и на его примере можно проводить как исторические уроки, так и современные занятия).

Но есть и еще одно очень яркое свидетельство сохранения памяти декабристов в современном Ялуторовске. Ученые Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, работающие над перспективной программой развития города, назвали его *просветительской и культурной традицией в формировании современной общественной жизни Ялуторовска*. Пребывание в Ялуторовске декабристов сделало город открытым для новых идей, новых знаний, которые приносили с собой политические ссыльные. И в настоящее время Ялуторовск продолжает активно воспринимать новые знания и развивает заложенные еще в XIX в. просветительские идеи.

Активно развивается сфера музейной и просветительской деятельности. В городе формируется уникальный музейный комплекс, в состав которого входят Музей декабристов, Краеведческий музей, Дом природы, школа Якушкина. Примечательно то, что развитие этого комплекса не подчинено задачам только музеефикации прошлого, музеи призваны играть активную роль в современной жизни города. Так, основой краеведческого показа истории края является экспозиция “Хлеб и масло Сибири”, которая связывает прошлое города с работой крупнейших современных предприятий городского хозяйства. Точно так же музей в школе Якушкина будет и городским образовательным центром.

Город поддерживает работу музыкальной и художественной школ (можно отметить, что выпускники музыкальной школы получили несколько призов на общероссийских детских дельфийских играх). Нестандартная работа ведется в Центре национальных культур с татарским, немецким, казахским, украинским и другими землячествами. За последние пять лет Ялуторовск украсился несколькими памятниками, отметившими в том числе и подвиг воинов-горожан, и место основания города, и место разрушения центрального городского собора (часовня с фрагментом музейной экспозиции и макетом разрушенного храма). Здесь установлен первый в России памятник Савве Мамонтову – выдающемуся деятелю русской культуры, предпринимателю и меценату, уроженцу города.

Фактически главным городским праздником являются ежегодные Декабристские вечера. Они проводятся во второй половине декабря уже в течение 12 лет и дают возможность показа как городских культурных достижений, так и встреч с гостями из других регионов. На праздничные дни в город обычно приезжают потомки декабристов, даются спектакли местного народного театра, проводятся

конкурсы исполнителей, приглашаются коллективы из других городов Тюменской области, устраиваются научные встречи.

Ялуторовск имеет перспективную программу сохранения и использования историко-культурного и природного наследия города и его окружения. Данная программа утверждена городской Думой, по ее реализации принято несколько официальных документов и она уже в течение нескольких лет служит, по сути, стратегическим планом развития культуры города. Но, пожалуй, самым уникальным является то, что Ялуторовск – единственный исторический город Российской Федерации, по которому принят специальный закон – закон Тюменской областной Думы, дающий городу определенную финансовую и организационную поддержку.

Для Института культурного и природного наследия работа с Ялуторовском является довольно удачной формой сотрудничества. С одной стороны, здесь представляется возможность разработки ряда новых научных идей, дополненная также и возможностью их реализации в атмосфере общегородской культурной активности. С другой стороны, это и форма восприятия учеными проблем современной жизни небольшого сибирского города во всей их сложности и разнообразии.

Влияние декабристов в форме специфической просветительской традиции прослеживается в создании особой духовной атмосферы в городе, пробуждении общественного сознания. Ялуторовск становится городом, активно включившимся в общественно-политическую и культурную жизнь России.

В заключение С.О. Шмидт поблагодарил всех участвовавших в заседании и пожелал успехов в развитии этой богатой материалом и очень важной темы – уже за гранью тысячелетий.

Т.В. Лохина

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

В.Н. Малов

ЗАПАДНЫЕ РУКОПИСИ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ХРАНИЛИЩАХ РОССИИ

I. Грамоты Ростовского музея

В музее Ростова Великого хранятся четыре латинские грамоты итальянского происхождения XV–XVII вв. (номера от P-1530 по P-1533). Об одной из них, самой поздней (P-1533; наш № 4) известно, что она была получена музеем в дар от Амфилохия, епископа Угличского 1 марта 1889 г. Собственноручная запись основателя и хранителя музея А.А. Титова на обороте грамоты P-1532 (наш № 3) свидетельствует о том, что ее подарил известный историк-иезуит, видный специалист по истории России П. Пирлинг; установлено, что это произошло в октябре 1909 г. Время поступления в музей двух остальных грамот точно не известно; ясно лишь, что это произошло в период после основания музея в 1883 г. и до революции 1917 г. Ниже следуют аннотации на эти грамоты.

*№ 1. 24 июля 1412 г. Верчелли (Пьемонт).
Готический курсив.*

Нотариальный акт о подтверждении инвеституры на участок в 22 модия луга, который держит в форме эмфитевтического держания гражданин г. Верчелли, по профессии юрист Франческо де Паоли де Агациис.

Инвеститура подтверждается от имени администратора госпиталя св. Андрея (с которым объединился госпиталь св. Бригиты, или “госпиталь шотландцев”) в Верчелли Джованни ди Дионисио де Каресана и брата Гульельмо де Граба как представителя капитула объединенного госпиталя. Описаны границы участка. Размеры ежегодного держательского платежа (фикта): 6 лир деньгами или эквивалент в натуре: на 4 лиры оливкового масла или на 2 лиры воска. Госпиталь обещает защищать права держателя и его наследников на участок при условии возмещения ему связанных с этим издержек. При продаже держания держатель выплачивает госпиталю 20 сольди (т.е. 1 лиру); при этом он не имеет права продавать держание другим госпиталям, церквям и монастырям, рыцарям и магнатам, а также “людям с дурной репутацией, не имеющим на то права и неплатежеспособным”.

Госпиталь признает, что получил сполна от держателя все причитающиеся платежи за прошлые годы. В случае нарушения договора госпиталем он обязуется возместить держателю убытки и судебные издержки.

Акт изготовлен нотариусом г. Верчелли Антонио Траффо.

*№ 2. 10 февраля 1508 г.¹ Кремона (Ломбардия).
Ранний гуманистический курсив.*

Нотариальный акт об уступке небольшого участка (8 пертик пахотной земли) доктором медицины Бальзарино де Аймис в пользу доктора медицины Джироламо де Каренцо-

¹ В оригинале 1507 г. Началом года в Кремоне считали день Благовещения (25 марта).

нибус и Маркантонио де Аймис, на правах свободного аллода. Уступка объясняется тем, что при проверке соответствия реальных и документально зафиксированных размеров владения, совладельцами которого являются в качестве наследников прошлых владельцев Джироламо и Маркантонио, была выявлена недостача 8 пертик земли.

Акт составлен тремя нотариусами г. Кремоны: Джованни де Ферариис, Симоне и Джакопо делла Фосса.

Имена Джироламо и Маркантонио упоминаются в завещании Никколо де Аймис, отца Маркантонио (3 ноября 1500 г., Кремона), опубликованном в отечественном издании актов Кремоны². Джироламо де Каренцонибус был после смерти своего отца Леонардо опекуном Маркантонио (видимо, его кузеном по матери). В составлении завещания участвовал один из заверителей данного акта Джованни де Ферариис.

№ 3. 12 января 1529 г. Суна (ныне в составе г. Палланца, пров. Новара, Пьемонт).

Итальянский деловой курсив XVI в. ("меркантистка").

Нотариальный акт о покупке жителем Суны Бартоломео Цукинети за 75 лир либеллярного держания у жителей Суны Комено Понгини, Джакопо Бургинати и Пьетро Кути, при условии ежегодной поставки этим продавцам 5 стариев (ок. 120 кг) пшеницы в смеси с рожью и просом. Получив акт инвеституры на купленное им держание от Леонардо Гранерио, также жителя Суны, Бартоломео будет иметь право "директум доминиум" и получения фикта с субдержателей.

Акт составлен нотариусом Джамбатистой из Колле-ди-Палланца и заверен, кроме него, также и его отцом, нотариусом Маркантонио (отец последнего Джанфранческо был также нотариусом).

№ 4. 14 мая 1675 г. Рим.

Гуманистический курсив (тип "италика").

Грамота, выданная от имени кардинала Палуцци Альтьери как покровителя Конгрегации св. Троицы и членов римского руководства этой конгрегации. Адресована братству Иоанна Евангелиста, Иакова Старшего и св. Антония Великого в г. Бергамо (Ломбардия). Удовлетворяя просьбу братства о приеме в состав Конгрегации св. Троицы, переданную его прокуратором Андреа Петти, руководство конгрегации соглашается распространить на членов братства правила отпущения грехов и привилегии, принятые для членов конгрегации. Братство должно в трехмесячный срок заняться делами, на которых специализируется конгрегация (обслуживание больных, паломников, оказание вспомоществования вступающим в брак девушкам) и добавить к своему названию слова "св. Троицы".

Для сведения братства полностью приводится текст двух документов:

а) грамота папы Павла V от 2 октября 1606 г., где перечисляются случаи, в которых членам Конгрегации св. Троицы может быть дано полное отпущение грехов;

б) "конституция" папы Климента VIII от 7 декабря 1604 г., определяющая правила приема новых братств в состав церковных орденов, конгрегаций и других религиозных объединений; особо подчеркивается необходимость получения на то согласия от местных епископов (в Риме от викария папы), которые и впредь должны сохранять определенный контроль над деятельностью находящихся в их епархиях филиалов религиозных объединений.

Текст грамоты стандартный, название бергамского братства и имя его представителя вписаны в оставленные пробелы. Имеются подписи кардинала Альтьери и членов руководства конгрегации.

Грамота украшена изображением сцены Распятия; по бокам – большие гербы папы Климента X (Эмилио Альтьери, 1670–1676) и Рима; внизу, меньшего размера – герб кардинала Альтьери.

Как видим, четыре документа не связаны между собой по содержанию. Однако в географическом отношении они относятся к одному ареалу. При этом, если оставить в стороне последнюю грамоту, полученную от епископа Амфилохия,

² Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии наук СССР. М.; Л., 1961. С. 208–214.

то три оставшиеся однородны также и по своему характеру (нотариальные акты). Отметив на карте Италии места их изготовления (Верчелли, Кремона, Суна), мы увидим, что они как бы расположены по окружности радиусом 60–75 км, описанной вокруг такого крупнейшего культурного центра, как Милан. Можно предположить (особенно если мы допустим, что запись А.А. Титова относится не к одной, а ко всем трем грамотам), что Ростовский музей обладает “осколком” очень известной коллекции миланского писателя и палеографа Карло Морбио, основная часть которой была приобретена после смерти коллекционера на аукционе в Лейпциге в 1889 г. библиотекой университета в Галле – Виттенберге (Германия), ныне она там и хранится³. Состав этой коллекции, содержащей документы из Кремоны и других расположенных вокруг Милана североитальянских городов, в целом соответствует составу данного документального комплекса.

II. Казанский сборник

В перечне рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета по состоянию на 1 декабря 1903 г. под шифром 61987 А/1 упомянут “Сборник документов” (“Recueil de pièces”) конца XV – XVII в.⁴ Судя по записи на первом листе, этот сборник был передан в библиотеку 23 августа 1896 г. Дмитрием Илариевичем Образцовым, гласным Казанской городской думы. Он был врачом по профессии и известным казанским коллекционером, собиравшим печатные книги и рукописи как на русском, так и на западных (французском, немецком и латинском) и на восточных языках⁵. Ныне рукопись хранится под № 4607, в ней 781 с. in-folio; опубликованный инвентарь определяет ее как сборник копий документов XIV–XVII вв. из архивов французских парламентов⁶ – определение неполное и неточное.

Прежде всего, нужно отметить, что речь идет о сборнике копий, исполненных одним и тем же парадным почерком, который по палеографическим характеристикам датируется началом XVIII в. О том же свидетельствуют две характерные описки в датах (с. 427): вместо “1311 г.” стоит “1711 г.”, а вместо “1312 г.” – “1712 г.” Копиист, безусловно, не занимался самостоятельной подборкой материалов, но переписывал тексты из некоего протографа, причем делал это довольно механически: в целом ряде случаев простые пометы технического характера на полях он воспроизвел самым крупным шрифтом, как заголовки.

В сборнике действительно имеется немало копий судебных постановлений французских парламентов, но еще больше выписок из различных печатных изданий, исторических сочинений и собраний законодательных актов как Франции, так и других стран: Англии, Шотландии, Испании, Португалии, Швеции, Польши, Венгрии. В тематическом отношении все эти материалы объединяет интерес составителя к нескольким темам, прежде всего к теме уголовных процессов по делам о государственной измене (об “оскорблении величества”), а также к вопросам церемониала в связи с церемониальными привилегиями канцлеров, президентов парламента и т.п.

Деятельность составителя того собрания-протографа, с которого делал свои выписки копиист XVIII в., прервалась в 1640-е годы. В списке первых президен-

³ См.: Там же. С. 41.

⁴ Список рукописей и редких книг, хранящихся при библиотеке Императорского Казанского университета в особом помещении. На 1 декабря 1903 г. // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1904. Кн. 9. С. 3–29.

⁵ Качанов Н.Ф. Несколько слов о казанских коллекционерах // Казанский музейный вестник. 1920. № 7/8. С. 43. Выражаю признательность за эту информацию заведующему отделом рукописей и редких книг библиотеки В.И. Шишкину.

⁶ Описание рукописей Научной библиотеки им. Лобачевского. Казань, 1961. Вып. VIII. С. 44–46.

тов Парижского парламента (с. 377–380) последним назван Матье Моле, занимавший этот пост с 1641 по 1653 г., тогда как на с. 700 назван “ныне живущим” принц Анри Конде, скончавшийся 26 декабря 1646 г.

Кем был этот человек? К счастью, копиист XVIII в. на с. 374–376 переписал составленную им краткую тематическую опись всего его архива, где были отмечены и его семейные бумаги (“19. Письма моей сестры Галлер и ее мужа, моего брата и моей сестры Камерариус”; “22. Письма отца и матери”), а на с. 236 имеется отсылка на принадлежащие ему сочинения по вопросам церемониала. Все эти указания, несомненно, приводят нас к Теодору Годфруа (1580–1649), знаменитому французскому историку-архивисту, занимавшему с 1617 г. должность историографа Франции, автору капитального труда “Французский церемониал” (1619), публикатору ряда исторических сочинений.

Т. Годфруа был сыном известного ученого-правоведа Дени Годфруа (1549–1622), который в 1579 г., перейдя в кальвинизм, эмигрировал в Женеву, а затем преподавал в Гейдельберге и Страсбурге, где и умер. Теодор проделал обратный путь: родившийся в Женеве, в 1602 г. он переезжает в Париж и переходит в католичество, становится адвокатом при Парижском парламенте. Это дало ему возможность заняться архивистскими штудиями: Парижский парламент в то время ведал главным государственным архивом (“Сокровищница Хартий”), и Годфруа совместно с Пьером Дюпюи в 1615–1626 гг. составил его инвентарь. В октябре 1643 г. он был отправлен в Мюнстер в качестве эксперта при французской делегации на мирных переговорах, положивших конец Тридцатилетней войне, 5 октября 1649 г. он там и умер, не успев вернуться из командировки.

Коллекция Т. Годфруа состояла почти исключительно из копий архивных документов и выписок из печатных книг. Его сын Дени (1615–1681) пополнил ее многими оригинальными документами. Ныне эта коллекция является необходимым дополнением к бумагам, хранящимся в Национальных библиотеках как Парижа, так и Санкт-Петербурга. Коллекция Годфруа хранилась в их семействе до 1746 г., когда правнук Теодора продал ее королевскому прокурору при Парижской ратуше Антуану Морио, который в 1759 г. завещал ее Библиотеке ратуши. Вместе с ней она была передана в 1797 г. в Библиотеку Института (Академии) Франции, где и хранится поныне, имея в своем составе более 550 томов рукописных материалов. Итак, казанский манускрипт был составлен еще в то время, когда коллекция Годфруа была их частным собранием.

Составляющий его копиист имел дело прежде всего с теми 14 томами из собрания копий Т. Годфруа, которые были посвящены специально преступлениям “оскорбления величества” (Collection Godefroy. Т. 109–122). Об их содержании можно судить по достаточно подробному каталогу, опубликованному Ф. Жебленом⁷. После сличения нашей рукописи с этим каталогом можно с уверенностью сделать вывод, что в ней с. 1–69 списаны с материалов т. 118; с. 123–201 и 214–367 – с т. 119; с. 451–502 и 582–597 – с т. 116 коллекции Годфруа: во всех этих случаях мы имеем дело с одинаковым подбором копий, расположенных в том же самом порядке.

К сожалению, нельзя сказать ничего о том, кто мог быть заказчиком копирования. Еще будучи частной, коллекция Годфруа была широко известна и популярна, так что заказать копии с ее материалов, посвященных такому увлекательному сюжету, как история политических заговоров, мог из чистой любознательности кто угодно. Не обладая ценностью уникального источника, Казанская рукопись является наглядным свидетельством этой популярности.

Добавлю, что скромное собрание западных рукописей Библиотеки Казанского университета после революции практически не пополнилось. Из него лишь ис-

⁷ Gebelin F. Collection Godefroy. Catalogue. P., 1914. 949 p.

чез отмеченный в дореволюционных описаниях сборник копий актов шведских королей, относящихся к Прибалтике (в основном, второй половины XVII в. – “Königliche Schwedische Revisions-Verordnungen”. 130 p.)⁸, зато появились шведскоязычные оригиналы двух небольших писем шведских монархов: Карла XI полковнику Ремберту фон Функену от 21 февраля 1684 г. и Карла XII коменданту Нарвы генерал-майору Горну от 25 мая 1701 г.; последнее письмо может представлять интерес для истории Северной войны.

III. Польские судебные книги Ярославского архива

Весьма необычное вкрапление в коллекции рукописей областного архива Ярославля – города, столь далекого от границ Польши – представляют пять томов таких важных для истории польского общества XVII в. подлинных документальных регистров, как судебные книги из Люблина и Хелма. Они входят в “Коллекцию рукописей”, лишенные отсылок на какой-либо ведомственный или личный фонд, и самые общие упоминания о них можно найти в архивных описях этой коллекции, причем даже здесь они, несмотря на явную общность их архивного происхождения, не объединены в одну группу⁹. Перечислим все эти регистры, составленные на латинском языке. Отметим, что четыре из них происходят из Люблинского воеводства, а один – из соседнего Хелмского. Надо иметь в виду, что польские судебные книги XVII в. делились на несколько специализированных разновидностей. Лишь одна из рукописей – действительно сборник записей судебных решений, остальные четыре представляют так называемые *libri inscriptionum*, т.е. составлявшиеся при судах книги нотариальных записей частных актов, приобретающих таким образом юридическое подтверждение¹⁰.

№ 354. “Acta testamentorum et inventariorum” суда Люблинской ратуши (январь 1639 – июль 1643 г.), 189 л. Это *liber inscriptionum* в его специализированной разновидности: книга содержит исполненные одним мелким чистовым почерком записи завещаний и описей имущества, составленных со слов завещателей; в тексте документов латинский язык перемежается с польским. Вели ее, под началом адвоката Люблинской ратуши Ольбрахта Левицкого, нотариусы Ратушного суда Петр Закульский, а затем (когда Закульский стал скабином) Станислав Конопница.

№ 1279. “Acta campestris granitiales” подкоморского суда Люблинского воеводства и двух его поветов, *Urzendoviensis et Kucoviensis* (июнь 1662 – июнь 1672 г.), 72 л. Подкоморские шляхетские суды были узко специализированными трибуналами, судившими на месте споры о границах частных владений. Данный суд возглавлял тогда подкоморий Адам Пшонка; книга содержит записи судебных решений.

№ 1242, 1010 с.; № 1241, 653 л. Две *libri inscriptionum* Люблинского гродского (старостинского) суда соответственно за 1685 и 1687 гг. Гродские суды, возглавлявшиеся старостами из числа магнатов, к тому времени стали основной разновидностью шляхетских судов на местах. Книги содержат записи актов о долговых обязательствах, о погашении долгов, о дарениях и т.п.

№ 1177, 864 л. *Liber inscriptionum* Хелмского гродского суда (январь 1671 – октябрь 1675 г.). Хелмским старостой был тогда Кжиштоф Потоцкий, имевший также придворный чин чашника (*rocillator*) в Великом княжестве Литовском; книга прерывается известием о его смерти (“*interveniente morte et lugubri obitu*”). Вел ее собственноручно вице-нотариус гродского суда Ян-Кароль Бжозовской, по содержанию книга аналогична двум вышеупомянутым книгам Люблинского гродского суда.

⁸ Артемьев А.И. Описание рукописей, хранящихся в Библиотеке Императорского Казанского университета // ЛЗАК. СПб., 1884. Вып. VII. Отд. III. С. 347 (шифр.: CLXX N 9275); в описании на 1903 г.: I/34.

⁹ Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области. Ярославль, 1957. Оп. 1. № 354; Оп. 2 (машинопись). № 1177, 1241, 1242, 1279.

¹⁰ См.: *Historia państwa i prawa Polski od połowy XV w. do r. 1795*. Warszawa, 1957. Cz. II. Str. 153–154.

Каким образом все эти рукописи могли оказаться в Ярославле? По словам ярославских архивистов, их появление на берегах Волги было связано с вывозом архивных материалов во время отступления русских войск из Польши в 1915 г. Действительно, в архивной описи коллекции при описании д. № 288 (“архив И.А. Тихомирова”) упоминается об указе Синода от 26 августа 1915 г. на имя архиепископа Ярославского Агафангела касательно эвакуации церковного имущества из Волынской епархии именно в Ярославль. Люблин и Хелм находятся в юго-восточной части Польши, вплотную прилегающей к украинской Волыни. Конечно, дело не могло ограничиться вывозом нескольких рукописей. Возникает вопрос, зачем нужно было идти на дробление единых архивных фондов? К сожалению, для меня оказались недоступными как “архив И.А. Тихомирова” (в связи с процедурой его перевода из “коллекции” в разряд личных фондов), так и фонд Ярославской архивной комиссии (в связи с его микрофильмированием). Итак, многие вопросы остаются.

Не исключено, что затерянность польских рукописей в Ярославле сослужила добрую службу: о них не вспомнили, когда по условиям Рижского мира 1921 г. понадобилось возвращать Польше документы, относящиеся к ее истории, и они не погибли в Варшаве под бомбами в 1939 г., как это было с переданными полякам многими рукописями из коллекции Залуских (РНБ). В настоящее время польским историкам известно о хранящихся в Ярославле материалах; в частности, в 1993 г. была сделана опись судебной книги Люблинской ратуши (№ 354) для Государственного архива Польши.

Очевидно, вместе с польскими судебными книгами в коллекции Ярославского архива появились и два сборника белорусского происхождения. Один из них (№ 1229, 155 л.) содержит решения Слонимского поветового суда за 1556–1565 гг. Все эти акты составлены на белорусском языке, имевшем статус официального в землях Великого княжества Литовского, и только оглавление написано по-польски. Слоним находится в западной Белоруссии, и его также пришлось оставлять в 1915 г. О втором сборнике (№ 355, 632 л.) в архивной описи сказано: “Документы 1690-х гг. на польском и белорусском языках”, в 1962 г. он был передан в Центральное архивное управление Белоруссии.

Коллекция Ярославского областного архива имеет несколько латиноязычных рукописных философских и богословских трактатов XVIII в. русского происхождения. Все они представляют собой учебную литературу, связанную с активной деятельностью Ярославской духовной семинарии. Это не относится к более старому трактату (№ 632, 520 л.), о котором в архивной описи сказано глухо: “Записки по философии на лат. яз. XVII в.” В этой анонимной рукописи мне удалось опознать полный курс лекций по философии (“Диалектика”, “Логика”, “Физика”, “Метафизика”), прочитанных в 1702–1704 гг. в Киево-Могилянской духовной академии Христофором Чарнуцким, который являлся непосредственным предшественником по кафедре и по ректорату знаменитого Феофана Прокоповича. Судя по специальной работе Д. Вишневецкого¹¹, в Киеве в 1903 г. в библиотеках Печерской лавры и Софийского собора хранилось несколько копий данного курса. Ярославский экземпляр происходит из частной библиотеки и имеет запись “Ex libris D. Kasimiri J(uris) U(triusque) Candidati”; есть и густо зачерненная запись о судьбе рукописи после смерти первоначального владельца, в которой без специальных приспособлений можно было разобрать лишь обрывки слов: “...biblioth... vendid... dona...” Труд Чарнуцкого представляет любопытное свидетельство устойчивости традиционной схоластики в киевском преподавании накануне появления новых веяний, связанных уже с именем Феофана.

¹¹ Вишневецкий Д. Киевская академия в первой половине 18-го столетия. Киев, 1903.

IV. Книга ламанчского идалго в Иваново

Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина является одним из самых значительных по разнообразию материалов провинциальных музеев. Он носит имя своего основателя, купца и фабриканта Дмитрия Геннадиевича Бурылина (1852–1924). Еще в 1896 г. тот завещал свою большую коллекцию г. Иваново-Вознесенску, а после революции добровольно передал ее новым властям и стал хранителем Иваново-Вознесенского губернского музея.

О хранящихся в фондах музея западных рукописях очень бегло и суммарно упоминается в статье В.М. Загребина¹². Никаких печатных описей не существует, имеются лишь рукописные описания, составлявшиеся работниками музея, естественно, не лишенные ошибок. В частности, та рукопись, о которой пойдет речь ниже (№ 320), была там обозначена как некая “История Филиппа II Испанского”. Эта ошибка была связана с тем, что рукопись открывается обычным для грамот обращением от имени Филиппа II к королевским и городским должностным лицам, с полным титулом монарха.

В рукописи около 60 листов (нумерация отсутствует). Она написана по-испански на пергаменте в XVI в. Имеется запись Д.Г. Бурылина о ее покупке в 1910 г. во Флоренции.

Наш документ относится к достаточно распространенной разновидности источников – это грамота подтверждения статуса кастильского дворянства (*carta ejecutoria de hidalguia*). Подобные грамоты (изготовленные в форме не свитка, а кодекса) выдавались на руки заинтересованным лицам двумя высшими судебными трибуналами Кастилии – Вальядолидской и Гранадской канцеляриями. Они подробно резюмировали итоги рассматривавшегося в данной канцелярии судебного процесса, излагая показания всех свидетелей; этим объясняется их обширность¹³. Несколько аналогичных документов хранится в Санкт-Петербурге (в Архиве СПб ФИРИ РАН и в РНБ)¹⁴. Правда, все они исходят из Вальядолидской канцелярии, тогда как ивановская грамота была выдана ведавшей южными провинциями Кастильского королевства Гранадской канцелярией; не исключено, что она может быть рассмотрена в плане изучения различий судебной процедуры между обеими канцеляриями.

В данном случае дело шло о подтверждении дворянства рода Кольядо (*Collado*), причем в грамоту включены материалы даже двух судебных процессов. История дела такова. Еще 29 марта 1490 г. некий Антонио Кольядо возбудил в королевском суде дело о признании своего наследственного дворянства против муниципалитета Вильянуэвы-дель-Кардете (провинция Толедо, недалеко от прославленного Сервантесом Тобосо) и королевского фискала в этом городе, отстаивая свое право потомственного идалго не платить ни королевских, ни городских налогов. Для успеха ему понадобилось представить несколько свидетелей, подтвердивших дворянский образ жизни отца и деда Антонио; все их показания зафиксированы. Благодаря этому дело было решено в его пользу, и грамота от имени “католических королей” Фердинанда и Изабеллы была выдана в Вальядолиде 8 октября 1490 г.

Прошло 65 лет. Потомки Антонио Кольядо переселились на сотню километров к югу, где их не знали, так что им пришлось отстаивать свои права идалго против властей новой резиденции рода г. Вильяманрике (провинция Сьюдад-Реаль, на южной окраине Ла-Манчи) и королевского фискала в этом городе. Про-

¹² Загребин В.М. Рукописи Ивановского областного краеведческого музея (Обзор коллекции и краткое описание древнейших кириллических рукописных книг) // АЕ за 1981 год. М., 1982.

¹³ Подробная характеристика этого вида источников имеется в очерке: Ведюшкин В.А. Идалго и кабальеро: Испанское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия. М., 1997. С. 109–111.

¹⁴ См.: Там же. С. 112–114.

цесс был начат перед судом алькальдов идалгии Гранадской канцелярии правнуками Антонио Кольядо, братьями Диего и Франсиско, 8 июля 1556 г. В распоряжении братьев была грамота, полученная их прадедом, но они еще должны были доказать, что действительно являются его законными правнуками, и к делу снова понадобилось привлечь нескольких свидетелей. После положительного решения суда алькальдов дело в порядке апелляции рассматривалось в высшестоящей палате Гранадской канцелярии (палата оидоров) и окончательно было решено лишь грамотой Филиппа II, датированной “Гранада, 28 июня 1561 г.” Братья Кольядо были признаны идалго, и старший из них, лицензиат Диего Кольядо получил на руки экземпляр грамоты, которой предстояло храниться в его семье при жизни, по крайней мере, трех поколений: это удостоверяет собственноручная запись на ее последнем листе, сделанная внуком Диего, доном Антонио Кольядо.

Итак, рукопись дает немало конкретных сведений из истории рядового дворянского рода Кольядо в XV–XVI вв. К сожалению, она не сохранила первоначальный испанский переплет XVI в. вместе с удостоверявшими ее аутентичность печатями. На двух ее первых листах имеются три иллюстрации. Это изображение Богоматери с Младенцем, герб рода Кольядо и не лишняя наивной выразительности картинка из тех, которые обычно делались по воле заказчика: конный бородатый рыцарь с обнаженным мечом гонит бегущих перед ним сарацинов. Видимо, так представлял себе историю своего рода лицензиат Диего.

Что касается герба, то пока он вызывает известное недоумение. Претенциозность его элементов плохо согласуется со скромностью нетитулованного рода. Действительно, на гербовом щите, увенчанном простым рыцарским шлемом и разделенном на четыре поля, мы видим и льва в короне с герба Леоны, и замок с герба Кастилии, и традиционные геральдические фигуры: глотки чудовищ, соединенные перевязью, и *panelas* (пять листьев тополя); но нет ничего “персонального”, связанного именно с родом Кольядо. Надо еще отметить, что в весьма авторитетном испанском геральдическом справочнике Гонсалес-Дориа не упоминается о роде Кольядо, обладавшем именно таким гербом¹⁵.

Может быть, более детальное изучение ивановской рукописи специалистами поможет приблизиться к решению загадок, задаваемых ею.

Из прочих западных рукописей Ивановского музея можно указать на его единственную средневековую латиноязычную грамоту итальянского происхождения (№ 12441). Это нотариальный акт, датированный 25 октября 1501 г. и составленный нотариусами г. Бергамо (Ломбардия) в местечке Тельгате (около 15 км к юго-востоку от города). Здесь фиксируется факт обмена земельными участками между двумя родственниками, гражданами г. Бергамо, Джироламо и Джанджакомо Маренци. Как по характеру, так и по географии своего происхождения документ перекликается с тремя нотариальными актами, хранящимися в Ростовском музее и вполне может иметь общее с ними архивистское прошлое (миланская коллекция Карло Морбио).

* * *

Автор намерен продолжить выявление западных рукописей, хранящихся в наших провинциальных архивах, музеях и библиотеках (до XVIII в. включительно).

Просьба информацию посылать по адресу: Москва 111538, ул. Молдагуловой, д. 28, к. 4, кв. 44, Малову Владимиру Николаевичу. Тел. 373-61-90.

¹⁵ *Gonzales-Doria F.* Diccionario heraldico y nobiliario de los reynos de España. Madrid, 1987. 886 p.

**ДОКУМЕНТЫ О РУССКОЙ АРМИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I:
АРХИВНЫЙ ФОНД ГЕНЕРАЛА А.Я. РУДЗЕВИЧА**

Воронежский край не был затронут боевыми действиями во время войны с Наполеоном и с ним не связаны имена сколько-нибудь крупных полководцев. Из числа наиболее известных офицеров – участников войны 1812 г. можно назвать флигель-адъютанта Александра I, полковника Сергея Марина (1776–1813), сослуживцев Дениса Давыдова, братьев Михаила (1779–1833) и Николая (1786–1855) Бедряг, мемуаристов Михаила Петрова (1780–1858) и Илью Радожицкого (1788–1861)¹. Имена нескольких генералов, уроженцев Воронежской губернии, вошли в “Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг.”² Никто из них не оставил сколько-нибудь крупного блока документов, относящихся к своей службе.

Между тем, в Государственном архиве Воронежской области имеются достаточно интересные документы, относящиеся к периоду Отечественной войны и зарубежных походов русской армии, по своему происхождению и содержанию никак не связанные с местным краем. Речь идет о личном фонде генерала от инфантерии А.Я. Рудзевича (ГАВО. Ф. 83), насчитывающем 46 единиц хранения за 1780–1829 гг. Этот документальный комплекс, находящийся в Воронеже уже более 80 лет, практически никогда не привлекал к себе внимания историков³, а краеведам он был не интересен из-за отсутствия местной фактуры.

Александр Яковлевич Рудзевич (1776–1829) – сын татарина Якуба Измайлловича, оказавшего важные услуги России при покорении Крыма и пользовавшегося расположением Екатерины II. Его дети приняли православие, старший сын, Александр, после окончания в 1796 г. Греческого кадетского корпуса состоял на военной службе. В 1804–1809 гг. полковник А.Я. Рудзевич командовал Троицким мушкетерским полком, участвовавшим в боевых действиях на Северном Кавказе, в 1809–1811 гг. был командиром 22-го егерского полка и сражался против горцев. Осенью 1812 г. полк Рудзевича вошел в состав корпуса А.Ф. Ланжерона и отличился в заключительных сражениях Отечественной войны и зарубежных походах. Осада Торна, битва при Бауцене, Лейпцигская битва, взятие Монмартра, после чего сдался Париж – вехи его боевого пути. Войну Рудзевич закончил генерал-лейтенантом, кавалером ордена св. Георгия 2-й степени. Дальнейшая его служба связана с Южной армией: командир 13-й пехотной дивизии, 6-го корпуса, начальник Главного штаба 2-й армии, командир 7-го пехотного корпуса, генерал от инфантерии (22 августа 1826 г.). Командуя 3-м пехотным корпусом 1-й армии, он участвовал в основных сражениях русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и умер от сердечного приступа на зимних квартирах в Валахии 23 марта 1829 г.⁴

¹ О воронежцах, участниках войны 1812 г., см.: Воронежское дворянство в Отечественную войну. М., 1912; Литвинов В.В. Участники Отечественной войны и зарубежных походов 1813–1815 гг. из дворян и уроженцев Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1812 г. Воронеж, 1912. Отд. III. С. 185–214.

² См.: Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1996. Вып. VII. С. 288–645.

³ В состав справочников по фондам ГАВО (1961, 1987) описание фонда А.Я. Рудзевича не включено.

⁴ Давидович И. А.Я. Рудзевич // РБС. Романова – Рясковский. Пг., 1918. С. 407–414; Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники. СПб., 1846. Т. 3. С. 3–12; Российский архив... С. 540.

А.Я. Рудзевич погребен в своем имении близ г. Карасу-базара в Крыму⁵. Как участник войны с Наполеоном и корпусной командир 2-й армии, он упоминается в воспоминаниях Н.В. Басаргина, С.Г. Волконского, Н.И. Лорера, в материалах о революционной деятельности В.Ф. Раевского⁶.

Никаких пересечений в биографии Рудзевича с Воронежем не было⁷ и его личный архивный фонд попал сюда случайно в канун 100-летнего юбилея Отечественной войны. Документы оказались в руках губернского предводителя дворянства Александра Ивановича Алехина (1856–1917), по инициативе и на средства которого была издана книга “Воронежское дворянство в Отечественную войну”. В предисловии к этой книге отмечено, что А.И. Алехину “удалось купить целую пачку драгоценнейших документов из войны 1813–14 гг. во французском городке Контрексевилле, у настоятеля небольшой католической церкви. Там, в этой пачке, собственноручные приказания начальников штабов союзных армий, важные для объяснения военных действий, донесения Дениса Давыдова и других героев, частная их переписка между собой, которая во многом касается операций союзных армий, а также ценна и для понимания общего настроения в армии и тех внутренних порывов военачальников, которые обыкновенно скрыты в официальных документах, но которые зачастую являются решающими для уразумения смысла и значениях тех или иных действий”⁸.

Более подробная характеристика архива содержится в газетном отчете о выставке в память войны 1812 г., устроенном в Воронеже осенью 1812 г.: «В отделе рукописей прежде всего надо отметить несколько дел из собрания бумаг, купленных во Франции А.И. Алехиным через посредство от[ца] Стефана Зверева, а именно: “Подлинный журнал действий 1813 г.”, “Журнал секретных бумаг 1814 г.”, “План военных действий, сочиненный в 1811 г. генералом Беннигсенем”, а также автографы воронежских губернаторов [М.И.] Бравина и [М.П.] Штера, партизана-поэта Д.В. Давыдова, Витгенштейна и др.»⁹ К сожалению, в каталоге самой выставки рукописные материалы из собрания Алехина отражения не нашли, не упомянуты они и в отчете с выставки, помещенном другой воронежской газетой¹⁰, что позволило бы конкретизировать содержание архива. Вскоре, как о деле уже решенном, говорилось о передаче этих редких документов Алехиным “в собственность воронежской архивной комиссии, которая в ближайшем будущем приступит к их изучению, обработке и опубликованию”¹¹. С собранием Воронежской

⁵ Русский провинциальный некрополь: Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времён. М., 1996. Кн. 4. С. 379. Датой смерти А.Я. Рудзевича здесь указано 23 августа 1829 г., эта ошибка повторена во вступительной статье к публикации писем П.Д. Киселева. См.: Акинъшин А.Н., Долбилов М.Д. К истории одной переписки // Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу. Воронеж, 1998. С. 4.

⁶ См.: Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988; Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991; Лорер Н.И. Записки декабриста. 2-е изд. Иркутск, 1984; Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1981. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе.

⁷ То обстоятельство, что воронежским губернатором в 1836–1841 гг. был генерал-майор Николай Иванович Ладыгин (1788–1864), муж племянницы А.Я. Рудзевича, Елизаветы Андреевны, урожд. Шостак (ок. 1797–1875), нет необходимости принимать во внимание, так как семейный архив находился в это время в руках М.Е. Рудзевич и ее сына Николая.

⁸ Воронежское дворянство в Отечественную войну. С. 4. В приложении к этой книге воспроизведены автографы воронежских губернаторов М.И. Бравина (1760–1833) и М.П. Штера (1776–1847).

⁹ Граф Библио: Юбилейная выставка в корпусе // Воронежский телеграф. 1912. 13 нояб.

¹⁰ Каталог юбилейной выставки в память Отечественной войны. 1812–1912. Воронеж, 1912. 15 с.; Юбилейная выставка // Дон. 1912. 11 нояб.

¹¹ Цит. по: Поликарпов Ф.И. Празднование столетия Отечественной войны в г. Воронеже и Воронежской губернии // Памятная книжка на 1913 г. Воронеж, 1913. Отд. III. С. 147. Обещанное “опубликование” не последовало: из-за отсутствия средств издательская деятельность ВУАК почти прекратилась.

ученой архивной комиссии (ВУАК) архив А.Я. Рудзевича и поступил после революции в государственное хранилище.

В самих материалах данного фонда содержится разгадка того, как архив Рудзевича оказался во Франции. Дело в том, что его владельцем в последней четверти XIX в. был журналист и публицист Николай Васильевич Щербань (1834–1893), уроженец Таврической губернии. Щербань более всего известен как автор воспоминаний об И.С. Тургеневе¹². Жил он в основном за границей, во Франции. В конце 1880-х годов он намеревался осуществить публикацию материалов, доставшихся ему от сына-героя, генерал-лейтенанта Н.А. Рудзевича (1811–1889) “Помянутые документы далеко не лишены общесторического значения, почему желательный с этой стороны их содержания выход их в свет и последует по снабжении документального текста доступными в Париже библиотечными и архивными подробностями и дополнениями относительно 1813–1814 годов и Турецкой кампании”¹³.

Характеризуя попавший в его руки семейный архив, Щербань отмечал: “Уцелела объемистая связка неизданных писем к Рудзевичу его соратников, от Дениса Давыдова и Сабанеева до Ланжерона и Витгенштейна (между прочим и П.Д. Киселева); его писем к жене (между прочим и в тяжкий для него, роковой 1828–1829 год)”¹⁴. В 1892 г. в связи с публикацией в “Историческом вестнике” фрагментов из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского, в которых речь шла о пребывании Александра I в Крыму в 1818 г. и его встрече с сестрой А.Я. Рудзевича, “бедной татаркой”¹⁵, Н.В. Щербань подготовил к печати свои уточнения под названием “Две обмолвки” и обратился с письмом к начальнику отделения канцелярии Комитета министров Н.Н. Рудзевичу с вопросом о родственных связях его деда. Заметка не была напечатана, но отложилась в архиве¹⁶. После смерти Щербаня его бумаги остались во Франции, где и были куплены позднее Алехиным.

Не исключено, что часть документов в нынешнем фонде Рудзевича имеет другое происхождение. В папке с письмами П.Д. Киселева содержится небольшой листок с неграмотной карандашной записью (по старой орфографии): “Афтограф Киселева. Письмо Александру Яковлевичу Рудзевич. 1818 года. Из собрания А.И. Алехина. Предоставлено кадетом Жмуриным”¹⁷. В каталоге юбилейной выставки упоминался портрет подполковника Ивана Петровича Жмурина (1791–1868), принадлежавший кадету Н.И. Жмурину¹⁸. Николай Иванович Жмурин (1899–?), обучавшийся в воронежском Михайловском кадетском корпусе в 1909–1916 гг.¹⁹, приходился правнуком этому участнику войны 1812 г.²⁰ Биографическая справка об И.П. Жмурине и его портрет помещены в книге, изданной А.И. Алехиным²¹. Ни служебная, ни личная жизнь И.П. Жмурина не содержат никаких пересечений с А.Я. Рудзевичем и его потомками. Поэтому выяснить, каким образом в руках Жмуриных могло оказаться письмо П.Д. Киселева (и только ли оно одно?), не представляется возможным. Правда, помимо И.П. Жмурина, ветераном 1812 г. был еще и уроженец Воронежской губернии Никита Филиппович Жмурин (1794–1890)²², сведений о потомках которого у нас нет.

¹² См.: РБС. Шапов-Юшневский. СПб., 1912. С. 87–88.

¹³ Щербань Н.В. А.Я. Рудзевич: Историческая справка // ИВ. 1889. № 12. С. 689.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Записки А.И. Михайловского-Данилевского. 1818 год // ИВ. 1892. № 5. С. 360–373.

¹⁶ ГАВО. Ф. 83 (А.Я. Рудзевич). Оп. 1. Д. 31. Л. 12–18.

¹⁷ Там же. Д. 19. Л. 22а.

¹⁸ Каталог юбилейной выставки... С. 12.

¹⁹ ГАВО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 209.

²⁰ Там же. Ф. 29. Оп. 129. Д. 21.

²¹ Воронежское дворянство в Отечественную войну. С. 92–94.

²² Воронежский телеграф. 1890. 20 апр.

Но, вполне очевидно, что в руках Алехина оказался не весь комплекс документов, принадлежавший ранее Щербаню: в кратком описании личного фонда правителя дел Воронежской ученой архивной комиссии С.Е. Зверева (1860–1920), поступившем после его смерти в губернский архив, значились автографы Д. Давыдова²³. Видимо, речь шла о ранее упоминавшихся письмах Давыдова (с 19 февраля 1818 г. по февраль 1819 г. он был начальником штаба 7-го пехотного корпуса, а затем 3-го корпуса) к А.Я. Рудзевичу. Архив Зверева в полном объеме не сохранился, в уцелевшей его части (она находится в ЦГИА г. Москвы) материалы Д.В. Давыдова нет. Не исключено, что еще в 1930-е годы, во время проводившейся по инициативе В.Д. Бонч-Бруевича кампании по передаче рукописей русских писателей из провинциальных архивов и музеев в Гослитмузей, они могли оказаться в Москве. Хранящиеся в ОПИ ГИМ письма Д.В. Давыдова к А.А. Закревскому опубликованы лишь недавно²⁴, вполне возможно, что его письма к А.Я. Рудзевичу еще ждут своего часа.

Архивный фонд Рудзевича подразделяется на три части: материалы о службе, личная и семейная переписка, материалы Щербаня²⁵.

Документы, отложившиеся в ходе военной службы Рудзевича, немногочисленны. Это – копия плана боевых действий, составленного генералом Л.Л. Беннигсеном (1745–1826) в феврале 1811 г. (Д. 10), черновик обращения Рудзевича к Александру I от 26 ноября 1813 г. с предложением установить новый орден в честь войны 1812 г. и наградить им всех отличившихся (Д. 14), копия военной диспозиции прусского фельдмаршала Г.А. Блюхера от 8 января 1814 г. (Д. 15). Сюда же относятся копии приказов по корпусу военных поселений за 1823–1826 гг., среди которых – прощальный приказ А.А. Аракчеева (Д. 30), копия рапорта генерала А.П. Ермолова за 1817 г. о награждении офицеров (Д. 25), копии отдельных приказов по армии за 1806–1826 гг., в том числе о волнении в Семеновском полку (Д. 5), копия церемониала о встрече тела Александра I в Москве и копия представления сенатора Д. Ланского в Сенат от 4 декабря 1825 г. об установлении памятника покойному императору с надписью: “Александру Благословенному – Российский народ” (Д. 32).

Непосредственно к службе самого Рудзевича принадлежат документы о награждении его орденом св. Анны 2-й степени за операции при р. Сунже в 1805 г., в том числе рапорт генерала П.Д. Цицианова (Д. 6), рапорты генералов Бурсаки и Бухгольца (1765–1831), о боевых действиях против горцев в 1810 г. (Д. 8), черновик журнала боевых действий и маршрута авангарда в 1813 г. (Д. 13), журнал регистрации секретной корреспонденции за 1814 г., содержащий, помимо черновых приказов подчиненным, две диспозиции боевых действий (Д. 20), черновики его распоряжений в должности начальника Главного штаба 2-й армии за 1816 г. (Д. 24), официальные рапорты к нему его преемника в этой должности П.Д. Киселева за 1821 г. (Д. 28), записка генерала К.А. Крейца о расквартировании 3-й драгунской дивизии в 1822 г. (Д. 29), замечания Рудзевича в ответ на одну из записок генерала А.А. Закревского о положении в армии (Д. 37).

Особый интерес представляет эпистолярный раздел, где отложились письма Рудзевичу от трех десятков корреспондентов. Наиболее полно и последовательно представлены письма П.Д. Киселева (Д. 7. Л. 24–25, 28; Д. 19. Л. 1–123), они охватывают период 1817–1823 гг. Однако переписка между ними не ограничивается только этим временем. Имеющиеся в фонде П.Д. Киселева в РО ИРЛИ ответные письма (их 143) Рудзевича относятся к 1816–1827 гг.²⁶ Они носят следы работы над ними А.П. Заблоцкого-Десятовского (1807–1881), который использовал

²³ ГАВО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

²⁴ Письма Д.В. Давыдова / Публ. М. Фалалеевой // Река времён. М., 1996. Кн. 5. С. 83–107.

²⁵ Далее ссылки на этот фонд даются в тексте статьи.

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 143. № 29.6.102. Л. 1–389.

их при работе над книгой о П.Д. Киселеве²⁷, а возможно, и готовил к печати. В руках Заблоцкого-Десятовского находились и письма самого Киселева, предоставленные ему во временное пользование Рудзевичем, об этом можно судить по однотипным карандашным пометам, учитывающим взаимную датировку посланий.

Недостающие письма Киселева за 1816, 1823–1827 гг. не обнаружены, их нет в фонде Рудзевича в РГВИА (Ф. 228). Этот фонд содержит в ряде случаев письма тех же лиц, что и воронежский комплекс (П.Х. Витгенштейн, С.Г. Краснокутский, В.П. Оболенский, И.В. Сабанеев и др.), дополнительно в числе корреспондентов Рудзевича здесь имеются генерал-лейтенант П.Я. Корнилов (1770–1828), генерал-майор князь А.В. Сибирский (1779–1836), бессарабский наместник генерал-лейтенант А.Н. Бахметев (1774–1841).

Публикация всех обнаруженных в воронежском фонде Рудзевича писем Киселева осуществлена недавно²⁸, в комментариях использованы ответные письма генерала. Остальные послания к Рудзевичу не образуют единого комплекса и разбросаны по многим единицам хранения. Среди авторов писем к Рудзевичу можно выделить генерал-майора М.С. Вистицкого (1768–1832): одно из его писем, от 26 ноября 1818 г., содержит краткое изложение военной тактики (Д. 26). Герцог Арман Дюплесси де Ришелье (1766–1822) представлен несколькими письмами за 1814–1817 гг. из Одессы и Парижа, новороссийский генерал-губернатор граф А.Ф. Ланжерон (1763–1831) – 23 письмами за 1813–1818 гг. (одно – на французском языке), более десятка писем принадлежат перу генерал-лейтенанта И.В. Сабанеева (1770–1829) (Д. 7, 15). В числе других корреспондентов Рудзевича – генерал-майор князь Н.Р. Кантакузин (1763–1841), генерал-майор С.Ф. Желтухин (1779–1833), генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн (1769–1843), действительный статский советник С.Г. Краснокутский (1787–1840), полковник Ф.Г. Кальм (1787–1839), близкие друзья адресата – Георгий Еманец, Александр Меликов, Алексей Бибииков, Александр Чижиков, Карл Гадлиц. Значится в архивной описи и одно письмо генерал-майора С.Г. Волконского (1788–1865), служившего в корпусе А.Я. Рудзевича, но оно в последние десятилетия утрачено.

Имеются в архивном фонде беловые автографы и черновики писем самого Рудзевича, в первом случае – письма к жене, М.Е. Рудзевич, урожденной Нотара, за 1812–1827 гг., в некоторых письмах содержится краткое описание боевых действий (Д. 16), в других – к начальнику Главного штаба князю П.М. Волконскому (1776–1852), князю В.П. Оболенскому (1780–1834), генералу С.Ф. Желтухину, П.Д. Киселеву (четыре письма, полностью соответствуют беловикам в РО ИРЛИ), начальнику Главного штаба И.И. Дибичу (1785–1831), Н.Л. Языкову, С.М. Броневскому, А.Г. Буновичу (от 24 ноября 1825 г., с описанием смерти Александра I). Здесь же имеются письма к жене от И.И. Дибича и М.Д. Горчакова (1793–1861) с извещением о смерти мужа и назначении пенсии, от министра финансов Е.Ф. Канкрин (1774–1845) об уплате долгов покойного генерала, черновик письма М.Е. Рудзевич к Николаю I (от 16 апреля 1829 г.). Семейные материалы исчерпываются контрактом на поставку соли Я.И. Рудзевичем в 1780 г. (Д. 1) и расчетами о поставке муки М.Е. Рудзевич в 1810–1812 гг. (Д. 9).

Материалы Щербаня представлены вырезками из книг и газет, черновиками его заметок (Д. 36). Разнородное дело 31 содержит формулярный список Рудзевича за 1829 г., листы из книги А.И. Михайловского-Данилевского с комментариями Н.В. Щербаня на полях, письмо Н.Н. Рудзевича к Н.В. Щербаню от 2 июня 1892 г., черновик заметки “Две обмолвки” и два подлинных отношения кн. П.М. Волконского к А.Я. Рудзевичу за 1818 г.

²⁷ Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1–4.

²⁸ См.: Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу. 1817–1823 / Публ., вступ. ст. и коммент. А.Н. Акиншина, М.Д. Долбилова. Воронеж, 1998. 140 с.

Упоминание имен декабристов Л.П. Витгенштейна, С.Г. Волконского, Ф.Г. Кальма, А.Г. Непенина, П.И. Пестеля, В.Ф. Раевского, Е.В. Руге, А.П. Юшневского (преимущественно в письмах П.Д. Киселева) носит в основном чисто служебный характер. Восстание на Сенатской площади и выступление Черниговского полка в письмах не затронуты.

Личный фонд А.Я. Рудзевича может быть использован при детальном изучении действий боевых частей в период войны с Наполеоном. Здесь содержатся также интересные материалы о повседневной жизни русской армии в александровскую эпоху.

Д.Б. Споров

МАТЕРИАЛЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ДУВАКИНЫХ ОБ ОХРАНЕ ДВОРЦОВОГО ИМУЩЕСТВА В г. МОСКВЕ В 1917–1918 гг.

Вопрос о судьбе имперских ценностей интересен и в то же время не исследован. Наши знания об огромных сокровищах не только материальных, но прежде всего культурных, неполны, а порой и искажены. Поэтому любая находка, тем более в негосударственном архиве представляет значительный исторический интерес.

В Москве сразу после февральского переворота, 9 марта 1917 г., была организована “Комиссия по приему, охране и заведыванию дворцовым имуществом”, официально действовавшая до 23 января 1918 г. Специальных исследований о работе комиссии нет. Основные источники данной статьи – архив Московского Кремля и архив семьи Дувакиных (хранящийся у наследников в Москве).

Бессменным председателем комиссии был Дмитрий Дмитриевич Дувакин (1854–1935), по специальности санитарный врач, один из младших соратников В.Ю. Скалона, привлеченный им к реформе городской санитарии. Выходец из донского казачества, Д.Д. горячо полюбил Москву. “Она сделалась для меня не только второй, но первой родиной. Эта любовь к Москве руководила моей деятельностью. Выше дорогой Москвы для меня ничего не было”¹ – цитирует его член Московской городской управы А.П. Волков, описывая торжественное чествование в 1909 г. 25-летие служения Д.Д. Москве. Работал Д.Д. в различных санитарных отделениях Управы, но, по мере продвижений по службе, привлекался и к выполнению административных обязанностей. В смутное для страны время, с 15 октября по 29 ноября 1905 г., ему было поручено исполнять обязанности городского головы и его товарища, в должности последнего Д.Д. оставался до 13 февраля 1907 г. В 10-х годах XX в. Д.Д. практически ежегодно исполнял обязанности товарища городского головы, а в 1913 г. второй раз – головы. Поэтому назначение на ответственную должность председателя комиссии санитарного врача по профессии не было удивительным – Д.Д. считался опытным и известным администратором, а, кроме того, человеком принципиальной честности и порядочности. Судьба чиновника царской России после Октябрьского переворота, естественно, резко изменилась. Выселив с квартиры и изъяв все ценные вещи, Д.Д. в 1919 г. дважды арестовывали, а в дальнейшем лишили всякого социального обеспечения. Используя опыт работы в санитарной сфере, Д.Д. первые годы новой власти служил в различных государственных учреждениях, а с 1922 по 1929 г. – у своего бывшего подчиненного П.В. Сытина научным сотрудником в

¹ Цит. по: *Волков А.П.* Юбилей Дмитрия Дмитриевича Дувакина (машинопись) // Семейный архив Дувакиных. (Далее: САД).

Музее коммунального хозяйства. На этой должности он выполнял в основном обязанности консультанта, периодически читая лекции врачам, санитарным техникам и инженерам. Умер Д.Д. на 81-м году жизни, в 1935 г.

После октября 1917 г. Д.Д., видимо, уничтожил большую часть документов, поэтому архив невелик. В основном это семейная переписка, много грамот и благодарственных адресов к 25-летию служения Д.Д. Москве. Среди наиболее интересных, конечно, документы о работе Комиссии по приему, охране и заведыванию дворцовым имуществом в г. Москве.

Комиссия состояла из 15 постоянных членов и должна была принимать и фиксировать сохранность дворцовых ценностей. Основные документы приходится на второй период ее деятельности – с августа 1917 г. Первоначальный состав комиссии установлен по документам ЦИАМ (Ф. 179. Оп. 21. Д. 3558. Л. 32): С.В. Бахрушин, А.М. Васнецов, Е.Ф. Вишневецкий, И.Э. Грабарь, Р.И. Клейн, И.С. Кузнецов, А.П. Ланговой, С.В. Ноаковский, В.И. Оловянишников, В.Д. Поленов, Н.В. Тесленко, М.В. Челноков, С.С. Шестаков, С.И. Шукин и председатель комиссии Д.Д. Дувакин.

Иллюстрирует деятельность и характер работы в первые месяцы акт № 1 о приеме зданий Кремля. “16 марта 1917 года Комиссия представителей Московского городского общественного управления в составе: Р.И. Клейна, А.П. Лангового, И.С. Кузнецова, Е.Ф. Вишневецкого и И.Э. Грабаря произвела приемку дворцового имущества в нижнем этаже Большого Кремлевского Дворца в так называемой собственной половине, по предъявленной Дворцовым управлением описи № 17 отд. 1, ч. 3. Приемка произведена в следующих помещениях: в парадных, сенях, уборной, столовой, гостиной и так называемой проходной комнате. Все означенные в предъявленной описи вещи оказались налицо за исключением следующих...”². Далее следуют номера вещей, не оказавшихся по описи, почти всегда это небольшие пропажи, в редких случаях – ценные вещи. Сохранность дворцового имущества при Временном правительстве оставалась практически стопроцентной.

Все подлинники актов с марта по май имеются в архиве Кремля, а в архиве Дувакиных – копии. Документов о работе комиссии в Госархиве недостаточно для воссоздания цельной картины. С июня в актах и постановлениях Комиссии нет порядка и какой-либо системы. Поэтому о сделанном за период с июня по август можно судить лишь по перечню принятых объектов, которые полностью установить невозможно, так как отдельного списка составлено не было, акты же не сохранились. Это были некоторые московские дворцы (Нескучный, Петровский, Бородинский), дом бывшего генерал-губернатора, эвакуированное имущество Варшавского Дворцового управления и др. Частичное объяснение скудости материала дает надпись, сделанная Дувакиным на подлинном безномерном акте от 8–11 октября 1917 г., имеющемся в САД. “Акты уничтожены во время октябрь[ского] (1917) возстания. Д. Дувакин (подпись)”. Видимо, это была официальная документация, а также документы личного характера, находившиеся у председателя комиссии.

Во второй половине августа Комиссия была расформирована и создана вновь с той лишь разницей, что теперь она подчинялась новому комиссару Кремля Ф.А. Головину, а не московскому самоуправлению. Головин подчеркивал, что его инициатива преследует лишь “интересы сохранения для русского государства принадлежащих ему сокровищ...”³, и подтвердил это своей деятельностью на ответственном посту. Вот точный состав Комиссии после августовского реформирования: председатель – Д.Д. Дувакин, товарищ председателя – Р.И. Клейн (на-

² Отдел рукописных печатных и графических фондов Государственного историко-культурного Музея-заповедника “Московский Кремль”. Ф. 20. Оп. 1917. Д. 10. Л. 1. (Далее: ОРПГФ ГИКМЗ МК).

³ ОРПГФ ГИКМЗ МК. Ф. 20. Оп. 1917. Д. 1. Л. 2.

значен Ф.А. Головиным по просьбе Д.Д. Дувакина 22 сентября 1917 г., к исполнению обязанностей приступил 26 сентября); члены – В.И. Астров, Е.Ф. Вишневский, И.Э. Грабарь, И.С. Кузнецов, А.П. Ланговой, Н.К. Лахтин, И.П. Машков, Н.Г. Машковцев, С.В. Ноаковский, В.И. Оловянишников, М.В. Челноков, С.С. Шестаков, С.И. Шукин, А.П. Щусев, А.М. Эфрос. С.В. Бахрушин и А.М. Васнецов, работавшие в Комиссии со дня ее образования, подали прошение об увольнении их от занимаемой должности.

С середины августа вопросом первостепенной важности стала эвакуация петроградских ценностей. Общее руководство делом Ф.А. Головин возложил на исполняющего обязанности начальника Канцелярии бывшего Министерства Двора кн. С.В. Гагарина, а помощником назначил полковника кн. Ратиева. Эвакуировали прежде всего самое ценное; первым эшелонам из Петрограда привезли почти сплошь драгоценности и художественные сокровища Эрмитажа и Академии Художеств. Были эвакуированы ценности Камеральной части бывшего Министерства Двора – это личные императорские драгоценности. При эвакуации часто указывались только номера по старым описям, что затрудняет опознание предметов.

Есть любопытное свидетельство о том, что суматоха вокруг эвакуации ценностей началась задолго до 1917 г. При объявлении 20 июля 1914 г. войны “заведующий Камеральной частью Н.Н. Новосильский (подчеркнуто в тексте. – Д.С.) по приказанию Управляющего бывшим кабинетом Его Величества срочно упаковал: 1, все драгоценности комнаты коронных бриллиантов в Зимнем Дворце; 2, некоторые из драгоценных вещей кладовой Камеральной части (помеченные красными чернилами в ведомости наличия кладовой на 1 августа 1914 г.); 3, родословную книгу бывшего Императорского Двора; 4, находившиеся на хранении в кладовой Камеральной части до бывшей Императорской фамилии относящиеся, и старинный ковчег к ним и 5, вещи и пакеты, принятые на хранение по особой описи в кладовую Камеральной части документы. Все означенные вещи были упакованы в восемь сундуков и 23 июля 1914 года отправлены в Москву на хранение в Московской Оружейной палате”⁴. Не было составлено ни описей, ни актов об отправке. В дальнейшем ящики распечатывались и некоторые вещи были вновь отправлены в Петербург. Дело темное, но очевидны либо злой умысел, либо преступная халатность.

В 1917 г. первый поезд из Петрограда составом около 40 (точной цифры нигде не указано!) вагонов вышел в ночь с 15 на 16 сентября 1917 г., а прибыл 17 сентября. Сопровождали его А.О. Сидоров и В.И. Бантышев. Последний написал доклад заведующему Камеральной частью о том, что разгрузка прошла благополучно, он же составил и цитированный выше текст о прежних эвакуациях. Акта о приеме эвакуированных вещей в кремлевском архиве нет. Подлинник акта без номера находится в САД, вот его текст, с нашим названием “Акт о приеме первого поезда эвакуированных вещей из Петрограда”:

“17, 18, 19, 20, 21 и 22 сентября 1917 года в ночное время были приняты Комиссией по приему, охране и заведыванию Дворцовых имуществ в гор. Москве и представителями бывшего Московского Дворцового управления, Начальником сего управления князем Н.Н. Одоевским-Масловым, его помощником ген.-лейтенантом К.К. Истоминым, хранителями Московской Оружейной Палаты В.К. Трутовским и Ю.В. Арсеньевым и Смотрителем Комнатного имущества А.А. Полевым от Исп[оляющего] об[язанности] Начальника Канцелярии бывшего Министерства Двора князя С.В. Гагарина и помощника Начальника Петроградского Дворцового управления полковника князя Ратиева предметы различных учреждений, эвакуированных из Петрограда, а именно:

⁴ Там же. Д. 3. Л. 17.

БЫВШАГО МИНИСТЕРСТВА ДВОРА.

КОНЮШЕННАЯ ЧАСТЬ

Ливрейной кладовой за №№ 1–21 включительно	21	кантина
		[так в тексте. – Д.С.]
Церкви Конюшенной части	1	ящик
Отдела драгоценностей за №№ 1–23	23	
АНИЧКОВ ДВОРЕЦ		
Ящиков	84	
Сундуков	9	
ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦОВОГО УПРАВЛЕНИЯ		
Ящиков за №№ 1–42 включительно и 1–3 включительно	45	
СОБОРА ЗИМНЕГО ДВОРЦА		
Ящиков за №№ 1–21 включительно	21	
ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА		
Ящиков	1	
ПЕТЕРГОФСКОГО ДВОРЦА		
Ящиков за №№ 1–22 включительно	22	
ЗИМНЯГО ДВОРЦА		
Ящиков	36	
Пакетов за №№ лит. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И и К	10	
КАМЕРАЛЬНОЙ ЧАСТИ		
Мест	64	
ГОФМАРШАЛСКОЙ ЧАСТИ		
Серебряной кладовой футляров	732	
..... ящиков	205	
Ящиков с ключами	1	
ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА		
Футляров.	11	
ЭРМИТАЖ		
Отдел драгоценностей	248	
..... гравюр и рисунков	14	
..... картинный	21	
..... классических древностей	114	
..... средних веков и возрождений	59	
..... мебели	14	
..... монетный	54	
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ		
Отдел мозаический	1	
..... библиотеки	73	
..... картинный	57	
АРХИТЕКТУР[НОГО] МУЗЕЯ,		
ВЫСШЕЕ ХУДОЖЕСТВ[ЕННОЕ] УЧИЛИЩЕ	11	
	
Всего	1952	места

Все вышеуказанные места были приняты без вскрытия ящиков, чемоданов, баулов. Ящики, чемоданы, баулы были запломбированы, а частью запечатаны. Ящики с мебелью и картинами не запломбированы. Гобелены не перевязаны и без пломб.

У 2-х ящиков №№ 36 и 40 Царскосельского Дворцового управления пломбы повреждены, 2-х ящиков Академии художеств №№ 24 и 59 пломбы повреждены и 5-и мест за №№ 200, 200 (? – Д.С.), 9 и 10 Камеральной части пломбы повреждены. На эти ящики положены печати Московского Дворцового управления, о чем и составлены особые акты.

У ящика № 242 Отдела драгоценностей Эрмитажа и № 117 Отдела классических древностей Эрмитажа доски оказались продавленными внутрь, пломбы и проволока оказались целыми, о чем и составлены особые акты.

* Многоточия в документе обозначают опущенные названия части или “Отдел”.

У ящика № 258 Эрмитажа доска оказалась перекошенной, проволока оборванной; вследствие этого означенный ящик был вновь перевязан веревкой и концы этой веревки запечатаны сургучной печатью Московского Дворцового управления, о чем и составлен особый акт.

У футляра под № 37 Гофмаршалской части оказались следы покушения на взлом этого футляра. О чем и составлен особый акт.

Из ящика № 26 Монетного отдела Эрмитажа при установке в Серебряном зале Оружейной палаты выпали две монеты (одна медная и одна биллоновая), кои и были переданы хранителем Оружейной палаты В.К. Трутовским для возвращения их в Эрмитаж под расписку причисленному к Эрмитажу С.А. Гамалову-Чураеву.

Описи предметов, находящихся в ящиках, чемоданах и баулах и т.п., получены, за исключением 23-х ящиков Отдела драгоценностей Конюшенной части, на которые описи не получено.

Тысяча девятьсот пятьдесят два места сдали комиссии по приему, охране и заведыванию дворцовых имуществ в гор. Москве.

Исп[олняющий] об[язанности] Начальника канцелярии бывшего Министерства Двора кн. С. Гагарин.

Помощник Начальника Петроградского Дворцового управления князь Ратиев.

Приняли от вышеуказанных лиц:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ

Д. Дувакин

ТОВАРИЩ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ

Р. Клейн

Члены комиссии

В. Оловянишников

С. Шестаков

А. Ланговой

Е. Вишневецкий

И. Кузнецов

Н. Машковцев

Н. Лахтин

Начальник Московского Дворцового управления

кн. Одоевский-Маслов

Помощник начальника Московского Дворцового управления

Истомин

Хранители Оружейной палаты

В. Трутовской

Ю. Арсеньев

Смотритель комнатного имущества

А. Полевой"

Эвакуировали самое ценное, вернее – бесценное...

8 октября утром из Петрограда прибыл второй поезд (тоже состоящий примерно из 40 вагонов), следующий эшелон намечалось отправить 25 октября. Не станем цитировать ведомость, в ней указано лишь количество ящиков. Каждая вещь, эвакуируемая из Петрограда, была бесценна, приведем цифру, которой тогда по самым общим и приблизительным подсчетам были оценены только императорские регалии и коронные драгоценности – 7 416 604 руб. 49 коп., а вещи кладовой бывшего Кабинета на сумму – 1 480 621 руб. 47 коп.

31 октября состоялся печально известный обстрел большевиками Кремля. Первичная реставрация происходила под началом подкомиссии во главе с Н.В. Марковниковым. Вот цифры, ассигнованные на ремонт зданий в декабре 1917 г. На реставрацию углов Беклемишевской башни – около 32 тыс., на Благовещенский и Верхоспаский соборы – около 25 тыс., на Спасскую башню и часы – 22 тыс., на Никольскую башню – 50 тыс., на Малый Николаевский дворец – 98 тыс. и т.д. “Дело не в размере убытков и количестве разрушенного, а в моральном символе факта”, – писал художник Мстислав Добужинский⁶. А 13 ноября другой художник, Казимир Малевич, был назначен комиссаром по охране ценностей Кремля.

⁶ Добужинский М. Расстрелянное искусство // Русские ведомости. 1917. 21 ноября.

На первом же заседании Комиссии после Октябрьского переворота, 7 ноября 1917 г. было объявлено от лица новой власти, что в Кремль назначен особый комендант, который является полноправным управителем и, следовательно, Комиссия по всем вопросам обязана докладывать ему. *“Комиссия постановила не признавать власти ВРК и войти в контакт с МГУ (Московская городская управа. – Д.С.), не обращая ни за какими распоряжениями к ВРК (курсив мой. – Д.С.)”*⁷. После весьма относительной стабилизации положения оказалось, что имущество, находившееся в Большом Кремлевском дворце, в Оружейной палате и других местах, как принадлежащее этим учреждениям, так и доставленное из других городов, в частности, за исключением солонки и блюда, находившихся в Картинной галерее Конюшенного корпуса, похищенных неизвестно кем, и постельных принадлежностей. Было поручено бывшему Дворцовому управлению составить акт о повреждениях и о пропавшем имуществе и предоставить Комиссии. Такого акта в документации нет, но есть рапорт начальнику Московского Дворцового управления кн. Н.Н. Одоевскому-Маслову от смотрителя комнатного имущества А.А. Полевого от 12 ноября. Рапорт – результат поверхностного осмотра, однако предположим, что значительные пропажи даже и в такой ситуации были бы учтены. Основываясь на этом документе⁸, можно утверждать, что сразу после большевистского погрома и захвата Кремля дворцовое имущество было почти в абсолютной сохранности. Однако А.С. Миненко, стараясь объяснить исчезновение после революции огромного числа дворцовых ценностей, писал, что “белые” накануне капитуляции во многих кладовых, взломав замки, похитили деньги и другие ценные вещи⁹. Вся ответственность за первые пропажи, таким образом, была возложена на “белых”. А.А. Полевой не указывал ни на “белых”, ни на значительные пропажи (как деньги), о которых ему, безусловно, было бы известно; отмеченные в докладе пропажи бытовых вещей свидетельствуют: а) о щепетильности членов Комиссии; б) о характере краж, связанных с ситуационной необходимостью.

Большевиками была создана новая комиссия, действующая суверенно и независимо от прежней. В ее состав вошли три человека: В.С. Кундиус, Е.В. Орановский, Б.С. Петровский. Прежняя комиссия приняла решение продолжить работу, а на отношении Совета районных дум от 20 ноября с предложением сдать все дела вновь созданной комиссии (все дворцы и дворцовое имущество были переданы Совету районных дум) ответить принципиальным молчанием.

Документов о дальнейшей деятельности Комиссии мало. 11 декабря комиссарами Кремля были назначены П.П. Малиновский и В.М. Фриче, а комендантом – И.П. Петряков. Положение Комиссии было сложным – с нее не снимали прежней ответственности, тогда как работать стало невозможно. Вот постановление народного комиссара по заведованию дворцами и музеями от 5 января 1918 г. “Московскому комиссару Ведомства имуществ Республики. Все находящиеся в пределах Московского Кремля сооружения, памятники искусства и старины, независимо от принадлежности их или нахождения в пользовании того или другого ведомства или учреждения, включая сюда церкви, соборы и монастыри, составляют собственность Республики. Никакие перестройки или переделки, исправления и реставрации не могут быть проводимы в них без надзора и контроля Московского художественного совета, впредь же до его образования надзор и капиталы на реставрацию, независимо от их источников, передаются местным представителям Ведомства имуществ Республики (б. Мин[истерства] Двора) и на комиссию по охране памятников искусства и древностей при М[осковском] С[овете]

⁷ ОРПГФ ГИМЗ МК. Ф. 20. Оп. 1917. Д. 2. Л. 54.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 27(об.).

⁹ Миненко А.С. Московский Кремль в октябре 1917 года: Новые документы. М., 1977. С. 60.

Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] при участии заинтересованных ведомств и учреждений. Нарком Луначарский”¹⁰.

Нетрудно понять, что Комиссию, не разогнав сразу, брали измором, добиваясь отказа от всяческих действий; такой отказ был составлен ее членами после постановления Комиссии по охране памятников, постановления комиссара Кремля от 23 января 1918 г. и ряда других заявлений. Из Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ при МСР и СД в рассматриваемую нами Комиссию пришло следующее заключение на очередную просьбу совместного продолжения дела. “На основании отношения Народного комиссара Луначарского за № 491 от 5.1.18 (копия при сем прилагается) Комиссия по охране памятников и художественных сокровищ при СР и СД в заседании своем от 16.1. с.г., рассмотрев вопрос о желании комиссии по приему, охране и заведыванию дворцовым имуществом гор. Москвы продолжать свою работу на автономных началах, признала эти условия не приемлемыми. Комиссия постановила образовать подкомиссию по охране и приему Дворцового имущ[ества] из своей среды и персонально пригласить трех представителей из быв. ком. по...”¹¹ Документ далее оборван, но смысл ясен вполне. А вот распоряжение П.П. Малиновского: “Принимая во внимание постановление Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ при Московском Совете Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов], считаю комиссию распущенной и предлагаю сдать в кратчайший срок все накопившиеся дела, материалы и документы в комиссариат Ведомства имуществ Республики, через посредство Подкомиссии по приему и охране Дворцового имущества. Комиссар Малиновский”¹².

Комиссия по охране и заведыванию дворцовым имуществом гор. Москвы в лице своего председателя 25 января 1918 г. направила отказ от дальнейшей работы. Вариантов отказа было четыре; все они находятся в САД, отсутствуют в Кремлевском архиве. Последний, четвертый вариант, отличается лаконичностью и сравнительной формальной мягкостью мотивировки причин отказа. Вместе с актом о официальном самороспуске Д.Д. направил следующую записку Малиновскому: “Вследствие отношений Ваших от 23 янв[аря] за №№ 165 и 13 препровождаю при этом копию постановления Исполнительной Комиссии по приему, охране и заведыванию дворцовым имуществом от 23 янв[аря]. И присовокупляю, что сдачу делопроизводства и документов поручено произвести делопроизводителю комиссии Л.С. Титову. Председатель Комиссии Д. Дувакин”¹³. Сдача делопроизводства была произведена в первой трети 1918 г. Вот подлинный текст акта, хранящегося в САД: “23 января 1918 года Исполнительная Комиссия по приему, охране и заведыванию дворцовым имуществом в городе Москве, принимая во внимание, что она всем происшедшим в последнее время, а именно: пользованием имуществом и занятием без ее ведома и согласия помещений в дворцовых зданиях неподчиненными ей учреждениями и лицами (Комендантом Кремля, его помощниками, Комиссией РС и СД по охране памятников и художественных сокровищ) вмешательством в распоряжение Комиссии относительно пользования кредитами, образованием административного коллектива, служебного и служительского персонала, отменой постановлений Комиссии о заделке некоторых окон в Оружейной палате и рядом других действий Комиссара и Коменданта лишена фактической возможности продолжать свою деятельность и охранять вверенное ей имущество, а потому, считая невозможным при сложившихся обстоятельствах нести даль-

¹⁰ Заверенная копия постановления А.В. Луначарского с машинописной подписью // САД.

¹¹ Постановление Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ при СР и СД // САД.

¹² Машинописное распоряжение комиссара Кремля П.П. Малиновского с подлинной подписью // САД.

¹³ Машинописная записка с подлинной подписью Д.Д. Дувакина П.П. Малиновскому // САД.

нейшую ответственность за сохранность Дворцового имущества, постановляет временно с сего 23 янв[аря] приостановить свою деятельность, делопроизводство и документы передать на хранение Московскому Дворцовому управлению, копию настоящего акта препроводить в то же управление”¹⁴. Далее следовали подписи-автографы председателя, его товарища и членов комиссии С. Шестакова, И. Кузнецова, В. Астрова, Н. Лахтина, Е. Вишневого, А. Эфроса, Н. Машковцева, И. Грабаря.

Отметим гражданское мужество и честность членов Комиссии, которые сохранили для нас, может быть, то небольшое, что осталось от былых сокровищ. Подчеркиваю, о январской деятельности Комиссии мы имеем сведения лишь из семейного архива. Полностью уничтожить семейную память оказалось невозможно.

С.И. Михальченко

ДОКУМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ФОНДЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ г. ВАРШАВЫ

Императорский Варшавский университет (ИВУ) – одно из наименее изученных высших учебных заведений Российской империи. Впервые университет основан в Варшаве в 1815 г., однако просуществовал лишь до начала 1830-х годов, затем был закрыт – после польского восстания. Через 30 лет, в 1862 г., в период либеральных реформ, Александр II восстановил польское высшее учебное заведение в Варшаве под названием Главная школа. Однако уже в 1869 г. польский вуз был преобразован в русский университет. Преобразованию Главной школы предшествовало посещение Варшавы министром народного просвещения Д.А. Толстым. Приняв 12 сентября 1868 г. преподавательский состав школы, Толстой заявил, что “воля государя императора состоит в том, чтобы доставить жителям этого края всевозможные средства к образованию, но, разумеется, с тем, чтобы оно послужило не во вред, а на пользу государству ...не к отчуждению, а к сближению его [края] с остальными частями империи”. По мнению министра, этот университет не должен стоять “враждебным особняком на окраине государства”, а войдет в общую, “столь почтенную семью Российских императорских университетов”¹. На практике цель университета виделась правительством в русификации поляков, прежде всего молодежи. Достичь этой цели оказалось довольно сложно, так как из-за частых волнений польского студенчества, не желавшего учиться в русском учебном заведении, университет несколько раз закрывался. Особенно долгий перерыв в его деятельности как учебного заведения пришелся на 1905–1908 гг. (В это время университет потерял многих преподавателей, вынужденных уехать в другие учебные заведения.) Тем не менее он просуществовал в Варшаве до 1915 г., когда из-за наступления немецких войск был эвакуирован в Ростов-на-Дону, а в 1917 г. переименован в Донской университет.

Возможно, нетрадиционный характер учебного заведения был причиной слабой изученности его истории. По сравнению с Московским, Петербургским или Киевским университетами, Варшавский почти не описан в мемуарной литературе, за редким исключением², мало и научных работ, посвященных ему. Сущест-

¹ Цит. по: *Сидоров А.А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). Варшава, 1901. С. 154–155.

² См.: *Дубровский Н.* Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб., 1908; *Вульф Г.В.* Последние годы в Варшавском университете // *Голос минувшего.* 1915. № 12; *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 156–172.

вующие исследования характеризуются чрезмерной степенью обобщенности, авторы проводили анализ лишь на общевузовском уровне, в редчайших случаях на факультетском или кафедральном. Причем, это касается сочинений как русских ученых, так и польских³. Таким образом, насущной задачей является изучение функционирования Варшавского университета, его факультетов и кафедр. Сделать это можно лишь при внимательном исследовании архивных материалов, относящихся к истории университета. Специальный фонд Императорского Варшавского университета находится в настоящее время в Государственном архиве Варшавы, куда он был передан из Государственного архива Ростовской области в соответствии с соглашением между СССР и ПНР от 4 октября 1961 г. (Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy. Zespół 241. Cesarski Uniwersytet w Warszawie – CUW). Переданные по соглашению документы не являются полным архивом университета, частью эвакуированным в 1915 г. в Россию и частью оставшимся в Варшаве. Много документов погибло в годы первой и второй мировых войн (так, из примерно 4 тыс. личных дел сотрудников и студентов университета сохранилось только около 700)⁴.

В настоящее время фонд (zespół) университета содержит 1116 единиц хранения (S[ygnatural]). Есть опись фонда – Inwentarze archiwalne, т. XXV–XXVI, при этом второй том посвящен указателю личных дел (Skorowidz Osobowy). Единицы хранения (с 1 по 342) заключают в себе материалы канцелярии университета, его совета, правления и документы ректора. Ед. хр. 343–448 представляют собой протоколы заседаний историко-филологического факультета; 449–481 – физико-

³ В послереволюционной отечественной историографии наиболее подробным исследованием, посвященным Варшавскому университету, является первая часть книги: *Белозеров С.Е.* Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д, 1959. С. 9–160. В последнее время отдельные страницы истории университета изучены в статьях А.Е. Иванова “Варшавский университет в конце XIX–начале XX века” (сборник “Польские профессора и студенты в университетах России, XIX–начало XX в.” Варшава, 1995) и “Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект” (ОИ 1997. № 6. С. 23–33). См. также: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX–начале XX в. М., 1991. *Есенов В.В.* Высшее образование в Царстве Польском за 100 лет (1815–1915). Варшавский университет. Пг., 1914. Существует описание истории Варшавского университета, сделанное польскими авторами; главное внимание, однако, они уделяют периодам его существования как польского высшего учебного заведения (1815–1869 и с 1915 г.). См.: *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1815–1915 / Pod red. S. Kieniewicz.* Warszawa, 1979; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1915–1939 / Pod. red. A. Garlickiego.* Warszawa, 1982. См. также: *Askenazy S.* Uniwersytet Warszawski. Warszawa, 1905; *Kieniewicz S.* Warszawa w latach 1795–1914 [Dzieje Warszawy. Т. III]. Warszawa, 1976. С. 264–265. Что касается факультетов университета, то специально им посвященных сочинений как в отечественной, так и в польской науке почти нет. Существуют лишь несколько исследований о деятельности факультета права и администрации Главной школы и о юридическом факультете Варшавского университета в 1930–1940-е годы. См.: *Borowski S.* Szkoła główna Warszawska. 1862–1869. Wydział prawa i administracji. Warszawa, 1937; *Studia z dziejów wydziału prawa Uniwersytetu Warszawskiego.* Warszawa, 1963. Следует отметить, что слабая изученность истории университета вызывает озабоченность у польских историков науки, начиная с 1980-х годов предпринимаются попытки включить историю русского Варшавского университета в общую историю польского высшего образования и науки. См.: [*Grzybowski K.*] Historia państwa i prawa Polski. Warszawa, 1982. Т. IV. С. 192–198; *Historia nauki polskiej / Pod. red. B. Suchodolskiego.* Wrocław, 1987. Т. IV. С. 387. В последнее время расширяется и практика использования архива университета отечественными исследователями, см. например: *Комиссаренко А.И.* Путь Б.Д. Грекова в науку – от студенческой скамьи к магистерской степени: новые документы // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.): Материалы научной конференции 14 февраля 1998 г. М., 1998. С. 32–37.

⁴ См. *Straty Archiwów i Bibliotek Warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych.* Warszawa, 1956. Т. II. С. 212, 225; *Szmit M.* Kancelaria i Archiwum Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego (1869–1915) // *Archeion.* Warszawa, 1974. Т. LXI. С. 192; *Mathes W.L.* Russian collections in libraries and archives of Warsaw // *Slavic Review.* 1974. Vol. 33. N 2 (June). P. 335.

математического; 482–499 – юридического; 500–520 медицинского. Документы деятельности канцелярии инспектора студентов (проректора) представлены в ед. хр. 521–638. Личные дела сотрудников (профессоров и преподавателей, а также оставленных при кафедрах для подготовки к профессорскому званию) занимают сигнатуры с 639 по 781, личные дела студентов и фармацевтов – с 782 по 1005, фельдшеров и дантистов – с 1006 по 1104. Наконец, завершают фонд университета документы студенческих и преподавательских кружков и научных обществ (ед. хр. 1105–1116). (Для обозначения листов используется буква К – сокращение от слова “Karta”.) Подробное описание всех единиц хранения фонда – дело будущего. Наша задача скромнее: охарактеризовав материалы преимущественно юридического факультета, на их примере показать ценность документов архива для российских исследователей истории высшего образования и науки.

Юридический факультет в Варшавском университете возник одновременно с другими факультетами в момент преобразования Главной школы в университет в 1869 г. Его предшественником был факультет права и администрации школы, существовавший с 1862 г. За семь лет существования он успел зарекомендовать себя как крупный центр юридического образования и науки, превосходящий другие польские правовые факультеты в Ягеллонском (г. Краков) и Львовском университетах⁵. При преобразовании школы в университет профессором всех факультетов должны были подтвердить свою квалификацию, повторно защитив диссертации в российских университетах. Боясь неблагоприятных для себя последствий, правительство распространило на университет особый, отличный от других российских университетов, устав. Так, вместо 53 положенных кафедр в Варшаве было открыто только 46. Для усиления воспитания “в нужном русле” на юридическом факультете читались так называемые дополнительные предметы, отсутствовавшие в планах других университетов, прежде всего, русская история. Все занятия проводились, разумеется, на русском языке, независимо от национальности профессора и студентов.

Документы фонда могут использоваться для изучения истории как студенческой, так и преподавательской активности.

Ценность материалов фонда для изучения биографий и научного наследия преподавателей и профессоров ИВУ может быть показана на примере документов о деятельности крупных юристов и философов конца XIX–начала XX в.: А.Л. Блока, Ф.И. Леонтовича, Е.В. Спекторского и Ф.В. Тарановского. При этом стоит отметить, что если творчество Леонтовича и Тарановского уже становилось предметом изучения в отечественной науке⁶, то жизнь и труды Блока и Спекторского практически не подвергались анализу. Евгений Васильевич Спекторский родился в 1875 г. После окончания гимназии поступил на юридический факультет ИВУ. Окончив его со степенью кандидата, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Затем преподавал энциклопедию права в университете до 1914 г., когда перешел в университет св. Владимира в Киеве. В 1918–1919 гг. был последним ректором русского Киевского университета. В начале 1920 г. эмигрировал, до 1945 г. был профессором университета в Любляне (Югославия), затем жил в Италии и в США. Умер в 1951 г.⁷ Спекторский во-

⁵ См.: Historia nauki polskiej. S. 375. Факультет права и администрации Главной школы опережал по количеству обучающихся (более 500 студентов) юридические факультеты Сорбонны, Московского и Петербургского университетов, уступая в Европе только Берлинскому.

⁶ См.: *Анчабадзе Ю.Д.* Этнографические сюжеты в трудах Ф.И. Леонтовича // Советская этнография. 1984. № 4. С. 81–91; *Омельченко О.А.* Московское государство в историографическом наследии Ф.В. Тарановского // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М., 1985. С. 51–76; *Усенко И.Б.* Академик Ф.В. Тарановский // Правова держава. Київ, 1993. Вип. 4. С. 130–143; *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.; Брянск, 1996. С. 126–155.

⁷ См. подробнее: *Белоусов К.Г.* Е.В. Спекторский (1875–1951) // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1970. Т. IV. С. 147–157.

шел в науку своими многочисленными крупными трудами по философии и теории права, посвященными, прежде всего, взаимоотношениям религии и правовых норм⁸. Кроме того, он был автором ряда исторических сочинений, в частности, истории университета св. Владимира⁹.

В фонде ИВУ хранится личное дело Спекторского. В рецензии на кандидатское сочинение Спекторского “Жан-Жак Руссо как политический писатель” его руководитель профессор А.Л. Блок отмечал: “Диссертация окончившего полный курс наук Евгения Спекторского была представлена сначала в виде курсовой студенческой работы, но заслуживала бы и золотой медали, если бы на нашем факультете предлагалась бы конкурсная тема, что на петербургском в нынешнем году, а именно – о политическом учении Руссо” (S. 659. К. 14). В составе этой же единицы хранения есть “Программа для приготовления к магистерскому экзамену”, составленная Блоком.

По протоколам заседаний юридического факультета можно проследить ступени академической карьеры Спекторского. В 1897 г. он был оставлен при кафедре государственного права для подготовки к профессорскому званию (S. 482. К. 191од.–192). В 1899 г. Спекторский привлекался Блоком к проведению практических занятий по курсу государственного права (К. 276 од.). 23 сентября Спекторский сдал магистерский экзамен по государственному праву на “весьма удовлетворительную” оценку, и вскоре уехал в командировку в Берлин.

В 1902 г. преподававший в ИВУ историю русского права престарелый профессор Ф.И. Леонтович подал в отставку. Предполагалось, что кафедра автоматически перейдет к его ученику Тарановскому. Между тем Тарановский, еще в 1900 г. закончив аспирантуру и, не получив тогда возможности преподавать историю права, начал читать лекции на вакантной кафедре энциклопедии права, предназначавшейся оставленному при университете Спекторскому. К 1902 г. он уже фактически полностью переориентировался на новую специальность, а на другую кафедру переходить не хотел (тем более, что и научные интересы Тарановского все более склонялись от исторических к теоретическим сюжетам). Лишь настойчивая поддержка Блока помогла Спекторскому, все еще находившемуся за границей, получить кафедру энциклопедии, для которой он, собственно, и готовился (К. 75–75 од.).

В более поздних протоколах факультета отражено издание Спекторским многочисленных научных работ, в том числе, его магистерской диссертации “Проблема социальной физики в XVIII столетии”, первоначально называвшейся “Кризис обществоведения в XVIII столетии” (К. 283).

Значительный интерес представляют документы, характеризующие других профессоров и преподавателей. В частности, по документам фонда прослеживается непростая преподавательская и общественная судьба профессора А.Л. Блока, отца знаменитого поэта. До настоящего времени нет подробной биографии этого ученого. Написанный в 1911 г. (вскоре после смерти ученого) очерк-некролог его ученика Спекторского не может претендовать на полноту и объективность¹⁰. В исследовательской литературе о поэте повторяются, в основном, заявления мемуаристов о демонической внешности и тяжелом характеру его отца; последнее обстоятельство, как известно, явилось причиной разрыва между ним и матерью А.А. Блока.

⁸ См. например: *Спекторский Е.В.* Очерки по философии общественных наук. Варшава, 1907. Вып. 1; *Он же.* Христианство и культура. Прага, 1925; и др.

⁹ [*Спекторский Е.В.*] Столетие Киевского университета св. Владимира. 1834–1934. Белград, 1935; *Он же.* Жизнь и личность Ф.В. Тарановского // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1936. Вып. 13. С. I–XX; *Он же.* Десятилетие Русского научного института в Белграде. (1928–1938) // Там же. 1939. Вып. 14. С. 1–27; и др.

¹⁰ *Спекторский Е.* Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911.

С внешней стороны карьера А.Л. Блока протекала в Варшаве достаточно успешно. Став в 1878 г. доцентом по кафедре государственного права, после защиты в 1880 г. в Петербурге магистерской диссертации он был переведен в экстраординарные профессора. Высшим достижением академической карьеры Блока было звание заслуженного профессора и должность декана юридического факультета, на которую он был назначен в 1908 г., незадолго до смерти. За почти 40-летний период преподавательской деятельности Блок издал несколько научных и публицистических сочинений по теории государства. Таков внешний абрис его карьеры. Однако материалы секретной переписки между руководством Варшавского учебного округа и университета, сохранившиеся в фонде ИВУ, показывают, что отношение коллег и студентов к Блоку было очень сложным и, возможно, если бы не постоянная нехватка кадров в Варшаве, его карьера складывалась бы не так удачно.

Так, в мае 1901 г. попечителю округа поступил анонимный донос на Блока, как на не вполне нормального в психическом отношении человека. Ректор университета профессор Г.К. Ульянов в ответе попечителю отмечал, что “курс лекций проф. Блока заключает в себе много прямо непонятного, вследствие чего приготовление этого курса требует чрезвычайных усилий, так как приходится почти все заучивать наизусть, причем и сам Блок требует ответы буквально по лекциям...” (S. 330. К. 7–7од.). “Главным основанием мнения о ненормальности проф. Блока в психическом отношении служит то обстоятельство, что в его курсе много темных и непонятных мест”, кроме того “проф. Блок экзаменует студентов чрезвычайно долго и тщательно, некоторые делали намеки на семейные отношения проф. Блока и на его уединенную жизнь”. Ректор подчеркивал, что Блок “относится с преувеличенной подозрительностью к некоторым своим товарищам по факультету”, и предполагал наличие “некоторых патологических явлений в его психике”. Однако все это, по мнению Ульянова, не могло служить основанием для признания непригодности Блока для преподавания (К. 9). Итог конфликта таков: несмотря на уговоры представителей администрации, студенты факультета отказались экзаменоваться у Блока из-за придиорок и нарушения процедуры испытаний (Блок экзаменовал один, без ассистентов). В протоколах факультета сохранился ответ профессора Блока на обвинения. Он заявил, что на анонимные обвинения студентов он реагировать не собирается, а предпочитает руководствоваться сложившимся у него за 20 лет мнением, как о строгом, но справедливом преподавателе. В конце концов, экзамен был перенесен на следующий учебный год (S. 482. К. 368–369 од.).

Тучи вновь сгустились над А.Л. Блоком в 1904 г., когда попечитель Варшавского учебного округа А.Н. Шварц предложил ректору уволить профессора ввиду неисполнения взятых на себя обязательств по командировке за границу (какие это обстоятельства, ничего не разъясняется). Ректор счел увольнение Блока невозможным, так как некому будет замещать кафедру, тем более, что Блок начал печатание докторской диссертации “Политика в круговороте философской критики” (S. 334. К. 4). Последними свидетельствами деятельности Блока в университете являются документы, связанные с его попытками (уже на должности декана) добиться удаления из плана преподавания общеобразовательных неюридических дисциплин, занимающих большую часть учебного времени студентов юрфака ИВУ (S. 483. К. 183–185 од.). Эта попытка, несмотря на поддержку факультета, не удалась.

Чрезвычайно ценным источником по истории научных обществ в России является ед. хр. 1111, материалы которой посвящены Обществу истории, филологии и права при ИВУ. Опасения властей, боявшихся малейших проявлений оппозиции в Варшаве, приводили к тому, что несмотря на регулярные в 1874 г. просьбы об организации в университете исторического общества, министерство отвечало отказом. С 1898 г. начался новый тур просьб, теперь уже об открытии Об-

щества истории, филологии и права. Главным инициатором этой идеи стал профессор по кафедре истории русского права Ф.И. Леонтович. Для обоснования необходимости и возможности открытия общества, Леонтовичем была составлена обширная объяснительная записка. Подписали ее, кроме Леонтовича, профессора Д.В. Цветаев, Г.К. Ульянов и доцент Г.В. Демченко. По мнению составителя, соединение истории, филологии и права возможно в “широкой области народной терминологии и, в частности, терминологии юридической, как первого, основного подспорья при изучении не только истории языка, но и истории народной культуры и права”. Кроме того, по мнению Леонтовича, “ученые юристы приходят теперь к той мысли, что строго научный анализ современной системы права и отдельных его институтов едва ли возможен без тщательного ознакомления с историей народной культуры, всегда и везде тесно стоявшей в тесной бытовой связи с народным правом и вносявшей в него более или менее сильные квалификации” (К. 87). Через два года, 24 ноября 1900 г., министр народного просвещения Н.П. Боголепов утвердил Устав общества. Первое время его возглавлял Леонтович, в 1902 г. его сменил вначале на правах и.о. председателя, а затем полноправного председателя Н.Н. Любич. На практике оказалось, что идея Леонтовича о постоянном объединении истории, филологии и права не вполне жизнеспособна. Вскоре после образования общество фактически разделилось на два – историко-филологическое и права (К. 145), хотя формальное единство сохранялось вплоть до ликвидации общества в период гражданской войны.

Кроме сведений об упомянутых профессорах, фонд содержит документы о деятельности и многих других ученых.

Значительную часть материалов фонда составляют документы о студенческих делах. Наряду с традиционными документами, характеризующими учебный процесс в университете, в фонде есть немало ценных свидетельств общественной активности студенчества. Наибольшее количество таких материалов относится к 1904–1906 гг., когда выступления студентов и их нежелание идти на компромисс с властями привели вначале к нескольким непродолжительным, а затем и к длительному закрытию университета как учебного заведения (в 1905–1908 гг.). В единице хранения 332, например, существует прокламация на польском языке (есть и русский перевод) с призывом не ходить на лекции и не верить руководству университета (8 января 1904 г.). Посещаемость занятий в то время упала до минимума. Нормальным явлением стало присутствие на лекциях одного-двух студентов (К. 83–85 од.).

Драматической страницей биографии ИВУ была его эвакуация в период первой мировой войны. Во всех имеющихся описаниях истории университета этому важному событию посвящено всего несколько строк. Документы, сохранившиеся в фонде, позволяют более полно осветить эвакуацию. Как оказалось, их было две. Первая эвакуация была организована в 1914 г., сразу же после начала военных действий. Тогда вывезли в Москву часть книг из библиотеки, обсерваторию, документы канцелярии. Поскольку в 1914 г. русским войскам на западном фронте сопутствовал успех, то осенью состоялся новый набор студентов и часть вывезенного пришлось возвращать в Варшаву. К лету 1915 г. обстановка на фронте изменилась, началось отступление русской армии, и университет в июне был эвакуирован. В ед. хр. 323 сохранилось письмо ректора Юрьевского университета ректору ИВУ С.И. Вехову с просьбой рассказать об особенностях эвакуации – что и как вывозить, так как в связи с наступлением немцев Юрьевскому университету также грозила эвакуация. В ответе Вехова говорилось, что эвакуированы из Варшавы все желающие сотрудники университета (часть служащих-поляков пожелала остаться в городе), включая работников канцелярии. “Вывезти удалось текущие дела канцелярии, из библиотеки – рукописи и наиболее ценные дела, а из кабинетов и лабораторий – только наиболее ценное и в то же время менее громоздкое имущество, словом то, что можно было собрать в течение короткого

срока, данного для сборов (К. 92). В Варшаве же остались многочисленные ценности, в том числе основная часть библиотеки. После того, как университет окончательно обосновался в Ростове-на-Дону, по разным вузам было разослано письмо с просьбой помочь в комплектовании кабинетов университета, так как оборудование почти полностью утрачено (S. 485. К. 454).

Дано лишь несколько примеров из хранящихся в фонде документов. Но даже эти примеры, как представляется, показывают ценность материалов фонда для истории отечественного образования и науки второй половины XIX–начала XX в.

С.А. Уваров

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА МОСКВЫ (1939–1941)

Хроника деятельности

В Документальном отделе Музея истории и реконструкции г. Москвы (МИРМ) находится архив Петра Николаевича Миллера (Ф. 8169) – бессменного секретаря Группы (позже Комиссии) по истории города Москвы, видного историка-москвоведа, с именем которого связаны все основные работы, предпринятые в области изучения Москвы в первой половине XX столетия. В составе фонда содержатся стенограммы заседаний Группы/Комиссии, варианты плана издания многотомной “Истории Москвы”, отчеты о проделанной работе, рукописные и машинописные копии докладов участников заседаний, газетные вырезки с заметками о деятельности Комиссии. Множество интересных и необходимых сведений при исследовании данной проблемы можно почерпнуть из писем и дневниковых записей П.Н. Миллера (Ф. 8169. Д. 1–19), а также сведений о нем в литературе¹.

В 1939 г. при секторе истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР была организована Группа по истории города Москвы, состоящая из видных археологов, архитекторов, москвоведов, историков и др. Основной задачей коллектива являлась подготовка многотомной “Истории Москвы” – фундаментального труда, выход которого был приурочен к 800-летию столицы.

Деятельность Комиссии практически не изучена современными историками и москвоведами, а между тем она представляет немалый интерес не только для этой категории научных работников, поскольку стенограммы заседаний включают в себя машинописные и рукописные копии докладов, различных по своей тематике, многие из которых не вошли в издание по тем или иным причинам. Здесь есть сведения и по археологии, по истории театра и живописи, по архитектуре и зодчеству, а также информация биографического характера, освещающая факты пребывания в Москве некоторых всемирно известных деятелей культуры (П.И. Чайковского, А.П. Чехова и др.)².

Группа по истории города Москвы первоначально была организована в 1933 г. при Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) для выполнения задания Метростроя по научному архивно-историческому и археологическому обследованию местностей, примыкающих к трассе метро первой очереди. Задание было полностью выполнено, и в 1936 г. в изда-

¹ См.: *Богоявленский С.К.* Памяти П.Н. Миллера // *Краеведы Москвы*. М., 1995. Вып. 2. С. 113–116; *Рабинович М.Г.* Неутомимый москвовед // Там же. С. 100–113; *Шмидт С.О.* Послесловие // Там же. С. 116–119; Москва. Энциклопедия. 1997. С. 405; *Шмидт С.О.* Послесловие // *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992. С. 298.

² См.: Приложение.

тельстве “СОЦЭКГИЗ” был выпущен том под заглавием “По трассе первой очереди московского метрополитена”³. Этот же коллектив выполнил аналогичное задание и по трассе второй очереди метро, работу окончил и сдал в ГАИМК, но результаты ее не были опубликованы вследствие реорганизации ГАИМК в Московский областной институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (МОИИМК). Та же причина, т.е. реорганизация ГАИМК, прекратила работу Группы⁴.

В июне 1939 г. Институт истории АН СССР, решив в связи с приближающимся 800-летием первого летописного упоминания о Москве, включить в план работ подготовку к изданию многотомника по истории Москвы, поручил сектору истории СССР до XIX в. созвать москвоведов. Собрание состоялось 14 июня 1939 г., председателем Группы был избран В.И. Лебедев, а секретарем – П.Н. Миллер.

О факте образования Группы П.Н. Миллер упоминает в письме М.А. Цявловскому от 26 июня 1939 г.: “...я с Вами не успел поделиться моей большой радостью: 14 июня с.г. при Институте истории Академии наук СССР основана группа по изучению истории Москвы, работу которой я надеюсь удастся развернуть ближайшей осенью”⁵.

На этом совещании была выделена комиссия по разработке плана работ Группы истории города Москвы в составе: С.К. Богоявленского, С.В. Киселева, П.Н. Миллера, Н.В. Романовской, П.В. Сытина и В.И. Шункова (Д. 202. Л. 38).

Предварительный план работы группы по истории города Москвы был разработан П.Н. Миллером. Из него следует, что основная цель организации Группы – создание истории г. Москвы, “отвечающей современному марксистско-ленинскому понятию истории”. Поэтому в ее план работ, помимо очередных докладов, были включены доклады по вопросам, связанным с подготовкой академического издания.

В задачу Группы также включили обязательный пересмотр всех спорных и невыясненных вопросов по истории г. Москвы с глубоким и всесторонним анализом имеющихся работ и изысканий (Л. 1–2).

Помимо последовательного изложения событий жизни города планировалось включать несколько научно-составленных подсобных справочных разделов, как то: историография москвоведения; библиография истории Москвы; иллюстрации о Москве; иллюстрации и иконография; комментированный обзор планов старой Москвы; московский фольклор, говоры; Москва в литературе; перечисленные местности, свобод, урочищ и проездов Москвы; московский некрополь; московские окрестности – в радиусе 25 км (Л. 2).

Издание условно предполагалось в 6-ти томах (по 300 с.).

Предварительный план, подготовленный П.Н. Миллером, был рассмотрен всеми членами Группы: М.И. Александровским, А.В. Арциховским, С.К. Богоявленским, В.Н. Бочкаревым, Б.М. Даншиным, Е.А. Звягинцевым, Б.Б. Кафенгаузом, Н.Р. Левинсоном, Н.В. Романовской, К.В. Сивковым и П.В. Сытиным. Все сделанные замечания и поправки секретарь принял к сведению и внес их в новый текст плана (Л. 3).

Вскоре был выработан перечень тем по истории Москвы, на основании работ, которые имелись у докладчиков. Выглядел перечень следующим образом:

«А) История Красной площади в Москве. Б) Топография. План Казенной слободы XVII века; план Мещанской слободы XVII века; план Кадашевской слободы XVII века; нанесение на план данных переписей XVIII века (эти четыре пункта поручили С.К. Богояв-

³ По трассе первой очередь московского метрополитена... Архивно-исторические и археологические работы академии в 1934 г. Л., 1936.

⁴ МИРМ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 434. Л. 18 (Дальнейшие ссылки на дела этого фонда даются в тексте статьи).

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 387. № 227. Л. 40 об.–41. Этими сведениями автор обязан С.О. Шмидту.

ленскому); древняя гидрографическая сеть г. Москвы – реки и овраги (Б.М. Даньшин); водные и сухопутные древние пути Москвы (Л.В. Степанов); изучение и описание неизданных планов Москвы (1768, 1775, 1817 гг.) (П.Н. Миллер, П.В. Сытин...); анализ плана Москвы Мичурина (П.В. Сытин). В) Планировка. История планировки и застройки г. Москвы (в связи с реконструкцией) (П.В. Сытин). Г) Население Москвы. История московского пролетариата (Е.А. Звягинцев); социальный состав в различные периоды. Первоначальные древние насельники (на основании данных раскопок подмосковных курганов) (Е.И. Горюнова и О.Н. Бадер); динамика населения докапиталистической Москвы (Е.А. Звягинцев); изучение истории переселений в Москву из других областей государства. Д) История обороны Москвы. Партизаны начала XVII в. (П.Н. Миллер); оборонные форпосты Московского государства до XVIII в. (М.И. Александровский). Е) Экономика. История промышленности Москвы XVII–XIX вв. (Б.Б. Кафенгауз); история торговли (Б.Б. Кафенгауз); план торговых рядов (С.К. Богоявленский). Ж) Народные движения. Чумной бунт 1771 г. (Н.В. Романовская). З) История благоустройства. Пожары и поджоги в Москве (Е.А. Звягинцев). И) Архитектура Москвы. Первая архитектурная школа (Ухтомского) в Москве (А.Д. Введенская); двор Антиоха Кантемира и его могила в Москве (Г.И. Червяков); работы архитектора Олькинского в Москве (Г.И. Червяков); работы М.Ф. Казакова в Москве и подмосковье (М.И. Александровский). К) Искусство. Картины академика А.М. Васнецова как материал для истории Москвы XII–XVII веков (Н.В. Романовская); Москва в акварелях Ф.Я. Алексеева (А.Д. Введенская); гравюры Делабарта как материал по истории Москвы конца XVIII в. (Г.И. Червяков); Москва на выставке исторической живописи в Государственной Третьяковской галерее в 1939 г. (Н.Р. Левинсон и П.Н. Миллер). Л) Отдельные памятники и сооружения, истории отдельных владений. Дворец Советов, история его территории (В.Н. Бочкарев); история застройки территории 1-го МГУ (старое здание) и всего квартала (М.И. Тарабрин).

Добавочные темы (не рассмотренные первоначально)

1. Описание Москвы 2-й половины XVIII века (Охтенский и др.) по неизданным материалам (М.И. Тарабрин).
2. Материалы по истории Москвы, собранные И.Е. Забелиным ко второму тому истории г. Москвы и к 3-му и следующим томам “Материалов” (М.И. Тарабрин).
3. Очерки по социально-экономической истории г. Москвы XII–XVI вв.
 - а) Топография и экономика.
 - б) Социальный состав населения.
 - в) Восстания и народные движения.
 - г) Москва, как крупнейший экономический и стратегический центр северо-восточной Руси (М.Н. Тихомиров)» (Л. 41–43).

Помимо этого был подготовлен перечень вопросов по археологии Москвы, гораздо меньший по объему (Л. 44).

К 1941 г. Группа планировала подготовить к печати первый том “Истории города Москвы”, а к 1947 г. – 800-летию Москвы – выпустить не только все четыре ее тома “Истории”, но и несколько дополнительных томов – материалов, библиографий и т.п. (Д. 211. Л. 45).

Члены Группы занимались так же научно-исследовательскими работами на новостройках. Так на период октября 1939 г. историко-археологическая бригада, в которую входили архивист Е.А. Звягинцев, археологи Н.П. Милонов и студентка истфака МГУ М.Г. Рабинович, геолог Б.М. Даньшин и П.Н. Миллер, возглавлявший бригаду, работали на месте “Бабьего городка”, где шло строительство главного здания АН СССР (Л. 66). Целью подобного рода работ был поиск археологических находок вещественных источников по старой Москве.

Как следует из стенограммы выступления председателя Группы В.И. Лебедева на заседании 14 октября 1939 г., “непременной задачей Группы должно было стать стремление включаться по своей специальности во все общественно-политические кампании, проводимые в Москве. Это участие может выразиться в прочтении лекций, проведении бесед и т.п. и по истории Москвы, и ее районов и частей” (Л. 68).

Тем временем продолжала активно трудиться и комиссия по выработке плана издания “Истории города Москвы”, председателем и секретарем которой являлся П.Н. Миллер.

На заседании комиссии 16 октября 1939 г. был принят схематичный план “Истории города Москвы”. Количество разделов было сокращено с 22 до 10.

“1. Древнейшая история г. Москвы (до 1147 г.).

2. Москва в период феодальной раздробленности (до 2-й пол. XV в.).

3. Москва в период образования Русского национального государства (XI–XVI вв.).

4. Москва – столица многонационального государства (XVII в.).

5. Москва в эпоху реформ Петра и при его преемниках.

6. Москва в эпоху дворянской империи (2-я пол. XVIII в.–1811 г.).

7. Москва в период разложения крепостнического хозяйства (1812–1860-е гг.).

8. Москва в период развития капитализма (1860-е–1890-е гг.).

9. Москва в период империализма (1890–1917 гг.).

10. Москва в период социализма” (Д. 191. Л. 5).

Заседания проходили по отработанной схеме. Открывал каждое заседание председатель, после этого слово предоставлялось докладчику. Затем шло обсуждение и рассматривались текущие дела, поставленные на повестку дня.

Группа по истории города Москвы тесно сотрудничала со многими научными организациями и институтами. Так, в ноябре 1939 г. Группа обратилась в Институт истории с заявлением о необходимости послать своего представителя в Комиссию АН по содействию реконструкции г. Москвы, и им стал член-корреспондент АН СССР С.К. Богоявленский, о чем уведомили Президиум АН СССР, прося включить представителя в комиссию, возглавляемую академиком А.М. Терпигоревым (Там же).

Московский коммунальный музей обратился в Институт истории с просьбой выделить компетентных лиц для участия в обсуждении вопроса о плане и научных материалах к созданию макета “Москва. Город XVII в.” (докладчик П.Н. Миллер). В ответ на просьбу сектор истории СССР до XIX в. направил члена-корреспондента АН С.К. Богоявленского, геолога Б.М. Даньшина и архитектора Д.П. Сухова (Там же).

На просьбу издательства “Московский рабочий” дать им консультанта для готовящейся к изданию книги Е.Д. Симонова “Река Москва” сектор истории СССР до XIX в. назначил консультантом П.Н. Миллера, который и раньше сотрудничал с издательством (Там же).

За работой Группы внимательно следила пресса. В центральных газетах появлялись короткие заметки о ее деятельности. Типичный пример – заметка в газете “Вечерняя Москва” от 20 ноября 1939 г. под названием “Находки на строительстве:

“На строительстве главного здания Академии наук СССР при рытье котлована найдено много интересных предметов старины. Часть находок относится к XVIII в. (помадные банки, курительные глиняные трубки, монеты 1731 г.).

Найдены красивые рельефные изразцы для облицовки печей (XVII века), много старинной посуды, медная ложка для литья и др.

По старинным планам Москвы на участке, где сейчас идет строительство основного здания Академии наук, был когда-то “Крымский двор” – постоянное представительство крымского хана при московском князе. В XVII в. здесь был открыт конный торг, затем долгое время находилась свалка, потом огороды.

По находкам на строительстве работает специальная бригада Института истории Академии наук в составе П.Н. Миллера, Н.П. Милонова и М.Г. Рабиновича”.

За первое полугодие 1940 г. было проведено 17 заседаний Группы с 27 научными докладами и четырьмя организационными. Из заслушанных докладов подходящим материалом для первого тома “Истории города Москвы” сочли только

14 сообщений: Геологическая история г. Москвы (Б.М. Даньшин); Памятники неолита на территории Москвы (О.Н. Бадер и С.Л. Потоцкий); Дьяконовская культура на территории г. Москвы (О.Н. Бадер); Городище дьяковского типа на Сетуни (С.В. Киселев); Андреевское городище дьяковского типа (О.Н. Бадер); Археологические памятники славян на территории Москвы (до XIV в.) (А.В. Арциховский); Археологические памятники на территории Москвы (К.Я. Виноградов); Древнейшая история г. Москвы (XII–XIII вв.) (М.Н. Тихомиров); Древняя русская архитектура в Москве. Андроньевский монастырь (П.Н. Максимов); Стилль московской архитектуры XVI в. (С.В. Безсонов); Западноевропейцы в Москве XIV–XVI вв. (В.Л. Снегирев); Сбор с московского населения 1000 лошадей 1631–1632 гг. (В.И. Троицкий); Гончарная слобода в Москве как производительный центр XII в. (А.В. Филиппов) (Д. 214. Л. 25).

Археологические наблюдения при земляных работах на территории строительства главного здания Академии наук завершились в первом полугодии 1940 г., и с 1 мая стали производить аналогичные наблюдения при земляных работах на Котельнической набережной в Москве. Собранные там коллекции позднее были выставлены вместе с результатами других археологических экспедиций на специальной выставке в здании 1-го МГУ (Л. 25).

Как заметил П.Н. Миллер, на заседании сектора по истории Москвы 11 марта 1940 г., “самое важное, что с этой работой начинается впервые осуществление за Москвой правильного систематического архитектурного наблюдения и раскопок, т.е. это будут систематические раскопки, которые производят при своих поездках археологи... Этим обследованием, к примеру, Яузского холма, начинается большая работа по археологическим обследованиям древней Москвы, чего ранее не было” (Д. 134. Л. 6).

Члены Группы содействовали организации секторов по изучению Москвы при различных научных учреждениях. Так, после доклада Миллера в Научно-исследовательском институте краеведения и музееведения Наркомпроса, там была создана Московская группа, в состав которой вошли А.П. Смирнов, В.А. Тихомирова и Н.П. Милонов (Там же). После его же доклада в МОИИМК, в нем также организовали Московскую секцию, в которую вошли А.В. Арциховский, О.Н. Бадер, Е.И. Горюнова, Б.А. Рыбаков и С.А. Тараканова (Там же).

С 1 июля 1940 г. научные заседания Группы были прекращены по предложению и.о. ученого секретаря Института истории В.А. Ледяева. А 18 октября 1940 г. состоялось первое организационное заседание Комиссии по истории Москвы при дирекции Института истории АН СССР. На нем присутствовали 6 членов из 10: В.И. Лебедев, С.К. Богоявленский, С.В. Бахрушин, Б.Б. Кафенгауз, К.В. Сивков и П.Н. Миллер (Д. 429. Л. 2).

Основанием для создания Комиссии послужило постановление, принятое на заседании дирекции Института истории АН СССР 29 июня 1940 г. (здесь и далее тексты документов приводятся с сохранением оригинального стиля): “Ввиду предстоящего юбилея г. Москвы организовать при дирекции Института истории Комиссию по истории г. Москвы в составе: акад. Грекова, Лебедева, чл.-корр. Богоявленского, Кафенгауза, проф. Сидорова, Черномордика, Сивкова и П.Н. Миллера

Представить в Отделение истории и философии проект плана многотомного издания истории Москвы с докладной запиской и просить Отделение возбудить ходатайство перед Президиумом АН об отпуске трех штатных единиц и средств на текущие расходы по написанию истории Москвы” (Д. 434. Л. 18).

Помимо указанных лиц, в состав Комиссии также были включены А.М. Панкратова и М.Н. Тихомиров (Д. 454. Л. 1).

На заседании были подведены итоги работы Группы по истории города Москвы за период с 14 июня 1939 г. по 1 июля 1940 г. П.Н. Миллер предложил план работы Комиссии на 1941 г. В общих чертах он сводился к предложениям и работам аналогичного плана на IV квартал 1940 г.:

«а) Главной задачей Комиссии будет подготовка к печати 1 тома истории г. Москвы.

б) Кроме 1-го тома должен быть подготовлен к печати, по крайней мере, один том “Материалов” (например, составленный И.Е. Забелиным). 2-й том материалов по истории и археологии Москвы – продолжение изданных Городской управой до революции первых двух томов того же И.Е. Забелина.

в) В 1941 году выслушать не менее 12 научных докладов.

г) Участвовать в комплексном изучении следующих московских урочищ: Вшивой горки⁶, Зарядья и Чертолья.

д) Участвовать в консультации учреждений и отдельных лиц.

е) Прочесть несколько лекций в учреждениях и провести ряд бесед на стройках, где производятся комплексные наблюдения.

ж) Написать заданное число статей для сборника “25 лет Советской власти в Москве”⁷.

После внесения поправок, изменениям подверглись пункты а), б), в). Комиссия постановила: подготовку к печати первого и второго томов отнести к 1943 г., и к тому же году – окончание собирания материалов для третьего и четвертого томов, подготовку к печати 3-го тома – к 1944 г., а 4-го тома – к 1945 г. Что касается количества докладов, то решено было выслушать не менее десяти, принимая во внимание двухмесячный отпуск (Там же).

На том же заседании П.Н. Миллер сделал сообщение о состоянии плана издания “Истории города Москвы”. Редакция его в разное время и на различных стадиях была просмотрена В.И. Лебедевым, С.В. Бахрушиным, М.Н. Тихомировым, затем А.В. Арциховским, М.И. Александровским, С.В. Безсоновым, С.К. Богоявленским, В.Н. Бочкаревым, Н.Д. Виноградовым, Ю.В. Готье, Б.М. Даньшиным, Б.Б. Кафенгаузом, Н.Р. Левинсоном, М.Н. Петровым, Н.В. Романовской, К.В. Сивковым, И.В. Степановым, П.В. Сытиным. После внесения поправок и дополнений план был роздан для прочтения заведующими секторами Института истории В.И. Лебедеву, А.Л. Сидорову и С.И. Черномордику (Там же).

Исправленный план для окончательной редакции был передан на просмотр академику Ю.В. Готье, от которого вернулся со следующей пометкой: “Просмотрев вторую редакцию программы по истории Москвы, нахожу ее существенно улучшенной. Особенно по линии методологии и периодизации. Поправок и дополнений не имею” (Там же).

На втором организационном заседании Комиссии по истории города Москвы, прошедшем 19 ноября 1940 г., был определен листаж частей первого тома “Истории” и авторский коллектив.

Вырисовывалась следующая картина:

“Ч. 1 – вводная:

а) Геология Москвы – автор Б.М. Даньшин.

б) Первобытно-общинный строй на территории Москвы – авторы А.В. Арциховский и О.Н. Бадер.

Ч. 2 – Москва в период феодальной раздробленности XII–XV вв. Автор основных разделов и ответственный редактор М.Н. Тихомиров.

⁶ Несмотря на то что горка носит название *Швивой*, в ходу был искаженный вариант названия.

⁷ Идея о составлении сборника “25 лет Советской власти в Москве” возникла у членов Группы летом 1939 г., после чего Миллер, будучи в издательстве “Московский рабочий”, обговорил такой вариант с сотрудниками издательства. Ему предложили подать заявку. Совместно с заведующим сектором истории СССР советского периода Института истории С.И. Черномордиком П.Н. Миллер поставил вопрос на заседании дирекции Института, где идея получила одобрение. Однако от Миллера потребовали более детальной конкретизации предложения, обеспечения сборника научно-квалифицированными кадрами и повторного представления на рассмотрение дирекции. В результате разделы сборника были распределены следующим образом: политическая и партийная жизнь – сектор истории СССР советского периода, городское хозяйство – МИРМ, архитектура – Всесоюзная Академия архитектуры, театр – Государственный театральный музей им. Бахрушина (Л. 7).

Ч. 3 – Москва в период образования русского национального государства в XV–XVI вв. Автор основных разделов и ответственный редактор С.В. Бахрушин.

Ч. 4 – Москва в период превращения русского государства в многонациональное в XVI в. Автор основных разделов и ответственный редактор С.В. Бахрушин.

Ч. 5 – Москва в период крестьянской войны и польско-шведской интервенции. Автор основных разделов и ответственный редактор С.К. Богоявленский.

Ч. 6 – Москва – столица русского государства XVII в. Автор основных разделов и ответственный редактор С.К. Богоявленский” (Д. 445. Л. 76).

Для авторов были выработаны общие правила, основные требования которых сводились к представлению каждым автором плана своей статьи после определения листажа, наличию у авторов инструкций с общими положениями по составлению статей, своевременному представлению рукописей и соблюдению авторами объема, определенного для рукописи (Д. 460. Л. 2).

23 января 1941 г. состоялось заседание расширенного состава Отделения истории и философии совместно с Комиссией по истории города Москвы. На нем присутствовали: председатель бюро А.М. Деборин, Б.Д. Греков, Г.Н. Войтинский, председатель Комиссии по истории города Москвы – В.И. Лебедев, П.Н. Миллер, А.М. Панкратова, П.К. Алефиренко, С.К. Богоявленский, О.Н. Бадер, Е.И. Горюнова, С.А. Тараканова (Д. 464. Л. 23).

На заседании заслушали отчет о работе Комиссии по истории города Москвы за 1940 г. Из него следовало, что в течение всего года было проведено 28 заседаний, из них 8 организационных и 20 научных. На научных заседаниях было заслушано 32 доклада и сообщения, которые сосредоточивались преимущественно на темах первых 2-х томов “Истории Москвы” (Там же).

В начале февраля 1941 г. на заседании сектора истории СССР до XIX в. очередной раз обсуждался план издания. По инициативе А.М. Панкратовой, решено было создать две комиссии, одна из которых была в следующем составе: Б.Б. Кафенгауз, С.К. Богоявленский, П.Н. Миллер, В.И. Лебедев, М.Н. Тихомиров и В.И. Шунков. Она должна заниматься Московской феодальной (до XVIII в.) и работать над двумя томами. По Москве капиталистической предлагалась следующая комиссия: И.Н. Ловецкий, М.В. Нечкина, Л.М. Иванов, Е.А. Мороховец, К.В. Сивков, А.М. Панкратова и Н.М. Дружинин (Д. 478. Л. 55).

В результате, на заседании подкомиссии по переработке плана издания, состоявшемся 26 февраля 1941 г., решили сократить количество частей путем слияния отдельных разделов и глав.

А днем ранее состоялось заседание Ученого совета Института истории АН СССР, на котором обсуждался план издания. В итоге был составлен календарный план подготовки томов.

Первый том (ответственные авторы: М.Н. Тихомиров, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский) – “Москва феодальная” – надлежало сдать в набор к 1 декабря 1942 г.

Второй том (ответственные авторы: В.И. Лебедев, К.В. Сивков, Б.Б. Кафенгауз) – “Москва в XVIII в.” – первая половина XIX в. (до 1861 г.) – к декабрю 1943 г.

Третий том (ответственный автор – Е.А. Мороховец) – “Москва капиталистическая” – в декабре 1944 г.

Четвертый том (ответственные авторы – сотрудники сектора советского периода: С.Д. Петропавловский, С.И. Черномордик и др.) – к декабрю 1945 г. (Д. 506. Л. 2–3).

Следует заметить, что в прежнем варианте плана отмечали “полную аполитичность”. В частности, С.Д. Петропавловский, представлявший на заседании сектор истории СССР советского периода, делал замечания на эту тему (Л. 9). И хотя последний вариант его в общем устраивал, но, по изящному выражению Петропавловского, “отрывка прежнего дефекта сохраняется и в этом плане” (Там же).

На том же заседании Ученого совета был выдвинут состав редакционной комиссии по “Истории города Москвы”, который выглядел следующим образом:

«1. Греков Борис Дмитриевич, академик, директор Института истории АН СССР, беспартийный.

2. Волин Борис Михайлович, профессор, редактор ж. “Исторический журнал”, сотрудник Института истории партии при МК, член ВКП(б) с 1904 г.

3. Бахрушин Сергей Владимирович, член-корреспондент Акад. наук, старший научный сотрудник Института истории АН, беспартийный.

4. Богоявленский Сергей Константинович, член-корреспондент Акад. наук, старший научный сотрудник Института истории АН, зам. председателя Комиссии по истории Москвы, беспартийный.

5. Лебедев Владимир Иванович, профессор, зав. сектором истории СССР до XIX в. Института истории АН, председатель Комиссии по истории Москвы, член ВКП(б) с 1928 г.

6. Панкратова Анна Михайловна, член-корреспондент Акад. наук СССР, зам. директора Института истории, зав. сектором истории СССР XIX и XX веков, член ВКП(б) с 1919 г.

7. Черномордик Соломон Исаевич, ст. научный сотрудник сектора истории СССР советского периода Института истории АН, член ВКП(б) с 1902 г.

8. Петропавловский Сергей Дмитриевич, и.о. старшего научного сотрудника Института истории АН, член ВКП(б).

9. Миллер Петр Николаевич, и.о. старшего научного сотрудника Института истории АН, секретарь Комиссии по истории Москвы, беспартийный.

Подпись: зам. директора Ин-та истории АН СССР
А.Д. Удальцов»
(Д. 504. Л. 61).

Первое заседание редакционной комиссии под председательством Б.М. Волина состоялось 15 мая 1941 г. Волин быстро вошел в роль главы Комиссии и продиктовал остальным участникам условия работы, исходя из собственного опыта редактора крупного журнала. Сотрудники Комиссии с трудом отстояли часть тех принципов и структуры издания, которые нарабатывались годами. Новый председатель во всем руководствовался только одним соображением: деятельность коллектива должна соответствовать решениям ЦК.

Принципиальная позиция Б.М. Волина прекрасно выражена в следующих словах, произнесенных на заседании 15 мая: “Конечно, все, что относится к истории Москвы, очень интересно, но нам интереснее и особенно интересна Москва XIX в. и советская Москва. Поэтому, хотя она так схематично укладывается у нас в четыре одинакового типа тома, но мы должны отдавать предпочтение последнему периоду. На этом периоде будет учиться народ” (Д. 515. Л. 21).

Вскоре редакционная комиссия стала именоваться главной редакцией “Истории города Москвы”. Председателем был избран Б.М. Волин, секретарем после недолгих прений оставили П.Н. Миллера (Д. 518. Л. 25).

В дальнейшие планы подготовки издания вмешалась Великая Отечественная война. Из письма П.Н. Миллера к А.М. Панкратовой от 31 мая 1942 г.: «Комиссию по истории г. Москвы война застала после того, как дирекцией Института истории был утвержден план ее работы на 1941 г., выяснен состав сотрудников Института и договорников, который должны были, согласно плана, собрать материал для составления (в 1942 г.) первого тома “Истории города Москвы” (с основания города до Петра Великого)» (Д. 728. Л. 77).

В первые два месяца войны Комиссия продолжала функционировать по инерции. По инициативе Волина было увеличено количество авторов; ранее привлеченные к работе восприняли это с недоумением.

Запись в дневнике П.Н. Миллера от 27 июня 1941 г.: “Зашел М.Н. Тихомиров. Он заявил, что все напишет сам, кроме архитектуры и живописи; возмущался громадным количеством авторов для 1-го тома – 19 на 50 листов. Недоумевал, зачем Голубцов, зачем Бакланов, Савич и много других, Базилевич и т.д.” (Д. 8. Л. 10).

В полной неразберихе военного времени сотрудники Комиссии по истории города Москвы продолжали работу, несмотря на неопределенность и бесконечные отмены и переносы заседаний Комиссии. В этот период у П.Н. Миллера созрела

мысль о необходимости составления летописи “Москва в Отечественной войне”. Он стал собирать материалы, источниками для которых служили вырезки из центральных газет, содержащие сводки последних событий на фронтах. П.Н. Миллер делился ображениями с Ю.В. Готье, который обещал поставить вопрос на заседании дирекции Института (Д. 278. Л. 75). В то же время администрация Института было уже не до “Истории города Москвы”, о чем можно сделать вывод, прочитав выдержку из дневника П.Н. Миллера за 14 августа 1941 г.: “Комиссии как таковой сейчас нет; мне поручается летопись Отечественной войны, а остальные переключаются на работу по Татарии (Имеется в виду Комиссия по написанию истории Татарии, которую организовал Б.Д. Греков, находясь в Казани. – С.У.).

В конце концов, все же решили, что Тихомиров, Бахрушин, Богоявленский до отъезда будут работать над подбором материала для Москвы (по печатным источникам). Мне предложено заниматься Летописью, подбором материала по чертежам и текущей работой по Комиссии” (Д. 8. Л. 57).

Ситуация осложнилась отъездом некоторых членов Комиссии из Москвы на неопределенный срок, а также сокращением ряда сотрудников Института. С мертвой точки дело сдвинулось лишь в конце 1942 г., когда Ученый совет Института истории АН СССР постановил возобновить работы по истории г. Москвы, и в план на 1943 г. они были включены, правда, с изменениями в объеме, но не в содержании – два тома вместо четырех, причем все авторы – штатные сотрудники Института. И отсюда становится вполне понятной горькая ирония П.Н. Миллера, с которой он сообщил эту новость в письме П.В. Сытину от 17 января 1943 г.: “Никто, кроме сотрудников Института истории, привлечен не будет. Не будут привлечены Звягинцев, Сытин, Миллер, Александровский, но зато историю Москвы будут писать Шарова, Алефиренко...” (Д. 742. Л. 1).

Но многие члены Комиссии, будучи вдали от столицы, продолжали работу над отдельными томами, связанными с историей Москвы. К изданию многотомника вплотную приступили в послевоенные годы, когда некоторых участников этого проекта уже не было в живых (С.К. Богоявленского, Ю.В. Готье, П.Н. Миллера, Е.А. Мороховца). “История города.Москва” была издана Институтом истории АН СССР в 6-ти томах (шестой том, озаглавленный “Период построения социализма”, состоял из двух книг). Первый из них вышел в 1952 г., последний в 1959 г. И хотя на завершающей стадии проект вели, преимущественно, другие лица, вряд ли многотомное академическое издание “История города Москвы” могло бы состояться, если бы не люди, ставшие героями этого материала, ревностно оберегавшие историю родного города.

Приложение

Перечень докладов участников заседаний Группы / Комиссии по истории Москвы при секторе истории СССР до XIX века Института истории АН СССР за период 1939–1941 гг.⁸

2 ноября 1939 г. – С.К. Богоявленский. “План Москвы XII века”.

2 декабря 1939 г. – А.В. Щусев. “Проект главного здания Академии наук СССР”; Б.М. Даньшин, Н.П. Милонов, М.Г. Рабинович и П.Н. Миллер. “Научно-исследовательские работы на территории будущего главного здания Академии наук (на Крымском валу)”.

2 января 1940 г. – О.Н. Бадер “Памятники неолита и бронзы на территории Москвы”; С.Л. Потоцкий. “Древнейшие следы человека на территории Москвы и окрестностей в свете исторических сообщений”.

⁸ Тематика сообщений административного характера, прозвучавших на организационных заседаниях Группы (Комиссии) в Приложение не включена.

- 19 января 1940 г. – В.Л. Снегирев. “Западные иностранцы в Москве XIV и XV вв.”;
- 19 февраля 1940 г. – С.И. Сакович. “Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII века (по таможенным книгам 1694 г.)”; М.И. Александровский и И.М. Тарабрин. “Два неопубликованных плана Москвы 1764 г. и ок. 1800 г.”; Н.В. Романовская. “Музей истории и реконструкции Москвы. Краткая информация”⁹.
- 11 марта 1940 г. – Б.С. Земенков. “Чехов – москвич (чеховские дома в Москве, Подмосковье)”; Л.Р. Варшавский. “О работах К.С. Кузьминского”.
- 19 марта 1940 г. – О.А. Яковлева. “Реконструкция Москвы на фоне ее панорамы сер. XIX в.”; В.И. Троицкий. “Сбор с московского населения тысячи лошадей для государственной службы в 1631–1632 гг.”
- 2 апреля 1940 г. – А.В. Шестаков и Н.И. Рунина. “Историческая игра “Знаешь ли ты Москву?”; С.В. Безсонов. “Стиль московской архитектуры XVI в.”.
- 11 апреля 1940 г. – В.И. Пичета. “Об образовании белорусской народности”; А.А. Савич. “Об образовании украинской народности”.
- 20 апреля 1940 г. – И.П. Бахарев. “Места, связанные с жизнью и деятельностью В.И. Ленина”.
- 3 марта 1940 г. – В.В. Яковлев. “П.И. Чайковский в Москве”; А.Н. Гейнике. “Из истории оперного театра Москвы в 70–80-е гг. XIX века”¹⁰.
- 11 мая 1940 г. – П.Н. Максимов. “Московская архитектура. Андроньев монастырь XIV века”.
- 2 июня 1940 г. – Б.М. Даньшин. “Геологическая история г. Москвы и окрестностей”.
- 3 июня 1940 г. – С.В. Киселев. “Раскопки Сетуньского городища” (выездное заседание).
- 11 июня 1940 г. – К.Я. Виноградов. “Археологические памятники на территории Москвы по личным воспоминаниям”; Л.Р. Варшавский. “К истории постройки памятника А.С. Пушкину в Москве в 1880 г.”
- 19 июня 1940 г. – М.Н. Тихомиров. “Древнейшая история г. Москвы XII–XIV вв.”
- 27 июня 1940 г. – О.Н. Бадер. “Андреевское городище дьяковского типа”¹¹.
- 18 октября 1940 г. – Е.А. Звягинцев. “Крымский двор – история территории строительства Академии наук”; П.Н. Миллер. “Чертежи и планы той же местности в XVI–XX вв.”
- 12 ноября 1940 г. – С.И. Мйцкевич. “Революция 1905 г. в Москве”.
- 10 декабря 1940 г. – Е.Ф. Дюбюк. “Происхождение Московской Хамовной слободы в XII в.”
- 13 января 1941 г. – М.И. Александровский. “Старые панорамные планы Москвы XVI–XVII веков”.
- 11 февраля 1941 г. – С.К. Богоявленский. “План Московской Казенной слободы по писцовой книге XVII века”; Г.М. Залкинд. “Публичная Всенародная библиотека в Москве в начале XVIII в.”; А.А. Круглый. «Происхождение названий “Китай-город”, “Чечора”, “Яуза”, “Москва” и “Неглинная”».
- 12 марта 1941 г. – С.Б. Веселовский. “Окрестности Москвы в XIV–XVI вв.”
- 8 апреля 1941 г. – А.П. Смирнов. “Отчуждение белых свобод и выгонных земель в Москве 1648–1650 гг.”; Н.Р. Левинсон. “Записки Айрманна о Москве 1669–1670 гг.”
- 13 мая 1941 г. – Г.Н. Бибиков. “Бои ополчения Минина и Пожарского с армией гетмана Ходкевича на территории Москвы 22–24 августа 1612 г.”; П.Н. Миллер. “Заметки о польско-русских отношениях в нач. XVIII века”.
- 10 июня 1941 г. – Б.М. Даньшин. “Историко-географические карты г. Москвы”¹².

⁹ См.: Там же. Д. 77–131.

¹⁰ См.: Там же. Д. 132–170.

¹¹ См.: Там же. Д. 171–190.

¹² См.: Там же. Д. 439–537.

“...РЕШИЛ ВЕРНУТЬСЯ В СОСЛОВИЕ УЧЕНЫХ”

(Обзор писем А.А. Шахматова Г.В. Есипову)

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) – известный русский филолог, языковед, исследователь древнерусской литературы, профессор Санкт-Петербургского университета, академик. Он рано лишился родителей, и с 1871 г. воспитывался с сестрами в семье дяди, Алексея Алексеевича Шахматова, брата отца. Уже в детстве Шахматов проявил интерес к истории и изучению языков. После окончания Московской IV гимназии поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в 1887 г. окончил его. В 1890 г. в качестве приват-доцента Московского университета начал читать курс истории русского языка и давать уроки латинского языка в Московской VII гимназии. Но в конце 1890 г. Шахматов решил оставить Москву и поступить на службу в качестве земского начальника Саратовского уезда Саратовской губернии.

Сам Шахматов придавал положительное значение своему отъезду в деревню и считал, что предстоящая деятельность его “разовьет во многих отношениях, поставит ближе к народу и послужит отличным преддверием для предстоящего научного поприща [...]. Здесь в постоянном столкновении с живой народной струей, я запасусь той энергией, которая будет мне необходима, чтобы поднять тяжелое бремя профессуры, запасусь тем живым интересом к родному народу, который научит меня глубже и разносторонне вникнуть в его язык”¹. С увлечением Шахматов стал изучать крестьянский быт и формы крестьянского землевладения. Обстоятельства складывались не лучшим образом: 1891 г. оказался неурожайным и пострадавшему населению необходима была продовольственная помощь. Кроме того, в 1892 г. в Саратовской губернии вспыхнула холера, начались беспорядки. Обязанности земского начальника требовали от Шахматова много сил и энергии, и только осенью 1892 г. он нашел время для написания диссертации “Исследования в области русской фонетики” на соискание степени магистра русского языка и словесности. За эту работу, опубликованную в “Русском филологическом вестнике” (1893–1894. Т. XXIX–XXXI; отд. отт. Варшава, 1893), историко-филологический факультет Московского университета весной 1894 г. присудил ему, помимо магистерской, и степень доктора русского языка и словесности. Но Шахматов не оставил свои служебные обязанности. В мае 1894 г. он получил официальное предложение от Императорской Санкт-Петербургской академии наук занять место адъюнкта по Отделению русского языка и словесности. Шахматов дал согласие и 12 ноября 1894 г. был избран на эту должность.

Период службы Шахматова в качестве земского начальника – сложный этап в его жизни: с одной стороны – любовь к деревне и крестьянину, стремление принести пользу народу, с другой – тяга к науке. Шахматов в письме к своему учителю, известному языковеду, Ф.Ф. Фортунатову, в 1892 г. писал: “[...] я так привязан к крестьянам, так их полюбил, что тяжело будет с ними расстаться”². Определенная роль в его окончательном решении вернуться к научной деятельности принадлежит Григорию Васильевичу Есипову, который приходился дядей Шахматову. Есипов был мужем Софьи Николаевны Есиповой, урожденной Челюсткиной, родной сестры тети Шахматова – Ольги Николаевны (жены А.А. Шахматова).

¹ Цит. по: *Лавров П.А.* Первые годы научной деятельности А.А. Шахматова // Известия ОРЯС. 1922. Т. 25. С. 53.

² Цит. по: *Ольденбург С.Ф.* А.А. Шахматов как человек и деятель // Там же. С. 68.

Г.В. Есипов (1812–1899) – историк и архивист, в течение почти 30 лет был заведующим Общим архивом Министерства императорского двора³. В своих статьях, очерках, публикациях, монографиях он вводил в научный оборот новые документы по истории России не только отечественных, но и зарубежных архивов. Есипов – автор следующих работ: “Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича” (1861), “Иван Посошников” (1861), “Ванька-Кайин” (1869), “Жизнеописание кн. А.Д. Меншикова” (1875) и др. Они печатались во многих журналах, в том числе в “Русском вестнике”, “Русском архиве”, “Русской старине”, “Историческом вестнике” и др. Некоторые его рассказы вошли в сборники: “Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии” (1861–1863), “Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии” (1880), “Тяжелая память прошлого. Рассказы из дел Тайной канцелярии и других архивов” (1885). Под его редакцией были изданы “История Выговской старообрядческой пустыни” (1862), “Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом” (1872), камер-фурьерские журналы⁴. Есипов, сам посвятивший жизнь исторической науке и архивному делу, с пониманием относился к научным занятиям племянника. Шахматов ценил мнение своего дяди.

Переписка А.А. Шахматова обширна и мало изучена⁵. В фонде Г.В. Есипова в ГАРФ сохранилось восемь писем А.А. Шахматова к нему за 1886–1894 гг.⁶ Они относятся к периодам учебы Шахматова в Московском университете, подготовки к экзамену на степень магистра русского языка и словесности, деятельности в качестве земского начальника в Саратовской губернии, избрания его адъюнктом СПб. АН. Письма Шахматова и дневник Есипова свидетельствуют о том, что между ними были не только теплые родственные, но и деловые отношения. В 1885 г. Есипов готовил для журнала “Русская мысль” материалы рубрики “Сто лет назад”, Шахматов доставлял ему информацию по “заграничным известиям” (Д. 65. Служебный дневник Г.В. Есипова. Л. 33). В этой рубрике среди опубликованных без подписи “Известий из чужих краев” (отсутствующих в библиографии трудов Шахматова) например, были следующие:

“Лейпциг. 9 ноября [1785].

Книжная жатва не весьма изобильна была в нынешнем году. Может быть сие происходит потому, что многие писатели начали более думать, нежели писать. Число вышедших сочинений простирается только до 897, в число коих находилось 791 оригинальных и следовательно оных было 1000 меньше, нежели в прошлом году. Богословских сочинений было гораздо более, а за ними исторических и статистических. Романов вышло только 47.

Нидерланды. Брюссель. 23 нояб[ря] [1785].

Г. Бланишар предпринял 20-го числа шестнадцатое свое воздушное путешествие. Он поднимался весьма высоко от земли”⁷.

³ См.: Бухерт В.Г. Г.В. Есипов и создание Общего архива Министерства императорского двора // ОА. 1995. № 4. С. 32–37.

⁴ См.: Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 245–246.

⁵ О переписке А.А. Шахматова см.: Робинсон М.А. Эпистолярное наследие академика А.А. Шахматова // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 228–235. Отрывки из писем А.А. Шахматова к родным см.: Масальская Е.А. А.А. Шахматов (Детство и юность по воспоминаниям сестры) // Литературная мысль. Л., 1925. Кн. 3. С. 93–139; Она же. Повесть о брате моем А.А. Шахматове. М., 1929. Ч. 1. Легендарный мальчик.

⁶ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 997. Л. 1–8. Автографы (далее в тексте даны ссылки на дела этого фонда).

⁷ Русская мысль. 1885. Кн. 11. Сто лет назад (ноябрь 1785 г.). С. 217.

В письме от 10 января 1886 г. студент Шахматов сообщал Есипову:

«Я только что приехал из Губаревки⁸ и спешу известить Вас, что готов исполнить то, что Вам нужно относительно “Русской мысли”: а именно передать в редакцию^{1*} февральские материалы, которые Вы хотели переслать мне; моя работа тоже готова. Нахожусь в затруднении, как пользоваться “Зеркалом света”⁹: дело в том, что там не сообщаются числа, к которому (так в тексте. – Е.К.) относится то или другое иностранное известие» (Д. 997. Л. 1). 21 января 1886 г. он писал: “[...] Сегодня у меня сразу два экзамена, вследствие чего придется сидеть в университете до позднего вечера: поэтому позволяю себе отложить исполнение^{2*} поручений Ваших (т.е. посещение Бахметева¹⁰ с целью узнать его намерения) и тетинных до завтрашнего дня. Тотчас же буду писать” (Там же. Л. 2).

25 января он информирует Есипова:

“[Вс]^{3*}е эти дни я делал попытки видеть Бахметева и мне это все не удавалось: никогда его дома нет; сегодня я собрался рано утром до девяти часов и наконец застал его. Но все-таки я не мог ничего у него добиться, так как на все вопросы он мне отвечал, что сегодня же напишет Вам обо всем подробное письмо. Если Ваше дело с ним кончится, то напишите мне, и я возьму у него все Ваши бумаги” (Там же. Л. 3). 4 февраля 1886 г. Есипов получил письмо от Бахметева:

«[...] Мы решили прекратить “Сто лет назад”, о причинах сообщу при свидании, и ограничиться помещением от времени до времени исторических материалов. Возвращаю присланные Вами рукописи [...]” (Д. 602. Л. 8).

Есипов обращался к Шахматову и как к специалисту в области языков. В марте 1889 г. Шахматов отправил записку на почтовой карточке:

“[Мн]^{4*}огоуважаемый Григорий Васильевич!
...^{4*} austeria^{5*}: в словарях не нахожу: очевидно это ...^{4*} нское слово (итальянское *ostegia*). Persona^{5*}: маска, личина, употребляемая актерами; характер; лицо; особа; человек; образ, изображение из глины.

А.Ш.” (Д. 997. Л. 8).

В 1892 г. в Москве Есипов издал пособие под заглавием “Самоучитель чтения рукописей XVII столетия”. На его страницах была представлена чрезвычайно полно составленная азбука. Буква “а”, например, давалась в 23 видах, имелись снимки с цифр, слов, документов. Для удобства на другой стороне страницы было напечатано, как следует читать то или другое слово, документ. Эта книга была послана и Шахматову, в Саратов, где он служил в то время земским начальником. 10 апреля 1892 г. Шахматов писал:

“Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый Григорий Васильевич!

Поздравляю Вас и дорогую тетю с праздником Светлого Воскресения и благодарю Вас вместе с тем за присланную мне Вами книгу, практическое значение которой^{6*} очень ценю. 1-ое издание¹¹ вышло из продажи и появление второго очень важно. Я жа-

⁸ Губаревка – имение Шахматовых в Саратовском уезде Саратовской губернии.

^{1*} Далее зачеркнуто январ[ские].

⁹ “Зеркало света” (1786–1787) – еженедельный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге.

^{2*} Слово исполнение вставлено над строкой.

¹⁰ Бахметьев (Бахметев) Николай Николаевич (1847–1909) – писатель, секретарь журнала “Русская мысль”.

^{3*} В этом месте лист поврежден.

^{4*} В этом месте лист поврежден.

^{5*} Выделенные слова подчеркнуты Шахматовым.

^{6*} Далее зачеркнуто также.

¹¹ Азбука и скоропись XVII века для наглядного изучения. М., 1875.

лею только, что на книге нет имени ее составителя: между тем всякий труд в области наших ценностей, а в особенности такой почтенный, который основан на изучении рукописей, даже при всем практическом направлении имеет значение ученого труда. Очень больно мне, что покамест не нахожу возможности соединить свою новую деятельность с научными занятиями. До того сложны мои обязанности, до того обширны, что поступают все время и мне некогда даже писать писем самым близким. Особенно много труда потребовали, конечно, занятия по продовольствию населения и прокормлению скота, и пожалуй, до самого июля все придется заботиться об обеспечении населения хлебом. Пасху мы встретили у тети в Саратове, но вчера Женя¹² и я решили уже вернуться, чтобы продолжать Жене занятия по благотворительности, я – по снабжению крестьян кормом для скота” (Там же. Л. 7–7 об.).

Шахматов с большой ответственностью относился к своей работе в качестве земского начальника. Он любил крестьян и старался им помочь. Но главным для Шахматова, конечно, была наука, о чем он написал Есипову 13 ноября 1894 г.: “Думаю, что заслужил Ваше внимание тем, что, послушавшись Ваших добрых советов, решил вернуться в сословие ученых” (Там же. Л. 6).

Рассмотренные документы освещают важный этап становления выдающегося ученого и содержат неизвестные ранее факты его биографии.

¹² Масальская (Масальская-Сурина) Евгения Александровна (1862–1940) – родная сестра А.А. Шахматова.

С.Ю. Шокарев

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ И СТАНОВЛЕНИЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ НЕКРОПОЛЯ

В последние годы существенно возрос интерес к личности историка и археографа вел. кн. Николая Михайловича (1859–1919). Наряду с изданием материалов, связанных с его жизнью и трудами¹ и отдельных статей о нем², переиздаются его труды и мемуарные заметки³. Немало внимания уделялось и работам великого князя по подготовке и публикации фундаментальных справочников-некрополей Санкт-Петербурга, Москвы, российской провинции и зарубежья (“Москов-

¹ Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. трудов. Посвящается памяти великого князя Николая Михайловича. СПб., 1991; *Боханов А.Н., Исмаил-Заде Д.И.* Российский императорский Дом: Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 127–132; и др.

² *Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 267–278; *Лобашкова Т.А.* Издательская деятельность великого князя Николая Михайловича // ОА. 1994. № 2. С. 34–43; *Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // *Шмидт С.О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 482–495; *Исмаил-Заде Д.И.* Великий князь Николай Михайлович – судьба и книги // *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. М., 1999. С. 5–15; и др.

³ *Великий князь Николай Михайлович.* Письмо из заточения / Вступ. заметка, публ. и коммент. Н. Сидорова // Наше наследие. 1992. № 25. С. 86–87; Знаменитые россияне XVIII–XIX вв. По изданию великого князя Николая Михайловича “Русские портреты XVIII и XIX столетий” / Сост. Е.Ф. Петина. СПб., 1996; *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I; *Великий князь Николай Михайлович.* Записки // Гибель монархии (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.) / Сост. А.А. Либман, С.Ю. Шокарев. М., 2000. С. 11–80.

ский некрополь”. 1907–1908. Т. 1–3; “Русский некрополь за границей”. 1908–1913. Т. 1–2; “Санкт-Петербургский некрополь”. 1912–1913. Т. 1–4; “Русский провинциальный некрополь” 1914. Т. 1)⁴.

Обращение великого князя к памятникам некрополя и возникновение проекта издания корпуса надгробных надписей или сведений о погребенных на городских кладбищах Москвы, Петербурга и провинции первым проследил А.В. Иванкив в дипломной работе, защищенной под руководством С.О. Шмидта в МГИАИ в 1990 г.⁵ Мысль о подобном издании появилась у великого князя во время осмотра кладбища Донского монастыря в последние годы XIX в. В 1904 г. была начата работа над сбором материалов; за летние месяцы 1904–1906 гг. группа сотрудников во главе с В.И. Сайтовым описала практически все московские кладбища, обращая внимание, в первую очередь, на могилы лиц дворянского происхождения, высшего духовенства, именитого купечества и примечательные по надписям или по личностям погребенных. Одновременно велась работа по сбору сведений из опубликованных источников, которой руководил Б.Л. Модзалевский. Итогом этих исследований стало появление непревзойденного до сих пор по полноте справочника по московскому некрополю.

Несомненно, великим князем руководила традиционная для историков и краеведов XIX – начала XX в. идея охраны памятников путем их публикации, т.е. ведения в научный оборот сведений об их существовании. В предисловии к “Московскому некрополю” великий князь с горечью писал о том, что памятники некрополя, примечательные по своей древности или художественному исполнению, а также могилы выдающихся деятелей гибнут на городских кладбищах, приходят в запустение, разрушаются, заменяются новыми могилами. Эту мысль на рубеже XIX и XX вв. высказывали и другие авторы⁶.

Менее известно, что вел. кн. Николай Михайлович первым предпринял практические шаги к охране памятников некрополя. Они касались, прежде всего, реставрации и обеспечения сохранности выдающихся захоронений. В 1914 г. он обратился к обер-прокурору Синода В.К. Саблеру, указывая “на тот печальный факт, что ежегодно в различных оградах церквей и монастырей в Москве и Санкт-Петербурге, а также в других городах пропадают надгробные памятники и плиты, которые заменяются могилами новых покойников”. Вместе с этим великий князь представил список “замечательных русских людей”, надгробия которых находятся в запустении. В.К. Саблер препроводил этот список прокурору Московской синодальной конторы, требуя сообщить в каком состоянии находятся эти памятники. В этом списке были отмечены пять захоронений на территории Донского монастыря: И.И. Дмитриева (“памятник в запущении”), И.И. Козлова (“художественный памятник из белого мрамора, поврежденный французской неприятельской армией в 1812 г., памятник в запущении”), М.М. Хераскова (“памятник покосился”), П.Я. Чаадаева (“памятник представляет собой чугунную

⁴ См.: *Иванова Л.В.* История изучения московского некрополя // *Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана.* М., 1991. С. 40–41; *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Очерк истории Петербургского некрополя // *Исторические кладбища Санкт-Петербурга: Справочник-путеводитель.* СПб., 1993. С. 11–13; издан второй том “Русского провинциального некрополя”, подготовленный В.В. Шереметевским в начале XX в. (Река времен. Книга истории и культуры. М., 1996. Кн. 4). Публикацию сопровождает грубая ошибка, состоящая в неверной авторской атрибуции работы. Другим, не менее существенным пробелом, является отсутствие упоминаний о великом князе как вдохновителе и издатель этой работы (см.: *Шокарев С.Ю.* Рец на кн.: Река времен: Книга истории и культуры. Кн. 4 // *ОА.* № 3. 1997. С. 99–101).

⁵ *Иванкив А.В.* Источники по истории московских кладбищ: Дипломная работа студента V курса дневного отделения: МГИАИ. М., 1990. С. 47–49.

⁶ *Ярцев А.* Возобновление и охранение “забытых могил” // *ИВ.* М., 1893. Т. 67. С. 881–891; *Росси-ев П.А.* Забытые могилы на московских кладбищах // Там же. М., 1906. Т. 104. С. 833–838; *Шамурина З.И.* Великие могилы // *Москва в ее прошлом и настоящем.* М., 1911. Т. 10. С. 77–87.

плиту, вросшую в землю”), Л.Д. Давыдова (“памятник в запущении, решетка сломана”) и захоронение П.А. Толстого в Соловецком монастыре (“каменная плита вросла в землю”)⁷.

В ответ на запрос Московской Синодальной конторы управляющий делами Донского монастыря архиепископ Алексий отвечал, что им были осмотрены памятники, “и все они в различной мере требуют ремонта, а некоторые очень большого. Что же касается на запущенность всех вышеозначенных могил, то это объясняется тем, что ни один из этих памятников не обеспечен вкладом на ремонт и содержание в порядке”. Одновременно на кладбище для осмотра памятников был командирован архитектор В.А. Попов и составлена смета на ремонт. Обо всем этом В.К. Саблер донес вел. кн. Николаю Михайловичу, но ремонт, вероятнее всего, произведен не был из-за начавшейся вскоре первой мировой войны⁸.

Вел. кн. Николай Михайлович был не одинок в своем стремлении к охране и возобновлению исторических памятников. Еще в 1899 г. архимандрит Соловецкого монастыря Иоанний доносил, что в 1872 г. в монастыре была случайно найдена плита Авраамия Палицына, умершего 13 сентября 1627 г. Тогда памятник был очищен и над ним возведен “железный чехол”. Позднее, с устройством Вологодско-Архангельской железной дороги “с каждым годом стало увеличиваться число посетителей обители из интеллигентного класса, интересующихся всякими историческими памятниками”. В связи с этим архимандрит просил дозволения устроить над могилой Авраамия Палицына “сень на чугунных колонах с венчающим ее крестом наверху и обнести могилу железной решеткой; ветхую плиту поместить в чугунную раму для большего ее сохранения и оставить под сенью, а впереди ее на могиле поставить крест из местного гранита или другого камня с подобающей надписью”. Указом Синода от 24 июня 1899 г. было разрешено установить подобный памятник. 13 сентября 1901 г. он был торжественно открыт и совершена заупокойная литургия по Авраамии Палицыну, а также соборная литургия на могиле, перед началом которой иеромонах Паисий произнес речь, “приличествующую событию”⁹.

В 1903 г. москвичи С.С. Лужин, С. Вакуров и М.М. Лихущин обратились к настоятелю Данилова монастыря архимандриту Тихону с просьбой дозволить им “привести в благоустроенный, по возможности, вид” могилу Н.В. Гоголя. Просители намеревались: “1) выровнять покосившийся памятник; 2) очистить от посторонних надписей левую сторону его; 3) позолотить медный крест и 4) обнести всю могилу железной решеткой”. Архимандрит дал свое благословение на это, но затем изменил решение. В связи с этим С.С. Лужин обратился к архимандриту вторично, уведомляя, что “представители прессы, осведомленные о преступлении мной к означенному исправлению могилы, и теперь, уведомленные о Вашем отказе, настоятельно просят от меня открыть по какой причине мое благое начинание имел в самом начале такой печальный конец и желают этот интересный вопрос выяснить принципиально в печати”. Ответа на это письмо, по-видимому, не последовало, а имеющиеся документы не проясняют судьбу этого начинания¹⁰. В то же время, известно, что работы по приведению могилы Н.В. Гоголя в порядок

⁷ Соловецкий монастырь как ставропигиальный находился в ведении Московской синодальной конторы. На запрос о могиле П.А. Толстого архимандрит Иоанний отвечал, что “по записи погребенных в Соловецком монастыре, могила графа Петра Андреевича Толстова находится на западной стороне Преображенского собора, перед коридором. После же произведенных раскопок в означенном месте найдено всего восемь могил с надгробными плитами, из которых 1-я иеросхимонаха Иеремии; 2) монаха Паисия и остальные шесть без надписей, а посему указать, которая из них могила графа Толстова, нет возможности” (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1 (1914 г.). Д. 146. Л. 25–25 об).

⁸ Там же. Л. 1–20.

⁹ Там же. Д. 81. Л. 1–8 об. На л. 12 фотография памятника А. Палицыну.

¹⁰ Там же. Д. 517. Л. 1–2 об.

производились в 1902 г. по случаю 50-летия со дня его кончины, а также в 1909 г.¹¹

Однако эти случаи были единичными. Не сыграли роли в становлении охраны памятников некрополя и общественные комитеты по благоустройству кладбищ, возникшие на нескольких московских кладбищах незадолго до революции. Комитеты, состоявшие из родственников погребенных, ставили перед собой цель содержания всего кладбища и отдельных могил в порядке и чистоте. Их деятельность не всегда благотворно отражалась на состоянии исторических захоронений. Так, инструкторы кладбищенской комиссии Губмузея, обследовавшие в 1921 г. Введенское кладбище, отмечали, что по решению комитета благоустройства кладбища, в 1916 г. начали сниматься с мест и продолжают сваливаться “в груды” надгробные памятники¹².

Серьезная работа по организации охраны памятников некрополя началась уже в 1920-е годы, но не получила широкого развития после разгрома краеведческого движения. Тем больший интерес представляют инициативы вел. кн. Николая Михайловича в этой области, воплощению которых помешали первая мировая война и Февральская революция 1917 г.

Н.В. Бурдина

ЛИЧНЫЙ АРХИВНЫЙ ФОНД АКАДЕМИКА И.Э. ГРАБАРЯ

Документы личного происхождения заслуживают право считаться одной из интереснейших групп исторических источников: отражая, прежде всего, процесс и результаты творческой деятельности фондообразователей, личные фонды являются средоточием документальных памятников, имеющих непреходящую историческую, научную и культурную ценность. Раскрывая перед исследователями сложнейшие перипетии человеческих судеб, они существенно дополняют письменные источники официального характера, преобладающие в общем объеме документальных богатств Архивного фонда Российской Федерации.

В истории искусства и культуры, а также в деле комплектования архивного фонда России, значительным событием стало поступление в собственность Государственной Третьяковской галереи богатейшего личного архива академика Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960), охватывающего более чем полувековой период не только в истории русского изобразительного искусства и искусствознания, но и общественной жизни страны. С поступлением этого фонда коллекция документов по истории отечественного изобразительного искусства и музейного дела пополнилась ценнейшими данными о творческой, исследовательской, выставочной деятельности русских и советских художников первой половины XX в. Личный фонд Грабаря в соответствии с составленным им завещанием в 1961 г. был передан в Отдел рукописей ГТГ, директором которой он был с 1913 по 1925 г.

Фонд 106 представляет собой крупный документальный массив объемом 18 579 ед.хр. (крайние даты 1889–1966). Особенностью фонда является то, что он был полностью передан его организатором в ОР ГТГ, т.е. представлял собой единый документальный массив, целенаправленно собираемый в течение всей жизни владельцем, в то время, как подавляющее большинство архивов художников рассредоточено по разным архивохранилищам.

¹¹ Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. М., 1997. С. 116, 117, 314; Лидин В.Г. Перенесение праха Н.В. Гоголя / Публ. Л.А. Ястржембского // Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 243–245.

¹² РГАЛИ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

№ оп.	Номера ед. хр.		Кол-во ед. хр. в описи	
	всего в описи	из них письма ¹ и телеграммы	всего в описи	из них письма и телеграммы
1	1–2412	1494–2412	2412	919
2	2413–5557	2413–5557	3145	3145
3	5558–8501	5558–8501	2944	2944
4	8502–10840	8502–10840	2339	2339
5	10841–12981	10841–12981	2141	2141
6	12982–15488	12982–13269	2507	288
7	15489–17059	–	1571	–
8	17060–18466	–	1407	–
9	18467–18571	–	105	–

Личность богатая и разносторонняя, И.Э. Грабарь был не только художником и искусствоведом. Он принимал активное участие в строительстве музейного дела и охраны памятников искусства и старины, в первые годы советской власти возглавлял Отдел по делам музеев и охране памятников при Наркомпросе РСФСР, был организатором реставрационных мастерских, преподавателем Академии художеств. Все разнообразие сфер деятельности Грабаря не могло не отразиться на составе и содержании документов архива.

Большую часть фонда Грабаря составляет частная и деловая переписка. Это порядка 12 тыс. единиц хранения от более чем 400 корреспондентов. Среди них: искусствоведы С.С. Голоушев (Сергей Глаголь), С.П. Дягилев, П.И. Нерадовский, М.В. Алпатов; архитекторы А.В. Щусев, И.А. Фомин; реставраторы И.А. Баранов, Д.Ф. Богословский; художники И.Я. Билибин, Е.Е. Лансере, В.Д. Поленов, И.Е. Репин, К.А. Сомов; ученые, писатели, литературоведы – С.И. Вавилов, К.И. Чуковский, А.К. Виноградов и др. Довольно сложно подсчитать точное количество хранящихся в фонде писем и телеграмм в связи с тем, что не все они четко систематизированы, но более или менее общую картину представить себе можно.

Надо отметить, что Грабарь придавал огромное значение переписке. Это видно и по тому объему писем, которые он намеренно собирал, и по ряду его замечаний в воспоминаниях. В предисловии к рукописи “Воспоминания и характеристики” Грабарь описывает предысторию создания своих первых мемуаров “Моя жизнь. Автобиография”, вышедших в свет в 1937 г.:

“Около 1930 года, приводя в порядок свою переписку давних лет, я сделал неожиданное – и, каюсь, – неприятное открытие: оказалось, что она обнимает не больше не меньше как добрых полвека – свыше двух тысяч писем, полученных мною от лиц самых разнообразных положений, занятий, состояний, классов, начиная с детских школьных времен до наших дней. Почти все эти письма ответные на мои; последние, конечно, в большей части погибли, но и ответные перенесли меня в далекие дни детства, отрочества, юности, ранней возмужалости, воскресив в памяти давно минувшие дела, встречи, мысли, чувства. Перечитывая их сейчас, я так уходил в прошлое, что уже не мог оторваться, и мне захотелось восстановить по ним летопись своей жизни”².

Интересен и разнообразен персональный состав художников, переписывавшихся с И.Э. Грабарем. В архиве хранятся письма И.Я. Билибина (1903–1941 гг.,

¹ Каждое письмо является самостоятельной единицей хранения.

² ОР ГТГ. Ф. 106 (И.Э. Грабарь). Оп. 1. Д. 90. Л. 3 (далее сноски на фонд И.Э. Грабаря даются в тексте статьи).

ед. хр. 2240–2276); А.М. Васнецова (1905–1922 гг., ед. хр. 3092–3101); М.В. Добужинского (1904–1957 гг., ед. хр. 4653–4707); П.П. Кончаловского (1924–1939 гг., ед. хр. 6306–6310); Б.М. Кустодиева (1914–1927 гг., ед. хр. 6883–6891); Е.Е. Лансере (1904–1946 гг., ед. хр. 7005–7056); Н.К. Рериха (1903–1947 гг., ед. хр. 10 090–10 166); М.С. Сарьяна (1924–1956 гг., ед. хр. 10 514–10 528); К.А. Сомова (1905–1926 гг., ед. хр. 10 955–10 963); К.Ф. Юона (1905–1956 гг., ед. хр. 13 120–13 134); С.П. Яремича (1905–1934 гг., ед. хр. 13 214–13 251) и др.

Обращаясь к истории русской художественной культуры конца XIX – начала XX в., поражаешься удивительной концентрации на небольшом отрезке времени крупнейших явлений культуры, ярчайших индивидуальностей – великих поэтов, художников, актеров, режиссеров, композиторов, а также множества различных художественных группировок и объединений. Все вместе они создают на редкость многоликую картину, где в почти неправдоподобном соседстве оказываются мастера, подчас противоположные по своим творческим устремлениям. Здесь сталкиваются стилевые направления, активно заявляют о себе творческие группы. Такая насыщенность художественной жизни этого периода породила огромное количество критических статей, напряженной переписки, воспоминаний и дневников – красноречивых свидетельств разыгрывавшихся художественных баталий.

Среди множества корреспондентов И.Э. Грабаря Александр Николаевич Бенуа (1870–1960). Знакомство в 1901 г. на Фонтанке в редакции журнала “Мир искусства” Игоря Грабаря с Александром Бенуа скоро выросло в многолетнюю дружбу, оборвавшуюся лишь с их смертью. “Он мне сразу страшно понравился, больше всех, – писал Грабарь, – и это мое первое впечатление сохранилось у меня вслед за тем на всю жизнь”³. Объединяли Грабаря и Бенуа их общая роль художественных деятелей и критиков, единство платформы и пересекающиеся часто задачи, намерения, цели. Они были необходимы друг другу.

Однако между ними далеко не всегда существовало взаимное понимание, не было у них полной совместимости взглядов и сходства натур. Тем не менее письма Грабаря и Бенуа – письма “единомышленников по борьбе за новое искусство”⁴. Их письма – пример непосредственного живого эпистолярного стиля. Они содержат богатый материал, связанный с художественной жизнью России того времени. В них отражены многие художественные события, факты, процессы. Живя один в Москве, другой в Петербурге, а позже за границей, Грабарь и Бенуа делятся творческими замыслами, мнениями о выставках и поездках за границу, разрабатывают планы совместных действий, изданий, спорят, иногда ссорятся, не утрачивая, однако, общего благожелательного отношения друг к другу.

В начале 1907 г. А. Бенуа пишет из Парижа И. Грабарю:

«...Мы накануне открытия правильных военных действий. Я слышал из абсолютно достоверного источника, что в редакции журнала С. Маковского сотрудникам предлагается ультиматум: “или с нами или с ними”. Под “ними” же разумею [разумелось?] не я, не ты, не Сережа, не Сомов, а *вся группа* и я бы даже сказал *вся идея*. Я думаю, идея эта заключается в следующем: большая честность при большом энтузиазме, тогда же на той стороне карьера и прохвостничество. Сказать кстати, я *приветствую* это объявление войны и даже в восторге от него. Нам именно этого и не доставало, это лучший эликсир молодости. Wohlauf, Kameradem, aufs Pferd, aufs Pferd! [...] La bataille compense^{2*}. Я очень рад. Я думаю, что подобная баталия могла бы многое выснить и для нас, и для других. Но нужно запастись терпением, бодростью и мудростью. Ну да если кучка людей, хотя бы очень *разных* по направлениям своего творчества, но близ-

³ Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография. М.: Л., 1937. С. 158.

⁴ Там же. С. 153.

^{1*} Ну, друзья, по коням, по коням! (нем.).

^{2*} Битва начинается (фр.).

ких по культуре, будет солидарна, то враг, чудовищные враги России – мракобесие и ханжество – будут свержены. Не так ли?

Привет Суворову – Грабарю

Бенуа – Румянцев» (Оп. 1. Д. 2157).

В фонде Грабаря хранятся 45 писем А. Бенуа к И. Грабарю за 1904–1958 гг. и, к сожалению, ни одно из писем, датированных 1900–1910 гг., не опубликовано полностью.

Помимо частной переписки, которая обычно составляет подавляющее большинство документов личных фондов, в архиве Грабаря находит место и деловая переписка. В фонде имеются также письма и телеграммы от общественных организаций: Союза русских художников (1908–1911), Мира искусства (1910–1921), Всероссийского кооперативного товарищества “Художник” (“Всекохудожник”; 1929–1944), Общества московских художников “Мосха” (1932–1960), Союза советских художников (1933–1960), Общества друзей Румянцевского музея (1913–1920), Общества свободной эстетики (1933–1937); из издательств и редакций (от Товарищества Р. Голике и А. Вильборга – 1909–1913); музеев и картинных галерей, в том числе Государственной Третьяковской галереи (1945–1947); от учебных заведений (канцелярия факультета общественных наук МГУ – 1921–1924) и государственных учреждений – Академии художеств (1912–1959), Академии архитектуры (1909–1959), Комиссии по охране памятников искусства и старины и делам музеев (1917–1950). Думается, дальнейшее активное введение в научный оборот эпистолярного наследия XX в. могло бы заметно изменить наши знания, вписать в историю уходящего века немало живых и красочных страниц.

Часто в фондах личного происхождения хранятся дневники и записные книжки фондообразователя. В этом смысле архив Грабаря не исключение. То и дело на страницах описи встречается указание о наличии дневниковых записей или записных книжек разных периодов жизни. Среди них “Записная книжка Грабаря” (Д. 573 [1898 г.]), “Дневник жизни И.Э. Грабаря, составленный В.М. Грабарь” (Д. 10.01.1931–20.05.1932 гг.).

В сухих строчках рукописи И.Э. Грабаря “Хроника жизни 1871–1929” нашли отражение бурные события переломного периода в истории нашей страны:

“1917 – Председатель Союза деятелей Московских художественных хранилищ.

Член городской комиссии по организации московских музеев.

Член московского совета по делам искусств при Комиссаре Временного Правительства [...]

Член Всероссийской Конференции деятелей искусств.

Член комиссии по приемке дворцового имущества [...]

Ноябрь – декабрь – работа по организации Коллегии по делам музеев (переговоры с музейными деятелями, заседания, доклады, записки).

Конец 1917 – организация выставки картин московских частных собраний Государственной Третьяковской галереи.

1918 – Председатель комитета по охране культурных и художественных сокровищ при Совете Всероссийских кооперативных съездов [...]

Организация первой выставки Национального музейного фонда в д. Берга на Арбате.

Начало апреля – Москва. Поход низших служащих против администрации ГТГ и развал (прошение об отставке 18 апреля), назначение директором Государственной Третьяковской галереи” (Д. 86. [1930 г.]).

Строго говоря, эти записки нельзя назвать дневниковыми. Они были сделаны значительно позже происшедших событий. Но и воспоминаниями, в полном смысле этого слова, их назвать тоже нельзя. Их целью было воссоздание точного хронологического ряда событий в жизни автора.

Обращение к мемуарам кажется вполне логичным для человека, который большую часть своей жизни посвятил сохранению памяти о прошлом и его изу-

чению. Не является исключением и личность И.Э. Грабаря, инициатора создания Института истории искусств АН СССР, организатора деятельности по собиранию и охране памятников старины. Помимо рукописей воспоминаний как опубликованных (“Моя жизнь. Автобиография”⁵), так и неопубликованных (“Воспоминания и характеристики” – Д. 90. [1947–1948 гг.] 651 л.), “Автобиографические записки 1871–1929” – Д. 86. б/д. 51 л.), в фонде сохранилось большое количество подготовительных материалов, в том числе и не отраженных в воспоминаниях.

К сожалению, судьбу рукописи “Воспоминания и характеристики” нельзя назвать счастливой. Она готовилась к печати еще в 1948 г., но так и не была опубликована. Зачастую воспоминания художников, критиков, искусствоведов и других выдающихся людей прошлого лежат в архивах не востребуемые, скрывая от глаз историков и любознательных людей немало интересных фактов. В предисловии ко второму, дополненному изданию своих мемуаров, Грабарь останавливается на причинах их написания:

“[...] Я льстил себя надеждой, что того, кого искусство волнует, кому ведомо его могучее действие, тот найдет в ней⁶ новые для себя факты и не всегда обычное освещение фактов ему уже известных.

Книга разошлась в несколько недель и стала библиографической редкостью. Недавно я получил предложение от издательства Академии наук СССР переиздать ее в серии академических мемуаров, на что я охотно согласился. В самом деле, со времени написания книги прошло около 15 лет, никак не в ней не отраженных. А какие за это время развернулись события, сколько накопилось нового увлекательного материала для мемуариста. И вот я вновь перебираю листы старой рукописи, кое-чем ее дополняя, кое-что сокращая. Главному сокращению подверглись иллюстрации, придававшие мемуарам несвойственный им монографический характер. Отпали и списки произведений, списки литературных работ, перегружавшие текст. Теперь передо мной не 2000, а 4000 писем, и все же мои воспоминания охватывают не письма, а 77 лет прожитой жизни” (Д. 90. Л. 4–5).

Действительно в рукописи более подробно рассказывается о событиях после революционных. Есть главы, которые вообще не вошли в предыдущее издание. Среди них глава 13 “Последние годы 1941–1948 гг.” о педагогической деятельности автора, эвакуации и реэвакуации Московского художественного института, Всероссийской Академии художеств и ее института, создании Института истории искусств.

В фонде Грабаря сохранилось огромное количество рукописей книг, статей, научных работ. Это и небольшие биографические статьи для энциклопедий, и заметки и выставки для журналов и газет, а также обширные монографии по истории искусства. Думается, данный вид исторических источников интересен не только как материал для написания биографии, в них запечатлена история искусства, культуры, науки. Так как часто работы носят публицистический характер (предназначены для журналов и газет), они отражают уровень общественного сознания, являясь одновременно срезом социальных процессов.

О взаимоотношениях человека с обществом, реализации его творческого потенциала в конкретной социокультурной ситуации многое могут сказать такие работы, как “Искусство страны Советов” (Д. 1274 [1938 г.]), “Искусство у них и у нас” (Д. 1319 [1947 г.]), “Новая страна – новые люди” (Д. 1259 [1935 г.]), “Что дала миру наука об изобразительном искусстве за 30 лет Советской власти” (Д. 1317–1318. б/д), “О свободе творчества” (Д. 1466. б/д). В фонде сохранилось огромное число научных работ по истории живописи и архитектуры: о древнерусском искусстве и научно-художественных экспедициях (Д. 1103–1108. 1920 г.), о древнерусской живописи (Д. 1110–1114. 1921 г.). В архиве находятся рукописи:

⁵ Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография (376 с.).

⁶ Имеется в виду книга “Моя жизнь. Автобиография”.

“Архитектурные загадки старой Москвы” (Д. 1312. 1947 г.), “50 новооткрытых рисунков Врубеля” (Д. 688. 1955 г.), “Списки произведений В.Э. Борисова-Мусатова. Каталог посмертной выставки с заметками Грабаря” (Д. 1051 [1905 г.]), “Лже-Рембрандты и лже-ученые” (Д. 863. б/д); статьи: “15 лет Советской живописи” (Д. 1245. 19.04.1933 г.), “Живопись 1928–1941” (Д. 1283. б/д), “Советское искусство на подъеме” (Д. 1330 [1949–1950 гг.]), “О Советском изобразительном искусстве” (Д. 1341–1342 [1955 г.]).

Особую ценность в фонде И.Э. Грабаря представляют материалы по истории русского искусства начала XX в. Документов этого периода в собрании ОР ГТГ, за исключением материалов Л.С. Бакста, немного.

Среди документов, хранящихся в архиве Грабаря рукописи: “Салон Золотого Руна” (Д. 1057. 1908 г.)⁷, “Упадок или Возрождение? Очерк современных течений в искусстве” (Д. 1038. 12.1896 г.)⁸, “Голубая роза (отчет о выставке)” (Д. 1052. 1907 г.)⁹, «Отзыв о книге Н.И. Соколовой “Мир искусства”» (Д. 972. 1935 г.), “Общество московских художников” (Д. 1215. 10.01.1929 г.) и др.

Надо отметить, что библиография работ И.Э. Грабаря довольно хорошо разработана. Этому способствовала и работа, проделанная самим автором. В фонде сохранились списки научных трудов и статей (Д. 11 [1929 г.]), картотеки (Д. 14 [1930 г.]). В 1951 г. в издательстве Академии наук СССР вышла книга об И.Э. Грабаре. В ней систематизирована библиография трудов за 1891–1951 гг.¹⁰ Помимо самостоятельных книг в ней собраны статьи, опубликованные более чем в 70 периодических изданиях. Полный список искусствоведческих трудов имеется в монографии О.И. Подобедовой “Игорь Эммануилович Грабарь”¹¹, однако, до сих пор отсутствует какое-либо издание, в котором было бы собрано воедино огромное наследие ученого, историка, искусствоведа. В 1966 г. уже после смерти Грабаря вышла в свет книга “О древнерусском искусстве”¹². В ней О.И. Подобедовой был собран ряд работ по истории живописи и вопросам реставрации и музейного дела, как опубликованных ранее в отдельных изданиях, так и неопубликованных, из фонда ОР ГТГ.

Отдельной темой в общем собрании документов звучит история музейного дела и охраны памятников искусства и старины. Это рукописи по реставрации: “Инструкция для расчистки икон и стенописи” (Д. 1084 [1918 г.], а также Д. 1122–1126, 1181–1191), “О регистрации исторических зданий для реставрации” (Д. 1163–1164. б/д), “О деятельности Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины” (Д. 1085–1101. 1919–1920 гг.), “О структуре и функциях Отдела по делам музеев” (Д. 1102. 1920 г.), “Охрана памятников искусства на фронте” (Д. 1290 [1943–1945]; Д. 1291. 16.01.1944 г.), «Доклад И.Э. Грабаря “Законодательство по охране и исследованию археологических памятников”» (Д. 1289 [1943 г.]), “Рукопись Грабаря о деятельности научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР. 1949–1955” (Д. 1340 [1955 г.]).

Возглавляя Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, Грабарь внес большой вклад в становление музейного дела молодого советского государства в первые годы после Октябрьской революции. В его архиве сохранилось значительное количество черновых вариантов делопроизводственных документов, заметок, статей, резолюций в области охраны памятников искусства и старины.

⁷ Оpubл. в журнале “Весы” (1908. № 6. С. 91–94).

⁸ Оpubл. в Литературном приложении к журналу “Нива” (1897. № 1. С. 34–37; № 2. С. 295–314).

⁹ Оpubл. в журнале “Весы” (1907. № 5. С. 93–96).

¹⁰ Игорь Эммануилович Грабарь / Вступ. ст. А.А. Сидорова, сост. Н.М. Нестерова // АН СССР: Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. искусства. М., 1951. Вып. 1. 83 с.

¹¹ Подобедова О.И. Игорь Эммануилович Грабарь. М., 1964. 338 с. Библи.: С. 313–325.

¹² Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966. 387 с.

Анализ работ, посвященных истории музейного дела привел к выводу о том, что исследователи преимущественно пользовались официальными документами, хранящимися в архивах государственных учреждений. Однако в высших органах государственной власти и управления концентрируются уже выкристаллизованные решения, документы, получившие силу официальных бумаг. Но это только “верхняя часть айсберга”. “Под водой” зачастую остаются скрытыми борьба взглядов и интересов, зафиксированная в материалах предварительного характера. В этой связи интересными могут оказаться документы, сохранившиеся в личных фондах государственных деятелей и официальных лиц. История музейного строительства первых лет советской власти выстроена на документах Главного управления научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР (1921–1933)¹³, Министерства просвещения (1917–1988)¹⁴, Государственного ученого Совета Наркомата просвещения РСФСР (1919–1933)¹⁵, Совета Министров РСФСР (1917–1991)¹⁶, а также материалах Музейного отдела Главнауки за 1919–1928 гг.¹⁷, частично переданных в ГИМ после ликвидации этого органа. История, написанная таким образом, приобретает официальный, однобокий и обезличенный характер. За кадром остаются человеческие чувства и стремления, накал страстей, борьба мнений, не нашедшие себе места в сухих строках государственных бумаг. Изменение ракурса рассмотрения истории государственных учреждений не сверху вниз, а снизу вверх, от людей к власти, могло бы дать новый импульс в изучении истории государственных учреждений и самые позитивные результаты.

Удивляет тот факт, что в одном из исследований, посвященных истории музейного дела¹⁸, авторство Основных положений о работе коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины¹⁹ устанавливается предположительно путем сравнения данного текста с опубликованной рукописью Грабаря “Задачи коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины”²⁰. А ведь в архиве Грабаря имеется несколько вариантов одноименной рукописи (а также машинописная копия), анализ которых в такой ситуации был бы очень желательным. Ни в коем случае не пытаюсь упрекнуть автора работы, с горечью хотелось бы отметить, что документы, хранящиеся в личных архивных фондах, еще не обратили на себя достаточного внимания исследователей. К сожалению, современная историческая наука не включает их в арсенал своего оружия – в работах последних 20 лет²¹, посвященных истории музейного дела 1917–1930 гг., не нашлось места документам из ОР ГТГ (а ведь и сама Третьяковская галерея является частью истории музейного дела), в то время как фонд № 106 уже давно стал доступен исследователям. Безусловно, не последнюю роль в этом деле играет и отсутствие специальных обзоров и путеводителей по документам ОР ГТГ, а лаконичные характеристики фондов в справочном издании “Документы ГАФ СССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах”, не только не дают исчерпывающей информации, а напротив удивляют своей скупостью и неопределенностью²².

¹³ ГАРФ. Ф. 2307.

¹⁴ Там же. Ф. 2306.

¹⁵ Там же. Ф. 298.

¹⁶ Там же. Ф. 259.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. 520 ед.хр.

¹⁸ Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. С. 96–172.

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед.хр. 23. Л. 290.

²⁰ Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. С. 263–267.

²¹ Речь не идет о более ранних работах, так как архив И.Э. Грабаря поступил в ОР ГТГ в 1961 г., какое-то время еще потребовалось и на составление описей.

²² Документы ГАФ СССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах. М., 1991. С. 43–44.

Помимо прочих в фонде Грабаря хранятся рукописи “О музейной политике в государственном масштабе” (Д. 1078–1079 [1918 г.]²³, “Проект резолюции Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины” (Д. 1083 [1918–1919 гг.], “Тезисы статьи Грабаря И.Э. о музейной работе” (Д. 1080 [1918 г.]), “Докладная записка И.Э. Грабаря в Наркомат РКИ о рационализации музейного дела в РСФСР” (Д. 1232. 16.03.1930 г.), “Положение (проект) о постоянной реставрационной комиссии при ИЗО управлении Комитета по делам искусств при СНК СССР” (Д. 1275 [1939 г.]), “Отчет директора Московского института изобразительных искусств И.Э. Грабаря о работе кафедр института” (Д. 1292. б/д). Интересным могло бы оказаться сравнение текстов декретов “О восприятии продажи и вывоза за границу предметов искусства и старины”, хранящихся в ГАРФ и ОР ГТГ (Д. 1076)²⁴, а также текстов декретов от 5 октября 1918 г. “О регистрации и охране памятников истории и искусства, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений”²⁵ и от 3 июня 1918 г. “О национализации Третьяковской галереи”²⁶ с рукописью Грабаря “Заметки о декрете о национализации частных художественных собраний” (Д. 1077 [1918 г.]).

В истории музейного дела общеизвестным стал факт, связанный с попыткой хранения в беспокойное послереволюционное время музейных ценностей в стенах Кремля. 3 декабря 1918 г. вышло Постановление СНК о превращении Большого Кремлевского дворца в музей²⁷. По этому вопросу в архиве Грабаря отложилось немало интересных документов. Среди них рукописи: “Проект использования Большого Кремлевского дворца для устройства в нем Русского национального музея” (Д. 1065 [1917 г.]), “Объединение Московских музеев в Кремле” (Д. 1067 [1917 г.]), “Кремлевский музейный городок” (Д. 1064 [1917 г.]), а также рукопись “По поводу выселения из Кремля” (Д. 1127. 1922 г.)

Среди документов, хранящихся в фонде, неподдельный интерес вызывает “Коллективное письмо И.Э. Грабаря, П.[В.] Кузнецова, Д.[П.] Штернберга в Совнарком СССР и в ЦК Партии”, датированное 15 октября 1928 г.:

“Отчаявшись в улучшении условий общего руководства делами искусства и музейной жизни страны, мы, представители всех активных художественных обществ Союза, обращаемся в Совнарком СССР в надежде, что он положит конец произволу случайно пришедших к искусству чиновников и вернет художникам и музейным работникам хотя бы минимальную долю утраченного ими прежнего участия в судьбах дела, являющегося их жизнью” (Д. 1211. 15.10.1928 г.).

“Мир глазами художника” – под этой темой можно было бы объединить многие работы, в которых отразилось участие автора в общественной жизни страны. Мир, увиденный художником, может быть выражен не только на холсте, но и в слове. Активная общественная позиция творческой личности И.Э. нашла свое отражение в рукописях: “Высшее художественное образование в Москве под ударом” (Д. 1279. 18.01.1940 г.), “О варварстве фашизма” (Д. 1292. 16.06.1944 г.), “Выступление И.Э. Грабаря на VII съезде Советов” (Д. 1264 [1936 г.]), “К 100-летию со дня основания Третьяковской галереи” (Д. 1348–1350 [1956 г.]), “Доклад на сессии отделения истории и философии АН СССР, посвященный 800-летию основания Москвы” (Д. 1313. 10.09.1947 г.), «Три недели в коммуне “Герольд”. Из впечатлений художника» (Д. 1235. 06.11.1930 г.).

Не меньший интерес для исследователей, представляет комплекс разнородных источников, обычно хранящихся в личных архивных фондах и довольно ус-

²³ Опубл. в кн.: *Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве*. С. 269–271.

²⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 777. Л. 4.

²⁵ Там же. Оп. 28. Д. 2. Л. 27; Ф. 2307. Оп. 8. Д. 236. Л. 16.

²⁶ Опубл. в кн.: *Декреты Советской власти*. М., 1959. Т. 2. С. 389–390.

²⁷ *Декреты Советской власти*. М., 1958. Т. 4. С. 568.

ловно объединяемых под названием “Биографическая и хозяйственная документация”. Речь идет о дипломах, свидетельствах, пригласительных билетах, справках о доходах, хозяйственных книгах и тому подобных документах. Эти документы сопровождают человека со дня его рождения и до смерти, часто независимо от воли владельца. Они являются продуктом работы социальной машины времени, частью которой становится человек. Представляя собой те каналы коммуникации, которыми связан человек в обществе, они дают возможность познать его изнутри.

Среди множества писем, дневников, воспоминаний, рукописей книг и статей бережно хранятся “Билеты, выданные Грабарю в Италии, на право копирования в Венеции и Флоренции” (Д. 74. 1896–1897 гг.); “Справки об окладах Грабаря И.Э., счета, уведомления из банков и гостиниц, квитанции” (Д. 77. 1919–1947 гг.); “Билет в зал № 0398 на XII Сессию Верховного Совета Союза ССР” (Д. 67. 1945 г.); “Удостоверение АН СССР о том, что академик И.Э. Грабарь является участником Юбилейной сессии АН СССР, посвященной 220-летию АН СССР” (Д. 66. 15.06.1945 г.); “Приглашение Заместителя Председателя СНК СССР Н[ар] К[ома] Ин. Дел и П.С. Молотовой на прием по случаю Дня Победы 31.05.1945 в 20 часов 30 минут по адресу ул. Толстого, 17” (Д. 65. 31.05.1945 г.) и др. Для исследователей живой интерес представляют по меньшей мере два вопроса: с какой целью их владелец хранил эти документы в течение всей жизни, а затем в качестве части личного архива завещал их ОР ГТГ и какую информацию они несут нам.

Вместе с тем из всего изложенного очевидным кажется вывод о многоплановости информации, содержащейся в документах личных архивных фондов. Желательным представляется введение этих материалов в источниковую базу современной исторической науки и создание обзоров и публикаций, способствующих активному их использованию. Хранящиеся в личных архивных фондах документы скрывают в себе огромный потенциал информационных возможностей, зачастую нереализованных в современной исторической науке. Предлагая проекцию общества, государственных и социальных институтов, культурной и научной жизни через сознание автора, эти источники дают возможность составления многомерной модели общества в целом, одновременно неся в себе следы и факты эпохи, не зависящие от индивидуального восприятия.

Как привлечь данные материалы к историческим исследованиям, и действительно необходимы ли они? Думается, все дело в отношении к документам, в умении обратиться к ним новые, нетривиальные вопросы, которые раскрывают их с неожиданной стороны.

В.Г. Бухерт

НОВООТКРЫТЫЕ ПИСЬМА АКАДЕМИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА К Д.Б. РЯЗАНОВУ

С Давидом Борисович Рязановым (1870–1938) – “крупным и оригинальным ученым”¹, первым директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса, руководившим в 1918–1920 гг. архивной реформой, одной из “самых колоритных и в то же время самостоятельных фигур российской революции”², С.Ф. Платонова связывали отношения многолетней дружбы. Подтверждение тому находим и в опубликованных Я.Г. Рокитянским пяти письмах Платонова к Рязанову за 1928–1929 гг.

¹ Колпинский Н.Ю. Д.Б. Рязанов – ученый, организатор науки, общественный деятель // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 16.

² Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // *Он же*. Путь историка. М., 1997. С. 576.

из следственного дела Рязанова (Центральный архив ФСБ)³, арестованного в ночь с 15 на 16 февраля 1931 г.

Ныне в Российском государственном архиве социально-политической истории обнаружены еще шесть писем Платонова, адресованных Рязанову.

Первое из них датировано 10 апреля 1919 г. По требованию Контроля Наркомпроса РСФСР, под предлогом совмещения Платоновым нескольких должностей, ему была прекращена выплата жалования за работу в Главархиве, в связи с этим он обращается к Рязанову:

«В Главархив я явился по избранию от Университета; замещать Вас стал, помнится, также по избранию товарищей. Равным образом по избранию я директорствую в Археологическом институте (вечерние занятия) и по избранию стою во главе ученых учреждений: Археографической комиссии, Комитета иконописи и одного из отделений Русского археологического общества. Работал я в ученых учреждениях, не разбирая, платят за мой труд, или же не платят. Доходных должностей не искал я никогда и шел только туда, куда меня просили и избирали. Стяжателем я себя не признаю и утверждаю, что к совместительству злостно не стремился.

В тяжелое время голодовки и ужасающей дороговизны была применена несправедливая и обидная мера пресечения совместительства ко мне, потерявшему в революцию весь свой достаток, созданный исключительно моим трудом (я утратил даже право пользоваться литературным доходом). При этих условиях, материально и морально для меня неприемлемых, я не имею охоты и на деле не могу предлагать кому бы то ни было даровой свой труд и потому прошу Вас снисходительно отнестись ко мне, если я, не отклонив Вашего желания видеть меня руководителем IV секции⁴, освобожу от Главархива достаточное количество времени для платной учено-литературной работы и буду проводить дома за своим столом те ежедневные утренние часы, которые до сих пор я очень аккуратно отдавал Главархиву. Этим, вероятно, будет удовлетворена высшая справедливость, руководившая в отношении меня постановлением контрольных чинов, да и я, быть может, смогу избежать голода после 35-летней трудовой жизни в области, не особенно доходной и не допускающей спекуляцию, ученой специальности историка»⁵.

Поводом к новому обращению за помощью к Рязанову стал запрет, наложенный цензурой на книгу С.Ф. Платонова «Петр Великий». В.С. Брачев упоминает, что «конфликт был улажен»⁶ после обращения Платонова 23 июня 1925 г. с докладной запиской в Президиум Академии наук СССР и последовавших затем переговоров С.Ф. Ольденбурга⁷ с заведующим Главлитом П.И. Лебедевым-Полянским⁸. В действительности, как это видно из найденного письма, дело обстояло несколько иначе. Понадобилось личное вмешательство Рязанова, которому Платонов писал 20 июля 1925 г.:

«Вспоминая с теплым чувством наше знакомство в Ленинграде, я решаюсь обратиться к Вам с личным делом в твердой надежде, что не будете на меня досадовать.

Весною этого года я сдал в издательство «Время» небольшую книжку «Петр Великий. 1725–1925». Написана она по случаю 200-летия со времени смерти Петра I и юби-

³ Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов / Публ. подг. Я.Г. Рокитянский // Вестн. АН СССР. 1991. № 11. С. 92–118.

⁴ IV секцию Единого государственного архивного фонда составляли архивы Министерства народного просвещения и Синода.

⁵ РГАСПИ. Ф. 301 (Д.Б. Рязанов). Оп. 1. Д. 8. Л. 18–19.

⁶ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // ОИ. 1993. № 1. С. 121.

⁷ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, профессор Петербургского университета (с 1894 г.), академик Петербургской Академии наук (с 1900 г.), непрменный секретарь Академии наук в 1904–1929 гг.

⁸ Лебедев-Полянский Павел Иванович (1882–1948) – литературовед, критик, в 1921–1930 гг. возглавлял Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), директор Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) в 1937–1939 гг., академик АН СССР (с 1946 г.).

лея Академии наук, связанной с именем Петра. Хотя официальных заседаний в память Петра и не было, однако и в Москве и здесь неофициально поминки были – и с речами, из которых одна как раз была сказана мною по материалам, вошедшим в названную мою книжку.

Ленинградский гублит мою книжку “запретил”. На обращение С.Ф. Ольденбурга в гублит к т. Острцову по этому делу, ему было объяснено, что вопрос передан в Москву. Позднее издательство “Время” получило уведомление, что книга запрещена и в Москве Главлитом. Академик М.М. Богословский⁹ писал об этом М.Н. Покровскому¹⁰; но последний ответил, что “запросив соответствующие материалы, он убедился, что мера, принятая по отношению к книге Платонова, вполне обоснована”. Таким образом, доступные мне способы воздействия в сторону пересмотра или отмены “мер”, оказались недействительны. Обращаться в “просителя о милости” я ни в каком случае не хочу.

Конечно, выступая не в академическом издании, а в частном издательстве, я подвергаюсь всем случайностям частного авторства. Но все-же я чувствую себя признанным специалистом своего дела и академиком; я обратился к частному издательству по отсутствию у Академии достаточных кредитов на издание трудов академиков; книжка моя входит в круг моих обязанностей, как академика, задача которого – разрабатывать его науку; она заключает в себе новые частности и самостоятельную оценку лиц и событий. Поэтому я никак не могу примириться с “мерой”, принятой Главлитом, и тем более еще, что ее мотивов я не знаю, а контрреволюционности в моем труде не вижу. Думаю, что на Академическом юбилее будут высказаны те же взгляды на культурную роль Петра, которыми проникнут и мой труд. Думаю также, что рецензенты моей книжки (я их не знаю) не более меня знают эпоху и ее материалы и могли бы привлечь меня к обсуждению смутивших их частей книги. При устных объяснениях я развеял бы их сомнения, или изменил бы щекочущие их места.

Вот обстоятельства, которые привели меня к мысли обратиться к Вам. Я почитаю Вас за очень культурного и справедливого человека. Помогите мне в моем затруднении. Познакомься в Главлите с “соответствующими материалами”, Вы, быть может, найдете возможным или вразумить кого следует, что не следует без стеснений обращаться со специалистами, или же меня вразумите, в чем я ошибся или погрешил.

Податель этого письма Илья Владимирович Вольфсон¹¹, представитель издательства “Время”, даст Вам точные справки по делу и сообщит мне Ваш взгляд. Менее всего мне хотелось бы – до поры, до времени – вмешивать в это дело Академию наук и апеллировать к ней¹². Надеюсь, что Ваше предстательство (так в тексте. – В.Б.) внесет в это дело ясность и справедливость.

Не посетуйте на меня за это письмо. Оно явилось лишь следствием того искреннего уважения, какое я питаю к Вам, и той веры в Вашу любовь к правде, примеры которой я не раз видел и твердо помню»¹³.

О благополучном завершении конфликта с цензурой Платонов информировал Рязанова 30 января 1926 г.: «Сегодня я получил сведение, что здешним гублитом рукопись моего сочинения “Петр Великий” передана издательству с соответствующей отметкой о разрешении к печати.

Глубокая Вам благодарность! Тронут Вашим добрым ко мне отношением и постараюсь лично выразить Вам это в свой приезд в Москву. Надеюсь еще раз видеть тогда и Ваш Институт»¹⁴.

⁹ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) – историк, академик Российской академии наук (с 1921 г.).

¹⁰ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, заместитель наркома просвещения с 1918 г., заведующий Центрархивом РСФСР с 1921 г., действительный член АН СССР (с 1929 г.).

¹¹ Вольфсон Илья Владимирович (1882–1950) – основатель и фактический руководитель издательства “Время”.

¹² Это заявление заставляет усомниться в точности датировки В.С. Брачевым упомянутой выше докладной записки Платонова в Президиум АН СССР. Очевидно, она была подана 23 июля, а не июня 1925 г.

¹³ РГАСПИ. Ф. 301 (необработанные материалы).

¹⁴ Там же.

4 апреля 1926 г. он пишет Рязанову: “Дело с моей книгой и в Питере улади-лось, по-видимому, окончательно. Искренне и горячо благодарю Вас за Ваше участие и помощь – и за телеграмму Вашу”¹⁵.

Новое обращение к Рязанову было связано с полученным Платоновым предложением участвовать в “русской исторической неделе” в Берлине. 26 июня 1928 г. Платонов писал: «Считаю долгом сообщить Вам, что после отправки моего письма к Вам 19.VI я получил за подписью т. Покровского телеграмму от 22.VI с предложением прочесть доклад на “русской исторической неделе” в Берлине, которая начи-нается 7.VII. Я ответил согласием. Таким образом, моя поездка устраивается.

Боюсь только того, что, преложив (так в тексте. – В.Б.) гнев на милость и Францию на Германию¹⁶, не успеют справиться с деньгами и паспортом, и пове-дут дело так, что я “опоздаю” к 7.VII, а, может быть, и ко всей “неделе”.

Чувствую, что по этому делу я должен скоро быть в Москве, тогда принесу Вам вместе с обычным приветом и мою глубокую благодарность”¹⁷.

Последнее из обнаруженных писем Платонова относится ко времени драма-тического перелома в его жизни. 8 ноября 1929 г. С.Ф. Платонов был вынужден уйти со всех занимаемых им постов после обнаружения Комиссией по проверке аппарата Академии наук СССР в ее Библиотеке “архивных материалов актуаль-ного общественно-политического содержания, не подлежащих хранению в акаде-мических учреждениях”¹⁸. Был снят с должности заместитель Платонова по Ар-хеографической комиссии его близкий друг В.Г. Дружинин¹⁹ по вздорному обви-нению в том, что, будучи председателем Правления Акционерного общества Кыштымских горных заводов, он являлся “личным информатором о настроении рабочих масс”²⁰ министра внутренних дел В.К. Плеве²¹. 13 ноября 1929 г. был арестован зять Платонова, Н.В. Измайлов²², ранее (24 октября) арестовали уче-ного секретаря Археографической комиссии А.И. Андреева²³. О происшедшем Платонов счел нужным сообщить 27 ноября 1929 г. Рязанову: “Прилагаю бумаги В[асилия] Гр[игорьевича] Дружинина. Положение его очень тяжелое. В моем де-ле тягостное затишье. Арестованные не освобождены”²⁴.

Помогло ли Дружинину заступничество Рязанова, о котором, очевидно, его про-сил Платонов, не известно, сам Дружинин, однако, свидетельствует (в письме В.Д. Бонч-Бруевичу от 3 ноября 1932 г.), что до момента объявления ему приговора он не арестовывался²⁵. В феврале 1930 г. он был вызван к следователю ГПУ, сооб-щившему Дружинину о выдвинутом против него обвинении (принадлежность к контрреволюционной организации). После этого он был отпущен, впоследствии не допрашивался и вновь был вызван лишь в феврале 1931 г. Ему объявили приговор – 5 лет лагерей. Свой срок (1 год и 4 месяца) он отбывал в Соловецком concentraци-

¹⁵ Там же.

¹⁶ В 1928 г. Отдел научных учреждений Управления делами СНК СССР отказал Платонову в коман-дировке во Францию и Германию. Платонов был вынужден обратиться за помощью к Рязанову.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 301 (необработанные материалы).

¹⁸ Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов: Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997. С. 232.

¹⁹ Дружинин Василий Григорьевич (1859–1936) – историк, член-корреспондент Российской академии наук (с 1920 г.), заместитель председателя Археографической комиссии в 1926–1929 гг.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 8. Л. 81.

²¹ Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – министр внутренних дел и шеф жандармов в 1902–1904 гг.

²² Измайлов Николай Васильевич (1893–1981) – литературовед, текстолог, старший ученый храни-тель Пушкинского Дома, был женат на дочери Платонова, Наталье.

²³ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – историк, археограф, ученый секретарь Археографи-ческой комиссии в 1926–1929 гг.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

²⁵ Этому противоречат сведения, сообщаемые В.С. Брачевым, называющим дату ареста Дружинина – 25 июня 1930 г. См.: Брачев В.С. “Дело историков” 1929–1931 гг. СПб., 1997. С. 106.

онном лагере. По ходатайству сына Александра, заключение в лагере престарелому Дружинину было заменено административной ссылкой. Сам Дружинин выбрал местом ссылки Ростов (Ярославская, а с 1933 г. – Ивановская обл.)²⁶, куда прибыл 16 июля 1932 г.²⁷ Здесь он вынужден был жить на средства, присылаемые сыном, так как никакой работы найти не мог и потому, вероятно, был обрадован предложению Бонч-Бруевича, с которым последний обратился 20 мая 1933 г., – начать писать в своем “ярославском уединении” записки “о литературных встречах и знакомствах”²⁸. Бонч-Бруевич обещал их напечатать и оплатить труд автора. В течение 1933–1934 гг. Дружинин высылал Бонч-Бруевичу частями текст написанных им воспоминаний. Летом 1935 г. Дружинин вернулся в Ленинград, где вскоре, 15 января 1936 г., умер²⁹.

Находка в РГАСПИ платоновских писем, большинство из которых обнаружено среди “необработанных материалов”³⁰, ставит вопрос о судьбе личного архива Рязанова, особенно в связи с тем, что ранее утверждалось будто “тысячи документов” фонда Рязанова были уничтожены в 1941 г.³¹ Фонд Рязанова в архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса состоял тогда из 201 дела, из которых 132 были включены в отборочный список, датированный 4 марта 1942 г.³² Они, очевидно, были предназначены к уничтожению, но в действительности, по крайней мере некоторые из входивших в состав этих 132 дел документов, сохранились.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 267. Д. 17. Л. 8–9 об.

²⁷ Там же. Л. 25 об. – 26.

²⁸ Там же. К. 145. Д. 30. Л. 14 об.

²⁹ *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 226.

³⁰ Эти письма были выявлены главным специалистом РГАСПИ Николаем Алексеевичем Сидоровым.

³¹ *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент: Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биогр. очерк: Документы. М., 1996. С. 81.

³² Установлено по отметкам в описях фонда Рязанова в РГАСПИ.

В.А. Сидорова

ДОКУМЕНТЫ О Д.Б. РЯЗАНОВЕ В ГАРФ

Документы фондов Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса РСФСР), Государственного ученого совета (ГУС), Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) содержат уникальную информацию о многих выдающихся ученых, государственных деятелях, писателях. Среди них – имя замечательного ученого и общественного деятеля России Давида Борисовича Рязанова (1870–1938), документы о котором ранее полностью из перечисленных выше фондов не публиковались.

Прежде всего обращают на себя внимание документы личного дела Д.Б. Рязанова в фонде РАНИОН за 1923–1928 гг. – период деятельности ученого в Институте истории при факультете общественных наук (ФОН) 1-го МГУ¹. В нем интересна и значительна группа документов о выдвижении Д.Б. Рязанова коллегией Института истории кандидатом в действительные члены Академии наук СССР. Это – постановление коллегии Института от 24 апреля 1928 г.: “Наметить кандидатуру Д.Б. Рязанова”, затем – постановление Президиума РАНИОН от 27 апреля 1928 г.: “Утвердить постановление коллегии Института истории и поддержать кандидатуру Д.Б. Рязанова”². Особую ценность в этом деле представля-

¹ ГАРФ. Ф.А-4655. Оп. 2. Д. 360.

² Там же. Л. 9, 10.

ют характеристика Д.Б. Рязанова и “Жизнеописание”, составленное им самим; в последнем отмечено, что именно он был организатором Центрархива в 1918 г. и Главного управления научными и музейными учреждениями (Главнауки). Оба документа подготовлены в связи с выдвижением Д.Б. Рязанова в академики и удостоверены ученым секретарем Института истории Е.А. Мороховцом, видимо, в апреле 1928 г.³

Характеристика и “Жизнеописание” содержат, в основном, сведения о Д.Б. Рязанове как ученом: его научных трудах, организаторском таланте, а также общественной и государственной деятельности, его признании. «Д.Б. Рязанов является лучшим знатоком истории социализма и рабочего движения 19 века – не только в пределах СССР, но и в Западной Европе, – написано в характеристике. – Его многочисленные статьи на эту тему (часть их собрана в сборнике “Очерки по истории марксизма”) основаны на громадном материале источников, всегда тщательно им прорабатываемых. Эрудиция Д.Б. Рязанова необычайно обширна. С точки зрения метода его работы могут почитаться образцовыми. За последнее время Д.Б. Рязанов приобрел общеевропейскую славу, как научный организатор, созданием лучшего научного института в СССР – Института Маркса и Энгельса. Наконец, должно отметить весьма значительное число научных изданий, вышедших под редакцией Д.Б. Рязанова и отличающихся исключительными достоинствами. Благодаря трудам Д.Б. Рязанова увидели впервые свет разысканные и комментированные им источники по истории социализма совершенно исключительного исторического значения»⁴.

“Жизнеописание” Д.Б. Рязанова впечатляет информацией о его необычайно насыщенной деятельности как ученого и Гражданина⁵.

В этом же личном деле – документы о выдвижении Д.Б. Рязанова действительным членом секции новой и новейшей истории Института истории по докладу М.Н. Покровского (1923 г.) и решение коллегии Института от 21 февраля 1924 г. создать исторический журнал и поручить Д.Б. Рязанову его организацию: подготовку программы журнала и подбор статей. На коллегии присутствовали: Д.М. Петрушевский, М.М. Богословский, В.П. Волгин, М.Н. Покровский, П.Ф. Преображенский, Г.М. Пригоровский, Д.Б. Рязанов, А.Д. Удальцов⁶.

Имеются в личном деле и учетные карточки научного работника РАНИОН Д.Б. Рязанова, содержащие биографические сведения, а также о научных трудах за 1926–1928 гг.

Фонды Наркомпроса РСФСР, ГУС также богаты информацией о жизни и деятельности Д.Б. Рязанова. Это – постановления Малой государственной комиссии по просвещению от 4 июня 1918 г. – “предложить кандидатуру т. Рязанова на пост заведующего Главным управлением архивным делом и просить заместителя Народного Комиссара М.Н. Покровского сделать соответствующее представление в Совнарком”⁷, и коллегии Наркомпроса РСФСР от 13 декабря 1920 г. по заявлению “Д.Б. Рязанова об освобождении его от должности зав. Главным управлением архивным делом в связи с возложенной на него ЦК РКП работой по организации 1-го Музея по марксизму”⁸.

³ ГАРФ. Ф.А-4655. Оп. 2. Д. 360. Л. 8, 11. “Жизнеописание” – машинописная копия со вставками на немецком языке, предположительно принадлежавшими Д.Б. Рязанову; заглавие и удостоверение, судя по почерку, написаны Е.А. Мороховцом.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Этот документ опубликован Я.Г. Рокитянским в статье “Неукротимый академик” (Вестник Академии наук СССР. 1991. № 7) под названием “Автобиография” из фонда 301 (Личный фонд Д.Б. Рязанова) ЦПА ИТИС. К сожалению, документ Я.Г. Рокитянским не откомментирован: нет указаний на подлинность, датировку, название.

⁶ ГАРФ. Ф.А-4655. Оп. 2. Д. 360. Л. 2–4.

⁷ Там же. Ф.А-2306. Оп. 1. Д. 37. Л. 94–94 об.

⁸ Там же. Д. 320. Л. 302.

На заседании Большой государственной комиссии по просвещению от 22 июня 1918 г. Д.Б. Рязанов был избран в коллегию Наркомпроса РСФСР: “Покровский предлагает [...] принять к сведению, что Советом Народных Комиссаров избраны в коллегию Комиссариата: Надежда Константиновна Крупская, Пантелеймон Николаевич Лепешинский, Давид Борисович Рязанов, Виктор Маркович Познер, Павел Карлович Штернберг”⁹.

Многочисленны документы о введении Д.Б. Рязанова в состав членов ГУС (28 марта 1919 г.), членов музейно-библиотечной (23 июля, 24 декабря 1924 г.) и научно-политической секций ГУС (14 февраля 1929 г.), а также об исключении из его состава (постановления Президиума ГУС 26 февраля 1931 г. и коллегии Наркомпроса 26 марта 1931 г.)¹⁰.

В документах фондов Наркомпроса РСФСР, ГУС отражена и деятельность Д.Б. Рязанова как ученого, профессора: участие в подготовке и издании учебников по общественным наукам для вузов; преподавание в 1-ом МГУ¹¹. Протоколы заседания коллегии Наркомпроса РСФСР содержат сведения о включении Д.Б. Рязанова в состав делегации на Исторический конгресс в Осло (16 февраля 1928 г.), об утверждении его членом Художественного совета МХАТ 1-го (24 января 1928 г.) и др.¹²

На наш взгляд, поиски архивных документов о Д.Б. Рязанове еще далеко не исчерпаны, они будут продолжаться.

НОВЫЙ СПРАВОЧНИК “ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НАУЧНЫМ ОБЩЕСТВАМ РОССИИ”

(составитель И.И. Комарова)

Нью-Йоркское издательство Нормана Росса выпустило в 2000 г. уникальный по составу и объему (900 с.) справочник “Путеводитель по научным обществам России” (составитель И.И. Комарова). Книга изданa на русском языке, предисловие – Эдварда Казинца (Нью-Йоркская Публичная библиотека) напечатано по-английски.

В Путеводителе приводятся сведения о 534 организациях, функционировавших в России до 1917 г. включительно (еще 6 организаций учтены в Приложении). При составлении справочника использовались три группы материалов: архивные фонды (в том числе личные), издания организаций, современные исследования, посвященные их деятельности.

По каждому объекту приводятся (в максимальном варианте) сведения о времени возникновения, целях и основных направлениях деятельности, руководителях, печатных изданиях, архивных фондах, исследовательской литературе. Особо следует отметить, что периодические (продолжающиеся) издания расписаны по томам (выпускам). Библиографическая информация практически выходит на первый план.

В основной части Путеводителя организации расположены по алфавиту наименований. В качестве необходимых дополнений даны хронологический, типологический, географический указатели, а также указатель имен, алфавитный указатель периодических изданий, список литературы.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 135. Л. 23–24.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 184. Л. 133–133 об.; Д. 2945. Л. 240–245 об.; Д. 41. Л. 34; Оп. 69. Д. 1875. Л. 48–48 об.; Д. 2113. Л. 27, 30; Ф. А-298. Оп. 1. Д. 2. Л. 135–135 об.; Д. 9. Л. 51, 53.

¹¹ Там же. Ф. А-298. Оп. 1. Д. 1. Л. 22; Д. 18. Л. 177; Д. 21. Л. 74; Д. 27. Л. 50 об.; Д. 59. Л. 56, 61; Д. 30. Л. 32; Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 48. Л. 34.

¹² Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 1632. Л. 28; Д. 1634. Л. 4; Ф. А-298. Оп. 1. Д. 21. Л. 34.

Вряд ли нужно долго говорить о том, какой огромный труд затрачен И.И. Комаровой и какую ценность представляет созданный ею комплекс информации. Здесь не будет преувеличением сказать о научном подвиге.

Вместе с тем работа подобного масштаба не может не породить и определенную полемику. Так, на наш взгляд, составитель слишком расширительно понимает термин “научные общества”. Мы уже писали (в АЕ за 1974 год), что сюда не следует относить “необщественные” организации – такие, как губернские ученые архивные комиссии и губернские статистические комитеты. Не случайно сама же И.И. Комарова поместила именно в Приложение информацию об Археографической и Археологической комиссиях, Комиссии печатания государственных грамот и договоров, Московском, Петербургском и Константинопольском археологических институтах.

Однако довольно спорным вопросом является отнесение к научным обществам литературно-художественных объединений. Впрочем, нельзя не признаться, что информация о “запредельных” организациях сама по себе представляет несомненную ценность. Нельзя не сказать и о том, что многие “персонажи” справочника, по существу, открыты составителем.

Еще одна дискуссионная проблема – классификация организаций, проведенная во введении и типологическом указателе. Так, во многих случаях условны грани между обществами историческими, археографическими и археологическими.

Во введении И.И. Комарова признает возможность лакун – практически неизбежную при таком масштабе работы. Отметим лишь одну из них – в литературе об Археографической комиссии не учтены диссертации В.С. Брачева и М.Ф. Хартанович.

В целом же, перед нами уникальный труд, который займет важное место на наших полках – и отнюдь не только из-за листажа.

А.Д. Степанский

ИРА ФЕДОРОВНА ПЕТРОВСКАЯ, ИЛИ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

В начале нового тысячелетия контуры целостной истории духовной культуры России все еще только смутно вырисовываются. Трудно сказать, кому и когда удастся написать такую историю. Может быть, это не под силу одному человеку. Но уже появляются первые ее строчки. Они относятся к редкому, можно сказать, анахроническому, жанру духовной, исповедальной прозы. Написать их в наше суетное время дано далеко не каждому. Этим редким даром наделяются люди с уникальной способностью физически ощущать неровное дыхание мировой истории совсем рядом, быть историком не только по профессии, но и по особенному складу ума и души, по исключительно развитому чувству кровного родства со всеми, кто был, есть и будет на земле, кто понимает, что воспроизведение былого имеет самодовлеющую ценность.

К этой редчайшей категории историков, принадлежит доктор искусствоведения, кандидат исторических наук Ира Федоровна Петровская, которая недавно отметила свой 80-летний юбилей. Ее имя, конечно, знакомо тысячам людей, которые так или иначе встречались с ее научными трудами. Может быть, им даже ведомы отдельные, видимые грани ее биографии, отразившиеся в ее книгах – от опубликованных еще в 1950–1960-х годах исследований поместно-вотчинных архивных фондов в ленинградских архивохранилищах и указателя “Личные архив-

ные фонды в государственных архивах СССР” (М., 1963. Т. 1, 2), в котором перу И.Ф. Петровской принадлежат разделы по фондам, хранящимся в архивах Ленинграда, – до последних по времени написания фундаментальных работ в области литературоведения, театроведения и истории музыкальной культуры. В список исследований, принадлежащих ее перу, вошло более 130 названий. И этот список увеличивается, поскольку Ира Федоровна продолжает принимать участие в подготовке материалов для разных изданий справочно-библиографического характера, в том числе – для очередного тома энциклопедического словаря “Музыкальный Петербург” (первые три книги вышли в 1996, 1998 и 1999 гг.).

Но поистине значимым событием в ее и нашей духовной жизни стала изданная ничтожным тиражом (100 экз.) книга ее исповедальной прозы “В конце пути”¹.

Каждая строка в этой книге проникнута выстраданной правдой чувств и одновременно отмечена высочайшим профессионализмом опытного архивоведа и источниковеда. Только на этот раз “объектом” беспощадного исследования стал сам автор. Отсюда уникальность архитектоники самой книги, которая больше напоминает сложное программное симфоническое произведение. Каждая из десяти глав (кроме первой, посвященной детским и отроческим годам), начинается как бы увертюрой – автор с высоты прожитых лет размышляет о десятилетних отрезках своей жизни, а затем авторскую “партию” “расцветивает разногласица” документов – начинают звучать дневниковые записи того времени, переписка, лирические и философские стихи, искрометные эпиграммы. Такое редкое сочетание создает уникальную атмосферу – перед читателем в особом свете предстают каждодневные будни петербургского интеллигента второй половины XX в. Так рождается подлинная история. И это превращает книгу в настоящее, новаторское по замыслу и исполнению, своеобразное учебное пособие по истории отечественной духовной культуры, включая архивное дело, источниковедение, театр, музыку, классическую литературу. Сама жизнь воссоздается на наших глазах – во всем ее многоцветии, в судьбах людей, имена которых нынешнее поколение студентов и молодых специалистов знают – в лучшем случае – только понаслышке.

Восемнадцатилетней девочкой вступила Ира Петровская на крыльцо бывшего петербургского дома графа Лавалы на Английской набережной, где в 1930-е годы размещался отдел кадров Управления центральными государственными архивами в Ленинграде. Без малого 20 самых счастливых и самых трагических лет своей жизни она проработала в ленинградских архивах, в том числе – под сводами ЦГИАЛ, который ныне называется Российский государственный исторический архив. Здесь, на третьем этаже сенатского здания, в Отделе частных (личных) архивов она встретила своего учителя, свою первую и последнюю любовь – выдающегося отечественного архивоведа Алексея Алексеевича Шилова, автора классической работы “Руководство по публикации документов XIX – начала XX веков” (Л., 1939), – книги с нелегкой судьбой. И.Ф. самозабвенно работала под его руководством над составлением описей архивных фондов и одновременно училась в университете. Она до конца испила горькую чашу ленинградской блокады, пережила казарменное положение в полуподвальном помещении архивного бомбоубежища и, наконец, страшную смерть Алексея Алексеевича в голодную зиму 1942 г. Две недели пыталась она похоронить мужа, но все окончилось тем, что пришлось отвезти его тело на саночках в какой-то морг. Вскоре умер и отец Иры Федоровны, затем – мать. А ее, страдающую от дистрофии третьей степени, цинги и голодной дизентерии, уволили из архива, согласно постановлению Ленсовета, как “болеющую более двух месяцев”.

Так в 22 года она начала новую жизнь – юной вдовы, круглой сироты и несостоявшейся студентки. Спасала работа. Сегодня трудно даже представить себе,

¹ *Петровская И.Ф. В конце пути.* СПб., 1999. 339 с. (далее ссылки на страницы этой книги даны в тексте).

чем стала для Иры Федоровны архивная работа. Спустя полвека она охарактеризует смысл работы архивиста словами такой пронзительной ясности и глубины, какие, кажется, еще не удавалось найти никому: “Каждой профессии соответствует определенная психология. Работа архивистов, как и библиографов, библиотечарей, предполагает альтруизм в характере людей, иначе она была бы (и, наверное, становится у тех, кто занялся ею по воле случая), каторгой” (С. 267). Слова про “каторгу” понятны, пожалуй, всем и каждому. Гораздо сложнее осознать смысл ключевого слова в этой чеканной формуле – “альтруизм”, без чего нельзя в полной мере приобщиться к истории личной судьбы И.Ф. Петровской. Практически полное исчезновение этого понятия не только из бытового языкового обихода, но даже из лексикона современных гуманитарных наук, более чем красноречиво говорит о нашем общем мировоззренческом разрыве с теми этическими устоями, на которых самым естественным образом держался духовный мир И.Ф. Петровской, А.А. Шилова и других людей их круга. Французский философ и социолог Огюст Конт ввел его в начале XIX в. как антоним понятию “эгоизм”, специально для обозначения чувства, которое обозначает тягу к бескорыстной заботе о благе других людей. Так просто и так несовременно, старомодно, даже смешно звучит это слово сегодня. Ира Федоровна испытала всю степень искреннего непонимания ее “идеализма” со стороны окружающих, когда из “альтруистического” (по определению) мира архивистов она, уже после защиты кандидатской диссертации в МГИАИ, решила круто изменить свою судьбу и перейти в область истории искусств.

Цель была более чем благая – опираясь на доскональное знание архивов, умение чувствовать и понимать “душу” документов, попытаться превратить обезличенное и задыхающееся под гнетом идеологических догм тогдашнее искусствоведение в полнокровную историю живых людей, подлинных биографий и документально обоснованных исследований творческих и идейных поисков. Это была черта, изначально свойственная именно “петербургской” школе историков, к которой Ира Федоровна принадлежала, так сказать, генетически. Как бы то ни было, к концу 1957 г., став уже признанным в стране авторитетом в области архивного дела, она решила двигаться вперед, осваивать новые сферы духовной культуры. Попрощавшись с дорогим ее сердцу ЦГИАЛ и от всей души поблагодарив его, как бесконечно близкое существо, за “уникальной широты знания, в тебе приобретенные, за неизменное уважение, звучавшее даже между слов укора и несправедливых обвинений, за внимание к моим радостям и горестям, за счастливую любовь и высокую дружбу” (С. 204), И.Ф. поступила в Научно-исследовательский институт театра, музыки и кинематографии.

Выбор нового направления деятельности, а следовательно – и радикального изменения судьбы (работа и жизнь для нее представляли одно целое) пришелся на далеко не самое легкое время в истории страны. Окунувшись в среду профессиональных театроведов, она с первых дней ощутила невостребованность своего альтруизма. Ее работа в должности заведующий Кабинетом источниковедения и библиографии Института воспринималась “мэтрами” советского театроведения как работа “второго сорта”. Они предпочитали “самовыражаться”, не особенно углубляясь в богатейшие архивные фонды, предпочитая следовать собственным конъюнктурным и клановым интересам. “Вокруг был другой мир, чуждый мне” (С. 267), – напишет она с горестным недоумением в воспоминаниях. Даже перейдя в конце 1960 – начале 1970-х годов в научно-исследовательский отдел Института, в близкий ее научным интересам сектор источниковедения, и одновременно преподавая на театроведческом факультете введенный ею авторский курс источниковедения истории русского театра, И.Ф. испытывала чувство постоянного духовного удушья. Задуманный ею фундаментальный труд “Культурная жизнь провинциальной России XIX в.” был сочтен “непрофильным”, он не вписывался в рамки “производственных планов”. “Я чувствовала себя чем-то вроде Волги, за-

гоняемой в узкое искусственное русло” (С. 268), – такова была беспощадная самооценка лет, проведенных И.Ф. Петровской в институтских стенах. Циничные шуточки, которые преуспевающие чиновники от науки бросали ей наедине, когда никто не слышит, вроде – “Приучите себя к мысли, что то, что вы делаете, никому не нужно”, – казались ей верхом садизма. Привычные остроты, вроде – “Против кого сегодня будем дружить?” – ранили ее в самое сердце. Она буквально заболела от невозможности доказать безнравственность имитации деятельности вместо исполнения своего профессионального долга. Она просила только одного – дать ей возможность доказать нужность своей работы. Но ее не слышали, не понимали. В бессильном отчаянии И.Ф. ссылалась на авторитет А.Н. Веселовского, книгу которого “Историческая поэтика” ей когда-то подарил А.А. Шилов и которая стала ее научным евангелием, на мысли академика В.Н. Перетца, наконец, на отзывы друга и единомышленника Шилова – Сигизмунда Натановича Валка, который всю жизнь был для нее “милым Вальчиком”. Ничто не действовало. Ее упорно пытались “поставить на место”, ограничивали рамками конъюнктурно-плановых работ, учили быть “как все”, жить “по правилам”, “не высовываться”.

Помогала духовно выжить поставленная перед собой высокая цель и постоянная работа над внеплановыми исследованиями. И еще – поддержка друзей-единомышленников, которых по-прежнему было особенно много среди историков и архивистов. В один из самых трудных моментов, когда И.Ф. находилась на грани очередного нервного срыва, ее по рекомендации С.Н. Валка включили в состав Археографической комиссии Академии наук. Для И.Ф. это означало признание ее необходимости, востребованности, нужности, без чего жизнь лишалась смысла. Это давало силы, которых уже не хватало. С невероятным трудом, несмотря на все козни и противодействия, осенью 1977 г. ей удалось защитить докторскую диссертацию на тему “Театр, критика, зрители провинциальной России: вторая половина XIX в.”.

На следующий год И.Ф. совершает еще один поворот в своей жизни – вплотную приступает к созданию новой научной дисциплины, которую она сама определила как общее источниковедение истории музыкальной культуры. Это была почти непосильная задача, но именно поэтому она и решила ею заняться. Ей нужна была такая работа – чтобы ее было “даже не по уши, а с ручками” (С. 135). Только так она могла спастись в эти невероятно тяжелые дни конца 1970-х годов, когда жизнь с размаху наносит ей удар за ударом. В 1978 г. трагически ушла из жизни ее дочь Катя – необыкновенно одаренная, тонко мыслящая девочка, поэтический дар и глубину мысли которой одним из первых оценил автор ее любимого фильма “Зеркало” Андрей Арсеньевич Тарковский. Вскоре умирает ее любимая сестра, за которой Ира Федоровна ухаживала все долгие годы ее болезни, разрываясь между работой и больницами. И вот И.Ф. уходит в совершенно не изученную сферу научных исследований, новую не только для нее самой, но и для истории музыкальной культуры в целом.

И.Ф. Петровская понимала профессиональную невыполнимость поставленной задачи гораздо лучше, чем многие коллеги, умевшие рационально распределять свои силы. Но только задачи такого масштаба помогали ей вновь обрести ощущение полезности собственного бытия. По ее оценке, относящейся к гораздо более позднему времени, “это был способ самосохранения личности, противодействие чувству собственной растоптанности”, когда ни в институте, ни дома нельзя было даже вволю поплакать, а чувство невыносимого одиночества сводило с ума. Забегая вперед, скажем: она победила. Победила в очередной раз. Результатом ее титанического труда явилось фундаментальное исследование “Источниковедение истории русской музыкальной культуры: XVIII – начало XX в.”², а также

² *Петровская И. Ф.* Источниковедение русской музыкальной культуры: XVIII – начало XX в. М., 1983; 2-е изд. 1989.

итоговая книга “Театр и музыка в России XIX – начала XX в.”³ Ее труды опять получили высокую оценку специалистов “на местах” и остались почти незамеченными в официальной прессе. По-прежнему ее источниковедческий подход казался “мэтрам” искусствоведения лежащим в стороне от их глубокомысленных построений, а значит – второстепенным, вспомогательным, не заслуживающим внимания. Ире Федоровне оставалось только откладывать в личный архив отзывы, подобные тому, который ей прислала хранитель архива Дома-музея П.И. Чайковского в Клину П.Е. Вайдман: “Многие и многие должны вам низко поклониться. Какой огромный труд стоит за всеми Вашими работами! И какой огромный практический смысл содержится в них” (С. 296). До сих пор с трудом пробивают асфальт непонимания живые ростки ее источниковедческого подхода к истории духовной культуры России как науки.

В итоге многолетних размышлений над нелегкой судьбой своих исследований И.Ф. Петровская, как мне кажется, совершенно справедливо диагностировала эту повальную болезнь “духовного скудоумия”, охватившую, в частности, “пенкоснимателей” и любителей “легкой жизни” в науке, следующим образом: “Театроведы-профессионалы, обращаясь к истории театра, остаются критиками – это главное направление в их подготовке. Стремление сделать историю театра научной, частью всеобщей истории, встречает их сопротивление, может быть подсознательное. Легче выдать как за нечто объективное свое субъективное восприятие или уже существующую оценку, чем изучать, пользуясь методами историзма и объективизма, точно указывая авторов выявляемых суждений. Легче, но в результате вместо хотя бы относительной истины появляется неправда” (С. 336).

Конечно, речь здесь идет не только – и даже не столько – о театроведах. Речь идет, по большому счету, о необходимости безусловного соблюдения верности заветам профессиональной честности и добросовестности, которые должны быть присущи любому творческому человеку.

И.Ф. Петровская, еще в далекой юности благоговейно прикоснувшись к миру одушевленных архивов, всем своим естеством восприняла заветы подлинно научного и в то же время трепетного отношения к материальным следам духовной жизни человека. Во многом такая верность лучшим традициям русской исторической науки объясняется тем, что они были освящены чувством любви к А.А. Шилову и многолетней бескорыстной дружбой с плеядой живых носителей высоких гуманитарных ценностей, которой одарила ее судьба. Она ни разу не изменила их памяти. Этому “кредо” она верна и сегодня. Даже оставшись с осени 1998 г. прикованной к дому, к диванной подушке, практически лишенная возможности передвигаться, она продолжает непрерывный процесс самопознания и научного творчества.

Т.И. Хорхордина

³ *Петровская И.Ф.* Театр и музыка в России XIX – начала XX в.: Обзор библиографических и справочных материалов. Л., 1984.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Н.Ф. ДЕМИДОВОЙ*

1949

Подг. публ.: Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л. Т. III. 692 с.

1950

Подг. публ., введение: В.Н. Татищев о порядке преподавания в школах уральских казенных заводов // ИА. 1950. С. 166–178.

1955

Развитие крепостничества и зарождение капиталистических отношений на территории Комикрая // Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, Т. 1. С. 148–206.

1956

Подг. публ., введение и коммент.: Материалы по истории Башкирской АССР. М. Т. IV. Ч. 1. 496 с.

Подг. публ., коммент.: То же. Т. IV. Ч. 2. 666 с.

Башкирия // Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М. С. 655–661.

Башкирское восстание 1735–1736 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 16 с. Ротапринт.

Сост. палеограф. таблиц к кн.: Черепнин Л.В. Русская палеография. М. Табл. 2, 4, 5, 9–18, 20.

1957

Коми // Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М. С. 583–590.

Подг. публ.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Док. и мат-лы: В 2 т. М. Т. 1. XVI–XVII вв. 478 с. Совм. с Е.Н. Кушевой и А.М. Персовым.

Подг. публ. предисл.: Ведомости об участии нерусского населения Башкирии в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Материалы по истории СССР. М.: Т. IV: Док-ты по истории XVIII в. С. 567–606.

Социально-экономические отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. // Тез. докл. на сессии, посвящ. 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа. С. 7–12.

Празднование 400-летия присоединения Башкирии к России // Вестн. АН СССР. М. № 9. С. 134–137.

1958

Рец. на кн.: Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа. 1956. Т. 1. Ч. 1 // ВИ. № 6. С. 170–178.

Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научн. сессии, посвящ. 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа. С. 23–67.

1960

Подг. публ., археогр. введение, коммент.: Материалы по истории Башкирской АССР. М. Т. V. 783 с.

О датировке грамот китайских императоров Минской династии // Совет. китаеведение. 1960. № 2. С. 164–168. Совм. с В.С. Мясниковым.

1961

Управление Башкирией в первой трети XVIII в. // ИЗ. Т. 68. С. 211–237.

Рец. на кн.: Материалы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск, 1958 // ИА. № 2. С. 204–205. Совм. с И.М. Павловой.

О вариантах статеиног списка Ф.И. Байкова // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М. С. 270–280.

Печать Салавата Юлаева // ВА. № 2. С. 109.

1962

Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVIII вв. // Тез. докл. и сообщ. на пятой сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Минске (сент. 1962 г.). С. 109–112.

1963

Половничество в Яренском уезде в XVIII в. // Тез. докл. и сообщ. шестой сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Вильнюсе (сент. 1964 г.). Вильнюс. С. 140–143.

1964

Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории 1962 г. Минск. С. 265–275.

Участие в подг. текста сб. док.: Русско-белорусские связи XVII в. М. 534 с.

* 27 ноября 2000 г. исполнилось 80 лет доктору исторических наук Наталье Федоровне Демидовой, многолетнему сотруднику Институтов РАН и РГАДА.

Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. XVII–XVIII вв. М. С. 206–242.

К вопросу о социальной сущности полоничества XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. 1963. Вильнюс. С. 305–316.

Рец. на кн.: Самойленко В.И. Историчні джерела та їх використання. Київ, 1964. Вип. 1 // УІЖ. № 12. С. 129–132.

1965

Печати русских государственных учреждений XVII–XVIII вв. и некоторые вопросы их учета и хранения // Тр. науч. конф. по вопросам архивного дела в СССР. М. Т. II. С. 118–130.

1966

Русские городские печати // Города феодальной России. М. С. 518–520.

Первые русские дипломаты в Китае. М. 159 с. Совм. с В.С. Мясниковым.

1968

Рец. на кн.: Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII в. Якутск; М., 1966 // Полярная звезда, Якутск. № 1. С. 131–135.

Рец. на кн.: Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966 // ВИ. № 5. С. 158–160.

1969

Подг. публ., археогр. введение: Русско-китайские отношения в XVII в.: В 2 т. М. Т. 1. 612 с. Совм. с В.С. Мясниковым.

1970

Рец. на кн.: Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968 // Народы Азии и Африки. М. № 1. С. 196–197.

Памятник местной статистики о крестьянских отходах в XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археогр. сб. Вологда. Вып. 1. С. 196–197.

Русские таможенные печати XVII–XVIII вв. // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР. Вологда. Вып. 3. С. 171–195.

1971

Подг. публ., предисл.: Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа. С. 253–352.

Старинный герб г. Уфы // Там же. С. 214–220.

1972

Подг. публ., археогр. введение, коммент.: Русско-китайские отношения в XVII в. М. Т. II. 825 с. Совм. с В.С. Мясниковым.

Приказные люди в XVII в.: Социальный состав и источники формирования // ИЗ. Т. 90. С. 332–357.

1973

Из истории заключения Нерчинского договора // Россия в период реформ Петра I. М. С. 289–310.

Отражение политики русского правительства в Башкирии в гербах и печатях ее городов // Южноуральский археографический сборник. Уфа. Вып. 1. С. 112–121.

1974

Из истории разработки печати и герба Зауральской Башкирии // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск. Сб. 1. С. 32–40.

Подг. публ. вступ. ст.: Устюгов Н.В. Научное наследие. М. 274 с. Совм. с И.А. Булыгиным и Б.В. Левшиным.

Рец. на кн.: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах. М., 1970 // Народы Азии и Африки. № 2. С. 207–209.

1975

Об опыте выявления, учета и описания печатей на документах ЦГАДА // Материалы 7-й международной конференции архивов 1972 г. М. Ч. 2. С. 501–504.

Рец. на кн.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974 // Новый мир. № 8. С. 283–284.

1976

Уфа – феодальная // История Уфы. Уфа. С. 29–61; 2-е изд. Уфа, 1981; 3-е изд. на башк. яз. 1983.

1977

Из истории освоения Приохотья в XVII в. // ВИ. № 9. С. 213–214.

1978

Подг. публ., археогр. введение, коммент.: Русско-китайские отношения в XVIII в. М. Т. 1. 702 с. Совм. с В.С. Мясниковым.

Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975 // ВИ. № 7. С. 166–168.

1980

Изображение среднего течения Иртыша на картах С.У. Ремезова // Использование старых карт в географических и исторических сочинениях. М. С. 122–135.

1981

Рец. на кн.: Иванов В.Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII – начало XX в.). Якутск, 1978 // ВИ. № 2. С. 132–134.

1982

Государственный аппарат России в XVII в. // ИЗ. Т. 108. С. 109–152.

1983

Работные люди XVII–XVIII вв. // История рабочего класса СССР. М. Гл. 1. § 3–4. С. 59–98. Совм. с М.Я. Волковым.

1984

Рец. на сб. док.: Зарождение рабочего класса на Украине // СА. № 2. С. 70–71. Совм. с Ю.И. Кирьяновым.

1985

Землевладение дьяков в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М. С. 30–50.

1987

Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М. 228 с.

Социальная база комплектования местной группы приказных людей // Феодализм в России. М. С. 245–251.

Социальная структура приказной группы служилых людей XVII в. // Торговля, промышленность и город России XVII – начала XIX в.: Сб. статей. М. С. 87–102.

1988

Подг. публ., вступ. ст.: История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в. М. Вып. 1. 178 с.

Ред.: Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док. М. 583 с.

Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма: Автореф. дис. ... док-ра ист. наук. М. 44 с.

1989

Школы при Поместном и Посольских приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М. С. 103–107.

Подг., публ., вступ. ст.: История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в. М. Вып. 2–3. С. 179–544.

1990

Рец. на публ.: Соборное Уложение 1649 г. Л. 1987 // ИСССР. № 1. С. 190–192.

К 90-летию Екатерины Николаевны Кушевой // АЕ за 1989 год. М. С. 150–153. Совм. с Л.К. Бажановой.

Сост., подг. текста: Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и док. 1725–1727. М. Т. II. 668 с. Совм. с В.С. Мясниковым и А.И. Тарасовой.

1991

Эволюция структуры русского городского казачества XVII в. // Реализм исторического мыш-

ления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. М. С. 71–72.

1992

Рец. на кн.: Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. М., 1991. Т. 1. // ОА. № 1. С. 115–117.

Член редкол.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М. Т. XIII. Вып. 1 (январь – июнь 1713 г.). 480 с., илл.

1993

Пролог, сценарий, по которому Петр I преобразовал Россию, был написан его братом царем Федором Алексеевичем // Родина. М. № 3. С. 126–129.

1994

Указ Петра I об изучении цифирной мудрости // Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тез. докл. и сообщ. на конф. 27–29 янв. 1994 г. М. С. 54–56.

В.О. Ключевский как председатель “Общества истории и древностей российских” (1893–1905) // АЕ за 1991 год. М. С. 87–98.

Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М. С. 152–167.

Член редкол.: Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII в. М. [Вып. 1]. 405 с. Совм. с Н. Шилдс Колмен.

1995

“Живой справочник для исследователей”. Сергей Алексеевич Белокуров. 1862–1918 // Краеведы Москвы. М. Кн. 2. С. 83–99.

Сфрагистика и геральдика в научном творчестве Е.И. Каменцевой // Гербовед. М. № 7. С. 9–14.

Рец. на кн.: Пашков А.М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск. 1994. 351 с. // ОА. № 3. С. 121–122.

1996

Отв. ред.: Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. док. М. 560 с.

Федор Алексеевич // Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на российском престоле. М. С. 169–205.

1997

Памяти М.Я. Волкова // ОИ. № 6. С. 213–214.

“Неувядаемый венец”. Василий Иванович (1883–1902) и Гавриил Иванович (1842–1924) Холмогоровы // Краеведы Москвы. М. Кн. 3. С. 59–81.

Рец. на кн.: Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-финско-шведским культурным связям // ОИ. № 1. С. 168–170.

Рец. на серию справочников: Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана: Справочник. Уфа, 1990–1996. Кн. 1–6 // ОИ. № 2, С. 198–200.

1998

Подг., публ.: Столбцы московских приказов (Городового, Поместного, Разрядного) по управлению Ливонскими городами 1577–1579 гг. М.; Варшава. С. 47–196. Совм. с И. Гралей, Б.Н. Флорей, Ю.М. Эскиным.

Месячная таможенная печать с. Введенского // Рождественский сб. Ковров. Вып. 3. С. 95–98. Совм. с В.Д. Огурцовым.

1999

Ред.: Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII в. СПб. Вып. 2. 250 с.

Ред., вводн. ст.: То же. М. Вып. 3. 325 с.

Изображение двуглавого орла на печатях местных учреждений XVIII в. // Гербовед. № 38. С. 45–55.

2000

Федор Алексеевич // Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М. С. 338–402.

О хищении из казны наградных золотых за Крымские походы в конце 80-х годов XVII в. // Тр. Историко-архивного института. Т. 34: Сб. статей геральдического семинара ИАИ РГТУ. С. 129–138.

2001

Сост.: Писцовые книги Русского Севера // Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2001. Вып. 1. Совм. с Н.П. Воскобойниковой, В.Ю. Беликовым и др. 478 с.

Статьи в энциклопедиях

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970.

Башкирские восстания 17–18 вв. // Т. 3. С. 66–67. Совм. с И.А. Булгиным.

Советская историческая энциклопедия. М., 1965–1973.

Копийные книги // Т. 7. Стб. 897–898; Оренбургская экспедиция // Т. 10. Стб. 608; Переписные книги // Т. 11. Стб. 26–27; Писцовые книги // Там же. Стб. 167; Поместный приказ // Там же. Стб. 396–397; Посольский приказ // Там же. Стб. 466–467; Поярок Василий Данилович // Там же. Стб. 489; Приказ Большого Прихода // Там же. Стб. 559–560; Приказ Большой казны // Там же. Стб. 560; Приказ Тайных дел // Там же. Стб. 560; Приказы. Там же. Стб. 560–566; Приправочные книги // Там же. Стб. 571; “Сказки” // Т. 12. Стб. 941; Тяпинский Василий Николаевич // Т. 14. Стб. 638; Указные книги // Там же. Стб. 718.

Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа., 1996.

Гербы С. 227–229. Совм. с Г.Т. Хусаиновой.

Энциклопедия для детей. М., 1995.

Приказы // Т. 5. Ч. 1. С. 341–347.

Русская генеалогия. М., 1999.

Семенов В.Г. С. 179; Оловянников П.Ф. С. 180; Украинцев Е.И. С. 181.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Е.Л. РУДНИЦКОЙ*

1951

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письмо Н.П. Огарева к А.И. Герцену и к московским друзьям (осень 1836) // ЗОР ГБЛ. М. Вып. XII. С. 173–186.

1953

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письма Огарева к Герцену. Годы студенчества (1832–1833) // ЛН. М. Т. 61. С. 703–718.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письма Н.П. Огарева к М.Л. Огаревой // Там же. С. 845–858.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письмо Н.П. Огарева “К неизвестному” // Там же. С. 908–909.

1955

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: С.И. и Т.И. Астраковы – Герцену и Огареву // ЛН. М. Т. 62. С. 9–22.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: В.П. Боткин – Герцену // Там же. С. 37–46.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: С.С. Громека – Герцену // Там же. С. 105–122.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Н.И. Жуковский – Огареву // Там же. С. 133–139.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: А.А. Крыль – Огареву // Там же. С. 274–280. Совм. с Я.З. Черняком.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Я.Н. Ханыков – Герцену // Там же. С. 702–709.

1956

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Из архива “Колокола”: Письмо “Из дружеского стана” // ЛН. М. Т. 63. С. 240–242.

Подгот. публ., вступ. ст.: Программа преобразования “Колокола” // Там же. С. 244–246.

Письмо редакторам нового “Колокола” // Там же. С. 702–705.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Герцен и Огарев в документах политической полиции: Допрос Огарева 24 сентября 1834 г. Приложение: Письмо А.К. Лахтина к Огареву // Там же. С. 287–296.

1958

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письма А.И. Герцена Н.И., С.И. и Т.А. Астраковым (1832–1851) // ЛН. М. Т. 64. С. 461–538.

Коммент.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. XIV. Совм. с А.М. Малаховой,

Г.И. Месяцовой, И.М. Белявской, Л.С. Мандельштам, Ю.Б. Неволовым.

1960

О подготовке факсимильного издания “Колокола” // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. [Т. I]. С. 528–534.

1961

Социальные эксперименты Н.П. Огарева // ВИ. № 2. С. 76–85.

Новые книги о Н.Г. Чернышевском // ИСССР. № 2. С. 180–183. Совм. с А.Ф. Смирновым.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письма А.О. Ковалевского к Н.Д. Ножину // Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР. Т. 36. Вып. 8. С. 202–216.

В литературу о Н.Г. Чернышевском // Газ. “Советская Якутия”. № 32.

Чл. редкол.: Объединение Италии в оценке русских современников: Сб. док. и материалов к 100-летию объединения Италии. М. 325 с.

1962

Николай Ножин // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. [Т. II] С. 444–462.

Наблюдение над публ.: Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. Лондон-Женева. Факс. изд-е. М. Вып. I. С. 1–256.

[Источниковед. и археограф. предисл.] // Там же. С. XVII–XXIII.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. II. С. 257–490.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. III. С. 491–745.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. IV. С. 746–980.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. V. С. 981–1268.

Рук. сост. указ.: То же. Вып. XI. Указатели к I–X вып. С. 8–192.

Предисл. // Там же. С. 5–6.

1963

К изучению революционной ситуации в России конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М. С. 231–257. Совм. с А.Ф. Смирновым.

Наблюдение над публ.: Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсим. изд-е. М. Вып. VI. С. 1269–1444.

* К юбилею доктора исторических наук Евгении Львовны Рудницкой, с 1958 г. работающей в ИРИ РАН, лауреата премии им. В.О. Ключевского.

Наблюдение над публ. То же. Вып. VII. С. 1445–1580.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. VIII. С. 1581–1724.

Из истории революционных русских изданий конца 1850-х годов за границей (Дело Г.И. Миклашевского) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. III. С. 356–364.

Н.П. Огарев – теоретик и практик крестьянской революции в России // ИСССР. № 6. С. 33–56.

Рец.: Лоции архивных морей (Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. I–II) // Новый мир. № 3. С. 260–263. Совм. с М. Нечкиной и С. Микулинским.

1964

Наблюдение над публ.: Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсим. изд-е. Вып. IX. С. 1726–2202. Колокол. Прибавочный лист к первому десятилетию. С. 1–16.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. X. Приложение: “Под суд!” С. 1–110; Общее вече (прибавление к Колоколу). С. 1–132.

Рук. сост. указ.: То же. Предметный указатель. С. 7–32. Предисл. С. 6.

Социалистические идеалы Н.П. Огарева // История социалистических учений: Сб. ст. М. С. 371–398.

Вольная русская типография А.И. Герцена // 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. М. С. 337–345.

1965

Чл. редкол.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. IV. 463 с.

Общественное движение в России 30–40-х годов XIX в. // История СССР с древнейших времен до наших дней. М. Т. IV. С. 315–356.

Наблюдение над публ.: Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева: В восьми книгах. Вольная русская типография. Лондон–Женева, 1855–1869. Факсим. изд-е. Полярная звезда на 1855. Книга первая. Лондон; М. 246 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1856. Кн. вторая. Лондон; М. 270 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1857. Кн. третья. Лондон; М. 337 с.

1967

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1858. Кн. четвертая. Лондон; М. 317 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1859. Кн. пятая. Лондон; М. 299 с.

Новые материалы о связи редакции “Колокола”, Михаила Бакунина с финским национально-освободительным движением // ВИ. № 12. С. 36–52.

1968

Наблюдение над публ.: Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева: В восьми книгах. Вольная русская типография. Лондон–Женева, 1855–1869. Полярная звезда на 1861. Кн. шестая. Лондон; М. 358 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1862. Кн. седьмая (в двух выпусках). Лондон; М. Вып. первый. 124 с.; Вып. второй. 126 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1869. Кн. восьмая. Женева. М. 178 с.

Ред.: Полярная звезда. Кн. девятая. Комментарий и указ. к I–VIII книгам. М. 357 с.

Коммент. // Там же. С. 53, 57–59, 61–63, 68–69, 72, 81–82, 116–117, 143–146, 175–178.

Чл. редкол.: Россия и Италия. М. 460 с.

Возникновение первой общерусской революционной организации и итальянское национально-освободительное движение // Там же. С. 205–210.

1969

Н.П. Огарев в русском революционном движении. М. 423 с.

Рец.: Иллерицкий В. // ВИ. 1970. № 12. С. 163–165; Бушканец Е.Г. // ИСССР. 1971. № 1. С. 179–180; Барабой А.З. // Архіви України. 1971. № 2. С. 170–171; Przegląd Historyczny. 1971. T. LXII. N 2. S. 339–342; Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 1971. N 3. S. 431–433; Századok à magyar történelmi tarsulat közlönye. 106. E.VE. 1972–6 szám. С. 1421–1423.

Рец. на кн.: Орлик О.В. Россия и французская революция 1830 года // НИИ. № 3. С. 167–168.

Подгот. публ., вступ. ст.: Неизвестное письмо Михаила Бакунина // Прометей. М. С. 236–241.

Чл. редкол.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. V. 375 с.

Подгот. публ., вступ. ст.: О деятельности революционеров 60-х годов в Скандинавии: Из переписки М.А. Бакунина с Эмилем Квантенем и Августом Сульманом // Там же. С. 272–294. Совм. с В.А. Дьяковым.

1971

Наблюдение над публ.: Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. 1859. Кн. I. Факсим. изд-е. М. XVI + 164 с.

Наблюдение над публ.: То же. 1861. Кн. II. XIII + 331 с.

Ред.: То же. Кн. III. Комментарий и указ. М. С. 21–223.

Исторические сборники Вольной русской типографии в Лондоне и их факсимильное издание // Там же. С. 5–20. Совм. с И.А. Желваковой.

- Чл. редкол.:* Проблемы истории общественного движения и историографии. М. 472 с.
- Новое о “нечаевском” Колоколе (к истории возникновения и программы) // Там же. С. 205–215.
- Возникновение Тайного Интернационала Михаила Бакунина // ННИ. № 7. С. 113–124. Совм. с В.А. Дьяковым.

1972

- Подгот. публ. вступ. ст.:* Новые материалы о “Тайном интернациональном братстве” М.А. Бакунина // Проблемы итальянской истории. М. С. 307–343. Совм. с В.А. Дьяковым.
- Из истории социалистической мысли в России: Н.Д. Ножин // ИЗ. Т. 90. С. 160–208.
- Рец. на кн.:* Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX века // ИССР. № 5. С. 188–190. Совм. с Б.С. Итенбергом.

1974

- Чл. редкол.:* Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. VI. 382 с.
- Подгот. публ., вступ. ст.:* Рукопись М.А. Бакунина “Международное тайное общество освобождения человечества” (1864) // Там же. С. 295–355. Совм. с В.А. Дьяковым.
- Наблюдение над публ.:* Голоса из России: Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856–1860. Факсим. изд-е.: В 3 вып. М. Вып. I, кн. I–III. 1856–1857. 544 с.
- Французский “KoloKol” и его “Русские Прибавления” // Тр. второй Всесоюз. конфер. “Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела”: Тез. докл. М. С. 85–89. Совм. с Р.Г. Эймонтовой.

1975

- Шестидесятник Николай Ножин. М. 230 с.
- Рец.:* Цамутали А.Н. Общественное движение в России. Саратов, 1979. № 9. С. 147–151; Дмитриев С.С. // ВИ. 1977. № 6. С. 154–157; Барабой А.З. // УИЖ. 1976. № 7. С. 149–150; Седов М.Г. // ИСССР. 1976. № 5. С. 192–193.
- Наблюдение над публ.:* Голоса из России: Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856–1860. Факс. изд-е.: В 3-х вып. М. Вып. 2. Кн. IV–VI. 1857–1859. 544 с.
- Ред.:* То же. Вып. 4. Кн. X. Комментар. и указ. 348 с. *Коммент.* // Там же. С. 241–245, 273–276.

1976

- Подг. публ., вступ. ст.:* Из наследия утопического социалиста Н.В. Соколова // История социалистических учений: Сб. ст. М. С. 366–379.
- Чл. редкол.:* Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М. 387 с.

- Проблема первой революционной ситуации в России в научном творчестве академика М.В. Нечкиной // Там же. С. 10–21 (совм. с И.С. Миллером).
- Огарев и французский “KoloKol” // Там же. С. 165–175.

- 75-летие академика М.В. Нечкиной // ВИ. № 2. С. 145–151 (совм. с Е.Н. Городецким).
- Уникальный памятник истории // КО. № 51. Совм. с М.В. Нечкиной.

- Наблюдение над публ.:* Голоса из России: Сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856–1860. Факсим. изд-е.: В 3 вып. Вып. 3. Кн. VII–IX. 1859–1860. 533 с.

1977

- Письмо в редакцию (По поводу очерка Л. Вишневецкого “Из летописи подвига: Петр Долгорукий и люди 14 декабря”) // Новый мир. № 4. С. 286–287.

1978

- Движение декабристов в исторической концепции Н.П. Огарева // История и историки. М. С. 154–172.

- Историография русского революционного движения XIX в.: Разночинский период // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М. Вып. 2: Октябрьский период. С. 136–152. Совм. с Б.С. Итенбергом.

- Кризис правительственной политики. Подготовка реформ (1859 – февраль 1861). Гл. 11 // Революционная ситуация в России в середине XIX в. / Под ред. академика М.В. Нечкиной. М. С. 185–205.

- Выход самодержавия из кризиса (1861–1862 гг.). Гл. 17 // Там же. С. 326–345.

- Наступление царизма на революционный лагерь. 1862 г. Гл. 18 // Там же. С. 346–357.

- Чл. редкол.:* “Эпоха Чернышевского”: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. VII. 256 с.

- Рец.:* Барабой А.З. // УИЖ. 1979. № 11. С. 153.

- К истории русско-польско-итальянских революционных связей // Там же. С. 7–20.

- “Остаюсь жить для нашей работы...” (Новое в эпистолярном наследии Огарева и Герцена) // Освободительное движение в России. Саратов. Вып. 7. С. 84–91 совм. с И.А. Желваковой.

- Ред.:* Колокол. KoloKol. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Женева. 1868–1869. Пер. Комментар. Указ. М. 217 с. Совм. с М.В. Нечкиной.
- Французский “KoloKol” и его “Прибавления” // Там же. С. 5–12.

- Коммент.* // Там же. С. 119, 120–122, 122–123, 123–125, 126–128, 129, 130–132, 133, 136, 137–138, 142–143, 146, 147, 148, 150, 153, 154–155, 156, 160, 161 и др.

1979

“Души прекрасные порывы” (К 150-летию со дня рождения Микаэла Налбандяна) // Газ. “Коммунист”. Ереван. № 249.

Чл. редкол.: Чернышевский и его эпоха: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. VIII. 263 с.

Чернышевцы и “Колокол” (К истории идейных исканий и тактических расхождений в русском революционном движении 60-х годов XIX в.) // Там же. С. 62–95.

Ред.: Колокол. Kolokol. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Женева. 1868–1869. Факсим. изд-е. М. 252 с.; Колокол (Русское прибавление). № 1–7. 28 с. Совм. с М.В. Нечкиной.

1980

М. Налбандян и русское революционное движение 60-х годов XIX в. // ВИ. № 3. С. 30–37.

Революционная деятельность соратников Чернышевского и “Колокол” // Н.Г. Чернышевский и современность. М. С. 86–98.

A szocialista Ogarjov // A Haladó orosz gondolkodás feylődése a forradalmi demokratizmustól a marxizmusig. I Kötet I-300-ig. Budapest.

1981

Факсимильные издания памятников Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева // АЕ за 1979 год. М. С. 157–162. Совм. с Р.Г. Эймонтовой.

Чл. редкол.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. 344 с.

Журнал “Современность” и его место в идейных исканиях революционной демократии // Там же. С. 106–118.

Французский “Колокол” // ВИ. № 7. С. 16–31.

К творческому портрету академика М. Нечкиной // Общественные науки. М. С. 170–176. Совм. с И.И. Минцем.

1983

“Нечаевский” “Колокол” // ИСССР. № 1. С. 44–60. *Ред.:* О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факс. изд-е. М. 602 с. Совм. с М.В. Нечкиной. От редакции // Там же. С. 3–4.

1984

Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864–1873. М. 328 с.

Рец.: Итенберг Б.С., Твардовская В.А. // ВФ. 1985. № 6. С. 166–167; Седов М.Г. // ИСССР. 1985. № 3. С. 224–227; Пантин И.К. // ВИ. 1986. № 7. С. 115–117; American Historical Review. V. 91. 1986. Февр.

Художественный образ и историческая наука (о книге акад. М.В. Нечкиной “Функция художе-

ственного образа в историческом процессе”) // Науки и человечество. Международный ежегодник. М. С. 378–380.

Историография русской общественной мысли XIX в. // Очерки истории исторической науки в СССР. М. Т. V. С. 268–294. Совм. с Б.С. Итенбергом.

Герцен, Огарев, Бакунин и польское восстание 1863 г. // ЛН. М. Т. 96. Герцен и Запад. С. 363–398.

К истории идейного и организационного оформления русского бланкизма. “Общество народного освобождения” // Революционно-демократическое движение в странах Восточной Европы второй половины XIX в. и его роль в развитии интернациональных связей: Тез. докл. и сообщ. республ. науч. симпозиума. Львов. 30 окт. – 2 нояб. 1985 г. Львов. С. 17–22. Герцен в общественном движении России: итоги, направления исследования (1962–1982) // Герцен – писатель, мыслитель, борец. М. С. 7–14.

1986

У истоков “Общества народного освобождения”: К истории идейного и организационного оформления русского бланкизма // ВИ. № 6. С. 21–39.

Чл. редкол.: Революционная ситуация в России в середине XIX в.: Деятели и историки. М. Т. IX. 229 с.

Н.А. Добролюбов (К 150-летию со дня рождения) // Там же. С. 5–9. Совм. с М.В. Нечкиной.

1987

“Зову живых!” (К 175-летию со дня рождения А.И. Герцена) // Советский Союз. № 4. С. 44.

Политическая ссылка в Сибири на страницах изданий Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева (К постановке темы) // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в.: Историография и источники. Новосибирск. С. 6–19.

Фрагмент старого Арбата: Письмо в редакцию // Сов. культура. 1987. 13 дек. Совм. с Д.С. Лихачевым, В. Севастьяновым, С.А. Макашиным, Н.Я. Эйдельманом, Д. Ознобишиным.

1988

А.И. Герцен: Начало революционной пропаганды (к 175-летию со дня рождения) // ИЗ. Т. 106. С. 256–276.

1990

Отв. ред.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. Репринт. воспроизведение. М. 278 с.

Отв. ред.: То же. Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринт. воспроизведение. М. 511 с.

Отв. ред.: То же. Записки сенатора И.В. Лопухина. Лондон, 1860. Репринт. воспроизведение. М. 212 с.

“Общество Народного Освобождения” и его русские связи // Революционеры и либералы России. М. С. 140–163.

1991

Петр Ткачев: Русский бланкизм // ИСССР. № 3. С. 100–127.

1992

Русский бланкизм: Петр Ткачев. М. 267 с.

Рец.: Чернышевский В.Д. // ВИ. 1993. № 9. С. 185–186. Тютюкии С.В. // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 123–126; Антонов В.Ф. // ОИ. 1994. № 4, 5. С. 158–163.

Отв. ред.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Справочный том к Запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М. 347 с.

От редактора // Там же. С. 5–6.

Исторические корни и судьбы русского бланкизма (К постановке темы) // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения: Сб. докл. и сообщ. [Ч.] II. М. С. 197–207.

1993

[Предисл.] к ст.: С.С. Дмитриев. Раннее славянофильство и утопический социализм // ВИ. № 5. С. 24–26.

Чл. редкол.: Политическая ссылка в Сибири: Нерчинская каторга. Новосибирск. Т. I. 292 с. Предисловие // Там же. С. 7–21. В соавторстве с Л.И. Горюшкиным, В.А. Дьяковым, Б.С. Итенбергом, Н.Н. Щербаковым.

Подгот. публ., коммент.: Нерчинская каторга в середине 1820-х – начале 1860-х годов // Там же. С. 25–139. Совм. с В.А. Дьяковым.

1994

Отв. ред.: 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М. 454 с.

От редактора // Там же. С. 3–4.

Вольная русская печать и книга барона Корфа // Там же. С. 5–63. Совм. с А.Г. Тартаковским.

Коммент. // Там же. С. 390–425. Совм. с А.Г. Тартаковским.

Рец.: Боленко К.Г. // НЛО. 1996. С. 415–416. № 18; Левандовский А.А. // ОИ. 1997. № 3. С. 195–197; Валерий Сендеров. Разоблачение мифа // Русская мысль. Париж. 1995. 12–18 окт. С. 13.

Феномен Павла Пестеля // *Annali sezione storico-politico-sociale XI–XII. 1989–1990. Napoli. С. 101–117.*

1995

Herzen e l'Italia // *I Russi e l'Italia. A cura di Vittorio Strada. Milano: Libri Scheinwiller. P. 71–77.*

1996

Отв. ред., сост. В раздумьях о России (XIX век). М. 441 с.

Рец.: Хорос В.Г. // ВФ. 1997. № 4. С. 144–147; Зверев В.В., Савков В.В. // ОИ. 1999. № 6. С. 158–162.

Вступление // Там же. С. 5–22.

В поисках пути (Начало философского осмысления судеб России) // Там же. С. 42–73.

Историософское направление в русской общественной мысли 30–40-х годов XIX в. // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов. Ч. I. С. 72–80.

[Предисловие] // Ружицкая И.В. Барон М.А. Корф – историк: По материалам его архива. М. С. 3.

1997

Отв. ред., сост.: Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый. Документальная публикация. М. 571 с. Сост. совм. с О.В. Будницким.

Рец.: Секиринский С.С. // Независимая газ. 1988. 2 апр.; Лютинский А.А. // Социальные и Гуманитарные науки: Рефер. журнал. Сер. 5. История. М. ИНИОН. 1998. № 3. С. 29–38; Левандовский А., Щербакова Е. // Свободная мысль. 1998. № 8. С. 115–117; Искра Л.М. // Исторические записки. Науч. труды. ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 211–214; Городницкий Р.А., Кан Г.С. // ОИ. 1998. № 6. С. 185–188; Левандовский А.А., Щербакова Е.И. // ВИ. 2000. № 9. С. 158–160; Владимир Разуваев. “Новый Макиавелли”. Будет ли революционный радикализм снова доминировать в России? // Независимая газ. Книжное обозрение “Ex libris НГ”. 1998. 2 апр. С. 6.

Русский радикализм // Там же. С. 7–22.

Русский бланкизм: Петр Ткачев // Там же. С. 315–329.

Коммент. // Там же. С. 335, 344, 357, 360, 368, 370, 375–376, 381–384.

Идея мира в русской общественной мысли XIX в. // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественной мысли России. М. С. 72–87.

История в человеке // ОА. № 6. С. 93–102.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письма Огарева Мальвине Мейзенбург // ЛН. М. Т. 99. Кн. 1: Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. С. 465–482.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письма Н.А. Тучковой-Огаревой Г.Н. Вырубову // Там же. Кн. 2. С. 226–232.

Неизвестное издание Вольной русской типографии // Там же. С. 759–671.

1998

Рец. на кн.: Российские консерваторы (Авторский колл. Рук. А.Н. Боханов). М. 1997. 384 с. // ОИ. № 3. С. 176–180.

Отв. ред.: Тихонова Е.Ю. Мировоззрение молодого Белинского. М. 119 с.

Предисловие // Там же. С. 3–4.

Отв. ред.: Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX в.). М. 407 с.

1999

Поиск пути: Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М. 270 с.

Рец.: Секиринский С.С. // Независимая газ. 1999, 10 июня; Зверев В.В., Савков В.В. // ОИ. 1999. № 6. С. 158–162; Парсамов В.С. // ВФ. 1999. № 9. С. 185–188; Литвак Б.Г. The New Review (Новый журнал). Нью-Йорк, 2000. Кн. 219. С. 297–299; Китаев В.А. // ВИ. 2000. № 10. С. 168–170.

“Устойчивость – первое условие общественного благополучия”: Русская мысль пушкинского периода // ОИ. № 3. С. 3–24.

Науч. ред., сост.: Натан Эйдельман: Свободное слово Герцена.

Рец.: Русская мысль (Париж). 1999. 25 нояб. – 1 дек.

Чувство свободы // Там же. С. 5–18.

Отв. ред.: Е.Ю. Тихонова. В.Г. Белинский в споре со славянофилами. М. 129 с.

Главное – преодолеть научное сектанство // Освободительное движение в России: Современный взгляд или приверженность традициям? // ОИ. № 1. С. 6–8.

По поводу “Прямого ответа” профессора Н.А. Троицкого // ОИ. № 6. С. 187. В соавторстве с О.И. Княнской, Б.С. Итенберггом.

2000

Идея мира в русской общественной мысли XIX в. // Кто мы в современном мире. М. С. 494–508.

Юношеский дневник академика М.В. Нечкиной // Источниковедение и краеведение в культуре России. М. С. 441–444.

Одна, но пламенная страсть // Знание – сила. № 10. С. 100–110.

2001

Профессор С.С. Дмитриев – историк русского общества // ОИ. № 1. С. 168–174.

Александр Иванович Тургенев // Российские либералы. М. С. 15–52.

Миротворческая парадигма русской общественной мысли в контексте Европейского Просвещения // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов. С. 198–209.

Отв. ред., сост.: Н.Я. Эйдельман. Удивительное поколение: Статьи о декабристах. СПб. 346 с. Об этой книге // Там же. С. V–XII.

Рец. на кн.: Будницкий О.В. Терроризм в русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. 397 с. // ОИ. № 4. С. 193–196. Совм. с В.П. Булдаковым.

Статьи в энциклопедиях

Ножин Н.Д. // ФЭ. М., 1967. Т. 4.

Огарев Н.П. // СИЭ. М., 1967. Т. 10. Стб. 460–463.

Нечкина М.В. // БСЭ. М., 1974. Т. 17. Стб. 1644–1645.

Ножин Н.Д. // Там же. Т. 18. Стб. 259.

Огарев Н.П. // Там же. Стб. 836–838.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В.В. КРЫЛОВА*

1966

Рец.: Добросовестно относиться к архивным источникам [Нелаев В. Павел Дыбенко. М., 1965] // СА. № 3. С. 118.

1967

Журнал “Пролетарская революция” и его роль в публикации исторических источников // Научная студенческая конференция, посвященная 50-летию Великой октябрьской социалистической революции: Тез. докл. М. С. 14–21.

1968

Ф.Э. Дзержинский – почетный комсомолец // СА. № 6. С. 123–124.

1970

Подготовка кадров архивистов в союзных республиках // СА. № 1. С. 122–123.

Публикация произведений В.И. Ленина в журнале “Пролетарская революция” // Материалы научной студенческой конференции. Май 1970 г. М. Вып. 1. Источниковедение истории СССР. С. 29–35.

Юбилей студенческого научного кружка // СА. № 6. С. 117.

1974

Из истории журнала “Пролетарская революция” (1921–1941) // СА. № 3. С. 65–72.

1976

[Журнал “Пролетарская революция” и его роль в публикации документов по истории революции 1905–1907 гг. Выступление на Тихомировских чтениях 1975 года. Излож.] // АЕ за 1975 год. М. С. 246–247.

1980

По страницам “Ленинианы” (К выходу в свет третьего и четвертого томов) // СБ. № 6. С. 63–75.

1982

О Ленине и ленинизме: (К выходу в свет пятого тома “Ленинианы”) // СБ. № 1. С. 69–73.

1983

К 80-летию Второго съезда РСДРП: (Обзор библиогр. указ.) // СБ. № 3. С. 10–15.

Отчет М.Н. Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых // АЕ за 1982 год. М. С. 215–218.

Рец.: Посвящается большевикам ленинского поколения. [Воспитанники Московского университета – большевики ленинского поколения: Биобиблиогр. словарь. М., 1982] // СБ. № 2. С. 60–63.

Советская археография в период развитого социализма. 1960–1980 гг.: Уч. пособие. М. С. 51–62; 79–85; 98–126; 130–136.

1984

Архивоведение и археография: Программа курса. М. Совм. с П.П. Ковалевым.

Рец. на кн.: Гроссман Ю.С., Кутик В.Н. Справочник научного работника: архивы, документы, исследователь. 2-е изд., перераб. и доп. Львов, 1983. 439 с. // СБ. № 5. С. 70 (совм. с Е.В. Старостиным).

1985

Советская археография в период развитого социализма (1960–1980 гг.): Археографическая деятельность архивных учреждений СССР: Уч. пособие. М. С. 73–85; 99–100.

Шестой том “Ленинианы” // СБ. № 5. С. 56–60.

1986

Программа курса “Археография” М. Совм. с М.С. Селезневым, Д.М. Эпштейн.

Отв. ред. этой книги. Совм. с М.С. Селезневым, В.А. Муравьевым.

Советская археография в период развитого социализма (1960–1980 гг.): Археографическая деятельность Академии наук СССР, Академий наук союзных республик и Министерства иностранных дел СССР: Уч. пособие. М. С. 46–62.

1987

Данные об археографической деятельности М.Н. Тихомирова (в Государственном архиве Куйбышевской области) // АЕ за 1986 год. М. С. 214–215. Совм. с В.Г. Маркиной.

1988

Академик М.Н. Тихомиров и его роль в сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых // Аксаковские чтения. Вып. 1: Материалы конференции 1983 года. Абрамцево. С. 100–103.

* Составитель Е.В. Кичатова

11 ноября 2000 г. исполнилось 60 лет члену Археографической комиссии, историку, археографу и библиографу, кандидату исторических наук Вячеславу Викторовичу Крылову, 30 лет из которых отданы служению Историко-архивному институту.

“...Ценнейший и крупнейший историк партии”:
Н.И. Бухарин: Библиогр. // СБ. № 3. С. 58–60.

1989

Журнал “Пролетарская революция”
(1921–1941 гг.) и его роль в становлении и
развитии советской археографии: Автореф.
дис. ... канд. ист. наук. М.

“Прошу не оставлять литературной работы”:
Л.Б. Каменев: Библиогр. // СБ. № 2. С. 63–70.

Человек огромной энергии и интеллекта:
Д.Б. Рязанов: Биобиблиогр. // Там же. № 6.
С. 47–53.

1990

Имя, изъятые из энциклопедии: В.А. Тер-Ваганян:
Библиогр. // СБ. № 3. С. 61–71.

От “Искры” к “Социалистическому вестнику”:
Ю.О. Мартов: Биобиблиогр. // Там же.
С. 70–89.

Пассажир парохода “Ильич”: Л.Д. Троцкий: Биобиблиогр. // Там же. № 1. С. 76–93.

Сост. примеч. и указ. имен: Раскольников Ф.Ф.
Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М.
С. 272–318.

Подг. публ. и предисл.: Троцкий – библиотекарям.
Л.Д. Троцкий. Ленинизм и библиотечная
работа // СБ. № 3. С. 61–71.

1991

Голос Рыкова. А.И. Рыков: Биобиблиогр. // СБ.
№ 1. С. 87–97.

Кузнецкий мост, 24: (Политический Красный
Крест) // Советский Красный Крест. № 11.
С. 12–13.

Трагедия революционера: Ф.И. Дан: Биобиблиогр.
// СБ. № 2. С. 72–85.

1992

“Живая энциклопедия революционного и освободительного движения”: Б.И. Николаевский:
Биобиблиогр. // Библиография. № 5/6.
С. 121–137.

Смертельно устал быть “железным” [Ф.Э. Дзержинский] // Родина. М. № 10. С. 112–114.

Ученик профессора С.А. Венгерова: Ф.Ф. Раскольников:
Биобиблиогр. // Библиография. № 2. С. 105–117.

1993

Издательство “Academia” – бесценный вклад в
духовную культуру // Вестн. РАН. Т. 63. № 4.
С. 348–357; То же // Herald of the Russian
Academy of sciences. Vol. 63. № 4. P. 298–307.

1994

Подгот. публ.: В Языково с надеждой: Отчет
М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории
и этнографии при Самарском универ-

ситете о вывозе архива Аксаковых. 1921 г. // ИА. № 1. С. 204–214; То же // Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923 гг.) Самара. С. 70–83.

Подгот. публ.: Вторая пламенная страсть академика Е.А. Косминского: [Графическое наследие] // Вестн. РАН. Т. 68. № 6. С. 553–560.

Подгот. публ.: Мартиролог исследователей древнерусской литературы: (Из эпистолярного наследия академика В.Н. Перетца) // Там же. Т. 64. № 2. С. 147–154.

Подгот. публ.: “Она могла умереть...” (М.А. Спиридонова в тюремной психиатрической больнице): Письмо М.А. Измайлович. 29 июня 1921 г. // Кентавр. № 1. С. 49–60.

Финальный аккорд литературного творчества Л.Б. Каменева // Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта М.; Пенза. С. 181–185.

1995

Его страстью был архивизм: Б.И. Николаевский // ОА. № 3. С. 25–36.

Подгот. публ.: Соглядатай: Донос на академика О.Ю. Шмидта и его сотрудников // Вестн. РАН. Т. 65. № 11. С. 1024–1029.

1996

Подгот. публ.: Выбор или выборы? К истории избрания президента Академии наук СССР. Июль 1945 г.: Справка Наркомата государственной безопасности СССР о научной и общественной деятельности действительных членов Академии наук СССР // ИА. № 2. С. 142–153.

Подгот. публ.: Неопубликованное предисловие Л.Б. Каменева к переизданию “Колокола” А.И. Герцена // АЕ за 1994 год. М. С. 328–356. Николаевский Борис Иванович // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 3. С. 104–113.

1997

Рец. на кн.: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент: Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биограф. очерк. Документы. М., 1996 // Вестник РАН. Т. 67. № 1. С. 88–91; То же // Herald of the Russian Academy of sciences // Vol. 67. № 1. P. 56–59; То же в другой ред. // ОА. № 3. С. 97–99.

D.B. Rjazanov and B.I. Nikolaevskij // David Borisovic Rjazanov und die erste MEGA. Berlin; Hamburg. S. 50–54.

1998

Документальные публикации по истории литературы и искусства // Архивоведение и археография: Программы авторских спецкурсов для специальности № 020800 – Историко-архивоведение. РГГУ. ИАИ. М. С. 43–50.

Издание документов по истории российских политических партий // Там же. С. 51–59.

Ред. этой книги. Совм. с А.Д. Степанским.

Идеи декрета от 1 июня 1918 г. родились в дискуссиях членов Союза РАД // ОА. № 3. С. 12–14.

Легенды и были Историко-архивного института: По поводу размышлений Б.С. Илизарова // Там же. С. 125–126.

1999

Подгот. публ.: Каменевская Пушкиниана. 1933 г. // ИА. № 3. С. 25–37 (совм. с Л.Ф. Кадиком).

2000

Л.Б. Каменев – директор Пушкинского Дома: Штрихи к портрету // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 147–150.
Российский государственный архив новейшей истории. Коллекция-фонд № 89. Оп. № 53–70: [Аннот. справочник документов, представленных в Конституционный Суд РФ по “делу

КПСС”] // Бюллетень рассекреченных документов федеральных государственных архивов. Вып. 3. С. 140–200 (совм. с Л.А. Молчановым).

Д.Б. Рязанов и Б.И. Николаевский // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М. С. 89–97.

В печати

Издательство “Academia”. 1921–1938. Люди и книги. Совм. с Е.В. Кичатовой.

Статьи в энциклопедиях

Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энцикл. биогр. словарь. М. 1997.

Дан Федор Ильич. С. 209–211.

Мартов Юлий Осипович. С. 394–397.

Церетели Иракий Георгиевич. С. 676–678.

Книга. Энциклопедия. М., 1999.

Academia С. 67.

В журналах “Отечественные архивы” и “Библиография” опубликованы также 21 информационная заметка и рецензия.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В.В. МОРОЗОВА*

1977

Всесоюзная конференция по полевой археографии // СА. № 2. С. 119–121 (совм. с М.П. Мироненко).

Летопись или приписки? (К вопросу о методике изучения последних томов Лицевого летописного свода XVI в.) // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс: Моск. гор. конф. молодых ученых, посвящ. 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 25–27 окт. 1977 г.: Тез. докл. М. С. 243–248. Ротапринт.

Царственная книга и Книга Степенная царского родословия // Конференция по истории средневековой письменности и книги: К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. 25–27 окт. 1977 г. Ереван. С. 58–59. Ротапринт.

1978

Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и историографии отечественной истории. М. С. 78–86. Ротапринт.

1979

О составе так называемой Царственной книги // Вопросы источниковедения и историографии отечественной истории досоветского периода. М. С. 88–98. Ротапринт.

К вопросу о системе описания разрозненных рукописей: Лицевой летописный свод XVI в. // Всесоюз. науч. конф. “Проблемы описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности”. Ленинград, 14–16 февраля 1979 г.: Тез. докл. Л., 1979. С. 38–39. Ротапринт.

Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М. С. 353–356.

Царственная книга как памятник летописания XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 34 с.

1981

Тихомировские чтения 1979 г.: Хроника заседания // АЕ за 1979 год. М. С. 181–184.

Деятельность Археографической комиссии в 1979 г. // Там же. С. 337–343.

Археографические экспедиции 1979 г. // Там же. С. 352–353.

Археографические экспедиции 1980 г. // АЕ за 1980 год. М. С. 349–351.

К вопросу о системе описания разрозненных рукописей: Лицевой летописный свод XVI в. // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л. С. 203–208.

Археографические поиски и находки 1979 г. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII – первой половине XIX в.: Сб. научн. тр. Л. С. 144–152. Совм. с А.А. Амосовым, М.Ю. Алексеевой.

Рукописное собрание Каргопольского краеведческого музея // Там же. С. 152–158. Совм. с А.А. Амосовым, М.Ю. Алексеевой.

1982

Методы комплектования школьных музеев документальными памятниками // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М. Ч. I: Памятники нового времени и советской эпохи. С. 46–55. Совм. с Н.И. Решетниковым. Ротапринт.

О каталоге старопечатных книг в местных музеях Вологодской области // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М. Ч. II: Памятники старинной письменности. С. 117–122. Ротапринт.

Чл. редкол., сост. // То же. 130 с.

Археографические экспедиции 1981 г. // АЕ за 1981 год. М. С. 355–357.

Об одной забытой летописи: Свод 1560 года // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья: Сб. статей. М. С. 25–33. Ротапринт.

О составе Александро-Невской летописи // Молодые обществоведы Москвы – Ленинскому юбилею: Материалы III Моск. город. конф. молодых ученых по общественным наукам, посвящ. 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. М. С. 97–100. Ротапринт.

Описания рукоп. собраний [Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Тарногского Городка, Тотьмы, Устюжны]. ППМВО. Вологда. Ч. I: Рукописные книги [районных и народных музеев]. С. 21–121. Совм. с М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым.

Сост: Там же. Совм. с М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.П. Морозовой. 200 с.

Указатели // Там же. С. 164–199. Совм. с А.А. Амосовым, О.Д. Амосовой.

* 2 июля 2000 г. исполнилось 60 лет сотруднику Археографической комиссии с 1976 г. кандидату исторических наук Валентину Викторовичу Морозову.

- Геральдика на иконе “Благословенно воинство” // Сов. археология. № 2. С. 247–253.
- Иван Грозный на миниатюрах Царственной книги // Древнерусское искусство: Рукописная книга: Сб. третий. М. С. 232–240.
- О некоторых проблемах полевой археографии. (В порядке обсуждения) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала: Сб. науч. трудов. Свердловск. С. 5–19 (совм. с А.А. Амосовым, В.П. Бударагиным, Р.Г. Пихосей).
- Фрагмент Лицевого свода в копии XVII в. // АЕ за 1982 год. С. 96–106.
- Рец.: Н.А. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVII–XIX вв. // ИСССР. № 6. С. 157–158. Совм. с С.О. Шмидтом.
- Описание книж. собраний [Белозерска, Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Тарногского городка, Тотьмы, Устюжны, Череповца] // ППМВО. Вологда. Ч. 2: Книги кириллической печати (1564–1825 гг.) [районных и народных музеев]. С. 16–282, 285–360. Совм. с А.А. Амосовым, М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым.
- Сост.: // Там же. 472 с. Совм. с А.А. Амосовым, М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым.
- Указатели: // Там же. С. 423–471. Совм. с А.А. Амосовым, О.Д. Амосовой.

1984

- Об источниках Царственной книги: Летописец начала царства // Летописи и хроники: Сб. статей 1984 г. М. С. 75–87.
- Икона “Благословенно воинство” как памятник публицистики XVI в. // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М. Вып. IV: Произведения русского и зарубежного искусства XV – начала XVIII в. С. 17–31.
- Описание книж. собраний [Белозерска, Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Никольска, Тотьмы, Устюжны]. ППМВО. Вологда. Ч. 3: Книги гражданской печати (1718–1825 гг.) [районных и народных музеев]. С. 20–276. Совм. с А.А. Амосовым, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.И. Решетниковым.
- Чл. редкол., сост.: // Там же. 360 с. Совм. с А.А. Амосовым, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.И. Решетниковым.
- Конкорданции: // Там же. С. 277–313. Совм. с А.А. Амосовым.
- Указатели: // Там же. С. 314–358 (совм. с А.А. Амосовым, О.Д. Амосовой).
- Описание док. [Бабушкина, Великого Устюга, Белозерска, Вытегры, Кириллова, Никольска, Тарногского Городка, Тотьмы, Устюжны] // ППМВО. Вологда. Ч. 5: Документы со-

- ветского периода [районных и народных музеев]. С. 30–205, 222–229. Совм. с А.А. Амосовым, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.И. Решетниковым.
- Сост.: // Там же. 312 с. Совм. с А.А. Амосовым, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.И. Решетниковым.
- Указатели: // Там же. С. 252–299. Совм. с Н.И. Решетниковым.
- Чл. редкол.: // ППМВО. Вологда. Ч. 4, вып. 2: Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее. 208 с.

1985

- Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // ТОДРЛ. Л. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. С. 520–536.
- Описания изданий // ППМВО. Вологда. Ч. 2, вып. 2: Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825 гг.). С. 20–117. Совм. с А.А. Амосовым, М.Ю. Гордеевой, Н.Д. Лабичевой.
- От редакции, предисл.: Там же. С. 3–19.
- Указатели: Там же. С. 146–178.
- Отв. сост., чл. редкол.: Там же. 179 с.
- Указатели: ППМВО. Вологда. Ч. 3, вып. 2: Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825 гг.). С. 182–207. Совм. с Н.Н. Малининой.
- Чл. редкол.: Там же. 208 с. Совм. с А.А. Амосовым и др.
- Описание док. [Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Тотьмы, Устюжны]. ППМВО. Вологда. Ч. 4: Документы дореволюционного периода [районных музеев]. С. 18–118. Совм. с А.А. Амосовым, Б.Н. Морозовым, С.А. Морозовым.
- Предисл.: Там же. С. 6–17.
- Сост. ред.: Там же. 212 с.
- Указатели: Там же. С. 118–143. Совм. с А.А. Амосовым.

1986

- Лицевой летописный свод XVI в. и его источники (Об одной историографической легенде) // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей 1984 г. М. С. 128–142.
- “История Грозного” в летописании современников: Опыт первичной формализации // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М. С. 98–106.

1987

- Археография летописей XVI в. Вопросы атрибуции и интерпретации // Археография и изучение духовной культуры. III Уральское археографические чтения: Тез. докл. Свердловск. С. 7–9. Совм. с С.В. Чирковым.

Миниатюры жития Сергия Радонежского из Лицевого летописного свода XVI в. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1985. С. 71–86.

Об источниках Лицевого летописного свода XVI в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М. С. 49–60. Ротапринт.

Царственная книга: История формирования кодекса: XVI–XVIII вв. // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики / ТГИМ. Вып. 69. М. С. 51–56.

Практическая археография книжника средневековья: Из опыта изучения Лицевого летописного свода XVI в. // АЕ за 1986 год. М. С. 59–68.

Описания рукоп.: ППМВО. Вологда. Ч. 1, вып. 2: Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 51–289. Совм. с А.А. Амосовым, Н.Н. Малининой, Л.А. Петровой.

Чл. редкол., сост.: То же. 432 с. Совм. с А.А. Амосовым, Н.Н. Малининой, Л.А. Петровой.

1988

Чл. редкол.: ППМВО. Вологда. Ч. 5, вып. 2: Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея. 428 с.

О некоторых аналогиях истории Болгарского и Русского государств в их взаимоотношениях с Византией // Славяне и их соседи: Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития: Эпоха феодализма: Сб. тезисов. М. С. 38–40. Ротапринт.

1989

Рукописная книга XIX в. в музейных собраниях Вологодской области // Археография и источниковедение истории Европейского Севера: Тез. выступл. на респ. науч. конф. Вологда. 2–5 июня 1989 г. Вологда. Ч. 2. С. 138–140.

О пространственных построениях в русском искусстве XVI в.: Типология и интерпретация // Методы изучения источников по истории общественной мысли периода феодализма: Сб. науч. трудов. М. С. 147–160. Ротапринт.

Летописец 1568 года: Атрибуция и состав // Русская книжность XV–XVI вв. / ТГИМ. М. Вып. 71. С. 155–163.

[Тез. докл.] Известия Г.Ф. Миллера о распространении книги в Сибири XVI–XVII вв. // Письменность и книгопечатание: Мат-лы науч. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита и 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень. С. 49–50.

Этикет реальный и этикетность искусства: русский дипломатический церемониал // Этно-

графическое изучение знаковых средств культуры. Л. С. 265–280.

Коммент.: Костомаров Н.И. Кудеяр. М. С. 248–254.

Предисл., подгот. публ.: Малевич К.С. О новых системах в искусстве. Статика и скорость. Установление А // ППМВО. Вологда. Ч. 1, вып. 3: Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея. С. 239–263. Совм. с Л.Ф. Дьяконицыным.

Описания рукоп.: Там же. С. 26–185. Совм. с А.А. Амосовым, М.Ю. Гордеевой, Н.Н. Малининой, Л.А. Петровой.

Предисл.: Там же. С. 5–23.

Отв. сост.: Там же. С. 271 с.

Указатели: Там же. С. 186–238.

1990

О парадигме, историографии и Алексее Адашеве // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докл. и сообщений Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. Москва. 13–18 мая 1990 г. М. Ч. 2. С. 181–182. Ротапринт.

О методике изучения филиграней Лицевого летописного свода // Филигранологические исследования: Теория, методика, практика. Л. С. 87–96.

Сводный каталог как средство реконструкции территориальных собраний // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Сыктывкар. Ч. II: Археография и книжность: Лингвистическое изучение Европейского Севера: Тез. докл. С. 53–54. Ротапринт.

От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду: Развитие жанра и эволюция концепции // ТОДРЛ. Л. Т. XLIV. С. 246–268.

1992

Сборник Алексея Макшеева // Седьмая научная конференция по проблемам книговедения: Секция рукописной книги: Тез. докл. М. С. 21–22. Ротапринт.

Южные славяне на миниатюрах Лицевого летописного свода // Известия на народната библиотека “св.св. Кирил и Методий”. София, 1992. Т. XX (XXVI). С. 67–80. 25 илл. (ошибочно назван автор – Василий В. Морозов).

1994

Афанасий // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М. Т. I: А–Д. С. 133–134.

Соотношение текстов Царственной книги, Синодального тома Лицевого летописного свода XVI в., Александро-Невской и Лебедевской летописей // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза. С. 38–41.

Методика исследования или заданность выводов? Размышления по поводу датировки рукописей Лицевого летописного свода Ивана Грозного // *Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской академии наук*. СПб. С. 54–117. Совм. с А.А. Амосовым.

1995

Подг., публ., коммент.: Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 гг. М. С. 20–255. Совм. с Н.И. Решетниковым.

1997

Легенда о Мономаховых регалиях в искусстве Москвы XVI в. // *Рим, Константинополь, Москва: Сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный семинар исторических исследований "От Рима к Третьему Риму"*. Москва, 28–30 мая 1986 г. М. С. 367–372. Совм. с А.В. Чернецовым.

Подг., публ., коммент., предисл.: Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева (1906–1922 гг.) // *Тотьма: Краевед. альманах*. Вологда. Вып. II. С. 247–517. Совм. с Н.И. Решетниковым.

Предисл., сост.: Нам – 55: Юбилейная выставка народной студии изобразительного искусства Дома народного творчества "Вперед". 24 января – 1 марта 1997 г.: Каталог. Долгопрудный. С. 3–11. 60 с.

1998

Исторические справки о городах // Соболева Н.А. и др. Гербы городов России. М. С. 162–468.

Описание док.: ППМВО. Вологда. Ч. 4, вып. 3: Документы XVI – начала XX в. Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. С. 18–233. Совм. с А.А. Амосовым, С.Е. Князьковым, Н.Н. Малининой.

Указ. геогр. назв.: Там же. С. 234–252.

Указ.: Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М. С. 378–389.

1999

Потаенная библиотека: Книжное собрание Кубеноозерской общины старообрядцев филипповского согласия // *Исторический город и сохранение традиционной культуры: Опыт, проблемы, перспективы: Мат-лы V Каргопольской науч. конф.* М.; Каргополь. С. 64–68.

Два описания Отдела рукописей РГБ // *АЕ* за 1998 год. М. С. 328–332.

2000

А.А. Амосов: Традиции и новаторство в изучении Лицевого летописного свода XVI в. // *Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. К 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту.* М. С. 459–463.

Лицевой, летописный свод: Уроки историографии // *АЕ* за 1999 год. С. 52–65.

То же (продолжение) // *АЕ* за 2000 год. М., 2000. С. 42–55.

III. ПУБЛИКАЦИИ

НОВОНАЙДЕННАЯ ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ИВАНА III И ВАСИЛИЯ III 1504 г. СПАССКОМУ ВАЛААМСКОМУ МОНАСТЫРЮ*

Возрождение в недавнее время Спасо-Валаамского монастыря привело к активизации поисков новых архивных документов о нем. Архивист Валаамского монастыря о. Онуфрий, занимающийся разысканием первоисточников, освещающих историю этой корпорации в архивах России и за рубежом, работал, в частности, в Стокгольме в Государственном архиве (Риксархив) и других хранилищах. У него установились дружеские научные связи со шведскими историками и архивистами, в результате чего ему прислали ксерокопию хранящегося в Риксархиве шведского перевода грамоты апреля 1504 г., выданной Валаамскому монастырю великими князьями Иваном III и Василием III.

Этот текст был найден шведской исследовательницей Елизабет Лёфстранд (Elisabeth Löfstrand) в так называемых “сундуках Делгарди”. Грамота находится в фонде Extranea, 156. I. Она написана на двух согнутых нумерованных листах (условно – Л. 1–2 об.) форматом в лист (in-2°). Размер их по нижнему и верхнему краям – 21–22 см, по корешку – 32,5–33 см. С правого края листов 1 и 2 бумага частично оборвалась или выкрошилась, имеются отдельные лакуны в тексте.

Грамота писана позднеготическим курсивом светлокоричневыми чернилами одним основным почерком с небольшими вкраплениями другого, латинизированного почерка (подробнее см. ниже, в примечаниях к тексту). Л. 1 содержит 37 строк, средняя длина строки – 16,2 см, ширина левого поля – 5 – 5,2 см, правого поля практически нет; от первой строки до верхнего края листа – 2,1–2,2 см; от последней строки до нижнего края листа – 5,1 см. В л. 1 об. – 38 строк, средняя длина строки – 15,5–15,7 см; ширина правого поля – 5,2–5,5 см, левого поля нет; от первой строки до верхнего края листа – 1,6–1,9 см, от последней строки до нижнего края листа – 4,7–5 см. В л. 2 насчитывается 37 строк, средняя длина строки – 16 см; левое поле составляет 5 – 5,1 см, правого поля нет; от первой строки до верхнего края листа – 1,6 см; от последней строки до нижнего края листа – 5 см. На л. 2 об. – 10 строк основного текста и две дополнительные строки, расположенные на 9,3 см ниже 10-й строки; длина основных строк – 15,4 – 15,7 см; длина дополнительных 11-й и 12-й строк – соответственно 5,8 и 3,7 см.; ширина правого поля – 5,1 – 5,4 см, левого поля нет; от первой строки до верхнего края листа – 1,5–1,9 см, от последней, 12-й строки до нижнего края листа – 14 – 14,1 см.

Водяной знак рукописи, по данным Е. Лёфстранд, – “замок с двумя зубчатыми башнями”, т.е. то, что в филиграноведческой литературе определяется обычно как “крепостные ворота”. Знак этот ближе всего к филиграну того же типа, относящейся к 1617 г. (см.: *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV–XVII вв. Вильнюс, 1967. № 718).

Листы, содержащие перевод грамоты 1504 г., находятся, по информации, полученной от Е. Лёфстранд, в папке, где хранятся 46 документов, написанных на разных языках (по-русски, по-шведски, по-немецки, на латыни). Текст их, как правило, довольно краток.

* Авторы приносят искреннюю благодарность Елизабет Лёфстранд за присылку ксерокопии шведского текста грамоты и копии водяного знака рукописи, содержащей этот текст.

О существовании жалованной грамоты Ивана III и Василия III Валаамскому монастырю, выданной в апреле 1504 г., С.М. Каштанову было известно давно, хотя он не предполагал, что текст ее в каком-то виде сохранился. Много лет тому назад Б.Н. Флоря посоветовал ему обратить внимание на шведские дела начала XVII в., хранящиеся в ЦГАДА (ныне – РГАДА). Он говорил, что в них можно найти сведения о несохранившейся жалованной грамоте, кажется, Валаамскому монастырю. И действительно, при просмотре шведских дел удалось обнаружить информацию о жалованной грамоте Ивана III и Василия III Валаамскому монастырю, которая точно датируется в упоминании апрелем 1504 г. Эти сведения содержатся в русском переводе “с писма, каково писмо прислал в Посолскои приказ свеиской посланникъ Аксель Мартенсонъ с приставом своим с сотником стрелецкимъ с Советом Башковским генваря въ 22 день”. Шведский оригинал письма, полученный в Посольском приказе 22 января 1620 г., был отослан Акселю Мартенсону назад все с тем же приставом Советом Башковским¹.

В письме приводится текст “памяти” от 19 октября 1619 г., данной Мартенсону в порубежной деревне Раутеяки. Ему как полномочному посланнику короля Густава-Адольфа поручалось довести до сведения русского правительства и царя Михаила Федоровича шведскую точку зрения и аргументы по вопросу об административной принадлежности д. Пороерви, ставшей объектом спора между шведскими и русскими “межевальными послами”. Конкретный автор этой “памяти” не указан, но им являлся, очевидно, руководитель шведских межевщиков в д. Раутеяки.

В “памяти” утверждалось, что русские “межевальные послы” “солгали” царю Михаилу Федоровичу и неверно изобразили дело “о деревне, которую мы называем по-корельски Пороерви, а по-русски Пороозеро”². Русские межевщики не хотели согласиться с тем, что эта деревня относилась к Корельскому уезду Водской пятины. Шведы же сообщали, что “мужики сами, которые живут в той деревне, сказывают, что они и их деды, и прадеды с полтораста летъ жили под Валаамскимъ монастырем в Корельском уезде, о котором меж нас и русскихъ межевальных послов договор был в Каибалскои деревне в Боеве выставке въ 27-м числе марта, лета 1618-го году”. Русские послы признавали вероятность того, что д. Пороерви (Пороозеро) действительно “с полтораста лет была под Валаамским монастырем”, но вместе с тем отрицали ее принадлежность к Корельскому уезду, утверждая, что “стояла она в Лопсали пятине, а не в Корельском уезде”.

Когда шведы потребовали подтверждения этого тезиса, русские “межевальные послы” “поднесли нам (т.е. шведам. – С.К.) подлинную грамоту, Валаамского монастыря волность, которую к монастырю дал³ великий князь Иван Васильевич и сынъ его Василей Иванович лета 7012-го числа, апреля, и печать у той утвержденной грамоты была обеих высокоупомянутых великих князей”⁴. Русские межевщики “такъже показали” шведам “роспись и книги Валаамского монастыря вотчины. И мы (шведы. – С.К.) сказали имъ, что нам вскоре невозможно того их писма выразуметь, и они б дали нам те грамоты перевесть и выразуметь”⁵.

Русские обещали прислать “с тово со всего писма с подлинныи с полные грамоты и с росписи вотчинам... списки”. Свое слово они сдержали, “и к нам (шведам. – С.К.) списки прислали последнего числа марта с сыномъ боярским с Первым Буиковым. И в грамоте Валаамского монастыря писано слово в слово так же, какъ сесь посланной списокъ объявит”⁶. С документами в руках шведские послы

¹ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Ед. хр. 3. Л. 132.

² Там же. Л. 134.

³ В ркп. “л” выносное; возможно чтение “дали”.

⁴ РГАДА. Ф. 96. Ед. хр. 3. Л. 135.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 135–136.

доказали русским, что д. Пороозеро находилась “в Сердоволскомъ погосте под Шуеозерскую выставкою”, а не в Селецком погосте Лопской пятины, как утверждали русские межевщики⁷. Шведы подчеркивали, что “Валамского монастыря вотчины в тех книгахъ нигде не объявлялись, кроме тех вотчин, которые в тех двух городах и в уездах, в Корелском и в Ореховском уезде, в тех прежеименованных погостех... а крестьяне, ныне которые живут в Пороозере, знают старинных своих дедов и прадедов, которые в тех земельных книгахъ именованы”⁸.

В самом деле, в писцовых книгах 90-х годов XVI в. фигурирует деревня “Пуроярва”. На полях рукописи писцовой книги напротив написанного по-русски названия “Пуроярва” сделана шведская помета: “NB. Puroiarfua”⁹.

В “памяти” Акселю Мартенсону говорится: “И после того, какъ мы (шведы. – С.К.) Валамского монастыря книги положили, что в Валамском монастыре вотчины нигде, опричь Вотцкой пятины Корелского и Ореховского уезда, нет, и показали имъ той вотчины книги, и те книги с теми их списками сс¹⁰ волностных грамот сошлись слово в слово, и оне в те поры на то иного никакого ответу не умели дать”¹¹.

В “памяти” сообщается о передаче шведам русских документов: “И какъ оне нам отдали старинных великихъ князеи грамоты, тако ж и монастырские старинные земляные книги, и в томъ нашего велеможнейшего короля правда объявилась, потому что темъ старинным грамотам намъ болши мочно верить, неже теъ безумных мужиков бездельным речемъ верить, которых русские межевальные послы научили против нас послушествовать”¹².

Можно ли рассматривать этот текст как свидетельство того, что русские передали шведам оригинал жалованной грамоты апреля 1504 г. и подлинник писцовых книг? Ведь до этого говорилось о присылке шведским межевщикам “списков” “с подлинные полные грамоты и с росписи вотчинам”¹³. Поскольку подлинники писцовые книги 90-х годов XVI в. со скрепой дьяка Дмитрия Алябьева находятся сейчас в Швеции (см. об этом ниже, приложение), можно думать, что они были переданы шведам именно в связи с межевыми спорами 1618–1619 гг. Вместе с тем ясно, что перевод грамоты Ивана III и Василия III сделан не с оригинала. В шведском переводе Иван III именуется “великим государем” в начале акта, а оба князя называются “великими государями” в некоторых разделах диспозитивной части и в санкции. Это титулование не могло содержаться в подлинной грамоте 1504 г., но вполне могло быть добавлено при создании списка XVII в. Кроме того, в шведском переводе нет никаких упоминаний о печатях грамоты, хотя, как свидетельствует текст “памяти” 1619 г., при подлиннике находились печати Ивана III и Василия III. Поэтому у нас совершенно нет уверенности в том, что в 1618–1619 гг. шведы получили подлинник грамоты 1504 г.

Перевод грамоты 1504 г. на шведский язык был для шведов делом весьма актуальным с точки зрения их порубежных споров с русскими. Недаром в тексте перевода фраза о владениях Валаамского монастыря в Нотебургском (Ореховском) уезде выделена более длинными, чем обычно, интервалами в начале и в конце (см. ниже, примеч. 43, 45 к шведскому тексту). Судя по водяному знаку рукописи шведского перевода, наиболее близкому к аналогичной филиграну 1617 г., мы имеем дело с текстом, составленным как раз в период тяжбы “между русскими и шведскими послами”, т.е. в 1618–1619 гг.

⁷ Там же. Л. 138.

⁸ Там же. Л. 136.

⁹ Писцовая книга. С. 133 (Л. 39) – см. ниже, приложение.

¹⁰ Так в ркп.

¹¹ РГАДА. Ф. 96. Ед. хр. 3. Л. 138.

¹² Там же. Л. 139–140.

¹³ Там же. Л. 135.

Переводчик пользовался бумагой немецкого происхождения: буква “М” в нижней части знака была инициалом фамилии “Mieser”. В 1584–1632 гг. изготовлением бумаги этого типа занимался Jerg Mieser (см.: Piccard G. Die Turmwasserzeichen. Stuttgart, 1970. S. 17).

Грамота 1504 г. является наиболее ранней жалованной грамотой Валаамскому монастырю – по крайней мере, из числа известных. До этого в качестве первого иммунитетного акта, пожалованного данной корпорации, фигурировала грамота 1507 г.¹⁴ Грамота Валаамскому монастырю 1504 г. входила в серию иммунитетных актов периода совместного управления Ивана III и Василия III Новгородской землей (1499–1504)¹⁵, и с этой точки зрения она представляет исключительный научный интерес. По своему формуляру грамота 1504 г. Валаамскому монастырю ближе всего к жалованной грамоте Ивана III и Василия III новгородскому Волотову монастырю 1500 г.¹⁶, хотя она и не по всем пунктам с ней совпадает. Видимо, существовала какая-то общая редакция совместных грамот Ивана III и Василия III новгородским монастырям в то время. Вместе с тем формуляр грамоты 1504 г. не послужил основой для позднейших грамот, выданных Валаамскому монастырю в 1507, 1540 и 1578 гг.¹⁷

Мы определяем грамоту Валаамскому монастырю 1504 г. как обельно-несудимую. В ней не содержалось освобождения от государственных прямых налогов и таможенных пошлин. Поэтому ее нельзя считать тарханной. Однако она не была и чисто несудимой. Грамота освобождала от поборов новгородского архиепископа и его администрации, а также от платежей попам Софийского собора. Кроме того, она запрещала новгородским и пригородским наместникам, волостелям и их тиунам взимать с Валаамского монастыря и его крестьян какие-либо пошлины в свою пользу. Несудимая часть грамоты дополнялась установлением одного в году срока вызова монастырских крестьян в суд по так называемым “исковым” делам. Далее в грамоте вводились заповеди против ездоков, незваных гостей и “попрошатаев”. Все это в целом делало грамоту обельно-несудимой, односторонней и заповедной.

В настоящей работе публикуется как шведский перевод грамоты по ксерокопу рукописи Стокгольмского архива, так и его обратный перевод на русский язык, сделанный нами, а также примерная реконструкция оригинального русского текста с учетом сходных формуляров русских грамот. В публикации шведского текста полностью сохраняются орфография рукописи. Трудным вопросом была для нас передача заглавных букв “Г” или “J” и буквосочетаний “ij” или “y”. Мы ориентировались на современное звучание слов, при написании которых эти буквы и буквосочетания употребляются, делая в примечаниях оговорки о возможности иных прочтений. Мы старались также сохранить пунктуацию рукописи. Все случаи расхождения с ней оговорены в примечаниях к шведскому тексту.

Авторы работы сочли полезным поместить после шведского текста указатель-словник к нему, который поможет изучению лексики шведского текста и соотношения его с терминологией русских актов (словник составила Е.Е. Матвеева). В конце работы публикуется в качестве приложения фрагмент писцовой книги Водской пятины 90-х годов XVI в., содержащий описание вотчины Валаамского монастыря в Сердовальском и Иломанском погостах Корельского уезда. Текст

¹⁴ РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 255. Стб. 1095–1097. См. также: *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 7.

¹⁵ Подробнее об этих актах см.: *Каишанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в., М., 1967. С. 102–144, 170–188, 218–238.

¹⁶ АИ. СПб., 1841. Т. I. № 111. С. 164–166.

¹⁷ См.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 255, 256. Стб. 1095–1099; РИБ. Пг., 1915. Т. 32. № 279. Стб. 552–558; *Каишанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века [Часть 1] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 356. № 416; То же. Часть 2 // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 188. № 1042.

источника, судя по присланной из Стокгольма ксерокопии, дошел в подлиннике. Передача текста осуществлена по общим правилам издания документов XVI–XVII вв. В публикуемом тексте подчас трудноуловима или вообще неуловима разница между “ъ” и “ь”, поэтому некоторые чтения могут показаться спорными.

С.М. Каушанов, Е.Е. Матвеева

1504 г. апреля. – Жалованная обельно-несудимая, односрочная и заповедная (от ездоков, незваных гостей и попрошатаев) грамота в.кн. Ивана III Васильевича и его сына в.кн. Василия III Ивановича иг. Спасского Валаамского м-ря Якуму на села и деревни в 7 погостах Корельского и Ореховского уездов Водской пятины Новгородской земли.

I. Шведский текст

(fol. [1]) [1] Jagh¹ store herre och storfurste, Iwan Wasiliewitz öfwer [2] alla Ryßer², och min son storfurste Wasili Iwanowitz öfswer [3] alla Ryßer², wii³ hafue gunsteligen benådt, Jakima⁴ igumen [4] medh sine medbrödher och efsterkommandhe⁵: Spaß clöster [5] på Walamo, vthi wårt eigit fädhernes ærfs af Nougor[o]dh⁶ [6] land⁷.

[7] Till det första⁸. At ærchiebiskopen i Nougorodh skall inthet hafua [8] macht till at döma öfuer förb(emäl)d(e)⁹ igumen eller hans medbröder¹⁰ [9] vthi någhen motto, dogh vndantagandes de saker som kan [10] hendha emillan clöster förmännen, och kan wara emott¹¹ deres¹² [11] ordning, sådane saaker skall ærchiebiskopen slyta¹³ och förlii[12]ka¹⁴ munckerne emillan. Men igumen skall ransaka och dö[13]ma¹⁵ the gemene muncker vthi allahanda motto¹⁶.

[14] Till dett andra¹⁷. Huadh rättigheet som ærchiebiskopen i Nou[15]gorodh, hans namesnik, tiuni, domare, eller hans folck, [16] wladitzdiaker eller sofijsk¹⁸ präster härtill hafue hafst till [17] Walamo clöster för samma ränta eller pålaghor skall för(bemäl)d(e)¹⁹ [18] igumen och hans efsterkommande efter denne dagh al[19]deles frii²⁰ wara²¹. Iliika²² motto, skall Spask²³ [20] clöster på Walamo wara aldeles frii²⁰ för de vthlaghor²⁴ [21] som wåre namesniker på Nougorodh²⁵, deres tiuner ell[er]²⁶ [22] domare, och deres folck hafua bordhe, sasom och wara²⁷ [23] frii²⁰ för de vthfordringh häster som wåre namesniker²⁸, [24] deres tiuner eller domare och deres folck åhrlighen²⁹ [25] plegha hafswe widh Walamo clöster³⁰.

[26] Till det tridie³¹. Hafue wii³ och gunsteligen benådt, förbemälte³² [27] Spask clöster på Walamo, alla de clöster godh, sela, woloster³³ [28] och bijar³⁴ vthi wårt fädhernes ærfs Nougorodh³⁵ land i Wotz[29]ske³⁶ petiin³⁷, vthi Carelogorodh lähn, vthi Sackula pogosth, vt[hi]³⁸ [30] Rautus³⁹ pogosth, Kiriansko p(ogosth)⁴⁰, Sordowalsko pogosth, Ioma[nsko]⁴¹ [31] pogosth, och vthi Salmis pogosth⁴², i⁴³ Nötteborgh lähn vt[hi]⁴⁴ [32] Cuiwasko pogosth⁴⁵, förbiudhe fördenskul hermedh [wå][33]re⁴⁶ namesniker på Nougorodh, och namesniker på⁴⁷ [an][34]dre⁴⁷ befästhninger i Nougorodh herskap, och deres b[efal][35]ninghmän⁴⁸ och tiuner, att the icke göre någhot h[inder]⁴⁹ [36] eller⁵⁰ meen på förb(emäl)d(e)⁵¹ clösters selar och byers⁵² f[olck]⁵³ [37] hnär[cken]⁵⁴ (fol. [1 v.]) [1] hnärcken⁵⁵ opå theres rätt eller rättigheet i någhen motto [2] dogh vndantagandes⁵⁶ mandröp, råßboniker, sampt medh [3] alt det som när dem finnes⁵⁷. Igumen eller [4] hans befalninghmän skole allenosth döma clösthier folcket [5] och deß bönder vthi alla saaker⁵⁸. Och när så hendha [6] kan, at där blifver⁵⁹ twisth emillan wåres befästhningars [7] och clöster folcket, så skall derom ransakes⁶⁰ af bådhe siidhor⁶¹ [8] tilliika⁶²: således att wåre namesniker på Nougorodh och [9] namesnikerne på andre befästhninger, befalninghmän och [10] deres tiuner, sampt medh Spaß clösters igumen på [11] Walamo eller hans fullmechtige skole ransaka och döma [12] om den twisth som emillan deres folck wara kan⁶³. [13] Och när dett såledhes ransakat och dömt är, sedhan om [14] clösthier tienarne eller bönderne finnes oskyldighe⁶⁴ eller [15] skyldighe⁶⁵, så skall han andtwardas igumen

eller hans [16] befalninghman i wåldh, och han sielf skall straffa den [17] brotztlige⁶⁶. Men finnes någhen af wåre namesnikers tiena[18]re, på Nougorodh eller de tilliggiande⁶⁷ befästningers [19] folck skyldigh⁶⁸, så skall han antwardas wåre namesniker [20] i wold⁶⁹, och sammalunda⁷⁰ straffadhe blifswa⁷¹.

[21] Till dett fierde⁷². Och den som hafuer någhot at kla[22]gha opå sielfue igumen eller hans befalninghmän, så [23] skole wåre namesniker på Nougorod om sådane saker [24] ransaka och döma, men wåre namesnikers tiuner skole [25] inthet hafua macht till at döma, hnarcken igumenen [26] eller⁷³ hans befalninghmän vthi någhen motto⁷⁴.

[27] Till dett fempte⁷⁵. Men hnirken som klaghar opå [28] clöster tienarne eller deras landbönder, och kä[29]randen inke låther sigh åthnöya⁷⁶ medh den dom som [30] der fälles vthaf igumener⁷⁷ eller hans af hans befalningh[31]man⁷⁸, så skall käranden begäre wåre store herres⁷⁹ [32] och storfurstes prestafuer, eller wåre namesnikers [33] prästafuer på Nougorodh, och settia en stempne dagh för[1][34]oin⁸⁰ åhret, nemlighen trettonde dagh Jhul⁸¹, då skall [35] swaranden stempnes anthen till oþ, eller till wåre names[36]niker på Nougorodh, och ingen annan termin⁸² setties [37] men hnår så wore, att wåre prästafuer, eller wåre [38] namesnikers⁸³ (*fol. [2]*) [1] namesnikers prestafuer wele settie någhon annan termin⁸⁴, [2] den terminen⁸⁵ skall inthet achtet vthan blifue widh för(bemål)d(e)⁸⁶ [3] trettonde dagh Jhul⁸⁷.

[4] Till dett siette⁸⁸. Och den som will vthprafua vthaf swaran[5]den⁸⁹ saakören, vthan någhon rätt laglich dom, för dett [6] the hafue⁹⁰ försuttit den olaglige terminen⁹¹, då skall swa[7]randen wara aldeles frii²⁰ för samma saackörenn⁹².

[8] Till dett siuende⁹³. Hafue wii³ och gunsteligen benådt [9] Spaß clösters igumen samt hans medhbrödher på Wala[10]mo, at ingen vthaf wåre knäser, bajjorer, krichwoi[11]woder⁹⁴ eller någhon annan wägfarande må gosta widh [12] clöstret, eller hoß deres landbönder⁹⁵, och betunga dem [13] medh gästning, de skole inthet heller fördriste sigh [14] till at tagha af clöstret eller af deres landböndher, [15] hnårcken skiushestar, skiusbönder, eller kosthgärder [16] eller någhot annat, ehuadh⁹⁶ som helsth dett wara kan, [17] widh wår högste onådher tillgörandes, och alt det som af [18] någhrom taghit blifuer, thet skall han som det giordt [19] hafuer betala dubbelt igien, vthan någhen dom [20] eller endskylning⁹⁷.

[21] Till dett ottonde⁹⁸. Wii³ förbiudhe och hermedh wladikens [22] tijendhe opbördhman, och wladikens tienare⁹⁹, at the ingalunda [23] fördrista sigh till at dragha intill igumen i klöstret, ej [24] heller till kloster tienarne eller deres landbönder, [25] jeke¹⁰⁰ heller skole de tagha vthaf dem skiushäster, prowod[26]niker¹⁰¹, eller betunge dem medh någhen gestning wedh [27] lijfstraf¹⁰² tillgorandhes¹⁰³.

[28] Till dett niionde¹⁰⁴. Wii³ förbiudhe och hermedh wåre na[29]mesnikers¹⁰⁵ tienare och befalninghmän samt bajjore[s]¹⁰⁶ [30] tienare at dragha obudhne vthi klöster landböndernes¹⁰⁷ [31] gestebudh: kommer där någhen obudhin, så skall h[än][32]wijses¹⁰⁸ deruth, vthan någhott tilltal, och om han ic[ke]¹⁰⁹ut[33]gå¹⁰⁹ sin kos medh godha, och¹¹⁰ der blifuer någhot¹¹¹ p[redika][34]ment¹¹², och¹¹⁰ derigenom kunde skee skadha, så skall [den]¹¹³ [35] obudne gästen opretta all den skadhan igien, v[than]¹¹⁴ [36] nagen geenseijelße, och der ofuan opå skall den o[budne]¹¹⁵ [37] g[esten]¹¹⁶ (*fol. [2 v.]*) [1] g[esten] af oþ store herrer och¹¹⁷ storfurster strafuat blifue¹¹⁸.

[2] Till dett tiionde¹¹⁹. Iliika²² motto förbiude wii³ hermedh [3] wladinekernes¹²⁰, namesnikers¹²¹, befalninghmäns tienare [4] och alt annat folck som går om kring och tigger sin födho [5] till at komma till clöstret deß tienare eller land[6]bönder till at begäre sigh almose¹²².

[7] Och den som dette wårt förbudh bryter¹²³ eller öfuer [8] trädher, han skall af oþ store herrer¹²⁴, och storfurster [9] blifwe¹²⁵ strafsats till lijfsuet¹²⁶.

Datum¹²⁷ Muskou [10] anno¹²⁸ 7012¹²⁸ vthi aprilis¹²⁹ månadh¹³⁰.

[11] Walamo¹³¹ clösters [12] privilegier¹³².

Stockholm. Riksarkivet, Extranea. I. 156.1. Fr. TIDÖ-Saml. Копия XVII в. на двух нумерованных листах: Л. [1–2 об.]: 33 × (21+21+21+21).

Примечания к шведскому тексту* (I)

- ¹ Заглавная буква “J” написана перед началом строк 1–7 на левом поле и занимает в высоту 5,5 см; ее максимальная ширина на уровне 1-й и 6-й строк – 2,6 см; может быть прочтена также как “I”.
- ² Можно прочесть также “Rijßer”.
- ^{3, 3, 3, 3, 3, 3} Можно прочесть также “wij”.
- ⁴ Можно прочесть также “Iakima”.
- ⁵ Следующее за “efsterkommandhe” двоеточие может служить знаком пропуска какого-либо слова, например, предлога “i”, равного русскому “в”, употреблявшемуся в этом контексте.
- ⁶ Первое “o” исправлено из другой буквы – “a” или, скорее, “u” (над буквой сохранился диакритический знак, характерный для “u”). Третье “o” в ркп. пропущено; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- ⁷ Далее бо́льшая часть 6-й строки (14 см) оставлена чистой.
- ⁸ После “första” в ркп. стоит запятая.
- ⁹ В ркп. написано сокращенно: после “förb” поставлено двоеточие и над ним выносное “d”.
- ¹⁰ Буквы “er” несколько расплылись у края листа.
- ¹¹ На слове “emott” пятно (видимо, от плесени).
- ¹² Буквы “es” несколько расплылись у края листа.
- ¹³ Можно прочесть также “sljta”.
- ¹⁴ Можно прочесть также “förljka”.
- ¹⁵ На буквах “dö” и знаке переноса (=) пятно (видимо, от плесени).
- ¹⁶ Далее конец 13-й строки (3,7 см) оставлен чистым. Интервал между 13-й и 14-й строками равен 0,9–1 см, что больше обычного интерлиньяжа (0,5–0,6 см); ср. примеч. 30, 71, 74, 87, 92, 97, 103, 122.
- ¹⁷ После “andra” в ркп. стоит запятая.
- ¹⁸ Можно прочесть также “sofiisk”.
- ¹⁹ В ркп. написано сокращенно: после “fö” поставлено двоеточие и над ним выносное “d”.
- ^{20, 20, 20, 20} Можно прочесть также “frj”.
- ²¹ Далее часть строки (4,6 см) оставлена чистой.
- ^{22, 22} Можно прочесть также “iljka”.
- ²³ Бумага с правого края листа надорвана и загнута влево; размер загнутой и прикрытой частей 19-й строки равен 0,2 см; пропуска букв нет.
- ²⁴ Бумага с правого края листа надорвана и загнута влево; размер загнутой и прикрытой частей 20-й строки равен 0,3 см; пропуска букв нет.
- ²⁵ После слова “Nouгородh” в ркп. отсутствует запятая.
- ²⁶ Бумага с правого края листа надорвана и загнута влево; на загнутой и прикрытой частях 21-й строки (0,5 см) мбу. 1–2 буквы; в кв. ск. добавлено по смыслу и по аналогии с написанием слова “eller” выше, в 16-й строке, где буквы “er” занимают 0,45 см.
- ²⁷ Бумага с правого края листа надорвана и загнута влево; на загнутой и прикрытой частях 22-й строки (0,45 см) мбу. 1 буква, однако пропуска букв в сохранившемся тексте нет.
- ²⁸ Бумага с правого края листа надорвана и загнута влево; размер загнутой и прикрытой частей 23-й строки равен 0,2 см; здесь находилось, по-видимому, начало запятой, конец которой сохранился ниже (ср. аналогичную длинную запятую в конце 15-й строки, после слова “folck”).
- ²⁹ Бумага с правого края листа оборвана; недостающая часть 24-й строки составляет 0,05 см.
- ³⁰ Далее конец 25-й строки (4,35 см) оставлен чистым. Интервал между 25-й и 26-й строками равен 0,9–1 см, что больше обычного интерлиньяжа (0,5–0,6 см); ср. примеч. 16, 71, 74, 87, 92, 97, 103, 122.
- ³¹ После “tridie” в ркп. стоит запятая.
- ³² Буква “e” несколько расплылась у края листа.
- ³³ Буква “r” несколько расплылась у края листа.

* В примечаниях приняты следующие сокращения: кв. ск. – квадратные скобки; мбу. – могло бы (могла бы, могли бы) уместиться.

- 34 Можно прочесть также “biiaꝛ”. Буквы “i” и “j” написаны раздельно; поэтому чтение “byaꝛ” едва ли возможно.
- 35 Над “u” надстрочный знак, похожий на кружок.
- 36 После “Wotz” и знака переноса (=) бумага с правого края листа оборвана; недостающая часть 28-й строки равна 0,3 см.
- 37 Можно прочесть также “retijꝛ”.
- 38 После “vth” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 29-й строки (0,35 см) мбу. 1–2 буквы; от буквы “h” сохранилась только верхняя часть, далее текст утрачен; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 39 Надстрочный знак, относящийся ко второму “u”, находится над “t”.
- 40 В ркп. применено сокращенное написание типа суспензии: “p”.
- 41 После “Ioma” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 30-й строки (1,25 см) мбу. 4–5 букв; в кв. ск. добавлено на основании известных данных о существовании Иломанского погоста в Корельском уезде Водской пятины.
- 42 После “rogosth” в ркп. поставлена точка.
- 43 Заглавная буква “I” написана отступя на 1,1 см от предшествующей точки; обычные промежутки между словами намного меньше (0,3–0,6 см).
- 44 Бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 31-й строки (0,7 см) мбу. 1–2 буквы; от буквы “h” сохранились верхняя часть и самый кончик хвоста слева; между “vt” и “h” какой-то разрыв или смешение бумаги, характер которого по ксерокопии понять невозможно; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 45 Промежуток между запятой (или точкой?) и следующим словом “föribudhe”, равен 0,9 см, т.е. он больше обычного интервала в 2–3 раза. Оборот “i Nötteborgh lähn vthi Cuiwasko rogosth” был выделен из общего текста увеличенными интервалами с обеих сторон.
- 46 После “hermedh” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 32-й строки (1,45 см) мбу. 4 буквы; в число утраченных знаков входил, вероятно, и знак переноса; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 47–47 После “ra” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 33-й строки (1,4 см) мбу. 4 буквы; в число утраченных знаков входил кружок над буквой “a”, находившийся, видимо, правее от нее, как и в предыдущем предлоге “rā” в той же строке; кроме того, после “ap”, наверно, стоял знак переноса; в кв. ск. добавлено по аналогии с текстом 9-й строки л. 1 об.
- 48 После заглавного “B” бумага с правого края листа оборвана; правая сторона буквы “B” повреждена; на недостающей части 34-й строки (1,3 см) мбу. 4 буквы; в кв. ск. добавлено по аналогии с текстом 4-й строки л. 1 об.
- 49 После “h” и частично уцелевшего “i” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 35-й строки (1,5 см) мбу. 4–5 букв; от буквы “i” сохранилась только верхняя левая часть с точкой; над “hi” – окончание загнутого влево хвоста буквы “d”; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 50 На букве “r” отпечатались буква “p”, написанная, видимо, с большим нажимом на оборотной стороне листа в слове “prestafuer” (см. 37-ю строку на л. 1 об.).
- 51 В ркп. написано сокращенно: после “förb” поставлено двоеточие и над ним выносное “d” с точкой.
- 52 Можно прочесть также “bijers”.
- 53 После частично уцелевшей буквы “f” бумага с правой стороны листа оборвана; на недостающей части 36-й строки (1,55 см) мбу. 4–5 букв; от буквы “f” сохранилась только левая часть; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 54 После “r” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 37-й строки (1,55 см) мбу. 4–5 букв; в кв. ск. добавлено в соответствии с повторным написанием этого слова в 1-й строке л. 1 об. Слово “hnär[cken]” подчеркнуто угловой линией, наклонная часть которой перед “h” составляет 1,05 см, горизонтальная под “hnär” – 2,6 см. Большая часть 37-й строки, от левого поля до начала горизонтальной линии (12 см), оставлена чистой.
- 55 В обоих случаях написания слова “hnärcken” знак умляута над “a” представляет собой вертикальную извилистую линию, подобную той, которая в данной ркп. ставится обычно над “u”.
- 56 Между “a” и “g” короткая косая черточка, идущая сверху вниз в направлении справа налево.

- 57 Далее часть 3-й строки (3,5 см) оставлена чистой.
- 58 Далее часть 4-й строки (1,7 см) оставлена чистой.
- 59 Над “v” надстрочный знак в виде полукруга, открытого слева, подобный тому, который поставлен над “w” в слове “öfswer” во 2-й строке л. 1.
- 60 Над строкой правее второго “a” стоит точка.
- 61 Можно прочесть также “sijdhor”.
- 62 Можно прочесть также “tillijka”.
- 63 После “kan” в ркп. стоит запятая.
- 64 Можно прочесть также “oskijldighe”.
- 65 Можно прочесть также “skijldighe”.
- 66 Буква “o” размазана и может быть прочтена как “a”.
- 67 Конечное “e” исправлено, кажется, другими чернилами из другой буквы (“o”?) и имеет форму не готического, а латинского “e” (см. примеч. 79).
- 68 Можно прочесть также “skijldigh”.
- 69 Буква “o” написана сходно с “a”.
- 70 Отсутствие надстрочного знака над “u”, возможно, компенсируется загибающимся влево, вплоть до “u”, хвостом буквы “d”.
- 71 Над “v” надстрочный знак, типичный для “u”: вертикально направленная извилистая черта. Далее после точки часть 20-й строки (3,6 см) оставлена чистой. Интервал между 20-й и 21-й строками обычный (0,5–0,6 см), хотя с 21-й строки начинается новый пункт dispositio; ср. примеч. 16, 30, 74, 87, 92, 97, 102, 122.
- 72 Далее часть 21-й строки (1,15 см) оставлена чистой.
- 73 На втором “e” чернила расплылись.
- 74 После точки конец 26-й строки (1,8 см) оставлен чистым. Интервал между 26-й и 27-й строками равен 0,7–0,8 см, т.е. он немного больше обычного (0,5–0,6 см); ср. примеч. 16, 30, 71, 87, 92, 97, 102, 122.
- 75 После “fempte” в ркп. было поставлено двоеточие, но верхняя точка как будто зачеркнута короткой косой линией, идущей сверху вниз слева направо.
- 76 Можно прочесть также “äthhöjja” или “äthhöjia”.
- 77 В строке написано “igumer”, после чего поставлен выносной знак (:); этот же знак помещен над строкой правее “e” и после него написаны буквы “ne”. Судя по расположению надстрочного выносного знака, вставка букв “ne” должна быть сделана после строчного “e” и перед “r”.
- 78 После “h” в конце 30-й строки нет знака переноса, обычно употребляющегося в ркп.
- 79 Первое “e” исправлено из другой буквы другими чернилами и имеет вид не готического, а латинского “e” (ср. примеч. 67).
- 80 Буква “g” подправлена; после нее у правого края листа находится нижняя часть буквы, верхняя часть которой была, возможно, отрезана. Судя по фрагменту, это могла быть, скорее всего, буква “l” (буква “b” менее вероятна, поскольку тут нет типичного для нее хвостика с левой стороны); знак переноса отсутствует.
- 81 Можно прочесть также “Ihul”.
- 82 Написано с заглавной буквы (“Termin”) другим, латинизированным почерком (почерк II); готическими в этом слове являются только буквы “er”; ср. примеч. 84, 85, 91, 128–128, 129.
- 83 Слово “namesnikers” частично подчеркнуто угловой линией, наклонная часть которой перед “n” составляет 0,9 см, горизонтальная под “names” – 2,75 см. Большая часть 38-й строки, от левого поля до начала горизонтальной линии (10,75 м), оставлена чистой.
- 84 Слово “termin” написано другим, латинизированным почерком (почерк II); готической в этом слове является только буква “g”; ср. примеч. 82, 85, 91, 128–128, 129.
- 85 Написано почерком II; готической является только буква “g”; ср. примеч. 82, 84, 91, 128–128, 129.
- 86 В ркп. написано сокращенно: после “fög” поставлено двоеточие, над которым выносное “d”, сопровождаемое, в свою очередь, двоеточием.
- 87 Можно прочесть также “Ihul”; после точки большая часть строки (9,7 см) оставлена чистой. Интервал между 3-й и 4-й строками равен 0,6 см. Это немного больше, чем интерлиньяж между ближайшими соседними строками (0,4–0,5 см); ср. примеч. 16, 30, 71, 74, 92, 97, 103, 122.
- 88 После “siette” в ркп. стоит запятая.
- 89 Буквы “agan” и знак переноса (=) несколько расплылись у края листа.

- 90 Нижняя часть буквы “h” дополнена слева вертикальной чертой, которая соединила конец хвоста этой буквы с выступающим в середине началом ее верхней петли. Образовавшееся закрытое пространство заполнено тонкими точками в три ряда 1.2.1. (или 2.2.2.?).
- 91 Написано почерком II; готической является буква “r”; к готической манере по существу тяготеют и оба “e”, особенно первое; вместе с тем весь стиль письма – латинский. Над третьей ножкой “m” поставлена точка, что дает неверное чтение “terniinen”; ср. примеч. 82, 84, 85, 128–128, 129.
- 92 После точки конец 7-й строки (1,7 см) оставлен чистым. Интервал между 7-й и 8-й строками равен 0,7–0,8 см, что больше обычного интерлиньяжа (0,4–0,5 см); ср. примеч. 16, 30, 71, 74, 87, 97, 103, 122.
- 93 После “siuende” в ркп. нет никакого знака препинания.
- 94 Буквы “hwoi” написаны утолщенно – так, как будто из пера подтекали чернила.
- 95 Внутри “o” чернила расплылись.
- 96 Буква “d” подправлена или переправлена из другой буквы теми же чернилами.
- 97 Можно прочесть также “endskijlning”. После точки большая часть 20-й строки (10,7 см) оставлена чистой. Интервал между 20-й и 21-й строками равен 0,65–0,8 см, что больше интерлиньяжа между предыдущими строками (0,4–0,5 см); ср. примеч. 16, 30, 71, 74, 87, 92, 103, 122.
- 98 После “ottonde” в ркп. стоит запятая.
- 99 Первое “e” читается не вполне уверенно; в нижней части буквы чернила несколько расплылись, придавая ей сходство с “o”. Впрочем, видеть в этой букве “o”, открытое влево, довольно трудно.
- 100 Чтение не вполне уверенное, поскольку при “J” нет надстрочного знака, который ставился обычно справа; в то же время чтение “geke” едва ли возможно: головка буквы поднята над строкой выше, чем это наблюдается у “g”; м. б. “ieke” = “icke”?
- 101 Буквы “od” несколько расплылись у края листа. Знака переноса нет, видимо, потому что буква “d” вплотную подошла к краю листа.
- 102 Можно прочесть также “iifstraf” или “lyfstraf”; “i” напоминает большое “C”.
- 103 Далее после точки большая часть 27-й строки (10,1 см) оставлена чистой. Интервал между 27-й и 28-й строками равен 1–1,2 см, что значительно больше интерлиньяжа между предшествующими строками (0,6–0,7 см); ср. примеч. 16, 30, 71, 74, 87, 92, 97, 122.
- 104 Можно прочесть также “nijonde”.
- 105 После “na” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 28-й строки (0,35 см) мбу. 1 буква; здесь видны остатки знака переноса.
- 106 После “e” бумага с правого края листа оборвана; сохранился остаток левой части конечного “s”; на недостающей части 29-й строки (0,4 см) мбу. 1 буква; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 107 Бумага с правого края листа оборвана; на расстоянии 0,3 см от окончания слова “landböndernes” до места обрыва бумаги текста нет; на недостающей части 30-й строки (0,4 см) мбу. 1 буква, хотя по контексту трудно предположить, какая именно буква могла тут находиться и имелась ли она вообще. Мы предполагаем, что пропуска текста в этом месте не было.
- 108 Бумага с правого края листа оборвана; от буквы “h” сохранилась верхняя часть и кончик хвоста слева; на недостающей части 31-й строки (0,65 см) могли бы уместиться 2 буквы; в кв. ск. добавлено по смыслу; ср. современное “hänvisa” – отсылать.
- 109–109 Бумага с правого края листа оборвана; после букв “ic” по линии обрыва сохранилась левая сторона буквы, отождествляемой, скорее всего, с “k”; на недостающей части 32-й строки (1,4 см) мбу. 4–5 букв; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 110 Буква “o” исправлена как будто из другой буквы.
- 111 В ркп. надстрочный знак (кружок) поставлен не над “a”, а над “n”.
- 112 Бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 33-й строки (1,4 см) мбу. 4–5 букв; в кв. ск. добавлено по смыслу неуверенно.
- 113 Бумага с правого края листа оборвана; между концом слова “skall” и линией обрыва – 0,3 см; на недостающей части 34-й строки (1,3 см) мбу. 3–4 буквы; в кв. ск. добавлено по смыслу неуверенно.
- 114 После “v” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 35-й строки (1,45 см) мбу. 4–5 букв; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 115 Внутри буквы “o” чернила расплылись. После “o” бумага с правого края листа оборвана. Над “o” виден конец загнутого влево хвоста буквы “d”, основная часть которой не сохра-

- нилась. После “o” на линии обрыва – остаток спинки буквы (скорее всего, “b”). На недостающей части 36-й строки (1,5 см) мбу. 4–5 букв; в кв. ск. добавлено по смыслу.
- 116 После “g” и сохранившейся частично левой черточки готического “e” бумага с правого края листа оборвана; на недостающей части 37-й строки (1,5 см) мбу. 5 букв; в кв. ск. добавлено в соответствии с повторным написанием слова “gesten” в 1-й строке л. 2 об. Слово “g[esten]” подчеркнуто угловой чертой, наклонная часть которой составляет 1,1 см, горизонтальная – 1,55 см (до обрыва бумаги с правого края листа). Большая часть 37-й строки, от левого поля до начала горизонтальной черты (12,9 см), оставлена чистой.
- 117 Буква “c” подправлена или исправлена из другой буквы.
- 118 Последняя буква не вполне ясна: две косые черточки, образующие готическое “e”, расплылись и слились у края листа.
- 119 Можно прочесть также “tjonde”.
- 120 Буква “i” исправлена из другой буквы (“a”?) тем же почерком. После слова “wladinek-etes” в ркп. запятой нет.
- 121 После слова “namesnikers” в ркп. запятой нет.
- 122 После точки конец строки (5,75 см) оставлен чистым. Интервал между 6-й и 7-й строками такой же, как в соседних строках сверху и снизу (0,5–0,7 см); ср. примеч. 16, 30, 71, 74, 87, 92, 97, 103.
- 123 Можно прочесть также “brijter”.
- 124 Предпоследняя буква (“e”?) написана мелко, расплылась и читается, скорее, как “a”, а не “e”. Чтение уточнено по более четкому написанию этого слова в 1-й строке л. 2 об.
- 125 Над “w” надстрочный знак, характерный для “u” (вертикально-извилистая черта).
- 126 Можно также прочесть также “lijfuet”. После точки интервал в 0,7 см перед словом “Datum”.
- 127 Написано особым почерком, не тождественным основному (почерк I) и уже отмечавшемуся латинизированному (почерк II, см. примеч. 82, 84, 85, 91, 128–128, 129). Обозначим этот почерк как Ia. В отличие от почерка II, он прямой, а не наклонный. Буква “d” в нем – готическая, остальные – латинские, хотя над “u”, в соответствии с готической манерой, поставлен надстрочный знак.
- 128–128 Слова “Anno 7012” написаны почерком II; ср. примеч. 82, 84, 85, 91, 129.
- 129 Слово “Aprilis” написано почерком II; ср. примеч. 82, 84, 85, 91, 128–128.
- 130 После слова “månadh” не поставлено ни точки, ни другого знака препинания. Конец 10-й строки (4,95 см) оставлен чистым.
- 131 Буква “o” подчеркнута короткой косой чертой.
- 131–132 Написано в середине л. 2 об. как будто почерком основного текста (почерк I), отступая на 9 см от его последней, 10-й строки, при этом слово “Walamo” начинается в 8,45 см от левого края листа, а слово “clösters” оканчивается в 6,9 см от правого края листа. Слово “privilegier” находится в 9,8 см от левого края листа. Точка, поставленная после знака завершения текста (см. примеч. 132), отстоит от правого края листа на 7,3 см. Интервал между 11-й и 12-й строками – 0,8–0,85 см.
- 132 Буквы “iv” исправлены из других букв более темными чернилами и, возможно, другим почерком. После слова “privilegier” поставлен орнаментальный знак окончания текста, похожий на готическое “g” и сопровождаемый точкой.

Указатель-словник к шведскому тексту* (I)

- achtес (2:2)
 ærchiebiskopen (1:7; 1:11; 1:14)
 ærfs (1:5; 1:28)
 af (1:5; 1v:7; 1v:17; 1v:30; 2:14; 2:14; 2:17; 2v:1; 2v:8)
 aldeles (1:18–19; 1:20; 2:7)
 all (2:35)
 alla (1:2; 1:3; 1:27; 1v:5)
 allahanda (1:13)
 allenosth (1v:4)
 almose (2v:6)
 alt (1v:3; 2:17; 2v:4)
 andra (1:14)
 [an]dre (1:33–34)
 andre (1v:9)
 andtwardas (1v:15)
 annan (1v:36; 2:1; 2:11)
 annat (2:16; 2v:4)
 anno (2v:10)
 anthen (1v:35)
 antwardas (1v:19)
 aprilis (2v:10)
 at (1:7; 1:8; 1v:6; 1v:21; 1v:25; 2:10; 2:14; 2:22; 2:23; 2:30; 2v:5; 2v:6)
 att (1:35; 1v:8; 1v:37)
- baijorer** (2:10)
 baijore[s] (2:29)
 befalninghman (1v:16; 1v:30–31)
 befalninghmän (1v:4; 1v:9; 1v:22; 1v:26; 2:29)
 b[e]fal]ninghmän (1:34–35)
 befalninghmäns (2v:3)
 befästhningars (1v:6)
 befästhninger (1:34; 1v:9)
 befästhningers (1v:18)
 begäre (1v:31; 2v:6)
 benådt (1:3; 1:26; 2:8)
 betala (2:19)
 betunga (2:12)
 betunge (2:26)
 bijar (1:28)
 blifsva (1v:20)
 blifue (2:2; 2v:1)
 blifuer (2:18; 2:33)
 blifver (1v:6)
 blifwe (2v:9)
 bordhe (1:22)
 brotzigle (1v:17)
 bryter (2v:7)
 byers (1:36)
 bådhe (1v:7)
- bönder (1v:5)
 bönderne (1v:14)
- Carelogorodh** (1:29)
 clostret (2v:5)
 clöster (1:4; 1:10; 1:17; 1:20; 1:25; 1:27; 1:27; 1v:7; 1v:28)
 clösters (1:36; 1v:10; 2:9; 2v:11)
 clösthër (1v:4; 1v:14)
 clöstret (2:12; 2:14)
 Cuiwasko (1:32)
- dagh (1:18; 1v:33; 1v:34; 2:3)
 datum (2v:9)
 de (1:9; 1:20; 1:23; 1:27; 1v:18; 2:13; 2:25)
 dem (1v:3; 2:12; 2:25; 2:26)
 [den] (2:34)
 den (1v:12; 1v:16; 1v:21; 1v:29; 2:2; 2:4; 2:6; 2:35; 2:36; 2v:7)
 denne (1:18)
 der (1v:30; 2:33; 2:36)
 deras (1v:28)
 deres (1:10; 1:21; 1:22; 1:24; 1:24; 1:34; 1v:10; 1v:12; 2:12; 2:14; 2:24)
 derigenom (2:34)
 derom (1v:7)
 deruth (2:32)
 deß (1v:5; 2v:5)
 det (1:7; 1:26; 1v:3; 2:17; 2:18; 2:21)
 dett (1:14; 1v:13; 1v:21; 1v:27; 2:4; 2:5; 2:8; 2:16; 2:28; 2v:2)
 dette (2v:7)
 dogh (1:9; 1v:2)
 dom (1v:29; 2:5; 2:19)
 domare (1:15; 1:22; 1:24)
 dragha (2:23; 2:30)
 dubbelt (2:19)
 då (1v:34; 2:6)
 där (1v:6; 2:31)
 döma (1:8; 1:12–13; 1v:4; 1v:11; 1v:24; 1v:25)
 dömpft (1v:13)
- efsterkommande (1:18)
 efsterkommandhe (1:4)
 efter (1:18)
 ehuadh (2:16)
 eigit (1:5)
 eij (2:23)
 ell[er] (1:21)
 eller (1:8; 1:15; 1:16; 1:17; 1:24; 1:36; 1v:1; 1v:3; 1v:11; 1v:14; 1v:14; 1v:15; 1v:18; 1v:22; 1v:26;

* В словнике приводятся в порядке шведского алфавита все встречающиеся в тексте грамоты слова, причем каждый вариант написания одного и того же слова дается как отдельная статья. После слова указываются сначала номер листа, затем – через двоеточие – номер строки, где находится приводимое слово.

1v:28; 1v:30; 1v:32; 1v:35; 1v:37; 2:11; 2:12;
 2:14; 2:15; 2:16; 2:20; 2:24; 2:26; 2v:5; 2v:7)
 emillan (1:10; 1:12; 1v:6; 1v:12)
 emott (1:10)
 en (1v:33)
 endskylning (2:20)

 fempte (1v:27)
 fierde (1v:21)
 finnes (1v:3; 1v:14; 1v:17)
 f[olck] (1:36)
 folck (1:15; 1:22; 1:24; 1v:12; 1v:19; 2v:4)
 folcket (1v:4; 1v:7)
 frii (1:19; 1:20; 1:23; 2:7)
 fullmechtige (1v:11)
 fädhernes (1:5; 1:28)
 fälles (1v:30)
 födho (2v:4)
 för (1:17; 1:20; 1:23; 2:5; 2:7)
 för(bemäl)d(e) (1:17; 2:2)
 förb(emäl)d(e) (1:8; 1:36)
 förbemälte (1:26)
 för[.]join (1v:33–34)
 förbiude (2v:2)
 förbiudhe (1:32; 2:21; 2:28)
 förbudh (2v:7)
 fördenskull (1:32)
 fördrista (2:23)
 fördriste (2:13)
 förlliika (1:11–12)
 förmännen (1:10)
 förste (1:7)
 försuttit (2:6)

 geenseijelße (2:36)
 gemene (1:13)
 gestebudh (2:31)
 g[esten] (2:37)
 gesten (2v:1)
 gesthning (2:26)
 giordt (2:18)
 godh (1:27)
 godha (2:33)
 gosta (2:11)
 gunsteligen (1:3; 1:26; 2:8)
 går (2v:4)
 gästen (2:35)
 gästhning (2:13)
 göre (1:35)

 hafst (1:16)
 hafswe (1:25)
 hafua (1:7; 1:22; 1v:25)
 hafue (1:3; 1:16; 1:26; 2:6; 2:8)
 hafuer (1v:21; 2:19)
 han (1v:15; 1v:16; 1v:19; 2:18; 2:32; 2v:8)
 hans (1:8; 1:15; 1:15; 1:18; 1v:4; 1v:11; 1v:15;
 1v:22; 1v:26; 1v:30; 1v:30; 2:9)
 heller (2:13; 2:24; 2:25)
 helsth (2:16)

hendha (1:10; 1v:5)
 hermedh (1:32; 2:21; 2:28; 2v:2)
 herre (1:1)
 herrer (2v:1; 2v:8)
 herres (1v:31)
 herskap (1:34)
 h[inder] (1:35)
 hnarcken (1v:25)
 hnirken (1v:27)
 hnär (1v:37)
 hnär[cken] (1:37)
 hnärcken (1v:1; 2:15)
 hoß (2:12)
 huadh (1:14)
 h[än]wijses (2:31–32)
 härtill (1:16)
 häster (1:23)
 högste (2:17)

 i (1:7; 1:14; 1:28; 1:31; 1:34; 1v:1; 1v:16; 1v:20;
 2:23)
 ic[ke] (2:32)
 icke (1:35)
 igien (2:19; 2:35)
 igumen (1:3; 1:8; 1:12; 1:18; 1v:3; 1v:10; 1v:15;
 1v:22; 2:9; 2:23)
 igumenen (1v:25)
 igumener (1v:30)
 iliika (1:19; 2v:2)
 Iloma[nsko] (1:30)
 ingalunda (2:22)
 ingen (1v:36; 2:10)
 inke (1v:29)
 inthet (1:7; 1v:25; 2:2; 2:13)
 intill (2:23)
 Iwan (1:1)
 Iwanowitz (1:2)

 jagh (1:1)
 Jakima (1:3)
 jeke (2:25)
 Jhul (1v:34; 2:3)

 kan (1:9; 1:10; 1v:6; 1v:12; 2:16)
 Kiriansko (1:30)
 klagha (1v:21–22)
 klaghar (1v:27)
 kloster (2:24)
 klöster (2:30)
 klöstret (2:23)
 knäser (2:10)
 komma (2v:5)
 kommer (2:31)
 kos (2:33)
 kosthgärder (2:15)
 krighwoiwoder (2:10–11)
 kring (2v:4)
 kunde (2:34)
 käranden (1v:28–29; 1v:31)

laglich (2:5)
 land (1:6; 1:28)
 landbönder (1v:28; 2:12; 2:24; 2v:5–6)
 landböndernes (2:30)
 landböndher (2:14)
 liifsuet (2v:9)
 lijfstraf (2:27)
 låther (1v:29)
 lähn (1:29; 1:31)

macht (1:8; 1v:25)
 mandrâp (1v:2)
 medbröder (1:8)
 medbrödher (1:4)
 medh (1:4; 1v:2; 1v:10; 1v:29; 2:13; 2:26; 2:33)
 medhbödher (2:9)
 meen (1:36)
 men (1:12; 1v:17; 1v:24; 1v:27; 1v:37)
 min (1:2)
 motto (1:9; 1:13; 1:19; 1v:1; 1v:26; 2v:2)
 muncker (1:13)
 munckerne (1:12)
 Muskou (2v:9)
 nã (2:11)
 månadh (2v:10)

nagen (2:36)
 namesnik (1:15)
 namesniker (1:21; 1:23; 1:33; 1:33; 1v:8; 1v:19;
 1v:23; 1v:35–36)
 namesnikerne (1v:9)
 namesnikers (1v:17; 1v:24; 1v:32; 1v:38; 2:1;
 2:28–29; 2v:3)
 nemlighen (1v:34)
 niionde (2:28)
 Nougorod (1v:23)
 Nougor[odh] (1:5)
 Nougorodh (1:7; 1:14–15; 1:21; 1v:8; 1v:18; 1v:33;
 1v:36)
 Noúgorodh (1:28; 1:33; 1:34)
 någhen (1:9; 1v:1; 1v:17; 1v:26; 2:19; 2:26; 2:31)
 någhon (2:1; 2:5; 2:11)
 någhot (1:35; 1v:21; 2:16; 2:33)
 någhott (2:32)
 någhrom (2:18)
 när (1v:3; 1v:13)
 närså (1v:5)
 Nötteborgh (1:31)

obudhin (2:31)
 obudhne (2:30)
 o[budne] (2:36)
 obudne (2:35)
 och (1:1; 1:2; 1:4; 1:10; 1:11; 1:12; 1:18; 1:22; 1:22;
 1:24; 1:26; 1:28; 1:31; 1:33; 1:34; 1:35; 1:36;
 1v:5; 1v:5; 1v:7; 1v:8; 1v:9; 1v:11; 1v:13; 1v:13;
 1v:16; 1v:20; 1v:21; 1v:24; 1v:28; 1v:32; 1v:33;
 1v:36; 2:4; 2:8; 2:12; 2:17; 2:21; 2:22; 2:28; 2:29;
 2:32; 2:33; 2:34; 2:36; 2v:1; 2v:4; 2v:4; 2v:7;
 2v:8)

ofuan (2:36)
 olaglige (2:6)
 om (1v:12; 1v:13; 1v:23; 2:32; 2v:4)
 onådher (2:17)
 opbördhman (2:22)
 oppretta (2:35)
 opå (1v:1; 1v:22; 1v:27; 2:36)
 ordning (1:11)
 oskyldighe (1v:14)
 oþ (1v:35; 2v:1; 2v:8)
 ottonde (2:21)

petiin (1:29)
 plegha (1:25)
 p(ogosth) (1:30)
 pogosth (1:29; 1:30; 1:30; 1:31; 1:31; 1:32)
 p[redika]ment (2:33–34)
 prestafuer (1v:32; 2:1)
 privilegier (2v:12)
 prowodniker (2:25–26)
 prästafuer (1v:33; 1v:37)
 präster (1:16)
 på (1:5; 1:20; 1:21; 1:27; 1:33; 1:33; 1:36; 1v:8; 1v:9;
 1v:10; 1v:18; 1v:23; 1v:33; 1v:36; 2:9)
 pålaghor (1:17)

ransaka (1:12; 1v:11; 1v:24)
 ransakat (1v:13)
 ransakes (1v:7)
 Rautus (1:30)
 Ryßer (1:2; 1:3)
 råßboniker (1v:2)
 ränta (1:17),
 rätt (1v:1; 2:5)
 rättigheet (1:14; 1v:1)

saackörenn (2:7)
 saaker (1:11; 1v:5)
 saakören (2:5)
 Sackula (1:29)
 saker (1:9; 1v:23)
 Salmis (1:31)
 samma (1:17; 2:7)
 sammalunda (1v:20)
 samnt (2:9)
 sampt (1v:2; 1v:10; 2:29)
 sasom (1:22)
 sedhan (1v:13)
 sela (1:27)
 selar (1:36)
 settia (1v:33)
 settie (2:1)
 setties (1v:36)
 sielf (1v:16)
 sielfue (1v:22)
 siette (2:4)
 sigh (1v:29; 2:13; 2:23; 2v:6)
 siidhor (1v:7)
 sin (2:33; 2v:4)
 sine (1:4)

- siuende (2:8)
 skadha (2:34)
 skadhan (2:35)
 skall (1:7; 1:11; 1:12; 1:17; 1:19; 1v:7; 1v:15; 1v:16;
 1v:19; 1v:31; 1v:34; 2:2; 2:6; 2:18; 2:31; 2:34;
 2:36; 2v:8)
 skee (2:34)
 skiusbönder (2:15)
 skiushestar (2:15)
 skiushäster (2:25)
 skole (1v:4; 1v:11; 1v:23; 1v:24; 2:13; 2:25)
 skyldigh (1v:19)
 skyldighe (1v:15)
 slyta (1:11)
 sofijsk (1:16)
 som (1:9; 1:14; 1:21; 1:23; 1v:3; 1v:12; 1v:21; 1v:27;
 2:4; 2:16; 2:17; 2:18; 2v:4; 2v:7)
 son (1:2; 1v:29)
 Sordowalsko (1:30)
 Spask (1:19; 1:27)
 Spaß (1:4; 1v:10; 2:9)
 stempne (1v:33)
 stempnes (1v:35)
 store (1:1; 1v:31; 2v:1; 2v:8)
 storfurste (1:1; 1:2)
 storfurster (2v:1; 2v:8)
 storfurstes (1v:32)
 straffa (1v:16)
 straffadhe (1v:20)
 strafsats (2v:9)
 strafuat (2v:1)
 swaranden (1v:35; 2:4–5; 2:6–7)
 så (1v:7; 1v:15; 1v:19; 1v:22; 1v:31; 1v:37; 2:31;
 2:34)
 sådane (1:11; 1v:23)
 således (1v:8)
 såledhes (1v:13)
- tagha (2:14; 2:25)
 taghit (2:18)
 termin (1v:36; 2:1)
 terminen (2:2; 2:6)
 the (1:13; 1:35; 2:6; 2:22)
 theres (1v:1)
 thet (2:18)
 tienare (1v:17–18; 2:22; 2:29; 2:30; 2v:3; 2v:5)
 tienarne (1v:14; 1v:28; 2:24)
 tigger (2v:4)
 tiionde (2v:2)
 tijendhe (2:22)
 till (1:7; 1:8; 1:14; 1:16; 1:26; 1v:21; 1v:25; 1v:27;
 1v:35; 1v:35; 2:4; 2:8; 2:14; 2:21; 2:23; 2:24;
 2:28; 2v:2; 2v:5; 2v:5; 2v:6; 2v:9)
 tillgorandhes (2:27)
 tillgörandes (2:17)
 tilligiande (1v:18)
- tilliika (1v:8)
 tilltal (2:32)
 tiuner (1:21; 1:24; 1:35; 1v:10; 1v:24)
 tiuni (1:15)
 trettonde (1v:34; 2:3)
 tridie (1:26)
 trädher (2v:8)
 twisth (1v:6; 1v:12)
- [ut]gå (2:32–33)
- vndantagandes (1:9; 1v:2)
 vthaf (1v:30; 2:4; 2:10; 2:25)
 v[than] (2:35)
 vthan (2:2; 2:5; 2:19; 2:32)
 vthfordringh (1:23)
 vt[hi] (1:29; 1:31)
 vthi (1:5; 1:9; 1:13; 1:28; 1:29; 1:29; 1:31; 1v:5;
 1v:26; 2:30; 2v:10)
 vthlaghor (1:20)
 vthprafua (2:4)
- Walamo (1:5; 1:17; 1:20; 1:25; 1:27; 1v:11; 2:9–10;
 2v:11)
 wara (1:10; 1:19; 1:20; 1:22; 1v:12; 2:7; 2:16)
 Wasili (1:2)
 Wasiliewitz (1:1)
 wedh (2:26)
 wele (2:1)
 widh (1:25; 2:2; 2:11; 2:17)
 wii (1:3; 1:26; 2:8; 2:21; 2:28; 2v:2)
 will (2:4)
 wladikens (2:21; 2:22)
 wladinekernes (2v:3)
 wladitzdiaker (1:16)
 wold (1v:20)
 woloster (1:27)
 wore (1v:37)
 Wotzske (1:28–29)
 wåldh (1v:16)
 wår (2:17)
 [wå]re (1:32–33)
 wåre (1:21; 1:23; 1v:8; 1v:17; 1v:19; 1v:23; 1v:24;
 1v:31; 1v:32; 1v:35; 1v:37; 1v:37; 2:10; 2:28)
 wåres (1v:6)
 wårt (1:5; 1:28; 2v:7)
 wågfara (2:11)
- åhret (1v:34)
 åhrlighen (1:24)
 åthnöya (1v:29)
- är (1v:13)
- öfswer (1:2)
 öfuer (1:8; 2v:7)
 öfwer (1:1)
 7012 (2v:10)

II. Перевод шведского текста

Я, великий¹ государь¹ и великий князь Иван Васильевич всяя Руси, и мой сын, великий князь Василий Иванович всяя Руси, мы милостиво пожаловали игумена Якима с его братьями, и того, кто будет после него в Спасском монастыре на Валааме, в нашей наследственной вотчине, Новгородской земле.

Первое². Пусть архиепископ Новгородский не имеет власти судить вышеназванного игумена и его братьев ни в каком деле, кроме³ тех дел, которые могут случиться между начальствующими в монастыре, и тех дел, которые могут быть направлены против их порядка: такие дела должен решать архиепископ и примирять монахов между собой³. Однако рядовых монахов должен ведать и судить во всех делах игумен.

Второе. Отныне вышеназванный игумен и тот, что будет после него, полностью освобождаются от пошрины, которую брали с Валаамского монастыря в качестве оброка или налога новгородский архиепископ, его наместник, тиуны, судья⁴, его люди, владычные дьяки и софийские священники. Таким же образом Спасский монастырь на Валааме должен быть полностью освобожден от налога, который с него брали наши новгородские наместники, их тиуны, или судьи, и их люди. Также он должен быть свободен от обязанности содержать коней, которых наши наместники, их тиуны, или судьи, и их люди имели обыкновение ежегодно ставить на прокорм в Валаамском монастыре.

Третье. Мы также милостиво пожаловали вышеназванный Спасский монастырь на Валааме, все его имения – села, волости и деревни – в нашей наследственной вотчине, Новгородской земле, в Водской пятине, в Карелогородском уезде в Сакульском погосте, в Равдужском погосте, Кирьянском погосте, Иломанском погосте и в Салмижском погосте, в Ореховском уезде в Куйвошском погосте, и сим запретили мы нашим новгородским наместникам и наместникам других крепостей Новгородской державы и их волостелям и тиунам чинить препятствия и наносить вред населению сел и деревень вышеназванного монастыря и судить их в каких бы то ни было делах, кроме убийства и разбоя с поличным. Игумен или его приказчики должны судить монастырских людей и крестьян во всех делах. Если же случится тяжба между нашими волостными и монастырскими людьми, то она должна расследоваться обеими сторонами совместно, т.е. наши новгородские наместники и наместники других крепостей, волостели и их тиуны должны расследовать и судить вместе с игуменом Валаамского монастыря, когда происходит тяжба между их людьми. После⁵ того, как дело расследовано и суд состоялся⁵, монастырский человек, правый ли он или виноватый, должен быть передан под власть игумена, который сам и наказывает преступника. Но если виновным окажется человек наших новгородских или пригородских наместников, то он должен передаваться под их власть, и они тоже сами его наказывают.

Четвертое. Если кто возбудит иск против самого игумена или его приказчиков, то эти дела должны расследовать и судить наши наместники новгородские, а тиуны наших наместников не должны судить ни игумена, ни его приказчиков ни в каком деле.

Пятое. Если кто учинит иск против монастырского человека или крестьянина и⁶ не удовлетворится приговором, который вынесут игумен или его приказчик⁶, то такой истец должен просить себе нашего, великих князей, или наших новгородских наместников пристава, и тот устанавливает для них срок – один день в году, а именно 13-й⁷ день после Рождества⁷, и ответчик должен стать на этот срок перед нами или перед нашими новгородскими наместниками. А наш пристав или наместников наших пристав никакой другой срок им не устанавливает, кроме вышеупомянутого 13-го дня после Рождества.

Шестое. Если кто при отсутствии ответчика получит судебный приговор в незаконный срок, то ответчик полностью свободен от его выполнения.

Седьмое. Мы также милостиво пожаловали игумена Спасского Валаамского монастыря с его собратьями. Никто из наших князей, бояр, ратных воевод и никакие другие ездоки не ставятся в монастыре и у их крестьян на постой. Они не должны ничего требовать от монастыря и его крестьян, ни подвод, ни проводников, ни кормов и ничего другого. А если кто у них остановится, то тому быть от нас в большой немилости. Тот, кто у них что-нибудь возьмет, заплатит вдвое без суда и следствия.

Восьмое. Сим запретили мы также владычным сборщикам десятины и владычным людям приезжать к игумену в монастырь и к их монастырским людям и крестьянам, требовать у них подводы, проводников; также⁸ и постоями обременять их не велели под угрозой полагающейся за это смертной казни⁸.

Девятое. Сим запретили мы также людям наших наместников и волостелей, и боярским людям приходиться незванными к монастырским крестьянам на пиры⁹. Если кто придет к ним незван, то они его безнаказанно вышлют вон. Если же он не уйдет добровольно, и случится там какая-нибудь пропажа, то незванный гость должен будет оплатить весь ущерб без всякого возражения, а от нас, великих государей и великих князей, он понесет наказание.

Десятое. Равным образом, сим запретили мы владычным людям, а также людям наместников и волостелей, и всем другим людям, которые¹⁰ ходят и просят на пропитание¹⁰, приходиться к монастырским людям и крестьянам просить милостыню.

А кто этот наш запрет нарушит и поступит вопреки ему, тот будет от нас, великих государей и великих князей, наказан смертной¹¹ казнью¹¹.

Дано на Москве в 7012 году, в апреле месяце.

Ниже: Привилегия Валаамского монастыря.

Примечания к переводу (II)

¹⁻¹ Титул “великий государь” (или “великий господин”) в великокняжеских жалованных грамотах русским монастырям рубежа XV–XVI вв. не встречается. Правда, в договоре Пскова с Ливонским орде-ном 1503 г. Иван III назван “великим государем”: “По воле божией и по указу великого государя царя Русского Ивана”. В данном случае мы имеем дело опять-таки с переводом, а не с оригинальным русским текстом. Договор дошел в виде экземпляра на немецком языке, где говорится: “Nach Gottes willen und na des groten herren geheyte des Russischen keyssers Iwane” (ГВНП. № 347. С. 331–332). В двух жалованных грамотах Василия III 1510 г. псковским монастырям употреблен титул “царь и государь всеа Русии”, но не “великий государь” (см.: *Кауштанов С.М., Робинсон А.Н.* Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // ЗОР ГБЛ М., 1961. Вып. 24. С. 252, 255. № 1, 2). Интитуляция этих актов не типична для жалованных грамот начала XVI в., в которых, как правило, отсутствуют титулы “царь” и “государь”. В грамоте Василия III Валаамскому монастырю 1507 г. употреблен обычный титул: “князь великий Василий Иванович всеа Русии” (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 255. Стб. 1095–1097). Нет титула “великий государь” и в подтверждении этой грамоты, сделанном в 1534 г. от имени Ивана IV, а также в двух известных грамотах последнего Валаамскому монастырю – 1540 и 1578 гг. (Там же. № 256. Стб. 1097–1099; РИБ. Пг., 1915. Т. 32. № 279. Стб. 552–558; см.: *Кауштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. [Часть 1] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 356. № 416; То же. Часть 2 // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 188. № 1042). Титул “великий государь” появляется в валаамских грамотах впервые при ц. Федоре Ивановиче. В его грамоте от 18 ноября 1597 г. говорится: “Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии...” (ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 142. С. 235–236). Позднее титул “великий государь” находим в подтверждении ц. Алексея Михайловича от 5 марта 1649 г. к грамоте Ивана IV 1578 г. (РИБ. Т. 32. № 279. Стб. 557). В предшествующих подтверждениях этой грамоты, относящихся к 1585, 1597, 1598 и 1616 гг., титула “великий государь” нет (Там же. Стб. 555–557). Что касается публикуемой жалованной грамоты 1504 г., то наличие в шведском переводе титула “великий государь” может объясняться двояко. С одной стороны, допустимо предположение, что переводчик имел в своем распоряжении не оригинал грамоты, а более позднюю копию (конца XVI или XVII в.), где титул был поновлен. С другой стороны, нельзя исключать и возможность новаций со стороны самого перево-

дчика, знакомого с современной ему титулатурой русского государя, особенно той, которая употреблялась в дипломатических документах.

² Нумерация разделов *dispositio* грамоты принадлежит, конечно, переводчику. В русском оригинале ее быть не могло.

³⁻³ Это необычное для жалованных грамот постановление, вероятно, связано с переосмыслением переводчиком выражения “опричь духовных вещей” (см., например: АИ. СПб., 1841. Т. I. № 111. С. 164) или “опричь духовных дел” (см., например: ДАИ. Т. I. № 48. С. 67).

⁴ Термин “судья” (*domare*) шведский переводчик употребляет в качестве пояснения к термину “тиун”. В оригинале грамоты слова “судья” или “судьи” в этом контексте быть не могло.

⁵⁻⁵ Толкование переводчика. Едва ли подобное указание имелось в русском тексте.

⁶⁻⁶ О первичном суде игумена в случаях иска посторонних лиц против монастырских крестьян жалованные грамоты обычно не говорят. Вместе с тем в жалованной грамоте 1532 г. новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю Василий III предоставил игумену право “суда с верой”: “... дали есмя ему суд свой с верою: кому будет каково дело до крестьян Святаго Спаса, и он их позывает перед игумена приставом монастырским, а ехати ему с приставною с игуменовою, а наместником нашим новгородским и пригородским наместником, и дворецкому, и конюшему, и волостелем, и их тиуном тех крестьян монастырских не судить ни проежжим судом, ни приставом наместничим и дворецкаго, и конюшего, ни волостелинним тех крестьян на поруку не давать, опричь одного душегубства” (*Амвросий. История российской иерархии*. М., 1815. Ч. 6, полумот 2. С. 630–631). Срок вызова в суд – наместничий или великокняжеский – в грамоте установлен не был, хотя в ней и говорилось, что в случае, если наместничий или других новгородских властей пристав “на тех крестьян на монастырских накинёт срок силно, и яз, князь великий, к тем срокам ездити им не велел” (Там же. С. 631). “Суд с верой” означал, следовательно, что посторонний человек, выдвигая иск против монастырского крестьянина, мог обратиться к игумену как судебной инстанции, уполномоченной рассматривать и разрешать тяжбы монастырских крестьян с посторонними людьми. Правда, это должны были быть люди, не подлежащие юрисдикции новгородских властей, которые имели право участия в смешанном суде при возникновении споров монастырских крестьян “с городскими людьми или с волостными” (Там же. С. 631–632). Право “суда с верой” значительно расширяло судебные полномочия монастыря и угрожало юрисдикции наместников и других новгородских властей. Поэтому в грамоту было включено специальное предупреждение против возможного злоупотребления игумена своей властью в ущерб местной администрации: “А игумену с братиею иных крестьян, опричь своих монастырских, сею моею грамотою от суда не отнимати у наших наместников, ни у дворецкаго, ни у конюшаго, ни у волостелей, ни в заклад их себе не принимать” (Там же. С. 632).

“Суд с верой” был, по-видимому, весьма архаичным институтом. В грамоте ярославского князя Василия Давидовича 20-х годов XIV в. Спасскому Ярославскому монастырю имелась статья, запрещавшая местной администрации вызывать монастырских крестьян в суд при помощи своих агентов. Вызов осуществлялся только через игумена: “А судьи мои вси, наместницы и тиунии, не шлют дворян своих по люди святого Спаса, но шлют ко игумену, а игумен шлет по них своих людей” (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 190. С. 204; ср.: *Капитанов С.М.* Местное управление и феодальное землевладение в России XIV века // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2000. С. 302). Соотношение ярославского правила с хутынским не вполне ясно, поскольку в грамоте Василия Давидовича вопрос об “исковых” делах посторонних лиц, не подлежащих наместничьей юрисдикции, специально не рассматривается.

⁷⁻⁷ Так могло быть переосмыслено с точки зрения западной хронологии выражение “по Крещенье в той же день” или “по Крещенье Христове в той же день”. Имелся в виду следующий день после Крещенья, т.е. 7 января. Подобное определение срока вызова в суд часто встречается в жалованных грамотах. Его находим, в частности, в жалованной грамоте Ивана III и Василия III Волотову монастырю 1500 г., близкой к валаамской грамоте по формуляру: “... пишут им один срок в году, по Крещенье в той же день” (АИ. Т. I. № 111. С. 165). В жалованной грамоте тех же государей Троицкому Клопскому монастырю 1499 г. сказано: “... пишут им один срок в году, по Крещенье Христове в той же день” (*Гойдуков Г.* Краткое описание новгородского третьеклассного мужского Клопского Троицкого монастыря. М., 1815. С. 17). У шведского переводчика отсчет дней шел не от Крещенья (6 января), а от Рождества (25 декабря), при этом само 25 декабря в подсчет дней не включалось. Перевод дат был произведен по юлианскому календарю, который применялся в Швеции до 1753 г. См.: *Каменцева Е.И.* Русская хронология. М., 1960. С. 61.

⁸⁻⁸ Речь могла идти не о смертной казни, а о наказании вообще, поскольку термин “казнь” имел широкий смысл.

⁹ В оригинале грамоты должно было стоять “пиры и братчины”, но переводчик, видимо, не знал, каким словом перевести термин “братчины”.

¹⁰⁻¹⁰ Так описательно переводчик передает русский термин “попрошатаи”.

¹¹⁻¹¹ В русских грамотах под словом “казнь” подразумевалось всякое наказание вообще, а не обязательно смертная казнь.

III. Реконструкция текста русской копии, с которой делался перевод

Се яз, великий¹ государь¹ и князь² великий Иван Васильевич всеа Руси, и сын мой, князь великий Василей Иванович всеа Руси, пожаловали есмь² игумена³ Якима з братьею, или кто по нем иный игумен будет в монастыре святого Спаса на Валааме, в нашей вотчине Новгородской земле³.

[1]⁴. Архиепископ Новгородский⁵ игумена⁶ и его братью не судит ни в чем, опричь духовных вещей⁶, или⁷ какое дело будет меж монастырских старцев соборных, ино их судит и управу дает в тех делех архиепископ⁷, а⁸ чернцов своих ведает и судит во всяком деле игумен сам⁸.

[2]. А⁹ что шло с Валаамского монастыря архиепископу Новгородскому и его наместнику, и тиуну, и его людем, и диаком владычним, и попом софейским откупа и пошлин, и им откупа и пошлин владыще и его наместнику, и тиуну, и его людем, и диаком владычним, и попом софейским не давати ничего⁹. А¹⁰ что пошлин шло со Спасского монастыря на Валааме нашим наместником новгородским и их тиуном, и их людем, и им тех пошлин наместником нашим новгородским и их тиуном, и их людем не давати ничего¹⁰. А¹¹ что наместники новгородские и их тиуни, и их люди ставили у них в монастыре на Валааме кони кормити ежегод, и наместники новгородские и их тиуни, и их люди коней у них кормити не ставят¹¹.

[3]. Также¹² есмь пожаловали того Спасского монастыря на Валааме. Что их села и волости, и деревни монастырские в нашей вотчине в Новгородской земле¹², в¹³ Вотцкой пятине, в Корельском уезде в Сакульском погосте, Равдужском погосте, Кирьяжском погосте, Сордовальском погосте, Иломанском погосте и в Салмижском погосте, в Ореховском уезде в Куйвошском погосте¹³, и¹⁴ кто у них в тех селех и деревнях учнет жити людей, и наместницы наши новгородские и пригородские наместники, и волостели, и их тиуни¹⁴ не¹⁵ велят им тянути ни в какой протор, и силы и продажи не чинят им никоторые¹⁵, и¹⁶ не судят их ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным. А ведает и судит тех своих людей и христиан игумен сам во всем или его приказщик. А случится суд смесной монастырским людем с нашими пригородскими людьми, и наместники наши новгородские, и пригородские наместники, и волостели или их тиуни судят, а игумен спасской Валаамского монастыря или его приказщик с ними же судит¹⁶. А¹⁷ прав ли будет, виноват ли монастырский человек или христианин, и он в правде и в вине игумену с братьею или его приказчику¹⁷, и¹⁸ они виноватому управу чинят сами¹⁸. А¹⁹ наместников наших новгородских или пригородских человек прав ли будет, виноват ли, и он в правде и в вине наместникам новгородским и пригородским¹⁹, и²⁰ они виноватому такоже сами управу чинят²⁰.

[4]. А²¹ кому будет чего искати на игумене или на его приказщике, ино их судят наши наместники новгородские, а тиуни наших наместников игумена или его приказчиков не судят ни в чем²¹.

[5]. Коли²² будет кому чего искати на монастырском человеке или христианине²², а²³ не доищется истец правды на том суде, который перед игуменом будет или перед его приказщиком²³, ино²⁴ взяти тому истцу нашего, великих государей и великих князей, пристава или наших наместников новгородских пристава²⁴, и²⁵ приставове наши и наших наместников приставове пишут им один срок в году, по Крещенье в той же день²⁵, и²⁶ они станут на тот срок перед нами или перед нашими наместниками новгородскими²⁶. А²⁷ иных сроков на них не наметывают. А которой наш пристав или наместников наших пристав накинёт на них срок не по тому их сроку²⁷, по²⁸ Крещенье на той же день²⁸, и²⁹ им на тот срок не ездити²⁹.

[6]. А³⁰ кто на них и безсудную возмет не по тому их сроку, и та безсудная не в безсудную³⁰.

[7]. Также³¹ есмь пожаловали Спасского Валаамского монастыря игумена з братьею. Кто наши князи и бояре, и воеводы ратные, и всякие ездоки у них в мо-

настыре и у их христиан не ставятся³¹, и³² ничто же у них в монастыре и у их христиан сильно не емлют³², ни³³ подвод, ни проводников, ни кормов³³, ни³⁴ иное ничто³⁴. А³⁵ кто у них станет, тому быти от нас в великой опале. А кто что у них возмет, тому то платити вдвое без суда и без исправы.

[8]. Также владычни десятильники и люди владычни к ним в монастырь и к их людям и христианом не въезжают ни по что, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют³⁵, и³⁶ не ставятся у них никто, а кто у них станет, и тому быти от нас в казни³⁶.

[9]. Также³⁷ наместничьи люди и волостелины, и боярские люди на пиры [и³⁸ братчины]³⁸ к монастырским христианам незваны не ездят. А кто к ним приедет незван, и они того вышлют вон безпенно; а не пойдет вон, а учинится у них как-ва гибель, и тому незваному та гибель платити без суда и без исправы, а от нас, великих государей и великих князей, быти ему в казни.

[10]. Также попросатаи, владычни люди, наместничьи и волостелины люди, ни иные никоторые³⁷ к³⁹ монастырским людям и христианом милостыни³⁹ у⁴⁰ них просити не ездят⁴⁰.

А⁴¹ кто ся сее наши грамоты ослушает⁴¹ и⁴² учнет у них во что вступатися⁴², тому⁴³ от нас, от великих государей и великих князей, быти в казни⁴³.

Писана⁴⁴ на Москве⁴⁴, лета 7012, апреля⁴⁵.

Примечания к реконструкции (III)

¹⁻¹ О сомнительности употребления в оригинале грамоты термина “великий государь” см. выше, примеч. 1–1 к переводу.

²⁻² Так в жалованных грамотах Ивана III и Василия III монастырям Троицкому Клопскому (Гойдуков Г. Указ. соч. С. 17), Волотову (АИ. Т. I. № 111. С. 164) 1499–1500 гг. и помещикам Ивановым 1504 гг. (Каушанов С.М. Из истории ... С. 131. № 5). В пересказе грамоты 1499 г. Коневскому монастырю, содержащемся в грамоте 1554 г., перед интитуляцией Ивана III поставлены слова “дед мой”, а в интитуляции Василия III слово “сын” заменено словом “отец” (ДАИ. Т. I. № 48. С. 67).

³⁻³ В коневской грамоте 1499 г. выражение “в своей отчине, в Ноугородцкой земли ...” предшествует названию монастыря и имени игумена. Такая же последовательность элементов текста в клопской и волотовской грамотах 1499–1500 гг. Однако в них вместо “Ноугородцкой земли” фигурирует “Великий Новгород”: “... в своей отчине в Великом Новгороде”. В отличие от монастырских грамот 1499–1500 гг., грамота 1504 г. помещикам Ивановым упоминает Новгородскую землю не до, а после указания грамотчиков, что соответствует порядку элементов протокольной части шведского текста грамоты 1504 г. Валаамскому монастырю.

Во всех цитированных русских грамотах 1499–1500 гг. Иван III и Василий III называют Новгородскую землю или Великий Новгород “своей”, а не “нашей” вотчиной, как это сказано в шведском переводе валаамской грамоты. Возможно, в оригинале публикуемой грамоты было употреблено притяжательное местоимение “своей”. Отсюда вероятность того, что адресно-диспозитивная часть валаамской грамоты строилась по типу, характерному для коневской, клопской и волотовской грамот, т.е. сначала упоминалась Новгородская земля, затем – монастырь, и только после этого указывалось имя игумена. В жалованной грамоте Василия III Валаамскому монастырю 1507 г. начальный протокол имеет другой вид, более близкий по расположению элементов к шведской редакции грамоты 1504 г.: “Се яз, князь великий Василий Ивановичь всея Руссии, пожаловал есми игумена Якима з братиею, что служит в Валаамском монастыре у святого Спаса, или кто по нем иный игумен будет в том монастыре ...” В подтверждении 1534 г. к грамоте 1507 г. начальная часть текста – того же типа: “Князь великий Иван Васильевичь всея Русии по сей грамоте пожаловал игумена Варлаама с братьею, что служит в Валаамском монастыре у святого Спаса, или кто по нем иный игумен будет в том монастыре...”

В грамоте 1507 г. слово “Валаамском” написано с одним “а” во втором слоге. Такое же написание наблюдается в шведском тексте грамоты 1504 г. Возможно, оно было свойственно и оригиналу этой грамоты. Трудно сказать, употреблялось ли в подлинной русской грамоте 1504 г. выражение “что служит в Валаамском монастыре у святого Спаса”. Шведский текст на такую реконструкцию не уполномочивает.

⁴ Несмотря на то, что в оригинале грамоты 1504 г. нумерации ее разделов наверняка не было, мы вводим в квадратных скобках те номера диспозиции, которые приведены в шведском тексте. Это необходимо для наглядного сопоставления реконструкции и перевода.

⁵ В волоатовской грамоте 1500 г. добавлено: “и его тиуни” (АИ. Т. I. № 111. С. 164).

⁶⁻⁶ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (Там же).

⁷⁻⁷ Произвольная реконструкция, основанная на шведском тексте.

⁸⁻⁸ В волоатовской грамоте 1500 г. говорится: “... а чернцов своих игумен судит во всем сам” (АИ. Т. I. № 111. С. 164).

⁹⁻⁹ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (Там же). Далее в шведском тексте отсутствует имеющееся в волоатовской грамоте постановление о разрешении владыке ставить в монастыре одну лошадь на прокорм.

¹⁰⁻¹⁰ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (Там же. С. 164–165).

¹¹⁻¹¹ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г., за исключением слова “ежегод”, которого там нет (Там же. С. 165).

¹²⁻¹² Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (Там же).

¹³⁻¹³ Основано только на шведском тексте.

¹⁴⁻¹⁴ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

¹⁵⁻¹⁵ Произвольная реконструкция, основанная на шведском тексте, но учитывающая также одну из статей жалованной грамоты Василия III Спасо-Хутынского монастырю 1532 г., где сказано: “... кто у них учнет жить людей, где ни буди, на их на монастырских землях, и тем их людем к Новгороду к Великому не тянут ни в которые проторы, опричь церковных пошлин” (*Амвросий*. Указ. соч. Ч. 6, полутом 2. С. 630).

¹⁶⁻¹⁶ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г., в которой далее следует отсутствующая в валаамской грамоте формула: “а присудом делятся наполю” (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

¹⁷⁻¹⁷ Типичная для жалованных грамот часть несудимого раздела.

¹⁸⁻¹⁸ Возможно, в оригинале было: “а исцово доправят на виноватом”.

¹⁹⁻¹⁹ Типичная для жалованных грамот часть несудимого раздела.

²⁰⁻²⁰ Возможно, в оригинале было: “а исцово доправят на виноватом”.

²¹⁻²¹ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

²²⁻²² Типичная для жалованных грамот часть несудимого раздела.

²³⁻²³ Произвольная реконструкция, основанная на шведском тексте.

²⁴⁻²⁴ Близко к типичному формуляру несудимых грамот.

²⁵⁻²⁵ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

²⁶⁻²⁶ Близко к типичному формуляру несудимых грамот.

²⁷⁻²⁷ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

²⁸⁻²⁸ Основано на шведском тексте.

²⁹⁻²⁹ В волоатовской грамоте 1500 г. вместо этого сказано: “... и мы, великии князи, к тем сроком им ездити не велели” (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

³⁰⁻³⁰ Так же в волоатовской грамоте 1500 г. (Там же).

³¹⁻³¹ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (Там же).

³²⁻³² Произвольная реконструкция, основанная на шведском тексте.

³³⁻³³ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165) и типичному формуляру заповедных грамот.

³⁴⁻³⁴ Произвольная реконструкция, основанная на шведском тексте.

³⁵⁻³⁵ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

³⁶⁻³⁶ Произвольная реконструкция, основанная на шведском тексте.

³⁷⁻³⁷ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

³⁸⁻³⁸ В шведском тексте упоминания о братчинах нет.

³⁹⁻³⁹ В волоатовской грамоте 1500 г. вместо этого сказано: “... в монастырь и по волости” (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

⁴⁰⁻⁴⁰ Так же в волоатовской грамоте 1500 г. Далее в ней идет статья о приглашении в монастырь софийских попа и дьякона для отправления торжественных богослужений на праздник Успения Богородицы (Там же), чего в валаамской грамоте нет.

⁴¹⁻⁴¹ Так же в волоатовской грамоте 1500 г. (Там же).

⁴²⁻⁴² Произвольная реконструкция, основанная на шведском тексте.

⁴³⁻⁴³ Близко к тексту волоатовской грамоты 1500 г. (АИ. Т. I. № 111. С. 165).

⁴⁴⁻⁴⁴ В волоатовской грамоте 1500 г. говорится: “Писан на Москве” (Там же).

⁴⁵ Слово “месяц”, которое имеется в шведском тексте, в русском оригинале, скорее всего, отсутствовало.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[1594–1602 г.г.]¹ – Писцовая книга Водской пятины
(фрагмент, касающийся вотчин Спасского Валаамского монастыря)

(С. 128) В Сердоволскомъ же погосте в² волости монастырские³. Волость Спасская Валамгского монастыря в Сердоволи⁴. Дрв.⁵ в Валгале на Совкине берегу: в.⁶ Гридка да Осташко Микиткины, два лука, а дохода четыре денги, а из хлеба треть, а посеннику две овчины. (С. 129)⁷ Дрв. Лохкола на Совкине ж берегу: в. Михил Тереховъ, в. Олферко да Ивашко Петрушины, три луки, а дохода шесть денег, а из хлеба треть, а поселнику три овчины. Дрв. Тулола Меншая: в. Степанко Лукинъ, в. Левко Фефиловъ, в. Юдка Петрушинъ да Сенка Гридинъ, четыре луки, а дохода восемь денег, а из хлеба треть. Дрв. Парола: в. Лаврокъ да Михалъ Палъкины, в. Петрокъ да Васко, да Степанко Ивашковы, (С. 130) пять луковъ, а дохода десять денег, а из хлеба треть, а ключнику пять овчинъ. Дрв. под Лигуевымъ городкомъ: в. Федотко Климов, братанич его Дмитрок, два лука, а дохода четыре денги, а из хлеба треть, а ключнику две овчины. Дрв. Ильяла у Лигуевского городка: в. Нестерикъ да Макарикъ Федковы дети, в. Труфанко Федковъ, сынъ его Кондратко, в. Микифорикъ Микиткин⁸, пять луковъ, а дохода монастырю десять денег, а из хлеба треть, а ключни (С. 131)ку⁹ пять овчин. Дрв. Гелтала: в. Ивашко Дуракъ, сынъ его Васко, два лука, а дохода монастырю четыре денги, а из хлеба треть, а ключнику две овчины. Дрв. Коитоселье в Мандере¹⁰: в. Иевко Микиткинъ, лукъ, а дохода монастырю две денги, а из хлеба треть, а ключнику овчина. Дрв. Порролда: в. Олекса да Игнатъ Ивашковы, в. Родивонко Терешкин, в. Тимошка Ивашковъ, четыре луки, а дохода монастырю восемь денег, а из хле[ба]¹¹ (С. 132) треть, а ключнику четыре овчины; да в той же деревне двор монастырской, а живет в немъ ключникъ монастырской, не пашеть. Дрв. на Мягиселскомъ острове: в. Васко Герасимов, лукъ, а дохода монастырю две денги, а из хлеба треть, а ключнику овчина. Дрв. Инъилакша¹² у Ладожского¹³ озера в Лахте: в. Смешко Михеевъ, лукъ, а дохода монастырю гривна¹⁴, а ключнику денга. Дрв. в Лолакше у Ладожского же озе(С. 133)ра¹⁵: в. Васко да Онисимко Галуевы, два лука, а дохода манастирю две гривны, а ключнику две денги.

¹ Имея в своих руках только ксерокс С. 128–141 писцовой книги, мы могли определить ее примерную дату лишь по скрепе дьяка Дмитрия Алябьева, помещенной на правом поле листов рукописи, написанной в малую четвертку. Дмитрий Семенович Алябьев был новгородским дьяком с 27 марта 1594 г. по май 1602 г. (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 21). П.Н. Милоков отмечает факты описания Водской пятины в 1596–1597 гг. (Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 173). Ксерокс был получен о. Онуфрием из стоковского Риксархива. Шифр рукописи нам неизвестен.

² Буква “в” написана без титла; поэтому прочесть ее как “2” нельзя.

³ Далее в ркп. три строки были оставлены чистыми, на второй и третьей из них – более поздняя надпись на шведском языке. В данной публикации мы не передаем многочисленные шведские надписи и пометки, сделанные на полях и реже – на оставленных чистыми строках ркп.

⁴ Далее в ркп. одна строка оставлена чистой.

⁵ Здесь и далее “Дрв.” означает, что в ркп. в строке написаны буквы “др”, а над строкой – “в”, и все это буквосочетание обведено круговой линией.

⁶ Здесь и далее посредством “в.” передается написанное в ркп. “в” в кружке.

⁷ С. 129 = Л. 37 по старой чернильной пагинации.

⁸ Второе “к” исправлено из “и”.

⁹ С. 131 = Л. 38 по старой чернильной пагинации.

¹⁰ Буква “м” исправлена из “п”.

¹¹ В ркл. “хле”; в кв. скобках добавлено по смыслу.

¹² Второе “а” исправлено из другой буквы, кажется, другим почерком и другими чернилами.

¹³ Буква “с” исправлена из другой буквы.

¹⁴ Буква “г” исправлена из другой буквы.

¹⁵ С. 133 = Л. 39 по старой чернильной пагинации.

Дрв. Пуроярва: в. Власко Василъевъ, в. Васко Юркинъ, в. Селиверстикъ Родивонов, в. Федко Родивоновъ, в. Олексеико Левушинъ, пять луковъ, а дохода монастырю четыре гривны¹⁶ без денги. Дрв. на Вагве-озере на Раманове острове: в. Юрька да Гридка Якушовы, в. Демешко, Илеикинъ пасынок, три луки, а дохода монастырю треть из хлеба. Дрв. у Ладожского озера на реце на Уске в Вуских: (С. 134) в. Ивашко да Федотко Ескины, да Дмитрокъ Федковъ, дети¹⁷ его Васко¹⁷ да Федко, пять луков, а дохода монастырю две гривны и восемь денег. Дрв. на Радолакши в Ососе: в. Софронъко Луковъ, в. Давыдко Олфувевъ, в. Ивашко Кузминъ, три луки, а дохода монастырю полове¹⁸ из¹⁹ хлеба. Дрв. Хоткола: в. Осташъ да Якуш, да Василь Климовы, три луки, а дохода монастырю шесть денег, а из хлеба треть, а ключнич пошлыны три овчины. Дрв. Пуикола: в. Власко Федков, лук, селново дохода с него нет. Дрв.²⁰ в Совкине, в наместниче монастырской: в. Микифорик Ескин, лукъ, (С. 135)²¹ а дохода монастырю две денги, а из хлеба треть, а ключницы²² пошлыны овчина. Дрв.²³ в Келемелской²⁴ Веси²⁴ в наместниче монастырских: в. Фомка²⁵ Стехнов, в. Ивашко Ескин, два лука, а дохода монастырю четыре денги, а из хлеба треть, а ключницы пошлыны две овчины. Дрв.²³ в Мандере на Яглиярве в наместниче монастырских: в. Мартынок да Тараско, да Гридка Филиппковы, три луки, а дохода монастырю шесть денег, а их хлеба треть, а ключнич пошлыны три овчины. Дрв.²³ в Ваниле в Турбосари в наместниче монастырских: в. Кирилко Микулин, лукъ, а дохода монастырю две денги, а из хлеба треть, а ключнич пошлыны овчина. (С. 136) Дрв.²³ в Пагале в наместниче ж монастырских: в. Маркъ Якушов, брат его Алексеико, два лука, а дохода монастырю четыре денги, а из хлеба треть, а ключнич пошлыны две овчины. Дрв.²³ в Лепесурье в наместниче монастырских: в. Ивашко да Мартынок, да Микифорик, да Палка Федковы, четыре луки, а дохода монастырю восемь денег, а из хлеба треть, а ключнич пошлыны четыре овчины. Дрв.²³ в Ярчеле²⁶ в наместниче же манастырских: в. Микифорикъ Федковъ, лукъ, а дохода монастырю и²⁷ за хлеб²⁷ и за ключнич доход денгами гривъ(С. 137)на²⁸ и три денги.

В деревне в Ригоярве в наместничи ж манастырских хрестиянъ: в. Карпикъ Сергеев, лук, а дохода монастырю за весь доход денгами гривна и три денги. В деревне в Ососи в Большой в наместниче ж манастырских хрестиян: в. Степанко Микифоров, в. Тимошка Олферов, в. Олексеико Мартынов, в. Федко Никонов, в. Сенка Федковъ, в. Васюк Гридин, в. Мартюк Давыдов, в. Якуш Давыдовъ, восемь луков, а дохода монастырю гривна и две денги, а из хлеба треть, а ключника осмъ овчин; да в манастырском дворе ключникъ (С. 138) Савка, не пашеть. В деревне в Ососи ж в Меншой в наместничи же манастырских хрестиян: в. Прохно да Симанко Власовы, в. Миккуи Ингерев, сынъ его Демешко, четыре луки, а дохода монастырю осмъ денег, а их хлеба треть, а ключнич пошлыны четыре овчины²⁹.

¹⁶ Буквы "гривн" написаны по стертому или смытому.

¹⁷⁻¹⁷ Написано по стертому или смытому.

¹⁸ Написано по стертому или смытому: на месте "п" видны остатки буквы "д", на месте "в" – остатки буквы "ъ".

¹⁹ Над "и" полусмытое выносное "в".

²⁰ В строке написано "дор" или "дер", над строкой – "в".

²¹ С. 135 = Л. 40 по старой чернильной пагинации.

²² Буква "ц" написана по полустертому "к".

^{23, 23, 23, 23, 23} В строке написано "вдр", над строкой – "в".

²⁴⁻²⁴ Буквы "ои в" написаны по смытому или стертому, в частности на месте "и" было, кажется, "м".

²⁵ В ркп. "Фомска".

²⁶ Буквы "вя" написаны, возможно, по стертому или смытому.

²⁷⁻²⁷ Написано по стертому или смытому; над "за" полусмытое "з".

²⁸ Написано по смытому или стертому. С. 137 = Л. 41 по старой чернильной пагинации.

²⁹ Далее одна строка оставлена чистой.

И всех деревень в той волости по старому писму дватцать и одна, а дворов в них тритцать и семь, людеи в³⁰ них семъдесять и одинъ человекъ, а луков семъдесять и одинъ лукъ, а сох в них дватцать и четыре сохи без трети сохи, а в сохе по три луки, а лук писан за обжу. (С. 139)³¹ А по новому писму в той волости деревень осмнатцать, опричь вопчих десяти деревень, а дворов в них и с теми дворы, что в вопчих деревнях, пятьдесят и два, опричь дву дворов манастырьскихъ, а людеи в них семъдесять и девять человекъ, а луков у них семдесять и девять луков, а сохъ в них дватцать³² и шесть сох с третью сохи, а в сохи по три луки, а лук писан за обжу. А дохода идет монастырю денгами со всехъ луков рубль и две гривны и десять денег, а из хлеба со штидесять и с одного лука треть, а с трех луков половине, а с пятинатцати луков оброкъ денгами, а денги писаны вместе, да пятьдесят и четыре овчины со всех жо луковъ. (С. 140) И при старом прибыло в семи деревнях в прибыльных в вопчих дворов пятнатцать, а людеи осмъ человекъ, а луков осмъ, сохи три без трети³³. Да в той же волости деревня Кересурья пуста, да два двора пусты³⁴.

Погость Ильиньской Иломанской³⁵.

На погосте церковь Илья пророкъ. На погосте ж нетяглых: в. поп Иван, в. сторож церковной Гридка, пашни у них церковные на две коробьи (С. 141)³⁶ ржи, а в луки не положены, придана наместнику ж всеми пошлинами и с оброком, опричь обежные дани. В Ыломанскомъ же погосте великого князя деревни оброчные Казимировские. Деревня Косутьярва: в. Ивашко Селиванов, в. Якуш Сидков, в. Сенка Васков, три луки. Деревня Ажыла на Иломанце: в. Якуш Селиванов, в. Микифорик Селиванов, два лука. И по старому писму две деревни, а в них пять дворов, а людеи в них шесть человекъ, шесть луков, две сохи, а лук писан за обжу; а старого дохода две куницы десять бел, и за тот доход давали оброк по старому писму ...³⁷

ДОПОЛНЕНИЕ

Описание водяного знака рукописи, содержащей шведский перевод грамоты 1504 г.

В августе 2001 г. Е. Лёфstrand, по нашей просьбе, любезно прислала нам копию водяного знака публикуемой рукописи текста грамоты 1504 г. Он представляет собой изображение крепостных ворот с двумя зубчатыми башнями по бокам. На каждой башне три зубца и продолговатая бойница. Ворота покрыты остроугольной крышей. Внизу “земли”, на которой стоит все укрепление, – заострение и над ним изгиб в форме буквы “М”. Максимальная ширина знака – расстояние между наружными боковыми выступами башен – 5,35 см. Длина основания (“земли”) – 5,15 см. Максимальная высота знака – 6,6 см.

Из подобных знаков наиболее близкий по форме и размерам – у Лауцявичюса под № 718 (1617 г.). Основное отличие его от знака шведской рукописи состоит в наличии “ожерелья” под зубцами башен. Максимальная ширина рассматриваемой фи-

³⁰ Буква “в” в верхней части расплылась.

³¹ С. 139 = Л. 42 по старой чернильной пагинации.

³² Буква “в” в нижней части расплылась.

³³ Далее одна строка оставлена чистой.

³⁴ Далее три строки были оставлены чистыми; на третьей из них была позднее сделана надпись на шведском языке: “I lomanskoj pogost”.

³⁵ Далее одна строка оставлена чистой.

³⁶ С. 141 = Л. 43 по старой чернильной пагинации.

³⁷ На этом обрывается текст, бывший в нашем распоряжении.

лиграни альбома Лауцявичюса – расстояние между наружными боковыми выступами башен – 5,3 см, длина основания – 5,1 см, максимальная высота – 6,3 см.

Почти полное совпадение основных размеров сравниваемых знаков говорит об их вероятной хронологической близости, а, может быть, и синхронности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

о. Онуфрий

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЯХ ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ

В третьем десятилетии XVIII в. началось постепенное возрождение Валаамского монастыря после длительного запустения его во второй половине XVII и первые годы XVIII в. Восстановление монастыря на прежнем месте связано с деятельностью строителя Иосифа Шарова. Ему принадлежит и заслуга в собирании документов монастырского архива. В 1728 г. строитель Иосиф представил в Вотчинную коллегию жалованные грамоты Спаского Валаамского монастыря¹. В 1736 г. эти документы были направлены в Святейший Синод². По-видимому, Иосиф, уроженец Старой Ладogi, привез грамоты на остров из Васильевского Староладожского монастыря, служившего в течение предыдущих ста лет прибежищем для братии, покинувшей Валаам в начале XVII в. Можно также высказать предположение, что вместе с грамотами Иосиф привез и синодик Валаамского монастыря, находящийся в настоящее время в музее г. Куопио³.

С 1749 по 1782 г. монастырь возглавлял игумен (до 1767 г. – строитель) Ефрем, чья хозяйственная и церковная деятельность заложила фундамент будущего расцвета обители. Приняв находившийся в крайне плачевном состоянии монастырь, новый игумен за 30 лет в значительной степени восстановил его благосостояние, а также провел ряд мероприятий по укреплению авторитета обители. В частности, им был восстановлен древний культ почитания основателей монастыря Сергия и Германа. Именно при Ефреме был создан самый ранний из дошедших до нас образов валаамских чудотворцев, записаны чудеса преподобных. Под непосредственным руководством игумена на архипелаге был создан целый культовый ансамбль, посвященный Сергию и Герману и состоявший из пещеры на острове Святом, где якобы они жили, и построенной на их мощах Преображенской церкви. По словам современных исследователей истории Валаама А.М. Спиридонова и О.А. Яровой, “на древней и богатой историческими событиями земле... игумен соотносил легендарную память о прошлом монастыря с одной из валаамских местностей и строил здесь культовые сооружения”. Подобная практика была обусловлена “отсутствием на архипелаге древних сооружений и рукописных памятников, документировавших исторический путь монастыря и его миссию в Карелии”⁴.

В конце XVIII – начале XIX в. волна общественного интереса к истории и древностям российским не обошла стороной и Валаамский монастырь. В 1791 г.

¹ Архив Санктпетербургского Института истории РАН. Колл. 183. Карт. XIV. № 895.

² Там же. Колл. 238. Оп. 2. № 319/1.

³ Музей Финской Православной церкви, г. Куопио (Финляндия). № SOKK-67. Синодик Валаамского монастыря.

⁴ Спиридонов А.М., Яровой О.А. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия. М., 1991. С. 81.

игуменом Назарием был обнаружен летописный текст, рассказывающий о походах шведского короля Магнуса Эриксона в Приладжье в 1370-х годах⁵. Согласно этой рукописи, король Магнус после череды военных и политических неудач бежал из Швеции и достиг Валаама, где принял православие, постригся в монахи и через три дня скончался. Список с этого документа – “Рукописания Магнуша” – был отправлен в Санкт-Петербург в качестве приложения к рапорту, где говорилось об открытии на острове могилы Магнуса. Таким образом, в глазах общественности история монастыря обогатилась еще одной документальной подробностью⁶.

В начале XIX столетия валаамскими монахами были предприняты новые попытки выявления существующих источников по истории острова. Сохранились три рукописи – “История Валаамского монастыря”⁷, принадлежащая перу неизвестного автора (датируется по бумаге 1809 г.)⁸, “Историограф Валаамского монастыря или разыскание о его древности и показание настоящего его положения” иеромонаха Мисаила (1811 г.)⁹ и анонимное “Краткое описание Валаамского общежительного монастыря как о древности онаго, так и новейших достопамятностях. Собрано из разных печатных летописцев и древних рукописей, хранящихся в монастыре” (1819 г.)¹⁰. В качестве источников авторами данных исторических обзоров были использованы жития святых и жалованные грамоты, копии которых, по-видимому, хранились в архиве монастыря¹¹.

В 1827 г. известный коллекционер и фальсификатор древностей А.И. Сулакадзев в письме администрации монастыря сообщил о том, что в его коллекции находится источник, проливающий свет на древнейшую историю Валаама, – написанная на старославянском языке “Оповедь”. Через некоторое время Сулакадзев был приглашен на остров, где ему предоставили возможность ознакомиться с материалами, хранящимися в библиотеке и архиве монастыря, с тем, чтобы он на основании всех имеющихся источников (в том числе и местных преданий и легенд) составил историческое описание Валаама. Результатом этого труда явилось сочинение “Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря на Ладожском озере и о преподобных чудотворцах Сергие и Германе, обители сея начальника, собранной из разных преданий о сем острове с присовокуплением хронографического и статистического онаго описания” – талантливое собрание выдумок и небывлиц, почерпнутых автором из им же самим изготовленных “источников”, относимых к первым векам нашей эры.

Возведение истории монастыря к столь давним временам показалось монастырским властям весьма привлекательным, и легенды о посещении острова ап. Андреем Первозванным, об экономических связях Валаама с Римом времен Каракаллы и ряд других были широко растиражированы в таких популярных по своему характеру изданиях, как “Описание Валаамского монастыря”, “Валаамское слово о Валаамском монастыре”, “Валаамский монастырь и его подвижники”. Только в пятое издание “Описания...” (1904 г.) эти легенды не были включены.

⁵ “Рукописание Магнуша, короля свейского” включено в Софийскую I, Новгородскую IV, Никоновскую летописи и другие своды (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 313–315).

⁶ В действительности Магнус Эриксон скончался в Норвегии. А.М. Спиридоновым и О.А. Яровым была высказана гипотеза, согласно которой приписываемая Магнусу могила на самом деле принадлежит строителю монастыря Иосифу Шарову (см.: Спиридонов А.М., Яровой О.А. Указ. соч. С. 93–97).

⁷ РГБ. Ф. 178. № 9359 (Житие и молитва Валаамских чудотворцев). Л. 8–12.

⁸ Охотина Н.А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 11.

⁹ РГБ. Ф. 96. № 17.

¹⁰ Архив Ново-Валаамского монастыря (г. Куопио, Финляндия). Материалы по истории Валаамского монастыря. № 15. Без шифра. (Далее: АНВМ).

¹¹ Подобнее см. Охотина Н.А. Указ. соч. С. 11–12.

С конца 1830-х годов исторические изыскания монастыря координировал и направлял игумен Дамаскин, состоявший в переписке со многими крупными учеными того времени (А.Х. Востоковым, И.П. Сахаровым, С.В. Соловьевым). Весьма примечательно его письмо С.В. Соловьеву, который взялся разыскивать материалы о монастыре в Финляндии: “Милостивый государь Сергей Васильевич! В прошедшем году, в конце, я имел честь препроводить к Вам страховое письмо. Молчание Ваше на него побуждает меня повторить изъясненную в нем просьбу. Обрадуйте святую Валаамскую обитель доставлением материалов для ее истории, она так скудна ими, самое малейшее исполнение пробелов ее минувшего она примет с искренним благодарением. Если же их не имеете Вы вовсе, в таком случае полный экземпляр Ваших дорогих сочинений вознаградит ту похвальную ревность обители, которую выразила она перед Вами столько лет тому назад. Развяжите достойно Вашей славы гордиев валаамский узел, вселюбезнейший Сергей Васильевич, соберитесь, всепокорнейше прошу, сами на Валаамские горы, при посредстве паровых машин – это так близко, одна неделя может быть временем пути в оба конца и двухдневного пребывания в нашей тихой пустыни... 5 июля 1862 года”¹². Но ответа отец Дамаскин так и не получил.

4 августа 1862 г. Валаамский монастырь посетил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор. На следующий день он побывал во Всехсвятском скиту. Архипастырь советовал настоятелю составить описание обители: изложить в нем судьбу монастыря, жизнь настоятелей, братии и замечательные события¹³. Заняться историей монастыря изъявил желание П.В. Хавский. 17 января 1863 г. игумен Дамаскин благодарил его за намерение написать историю Валаамской обители. “Благодарю и недоумею, как благодарить Вас и за святое и многорадостное Ваше усердие – написать историю Валаама: Господь всемогущий, молитвами Преподобных Отец наших, да поможет Вам в Вашем драгоценном труде и да благословит его полнейшим успехом на радость святой Обители и на вечное благодарение Вам”¹⁴. В другом письме игумен выражал удовлетворение деятельностью историка: “Радуюсь душевно и премного, что дорогой труд Ваш по истории Валаама быстро зреет под благословением Божиим. Дай Бог Вам полного успеха! Признательная Обитель, в порыве чувств искренней благодарности приняв дорогое Ваше приношение, не преминет внести любезное имя Ваше для вечного поминовения в свои диптихи и не останется в долгу у Вашей любви и в отношении материальном”¹⁵. В письме от 27 октября 1863 г. отец Дамаскин писал Хавскому: “И так все ляжет на Вашу заботливость. Молю Господа и прошу убедительнейше Вас не отяготиться этой заботливостью, святая обитель глубоко чувствует все незабвенное и дорогое к ней Ваше усердие”¹⁶. В ответ П.В. Хавский писал: “Заботиться будем два старика: я и Кс. Васильевич Прохоров. Молитвы отца Дамаскина достигнут до Господа, чтобы в Троицын день приехать книгу на Валаам и слушать молитвы, призывая имя Божие”¹⁷.

Отец Дамаскин горел желанием увидеть уже готовый труд о Валаамской обители и просил прислать его незамедлительно: “Вы простите меня... и поймите мое доброе любопытство. Покуда идет между нами переписка о материи, позвольте мне порадоваться духу Вашего труда: с первой почтою, по получении, я поспешу его к Вам возвратить, тогда, Вы согласитесь, я буду покоен. Ничто меня в жизни суety не интересует, кроме Валаама: поэтому все, касающееся его, особенно в письмени, трогает меня до глубины души”¹⁸. П.В. Хавский отвечал: “Я еще и сам не знаю, что делаю и что вложит Бог в мое сердце: Сила Божия совер-

¹² АНВМ. ОВ-3. Письма игумена Дамаскина за 1862 год. Л. 72.

¹³ Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1903. С. 403–404.

¹⁴ АНВМ. Еа:40. Дело № 3 за 1863 г. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 37 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 35.

шается в немощи. Ум мой есть нуль, а единица с левой стороны (т.е. сердце по анатомии) есть помощь и сила Божия. 11 ноября 1863 года... Ваш Петр Хавский”¹⁹.

Плодом работы П.В. Хавского стали небольшая брошюра “Валаамский миротворный круг” и вышедшая в 1864 г. книга “Валаамский монастырь”.

Годом ранее, в 1863 г., было создано оставшееся неизданным сочинение иеромонаха Пимена: “Описание Валаамского монастыря. Составлено тщанием и усердием Настоятеля игумена Дамаскина с братию. Соч. иеромонаха Пимена. 1863”²⁰.

В начале XX в. Валаамский монастырь проявил интерес к шведским архивам, надеясь найти в них что-либо из недостающих письменных источников. Игумен Маврикий обратился к финляндскому генерал-губернатору Зейну с письменной просьбой о содействии в получении архивных материалов по истории монастыря: “Валаамский монастырь, находясь на окраине России, в соседстве Швеции, во времена кровавых распрей между русскими и шведами не раз подвергался совершенному разорению, не раз губительная рука войны орошала Валаамскую почву кровью святых тружеников и сравнивала с землею здания монастыря. В те печальные времена св. обитель утратила всю свою письменность и теперь она почти вовсе лишена исторических данных о своем минувшем, а, главное, не имеет не только жития, но даже и кратких сведений о своих первоначальниках”. Речь шла о документах, касающихся монастыря и находящихся в Государственном архиве Швеции в г. Стокгольме. На эту просьбу генерал-губернатор прислал игумену шведские правила пользования архивными материалами.

В 1916 г. вышла в свет брошюра Н.П. Паялина – последняя дореволюционная публикация о монастыре. Посетив монастырь в 1911 г., исследователь осмотрел священные памятники, познакомился, насколько это было возможно, с устройством и организацией обители. Ему, как он пишет, посчастливилось беседовать с иноками. Он узнал, что они высоко ценят все, что касается обители, дорожат ее прошлым и скорбят, что их страдания, труды и расходы по отысканию и собиранию исторических документов монастыря не встречают сочувствия у лиц, к которым они обращались. Монастырские насельники были лишены возможности заполнить важные пробелы в истории своей древней обители. С 10 июня 1911 г. Н.П. Паялин начал работу по выявлению утраченных обителью старинных письменных памятников²¹.

К сожалению, “труд Н.П. Паялина по собиранию материалов для составления истории Валаамского монастыря, – пишет монах Иовиан, – закончился одним первым выпуском. Предполагаемый выход в свет дальнейших выпусков материалов по истории сего монастыря вследствие разных превратностей судьбы не состоялся, к великому сожалению любителей письменных памятников русской заветной старины. Валаам, Канцелярия. 20 февраля 1920 года”²².

Спустя немного времени после Октябрьской революции монастырь эвакуировался вглубь Финляндии. В 70-х годах XX в. заканчивается история Старого Валаама и наступает время Нового Валаама. История монастыря становится предметом научных споров историков. Уже два десятка лет ведется научная баталия между двумя учеными – Хейки Киркиненем и Джоном Линдом. Но отсутствие новых исторических материалов не позволяет прийти к какому-то определенному мнению. В 1996 г. Н.А. Охотина-Линд опубликовала открытый ею памятник – “Сказание о Валаамском монастыре”. Но публикация “Сказания” не только не привела историков к единому мнению, но и поставила еще больше вопросов.

Восстановление Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в конце 1980-х годов сопровождалось возобновлением его деятельности по изучению и организации изучения истории Обители.

¹⁹ Там же. Л. 38.

²⁰ Там же. № 8252; ср. № 8239.

²¹ Там же. Еа:133. Дело № 25 за 1916 г. Л. 12.

²² Там же. Л. 55.

В 1991 г. по приглашению игумена монастыря отца Андроника на Валааме проводились археологические раскопки. Руководителем их был кандидат исторических наук П.Е. Сорокин. В 2000 г. при содействии игумена Панкратия археологические исследования были продолжены.

Памятуя о загадочных сундуках Якоба Понтуса Делагарди, монастырь в 1996 г. обратился к своему другу, Ирине Сундвигст, проживающей в Стокгольме. Ее попросили подействовать в поиске документов по истории обители. В ответ Ирина пригласила нас в Стокгольм. По благословию игумена Панкратия автор настоящей статьи отправился в Швецию. В Стокгольме ему удалось посетить несколько исторических архивов. Но самым главным было знакомство с исследовательницей Елизабет Лёфstrand. Сейчас она занимается изучением делагардиевских сундуков. Узнав о нашей работе, она пообещала нам свое содействие. Через месяц пришла посылка, в которой находилась ксерокопия грамоты на старославянском языке. Долгое время мы не могли найти переводчика, чтобы перевести ее и заинтересовать ученых. В 1999 г. мы познакомились с профессором, членом-корреспондентом РАН С.М. Каштановым. Благодаря Сергею Михайловичу, история монастыря обогатилась новыми историческими фактами. Монастырь продолжает поиск материалов также и в отечественных архивах.

АВТОБИОГРАФИЯ ИОНЫ СОЛОВЕЦКОГО (1561–1621)

Иона Соловецкий – глава странствующего церковного хора, выдающийся книжник конца XVI – начала XVII в.¹ В сохранившейся части его энциклопедического рукописного наследия, составляющего ныне отдельный сборник, хранящийся в РНБ (шифр Q.XVII.67)² на первом листе имеется специально записанная им в момент приведения всех рукописей в порядок в начале 1621 г. (накануне

¹ *Морозов Б.Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII в. // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 277–289; *Зиборов В.К., Романова А.А.* Иона Соловецкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2 (И-О). С. 89–92; *Морозов Б.Н.* Иона Соловецкий – книжник и каллиграф конца XVI – начала XVII веков // *Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тез. докл. и сообщений науч. конф.* Москва, 27–29 января 1994 г. М., 1994. С. 102–104; *Морозов Б.Н., Симонов Р.А.* Календарные мотивы “Учения” Кирика (1136 г.) у Ионы Соловецкого (последняя четверть XVI в.) // *Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина.* Москва 26–28 января 1995 г. М., 1995. С. 363–369; То же // *Россия в X–XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения.* М., 1999. С. 286–290; *Морозов Б.Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке странствующего монаха Ионы Соловецкого (к вопросу о распространении переписки в конце XVI – начале XVII в.) // *Culture and Identity in Moscow, 1359–1584. Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. III).* М., 1997. Р. 475–494; *Он же.* Странствия книжника Ионы Соловецкого по Онежскому и Ладжскому озерам в конце XVI – начале XVII веков // *Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера.* Межвуз. сб. научн. трудов. Сыктывкар, 1997. С. 105–118; *Симонов Р.А.* 988 – год христианизации Руси в календарном образе креста у Ионы Соловецкого // *Гербовед.* 1999. № 34. С. 134–138; *Морозов Б.Н.* [Иона Соловецкий о своем детстве] // *Кошелева О.Е.* “Свое детство” в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.): Учеб. пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000. С. 13–15.

² Часть этого сборника с текстом Судебника 1551 г. с дополнительными указами 1555–1557 гг. была отделена и хранится ныне в РГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище хартий и рукописей). Отд. 5. Рубр. I. № 4.

60-летия) краткая автобиография – “Летописец”. Подобная автобиография с точными датами всех событий жизни (составленная, очевидно, на основе личного дневника) – уникальное явление для культуры Древней Руси³. В ее начальной части имеются редчайшие для того времени сведения о датах “рождения плоти” и “наименования”, о начале учения, о службе в 12-летнем возрасте нотарием (секретарем) у новгородского архиепископа Леонида, а затем о пострижении в Соловецком монастыре. Безусловно, уже в отрочестве Иона (светского его имени мы, к сожалению, не знаем) обладал необыкновенными способностями. Его почерк не просто каллиграфический, а доведенный до особого совершенства, с оригинальной системой украшений (это и послужило основанием столь раннего начала службы у видного церковного иерарха). Уже в юные годы Иона переписывает для себя тексты, составлявшие основу средневековой мудрости – сложнейшие календарно-астрономические и медико-астрологические трактаты (они сохранились в указанном Сборнике). Получить их он мог у книжников, входивших в окружение царя Ивана Грозного в середине 1570-х годов, когда весь царский двор переместился на время в Новгород. После опалы архиепископа Леонида юноша принимает пострижение, но через несколько лет Иона уходит с Соловков и начинает свои скитания по северным монастырям, пунктуальное описание которых и составляет основное содержание его автобиографии.

Этот тип монашества был до последнего времени мало известен, и необычная судьба писца сборника вызывала интерес и недоумение уже у первых его исследователей⁴, а при обсуждении первого сообщения автора на данную тему в 1987 г. (до открытия имени писца сборника) было даже высказано мнение о мифификации этой автобиографии⁵.

Переходя из монастыря в монастырь, Иона Соловецкий в основном находился в двух регионах – на Северо-Западе России и на Вологодской земле в пришекнинских монастырях. Первый раз, выехав с Соловков 10 июня 1587 г., он добирается до Александрo-Свирского монастыря 8 июля того же года и остается в этой местности до декабря 1593 г. В то время он в основном пребывает в Тихвинском монастыре, откуда он совершает поездки в соседние обители (Дымский и Медведцкий монастыри), а в 1591 г. путешествует в Новгород, где останавливается в Антониевом и в Юрьевом монастырях. Возвратившись в конце 1591 г. в Тихвин и проведя 1593 г. в Александрo-Свирском монастыре, он выезжает в Кирилло-Белозерский монастырь где находится один год. А уже после месячного пребывания в соседнем Ферапонтове, 19 января 1595 г. Иона Соловецкий начинает отсюда свое движение в центр страны, в котором он, вероятно, родился и получил образование⁶. Проведя почти семь месяцев в Троице-Сергиевом монастыре, 26 августа Иона “принялся в Чудове”. В то время Чудов монастырь в Московском Кремле, тесно связанный с новообразованной Московской патриархией, был центром русской книжности и образованности. Прожив в нем три месяца, Иона Соловецкий перебирается на “Кириловское подворье” – подворье Кирилло-Белозерского монастыря, также располагавшееся в Кремле, а через два месяца, 17 января 1596 г.,

³ О произведениях этого периода с элементами автобиографического повествования: см.: Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе: Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого. Сказание Елеазара об Анзерском ските: Исследование и тексты. СПб., 1996.

⁴ Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей... графа Ф.А. Толстого. М., 1825. С. 343; Симоны П. К истории обихода книгописца, переплетчика и икононого писца при книжном и иконном строении. СПб., 1906 (ПДПИ. Вып. СХХII); Орлов А.С. Чаши гсударевы // ЧОИДР. М., 1913. Кн. 4. Отд. VIII. С. 8.

⁵ См. об этом: Охотина Н.А. Деятельность Археографической комиссии в 1987 г. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 317–318.

⁶ См.: Морозов Б.Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке странствующего монаха Ионы Соловецкого. С. 480–481.

выезжает из Москвы и возвращается на Белоозеро, где проводит в различных монастырях (Кириллове, Ворбозомском, Ниловом скиту) следующие три года своей жизни.

Новое путешествие на Северо-Запад Иона Соловецкий начал из Кирилло-Белозерского монастыря летом 1599 г. Маршруты этого и других путешествий отразились, наряду с автобиографией, в составленных им оригинальных дорожниках, помещенных среди различных текстов рукописи Q.XVII.677. И если в автобиографии указаны только монастыри как конечные пункты маршрутов, то в дорожниках, очевидно, большинство населенных пунктов, встречавшихся на пути (даты их посещения отсутствуют, указаны лишь расстояния между ними). Это еще раз подтверждает, что данные тексты были составлены на основании более пространных дневниковых записей Ионы Соловецкого.

“Путь из Кирилова водяной” (заголовок дорожника) начался, согласно автобиографии, 15 июля 1599 г. Доехав на телеге (редкое указание на вид транспорта в дорожнике Ионы) до р. Шексны, он сначала добирается до г. Белоозера, пересекает само озеро и по р. Ковже двигается на Север, а затем снова пересаживается в телегу и проделывает довольно значительный путь (43 версты), чтобы достичь реки, впадающей в Онежское озеро. Вдоль восточного побережья Онежского озера он продвигается к конечной цели своего маршрута – Палеостровскому монастырю, куда прибывает 31 июля 1599 г. Таким образом, весь путь из Кириллова, составивший, согласно дорожнику, 420 верст, был проделан за 16 дней. (В нашей публикации данного дорожника в 1997 г. из-за дефекта рукописи неточно указано время этого пути.) Следующий зимний путь – из Палеострова в Тихвин, составивший, согласно следующему дорожнику, 460 верст, был совершен Ионой в довольно короткий срок – с 21 декабря 1599 г. по 5 января 1600 г.

Проведя лето 1600 г. в соседней с Тихвином Зеленецкой (“Зеленой”) пустыни, Иона Соловецкий направляется к Ладожскому озеру и проводит вторую половину года в Коневецком монастыре, а первую половину следующего года живет в Новгородском Хутынском монастыре. Покинув Хутынь, он возвращается на Ладогу, где пребывает свыше четырех лет, в основном на Валааме, конец зимы – весну 1602 г. – в Александро-Свирском монастыре, с августа 1602 по 23 декабря 1603 г. – в г. Корела. Это – время страшного голода в России – предвестника Смуты.

6 февраля 1604 г. Иона отправляется с Валаама в Тихвин и, проведя там конец зимы и начало лета (с 18 февраля по 19 июня), переезжает в Зеленецкий монастырь. 28 ноября 1604 г. Иона Соловецкий “съехал ис пустыни Зеленые” и отправился в район Белоозера в Нилов скит, навсегда покинув Ладогу и Онегу.

В этот период пребывания на Вологодской земле Иона не ограничивается пришекснинскими монастырями – в 1605 г. ездит в Череповец, Спасо-Прилуцкий монастырь, в 1606 г. живет в Спасо-Каменном монастыре. В мае 1606 г. он оказывается в своем “обещании” – Соловецком монастыре, почти через 20 лет после ухода, и живет там безвыездно свыше трех лет (по сентябрь 1609 г.). Что-то заставило его в разгар Смуты опять покинуть родную обитель. И, проведя свыше года в Поморье, в Антониево-Сийском монастыре, Яренге, Сырье, Иона Соловецкий возвращается весной 1610 г. в Кириллов. Он уже не выезжает из данной местности до последнего сообщения автобиографии – переезда из небольшого Подольного монастырька, где он сделал вклад, в Нилов скит 1 марта 1621 г. Маршруты его перемещений в 1610-е годы прежние – Кириллов, Ферапонтово, Спасо-Каменный, Ворбозом, Нилов скит. В то время Север был наводнен вооруженными людьми, и в сухих записях “Летописца” проскальзывают характерные фразы: “вышел... страха ради воров”, “от казаchia разорения”, “нестроения ради земскаго”, “от видимых враг”.

⁷ См. описание и публикацию части из них: *Морозов Б.Н.* Странствия книжника Ионы Соловецкого по Онежскому и Ладожскому озерам в конце XVI – начале XVII веков. С. 106–109, 113–116.

Автобиография, очевидно, незакончена. Подведя итоги жизни и приведя в порядок свою обширную библиотеку-архив, Иона Соловецкий, возможно, отправился в последнее путешествие в центр страны. Об этом свидетельствует запись на другом листе его сборника с наиболее поздней датой – 7130 (1621/22 г.): в ней упоминаются Суздальский владыка и Переяславский Федоровский монастырь. Анализ этой записи – тема особого исследования. Но, несмотря на определенную лаконичность и незавершенность, автобиография Ионы Соловецкого имеет значительную ценность – и как уникальный памятник подобного рода, и как ключ для изучения его рукописного наследия.

Публикуемый текст передан с учетом особенностей рукописей Ионы Соловецкого, содержащих употреблявшиеся только им сокращения многих слов, в том числе до одной буквы. Выносные буквы внесены в строку и выделены курсивом, сокращенные части слов заключены в круглые скобки, в квадратных скобках восстанавливаются механические утраты текста. Буквы “ъ”, “ь” и “в” сохраняются во всех случаях написания в тексте. (По техническим причинам курсивная буква ѣ заменена на полужирную.)

Б.Н. Морозов

Лѣтописецъ^{1*}

Въ 7070 лѣтъ рож(дение) плот(и) м(е)с(я)ца н(оября) 20, на имѣнованиѣмъ въ 27.

Учение кни[жное] въ 7 лѣ[т] д(екабря) от 1 чис(ла) [...]

Нотарскѣ вчиненъ въ 12 лѣт м(е)с(я)ца д(екабря) первопр(е)стол(ьни)комъ Л(ео)нид(ом)ъ въ 2 лѣт(о) настоят(ель)ства ег(о).

Въ 19 лѣ[т] [...] во иноч(еский) образъ в Вели(кой) кин(ови) Сол(овецкой)^{2*} от созда(н)и(ю) миру в лѣт(о) 7088 аи(реля) 20-й (с)р(еда)^{3*} 3 н(е)дели по П(асхе).

Въ 7095 лѣт(о) и(юня)^{4*} 10 из о[бещания] изшел[].

Того ж(е) лѣт(а) и(юля) 8 во Алекс(андров) Свер(ский) прии(ел).

Въ 7096 лѣт(о) д(екабря) 8 из Алекс(андрова) изшел[.]

Того ж(е) лѣт(а) д(екабря) 13 на Тих(вин) прии(ел).

Въ [...] 23 с Тих(вина) шел на Дыми.

Того ж(е) лѣт(а) ав(густа) 7 з Дымеи прии(ел) на Тих(вин).

Въ 7099 лѣт(о) м(а)и(а) 19 (с)р(еда) 7 нед(ели) п[о] Пасхе... на Медвѣдецъ.

И от туду того ж(е) лѣт(а) приѣх(ал) м(а)и(а) 31 в Вели(кий) Новг(о)р(од) во Он(то)н(о)в мон(настырь).

Того ж(е) лѣт(а) и(юля) 17 из Онтонова в [Юрьев ...]

Того ж(е) лѣт(а) ав(густа) 16 из Юр(ева) ишел и прии(ел) на Тих(вин) того ж(е) ав(густа) 20-й.

Въ 7100 лѣт(о) с(ентября) 17 с Тих(вина) на Дыми паки прии(ел).

Того ж(е) [...] з Дымеи паки на Тих(вин) прии(ел).

Въ 7101 лѣт(о) н(оября) 28-й в(торник) с Тих(вина) съѣх(ал) во Алекс(андрову) пу(с)т(ьн)ь, д(екабря) 3 прии(ел).

Въ 7102 лѣт(о) д(екабря) [... из Александровы?] выехал.

^{1*} Верхняя часть листа с заголовком заклеена бумагой в XIX в., заголовок был прочитан в Лаборатории кодикологического исследования и научно-технической экспертизы документа РНБ. Так же были прочитаны и заклеенные части слов по краям.

^{2*} В нашей первой публикации 1987 г. данная фраза была прочитана как “ввел кин(овиарх) Сол(овецкий)” (АЕ за 1986 год. С. 280).

^{3*} Значение буквы “р”, выделенной с обеих сторон точками, как “среда”, было определено при вычислении для недели для 20 апреля 1580 г.

^{4*} Иона Соловецкий обозначает июнь (норм. “июнь”) одной буквой “и”, схожей с “н”, а июль “и”, в связи с чем в наших прежних публикациях было допущено несколько ошибок в прочтении данных месяцев.

Того ж(е) лѣт(а) г(енваря) 17 вы[ехал?] ис Кир(иловско)го подвор(и)а и приѣх(ал) на Бѣлооз(еро) в Нилов Скит того ж(е) г(енваря) 27-й.

Въ 7105 лѣт(о) фев(рала) 4 вышел из Нил(о)вы в Кир[илов...].

Въ 7106 лѣт(о) ок(тября) 23-й н(еделя) вышел ис Кир(илова) в Ворбоз(ом), въ 24 (так!).

Въ 7107 лѣт(о) ок(тября) 30-й вышел из Ворбоз(ома) в Кир(илов).

Того же лѣта июля^{5*}) 15 н(еделя) ис Кир(илова) вышелъ.

И того ж(е) и(юля) 31 в(торник) приѣх(ал) в Пал(е)ю Остров.

Въ 7108 лѣт(о) д(екабря) 21 вышел ис Палеост[ровс]каг(о).

Тое ж(е) зимы г(енваря) 5 приѣх(ал) на Тих(вин).

Того ж(е) лѣт(а) м(а)и(а) 5-й п(онедельник) вышелъ с Тих(вина).

И того ж(е) м(а)и(а) 8 ч(етверг) пришел в Зел[еную] пус(тынь).

Того ж(е) лѣт(а) ав(густа) 14 вышел из Зел(еные).

Того ж(е) ав(густа) 26 в(торник) приѣх(ал) на Коневец.

Въ 7109 лѣт(о) д(екабря) 8 п(онедельник) [с Коневца съѣх(ал).

Того ж(е) д(екабря) 20-й с(убота) приѣх(ал) на Хут(ынь).

Того ж(е) лѣт(а) и(юня) 9-й в(торник) вышел с Хут(тыня).

Того ж(е) лѣт(а) и(юля) 28 в(торник) на Вала(а)м при[ехал].

Въ 7110 лѣт(о) ф(еврала) 11 ч(етверг) Сыр(ной) съѣх(ал) с Вал(аама).

Того ж(е) ф(еврала) 17 (с)р(еда) 1 нед(еля) Вели(кого) Пос(та) во Алекс(андров) приѣх(ал).

Того ж(е) лѣт(а) м(а)и(а) [...] по Тро(и)цыне дни вышел из Алекс(андрова).

Того ж(е) лѣт(а) и(юня) 3-й ч(етверг) 1 нед(еля) Петр(ова) Пос(та) паки приѣх(ал) на Вал(аа)м.

Того ж(е) лѣт(а) ав(густа) [...] с Вал(аа)ма съѣх(ал) в город Корѣлу.

Въ 7112 д(екабря) 28 (с)р(еда) съѣх(ал) ис Кор(елы) на Вал(аа)м и приѣх(ал) г(енваря) 4-й (с)р(еда) ж(е).

Того ж(е) лѣт[та] ф(еврала) 6-й в(торник) съѣх(ал) с Вал(аа)м(а).

И приѣх(ал) на Тих(вин) того ж(е) ф(еврала) 18 н(еделя) Сыр(ная).

Того ж(е) лѣт(а) и(юня) 19 в(торник) съѣх(ал) с Тих(вина) в пустынь Зел[еную] и приѣх(ал) того ж(е) и(юня) 24.

Въ 7113 нояб(ря) 28 (с)р(еда) съѣх(ал) ис пус(тыни) Зел(еные) к Бѣлѣз(еру) и приѣх(ал) в Нилов Скит д(екабря) 8 с(убота).

[То]го ж(е) лѣт(а) ф(еврала) 2-й в Суб(оту) Мясо(пус)тную вышел из Нилова Скит(а) и ѣздилъ в Череповец и оттуду приѣх(ал) в Кир(илов).

Того ж(е) лѣт(а) [августа] 14 (с)р(еда) ис Кир(илова) вышел в Ворбоз(ом).

Того ж(е) лѣт(а) ав(густа) 19 п(онедельник) вышел из Ворбоз(ома).

Въ 7114 с(ентября) 24 в(торник) на Прилукъ прии[ел].

Того ж(е) лѣта н(оября) 26-й шел с Прилука.

Того ж(е) лѣт(а) г(енваря) 11 с(убота) приѣх(ал) на Кам(енный).

Того ж(е) лѣт(а) м(а)р(та) 16 н(еделя) шел с Каменово.

Тог[о же] лѣт(а) м(а)и(а) 23-й (пя)т(ница) 5-й нед(ели) по П(асхе) пришел во обѣщан(ие).

Въ 7118 с(ентября) 20-й (с)р(еда) с Соловковъ съѣх(ал).

Того ж(е) лѣт(а) ок(тября) 25-й (с)р(еда) [в Сий]ской приѣх(ал).

Того ж(е) лѣт(а) м(а)р(та) 10-й с(убота) 3-й нед(ели) Вели(кого) Пос(та) вышел из Сийског(о).

Того ж(е) лѣт(а) и м(а)р(та) 21 (с)р(еда) на 5-й нед(еле) Вели(кого) [Поста] приѣх(ал) въ Яренгу.

Того ж(е) лѣт(а) и(юня) 25 (с)р(еда) вышелъ из Яренге.

И паки в Сийский пришел ав(густа) 16 ч(етверг).

Въ 7119 с(ентября) 20 [...] вышелъ из Сийског(о).

Того ж(е) лѣта н(оября) 14 (с)р(еда) приѣх(ал) на Сыр(ью).

Того ж(е) лѣта ф(еврала) 4 п(онедельник) 1-й Вели(кого) Пос(та) выехалъ из Сыр[ьи].

Того ж(е) лѣта м(а)р(та) 23-й С(убота) Вели(кая) приѣх(ал) в Кир(и)лов.

Того ж(е) лѣта и(юля) 31 (с)р(еда) вышелъ ис Кир(илова).

И пришел в Ворбоз(ом) ав(густа) 4 [...]

^{5*} В 1599 г. 15 число попадало на воскресенье только в апреле и в июле.

Въ 7120 м(а)р(та) 11 в(торник) 6-й нед(ели) Вели(кого) Пос(та) вышелъ из Ворбоз(ома).

Того ж(е) лѣт(а) ап(реля) 29-й (с)р(еда) 3-й нед(ели) по Пас(хе) паки прии(ел) в Ворбоз[м].

Того ж(е) лѣт(а) и(юня) 17 (с)р(еда) 3-й нед(ели) Петр(ова) Пос(та) паки вышелъ из Ворбоз(ома).

Того ж(е) и(юня) 20-й н(еделя) пришел в Скит.

Въ 7123 н(оября) 21 [...] ис Пустыни от казач(и)а разорен(и)а на врѣмя в Кир(илов).

Того ж(е) лѣт(а) ав(густа) 1-й паки прии(ел) в Пус(тыню).

Въ 7124 н(оября) 4 в[ышел] из Скъта в Кир(илов) по приказ(у) и нестроения ради земскаго.

Того ж(е) лѣт(а) м(а)р(та) 14 (с)р(еда) 5 нед(ея) Вели(кого) Пос(та) вышел ис Кир(илова) в Ворб[озом].

Того ж(е) лѣт(а) м(а)и(а) 7-й п(онедельник) 6 нед(ея) по Пас(хе) вышелъ из Ворбоз(ома) в Нилов Скит.

Того ж(е) лѣт(а) и(юня) 6-й вышел из Скита по з(о)ву в Кир(илов) и [...]

Въ 7125 г(енваря) 23-й вышелъ ис Кир(илова) на Кам(е)ное, прии(ел) г(енваря) 27 н(еделя).

Того ж(е) лѣт(а) м(а)р(та) 26-й (с)р(еда) 4-й нед(ели) Вели(кого) Пос(та) вышелъ [и]с Кам(е)ново в Кир(илов) по з(о)ву и прии(ел) тое ж(е) 4 нед(ели) с(убота), разстояние от Кам(е)ново до Кир(илова) 9 вер(ст).

Въ 7126 м(а)и(а) 18 п(онедельник) 7 н[еделя] по П(асхе) вышел ис Кир(илова) в Ворбоз(ом).

Того ж(е) лѣт(а) ав(густа) 26-й вышелъ из Ворбоз(ома).

Въ 7127 с(ентября) 1 прии(ел) в Нилов Скит.

Того ж(е) лѣт(а) д(екабря) 5-й вышелъ из Скита в Кир(илов) страха ради воров.

Въ 7128 с(ентября) 9 вышел ис Кир(илова) в Нилов Скит.

Того ж(е) лѣта г(енваря) 4-й из Скъта вышелъ в Кир(илов) от видим(ых) враг и Скът отказ(а)лъ.

Въ 7129 ок(тября) 29 вышелъ ис Кир(илова) в Ферापон(тов).

Того ж(е) лѣт(а) д(екабря) 6-й вышел ис Ферापон(това).

И прии(ел) на Кам(е)ное того ж(е) д(екабря) 16.

Того ж(е) лѣта г(енваря) 9 в(торник) приѣх(ал) на Подол(ьный) и вклад дал 5 руб(лев) и вкладную взял.

Того ж(е) лѣта ф(еврала) 27-й в(торник) выехал с Подол(ь)ного в Нилов Скит по з(о)ву и приѣх(ал) м(а)р(та) 1.

ОБ АРХИВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д.Я. САМОКВАСОВА, И.Я. СТЕЛЛЕЦКОГО, В.К. КЛЕЙНА

Московский архив Министерства юстиции (далее – МАМЮ) хранил самые разнообразные документы, в том числе относящиеся к истории археологии. К тому же, в 1892–1911 гг. управляющим МАМЮ был известный археолог Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911), стоявший у истоков создания Московского археологического института в 1907 г. Он читал лекции не только в археологическом институте, но и в одном из залов в здании МАМЮ на Девичьем поле. 21 октября 1907 г. Самоквасов писал об этом председателю Московского археологического общества графине П.С. Уваровой: “Курс по русской археологии и архивоведению я открыл в архиве по той причине, что он сопровождался демонстрацией многих световых картин, рисунков и подлинных архивных документов, что невозможно в помещении археологического института. В настоящее время у меня около 150 слушателей и слушательниц”¹.

¹ ОПИ ГИМ Ф. 17 (Уваровы). Оп. 1. Ед. хр. 568. Л. 104–104 об.

А.Д. Григорьев, один из новых сотрудников архива, пришедший при Д.Я. Самоквасове, также рассказывал П.С. Уваровой об археологических занятиях управляющего архивом в 1908 г.: “10 сентября он демонстрировал свои раскопки в 3-х верстах от Москвы, по Серпуховскому шоссе у д. Котлы. Здесь он раскопал 4 почти совершенно исчезнувших кургана и 1 сохранившийся. Погребение в первых четырех (на Поповой горе) на поверхности, с Ю[го]-З[апада] на Сев[еро]-В[осток]; черепа долихозефалов. В одной могиле найдено 5 головных привесок, 2 серьги, 2½ кольца и 1 буса стеклянная с золотой прослойкой внутри.

Д[митрий] Я[ковлевич] относит погребение к X в. и к финнам. В последнем кургане еще не докопались до могилы, но уже нашли остов коня. На раскопках и объяснениях присутствовали лицеисты (лицея цесаревича Николая) и 5 чиновников Архива Министерства юстиции, а, кроме того, извозчики и сбежавшиеся окрестные жители и приезжие, всего до 50 чел. Объяснения Д[митрий] Я[ковлевич] давал с 3 до 6 часов”².

Благодаря Д.Я. Самоквасову, в МАМЮ появились сотрудники-археологи, которые, наряду с основной работой по приведению в порядок документов, их описанию, публикации, стремились заниматься изучением археологии. В фонде канцелярии МАМЮ (РГАДА, Ф. 337) отложились некоторые материалы об архивной службе довольно известных в свое время специалистов в области археологии – И.Я. Стеллецкого и В.К. Клейна. Игнатий Яковлевич Стеллецкий (1878–1949) пришел в МАМЮ по приглашению Д.Я. Самоквасова в 1907 г. Проходя обучение в Московском археологическом институте, он одновременно работал в архиве в качестве вольнонаемного, а по окончании института зачислен в штат МАМЮ. Стеллецкий – один из членов-учредителей Комиссии по изучению старой Москвы при Московском археологическом обществе. В 1913 г. в связи с Псковским археологическим съездом он был командирован от МАМЮ в Псков и Прибалтику для архивных и археологических изысканий³. Владимир Карлович Клейн (1883–1938) поступил на службу в МАМЮ в 1911 г. по рекомендации директора Московского археологического института А.И. Успенского. С 1914 г. Клейн преподавал в институте “историю русской архитектуры”⁴.

Новый управляющий архивом Д.В. Цветаев, сменивший в 1911 г. умершего Д.Я. Самоквасова, стремился направить научные интересы сотрудников в русло научно-издательской деятельности МАМЮ. В частности, в намеченной им обширной программе подготовки “Сборников МАМЮ” предусматривались сборник документов о подземной старине (порученной И.Я. Стеллецкому) и сборник с описанием хранившихся в МАМЮ планов и чертежей различных зданий (порученный В.К. Клейну). Об этой работе Стеллецкий и Клейн отчитывались в начале 1916 г. (Обычно отчеты в МАМЮ составлялись не в конце прошедшего года, а в начале следующего, речь идет о проделанном в основном в 1915 г.) Однако последующие события не способствовали осуществлению начатого. В 1917 г., уже под конец первой мировой войны, Стеллецкий и Клейн попали в армию⁵. В дальнейшем им не пришлось работать в архиве, а без них запланированные тома серии (“Сборник МАМЮ”) не могли завершиться. Таким образом, материалы текущего архивного делопроизводства приобрели как бы итоговое значение. Страница истории МАМЮ, касающаяся археологии, окончилась.

Л.И. Шохин

² Там же. Ед. хр. 547. Л. 1098–1099.

³ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1116. Л. 66, 94, 95.

⁴ Там же. Д. 983. Л. 2, 63.

⁵ См.: *Цветаев Д.В.* Новые издания Московского архива Министерства юстиции // РИЖ. Пг., 1917. Кн. 1/2. С. 161.

Докладная записка В.К. Клейна Д.В. Цветаеву

16 января 1916 г.

В 1914–15 гг. исполнял отдельные поручения в ходе подготовки Ольгова сб[орника]¹, в основном определение и выяснение топографии местностей по географическим названиям, встречающимся в издаваемых документах, а также сличение различных редакций многих документов, найденных в нескольких списках. Вел корректуру сб[орника]. В декабре 1915 г. доложил управляющему о встречаемых при частных занятиях среди документов архива чертежах и планах, чрезвычайно ценных в научном и художественном отношении. Управляющий архивом поручил устно заняться в свободное время от печатания Ольгова сб[орника] систематическим описанием и регистрацией всех находимых в делах чертежей и планов и наметить программу их опубликования в специальном томе архивного издания.

Во-первых, счел за лучшее я составить несколько пробных описаний чертежей и планов, выбрав для этого по одному образцу церковного, гражданского и крепостного зодчества. По изготовлении означенных пробных описаний последние будут мною представлены на рассмотрение и послужат образцом для последующей работы. Намеченные в первую очередь для издания планы и чертежи находятся среди дел Камер-коллегии и Коллегии экономии XVIII в. Беглый просмотр незначительной части этого материала показал, что он своим содержанием значительно отличается от известного уже в литературе и художественных изданиях. До сих пор внимание исследователей привлекали лишь те из планов и чертежей, которые относятся почти исключительно к крупным художественным памятникам, созданным выдающимися архитекторами. В большинстве случаев это проекты грандиозных зданий Высочайших особ для обеих столиц и заказов знатных вельмож. При всей выдающейся их художественной ценности они страдают однообразием тем, из которых главных только две: храм и дворец. Между тем в литературе никогда не затрагивался вопрос о виде рядовых обывательских строений XVIII в., сменивших собою древнерусские хоромы, и тех многочисленных общественных учреждений, которые в неисчислимом количестве строились по всем городам России в силу требований реформ Петра В[еликого].

Для пополнения этого крупного пробела АМЮ хранит материал исключительной ценности как по содержанию, так и по объему. Беглый, как я упомянул, просмотр незначительной части этого материала дал возможность теперь уже отметить, что планы и чертежи архива знакомят с совершенно не известными видами административных и правительственных зданий XVIII в., с их внутренним устройством и специальным назначением отдельных частей. Здесь имеются ратуши, таможи, важни, архивы, губернские дома, авоудские избы, тюрьмы, аптеки, квасные и ускусные дворы, винные погреба, фартены, кружечные дворы, кабаки, австерии, народные бани, гостинные дворы, торговые ряды и мн[огое] др[угое]. Конечно, нельзя умалять значение чертежей и планов, которые относятся к первой, уже известной в литературе группе. Здесь мы встречаем впервые работы знаменитых архитекторов Доменико Трезини, Матвея Казакова, Никитина, Егорова. Все эти чертежи дают очень ценные сведения для истории архитектуры и много новых страниц к биографии русских зодчих. Но, если здесь на 1-м месте должно поставить их значение для историка искусства, то другая группа одинаково ценна и для юриста, и для историка, и для историка искусства. ПСЗ совершенно умалчивает о виде и устройстве зданий, которые предназначались для обслуживания общественных нужд в эпоху петровских реформ. Упомянутые чертежи служат важнейшим источником к наглядному пояснению малопонятных для нас австерий, фартин, важней и проч.

Не имея должных знаний, чтобы оценить в полной мере значение этого материала для историка и юриста, я принужден ограничиться указанием их исключительной ценности лишь для историка русского искусства. Когда в 1911 г. в залах Имп[ераторской] Академии художеств была устроена "Архитектурная" выставка, для которой и прав[ительственные] учреждения и частные лица предоставили все свои художественные сокровища, то организаторы выставки были глубоко уверены, что они исчерпали весь материал и дали все необходимое для изучения и понимания русского зодчест-

ва XVIII в. “Историческая выставка, – писал один из организаторов, Л. Рудницкий, – одно из самых выдающихся событий в художественной жизни последних лет. Она познакомила с замечательной и совершенно неведомой областью русского искусства: с послепетровским периодом русской архитектуры. На выставке были представлены с полнотой, которой трудно было ожидать, все главнейшие течения в архитектуре, начиная с Петра Вел[икого] вплоть до эпохи романтизма”. Эти слова наглядно иллюстрируют ошибочный взгляд организаторов выставки. Полно представив планы построек Петербурга с прекрасными храмами и дворцами, они были уверены, что показали архитектуру всей России XVIII в.

Настоящее мнение о выдающейся научной ценности планов и чертежей МАМЮ послужило нравственным долгом лично доложить о них управляющему архивом и просить разрешения подготовить их к печати в изданиях архива².

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9721. Л. 33–34 об. Автограф.

2

Рапорт И.Я. Стеллецкого Д.В. Цветаеву “Об издании архивом сборника по изучению подземной старины”

11 февраля 1916 г.

Не приходится доказывать, что МАМЮ – первоисточник сведений по истории и археологии в России. Но в то время как историки издавна уже собирают архивный мед, археологи почти не знают к нему дороги. Между тем археология – основа, фундамент истории, и в некоторых вопросах прошлого история без помощи археологии бессильна разобратся. Таков, например, подземный вопрос, состоящий до сих пор вне кругозора истории, но который играл значительную роль в исторической жизни Руси. Раскрытие исторической роли подземного мира, вся, так сказать, элементарная, черновая сторона работы всецело выпадает на долю археологии. В деле выполнения этой намеченной для себя задачи археология может идти двумя путями: 1) собрать сведения об интересующих ее археологических памятниках на местах, 2) разыскать и изучить архивные документы, так или иначе трактующие о первых.

Накопленный таким способом материал составит содержание особого, специального сборника архива о памятниках подземной Руси. Целесообразность, жизненная пракτικότητα такого сб[орника] не подлежат сомнению. Ученые разъезды и командировки по необъятной шире Руси нередко производятся на авось, с нецелесообразною затратою времени и средств, вызванной отсутствием предварительного ознакомления с топографическими особенностями местности и сохранившимися там памятниками древности. “Сборник” архива в таких случаях может послужить в качестве незаменимого справочника. Содержание сб[орника] должно состояться из элементов археологического и архивного. Материал первого рода содержится в многочисленных донесениях с мест волостных и полицейских учреждений³, а также ученых архивных комиссий, второго – в документах МАМЮ, преимущественно в книгах строельных и переписных. “Сб[орник]”, таким образом, имеет естественно распасться на две части: 1) археологическую, 2) археографическую.

Работа м[ожет] б[ыть] завершена силами одного лица при возможном информационном содействии всех чинов архива⁴.

Делопроизводитель, ученый археолог И. Стеллецкий

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9721. Л. 6–6 об. Машинопись, 1-й экземпляр с авторской правкой.

**Автобиография действительного члена
Императорского Московского археологического общества
И.Я. Стеллецкого⁵**

Родился в 1878 г., 3 февраля в с. Григорьевке Павлоградского у. Екатеринославской губ., в духовной семье. Фамилия Стеллецких уже встречается в документах Московского архива Министерства юстиции под 1658 г., в приказе царя Алексея Михайловича тарскому воеводе Измайлову о назначении, за старостью, служить боярскому сыну Герасиму Стелецкому, по его челобитью, в г. Таре. (Печ[атная] конт[ора], кн. 85, стр. 152)⁶.

Детство протекло в слободе Балаклее Харьковской губернии.

Учение началось дома и продолжалось в начальной школе, где пристрастился к чтению, а затем в Харьковском духовном училище. В Харьковской духовной семинарии одно время, с негласного ведома начальства, издавал ученический иллюстрированный журнал.

Окончил семинарию студентом в 1901 году, и тогда же волонтером поступил в Киевскую Духовную Академию.

Будучи студентом, служил делопроизводителем в редакции академического журнала. Жизнь на отдельной квартире много способствовала продуктивности занятий по излюбленным вопросам. На третьем курсе мною была переведена запрещенная к обращению в России книга Н. Нотовича "La vie incon nue de Jésus Christ" (Paris, 1894).

Доклад по поводу этой книги, сделанный в студенческом богословском кружке, был напечатан в "Трудах Киевской Духовной Академии" за 1904 год.

Обширное курсовое сочинение на тему "Преобразование духовно-учебных заведений в 60-х годах XIX столетия", доставившее ученую степень кандидата богословия, остается неизданным⁷.

В октябре 1905 г. я был назначен по прошению преподавателем в Назаретскую учительскую семинарию в Палестине, состоящую в ведении Императорского Православного Палестинского общества.

Палестина, этот археологический "пуп" земли, пробудила дремавшие во мне инстинкты археолога. Спустя около двух лет я оставил службу в Назарете ради поступления на первый курс только что открывшегося тогда, в 1907 году, в Москве археологического института, ныне имени Императора Николая II.

Совместные археологические раскопки и занятия повели к сближению с известным археологом, незабвенной памяти проф[ессором] Дм[итрием] Як[овлевичем] Самоквасовым, принявшим меня к себе на службу в Московский архив Министерства юстиции. По его поручению и на его средства мною были произведены летом 1908 года археологические раскопки 45 курганов и городища в м[естечке] Снетине Полтавской губернии, для XIV Всероссийского археологического съезда в Чернигове. Находки и черепа были представлены на археологической выставке. В докладе "Вторжение скифов в Палестину", прочитанном мною на съезде, давался ответ на вопрос о причинах, обусловивших присутствие памятников ассирийского искусства, обнаруженных Дмитрием Яковлевичем при раскопках в скифских могилах.

В мае 1910 года, по защите на заседании Совета Императорского Московского археологического института напечатанной перед тем в "Древностях" (т. XII, 1909) Императорского Московского археологического общества диссертации п[од] з[аглавием] "Мадебская карта-мозаика Палестины в связи с вопросом о новой (русской) Горней Бет-Захари", получил звание ученого археолога.

Участвовал в качестве депутата от Императорского Московского археологического общества и Московского архива Министерства юстиции в работах: 1) XV археологического съезда в Новгороде в 1911 г., где сделал два доклада: а) "Подземная Русь" и б) "Десятилетие Комиссии по разбору и уничтожению документов Московского губернского архива старых дел"; 2) в занятиях в качестве депутата Московского архива Министерства юстиции юбилейного археологического съезда членов Института в Москве в мае 1913 г., на котором, исполняя обязанности секретаря Археографической секции, прочитал два доклада: "Царский переезд Михаила Феодоровича Романова из Костромы в Москву" и "Московский губернский архив старых дел"; 3) в занятиях Предварительного комитета для выработки правил и места XVI археологического съезда, по командировке от Московского отдела Императорского

Русского Военно-исторического общества; 4) в занятиях Всероссийского съезда зодчих в Москве в декабре 1913 г., по командировке от Московского архива Министерства юстиции. Доклад сделан на тему “Псковская стена в прошлом и настоящем”.

Посвятив себя занятиям предметами археологического ведения вообще, я особенное внимание обратил на памятники старины в виде подземных сооружений всякого рода, доселе пребывавших вне сферы археологического интереса.

Императорское Московское археологическое общество (с обычною для него чуткостью, сразу же) пошло навстречу моим занятиям, оказав существенную поддержку делу рядом официальных летних командировок для исследования этого рода памятников сперва на юге России, а с лета 1913 года – в Прибалтийском крае и в Псковской губернии, для Всероссийского, в Пскове 1914 г. археологического съезда. В последнем случае помимо прочего И[мператорское] М[осковское] А[рхеологическое] О[бщество]во оказало и ценную поддержку материальную.

С течением времени памятниками старины подземными стали заинтересовываться и широкие слои публики и специальные ученые учреждения и общества. От лиц из публики стали поступать многочисленные извещения о месте нахождения этого рода памятников, а от некоторых ученых обществ были получены приглашения сделать о них доклады. Так, в апреле 1912 г. было сделано мною сообщение “О подземных сооружениях России” в собрании Разряда военной истории и археологии при Императорском Русском Военно-историческом обществе в Петрограде⁸.

Ввиду развивающегося интереса к подземным памятникам старины, мною совместно с двумя другими лицами было основано в Москве Общество по исследованию памятников древности, с Комиссией по изучению подземной старины. Последняя, особенно через иногородних членов, работает в одном направлении с Московским архивом Министерства юстиции, который при содействии Министерства внутренних дел и губернских ученых архивных комиссий собрал уже обширные материалы по подземной Руси. Совет Комиссии, по любезности г. управляющего архивом, в настоящее время занят изучением собранного архивом материала. С своей стороны в распоряжении архива предоставлен комиссией накопленный ею в течение ряда лет материал по подземной старине⁹.

Москва, 1915. III. 17

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1116. Л. 174–175 об. Машинопись с авторской правкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Ольгов сборник” – один из томов “Сборника МАМЮ”, посвященный истории Рязанского Ольгова монастыря.

² Судя по записке Д.В. Цветаева в Главное управление архивным делом, это издание было близко к завершению: “Подготавливаются к печати описания столбцов Преображенского приказа, документов Поместного приказа, сибирских, верхотурских и имеющихся в архиве планов, чертежей и карт XVII–XIX вв.” (СИФ РГАДА. № 29. С. 43).

³ В 1915 г. МАМЮ разослал через МВД циркуляр местным властям о присылке сообщений относительно имеющихся памятников “подземной старины”. В архиве осталось немалое количество ответов на этот запрос со всех концов России, но все они отрицательные, не содержат никакой позитивной информации. Вероятно, дошедшие до нас анкеты составляли наименее ценную часть всех имевшихся анкет (РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9878–9910).

⁴ Во второй половине 1918 г. Д.В. Цветаев настойчиво предлагал И.Я. Стеллецкому вернуться в архив на должность старшего архивиста, но Стеллецкий предпочел остаться в Киевском археологическом институте (РГАЛИ. Ф. 1823 (И.Я. Стеллецкий). Оп. 3. Д. 128. Л. 3–6). Хотя вряд ли возвращение И.Я. Стеллецкого в Москву в 1918 г. позволило бы издать сборник о “подземной России”.

⁵ В дневнике И.Я. Стеллецкого о его раскопках в Кремле в октябре 1934 г. говорится о том, что приглашенный в качестве консультанта правительственной комиссии по раскопкам В.К. Клейн выступил против продолжения исследований. Но И.Я. Стеллецкий не упоминает о прежней совместной работе с В.К. Клейном в архиве в течение нескольких лет. См.: *Стеллецкий И.Я.* Мертвые книги в московском тайнике. М., 1993. С. 214.

⁶ По-видимому, И.Я. Стеллецкий навел справку по алфавитному указателю к книгам Печатного приказа (или Печатной конторы), хранившимся в МАМЮ.

- ⁷ В предварительном варианте “Автобиографические данные действительного члена Императорского Московского археологического Общества Игнатия Яковлевича Стеллецкого” от 2 января 1914 г., составленном, вероятно, для готовившегося к изданию биографического справочника Московского археологического общества, содержится добавление: (Рецензии на него – в “Трудах Киевской Духовной Академии” за 1905 г.). См.: РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1116. Л. 171. Автограф.
- ⁸ В предварительном варианте написано: “Откликнулись также многие провинциальные архивные комиссии и археологические общества на разосланный Московским архивом Министерства юстиции опросный лист об этих памятниках. Означенные сообщения с мест представляют ценный археологический материал, который ждет серьезного внимания гг. археологов” (РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1116. Л. 167).
- ⁹ В автобиографических заметках 1914–1915 гг. И.Я. Стеллецкий высоко оценивает поддержку Московского археологического общества начатым им раскопкам в различных пунктах, тогда как впоследствии он отзывался об этом обществе с раздражением. По всей вероятности, его надежды не оправдались, сыграло и главную роль то обстоятельство, что общество прекратило свое существование. О работе в МАМЮ и собирании там материалов по археологии И.Я. Стеллецкий вспоминал с удовлетворением. См.: *Стеллецкий И.Я.* Мертвые книги в московском тайнике. М., 1993. С. 154, 167–168.

М.Н. ТИХОМИРОВ НА РАБФАКЕ ПРИ ВХУТЕМАС

В Центральном архиве литературы и искусства Москвы (ЦАЛИМ) хранится личное дело Михаила Николаевича Тихомирова, в которое включены четыре документа, относящиеся ко времени, когда он преподавал историю классовой борьбы на Едином художественном рабфаке при Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), а также составленная им сетка занятий по этому предмету на апрель–май 1925 г., с внесенными в нее изменениями по решению общественной предметной комиссии.

В Москву М.Н. Тихомиров возвратился из Самары, имея, как он указал в анкете, пятилетний преподавательский стаж по истории культуры. Преподавателем на художественный рабфак он был зачислен с 24 сентября 1923 г. (док. 1).

Согласно справке, зарегистрированной 10 мая 1924 г., М.Н. Тихомирову было разрешено работать в школе № 48 Московского отдела народного образования (док. 2). По упомянутой сетке занятий и предписанию общественной предметной комиссии от 31 марта 1925 г. можно в определенной мере судить о темах, которые ему пришлось вести на рабфаке (док. 3, 4).

В док. 5 он характеризуется как знающий свой предмет преподаватель, оставивший службу по собственному желанию с 1 сентября 1925 г. Хотя, как это можно увидеть из изложенного ниже, “собственного желания”, могло и не быть.

Из документов фонда, дающих общее представление о предмете, который преподавал М.Н. Тихомиров, сохранилась объяснительная записка к программе по истории классовой борьбы, которая была направлена на рабфак Наркомпросом. В ней указано: “Преподавание истории классовой борьбы на рабочих факультетах ставит себе ту же основную цель, что и изучение других обществоведческих дисциплин, [а] именно всестороннее освещение социально-политической современности и генезиса... Поэтому программа исторического курса включает в себе основные моменты истории классовой борьбы XIX и XX вв. и части XVIII в., начиная с промышленного переворота в Европе. Что же касается более ранних исторических эпох, то из них лишь взят тот материал, который необходим для выяснения генезиса капиталистического общества...”¹

Этот документ датирован 18 августа 1926 г. М.Н. Тихомиров на рабфаке к тому времени уже не работал. Будущий академик от работы был освобожден в числе 19 других преподавателей по постановлению президиума рабфака от 13 июля 1925 г. Основания для этого, согласно протоколу заседания, были сле-

¹ ЦАЛИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.

дующие: отзывы коллективных совещаний о преподавателях, постановления академической секции, наблюдения за работой преподавателей президиума и учебной части рабфака, необходимость нагрузки большим количеством часов штатных преподавателей².

Ю.Б. Живцов

² Там же. Д. 55. Л. 55–55 об.

1

Не позднее 24 сентября 1923 г.^{1*}

Анкета № 2.

Личный опросный лист на преподавателей

1. Фамилия, имя и отчество. *Тихомиров Михаил Николаевич.*
2. Какое учебное заведение Вы окончили, в каком году (факультет, специальность). *Историко-филологический факультет Московского университета.*
3. Преподавательский стаж. Сколько времени Вы преподаете, в каких учебных заведениях и какие предметы. *5 лет (1918–1920 – на рабочих курсах; 1920–1923 – в Самар[ском] Гос[ударственном] университете. Преподаватель всеобщей истории культуры).*
4. Как материально Вы обеспечены (семейный заработок и пайковое довольствие). *Получаю академ[ический] паек и обеспечение по 1-й категории.*
5. Ваш возраст и семейное положение (сколько членов семьи на Вашем иждивении). *Одинокий.*
6. Название предмета, преподаваемого на рабфаке. *История культуры.*
7. Сколько времени преподаете на рабфаке. *3 года.*
8. Ваше участие в общественной жизни, прежней и теперь, какие выборные должности Вы занимали и занимаете. *Пред[седатель] библиограф[ической] комиссии Об[щест]ва археологии, ист[ории] и этногр[афии] при Сам[арском] Гос[ударственном] у[ниверсите]те.*
9. Ваши научные убеждения (к какой школе и направлению Вы себя причисляете). *В основу культ[урно]-истор[ических] явлений кладу экономи[ческий] базис¹.*
10. Сторонником какого метода Вы являетесь. *Лабораторный и экскурс[ионный] метод².*
11. Имеете ли научные труды (указать какие) и ведете ли в настоящее время научную работу. *1. Псковский мятеж XVII в. М., Практ[ические] зн[ания], 1918, 64 стр.; 2. К истории колониз[ации] Самар[ского] края (отпуск из 5 вып. Изв[естий] Сам[арского] Гос[ударственного] у[ниверсите]та).*

Подпись М. Тихомиров

Адрес: Покровский бульвар, Б. Трехсвятительский пер., дом. 1, кв. Тихомировых.

На документе резолюция: "Зачислить с 24/9-23 г."

ЦАЛИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 448. Л. 2. Подлинник.

2

Не позднее 10 мая 1924 г.^{2*}

СПРАВКА

Дана Единым художественным рабочим факультетом преподавателю рабфака тов. М.Н. Тихомирову в том, что препятствий для его работы в школе № 48 им. БУХАРИНА (МОНО)³ со стороны рабфака не встречается. Выдана для представления в МОНО.

Заведующий рабфаком Пуссеп⁴
Секретарь

ЦАЛИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 448. Л. 1. Отпуск.

^{1*} Датируется по резолюции на документе.

^{2*} Датируется по помете на документе.

Не ранее 31 марта 1925 г.

Сетка занятий по истории классово-борьбы
до конца учебного года для групп II-б, II-мт, II-в

1. ОСНОВНАЯ ТЕМА, прорабатываемая теперь^{3*}:

Крепостное хозяйство и самодержавие в России в конце XVIII и перв[ой] пол[овине] XIX в.
(проведено было два урока, предстоит пройти дальше):

- I. Крепостная дореформенная фабрика – 2 ч.
- II. Кризис крепостного хозяйства и крестьянская реформа – 2 ч.
- III. Аграрный вопрос после крестьянской реформы – 2 ч.^{4*}
- IV. Конференция – 2 ч.

2. ОСНОВНАЯ ТЕМА: Англия в пер[вой] полов[ине] XIX века^{5*}.

- V. Политический строй и положение рабочего класса. Реформы 1832 г. – 2 ч.
- VI. Чартизм – 2 ч.
- VII. Конференция – 2 ч.

3. ОСНОВНАЯ ТЕМА: Франция в пер[вой] полов[ине] XIX века – 2 ч.^{6*}

Итого 8 зан[ятий] по 2 ч. – 16 час.

Преподаватель: М. Тихомиров^{7*}

Для группы II-в схема будет несколько иная, так как эта группа запаздывает (с прошлого года), сейчас кончается прохождение Вел[икой] Франц[узской] революции.

В ближайшее время будет пройдено:

I. Социально-экономическ[ая] политика Конвента. Падение якобинцев и буржуазная реакция.

II. Конференция.

III. Крепостное хозяйство (и далее примерно по предложенной выше схеме, кончая чартизмом).

Препо[даватель]: Тихомиров.

В верхней части документа резолюция: “В учебную часть”.

ЦАЛИМ. Ф. 52. Оп. I. Д. 200. Л. 4. Подлинник

Не позднее 31 марта 1925 г.^{8*}

Тов. ТИХОМИРОВУ

Бюро общественной предметной комиссии доводит до Вашего сведения, что сетка представленная Вами для 2-х курсов утверждена со следующими изменениями: вместо “Крестьянской реформы” – “Движение декабристов” (Реформа 61-го года до следующего года).

Вместо Франции 1-й половины 19-го века – тредюонизм^{9*}. В третьих, сетка для вторых групп б, в и г с 3-летним обучением разработана заново на конец текущего года и на следующий год.

^{3*} Далее вписано от руки на апрель.

^{4*} Пункт III зачеркнут и вписано Движение декабристов.

^{5*} Далее написано от руки на май.

^{6*} Пункт 3 зачеркнут, над ним вписано заменить тредюонизмом.

^{7*} Далее текст зачеркнут над ним сделана запись смотри приложение для групп, идущих в три года.

^{8*} Датруется по помете на документе.

^{9*} Так в документе.

Сетка приложена.

Бюро доводит до Вашего сведения, что в субботу, 4-го апреля, назначен Ваш доклад на заседании бюро с представителями групптроек.

Заведующий рабфаком
Секретарь⁵

ЦАЛИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 448. Л. 3. Отпуск.

5

Не позднее 3 октября 1925 г.^{10*}

Удостоверение

Выдано настоящее тов. ТИХОМИРОВУ М.Н.⁶ в том, что он с сентября 1923 г. по 1 сентября 1925 г. состоял преподавателем истории классовой борьбы на Едином художественном рабфаке и за время своей работы проявил себя как добросовестный, знающий свой предмет преподаватель и оставил службу по собственному желанию.

Заведу[ющий] рабфаком
Секретарь

Пуссеп
Ладыгин⁷

ЦАЛИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 448. Л. 4. Отпуск.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Ср. с другими опросными листами: марксистка, марксист, марксистская школа, школа диалектиче-ского материализма (ЦАЛИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 256. Л. 1; Д. 404. Л. 1; Д. 303. Л. 1; Д. 460. Л. 1).
- ² По анкетам коллег: лабораторный, лабораторно-трудоу, лабораторный, самостоятельная работа слушателей.
- ³ Московский отдел народного образования.
- ⁴ Пуссеп Эдуард Мартинович – по специальности преподаватель математики, занимал должности за-ведующий учебной частью, заместитель заведующего рабфаком.
- ⁵ Под документом виза Николая Алексеевича Звягинцева, преподавателя физики и политэкономии, заведующего рабфаком.
- ⁶ Вместо М.Н. Тихомирова на первом и втором курсах рабфака предмет стал вести другой выпускник исторического отделения историко-филологического факультета Московского университета – Ле-онид Адрианович Осипов (по анкетным данным марксист). Его документы о приеме на работу (за-явление, опросный лист) датированы 5 сентября 1925 г. (Ф. 52. Оп. 1. Д. 404. Л. 1, 2).
- ⁷ Ладыгин Виктор Иванович – занимал на рабфаке различные должности: управляющий делами, ла-борант, заведующий общежитием.

ОБ ИВАНЕ АФАНАСЬЕВИЧЕ БЫЧКОВЕ

(воспоминания Т.В. Никольской)

Имя Ивана Афанасьевича Бычкова (1858–1944), ученого-архивиста, заме-чательного палеографа, члена Археографической комиссии с 1887 г., члена-корреспондента Академии наук с 1903 г., хорошо известно всем историкам русской гуманитарной науки. Диапазон его изысканий охватывал широкий пе-риод времени, но главные интересы сосредоточились на XVIII–XIX вв. Им бы-ли подготовлены к печати и опубликованы письма и различные архивные ма-териалы В.А. Жуковского, В.А. Вяземского, К.Н. Батюшкова, Н.В. Гоголя,

^{10*} Датируется на основании пометы на документе.

В.Ф. Одоевского и других; продолжено многотомное издание “Писем и бумаг Петра Великого”, начатое его отцом академиком А.Ф. Бычковым; составлены каталоги собраний рукописей П.Д. Богданова, Ф.И. Буслаева, П.И. Савваитова; обзор богатейшего собрания рукописей епископа Порфирия Успенского, бумаг А.А. Краевского и многое другое. Свыше 60 лет (1881–1944) прослужил И.А. Бычков в Рукописном отделении Публичной Библиотеки (ныне ОР РНБ) и стал одной из самых колоритных фигур в ее истории. Авторитет его был необычайно высок в Библиотеке, и сам он часто олицетворялся с Рукописным отделением, был его живой легендой. Личность И.А. Бычкова – своеобразная и незаурядная, производила сильное впечатление на современников. Отзывы о нем разбросаны в различных статьях, посвященных его памяти¹, но, пожалуй, ни один из них не дает такого яркого и живого портрета Бычкова, как воспоминания Г.В. Никольской.

Галина Всеволодовна Никольская (1897–1942), библиограф и архивист², прослужила в Рукописном отделении ГПБ сравнительно недолго, около семи лет (с 1 октября 1933 до 30 ноября 1940 г.), а став инвалидом, продолжала работать в меру своих сил. Ею, в частности, был разобран архив С.Ф. Платонова и подготовлена его первоначальная опись, частично описан архив С.Н. Шубинского, составлен карточный каталог писем русских писателей. Свойственная Никольской наблюдательность и острота восприятия позволили ей создать необычайно выразительную картину жизни Рукописного отделения второй половины 30-х годов XX столетия и представить целую галерею портретов людей того времени. Ее воспоминания чрезвычайно интересны, хотя подчас и крайне неліцеприятны. Никольская писала для себя, не стесняясь в характеристиках, но от этого они не стали менее ценными. Воспоминания о Рукописном отделении вместе с другими бумагами после ее смерти в блокадном Ленинграде были переданы на хранение в Публичную библиотеку, но затем изъяты как “не представляющие научной ценности”. А.Д. Люблинская, которая высоко ценила профессионализм и острый ум Г.В. Никольской, сохранила в своем архиве (СПб., ФИРИ РАН. Западноевропейская секция. Ф. 13) ее воспоминания о работе в библиотеках Ленинградской Комакадемии, Дома инженерно-технических работников и Рукописном отделении ГПБ, благодаря чему появилась возможность познакомиться с этими материалами.

Воспоминания Г.В. Никольской представляют собой недатированный рукописный автограф без названия и состоят из двух частей. Первая – о Рукописном отделении Публичной библиотеки (около 50 с.), вторая – *personalia*, куда вошли зарисовки о В.В. Майкове, О.А. Добиапш-Рождественской (около 20 с.), А.Д. Люблинской, Е.Э. Гранстрем и других сослуживцах по РО ГПБ. Эти воспоминания в скором времени будут опубликованы в одном из изданий РНБ.

Ниже предлагаются воспоминания об И.А. Бычкове. Поскольку архив А.Д. Люблинской не описан, то ссылки на публикуемый текст дать невозможно.

Л.Б. Вольфцун

¹ Валк С.Н. Иван Афанасьевич Бычков // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1944. № 5; Андреев А.И. Памяти Ивана Афанасьевича Бычкова // Петр Великий: Сб. статей. М.; Л., 1947; Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. М.; Л., 1948; Розов Н.Н. Член-корреспондент АН СССР И.А. Бычков (к 100-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Отд. лит.-ры и языка. 1958. Т. 17. Вып. 4; Бабук О.А. Бычков Иван Афанасьевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1996. Т. 1. С. 123–125.

² Более подробно о ней см.: Вольфцун Л.Б. Никольская Галина Всеволодовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки... СПб., 1999. Т. 2. С. 463–471; Она же. Галина Всеволодовна Никольская, библиограф и архивист // Историко-библиографические исследования. СПб., 2000. Вып. 8.

Об Иване Афанасьевиче Бычкове, наверно, когда-нибудь будет написана статья, – конечно, панегирическая. Да, в нем было немало, того, что заранее оправдывает панегирический тон. Говорить о такой сложной натуре, как Бычков, нелегко, тем более, что за все годы моей работы в Рукописном отделении мои отношения с ним не выходили за рамки официальных рамок. Однако ряд наблюдений и фактов позволяют мне иметь о нем свое собственное мнение.

Я ничего не буду говорить об его исключительной эрудиции. Она – общеизвестна и бесспорна. Общеизвестна и его, действительно редкая (особенно в 80 лет)¹ память, – профессиональная память архивиста, представляющая собой целую энциклопедию имен, дат, титулов, должностей, степеней родства и т.п. Спросишь у него: “Как звали такого-то?”, Бычков, если не сможет ответить сразу, полузакроет глаза, слегка откинёт голову назад, и по напряженному выражению его лица видно, что в это время он в мыслях спешно перебирает листы своей энциклопедии, иногда шевеля при этом губами. Потом лицо его озаряется легкой, довольной улыбкой, и он произносит нужное имя. Я хорошо разбирал* также очень трудные почерка и ко мне часто приходили на “консультации”; сам же я к консультации Быčkова прибегал только в крайних случаях, стесняясь его беспокоить. Он подносил рукопись к самым глазам, так что его нос и борода касались бумаги, и долго всматривался в непонятное слово. Случалось, что и он прочесть не мог. Тогда он начинал смеяться тихим, каким-то ироническим смехом и, возвращая мне рукопись, говорил с присутствием ему в некоторых случаях, – тоже ироническим, – пафосом: “Нет-с... не понимаю!..”

Я бы сказал, что главными чертами Быčkова были большой ум, скромная выдержка и самообладание, колоссальная работоспособность и глубокая скрытность при внешней приветливости и мягкости.

Наша современность, – во всех ее даже положительных проявлениях, – конечно, была не только чужда, но и ненавистна Бычкову. Но, внешне ее приняв и оставшись на государственной службе, он служил честно, служил, действительно, не за страх, а за совесть, никогда не позволял себе никаких выпадов против враждебных ему властей. Ум и такт подсказали ему, что слишком упорствовать в писании по старой орфографии в служебных бумагах, или ставить в них старый стиль вместо нового [не стоит], и Бычков постепенно отказался от этих упрямо-нелепых проявлений фронды. В последнее время он следовал только двум анахронизмам, весьма невинным: вместо “гражданка” продолжал писать “г-жа”, и от сотрудников Рукописного отделения, выписывающих книги из находившейся при Рукописном отделении [Публичной] библиотеки его отца, требовал, чтобы они писали А.Ф. Бычков, а не А.Ф. (через фиту).

Вообще, как у аккуратного человека и, к тому же, глубокого старика, у него было множество мелких, педантичных требований, за точным выполнением которых он следил так строго, как будто от этого зависела судьба всего Рукописного отделения. Боже сохрани, если распишешься в получении рукописи не в той графе, или не в таком порядке, как говорит Бычков, запишешь название архива и т.п. На эти мелочи немало уходило у него времени! Часами он пересчитывал листы выдаваемых или возвращаемых рукописей, очень неохотно доверял эту ужасную работу другим (за исключением еще более педантичного, чем он, Попова)². Меня долгое время изумляло, на что тратит человек силы и время!.. То и другое у Быčkова должно было бы цениться побольше... Так и представляю себе его характерную фигурку, за огромным заваленным рукописями столом, с ногами, кажется, не достающими даже с обычного стула до пола... Голова Быčkова вся ушла в какую-нибудь толстую рукопись; носом, бородашкой и руками он, шепча что-то, пересчитывает листы.

Работоспособность его была поразительной. Если о возрасте следовало судить по ней, то, конечно, Бычков был самым молодым в Рукописном отделении. Он приходил почти всегда раньше всех, уходил последним, и не единая минута его пребывания в Рукописном отделении не была минутой праздной. Бычков не признавал никакого “обеденного” перерыва, не пил чай. Летом не пользовался, как все мы, 2-х месячным отпуском. Взамен этого он брал отпуск на две недели Рождества и на две недели Пасхи. Но и в эти недели часто приходил в Рукописное отделение, следя за его текущей работой по выдаче рукописей. Когда рабочий день сотрудников Рукописного отделения удлинялся, Бычков отказывался от всякого предоставления ему в этом отношении льгот и ходил на работу наравне со всеми. Исключением было только последнее время, когда Бычков после настойчивых

* Здесь и далее так написано автором.

просьб Ухмыловой³ и директора⁴ согласился, наконец, не доводить свой рабочий день до 8-часового, но и тут он уходил лишь на какой-нибудь час раньше сотрудников. 80-летний старик, полуслепой, во всякую погоду, в темноту, в лютой мороз являлся в Рукописное отделение, как часовой на своей посту. Когда дирекция однажды предложила присылать за ним автомобиль, он отклонил эту привилегию с тем непреклонным упорством, которое в нем уже ничто не могло сломить.

Упорство Бычкова не было (за исключением каких-нибудь мелких случаев) упрямством. У него было упорство воли, а упрямство, – чаще всего суррогат воли у безвольных. Люди, близко его знавшие, говорили, что он никогда не станет упрямым, если не будет уверен в том, что от него хотят разумного и нужного. Но убедить его, конечно, было нелегко.

Не менее, чем эрудиция и работоспособность Бычкова, всем, кто имел с ним даже мимолетно и случайно – дело, известно его чарующая приветливость, то обаяние, которое исходило от всей его своеобразной фигуры, от его манер, его благожелательность, его утонченная на старинный лад воспитанность...

Нужно было узнать его гораздо ближе, чтобы убедиться в том, что все это было в большей своей степени выработанной и прочно усвоенной манерой поведения. Ласковое, долгое рукопожатие Бычкова, его привычка вести за собой человека за руку и целый ряд других его мелких привычек в отношении с людьми вызывались в нем не внутренней потребностью обласкать и приветить человека и совсем не выражали его отношения к нему. Они были именно его манерой – и только. Он одинаково крепко и долго жал руки всем, одинаково тащил своей теплой, цепкой и сильной еще рукой за собою всех. Был ровно приветлив и ласков со всеми...

На самом же деле он не был ни добродушен, ни благодушен. Мне лично во всех его сочувственных словах, соболезнованиях и пр[очем] чудилось формальное, не идущее от души. Чувствовался в нем тот старческий огонек, который в известном возрасте делает людей уже неспособными к глубоким переживаниям чужих радостей и горестей, замыкая их в узкий круг давным-давно определившихся и как бы окостеневших понятий, интересов, отношений. К этому еще нужно добавить ту природную глубокую скрытность и сдержанность Бычкова, о которых я упоминал. Возможно, что с людьми лично ему близкими он был другой... Но ведь почти каждый человек с близкими – другой, чем среди толпы. Я улавливал в Бычкове временами и способность к большой злости, к большому раздражению. Просто, это маскировалось им столь тщательно, что можно было заметить лишь при обостренной чуткости. Во всяком случае, он был человек не добрый, хотя и мог казаться добрым. Душевная сухость в нем чувствовалась довольно явно.

Нельзя было не уважать его за исключительную, – особенно в наше время, – скромность. Этот крупный ученый, имя которого известно всему ученому миру, – никогда не позволял себе ни тени намека на какие-нибудь свои научные заслуги; как огня, боялся всяких чествований, интервью, чаще всего, что могло бы его выделить среди других. Когда перед празднованием 125-летия Публичной библиотеки⁵ в Рукописном отделении стали ежегодно появляться фотографии и кинооператоры, и большинство сотрудников – в том числе и Майков⁶, – старались попасть на фотографии для какой-нибудь газеты или в кадр фильма, Бычков категорически воспротивился тому, чтобы его снимали. Заметив же, что фотограф хочет снять его “нелегально”, он демонстративно отвернулся. Обернулся к нему спиной, а затем вышел из зала.

Как тяжелой необходимости, он подчинялся ежегодным поздравлениям сотрудников (день его рождения – 1 сентября). Как еще более глупой необходимости, он подчинился затее праздновать 60-летний юбилей его работы⁷ в Рукописном отделении. Его уговорили подчиниться этому “в интересах библиотеки”. Он покорно, – именно покорно! – выполнял все требования юбилейного ритуала, – такой маленький, сгорбленный, седенький, тихий... На него было трогательно смотреть! От Рукописного отделения ему был поднесен хорошо сделанный в стиле рукописи XVIII века адрес, трафаретный по содержанию ... полкило шоколадных конфет и ... отвратительные, грубые, воняющие кожей, ночные туфли. Не ручаюсь, что над последним замечательным подношением Бычков не смеялся, тем тихим, ироническим смешком, каким смеялся, когда не мог разобрать слово в рукописи.

Бодрый, жизнерадостный Бычков терпеть не мог, когда кто-нибудь из сотрудников пытался оказать ему помощь при переносе книг, рукописей. Всегда отстранял руку сотрудника и с некоторой обидой в голосе поспешно возражал: “Я сам, сам...” Сколько раз он тащил ко мне, в мой угол, такие пачки книг, которые я сам не рискнул бы нести. Начнешь его укорять за это, а он, полузакрыв глаза, улыбнется и только скажет: “Извольте-с... из-

вольте-... распишитесь...” Он лазил по библиотечным лесенкам, в полутемных залах, на довольно большую высоту, сам снимал с полок тяжелые картоны. На него было страшно смотреть со стороны... а ему хоть бы что! Бродит, ползает между нашими огромными шкафами, как сказочный гном этого царства рукописей... Последние годы он стал так плохо видеть, что узнавал подходивших к нему только по голосу. Иногда случалось встретить его в нашем всегда затемненном круглом зале. Он слышит что-то там и настороженно-беспомощно выглядывает из-за шкафов, – кто идет? Скажешь ему: “Это я, Иван Афанасьевич...” Он успокоится и поползет дальше. Говорили, что так “настораживаться” он стал после кражи Остромирова Евангелия⁸.

По отношению к сотрудникам это был деликатнейший человек, тактичный, никогда не позволявший себе ни намека на то, что именуется “административным восторгом”, и чем в избытке было наделено “значительное лицо” в гоголевской “Шинели”. Если ему, в силу необходимости, приходилось делать сотруднику замечание, указывать на промах в его работе, он делал это так умно, осторожно, тактично, что обидеться на него было невозможно. В работу каждого из нас он совершенно не вмешивался, но я уверен, что незаметно и также тактично он за всеми следил и все знал.

То, что на Рукописное отделение он во многих отношениях смотрел как на свой фонд, более чем понятно. Помимо традиций прошлого, от которых странно было ждать отрешения у 80-летнего старика, здесь играло роль исключительное долголетие его работы в Рукописном отделении. Нельзя было бы требовать изменений в мировоззрении и привычках Бычкова, но не менее нельзя делать из этого мировоззрения и привычек – фетиш.

Говоря об отношении Бычкова к сотрудникам, я забыл упомянуть об одном, очень существенном. При всем его такте и внешней благожелательности, он был крайне недоверчив к сотрудникам там, где дело касалось выдачи им рукописей, и эта недоверчивость иногда вредно отражалась на работе. Бычков никогда не выдавал сотрудникам много рукописей, это было его принципом. Там, где эти рукописи являлись самостоятельными, так называемыми “отдельными поступлениями”, с его принципом можно было мириться. Но совсем иначе обстояло дело со мной, когда приступил к составлению картотеки на архив Шубинского⁹. Бычков, с видом священнодействия, выдавал мне по два тома, а, между тем, на каждом шагу встречалась необходимость сверки какого-нибудь письма из тома за 1898 г., с письмом из только сданного мною Бычкову тома за 1897 г. Интересы работы, конечно, требовали бы того, чтобы я брал у Бычкова нужный мне том вторично, но у меня никогда не хватало духа беспокоить его такой просьбой, хотя я уверен, что такое положение неминуемо отзывалось на качестве моей работы. Иногда, занятый чем-нибудь, он подолгу не выдавал нужные сотрудникам рукописи, и те теряли не только часы, но и дни, не имея для работы материалов.

Жена Бычкова, Мария Константиновна¹⁰, тоже служила в Публичной библиотеке в отделе обработки. Она была значительно моложе его, лет на 20. Очень скромная, тихая, симпатичная дама. Перед Бычковым она, видимо, благоговела и очень о нем заботилась. Звали они друг друга, – по крайней мере, в Публичной библиотеке, – на вы и по имени-отчеству.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Видимо, воспоминания были написаны не позже 1939 г.

² Попов Федор Яковлевич (1879–1958) – сотрудник Публичной библиотеки в 1925–1955, ученый хранитель рукописей I зала (“Оленинской системы”).

³ Ухмылова Татьяна Константиновна (1893–1970) – в Публичной библиотеке работала в 1934–1948, 1953–1961. Долгое время была заместителем И.А. Бычкова, а затем зав. Рукописным отделением.

⁴ Вольпер Александр Христофорович (1894–1970), в 1936–1941 гг. – директор Публичной библиотеки.

⁵ Празднование состоялось в 1939 г.

⁶ Майков Владимир Владимирович (1863–1942), археограф, палеограф, библиограф, с 1925 г. член-корреспондент АН СССР. В рукописном отделении работал в 1900–1942 гг.

⁷ Юбилей отмечался в 1941 г.

⁸ Кража Остромирова Евангелия произошла в 1934 г. К счастью, пропажа была обнаружена уже на следующий день. Евангелие пострадало не очень сильно: был сорван и переплавлен богатый серебряный переплет, а также почти полностью поврежден первый лист. По негласному соглашению, о краже нигде не говорилось, но об этом знала вся библиотека.

- ⁹ Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913), историк, публицист, редактор журналов “Древняя и новая Россия”, “Исторический вестник”. В 1914 г. его архив поступил в Рукописное отделение. Более 20 тыс. писем этого архива были переплетены Шубинским в тома; на большинство годов было по 4 тома, а внутри – письма, которые располагались в алфавитном порядке корреспондентов.
- ¹⁰ Бычкова Мария Константиновна (1875–1964). Работала в библиотеке в 1920–1942 гг., 1945–1947 гг. Занималась каталогизацией книг библиотеки А.Ф. Бычкова (более 18 тыс. экз.), поступивших от наследников в 1902 г., а также другими видами каталогизационных работ.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ П.Н. МИЛЮКОВА 1939 г. О РАБОТЕ А. МАЗОНА “СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

Празднование 200-летия со времени издания “Слова о полку Игореве” – хороший повод для того, чтобы снова заняться и историографией этого памятника и там, где это возможно, внести уточнения. Кроме вопросов о создании памятника, представляет интерес проблема оценки его в русском самосознании. Мы пытались ответить на эти вопросы с точки зрения русской эмиграции на Международной конференции в Ярославле в 2000 г.

При просмотре русской прессы удалось выявить забытую статью историка и политического деятеля Павла Николаевича Милюкова (1859–1943). Она появилась в 1939 г. в парижской газете “Последние новости”¹, главным редактором которой был Милюков. Значение статьи в том, что это едва ли не самая обстоятельная ранняя реакция в печати на первую часть тезисов профессора А. Мазона². Опубликованная в канун второй мировой войны она осталась незамеченной в библиографии известного сборника, посвященного “Слову” и преподнесенного академику М.И. Ростовцеву³. Пока мы не знаем, какова была реакция Мазона на статью Милюкова. Отвечая авторам сборника, Мазон опубликовал в 1965 г. в томе “Bibliothèque russe de l’Institut des Etudes Slaves” труд М.И. Успенского с материалами и о последовавшей полемике, но о П.Н. Милюкове не упоминал⁴. Фамилия Милюкова отсутствует и в именном указателе к «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”»⁵. Нет этой статьи и в списке работ П.Н. Милюкова, в приложении к монографии Т.М. Бона⁶.

Сегодня, когда в России возрастает интерес к культурному наследию, статья заслуживает вторичной публикации. Это важно и в плане историографии “Слова о полку Игореве”, и для изучения развития гуманитарных наук в Российском зарубежье.

Статья печаталась в 1939 г. по правилам дореволюционной орфографии, ныне передана по новой орфографии с сохранением особенностей стиля автора и передачи цитат.

Д.М. Шаховской

¹ Милюков П. Ересь профессора Мазона. [Ч.] I–II // Последние новости. 1939. 25 мая, 2 июня.

² Mason André. Le Slovo d’Igor: Le sujet et le cadre, le modèle principal. P., 1938 (1939) // Revue des Etudes Slaves. T. 18, fasc. 3 et 4. P. 162–213; T. 19, 3 et 4. P. 52–86; Mason André. Le Slovo d’Igor. P., 1940. 182 p. (Travaux publiés par l’Institut des Etudes Slaves. XX).

³ La geste du prince Igor’: Epopée russe du douzième siècle. Texte établi, traduit et commenté sous la direction d’Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel assistés de J.A. Joffé. N.Y., 1948. 383 p. // Annuaire de l’Institut de philologie et d’histoire orientales et slaves. T. VIII (1945–1947). Volume offert à Michel Rostovtzeff. Ecole libre des Hautes Etudes à New York – Université libre de Bruxelles. P. 235.

⁴ Quelques données historiques sur le Slovo d’Igor. “Tmutorakan” par M.I. Uspensky (1866–1942). Traduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mason et Michel Laran. P., 1965. 176 p. [4] pl. (Bibliothèque russe de l’Institut des Etudes Slaves. T. 34).

⁵ Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. СПб., 1995.

⁶ Bohn Thomas M. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905: Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln; Weimar; Wien, 1998. T. 8. 473 S. (Сообщил Ю.Н. Емельянов.)

Давно уже стало известно, что проф. Андре Мазон опровергает подлинность “Слова о полку Игореве” и считает этот памятник конца XII или начала XIII века фальшивкой, подделанной в конце XVIII века в духе тогдашнего “романтизма” для политических надобностей, в качестве “приложения к Ясскому договору 1791 года Екатерины II”. Но только теперь я получил, в своем летнем уединении, любезно присланный мне автором, к учености которого я отношусь с полным уважением, отгиск начала его работы, напечатанного в “Revue des Etudes Slaves” (t. XVIII, 3 и 4). Вдали от библиотек, я не могу углубляться в филологические и материальные доказательства автора; но не могу и не высказать своего общего впечатления – в качестве историка, которому не чужды древние памятники нашей литературы – и в качестве русского человека, которому чутье родного языка – старого и нового – свойственно не только в результате изучения, но и, так сказать, изнутри. Я при этом определенно оговариваюсь, что мне совершенно чуждо то чувство “оскорбления, нанесенного национальному сознанию”, которое, по-видимому, испытывается некоторыми в связи с тем, что я назвал “ересью” проф. Мазона. Я помню судьбу Краледворской рукописи и критику Мазарика. Да и сам не раз принужден был выступать с “ересями” – памятью изречение отца церкви: “подобает бо ересям быти, да явяться искуснии в вере”. “Вера” до сих пор была всеобщей и внушалась с раннего возраста на школьной скамье; “ересь” проф. Мазона делает знаменитый памятник русского творчества тем оселком, на котором искусятся или проверят себя люди, “искуснии в вере”.

Проф. Мазон не скрывает, что для него критика “Слова” является дополнительным средством для той “реабилитации” “Задонщины”, которую он занялся предварительно, и которая была сравнительно “легка”. Но только после его теперешней критики “Слова” она должна стать “полной”. Мы увидим, что эта необходимая для него критика далась ему труднее, и ученый автор сам считает ее “гипотезой”. Собственно, “Задонщина” не нуждалась бы в “реабилитации”, если бы оставить ее со всеми ее несовершенствами на том месте, где она до сих пор стояла. Памятник борьбы Дмитрия Донского с Мамаем, она носит на себе несомненные и многочисленные следы неумелого заимствования из памятника, изображающего поражение Игоря Святославовича половцами. Автор “Задонщины” плохо понимает язык “Слова”, отделенный от него двумя столетиями и иной средой; от поэзии “Слова” у него остаются жалкие остатки, окончательно искаженные прозаическим пересказом. Непонимание приводит к курьезным недоразумениям, а общий тон и манера изложения свидетельствуют о понижении уровня культуры между киевским югом и московским севером на промежутке XIII–XV столетий. Таково было до сих пор общее впечатление от сравнения двух памятников. Думаю, что таким оно и останется после проверки его “ересью” проф. Мазона. И вообще его защитительная позиция по отношению к “Задонщине” является а *limine*!^{1*} плохим симптомом при подходе к критике “Слова”. Хорошо лишь, что он добросовестно признается в этой своей заранее поставленной задаче уже во вступительных строках к своему исследованию.

Предвзятая точка зрения сказывается сразу в общем суждении проф. Мазона о характере обоих памятников. В “Задонщине” он усматривает “трогательную простоту”, тогда как “Слово” его отгалкивает своей “претенциозной риторикой”. У автора “Задонщины” “наивная, почти деревенская”, манера; в ней отражается “свежесть прозрачного источника, из которого она вытекает”. Как можно сомневаться в первоначальности этих примитивных достоинств в сравнении с “модернизмом” автора “Слова” – с его “псевдо-классическим клишэ”, “деланными архаизмами”, “подогретой мифологией”, “болтливым красноречием”, “украшениями и прикрасами” (*embellissements* и *enjolivements*), какими сдобривает фальсификатор XVIII столетия неприкрашенный текст и стиль “Задонщины”. Как видим, проф. Мазон не жалеет красок для характеристики, резко противоречащей той, которую я привел, как общепринятую до его “ереси”.

Поскольку тут речь идет о “вкусах”, с какими воспринимаются старые тексты – о них, конечно, не приходится спорить. Очевидно, проф. Мазон не чувствует в манере “Слова” того, что чувствуем мы. Перейдем лучше к его объективным доказательствам позднего происхождения “Слова”. Одно из них кажется на первый взгляд очень веским. Дело в том,

^{1*} В крайнем случае (*лат.*).

что текст “Слова о полку Игореве” гораздо ближе к поздним спискам “Задонщины”, относящимся к XVI–XVII столетиям, нежели к раннему списку. Если автор “Слова” списывал у “Задонщины”, то это значило бы, по мнению проф. Мазона, что его фальсификация составлена позднее этих списков. Но ведь списки вообще неисправны; какой текст древнее, какой более поздний, решается не датами списков, а другими данными, в том числе тщательным сравнением их содержания. Если будет доказано этими другими данными, что списывал автор “Задонщины”, то просто нужно будет заключить из близости к тексту “Слова”, что именно эти поздние списки содержат текст, более близкий к дате заимствования, т.е. более ранний. Этот аргумент, таким образом, теряет значение самостоятельного доказательства. Да и с точки зрения проф. Мазона, он ничего не говорил бы в пользу составления “Слова” в XVIII столетии.

Другое общее доказательство проф. Мазона, относящееся ко всему тексту обоих памятников, состоит в том, что “Задонщина” проникнута христианским духом, тогда как “Слово” так и дышит язычеством (по мнению профессора, конечно, поддельным). Каким образом, – спрашивает проф. Мазон, – можно было в христианской России XII века изображать кн. Игоря язычником? Это не совсем так, конечно. Автор “Слова” пользуется языческой мифологией славянства, в качестве поэтических образов, а в личности князя “рыцарские” черты никак нельзя назвать “языческими”. Но вообще-то это сравнение не говорит в пользу тезиса проф. Мазона. Ибо, как же можно сомневаться, что в XII в. Россия была менее православной, нежели в XIV, и “двоеверие” надолго оставалось характерной чертой внешнего усвоения христианства в России. А что касается “рыцарства”, нужно только вспомнить, что наследники “старого Владимира и Ярослава” и их дружинники были более наполнены идеями скандинавских саг о рыцарской “славе”, нежели мыслями о спасении души. Таким образом, и герой “Слова”, и его поэт-дружинник могли думать о “чести” и “славе”, отправляясь в походы. Проф. Мазон напрасно предпочитает видеть в этих чертах не доказательства древности “Слова”, как бы следовало, а доказательства его сочинения в эпоху “пре-романтизма” XVIII века, увлечения “духом Оссиана” и мифологией русских былин и песен, тогда впервые напечатанных. Проф. Мазон с большим знанием дела подбирает библиографию этого рода изданий до конца XVIII века, цитирует Татищеву, Болтина, Щербатова и т.д. Он только не считает с тем, как поверхностно этот материал был воспринят тогда – и как органически он воспринимался из первоисточников старого мировоззрения автором “Слова”. К тому же, употребляя условный термин “пре-романтизма”, проф. Мазон получает этим возможность несколько смешивать эпохи – от “псевдоклассицизма” до “сентиментализма” Карамзина и Жуковского, которому более приличествует “дух Оссиана”.

В итоге, “язычество” автора “Слова”, как и боевой дух его героя, нужно по-прежнему признать подлинным состоянием духа того времени, претворенным в процессе поэтического творчества. Считая эти черты более или менее ловким приемом плагиатора, проф. Мазон принужден не соглашаться и с хронологией автора “Слова”, когда противопоставляет это “сiе” время – тем, еще более древним, “первым временам усобиц”, которые воспевал “старыми словесами” легендарный Баян, “соловей стародавнего времени”. Без всяких доказательств, кроме своего общего предвзятого тезиса – “оправдать” “Задонщину”, – проф. Мазон считает и это “неискусной аффектацией архаизма”. Чем дальше, тем труднее становится ему сохранить верность своему исходному ложному шагу.

Но остановимся в этом беглом обзоре **на различия** между двумя памятниками. Главное из них очевидно. Автор “Слова” вовсе не хотел повторять летописного рассказа о событиях, более или менее общеизвестных в его время. Он писал поэтическое и лирическое произведение, – и это есть то, что и до нашего времени сохранило свою ценность. Конечно, в “Задонщине” от всего этого, как сказано, сохранились только жалкие отрывки. Для проф. Мазона поэзия и лирика “Слова” есть не достоинство, [а] дефект – доказательство дурного, “ложно-классического” и “псевдо-архаического” стиля XVIII века. Мы пока не знаем, как он отнесется к лирической фабуле “Слова”: плач Ярославны, женитьба сына Игоря на половчанке и т.д. Но уже и то, что есть, очень характерно. Все это суть “embellissements” и “enjolivements”, “surenchère verbale”^{2*}, “genre factice et grandiloquent”^{3*}, “amplification prétentieuse”^{4*}. Так, от главной цели “Слова”, определяющей и его оригинальность,

^{2*} Словесное преувеличение (фр.).

^{3*} Жанр искусственный и громогласный (фр.).

^{4*} Претенциозное преувеличение (фр.).

в глазах проф. Мазона ничего не остается, кроме разве “поэтического беспорядка”, “соответствующего предписаниям Ломоносова и Державина относительно Оды”. Воздержусь от восклицательного знака, который хотелось бы здесь поставить. Что делать, о вкусах не спорят.

Остановлюсь пока, для большей наглядности, только на одном “поэтическом hors-d’oeuvre”^{5*} этого рода. Летопись о нем не упоминает; это, как очевидно для проф. Мазона, есть, стало быть, заимствование “из чужого источника”, вскрывающее «один из типических приемов заимствований автора “Слова”» и соответствующее “склонности этого автора к *abondance*^{6*} и даже к *redondance*^{7*}”. А неприятная профессору *puzzle*^{8*} содержит чудесные строки, живо характеризующие конкретные черты жизни населения, пограничного со степью (именно) XII века. От них так и веет степными запахами. Брат Игоря, Всеволод, выхваляет ему своих сотрудников из Курска. «Седлай, брат, своих борзых коней, а мои готовы, оседланы, у Курска впереди. Мои курыне – ведомые кметы: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены. Пути им ведомы, овраги (“яруги”) им известны, луки у них напряжены, тулья отворены, сабли изострены. Сами они скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы». “Задонщина”, конечно, характеризует то будущее вольное казачество мешаной крови по-своему, по-московски: для нее это “сторожевые полки” (целые полки, как полагается по разряду), которые “с востраго меча поены (хорошая метафора!) в литовской земле” (разумеется “литовский рубеж” или “литовская Украина” конца XV века; ничего степного); в позднейших списках значатся «ведомые **полковицы** (искажено вместо “повиты”) под трубами». Есть тут и нелепое, очевидно, позднейшее, ставшее необходимым, пояснение путаницы: “ты же бо есть сынове храбрии, **родившиися в ратное время** под трубами **нечистых**”. Вот какой винегрет вышел из подлинных пограничников – курян подлинного XII века. Но, – возражает профессор, – слово “яруга”, хотя оно и курское, как свидетельствует Даль, – и действительно означает “овраг”, – однако, в древнем языке неизвестно: стало быть, это “намеренно употребленный провинциализм”. Что сказал бы на это Даль, ловивший остатки древнего языка в “провинциализмах”? И откуда взял фальсификатор это специально курское выражение?

Приведенный пример сам по себе совершенно достаточен, чтобы показать, где тут оригинал и где копия. А таких примеров можно набрать сколько угодно, чуть не из каждой фразы “Задонщины”, сокращенной из “Слова” и при этом часто испорченной до полной бессмыслицы. Нужно иметь всю настойчивость проф. Мазона в «оправдании» “Задонщины», чтобы игнорировать это самоочевидное доказательство, говорящее против его тезиса. Но остановимся несколько подробнее на языке обоих памятников: тогда неудача “ереси” станет еще яснее.

II

Критические замечания проф. Мазона по поводу языка “Слова о полку Игореве” так многочисленны, что нет никакой возможности исчерпать их в этой статье. Но они также довольно однородны, что дает другую возможность – свести их к общим типам исследовательского метода автора. Главнейшая задача, которая вытекает из “гипотезы” проф. Мазона, что “Слово о полку Игореве” есть компиляция конца XVIII века, сводится к доказательству, что язык “Слова” не есть язык XII–XIII столетий, а искусственная подделка под него в духе “модернизма” времен Екатерины II. Мы, конечно, знаем и ложно-классический, и сменивший его сентиментально-риторический стили литературы того времени; знаем язык одописания и театральных пьес. С языком “Слова” все это ничего общего не имеет. Но многочисленные комментаторы “Слова” накопили большой запас сопоставлений между выражениями “Слова” и соответственной фразеологией сохранившихся до нас древних памятников: летописей, поучений, сказаний, былин, песен и т.д. Они этими сопоставлениями доказывали **древность** языка “Слова”. Проф. Мазон пользуется тем же материалом, чтобы доказать **плагнат**. Но для этого необходимо, прежде всего, доказать, что фальсификатор XVIII века мог знать все эти источники и их утилизировать. Проф. Мазон

^{5*} Вставной эпизод (*фр.*).

^{6*} Излишество (*фр.*).

^{7*} Многословие (*фр.*).

^{8*} Мозаичная игра (*фр.*).

успешно доказывает, что многое из этого материала было уже напечатано к последней четверти XVIII в. Многие, но, конечно, далеко не все. А чтобы изучить даже и это многое, нужно было быть таким настоящим ученым, каких во время Екатерины в России еще не было. Занятие историй тогда оставалось любительским; серьезные ученые работы, если не считать иностранцев, появились лишь позднее, в румянцевском кружке, времен Александра I и Николая I. Недостаточно было, конечно, и овладеть лишь лексиконом старых сказаний: нужно было знать историческую грамматику русского языка, каковой до Востокова и Буслаева не появлялось. Не мог же фальсификатор довольствоваться грамматикой Ломоносова или Мелетия Смотрицкого. Не говорю же, кем нужно было быть, чтобы создать музыку “Слова”.

Проф. Мазон принимает за нелегкое доказательство того, что автор “Слова” и в самом деле не знал “древних словес” и “проявлял неопытность в выражении своей мысли” этими “словесами”. В тех случаях, когда его лексикон и синтаксис подтверждаются вышеупомянутыми многочисленными сравнениями с древними памятниками, проф. Мазон пренебрежительно говорит о ходячих “клише”, использованных фальсификатором, или его “аффектации древности”. “Летать сизым орлом под облаками”, бежать “неготовыми дорогами”, “разсыпаться стрелами по полю” и т.д. – все это “клише”. Да еще при том “ложно-классические”. Еще хуже выходит, когда проф. Мазон “не находит” параллелей к “Слову” в древнерусском языке, будто бы уже так хорошо нам известно. “Грудные повести” (в смысле тяжелых, печальных), “преломить копье”, ласкательная форма “русичи”, соловей “ущекотал”, “править след к Дону”, “саблями потрудати о шеломаы” – всего этого наш критик не находит в древнем языке, все это *haraх eгemena* в “Слове” (единожды употребленное). Что же сказать, когда в тексте “Слова” встречаются слова, вообще для нас непонятные или трудно объяснимые. Это не более, не менее, как “поэтический туман”, которым фальсификатор намеренно прикрывает свою “неспособность выразиться на древнем языке”. Так под критическими ударами профессора гибнут данные “Слова”, подчас драгоценные для исследователя.

Проф. Мазон недоволен также и синтаксисом “Слова”. “Начать трудных повестей”, “позреть сияго Дона” – этот выразительный *genitivus partitivus*^{9*} ему не нравится, как и “поострить сердца своего мужеством”; струны “сами рокотали славу князю” – грубая ошибка: рокотать не требует дополнения. Автор “Слова”, наверное, провалился бы на экзамене у проф. Мазона.

Фальсификатора отчасти спасло бы то, что, по мнению проф. Мазона, он не только черпал свои “старья словеса” из печатных изданий конца XVIII века, но, главным образом, из поздних списков “Задонщины” XVI и XVII вв. Все, что у автора “Слова” лишний сравнительно с “Задонщиной”, есть для проф. Мазона “новшество”, “амплификация”, “риторика”, “многозначность”. Здесь гибнет вся оригинальность и вся поэзия “Слова”. Но как быть, когда обломки этой самой поэзии сохранились и в “Задонщине”, правда, по большей части в совершенно искаженном, перепутанном до бессмыслицы виде. Я приводил уже пример этого неумелого пересказа; и сам проф. Мазон признает иногда путаницу поздних списков и “ловкость” фальсификатора, который из рассыпанного набора слов клеит красивое литературное целое. Но он остается при своем: автор “Слова” крадет у “Задонщины”. С любопытством я ждал обсуждения того места, где обратная кража становится ясна, как день, для самых непосвященных. В своем патриотическом одушевлении, автор “Слова”, готовя читателя мрачной картиной природы к поражению Игоря, восклицает: “О, русская земля, уже за шеломянем еси”, то есть русская земля уже осталась позади, за холмами (другие толкования не имеют общего смысла): Игорево войско вышло на ровную, беспредельную степь. В “Задонщине” об этом не поэт горюет, а брешут лисицы (взято из другой строки “Слова”) а ркучи так: “земля еси руская (в позднейшем списке уже: “земля резинская”), как если была доселева за царем **за Соломоном**, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем”! Как же выходит проф. Мазон из этой ожидающей его неприятности, переворачивающей вверх ногами всю его “гипотезу”? Он прежде всего, недоволен, что “поэт принимает на свой счет” восклицание (лисиц?); затем предполагает, что фальсификатор нашел в списках не “Соломоном”, а “может быть”, “Шоломом”, а, “может быть”, и “Шоломоном”, “а, может быть, даже и Шоломянем”. Это уже совсем хорошо, если при этом еще написать слово с большой буквы, что проф. Мазон и делает. Однако же, текст древнейшего списка все-таки показывает, что “Задонщина” пре-

^{9*} Частичный родительный падеж (*lat.*).

вратила “шеломя” именно в царя Соломона (см. цитату). Да еще притом истолковало свое непонимание какой-то неведомой легендой. Проф. Мазону остается последнее прибежище. «Если уже не допускают, что автор “Слова” хотел назвать великого царя, то нельзя не признать очень вероятным (plausible après tout)^{10*} намерение, которое и приписывали ему первые комментаторы, зная дело (en connaissance de cause), (то есть, очевидно, участвовав в фальсификации!): отметить именем места (ссылка на какую-то деревню Шеломень) пройденную русскими дорогу». Проф. Мазон доволен и этим: это, по его мнению, и есть “сентиментальный и охотно переходящий в восклицание стиль преромантической эпохи”. Итак, значит, фальсификатор, в интересах своего стиля, переделал великого царя Соломона “Задонщины” в название какой-то неизвестной местности, чтобы оплакать над участью своего героя... Правда, другие комментаторы, “следуя моде 1830 года”, нашли то естественное объяснение, которое и стало общепринятым (a fait fortune): “русская земля уже за холмом”. Проф. Мазон, однако, преследует их иронией: “лучше нельзя было приспособить текст ко вкусу читателей”!

Однако, куда же делся царь Соломон, за которым когда-то “побывала”, будто бы, русская земля? Легенда это или вынужденное толкование “Задонщины”, не понявшей и перепутавшей поэтическое восклицание своего настоящего оригинала? Пусть судит читатель, вышла ли “ересь” проф. Мазона неповрежденной из этого запутанного толкования? Я жалею, что не могу подкрепить неизбежного вывода читателя многочисленными цитатами, показывающими, как вполне понятные фразы “Слова” превращаются под рукой полуграмотных компиляторов “Задонщины” в совершенно непонятную нелепицу.

Я хочу еще остановиться на попытке проф. Мазона приписать сочинению “Слова” в конце царствования Екатерины II не только характер литературной фальсификации, во вкусе времени, но и определенный политический смысл. Он для этого делает целью фальсификации намерение – поднести подарок императрице по случаю завоевания Крыма. Связующей нитью для такого толкования служит ему беглое упоминание автора “Слова” о далеком “тмутараканском болване на незнаемой земле”, до которого долетают зловецкие крики “дива верху древа”, предсказывающие Игорю несчастье. Можно разное толковать “тмутараканского болвана”. Мне лично кажется самым естественным, что автор XII–XIII вв. слышал про один из курганов Тавриды, на котором еще стояла тогда каменная баба доисторического погребения кочевников. Слово “болван” вместо более употребительного “баба” мне не представляется случайным. Азиатские степняки называют эти каменные изображения покойников словом “балбал”. Но проф. Мазон ищет другой ассоциации. В 1792 г. у Керченского пролива был найден известный камень с древней надписью: “в лето 6756 (1068) Глеб князь мерил море по леду от Тьмуторокана до Кърчева 8054 сажень”. Насколько мне приходилось иметь дело с древней палеографией, я не считаю этой интересной надписи подделкой: едва ли тогда можно было найти и такого знатока русской палеографии, который мог бы ее изготовить на камне. Но проф. Мазон считает “законным” сблизить эту находку с сочинением “Слова”, так как то и другое связано с именем гр. Мусина-Пушкина, этого “аристократа, кокетничавшего с эрудацией, не столько серьезного ученого, сколько патриота и царедворца”. Мусин-Пушкин посвятил Тмутаракани целое исследование, в котором напечатана и надпись на камне. Это “Историческое исследование” “издано по высочайшему Е.И.В. повелению” в 1794 году. Оно цитирует того же Татищева, в котором проф. Мазон усмотрел один из источников “Слова”. Там, как и в “Слове”, оплакиваются княжеские усобицы и упоминается поединок Мстислава с Редедей. И наконец, вот особая хитрость фальсификатора: он “постарался засунуть свою рукопись, как окончание Хронографа, в связку более древних произведений”. Правда, показание об этом Мусина-Пушкина не подтверждается первыми издателями “Слова”. Относительно “тмутараканского болвана” эти издатели не пошли дальше естественного толкования его “истуканом”, вовсе не думая о его сближении с камнем 1068 года, с которым он не имеет ничего общего. Этот камень все же пригодился для подношения императрице в качестве напоминания, что Тавридой когда-то владели русские. Но уже никак не подходило для подарка Екатерине к Ясскому торжеству над турками напоминание о “победе половцев над русскими князьями в той же южной степи”. И рукопись “Слова” осталась лежать между связками старых бумаг.

Еще одно замечание общего характера. Для проф. Мазона, как и для нас, теснейшая связь между “Словом о полку Игореве” и “Задонщиной” несомненна, хотя значение этой связи мы и толкуем наоборот. Но ведь связь эта еще теснее, чем нужно проф. Мазону.

^{10*} Все же правдоподобно (фр.).

Помимо прозаического рассказа “Задонщины”, в текст вошли также и многие поэтические элементы, общие со “Словом”, вошли даже и его “амплификации” и “украшения”. Они, правда, вошли туда, как *tombra disjecta*^{11*} какого-то исчезнувшего осмысленного целого. Но их достаточно, чтобы распространить и на них то пренебрежительное суждение, которое поминутно высказывает проф. Мазон относительно фальсификации автора “Слова”. “Темноты”, правда, ненамеренной, и “беспорядка”, правда, не “поэтического”, в “Задонщине” более, чем достаточно. Без текста “Слова” очень многое в тексте “Задонщины” остается совершенно непонятным, и только мнимые “модернизмы” и “псевдо-архаизмы” “Слова”, не говоря уже о его “клише”, могут помочь исследователю восстановить истинный смысл загадочного сумбура “Задонщины”. Остается предположить, что или в XVI и в XVII вв. уже господствовал в России “псевдо-классицизм” и дух “Оссианов”, или же нельзя искать их и в тексте “Слова”.

Проф. Мазон, правда, имеет в запасе одно возражение. Язык “Задонщины” ясен, утверждает он, тогда как язык “Слова” подернут туманом. Мы видели, что это совсем не так по отношению к **поздним** спискам “Задонщины”. Но проф. Мазон имеет основание утверждать, что зато древнейший список несколько яснее и понятнее списков позднейших, более близких к “Слову”. Я объясняю эту особенность старого списка следующим образом. Запутанность изложения “Задонщины” при вольном пересказе “Слова” оказалась так велика, что в дальнейшей истории “Задонщины” необходимо было сделать упрощения и пояснения испорченного текста. Мы видели эти неосторожные пояснения о царе Соломоне, нераздельно связанные с поправкой к путанице позднейших списков. Такую связь поправки с ошибкой можно объяснить только тем, что составитель текста, сохраненного более старым списком, **уже** работал над испорченными текстами, сохранившимися в позднейших списках, и приводил в ясность **именно их**. Другими словами, как сказано раньше, позднейшие списки “Задонщины” сохранили тот более ранний испорченный текст, который был затем слегка исправлен, сокращен и истолкован в списке, оказавшемся теперь старейшим.

В рамках этих статей я не мог выйти за пределы общих замечаний, вызываемых “ересью” проф. Мазона. Я ограничился лишь некоторой классификацией его исследовательских приемов и несколькими иллюстрациями их. Исходная ошибка “гипотезы” проф. Мазона, по моему мнению, и при этом кратком обзоре совершенно ясна. Но работа проф. Мазона не закончена. Я не льщу себя надеждой, что автор захочет изменить в дальнейшем самые основы “гипотезы”. Не думаю также, что наиболее сильные свои доказательства он прибережет до конца. Во всяком случае, в дальнейшем более детальная критика необходима. Вероятно, она и будет представлена.

П. Милюков

^{11*} Разрозненные члены (*фр.*).

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2000 г.

18 апреля *Н.А. Кобяк* рассказала об участии в международной конференции “Русские староверы за рубежом”, которая была организована кафедрой русского языка Государственного университета г. Тарту (Эстония) при финансовом содействии фонда Институт “Открытое общество” Эстонии. На конференции был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с современным состоянием старообрядчества, ряд докладов был посвящен влиянию старообрядческой литературы на творчество писателей XIX–XX вв.: Лескова, Чернышевского, Добролюбова, Короленко и др. Во время командировки удалось описать ряд рукописей, хранящихся в БАН Эстонии (г. Таллин), для Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в.

13 мая в Археографической комиссии прошло заседание, посвященное юбилею Ольги Александровны Князевской¹.

16 мая *С.О. Шмидт* на заседании Археографической комиссии рассказал о конференции “Краеведение в России 1890–1990: истоки, проблемы, возрождение”, организованной факультетом славистики в Париже. На ней из России присутствовало 15 человек². *С.О. Шмидт* выступил с докладом “Краеведение и его значение в общественной жизни и в развитии культуры России”.

1 июня в Санкт-Петербурге состоялись традиционные “Тихомировские чтения”, организованные совместно с СПб ФИРИ РАН и посвященные научному наследию выдающегося археографа *С.Н. Валка* (1887–1975) в связи с 25-летием со дня его кончины³.

24 июня на заседании Археографической комиссии *С.О. Шмидт* сделал сообщение о Международном семинаре “Методология региональ-

ных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт”, проходившем 19–20 июня в Санкт-Петербурге. Семинар открылся докладом *С.О. Шмидта* “Краеведение и региональная история в современной России”, в котором освещалась и история изучения краеведения в первое послереволюционное “золотое десятилетие” (когда Центральное бюро краеведения и редакция его изданий размещались как раз в Мраморном дворце, где и происходила конференция). Впечатлениями о конференции поделился один из ее участников – *А.В. Мельников*.

5 сентября состоялось заседание Археографической комиссии, на котором выступили *В.А. Черных*, *Б.Н. Морозов* с сообщениями о конференциях, участниками которых они были. *В.А. Черных* рассказал о IV Всероссийской научной конференции “Отечественная культура и развитие краеведения”, которая проходила в Пензе 26–27 июня 2000 г.⁴ Участниками конференции было внесено предложение об издании сборника ее материалов. Первая часть этого сборника с тезисами докладов краеведов Пензы и Пензенской области вышла в свет с предисловием *С.О. Шмидта*⁵. Вторая часть с материалами иногородних авторов готовится к изданию.

Б.Н. Морозов сделал сообщение о юбилейных чтениях по истории и культуре древней и новой России, посвященных 200-летию первого издания “Слова о полку Игореве”, проходивших в Ярославле и Рыбинске 27–29 августа 2000 г.⁶

24 октября *А.В. Мельников* сделал сообщение о поездке в Воронеж на конференцию “Два века воронежского краеведения”, состоявшуюся 19 октября⁷. Конференцию открыл *С.О. Шмидт* докладом «“Описание Воронежской губернии”

¹ См. наст. изд. С. 480–481.

² См. об этом: *Козлов В.Ф.* Российское краеведение в Сорбонне // ОА. 2000. № 5. С. 115–117.

³ См.: *Свердлов М.Б.* Ученые вспоминают *С.Н. Валка* // ОА. 2000. № 6. С. 121–122 и наст. издание. С. 301–334.

⁴ Хроникальное сообщение *В.А. Черных* см. в наст. изд. С. 481.

⁵ Отечественная культура и развитие краеведения: Тез. докл. Всерос. научн. конф. Пенза, 2000. 178 с.

⁶ Хроникальное сообщение *Б.Н. Морозова* см. в наст. изд. С. 482. См. также: *Мельников А.В.* 200-летие первого издания “Слова о полку Игореве” // ОА. 2000. № 6. С. 115–116.

⁷ См.: Хроникальное сообщение *А.Н. Акиншина* в наст. изд. С. 483–484.

Е.А. Болховитинова и развитие отечественной исторической мысли». А.В. Мельников выступил с докладом «Воронежские сюжеты в историческом труде М.М. Богословского о Петре I».

Н.А. Кобяк рассказала о проходившей в Санкт-Петербурге с 29 сентября по 3 октября Международной конференции «Христианство и древнерусская литература», посвященной памяти Д.С. Лихачева (Первые Лихачевские чтения)⁸.

2 ноября прошло заседание, посвященное международным контактам Археографической комиссии. *В.А. Черных* рассказал о своей поездке в Германию, где принимал участие в заседании в связи со 150-летием Ольденбургского общества (г. Ольденбург, Германия), на котором выступил с сообщением «Последние представители российской линии принцев Ольденбургских».

28 ноября в Культурном центре Доме-музее Марины Цветаевой состоялся организованный совместно с Археографической комиссией «Вечер памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (28.11.1906–30.10.1999)»⁹. Вступительное слово произнесла научный руководитель Культурного центра Н.И. Катаева-Лыткина. Вел заседание

председатель АК РАН С.О. Шмидт, сообщивший о Первых Лихачевских чтениях в Санкт-Петербурге, проведенных Отделом древнерусской литературы ИРЛИ с 29 сентября по 3 октября 2000 г., он же произнес заключительное слово. Состоялся просмотр фрагментов фильма – беседа с Д.С. Лихачевым на даче в Комарове в 1999 г. телеведущей ОРТ Л.В. Кривцова (едва ли не последняя прижизненная телевизионная съемка ученого). Об этой встрече вспоминали Л.В. Кривцова и министр Правительства Москвы А.И. Музыкантский.

5 декабря *Н.А. Кобяк* сообщила о своей поездке в ноябре 2000 г. на 32-ю национальную конференцию американских славистов в Денвере (США), где она выступила с докладом «Два Евангелия Библиотеки МГУ: Подделка или поиск авторитета». Доклад вызвал большой интерес среди участников конференции.

28 декабря состоялось совместное заседание Археографической комиссии РАН и Государственного архива Российской Федерации, посвященное 175-летию восстания декабристов¹⁰.

Н.Г. Черепанова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ 'АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1999–2000)

Материалы к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина 1826–1837: Картотеки М.А. и Т.Г. Цявловских / Подгот. текста Е.В. Гарбер; Гос. музей А.С. Пушкина, ИМЛИ им. Горького РАН, РАН АК. М.: Наследие, 1999 (Серия «Пушкин в XX веке». Специальный выпуск). Т. 3. Ч. 1. Рабочая картотека 1826–1837. С. 412–718.

Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка: Исторический очерк. М.: ЗАО «Русский путь», 199. 62 + VI с. Репринтное издание к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина экземпляра книги: *Платонов С.Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка: Исторический очерк. Л.: Издание автора, 1927. 62 с. (Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР) из библиотеки АК РАН, с послесловием к репринтному изданию Председателя АК РАН.

Археографический ежегодник за 1999 год / Отв. ред. С.О. Шмидт; РАН. ОИ., АК, Федеральная архивная служба Российской Федерации. М.: Наука, 2000. 415 с., илл.

Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений / Сост. Н.А. Долдобанова; Отв. ред. С.О. Шмидт; РАН. АК. М.: Наука, 2000. 230 с.

Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие / Редколл.: В.Н. Гинев (отв. ред.), М.П. Ирошников, А.Н. Цамутали, С.О. Шмидт; Сост.: В.Н. Гинев, В.М. Панеях, М.Б. Свердлов; РАН. ОИ., АК., СПб ФИРИ. СПб.: Наука, 2000. 663 с. **Содерж.:** От ответственного редактора. С. 3–6; Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. С. 7–106; Борис Александрович Романов. С. 107–145; Иван Иванович Смирнов. С. 146–188; Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX века. С. 189–250; Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века. С. 251–338; Русская Правда в отечественных исследованиях середины XIX – первой половины XX века. Подготовительные фрагмен-

⁸ Хроникальное сообщение Н.А. Кобяк см. в наст. изд. С. 485–489. См. также: *Мельников А.В.* Первые Лихачевские чтения // ОА. 2001. № 1. С. 107–108.

⁹ О первом вечере памяти см.: АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 386–410.

¹⁰ Хроникальное сообщение Т.В. Лохиной см. в наст. изд. С. 335–339.

ты. С. 339–411; “История Российская” В.Н. Татищева в советской историографии. С. 412–451; “История Российская” В.Н. Татищева в трудах Н.М. Карамзина. С. 452–461; “История Российская” В.Н. Татищева в трудах отечественных исследователей XIX – начала XX века. Подготовительные фрагменты. С. 462–515; Начальная история древнерусского частного акта. С. 516–555; Грамоты полные. С. 556–575; Рец. на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям “Архивных курсов” при Петроградском Археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920. С. 188+1. С. 576–593; О воспоминаниях О.С. Любатович. С. 594–614; Документы 25 октября 1917 года. С. 615–631; Список сокращений. С. 632–634; Summary. С. 635; Указатель имен. С. 636–663.

Вечер памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Первые чтения 28 ноября 1999 года / АК РАН, Культурный центр – “Дом-музей Марины Цветаевой”. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. 74 с. Авторизованные фонограммы выступлений Ю.А. Бельчикова, Ю.А. Веденина, М.Л. Горянова, А.Л. Гришунина, Н.И. Катаевой-Лыткиной, Р.Н. Клейменовой, И.И. Махаева, А.Д. Михайлова, Н.И. Михайловой, А.И. Музыкантичного, В.П. Нерознака, А.В. Петровского, Д.В. Сарабьянова, Е.Ц. Чуковской, С.О. Шмидта. Хронику вечера см.: *Катаева-Лыткина Н.И.* Первые ежегодные чтения памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 386–388.

Историк во времени. Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции / Сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский, Р.Б. Казаков, В.А. Муравьев, Л.Н. Простоловцова, М.Ф. Румянцева; Вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева; Мин-во образования Российской Федерации. РГГУ, ИАИ, РАН, ИРИ, СПб ФИРИ, АК, Федеральная архивная служба Российской Федерации. М.: РГГУ, 2000. 208 с.

Отечественная культура и развитие краеведения: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Пенза, 26–27 июня 2000 г. / Редкол.: А.В. Тюстин (отв. ред.), Е.В. Перемышева, Г.Н. Белорыбкин; АК РАН, Союз краеведов России, Мин-во культуры Пензенской области, Ин-т “Открытое общество” (Фонд содействия), РГГУ (Центр исторического краеведения и москвоведения). Пенза: Пензенский государственный объединенный краеведческий музей, 2000. 178 с. **Содерж.:** Шмидт С.О. Предисловие. С. 6–7; Батова А.Н. Пензенские краеведы как творцы культурного пространства. С. 8–11; Беликова М.Г. Краеведы-учителя и воспитанники гимназии № 1 им. В.Г. Беллинского. С. 11–16; Белорыбкин Г.Н. Краеведческие проблемы археологического изучения Сурко-Окского междуречья в П[ензенском] г[осу-

дарственном] п[едагогическом] у[ниверситете] им. В.Г. Беллинского. С. 16–20; Белоусов С.В. Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года: Опыт статистического исследования. С. 21–24; Берлякова Н.П. Культурные герои провинции в российской истории нового времени. С. 26–27; Васильев Н.Л. Село Рузаевка Пензенской губернии как феномен русской культуры XVIII–XIX столетий. С. 28–31; Винокуров Г.Ф. Судьба пензенского губернского комиссара Временного правительства Ф.Ф. Федоровича. С. 31–34; Власов В.А. Начальная школа Пензенской губернии на рубеже XIX–XX веков (По материалам статистики). С. 34–47; Войков Е.В. Экологическая культура крестьянского населения Среднего Поволжья в 1917 – начале 1920-х годов (По материалам Пензенской, Самарской и Симбирской губерний). С. 37–41; Волкова Т.В. Литературные страницы тверских дворянских архивов. С. 41–42; Востокова Н.П., Гордичева С.В. Историко-этнографический Центр Пензенской области и развитие краеведения. С. 43–46; Востокова Н.П. Журнал “Архивы школьнику” и его значение для развития краеведения. С. 46–48; Головина А.Ф. Благотворительность и культура: великая благодетельница М.М. Кисилева. С. 48–52; Гундорова И.В. Пензенское окружение В.О. Ключевского. Семинарский кружок. С. 52–58; Гуськов В.Н., Иношкин Н.М. Региональные культурно-исторические традиции в концепции и экспериментальной практике “именной школы” В.О. Ключевского. С. 58–60; Дворянов В.А. История провинции как современная научная проблема. С. 60–66; Дорошкин Б.А. Историко-краеведческая деятельность П[ензенской] У[ченой] А[рхивной] К[омиссии]. С. 66–71; Евневич Т.А. Роль Государственного архива Пензенской области в изучении культурных традиций пензенского края. С. 72–76; Жаткин Д.Н. Пензенский край в судьбах Е.А. Баратынского и А.А. Дельвига. С. 77–79; Зименков В.Н. Оазис российской провинции: становление Пензенского ботанического сада. С. 80–82; Кирьянова Н.В. Культурный имидж губернских городов Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX веков. С. 82–86; Кондрашин В.В. Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России. С. 87–90; Крючкова Н.И. Специфика провинциального культурного пространства первой четверти XIX века. С. 90–94; Кугель Н.А. Музейная культура российской провинции. С. 94–96; Курмаев М.В. Основатели Керенской публичной библиотеки. С. 96–99; Лебедева Л.В. Этнографические исследования П[ензенского] к[раеведческого] м[узея] в 20-е годы XX века. С. 99–102; Лукьянова Н.А. Материальная база учреждений культуры Пензенской области в послевоенные годы (1945–1960). С. 103–107; Малышкин В.Ю. Родословная писателя А.Г. Малышкина в контексте истории и культурного развития села Богородского Мокшанско-

го уезда Пензенской губернии. С. 107–109; *Мирясов А.В.* Мотивация труда промышленных рабочих в России в 1920-е годы: некоторые аспекты проблемы (На материалах Пензенской губернии). С. 109–113; *Первушкин В.И.* Изучение культуры мордвы-мокши финно-угроведами в XIX–XX веках. С. 113–118; *Первушкин В.В.* Генеалогия как универсальный путь повышения культурного уровня общества (Из опыта составления крестьянских родословных Пензенского края). С. 118–119; *Первушкин В.В., Шишлов С.Л.* Эволюция представлений о средневековой политической истории Окско-Цнинско-Сурского междуречья (Темниковская мещера) в XIX–XX веках. С. 119–129; *Плешков А.Н.* Родственные связи В.О. Ключевского и М.И. Европейцева. С. 130–134; *Полосин Н.И.* Из истории конфессиональной школы пензенского края: Евангелическо-лютеранская Александровская церковь в городе Пензе и немецкая церковная школа (XIX – начало XX вв.). С. 135–137; *Полосин С.Н.* Деятельность пензенского земства в области просвещения в 1865–1917 годах. С. 137–140; *Рассказова Л.В.* Судьба дворянской усадьбы во второй половине XIX века в понимании современников. С. 141–144; *Садовникова Е.И.* Становление национального педагогического образования в Пензенской губернии в конце XIX – начале XX века. С. 145–148; *Самойленко А.И.* Региональный (сельский историко-архитектурный музей как инструмент сохранения местной традиционной культуры. С. 148–152; *Семенов В.В.* Послевоенная культура текстильных поселков Поволжья как краеведческое явление. С. 152–155; *Сухова О.А.* Из истории материальной производственной культуры пензенских предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX веков). С. 155–160; *Тюстин А.В.* Краеведение в пространстве культуры Пензенского края. С. 160–163; *Цыганова Е.А.* Рубаха в традиционной культуре русского народа (по материалам экспедиции). С. 164–165; *Ягзов О.В.* Развитие пуховязального промысла в Среднем Поволжье в конце XIX – первой четверти XX века (по материалам Оренбургской и Пензенской губерний). С. 165–169; *Яковлева Т.Б.* Родословные корни деятелей российской и пензенской культуры. С. 169–175; Сведения об авторах. С. 176–178.

Сигурд Оттович Шмидт: Биобиблиографический указатель / Сост. А.В. Мельников; Вступ. статья С.М. Каштанова; РАН. АК, РГГУ. ИАИ, УРАО. М.: Изд-во УРАО, 2000. 195 с. (Ученые РГГУ).

Санкт-Петербургское отделение

Вспомогательные исторические дисциплины / Редкол.: М.П. Ирошников (зам. отв. ред.), **Д.С. Лихачев**, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская (отв. секретарь), В.Н. Плешков, Н.Н. Покровский, М.Б. Свердлов, В.Г. Чернуха, В.А. Шишкин

(отв. ред.), С.О. Шмидт, В.Л. Янин; РАН. ОИ, АК. Санкт-Петербургское отделение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. XXVII. 367 с., илл. **Содерж.**: **И. Кром М.М.** Источники для реконструкции истории русско-литовских отношений 1538–1541 гг. С. 5–18; **Цеханович А.А.** Сочинения князя Курбского и полемические антикатолические традиции древнерусской письменности: К проблеме изучения источников. С. 19–31; **Микулин Н.Б.** Комментарии к назначению российского посланника в Англию Григория Ивановича Микулина и его пребыванию в Лондоне в 1600–1601 гг. С. 32–38; **Лаврентьев А.В.** Двор бояр Романовых на Никитской и монетное производство в Москве времени денежной реформы 1654–1663 гг. С. 39–52; **Седов В.П.** К вопросу о достоверности данных боярских списков. С. 53–63; **Тюменцев И.О.** Датировка и атрибуция первых шести глав “Сказания” Авраамия Палицына. С. 64–69; **Мельникова А.С.** Пулковский клад монет XVII в. и денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах. С. 70–106; **Раздорский А.И.** Торгово-ремесленное население Курска в 1639–1659 гг. (Опыт сравнительного анализа курских оброчных и таможенных книг). С. 107–179; **Петров К.В.** Разрядная книга 7183 (1674–1675) г. С. 180–190; **Лавров А.С.** Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. С. 191–199; **Медведев И.П.** Проект Гражданского уложения для Бессарабии (1824–1825). С. 200–210; **Вялова С.О.** Из переписки Н.П. Кондакова с А.Ф. Бычковым и В.В. Стасовым. С. 211–218; **Трусова Т.Н.** Письма А.А. Папкова к В.Н. Бенешевичу в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. С. 219–227; **Смирнова Т.Г.** Публикация летописных памятников Археографической комиссией. 1917–1929 гг. С. 228–248; **Кочетков И.В.** Статистика хлебной торговли в СССР (1923–1926 гг.). С. 249–262; **Пиотровская Е.К.** Из истории подготовки издания Радзивилловской летописи в серии Полного собрания русских летописей. С. 263–272; **II. Мажуга В.И.** Древнейшие грамоты епископов и князей Священной Римской империи в собрании Санкт-Петербургского филиала Института российской истории. С. 273–293; **Срединская Н.Б.** Документы рода д’Эсте в собрании Н.П. Лихачева. С. 294–302; **Климанов Н.Г.** Казус Франческо де Камилла: новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи первой трети XV в. (Лапидарная надпись 1426 г. с родовым именем Камилла, неизвестного консула Солдайи). С. 303–330; **Герд Л.А.** Неизданные формуляры писем из Номоканона Мануила Малаксы (XVI в.). С. 331–340; **Фонкич Б.Л.** Дипломатика и палеография. С. 341–354; **Копецкая Л.Л.** Об одной забытой рукописи (из творческого наследия Н.П. Кондакова

ва). С. 355–357; III. Письмо Н.П. Лихачева к С.И. Порфирьеву 21/8 1921 г. С. 358–360; IV. Памяти Д.С. Лихачева (28.10.1906–30.09.1999). С. 361–363; Список сокращений. С. 364–365.

Сибирское отделение

Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: Сборник научных трудов [К семидесятилетию академика Николая Николаевича Покровского] / Отв. ред. Е.К. Ромодановская; РАН. Сибирское отделение. Ин-т истории, Сибирское отделение АК. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 448 с. + 6 с. илл. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 20). **Содерж.:** Слово о юбиляре. С. 3–8; I. **Старообрядчество, древнерусская литература, этнография.** *Громыко М.М.* Странноприимство в русской крестьянской традиции. С. 9–15; *Гурьянова Н.С.* К вопросу о складывании системы авторитетов старообрядчества. С. 16–23; *Демкова Н.С.* Заздравная поморская чаша – “Чаша моря Соловецкова”. С. 24–31; *Журавель О.Д.* “Мать-пустыня” (К проблеме изучения народно-христианских традиций в культуре старообрядчества). С. 32–41; *Зольникова Н.Д.* “Стихотворение о всеядцах” (Памятник старообрядческой полемики). С. 42–51; *Климова М.Н.* Из истории “Эдипова сюжета” в русской литературе (повести о кровосмесителе). С. 52–56; *Мальцев А.И.* Страннический наставник XX века Христофор Иванов и его учение. С. 57–64; *Мыльников А.С.* На перелуках исторической памяти (Размышления в связи с “археографическим открытием” Сибири). С. 65–70; *Николаев С.И.* Что такое “острота телесного ума” протопопа Аввакума? С. 71–76; *Пиотровская Е.К.* Сведения о библейской и христианской топографии в труде Козьмы Индикоплова. С. 77–80; *Рыков Ю.Д.* Новоприобретенный нижегородский сборник сочинений пустозерских узников (Из поступлений 1999 года в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). С. 81–91; *Севастьянова С.К.* Литературная деятельность патриарха Никона (Проблемы изучения). С. 92–97; *Титова Л.В.* Полемико-догматические сочинения протопопа Аввакума и дьякона Федора в составе “Сказания о расприх, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем”. С. 98–103; *Шашков А.Т.* Неизвестная “гарь” 1685 года в верховьях Кокшеньги (К изучению истории старообрядческих самосожжений конца XVII века). С. 104–111; *Юхменко Е.М.* Реальные герои выговских чудес. С. 112–117; II. **Книжность.** *Алсит Т.Н.* Роман А.С. Пушкина “Арап Петра Великого” (В поисках завершенности). С. 118–124; *Байдин В.И.* Кирша Данилов и Ро-

дион Набатов. С. 125–141; *Белоброва О.А.* Из археографической практики XVII века. С. 142–145; *Вознесенский А.В.* Об одной находке в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии. С. 146–150; *Горфункель А.Х.* “Краткая беседа Милости с Истинною о божии милосердии и мучении” Андрея Белобоцкого. С. 151–163; *Журова Л.И.* Послание Максима Грека Василию III о завершении перевода Толковой псалтири. С. 164–175; *Мудрова Н.А.* Историко-литературные сборники Д.В. Калашникова рубежа XVII–XVIII веков в вотчинах Строгановых на Урале. С. 176–184; *Опарина Т.А.* “Прения с Евангелием учительным” Кирилла Транквилиона-Ставроецкого в русской богословской полемике XVII века. С. 185–193; *Панин Л.Г.* Минейный Торжественник из собрания рукописей Киево-Печерской лавры (лингвотекстологический аспект). С. 194–201; *Панич Т.В.* “Эпистолия Климента Римского о житии его” в переводе Евфимия Чудовского. С. 202–216; *Поздеева И.В.* Патриарх Никон, Авраамий Норов: Новгород, Назарет, Иерусалим, Сараево (Век XVII – век XX. Судьбы книжные). С. 217–224; *Починская И.В.* О первом опыте частного книгоиздания в России. С. 225–231; *Ромодановская В.А.* “Седе одесную Отца” или “сидел еси”? К вопросу о грамматической правке Максима Грека. С. 232–238; *Ромодановская Е.К.* Повести из Римских Деяний в редакции Никифора Симеонова. С. 239–243; *Тимофеева Н.К.* У истоков археологии: труды Флавио Биондо о римских древностях. С. 244–247; *Фонкич Б.Л.* Еще раз о цели поездки Арсения Суханова на Афон в 1654 году. С. 248–251; *Чистякова Е.В.* Боярская библиотека середины XVII века. С. 252–258; *Чумичева О.В.* Символы евангелистов в русской иконографической традиции. С. 259–263; III. **История России.** *Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И.* Новонайденное свидетельство об иконах “Святая София Премудрость Божия” и “Распятие”, предположительно принадлежащих кисти С.У. Ремезова. С. 264–274; *Афиани В.Ю.* Протоколы Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС 1950–1960-х годов: Проблемы источниковедения и археографии советского периода. С. 275–288; *Бродников А.А.* Накануне красноярской смуты: Саламатовы против воеводы И. Башковского. С. 289–296; *Кашианов С.М.* Местное управление и феодальное землевладение в России XIV века. С. 297–306; *Козлов В.П.* Разочарованный Ильич (“Письмо Ленина”). С. 307–313; *Красильников С.А.* Государственная политика в сфере плановых и принудительных переселений в Сибири (вторая половина 20-х – 1930-е годы). С. 314–322; *Манькова И.Л.* Тобольские служилые люди Мокринские. С. 323–329;

Матханова Н.П. Волнения старообрядцев в Забайкалье в 1859 году и Н.Н. Муравьев-Амурский (по новым материалам). С. 330–340; Миленко Н.А. Органы городского самоуправления и развитие народного образования в Зауралье в XVIII – начале XX века (по материалам г. Шадринска). С. 341–348; Мосин А.Г. Фамилия как исторический источник. С. 349–353; Мухоморова Н.А. Прошение церковного старосты Гавриила Мелкова. С. 354–358; Панель В.М. Непроизнесенная речь Б.А. Романова на обсуждении в апреле 1949 года его книги “Люди и нравы Древней Руси”. С. 359–362; Петров С.Г. О некоторых принципах издания документов в серии “Архивы Кремля”. С. 363–366; Переладов К.Г. Политическая борьба в России в середине XVIII века и ликвидация Канцелярии тайных розыскных дел. С. 367–377; протоиерей Пивоваров Б.И. “Ал-

фавит Библии” архимандрита Макария Глухарева. С. 378–382; Побережников И.В. Дела об оскорблении императорской фамилии (Сибирь, вторая половина XIX века). С. 383–390; Резун Д.Я. Ответы из сибирских городов на анкету Комиссии о коммерции 1767 года о как источник по истории купечества. С. 391–398; Тулянич Е.Н. “Бунт” архиепископа Иринья: причины и тайные пружины. С. 399–405; Шмидт С.О. О “жесткой летописи кн. Курбского”. С. 406–415; Элерт А.Х. Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура. С. 416–421; Список печатных трудов Николая Николаевича Покровского за 1990–1999 гг. / Сост. О.Д. Журавель. С. 422–429; Указатель статей и материалов, напечатанных в XI–XX сборниках серии “Археография и источниковедение Сибири” (1987–2000 гг.). С. 430–442; Список сокращений. С. 443–444.

НОВЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XVIII–XIX вв.

С июля 2000 г. в сети Интернет выходит электронное издание “Два века: Журнал российской истории XVIII–XIX столетий” (<http://www.dvaveka.pp.ru/>)¹. Его цель – развитие и популяризация знаний по отечественной истории, формирование исторического мышления у аудитории, пользующейся Интернетом, посредством создания бесплатного общедоступного научно-просветительского ресурса. Редакционную коллегию издания составляют сотрудники Археографической комиссии РАН М.П. Мироненко, Т.В. Лохина; техническое обеспечение издания осуществляется И.Б. Гарцевым.

В декабре 2000 г. аудитория издания насчитывала более 700 читателей из 47 городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Краснодара, Владивостока, Уфы, Петрозаводска и др.) и 26 стран мира (в том числе США, Канады, стран Европы и бывшего СССР)².

Первый номер открывается вступительной статьей “От редакции”. Ниже приводится оглавление пяти номеров журнала, вышедших в 2000 г., систематизированное по рубрикам:

Темы номера: № 1 – Т.В. Лохина. Культура письма в России: Частная рукопись в конце XVIII – начале XIX в.; М.П. Мироненко. Шмидты

на страницах русской истории (по материалам журнала “Русский архив”); М.А. Кучерская. Константин Павлович – “польский король”; В.А. Черных. Эразм Стогов и его “Записки”; № 2 – О.С. Капитанова. Балканские внешнеполитические проекты конца XVIII – первой четверти XIX в. и великий князь Константин Павлович; Н.А. Соболева. Герб Москвы, утвержденный в 1783 г.; № 3 – С.К. Пчезатлук. Из истории торговых отношений России и Кавказа: организация деятельности Попечительства керченской и бугазской торговли; О.В. Эдельман. Чему учились декабристы; № 4 – Д.Д. Зелов. Обращение к наследию Древнего Рима в триумфах петровского времени; М.А. Приходько. Создание министерской системы управления в России в первой трети XIX в.: Периодизация; Н.М. Корнева. Материалы Российского государственного исторического архива по истории жилья и благоустройства Санкт-Петербурга в XIX – начале XX в.; № 5 – Ф.-Д. Лиштенан. Система русского двора и ее преобразование в 1740–1750 гг.; Д.Д. Зелов. Внутриполитическая тематика фейерверков петровского времени; В.А. Черных. Третье поколение российской ветви Ольденбургского герцогского дома: Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932); **Интернет-историография**

¹ Журнал издается при поддержке Института “Открытое общество” (Фонд Сороса) – грант № 1BE929; технической поддержке Московского государственного института радиотехники, электроники и автоматики (Технического университета).

² Данные отчета, подготовленного системой статистики SpyLOG по веб-ресурсу ID:29437 (журнал “Два века”).

(рубрику ведет *Т.В. Лохина*): № 1 – Екатерина Великая на страницах Интернет; № 2 – Коллекции письменных источников по отечественной истории XVIII–XIX вв. в Интернет; № 3 – Масонство в России: от Петра I до Николая I; № 4 – Снова о “Русском бунте” (История Емельяна Пугачева на страницах Интернет); № 5 – Генеалогия в Интернет – новые успехи старой дисциплины; **Personalia** (рубрика поддерживается редколлекцией): № 1 – Федор Васильевич Каржавин; № 2 – Иоганн-Вернер Паузе; № 3 – Екатерина Романовна Дашкова; № 4 – Андрей Артамонович Матвеев; № 5 – Федот Алексеевич Вологов; **Новые книги**: № 1 – Обзор мемуарных публикаций последних лет (1998–1999 гг.): XIX в. (подг. *М.В. Батюев*); № 2 – Милославский Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998 (рец. *С.В. Мироненко*); *Richard S. Wortman. Scenarios of power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, 1988, 2000. Vol. 1, 2 (рец. *С.В. Жумо-*

мирской); ...**доля шутки**: № 1 – “Скажи мне, над чем ты смеешься...” Из ироничных выписок в рукописные сборники начала XIX в. (подг. публ. *Т.В. Лохиной*); **Nota Bene**: № 3 – *М.М. Сафонов*. Несостоявшаяся сенсация (вокруг юбилея 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина); **Хроника**: № 3 – Приглашительный билет: Научные конференции и выставки, посвященные различным аспектам истории России XVIII–XIX столетий; VI Международный съезд славистов (29 июля – 3 августа 2000 г., Тампере, Финляндия); “Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт”: Международный семинар (19–20 июня 2000 г., Санкт-Петербург).

Журнал также имеет постоянные разделы, информирующие о существующих в Интернет исторических сайтах, библиотеках гуманитарного профиля и архивах.

Т.В. Лохина

ЮБИЛЕЙ О.А. КНЯЗЕВСКОЙ

13 мая 2000 г. Археографическая комиссия РАН отмечала славный юбилей одного из своих старейших сотрудников: исполнилось 80 лет видному слависту, выдающемуся знатоку древнерусской письменности, одному из ведущих российских палеографов, замечательному специалисту по истории русского языка, прекрасному диалектологу, автору многочисленных научных трудов и публикаций древнеславянских рукописных книг, лауреату Государственной премии СССР *Ольге Александровне Князевской*.

Поздравить юбиляра собрались многочисленные коллеги, ученики разных поколений и друзья, среди которых есть сотрудники архивов и музеев, ученые из академических и научно-исследовательских институтов, преподаватели московских вузов и, разумеется, сотрудники Археографической комиссии РАН во главе с ее многолетним председателем академиком РАО *С.О. Шмидтом*.

За почти 30 лет, которые Ольга Александровна проработала в Археографической комиссии РАН, были успешно осуществлены совместные научные проекты с учеными Болгарии и Сербии, Австрии и Швеции, Чехии и Литвы. Из этих и других стран в адрес юбиляра были посланы поздравительные телеграммы.

Не одна сотня выпускников филологического факультета МГУ после лекций О.А. Князевской по палеографии навсегда прониклась уважением

к рукописной книге и к науке, ее изучающей, десятки студентов выбрали изучение древнерусских рукописей своей специальностью и защитили дипломные и диссертационные работы под научным руководством О.А. Князевской. От имени всех студентов поздравления юбиляру принесли доценты кафедры русского языка МГУ *Е.А. Галинская* и *М.Н. Шевелева*.

Многие годы О.А. Князевская проработала в Институте русского языка РАН. Поздравить коллегу, научные связи с которой никогда не прерывались, пришли ведущие научные сотрудники Института В.С. Гольщенко, М.Н. Преображенская и Б.С. Шварцкопф.

Имени О.А. Князевской достаточно, чтобы хранители рукописей из Москвы и Санкт-Петербурга (не говоря уже о других городах бывшего СССР), доставали с полок самые древние и самые ценные рукописи. Свое уважение к виновнице торжества пришли выразить главный хранитель РГАДА *И.А. Балакаева*, сотрудники Отдела рукописей ГИМ *Л.М. Костюхина*, *М.М. Панкова*, *Э.В. Шульгина*.

Авторитет О.А. Князевской в научном мире настолько высок, что за консультациями к ней обращаются ведущие российские искусствоведы. И редко какой реставрационный совет по рукописям проходит без ее участия. С приветственными речами к О.А. Князевской обратились директор Музея им. Андрея Рублева *Г.В. Попов*,

проф. кафедры истории искусств МГУ Э.С. Смирнова, заведующий отделом реставрации рукописей ВНИИР И.П. Мокрецова и заведующий отделом реставрации рукописей ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря Г.З. Быкова.

О неумолимой энергии юбиляра во время археографических экспедиций говорила проф. кафедры источниковедения исторического факультета МГУ И.В. Поздеева. Стихотворное поздравление зачитала проф. Лицея им. Фомы Аквинского Е.М. Сморгунова. Теплые слова в адрес О.А. Князевской произнес видный специалист по греческо-русским связям проф. Б.Л. Фонкич (Институт всеобщей истории РАН). О сотрудничестве с О.А. Князевской говорили Л.В. Мошкова (Институт теории и истории педагогики РАО),

ведущие специалисты Института российской истории РАН акад. Я.Н. Шапов, С.М. Каишанов, Б.М. Клосс, В.А. Кучкин.

Как подарок к юбилею директор издательства “Индрик” С.Г. Григоренко представил собравшимся только что вышедший из печати том фундаментального труда, осуществленного под руководством и при непосредственном участии О.А. Князевской – издание древнейшей славянской кириллической рукописи “Саввиной книги”.

Все собравшиеся пожелали юбиляру доброго здоровья, бодрости и продолжения ее плодотворной научной деятельности.

Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц

“ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ” (Всероссийская научная конференция в Пензе)

26–27 июня 2000 г. в г. Пензе состоялась Всероссийская научная конференция “Отечественная культура и развитие краеведения”. Она была организована Археографической комиссией РАН совместно с Союзом краеведов России, Российским государственным гуманитарным университетом и Министерством культуры Пензенской области. Ведущий организацией, обеспечившей подготовку и проведение конференции явился Пензенский государственный объединенный краеведческий музей (ПГОКМ). Финансовую поддержку в проведении конференции оказал Институт “Открытое общество”. Научный руководитель конференции – председатель Археографической комиссии и Союза краеведов России академик РАО С.О. Шмидт; руководитель проекта – заместитель директора ПГОКМ по научной работе А.В. Тюстин.

На пленарном заседании с приветствием участникам конференции выступили заместитель председателя Правительства Пензенской области и министр культуры Пензенской области Е.С. Попов. Были заслушаны доклады: С.О. Шмидт. Краеведение в культуре России; В.Ф. Козлов. Роль современных периодических и продолжающихся краеведческих изданий в изучении местной культуры; Б.Ф. Егоров (СПб.). Значение музеев в сохранении культурных гнезд российской провинции; А.А. Сундиева. “Краеведческая константа” в деятельности провинциаль-

ных музеев; Н.М. Ньюшкин (Пенза). Пензенская видеоэнциклопедия как форма самопознания провинциальной культуры.

На секционных заседаниях с докладами и сообщениями выступили более 30 преподавателей и студентов учебных заведений, сотрудников музеев, архивов, библиотек Пензенской области, а также ученые, преподаватели, краеведы из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Костромы, Самары, Смоленска, Саранска, Твери. С сообщением выступил также дипломант из Сорбонны С. Пернет (участник состоявшейся в мае 2000 г. в Париже конференции “Краеведение в России за 1890–1990; Истоки, проблемы, возрождение”). Он рассказал об организации краеведческих исследований во Франции и об изучении французскими историками опыта российского краеведения.

Конференция завершилась чрезвычайно интересной экскурсией в г. Никольск Пензенской области и посещением музея художественного стекла на одном из старейших в России стекольных заводов.

Материалы конференции опубликованы в двух книгах. Первая из них содержит, в основном, тезисы докладов и сообщений пензенских участников¹. Вторая – доклады и сообщения иногородних ученых.

В.А. Черных

¹ Отечественная культура и развитие краеведения: Тез. докл. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А.В. Тюстин. Пенза, 2000. 178 с. Роспись содержания сборника см. наст. изд. С. 476–477.

² Отечественная культура и развитие краеведения: Материалы IV Всерос. науч. конф. / Гл. ред. С.О. Шмидт. Пенза, 2001. 235 с.

ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 200-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ “СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

27–29 августа 2000 г. в Ярославле и Рыбинске проходили Юбилейные чтения по истории и культуре древней и новой России, посвященные 200-летию первого издания “Слова о полку Игореве”, организованные Ярославским и Рыбинским музеями, Ярославским государственным педагогическим университетом им. К.Д. Ушинского при поддержке Ярославской областной и городской администраций и учреждений РАН¹.

Торжественное открытие Чтений происходило 27 августа в Центре духовной культуры “Классика” Ярославского музея-заповедника. Участников чтений приветствовали представители Министерства культуры РФ, администрация Ярославской области и г. Ярославля, от потомков первого издателя “Слова” – граф А.А. Мусин-Пушкин (Франция) и другие организаторы конференции. Слово о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве произнес В.П. Бударгин (ИРЛИ). С докладом «Первое издание “Слова о полку Игореве” в развитии культуры России» выступил С.О. Шмидт.

На пленарном заседании о реалиях XI в. в “Слове” говорил В.А. Кучкин (ИРИ), об итогах формальных методов в исследовании текста “Слова” – академик РАН Л.В. Миллов (МГУ), о современном состоянии изучения проблемы подлинности памятника – А.А. Горский (ИРИ), о его датировке – Н.С. Демкова (СПбГУ), о поэтическом своеобразии “Слова” – Л.В. Соколова (ИРЛИ).

В тот же и на другой день в Ярославском музее происходили заседания секций: «Проблемы изучения “Слова о полку Игореве”»; «Слово о полку Игореве” в искусстве»; «История и культура России нового времени»; «Проблемы изучения древнерусской литературы и книжности», на последней в числе других было заслушано сообщение И.Л. Жучковой (РГАДА) и Б.Н. Морозова (АК) о

Сводном каталоге славяно-русских рукописей XVI в., хранящихся в Архиве древних актов.

29 августа работа была продолжена в Рыбинске. Первую часть дня участники и гости провели на теплоходе на Рыбинском водохранилище. На месте затопленной родовой усадьбы Мусиных-Пушкиных Иловна была отслужена панихида и возложены цветы. На теплоходе же происходила презентация издания «“Ты, солнце святое, гори!” Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове», до 1917 г. преподававшем в Рыбинской гимназии (много внимания уделявшем в своей педагогической деятельности “Слову”). С.О. Шмидт, ответственный редактор книги, рассказал как создавался этот сборник материалов, поделился своими воспоминаниями об И.И. Зеленцове – своем школьном учителе. Краевед Ю.И. Чубукова (Рыбинск) сообщила об архивных находках, связанных с рыбинским периодом его жизни; А.В. Мельников (АК) – о выявлении малоизвестных материалов об учебе И.И. Зеленцова в Московской духовной академии.

В Рыбинском музее была продолжена работа секции “Мусины-Пушкины в истории России”, среди ее докладов было сообщение Б.Н. Морозова о неизвестных родословных материалах в архиве боярина И.А. Мусина-Пушкина. На заключительном заседании Чтений под председательством С.О. Шмидта выступили представители администрации Рыбинского муниципального округа, подведены итоги работы секций. Далее происходила презентация Фонда А.И. Мусина-Пушкина и концерт Рыбинской детской хоровой студии.

Выступления на заседаниях научной конференции изданы в Ярославле отдельным сборником².

Б.Н. Морозов

¹ См. хроникальное сообщение: *Мельников А.В.* 200-летие первого издания “Слова о полку Игореве” // ОА. 2000. № 6. С. 115–116.

² 200 лет первому изданию “Слова о полку Игореве”: Материалы юбилейных чтений по истории древней и новой России. 27–29 августа 2000 года. Ярославль–Рыбинск. Ярославль, 2000.

200-ЛЕТНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

19 октября 2000 г. в Воронеже прошла научная конференция, посвященная 200-летию местного краеведения. Конференция приурочена к двухсотлетию юбилею со времени выхода в свет книги Е.А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (Воронеж, 1800). Уроженец Воронежа Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767–1837) гораздо более известен как митрополит Киевский и Галицкий Евгений, крупный историк, археограф, археолог, библиограф, историк музыки, деятельный участник кружка Н.П. Румянцева. С именем митрополита связано развитие краеведения в тех епархиях, где он служил: Новгороде, Вологде, Калуге, Пскове, Киеве.

Двухвековой путь воронежского краеведения отмечен именами историка и общественно-го деятеля Н.И. Второва (1818–1865), публициста М.Ф. Де-Пуле (1822–1885), крупного статистика Ф.А. Щербини (1849–1936), писателей Е.Л. Маркова (1835–1903) и Г.И. Недетовского (1846–1922), генеалога Л.М. Савелова (1868–1947), признанных знатоков местного края С.Е. Зверева (1860–1920), В.В. Литвинова (1873–1941), Н.И. Поликарпова (1871–1934), П.В. Никольского (1870 – после 1917). В губернии действовали Статистический комитет (1835–1918), Ученая архивная комиссия (1900–1918) и Церковный историко-археологический комитет (1901–1918), регулярно выпускавшие свои труды. В 1920-е годы работало Губернское краеведческое общество во главе с проф. ВГУ С.Н. Введенским (1867–1940), издававшее «Воронежские краеведческие сборники» и газету «Известия Воронежского краеведческого общества». В 1930–1931 гг. по «делу краеведов» Центрального Черноземья были арестованы 92 человека, в их числе почти все исследователи воронежской старины.

Возрождение краеведения относится к середине 1950-х годов и связано с именами университетских ученых Е.Г. Шуляковского (1906/07–1984) и В.П. Загоровского (1925–1994). С 1971 г. при Областной научной библиотеке существует Воронежское историко-культурное общество (до 1991 г. – Воронежский общественный совет краеведов) под председательством члена Археографической комиссии, профессора-литературоведа О.Г. Ласунского.

Организаторами конференции выступили Археографическая комиссия РАН, Союз краеведов России, Воронежско-Липецкая епархия, Администрация Воронежской области, Воронеж-

ский государственный университет, Воронежское историко-культурное общество. В ее работе приняли участие преподаватели Воронежского государственного университета, Воронежского государственного педуниверситета, Архитектурно-строительной академии, Академии искусств, Духовной семинарии, сотрудники епархиального управления, Музея народного образования, Госархива Воронежской области, городского отделения общества «Мемориал», журналисты, краеведы.

На конференции работали три секции: история воронежского края в XVI – начале XX в. (руководители – проф. М.Д. Карпачев, доц. А.Н. Акиншин), история воронежского края после 1917 г. (руководители – профессора О.Г. Ласунский, П.В. Загоровский), историография и источники изучения воронежского края (руководители: проф. К.Б. Николаев, доц. М.В. Цыбин). На пленарном заседании выступили академик РАО, председатель Археографической комиссии и председатель Союза краеведов России проф. С.О. Шмидт – «Е.А. Болховитинов и его место в развитии отечественной исторической науки», проф. О.Г. Ласунский – «Современная регионология и ее роль в корректировке исторических знаний», доц. А.Н. Акиншин – «Воронеж в записках путешественников, мемуарах и письмах». В докладе С.О. Шмидта обосновывалась мысль о том, что современник Н.М. Карамзина, родоначальника общероссийской историографии, Е.А. Болховитинов, стал основоположником ее краеведческой ветви – местнографии.

В первой секции внимание привлекли доклады В.Н. Глазьева «Местное управление в Воронеже в конце XVI–XVII вв.», А.О. Амелькина «Монастыри воронежского края в XVII в.», Т.Н. Литвиновой «Деятельность воронежского дворянства по организации земской милиции в 1806–1807 гг.», иеромонаха Митрофана (Шкурина) «Жизнеописание архиепископа Антония (Смирницкого): опыт сопоставления», Н. Макаева «Св. Василий (Преображенский), преподаватель Воронежской семинарии», Л.В. Кригер и Г.А. Чеснокова «Архитектура уездных городов Воронежской губернии», М.Д. Карпачева «Воронежская деревня в годы первой мировой войны».

Во второй и третьей секциях можно выделить доклады Ю.В. Пыльнева «Педагогические учебные заведения Воронежской губернии в годы гражданской войны», В.И. Битюцкого «Эсеровские организации в Воронеже в начале 1920-х гг.», А. Разинкова «Федоровцы в воронеж-

ском крае”, П.В. Загоровского “Голод в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг.”, А.В. Мельникова (Москва) “Воронежские сюжеты в историческом труде М.М. Богословского о Петре I”, М.В. Цыбина “Археологическое изучение воронежского края в XIX – начале XX в.”, Н.С. Сапелкина “Источники по истории Воронежской епархии XX в.”, Елецких В.Л., “Семейный архив дворян Кольцовых как источник изучения воронежского быта конца XIX – начала XX в.”, К.Б. Николаева “Использование материалов архивно-следственных дел 1930–1950-х гг. в краеведческой работе: к проблеме достоверности источника”.

В Воронежской областной научной библиотеке, где работала конференция, была открыта выставка краеведческих изданий за два века. Издана брошюра А.Н. Акиньшина и О.Г. Ласунского “Два века воронежского краеведения: люди, труды, события” (Воронеж, 2000. 60 с.)*. Материалы конференции будут опубликованы в девятом выпуске сборника “Из истории воронежского края”. Культурная программа конференции заключалась в посещении краеведческого музея г. Боброва, Хреновского конного завода, музея семьи Веневитиновых в с. Новоживотинное Рамонского района, имения принцев Ольденбургских Рамонь.

А.Н. Акиньшин

* См. также: *Акиньшин А.М.* Два века воронежского краеведения: прошлое и настоящее // *ВА.* 2000. № 5/6. С. 276–278; *Ласунский О.Г.* Юбилей воронежского краеведения // *Исторические записки: Научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета.* Воронеж, 2001. Вып. 7. С. 261–263.

ПЕРВЫЕ ЛИХАЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ХРИСТИАНСТВО И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА”

29 сентября–3 октября 2000 г. в Санкт-Петербурге, в Пушкинском Доме состоялась Международная конференция “Христианство и древнерусская литература”, посвященная памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева (Первые Лихачевские чтения). В ней приняли участие ученые из разных стран мира, было прочитано 43 доклада.

Вступительное слово произнес *О.В. Творогов* (ИРЛИ). Он коротко рассказал о вкладе Д.С. Лихачева в изучение литературы Древней Руси, отметил, что научная деятельность Дмитрия Сергеевича – вдохновенное осуществление совершенно конкретной обширной научной программы, цель которой открыть обществу его полузабытое культурное наследие. О.В. Творогов подчеркнул стремление Д.С. Лихачева привлечь внимание не к частностям, а ко всему многовековому пути русской средневековой литературы.

В докладе академика *А.М. Панченко* (ИРЛИ; прочитан В.П. Бударагиным) “Д.С. Лихачев и школа академика В.Н. Перетца”, прослеживалось сходство научного развития и преемственность двух значительных славистов XX в. В.Н. Перетца и Д.С. Лихачева.

В докладе *М.В. Рожественской* (СПбГУ) “Поэтика древнерусской литературы в работах Д.С. Лихачева” была отмечена роль Дмитрия Сергеевича в осознании древнерусской книжности как особой литературы, а не только собрания отдельных рукописей. Работы Д.С. Лихачева определяют, по мнению докладчика, две темы – тема ее молодости и тема ее развития. Дмитрий Сергеевич напомнил нам об эстетических задачах древнерусских книжников, во многом отличимых от задач писателей нового времени, о зависимости средневековой русской литературы от феодального уклада, его быта и ритуала. Лихачев на русском материале противопоставил средневековое искусство обряда искусству игры, он ввел в науку понятия “литературного этикета”, “абстрагирования”, “стилистической симметрии”, “стиля эпохи” и т.д., написал о поэтике художественного времени древнерусской литературы и поэтике художественного пространства в ней, о многом впервые. В докладе была отмечена также очень важная особенность взгляда Лихачева на поэтику древнерусской литературы – мотив ее развития, мотив движения.

Доклад *И.З. Сермана* (Израиль, Иерусалим) “Природа смеха по Лихачеву” был посвящен рассмотрению одной из самых значительных работ Дмитрия Сергеевича “О смехе”. В этой работе Дмитрий Сергеевич обращает внимание на влияние Юго-Западной Руси на появление целого

пласта сочинений, подобных “Сказанию о бражнике”, “Службе кабаку” и т.д. Отмечено наиболее важное в книге Дмитрия Сергеевича – противопоставление смехового мира миру духовного, церковного.

Доклад *Л.В. Соколовой* (ИРЛИ) «Почему Д.С. Лихачев не сомневался в подлинности “Слова о полку Игореве”» является частью большой работы по исследованию методов изучения “Слова”. В работах Д.С. Лихачева была создана система научных доказательств принадлежности памятника древнерусской литературе и при этом конкретному ее этапу – стилю монументального историзма XI–XII вв. В его работах рассмотрен также “мировоззренческий фон” этого литературного произведения.

Ряд докладов был посвящен деятельности Д.С. Лихачева в Москве, Грузии, Японии, Санкт-Петербурге.

В докладе *Э.Г. Хинтибадзе* (Грузия, Тбилиси) “Д.С. Лихачев в Грузии” были рассмотрены вопросы возрождения и развития грузинской национальной науки в середине XIX в., отмечена роль в этом выпускников Санкт-Петербургского университета. Докладчик рассказал также о многолетней совместной работе по изучению связей древнерусской и древнегрузинской литературы, совместных симпозиумах, конференциях и других научных мероприятиях, инициатором которых был Д.С. Лихачев.

В докладе *С.О. Шмидта* (АК) “Д.С. Лихачев в культуре Москвы” отмечена роль Дмитрия Сергеевича – единственного ученого советского периода, которого по масштабу сделанного можно сравнить с Ф.И. Булаевым, А.Н. Веселовским и А.А. Шахматовым в изучении Москвы как историко-культурного феномена. В трудах Д.С. Лихачева много места уделено Москве и москвичам, его интересовала не только древняя Москва, но и современность, он содействовал проведению юбилея Н.М. Карамзина, возрождению интереса к В.А. Жуковскому, писал об А. Белом, Б. Пастернаке, о современном авангарде, об историках и филологах Б.Д. Грекове и Н.К. Гудзии. Он был руководителем Совета Мировой культуры, принимал активное участие в основании Дома-музея М. Цветаевой и Библиотеки русского зарубежья, помогал в деятельности Института “Открытое общество”.

Ацуо Накадзава (Япония, Нингата) в докладе “Д.С. Лихачев в Японии” рассказал о том большом значении, которое имеют книги Дмитрия Сергеевича для японского читателя и как они воспринимаются в Японии. Отдельно был

выделен цикл сочинений Дмитрия Сергеевича, посвященный поэзии садов, заметкам по русской культуре и старинной смеховой культуре.

Доклад *В.П. Бударагина* (ИРЛИ) “Д.С. Лихачев и древнехранилище В.И. Малышева” был посвящен истории Древнехранилища и той значительной роли, которую играл Д.С. Лихачев для его становления и развития.

В докладе академика *В.Л. Янина* (МГУ) “Новые находки памятников письменности в Новгороде 2000 года” рассматриваются материалы последнего полевого сезона. Как известно, летом 2000 г. в Новгороде были сделаны уникальные и сенсационные находки: берестяной образец с процарапанной фигурой Христа и на обороте – с изображением женской фигуры с подписью: “агиос Варвара”, и трех деревянных дощечек, покрытых воском, на котором процарапан текст. Доски были найдены в слое конца X – первой четверти XI в. К сожалению, до настоящего времени не существует параметров для датировки ранних рукописей X–XI вв. Возможно благодаря новой находке исследователи получают необходимую точку отсчета. Текст дощечек был идентифицирован как 75, 76 и 67 псалмы. Исследование этого материала будет продолжено.

В докладе *Л. Мюллера* (Германия, Тюбинген) «Летопись Печерского монастыря в “Повести временных лет”» анализируется скрипторий Печерского монастыря раннего периода. Докладчик сомневается в принадлежности перу Нестора всех трех сочинений – “Жития Бориса и Глеба”, “Жития Феодосия Печерского”, “Повести временных лет”, – традиционно ему приписываемых. Л. Мюллер показывает, что над отдельными статьями “Повести” работало несколько человек, так как некоторые рассказы летописи (“рассказ об Исаи”, “Сказание в кое лето начал быти Печерский монастырь”) содержат дублиеты, а также фактически и стилистически противоречат “Житию Феодосия Печерского”, считает, что оба рассказа возникли не ранее конца 80–90-х годов XI в.

Д. Ревелли (Италия, Генуя) в докладе «Христианские воззрения в “Чтении о Борисе и Глебе”» рассматривает этот вопрос на материале одного из сочинений Нестора – “Чтения о житии Бориса и Глеба”, которым стала заниматься по совету Д.С. Лихачева. Автор и теперь поражает современного читателя широтой своего кругозора, способностью возвыситься над историческими и религиозными противоречиями своего времени, которые появились уже во второй половине XI в. после раздела между восточной и западной христианскими церквями. Отмечает, что в современных событиях источниках, в том числе и в Повести временных лет, нет упоминаний, говорящих об осложнениях между греческой и римской церквями после раздела 1054 г. Как убедительно

показал *В.Н. Топоров*, литературная деятельность Нестора развивает основные религиозные и философские идеи, выдвинутые Илларионом в “Слове о законе и благодати” и заключающиеся в самой основе древнейшего русского летописания. Она отражала литературно-агиографические связи с западными славянами и с Италией. В композиционной структуре двух агиографических произведений, приписываемых перу Нестора (“Чтение” и “Житие Феодосия Печерского”) отличается повествовательная модель, образцом которой была *Passio sancti Venceslavi matrytris Gumpoldi Mantuani episkopi*. Агиографические произведения о св. Вячеславе сходны в главных идеологических константах с “Чтением о житии Бориса и Глеба”.

Э. Малек (Польша, Лодзь) в докладе “Образы ангелов в древнерусской письменности” обращается к проблеме формирования трех разновидностей образа ангела – ангелы тихие, грозные и милостивые в библейских и патериковых рассказах, в монументальной и станковой живописи, миниатюре, в церковной музыке.

В докладе *А.Х. Горфункеля* (США, Бостон) «“И то твое не истинно иноческое житие...”» (Монашеский идеал и повседневная хозяйственная жизнь Кирилло-Белозерского монастыря)» был проанализирован свод документов, отражающих все стороны повседневной жизни монастыря первой половины XVII в., взаимоотношения с местными посадскими людьми и другими монастырями, земельные споры, послания Ивана Грозного, описи библиотек, сочинения, касающиеся правил монастырского общежития.

Доклад *Р. Штихеля* (Германия, Мюнстер) “Чаша Соломонова в Цареградской Софии – иудейская магия и христианская агиография” рассматривает один эпизод из “Жития св. Кирилла”, касающийся надписи на чаше, сделанной на четырех языках: греческом, латинском, еврейском и самаританском. Докладчик привлекает к рассмотрению две греческие рукописи, приходит к выводу, что это только мнимая четверка языков, на самом деле в Житии св. Кирилла речь идет о двух азбуках.

Доклад *С.С. Аверинцева* (Москва) “Богу ли жить с человеками на земле? (3 Царств 8, 27): Присутствие Вездесущего как парадигма религиозной культуры”, выдержанный в жанре конвенционального размышления, передающего жанр бесед автора с Д.С. Лихачевым, посвящен рассмотрению некоторых парадоксов христианского вероучения, проявившегося в двух фундаментальных концептах: вездесущность Бога, с одной стороны, и его же вочеловечение, с другой. К рассмотрению проблемы привлечен широкий круг сочинений ранневизантийской гимнографии VI – начала XVIII в. и более позднего периода, библейские тексты, сочинения философов

А. Бергсона, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева и писателей Ф. Кафки и К.С. Льюиса.

В докладе *Г.М. Прохорова* (ИРЛИ) “Святость в русской истории” произведен пересчет всех русских святых за время с X по XVIII в. и, автор, разделив их по четвертям столетий, построил график, который, как ему представляется, отражает основные этапы истории Руси: христианизацию, расцвет Киево-Печерского монашества, упадок, связанный с распадом Киевской державы, подъем или подъемы времен сложения и укрепления Великой Руси и, наконец, спад в XVII в. до уровня X столетия.

Доклады *Н.С. Демковой* (СПб.) “Владимир Мономах и Франциск Ассизский” и *Энциклопедия Бьянки и Адальберто Майнарди* (Италия, Бозе) «“Человек Божий” в древнерусской и средневековой итальянской литературе: преподобный Сергей Радонежский и святой Франциск Ассизский. Опыт типологического сопоставления» блестяще подтверждают тезис Д.С. Лихачева о европеизме русской литературы, о ее единстве с литературами стран Европы.

В докладе *С. Матхаузеровой* (Чехия, Прага) “Житие святого Вячеслава в истории русской и чешской литературы” подробно рассказывается об истории Сазавского монастыря, основанного св. Прокопием в 1033 г. при чешском князе Ольдрике в связи с “Житием” чешского князя Вячеслава, сохранившейся на латинском и славянском языках. Оба варианта подробно проанализированы докладчиком, отмечены на первый взгляд незначительные, но важные детали, помогающие установить первоначальный текст.

В докладе “Природа в житиях святых, русских и японских” *Й. Накамура* (Япония, Токио) остановился на некоторых параллелях “Жития Сергея Радонежского” и буддийского монаха Меэ. Им было также рассмотрено отношение описаний природы, их разница и сходство в обоих житиях, их соотношение с живописными памятниками.

Доклад *Н.Д. Кочетковой* (ИРЛИ) “Карамзин и древнее благочестие” был посвящен рассмотрению не изученных еще религиозных воззрений Н.М. Карамзина и членов Новиковского кружка.

В докладе *К. Станчева* (Италия, Рим) “Место поэзии в древнеславянском/древнерусском литературном пространстве” сделана попытка конкретно очертить место поэтических форм в древнеславянском – в основном в древнеболгарском – литературном пространстве. Автор пытался ответить на вопрос, занимала ли непесенная поэзия определенное византийское место в литературе, или оно в этом отношении действительно представляло собой что-то отличное.

Проблеме стихотворных жанров в древнерусской литературе был посвящен и доклад

И.П. Смирнова (Германия, Мюнхен/Констанц) “О двух типах стихосложения в древнерусской словесности”. Автор считает, что древнерусские стихотворные тексты были силлабические по своей природе и в них наблюдалась сильная типологическая упорядоченность. Появление силлабической поэзии, с точки зрения докладчика, связано с падением редуцированных.

К. Ханник (Германия, Вюрцбург) посвятил свой доклад “Проблемы изучения древнерусского Ирмология” вопросам исследования нотированных рукописей, на примере Ирмология, который докладчик относит к древнерусским, а не древнеболгарским сочинениям. Переводные ирмосы были адаптированы к древнерусской литургической практике.

Тема гимнографических произведений в Древней Руси была продолжена в докладе *Т.Р. Руди* (ИРЛИ) “О гимнографическом наследии Ермолая-Еразма”, основанном на изучении более 80 ненотированных песнопений.

С.И. Николаев (ИРЛИ) в докладе “Переводил ли Симеон Полоцкий стихи?” анализировал стихи этого автора в связи с иноязычными источниками, в частности, со стихами польского поэта Николая Кохановского.

В докладе *Л.И. Сазоновой* (ИС) «Из палеографических наблюдений над рукописями “Вертограда многоцветного”: писец Кирушка Никитин, “стопа александрийской бумаги” и 9 фунтов чернил» рассмотрены проблемы текстологии и палеографии, связанные с творческой историей создания книги стихов Симеона Полоцкого. Изучение динамики текста от автографа через промежуточный писцовый список к окончательной редакции, представленной в парадной, подносной рукописи, позволило установить основные этапы работы поэта над произведением и датировать их, сделать вывод о значении автографа для установления истоков и источников, концептуально содержания и формы “Вертограда”.

Доклад *С.А. Фомичева* (ИРЛИ) “Сады в поэзии Пушкина” основывается на последнем исследовании Д.С. Лихачева “Поэзия садов” в связи с особым местом символа “сада” в раннем творчестве А.С. Пушкина.

В докладе *А.А. Алексеева* “Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста” было показано, что реконструкция архетипа – основной метод классической филологии, сложившийся в XVII–XVIII вв. в ходе издания произведений античности и библейских текстов. История текста заняла основное место в текстологических исследованиях при развитии неофилологии с конца XIX столетия. Опыт работы исследователей древнерусской литературы с 1950-х годов показывает, что эти два направления работы уже не могут рассматриваться как альтернативные, реконструкция архетипа может

и должна дополнять историю текста, лишь в этом случае она становится надежной.

Доклад члена-корреспондента *Е.К. Ромодановской* (СО РАН) “Древнерусская притча: самоопределение жанра” посвящен одному из самых распространенных в Древней Руси, но до сих пор недостаточно изученных, жанру притчи. Рассматриваются различные определения этого жанра, данные такими авторами и исследователями как Скорина, Григорий Сковорода, В.В. Кусков, С.С. Аверинцев, Н.С. Демкова. Прослеживается взаимоотношение повести и притчи.

Доклад группы берлинских исследователей по изучению древнерусского языка и литературы (Ю. *Харней*, Г. *Штурм*, Д. *Фаль*, С. *Фаль*) «“Метафизика предлогов”: повторяющиеся непонятные маргиналии в древнейшей рукописи славянского перевода творений Дионисия Ареопагита» был основан на подготовленном ими издании славянского перевода трудов этого автора по рукописному списку РНБ Гильф. 46. Он, скорее всего, представляет собой рукопись самого переводчика Исаи, который при переводе текста старался придать славянскому языку гибкость греческого. Рассматривается значение предлога *цѣтѣ* в зависимости от употребленного падежа (винительного или родительного) и передающиеся различно в славянском тексте.

В докладе *В.Е. Багно* (ИРЛИ) “За Аристотелевыми вратами (древнерусская и кастильская версии краткой редакции Тайная Тайных)” делается попытка дополнить представление о замечательном, по словам Д.С. Лихачева, памятнике древнерусской литературы “Тайная Тайных”, сопоставив его с кастильской версией этого же произведения, известной исследователям, но до сих пор не рассматривавшейся с ним в едином контексте. Автор согласен с теми, кто полагает, что именно “Тайная Тайных”, как еретическая книга “Аристотелевы врата”, была осуждена в Стоглаве. В качестве альтернативного Домостроя “Тайная Тайных” не могла не вызывать у читателей стремления захлопнуть “врата”, изъять их из обращения. “Тайная Тайных” – памятник энциклопедический, как правило, сопровождался трактатом медицинским, о свойствах камней, о ядах и т.п. В переводе содержатся живые детали и подробности, основанные на русских реалиях.

А.Г. Бобров (ИРЛИ) в докладе “Новгородский патерик (Повести древних лет)” делает попытку выявить цикл новгородских повестей, условно названных им, вслед за Д.С. Лихачевым, Новгородским патериком. Исследование построено на анализе состава рукописей: РГБ, Волок. 659, сделанной в 1536 г. по повелению игумена Иосифо-Волоколамского монастыря, и Лихачевскому сборнику (СПб ФИРИ РАН. Собр. Лихачева № 294), восходящих к сборнику новгородских легенд и рассказов. Обе рукописи содержат шесть

повестей: “О варяжской богнице”, “О Благовещенском монастыре”, “О просфире”, “Об архиепископе Ионе”, “Видение пономаря Аарона”, “Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных”, названных в рукописи Волоколамского монастыря “Повестью древних лет” и имеющих явную “антилатинскую” направленность. Исходя из упоминаний в сочинениях “Новгородского патерика” реальных исторических лиц, А.Г. Бобров считает, что рассматриваемый им цикл сложился в конце 70–80-х годов XV в., таким образом он хронологически предшествует Иосифо-Волоколамскому, Псково-Печерскому и Соловецкому патерикам, и называет возможного автора рассматриваемой подборки повестей – жившего на Руси писателя Пахомия Логофета.

М.А. Салмина (ИРЛИ) в докладе “К истории летописания XVI в.” пытается пересмотреть датировку Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в. и изменить ее на более позднюю – вторую половину XVI в.

Итальянский исследователь *Джованна Броджи-Беркофф* (Италия, Рим/Милан) в докладе “Проблемы русской историографии XVII в. в европейском контексте” рассматриваются особенности историографии, начиная с XV–XVI вв., – время, возрождения античных форм историографии, до XVII в., когда сломались некоторые устаревшие историографические схемы: эпическое, героическое и риторические понятия историографии, свойственные эпохе Возрождения, и постепенно ушли на периферию. В новой историографии Ренессанса преобладающим оказался политический характер деятельности, модным по стилю и по образу мышления стал Тацит, на практическом уровне уточнилось состояние разрыва между церковной и гражданской историей. Государственную историографию охватывает энциклопедизм. Очерченная докладчиком схема представляет собой сложную, но достаточно ясную и устойчивую структуру, в основном она функционировала одинаково по всей Европе, хотя и приобрела оригинальные черты в отдельных регионах. В XVI–XVII вв. русская историография претерпевала многочисленные изменения, но войти в систему европейской историографии Ренессанса и Барокко она не смогла. В России до начала XVIII в. в историографии не было ни Ренессанса, ни Барокко.

Доклад *В.И. Охотниковой* (Псков) “К истории сложения цикла чудес Никандра Псковского” – об истории складывания и развития на протяжении XVI–XVIII вв. жития основателя одного из Псковских монастырей, подвижника Никандра Псковского. Автор разбирает все этапы изменения текста чудес о коте и об исцелении Евдокии.

Последнее заседание Чтений было посвящено проблемам старообрядчества в России.

Заслушаны доклады *К.В. Чистова* (СПб.) "Заметки об эскапизме и эсхатологических воззрениях старообрядчества XVII–XIX вв.", *Е.М. Юхименко* (Москва, ГИМ) "Старообрядческая книжность и проблема реконструкции древнерусского литературного обихода"; *В.Н. Алексеева* и *Е.И. Дергачевой-Скоп* (Новосибирск) "К проблеме типологии чтения радикальных беспоповских старообрядческих согласий Сибири (XVIII – начало XX в.)", *Д.Н. Брецинского* (США, Вест-Лафайет) «Об одной попытке популяризации старообрядческой литературы в зарубежной печати: Житие

инока Корнилия Выговского на страницах журнала "Контингент"».

Чтения сопровождалась поездкой в Комарово на место захоронения Д.С. Лихачева; просмотром фильма В.Б. Виноградова "Д.С. Лихачев. Я вспоминаю".

Один день участники конференции провели в Великом Новгороде на месте знаменитых раскопок, в том числе посетили Троицкий раскоп, где были найдены церы и берестяная иконка, ставшие предметом доклада В.Л. Янина.

Н.А. Кобяк

КРАЕВЕДЕНИЕ "ЗОЛОТОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ" КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

(о конференции в Иркутске)

11–13 января 2000 г. в г. Иркутске состоялась региональная научно-практическая конференция «"Золотое десятилетие" иркутского краеведения: 1920-е годы», приуроченная к 75-летию Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда. Инициатор проведения конференции – Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, а организатор – Иркутский гуманитарный научный фонд. Финансовую поддержку оказал Институт "Открытое общество" (Фонд Сороса).

В отличие от большинства проводимых в регионе научных мероприятий, многие из которых содержат значительную краеведческую составляющую, но остаются отраслевыми, конференция имела не только "временные" и "территориальные" параметры, но и носила историко-научный, а потому – комплексный характер, соответствующий природе краеведческого знания. Последовательно реализуя этот подход, организаторы построили работу вокруг обсуждения следующих тем: краеведческие организации (государственные и общественные); события краеведческой жизни; персоналии; краеведческие издания и библиография; методология и методика краеведческой работы.

В работе конференции приняли участие более 100 человек, представлявших учебные и научные заведения, библиотеки, архивы, учреждения культуры Иркутска, Новосибирска, Кемерово, Омска, Ангарска, Шелехова, Тулуна, Черемхово, Листвянки.

Честь открыть конференцию была по праву передоверена Председателю Союза краеведов России и Археографической комиссии РАН, академику РАО *С.О. Шмидту*, который, хотя и

не смог принять участие в ее работе, в своем обращении подчеркнул, что освоение наследия краеведов "золотого десятилетия" – условие дальнейшего позитивного развития не только краеведения, но и современной культуры и общественной жизни в целом. Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд (1925) фокусировал внимание на достижениях краеведов и Восточной Сибири, и всей страны. В подготовленном в конце 1920-х годов справочнике "Алфавитный список научных работников, проживающих вне Москвы и Ленинграда", помещенные в приложении сведения об Иркутске – его научных учреждениях, вузах, научно-общественных объединениях – особенно многообразны по сравнению с данными о других губернских центрах.

Тема Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда была продолжена докладами *С.А. Виноградовой* (ИОКМ) и *Ф.М. Полищук* (Иркутская областная библиотека). Первый докладчик воссоздал историю подготовки и хода съезда (продолжавшегося 8(!) дней), оценил его итоги по опубликованным материалам, вторая – по документам Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

Сохраняющейся и усиливающейся актуальности для поисков современных моделей междисциплинарного изучения края, региона, их социокультурного облика, теоретико-методологических работ ведущих представителей "золотого десятилетия", посвятила свой доклад *В.Г. Рыженко* (Омский государственный университет). О земско-областной теории А.П. Шапова как теории исторического краеведения, которая не только содержала метод изучения провинции, но и программу конкретных краеведческих изысканий в отечественной историографии 1920–1930-х

годов, говорил А.С. Маджаров (ИГУ). Краеведение 1920-х годов как историко-научный феномен рассматривал в своем сообщении Д.Я. Майдачевский (ИГЭА), проиллюстрировав его на примере историко-экономической науки, в середине 1920-х годов в поисках убежища от нападок официальной марксистской историографии обратившейся к краеведению как комплексной области исторического знания и предпринявшей целый ряд локальных исследований, в том числе Иркутской губернии.

Особое внимание на конференции было уделено Восточно-Сибирскому отделу Русского географического общества (ВСОРГО) как организатору и координатору краеведческой работы в регионе. Анализ деятельности ВСОРГО в 1917–1930-х годах позволил Ю.А. Зуляру (ИГУ) сделать вывод об ее научно-краеведческой направленности. Это в свою очередь давало возможность обеспечивать практическую, методическую и пропагандистскую поддержку массового краеведческого движения. Краеведческой деятельности отдельных секций ВСОРГО были посвящены следующие доклады: “Бурят-Монгольская секция ВСОРГО (1925–1930)” Т.Д. Романцовой (ИОКМ) и “Краеведческая деятельность Бюро байкаловедения ВСОРГО во второй половине 1920-х годов” аспиранта П.Ю. Грузных (ИГЭА). Большое внимание ВСОРГО было уделено и в сообщении Т.М. Душкиной (ГАИО) “Документы Государственного архива Иркутской области по истории краеведения Восточной Сибири (предварительный обзор)”. Она подчеркнула, что хранящиеся в фондах документы способны пролить свет на организационную структуру, функционирование, научно-методическую деятельность, систему служебных и творческих взаимоотношений научно-исследовательских краеведческих организаций. Их изучение позволит понять условия, благодаря которым достигались важные научные и практические результаты.

В выступлении участников была принята попытка вернуть из небытия незаслуженно забытые имена краеведов 1920-х годов –

ученых и любителей, заполнить лакуны в биографиях тех, кто прошел через горнило репрессий, вернуть в научный оборот репрессированные идеи и направления краеведческой мысли. Темы таких докладов говорят сами за себя: В.М. Станевич (Иркутский районный муниципальный архив) “М.Н. Хангалов – этнограф-краевед”; Г.В. Медведева (Иркутский государственный педагогический университет) “М.К. Азадовский – выдающийся краевед Сибири”; Е.Б. Шободоев (“Я.Н. Ходукин: иркутский краевед и неудавшийся политик”; В.И. Галкина и В.А. Фиалков (Байкальский музей ИИЦ СО РАН) “Краевед Байкала И.И. Веселов”; В.В. Краснощеклов (Центр сохранения историко-культурного наследия Иркутской области) “В.В. Попов – киренский педагог и краевед”; А.Н. Геращенко (ЦСН) “В.С. Манассин: материалы к биографии” В.М. Бояркин (Иркутск) “О краеведческой деятельности К.Н. Миротворцева”; Е.Б. Соболева (ГПНТБ СО РАН) “По страницам одной переписки: П.К. Мазуринов – Н.В. Здобновой”; Н.Н. Терновая (Музей истории г. Иркутск) “Малоизвестные страницы жизни и деятельности иркутского ученого Б.Э. Петри” и др.

Завершили конференцию два круглых стола, посвященных обсуждению проекта словника словаря-справочника “Иркутское краеведение 1920-х: люди, организации, издания” и перспектива краеведческого движения в регионе – “Краеведение в Иркутской области: из прошлого в будущее”. Работа форума происходила на фоне краеведческой выставки, реконструирующей фрагмент той, которая сопровождала Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд 1925 г.

Ознакомиться с содержанием материалов конференции можно в книге “Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы” (В 2 ч. Иркутск, 2000) или на Web-странице Иркутского гуманитарного научного фонда: <http://ifhs.irk.ru>

П.Ю. Грузных, Д.Я. Майдачевский

ЮБИЛЕЙ КРУЖКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА РГГУ

15 апреля 2000 г. в актовом зале ИАИ РГГУ при большом стечении народа было тепло и торжественно отмечено 50-летие широко известного научного студенческого объединения – кружка источниковедения Историко-архивного института РГГУ. Во вступительном слове С.О. Шмидт отметил, что столь многолетняя результативная работа кружка обусловлена деятельным участием в его руководстве многих уче-

ных и преподавателей МГИАИ, кафедры вспомогательных исторических дисциплин, других кафедр института. Этому особенно способствовало и продолжение работы в кружке его участников и после окончания института. Многих из них уже нет с нами (Е.С. Сизов, Ю.Я. Рыбаков, А.А. Амосов, А.Д. Зайцев и др.). С.О. Шмидт так же выразил благодарность всем, кто содействовал подготовке к юбилею.

В адрес кружка и его научного руководителя поступили приветствия от кафедр Историко-архивного института, архивов, университетов, музеев, ученых историков и бывших кружковцев. Многие из участников прибыли из других городов и стран ближнего зарубежья на встречу юбилея. Заседание проходило в теплой дружеской атмосфере и отличалось искренними и неформальными выступлениями (песни, юмористические стихи, пародии, подарки и т.п.). Показательно и то, что многие из представителей учреждений и организаций, приветствовавших кружок, сами прошли его школу или были причастны к его работе. В.В. Минаев передал благодарность кружку от имени ректората РГГУ. В адресе руководителя Федеральной архивной службы В.П. Козлова говорится, “что деятельность кружка не только прививает новым поколениям ученых и специалистов навыки исследовательской работы, в основе которой лежит архивный поиск, но и формирует творческую увлеченность, преданность исторической науке, приверженность принципу свободы и честности в научном творчестве”. От Историко-архивного института и факультета архивного дела кружок приветствовали директор А.Б. Безбородов и декан Е.М. Бурова. К.Е. Новохатский (Киев) огласил адрес Государственного комитета архивов Украины, в котором отмечено что “полвека плодотворной деятельности на ниве просвещения, воспитания и научного поиска – факт достойный глубокого уважения. Полвека плодотворной деятельности при одном бессменном руководителе – факт, вызывающий изумление и восхищение” и подчеркивается, что “интеллектуальные наработки кружковцев высоко ценятся и широко используются также архивистами Украины”.

От Белорусского государственного университета кружок поздравил М.Ф. Шумейко (Минск). Приветствие от Таврического национального университета им. В.И. Вернадского передал С.Б. Филимонов (Симферополь), сказав, что кружок “был и останется великолепной научной школой ... школой поиска исторической правды... школой научной этики”. Перед просмотром видеопленки “50 лет и 50 минут”, подготовленного специально к юбилею Л.М. Рошалем, А.Ю. и Ф.А. Гидрович, – с поздравлением выступила Ф.А. Гидрович. После просмотра фильма директор ГАРФ С.В. Мироненко, отметил, что “роль Кружка в подготовке квалифицированных кадров архивистов очень велика”, трудно переоценить профессиональную значимость кружка источниковедения, “поскольку без знания документов, освоения методов источниковедческого анализа, выработки самостоятельного мышления настоящий архивист не может состояться”. Студенты и выпускники факультета Техностронных архивов и документов РГГУ слили

песню. От объединения “Мосгорархив” поздравление кружку передал В.Ю. Коровайников. Кружок приветствовали архивисты РГАЛИ и РГАДА. В адресе ВНИИДАД отмечалось, что кружок “очень многим его участникам дал путевку в науку и определил их судьбу. Кружок воспитал и воспитывает в студенте самое главное – уважение к документу, источнику, историческому факту”. От Калининградского государственного университета выступил В.И. Гальцов, от Московского университета – И.В. Поздеева. А.А. Александров передал поздравление от Российского гуманитарного лицея. Е.В. Старостин и Т.И. Хорхордина поздравили кружок от кафедры “Истории и организации архивного дела” ИАИ, А.И. Комиссаренко, М.П. Мохначева, Е.А. Антонова – от кафедры “Истории России периода средних веков и нового времени”, Т.В. Кузнецова – от кафедры и факультета “Документоведения и организации делопроизводства”, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцев, Р.Б. Казаков – от кафедры “Источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин”, при которой существует кружок и на которой работает его руководитель. Во всех выступлениях, какую бы форму они не принимали (воспоминания, история кружка в стихах с “древнейших времен до наших дней” в исполнении С.М. Каштанова, тонко и с юмором подготовленная грамота или “сказка”), звучали слова глубокой признательности кружку. Ведь кружок – не только школа научного ремесла, но и поле человеческого общения, объединившее несколько поколений кружковцев в сплоченный дружеский союз. Встреча закончилась в неформальной обстановке ужина, на котором произносили тосты в честь кружка и его научного руководителя, читали стихи и исполняли песни, посвященные этому событию.

Юбилей был широко отмечен и в печати. В журнале “Отечественные архивы” (№ 3) опубликована подборка выступлений о кружке кружковцев разных поколений “Поиск истины, разномыслие и дружелюбие (К 50-летию кружка источниковедения ИАИ РГГУ)” (авторы – С.М. Каштанов, Н.С. Лебедева, В.Ю. Афиани, В.И. Гальцов, М.Ф. Шумейко, А.В. Мельников, Д.Б. Споров). Благодаря любезной помощи дирекции и сотрудников издательства РГГУ за предельно короткий срок удалось подготовить изящную книжечку “Кружку источниковедения – пятьдесят лет” тиражом в 300 экземпляров. В ней три отдела – “Кружок в печати” (роспись содержания пяти предыдущих юбилейных сборников, перечень авторефератов докторских диссертаций, защищенных выпускниками кружка, хронологический перечень литературы о кружке с перепечаткой в приложении ряда газетных статей предыдущих лет), “Из архива кружка” (материалы стенгазет, выступлений, юбилейных приветствий в адрес кружка и т.п.),

“Из кружкового юмора” (исчерпывающее количество образцов пародий, юмористических “поэм” и прозы отражают весьма характерную сторону истории кружка). В день юбилея были получены и первые экземпляры тиража книги “Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к пятидесятилетию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту”, также подготовленной в издательстве РГГУ¹. Задуманная как сборник в честь 75-летия С.О. Шмидта книга “разсталась, собрание материалов затягивалось; поэтому издание сочли приурочить к другому юбилею, особенно важному для Историко-архивного института – 50-летию служения Сигурда Оттовича любимому им вузу”. Большинство участников сборника прошли школу кружка, характеризующую в предисловии как “уникальный в высшей школе пример столь длительной работы объединения студентов и выпускников”, где “в основном и формировалась научно-педагогическая школа С.О. Шмидта”. Отметим также и то, что книга богата и со вкусом иллюстрирована фотографиями, в том числе и из истории кружка.

Газета “Первое сентября” от 25 марта напечатала статью Д.Г. Шеварова “Уточнение судьбы: Возможно, в этом подспудный смысл жизни и работы учителя” с поздравлением от редакции. “Общая газета” от 20–26 апреля в рубрике “Искусство жить достойно”, поместила заметку И. Медового “Дети Шмидта”. В “Новой газете” от 24–30 апреля опубликована большая статья К. Смирнова “Истинно Вам говорю...”: Тайна вечной молодости Кружка, Школы, Личности академика Сигурда Шмидта”. В газете “Москвичка” от 26 мая – беседа о кружке С.О. Шмидта с В. Барулиным “Детище историка Шмидта”. Юбилей кружка отметили “Известия” от 13 апреля, газета “На Арбате” (апрель № 8(74)), еженедельник “Вечерний Клуб” от 4–10 августа (интервью с Н. Емельяновой). Поздравили кружок и сотрудники Академиздатцентра “Наука” РАН и редакция журнала “Научная книга” (см.: Юбилей уникального кружка // Научная книга. 2000. № 2. С. 109–111).

А.В. Мельников

¹ Оба издания получили отклики в печати. См.: Научная книга. 2000. № 2. С. 109–111; Вестник архивиста. 2000. № 3/4. С. 316, 321–322.

ЮБИЛЕЙ МОСКВЕВЕДА. 90 лет В.В. СОРОКИНУ

4 августа 2000 г. исполнилось 90 лет Виктору Васильевичу Сорокину – выдающемуся москвоведу, литератору, историку, библиографу. Первооткрыватель и эрудит, авторитетнейший знаток архивных материалов и редких изданий о “памятных местах” Москвы, по истории московских улиц и зданий, адресов и мест захоронения известных москвичей (особенно ученых и писателей и лиц, связанных с Московским университетом – его преподавателей и выпускников). В.В. Сорокин широко известен и оригинальными исследовательскими трудами, и составленными им (или при его участии) справочными и библиографическими пособиями, и как неумолимый популяризатор краеведческих знаний в массовых изданиях (газетах и журналах), и как щедрый на помощь научный консультант многих коллективных трудов и нескольких уже поколений москвоведов. Вклад В.В. Сорокина в развитие москвоведения, в совершенствование эвристики архивной, библиотечной, музейной работы трудно переоценить. Особенно значительна роль В.В. Сорокина в расширении представлений об источниковой базе изучения истории Москвы XVIII–XX вв., ее культурной жизни, старейшего

в России Московского университета. В.В. Сорокин много сделал для познания нового в биографиях не только известных москвичей, но и о пребывании в Москве знаменитых россиян, постоянно проживавших в других местностях.

Более полувека В.В. Сорокин неустанно способствует просвещению москвоведением. На выводы и наблюдения В.В. Сорокина опираются и в исследовательских трудах, и при разработке школьных программ преподавания москвоведения, и в начавшейся работе по созданию “Московской энциклопедии”. Серия статей “По Москве исторической” в журнале “Наука и жизнь” сделала эту тематику привлекательной для всех россиян и российского зарубежья.

В.В. Сорокин – по его словам – стал краеведом “с детских лет... под влиянием бабушкиных рассказов” о прошлом Клинского края Подмосковья. В 1920 г. родители переехали в Москву, где он окончил школу-девятилетку с библиотечным уклоном, а затем, уже, работая, учился на библиотечных курсах и литературно-критическом отделении Литературного института имени М. Горького. В 1929 г., став сотрудником Библиотеки Московского университета, он вскоре вы-

явил в фондах ее рисунки дома поэта и вельможи И.И. Дмитриева на Спиридоновке, установив авторство архитектора А.Л. Витберга. Руководитель комиссии “Старая Москва” П.Н. Миллер предложил юноше выступить с докладом на ее заседании, но назначенное на февраль 1930 г. 465 заседание не состоялось, так как это общество краеведов было закрыто. (И знаменательно, что, когда возобновилась деятельность комиссии “Старая Москва”, на первом же ее заседании через 60 лет, 12 февраля 1990 г., был заслушан доклад В.В. Сорокина о юных годах Д.И. Фонвизина – именно Виктор Васильевич воплощал живую связь времен в традиции москovedения!)

Оказалась неизданной и книга В.В. Сорокина “Студенческие годы Михаила Лермонтова по архиву Московского университета”, запланированная к 100-летию со дня гибели Лермонтова. Бомба попала в здание, где находилась типография, уничтожила и рукопись и отпечатанные листы. (Вообще, трагической была судьба не только гениального писателя, но и изданий, ему посвященных: бомба – но уже в Ленинграде – в том же 1941 г., попав в склад на Гостином дворе, уничтожила и почти весь тираж – а это 10 000 экземпляров! – новаторской по замыслу большой книги-альбома “М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество”, подготовленной в секторе художественной иллюстрации Института мировой литературы Академии наук под руководством М.Э. Головокер.)

За долгие годы своей плодотворной деятельности В.В. Сорокин выявил много уникальных данных по истории московских домов – об их архитекторах, владельцах, жителях, о захоронениях на московских кладбищах. Созданные им картотека и фонотека сами по себе являются ценнейшим памятником истории и культуры. И естественно, что именно В.В. Сорокин одним из первых стал Почетным членом Всероссийского

общества охраны памятников истории и культуры.

Когда Л.В. Иванова и я стали готовить рассчитанное на несколько выпусков издание с очерками о краеведах Москвы, решили не ограничиваться очерками об ушедших из жизни, но и обратиться с просьбой написать автобиографию к виднейшим из здравствующих москovedов. И первой была помещена живо написанная, с благодарным напоминанием о многих именах, статья В.В. Сорокина “Для того, чтобы спасти” (в книге “Краеведы Москвы”. М., 1991. Вып. 1. С. 270–283). К статье приложен “Список работ В.В. Сорокина” (С. 283–287). К радости нашей список этот с тех пор существенно пополнился, что нашло отражение и в справочнике “Москovedы”, изданном Мосгорархивом в 1996 г. Виктор Васильевич трудится неутомимо и с увлечением. Быть может, этот азарт поиска в архивах и библиотеках унаследован от предков – страстных и умелых охотников и птицеловов, поставлявших певчих птиц в трактиры и жилые дома? В последнее время В.В. Сорокин старается суммировать накопленные им данные о местах жительства и захоронения лиц пушкинского круга.

15 сентября 2000 г. в непринужденной обстановке дружеского застолья юбиляра тепло приветствовали в Управлении охраны и использования памятников истории и культуры города Москвы. Собрались и выступали историки и архитекторы, руководители и сотрудники библиотек, архивов, музеев, преподаватели ставшего ему родным Московского университета и других вузов Москвы, москovedы всех поколений. Благодарили за огромный вклад в изучение прошлого Москвы и ее культуры, за неизменную помощь, неутомимое сотрудничество. Все от души желали Виктору Васильевичу бодрости, радости творческих свершений.

С.О. Шмидт

К ЮБИЛЕЮ Е.И. КАМЕНЦЕВОЙ

2 октября 2000 г. кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ на торжественном заседании поздравила с юбилеем доктора исторических наук профессора, члена Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации Елену Ивановну Каменцеву.

Е.И. Каменцева поступила учиться в Историко-архивный институт в 1938 г., в 1942 г. стала аспиранткой под руководством А.Н. Сперанского. В 1950 г. ею была защищена кандидатская диссертация “Новгородские порядные записи

XVII в. как источник по истории крестьянского закрепощения” (научный руководитель Н.В. Устюгов, официальный оппонент М.Н. Тихомиров), а в 1967 г. докторская диссертация “Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX в. (Исследование по истории мер)”. В 1944 г. Е.И. Каменцева стала преподавателем кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (в те годы – вспомогательных исторических дисциплин), оставаясь им уже более 50 лет. С 1971 г. Е.И. Каменцева – профессор, а в 1976–1984 гг. – заведу-

ющая кафедрой. В 1996 г. Е.И. Каменцева избрана действительным членом Международной академии информатизации.

За годы преподавания несколькими изданиями опубликованы учебники и учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам, по которым учатся студенты вузов России и зарубежья¹. До сих пор единственным в этой отрасли исторической науки остается небольшое учебное пособие, где Е.И. Каменцева рассмотрела историю складывания комплекса вспомогательных исторических дисциплин в России². Проблемы истории вспомогательных исторических дисциплин в России развивают ученики Е.И. Каменцевой в диссертационных исследованиях, подготовленных под ее научным руководством.

О вкладе Е.И. Каменцевой в развитие вспомогательных исторических дисциплин ее коллеги и учениками написаны статьи, опубликована ее биография и список трудов за 1946–1995 гг.³ Написаны статьи о различных сторонах ее научной и общественной деятельности⁴.

Елена Ивановна – создатель и руководитель научного Геральдического семинара, плодотворно работающего при кафедре уже более 10 лет, который провел более 50 заседаний⁵.

В торжественный день на кафедре собрались ученики и коллеги Елены Ивановны. С

юбилеем ее поздравили директор ИАИ профессор А.Б. Безбородов, зачитавший приказ ректора РГГУ, в котором объявлялась благодарность профессору Е.И. Каменцевой – одному из старейших и опытнейших профессоров РГГУ, а также представители Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации, ГИМ, Музея-заповедника “Московский Кремль”, мэрии г. Москвы, члены Археографической комиссии РАН, редакции журнала “Гербовед”, участники Геральдического семинара.

Традиционная ежегодная научная конференция в ИАИ РГГУ, организуемая кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и другими учреждениями, посвящается профессору Е.И. Каменцевой и имеет наименование, отражающее именно ее основные научные интересы: “Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы”. Сборник тезисов конференции открывается статьей Е.И. Каменцевой “Вспомогательные исторические дисциплины на рубеже столетий”, в которой сформулированы и некоторые перспективные направления развития вспомогательных исторических дисциплин и исследовательские проекты кафедры в этой области⁶.

Р.Б. Казаков

¹ Каменцева Е.И. Русская хронология (Справочное пособие). М., 1960. 83 с., табл.; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика (Учеб. пособие для вузов СССР). М., 1963. 224 с., ил.; То же. 2-е изд., доп. М., 1974. 264 с., ил.; Они же. Русская метрология [Учеб. пособие для вузов]. М., 1965. 255 с.; То же. 2-е изд. М., 1975. 326 с., ил.; Каменцева Е.И. Хронология: Учеб. пособие для студентов гос. ун-тов. М., 1967. 187 с., схемы; Она же. Историческая метрология. М., 1978. 57 с.; Она же. Хронология: Учеб. пособие. М., 1982. 73 с.; Она же. Русская сфрагистика и геральдика: Учеб. пособие для студентов заоч. фак-тов. М., 1983. 56 с.

² Каменцева Е.И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1979. 42 с.

³ Симонов Р.А., Наумов О.Н. Вклад профессора Е.И. Каменцевой в развитие вспомогательных исторических дисциплин // Историческая генеалогия: Ежекварт. науч. журн. Екатеринбург; Париж, 1995. Вып. 5. С. 4–11; Список печатных трудов Е.И. Каменцевой // Там же. 11–15; Список печатных трудов Е.И. Каменцевой по геральдике, сфрагистике и эмблематике // Гербовед, издаваемый Русской геральдической коллегией. М., 1995. № 7(1). С. 24–25.

⁴ Сметанников И.С. Общественная геральдическая деятельность Елены Ивановны Каменцевой // Гербовед. 1995. № 7(1). С. 4–6; Наумов О.Н. Е.И. Каменцева и научные семинары в Историко-архивном институте // Там же. С. 6–8; Демидова Н.Ф. Сфрагистика и геральдика в научном творчестве Е.И. Каменцевой // Там же. С. 9–12; Простоволосова Л.Н. “Преподаватель должен работать, как часы” // Там же. С. 12–14; Паишков А.М. Работы Е.И. Каменцевой в англоязычной историографии // Там же. С. 15–18; Симонов Р.А. Вклад Е.И. Каменцевой в изучение метрологии и хронологии // Там же. С. 18–21; Борисов И.В. Роль Е.И. Каменцевой в воспитании студентов // Там же. С. 21–24.

⁵ Пчелов Е.В. 50 заседаний Геральдического семинара ИАИ РГГУ // Гербовед. М., 2000. № 40. С. 50–54.

⁶ Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 1–2 февр. 2001 г. М., 2001. 212 с.

14 февраля 2000 г. исполнилось 50 лет Александру Васильевичу Камкину – доктору исторических наук, профессору кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета, председателю Северного отделения Археографической комиссии РАН. На совместном заседании Ученых советов университета и исторического факультета состоялось чествование юбиляра.

Александр Васильевич – коренной воложанин, выпускник Вологодского пединститута, ученик профессора Петра Андреевича Колесникова, известного российского историка и археографа, основателя и руководителя Северного отделения Археографической комиссии, Заслуженного деятеля науки, Почетного гражданина Вологды и Устюжны, Почетного члена Российской академии образования. Вся научно-педагогическая деятельность А.В. Камкина связана с кафедрой отечественной истории ВГПУ, куда его после нескольких лет учительства в 1977 г. пригласил Н.А. Колесников.

Примечательно, что первая работа А.В. Камкина, вышедшая еще во времена студенчества (1970), публикация порядных грамот половников Русского Севера XVI–XIX вв. носила археографический характер. С той поры это направление заняло устойчивое место в его творчестве. Им опубликованы записки депутата Екатеринбургской Уложенной комиссии от северорусских крестьян И.А. Чупрова, сборник документов крестьянских миров Европейского Севера XVIII в., первые статистические материалы об урожайности зерновых на Севере и др. Он вместе с П.А. Колесниковым участвовал в 1970–1980 гг. в редактировании “Северных археографических сборников” и известной серии “Памятники письменности в музеях Вологодской области” (последний, 13-й том вышел с его участием в 1998 г., когда инициаторов и главных вдохновителей издания П.А. Колесникова и А.А. Амосова уже не было в живых). В последние годы А.В. Камкиным принято несколько публикаций по истории Русской православной церкви в XVII–XX вв. Являясь одним из основателей Вологодского общества историков-архивистов, в 1990-е годы он редактирует его серийное издание “Историческое краеведение и архивы” (вышло в свет семь сборников). Под его научным руководством подготовлен каталог-путеводитель по отделу письменных источников Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

С 1992 г. в Вологде реализуется уникальная издательская программа “Старинные города Вологодской области”, представляющая со-

бой альманахи по таким историческим центрам России, как Вологда, Белоозеро, Кириллов, Тотьма, Великий Устюг, Вытегра и др. Издание этой серии стало большим событием в культурной и научной жизни края, консолидировало местные творческие силы, дало выход многим научным проектам. Под научным редактированием А.В. Камкина находится археографический компонент сериала: в каждом издании публикуются редкие исторические документы и комментарии к ним. Так, опубликованы писцовые книги по Устюжне, топографические описания по Вологде, агрографические источники, редкие дневники и воспоминания середины XIX – первой половины XX в., неопубликованные работы краеведов конца XIX – первых десятилетий XX в., фронтовые мемуары и др. Общий объем археографических материалов альманахов превысил 130 печ.л. В финансовых условиях нашего времени, весьма сложных для издания специальных археографических работ, такого рода включение в альманахи позволило Северному отделению Археографической комиссии сохранить и даже в чем-то расширить направления и объем своих публикаций.

Участники юбилейного собрания отмечали, что А.В. Камкину свойственна широта научной и педагогической деятельности. Его кандидатская диссертация была посвящена изучению крестьянского правосознания и правотворчества. Для 1983 г. это была весьма новая проблема, отражающая поворот исследовательской мысли к познанию одной из ментальных основ российского крестьянства. Докторская же работа, защищенная в Институте этнологии и антропологии РАН, в историко-этнографическом аспекте освещала эволюцию знаменитой северорусской триады “волесть–община–приход” в первый век Империи и была названа ВАК лучшей диссертацией 1993 г. по данной отрасли. Его книга “Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г.” (Вологда, 1992) получила широкое признание у краеведов и учителей региона, была переведена на немецкий язык и издана в Германии. Под руководством А.В. Камкина подготовлено 60 дипломных работ, защищены две кандидатские диссертации. В последние годы профессор А.В. Камкин уделяет много внимания образовательной программе “Истоки”, применяемой в школах Вологодской, Владимирской, Ярославской, Ивановской и в ряде других областей России. Программа направлена на развитие личности учащегося на основе отечественных духовно-нравственных тради-

ций и встречает признание педагогов и родителей. Он автор учебников “Истоки” для 2–6 классов.

А.В. Камкин много ездит по области и Европейскому Северу России, участвует в многочисленных конференциях в Архангельске и Вологде, Петрозаводске и Сыктывкаре, Москве и Петербурге, сотрудничает в Международном консорциуме по изучению европейских

культур (Русский университет, Германия), участвует в работе коллоквиума на факультете славистики в Сорбонне (Франция), член многих научных объединений. Во всем этом он усматривает как продолжение традиций П.А. Колесникова, так и исполнение своего долга ученого и гражданина.

В.А. Саблин

**МАРИЯ
ГЕОРГИЕВНА
ГАЛЬЧЕНКО
(1963–2000)**

5 января 2000 г. трагически скончалась Мария Георгиевна Гальченко – кандидат филологических наук, сотрудник Центрального музея древнерусского искусства и культуры им. Андрея Рублева (ЦМИАР), талантливый и чрезвычайно продуктивно работавший филолог, палеограф и археограф.

Мария Георгиевна родилась 19 сентября 1963 г. в Москве. Закончив в 1980 г. среднюю школу, поступила на филологический факультет МГУ, где на старших курсах занималась в семинаре Б.А. Успенского. Круг ее научных интересов на студенческой скамье был весьма широк, конкретная тема научных занятий, ставших делом жизни, определилась, впрочем, достаточно рано, под влиянием семинара по славяно-русской кириллической палеографии у О.А. Князевской. Это была своеобразная “кузница кадров”, через которую в 1970–1990-х годах прошли все русисты-“древники”, обучавшиеся в МГУ. Выбор научного руководства в данном случае можно назвать идеальным. В этой паре руководитель–дипломник на редкость удачно сочетались эрудиция, большой педагогический опыт и высокая научная требовательность О.А. Князевской с поразительной работоспособностью ее ученицы. Недаром этот научный тандем оказался столь продолжительным: после окончания университета М. Гальченко под руководством Ольги Александровны писала и кандидатскую диссертацию.

Выбор темы дипломной работы в значительной мере был определен характером “ненаучных” интересов Марии Георгиевны. Она очень увлекалась древнерусским искусством, сама занималась живописью и с годами стала хорошим, вполне профессиональным иконописцем. Поэтому ее диплом был посвящен лингво-палеографическому анализу надписей на русских иконах XII–XV вв. Исследование (что не так уж часто для дипломного сочинения) носило во многом первопроходческий характер. По сути у М.Г. Гальченко на этой ниве был лишь один серьезный предшественник, определивший специфику и методы работы с этой разновидностью письменных источников – В.Н. Щепкин (к слову сказать, научный “прадед” Марии Георгиевны, так как учительницей палеографии О.А. Князевской была М.В. Щенкина), посвятивший этому вопросу специальную работу, увидевшую свет спустя полвека после написания – в 1967 г. в качестве приложения ко второму изданию “Русской палеографии”. Но этот этюд, несмотря на все его научное и методологическое значение, появился до начала великих реставрационных открытий 1918–1920 годов.

В работе над дипломом Мария Георгиевна не ограничилась только анализом собственно надписей на иконах, хотя формально именно этот последний составил содержание сочинения на профессиональную пригодность и зрелость. Дипломницу интересовала икона как целостный

организм, помимо филологических и палеографических, важны были искусствоведческие критерии и методы датировки, их совпадения или расхождения. Именно в этот период завязываются многочисленные научные контакты М.Г. Гальченко с искусствоведами, реставраторами, работниками музейных хранилищ, в первую очередь московских. Дипломная работа Марии Георгиевны отнюдь не осталась только этапом складывания специалиста и приложением к университетскому аттестату с отличием – по прошествии 12 лет сочинение вышло в свет и, несомненно, явилось событием в научной жизни.

После окончания университета в 1985 г. М.Г. Гальченко поступила в аспирантуру филологического факультета. Тема ее кандидатской диссертации – “К истории письменности и языка Юго-Западной Руси XII–XIV вв.” Источниками исследования являлись рукописи галицко-волынского происхождения. В этот период диссертантка близко знакомится с древнерусской рукописной книгой, много работает в хранилищах Москвы и Ленинграда (главный исследуемый памятник – Архивская Лествица из собрания РО МГАМИД, № 452 – находится в ЦГАДА, но М.Г. Гальченко стремилась привлечь максимально широкий сопоставительный материал). Снимки фрагментов икон с надписями сменяются на ее рабочем столе фотокопиями листов рукописных книг.

После окончания аспирантуры и успешной защиты диссертации в 1989 г. Мария Георгиевна приходит на работу в Отдел рукописной и старопечатной книги ЦМИАР, где она и трудилась до своего трагического конца. Бесспорно, в ее лице музей приобрел уникального специалиста, каким не могло похвастаться ни одно даже более крупное хранилище памятников древнерусского искусства. На этот период у исследовательницы пришлось много текущей черновой, неблагодарной в научном плане работы, связанной с каталогизацией (чтением и датировкой надписей) поздних икон XVIII–XIX вв. Но эти же годы стали временем наивысшего творческого подъема Марии Георгиевны, по праву заявившей о себе, как об очень крупном исследователе древнерусской книги и письменной культуры, в первую очередь XIV–XV вв. Ее внимание привлекла такая сложная и противоречивая тема, как “второе южнославянское влияние” конца XIV–XV вв. на русскую книжную культуру, точнее, один из наименее разработанных и являющихся предметом споров аспектов этого феномена – графико-орфографический.

Исследовательница подошла к рассмотрению вопроса чрезвычайно непредвзято. Хорошо зная по литературе различные точки зрения на

факт распространения в русских рукописях XV в. среднеболгарских орфографических норм (традиционную А.И. Соболевского, стоявшего у истоков изучения проблемы и введшего в оборот термин “южнославянское влияние”, и высказанную в трудах Д. Ворга (США), Л.П. Жуковской и ее учеников и последователей, отрицающих связь архаизирующего правописания русских книгописцев XV в. с орфографической реформой XIV в. тырновского патриарха Евфимия), М.Г. Гальченко обратилась непосредственно к самим рукописям. Опираясь на данные ПС XI–XIV и ПС XV вв., она проделала беспрецедентную по масштабам работу, исследовав орфографию и тип почерков 165 рукописных книг последней четверти XIV – конца XV вв., по преимуществу датированных и локализованных на основании записей писцов. Попутно М.Г. Гальченко проверила данные о датировке и изводе рукописей, включенных в указанные предварительные списки. Исследование памятников, проводившееся в каждом из случаев буквально “от доски до доски”, сопровождалось систематизацией графико-орфографических признаков почерков всех писцов, участвовавших в работе над тем или иным кодексом и их классификацией по многоуровневой схеме, разработанной самой исследовательницей.

В рамках этой, без преувеличения грандиозной программы, Марией Георгиевной был написан ряд работ, посвященных книгописанию отдельных центров (преимущественно в первой половине XV в.) Спасо-Андронникова монастыря (помимо Белозеро – дань уважения месту работы), Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Новгородского (и отдельно новгородского Лисицкого монастыря)¹. В них М.Г. Гальченко на основании систематического исследования материала наглядно продемонстрировала асинхронность отдельных элементов явления и его локальные варианты (запаздывание “влияния” в Новгороде и Пскове по сравнению с Северо-Восточной Русью), уже предполагавшиеся ранее исследователями (в частности, автором этих строк) на выборочных примерах. Плодотворной работе, несомненно, способствовало то обстоятельство, что М.Г. Гальченко успешно сотрудничала в последние годы с журналом “*Palaeoslavica*” (Кембридж, штат Массачусетс), издатель которого, А.Б. Страхов, не ограничивал своего автора в объеме публикуемых статей. Незадолго до смерти Мария Георгиевна всерьез занялась проблемой судеб среднеболгарской орфографии в русских рукописях второй половины XV–XVI вв. (этой теме, в частности, посвящена ее статья “Об особенностях оформления, почерка и орфо-

¹ Полный список ее работ см.: *Гальченко М.Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М., 2001. С. 9–10.

графии... Псалтири из собрания И.М. Фадеева²). Разработка проблемы была ею только начата, но остался большой систематизированный материал, сведенный в таблицы, имеющие самостоятельное научное значение³.

Параллельно М.Г. Гальченко продолжала начатые еще в юности занятия надписями на иконах. В 1997 г. в Москве увидела свет ее книга "Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ" (переработанный и дополненный вариант дипломной работы), удостоенная в 1999 г. почетной грамоты Комитета по Макариевским премиям. Работа получила высокую оценку специалистов-языковедов (см. рец. В.Б. Крысько в журнале "Славяноведение" за 2000 г., № 2) и она неизбежно станет классикой отечественной филологической науки по данной проблематике. Здесь впервые в развернутом виде на материале 21 памятника XII–XV вв., проанализированы надписи на иконах как тип источника по истории языка и палеографии в сопоставлении с памятниками книжного и делового письма, включая новгородские берестяные грамоты. В дальнейшие

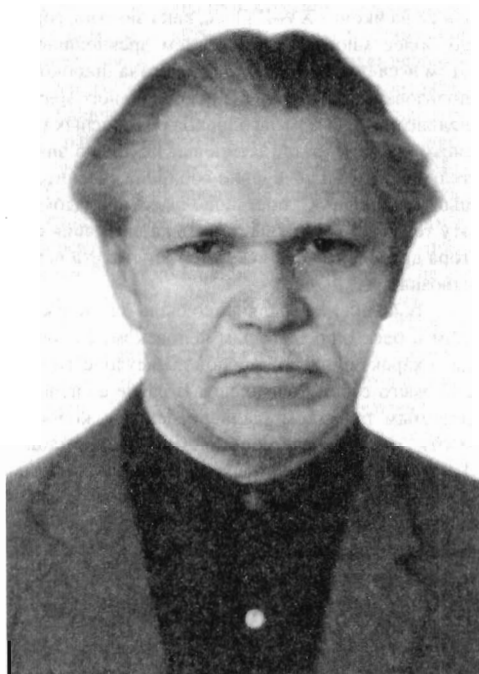
планы Марии Георгиевны входило изучение надписей на иконах XV–XVI вв., как известно, гораздо более многочисленных, чем древнейшие. В этом исследовании она предполагала широко использовать сопоставление декоративного письма надписей с письмом заголовков рукописных книг (возможность узкой датировки которого значительно выше) и увлеченно собирала сравнительный материал. С постановочным докладом на эту тему она успела выступить на заседании сектора древнерусского искусства Института искусствознания.

В жизни М.Г. Гальченко была очень открытым и бескомпромиссным человеком, т.е. обладала характером, причиняющим неудобства прежде всего своему владельцу. В науке ее непоколебимым правилом была предельная корректность и точность сообщаемой информации. Только по прошествии времени мы в полной мере ощутили степень потери, вызванной ее гибелью: исследователи такого масштаба и трудолюбия и появляются на научном горизонте не часто, и формируются не быстро.

А.А. Турилов

² Там же. С. 300–324.

³ Там же. С. 383–442.

**НИКОЛАЙ
БОРИСОВИЧ
ТИХОМИРОВ**
(1927–2000)

14 февраля 2000 г. после тяжелой мучительной болезни скончался крупнейший палеограф-славист современности, выдающийся отечественный филолог и археограф, член Археографической комиссии РАН, Николай Борисович Тихомиров.

Н.Б. Тихомиров родился в Москве 23 ноября 1927 г. в семье служащих. После окончания в 1944 г. средней школы поступил на факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (МОПИ), который закончил в 1949 г., а аспирантуру – в 1954 г., не защитив диссертацию. По распределению был направлен преподавателем в Сибирь, в Иркутский государственный педагогический институт (1954–1955). Вернувшись в Москву, преподавал в стенах родного МОПИ (1955–1957). В 1957 г. перешел в Отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В.И. Ленина, где проработал свыше 30 лет, до выхода на пенсию в 1988 г. Такова скромная и неброская “анкетная” биографическая канва, в которой самым ярким событием полуофициального характера было, пожалуй, участие в первой (и последней) советской научно-исследовательской экспедиции на Афон в сентябре–октябре 1983 г., организованной Советом по делам религий при Совете Министров СССР и Издательским отделом Московского патриархата.

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении по меньшей мере двух десятилетий

Николай Борисович (Н.Б., как в разговорах в глаза и за глаза называли его знакомые и коллеги по Отделу) олицетворял собой Отдел рукописей ГБЛ в представлении людей, связанных с разными аспектами изучения рукописной книги и средневековых документов. Этой персонификации, несомненно, способствовало и то обстоятельство, что в 1970-е годы, уже давно будучи общепризнанным специалистом мирового уровня, он был заведующим читальным залом ОР ГБЛ и наравне с рядовыми сотрудниками нередко сидел за столом дежурного. Читателям Отдела рукописей тех лет, независимо от рода их занятий, памятна фигура седовласого человека с неизменной лупой в руках. У него с детства было плохое зрение, не поддающееся исправлению очками – сильный астигматизм и нистагма (дрожание радужки). Процесс чтения даже обычных книг был связан для него с неудобствами, неизвестными большинству людей, вынужденных много читать по роду занятий. Поэтому и выбор им профессии и многолетнее верное служение ей трудно определить иначе, чем научный и жизненный подвиг, слагавшийся из многих дней и лет поистине подвижнического труда.

Н.Б. Тихомиров был пламенным патриотом своего хранилища, “своего” собрания рукописей, и много сделал для его непосредственного умножения в прямом смысле. Сначала участием в археографических поездках ОР ГБЛ по провинциальным хранилищам, где вместе с другими сот-

рудниками отбирал рукописи, лежавшие втуне, для передачи в главную библиотеку страны. А с 1959 г. начались настоящие археографические экспедиции в старообрядческие районы Средней России и Поволжья, вплоть до Саратова. ОР ГБЛ явился открывателем этого региона для полевой археографии, как ранее Пушкинский Дом – Русского Севера. Николай Борисович ездил “по измам за книгами” с небольшими перерывами 16 лет (порой на лето приходилось несколько экспедиций), последний раз – в 1977 г. в Ярославскую область. При его непосредственном участии созданы так называемые “экспедиционные” собрания ОР РГБ: Гуслицкое, Калужское, Нижегородское, Рязанское, Самарское, Смоленское и Ярославское. В разные годы его спутниками в археографических странствиях были сотрудники ОР ГБЛ Я.Н. Шапов, В.Б. Кобрин, Ю.А. Неволин, Ю.Д. Рыков, А.А. Турилов. Кстати, и само выражение “по измам за книгами”, ставшее заглавием очерков В.Б. Кобрин (Нирбока), опубликованных в 1969 г. в “Новом мире” (№ 12), напрямую связано с Н.Б. Тихомировым, выступившим здесь в роли литературного персонажа. Всем, читавшим эти очерки, памятен и скептический спутник автора, постоянно уравновешивающий его излишний оптимизм и радужные надежды, в котором без труда узнается Николай Борисович. Излишне говорить, что в экспедициях, как и в жизни, он был исключительно прямым и честным человеком. Ложь органически претила ему и он был решительно против того, чтобы для достижения цели археограф “в поле” выдавал себя за единоверца старообрядцев или искателя религиозной истины.

Но в целом полевая археография не была его стихией. По призванию он, несомненно, был камеральным археографом, отчасти, вероятно и потому, что очень рано осознал несоизмеримость научной ценности того, что уже лежит в хранилищах, не имея достойного описания, и того, что еще не собрано “по измам”. Как камеральный археограф, Николай Борисович участвовал во всех обобщающих предприятиях ОР ГБЛ на протяжении всего времени работы там. Ему, в частности, принадлежит орфографические и языковые характеристики рукописных книг по XVI в. включительно в описаниях новых поступлений ОР ГБЛ, публиковавшихся в конце 1950–1960-х годов в “Записках Отдела рукописей”, описаний Музейного собрания (Ф. 178), первый том которого вышел в свет в 1959 г., и во многих машинописных описаниях собраний и коллекций, выполненных вплоть до конца 1970-х годов. Кроме того, он сделал описание ряда рукописей в собраниях Е.Е. Егорова (Ф. 98) и С.П. Строева (Ф. 292) и в уже упоминавшихся “экспедиционных” собраниях. В большом справочнике “Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина”, три выпуска

первого тома которого вышли в свет в 1983–1996 гг., Николаем Борисовичем написан обзор собрания В.И. Григоровича (ученого, горячо им любимого, в котором Н.Б. ощущал что-то глубоко родственное), Ризницы Троице-Сергиевой Лавры, где хранились роскошные пергаменные рукописи, и характеристика состава коллекции П.И. Севастьянова, собранной им на Афоне.

Как палеограф и археограф Николай Борисович отличался редкостью в наше время, склонное к узкой специализации в различных отраслях науки, почти неправдоподобной универсальностью. Не будет преувеличением сказать, что он в совершенстве владел всей совокупностью славянского кириллического и глаголического материала, от древнейших славянских рукописей до старообрядческой традиции первой трети XX в. (в последнем нельзя не усмотреть “экспедиционный след”) и подделок Бардина, Сулакадзева и Блинова (кстати, именно он отнес к творчеству первого пергаменный список Жития княгини Ольги, неизвестно какими путями попавший в собрание Народной библиотеки Сербии и датированный там XV в., и первым заподозрил руку И.Г. Блинова в “древнейшем” лицевом списке Жития Петра и Февронии из коллекции Н.П. Лихачева). Для сравнения напомним, что такой общепризнанный корифей славянской палеографии, каким бесспорно являлся В.А. Мошин, специализировался только на южнославянских кириллических почерках, лишь изредка затрагивая древнейший русский материал – не позднее рубежа XI–XII вв.

Разумеется, главные интересы Н.Б. тяготели к древности (не позднее раннего XV в.), но глубокими профессиональными познаниями он располагал, как уже сказано, безотносительно веков и регионов. Естественно, подобной универсальности во многом способствовала работа в одном из крупнейших мировых хранилищ славянских рукописей, но определялась она прежде всего личностью исследователя. Кстати, будучи, как отмечалось, горячим патриотом ОР ГБЛ, Н.Б. Тихомиров в своих исследовательских поисках никогда не замыкался в стенах родного хранилища. Напротив, он очень хорошо (по меньшей мере в пределах корпуса рукописей XI–XIV вв.) представлял себе памятники других крупных хранилищ Москвы и Ленинграда, порой (не в упрек будет сказано) лучше, чем хранители этих собраний. Кроме хранилищ СССР, он был хорошо знаком с собраниями Софии и Белграда, где побывал во время служебных командировок в 1960–1970-е годы. В 1983 г. ему посчастливилось посмотреть рукописи, хранящиеся в Афоне – преимущественно в Русском Пантелеймонове монастыре, описание древнейших из которых он составил, в Хиландаре и Зографе. При этом Николай Борисович постоянно стремился, чтобы известная ему новая информация как можно

скорее становилась общим достоянием. Он писал очень мало научных работ (об этом ниже), но “листы использования” многих десятков (если не сотен) кодексов разных хранилищ испещрены его “особыми мнениями”, сделанными каллиграфическим почерком, по поводу датировки, определения содержания, отождествлений.

Существенную часть его научного наследия составляет также переписка с коллегами из разных хранилищ, как отечественных, так и зарубежных (в Болгарии он переписывался с Б. Ангеловым и М. Стояновым, в Югославии – с Д. Богдановичем, Л. Василев и Б. Стипичевич). Описание рукописей Н.Б. Тихомиров воспринимал как дело, где вопросы личных амбиций отступают на задний план перед задачей информативности и надежности. В переписке он просил коллег навести справки о тех или иных рукописях, но в большей степени, пожалуй, сообщал полезную для них информацию. При плохом зрении он отличался исключительной зрительной памятью на почерки. Многие отождествления (ни одно из которых позднее не было опровергнуто) первоначально были сделаны им по фотоснимкам, поэтому, получив новое описание рукописей, снабженное палеографическим альбомом, он его всегда внимательно просматривал “впрок”. Помнится, когда А.Л. Станиславский, только ставший заведующим кафедрой в МГИАИ, обнаружил в сейфе листы пергаменных рукописей (взятых, как потом выяснилось, для занятий палеографией со студентами из кодексов Библиотеки Синопольной типографии, кажется, еще в период ГАФКЭ) и принес их в ОР ГБЛ Н.Б. Тихомирову с просьбой помочь установить их происхождение, тот брал по очереди отрывок за отрывком и называл шифры маюскриптов, из которых они были изъяты.

На фоне этой поистине сказочной эрудиции до обидного малым выглядит, на первый взгляд, список печатных работ Н.Б. Тихомирова, главное место среди которых занимает его Каталог славянских рукописей XI и XII вв., хранящихся в ОР ГБЛ (“Записки Отдела рукописей”. М., 1962–1972. Вып. 25, 27, 30, 33), утвердивший его значение как специалиста № 1 в отечественной палеографии и археографии. Однако Николай Борисович с неменьшим успехом реализовал себя как ученый в иной форме (быть может, более хрупкой и недолговечной) – в беседах с исследователями и в советах им. В этом смысле небесполезно было бы сосчитать число благодарностей, принесенных Н.Б. Тихомирову на страницах печатных работ, написанных другими, и конкретных ссылок на его мнение и полученную от него информацию. Соучастие Н.Б. в разных случаях могло быть разно- и многоуровневым. Он мог сходу ответить на вопрос, интересующий исследователя, или же сделать это после определенного периода обдумывания и сбора дополнительной информации. Нередко, особенно если тема

задевала его лично, он продолжал “курировать” работу исследователя, периодически делясь с ним новыми соображениями и сообщая новые факты. Не обладая никакими учеными званиями и чинами, Н.Б. Тихомиров мало внимания обращал на них и у своих собеседников, ценил их только по трудам, равно помогая и дипломнику, и доктору наук. Если к нему обращались за помощью, он принципиально оставлял в стороне личные симпатии и антипатии. Воплощенным памятником этого вклада в науку является личная библиотека Н.Б. Тихомирова, где собраны книги и оттиски с благодарственными автографами исследователей.

Многолетними и устойчивыми были связи Николая Борисовича с Археографической комиссией РАН, ставшей со временем по существу вторым его местом работы (правда, только общественной). Они тоже были разноплановыми (например, в начале 1970-х годов Тихомиров постоянно участвовал в совещаниях по координации работы археографических экспедиций), но главное место среди них занимал, безусловно, Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, в работе над которым Николай Борисович принимал активное участие до последних месяцев жизни (он был и постоянным членом редколлегии издания). Эту коллективную работу Н.Б. Тихомиров с самого начала воспринял, как свою, и он, с его огромной эрудицией не только палеографа и кодиколога, но и редкого (особенно в 1960–1970-е годы) знатока богослужебных книг, был для нее поистине незаменим. Тесная связь с АК установилась еще в процессе работы над Предварительным списком (ПС) XI–XIV вв. (опубликован в АЕ за 1965 год). Трудом Н.Б. ОР ГБЛ стал, кажется, единственным хранилищем в стране, где для подготовки материалов списка был просмотрен весь фонд рукописей по XV в. включительно (позднее, когда составлялся ПС XV в., дополнительно с этой целью был проверен фонд XVI в.). Во время подготовки Сводного каталога XI–XIII вв. Николай Борисович участвовал во всех конференциях и совещаниях, посвященных выработке и унификации принципов описания рукописей для этого справочника. Совместно с Л.П. Жуковской и Н.Б. Шеламановой им были подготовлены перечень “Рекомендуемых наименований памятников письменности и рукописей” для СК (издан в 1976 г.).

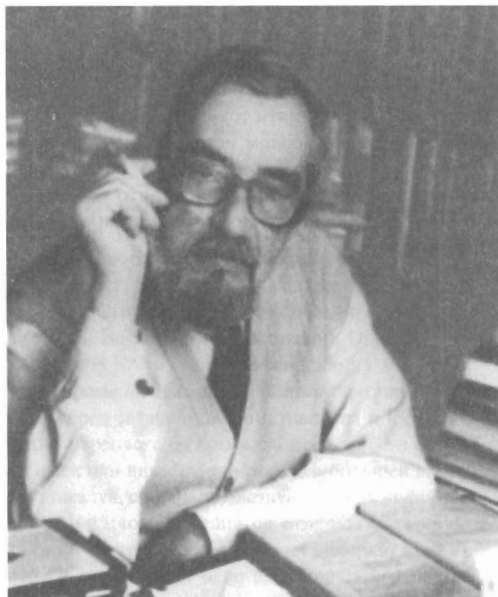
Вклад Николая Борисовича в СК XI–XIII вв., разумеется, существенно шире, чем только описание рукописей ГБЛ. Помимо этого им были выполнены десятки атрибуций текста и отождествлений отрывков рукописей из разных хранилищ СССР. Уже выйдя на пенсию, он активно продолжал работать над материалами для СК XIV в. им были полностью описаны все рукописи РГБ для вып. 1, частично – для вып. 2 и несколько для последнего – вып. 3. И вновь десятки но-

вых отождествлений и атрибуций в отношении отрывков, разбросанных в разных концах земного шара. Своеобразным шедевром этого следует признать отождествление отрывков сербского Евангелия первой половины XIV в. из коллекции В.И. Григоровича и собрания Британского музея с кодексом 1329 г. из библиотеки монастыря Св. Павла на Афоне, сгоревшей в начале XX в. Последнюю атрибуцию он сделал за три месяца до смерти, когда после первой операции, еще не зная, чем он болен (у него был рак), Николай Бо-

рисович с нетерпением ждал вторую, надеясь после нее вернуться к любимой работе.

Со смертью Николая Борисовича отечественная и мировая наука лишилась своего подлинного рыцаря. В памяти тех, кто знал его, он всегда останется символом истинного ученого, образцом человеческой и научной щедрости и бескорыстия. Но потеря так велика, что масштабы ее в полной мере будут осознаны нами лишь со временем.

А.А. Турилов

**ВАДИМ
ЭРАЗМОВИЧ
ВАЦУРО
(1935–2000)**

31 января 2000 г. умер Вадим Эразмович Вацуро, один из крупнейших отечественных филологов, историк литературы, пушкинист, ученый с мировой известностью и непрерываемым научным авторитетом.

В.Э. Вацуро родился 30 ноября 1935 г. в Ленинграде. В 1958 г. он окончил филологический факультет Ленинградского университета; с 1962 г. работал в Пушкинском Доме. Широта научных интересов В.Э. Вацуро определялась уже в первые послеуниверситетские годы. Он начал с изучения Лермонтова; вскоре в круг его непосредственных занятий попали литература XVIII в., Карамзин, русско-европейские литературные взаимосвязи и, конечно, Пушкин. Каждой из этих областей изучения В.Э. Вацуро продолжал уделять большее или меньшее внимание на протяжении всей своей жизни. Диапазон его занятий все расширялся, но особое место в научном наследии ученого, несомненно, принадлежит творчеству Пушкина, а сам В.Э. Вацуро воспринимается современным филологическим сознанием как прямой наследник и продолжатель традиций “великой пушкинистики”. Впрочем, как это ни парадоксально, Пушкин никогда не был для В.Э. Вацуро объектом исключительного и специального изучения — просто в творчестве Пушкина сошлись для него, как в фокусе, важнейшие историко-литературные, стилистические, языковые, формально-поэтические, социокультурные и прочие проблемы эпохи. И в этом смысле изучение Пушкина становилось как бы воротами в русскую литературу XVIII–XIX вв., давало ключ к пониманию самых глубин литературного развития. Это уже вопрос научного ме-

тода и взгляда на предмет, определявшихся у В.Э. Вацуро очень рано, в первой же книге (машинсанной в соавторстве с М.И. Гиллельсоном) — «Новокайдеммый автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П.А. Вяземского “Бытографические и литературные записки о Демисе Ивановиче Фонвизине”» (1968). Эта книга ввела в научный оборот новый автограф Пушкина, что в современной пушкинистике уже само по себе является научной сенсацией, однако значение ее вряд ли далеко не исчерпывалось. Все, знавшие В.Э. Вацуро, помнят, насколько, с какой яркостью он всегда относился к формулировке: “найти в архиве”. В его представлении им. один из документов, хранящихся в архивах, нельзя было “найти”, как нельзя было и считать “вытерянными”. Исследователь ежедневно проходит мимо десятков тысяч переплетных и важных для него фактов и свидетельств, которые не надо искать, но надо уметь прочесть и понять. Это умение К.Э. Вацуро “читать документ” в полной мере сказалось в книге о “новонайденном автографе” — лаконичные пушкинские пометы требовали от комментатора приращения самого широкого историко-литературного и бытового контекста, разъяснений вид авторчеческим и социологическим мышлением Пушкина, его политическими взглядами и т.д. Рукописи с пушкинскими пометами догружали исследователя и читателя в напряженную атмосферу интеллектуальной жизни пушкинского круга.

На архивном материале, за всеми его подборе и составлении, неизвестных или же привлекавших ранее исследовательского внимания фактов, построена и следующая книга В.Э. Вацура, машинсанная также в соавторстве с М.И. Гиллельсоном.

в том же 1968 г., но по некоторым обстоятельствам времени вышедшая лишь спустя четыре года – «Сквозь "умственные плотности": Из истории книги и прессы пушкинской поры» (1972); и издана третья книга «"Северные цветы": История альманаха Дельвига–Пушкина» (1978), на долгое время, думается, ставшая необходимой настольной книгой любого исследователя русской литературы первой половины XIX в.

Стиль и метод работы В.Э. Вацуро сам по себе неизменно вовлекал в орбиту его внимания все более и более широкий историко-литературный материал. Один из инициаторов биографического словаря "Русские писатели. 1800–1917", В.Э. Вацуро сам написал десятки статей, был постоянным редактором и рецензентом, прочитывавшим насквозь тома словаря, широко делился с другими авторами материалами своей ценнейшей рукописной картотеки. Как историк литературы, В.Э. Вацуро специально изучал фигуры второго и третьего ряда. Его статьи и публикации, посвященные Аркадию Родзянке, В.Г. Теплякову, Александру Крюкову, Надежде Телловой и многим другим авторам, обогатили наше представление об эпохе. Литературная жизнь XVIII–XIX вв. представляла в них многофигурным и динамичным полотном, зачастую строящимся на тончайших нюансах и полутонах. Особое значение в этих изысканиях приобретала работа с мемуарными и эпистолярными источниками, уже прямо ведущими в сферу литературного быта. Некоторые предварительные работы "Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы)" (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3–56); "Из альбомной лирики и литературной полемики 1790–1830-х гг." (Там же. С. 61–78); и др. подготовили следующую книгу – "С.Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской эпохи" (СПб., 1989). Понимание литературного быта и изучение его в трудах В.Э. Вацуро в определенной мере реализовывало теоретические положения "позднеформалистических" разработок Ю.Н. Тынянова и Б.М. Эйхенбаума, прямым последователем которых, при всей научной симпатии к их работам, В.Э. Вацуро себя никогда не считал. Он и на самом деле не был ничьим "прямым преемником", широко вбирая и перерабатывая в собственном научном творчестве лучшие традиции и достижения классической русской филологии разных школ и поколений.

Внимание к самому изучаемому литературному произведению, к тексту, документу и факту, отсутствие абстрактных теоретических построений, строгая, почти математическая логика доказательств – отличительные черты исследовательской манеры В.Э. Вацуро. Он был виртуозным мастером краткого историко-литературного этюда. Его мелкие филологические заметки, разыскания и комментарии, собранные позд-

нее в книгу "Записки комментатора" (СПб., 1994), являются примерами блестящих образцов жанра. Все же к В.Э. Вацуро меньше, чем к кому-нибудь, подходит определение "позитивист". Он был равным образом чужд и любой фетишизации факта, и узко биографического подхода. Биография писателя, как и история литературы вообще, складывались для него из пересечений и взаимопроникновения жизненной и литературной стихий. Никогда не рассматривая литературу как имманентно развивающуюся систему, он всегда ощущал ее как составляющую общинтеллектуального пространства, одно из проявлений духовной сферы деятельности человечества, зависимой от исторической и социологической реальности, но жестко ими не определяемой. С таким ощущением написана книга В.Э. Вацуро «Лирика пушкинской поры: "Элегическая школа"» (СПб., 1994), которая должна была стать введением к общему очерку становления и развития поэтической системы Пушкина. Целый ряд статей В.Э. Вацуро посвящен наблюдениям над поэтикой пушкинской лирики. Обобщающую книгу о пушкинской элэгии В.Э. Вацуро, к сожалению, так и не успел написать.

Это не единственный незавершенный труд ученого. Он не успел довести до печати критический текст "Записки о древней и новой России" Н.М. Карамзина, над разысканиями в области которого работал на протяжении многих лет. Недописанной и неопубликованной осталась монография о рецепции готического романа в России; была задумана общая итоговая монография о творчестве Лермонтова. Смерть оборвала работу В.Э. Вацуро и над новым академическим собранием сочинений Пушкина, в подготовке которого в полной мере проявился его талант как текстолога. Формулируемые В.Э. Вацуро научные принципы издания были призваны заложить основы новой, современной пушкинской текстологии, совершенный образец которой мы видим в подготовленном ученым первом томе собрания.

Говорят, что В.Э. Вацуро не создал научной школы. Это и так, и не так. Его талант был слишком индивидуален, образованность и эрудиция слишком велики, научные подходы и понимание литературы слишком тесно связаны с многогранной и сложной личностью самого исследователя, чтобы было возможно им подражать, имитировать или тиражировать их. Но сама личность В.Э. Вацуро, блеск и обаяние его мысли, огромная скрытая энергия его научных работ на протяжении всей его жизни оказывали постоянное влияние не только на его учеников и коллег, но и на исследователей, казалось бы, совершенно далеких от В.Э. Вацуро по духу и методу. Такое влияние имеет обыкновение действовать через годы и десятилетия, сквозь сменяющиеся в истории филологии поколения и школы.

Е.О. Ларионова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	– “Археографический ежегодник”
АИ	– “Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией”
АК	– Археографическая комиссия
АМЮ	– Архив Министерства юстиции
АОР	– Архив Октябрьской революции
АРАН	– Архив Российской академии наук
АСЭИ	– “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси”
АЮБ	– “Акты, относящиеся до юридического быта в Древней Руси”
БАН	– Библиотека Российской академии наук
БСЭ	– “Большая советская энциклопедия”
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВЖК	– Высшие женские курсы
ВИ	– “Вопросы истории”
ВИД	– “Вспомогательные исторические дисциплины”
ВМЧ	– “Великие миные четьи”
ВНИИДАД	– Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВФ	– “Вопросы философии”
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАИМК	– Государственная академия материальной культуры
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАФКЭ	– Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
ГВНП	– “Грамоты Великого Новгорода и Пскова”
ГАУ	– Главное архивное управление СССР
ГБЛ	– Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГПНТБ СО АН	– Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
ДАИ	– “Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией”
ДРВ	– “Древняя Российская вивлиофика”
ЖМНП	– “Журнал Министерства народного просвещения”
ЗОР ГБЛ	– “Записки Отдела рукописей ГБЛ”
ИА	– “Исторический архив”
ИАИ РГГУ	– Историко-архивный институт РГГУ
ИВ	– “Исторический вестник”
ИГЭА	– Иркутская государственная экономическая академия
ИГУ	– Иркутский государственный университет
ИЗ	– “Исторические записки”
ИМЛ	– Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИМЛИ	– Институт мировой литературы РАН
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИОКМ	– Иркутский областной краеведческий музей
ИРИ РАН	– Институт Российской истории РАН
ИРЛИ	– Институт русской литературы РАН
ИС	– Институт славяноведения РАН
ИСССР	– “История СССР”
КО	– “Книжное обозрение”
ЛЗАК	– “Летопись занятий Археографической комиссии”
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет

ЛН	– “Литературное наследство”
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории Государственной публичной библиотеки
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МАО	– Московское археологическое общество
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МГАМИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	– Московский государственный университет
МОИДР	– см. ОИДР
НА ИРИ РАН	– Научный архив Института российской истории РАН
НЛО	– “Новое литературное обозрение”
ННИ	– “Новая и новейшая история”
ОА	– “Отечественные архивы”
ОГН	– Отделение гуманитарных наук АН СССР
ОИ	– “Отечественная история”
ОИДР	– Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОЛДП	– Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	– Отдел рукописей и редкой книги БАН
ОР ГИМ	– Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР ГТГ	– Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
ОРК ГПБ Украины	– Отдел редких книг Государственной публичной библиотеки Украины
ОРК РГБ	– Отдел редких книг РГБ
ОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	– Отдел рукописей и редких книг РНБ
ОРЯС	– Отделение русского языка и словесности АН
ПДПИ	– “Памятники древней письменности”
ПС XI–XIV вв.	– “Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР”
ПС XV в.	– “Предварительный список славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР”
ПСЗ	– “Полное собрание законов Российской империи”
ПСРЛ	– “Полное собрание русских летописей”
ППМВО	– “Памятники письменности в музеях Вологодской области”
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	– Российская Академия образования
РБС	– “Русский биографический словарь”
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВА	– Российский государственный военный архив
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РИБ	– “Российская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией”
РИЖ	– “Русский исторический журнал”
РИО	– Русское историческое общество
РНБ	– Русская национальная библиотека
РО ИРЛИ	– Рукописный отдел Института русской литературы РАН
РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	– “Советские архивы”
СБ	– “Советская библиография”

СГГД	– “Собрание государственных грамот и договоров”
СИЭ	– “Советская историческая энциклопедия”
СК XI–XIII вв.	– “Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.”
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПб ФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СПб ФИРИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ТГИМ	– “Труды ГИМ”
ТГПБ	– “Труды ГПБ”
ТМГИАИ	– “Труды МГИАИ”
ТОДРЛ	– “Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ”
УРАО	– Университет РАО
УИЖ	– “Український історичний журнал”
ФЭ	– “Философская энциклопедия”
ЦАМО РФ	– Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГА КФФД	– Центральный государственный архив кинофотофонодокументов СССР
ЦГАЛИ	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАСА	– Центральный государственный архив Советской армии
ЦГАОР СССР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции и социального строительства СССР
ЦГВИА СССР	– Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИАЛ СССР	– Центральный государственный исторический архив СССР (в Ленинграде)
ЦГИАМ СССР	– Центральный государственный исторический архив СССР (в Москве)
ЦЕКУБУ	– Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы
ЦНБ АН УССР	– Центральная научная библиотека АН УССР
ЦПА ИМЛ	– Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ЦПА ИТИС	– Центральный партийный архив Института теории и истории социализма при ЦК КПСС
ЧОИДР	– “Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете”
MEGA	– Marks-Engels Gesamtausgabe

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>С.В. Мироненко.</i> Государственный архив Российской Федерации к 175-летнему юбилею восстания декабристов	3
<i>С.О. Шмидт.</i> Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий	8
<i>А.Д. Степанский.</i> Новый “Исторический архив” и проблемы истории журнальной археографии	22
<i>М.Ф. Шумейко</i> (Минск). Новое серийное документальное издание в Белоруссии	32
<i>О.В. Творогов</i> (Санкт-Петербург). Археографические проблемы изучения русской агиографии	39
<i>В.В. Морозов.</i> Лицевой летописный свод XVI века.: Уроки историографии (продолжение)	42
<i>Л.А. Быкова</i> (Тверь). Из истории развития генеалогии в США	56
<i>В.А. Есипова</i> (Томск). К вопросу о создании электронных баз данных филиграней	70
* * *	
<i>И.Г. Пономарева.</i> Несохранившиеся акты XV–XVI вв. из архива Троицкого Макарьева Калязина монастыря	94
<i>Е.В. Крушельницкая</i> (Санкт-Петербург), <i>М.И. Мильчик</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о датировке описей Соловецкого монастыря XVI века и составе монастырского иконостаса	101
<i>Б.Н. Морозов.</i> К истории Травника Любчанина 1533/34 г.	112
<i>Л.Н. Пушкарев.</i> Записи на книгах как источник по истории культуры (На материалах книг Симеона Полоцкого)	115
<i>М.Ю. Матвеев.</i> Источники анекдотов об А.В. Суворове и вопросы их исторической достоверности (послесловие <i>А.Д. Яновского</i>)	129
<i>Б.Н. Казанцев.</i> Концессионная политика Советского государства в первой половине 1920-х годов (по фондам ГАРФ и РГАСПИ)	140
<i>С.И. Садовников.</i> К проблеме установления имен и судеб павших защитников Отечества	155
<i>Н.С. Зелов.</i> Собрание и использование Государственным архивом Российской Федерации личных документов архивистов в 1992–2000 гг.	163
<i>Р.Б. Казаков.</i> Летописный “Список русских городов дальних и ближних” в исторической науке первой четверти XIX века: Н.М. Карамзин и З.Я. Доленга-Ходаковский	169
<i>А.Н. Бачинин</i> (Кемерово). Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков (продолжение)	179
<i>В.Г. Бухерт.</i> Основание Исторического общества при Московском университете ...	195
<i>А.В. Макушин</i> (Воронеж), <i>П.А. Трибунский</i> (Рязань). Издание П.Н. Милюковым “Древнейшей разрядной книги официальной редакции” и “Тетради дворовой” ...	207
<i>В.А. Захаров.</i> В.А. Романовский – архивовед и историк (1890–1971)	215
<i>С.М. Каштанов.</i> К 80-летию А.А. Зимина	226
	509

<i>С.О. Шмидт.</i> Светлый человек: К 70-летию со дня рождения Е.С. Сизова	228
<i>А.А. Турилов.</i> Стефан Кожухаров: Заметки к портрету ученого	236
<i>Т.А. Долгодрова.</i> 75-летие Е.Л. Немировского	240
<i>Е.К. Ромодановская</i> (Новосибирск). Академик Н.Н. Покровский – организатор и руководитель археографических работ в Сибири: К 70-летию со дня рождения ...	245

**Конференция, посвященная научному наследию
М.М. Богословского и А.Е. Преснякова**

<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово	247
<i>С.В. Чирков.</i> А.Е. Пресняков и архивная реформа	253
<i>Б.С. Каганович</i> (Санкт-Петербург). А.Е. Пресняков и И.М. Гревс (Из разысканий по теме: А.Е. Пресняков и его современники)	258
<i>Е.А. Шингарева.</i> Письма А.Е. Преснякова к В.В. Лужскому, хранящиеся в Музее МХАТ	263
<i>Е.В. Неберекутина, Т.В. Сафронова.</i> Дневник М.М. Богословского	271
<i>А.В. Мельников.</i> М.М. Богословский в воспоминаниях современников	280

*Тихомировские чтения 2000 года
(К 25-летию со дня кончины С.Н. Валка)*

<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово	301
Выступления: В.Г. Чернуха, Д.Н. Альшиц, В.Н. Гинев, М.В. Кукушкина, А.Н. Цамутали, Р.Ш. Ганелин, Б.В. Ананьич, Л.Е. Шепелев, В.Ф. Андреев, Д.П. Эрастов, Е.К. Пиотровская, В.М. Панях, М.Б. Свердлов, Н.Г. Сими́на, М.П. Ирошников, И.П. Медведев, Э.Ю. Гальперин, Т.М. Китанина	305
<i>О.А. Белоброва</i> (Санкт-Петербург). С.Н. Валк в изданиях Пушкинского Дома 1950–1970-х годов. Его автографы в ИРЛИ	333

Заседание, посвященное 175-летию выступления декабристов

<i>Т.В. Лохина.</i> Хроника заседания	335
---	-----

II. Обзоры, описания, библиография

<i>В.Н. Малов.</i> Западные рукописи в провинциальных хранилищах России	340
<i>А.Н. Акинъшин</i> (Воронеж). Документы о русской армии в царствование Александра I: Архивный фонд генерала А.Я. Рудзевича	348
<i>Д.Б. Споров.</i> Материалы семейного архива Дувакиных об охране дворцового имущества в г. Москве в 1917–1918 гг.	353
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск). Документы юридического факультета в фонде Императорского Варшавского университета в Государственном архиве г. Варшавы...	360
<i>С.А. Уваров.</i> Комиссия по истории города Москвы (1939–1941). Хроника деятельности	366
<i>Е.А. Китлова.</i> “... Решил вернуться в сословие ученых” (Обзор писем А.А. Шахматова Г.В. Есипову)	376
<i>С.Ю. Шокарев.</i> Великий князь Николай Михайлович и становление охраны памятников некрополя	379
<i>Н.В. Бурдина.</i> Личный архивный фонд академика И.Э. Грабаря	382
<i>В.Г. Бухерт.</i> Новооткрытые письма академика С.Ф. Платонова к Д.Б. Рязанову	390

<i>В.А. Сидорова.</i> Документы о Д.Б. Рязанове в ГАРФ	394
<i>А.Д. Степанский.</i> Новый справочник “Путеводитель по научным обществам России” (составитель И.И. Комарова)	396
<i>Т.И. Хорхордина.</i> Ира Федоровна Петровская, или Жизнь Петербургского интеллигента	397
Список печатных трудов Н.Ф. Демидовой	402
Список печатных трудов Е.Л. Рудницкой	406
Список печатных трудов В.В. Крылова (подг. <i>Е.В. Кичатова</i>)	412
Список печатных трудов В.В. Морозова	415

III. Публикации

Новонайденная жалованная грамота Ивана III и Василия III 1504 г. Спасскому Валаамскому монастырю (подг. <i>С.М. Капитанов, Е.Е. Матвеева</i> ; послесловие о. <i>Онуфрия</i> , Спасо-Валаамский монастырь)	419
Автобиография Ионы Соловецкого (1562–1621) (подг. <i>Б.Н. Морозов</i>)	447
Об архивно-археологической деятельности Д.Я. Самоквасова, И.Я. Стеллецкого, В.К. Клейна (подг. <i>Л.И. Шохин</i>)	453
М.Н. Тихомиров на рабфаке при ВХУТЕМАС (подг. <i>Ю.Б. Живцов</i>)	459
Об Иване Анафасьевиче Бычкове (воспоминания Т.В. Никольской) (подг. <i>Л.Б. Вольфцун</i> , Санкт-Петербург)	462
Малоизвестная статья П.Н. Милюкова 1939 г. о работе А. Мазона “Слово о полку Игореве” (подг. <i>Д.М. Шаховской</i> , Париж)	467

IV. Хроника

<i>Н.Г. Черепанова.</i> Деятельность Археографической комиссии в 2000 г.	474
Новые издания Археографической комиссии (1999–2000)	475
<i>Т.В. Лохина.</i> Новый электронный журнал по отечественной истории XVIII–XIX вв.	479
<i>Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц.</i> Юбилей О.А. Князевской	480
<i>В.А. Черных.</i> “Отечественная культура и развитие краеведения” (Всероссийская научная конференция в Пензе)	481
<i>Б.Н. Морозов.</i> Чтения, посвященные 200-летию первого издания “Слова о полку Игореве”	482
<i>А.Н. Акиншин</i> (Воронеж). 200-летие воронежского краеведения	483
<i>Н.А. Кобяк.</i> Первые Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге. Международная научная конференция “Христианство и древнерусская литература”	485
<i>П.Ю. Грузных</i> (Иркутск), <i>Д.Я. Майдачевский</i> (Иркутск). Краеведение “Золотого десятилетия” как историко-культурный феномен (о конференции в Иркутске)	489
<i>А.В. Мельников.</i> Юбилей кружка источниковедения Историко-архивного института РГГУ	490
<i>С.О. Шмидт.</i> Юбилей московеда. 90 лет В.В. Сорокину	492
<i>Р.Б. Казаков.</i> К юбилею Е.И. Каменцевой	493
<i>В.А. Саблин</i> (Вологда). Юбилей А.В. Камкина	495
<i>А.А. Турилов.</i> Мария Георгиевна Гальченко (1963–2000)	497
<i>А.А. Турилов.</i> Николай Борисович Тихомиров (1927–2000)	500
<i>Е.О. Ларионова</i> (Санкт-Петербург). Вадим Эразмович Вацуро (1935–2000)	504
Список сокращений	506

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2000 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории РАН*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Н.И. Демидова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 09.10.2001
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 41,6. Усл.кр.-отг. 41,6. Уч.-изд.л. 48,0
Тираж 610 экз. Тип. зак. 4372

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008728-9

9 785020 087286

12861

АРХЕОГРА
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2000